

А. ЗИНОВЬЕВ

АЛЕКСАНДР ЗИНОВЬЕВ

В ПРЕДДВЕРИИ РАЯ

В ПРЕДДВЕРИИ РАЯ

L'AGE D'HOMME

L'AGE D'HOMME

В ПРЕДДВЕРИИ РАЯ

АЛЕКСАНДР ЗИНОВЬЕВ

В ПРЕДДВЕРИИ РАЯ

L'AGE D'HOMME

О ЧЕМ БУДЕТ РЕЧЬ

О чём пойдёт речь в этой книге? Честно признаюсь, я и сам толком не знаю. Определённо могу сказать лишь о намерении своём: рассказать, как прекрасна наша земля и как хорошо на ней жить. А как осуществится оно, это не в моей власти. Чепуха, думаете? А разве, например, проектируя новый прекрасный дом, люди проектируют в нём клопов, тараканов, неисправные краны и склочных соседей? А эти прелести все-таки заводятся. Сами собой заводятся. Самопроизвольно. Как говорят наши философы, имманентно или даже спонтанно. Вот ещё вам пример. Разве думали наши классики, создавая самое передовое философское учение, что в него, как клопы и склочные соседи в новый дом, проберутся словечки «имманентно» и «спонтанно»? Не наши словечки! Классики наверняка хотели сказать «изнутри» или «изнутри». Я таких примерчиков могу вам воз привести.

Вот в «Евангелии от Ивана» /что это такое, расскажу при случае/ на одной странице сказано:

Нас матери лаской недолго дарили.
Отцы по-серьёзному не говорили.
Любить не пришлось в короткие ночи.
И вовсе не жили мы, скажем короче.

А нам этой ласки по горло хватило.
От тех разговоров премудрых мутило.
И тайно встречаться нам было обычно.
И многое прочее было привычно.

Досталась , ребята, нам разная доля.
Одим — пуля в спину, другим — свет и воля.
Одних даже память навеки истлела.
Других не тягают порой и за дело.

А время, ребята, безудержно мчится.
И встретиться нам никогда не случится.
Но будут другие. Мы встанем из тленья.
Они нас сочтут за одно поколение.

Прочитаешь вот такое. Настроишься на торжественно-грустный лад. Слезу приготавлишь пустить. И бац! На следующей странице читаешь:

Вот придёт желанная пора.
И завоюем дружно мы «ура»
До усеру наедемся.
До отёка отоспимся
Остальное, братцы, всё мура.
Да, да.
Отожрёмся до икоты.
Отоспимся до зевоты.
Остальное, повторяю, всё мура.

И попробуйте запретить им такие штучки. Кому это им? Людям, конечно. Не начальству же и его холоуям. Этим запрещать ничего не надо. Они сами на том стоят. А я с теми, т. е. с людьми. А людей, ребята, всё равно не законтолируешь насовсем. Они несмотря ни на что такие штучки начинают порой вытворять, что даже трёхэтажным выразиться хочется. Одним словом, как сказано все в том же «Евангелии»:

Не мог бы даже сам Спаситель
Предвидеть мудростью своей
Про мне суженый вытрезвитель,
Про номер на ноге моей.

И еще я признаюсь в том, что в книге будет много скучных мест. Но не спешите пропускать их, ибо настоящее веселие приходит тогда, когда поймёшь.

Москва. 1977.

НАЧАЛА ВСЕГО

Города

Почти все города Страны называются по имени ныне /и такое впечатление, что отныне и навеки/ здравствующего Вождя. Вождянск, Вождеград, Вождегорск, Вождейск, Вождяйск, Вождюйск, Вождятка, Вождица, Вождеасы, Вождеасы, Вождекызылоглы, Вождеата, Вождерадзе, Вождешвили, Вождекурулхуарлы... Каких только городов нет в Стране! Есть даже Вожделенск, Вождесенск, Всевождьдвиженск... Есть даже Вождегдан и Вождельма. Сколько в Стране разных городов!! Но, как сказано в стихотворении одного великого национального поэта Вождеясыкской Автономной области,

И куды ты не прешшь,
В жар или в холод,
Стар или молод,
В сыть или в голод,
В сушь или в дождь,
Ты всегда прийдешшь
В город Вождьшь!

Порывы

Когда сотрудника столичного учреждения посылают в командировку в один из бесчисленных Вождеградов, Вождегорсков и т.п., он сам и посылающие его инстанции никогда заранее не знают, в каком именно из них он окажется на самом деле. Да это и знать совсем ни к чему. Зачем зря разводить бюрократическую волокиту и заси... — прошу прощения — забивать мозги всякими пустяками?! Они и без того забиты до такой степени, что еще одному пустяку там уж поместиться совсем негде. А сотруднику еще предстоит сдать зачет в Вечернем Университете Марксизма-Ленинизма по последней /но далеко не последней/ речи Вождя. К тому же в любом Вождянске, Вождяйске и т.п. есть такое учреждение, в которое посылается столичный сотрудник, а в том учреждении есть такая наболевшая проблема, решать которую посылается сотрудник, или такое же средство решения столичной проблемы, за которым посылается все тот же или любой иной сотрудник. И вообще, совсем не играет роли, этот ли сотрудник посылается, да и посылается ли он вообще. Как сказал все тот же /а может, и другой, не все ли равно?!/ великий поэт в стихах, посвященных последней /но опять-таки, отнюдь не последней!/ речи Вождя :

Мы ршаем все один задачка,
Читобы не был миравая драчка.

Выписав положенные документы и получив аванс, Командировочный немедленно направляется в ближайшую забегаловку, хватает без закуски стакан все

равно какой дряни /лишь бы градусы были!/ и мчится на вокзал покупать билет. Суется, естественно, в окошко, где народу нет. Ты что, неграмотный, орет на него возмущенная кассирша. Здесь же бронь! Ну и народ пошел! Получив от ворот поворот, Командировочный становится в длинную очередь. Но не в самую длинную, а в ту, что покороче. В самую длинную становиться бессмысленно, все равно не достоинься. Заняв очередь в очереди покороче /она как раз для командировочных, вот удача!/, т.е. спросив, кто последний, сказав, что он «за вами», сказав вновь пришедшему, что он последний, узнав у вновь пришедшего, что тот будет стоять, сказав ему, что он намерен на минутку отлучиться, в общем — проделав все, что положено делать привычному стояльщику в очередях, Командировочный мчится в ближайшую забегаловку, берёт стакан все равно какой дряни /лишь бы градусы были!/ и выпивает его опять-таки без закуски. Без закуски не от бедности и жадности, — слава богу, на конфетку-то денег хватило бы, да и не жалко вовсе, — а чтобы градусы зря не пропадали. Они, градусы то есть, счет любят! Как сказано в «Евангелии от Ивана» :

Чтобы тебе стало жить интересней,
К жидкости с градусом нежно прильни,
Таким закушай иль грустною песней.
В случае крайнем — Их матом пульни.

Простояв после этого два часа, так и не излив никому душу /а потребность в этом уже назрела; а очередь совсем неподходящее место для этого/, Командировочный чуть не целиком влезает в окно кассы, суя мятые рубли свирепой старой кассирше, которую он ласково называет «девушкой». Куда тебе? обрывает его ледяной голос «девушки». Тебя русским языком спрашивают, куда? Гражданин, слышится сзади голоса из очереди, не задерживайте очередь! Вы же не один! Безобразие!! Мне в Вожде..., начинает лепетать растерявшийся Командировочный. Говорите яснее, чеканит кассирша. Вас не поймёшь. Что вам нужно? В какой Вожде...? Прекратите это безобразие, кричат сзади в очереди. Вождеград или Вождегорск, режет кассирша, наслаждаясь своим явным превосходством над Командировочным /интеллигент, небось!/ Какой Вождюйск? Их несколько. В Вождеславской области или в ... О, господи, бормочет Командировочный. Дайте в любой. Хоть в Вождебург. Не морочьте мне голову, кричит кассирша. Вождебург во Франции или в Англии. А может быть, и в Чили. Если вы иностранец, так идите в «Метрополь». Следующий!!...Ppp-r-r-брр-аа-уу-жж-зз...,грохочет, шипит и гудит очередь. Позвать милиционера! Хулиган!! Что вы, чуть не плачет Командировочный. Какой я иностранец?! Да разве я позволю себе что-нибудь подобное! Я же член... Мне же в ... Все билеты уже проданы, говорит кассирша более миролюбиво. Вот остался один в Вождедырбулвычегодск. Берете?...

Схватив билет, Командировочный чешет домой, кидает в драный чемодан всякое барахлишко и мчит на вокзал, хõтя до отхода поезда еще два часа. Он знает, зачем он мчит на вокзал за два часа : на вокзале есть ресторан! Вот он, родимый. Ради такого момента можно ехать хоть в Вождетьмутараканск. Жизнь прекрасна! Это место свободно? Очень хорошо! Не возражаете? Позвольте!.. Вам куда, если не секрет? В Вождеисыккурдюк? Ха-ха! Так мне же тоже туда! Ну, за успех нашего общего дела! Как говорится, чтобы все они сдохли! Помните, в «Евангелии от Ивана» сказано :

Слезы, ребята, утрите.
Нигде это нам не зачтется.
Лучше стаканы берите
И пейте пока еще пьется.

Дороги

А время летит. Событьельники позабыли про свои командировки, излили друг другу свои души, просядлив чуть не половину командировочных денег. Ресторан закрывают. И тут только они вспоминают, зачем они здесь, залезают в первый подвернувшийся поезд, идущий в Вождеславль, и мирно засыпают на багажных полках, куда их общими усилиями водрузили подобревшие пассажиры. Ворвавшись в вагоны и захватив положенные места, русские люди становятся теми самыми добрыми русскими людьми, какими их до сих пор по наивности считают на Западе.

Проспав кучу Вождеградов и Вождегорсков, наш Командировочный поутру отправляется в вагон-ресторан, если таковой имеется в поезде, или скидывается на бутылку с соседями, каковые всегда имеются в изобилии в каждом поезде, в каждом вагоне, в каждом купе. Вчерашний событьельник забыт, — он уехал в другом направлении. Новые событьельники тоже готовы раскрыть ему свои души, — рассказать, что им приходится жрать /мяса нет, за молоком очередь до рассвета, колбасу не нюхаем/, как и с кем спать, что носить, рассказать, какое у них сволочное начальство /сами, б...и, жрут всю, квартирки отхватили, дачки отгрохали!/, как трудно теперь с ребяташками... И готов наш Командировочный ехать так бесконечно, если бы не безжалостный проводник. Холодной сылкой ночью он вытряхивает бесчувственного Командировочного на первой же остановке. И что удивительнее всего, он оказывается именно там, где ему нужно быть. Вождянск, читает ошалевший Командировочный, оставшись один под моросящим дождем на пустынном перроне. И как сказано в «Евангелии»,

Если не держат усталые ноги,
Если покажется, выхода нет,
Не торопись, подумай немного.
Вдруг обнаружится рядом буфет!

И он направился в вокзальный буфет.

Судьбы

И тут к нему подходит существо не иначе как из иного мира. Вы, товарищ, из Столицы, спрашивает существо голосом, явно попахивающим портвейном... да конечно, портвейном «Три семерки»!.. Боже мой, неужели здесь еще «Три семерки» продают?!.. Мне велено вас встретить, говорит существо. И устроить в гостиницу. Может быть, сначала в буфет заглянем? Не беспокойтесь, я угошаю. Ну, с приездом!

И за всю историю Страны еще не было случая, чтобы человек в таких ситуациях попал не туда, куда следует; или куда не следует. Ибо он — наш человек. А если он не наш, то он попадает именно туда, куда следует.

— А ты, собственно говоря, к кому прибыл? — спросил Встречающий после третьей стопки.

— В «Кибернетику», — сказал Командировочный. — А кормят у вас тут х..во.

— Что еще за «Кибернетика», — удивился Встречающий. — Разве ты не в «Разинку»?

— Что еще за «Разинка», — в свою очередь удивился Командировочный.

— Сумасшедший дом. А ты разве не...

— Не... А ты разве не...

— Не... Ну, да ... с ним! Давай еще по одной, а там видно будет. Гостиница у нас, брат, отличная. В одном доме с вытрезвителем. Очень удобно. В случае чего

мигом в чувство приведут. А на «Кибернетику» плюнь. Да у нас в городе никакой «Кибернетики» нет. Я тебе завтра все растолкую, что к чему. Ну, твое здоровье!

Потом они шли, обнявшись, через весь город и изливали друг другу души. И пели бог весть кем и для чего сочиненную песню.

А ты катися, милая!
Отышу не гордую.
И не такую хилую.
И с терпимой мордою.

На перекрестке улицы имени товарища Сусликова и проспекта Клары Цыцкиной их остановил милиционер. Проверив документы, он сказал им, что идут они совсем не в ту сторону. А в какую надо, он сам не знает, так как недавно окончил школу и еще не привык. Захватив с собой постового, они вернулись в станционный буфет, который к тому времени уже закрылся, достали за двойную цену у швейцара поллитровку и раздавили ее из горла прямо в скверике перед вокзалом. Очнулся Командировочный под утро на незнакомом пустыре. Его трясло от холода и перепоя. Ни денег, ни документов, ни чемодана. Даже часы сняли, сволочи. И конечно же никакого Встречающего. Первая мысль, мелькнувшая в его пробуждающемся сознании, была мысль о том, что опять о его приключениях напишут на работу и опять будут неприятности. Он полез в «загашник», где у него было кое-что припрятано от жены и на всякий случай. Живем, братцы, еще не все потеряно!

И он побрел на поиски какой-нибудь забегаловки, твердя сквозь слезы обиды прекрасные строки из «Евангелия»:

Напрасно на нас, словно зверь, ополчилось
Наше прекрасное трезвое общество.
Полвека промчалось. А что получилось?
С чего оно начало, там же и топчется.

Нас крыли в комиссиях. Били в милиции.
С трибуны высокой грозили правители.
А мы устояли, не сдали позиции.
Мы клали с прибором на их вытрезвители.

Чтоб строить грядущее им не мешали мы,
Рефлексы по Павлову выправить тщились.
И все ж по звонку перегаром дышали мы,
А не слюною, не зря ж мы учились.

Уколы кололи. Пугали психичками.
Даже пытались ввести облучения.
И само собой, нас до одури пичкали
Прекрасными сказками Маркса учения.

Но пусть эта муть хоть столетие тянется.
Нас не согнуть никакой тягомотиной.
Друзья алкаши! Собутыльники! Пьяницы!
Зарю человечества встретим блевотиной!

Иначе строители нового рьяные
Во имя прогресса совсем перебесятся.
И трезвые даже, не то что мы, пьяные,
Завоют с тоски и от скуки повесятся.

ЗАМЕТКИ О КОММУНИЗМЕ

Учитель

Учитель стар, измят и сморщен. На его серой, заурядной физиономии можно прочесть всю занудную жизнь, которую он провел в стенах этого учреждения, в тесном общественном транспорте, в очередях, в кровати с такой же серой и сморщенной от плохого питания женой, изредка в доме отдыха по соцстраховской путевке со скидкой, выданной в награду за самоотверженный труд на благо и во имя. В связи с шестидесятилетием Учитель награжден медалью «За доблестный труд». Как человек скромный и бережливый, он носит медаль только по праздникам или когда надо взять без очереди полкило масла, — после мартовского пленума Высшего Совета Партии /ВСП/, принявшего решение об увеличении производства продуктов питания, в одни руки больше полкило не отпускали. Конечно, медаль не давала права получать продукты без очереди, но все знали, что со старпёрами, носящими медали, лучше не связываться. Заедят. И Учитель об этом тоже знал. Хотя от природы он был человеком несклочным, нацепив медаль, он старался соответствовать общественному мнению. И у него это получалось не хуже, чем у старпёров того же рода.

Ученик

Если при описании Учителя невозможно сказать, как он одет, в отношении Ученика поддается описанию только его одежда. Ученик одет в модную «заграничную» куртку. Куртка называется заграничной потому, что куплена втридорога у спекулянтов. По нормальной цене такие куртки продаются лишь в закрытых магазинах и за особые деньги, выдаваемые лишь номенклатурным работникам. Собственно говоря, слово «деньги» здесь имеет смысл лишь языковой традиции, как сказал Вождь Партии в речи по поводу принятия шкалы расчетных талонов — «денег». Ученик, как и Учитель, получал деньги низшего ранга. И за куртку ему пришлось уплатить почти трехмесячную зарплату. Ученик озабочен и невнимательно слушает то, что говорит ему Учитель. Он недавно женился. Пришлось, так уж глупо сложились обстоятельства. Если бы не женился, то наверняка было бы персональное дело в Союзе Коммунистической Молодежи (СКМ), и тогда зацепиться за Столицу вряд ли удалось бы. Родители Ученика и его жены не хотят, чтобы они жили с ними вместе. Их можно понять: теснота. Но и снимать комнату в условиях теперешней временной /что-то эта временность затягивается уже на пятый год!/ дороговизны и жилищного кризиса немислимо. Тем более, что имелись строгости на этот счет, и не так-то просто снять комнатушку, разве что на окраине или совсем за городом. А это значит три-четыре часа на транспорт в день. Ученик лихорадочно думает, куда бы бежать из этой «крысиной норы», где ему дали бы комнату. Но бежать некуда. Ему и сюда-то удалось устроиться с большим трудом, лишь после того, как он подписал согласие быть нештатным осведомителем Органов Государственной Безопасности /ОГБ/.

Что за жизнь, думает Ученик. Два молодых человека с университетским образованием еле зарабатывают на нишенское существование, обречены угробить всю жизнь только на то, чтобы получить в старости уже ненужную малюсенькую квартиру и медаль. И это коммунизм?! Да заткнись ты, старый марзematik!

Посвящение

Много лет тому назад, бубнит Учитель, работал здесь один не в меру любознательный сотрудник. Он стал собирать рукописи душевнобольных и хранить их дома. Собрал огромную по тем временам коллекцию. И увлекся этими рукописями до такой степени, что однажды заявил, будто здравые мысли он находит только в них. Сотрудника, конечно, арестовали. Подловили на каком-то пустяке. Кажется, рецепт на копейное лекарство подправил. Но повод был законный вполне. Коллекцию рукописей уничтожили. Разыскали всех живых авторов рукописей и изолировали. Но потом возникла идея создания законного хранилища такого рода. И вот за двадцать лет мы накопили гигантскую библиотеку уникальных рукописей. Какова цель этого хранилища? Судя по огромному числу рукописей, поступающих к нам, и по их содержанию, общество напряженно думает о себе, причем — в нежелательном направлении. А сколько таких думальщиков остается невыявленными? Наша задача не просто изъятие выявленных рукописей и изоляция их авторов, но исключение самой возможности их появления, т.е. профилактика. А для этого надо научно изучить причины появления людей такого рода, их опознавательные признаки, методы их лечения. Чем раньше мы распознаем начало заболевания и его характер, тем больше шансов, что мы сохраним для общества здорового гражданина, а само общество охраним от влияния больного. Кроме того, в некоторых рукописях обнаруживаются вполне здравые идеи и результаты размышлений. Мы должны выявить их и передать в распоряжение Объединенной Академии Наук /ОАН/, где они распределяются среди ведущих ученых страны или готовятся для распределения среди руководящих лиц партии и правительства.

Каковы ваши обязанности ? Для начала вот ваше задание. Здесь собраны материалы, условно названные словом «Затяя». Вы должны произвести первичную обработку их, точнее — изучить их, упорядочить в систему, какая вам покажется более целесообразной, составить общий обзор и дать суммарную оценку.

Учитель ушел. Ученик тоскливо оглядел стеллажи с рукописями, выругался и вытащил наугад небольшую папку, на которой красными буквами было написано : «Заметки о коммунизме». Ого, подумал Ученик, посмотрим, что думают о коммунизме психи и идиоты. Что думают нормальные люди и гении, нам уже известно. Но как он на это решился? Ведь согласно первой статье Социального Кодекса /СК/ это есть тягчайшее преступление, караемое высшей мерой...

Предисловие

Я пишу эту работу не из тщеславия, а из чувства ответственности. Я не отвергаю объективные законы общества. Но я знаю, что судьба человечества зависит и от того, как думаем и поступаем мы, живущие теперь. Когда на нас обрушиваются потоки пропагандистских помоев и демагогии, тем самым определенного сорта люди творят историю, которая удобна и всегда выгодна им. Так почему же люди, думающие иначе, не могут противопоставить этому свои размышления? Я знаю, что согласно СК исследование общества есть неотъемлемая и нераздельная прерогатива ВСП, что лица, занимающиеся изучением общества без ведома и санкции ВСП, совершают тягчайшее преступление. Я знаю это. И знаю, чем для меня кончится моя попытка. И все же я не могу поступить иначе.

Замечание Ученика

Типичный случай социомании, подумал Ученик. Пожизненное заключение в психиатрическом изоляторе /ПИ/ первой категории с лишением индивидуальной судьбы и даже собственного имени. Впрочем, потеря не так уж велика. В нашем обществе индивидуализированные характеристики людей и событий имеют не больше смысла, чем индивидуализированные описания клопов, вшей, тараканов, крыс, муравьев. Всякая индивидуализация в применении к нам есть преступление, болезнь, ложь. Каково звучит?! Ты, брат, сам с первого же шага своей служебной карьеры начинаешь свихиваться.

Ученик вспомнил, как при поступлении сюда ему в отделе кадров сказали, что бытовая и социальная шизофрения очень заразительны и что каждый год сотрудники проходят специальную профилактическую диспансеризацию.

Схема эволюции общества

Официальная схема эволюции общества создавалась так. В историческом процессе из разных его мест и эпох вырывались отдельные куски. Они отбирались по определенным критериям и располагались в умозрительный упорядоченный ряд. Последний рассматривался как закономерные этапы развития общества. Критерии отбора фрагментов истории были изобретены с таким расчетом, чтобы представить наше общество высшим продуктом истории. Эта схема ложна хотя бы уже потому, что разбросанные в пространстве и времени куски истории не являются историей чего-то одного, как бы эти куски ни упорядочивались теоретиками. Здесь упорядоченный ряд возможных состояний различных обществ изображается как последовательные этапы одного и того же общества.

Само выражение «человеческое общество» двусмысленно. Оно обозначает как отдельные человеческие объединения, так и всю совокупность живущих на Земле людей. А между тем имеет место весьма существенное различие в ориентации исследования в обоих случаях, в его методах и результатах. Я слово «общество» буду употреблять лишь в первом смысле. Во втором же смысле я буду употреблять слово «человечество». История человечества есть история возникновения, существования, изменения, распада и т.д. обществ. Последние различаются по многим признакам /как и виды животных/ — по типу и числу людей, по территории. Они сосуществуют в пространстве, сменяют друг друга во времени, взаимодействуют, проникают друг в друга, объединяются, распадаются и т.д. Короче говоря, это — мешанина, в которой не всегда можно выделить «чистые», целостные и законченные формы, в отличие от видов животных, где это дано в непосредственном наблюдении. Но довольно часто это возможно. Наука и человеческая память зафиксировали многочисленные примеры четко оформленных обществ. В наше время факт существования таких обществ, несмотря на процессы интеграции и колонизации, не вызывает сомнения.

Человеческое общество есть скопление более или менее большого числа людей, объединенных в некоторое относительно замкнутое целое. Оно достаточно долго сохраняется в этой целостности и замкнутости, воспроизводится в некоторых существенных чертах. Это — эмпирически данный факт. И тут строгие определения так же бессмысленны, как в случае с индивидами, видами, стаями и т.п. животных. Строгие понятия должны вводиться уже для изучения общества как данности, а не для выделения его в качестве такой данности.

Само собой разумеется, мой анализ будет ориентироваться на современные жизнеспособные и сравнительно автономные /с точки зрения основных жизненных процессов/ общества, имеющие историческую перспективу или по крайней мере претензию на таковую.

Если данное общество существует достаточно долго, то сам факт его существования говорит о том, что в нем сложилась устойчивая система воспроизводства данной формы жизни, — система отношений между людьми, воспроизводства определенного человеческого материала, сохраняющего именно такой строй жизни. В процессе своей жизни это общество создает, поддерживает и эксплуатирует определенную систему орудий труда, навыков, понимания окружающей действительности, обучения, одежды, жилья, развлечения и т. д. Упомынутая выше система социальных отношений между людьми и всё искусственно созданное в этих рамках для поддержания именно такой формы жизни образуют определенную цивилизацию данного общества, специфически исторический тип общества. Выделение этого аспекта жизни человечества, т. е. типов цивилизаций, их сравнительных характеристик и взаимоотношений, есть выделение того, что можно назвать социальной историей человечества, или историей цивилизации. Это — лишь абстракция от истории человечества, а не вся история.

Сама по себе идея выделить типы цивилизаций, ввести критерии их сравнения, расположить их по этим критериям в упорядоченный ряд «от низшего к высшему» ничего дурного в себе не содержит, если полученный при этом абстрактный ряд не рассматривается как некий объективный закон развития общества. С научной точки зрения здесь правомерно лишь следующее. Можно дать описание типа цивилизации данного общества, выявить законы функционирования цивилизации этого типа, выявить общие законы всякой цивилизации. Можно установить законы развития общества в рамках цивилизации данного типа и некоторые общие законы такого рода в рамках любой цивилизации. Но не существует никаких законов превращения одного типа цивилизации в другой. Не существует в самой нашей способности научного изучения общества, в силу определенных понятий и методов абстракции, без которых невозможна наука. Не существует /если уж непременно нужны образные иллюстрации/ подобно тому, как нет законов превращения мух в слонов, слонов в лошадей и коров, кроликов в львов и тараканов и т. п. На самом деле происходит живой исторический процесс, в котором распадаются одни человеческие объединения и на их месте образуются другие, которые создают, возможно, другой тип цивилизации сравнительно с тем, какой имел место в предшествующем человеческом объединении. Но это не есть превращение одного типа цивилизации в другой. Например, когда рухнула Российская империя, на ее месте образовалась новая человеческая общность. Но она сложилась не по неким мистическим законам перехода от одной общественной формации к другой, более высокого уровня, а по законам складывания больших человеческих объединений в тех исторически данных условиях. И тот факт, что при этом сложилось общество, весьма далекое от прекраснотушных идеалов классиков марксизма, дает тому убедительное подтверждение. Эти идеалы дали лишь словесный материал для идеологии этого общества.

Сравнивая различные типы цивилизаций, можно заметить, что общества с одним типом цивилизации по каким-то признакам превосходят общества с другим типом цивилизации, и говорить о прогрессе в этом смысле. Можно выяснить, благодаря чему в том или ином случае был прогресс, или что нужно, чтобы произошел прогресс в таком-то отношении. Однако в природе вещей вообще, и в природе общества — в частности, не заложено никакой необходимости и закономерности прогресса. Не заложено по той простой причине, что таковы свойства всех сравнительных понятий, т. е. в силу правил логики сравнения и теории определения понятий. Просто говорить о такой необходимости и закономерности есть показатель логической безграмотности и полной научной несостоятельности с точки зрения понятийного аппарата науки. Прогресс, о котором идет речь,

возможен, раз известны факты такого рода /все существующее возможно/. Но он не необходим, ибо не все существующее необходимо. Его может и не быть, на что имеются столь же бесспорные факты. Раз есть случаи, когда прогресс не происходит, логически бесспорно, что он не является необходимым. Если прогресс произошел, значит, так сложились индивидуальные исторические обстоятельства, что в данном фрагменте природы произошли такие-то изменения. Лишь сравнивая полученный результат с предшествующим по выбранным критериям, мы можем говорить о прогрессе /или об отсутствии такового/. Слово «прогресс» есть оценочное понятие, предполагающее субъективную операцию сравнения различных состояний природы во времени.

Иное дело — исследование данного общества. Изучив сложившуюся в нем цивилизацию, можно по общим правилам науки выявить необходимые и закономерные тенденции этого общества. Подчеркиваю, выявить тенденции, а не предсказать конкретные исторические события более или менее отдаленного будущего. Такого рода предсказания означают совсем иной тип исследования, иную ориентацию внимания науки, использование иных ее средств.

Беседа с учителем

Я не вижу в этом сочинении никаких признаков психического заболевания, сказал Ученик. Но вы же знаете, сказал Учитель, что согласно СК сам факт написания такой рукописи есть преступление независимо от ее содержания. Специальная комиссия решила в качестве меры пресечения признать автора психически больным высшей категории. Так что теперь уже невозможно установить, кто был автор этой рукописи. С такими случаями Вам теперь придется сталкиваться довольно часто. Но ведь строй мыслей зависит от особенностей человека, возразил Ученик. Нет, сказал Учитель. Вот, например, некто А получил орден второй /!/ категории. Как Вы расцениваете этот случай? Как радостное событие для А, сказал Ученик. А он покончил с собой, сказал Учитель. Почему? Он рассчитывал на орден первой категории и расценил свою награду как признак предстоящего понижения. Мы имеем дело с невременными и неситуационными признаками социальных заболеваний. Но если Вы хотите в интересах дела вообще познакомиться с контингентом излечиваемых и методами лечения, я дам Вам направление в клинику. Но уверяю Вас, Вы будете разочарованы. Интерес представляют только тексты, обезличенные тексты как таковые.

Общие законы цивилизации

Не следует думать, будто открытие законов всегда связано с длительными наблюдениями, с измерениями и вычислениями, с использованием сложных приборов и т. п. Иногда открытие законов выражается лишь в том, что человек обращает внимание на нечто простое и замечает важность этого обстоятельства для понимания более или менее широкого класса явлений. Именно таковы общие законы цивилизации. Вот предельно краткий их очерк.

Время, в течение которого складывается и определяется тип цивилизации в данном человеческом объединении, сравнительно с историческим временем настолько мало, что его можно принять за историческое «мгновение». Если в обществе складывается данный тип цивилизации, то происходит это «сразу». В противном случае опыт не удастся. Люди не успевают сообразить, что же именно сложилось, как формирование типа их цивилизации в основных чертах оказывается завершенным. Потом начинается ее жизнь с некоторыми доделками, перделками и т. п., не меняющими ее сущности. И наивно рассчитывать на то, что государственные реформаторы и оппозиционные движения могут изменить тип

цивилизации. Они могут улучшить или ухудшить жизнь людей в данном обществе с данной цивилизацией, способствовать его крушению или укреплению и т. д. Но тип цивилизации незыблем, он складывается «раз и навсегда», — таков второй закон формирования цивилизации. Когда приводят примеры якобы меняющихся цивилизаций, фактически приводят примеры уродливых, больных и т. п., а не нормальных обществ с данной цивилизацией, а также примеры изменений в обществе в целом, а не типов цивилизаций этих изменяющихся обществ.

Чем дольше существует общество с цивилизацией данного типа, тем труднее изменить цивилизацию с данным человеческим материалом и исторически сложившимися условиями его бытия. Попытки изменения обычно кончаются распадом данной общности людей /носительницы цивилизации/ или возвратом в прежнее состояние с некоторыми изменениями, учитывающими изменившиеся условия жизни. Например, меняются названия чиновников и карательных органов, меняется их число и уровень жизни т. п. При всяких нарушениях нормального образа жизни общество стремится восстановить свой тип цивилизации — «традиционный строй жизни». Когда распадается данная человеческая общность и рушится созданная ею цивилизация, а на месте развалин из того же человеческого материала и обломков старого общества создается новая общность и какая-то цивилизация, то последняя либо оказывается восстановлением прежней и ее продолжением, либо максимально близкой к прежней в наиболее фундаментальных признаках. Например, сложившийся у нас после революции социальный строй во многом является воспроизведением крепостнического строя столетней давности. Во всяком случае, новая цивилизация оказывается близкой к предшествующей.

Цивилизация может быть разрушена путем разрушения самого общества, которое ее установило и сохраняет, т. е. является ее носителем. Это значит, что она может быть разрушена только под ударами извне. Поэтому стремление наших властей оградить наше общество от внешних влияний «железным занавесом» не есть нечто случайное и чисто субъективное.

Каждый народ имеет преимущественную предрасположенность к цивилизации определенного типа. И если ему предоставляется историческая возможность имманентно развить некоторый тип цивилизации, он развивает этот свой преимущественный тип. Причем, такая «удача» выпадает на его долю лишь один раз в истории.

Каждая цивилизация имеет свои специфические параметры /константы, коэффициенты, степени/, характеризующие все существенные стороны жизни общества, — производительность труда, степени свободы, степени вознаграждения, степени паразитизма, коэффициенты системности, коэффициенты иерархичности и т. п. Имеются определенные границы, в которых колеблются соответствующие величины. Так что каждая цивилизация несет в себе самой внутренние ограничения на возможности общества. И разговоры о беспредельном развитии и совершенствовании общества на базе коммунизма суть типичная безграмотная чушь. Например, с чисто технической точки зрения вроде бы нет предела росту производительности труда. Но при этом надо помнить о том, что технический аспект погружен в систему жизни общества, в которой каждый шаг обходится все дороже. Все технические достижения с лихвой перекрываются потерями на бюрократический аппарат, бесхозяйственность, волокиту, паразитизм, руководящую тупость и т. п. Установление данного типа цивилизации одновременно есть установление внутренних ограничителей на все жизненно важные показатели общества. Сейчас, например, у нас принято сваливать «временные трудности» на необходимость укрепления обороны, на «трудные погодные условия» и т. п. А между тем огромная армия начальства и всякого рода паразитов пожирает неизмеримо большую долю средств общества, заражая своим тупоумием,

цинизмом, корыстолюбием, ложью, безответственностью и т. п. все общество. Иногда у нас шутят : раньше мы считались отсталой сельско-хозяйственной страной сравнительно с Западом, а теперь превратились в отсталую индустриальную. В этой шутке есть доля истины. И произошла упомянутая перемена именно в силу внутренних ограничителей коммунистической организации общества.

Перекур

Чертовщина какая-то, подумал Ученик. Рехнуться можно. Он вспомнил было о понятии общественно-экономической формации, от которого его тошнило в университете. Но тут же сообразил, что оно характеризует определенный подход к пониманию общества, тогда как у автора рукописи речь идет о другом. А ну их к черту всех, сказал Ученик вслух и отправился в курительную комнату. Здесь было довольно много народу. Преобладали молодые женщины. Велась обычные разговоры о тряпках, продуктах, очередях. В одной группке рассказывали анекдоты и весело смеялись. Знаете, какое звание присвоили Секретарю по идеологии, спросила худенькая девушка. Главный гимнюк Страны! Ученик уже слышал эту шутку: Секретарь ВСП по идеологии был назначен председателем Чрезвычайной Комиссии По Созданию Нового Гимна Страны. Демагогия все это, услышал Ученик разговор в другой группке. В орде Чингис-хана безработицы тоже не было. И о детях, между прочим, тоже заботились. Эта страна помешана на проблемах, подумал Ученик. Тут все политики, социологи, моралисты, проповедники.

Ученик присоединился к двум парням из отдела математических методов в социальных исследованиях. Эти психи, сказал один из них, придумали у меня потрясающе простую модель. Чисто комбинаторную. И из нее, как дважды два четыре, ясно, что, начиная с некоторого числа элементов и некоторой степени их разнообразия, возможности создания из них некоторой целостной формы начинают сокращаться. В конце концов возможности комбинаторики сводятся к единице. Причем, последующее увеличение степени ее разнообразия делает систему избыточной. Мы проделали тысячи опытов. Теперь я берусь доказать чисто математически, что большие социальные системы, вроде нашего общества, могут организоваться в наше время одним единственным способом. Так что сам понимаешь... Здорово, сказал собеседник. Рассуждения гениев «научного коммунизма» теперь уж кажутся неубедительными. Так, может быть, с помощью психически больных удастся восстановить утраченную веру?!...

Естественность цивилизации

Цивилизацией называют не только то, о чем я говорил выше, но и то, что люди изображают с целью улучшить жизнь отдельного человека в рамках любой цивилизации в указанном выше смысле, а именно — религию, мораль, правовую защиту личности, духовное искусство и т. д. Эти изобретения общечеловечны и необходимым образом не связаны ни с каким типом цивилизации в употребляемом здесь смысле. Я буду называть эти изобретения людей гуманизацией, ограничив смысл слова «цивилизация» так, как было сказано выше.

Гуманизация является продуктом свободной воли людей, чистым изобретением и в этом смысле чем-то искусственным. Цивилизация же, в отличие от гуманизации, складывается естественно, сама собой, по некоторым принципам социальной комбинаторики. Конечно, образование ее точно так же есть дело самих людей. Но для себя и других люди при этом делают все, что угодно, только не тип своей цивилизации. Складывание цивилизации есть процесс, в котором миллиарды участвующих в нем элементов занимают наиболее удобную, естественную,

вероятную для них позицию. Мнение, будто наше общество создано по плану классиков и вождей, есть нелепейший предрассудок. Вожди либо планировали сделать нечто совсем иное, либо ловко использовали естественный процесс в своих эгоистических интересах. Они неслись на волне неподконтрольной социальной истории, воображая себя ее рулевыми. «Мудрость» вождей в таких случаях сопоставима с наивностью малолетних детей или самообольщением шизофреников.

Вот два любопытных примера для размышления. После революции в некоторых отдаленных от центра и изолированных друг от друга районах Страны, в которых не было ни одного члена Партии, быстро сложился такой же строй жизни, как в центре и в районах, находившихся под контролем центра. Почему это произошло? Сходный человеческий материал, сходные условия и возможности открыли простор для действия одних и тех же законов формирования цивилизации. Пример второй. Однажды власти решили организовать в районе Н образцовое коммунистическое общество /как они его понимали, конечно, согласно указаниям классиков/. Отобрали самых сознательных добровольцев членов Партии и Комсомола со всей Страны. Обеспечили их предметами потребления по тем временам в изобилии /«по потребностям»/. В общем — рай земной. Живи, трудись, раскрывай свои способности. Но уже через несколько месяцев там установился режим еще более жестокий, чем в остальной Стране. Нишета для одних /при реальном изобилии продуктов!!/ и избыток всего для привилегированных. Ужасающий террор. По газетам и фильмам там была благодать. А на деле — кошмар. Попытки бегства пресекались как своими силами, так и органами власти вне Н. Беглецов уничтожали без суда и следствия. Неизвестно, чем бы этот опыт закончился, если бы начальство не перегрызлось между собою в борьбе за власть. Их расстреляли по очереди как «врагов народа», а об Н просто перестали говорить как о «коммунистическом примере». Весь район превратили в концентрационные лагеря. Эту функцию он выполняет до сих пор.

Раздумья Ученика

Это все сказки, подумал Ученик. Типичный случай псевдодоказательства посредством вымышленных примеров. В свое время была целая эпидемия «разоблачения» случаев такого рода. Некоторые из них были настолько правдоподобны, что на них клюнули на Западе и подняли шумиху. Но что заставляет людей писать такие трактаты? Вот этот, например, графоман? Нет. Графоманы болтливы, а этот экономен в языке и щедр в мыслях — характерный признак патологического антикоммунизма. Наверно ночами не спал, ходил в рванье, ел что попало. А то и похуже того. И все-таки писал. Ведущие светила в этой области патосоциологии утверждают, что в таких случаях имеет место гипертрофия восприятия недостатков и иллюзии великого открытия. Но этот признает, что он — дилетант, что не располагал достаточными эмпирическими данными, что не претендует на открытие.

Сначала Ученик хотел заниматься патосексологией. Но вскоре убедился, что это не для него. Первый нездоровый интерес к этому делу был исчерпан и оказался не столь уж важным и значительным. Руководитель семинара по марксистско-ленинской философии, постоянно отмечавший выступления Ученика, посоветовал ему специализироваться по патосоциологии, а еще уже — по самой перспективной ее ветви, по патоантикоммунизму. Он записался на факультативный курс патосоциологии, который читал ученый с мировым именем, академик, лауреат и т. д. И на первых порах был потрясен. Потом он убедился в том, что все это было пустозвонство, как и обычные курсы марксизма, «научного коммунизма», философии. Но первичное восхищение все же сделало свое дело: он избрал патоантикоммунизм. Перспективы в этой области оказались не столь уж

блестящими, как сулили «старшие товарищи». Сюда устремились все проходимцы, лодыри, карьеристы, болтуны, демагоги и прочая мразь. И быстро захватили все наиболее выгодные позиции. Таким, как он, т. е. настоящим бескорыстным ученым, тут остались самые незавидные роли. В аспирантуру оставили всяких кретин, а его... Хорошо еще Органы помогли. А то пришлось бы быть экспертом по пьяной болтовне где-нибудь за Полярным кругом. Бр-р-р!...

Патоантикоммунизм, говорил тогда знаменитый Академик, стал одной из самых развитых наук современности. Об этом говорят хотя бы такие факты. Из пятисот Государственных премий, выданных в науке за последние два года, триста получили ученые, работающие в области патоантикоммунизма. Более трехсот человек защитили здесь докторские диссертации и более шестисот кандидатские. Сеть исследовательских учреждений... Специальные факультеты... Отделения при гуманитарных факультетах... Сеть специальных лечебных и профилактических заведений...

Все это действительно так, думал Ученик. Но мне-то что от этого? Не пойму в чем дело. У меня же все, в полном порядке. Происхождение. Национальность. Общественной работой занимался не меньше других. Даже избирался в комитет комсомола курса. Значит, кто-то настучал. Мало ли что приходилось болтать по пьянке, в турпоходе, в стройотряде, в очереди... Но разве я один болтал? Все болтали. И еще похлеще меня. Скорее всего сработало то самое выступление на заседании Научного Студенческого Общества /НСО/. Тогда я действительно увлекся и наговорил лишнего. Я тогда сказал, что не существует никакого особого механизма психических заболеваний для антикоммунистических разговоров и писаний. Кто-то из ребят тогда заметил, что я тем самым подсек под корень всю нашу великую науку патоантикоммунизма, объявил ее лженаукой, и что этого мне никогда не простят.

Основные характеристики типа цивилизации

Чтобы охарактеризовать тип цивилизации данного общества, надо рассмотреть такие аспекты общественной жизни: социальный, производственный, бытовой, духовный. А конкретнее говоря, надо установить по крайней мере такие его параметры: социальная и производственная /деловая/ ячейки общества, их внутренняя структура, отношения между людьми в них; взаимоотношения между ячейками; сверхклеточная дифференциация общества, — слои, органы, отрасли и т.п.; иерархия; система распределения; контрасты; привилегии; труд и вознаграждение; рабочее и свободное время; паразитизм; характер трат; бюрократизация; идеологизация; наука и техника; уровень интеллектуальности; творческое и заимствованное; духовное и бездуховное искусство; развлечения; военные расходы; соотношение внешней и внутренней активности; правовая защита личности; гласность; оппозиция; инакомыслие; образование; семья.

Все эти стороны жизни /я перечислил далеко не все/ так или иначе рассматриваются многочисленными исследованиями. Но в данном случае речь идет об особом способе их рассмотрения, т.е. об особом способе их анализа, измерения, установления более или менее стабильных величин, границ колебания этих величин и тенденций их изменения. С чисто научной точки зрения задача эта не так уж сложна. Она неразрешима лишь постольку, поскольку всякие попытки ее решения караются как преступление. Между прочим, одна из черт типа цивилизации — отношение общества к самопознанию. Например, принцип «раб есть говорящее орудие» характеризует рабовладельческое общество как позитивное с точки зрения самопознания, а принцип «забота о благосостоянии трудящихся есть основной закон нашего общества» есть показатель крайне враждебного общества к самопознанию.

В гостях

Сегодня мы идем в гости, сказала жена Ученика. Умойся, смени нижнее белье, а то от тебя несет за версту, носки смени. Ты же знаешь, что белье давно не стирано, сказал Ученик. Попроси свою мамочку, сказала Жена, она же все равно бездельничает. Она нездорова, сказал Ученик. Они все больны от безделья, сказала Жена.

Разговор происходит на кухне в присутствии мамочки. Та, как обычно в таких случаях, убежала в свою комнату пить сердечные лекарства. Но это была их обычная жизнь, и никто уже не принимает происходящее близко к сердцу. В том числе и сердечные приступы мамочки.

В гости пошли к сослуживцам Жены. Публика собралась тут обычная. Две-три супружеские пары. Остальные — холостяки, разведенные, женатые и замужние без второй /надовшей уже/ половины. Еда и выпивка тоже обычные. Один из гостей — пожилой лысый мужчина, судя по всему начальник. Или фигура. Пригладевшись, Ученик догадался, что это — нынешний любовник Жены. Он заметил, что Лысый является /или являлся/ любовником и других присутствующих женщин. Во всяком случае, Лысый разговаривал с женщинами так, будто он был в деталях осведомлен о их туалетах, нижнем белье, особенностях сложения и темпераментах. Типичный мужской вариант проституции, констатировал Ученик итоги своих наблюдений.

Нажравшись и надравшись /т.е. наевшись и напившись/, гости сдвинули столы и стали танцевать. Вернее, топтаться на месте и обниматься под дикую музыку, совершенно лишенную всех привычных атрибутов музыки. Все топтались как попало, но делали вид, будто музыка доставляет им удовольствие, будто они ее чувствуют и даже понимают. Жена танцевала /т.е. обнималась/ с Лысым. Ученик с удовлетворением констатировал, что у него начисто испарилось чувство ревности. Он вспомнил женщину, с которой начал встречаться в последнее время. Хотя сравнение ее с Женой было явно не в ее пользу, его потянуло к ней. Потом он пригляделся внимательнее к присутствующим незанятым женщинам и выделил миниатюрную блондиночку. Он кивнул ей, она кивнула в ответ. Они немножко потолкались, он сказал, что предпочел бы встретиться с нею в других условиях, она дала ему свой телефон, и они разошлись, делая вид, будто ничего не произошло.

Танцевать Ученик не любил. Он подсел к мужчине средних лет, который все время помалкивал и тоже не танцевал. Разговор, который затеял Ученик, почему-то коснулся криминалистики. Мужчину эта тема заинтересовала. Он разговорился. Никакой научной криминалистики у нас нет и быть не может, сказал он. Вернее, она есть, но для исключительных случаев, а не для массового употребления, как вообще все настоящее. Вот Вам пример. Один бдительный гражданин нашел в туалете на захудалой железнодорожной станции обрывок письма, в котором высказывались нехорошие слова о Вожде. Вот тут мы проявили чудеса криминалистики. Всю Страну на ноги подняли. Какую технику применили! И нашли - таки автора письма и того, кому оно было адресовано. А в обычных случаях нам никакая криминалистика не нужна. Но почему же, удивился Ученик. Где Вы живете, молодой человек, в свою очередь удивился Собеседник. Во-первых характер преступлений. Подавляющее большинство наших правонарушителей — обычные граждане, совершившие преступления либо случайно, либо в силу работы и жизни /у нас же нельзя шагу ступить, так или иначе не нарушая законов/, либо по неведению, по глупости и т. п. И раскрытие таких преступлений не требует никакой криминалистики. Они очевидны. Раскрытие их зависит не от способности наших органов порядка и правосудия раскрывать преступления, а от обстоятельств совсем иного рода. Ну, например, от санкций райкома или обкома Партии, от занятости милиции, от пропускной способности судов и т. п. Во-вторых, теоретически у нас

нет массовых преступлений /хотя между прочим, число заключенных у нас перевалило за пять миллионов!/. Мы не заинтересованы даже в том, чтобы фиксировать все преступления. Начни мы это делать, нам же по шапке дадут. Куда, мол, смотрите! Предупреждать надо! Опять же проблема раскрываемости. Премияльные, повышения. Так что первое дело, которое стремится сделать милиция, это по возможности исключить признание самого факта преступления. И в общем-то это не так уж плохо. Если бы у нас педантично фиксировали все случаи нарушения правопорядка, число заключенных у нас утроилось бы. В-третьих, следователи завалены делами. Сроки ограничены. Борьба за стопроцентную раскрываемость преступлений и все такое прочее. Наше положение зависит не от наших способностей раскрывать запутанные преступления, а от умения крутиться в нашей среде, имеющей какое-то отношение к преступлениям. Видите того рыжего парня? За ним сейчас более двадцати дел. К концу месяца он обязан их все завершить. Дела пустяковые. Но все-таки это дела людей. Судьбы. А он тоже человек. Одно из его дел ограбление квартиры. Можно найти грабителей? В принципе, конечно, можно. Но для этого он должен по крайней мере месяц только этим делом и заниматься. К тому же в банде грабителей могут оказаться сынки и дочери влиятельных лиц. Есть такие подозрения. Попробуй, копни! К тому же начнешь копать, и вечером схлопочешь удар бутылкой по голове. Или кирпичом. Выход? Склонить пострадавших прекратить дело. Сделать вид, будто никакого ограбления не было. На этом, кстати, можно неплохо подзаработать. Как? Очень просто. Допустим, у Вас ограбили квартиру. Вы заявляете. Милиция прежде всего наводит справки о Вас. Ага! Молодой, выпивает, с девочками водится, интеллигент. Наверняка вещи продал сам и инсценировал ограбление! Найти улики против Вас труда не стоит. Тут наша передовая «криминалистика» достигла выдающихся успехов. По части фальшивок мы большие мастера. И народ нам помогает всюю. Понемногу на Вас начинают жать, чтобы Вы забрали свое заявление об ограблении обратно. Вам надоела волокита. Забираете. Все равно грабителей не найдут и украденное не вернут. Теперь завести дело на Вас самого уже ничего не стоит. Пройдет пара недель, и Вам могут начать шить минимум пару лет. Понимаете? Этот Рыжий парень дошлый. Рублей пятьсот он на этой квартире возьмет наверняка. Как же так, возмущился Ученик, а где же справедливость? Вот чудак, рассмеялся Собеседник, это же обычное дело. Вы знаете, какая у него зарплата? У него жена, ребенок, старики родители. Надо квартиру покупать в кооперативе. А ограбленный — доцент. Не обедняет. Простого работягу он путать не стал бы. Ну, в крайнем случае на полсотни, не больше. Пойдем-как лучше поищем, может быть, осталось что-нибудь выпить. А то от скуки тут подохнуть можно. А кто этот Лысый, спросил Ученик. О, это — фигура, сказал Собеседник. Жулик выдающийся. Кретин и подонок. Но имеет высоких покровителей. О них обслуживает в сложных ситуациях. И первый бабник в наших кругах. Я бы на Вашем месте... Плевать, сказал Ученик. Пошли, может быть, в самом деле кое-что осталось. В крайнем случае я знаю швейцара в ресторане... Тут недалеко. В любое время дня и ночи. За двойную плату, конечно.

Коммунистический рай и реальность

В учебнике «научного коммунизма» написано следующее. При коммунизме все источники общественного богатства польются полным потоком. Осуществится принцип «от каждого — по способностям, каждому — по потребностям». Будет обеспечен неизмеримо более высокий жизненный уровень, чем в любой стране капитализма. Труд перестанет быть просто средством заработка. Человеческие отношения полностью освободятся от расчета и корыстных соображений. Человек получит возможность всегда бесплатно получать из общественных запасов все то, что ему нужно для обеспеченной и культурной жизни. Это освободит его от

тягостных забот о завтрашнем дне, и он посвятит себя высоким интересам. Всемерное развитие получит свобода личности, а также политические и социальные права граждан. Наступит полное социальное равенство и свобода. Различие в деятельности не будет вести к привилегиям и неравенству владения и потребления. Исчезнет почва для каких бы то ни было мер принуждения. Отношения господства и подчинения окончательно заменяются свободным сотрудничеством. Отпадает необходимость в государстве как политической организации. Методы убеждения полностью заменят административно-принудительные меры воздействия на людей. Общественное самоуправление будет действовать в атмосфере полной гласности, информированности масс о делах общества и чрезвычайно высокой активности людей. Во всю гигантскую силу развернется человеческий разум. Огромных высот достигнет культура характеров и чувств людей. В полную силу разовьются новые моральные побуждения, солидарность, взаимное доброжелательство, чувство глубокой общности с другими людьми — членами одной человеческой семьи. Сплочение, сотрудничество и братство станут принципами отношений между людьми внутри общества и между народами. И так далее в том же духе.

А пока все наоборот. Вопиющее социальное и экономическое неравенство. Массовые насилия. Дезинформация. Обман. Бесхозяйственность. Нищенский жизненный уровень для большинства. Взаимная злоба. Дефицит всего необходимого. Очереди. Полное бесправие. Прикрепление к месту жительства и работы. Злоупотребления служебным положением. Взяточничество. Цинизм. Расточительство властей. Гонения на мыслящую интеллигенцию. Насилие над соседними народами. Идиотизм руководства. Славословие. Демагогия. Холушество. Всеобщая скука. Массовая преступность и т. п. Все это теперь общеизвестно. И в коммунистический рай, описанный выше, теперь мало кто верит.

Но это неверие несколько не ослабляет само реальное коммунистическое общество. Последнее крепнет и расширяется, заражая собою весь мир. Его претензии на мировое господство имеют реальные основания. Естественно, возникают проблемы. Являются ли упомянутые мерзости преходящими или они суть неизбежные спутники реального коммунизма? Приблизится ли реальный коммунизм когда-нибудь к своему прекрасному идеалу? Как далеко коммунизм может зайти в своих мерзостях? Имеются ли внутри коммунистического общества силы, способные ограничить буйство этих мерзостей? Очевидно, решить такого рода проблемы без серьезного изучения коммунистического общества нельзя. А откладывать их решение на будущее с расчетом на то, что опыт истории даст свои ответы, по меньшей мере глупо, если только не преступно, ибо история очень скоро может сказать свое беспощадное «уже поздно»!

Учреждение

Только немногие посвященные знают, что из себя представляет учреждение, в которое устроился Ученик, в целом. Каждый рядовой сотрудник знает лишь то, что он работает в диспансере, в клинике, в лаборатории, библиотеке, вычислительном центре, мастерской и т. п. Когда Ученику приходится отвечать на вопрос, где он работает, он называет НИИНИП — Научно-исследовательский Институт Научной Информации По Психиатрии. Институт имеет обычную академическую структуру: отделы, лаборатории, секторы, группы. Особенность лишь в том, что при институте имеется хранилище рукописей психически больных авторов, которое имеет статус отдела. Правда, отдела специфического: ни один сотрудник хранилища не имел ученой степени. И потому в институте все считали сотрудников хранилища офицерами ОГБ. Эта сплетня получала сильное подкрепление в повышенной секретности хранилища.

Замечания неизвестного рецензента

В этом месте рукописи были вложены листочки, написанные другим почерком. Судя по всему, автор давал читать рукопись другим лицам, и один из читателей сделал свои замечания. Вот они.

В реальном исполнении коммунизм выглядит совсем иначе, чем его представляли себе основатели «научного коммунизма», их прекраснородушные предшественники и не в меру рьяные последователи. Тут есть одна лазейка для апологетов. Мол, это еще не коммунизм. Вот подождите еще немного, мы вам построим коммунизм в полном соответствии с чаяниями. Но эта лазейка — только для кретинов и жуликов. Когда мы проектируем и строим, например, новый прекрасный дом, мы не планируем в них клопов и тараканов, неисправные краны, скверных соседей и т. п. Однако это не дает нам основания утверждать, что мы еще не построили то, что нужно, или что построили нечто иное. Дом построен в соответствии с замыслом. И живите! Другого не будет! Так и здесь. Имеются наиболее существенные признаки коммунизма, реализация которых по замыслу основоположников необходима и достаточна для построения самого настоящего коммунизма. По их замыслу реализация этих признаков и будет иметь следствием все те прелести человеческой жизни, о которых люди мечтали веками. То самое светлое будущее, которое... В общем, никаких «клопов» в этом светлом будущем быть не должно, раз самые фундаментальные условия будут выполнены. А раз «клопы», значит еще не достигли!

Но благими намерениями вымощена дорога в ад. Создание условий, необходимых и достаточных по мысли основоположников для коммунизма, одновременно означает создание другого, такого, что никак не согласуется с обещаниями основоположников, ибо это многое другое довольно отвратно и омерзительно. И оно, это другое, неразрывно связано с прекрасными фундаментальными признаками коммунизма. Оно — то и есть материальная, осязаемая реальность этих фундаментальных признаков. Это и есть та самая сказка, которая стала былью. Как говорится, наши недостатки есть продолжение наших достоинств.

У нас давно построен самый полный коммунизм. А разговоры о низшей и высшей ступени — бред сивой кобылы. В жизни так не бывает. Тут за короткий период пролетают все стадии, и образуется некое качественно определенное целое. Ребенок не рождается по частям. Он рождается целиком. Он растет, взрослеет, стареет, впадает в маразм, подыхает. Но это — иное дело. Это — жизнь все того же человека. Так что фактическое положение совсем не таково, будто наука о коммунизме уже есть, а самого коммунизма еще нет. «Научный коммунизм» на самом деле есть идеологический мираж. Это — «райская» часть нашей идеологии. Надо же людям сулить что-то прекрасное, если не можешь толком наладить даже производство картошки, свести мордобой до терпимого уровня. И никакой науки о коммунизме еще нет. А вот сам коммунизм давно есть и уже успел проявить все свои прелести. Условием науки о коммунизме является констатация самого факта его существования.

Об Ученике

На сегодня хватит, сказал себе Ученик. Работа здесь, в общем, не бей лежачего. Платят маловато. Зато тут, очевидно, можно бездельничать и обделывать свои делишки. Тут, очевидно, есть какие-то дополнительные источники, компенсирующие низкую оплату. Не случайно же тут никто не рыпается и не стремится делать диссертации. Пригляжусь, стану своим, и эти источники сами раскроются. Это ясно. К тому же в сочинениях психов, судя по этой рукописи, попадаете кое-что интересное. Не зря же их засекретили. Надо начать делать выписки для себя. Запоминать и восстанавливать дома по памяти.

Домой идти не хотелось. Там скучно, тоскливо. Отца не оторвешь от телевизора... Мать вечно на что-нибудь жалуется. Жена, наверняка задержится на работе или поедет «на избирательный участок». Тут все ясно. Дело идет к разводу. Хотя кто его знает. Он сам тоже небезгрешен. До женитьбы у него уже было много женщин /он не считал, сколько/. Женившись, он сначала не порывал связей с несколькими спорадическими любовницами и одной более или менее постоянной. Потом эти связи оборвались как-то сами собой, и пару лет они были счастливы с Женой. Отцу дали двухкомнатную квартиру на работе. Сестра вышла замуж за офицера и уехала. Так что им досталась отдельная комната в двенадцать квадратных метров. Жить можно было бы вполне прилично, если бы не конфликты между Женой и Матерью. Мать виновата не в меньшей мере, чем Жена, но он ничего поделать не мог. Он молчал, выслушивал жалобы сторон и соглашался с обеими. И ничего не делал, убедившись на опыте, что пассивность тут есть наилучшая позиция.

Он предложил одной из сотрудниц библиографического отдела прогуляться, заглянуть в кафе, пропустить стаканчик и т. д. Домой позвонил и сказал, что вернется поздно, так как «едет с директором в филиал».

Чистый и реальный коммунизм

«Чистое» коммунистическое общество нигде не существует. Существуют конкретные страны с коммунистическим строем жизни, но вместе с тем со своей индивидуальной историей. И надо еще суметь выделить то, что в жизни этих стран идет от коммунизма как такового, и отличить это от того, что идет из других источников. Иногда это различие очевидно /например, коммунизм не повинен в землетрясении/, иногда нет /например, продовольственные затруднения могут быть порождены неблагоприятными погодными условиями или самой системой организации сельского хозяйства/. Наша страна — классический образец коммунистического строя. Последний сложился здесь имманентно, а не навязан извне. Здесь он стал стабильным и обнаружил все свои качества. Но и здесь проблема упомянутого различия не снимается. Западные коммунисты еще надеются построить свой вариант коммунизма без наших недостатков. Насколько реальны их надежды? Если бы было просто отделить общекмунистическое от индивидуально-исторического у нас, то ситуация с отношением к коммунизму на Западе была бы, надо думать, иной. С другой стороны, враги коммунизма приписывают ему многое такое, в чем он не виноват, и тем самым опять-таки работают в пользу коммунизма. Если бы рассматриваемое различие было просто, враги коммунизма вели себя по отношению к нему умнее. В частности, они бы поняли, что всякое выгодное нам дело в конце концов обернется против них.

Поскольку коммунизм существует лишь в виде конкретных стран, погруженных в поток мировой истории как индивидуального процесса жизни человечества, ни одно более или менее значительное явление жизни не поддается объяснению без учета по крайней мере таких двух групп обстоятельств. К одной группе относятся обстоятельства, являющиеся закономерными для данного общества как такового. К

другой же относятся такие обстоятельства, которые суть конкретно-исторические свойства данной страны, не вытекающие из законов ее социального строя, но дающие о себе знать как условия проявления свойств этого социального строя. Обстоятельства второй группы — это, например, большая территория страны, необъятные природные богатства, наличие территорий с тяжелыми климатическими условиями, большое число разнородных народностей и т. п. За счет хищнической эксплуатации природных богатств можно покрывать бездарное командование в войне, идиотскую стратегию войны и т. п. На большой территории есть где разместить концентрационные лагеря, исключающие возможность массовых побегов и протестов, есть где прятать миллионы трупов с полной гарантией, что их не найдут никакие чрезвычайные комиссии. Обстоятельства первой группы — это, например, дифференциация и усложнение хозяйственной и культурной жизни страны, образование бесчисленных учреждений, вступающих в запутанные отношения, в результате чего нарушается социальная однородность общества; происходит образование автономных групп, личностей, районов, отраслей и т. д., между которыми устанавливаются отношения иного рода, чем отношения единого коммунистического стандарта /например — гангстерские банды в среде руководства/.

Так что наивно думать, будто специфику и законы коммунистического строя жизни можно наблюдать постоянно на улицах наших городов и деревень, в коридорах наших учреждений, в цехах заводов и т. д. Непосредственно можно наблюдать лишь миллионы людей, миллиарды их поступков, какие-то сооружения, события. Требуется еще значительные интеллектуальные усилия, чтобы в потоке и мешанине происходящего выделить явления, специфически характеризующие коммунистическую систему, осознать их закономерность, разгадать их механизмы, проследить их важность в жизни людей вообще, — их детерминирующую роль в данном обществе. Требуется еще работа ума, чтобы обнаружить скрытых дирижеров и запевал видимого и слышимого хора жизни и уловить мелодию, исполняемую им. Тут мы оказываемся уже перед проблемой чисто методического порядка. Серьезное научное исследование коммунизма запрещено. Получить в свое распоряжение данные и средства, без которых наука здесь немыслима, невозможно. Что же остается? Отказаться от попыток научного понимания и положиться на интуицию пророков, кустарные домыслы реформаторов, эмоции диссидентов? Нет, ни в коем случае. Выход из этой ситуации все же есть.

Имеется путь изучения общества, совпадающий с научным в установках и основных приемах, но отличающийся от науки по целям и результатам. Это — путь развития в себе научного стиля мышления и осмысления наблюдаемых фактов жизни так, как будто бы они являются объектами внимания науки. Результатом этого будут не точные величины и формулы, а приблизительные оценки и ориентации в понимании окружающей жизни, свободные от иллюзий и не поддающиеся влиянию пропаганды, демагогии, обмана и самообмана. Далее я хочу изложить некоторые элементы такого стиля мышления сразу же в его применении к нашему обществу.

Клеточка /ячейка/ коммунизма

С чего начинать изучение общества? Тут надо различать два вопроса: 1/ вопрос о начале познания данного явления вообще; 2/ вопрос о его теоретическом исследовании при том условии, что какие-то сведения о нем имеются и постоянно поступают. В первом случае началом будет наблюдение фактов жизни коммунистических стран, а не демагогия, пропаганда, обещания идеологов. Теперь эти факты общеизвестны, и здесь нет надобности их перечислять. Теперь многим очевидно, что жить по-коммунистически, значит бороться за привилегии,

подхалимничать, покорствовать, заводить блат, доносить, возвеличивать ничтожества, торчать в очередях и т. д., а отнюдь не раскрывать свои природные способности и в изобилии удовлетворять свои растущие потребности. Задача же теоретического исследования — установить законы этой райской жизни, построить теорию, позволяющую объяснять и прогнозировать факты этой жизни. При этом в качестве исходного пункта мы должны избрать какое-то эмпирическое данное явление коммунистического общества. Это уже есть вопрос техники теоретического исследования. А точнее говоря, задача теперь состоит в том, чтобы выделить ячейку /клеточку/ коммунистической системы. И затем исследовать ее по правилам науки.

Ячейку коммунистического общества образует самая маленькая его часть, обладающая основными свойствами целого. Эта часть должна обладать некоторой целостностью и самостоятельностью. Это — все общество в миниатюре. Вместе с тем, из таких частичек должно быть построено все общество. Но неверно думать, что из анализа ячейки можно вывести свойства всей системы. Коммунистическое общество есть продукт длительной истории. Оно предполагает в качестве условия большое число людей, объединенных в целую страну, и большой исторический опыт. Оно формируется сразу по нескольким различным линиям, в том числе — по линии создания таких социальных образований, которые мы теперь, уже имея сложившееся общество, можем рассматривать как его ячейки. Оно формируется и по линии создания иерархии лиц и учреждений, системы власти, транспорта, образования, армии и т. п. Одновременно происходит формирование определенного строя жизни большого народа так, что какие-то образования в его составе становятся ячейками целого. Они объединяют группы людей этого народа по некоторым единым принципам. Так что ячейку можно обнаружить лишь в эмпирически данном, сложившемся целом. Это — тоже данный в опыте факт. Идея же выделения ячейки и осознание этой операции идет от техники науки. Более того, наличие и наблюдение общества в целом предопределяет то, что именно будет приниматься во внимание при рассмотрении ячейки. Рассматривая ячейку, мы должны рассматривать тем самым общество в целом, но в его простейшем виде. Или общество в целом мы при этом будем анализировать на его простейшем образце.

Что же образует ячейку коммунистического общества конкретно? Хотя это общество заключено в территориальные границы, разделено на районы, области и т. д., оно организуется в своей социальной основе не по территориальному, а по деловому принципу. Выражение «производственный принцип» здесь не годится, поскольку оно ассоциируется с производством материальных и духовных ценностей, которое здесь является частным видом деятельности, к тому же не основным. Деятельность по уничтожению инакомыслящих, по удушению правдивой литературы, по управлению и т. п. не есть производство ценностей, но она играет здесь весьма важную роль.

Деловую ячейку коммунистического общества образует организация, созданная для выполнения некоторых деловых функций и относительно автономная в этом своем деле. Это — первичная социально экономическая организация, имеющая свою дирекцию /управление/, бухгалтерию, отдел кадров, партийную организацию и т. д., в общем — хорошо всем известные заводы, институты, магазины, конторы, совхозы, школы и т. п. Для каждого взрослого и работоспособного члена общества ячейка есть то, где его берут на работу, где ему выплачивают зарплату, где он добивается успехов, делает карьеру, получает награды и т. п. Через ячейку социально активный член общества /работающий/ включается в общество, отдает ему свои силы и получает вознаграждение.

Конечно, и тут имеются исключения и отклонения от нормы, но физиономию общества определяет именно этот фундаментальный факт. Здесь приходится

осуществлять абстракции, без которых немислима никакая опытная наука. В частности, в исходном пункте мы должны допустить, что человек только через ячейку отдает силы обществу и только через нее получает блага. Эта абстракция правомерна хотя бы уже потому, что она так или иначе соответствует ситуации для большинства членов общества. Что же касается нарушений этого правила, они должны быть включены в исследование постепенно, по мере последовательного движения исследования. Это — тоже вопрос техники осуществления научного анализа.

Первичные деловые ячейки складываются и существуют по определенным правилам, независимо от того, для какого дела они складываются. Характер дела здесь не играет роли. Лишь бы влиятельные силы общества считали это дело нужным и отпускали средства на эту ячейку. Деловая ячейка вообще есть лишь способ, каким та или иная группа людей приобретает средства существования и реализует свои намерения и интересы. Например, какое бы место в структуре общества ни занимала та или иная ячейка, в ней так или иначе имеет место тенденция к независимости руководства от подчиненных и к единоначалию. Так что разговоры о «коллегиальном руководстве» страной — пустая болтовня или констатация временного состояния в руководстве при смене последнего.

Такой путь анализа общества сразу же с первых шагов обнаруживает некоторые очевидные обстоятельства, совершенно не приметные с иной точки зрения. Например, сразу же становится ясной неограниченная власть коллектива ячейки над рядовым индивидом. И переход из одной ячейки в другую не отменяет этой власти в принципе.

Общество дифференцируется и во многих других аспектах, но в любом из них основу образует ячейка /клеточная структура/. Более того, деловая ячейка, повторяю, есть общество в миниатюре, а общество в целом есть многократно расчлененная деловая сверхячейка. Правила поведения людей и взаимоотношения их внутри ячеек определяют собою всю прочую систему поведения и взаимоотношения людей в обществе. Здесь формируется тип граждан со стандартной формой поведения. И отныне этот человеческий материал воспроизводится как продукт нормальной жизнедеятельности общества. И сам он, в свою очередь, воспроизводит строй жизни, воспроизводящий его. Все дальнейшее есть лишь борьба этого сложившегося целого за свое существование, упрочение и расширение.

Разумеется, социальная структура общества не сводится к ячеечному строению. Здесь следует принимать во внимание и иные аспекты расчленения общества, координации, субординации, иерархии и т. д. его тканей, слоев, органов, организаций. Но путь к систематическому пониманию всего этого начинается с понимания ячейки общества. Подчеркиваю, среднетипичное учреждение страны копирует, отражает в себе, реализует все существенные стороны жизни страны в целом, — отношения господства и подчинения, отношения сотрудничества, иерархию должностей и привилегий, распределение благ, надзор за индивидом и т. д. Если хочешь постичь общество, изучи сначала его клеточку. Я знаю, что не делаю открытия. Известно, например, что для понимания феодального общества надо было начинать с его клеточки — с отдельного помещичьего хозяйства. Я лишь обращаю внимание на нечто очевидное.

После выделения ячейки общества и осуществления необходимых абстракций надо сначала осуществить анализ самой ячейки, а затем исследовать взаимоотношения многих ячеек. Первое направление образует основу всего последующего. Здесь обнаруживаются самые фундаментальные законы коммунизма, определяющие поведение членов общества.

Перекур

На сей раз в коридорах и в «пунктах отдыха» /в курилках/ почти никого не было видно. Два парня и девчонка на лестничной площадке обсуждали повышение цен на импортные вещи. В курилке дымил лишь один пожилой сотрудник с одной рукой. Ученик вспомнил: это тот самый, что говорил когда-то о социальной комбинаторике. Такая необычная пустыньность учреждения объяснялась тем, что большинство «молодых» /до пятидесяти лет/ сотрудников угнали работать на овощную базу, «старикам» попрятались с глаз долой, опасаясь, что и их куда-нибудь погонят, начальство совещалось в высших и еще более высших инстанциях. Самую молодую часть сотрудников на базу не погнали, поскольку их наметили отправить на месяц работать в деревню, в совхоз.

Вот идиотство, сказал Однорукий. Сколько у нас народу занято в сельском хозяйстве?! Кошмар! А организовать нормальную уборку овощей не могут. Сколько миллионов людей отрывают с производства?! Сколько расходов! А прок какой? Ведь не все бездельники, вроде нас. Большинство посылаемых в деревню и на базы — рабочие, техники, инженеры... Использовали бы армию, сказал Ученик. У нас армия дай боже. Все равно им делать нечего. Используют и армию, сказал Однорукий. Но тут не разгуляешься. Армия находится обычно в местах, где ее использовать нельзя. К тому же солдаты работают еще хуже, чем наш брат. Ты служил в армии? Нет? А-а... Солдат спит, служба идет. Над чем трудимся? Затея. Ха-ха-ха! Наш шеф всех начинающих потчует этой «Затеей». Это у него бзик. Плюнь ты на эту «Затею».

Ученик спросил, чем занимается Однорукий. Тот сказал, что у него уникальная профессия: письма трудящихся. Что это значит? Дело в том, что в многочисленные наши учреждения, в редакции газет и журналов, на телевидение и радио и т. д. поступают ежедневно десятки тысяч писем трудящихся. В основном это обычный идиотизм, восторги, рацпредложения, благодарности, пустяковые просьбы и т. п. Очень много пишут «воины» от скуки и нормальные шизофреники. Пенсионеры, конечно. Но довольно большое число писем так или иначе подпадает под СК. Где они проходят первичную сортировку и по каким каналам направляются, невозможно узнать. Тайна за семью печатями. Часть попадает к нам. Около ста писем в день. Наша задача — установить, какие направлять на уничтожение, какие в архив /«на всякий случай»/, какие оставить у нас. Кроме того, мы делаем выписки в соответствии с текущими заданиями. Например, сейчас нам приказано просмотреть все!!! письма, относящиеся к проблеме семьи в коммунистическом обществе, и выбрать из них материалы по предложенным критериям. Ну и как, спросил Ученик, бывают интересные письма? Бывают, сказал Однорукий, но редко. В основном одно и то же: рушится семья, дети эгоистичны, браки не прочны, жить негде, дети обходятся слишком дорого и т. п. Но бывают весьма любопытные. Вот сегодня целый день сижу над одним письмом. Автор, конечно, не специалист. Но человек не глупый. Он как-то попал на лекцию в лекторий общества «Знание». Тема лекции — семья при коммунизме. Лектор плел обычную белиберду. Любовь, дружба, высокоразвитое чувство ответственности... Цитаты из классиков. Цитаты из речей вождей. Кстати, я благодаря этому без особого труда установил, когда было написано письмо. Три года где-то бродило, прежде чем у нас осело. Логика у автора несокрушимая, — это и посчитали главным симптомом заболевания высшей категории. Для рассмотрения проблемы семьи надо принять во внимание такие элементы: муж, жена, дети, родители, другие мужчины и женщины. Можно посчитать все комбинаторные возможности. И житейские обстоятельства могут быть точно перечислены, — физиология, психология, зарплата, квартира, имущество и т. п. И опять-таки можно посчитать все мыслимые возможности. Огромное число вариантов исключается, поскольку они оказываются логически противоречивыми. Чтобы установить какие-то зависимости и тенденции, нужно

провести серьезные социологические исследования в масштабах Страны, причем, в течение многих лет. А без этого все разговоры о перспективах семьи в будущем беспредметны. А так примеры имеются для всех мыслимых вариантов. Например, в их доме живет пара интеллигентов. Детей у них нет. Любви /по наблюдениям автора письма/ давно нет и в помине. Да и дружбы особой не наблюдается, — они без раздражения не могут говорить друг о друге. Но они друг другу не изменяют, это точно, хотя занять любовника или любовницу для них не проблема. Другой пример : семья его директора. Любовниц меняет регулярно. Жену презирает. А между тем эта семья никогда не распадется. У него же, автора письма, семья распалась, хотя он любил жену, и она вроде бы его любила, и квартира у него была приличная /две комнатки на троих/. А что же в этом криминального, спросил Ученик. Тут вроде все правильно. Ну и ну, сказал Однорукий. А сомнения в истинности прогнозов классиков и предсказаний Вождей? А примерчики? А требование опытного исследования /как будто у нас без этого нет ясности!/...

В курилку забежала одна из девочек, болтавших на площадке. Смывайтесь, сказала она, завкадрами и начспецотдела проверяют, находятся ли сотрудники на местах. А ну их в ж..у, сказал Однорукий. Но все же пошел на свое рабочее место обрабатывать письмо неизвестного автора о семье, осужденного по всей вероятности на вечное излечение без имени, без... Ученик последовал за ним, тут же забыв о состоявшейся беседе.

Клеточка

Клеточки коммунизма различаются по многим признакам, — по числу сотрудников, по выполняемому делу, по месту в социальной иерархии, по престижу, по внутреннему строению и т. д. Например, самый низший сотрудник какого-либо отдела ВСП или Совета Министров /Совмина/ обеспечен лучше, чем высшие чины обычного научно-исследовательского института. Зато даже младшие сотрудники упомянутого института не столь усердно протирают штаны в учреждении, как высшие лица упомянутых отделов. Автомобильный завод в Столице насчитывает более пятидесяти тысяч сотрудников, а средний гуманитарный институт Академии Наук — не более пятисот. Однако имеются некоторые общие признаки у всех учреждений Страны, позволяющие рассматривать их как однородные клеточки общества. Это, например, наличие отношений господства и подчинения, отношений соподчинения, назначаемость руководства сверху, наличие партийной организации и контроля партийных органов за жизнью и деятельностью учреждения, наличие комсомольской организации, сходные отношения между людьми, сходные пути продвижения по службе и способы вознаграждения и наказания, сходные отношения индивида и коллектива и т. д. В любом учреждении руководство официально имеет больше жизненных благ и привилегий, чем подчиненные. А главное — правила поведения людей повсюду одинаковы. Если вы изучили хорошо жизнь одного учреждения, наивно рассчитывать, что в других будет иначе. Вы повсюду найдете холуйство, очковтирательство, карьеризм, стяжательство и т. п. Повсюду вы будете находиться под бдительным надзором сослуживцев, коллег, общественных организаций.

Сомнения Ученика

Трактат сумасшедшего начал раздражать Ученика. Но он еще не отдавал себе отчета в характере раздражения. Ему хотелось обвинить автора в гипертрофии пустяков, но автор сам постоянно подчеркивал, что он пишет об общеизвестных вещах, обращая внимание лишь на их важность. К тому же сами классики марксизма в свое время писали нечто подобное. Сам Маркс, как известно, поступал так же: выделил отдельный капитал, анализировал его, доведя анализ до отдельного акта

обмена, затем рассматривал взаимодействие многих капиталов. О том, что надо начинать с самого простого, массовидного, общедоступного и т. п., говорил Ленин. Так почему бы этот принцип /открытый, кстати сказать задолго до классиков марксизма Гоббсом, Декартом, Миллем и др./ не применить к нашему обществу! Нет, тут, пожалуй, этот псих прав. Тут нечем крыть. Именно это раздражало Ученика: неведомый сумасшедший постепенно навязывал ему свое понимание мира, и Ученик не имел сил сопротивляться ему. Справедливо предупреждал его заместитель Учителя: если здесь будешь серьезно относиться к делу, через месяц или от силы через полгода сам свихнешься. Имеется лишь один способ сопротивляться неумолимой логике шизофреников: не вникать в содержание рукописей, бегло перелистать их, найти им место в принятой классификации текстов такого рода, установить их отношение к «Затее» в целом. И дело с концом. Тем более «Затея», как выяснилось, есть лишь своего рода тренировочный материал. Ученик так и поступил. И напрасно, так как лишь с этого момента автор начал излагать суть дела.

ЕВАНГЕЛИЕ ОТ ИВАНА

Это было

Не раскаяние /и негодяи иногда раскаиваются/, а лишь искупающее действие зачтется тебе,— было сказано в «Евангелии от Ивана». Грешно не сопротивляться насилию, но еще больший грех — оставаться равнодушным при виде насилия. Помни, что даже молчаливое думание есть дело. Именно из незримых мыслей протеста складывается могучее незримое поле протеста, вне которого немыслимо зримое действие. Даже думая, ты вносишь крупицу силы в общее дело защиты человека. Все это было сказано в «Евангелии». И еще там было сказано :

Включу репродуктор, раскрою газету,
Листаю роман, слышу вопли поэта,
Зеваю в кино, пялю глаз на витрину,
На выставке вижу из красок картину,
Внимаю доклад про источник успеха,
Мне хочется, братцы, затрястись от смеха.
До колик в кишках. До слезы. До икоты.
Откуда такие взялись идиоты?!

Но смех, не начавшись, в душе застывает.
Шутливое слово в зубах застревает.
И чувство иное крадется мне в душу.
И шепчет : гляди и внимательно слушай!
Это тебе не шуты-скоморохи.
Это — строители новой эпохи.
Вглядишься в их лица! В них вышки дозора.
Кляцканье слышно в их речи затвора.
От лживых речей не комично, а жутко.
Их пошлый спектакль не подходит для шутки.
Не смеха, а гнева достойно все это.
Здесь матом бы крыть, а не рифмой поэта.
Кричать и ругаться. И в черта и в бога.
Эй, люди!
Очнитесь!
Тревога!
Тревога!

Там было сказано и многое другое. Теперь это все рассыпалось на кусочки и затерялось в помойке словоблудия наших невероятно говорливых дней. И теперь нестерпимо тоскливо от того, что нельзя вернуть прошлое, сказать хотя бы одно доброе слово автору «Евангелия» и собрать воедино его мысли, которые он дарил всем без разбора, не ведая того, что творил, и получая взамен только насмешки.

Что известно об авторе

Мы терпели его, но относились к нему свысока. Обычно мы смеялись над ним, ибо он, как нам тогда казалось, обычно порол всякую чушь или банальности, а мы были философски грамотными. Мы знали, что такое материя и сознание, производительные силы и производственные отношения, базис и надстройка и т. п. Уже после второй лекции маразматика Бугаева мы знали, что мы на голову выше всех предшественников, включая Аристотеля, Канта и Гегеля. И даже наших соотечественников Герцена и Чернышевского, которые вплотную подошли к..., но остановились перед... А мы перешли и не остановились. И хотя нам об этом говорил косноязычный маразматик Бугаев, нам это льстило, мы этому охотно верили. И отправлялись в ближайшую забегаловку, переполненные величайшей мудростью и беспредельно обрадованные необычайной легкостью ее приобретения. А он, невежа, болтал о душе, о самоотречении, о духовном единении и о многом другом, для чего у нас не было подходящих названий, поскольку мы превосшли всех. Потом мы узнали, что разговоры о материи, самосознании, производительных силах и прочем суть чушь или банальность. Но мы при этом стали еще более грамотными, приобщились к высотам мировой культуры и заговорили об отчуждении, структуре, изоморфизме, энтропии. А он продолжал болтать все ту же примитивную чепуху или какие-то нелепые стишки /«стишата», как говорили мы/.

Грешен, к чему отпираться?!

Но каяться не хочу.

Незачем зря трепаться.

Я лучше уж промолчу.

Что ты этим хочешь сказать, спрашивали мы. Не знаю, говорил он. Не раскаяние /и негодяи иногда каются!/, а лишь искупающее действие... Будучи людьми образованными и, само собой разумеется, очень остроумными, мы называли его болтовню «Евангелием от Ивана».

Он время от времени неожиданно появлялся в нашей среде, читал нелепое стихотворение или изрекал столь же нелепый афоризм. И столь же неожиданно исчезал. И мы не знали, откуда он «возникал» и куда исчезал. И знать не хотели. Мы даже имени его не знали. Мы презрительно именовали его кто Пророком, кто Апостолом, кто Христосиком, кто Исусиком, кто Ванькой, кто Иваном. Он одинаково откликался на любую кличку и просто на «Эй, ты!». Наступали либеральные времена. Он все реже появлялся в наших компаниях. Да и компании наши собирались все реже. Распадались, перетасовывались. Мы защищали дипломы и диссертации, писали статьи и книги, продвигались в должностях, становились известными, получали или покупали квартиры на гонорары /а раньше мы эти гонорары пропивали/, обрастали дачами и машинами, женились и разводились и снова женились, с широких штанов переходили на более узкие, совсем узкие и снова на широкие, средние юбки меняли на короткие, а короткие — на длинные, обрастали бородами и жирком, обсуждали мировые проблемы, почитывали западные книжечки, наш «самиздат» и т. д. и т. п., и т. д. и т. п. А он твердил все ту же свою ерунду, носил все то же свое старомодное, потертое, вонючее барахло... Появлялся он все реже. Сроки, на которые он появлялся, все уменьшались, а сроки, на которые он исчезал, увеличивались. И в самый расцвет либерализма, когда мы поднялись на вершины нашего преуспевания, он исчез совсем. Ходил слух, будто его посадили в «психушку». Но какое нам до этого дело? Не велика потеря!... И все-таки грустно от того, что это ушло в прошлое и никогда не вернется. А ведь было же! Вот он...

Выпил слегка. Рукавом закусил.

Сигарету стрельнул. Прикурить попросил.

Случай какой-то смешной рассказал.

Ушел, не прощаясь и спрятав глаза.

Раньше

Раньше в Москве было, где выпить и что закусить. Не то, что теперь. Да, представьте себе, и закусить. Хотя война кончилась совсем недавно, хотя неурожай /реальные, а не фиктивные, как теперь/ следовали один за другим, и не по вине империалистов и их прислужников-диссидентов /как теперь/, а по причине природных капризов, однако, в любой пивнушке /а они были на каждом шагу/ можно было получить на закуску бутерброд с колбасой !/, с сыром!!! или икрой!!!/. На торцах всех устаревших домов и на крышах новостроек с архитектурными излишествами наряду с лозунгами «Да здравствует...», «Вечная слава...» «Вперед...» и портретами мудрейшего из мудрейших красовались рекламы, призывавшие трудящихся употреблять в пищу /обратите внимание на изящество стиля!/. Что бы вы подумали?! Крабы!!! В любом гастрономе можно было купить копченую треску и даже порой судака. Как было сказано в «Евангелии»,

Да, было время, мы жевали
Не обещания траву.
Треску копченую едали.
И даже крабы мы видали
Не в сладком сне, а наяву.
И за попойки нас не били...

А уж о выпивке и говорить нечего. Что пить и где пить, над этим голову ломать не приходилось. Захотелось выпить /а какой дурак не хочет этого?!/, иди в любом, произвольно выбранном направлении, и ты непременно через сто-двести метров окажешься в пивнушке, в кафе, просто в столовой или в магазине, где продают в разлив все, что содержит градусы, короче говоря — в «забегаловке», составлявшей тогда самую глубинную сущность московской жизни. Нет денег? Не беда. На выпивку тебе любой займет рубль или трешку. А то и пятерку. На что другое не займут, а на выпивку всегда. Выпивашные долги, как в свое время карточные, суть долги чести. Они всегда возвращаются в срок. И не было проблемы, с кем пить. Теперь-то это — проблема, и к тому же — почти неразрешимая. А тогда мы даже не подозревали, что такая проблема вообще возможна. Тогда лучшие сыны и дочери народа живо откликались на призыв «тяпнуть» по поводу и без такового. И что любопытно, хулиганства было не больше, чем теперь, и прогулов не больше, и в вытрезвитель попадали не чаще. Одним словом,

И за гулянки нас не били,
И не корили нас вином.
Нас даже женщины любили,
Хоть мы дышали в них г...ом.

Мнение Ученика

Это другое дело, подумал Ученик. По крайней мере не так скучно. Насчет выпить — это идея. Но с кем, в самом деле. Может быть с Одноруким? Он, видать, мужик ничего. Для начала хватит, сказал он вслух, пересчитав свои жалкие «монеты». Приветствую, сказал Однорукий в ответ на предложение Ученика. Единственная разумная идея за весь день! Только как быть с финансами? Впрочем, это не проблема. Не возражаешь, если мы пару девиц прихватим? Они, надеюсь, нам и займут до полочки. Я тут недалеко одно местечко знаю!...

«Девицы» /одной из них — за сорок, а другой... Не стоит лучше говорить/ идею поддержали, но предложили лучше провернуть это мероприятие на квартире у одной из них. Дешевле, спокойнее, уютнее. Ученик сказал, что это не так романтично. Его подняли на смех. От лепты его отказались на том основании, что

одна из «девиц» подработала как-то некоторую сумму, вполне достаточную для приличной выпивки, но теперь уже недостаточную для покупки модных сапог. Во всем есть своя положительная сторона, сказал по сему поводу Однорукий. Если бы цены на сапоги не повысили, не видать бы нам сегодняшнего выпивона. Но ты пожалей себя, купи хотя бы колготки. Это не так-то просто, сказала Девица. Не беда, сказал Однорукий, женщины хороши и без колготок. Ох, и надерусь же я, ребята, сегодня!

Пусть на вопрос : мол, где же я ?
Мне скажет грозный Судия :
Ты, брат, в раю. Надеюсь, рад?
И дел теперь всего — молиться.
А я скажу : мне б похмелиться.
А что потом — да хоть бы в ад!

Откуда это, спросил Ученик. А черт его знает, сказал Однорукий. Не все ли равно?

Раньше

Вот, к примеру, тебе сейчас надо идти на лекцию в «круглый зал» /угол Герцена и Моховой/. История КПСС. Читает профессор Гурвич. Читает, конечно, блистательно. От скуки содрнуть можно, но здорово шарит. Потом его за космополитизм куда-то убрали. Теперь-то мы знаем, что нехорошо поступили. А тогда мы хихикали : еще одного подонка из этой банды трепачей убрали! Ну, да дело прошлое. И так, читает Гурвич. Ты вспоминаешь об этом. Отчетливо видишь его на кафедре-трибуне. С поднятой рукой. Словно сам Ильич на броневеке. Отчетливо слышишь его чеканный голос. Только Маркс и Энгельс!... Только Ленин и Сталин!... И тебе становится тоскливо, и не выпить уж никак нельзя. И ты потихоньку, блудливо опустив глаза, проскальзываешь в толпе мимо комсорга группы, парторга группы, старосты группы, старосты курса, уборщицы тети Даши, инспектора учебной части Тебенькова /фамилию его мы произносили без буквы «Т»/..., быстро мчишься мимо памятника Герцену /или Огареву?/, скрываешься под арку центрального входа, выныриваешь с противоположной стороны во внутренний двор и через ворота налево мчишься на улицу Герцена, как раз напротив скопления пивнушек, получивших общее название «Ломоносовка». Теперь на этом месте нет ничего. Что-то вроде клумб и газончиков, и скамеек, на которых избегают сидеть даже пенсионеры.

И ты не одинок. Вслед за тобой филолог Костя /он чуточку отстал от тебя, поскольку его факультет был этажом выше/. С какой лекции удрал Костя, он сам не знает. Около истфака вас уже ждет историк Эдик. Он смылся с лекции профессора Толмачева, одного из самых выдающихся кретингов советской /очень богатой кретинами/ истории. Того самого, который четвертовал Польшу на три неравные половины. Толмачева мы все хорошо знаем. Им потчуют первокурсников на всех гуманитарных факультетах Университета. В аудиторию Толмачев не входит, а врывается, на бегу срывая с себя шляпу, пальто, и еще какие-то тряпки. Еще от двери начинает истошно вопить какую-то дребедень. К примеру — такую : в то время, как буржуазия ела цыплят, лимоны, апельсины, шпроты и прочие цитрусы, пролетариат подыхал с голоду на баррикадах. Дорвавшись до кафедры, Толмачев приходит в неистовую ярость. Скидывает пиджак, расстегивает галстук. Говорят, что однажды он чуть было брюки не снял. И зовет нас спасать жизнь Карла Либкнехта и этой, как ее Клары Цыцкин... Нет, Розы Люксембург. Толмачев — член партии с семнадцатого года. И с тех пор играет роль пламенного революционера.

В «Ломоносовке» нас ждет экономист Степан. Он фронтовик, прошел огни и воды. Три ранения. Куча орденов. Нервы железные, закаленные. Но и он не может выдержать, когда профессор Токмолаев в сотый раз начинает жевать высоты марксистской экономической мысли: одна сапог равен два булка... Степан на четвереньках выползает из аудитории, послав на ... старосту, парторга, комсорга и всех прочих. Ему можно, он — ветеран, «золотой фонд» Университета.

Для начала мы пропускаем по кружке пива. Иногда — по сто грамм водки. Но это реже, в дни выдачи стипендии. Пропустив по кружке пива и съев по бутерброду с икрой, мы решаем сообразить нечто более существенное. А что если?! Это идея! И мы уже идем вверх по улице Герцена, к Никитским воротам. По пути мы покупаем копченую треску и пару батончиков хлеба. Проходя мимо консерватории, вспоминаем Витю-пианиста. Что-то давно не видать его. Может, заболел. Или за ум взялся, к конкурсу готовится. Он же талант, может быть даже гений. Но Витя сам увидел нас из окна столовой и догоняет нас, едва мы миновали аптеку.

У Никитских ворот «забегаловок» не счесть. Можно остановиться тут. Но мы наметили свой маршрут далее, к площади Восстания. Там, поблизости от площади, есть одно из самых прекрасных мест в Москве — «Грибоедовка». Это — магазин молдавских вин в доме, в котором жил Грибоедов. Витя, однако, уговорил нас задержаться на несколько минут в угловом гастрономе и выпить по фужеру «шампанского». Он как человек утонченной культуры предпочитает начинать запой с «шампанского», постепенно «опускаясь» до пива, водки и даже денатурата. Мы соглашаемся. Тем более платит сам Витя. Он подработал, играл на свадьбе на баяне.

Оставшуюся часть пути до «Грибоедовки» мы бредем сначала медленно, смакуя легкое опьянение. Шутим. Хохмим. Знаете, что сейчас идет в Большом, спрашивает Витя. Галет Бliersа «Мрасный Как». Мы смеемся. До Степана шутка не доходит : он не знает никакого Глиера, и тем более того, что он сочинил балет «Красный Мак». Потом Витя говорит, что у них в консерватории только один профессор живет с женщиной, это — Варвара Дурова. До Степана опять не доходит, и ему приходится пояснять, что в сфере музыки принято мужчинам сожительствовать с мужчинами, а женщинам с женщинами. Педерасты, что ли, спросил Степан. Ну так бы и сказали. А при чем тут эта баба?

Чем ближе «Грибоедовка», тем быстрее наше движение. Садовое кольцо мы пробегаем уже на полной скорости. Впереди мчится Эдик, размахивая копченой треской, за ним я с батонами. Мы захватываем подоконники и угловой столик. Продавцы нас знают и встречают как своих. Особенно они любят Витю, поскольку тот не жалеет денег и никогда не берет сдачу.

В один из таких заходов к нам и присоединился Он. Мы сначала встретили его в штыки и хотели отшить. Но он внес свой помятый рубль и остался. После третьего стакана, когда на столе остались только шкура и скелет от копченой трески, он прочитал нам :

Не могу я понять,
Что со мною творится.
То пятерку занять
Я хочу и напиться.
И тогда не унять
Никаким приговором :
Так и тянет меня
Лечь-заснуть под забором.
А бывает с тобой
И такое творится :

Из-под крана водой
Чистой хочешь умыться,
Бритвой морду скребешь
И рубашку меняешь.
Просветленный идешь,
А куда, сам не знаешь.
Ты в согласи с судьбой.
Ах, как солнце сияет!
Неба край голубой
Перспективы вселяет.
Все на свете обнять
Твое сердце стремится.
И пятерку занять,
И до рвоты упиться.

Ладно, сказал Степан. Ждите! Тут недалеко у меня знакомые живут. Я сейчас мигом смотаю. На пятерку можете рассчитывать. Заказывайте!

Ученик

С перепоя болела голова. Дома получился крупный скандал. У Жены что-то сорвалось. Домой она заявила раньше обычного. Злая. Когда Ученик далеко за полночь позвонил, ему долго не открывали. Жена не хотела это из принципа. Мать считала, что открывать должна Жена. А Отца невозможно разбудить, пока он не отоспит свое. Дверь открыли лишь после того, как Ученик крикнул в замочную скважину, что он уходит совсем. Конфликт с Женой удалось урегулировать, наврав ей, будто ему пришлось пить с заместителем директора по хозяйственной части, который обещает устроить сравнительно дешевый кооператив. В довершение Жена потребовала, чтобы он выполнил свои супружеские обязанности. Сделать это после того, как он выложился на одну из «Девиц», а потом — на другую /Однорукий уснул, свалившись под стол/, было довольно трудно. Но врать, так уж до конца, решил Ученик. У Жены было подходящее настроение, и соснуть так и не удалось. При этом Жена попытывалась признаться откровенно, есть ли у него любовницы. Она все равно не ревнует. Требовала рассказать, какие они. Чем отличаются от нее. Умеют ли делать всякие интересные штучки. Потом Жена стала требовать, чтобы он спросил у нее, есть ли у нее любовники. Почему это не волнует его? Значит, он не любит ее. Значит... Нет, с таким настроением можно читать только белиберду вроде «Заметок о коммунизме».

Заметки о коммунизме

Анализируя условия жизни людей в ячейке, автор рукописи пришел к странному выводу : эта социальная форма в общем устраивает большинство людей. Она в некотором роде и есть воплощение всех чаяний. Она максимально удобна для людей. Условия труда сравнительно легкие, минимальные потребности удовлетворяются. Коллектив защищает своих членов. И если давит на отклоняющихся /на пьяниц, прогульщиков, интриганов/, то вполне справедливо. И именно из таких достоинств ячейки общества вырастают все его недостатки. Последние суть неизбежное зло, сопровождающее добро этого общества.

Далее Ученик мельком задержался на предлагаемых автором методах вычисления степеней бюрократизации, вознаграждения, паразитарности, идеологизации и т. д. Из прилагаемых таблиц было очевидно, что степень бюрократизации растет, что обостряются контрасты в распределении, растут траты на идеологию и аппарат подавления. Из рассуждений автора и таблиц было очевидно, почему увеличивается средний возраст руководителей, почему здесь

власть старцев есть неизбежное зло. Ученика поразило утверждения автора, что у нас имеет место коллективная эксплуатация людей, вполне сопоставимая с рабством и крепостничеством. Ученик сначала усомнился, прочитав величину трат на культ Вождя. Но разобрав приводимые данные, не нашел, к чему можно было бы придраться. И ему стало нехорошо на душе. Наше общество — идеологическое не только в смысле огромной роли идеологии, прочитал он в трактате, но и в смысле дороговизны идеологического оформления спектакля жизни и идеологических ритуалов. Мы смеемся над обществом инков или египтян в этом плане, а сами являем собою образец общества еще более страшного с этой точки зрения. Наши идеологические жертвы превосходят все то, что знала история до сих пор. В заключение автор делает вывод: наше общество есть идеологическая, бюрократическая, жандармская, милитаристская, с системой социальных привилегий и т. д. цивилизация. Никаких иллюзий не остается. Мы должны взглянуть правде прямо в глаза.

Рассмотрев условия жизни людей в клеточках, автор показал, почему в обществе в целом как в скоплениях огромного числа клеточек возникают возможности для всех тех отрицательных явлений, которые стали очевидными, — для системы привилегий, для бюрократизма, для массовых репрессий и т. д. Именно из удобств жизни в клеточках вырастают неудобства жизни в обществе в целом. И если уж думать о переустройстве общества, то начинать его надо с реформ для внутриклеточной жизни, т. е. с самих основ.

Ученик крайне удивился, узнав из рукописи совершенно очевидный факт, что в нашем обществе отсутствует конкуренция между клеточками. Конкуренция предполагает независимость конкурирующих. У нас же между клеточками имеют место такие отношения взаимной зависимости, что всякая конкуренция исключена. А «соцсоревнование» лишь есть типичная демагогическая и пропагандистская липа.

К этому надо еще вернуться, подумал Ученик, и прочитать внимательнейшим образом. Этот автор не дурак. Интересно, пил он или нет? А каковы его отношения с бабами были? Был ли он женат? Были ли у него дети? Не может быть, чтобы Они /кто Они?/ уничтожили все следы. Что-то осталось. Надо попробовать установить автора. А вдруг он жив? Вдруг ему чем-нибудь помочь удастся?

Другая система ценностей

Потом мы выгребаем из карманов все, что осталось. На закуску уже ничего не остается. Только на конфетки. Он свою долю конфеток кладет в карман. Плевать мне, ребята, на ваши университеты и консерватории, говорит Он. Мне вообще плевать на ваши спектакли. Я живу в своем мире. У меня есть своя система ценностей. Какая же, спрашивает Костя. Хотите, говорит Он, могу показать. Тут недалеко. Пошли?

Мы идем в один из глухих переулочков в районе Арбата. Раньше тут был обычный старый дом. В нем был подвал. В подвале жили люди. Как они жили! Семь семей на площади не более ста квадратных метров. Пол на кухне сгнил. Проступала вода и содержимое канализации. Ребята, сказал Он дорогой, там меня принимают за полковника Органов. На оперативной работе. Им так нравится. Не выдавайте меня. Буду благодарен, если вы изобразите моих подчиненных. Пусть кто-нибудь обмолвится и назовет меня полковником. Идет? Встретили нас в подвале с великой радостью. Два маленьких пацана кинулись к нему на шею, и Он дал им конфеты. И мы почувствовали себя подлецами. И сыграли игру, какую Он просил нас, без всякого усилия. Будем, товарищи, писать письмо по поводу пола, сказал Он. Думаю лучше Ворошилову. Лучше Буденному, сказал пожилой мужчина. Я служил у него. Буденный сейчас делами не занимается, сказала девочка лет

пятнадцати. Надо Ворошилову. Потом мы стали разговаривать с жильцами о том о сем, а Он уселся с несколькими энтузиастами сочинять письмо. Жильцы кивали на Него, говорили, что Он — хороший человек, сразу видно — большой начальник, что если бы все там были такие... Наконец, письмо было готово. Я попрошу Вас, товарищ майор, сказал Он Степану, отпечатать эти бумаги на машинке завтра в трех экземплярах. Послезавтра я занесу вам, вы отошлете. Ворошилову одно письмо, а копии одну в райполком, другую в редакцию газеты «Правда». Поняли? Отошлете по всем правилам отсылки важных бумаг, чтобы документ был.

Потом мы бредем обратно в «Грибоедовку». До закрытия еще полчаса. Еще успеем. Ребята, говорит Он, надо скинуться и отпечатать завтра эти бумажки. Я прошу вас. Потом я подзашибу немного, расквитаясь. Очень прошу вас. Так надо, вы же сами видите... Видим, говорит Степан, только почему их благодарность должна достаться Органам? Ребята, говорит Он, иначе они ничему не верят, я же знаю. Они верят теперь только Органам. И самому Ему.

Деловая и социальная ячейки общества

Деловая ячейка общества, читал Ученик, расчленяется на более мелкие группы и в конечном счете — на первичные социальные ячейки. Это — сравнительно небольшие группы, в которых индивиды осуществляют свои деловые функции. Такие группы не имеют своей особой бухгалтерии, своего отдела кадров, своей дирекции. Руководит такой группой обычно один человек, часто, с одним или несколькими помощниками, назначенными им самим из числа рядовых членов группы. Это, например, группа или сектор в исследовательском институте, кафедра в учебном заведении, бригада на заводе и т. д. Деловая ячейка дифференцирована в зависимости от условий выполнения деловых задач, а также в зависимости от задач управления людьми при выполнении деловых задач. Социальная ячейка есть минимальная группа людей с точки зрения задач управления. Определяющим при формировании социальных ячеек являются не законы дела, выполняемого людьми. Этот характер социальной ячейки остается скрытым, поскольку тут социально-управленческая дифференциация общества накладывается на деловую. И разделение их на деловую и социальную требует силы абстракции, ибо реальное разделение тут исключено. Впрочем, на многочисленных примерах фиктивных предприятий и учреждений можно до известной степени в «чистом» виде наблюдать чисто социальное строение общества и преобладающую роль социально-управленческой дифференциации и группировки над деловой. Индивид входит в деловую ячейку общества через социальную, и его положение в обществе определяется этим обстоятельством.

Личность и коллектив

Рядовой гражданин коммунистического общества живет под неусыпным наблюдением и контролем своей первичной социальной ячейки, через которую он добывает средства существования и реализует свои потенции. Если индивид не «выпендривается», ведет себя «как все», коллектив оказывает ему внимание и даже предоставляет защиту. Но основная задача ячейки — помешать человеку выделиться из коллектива, возвыситься над ним, противопоставить себя ему в качестве автономной личности. Случаи, когда коллектив выказывает почтение к какому-то своему члену и возвеличивает его, не противоречат этому правилу, так как это означает признание заурядости /а не превосходства!/ данного члена коллектива, но в особой социально значимой /дозволенной и признанной/ форме. Между прочим, культ Вождя в нашем обществе есть культ ничтожеств, а не выдающихся личностей.

Меры первичных коллективов в отношении тех, кто обнаруживает признаки выделения индивида в качестве личности, весьма ощутимы, хотя они и кажутся для посторонних сущими пустяками. Например, лишение премии или надбавки к зарплате, невключение в очередь на жилье, отказ повысить в должности, выговоры, бойкот, сплетни и т.п. Существенное место в этой системе давления занимают партийные и комсомольские организации, от решения которых судьба членов партии и комсомола, которые суть члены коллектива, зависит роковым образом. В большинстве случаев эти меры достаточны, чтобы «образумить» человека или жестоко расправиться с ним. Если же меры коллектива не дают желаемого эффекта, в силу вступают специально созданные органы подавления, работающие в тесном контакте со всеми прочими формами власти и с первичными коллективами. Ядро, вдохновляющее начало всей системы подавления, образуют Органы Государственной Безопасности /ОГБ/. Они суть лишь отчужденная и обобщенная в масштабах всего общества сила коллектива, направленная против личности.

Замечания Ученика и Однорукого

Наконец-то, подумал Ученик. А я-то уже начал подумывать, будто автор — нормальный, невинно пострадавший правдолюбец. Скучно. Вот так все они начинают с грандиозных намерений сказать самую глубинную и самую всеобъемлющую истину, а скатываются в конце концов на репрессию, лагерь, психушки. Хотя бы один удержался на грани нормы! Неужели все дело в подавлении? Мы живем себе. Много ли вокруг нас таких случаев репрессий?

Эти свои соображения Ученик высказал Однорукому. У кого что болит, тот о том и говорит, ответил тот. Дело в том, что всякий, кто задумается над свойствами нашего общества, неизбежно придет к этому, ибо это есть самое концентрированное и итоговое выражение сути общества. Конечно, с точки зрения индивидуального сознания. Или индивидуализма, как мы говорим официально. К тому же таких «репрессируемых» не так уж мало. Сколько? Триста миллионов по крайней мере. Я не шушу. Мы все суть репрессированные. Только мы к этому состоянию привыкли. И не стоит над этим ломать голову. Это все пустяки. А я тебе расскажу... между нами, конечно... хотя ты тоже подписку давал... Одним словом, любопытнейшее письмишко. Автор — бывший крупный инженер по стоительству убежищ от атомных бомб. Лауреат. Герой труда. В общем, человек заслуженный. Письмо направил в ВСП. Вернее, он его размножил в пятистах /!/ экземплярах и разослал всем членам ВСП. Автор пишет, что у нас наряду с обычными убежищами /их — десять разрядов, причем только высшие три разряда дают какие-то мизерные гарантии/ построены особые убежища для высших лиц государства на десять тысяч человек и с запасом всех видов довольствия на пятьдесят лет. Стоимость этих убежищ фантастическая. Но самое главное — они совершенно бесмысленны. И автор подробнейшим образом обосновывает свой тезис. Во-первых, с точки зрения человеческого материала /отбор людей в эти убежища производится так, что туда попадают в основном старые маразматики, холуи, проходимцы и т.п./. Во-вторых, с технической точки зрения /автор указывает пункты, по которым будут накапливаться неконтролируемые последствия; последние приведут к катастрофе; не говоря уж о неизбежных слоках и интригах в среде руководящей верхушки. В-третьих, с земной точки зрения /уцелевшим не гарантирована хорошая встреча на земле, скорее всего их разыщут и казнят как преступников/. Представляешь, львиная доля доходов страны идет на то, чтобы сохранять шкуру никому не нужным маразматикам! Это что, сказал Ученик /ему захотелось блеснуть перед Одноруким своей смелостью и осведомленностью/. Нашему Вождю ежедневно на специальных самолетах возят из южной Африки плоды, продлевающие жизнь. Обходится каждый полет в миллионы. А итог? А ну их в ж..у, сказал Однорукий. Все равно из этого бардака толку не будет.

ОГБ

ОГБ является ясной для всех и, вместе с тем, непонятной никому организацией в Стране. С одной стороны, это есть лишь веточка и орудие аппарата Партии. С другой стороны, — такая веточка, которая по мощности имеет тенденцию превзойти дерево, веточкой которого она является, и такое орудие, которое постоянно стремится превратить в свое орудие весь остальной аппарат Партии. Подчеркиваю, речь идет о тенденции, а не о реальном положении дел. В свое время эта тенденция была доминирующей, и ОГБ были реальной господствующей силой в Стране, подчинившей себе весь аппарат Партии и государственной административной власти. Потом /после «разоблачения культа», в «либеральную» эпоху/ эта позиция ОГБ была нарушена, и им была на довольно длительный период отведена незавидная /хотя и по-прежнему гнусная/ роль. Теперь, судя по всему, мы вступаем снова в период, когда роль ОГБ сильно возрастает. И не исключено, что они еще могут проявить себя еще более роковым образом, чем ранее.

Упомянутое положение ОГБ связано с особенностями структуры и статуса аппарата власти в Стране. Чтобы понять, в чем тут дело, надо принимать во внимание следующее. Первое — различие фактической и номинальной власти и их несоответствие. Примеры такого рода общеизвестны. Например, Вождь Партии незаконно выполняет функции главы государства, вступая в переговоры с главами западных стран и подписывая договоры. В силу закона тенденции власти к сужению круга носителей власти /вплоть до единовластия/ во главе Страны фактически оказывается сравнительно небольшой круг лиц из самых различных органов, слоев, сфер общества /вплоть до близких родственников Вождя, занимающих официально не самые высокие посты/. Естественно, должен сложиться фактический механизм власти, позволяющий правящей группе держать всю Страну. Таким механизмом /тоже естественно/ становятся ОГБ, а их глава входит в правящую группу и становится одним из ближайших подручных Вождя. Второй фактор — дифференциация различных функций единой власти /идейных, административных, представительско-показных, управленческих, социальных/ и воплощение их в различных организациях. Создаются организации, воплощающие в себе и реализующие на деле социальные функции власти. Это и есть аппарат ОГБ и совокупность других организаций, так или иначе подчиненных ему и контактирующих с ним. А в силу особенностей коммунистического общества именно социальная функция власти является доминирующей. Это и есть здесь коммунистическая власть как таковая, в чистом и натуральном виде, как бы ее ни маскировали и какое бы место в системе власти ни отводили ей номинально. Это и есть та самая власть коллектива над индивидом, отчужденная социальными группами общества в силу разделения функции и объединения в масштабах всего общества. Представительно - показная власть, по идее воплощающая общее руководство, оказывается иллюзорно - политической. По самой сути нашего общества здесь реальная власть не может быть открытой и явной. Это очевидно в отношении «выборных» органов власти. Но это имеет силу и в отношении номинального аппарата партийного руководства. Всем хорошо известно, что бесчисленные члены бюро районных, областных, краевых комитетов партии и даже члены центральных комитетов партии суть пустое место, что заправляют всем в этих органах первые секретари, навязываемые сверху и фактически неподконтрольные своим избирателям и прочим членам органов «коллективного» руководства. Только в некоторых случаях высшее партийное руководство обретает видимость коллективного. Причем, для посторонних остается скрытым тот факт, что оно при этом либо является переходным, либо выступает как фактическое представительство и власть ОГБ. Дело тут не в названиях и не в формально-бюрократических отношениях. Дело в том, подчеркиваю, что социальная власть

общества есть власть в собственном смысле слова, что она воплощается в определенной организации и что в данном случае это ее воплощение принимает форму ОГБ. Так что выделение здесь ОГБ в качестве предмета внимания есть просто выделение социальной власти общества в ее техническом исполнении. Это не есть шизофреническая идея, как полагают многие /часто неглупые/ люди. Это есть неизбежное следствие научной абстракции при анализе сложного механизма этого общества. Оставить без внимания ОГБ при анализе коммунистического общества, значит оставить без внимания то, как конкретно осуществляется техника специфической социальной власти общества — власти «мы» над «я».

Проходные двory

Он привносил с собой в наши попойки нечто возвышенное, просветленное, даже священное. Когда Он долго не появлялся, мы начинали скучать о Нем. Витя предложил в конце концов выяснить, кто Он такой, где работает или учится, где живет. И как в конце концов Его звать? Степан сказал, что Он типичный трепач, конечно, человек несерьезный, но вроде бы парень свойский. Скорее всего — фронтовик. Похоже, что бывший пилотяга. Они вообще все были пьяницы, бабники и хохмачи. Не то, что мы, танкисты. Костя сказал, что это не играет роли. Подумаешь, фронтовик! Если он не успел попасть на фронт, так значит он неполноценный человек?! У них на курсе власть захватили бывшие фронтовики. А это такая мразь, не приведи господи! Того гляди, сами начнут расстреливать прямо на семинарах. Эдик тоже до фронта не дорос. И не видит в этом ничего преступного. Чудак, сказал Степан, я же не о том. Просто война — это особая жизнь, совсем не такая как сейчас. И отныне люди на много лет будут делиться на переживших и не переживших войну. Делиться не отделом кадров, не по анкетам, а по психологии. Чем же твоя, например, психология отличается от моей, спросил Витя. Пьем мы, вроде, одинаково. И ведем себя, вроде, одинаково. Это так, сказал Степан. Но мы есть основа, а ты — нечто производное, вторичное. Понял? Не будь этой основы, ты пил бы иначе, и выпивка в твоей жизни играла бы другую роль. Ну как бы мне тебе пояснить?... Не надо, сказал Витя, и так все ясно. Я же не возражаю. Только куда все-таки Он пропал?...

У Него была еще одна страсть : проходные двory. Теперь проходные двory в Москве почти исчезли, а тогда их было много. И все они были различные. Каждый из них имел свое индивидуальное лицо. Именно лицо! Мы не знали об этом. Мы не придавали этому значения. Это Он открыл нам московские проходные двory с их неповторимой таинственностью и неожиданностью. Ребята, говорил Он, вы понятия не имеете о том, какие в Москве проходные двory! Пойдемте, я вас проведу через такие, что у вас дух захватит. Я открыл двести таких, что каждому из них можно посвятить книгу. Когда я умру, на моей могиле напишите : он не сделал никаких научных и литературных открытий, зато открыл сотню проходных дворов в Москве. Хотя люди скоро забудут о том, что такое вообще двор, тем более — проходной. А жаль!

Грустно, говорит Степан. А ну, двинемся по проходным дворам! Тем маршрутом, как мы шли в последний раз. Кто помнит? Разве запомнишь, говорит Эдик. Мы же поддали тогда, дай боже! А почему ты думаешь, что он был летчиком? Ну, это тривиально, говорит Степан. Помнишь?...

Сегодня будет нам хана,
Мы это точно знали.
Велели, чтобы ордена
Политруку мы сдали.
Мы для профформы, не для сна
На нарах добирали.
Нам было вовсе не до сна,

Мы лишь рассвета ждали.
И, как ведется с давних пор,
Цигарки мы крутили.
И всем смертям наперекор
Смеялись и хохмили.
Пороли несусветный вздор
И чуточку грустили.
Я отчего-то заскучал,
Решил всхрапнуть минутку.
Но мой ведущий заворчал,
Похоже, будто в шутку:
Оно, конечно, наплевать,
Что мало кто вернется.
Ведь все равно околевать
Когда-нибудь придется.
Но, рассуждая без прикрас,
Живем-то мы один лишь раз,
Вторично не придется.
Живем-то, братцы, только раз
Обидно до печенки,
Нас посшибают, а без нас
Останутся девчонки...
Не велика потеря, вдруг
Изрек другой беспечно.
Как говорил наш политрук,
Нас будут помнить вечно.
Скосив насмешливо глаза,
Ученый-штурман так сказал:
Здесь неуместна скука!
Нас выручит наука!
К примеру — строят самолет
Не боги, а мы сами.
Мы ж разбирали пулемет
И собирали пулемет
С закрытыми глазами.
А человек — что ероплан,
Нисколько не сложнее.
А если человек — Иван,
Так пулемет сложнее.
Наука так уйдет вперед,
Что запросто Ивана
Она вторично соберет
Без всякого изъяна.
Тут сам комэск вмешался в спор,
Тряхнувши орденами.
Все это, братцы, сущий вздор,
Скажу я между нами.
Простое дело — сотворить
Из мяса тела тушу.
А ты попробуй повторить
Мою хмельную душу!
И потому кончай болтать!
По экипажам, братцы!

Награды, документы сдать!
И как чуть-чуть начнет светать,
Сигнал ракетсй — вылетать!
И — будем постараться!

И никакой он не летчик, говорю я. От силы — воздушный стрелок. Или моторист. Наверняка в штрафном был, говорит Костя. Есть некоторые признаки... Словечки такие употребляет...

Феномен

В Творческий Отдел, говорит «Девушка» /та, которая моложе, но толще/, привезли на редкость интересного типа. Выдающийся феномен. С ним даже запретили первичную обработку производить. По профессии — слесарь-водопроводчик. При какой-то домовой конторе. Жуткий пьяница и матерщинник. Это обычное дело, говорит Ученик. Все они там... Не в этом суть, говорит Молодая Девушка. Это настоящий феномен. Окончил три факультета, не получив ни одного диплома. Знает несколько западных языков. В том числе — португальский. Зачем? Во всяком случае готовит школьников к экзаменам в институты по английскому, французскому и математике. И, представь, весьма успешно. Но и не в этом дело. Главное — он писал кандидатские диссертации... Вы не поверите!... По медицине. И так насобачился, что отличные работы делал. Пара месяцев, и готова работа. И все успешно защищалось!... Вот, небось, денег зашибал, говорит Ученик, миллионером стал!... Ерунда, говорит Молодая Девушка, только на выпивку. Все деньги забирали себе дельцы, которые устраивали диссертантам публикацию статей, постановку их на защиту и прочие чисто технические вещи. А ему гроши платили. Но знаете, на чем он попался? Жуть! Ему заказали докторскую по микробиологии! Да еще по секретным штучкам, имеющим военное значение. Он попросил, чтобы ему дали кое-какие закрытые материалы. Так он их по пьяной лавочке где-то посеял... Скандал, говорят, ужасающий поднялся. И что с ним теперь, спросил Однорукий. Хотят, вроде, подлечить слегка, говорит Девушка, и определить в одну из спецлабораторий. Там таких любят! А по-моему, говорит Однорукий, следовало бы самому рядовому следователю и эксперту изучить ситуацию в той самой области медицины. Наверняка все эти диссертации — сплошное жульничество. Да нет же, говорит Девушка. В том-то и дело, что его диссертации — самое приличное в этой области за последние двадцать лет.

ОГБ

Вот, к примеру, простая задачка для упражнений в социальном мышлении. У власти стоит «коллегиальное» руководство, а фактически — два или три человека. Одному из них надо спихнуть двух других и стать единоличным правителем. Почему это нужно — другой вопрос. Важно, что это не просто хочется, а необходимо по независящим от отдельных людей причинам. Не ты их, так они тебя. И речь идет не просто о борьбе внутри тройки, а о борьбе за власть в огромном аппарате, воплощающейся и фокусирующейся в борьбе двух-трех /как правило — маразматиков/ за личную власть /которой они фактически иметь не будут/. Так, напоминаю, одному из них надо захватить единоличную власть. Как это сделать технически? Одними разговорами? Чушь! Устранимых надо изолировать от своих групп и от прочих членов власти, надо за ними в оба смотреть, а то и уничтожить совсем. Надо организовать давление на прочих членов органа власти, принимающих то или иное решение. Словами их не убедишь. Единственное, что может их убедить, это — угроза отстранения от власти, понижения и даже ликвидации /организовать «инфаркт» ничего не стоит/. Для этого нужны люди. А это — ОГБ.

Реальная власть общества состоит не в том, чтобы ежеминутно отдавать приказы. Она может сделать лишь одно или два дела за большой промежуток

времени. Часто — совершенно незаметных дела. Может вообще ничего не делать, — само ее существование есть дело. Подобно тому, как старшина роты, отдающий сотни приказаний в день, не есть командир роты и тем более не командир полка, который вообще может лично не соприкасаться с солдатами. Принятие бутафорской и демагогической конституции Страны и грандиозная шумиха вокруг этого с точки зрения реальной власти есть ничто в сравнении с решением ОГБ объявить одного диссидента американским шпионом и начинать постепенно раздувать в Стране шпиономанию.

ОГБ суть явление в высшей степени в духе законов и обычаев коммунистического общества. С одной стороны, они вполне определены и образуют строгую организацию, — «аппарат ОГБ». Здесь не играет роли то, что это — типичное коммунистическое учреждение, что работает оно на низком интеллектуальном уровне, халтурно, нелепо, что занято в основном очковтирательством и липовыми делами /имитацией дела/, что сотрудники его — типичные лодыри, хапуги, халтурщики, невежды и т. п. Важно, что это — «аппарат» со всей своей строгой иерархией и рутинной. С другой же стороны, ОГБ суть нечто аморфное и расплывчатое, разлитое повсюду и не локализуемое нигде. Например, в одном учреждении сотрудники дружно клеймят своего коллегу за то, что тот осмелился что-то выкнуть по поводу «мудрости» высших распоряжений, выгоняют с работы и затевают судебное дело. Внешне ОГБ тут не при чем. А между тем это делается ими для них. Упомянутый сотрудник получает два года лагерей строго режима за подделку документов /подправил рецепт на двадцатикопеечное лекарство!/. ОГБ совершенно не при чем, — к ним не придерешься. С этой точки зрения ОГБ суть некий дух общества, разлитый везде и лишь сгущающийся в некоем «аппарате».

Выражение «аппарат ОГБ» в свою очередь двусмысленно. В узком смысле оно охватывает совокупность организаций, профессионально занятых осуществлением социальной власти, и лиц, получающих средства жизни в этих организациях. С этой точки зрения аппарат ОГБ сопоставим с аппаратом Партии /тоже в узком смысле слова/ и аппаратом Правительства. В широком смысле слова аппарат ОГБ охватывает огромную армию добровольных и принудительных осведомителей, экспертов, советников, особых отделов в учреждениях и т.д., а также воспитание всего населения в таком духе, что оно становится послушным телом ОГБ, их естественным продолжением и завершением. Гражданин Страны, отказывающийся так или иначе сотрудничать с ОГБ, является здесь настолько редким исключением, что его можно вообще не принимать во внимание. Такой человек самым фактом отказа ставит себя в такое положение, что с ним обращаются как с фактическим или потенциальным врагом общества. С этой точки зрения ОГБ суть организация всего населения Страны, которая фактически накладывает свою печать на организацию населения по линии партийной и комсомольской /и всякой иной социальной жизни/. Если нужно, например, группу людей послать на окраину Страны на временную или постоянную работу, то эта группа еще может оспаривать решение партийных или комсомольских органов, но никогда не будет спорить с ОГБ.

ОГБ суть неполитическая организация населения в систему господства и подчинения, на деле воплощающая идею об отмирании политической власти на высшей стадии коммунизма. Аппарат Партии и Правительства не в состоянии справиться с социальным управлением Страной без аппарата ОГБ. Недавняя вспышка оппозиционных настроений и диссидентства была обусловлена в значительной мере тем, что руки ОГБ были основательно связаны, и партийные власти мешали им отправлять их функции естественным образом. Аппарат же ОГБ вполне способен решить эту задачу управления и без представительного аппарата Партии, который все более вырождается в средство удовлетворения корысти и

тщеславия. Между прочим, фактически работающий аппарат партийного руководства почти поголовно состоит из сотрудников ОГБ, так что лишь вывески различные /впрочем, тут вывески прячут/. Если допустить на минуту, что исчезла представительная и «выборная» власть и «выборный» партийный аппарат, то общество все равно будет функционировать почти или совсем нормально /многие считают — лучше!/, если сохранится система ОГБ. Но если рухнет последняя, начнется хаос и развал, и никакая заседающая на собраниях партийная и «светская» власть не спасет дело. Нормальная жизнь этого общества просто немыслима без ОГБ.

Могильщик

В столовой Ученик оказался за одним столом с пожилым мужчиной, который ему представился как Главный Могильщик Страны. Новенький, спросил мужчину. Сразу видно по выражению лица. Как? Вы еще способны удивляться. А мы эту способность давно утратили. Вы вот наверняка хотите спросить, что это за должность — Главный Могильщик. Так ведь? Насчет главного я малость загнул, признаюсь. Я всего лишь младший сотрудник сектора некрологов в отделе... А, это не играет роли! Зато я — действительно работающий сотрудник. И уникальный, между прочим. Я держу в памяти десять тысяч некрологов на высших лиц Страны, постоянно их корректирую, исключаю ненужные, включаю новые и т.д. Картотека на покойников, удивился Ученик. Зачем это? На каких покойников? На живых! На покойников мы уже не держим, выбрасываем. Как на живых, изумился Ученик. Неужели вы не знали об этом, в свою очередь удивился собеседник. Вы, молодой человек, пришелец из космоса. Или иностранный агент. На всех высших лиц Партии и Правительства, выдающихся деятелей культуры и военачальников, известных Героев Труда и спортсменов и т.д. заранее /на всякий случай/ заготавливают некрологи. Эти некрологи утверждаются на соответствующем уровне, корректируются со временем, устанавливаются лица, подписывающие некрологи, и места публикации, в общем — все до мельчайших деталей заранее утрясается. Например, некрологи на Народных артистов и маршалов утверждаются на заседаниях Политбюро ВСП. Тут, брат, целая система разработана. Это на высшем уровне. Некрологи рангом ниже рассматриваются и утверждаются на уровне республиканских ВСП, краевых и областных комитетов Партии и т.д. Мы делаем это на высшем уровне. И в этом деле я — фигура номер один. И представьте себе, за двадцать лет — ни одной промашки. Говорят, мы — самая точно работающая контора в Стране. Была одна промашка, да и то не по моей вине. Помните, умер композитор Ш.? Тогда некролог задержали на сутки : надо было слово «великий» заменить на «гениальный», а без решения Политбюро нельзя было... Ну, я вас, кажется, заговорил. Если заинтересуетесь, заходите. Это в голубом корпусе. Вы из хранилища? О! С вашим допуском к нам можно ходить свободно. Пока!

ОГБ

Считается, что основная функция ОГБ — разведка и контрразведка, борьба с шпионами и диверсантами и т.д. Конечно, эту функцию ОГБ отчасти выполняют. Но основная функция ОГБ — держать в страхе и повиновении население, предупреждать и искоренять возникновение враждебных строю настроений, действий, организаций, людей, пресекать всякие попытки нарушения коммунистической монолитности Страны. В функции ОГБ входит также ограничение appetitov власть имущих, поскольку привилегированные и правящие слои имеют постоянно действующую тенденцию перерождения в гангстерскую мафию, — т.е. предохранения строя от угроз не только снизу, но и сверху, со стороны самих хозяев общества. Это-жизненно важный и глубокий орган самосохранения и самоупрочения коммунистического общества. Он может менять

названия, формальный статус, структуру, состав, численность и т.п. Он может на время как будто бы исчезать совсем. Но он не может изменить свою суть. И при подходящих условиях он молниеносно разрастается, обретает чудовищную мощь, проникает во все стороны жизни общества.

Не случайно поэтому лояльность всякого гражданина по отношению к обществу здесь выступает в конце концов как сотрудничество с ОГБ, а всякое инакомыслие и оппозиционная деятельность /здесь инакомыслие есть вид оппозиции/ немедленно ставят дерзнувшего на это лицом к лицу с ОГБ как с его могущественным личным врагом. Конфликт с обществом здесь с необходимостью перерастает в конфликт с ОГБ. И если конфликт индивида с его окружением не дозрел до конфликта с ОГБ, значит, он еще не дозрел до конфликта с обществом.

Способы жизни

Жить тогда было трудно. Стипендия грошовая. Естественно, приходилось подрабатывать. Мы со Степаном разнюхали было теплое местечко — вахтерами во внутренней охране в одном министерстве. Сутки дежурить, причем пост — трехсменный, двое отдыхать. Лучше не придумаешь. Зарплата маленькая, зато форма бесплатная. И какой-то паек за копейки, т.е. фактически бесплатно. Но нас не взяли, когда узнали, что я — старшим лейтенантом был, а Степан — капитаном. Пришлось идти на разгрузку вагонов с картошкой. Вкалывали мы тут до умопомрачения, а получали пустяки: бригадир обирал нас самым бессовестным образом. Потом мы устроились копать ямы под деревья, — Москву начали усиленно озеленять. Тут было терпимо. Но лавочка эта скоро лопнула, все наше начальство посадили. Мы еле отвертелись. Наконец, мы нашли роскошную работу — на археологических раскопках в Зарядье. На все лето. Платили хорошо. Плюс премиальные — за ценные находки. Плюс — повышенная плата за аккордную работу, главным образом — за откачивание воды из раскопов после дождей. Работали весело. Он оказался великим выдумщиком. Однажды Он не поленился прийти ночью к соседнему раскопу, аккуратно выкопал глубокую ямку вплоть до материкового слоя и закопал туда медаль «За отвагу». И заделал так, что не подкопаешься. На другой день группа во главе с самим Р., руководителем экспедиции, докопалась до материка и ... обнаружила там медаль. Надо было видеть выражение лица Р.! Челюсть отвисла от удивления до самых коленок. Услышав вопли в соседнем раскопе, мы бросились туда. Р. все еще стоял с идиотским выражением лица и с медалью на ладонях. Кто-то сказал, что русский народ храбро сражался с захватчиками еще задолго до татаро-монгольского нашествия. Потом нас собрали, и Р. прочитал нам длинную и нудную лекцию о важности..., научной честности... и т.п. Мы не понимали, в чем, дело и глупо переглядывались: а мы-то, мол, при чем тут. Лишь несколько месяцев спустя Он создался.

И наговорились мы за это лето до одурения. И во всех беседах Он был заводной. Во всяком случае, о чем бы мы ни говорили, разговор принимал всегда особое направление, когда вмешивался Он. Так, однажды Р. стал рассказывать о том, что скоро Зарядье снесут, стену Китайгорода тоже снесут, и тут будет сооружено высотное здание. Ну и идиоты, сказал по этому поводу Он. Во-первых, с чисто архитектурной точки зрения это глупо. Нельзя около Кремля строить высокие здания. А во-вторых, мы уничтожаем свою историю, а потом будем ее измышлять. А народ с фальшивой историей, это уже не народ, а, извиняюсь, г...о. В другой раз разговорились о том, как жить, чтобы... Это не проблема, сказал Он. Можно жить, не работая в официальном смысле слова, т.е. не прикрепляясь ни к какому учреждению. За три месяца вполне можно заработать на жизнь на весь год на работах такого рода, как эта. Прожить можно на... /Он назвал такую сумму, что

мы рассмеялись, но Он привел тривиальный расчет, и мы «заткнулись»/. Конечно, никакой роскоши при этом иметь не будешь. И карьера не получится. Зато при этом ты будешь свободен от всяческих эмоций и устремлений, без которых невозможна наша официальная жизнь. Не нужно унижаться перед начальством и раболепствовать перед ним. Не нужно восхвалять высокопоставленных кретинов. Не нужно испытывать насилия со стороны сослуживцев. Тратиться на полированные шкафы, дорогие тряпки, ковры и т.п. В общем, при этом ты всегда свободен, весел, спокоен. А милиция, спросил кто-то. А семья? А дети? Ну, это все пустяки, сказал Он. С милицией всегда можно договориться. Без семьи можно обойтись, в крайнем случае можно найти подходящую пару. Правда, женщины более склонны к обрастанию вещами и заботами. Но бывают исключения... Самая трудная проблема при этом — выпивка. Бросить пьянство, конечно, никак нельзя. Но умеючи можно и тут на гроши выкрутиться. А главное, друзья мои, надо верить. Верить! Во что? В кого? Во что угодно и в кого угодно, только не в эту... вы понимаете, что я имею в виду... только не в эту мразь. Есть у меня один знакомый. Он думает по сему поводу так :

Безнадежно измотанный,
В пыль и грязь упаду.
Задыхаясь блевотиной,
Где приткнуться найду.
Где-нибудь за помойкою...
И не пробуя встать,
То, что начал за стойкою,
Тут продолжу роптать.
Объясни же мне, Боже,
Без научных основ,
Ты покинул за что же
Своих верных сынов?
Может, к нам обернешься?
Может, души отдашь?
Извини! Надерешься,
Так в башке сразу блажь.
Появися ты с нами,
Я б тревоги забыл.
Я б своими слезами
Твои ноги омыл.
Я бы в светлые ризы
И мерзавцев одел.
Я б любые капризы
Их в молитвах воспел.
Я б сознался, что верую.
В чем угодно вина,
Самой страшною мерою
Пусть карают меня.

Ну и так далее в том же духе. Дурак твой знакомый, говорит Эдик. Что хорошего в такой жизни? Современный человек должен иметь отдельную койку, а то и свою комнату, чистые простыни, приличную одежду. Ходить в музеи, театры, Мир видеть. В мире так много прекрасного. Природа. Города. И есть надо прилично. Вина тоже хорошие употреблять не грешно. Нынешний спорт и то стоит времени и средств. А ты проповедуешь убожество и нищету. Знаешь, кому такая идеология выгодна? Начальству. Хапугам. Карьеристам. Жуликам. Нам — жить на помойке. А им — наслаждаться в прекрасных квартирах, в особняках, на дачах, на курортах. Нет, мне такой способ жизни не подходит. Я хочу жить по-человечески. И

без твоего дурацкого бога. Я предпочитаю верить... В Партию и Правительство, спросил Костя. В самого себя, сказал Эдик. В свои силы. Между прочим, осенью я собираюсь подавать заявление в кандидаты в Партию. Уже согласовано. Как там согласно твоей религии? Можно мне позволить это или нет? Это твое дело, сказал Он. Я же никаких общественных организаций не признаю. Я даже не член профсоюза. А если заболеешь, спросил Костя. А по моей системе болеть нельзя, сказал Он. То есть как это нельзя, удивился Эдик. А вот так, сказал Он. Зачем болеть? Это вовсе ни к чему. Как ты считаешь? Вопрос застал меня врасплох, я мямлю что-то невразумительное, все смеются... Видите ли, говорит Он задумчиво, есть такая славная штука — свобода. Она, пожалуй, стоит комнаты, квартиры, дачи, машины, курорта. Но все эти штучки, говорит Эдик, не мешают свободе. Скорее наоборот. Вряд ли, говорит Он. Это ты сейчас так говоришь, поскольку только начинаешь свой путь к этим штучкам. Погоди, пройдешь немного, сам поймешь, что они у нас несовместимы со свободой. Точнее, путь к ним предполагает добровольный и свободный отказ от свободы. Эти штучки приобретаются дорогой ценой — ценой принятия сознательной несвободы. Ты вступаешь в Партию? Прекрасно. Но для этого ты должен от многого отказаться и сделать многое такое, что тебе не очень приятно. Ходить на собрания. Общественной работой заниматься. Одобрять. Осуждать. Ты сам все прекрасно понимаешь, что об этом говорить. К этому легко привыкнуть, говорит Степан. Я, например, член Партии с фронта. Ну и что? Я не чувствую себя из-за этого скованным. Конечно, говорит Он, ибо добровольная несвобода не ощущается как внешнее насилие, а только внешнее насилие мы ощущаем сначала как несвободу. Все равно, говорит Костя, игра тут стоит свеч. Беспартийного в аспирантуру не оставят, на хорошее место не возьмут. Для кого как, говорит Он. Для кого стоит, для кого нет. Только по моим наблюдениям от такой сделки люди в конечном счете проигрывают. Что проигрывают? Душу, а значит жизнь. Твоя «душа» — чушь, говорит Степан, поповские сказки. Что-то в твоих словах есть верное, но сказать это надо как-то иначе. Впрочем хватит болтать попусту. Надоело! Кстати, куда пропал Витка?

СППС

ОГБ обладают мощью Службой Подглядывания, Подслушивания и Слухов /СППС/. Последняя состоит из секций поголовного подглядывания и подслушивания, хранения и редактирования полученных материалов, использования этих материалов и распространения нужных слухов. Редактирование собранных материалов состоит в отборе нужных фрагментов из отснятого фото-и киноматериала и из записанного речевого потока и комбинирования требующихся фотографий, фильмов и текстов из данных отрывков. Сюда же относится фабрикация всякого рода фальшивок, поскольку считается, что ОГБ есть самая правдивая организация в Стране. При фабрикации фальшивок поэтому так или иначе используются какие-то фрагменты отредактированных материалов СППС. Служба хранения располагает новейшими информационно-вычислительными машинами. Одна из задач службы использования уже обработанных материалов — помощь следственным органам и судам. Согласно СК, материалы СППС могут использоваться в судебном процессе для того, чтобы судьи могли составить себе цельное и объективное представление об обвиняемых, должны приниматься во внимание при вынесении приговора, но не должны фигурировать в протоколах процесса и в формулировке приговора. Группа прогрессивных западных юристов высоко оценила это новаторство юстиции Страны и призвала Запад последовать этому примеру. Иначе зачем же тогда заводить дорогостоящую СППС?! Последнюю часть приведенной выше статьи СК передовые мыслители Запада оценили как проявление глубочайшего гуманизма нашего общества.

На первый взгляд СППС кажется излишней дорогостоящей организацией. Вот пример этому. Некто Н был осужден за анекдоты о Вожде на пять лет лагерей строгого режима. Дома осталась больная жена с парой ребятишек. Какие-то добрые люди собрали для нее пятьдесят рублей. За ней было установлено систематическое наблюдение. С помощью мощной аппаратуры фотографировали всех, кто приходил, и записывали все разговоры в ее комнате. Фотографировали из окон с противоположной стороны улицы. В конце концов собрали на нее неопровержимый // материал: она получила пятьдесят рублей нетрудового !!!/ дохода. А она и не отрицала этого без всяких дорогостоящих наблюдений, которые обошлись не менее, чем в три тысячи ///. Факт поразительный. Слабая, совершенно не защищенная женщина, с одной стороны, и могучий аппарат ОГБ с новейшей техникой сыска и надзора, с другой. Копеечная акция, с одной стороны, и многотысячная, с другой. Но в этой кажущейся нелепости и заключена великая суть дела.

Все то, что делается с помощью СППС, может делаться и без нее. И даже лучше, ибо правосудие Страны заранее устанавливает, кого и за что привлечь и что ему влить за это. Правосудие Страны интересуется не абстрактная истина, а эффект воспитания «нового человека». И на каком материале это будет сделано, не играет роли. Правосудию, далее, важно поставить в места заключения требуемое число людей. А что это будут за люди, точно также не играет роли. И все же СППС существует и процветает. Почему? Во-первых, сложившись, СППС стремится сохранить себя и даже расширяться по общим законам жизни учреждений Страны. И потому она должна функционировать, т.е. делать дело, нужное главным образом ей самой. Она должна изображать дело, тратить ассигнованные на нее огромные средства. Ее сотрудники должны выполнять свои профессиональные обязанности, соревноваться, выполнять и перевыполнять планы, проявлять способности, добиваться наград и повышений по службе и т.п. Во-вторых, огромный воспитательный эффект. Упомянутая выше женщина, например, попросила свою сестру посидеть с детишками, пока ее будут допрашивать /а допросы длились по шесть и более часов!/. Сестра, будучи уверена в том, что их подслушивают, отказалась. Если бы твой муж, сказала она, изнасиловал кого-нибудь или даже убил, я бы тебе помогла. Но за такое! Благодаря СППС в Стране сложился особый стиль говорения, свидетельствующий о том, что осуществлялась мечта руководства: пусть думают, что хотят, но пусть помалкивают. Граждане стали говорить нараспев, мычать что-то невнятное, включать музыку во время говорения, изъясняться жестами, гримасничать, вытаскивать телефон в туалет и прикрывать его подушкой или кастрюлей. Кастрюлей лучше, как считают физики. Хотя все понимали, что эти меры предосторожности не помогают, поделаться с собой уже ничего не могли. Развитие общения в этом направлении привело к тому, что вся Страна стала говорить зловещим шепотом. Вследствие этого работа СППС несколько усложнилась. Так, на расшифровку одного криминального анекдота раньше уходило пятьсот человеко-часов и восемьсот рублей, теперь же эти цифры утроились. Расшифровка враждебного разговора десяти лиц в течение пяти часов теперь стала обходиться в сумму, равную стоимости среднего бомбардировщика, несущего водородную бомбу тактического значения. Так что потери от недавнего угона сверхнового истребителя на Запад теперь можно будет легко компенсировать, отказавшись от расшифровки пары таких разговоров. Даже экономия будет. Только вот теперь какая проблема возникает : как заставить людей собраться в таком количестве и завести враждебные разговоры? Впрочем, эта проблема легко разрешима силами отдела редактирования материалов СППС.

Как уже говорилось, СППС имеет мощнейшие информационно-вычислительные машины. Но так как они трудны в обращении и часто закрываются на

ремонт, приходится содержать штаты специально подготовленных сотрудников, заменяющих ненадежные машины. Наши ученые установили, что ансамбли таких сотрудников в недалеком будущем будут способны конкурировать с вычислительными машинами, а затем и вытеснить их. Чем занимается служба слухов, очевидно без пояснения. В обязанности этой службы входит также дискредитация намеченных свыше лиц в глазах общественности.

Развлечения

Жизнь шла своим чередом. Мы все-таки ходили на лекции и не так уж часто удирали с них. Регулярно посещали семинары, писали курсовые работы, занимались общественной работой, в общем — делали все то, что должны были делать наши нормальные студенты. А если мы иногда валяли дурака и развлекались самым нелепым образом, так это было почти незаметно в нашей серой и унылой жизни. Лишь потом эти малозначащие пустяки превращались в легенды и обрастали подробностями, которых не было в действительности. Так, однажды мы объявили конкурс портфелей преподавателей университета. Сами преподаватели об этом и не подозревали. Это мы потешались между собой. Конкурс шел как по внешнему виду портфелей, так и по содержанию. Первую премию мы присудили портфелю одного доцента нашего факультета. С внешней стороны это был гигантский «сундук», изодранный до такой степени, что если бы доцент выбросил портфель на помойку, то даже старьевщики не позарились бы на него. А по содержанию он превзошел все наши предположения. В нем рядом с грязным бельем лежал обшипанный тридцатикопеечный батон хлеба и «Материализм и эмпириокритицизм» Ленина. Потом мы устроили конкурс женских задов. На сей раз в жюри вошло около пятидесяти человек с разных факультетов. Было обследовано около тысячи задов. Победу одержал... да, одержал, а не одержала... преподаватель эстетики с филологического факультета, работавший по совместительству также и в консерватории, который впоследствии оказался гомосексуалистом и был осужден на пять лет. По этому поводу у нас возникла острая дискуссия, — предшественница нынешних дискуссий о «правах человека». Дискуссия была настолько острой, что мы не могли успокоиться даже в «Грибоедовке». Витя сказал /у него был крупный запой, вследствие которого он попал в психиатрическую больницу, где его вылечили, после чего он первым делом посетил «Ломоносовку» и, естественно, оказался в «Грибоедовке»/, что мы путаем личные вкусы и правовой вопрос. С правовой точки зрения гомосексуализм признан правомочным во всех цивилизованных странах, кроме нас, хотя мы претендуем быть страной цивилизованной. Если тебе это противно, спи с бабами или занимайся онанизмом. И предоставь другим позаботиться о себе самим. Степан сказал, что их осудили за растление молодежи. Чушь, сказал Витя. Я же их всех лично знаю. Никакого растления там не было. В конце концов, медицина сейчас в состоянии установить, является человек прирожденным гомосексуалистом или нет. А в принципе любой человек содержит в себе как мужские, так и женские потенции, только в большей или в меньшей степени. К тому же культура... Возьмите Грецию. Или Рим... Тут не Греция и не Рим, сказал Костя, а Чухлома... прошу прощения Москва. И нашему брату предстоит еще догонять Запад по обычным методам, а вы тут про культуру толкуете!

Последней нашей крупной эпопеей был чемпионат университета по пьянству, — по водке и по пиву. После этого наша компания распалась. Мы встречались по двое и иногда по трое, но уже реже и уже в несколько иной ситуации. К тому же к этому времени у нас сложились внутрифакультетные питейные группы, отнимавшие у нас львиную долю времени, средств и способностей.

Служба осведомления и доносов

В деятельность другого важного отдела ОГБ — Службы Осведомления и Доносов /СОД/ вовлечено поголовно все население Страны. Так что идея классиков марксизма об отмирании государства путем вовлечения всего населения в управление обществом сбылась с ужасающей точностью. И вообще, все предвидения классиков сбываются. Но с небольшим коррективом: самые розовые мечты, сбываясь, оборачиваются самой черной мерзостью. Повторяю и подчеркиваю: все трудности и кошмары нашей жизни в обществе в целом вырастают из тех легкостей и приятностей, какие мы обрели в самых основах нашей жизни. Реальное облегчение, улучшение, обогащение и т.п. жизни лежит лишь на пути трудностей, строгостей, ограничений и т.д. в тех самых основах жизни. Но это отступление от моей основной темы.

Дело, конечно, обстоит не так, будто буквально все граждане являются осведомителями и все пишут или произносят доносы. В Стране много младенцев, еще не научившихся говорить и писать, престарелых пенсионеров, которым не до этого, начальников, которым нет надобности это делать... Дело в потенциальной способности властей почти каждого намеченного ими человека /за редким исключением, когда намеченная жертва имеет тенденцию стать отщепенцем/ сделать своим осведомителем, и в том, что кто-то сделает донос. Об этом знают все. В практической жизни исключений на этот счет почти не бывает. Вся жизнь коллектива протекает с априорным расчетом на то, что донос так или иначе будет сделан. В этом, а не в раскрытии неких тайн, подрывающих устои и наносящих ущерб, заключается сущность и основная функция СОД.

Сотрудники СОД разделяются на такие группы: 1/штатные офицеры ОГБ; 2/ штатные осведомители; 3/ спорадические осведомители. Вторые для отвода глаз числятся на каких-то должностях в учреждениях. Обычно это — бездельники, пьяницы, бабники и трепачи. И пользы от них мало. Зато они сами извлекают из своего положения немалую пользу. Пьянствуют /с хорошей закуской, конечно/ они за счет сотрудников учреждения, по секрету показывая им служебные удостоверения, раздувая до невероятных размеров свою роль в ОГБ /многие из них «лично знакомы с ...»/ и обещая поддержку. Часто это неплохие ребята на бытовом уровне, действительно способные помочь в пределах отношений блата. Они знают кучу криминальных анекдотов и все новейшие сплетни о высших руководителях, которых они презирают по праву почти близких знакомых, а отчасти потому, что это им дозволено по положению, — чтобы войти в доверие при выявлении инакомыслящих. Будучи повышены по службе, они становятся важными, таинственными, недоступными. И тогда рассчитывать на их помощь не следует. Прежние знакомства они обычно при этом порывают. Их не следует путать с офицерами ОГБ и МВД, которые официально и открыто числятся в качестве начальников первых, особых, секретных и т.п. отделов.

Штатные осведомители — основной состав СОД. Полчища их нечислимы. Думаю, что полный список их не способны составить даже сами ОГБ. Многочисленные должности в Стране вообще нельзя исполнять, не став штатным осведомителем /штосом/. Таковы, например, сотрудники отделов кадров, секретарши начальства, сотрудники спецкабинетов, экскурсоводы-переводчики, лица, имеющие дело с иностранцами, сотрудники гостиниц, шоферы такси и т.д. и т.п. Штатные осведомители /штосы/ работают по своей профессии, получая вознаграждение по общим нормам их легальной жизни. Вознаграждение за свои услуги они получают ковенно, — в виде допуска к выгодной работе, разрешения заниматься делами, запрещенными для прочих /например, вести предосудительные разговоры, общаться с иностранцами/, премий, прибавок к зарплате, путевок в санаторий, поездок за границу, повышений по службе, освобождений от неприятных

нагрузок, облегчения наказаний за проступки и т.д. Их почти невозможно уволить с работы за безделье, пьянство и даже за мелкие уголовные преступления. Многие из них довольствуются самим фактом бескорыстного служения обществу и сознанием, что их, возможно, не посадят, а если и посадят, то в последнюю очередь, и какие-то преимущества они от этого иметь будут. Многих из них принудили быть штосами, «подцепив на крючок» на каком-нибудь предосудительном деле и пообещав без последствий /например, на гомосексуализме, на венерической болезни, на совращении малолетних и т.п./. Многие из них используют свое положение штосов, причиняя вред тем, кто им мешает или не нравится, и устраняя со своего пути более способных конкурентов. Многие действуют просто в силу холуйской природы помогать начальству, пресекать, предупреждать, выявлять. При всех вариациях, однако, общим для всех штосов является выражение своей лояльности к существующему строю. Это — один из массовых и признанных способов засвидетельствовать свою лояльность.

Штосы разделяются на тематических /профильных/, отраслевых /учрежденческих, территориальных/ и личностных. Грани между ними подвижны, одни из них выполняют функции других, некоторые переходят из одной категории в другую. Но различия все же имеются. Иногда отдельные лица снабжаются несколькими осведомителями, дающими совместно всестороннюю оценку их деятельности. Поскольку наблюдаемое лицо обычно легко распознает своих штосов и лишь делает вид, будто не замечает их фактической роли, оно стремится вести осведомителей в заблуждение и навязать им желаемый ему взгляд на себя. Но штосы наблюдаемым не верят и сами приписывают им то, что им кажется наиболее подходящим приписать в той или иной ситуации. В местах, куда стекается информация от штосов, им тоже не верят и вносят свой корректив, полученный по другим каналам, являющийся плодом их собственных измышлений или навязанный вышестоящим начальством. В результате получается искаженная характеристика данного лица. И задача ОГБ теперь сводится к тому, чтобы заставить личность соответствовать своей ложной характеристике и заставить поверить в эту характеристику других. Например, создавая убеждение, будто некто Н хочет эмигрировать. Ему создают такие условия, что у него не остается иного выхода, как добиваться разрешения на эмиграцию. И тогда с удовлетворением отмечают: мы, мол, давно это заметили! И тогда вступает в силу железный принцип ОГБ для таких случаев /у них на все есть свои железные принципы/: катись отсюда вон, но мы тебя не выпустим. Это — частный случай более общего принципа нашего общества: общество вынуждает избранного индивида делать то, что оно не позволяет ему делать ни в коем случае.

Чего мы хотим

Чего мы в конце концов хотим, говорит Он. Согласен, прожить жизнь благополучно. Но что это значит? Есть социально-биологическое благополучие. И есть человечески-духовное благополучие. Это далеко не одно и то же. Пожалуй, они даже несоместимы начиная с некоторого момента. Поройтесь, например, в своей памяти. Поройтесь! Много ли всплывает в ней? Одни пустяки какие-то. Там-то и тогда-то обожрались до одурения. Или упились. К бабам смотались. А баб даже в рожу не видали. Почему же, протестует Костя. Я вот, например, помню, какое на меня впечатление произвели стихи Есенина и Блока. Не верю, говорит Он. Ты вспомнил о них только потому, что учишь. А Эдик мог бы сказать, что его потрясла первая лекция Толмачева. Одна сапог равен два булка! Такое не забывается. Философ может сослаться на работу Сталина «О диалектическом и историческом материализме». Тоже есть чему восторгнуться. Если пробьетесь в великие люди, так и будете врать. Врать, а не на самом деле! А не пробьетесь, даже вспоминать забудете. И эти наши питейные походы может будут единственным светлым

воспоминанием. Есть, ребята, социо-биологическая продолжительность, содержательность, событийность и т.д. жизни. И есть человечески-духовная продолжительность, содержательность, событийность и т.д. жизни. Можно прожить сто лет в здоровье, сытости, в делах, наградах, повышениях и т.д., и все же прожить при этом пустую бессодержательную и бессобытийную жизнь. Скучную, серую. И будет она переживаться как мгновение. Не случайно же наши правители так рвутся жить бесконечно, пичкаются всякими продляющими жизнь средствами. А почитайте их мемуары, когда таковые по воле случая появятся. Тоска зеленая. Кажется, прожита длинная жизнь, насыщенная событиями жизнь, а сказать-то им нечего. Пусто! И можно прожить всего двадцать лет, и будет эта жизнь переживаться как богатая, долгая, насыщенная... Не зря, ребята, люди в свое время изобрели Бога. Не зря люди выдумали сострадание, милосердие, самопожертвование... Когда мы были в окружении, над нами подбили одного пилотагу. Он выбросился с парашютом. А его ведомый сел, отдал ему свою машину и остался с нами. Он скоро погиб. Совсем мальчишка был. А перед тем, как погибнуть, он говорил мне, что у него такое состояние /после того случая/, будто он прожил бесконечно большую жизнь. И что умирать ему совсем не страшно. Мы, ребята, в начале пути. У нас у каждого есть выбор : или быть просто Человеком, или советским человеком. Как у нас говорят , «новым человеком».

Ерунда, говорит Степан, можно быть советским человеком и Человеком. Случаев взаимной выручки в бою я сам мог бы рассказать тебе десятки. Мне тоже приходилось с поля боя вытаскивать подбитый танк командира. Ну и что? А если я уцелел... Так и тот твой пилотяга мог уцелеть. Ты же уцелел!.. Не в этом дело, говорит Он. Ты ничего не понял. Тот парень не мог ни при каких обстоятельствах. Его расстреляли за то, что он обозвал Сталина трусом и мерзавцем. И предателем. А я уцелел. Это верно. Но я плачу свой долг тем, кто не уцелел. И тому мальчишке. Кстати, мы так и не удосужились спросить, как его звать. Мы его звали просто пилотягой.

А мы тогда тоже не удосужились спросить, как Его звать. Мы Его звали просто «Ты», «Эй», ты», «Христосик», «Трепач», «Стихоплет». Самым остроумным мы считали для него кличку «Апостол». И отказались от нее только после того, как Он уличил нас в безграмотности.

СОД

Недавно одного гражданина осудили за измену Родине как американского шпиона,— пример, характерный с рассматриваемой точки зрения. Один из знакомых этого гражданина /назовем последнего А, а знакомого — В/ донес в ОГБ, что А где-то встретился с американским журналистом и имел с ним беседу. Причем, когда В подошел, беседа прекратилась, и В не знает, о чем они говорили. В это время как раз искали повода выслать какого-нибудь американского журналиста за шпионаж, поскольку в Америке разоблачили группу наших реальных шпионов. Решили, что А — шпион, поскольку упомянутого журналиста решили выслать как шпиона. И начали работу по превращению А в «шпиона». Окружили его сворой осведомителей и провокаторов. Короче говоря, вынудили А на такое поведение, которое можно было бы представить как «доказательство» его шпионской деятельности. Например, сами сотрудники ОГБ в пятидесяти километрах от города зарыли в землю сверток с деньгами, фотопринадлежностями и инструциями. Осведомитель и провокатор В /он, конечно, дал согласие «помочь ОГБ»/ заманил туда А под каким-то предлогом, и его сфотографировали у этого столба. И так далее в том же стиле. Все участники дела вошли в роль до такой степени, что сами стали искренне верить, будто разоблачили крупного шпиона. Еще бы не поверить: им за то ордена, чины, звания. А между тем А работал в детской библиотеке, ничего

секретного не знал и не мог знать, с упомянутым журналистом встречался у себя и у него дома /у них были сходные интересы чисто литературного порядка/, так что если бы тому надо было передать А деньги и прочее, не было бы никакой надобности ехать за город и закапывать это на метр /! / в землю. Причем, А не скрывал от В и от других свои встречи с журналистом и их цели, зная заранее, что все их встречи и разговоры станут известны в ОГБ.

Однорукий

Ученик все чаще встречался с Одноруким /в курилке, в столовой, в забегаловках/. И разговоры с ним его забавляли все более. Он не воспринимал их всерьез, как и сам Однорукий. Да и можно разве в этом мире что-то принимать всерьез?! Везде и во всем сплошной обман, липа, подделка, фальсификация, имитация... И в дружбе тоже. Так что если уж встречаться с кем-то, так чтобы не было слишком скучно. А Однорукий ошарашивал его неожиданными суждениями. А ты знаешь, говорил Однорукий вдруг /ни к селу, ни к городу/, почему у нас с детства людям официально стараются прививать доброту, отзывчивость, верность дружбе, человеколюбие и прочие прекрасные человеческие качества? Ты думаешь, чтобы люди вырастали хорошими? Нет. Люди воспитываются все равно не призывами, а реальной жизнью. Но и призывы быть хорошим имеют свое великое воспитательное значение. Так зачем же это делается? А затем, чтобы сделать людей неспособными к сопротивлению, слабыми.

Каждый представляет себе коммунизм по-своему, говорил Однорукий в другой раз /причем, в самый неподходящий момент — в туалете/. Наш рядовой человек представляет его в виде такого уровня бытовой жизни, какой не достигает даже половины уровня на Западе, т.е. при капитализме. Это — идея нищих и голодных нажраться и отоспаться под крышей, и ничего более. А то, что происходит на деле, имеет совсем иные источники. Какие? Скорее, это — реализация чаяний господствующих слоев западного общества сохранить привилегии, избавившись от страха и потерь. Но они кретины. Между прочим, к нам... я тогда работал в другом более приличном учреждении... приехала группа американцев. Публика зажиточная. Бизнесмены с детьми и женами. Видные деятели культуры. Мы им показали «самодетельность». Ну, сам понимаешь, что это такое. Пригнали из профессиональных ансамблей, переодели, раскидали по цехам. Потом — собрали на глазах гостей. И устроили пляски и песни. Гости были в диком восторге. Я был тогда одним из переводчиков. Я тогда им сдуру и ляпнул, что, мол, конечно, хорошо поют и пляшут. Но посмотрим, что вы будете говорить, когда вас заставят вот также петь и плясать. Они на минуту умолкли. А потом, подонки, донесли на меня сопровождающему, т.е. прямо в ОГБ. Ну вот, я и оказался в конце концов тут. Мне еще крупно повезло. Я жив... Руки лишился — это пустяк. И на воле!.. живем, брат!..

Этот твой псих-автор явно не знал деталей структуры нашей власти. И не мог знать, ибо они засекречены. Но именно благодаря этому своему неведению он смог осуществить необходимые для науки упрощения. И роль ОГБ он ухватил, в общем, верно. Я бы сделал только одно несущественное дополнение. При ВСП есть особый секретный отдел, которому подчиняются все ОГБ, включая МВД. Этот отдел фактически следит за всеми прочими отделами. Подчиняется он непосредственно Вождю. Такие отделы есть и в краевых, областных, городских и районных Советах Партии. И там они подчиняются соответствующим отделам более высокого уровня. Они контактируют с вождями низших рангов, но скорее контролируя их. И вся эта система есть основа и вершина ОГБ, а Вождь Партии является таковым лишь постольку, поскольку он глава этой системы. А начальник ОГБ как особого комитета при Совете Министров есть лишь правая рука Вождя. В этом обществе

лишь в качестве переходной стадии допустима ситуация, когда фактическим правителем является закулисная фигура. Слухи насчет того, что Секретарь по идеологии там у них вертит всеми делами, вранье. Люди на то и захватывают власть, чтобы все видели, что у власти именно они, а не какие-то скрытые фигуры. Здесь вожди — не марионетки. Конечно, они тоже суть игрушки в руках других людей и истории, но совсем в ином смысле. А властью они обладают реально, а не для видимости. В качестве главарей ОГБ, подчеркиваю.

Как я выкрутился, говорит Однорукий, противно вспоминать. Сначала я рыпался. Но когда мне перебили руку ломом и собрались ломать вторую, угрожая перебить и ноги, я согласился на все. Некоторое время работал при иностранцах осведомителем-провокатором. Примелькался — перебросили на другую работу. В общем, это не интересно.

СОД

Спорадические осведомители /способы/ разделяются на добровольных энтузиастов и отобранных самим ОГБ. Принцип здесь таков : любой гражданин может стать способом, если он пожелает сам или того пожелают ОГБ. Так в приведенном выше случае с А его знакомый В сначала был обеспокоен, как бы с А не было неприятностей, т.е. захотел помочь А, и потому стал способом, а потом сами ОГБ захотели, чтобы он помог им. И он помог.

Помимо общей СОД существуют свои локальные службы доносов в каждом учреждении. Они возникают стихийно, в силу имманентных законов существования здорового коммунистического коллектива. Такие локальные СОД являются коллективными агентами ОГБ. Существует также открытая система доносов — намеки, выступления на собраниях, ученых советах, в печати и т.п., «дружеские» советы, «обмен мнениями», оговорки и т.п. Система открытых доносов постепенно переходит в систему общепризнанных форм коммунистического воспитания, образуя с нею единое целое. А так как в другом направлении имеется плавный переход в систему тайных доносов, то образуется монолитное общество единообразно думающих, говорящих и действующих стукачей. Разговоры о коммунистическом обществе как о единой семье — не пустые слова. Описанная здесь лишь частично система ОГБ с ее СППС, СОД и другими службами /в частности — Службой Провокаций/ образует одно из важнейших орудий создания и укрепления такой семьи на самом деле. Некоторый презрительный оттенок в словах «осведомитель», «донос», «стукач», «провокатор» и т.п., доставшийся нам от проклятого прошлого, скоро исчезнет. Или эти слова заменятся другими, обозначающими позитивную роль обозначаемых ими явлений.

О предательстве

Самая страшная вещь, говорил Он, есть предательство. Нет худшего состояния для человека, чем сознание того, что тебя предали. Это очень тяжело, когда ты один. И это ужасающе тяжело, когда ты предан вместе с многими другими. Я это, ребята, испытал на себе. Первый раз меня предала девушка, которую я любил. Это была моя первая любовь в жизни. Она некоторое время разыгрывала, что тоже равнодушна ко мне. А между тем носила мои стихи, посвященные ей, своим знакомым и смеялась вместе с ними надо мной. Ладно, пусть стихи плохие. Но я же не претендовал на вклад в поэзию. Я просто таким образом выражал свои мысли и чувства. Мы же не смеемся над тем, что говорим прозой, хотя прозой выражались Достоевский и Толстой. Второй раз меня предал мой самый близкий друг. Я ему излагал свои сокровенные мысли, а он обо всем растрепал комсorghу школы. Тот затеял персональное дело. Друг выступил на собрании с обличением. Меня выперли из комсомола, потом — из школы. Потом... было много всяких потом. Однажды

нас... не много, не мало, а целую армию... предало наше любимое руководство во главе с Самим. По его глупости и трусости мы попали в окружение. Причем — без боеприпасов, без продовольствия. Нас бросили на произвол судьбы без всякой на то надобности. А потом нас за это еще обвинили во всех смертных грехах.

У нас предательство, продолжал Он ту же идею в другой раз, не есть нечто случайное. Это есть необходимая черта общества. Суть ее — вселить в человека постоянное состояние неуверенности в ближнем и в себе самом, лишить всяких опор в людях и в себе, внушить человеку, что он на самом деле не венец творения, а ничего не стоящее г...о. И что обиднее всего в этом деле, занимаются этим настоящие подонки и ничтожества. Вам, небось, не раз приходилось сидеть на собраниях, на которых инициативу захватили именно такие ничтожества. Вы знаете, что они ничтожества, а поделаться ничего не можете. Так вот, увеличьте эту ситуацию до масштабов Страны, и вы получите наше общество.

Чушь, возмущается Степан. Что же, выходит, мы все г...о? Не все, говорит Он. И ты не г...о, иначе я с тобой даже с...ь не сел бы рядом. Но все мы ... или почти все соучастники подонков и ничтожеств. А что же делать, спрашивает Костя. Прежде всего — выйти из их подлои и грязной игры, говорит Он. Как? Путей много. Например, выйти из комсомола... Выгонят из университета? Верно. Пусть... Жаль? Ну, по крайней мере не вступать в Партию. Не ходить на собрания. Не идти в аспирантуру. Не покупать и не читать их газеты и книги... В общем, ни копейки на эту мразь, ни самого малого усилия... Ты хочешь, чтобы нас всех посадили лет на десять, говорит Степан. Думаю, что это — единственно эффективный путь. У нас никакие серьезные дела невозможны вне партии. Как сказать, говорит Он. Поживем — увидим...

Экспертная служба

Использование экспертов в системе ОГБ обрело неслыханные доселе размеры и воплотилось в особую экспертную службу — ЭС. Опять-таки здесь имеет место плавный переход от штатных сотрудников и организаций ОГБ к массовой самостоятельности населения, когда мнение учреждения о своем сотруднике выступает как экспертное заключение, не говоря уж о санкции дирекций учреждений, райкомов партии и т.п. на те или иные акции карательных органов в отношении избранных для этого индивидов.

Вот, например, сотрудник одного учреждения Н написал письмо в Конституционную Комиссию по поводу проекта «новой» конституции. Написал в порядке «всенародного» обсуждения, как старый честный коммунист. И предложил ввести в Конституцию пункт, запрещающий Вождю партии занимать посты главы вооруженных сил, правительства. Он наивно полагал, что тем самым будет гарантировано коллегиальное руководство и будет исключен «культ личности». Письмо попало в ОГБ, а оттуда — в партийную организацию учреждения. Там его осудили как враждебную вылазку. Автора письма арестовали и осудили, причем решение собрания фигурировало как экспертное заключение.

Особенность здесь состоит в том, что ЭС, давая свое заключение, не несет за него никакой ответственности. Следственные органы, получив такое заключение, принимают его как установленный факт и тоже не несут ответственности. Судебные же органы, работающие в таких случаях негласно, лишь формально подтверждают меру пресечения, которую им заранее рекомендуют ОГБ. И тоже не несут никакой ответственности. Совершается коллективная расправа с человеком, в которой трудно установить долю каждого участника. В результате сложилась система пресечения и наказания, совершенно свободная от персональной ответственности и даже от каких бы то ни было угрызений совести. Например, некоторые старые

друзья Н не пошли на то партийное собрание, где решалась судьба Н, чтобы остаться «чистыми». А то, что это была подлость в отношении Н и грубая несправедливая расправа с Н, понимали все. Все равно «чистых» в этом деле не было, ибо решение было принято единогласно.

Формальный аппарат поведения

Индивид в коммунистическом обществе с рождения живет в сфере действия мощнейшей системы воздействия, которая успешно /за редким исключением/ творит из него «нового человека», удовлетворяющего принципам этого общества. И надо признать, что это свое гнусное дело общество делает хорошо. Теперь уже очевидно, что коммунизм — это прежде всего общество плохих поступающих людей. Но дело по производству этой плохой продукции тут налажено здорово. Хорошо делать плохие вещи, пустяки, «липу», фикцию, имитацию, фальшивку, пакости и т.п., — это есть неотъемлемое качество нашего общества. Это в особенности относится к главной продукции — к производству человека. Общество здесь выпускает в массовых масштабах превосходно сделанную мразь, лишённую каких бы то ни было социально-нравственных устоев и готовую на любую мерзость, какая от нее потребуется смотря по обстоятельствам.

В индивиде складывается и закрепляется в ряде поколений особый аппарат поведения, который совершенно бессмысленно рассматривать с точки зрения эмоций, цели, морали... Это — особое явление, для описания которого нужна совсем иная терминология и иные критерии оценки. Вот один тривиальный пример для этого. Один мальчик вел дневник. Его друг однажды потихоньку вырвал из дневника листок и отнес в комитет комсомола школы. Друг сделал это вполне добровольно, без всяких советов, сознательно. Сделал это не по злобе, а просто так, в силу формального аппарата поведения, который в нем уже успел сложиться. Потом друг не жалел о сделанном. Он вообще об этом потом не думал. В вырванной страничке содержались предосудительные мысли. В отношении мальчика были приняты меры. Весь грандиозный аппарат общества, пришедший в связи с этим в движение, сработал опять-таки сугубо формально. Все эмоции, морализаторские и идеологические декламации, имевшие место при этом, были лишь элементами формального ритуала расправы, а не человеческим проявлением. Эксперты дали свое заключение. Суд вынес беспорное решение за несколько минут. Карательные органы применили меру пресечения согласно СК, считаемому самым гуманным правовым документом за всю историю человечества.

Мы не святые

Он зашел ко мне на факультет, заглянул в аудиторию и вызвал в коридор. Степан влип в неприятную историю, сказал Он. В вытрезвитель попал. Надо выкуп платить, иначе сообщат на факультет. А для него, сам знаешь... Я тут кое-что собрал. Нужно еще хотя бы двадцатку.

Я пускаю в ход все свои «связи», и через полчаса мы мчимся на такси на окраину Москвы, в вытрезвитель. Там уже начали «выписку». Степан сидел голый на койке, завернувшись в тощее одеяло. На левой ноге у него химическим карандашом был написан номер. Вид у него был кошмарный. Мы обделали все, что нужно, с администрацией. У нас еще осталось кое-что на опохмелье.

Не беда, говорит Он по дороге к забегаловке неподалеку от вытрезвителя /Он и тут знал все ходы и выходы/, главное — все хорошо кончилось. Бывает хуже. Мы же не святые. Ну, ты это брось, говорит Степан. Это мы не святые, а ты... Если бы не ты... Как ты меня нашел тут? Очень просто, говорит Он. Я навел справки в «Скорой помощи», потом — в Морге, обзвонил милиции, в одной мне дали твои

координаты. А что касается святых, так мы действительно не святые. Я знаю, вы не любите мои стихи. Но что поделаешь, я привык к такой форме. Ладно, говорит Степан, ради такого случая дуй!..

Я с давних пор в душе несу вину.
Она мне не дает опять покоя.
Снова тянет думать про войну.
А я уже не помню, что это такое.
Как ни пытаюсь, не выходит ни черта.
И вновь тоска пустую память точит.
Есть, чувствую, какая-то незримая черта,
Переступить которую нет мочи.
Задумаюсь: вот вроде было так.
И сомневаюсь тут же: нет, совсем иначе.
За что ни ухвачусь — все кажется пустяк,
Все будто ничего теперь уже не значит.
Из развалин памяти порой,
Бывает, слышу, голосов знакомый лепет.
Команду слышу становиться в строй,
Наряд вне очередь кому-то, слышу лепят.
Вот слышу шепот: помнишь, на троих
Ведро картошки запросто срубили?
Ты говоришь, не видел больше их?
Так их через неделю всех убили.
Не проживешь на свете без греха...
Ты помнишь ту отвратную сивуху?
Как нам тогда мутило потроха!
Вот создал бог зловредную старуху!
А тот парнишка... Как зовут, забыл...
Тогда вы вроде дружбу с ним крутили?!
Где он теперь? Как говорится, был да сплыл.
Ему на всю железку закатали.
А та девчонка... Помнишь? Синие глаза...
Неужто позабыл уже, какая?!
С ней вышла после этого буза...
Довольно, я кричу и уши затыкаю.
Так неужели старую вину
Я понесу с собой, как говорят, в могилу?!
И не припомню сказку про войну,
Про то, что вроде бы на самом деле было?!

СКАЗКИ О ВОЙНЕ И МИРЕ

Присказка

Я на жизнь не жалуясь. Пенсия у меня приличная. Работаю заместителем директора по хозяйственной части. Это мне дает еще почти столько же. Так что чистыми я имею не меньше доктора наук. Имею хорошую квартиру в центре города. Три комнаты. Получал на четверых, а теперь живем фактически вдвоем. Сын сам свою квартиру имеет получше моей. Дочь учится в Москве и, судя по всему, там и застрянет. Сын скоро сам полковником станет. Это на десять лет раньше, чем я в свое время. Может быть, генералом станет. Хотя теперь это без связей в верхах трудно. Связи и в наше время играли роль. Ключев, например, начал служить вместе со мной. И шалопаи были самые заурядные. Теперь он генерал-полковник. А меня вытурили в отставку лишь полковником. Я не жалуясь, другие и до этого не дотянули. У Ключева папаша был крупной шишкой в Генштабе. После училища ему дали сразу старшего лейтенанта, назначили командиром звена и вскоре эскадрилья в запасном полку. На фронте он побывал стажером в самом безопасном месте, получил пару железок, попал в академию и попер вверх. Но раньше такие случаи казались исключением. Теперь не то. Конечно, кое в чем я своему сыну помог. Но мои связи недостаточны, чтобы проскочить в генералы. Можно пойти на генеральскую должность куда-нибудь в Магаданскую или Читинскую область. Но сын наотрез отказался от этого. Говорит, лучше подполковником сложу тут, чем живым маршалом там. А дочь моя скоро будет кандидатом философских наук. Конечно, это не бог весть что — философских. Даже смешно немножко. Но все-таки кандидат. Так что наш род Лаптевых вылезает на историческую арену.

До сих пор я никакой политикой не интересовался. Слово «диссидент» научился произносить более или менее правильно совсем недавно. Да и то не вполне уверен, какая буква идет после «д» — «и» или «е», и два «с» нужно или одно. Но в последнее время невольно стал вовлекаться. То дочь приедет, и тогда только и слышишь: «права человека», «идеологическая борьба», «евреи», «эмиграция», «китайцы» и т.п. То сын забежит на минутку и какие-нибудь кошмарные истории расскажет про то, как в Балтийском море чуть было крейсер не угнали в Швецию, как на «Миге» летчик улетел в Иран, а два грузина уплыли в Турцию. Везде разговоры о продовольственных затруднениях, о психушках, о лагерях. Приемник купил, «голоса» слушать начал. Довольно любопытно. В общем время такое пришло, от политики никуда не денешься.

Живем мы, повторяю, вполне терпимо. Правда с продуктами стало хуже, цены растут. Но нам хватает. Жена завела связи в магазинах. Нам на работу кое-что подбрасывают для руководящих работников. Так что эти «временные трудности» переживаем легко. С юмором даже. Мол, вранье это все насчет «временных». До сих пор сельское хозяйство наладить не можем. А хвастаемся. Внук /он уже в пятом классе/ как-то сказал, что в этом году уборку закончили в феврале. Я сказал ему, чтобы не болтал глупостей. А он мне в ответ, что это точно

подсчитано. В шестидесятом году собрали урожай вовремя, в шестьдесят первом — на неделю раньше, в шестьдесят втором — на две недели раньше прошлого года и т.д. Что получается в итоге? Я, конечно, посмеялся. Как изменилась жизнь! Раньше за такие разговоры всю семью укатали бы в Сибирь. А теперь пошучиваем.

Пошучиваем и только. А как до дела доходит, то и нынешняя молодежь ведет себя не лучше, чем мы. Мы-то хоть отчасти не знали и не понимали, отчасти в идеалы верили, отчасти боялись. С нами ведь не церемонились, не то что теперь! А нынешняя молодежь все знает, все понимает, в идеалы не верит и посадок не очень-то боится. А ведет себя порой похуже нашего. Боятся все-таки. Но не Сибири, а чего-то другого. Чего? Боятся оклады потерять, должности, перспективы и многое другое. И не верят в улучшения. И не любят тех, кто нарушает их благополучие и спокойствие. У нас один еврей решил эмигрировать. Что началось, стыдно вспомнить. Мне жаль стало парня. Когда никто не видел, я пожал ему руку и сказал, чтобы он держался и не обращал внимания на эту истерику. Он сказал, что от кого другого, но от меня не ожидал таких слов. Зря только он уехал. Думаете, там лучше? Может быть, насчет еды и одежды лучше. И свободы всякие. Но ведь там вкалывать надо, не то что у нас.

Неожиданная встреча

Я прожил жизнь и никогда не был склонен к болтовне и размышлениям. Это я стал замечать за собой лишь в последнее время. Началось с пустяка. Внучка стала приставать : расскажи ей сказочку. Не умею, сказал я. А ты научись, возразила она. Я же был военным, сказал я, а армейская жизнь к сказкам не располагает. А ты расскажи про войну, не отставала она. Это неинтересно, сопротивлялся я. Откуда тебе знать, что интересно и что нет, твердо стояла на своем она. Ты же старый. Расскажи! После этого хочешь не хочешь, а задумаешься. А тут еще эта неожиданная встреча с Тоней, с Антоном Горевым, с которым когда-то были вместе курсантами У — ой Авиационной Школы Пилотов /УВАШП/. Откуда он взялся в нашем городе? Я потом навел справки в адресном бюро. Ответили, что такового в городе нет.

Я не трезвенник. Но и пьяницей себя не считаю. Выпиваю, но в меру. Голову никогда не теряю. Люблю иногда заскочить в «забегаловку» и пропустить стаканчик-другой. В один из таких заходов я и встретил Тоню. Я его не узнал сначала. В памяти моей он остался красивым изящным парнем. А тут — седой страшный старик, забулдыга. Приткнулся к столику, заваленному грязной посудой. А ты, Лапоть /это мое прозвище в школе/, почти не изменился, сказал страшный старик, сидевший напротив. Сказал голосом удивительно знакомым. Я оторопел, уставился на него, пытаюсь узнать. О, господи, промямлил я наконец, неужели... Мы все же думали, что... Вы правильно думали, сказал он. Ну, это дело прошлое. Не вернешь. Я не обижаюсь. Все давно перегорело.

Я предложил зайти ко мне домой. Он отказался. Я спросил, где он живет. Он не ответил. Поболтали мы около часу. Я спросил, не забыл ли он «Балладу о неудавшемся летчике». Мы тогда думали, что это он выцарапал ее на стенке губы. Он сказал, что «Балладу» помнит. Но на вопрос об авторстве лишь пожал плечами. Уже на улице мы наперебой стали вспоминать ее.

Я, ребята, не поэт.

У меня таланту нет.

Стих в печать не посылаю.

Гонорар не получаю.

И по совести сказать,

Не люблю совсем писать.

Исключительно со скуки

Ржавый гвоздь беру я в руки.
Пусть без склада и без ладу,
Нацарапаю балладу.
Что получится, не знаю.
Да и что о том гадать?!
Ну, итак, я начинаю.
Ваше дело — не читать.

Мы же с тобой вроде в одной части служили, спросил я. Ты тоже из «приказников», да?

Признаюсь в том честно, братцы,
Что пришлось сюда податься,
Нету в том моей вины.
Незадолго до войны
/Ждали мы ее как раз/
Вышел экстренный указ:
Всех, умеющих читать,
В авиацию забрать.
Я пытался уклониться.
Мол, башка вверху кружится.
И нервишки никуда.
С равновесием беда.
И не вышел на лицо.
И увеличено яйцо.
Но в комиссии со смехом
Мне сказали : брось финтить!
Яйца в небе не помеха.
А с лица не воду пить.

Иванов и еврейский вопрос

На нашей площадке живет семейство Ивановых. Он тоже отставной полковник. В отставку его уволили с генеральской должности в расцвете сил. Уволили по всей вероятности из-за жены: она у него еврейка. По паспорту она числилась русской. Но вот назначили Иванова на генеральскую должность, отозвали с Дальнего Востока как хорошего работника. Нашлись завистники. Покопали и донесли. А там нашлись ответственные идиоты, которые выперли на всякий случай здорового и сильного человека на пенсию. А сколько старья, не пригодного ни на какое дело, остается в армии до могилы!

С Ивановыми мы дружим. С ним спокойно можно говорить на любые темы. Я, говорит Иванов, за время своей службы насмотрелся такого, что наши оппозиционеры мне кажутся жалкими дилетантами. Они просто понятия не имеют о том, что реальность во сто крат хуже их измышлений. И хуже всех живет у нас русский народ. И мне его жаль. И я бы, пожалуй, стал русским националистом. Но, увы. У нас русский национализм немедленно перерастает в погром всего приличного и порядочного. Нас поставили в безвыходное положение, навязав нам роль носителя идеи, опоры всей нашей государственности. А мы по самой нашей холуйской натуре взяли на себя роль, от которой теперь отрекаются даже евреи.

Или вот еще речь Иванова. Говорят, евреи не дураки. А почему они должны быть дураками?! А почему мы должны оставаться дураками?! Кто нам мешает жить так, как евреям?! Вот я был на совещании пропагандистов в райкоме. Нам там цифры подбросили. Показать, что никакого антисемитизма у нас нет. Даже, мол, наоборот. Ничего не скажешь, цифры подбросили умело. Например, процент евреев

с высшим образованием около девяноста, а русских — около десяти. Характерны и районы расселения, распределения по профессиям и т.д. Собравшиеся гудели от возмущения. Раздавались выкрики: «Гнать их вон!», «Выселить всех в Сибирь!». Председательствующий призывал к порядку, но так, что характер его настроений был очевиден всем. Мой сосед толкал меня в бок и доверительно шептал, что за евреев скоро возьмутся.

Цифры — вещь коварная продолжает Иванов. Есть и другие цифры. Например, много ли у нас евреев в Генеральном штабе? А среди дипломатов? А в партийном аппарате? А сейчас, между прочим, по уровню жизни у нас на первом месте идет партийно-государственная верхушка, КГБ, генералитет, ведущие деятели культуры. Это — новая социальная общность. Вот ее и надо сопоставлять с евреями. Она воюет с евреями, навязывая русскому народу антисемитизм.

Я соглашаюсь с Ивановым. Но вернувшись домой или оставшись наедине с женой после ухода Ивановых, я скатываюсь на обычные русские позиции. Мол, факт остается фактом. Евреи устроились, урвали, захватили и т.д. Эмиграция плюс к тому. Заварушку нам учинили, а сами удирают, сволочи. Лучшей жизни захотели, от жира бесятся. Но в общем эта еврейская проблема, из-за которой сейчас сходят с ума, мало интересует. Недавно руководство нашего учреждения вызвали в Горком партии и предупредили: если у нас обнаружатся отъезжанты, нам придется прощаться с постами, а может быть и с партийными билетами. Велели профилактикой заняться, предупреждать, выявлять, сообщать, принимать меры. А по мне, так пусть хоть все уезжают.

Война

Война — это прежде всего тыл. Главным образом тыл. В конце концов тыл. На фронте обычно сразу убивают или калечат. А кто долго, «воюет», живет в тылу, замаскированном под фронт. Это таким «фронтовикам» выгодно, и потому они тщательно хранят легенду фронта там, где его и в помине не было. Все знают, что такое «тыловая крыса». Но «фронтowej шакал» даст «тыловой крысе» сто очков вперед. Он живет в полной безопасности, в полном довольстве во всех отношениях /еда, выпивка, женщины, развлечения/, быстро продвигается по службе, бог весть за что награждается чинами и орденами. И имеет ореол «фронтовика». Фронт же есть та часть тыла, где определенную часть людей убивают и калечат по правилам и средствами, разработанными в тылу.

Для меня война началась еще до войны. Как сказано в «Балладе»:

Погрузили нас в теплушки.
Ни одеяла, ни подушки.
Поезд дернулся. Ура!
Здравствуй, новая пора!
Для тепла прижавшись в пары,
Дрыхли сутками на нарах.
Грызли черствую черняшку.
Пятернею жрали кашку.
Выдавали нам селедку.
Мы ее тотчас на водку.
Песни выли до хрипоты.
И пускали дым до рвоты.
На стоянках девок жали.
До слезы от хохмы ждали.
В общем, жили, как в малине.
Благо путь задался длинный.

Через всю страну куда-то
Больше месяца плелись.
Позабыли, что солдаты.
Даже вшой обзавелись.

На одной станции эшелон простоял с полчаса рядом с эшеленом со студентками первых курсов московских институтов. Их везли на запад на уборочные работы. Мы весело поболтали и разъехались. Мы, солдаты, — жить. А они, девочки, прямо к немцам в лапы. Этот эшелон до сих пор не выходит у меня из головы. Что стало с теми девчонками? Какой негодяй придумал такую перетасовку людей? И до сих пор этот идиотизм тянется. К нам в город на летние каникулы прислали сотню студентов из Грузии. Работать. Что это за работа?! Они у себя-то дома не работают. А наших студентов угнали в Сибирь. Я заикнулся в Горькоме, чтобы наших ребят тут использовать. У нас же свои совхозы есть. Рабочих рук не хватает. И дешевле, спокойнее. Так мне хотели за это выговор объявить. Оказывается, я перестал понимать высшие соображения.

Разговоры

Мы - народ говорун и рассуждатель. Никто в мире не говорит столько впустую, сколько мы. Зайдите в наше учреждение. И вы засомневаетесь, стоит ли верить вывеске. Мы не столько решаем проблемы, указанные на этой вывеске, сколько болтаем о высшей политике, об искусстве, об американцах, о тряпках, об очередях, о «психушках», о диссидентах, о взятках и вообще обо всем на свете. Разговаривают за рабочими столами, у приборов, в коридорах, в кабинетах, в туалетах... Особенно молодежь. Дымят сигарету за сигаретой и шпарят без умолку. Меня они почему-то не опасаются. Я люблю слушать их разговорчики. Сам иногда ввязываюсь. Меня особенно интересуют разговоры, когда они касаются прошлого. Тут ко мне иногда обращаются как к эксперту. Вот, к примеру, одни из разговоров. В нем участвуют Костя, Леночка, Карпенко и Стаканов. Костя — талантливый парень, пьяница, хохмач, скандалист. Хлопот с ним полно. Прошлой зимой в доме отдыха воткнул головой в сугроб важное лицо. Хотели судить, но удалось отстоять. У нас его любят все. Он веселый, не карьерист. Но любят его главным образом за то, что он транжирит свой талант по пустякам и никогда не пробьется на приличный пост. Таков наш сердобольный русский народ: мы любим талант при том лишь условии, что он не проявляется и гибнет. Карпенко тоже парень толковый, но этот себе на уме. Он своего добьется, и потому его не любят. Стаканов уже заведует сектором, член партбюро на сер и косноязычен. Леночка — обладательница самой тонкой талии в городе. Из-за талии не захотела иметь детей. Глупа, но добра. Любовников меняет через день. Сейчас она мне зачем-то глазки строит и ножки показывает почти до «основания».

— Раньше не то было, — говорит Леночка, выставляя ножку из под коротенькой юбочки с разрезом до интимного туалета /а ножки у нее, надо признать, ничего/. — Молодежь скромнее была. Была чистая вера в идеалы. Какой душевный подъем был! Я просматривала фотографии тех лет. Какие одухотворенные лица! А героизм на фронтах! Если бы не та молодежь... С нынешней молодежью... Ведь верно я говорю /вопрос адресован мне/?

— Безусловно, говорю я. — Только с небольшими коррективами. Вы знаете, кто строил те гидростанции и каналы? Главным образом заключенные. Они почти все погибли. Их для газет и журналов не фотографировали. А улыбающиеся и одухотворенные лица можно ведь и отработать. И попробуй, не прояви восторг и душевный подъем. Тогда не церемонились. Кое-кто, конечно, был рад. Народ из деревни бежал, куда мог. Вербовались на любые стройки. Тут кусок хлеба давали, рыбу, место на нарах. Люди и этому были безумно рады. А насчет войны... Знаете ли вы, что в первые месяцы войны более двух миллионов наших солдат сдались в

плен? Как началась война, первым делом политруки испарились. Как? Знаки различия снимали. Все вдруг стали беспартийными. А в середине войны около миллиона наших солдат готово было воевать против нас. Из нашего класса четверо было в плену, трех евреев немцы убили, захватив в плен. Это все были наши комсомольские активисты. Один дослужился до коменданта концлагеря. Один в политотдел пристроился. Воевали «безыдейные» середняки.

— Что вы этим хотите сказать, — кипит Леночка.

— То, что люди становятся лучше. Не надо идеализировать наше прошлое. Оно не стоит того.

— Первый раз вижу отставного полковника, который говорит почти как диссидент, — говорит Костя. Прошлое всегда кажется лучше за счет исторической абстракции. Люди отбирают для памяти то, что им представляется интересным. А жизнь всегда и везде сера и скучна. Интересная жизнь возможна лишь в отвлечении от реальности.

— Не могу с вами согласиться, — важно говорит Стаканов. — Отрицать всеобщий энтузиазм и даже фанатизм тех времен нечего.

— А я и не отрицаю. Я лишь обращаю внимание на природу этого явления.

— Ну и что вы надумали, — снисходительно спрашивает Карпенко.

— Ничего особенного. После революции освободились миллионы постов. Прибавились новые миллионы. Народ пошел во власть, на эти посты. Сколько человек выдвинулось в командиры всех сортов, не имея ни образования, ни способностей! А сколько пошло в инженеры, техники, ученые, писатели, артисты! Сложилась иллюзия, будто всякий может подняться, если захочет. Когда я кончал школу, институт был гарантирован. Мы еще выбирали. Без взяток и без протекции. В результате войны, революции, гражданской войны, интервенции и последующих «коммунистических» экспериментов мы опустились на самый низкий уровень жизни. И всякое продолжение жизни могло бы быть только улучшением. Со дна ямы можно двигаться только вверх.

— Ясно, — говорит Костя. — Теперь места выгодные все заняты, их надо брать с боем. Образование проблемы жизни не решает. Улучшений не предвидится.

В этом разговоре я участвовал сам. Но так бывает редко. Обычно я молчу или отделяюсь шуточками. А вот в другом конце коридора другая группа чешет языки. Там — Стопкин, Жидов и прочие «аристократы духа».

— По нашей кафедре, — говорит один из собеседников, — за двадцать лет окончил аспирантуру около четырехсот человек. Защитило диссертации меньше ста. Остались работать в нашей области науки около пятидесяти. Каков коэффициент полезного действия? А Тихонов имел за это время тридцать аспирантов. Почти все защитились. Двое стали профессорами, трое докторами. Много публикаций. Это — лучшие публикации в нашей области. Каков КПД Тихонова? Вот в том-то и дело. А вы спрашиваете, за что его бьют.

— Говорят, он еврей.

— Чуть, он русский. А если бы и еврей, так что?

— Читали статью в «Известиях» про «шпионов»? Обратите внимание, как фамилии подобраны. Хотят показать народу, что наши диссиденты — сплошь евреи и шпионы ЦРУ. Шито белыми нитками. Кто в это поверит?

— Находятся такие. И не мало.

Из «Баллады»

Но как водится всегда,
Вслед за счастьем прет беда.
Через мой характер слабый
Бес попутал меня с бабой.
Я, друзья, солдат не гордый.
Щупать — щупал. А на морду
Обращал внимания мало.
Лишь бы, думаю, давала.
В это дело я вложил
Нерастраченный свой пыл.
И она не уставала.
И такое вытворяла,
Что ни в сказке рассказать,
И пером не описать.
Наконец, мы утомились
И в беспамятстве забылись.
Ночь прошла в кошмарном сне.
И чего не снилось мне!
Записать — другим урок.
Да боюсь, добавят срок.
Я от страха встrepенулся,
Громко пернул. И проснулся.
Предо мной она лежит,
Притворяясь, будто спит.
И во всем я мире, боже,
Не видал подобной рожи.
Вся в царапинах, прыщах,
Щепки, тряпки в волосах.
Я в себе ишу ответа:
Как же так, она ли это?
Не могу никак понять.
А она свое — вонять.
Тут, конечно, протрезвился
И немедля распростился
Я с красоткою своей,
Пожелав ей сто чертей
И сто ведьм еще в придачу.
Вам смешно. Я ж чуть не плачу.
В нашем славном эшелоне
Волочусь теперь я
В арестантском спецвагоне
На воде и сухарях.

Наша школа

Казарма первой эскадрильи нашей УВАШП, казарма запасного батальона и Учебно-летний отдел /УЛО/ расположены на окраине города У-а. Штаб находится в центре города в купеческом особняке. Аэродром находится в пяти километрах от города, а вторая эскадрилья вообще размещается на «втором аэродроме» в тридцати километрах. Для нас удобно. Например, если нас посылают в караул на аэродром, мы топаем через Подгороднюю Слободу, и кое-кто успевает назначить свидание бабам. И потом реализовать свои намерения во время бодрствования, а то и во время стояния на посту. Во втором случае либо драпаешь к бабе с поста /это

надалеко/, спрятав понадежнее винтовку /мало ли кто может заскочить на пост и стащить винтовку, и тогда тебе хана, хотя винтовке цена — грош/, или пригласишь бабу к себе на пост, и тогда делаешь свое дело, прислонив винтовку к бензоцистерне, самолетному крылу и другим подходящим предметам. Наиболее дисциплинированные делают это самое свое дело, не выпуская винтовки из рук. Один курсант в таком состоянии держал на должном расстоянии поверяющего до тех пор, пока не привел в исполнение свой замысел и не спрятал бабу в пустой цистерне. Бабу потом курсант еле вытащил в полуобморочном состоянии. Этот случай кончился хорошо. А на втором аэродроме в сходной ситуации курсант чиркнул зажигалкой, чтобы осветить своей возлюбленной лесенку, ведущую из цистерны наверх.

Осенью по дороге мы делаем небольшой крюк и пересекаем колхозное поле с морковкой, капустой и картошкой. При этом мы поем патриотические песни и четко печатаем шаг. Со стороны заметить, как мы набиваемся овощами, невозможно. Только после нашего прохода можно отчетливо заметить, что на этом месте колхозникам больше делать нечего.

Если нас посылают в штаб, мы проходим мимо базара, чайной и других мест, где можно пожить. Более интеллигентная часть курсантов назначает свидания своим «девочкам» и «женщинам». «Девочки» эти, однако, иногда годятся в мамыши /если не в бабушки/ «бабам» из Слободы. Но тут уж вступает в силу культура. У Мамалыги, например, «девочка» была библиотекаршей. Судя по числу оставшихся зубов, ей было за сорок. Когда Мамалыга валил ее прямо на сочинения классиков мировой литературы, она на весь город верещала что-то по-французски /что-то вроде «шармант»/.

Здание УЛО, в котором расположены также столовая, караульное помещение и гауптвахта, находится в ста метрах от нашей казармы. Но путь туда не менее долг, чем на аэродром и в штаб. Только теперь это зависит не от географических и исторических обстоятельств, а от заместителя командира по строевой части /начпостроя/ лейтенанта Шустова и его верного последователя старшины Неупокоева.

Самолеты

Наша школа авиационная. И мы иногда летаем. По идее должны летать. Но именно летать в нашей школе — трудная проблема. Конечно, сейчас война. Но старожилы говорят, что до войны было то же самое, если не хуже. Во-первых, лимит горючего и масла. Завезут горючее и масло, еле успеешь сделать пару полетов, как этот лимит уже кончился. И мы снова топаяем в караул, чистим картошку, долбим четвертую главу «Краткого курса».

Но главное — не лимит, а самолеты. Они очень старые и постоянно ломаются. Как поется в песне,

Летаем, пока не отвалятся крылья,
Пока не заглохнет мотор.

Они даже не столько старые, сколько безнадежно устаревшие. Скорость маленькая, вооружение — по воробьям стрелять. Горят от одной пули, — фанера! В первые же дни войны вся наша истребительная авиация, укомплектованная такими машинами, была уничтожена. А нас все еще учат на них летать. И звено за звеном улетает на фронт на таких старых и устаревших «зажигалках». Улетает, чтобы быть сожженными в первом же бою или даже до боя. И мы до сих пор не имеем права выносить из УЛО конспекты со сведениями об этих археоптериксах, — они совершенно секретны. Одного курсанта, уже окончившего школу, осудили на десять

лет за то, что он в компании гражданских лиц критиковал устаревшие машины и назвал при этом некоторые их технические характеристики. Курсанта осудили как пример другим и в качестве тренировки других на хранение военных тайн. Осудили по принципу : а если бы самолет был новой конструкции?! Ирония судьбы состояла в том, что все курсанты этого звена скоро погибли на фронте, а осужденный курсант «искупил своей кровью вину» и вернулся в школу героем с парой орденов. Ему открыли «зеленую улицу» летать, но он, умудренный опытом, пристроился в самостоятельность /он хорошо плясал/, и его оставили в школе инструктором.

Говорят, что скоро наши «ишаки» /так мы называем наш истребитель марки «И-16»/ спишут с вооружения и нашу школу переведут на «штурмовики» /«ИЛ-2»/. Мы, однако, к «ишакам» привыкли и хотели бы улететь на фронт на них. Пусть сожгут в первом же бою, но истребителями, а не какими-то «штурмовиками». На «штурмовиках», говорят, даже «бочку» сделать нельзя. Тоня же считает, что романтика авиации давно кончилась. На чем летать, роли не играет. Лишь бы не ползать в грязи и не дрожать в окопах. Для человека двадцатого века это унижительно.

Тоня

Тоня - мой друг. Он самый способный летчик в эскадрилье. Майор Рыжиков считает его выдающимся талантом. А у него высшая похвала — «летать на уровне вороны». Рыжиков хочет оставить Тоню инструктором или направить в школу летчиков-испытателей. Но из этого ничего не выйдет, Особый Отдел не допустит, так как Тоня стихи сочиняет и разговорчики ведет подозрительные. Тоню давно бы за это отчислили, но он делает «Боевые листки», и за это замполит его защищает.

Из «Баллады»

Так до места мы добрались.
В кои веки шей нажрались.
Приготовились летать.
Но пришлось обождать.
Разразилась она,
Долгожданная война.
Мы пустились ликовать.
Просим в часть на фронт послать.
С нашей мощною силенкой,
Мол, раздавим как котенка
Всех врагов одним ударом,
В их земле дадим им жару.
С иностранною девицей
Погуляем за границей.
Но прошло немного дней,
Дела суть стала видней.
Также дружно позабыв
Героический порыв,
Мы сначала приуныли,
А потом себе решили :
Что мозги ломать напрасно?
Все за нас решат Вожди.
Как известно, жизнь прекрасна.
Свой черед покорно жди.

Шуст, Чекалов и другие

До УЛО от нашей казармы сто метров, но я не помню случая, чтобы мы преодолели это расстояние меньше чем за полчаса. Дело в том, что ходим мы туда строем, и водит нас старшина Неупокоев или сам лейтенант Шустов /Шуст/. А они используют каждую минуту, чтобы поднять морально-политический уровень с помощью строевой подготовки. Особенно Шуст. Тоня говорит, что Шуст даже в уборную ходит строевым шагом, оправляется по-малому по-большому по стойке «смирно», а по большому — в позе «на караул». Курсант Гизатулин /Гизат/, который верит каждому слову Тони буквально, попробовал проверить, как Шуст ухитрится это сделать. Но кончилась эта попытка плачевно. Гизет после этого усомнился в правдивости слов Тони. Но Тоня вернул свой авторитет, сказав, что этому искусству учат в Высшей Строевой Академии Выправки и Старанья, которую Шуст закончил заочно.

Шуст панически боится попасть на фронт. Поэтому он выслуживается и терзает нас строевой выше всякой меры. И глупо делает. Наше начальство — летчики или бывшие летчики. А они все сами ненавидят строевую подготовку по старой авиационной традиции. Авиация с этой точки зрения есть армейская аристократия. Шуст понять этого не в силах. Начальство его не любит. При первой же возможности его отчислят на фронт. К тому же Шуст, не имея никакого отношения к авиации, сразу же, как попал к нам, завел авиационную фуражку и нашёл «птички» на рукава шинели, гимнастерки и даже нижней рубашки. Мы издеваемся над Шустом всячески. Например, однажды мы отказались идти на строевую подготовку, сославшись на то, что грузили жиклеры. И завалились добираться. Тут вернулся Неупокоев. Поинтересовался, в чём дело. Шуст сказал, что это он разрешил нам отдыхать, так как мы разгружали жиклеры и устали. Надо было видеть Неупокоева в этот момент. Он нам показал такие жиклеры, что мы долго забыть не могли. Неупокоев уже отбился около авиации, с ним такие хохмы уже не проходили.

Начальник нашей школы — полковник Чекалов. Почти Чкалов, как его звали мы. Он хороший мужик, и приставку «почти» мы опускаем. Говорят, он был выдающимся летчиком. Карьеру не сделал из-за сходства своей фамилии с фамилией Чкалова. Сталин как-то сказал, что нам хватит и одного Чыкалова /так он произносил фамилию Чкалова/. Чекалова посадили. Когда началась война, выпустили. Но назначили лишь начальником школы. А в свое время он носил три ромба, что соответствует нынешнему генерал-полковнику. Чекалов давно пытается выгнать Шустова из школы. Но у Шуста мощная защита — майор Восьмеркин, начальник Особого Отдела /«Особняк»/.

Вот и сейчас Шуст орет: «Скадддрррриллиллл! Сыместа — песнююю!.. Аррш!» Мы чеканим первый шаг. Витька Петухов /Петух/ дурным голосом затягивает :

Дежурный сделал нам тревогу.
Враги засели у ворот.
Курсанты, будьте наготове,
Когда маршал вас поведет.
Маршал начстрой товарищ Шустов,
Веди нас твердою рукой
Туда, где свекла и капуста,
И помидор растет с морковкой.

Шуст пытается изобразить на своей глупой круглой роже строгость, но не может и расплывается в довольной улыбке. Он к тому же еще и тщеславен. Гизат,

который знает одну единственную песню — «Катюшу», пытается подпевать. Рря-два, рряз-два, ррязз..., рряз..., горланит Шуст. Четче ножку! Выше голову! Гизатулин, заткни свой патрубок! Рряз-два!.. Рряз!.. Слово «патрубок» свидетельствует о том, что даже Шуст способен к усвоению современной культуры. Замечание Шуста насчет Гизата не лишено оснований, так как Гизат может перекричать целую эскадрилью и испортить любую песню. А идем мы на сей раз на стрельбище. Лимит, конечно, кончился. Нас решили поучить стрелять и кидать гранату.

Полуштыковой бой

Полуштыковой бой, говорит Тоня, это бой, в котором с одной стороны участвуют несколько сот наших солдат, вооруженных винтовками со штыками /помните — «штык молодец»/, а с другой стороны — полсотни ихних солдат с новейшими автоматами /помните — «пуля дура»/. Вот в одном таком полуштыковом бою мы закололи около пятидесяти немцев, которые успели покосить из автоматов больше трех сотен наших ребят. А ведь у нас в полку были автоматы, только нам их почему-то не выдали. Почему? Будь у нас хотя бы полсотни этих автоматов, мы бы тех немцев в десять минут. И те триста ребят не полегли бы зря. Кто виноват?

Такие разговоры Тоня заводит со мной все чаще. Я догадываюсь, куда он гнет. Сопротивляюсь. Для меня Сталин — святыня. В мудрости руководства я не сомневаюсь ни на йоту. Не хочу сомневаться. И все-таки я слушаю Тоню. И не пойду доносить на него.

Единство

Недавно на занятиях по политподготовке лекцию о единстве нашего народа прочитал нам сам начальник политотдела школы. Я аккуратно конспектировал лекцию, а Тоня рисовал рожицы и выводил непонятные каракули. В конце лекции он протянул мне следующее стихотворение :

Так значит, мы единая семья.
И значит, не играет больше роли,
Что ты досыта лопаешь, не я,
А у меня живот свело до колик.
Сбылися, значит, чаянья-мечты,
И мы теперь живем в любви и дружбе.
Я под пулемет ползу, а ты
Отважно продвигаешься по службе.
Над нами мудрый властвует закон.
Лишь бы всем нам вместе перепало.
И незачем считать нам: я, ты, он.
Неважно, кому много, кому мало.
Не все ль равно, кого сейчас снаряд
В кусочки разнесет иль покалечит.
Найдется, кому выйти на парад.
И кто-то за победу скажет речи.
Главное — един наш коллектив.
И каждому отмерено по доле.
И к общей цели все ведут пути.
И неважно, кто из нас на воле.
Но странная в законе есть статья.
Наш дружный коллектив по ней устроен:
Если подыхать, так значит я;
К награде если, значит ты достоин.

Но без этого же нельзя жить, сказал тогда я. Нельзя же всех сделать генералами. И без штабов не обойдешься. А я разве говорю, что можно, сказал он. Я лишь утверждаю, что разговоры о единстве, равенстве, братстве и т.п. суть сказки для идиотов.

Хаос и порядок

Большую часть рукописей, которые предстояло обработать Ученику, составляли обрывки разрозненных текстов. Значительная часть из них была написана одним почерком. Неизвестно, были они написаны одним автором или переписаны одним сотрудником /или излечиваемым?/ в одну из многочисленных обработок. Эти тексты получили общее название «Затея».

Начала всего

Один распоясавшийся диссидент, приняв картинную позу борца за «права человека», заявил в одной полупьяной компании, состоявшей, впрочем, наполовину из стукачей: ни копейки на коммунизм! Следовательно, который потом вел его дело /его судили за уклонение от работы/, сказал ему на это /конечно не для протокола, а чтобы вызвать на откровенность/, что наши Партия и Правительство /ПИП/ полностью согласны с этим лозунгом, так как все деньги пошли на одну идиотскую затею. На какую именно? Во-первых, никто об этом ничего не знает. Во-вторых, это не имеет никакого значения. В-третьих, именно об этом и пойдет речь в этом сочинении в деталях и в подробностях, с комментариями, с замечаниями, с возражениями и с одобрениями. Ибо сама цель этого сочинения — внести в хаос жизни строгий порядок мысли. Ибо сказано, что вначале было Слово, и Слово было Бог. Я не шучу. Я потом объясню, в чем тут дело, и верю что вы со мной согласитесь.

Затея

Когда, с какой целью и в чем мозгу /в чьих мозгах, как выразился сам товарищ Сусликов/ зародилась эта Затея, теперь установить уже никому не удастся. Когда она началась и сулила большие перспективы, на авторство ее претендовали многие. И они имели на то веские основания. Когда же она кончилась ничем, и возникла потребность от нее отделаться и найти виновных, все представили неоспоримые доказательства своей непричастности к ней. И отыскать виновных стоило большого труда, ибо таковых вообще не было. Виновных пришлось назначить в соответствии с соображениями государственной целесообразности. Как раз Вождю к этому времени удалось спихнуть со всех постов и убрать «на пенсию» еще сравнительно молодого /всего семьдесят девять лет!/ Главу Государства /которого народ любовно звал «Двойное Ге»/. Тот мешал Вождю осуществлять прогрессивные преобразования.

Затея явилась грандиозным проявлением великой истории Страны, ее характерным суммарным продуктом. В ней приняли участие миллионы людей, начиная с Вождя и кончая лифтершей кооперативного дома в Юго-Западном районе столицы. И вклад Лифтерши в Затею был не меньше вклада Вождя. Вождь лишь зачитал бумажку, которую ему подсунули помощники, тогда как Лифтерша дала показания, позволившие засудить на приличные сроки группу оппозиционно настроенных интеллигентов, хотя в слове «интеллигент» делала ошибок не меньше Вождя,— замечательный пример единения народа и руководителей. Тогда-то Лифтерша и сказала в суде фразу, которую потом подхватили подхалимы всех рангов и приписали самому Вождю. Вот эта фраза: «МОЗГИ ИМ, МЕРЗАВЦАМ, ВПРАВИТЬ НАДО!». И сбылось то, что было сказано в «Евангелии от Ивана»:

И даже дурень будет вправе
Сказать чистейшим мудрецам:
Мозги мерзавцам надо вправить
Или отправить к праотцам!

То, что произошла именно эта, а не другая Затея, есть дело случая и стечения обстоятельств. Но не случайно то, что какая-то Затея произошла. И в отношении этой другой Затеи также бессмысленно было бы спрашивать, почему произошла именно она, как и в отношении первой. Дело в том, что в истории Страны время от времени в некоей «точке» фокусируются /совмещаются/ интересы и конфликты многих влиятельных лиц, организаций, слоев общества. Можно подсчитать примерную периодичность таких «точек»-Затей. Тут имеет место нечто подобное экономическим кризисам в буржуазном обществе. Эта «точка» с поразительной быстротой обрастает такой системой суетни, дела, неразберихи, шумихи, вранья, демагогии и т. п., что раскусить невозможно. Впечатление такое, будто полчища голодных, жадных и вместе с тем жалких хищников всякого рода, ранга, размера накидываются на жертву, рвут ее на части, и каждый стремится ухватить себе кусок поболее и повкуснее. И потом выясняется, что жертвой-то являются они же сами. По крайней мере отчасти они же сами. С этой точки зрения вся история Страны в целом есть Затея такого рода, есть совокупность и последовательность Затей. Если при этом делается какое-то Дело, оно делается лишь постольку, поскольку здесь любое дело не есть цель, а лишь вариант, часть, средство, условие Затеи. И все, что официально пишется и говорится на эту тему, есть столь же характерное для нашей системы вранье, изображаемое общими усилиями, чтобы скрыть свое фактическое поведение от исторической оценки. К тому же участники Затеи не ведают, что творят совместно.

Я выбрал эту Затею в качестве объекта исследования по таким причинам: 1/ она характерна; 2/ ее провал не означает, что она не повторится в ином варианте, а ее провал есть характерная для нас форма успеха; 3/ я сам был активным участником ее, сначала — творцом, потом — жертвой, наконец — наблюдателем.

Приписка на полях рукописи

На одной фабрике из дорогостоящей ткани кроили и шили дорогостоящие /но почему-то ничего не стоящие/ вещишки. Труженики фабрики в честь предстоящего Съезда Партии взяли на себя обязательство сэкономить десять процентов ткани за счет рационализации закройки. Обязательство выполнили и перевыполнили. Понравилось. Тогда к предстоящему Юбилею давно прошедшего Съезда Партии трудящиеся взяли на себя обязательство сэкономить еще десять процентов. И опять получилось. Начальству это пришлось по вкусу. И решили эту традицию /а начинание уже стало традицией/ продолжить. Но ничего больше не выходило. Первые несколько лет занимались очковтирательством. Например, списывали хорошую ткань на брак, а на самом деле пускали ее как «экономии». Но взбунтовались поставщики ткани. Начались анонимки. Пошли комиссии. Решили обратиться в Академию Наук: в чем, мол, дело? Десять лет получалась экономия, а тут вдруг нет! Целый год Академия изучала проблему. Хотя сынишка старшей закройщицы еще три года назад в школьной тетрадке подсчитал, что найденная тогда форма закройки является математически наивыгоднейшей и что всякое ее изменение будет увеличивать отходы. Наконец, Академия Наук подтвердила расчеты мальчика. Так к чему это я говорю? А к тому, что имеются такие же математически предсказуемые границы возможностей и для такой грандиозной социальной махины, как наше общество. Имеются неотвратимые правила социальной комбинаторики, социальной системности и т. п., которым гении и вожди подчиняются столь же неукоснительно, как и глупцы и руководимые вождями рабы.

Социально-постельные отношения

Я глас небес, ребята, внемлю:
Настанет час, и ты порой
Не на дрова и не на землю
Повалишь женщину, герой!

Так сказано было в «Евангелии от Ивана». И даже это смелое пророчество сбылось. Часто ли мы теперь валим своих возлюбленных на дрова? Оно, конечно, дров теперь нет. Но и прогресс был какой-то. Мы теперь ганашим на скамейку завалить, на диван, бывает — на кровать, в крайнем случае — на унитаз.

Как живем, сказал Однорукий. Как все молодые сотрудники в моем положении, сказал Ученик. Выясняю, как выражается моя жена, социально-постельные отношения. Какие? Например, правомерна ли в наше время для культурных людей супружеская неверность? Если да, то до какой степени, т.е. как часто можно изменять и как далеко могут заходить измены? Нужно ли информировать об этом другую половину? Должны ли мы учитывать прогресс секса, имевший место на Западе? Как быть с нашими народными обычаями и самобытным опытом предков? Как быть с местными условиями? Скажем, он не может повести ее к себе, она не может пригласить его к себе. Выход? Лестничная площадка, недостроенные новые дома, зеленые насаждения, скамейки. Тут есть риск. Могут ограбить, избить, изнасиловать. Можно схватить простуду прямой кишки или мочевого пузыря. И случайные свидетели, торопиться надо. И погода не всегда благоприятствует. Тут как с урожаями: вечно то дождь, то снег, то мороз. Есть другой выход: выбирать одиноких партнеров с отдельной комнатой или даже квартирой. Но это тоже имеет свои неудобства. Мужчины в таких случаях обычно потаскуны, меняющие женщин чуть не каждую ночь, и ужасно неопрятные. Это приличной женщине скоро надоест. А женщины в таких случаях бывают обычно с какими-либо телесными или душевными дефектами. Одним словом, тут не до совершенствования техники совокупления. И с противозачаточными средствами у нас туго. Только по благу и для высших кругов /а им-то зачем?!/. Гомосексуализм — лишь для избранных утонченных натур. Нам же, нормальным грешникам, остаются традиционные формы на уровне пещерного человека. Одна моя знакомая достала несколько старых номеров «Плейбой». Мы попробовали последовать его советам, но ничего хорошего не получилось.

Не беда, сказал Однорукий. Зато мы имеем шансы сделать выдающийся вклад в философию б....ва. Мы зато приспособлены мыслить на эти темы на высочайшем уровне. Если бы ты знал, какие мы вели разговорчики на эти темы Там! И что нам Там мечталось! Бывало за одну ночь до сотни всяких баб любого возраста, размера, строения, темперамента трахнешь. В мечтах, конечно. И такие штучки с ними вытворяешь, что твой «Плейбой» постеснялся бы напечатать. Милый мальчик, я берусь весь твой «Плейбой» за двадцать лет выпуска в одиночку выдумать за полгода, хотя баб у меня в жизни было раз-два и обчелся. И ни одной стоящей, между прочим. Задача-то тривиальная. Чистая комбинаторика из небольшого числа исходных данных: дырок, выступов и т.п. Разве дело в технике секса? Дай нам мало-мальски терпимые условия жизни, мы через пару лет оставим Европу по е..бе, свою рационализацию произведем,— у нас же миллионы рационализаторов. Кстати, ты не мог бы мне эти журнальчики дать полистать на пару дней?

Из материалов СОД

Посетитель сказал Проповеднику, что хочет примкнуть к организации, что готов отречься от материальных и культурных благ, готов сжечь себя на площади, бросать бомбы, стрелять,— в общем делать все, что ему прикажут. Проповедник

понял, что Посетитель — стукач, но не придал этому значения: стукач тоже человек, а всякий жаждущий слова, должен услышать его. И он сказал, что у них нет организации, они отвергают ее, а есть единство. Это — нечто совсем иное. Они не отвергают жизненные блага. Они лишь считают, что отношение к благам зависит от того, как они создаются, кто и как ими распоряжается. Жизнью же своей человек должен распоряжаться сам. Гореть и стрелять — это слишком мало. А что, вы предлагаете больше, спросил Посетитель. Религию, сказал Проповедник. Но религию новую, которая учитывает условия жизни человека в современном мире. Цель такой религии — изменить духовную ориентацию человека так, чтобы он увидел пошлость, жестокость, никчемность официального жизненного спектакля и его игроков. Сместить шкалу оценок. Научить людей понимать реальные жизненные ценности и отстаивать их для себя. Самая страшная месть уродам — стать самим прекрасными и научить этому других, научить всех видеть уродство тех, кто кривляется на сцене жизни. Сделать так, чтобы они сами почувствовали свое уродство. Но это безнадежно, сказал Посетитель. Почему же, сказал Проповедник. Было время, когда у нас все носили безобразные штаны. Появились одиночки в хороших штанах. С ними боролись как с уродством. И что же? Теперь все носят приличные штаны и смеются над прежними уродствами. Но то, о чем мы говорим, не штаны, сказал Посетитель. Разница чисто количественная, сказал Проповедник. Просто потребуется больше времени. И жертвы будут серьезнее. Я принимаю ваши установки, сказал Посетитель. Что я должен делать? Хранить личное достоинство, сказал Проповедник. Думайте, что у вас есть Дело. Какое? Дело Души.

Из дневника Мальчика

Учитель обществоведения рассказывал, что такое коммунизм. Тоска зеленая. Мы это слышали тысячу раз с первого класса. Теперь мы старшекласники, а они поют все ту же песенку. И это, увы, не конец. То же самое нас ждет в техникуме, институте, аспирантуре. На перемене мы острили на эту тему. Решите проблему, хохотал Друг. У нас все хорошо, так почему же тогда у нас все так плохо? Домой я шел с девочкой из параллельного класса. Говорили о потоке воспитания, который обрушивается на нас. Я предложил особую единицу измерения для этого — воспитан. Готов держать пари, что у нас плотность воспитания /число воспитанов на человека в единицу времени/ в сто раз выше, чем в США. Куда смотрит наша пресса? Упускать такой выгодный пример нашего превосходства! Все прекрасно видят, что происходит, сказала Она, никто не верит в газетное вранье, а помалкивают. Почему? У меня бабушка пенсию получает сорок рублей, а прожиточный минимум — восемьдесят. У нас жилья по четыре метра на человека. А в «Царском селе» — не меньше, чем по сорок. А наши диссиденты говорят бог знает о чем, только не об этой реальной жизни. Почему? Видишь ли, сказал я глубокомысленно, мы — общество карликов. А карлики в порядке компенсации должны браться за нечто такое, что создает иллюзию, будто они великаны. Права человека — это звучит. А бытовые пустяки — это банально. Как все это страшно, сказала Она. Лучше об этом не думать. Все равно ничего не изменишь.

Из «Евангелия от Ивана»

Я к богу яростно взревел:
Ты что, ослеп? Оглух?
Или от лени зажирел,
Не ловишь даже блох?
Иль впрямь решил, пора на слом,
Покинуть грешный свет?
А как же быть тогда со злом?

От зла ж спасенья нет!
На землю грустно он взглянул.
Поднял в слезах глаза.
Мне скипетр молча протянул.
Бери, суди,— сказал.
Я нагло сел на божий трон.
Все видно, как в кино.
И слышно все со всех сторон,
Все ясно, как оно.
И я такое увидал!...
Мороз прошел по коже.
И с трона я поспешно встал.
Судить? Избави Боже!!.

Это чье, спросила Она. Это из «Евангелия от Ивана», сказал Он. Первый раз слышу о таком, сказала Она. Я тоже, сказал Он.

Один день великой истории

Мы все прекрасно знаем, сколько в нашей Стране выплавляется металла, добывается руды, собирается зерна, ткется тканей и т.д. в течение одного дня. Но многие величины нам остаются неизвестными. Если бы их опубликовали, они произвели бы на обывателя гораздо большее впечатление, чем упомянутые выше, набившие оскомину цифры. Например, если бы нам сообщили, что ежедневно сто тысяч человек привлекается к уголовной ответственности, а десять тысяч просто изымается без суда и следствия неизвестно куда, мы бы... все равно не поверили. Сказки, сказали бы мы. Мы же, как видите, на свободе. Никто нас не забирает. И это была бы самая сильная реакция на ошеломляющее известие. Сильнее не придумаешь. Поэтому наше руководство, оберегая наш покой, ничего подобного нам не сообщает. Оно, наоборот, сообщает нам систематически /сиськимасиськи, как говорит Вождь/, что никаких нарушений у нас вообще нет. И в это-то мы, разумеется, верим. Но дело совсем не в этом.

Рабочий день высших лиц Страны до такой степени заполнен визитами, встречами, приемами, оздоровительными процедурами и прочими мероприятиями исторического значения, что на совещание по вопросам коммунистического воспитания не удавалось выкроить свободный вечерок уже скоро целый год. Его раз десять откладывали. То неожиданный приезд заграничной персоны. То у вождя померла мама, и он «загрустил» от переживаний. То физики открыли новый химический элемент и решили назвать его именем Вождя. И надо было выяснять, почему открыли физики, а не химики, как положено. Надо будет Главного Химика отправить послом куда-нибудь в Африку, а Главного Физика перебросить в химию. Потом выяснилось, что новый элемент — липа, и ему не могли найти место в периодической таблице /почему до сих пор ее не переименовали?!/. Пришлось опять собирать внеочередное совещание. Выручил Первый Помощник /Перпом/: предложил поместить Вождевий над таблицей, во главе ее. Перпома надо будет выдвинуть в Секретари. И нажать на страны нашего лагеря, чтобы признали новую таблицу. Потом братское государство наградило Вождя высшим орденом, продемонстрировав тем самым всему миру, что разговоры о давлении Страны на это государство с целью заполучить картошку, помидоры и яблоки лишены оснований. Потом вождь этого братского государства сам приехал в Страну, и его самого пришлось награждать высшим орденом. И поставки нефти этому государству немного сокращать /самим не хватает!/. И фотографироваться. И речи зачитывать. И коммюнике подписывать. То еще что-нибудь. Кстати, давно пора исправить эту историческую нелепость: Вождь, а почему-то до сих пор не Глава

Государства! Почему? Чушь какая-то! Сам бумажки подписываю. Сам всех принимаю. Сам ко всем езжу. А не Глава!..

Секретарь по Идеологии /Идеолог/, который должен быть докладчиком на этом совещании, в конце концов не выдержал. Его можно понять: доклад, речь с портретом в газетах и журналах, показ по телевизору, кино, брошюра, статьи с ссылками на доклад. Идеологу за семьдесят, а речей всего томов на пять, не более. Вот он и не выдержал. И в присутствии Начальника ОГБ /высшим лицам не положено встречаться вдвоем/ выложил Вождю все свои претензии. Все члены ПБ уже дважды Герои, а он только один раз. Им даже уже статуи поставили, а ему лишь бюстик. Они все уже маршалы, а он лишь генерал армии. Они все академики, а он лишь член-кор. У него даже улицы его имени нет, а не то что завода или города. Это — явная недооценка роли идеологии. НачОГБ поддержал Идеолога. Идеолог намекнул, что готов поддержать Вождя в борьбе с Главой Государства /или, как его все называли, «Два Ге» или «Сплошное Ге»/. И Вождь признал, что пора за идеологию взяться как следует. Скоро Идеологу семьдесят пять. Надо отметить и исправить все упущения. Что касается совещания — давайте в ближайший понедельник.

Потом Вождь понес околесицу по поводу роли сознания, будучи уверен, что Перпом записывает каждое его драгоценное слово. Перпом делал вид, что именно этим он занят, нетерпеливо поглядывая на часы : через пять минут прием главы какой-то чернокожей страны, стряхнувшей на прошлой неделе иго империализма /конечно, с помощью нашего оружия/ и ускоренными темпами строящей коммунизм /предварительно расстреляв одну треть своего населения и оставив без еды оставшихся в живых/. Причем глава государства был одновременно Генеральным Секретарем вчера созданной Коммунистической Партии этой страны.

Потом была встреча с Чернокожим /или с Черножопым, как о нем выразился сам Вождь/ по всем правилам /речи, коммюнике, фотографии и т.п./. Потом был банкет в честь гостя. Вождь слегка перепил. Он постоянно путал гостя то с сослуживцем по работе в ОГБ, то с секретарем Компартии одной непокорной страны, грозил ему пальцем и обещал ввести танки. «Два Ге» пытался возразить: мол, зачем танки, хватит бронетранспортеров. Но его оттер Идеолог и предложил тот за Вождя всего прогрессивного человечества, дорогого и любимого..., верного... Когда Вождь сделал попытку облобызать Черножопого, который хотя и был чернокожим, учился в Оксфорде, банкет прикрыли. Вождя отвели в спальню рядом с банкетным залом и передали на попечение врачей, медсестер, массажистов, косметологов, охранников.

Бородатый

В кабинет вошел молодой человек с бородой и предложил составить компанию в столовую. Каковы ваши первые впечатления, спросил он. Кошмар, сказал Ученик. Ничего, сказал Бородатый. Привыкнете. Тут все проходят через это. У многих бывает психический срыв.

Погрузив на подносы жиденькую баланду, именуемую супом, омерзительного вида рыбу /был рыбный день/ с картофельным пюре синеватого цвета и компот, в котором плавали шкурки сушеных яблок, собеседники отыскивали грязный стол и, не обращая внимания на привычное убожество, притулились к нему.

Мне сейчас попался в руки «роман», а в нем — дневник мальчика, сказал Ученик. Не пойму, что это такое, — часть романа или независимый текст. Но не в этом дело, а в содержании дневника. Если это настоящий дневник... Я догадываюсь. О чем речь, сказал Бородатый. Не берусь утверждать, что автор дневника и тот мальчик, о котором я скажу, суть одно и то же лицо. Здесь уничтожаются всякие следы персони

фикации. Может быть так и нужно. Этот мальчик однажды начал думать о вещах, о которых ему думать не положено, и высказывать странные суждения, подходящие под СК. Это насторожило его соучеников и воспитателей. Наше общество так уж устроено, что оно замечает, на что способен человек, задолго до того, как он сам осознает, на что именно он способен. И разумеется, общество принимает меры. Друг Мальчика как-то нашел его дневник и рассказал о нем кому следует. Однажды вечером к дому Мальчика подъехала «Скорая помощь». Мальчика увезли. Заодно для экспертизы изъяли дневник. Родителям сказали, что Мальчик переутомился, что через неделю его выпустят здоровым. Через неделю Мальчика на самом деле выпустили. Но уже через месяц его пришлось перевести в школу для умственно неполноценных детей. Среди учителей, учеников и родителей бродили смутные слухи, но их сразу же пресекли. Полковник ОГБ прочитал лекцию о коварных методах врагов по подрыву идеологической монолитности Страны. После этого многие выпускники школы подали заявления с просьбой направить их в училища ОГБ. Многие дали согласие быть осведомителями. Через некоторое время Мальчику стало плохо. Родители сами отвезли его в больницу. Скоро про него забыли. И всем было хорошо. Другу Мальчика — потому что исчез человек, таланты которого слишком тревожили его и мешали спокойно жить. Приятельнице Мальчика — потому что она получила возможность рассказать дома в обществе папиных и маминих прогрессивных друзей про кошмарный случай в их школе и на целый вечер завладеть их вниманием. Прогрессивным друзьям папы и мамы — они в тот вечер провели содержательную беседу и проявили свое благородное нутро. Все лица, причастные к делу, получили поощрения, награды, повышения. Врачи сделали очередной вклад в нашу медицину. Учителям, правда, пришлось усилить воспитательную работу. Но и они в глубине души были довольны: воспитывать «нового человека» все же легче, чем учить по-настоящему математике, литературе и т.п. И даже ученикам немного легче стало: хотя воспитательные помои им опротивели они все же были предпочтительнее тяжелого труда по изучению наук. И даже вам повезло: вы получили прекрасный материал для будущей диссертации. Кстати, вы знаете, почему, в вашем хранилище никто не защищает диссертаций?

Совещание по идеологии

Совещание по идеологии прошло обычно, скучно. Идеолог два часа читал доклад — набор надоевших цитат и демагогии на уровне газетных передовиц. Каждые пять минут он прикладывался к графину с тонизирующей жидкостью, так как голос у него все время садился от ликующего рева до зловещего шепота. Так бы и кончилось это совещание ничем, т.е. хвастливой резолюцией и призывами усилить, укрепить и поднять, если бы Вождь не ляпнул по поводу фразы Идеолога об отставании формы от содержания, что к предстоящему съезду Партии это отставание надо ликвидировать. Перпом немедленно сделал пометочку в блокнотике. Потом он предложил руководителю референтской группы, готовившей этот раздел доклада Вождя на съезде, включить в доклад вопрос о ликвидации отставания общественного сознания от общественного бытия. Это будет сенсация, подумал Перпом. Теперь я наверняка пройду в ВСП.

Первая проповедь

Многие в наш научный век, начал свою речь проповедник, находят нелепыми разговоры о религии как о чем-то актуально значимом. Они заблуждаются. Проблемы религии вновь становятся важнейшими проблемами человеческой жизни. Я хочу изложить здесь основы некоторого религиозного учения. Не ожидайте от меня ничего занимательного и сенсационного. Я буду говорить о простых и общеизвестных вещах. Я претендую лишь на то, чтобы несколько упорядочить уже накопившееся в душах содержание, обратить на него внимание как на явление души,

т.е. как на зародыш религиозного сознания, и указать путь совершенствования этого зародыша религиозности. Я утверждаю, что состояние религиозности /религиозное сознание, душа/ есть явление общечеловеческое. Оно может быть в различной степени развито в различных людях и в различных вариациях, но в самой основе оно всегда и везде одно и то же, т.е. его законы и функции абсолютны.

Существуют исторически различные формы проявления религиозности, но во всех вариациях есть нечто такое, что позволяет говорить именно о религиозности, а не о чем-то другом. Это нечто не есть просто общее, обнаруживаемое в различных религиях в результате сравнения их. При таком сравнении можно обнаружить общие признаки религий, но не суть религиозности как естественного свойства людей. Речь идет также не о том, чтобы обнаружить в готовом виде все элементы религиозности в человеческой религиозной практике или в людях, подобно тому как наука обнаруживает в них явления анатомии, физиологии, механики действий и т.п. В существующей религиозной практике /подчеркиваю это, а не в людях самих по себе/ можно заметить лишь отдельные элементы религиозности, да к тому же в интуитивном виде, т.е. фрагментарно, неосознанно, аморфно. Задача состоит в том, чтобы, отправляясь от религиозной интуиции данной нам эмпирически в религиозном опыте, проделать затем работу по выявлению и усовершенствованию интуиции и изобретению элементов религиозности. Так что разработка общего религиозного учения, о котором я говорю, есть еще дело будущего, и мы с вами находимся лишь в начале пути к нему.

Это религиозное учение не следует понимать как науку о религиях. Последняя есть отчасти и возможна в более развитом виде. Но то, о чем говорю я, не есть наука о религиях. Это будет попытка вычленив общечеловеческую религиозность как таковую и сделать ее предметом тренировок и усовершенствования. Это не наука, а лишь выражение в словах дела души. Мы будем иметь дело не с религиями как фактически данным материалом, а с душой как с эмпирически данной реальностью, с выявлением и усовершенствованием.

Я отвергаю душу как некую идеальную и недоступную наблюдению субстанцию, считая ее не менее реальной данностью, чем изучаемые наукой эмпирические объекты. Я тем самым хочу изменить сам подход к явлениям религиозности, навязанный нам традиционной философией с ее бессмысленным противопоставлением материального и идеального. Я утверждаю, что имеется некая интуитивная, данная в опыте, основа религиозности. Откуда она взялась — не наше дело. Попытки объяснить ее с некой исторической точки зрения обречены на провал, ибо при этом не обнаруживается ничего по самим правилам историзма. Эта основа сама есть начало пути, не будучи завершением чего-то иного. Она есть абсолютное начало. Она либо есть, либо ее нет. Вы или чувствуете ее в себе, или ничто в мире не способно объяснить вам, что это такое.

Не думайте, что я уже имею готовое учение. Я имею лишь первичные идеи о нем. Я исхожу из убеждения, что человечество должно изобрести и развить религиозное учение, адекватное условиям жизни в нашем обществе и типу культуры его рядового члена. Изобрести как средство защиты человека от общества. Если человечество этого не сделает, люди не смогут защитить себя от своей собственной злобы, жестокости, циничности, равнодушия, пошлости и т.п. и устремятся в эволюционный тупик типа муравейника или к гибели. Я считаю, что степень развитости общества скоро будет измеряться степенью развитости его религиозности, а не числом и характером использования электронно-вычислительных машин и успехами в космосе. Если это не произойдет,...

Из материалов СППС

Как известно, сказал Ученик, наши диссиденты — сумасшедшие, жулики или шпионы. По жуликам мы план поревыполнили, по сумасшедшим — почти на сто процентов выполнили, а по шпионам отстаем. Значит, из этих ребят шпионов будут делать, это ясно. Никто не поверит, сказала Жена. Ну и что, сказал Ученик. Мы на это и не рассчитываем. Нам важно выполнить формальную акцию, а остальное мелочи. К тому же многие захотят поверить и потому поверят. Люди стосковались по разоблачениям и открытым репрессиям. О, Господи, сказала Жена, среди кого мы живем! Среди нормальных людей, сказал Ученик. Чему ты удивляешься? Наш массовый человек несет на себе черты общества в целом, а само общество как целое подобно этому среднему гражданину. Социальные качества человека в среднем и в тенденции совпадают с социальными качествами общества в целом, это закон. Не может мерзкое общество порождать хороших людей, а скопление мерзких людей порождать хорошее общество. Смешно смотреть, какие огромные средства тратят на Западе на изучение нашей Страны. Достаточно взять нашего рядового чиновника, понаблюдать за ним и экстраполировать результаты на общество в целом. Но бывают и исключения, сказала Жена. Можно же создать свой маленький автономный мирок! Вроде нашего, спросил Ученик. Ничего не выйдет. Исключения бывают, но они попадают к нам или в другие места того же рода.

Из материалов СОД

Каково ваше первое впечатление, спросил один из слушателей Проповедника у Инструктора. Занятно, сказал Инструктор. Но что-то в этом деле чувствуется... как бы вам сказать?... не вполне здоровое. Я согласен с вами, сказал Слушатель. Я этим делом занимаюсь профессионально много лет. Тут происходит поразительное смещение понятий. Суть дела тривиально проста. А именно из-за отсутствия ясности на чисто языковом уровне рождается грандиозная /по замыслу/ мистификация. Все дело в том, что в нашем обществе в силу отсутствия в нем морально-правового механизма защиты личности от общества происходит своеобразная дифференциация в сфере идеологии. Одна ее часть тяготеет к форме науки /мировоззрение, учение об обществе и человеке/, а другая берет на себя чисто субъективное переживание тоски по морально-правовой защите и принимает форму религии или, скорее, квази-религии. Проповедник, безусловно, человек честный и прекраснодушный. Но он с самого начала впадает в неразрешимое противоречие: его душа есть эмпирический факт, но она не имеет предыстории, она имеет лишь потенциальное будущее. А это логически несостоятельно: все эмпирическое так или иначе возникает. Кроме того, он настаивает на естественности души, но сам факт признания ее естественности базируется на вере в ее существование. Если вы не возражаете,...Извините, сказал Инструктор, я в этих делах не компетентен. К тому же я спешу.

Выбор

Перед каждым интеллигентом Страны рано или поздно встает проблема: рукоплескать начальству, обличать инакомыслящих, предавать друзей и совершать другие акции, свидетельствующие о том, что ты являешься полноценным строителем нового общества, или вступать в борьбу за права человека, начав ее с письма в высшие органы власти с просьбой разрешить ходить в туалет без контроля со стороны общественных организаций и представителей ОГБ. Обычно эта проблема встает поздно, когда выбор уже сделан, и упомянутые органы хлопают тебя по плечу или бьют по шее. А поскольку в Стране действуют законы диалектики, и благодаря им здесь все переходит в свою противоположность, то бывает невозможно установить, что именно эти органы с тобой делают. Когда

одному начинающему писателю дали год тюрьмы ни за что, все решили, что он сотрудничал с упомянутыми органами, и его похлопали по плечу, так как если бы не сотрудничал, то ему дали бы по шее, а это — минимум пять лет. Писатель так обрадовался выпавшей на его долю удаче, что выдал всех чужих /поскольку своих у него не было/ сообщников после суда, когда его о них уже никто не спрашивал. Тем более даже прокурору было ясно, что никаких проступков писатель не совершал, и прокурор требовал влить ему за это три года исключительно из гуманизма. Защитник уговорил писателя признать вину и добился тем самым смягчения наказания.

Если же ты избираешь второй путь, полный жертв и лишений, не забудь об соответствующей статье конституции о праве и обязанности граждан класть в штаны в любом месте, в любое время, по любому поводу. Это, пожалуй, единственная статья конституции о правах человека, которая соблюдается строжайшим образом. Причем, государство предоставляет гражданам все необходимые средства, гарантирующие им возможность на деле реализовать это священное право подлинно свободной личности. Именно для этой цели еще в горниле революции были созданы ОГБ, высший продукт демократии и любимое детище народа, Партии и лично всех Вождей, начиная с Зачинателя и кончая нынешним, Окончателем. В свое время, выступая на пленуме ВСП, посвященном усилению борьбы с идеологическими диверсиями, Вождь-Путаник /был такой!/ сказал, что при коммунизме государство отомрет путем передачи его функций ОГБ, которые к тому времени полностью сольются с самодеятельностью широких народных масс путем их поголовного вовлечения в ОГБ. Лишь после этого мы сможем на своем знамени написать... Что именно хотел Вождь-Путаник написать на знамени, осталось неизвестным, так как его успели снять и вычеркнуть из истории Страны. Столичные интеллигенты, до которых дошел слух об этом казусе, надрывали от хохота животики, покрывающиеся заслуженным либеральным жирком. Только начальник ОГБ оценил идею Вождя. Во-первых, такие времена в истории Страны уже были. А во-вторых, дело идет к тому, что они могут повториться.

Из дневника Мальчика

Отца наградили медалью за безупречную тридцатилетнюю службу. Он показал нам медаль, виновато улыбнулся и убрал ее в ящик, где уже лежало несколько грамот. Мать ругалась. На кой нам эта железка? Лучше бы премию сотняшку подкинули. Или квартиру дали. Сколь же можно в одной комнатухе в коммунальной квартире жить? Сил больше нету. Все ваши хапуги и подхалимы, проработавшие по два-три года, уже получили квартиры. А ты?! Молчишь! Не требуешь! Так и подохнем здесь. Отец сказал, что требовать бесполезно. К тому же мы стоим на учете в районе. Потом погладил маму по голове. И она заплакала и затихла. Потом мама накормила нас потрясающим ужином. Я сказал отцу, что он у нас все равно молодец. Проживем и без квартиры. Главное не в этом. Потом я придумал вот это стихотворение.

Настанет утро. Не тая зевоту,
Съев с чаем бутерброд, ты мчишься на работу.
В метро. В автобусе. Или еще на чем-то где-то,
Уныло пялишься в измятую газету.
Призывы видишь приподнять удои,
Убавить сроки, скорости удвоить.
Речь. Как обычно, историческая веха.
А вот о диссидентах. Тут уж не до смеха.
Точь-в-точь как было то во время оно:

Сплошь жулики и психи, платные шпионы.
Трудящиеся, видно с первого же взгляда,
Вопят единодушно: к стенке ставить надо!
Потом бежишь, толкаясь. Вот народ!..
Успеть бы до звонка отметить свой приход.
И вот ты на своем рабочем месте
Сидишь с такими же «бездельниками» вместе.
Опять в бумажках целый день копать,
Опять с коллегами о том, о сем трепаться,
Опять для развлечения сплетни, слухи,
Опять от скуки дохнут даже мухи.
Опять часами длятся заседания.
Опять... Короче, вспоминать нельзя без содроганья.
День за днем по пустыкам хлопочешь.
Крутись, коль счастливо прожить на свете хочешь.
Устроить сына в лагерь. Вышибить путевку.
Суметь к директору подъехать ловко.
Авось, сызволит сделать кой-кому внушенье,
И в следующем году с квартирой выйдет улучшенье.
Потом домой, коль нет общественной работы.
И вновь сражаешься отчаянно с зевотой.
И вновь то ты кого толкаешь, то та к тебе пристала.
По магазинам носишься, хватая что попало.
Но боже упаси, окажешься ты бабой,—
Фантазия любая выглядит тут слабой.
Известно, тянется обычаем издавна:
Обед терпимый изготовить из говна,
Минуты калькулируя впритирку,
Суметь разделаться с уборкой, штопкой, стиркой.
Уж тут тебе не до красот-галантереи.
И не по дням, а по часам они дурнеют и стареют.
А если повезло тебе, и ты — мужчина,
Пред телевизором устраивайся чинно.
И то уж хлеб, что ты не прешь в кабак.
Гляди хоккей. Или дремли за так.
Бессмысленно гляди на дружеские встречи.
Храпи себе под вдохновляющие речи.
Потом... Короче говоря, и так все ясно.
Жить хорошо! И жить, друзья, прекрасно!

Почему хохотали интеллигенты

Интеллигенты хохотали не от недопонимания банальной истины, — они понимали все. Они понимали даже то, чего не могли понять их западные коллеги, никогда не стоявшие в очередях /у них всего навалом!/, не получавшие отказов в поездках за границу /они и так все время живут за границей!/, не возводившие в ранг гениев безграмотных партийных чиновников /они там даже в партию могут не вступать!/. Они хохотали именно потому, что прекрасно понимали : сажать их пока еще не будут, поскольку нам еще рано разрывать связи с Западом. В результате выдающихся успехов нашего сельского хозяйства исчезли мясо, фрукты, овощи. И если бы не Запад, то и хлеб исчез бы. К тому же заграничные братья коммунисты оказались хуже буржуев, и Запад потребовался нам для тактики и стратегии мирового и т.д. Потом — новая техника. Надо промышленность модернизировать. А без Запада это никак не выйдет. И внутренние причины есть. Народ еще не вполне

готов подхватить начинание и дружными колоннами двинуться в концлагеря с целью поднятия своего сознания на еще более высокую ступень.

Вождя-Путаника вскоре после этого скинули. Интеллигенты на радостях сочинили песенку:

Насмешили всю Европу,
Показали простоту.
Десять лет лизали жопу,
Оказалось,— не ту.
Мы живем, не унываем,
Смело движемся вперед.
Наша партия родная
Нам другую подберет.

И партия, конечно, подобрала. И такую, что век не вылизать. Но интеллигенты отнеслись к этому столь же легкомысленно. Расчет на китайцев лопнул, говорили они. Со жратвой стало еще хуже. Так что с Западом нам пока надо считаться. Интеллигенты не учили только следующее правило нашей жизни: если с какой-то категорией лиц нельзя справиться путем прямого подавления их, то с ними можно справиться, передав им функции подавления других. И им указали на диссидентов.

Жизнеутверждающие мотивы

Наконец-то нормальный псих попался, воскликнул Ученик, наткнувшись среди страниц «Затей» на отрывки рукописи, написанной явно оптимистическим почерком и озаглавленной «Жизнеутверждающие мотивы». Что касается меня, прочитал Ученик в предисловии к сочинению, то я целиком и полностью «за». Я поддерживаю все и за все голосую обеими руками. Вы думаете, я идиот или высокопоставленный чиновник? Ничего подобного. Я вполне здоровый /второй разряд по плаванию имел, регулярно утренняя зарядка, лыжи, турпоходы летом/ и достаточно образованный человек /высшее образование далеко не в самом худшем институте Страны, иностранный язык, неплохая библиотека, регулярное посещение госфильмофонда/. Живу я в самом обычном блочном доме в двухкомнатной квартире /двадцать два квадратных метра на троих/ в новом районе с плохим транспортом и еще более плохим снабжением. В квартире, как я уже говорил, две комнаты. Одна в восемь метров — для дочери. Она у нас уже большая, университет кончает. Кухня шесть метров. Санузел, правда, совмещенный. Зато в коридорчике есть стенной шкаф и антресоли. Зарабатываю я сто восемьдесят, иногда бывает двести. Жена /тоже с высшим образованием/ рублей сто имеет. Так что нам хватает. Не густо, конечно. Но мы не жалуемся. Бывает хуже. У других и этого нет. Зато квартира не кооперативная: получили, когда наш дом пошел на слом. Любопытно, подумал Ученик. Эту рукопись надо отложить. Потом прочитаю внимательнее. Все-таки я не одинок. Есть еще на свете кретины вроде меня.

Дома Ученика ждал серьезный разговор с Женой. У меня гениальный план, сказала она. Мы вступаем в кооператив. Это почти устроено. Помнишь того Лысого? У него связи. Родители твои должны, конечно, раскошелиться. Мы же им квартиру оставляем! А пропишусь в кооперативную квартиру я одна. Понял? Это он тоже устроит. Получим на двоих двухкомнатную квартиру, а эту сохраним за собой. На всякий случай. Сам понимаешь. Мало ли что?!. Идея действительно гениальная, сказал Ученик. Только у родителей денег нет и взять их неоткуда. Если у тебя появились такие связи, устрой однокомнатную квартиру. Это дешевле. В крайнем случае мои родители кое-что продадут и дадут часть денег. А другую часть дадут твои родители. Они, между прочим, имеют больше моих. Во-первых, сказала Жена, однокомнатную квартиру устроить труднее. Это теперь дефицит. И дешевле

это ненамного. Во-вторых, комнату мы оставляем не моим, а твоим родителям. Но эта комната была предоставлена нам моими, а не твоими родителями, сказал Ученик, хотя у твоих жилищные условия были лучше.

Беседа окончилась взаимными оскорблениями. Супруги повернулись друг к другу спиной и погрузились в свои мрачные мысли. Каждый чувствовал себя несправедливо обиженным и несчастным по вине другого. С этим пора кончать. подумала Жена, засыпая. С этим пора кончать, подумал Ученик. Он вспомнил «Жизнеутверждающие мотивы» и усмехнулся. Условия нашей жизни, решил он, вносят в отношения между людьми такую дозу подлости, что...

Народ и прочее

Нам прислали статью из партийного журнала, говорит Ученик. Называется «Что такое народ». Вполне здравая. Написана на основе материалов Центрального Статистического Управления. Велено срочно составить заключение о нарушении ею СК. В чем дело? А вы обратите внимание на ее акцент и эмоциональную окраску, говорит Бородатый, перелистывая статью. Автор намекает на то, что слово «народ» приобрело чисто идеологический смысл. Часто апелляция к «народу» означает апелляцию к самым низкокультурным слоям населения, изъятым из сферы социальной активности, плохо оплачиваемым и т.п., к «непосредственным» производителям /к рабочим и крестьянам/. Если же понимать под народом самую производительную часть общества, то на самом деле это масса лиц со средним и высшим образованием. Под народом можно понимать вообще массу населения, не входящую в систему высшей власти /номенклатуру/ и в привилегированные слои. Употребляя слово «народ», часто имеют в виду вообще все население Страны. Так что здесь мы имеем типичный случай идеологической дезориентации мышления, уклонения его от ясности в понимании социального расслоения общества.

Бородатый ушел. Что за человек, подумал о нем Ученик. Но не успел найти для себя свой ответ, как зашел Однорукий. Занятный тип, сказал он о Бородатом. Между прочим, большая шишка. Тут с ним явно считаются. Говорят, перспективный ученый. Возможно. Он мне симпатичен. Только какая тут может быть наука? Хочешь хохму? Наш Вождь тоже решил свою конституцию создать. В ней всего одна статья: гражданин страны имеет право быть обязанным. Да плюнь ты на эту бодягу! В секторе «улучшенцев» отмечают защиту. Да, прямо в секторе. Шампанское, кофе, коньяк. Это можно. Немного, конечно. Что за сектор? Их сфера — лица, говорящие и пишущие об улучшениях, которые нужно осуществить в нашей Стране. Советую познакомиться с ребятами этого сектора поближе. Там много забавного. И каких только «улучшенцев» у нас нет! От пионеров до пенсионеров. От уборщиц до академиков. Ничего не скажешь, мыслит народ. Опять «народ»! Тьфу! Один академик, например, предложил впрыскивать всем молодым людям, достигшим половой зрелости, антисексин. При этом люди будут меньше творческих сил тратить на пустяки /по его словам/ и всецело отдаваться делу строительства и т.п. А одна посудомойка из общественной столовой предложила, чтобы высшие руководители жили у всех на виду под особыми прозрачными колпаками. Тогда, мол, им неудобно будет перед народом жрать всякие вкусные вещи, когда народ питается помоями. И тут «народ», прости господи! Ну вот, мы и пришли. Привет, ребята! Поздравляю!! Теперь ты поступаешь в мое ведение /это — новоиспеченному доктору/. Зайди как-нибудь, я заготовлю карточку для будущего некролога. Подумай, кто будет подписывать.

Ученик сделал «круглые глаза», узнав имя защитившего: статьи, подписанные этим автором, часто появлялись в партийной и иной печати, даже в газетах. А при подготовке к экзамену по «научному коммунизму» ряд статей его рекомендовали им в качестве дополнительной литературы. И тема диссертации «Проблема улучшения

условий жизни при коммунизме» Ученика уже не удивила. И не удивили разговоры, которые ему довелось услышать. И все-таки я не пойму, сказал Однорукий, как еще можно улучшать жизнь, если полное изобилие? Это - задача для слабоумных, сказал Диссертант. Например, в сфере потребления фигурируют продукты $A^1, \dots, A^n$, где $n = 1$. Они в изобилии. Но вот изобрели продукт В. Новый. Будет это улучшением? Как сказать, возразил Однорукий. Не всякое расширение ассортимента полезно. Но допустим, продукт В полезен. Он будет производиться сразу в изобилии или нет? А если его нельзя вообще производить? Значит, его — особым лицам, так что ли? Ты вульгаризируешь, сказал Диссертант. Не забывай об уровне сознания. Оно тогда... Знаю, не унимался Однорукий. Но скажи, пожалуйста, а что ты понимаешь под изобилием? Есть по крайней мере два различных понимания изобилия в отношении продукта данного рода $A : 1/$ каждый берет, сколько хочет; $2/$ избыток. Первое возможно и при довольно скромных возможностях производства, а при втором возможен дефицит, например — вследствие неполадок в технике распределения. Факты такого же рода вам хорошо известны из газет. Добавим сюда факт множества родов продуктов — $A^1, A^2, A^3, \dots$. Плюс к тому — разные сорта... Начался спор, в котором трудно было что-либо понять. И Ученик незаметно ушел, — на него никто тут не обратил внимания.

Из дневника Мальчика

У нас много родственников, но собираются они редко. Последний раз собирались лет пять назад на похороны деда. Теперь умерла бабушка, — последний повод собраться всем. Такого больше не будет, так как родственники давно распались на враждующие группировки. Собрались у старшего брата отца, у которого жила бабушка. Говорили о том, что похороны превратились в хлопотное и дорогое дело, так что уж и умирать не хочется. Нужна куча бумажек. Везде очереди. Всем взятки давать нужно. Потом вспоминали свое детство. Послушать — кошмар. Как они смогли вынести все это? И все же с какой-то точки зрения тогда было лучше. Страшнее, но и веселее вместе с тем. Надежды были. Потом войну вспоминали. Издевались над высшим руководством и командованием. Старший дядя /он — полковник в отставке/ хохмил по поводу «неожиданности» нападения Германии. Война была неожиданностью только для двух существ — для Верховного Главнокомандующего и полкового приبلудного пса Холуя. Для первого — потому что он был гений. Для второго — по причине более серьезной : потому что он не читал газет, не держал в лапах «Краткий курс» и во время политинформаций спал около кухни. Потом заговорили о нынешнем Вожде. Двоюродный брат /сын дяди-полковника/ стал вычислять, во что обходится содержание наших высших лиц. Мы пришли в ужас и не поверили. Но брат быстро развеял наши сомнения. Например, одна только поездка Вождя на завод, где недавно было нечто вроде пассивной забастовки, обошлась дороже, чем стоимость месячной продукции этого завода. Другой дядя, работающий в патентном отделе крупного предприятия, рассказал такие истории, что несмотря на их мрачный смысл, мы хохотали до слез. Например, создали специальное конструкторское бюро — проектировать замки для новой автомашины «Заря». Пятьдесят человек. Три года работали. Сделали. Машину стали продавать на Западе. И что же? Оказывается, замок для багажника без всяких изменений украли с американских ... гробов! И пришлось за это платить валютой куда больше, чем выручили за продажу всех машин. Потом мужчины упились. Начались песни, пререкания. Я такое не люблю и решил потихоньку смыться. Брат проводил меня до остановки. Что мы за люди, сказал он дорогой. У нас все ущербно. Все с изъяном. Я не помню ни одного случая, чтобы что-то было сделано безупречно. Даже радостные события у нас отравлены в основе. Знаешь, пошли мы недавно в турпоход. Довольно далеко. Нашли на карте большой зеленый массив. Я уж не говорю о том, что с транспортом и со жратвой было худо. К этому уже

привыкли. Но первозданная природа!.. Добрались. И выяснили на месте, что там — запретная зона... И потом, приглядишься к нашим лицам!.. я сейчас этим специально занимаюсь. Представь себе, за много месяцев наблюдений — ни одного случая непринужденной беседы между незнакомыми людьми, бескорыстной и доброй шутки... Злоба, злоба и злоба. Лица искажены гримасами...

Замечание Ученика

Вот ответ на вопрос, что такое «народ», сказал Ученик. Взять хотя бы эту родственную группу. В нее входит бывший офицер, несколько инженеров, учительница, лифтерша, служащий конторы, несколько рабочих высокой квалификации, студенты, школьники, шофер и т.п. И все они живут примерно в одном стиле и на одном уровне. И думают примерно одинаково. Вот из таких групп, а не просто из отдельных лиц состоит народ. Это просто особый разрез жизни общества. Каждый человек у них входит в различного рода объединения /в деловые прежде всего/ и в том числе — в такие народные группы. Не обязательно только родственные. В этой, например, группе могли быть близкие знакомые, которые связаны с прочими членами группы теснее, чем родственники. Подчеркиваю, понятие «народ» означает рассмотрение населения Страны в ином разрезе, чем в деловом, идеологическом, развлекательном...

О чем думал начальник ОГБ

Нач ОГБ не хуже других знал о том, что из себя представляет сеть органов его ведомства как в самой Стране, так и за границей. Но лишь после того дурацкого отступления Вождя-Путаника от заданного ему печатного текста он поднялся до уровня теоретических обобщений. Тут он подпал под действие общего закона, в силу которого все крупные чиновники рано или поздно начинают теоретизировать. Обычно это происходит, когда им перевалит за шестьдесят. На уровне областной номенклатуры они вдруг обнаруживают в себе потребность в теоретическом мышлении, хотя они еще помнят, что в сферу руководящей деятельности им пришлось податься именно из-за крайне посредственных способностей во всех отношениях, и в особенности — в отношении элементарной культуры мышления и языка. Обнаружив в себе упомянутую потребность, они осознают ее как подлинную способность в отличие от ложной способности всяких там отличников, вундеркиндов, писак, трепачей и прочей интеллигентской сволоты. На уровне республиканской номенклатуры они уже активно проявляют эту способность в виде речей за домашним столом и в кругу ближайших холуев, выступлений с трибуны совещаний, статей, написанных для них другими /как, впрочем, и выступлений с трибуны/. Но поскольку им положено, чтобы речи и статьи для них сочиняли другие, они уже воспринимают эти речи и статьи как продукт своего собственного интеллектуального творчества. Хотя эти продукты — типичное дерьмо нашей идеологии и пропаганды, они воспринимаются ими как величайшие достижения человеческой мысли. И они имеют на то веские основания. Например, классики марксизма утверждали, что не образ стола в голове порождает реальный стол, а наоборот, реальный стол, находящийся вне головы, воздействует на наши органы чувств, вызывая в них ощущения, и порождает в нас идеальный образ объективного материального стола, который /стол, а не образ/ существует объективно, т.е. независимо от человека и человечества... И это было высочайшей вершиной развития человеческой мысли за всю предшествующую историю. Ответственный работник на уровне республиканской номенклатуры повторяет это, возвышаясь тем самым на уровень классиков, и добавляет... нет, не от себя лично, а с разрешения, но так, как будто это исходит от него лично, но, конечно, в полном согласии и соответствии... добавляет, что мы тем самым не отвергаем роль субъективного фактора, а как раз наоборот, впервые в истории человечества мы получаем

правильное решение проблемы субъективного, понимая субъективное как идеальный образ... Вот, например, стол. Мы утверждаем...

На высшем общегосударственном уровне у руководящих работников появляются уже идеи исторического и эпохального значения. Хотя эти идеи бог весть какими путями проникают в их мозги /или мозги их помощников и референтов, что одно и то же/, способные только на обдумывание мелких пакостей своим близким выдающимся деятелям того же интеллектуального уровня, они ценятся как имманентный продукт интеллектуального творчества величайших гениев эпохи, как новый вклад в учение и т.п.

Одним словом, НачОГБ начал теоретизировать. Государство отомрет, думал он. Оно уже сейчас сплошная липа и показуха. Надо в конце концов признать реальное положение дел. Кто сейчас располагает самой точной и полной информацией о Стране? Мы. Чьи рекомендации дают наилучший эффект? Наши. Где разрабатываются наиболее прогрессивные научные методы и идеи? У нас. С нами сотрудничают лучшие люди Страны. Даже деятели Запада признают нас единственной надежной силой в Стране, с которой можно иметь дело. Даже в пресечении диссидентов у нас наиболее гибкая и дальновидная позиция. Идеолог всегда лепечет одно: к стенке! Вождь выражается мягче: посадить, выгнать! А можно куда проще: натравить друг на друга, разрешить кое-кому добровольно уехать, кое-кого пристукнуть потихоньку, скомпрометировать, своих людей внедрить... А главное — пусть катятся на все четыре стороны. Пусть там на них налюбуются. И тогда начнется обратная волна в нашу пользу. Но разве им, этим маразматикам /НачОГБ имел в виду Вождя и Идеолога/, растолкуешь это?! Они свой идиотизм и мне навязывают. Последний мой доклад... Противно вспоминать... Это они хитро задумали: скомпрометировать меня в глазах общественного мнения Запада. Но мы еще посмотрим!..

Жизнеутверждающие мотивы

Признаю честно: жить там у них на Западе куда лучше, чем у нас. И со жратвой лучше. И с тряпками. И с развлечениями. И со всем прочим. Признаю также, что наше начальство живет по сравнению с нами... Да что об этом говорить! Это всем известно. Не до жиру, быть бы живу. И угроза всяческих зажимов висит над нами постоянно. И читать нечего. И посмотреть нечего. Но разве в этом дело? А ты не обращай на это внимания, не думай об этом вообще. Как будто этого вообще и не существует. Сосредоточься на себе. Убеди себя сам, что живешь ты наилучшим образом, и скоро заметишь, что тебе хорошо. Лучше не нужно. Дай бог, чтобы хуже не было. Хотя бы на этом уровне удержаться. На таком-то уровне еще жить можно. Но хватит общих слов. Обратимся к фактам...

Из «Евангелия от Ивана»

Как зайдет тоской душа,
Отойди, не трогай!
Собираюсь не спеша
В дальнюю дорогу.
Вот и галстук нацепил,
Даже чуть побрился.
И с утра почти не пил,
С тещей не бранился.
У жены конфисковал
В сумочке медяшки.
Из заглашника достал

Мятые бумажки.
На дорогу взял «сучок»
И сто грамм колбаски.
Знак ребятам, чтоб молчок,
Чтоб, мол, без огласки.
В автобусе мне влепил
Кто-то чем-то в спину:
Вроде я ногой вступил
В ихнюю корзину.
На одной ноге торчал
Час, а может боле.
Пассажиров растолкал,
Высадился в поле.
Вон она, та «высота»,
А за ней — скульптура —
Неземная красота,
Высшая культура.
Знать, опять за счет ребят,
Что под ней зарыты,
Поднажились, говорят,
Тучи паразитов.
Сколько всяких «мастеров»
Дачи отхватили!
Сколько долгих вечеров
С коньяком кутили!
Целый полк за тех ребят,
Говоря короче,
Стал Герой, Лауреат,
Депутат и проче.
Ну да ладно! Хорошо!
Пусть жиреют, бляди!
Я, ребята, к вам пришел,
А не скуки ради.
Сяду вот на бугорок,
Поллитровку выну,
Постелю сюда платок —
В общем, чин по чину.
Стопку первую за вас
Выпью я, конечно.
Как привыкли врать у нас:
Чтоб, мол, жили вечно.
О себе скажу теперь:
В общем, не скучаю,
Без удач и без потерь
Жизнь свою кончаю.
Хоть я галстук нацепил,
И, случилось, брился,
И других не больше пил,—
В люди не пробился.
Я по-прежнему плюю
На чины-награды.
Вот бутылку раздавлю,
Лягу у ограды

Землю грешную обнять,
Как и вы когда-то.
Вас отправлюсь догонять
В прошлое, ребята.

Склока

В секторе Проблем Пережитков Прошлого и Тлетворного Влияния Запада /сокращенно его называют «Трипе», а шутники обычно присоединяют еще одну букву/ началась склока, которая скоро переросла в общеотдельскую, а затем — в общениститутскую. Зародилась склока давно, еще когда самый бездарный сотрудник сектора неожиданно для всех представил на обсуждение докторскую диссертацию на тему «Классики марксизма о пережитках прошлого в сознании людей». В диссертации он аккуратно выписал все высказывания классиков, имеющие прямое или косвенное отношение к теме, и высказывания Вождя и высших руководителей. Кроме того, он использовал огромный газетный материал. И как прочие сотрудники сектора ни изворачивались, чтобы не пропустить такую заведомую халтуру, у них ничего не вышло. Диссертация произвела сильнейшее впечатление на вышестоящее руководство. Слух о ней дошел до самого Идеолога, на речи которого в ней было около пятидесяти ссылок /второе место после Вождя/. И в кратчайшие сроки этот сотрудник защитился с блеском. Прочие сотрудники сектора почувствовали себя сначала несправедливо обойденными, затем — слегка зажимаемыми, наконец — талантливыми учеными, которым тут нет хода. И пребывали в таком приятном состоянии гонимых талантов вплоть до того момента, когда заведующего сектором неожиданно схватил инфаркт. Сотрудника-Высочку назначили исполняющим обязанности заведующего сектором. Он вспомнил все обиды и унижения, которые вытерпел от секторских «гениев», и начал методично и настойчиво терроризировать их, придираясь к каждому пустяку, делая бесчисленные оскорбительные замечания, бракуя их работы. Они, естественно, не выдержали и написали коллективное заявление в партийное бюро. В заявлении они уличали Высочку в невежестве и стремлении развалить работу сектора. Один сотрудник, претендовавший на пост заведующего сектором, заявил ультимативно, что если высочка остается заведующим, то он, Претендент, уйдет из сектора. Высочка в свою очередь написал заявление в партбюро о недопустимом поведении Претендента и его сторонников, обвинив их в групповщине. Часть сотрудников встала на сторону Высочки. Претендент обвинил Высочку в методологических и даже в идеологических ошибках, в уступках и некритическом отношении. Высочка обвинил Претендента в неспособности учесть новейшие достижения науки и идти в ногу со временем. Затем борющиеся партии стали раскапывать друг на друга бытовые помои в таком количестве и виде, что окружающие не вытерпели и сами ринулись в борьбу. Лишь немногие устояли. Бородатый со своей группой — как «аристократ». Однорукий — поскольку ему было, как он выразился, наср...ь на тех и на других. Ученик — поскольку еще не знал, к какой группировке примкнуть. Одна из Девиц склоняла его на сторону Претендента как «настоящего ученого», а другая — на сторону Высочки как «новатора». Гениальный выход из положения предложил Учитель: сектор слишком большой, его можно разделить на два — сектор Пережитков /заведует Высочка/ и сектор Влияний /заведует Претендент/. Так и сделали. Идею Учителя присвоил себе сам директор, написав в письме к Президенту Академии Наук слова «по моему мнению»...

Из дневника Мальчика

Если рассказать всю правду о войне, говорит Дядя, никто в нее не поверит. У нас от полка, например, осталось человек двадцать. А воевать мы почти не воевали. Сразу исчезли командиры, в первую очередь — политруки. Я был единственным из

офицеров, не снявшим знаки различия. И стал командиром остатков полка. За это меня потом чуть не расстреляли. Лучше не вспоминать. Когда вышли из окружения, смершевцы первым делом пристрелили Холуя. Потом меня хотели шлепнуть на месте, да ребята не дали. А почему пса Холуем звали, спрашиваю я. Когда пес появился в полку, говорит Дядя, он сразу направился к портрету Вождя перед штабом и задрал ногу. Один парень, наблюдавший эту сцену, захихикали сказал: вот, холуй, что вытворяет ! Услыхав слово «холуй», пес завилал хвостом и приветливо осклабилс. Так и прозвали его. А парня того забрали. Забрали еще одного парня из моего взвода, который предложил считать Холуя сукиным сыном полка. Тогда было модно усыновлять полком прибрудных мальчишек. Их называли сынами полка.

Бунт

Для сотрудника одного из столичных исследовательских учреждений проблема выбора решилась сама собой. Сочиняя статью для одного ответственного работника аппарата ВСП, он решил позабавиться с цифрами, свидетельствующими по идее о нашем превосходстве над всеми. Взяв данные ЦСУ о разных видах продуктов потребления и поделив их на число человеко-дней, он получил такие мизерные величины, которые его изумили безмерно. Забросив ответственную статью, он поднял официальные отчеты и справки за последние десять лет, потом еще за десять. И так он добрался до тринадцатого года — стандартного эталона отсчета всех выдающихся достижений Страны. За этим занятием его и засек начальник секретного отдела. С тех опр Сотрудник кое-как перебивался за счет переводов, безымянных рецензий и диссертаций для представителей отсталых в прошлом народов. Через полгода Сотрудника вызвали на Административную комиссию и как тунеядца обязали трудиться в указанном месте. Сотрудник пренебрег указанием и заработал за это год тюрьмы и три года ссылки. Через пару лет им почему-то заинтересовались ОГБ и предложили «хорошую» работу в «почтовом ящике» / п/я/, который, как ему сказали, поставлял материалы не для «этих болтунов», а для «настоящих деловых руководителей, озабоченных состоянием и перспективами Страны». Сотрудник в это время работал на руднике за Полярным кругом и на предложение сразу же согласился. Одновременно с работой в п/я он стал искать связей с людьми, которые могли бы использовать его способности в интересах Дела. Какого именно дела, он не знал.

Общественная работа

Месяц прошел, сказал Комсорг, а ты все загораешь. Для начала вот тебе поручение: будешь агитатором на избирательном участке. Потом надо будет вступить в народную дружину. Ты парень здоровый... Послезавтра собрание. Надо будет выступить. Так сказать, свежий взгляд... Привет!

Начинается, подумал Ученик, кончился мой «медовый месяц».Пора становится полноценным членом коллектива.

Отношение к диссидентам

В курилке шел треп о диссидентах. На сей раз он принял несколько иронический оттенок. Слышал, говорит Девица, схоронили Н. Говорят, жертва ОГБ. Это действительно, говорит длинный очкарик из отдела писем трудящихся, но скорее в комическом смысле. Дело в том, что Н был так напуган слухами о нападениях агентов ОГБ на диссидентов, что носил с собой для самозащиты бронзовый пестик, которым жена толкла в ступке всякие штучки для кулинарии. Прятал его в чехол с зонтиком. В тот раз он засунул его прямо в зонтик. И забыл о нем. Пошел дождь. Он вытащил зонтик, раскрыл. Пестик, конечно, шлепнул его по темени. И наповал.

А помните художника М, говорит другая Девица. Он года два назад уехал. Так с ним такой казус был. Приобрел он новую мастерскую. А мальчишки еще за год до этого нарисовали на двери фашистский знак. Художник сначала не обратил внимания, хотел стереть. Но потом смекнул, что из этого выгоду извлечь можно. Сообщил западным журналистам. А тех хлебом не корми, дай только материальчик. Ну и сфотографировали это как яркий пример травли. Это что, спешит высказаться мальчик из спецотдела, один дисси... Съел свою собственную старую жену, dokonчил Однорукий мысль Мальчика, и свалил на ОГБ. И что самое удивительное, те до сих пор не могут доказать, что они не ели... А самое смешное, сказал Однорукий Ученику, агенты ОГБ действительно прикончили Н, стукнув его чем-то по голове. А пестик тут выдумали для анекдота.

Из дневника Мальчика

Я проходил мимо лектория общества «Знание», увидел афишу с красными буквами «Человек и общество» и зашел туда послушать. Народу в зале было довольно много. Вот идиоты, подумал я. Но тут же спохватился: а ты сам? Лекцию читала седая пожилая женщина. Читала со страстью, хорошо поставленным голосом. Хотя она говорила обычную барабанную чушь, ее слушали. Только сидевший рядом со мной мужчина ворчал что-то. Когда лекторша стала обосновывать тезис о состоянии одиночества как о характерном явлении буржуазного общества, совершенно не свойственном нашему обществу, сосед выругался и предложил покинуть зал. И охота тебе слушать эту галиматью, сказал он, когда мы вышли на улицу. А вы же сами слушали, сказал я. У меня с этой гадиной свои счеты, сказал он. Знаешь, сколько людей эта тварь в свое время угробила? Я по ее милости тоже кое-что хватил. Пустячок. Пятнадцать лет! А теперь она крупный теоретик по проблемам воспитания нового человека. Перед молодежью часто выступает. И представь себе, имеет успех. Но она действительно здорово говорит, сказал я. Смотря с какой точки зрения, сказал он. Считается, что наши вожди были великими ораторами, А начни копать сейчас смысл их речей, в ужас придешь. Возьми хотя бы эту тему одиночества. Вроде бы правильно все говорила. Действительно, на Западе часто бывает так, что обществу безразличны переживания и судьба индивида, а у нас коллектив ни за что не оставит без внимания своих отдельных членов. А что это означает на деле? Там одиночество есть крайне /отрицательное/ проявление и следствие позитивной правовой и моральной защиты личности от власти и от общества. А у нас отсутствие такового есть проявление и следствие неограниченной власти коллектива над личностью, т.е. чего-то негативного. И кроме того, состояние одиночества и у нас бывает. Да еще какое! Поживешь — сам почувствуешь. Только у нас оно имеет совсем иной смысл: это страшное наказание индивида коллективом за стремление обрести личную независимость и отстоять свое человеческое достоинство. Там — безразличие, у нас — активное изолирование. Там это исходит от тебя самого, здесь — от них, твоих коллег и сослуживцев. Наше одиночество куда страшнее. А почему вы не отомстите этой женщине, спросил я. Как, спросил он в свою очередь. Разоблачить? А перед кем? Кто она такая, всем известно. Она часто ездит на Запад. Ее там принимают. Думаешь, не знают, кто она? Мы не раз общались об этом. Всем плевать на прошлые жертвы. Я бы на вашем месте убил ее, сказал я. Конечно, сказал он, таких убивать надо. Но — в свое время. Раньше я был готов на это, но не имел возможности. Теперь поздно. Самое страшное наказание таким — чтобы они видели, что их время прошло. Но, увы, их время снова возвращается. Да оно и не уходило. Хотите, сказал я, я ее кирпичом по башке стукну из-за угла? Не стоит, сказал он. Пропадешь ни за что. Потом... Понимаешь, я тогда признал вину, покаялся. Просил помиловать. Обещал... В общем сам понимаешь. Ну, пока!

И он ушел. Я не спросил его имя и адрес. А жаль. Потом я как в бреду ходил по улицам и думал, думал, думал...

Раздастся «Встать»,
Раздастся «Суд идет!».
Войдет судья,
Держа в руках бумажки.
И ясно, что
Меня, ребята, ждет.
И на душе, ребята,
Станет тяжело.
Судья начнет,
Чеканя каждый слог.
И станет тихо
В зале опустелом.
А я замру,
Уставясь в потолок.
Плевать, чем кончится,
Хотя бы и расстрелом.
Потом научит
Дошлый адвокат,
Что для спасенья
Шкуры делать надо:
Писать бумагу,
Что, мол, виноват,
Писать бумагу,
Что прошу пощады.
Я не стремлюсь
На тот, ребята, свет.
Я кое-что
На этом оставляю.
И все же я
Твержу один ответ,
И про себя и вслух
Все то же заявляю:
Оно, конечно,
Глупо подыхать
И ни за что,
На дело честно глядя.
Но я скриплю зубами: «Вашу мать!»,
Твержу сквозь слезы:
«Погодите, бляди!»

Жизнеутверждающие мотивы

Начну с главного — с работы. Я лично работу свою люблю. И на работу ходить люблю. Работа у меня не пыльная. Как говорится, не бей лежачего. В чем она состоит? Это не имеет значения. Не все ли равно, чертежи или бумажки, железки или стекляшки. Главное — не хлопотно, не тяжело. И люди. Есть с кем поболтать, покурить и иногда выпить. И женщины попадаются ничего... В общем, вполне можно от домашних дрызг отвлечься. И на совещаниях, заседаниях, собраниях не так уж скучно. Все какая-то жизнь. Умеючи и тут время провести неплохо можно. Главное — не лезь на вид. Не вмешивайся и не мешайся. Устройся где-нибудь в сторонке. Книжечку почитывай. С соседом в «балду» сыграть можешь. Или в

«морской бой». В крайнем случае, спи себе потихоньку. И помни: не вмешивайся и не суйся. А годы идут себе и идут. Не успеешь оглянуться — пенсия. Не разгуляешься, конечно. Но и с голоду не помрешь. И на зарплату мою безбедно прожить можно, что бы там ни говорили. Машина мне ни к чему. И дачу не нужно. И за границу я не собираюсь. А так... Премии бывают. Путевки в дом отдыха со скидкой. Командировки опять же. Люблю в командировки ездить. Зарплата идет. Командировочные платят. Приключения случаются. Выпить можно спокойно со вкусом. Чего еще нужно? Не понимаю я этих... как их?..

Из второй проповеди

Религиозное состояние, говорил Проповедник, в исходном пункте есть осознанное страдание и сострадание. Страдание есть предвидение или предчувствие боли, переживание ее, память о ней, воображение ее, страх ее. Смерть есть самая страшная и сильная боль. Страдать может только индивид, но не вид и не род. Страдают отдельные люди, а не группы людей, не народ, не человечество. Когда говорят о страданиях групп людей, совершают подмену понятий. Сострадание есть страдание от того, что страдает другой. Это чисто человеческое свойство. Так что состояние религиозности есть чисто человеческая способность. У животных нет религии. Утрата способности к религиозности есть возврат человека к животному, а не прогресс. Конец Бога есть конец Человека. Антирелигиозное общество есть квазичеловеческое общество, а не вершина истории. Это — деградация. И никакие космические полеты не компенсируют ее.

Случайная беседа

Когда Ученик вошел в кабинет Бородатого, там уже шел оживленный разговор. Сплошная демагогия все это, сказал молодой человек в очках. Одной демагогией тут ничего не объяснишь, сказал лысый молодой человек. Выбросить этот идеологический хлам, всем легче будет, сказал Очкарик. Не выйдет, сказал Лысый. Люди не властны отказаться от своей идеологии. А если выйдет, новый хлам появится.

Ученик с удивлением слушал, что говорили эти люди. Они заметили его удивление и рассмеялись. У вас вид как у студента первого курса, попавшего раз на лекцию по сексологии, сказал Лысый. Не обращайтесь внимания, это ничего не значащий треп. Сегодня к нам доставили одного доцента по научному коммунизму. Он до того переусердствовал, что даже его коллеги, такие же идиоты, не выдержали.

Очкарик вышел. С этим типом надо быть осторожным, сказал по его адресу Лысый. Ерунда, сказал Бородатый. Тут все считается стукачами. И вы тоже. Так что здесь можно говорить все, что угодно. Преимущество профессии. Стукач стукачу рознь, сказал Лысый. Одно дело — вообще ... Другое дело — на своих... Как с тем мальчишкой, спросил Бородатый. Жить будет, сказал Лысый, думать — никогда. Они ему вкололи лошадиную дозу. Я просил сократить. Парень-то способный. Не послушали. Им, видите ли нужен гарантированный результат. Без рецидивов. Жаль, сказал Бородатый. Конечно, сказал Лысый, а что поделаешь? Инструкция! Они теперь носятся с идеей профилактических прививок всем детям дошкольного возраста. И всем солдатам и студентам. Откуда это известно, спросил Бородатый. Так, сказал Лысый, случайный разговорчик слышал...

На участке

На избирательный участок Ученик пошел вместе с парнем из отдела избирательный искусства. Дорбгой парень рассказал, что он по образованию

художник; что, когда уговаривали идти сюда, сулили золотые горы; что теперь он понял, в какую мерзость влип, но уже поздно, так как он подписал кучу бумажек. И вообще, имей в виду, отсюда можно уйти только в спецкорпуса. Так что не вздумай рыпаться. На вопрос, чем занимаются в их отделе, Художник выругался трехэтажным матом. Тем же, чем и в твоём отделе, сказал он, только в области изобразительного искусства. Между прочим, мы стали собирать произведения свихнувшихся художников, и у нас тоже будет скоро хранилище вроде вашего. Уйду туда. Все-таки спокойнее.

На участке, пока ждали бригадира, давали советы Ученику. Советы сводились к одному : все это - пустая формальность. Надо лишь сверить списки избирателей, разослать открытки, пообещать содействие в бытовых /в основном — жилищных/ неурядицах. Потом составить списки уклоняющихся от выборов. Зачем, удивился Ученик. Не строй из себя целку, сказала пожилая женщина. Для Органов, конечно. Потом пришел бригадир. Распределили дома. Немного потолкались. И разошлись. Ученик с Художником решили отметить начало своей агитаторской деятельности в ближайшем кафе. К ним присоединились еще двое. Хотели было прихватить «девочек», но передумали : за них платить надо, а денег и так в обрез.

Из материалов СППС

Никто нашему народу голову не задурял, сказал Бородатый. Он сам все понимает не хуже нас. Поговори с каждым по отдельности, сам в этом убедишься. Народ поступает не в соответствии со своим пониманием, а в соответствии со своей натурой. Он иначе не может. Тигр не ест сено, а коровы не охотятся на животных. Холуйский и нетребовательный народ. Идеальный материал для коммунистических экспериментов. Говорят, что раб, осознавший себя и т.д., уже не раб. Это чушь. Тут нужно другое. Собирище карликов. Карлик, осознавший себя карликом, не становится великаном. Карлики, чтобы избавиться от обидного сознания своей карликовости, первым делом начинают истреблять материал для сравнения — великанов. Особенно — потенциальных. Ломать им хребет! Наш народ не дурак. Он понимает, что ему опаснее не то, что его сделали таким /от этого уже не избавиться/, а то, что дает ему сознание реальности. Его главный враг — говорящий правду. Я тут не первый год. И вижу, какую титаническую работу проделывает наш народ, чтобы истребить и не допустить правду в своей жизни.

Из материалов СОД

Только сопротивление, сказал Бородатый. Надо сопротивляться всякому насилию над человеком. Особенно тогда, когда это насилие осуществляется на благо, во имя и т.п. Если ты — человек, ты вправе сопротивляться насилию хоть всего человечества. Человек начинается не с коллектива, а с сопротивления коллективу в этом коллективе. До этого он — вид животного. Человек начинается с «я», а не с «мы». Это я говорю как специалист. Человеческое общество есть соединение таких сопротивляющихся «я», а не безликое «мы». «Мы» — это удобная форма для коллективного господства правящей банды над остальным обществом. «Мы» — это чингиз-хановская орда. Нас отбросили к самым истокам цивилизации, а изображают это как вершину. Лишь сопротивление в ряде поколений может родить общество великанов...

В кафе и дома

В кафе было полно народу. Но один из присоединившихся сунул официантке трешку, и та отвела их в дальний угол зала к столику, на котором стояла дощечка с надписью «занято», забрала дощечку и через пять минут принесла выпивку и жалкую закуску. Только не засиживайтесь, ребятки, сказала она, а то стол заказан,

придут заказчики — скандал выйдет. Все ясно, сказал Присоединившийся. Мы уйдем, она тот столик «сдаст» таким же «заказчикам», как мы. Вот стерва, вырвалось у Ученика. Зачем же так, сказал Присоединившийся. Просто народ. Люди. Им тоже как-то надо устраиваться. Знаешь, какая у нее зарплата? А у нее наверняка ребенок, пьяница муж и престарелая свекровь на руках. Как минимум. И по крайней мере половину «кальма» она отдает начальству. Так что не судите, да несудимы будете. Ладно, поехали! За блок коммунистов и беспартийных, чтоб он сдох.

Выпили. Разговорились. Я, сказал Присоединившийся, мастер по приборам. А думаете, я приборами занимаюсь? Ничего подобного. Делаю квартиры и дачи начальству. Однажды «попросили» меня поправить аппаратуру в квартире директора. Сделал на совесть. С тех пор и пошло. У нас целая бригада фактически сделана. Так и кочуем с квартиры на квартиру, с дачи на дачу. А хапают они все, свихнуться можно. Представляете, тут одному батарее отопления хромировали. Зачем?! С жиру бесятся, сволочи. Ну и вам, небось, перепадает, сказал Ученик. Как бы не так, сказал Приборист. Мы им делаем все за государственный счет. А нам — обычная зарплата, и все. А в «промежутках» — овощная база, на уборку в деревню, на участок, в дружину. А вы бы отказались, сказал Художник. Попробуй только, сказал Приборист. Почему ты не отказался от участка? То-то.

А у нас, сказал Художник, чуть отступил от установленных образцов, так сразу попадаешь в психи или диссиденты. Посмотрели бы вы на нашу «галерею». Все направления изобразительного искусства Запада за последние сто лет представлены. Ни в одном музее такого не увидите. Есть такие, которые на Западе принесли бы авторам известность и положение.

Дома Жена /она пришла на полчаса раньше/ устроила сцену. Хотя он ей сказал правду, где был, она не поверила. Из этого Ученик сделал безошибочный вывод, что тот лысый толстяк дал ей отставку, и дело с кооперативом теперь лопнет. Жена плакала. Ему стало ее жаль. Брось, сказал он. Как-нибудь выкрутимся. Возьму халтуру и заработаю на кооператив, пропали он пропадом.

И они помирились... до утра. Утром что-то произошло на кухне, и она ушла без завтрака, хлопнув дверью. Я больше так не могу, сказала мать. Давайте делиться. Ищите подходящий вариант для себя. Нам с отцом — что угодно и где угодно, лишь бы отдельно от вас.

Из дневника Мальчика

Я давно заметил, что все люди понимают происходящее вокруг. И все в один голос призывают помалкивать. Все понимают, что именно из этого помалкивания вырастает все свинство нашей жизни. И все-таки молчат. И сами же не дают никому пикнуть. В чем дело? Неужели мы действительно такие ничтожные карлики и боимся правды о себе? Но я не хочу быть карликом!

Из третьей проповеди

Самые фундаментальные понятия религиозного учения, говорил Проповедник, суть понятия добра и зла. Они фиксируют отношение людей к страданиям и радостям жизни. Религиозность можно также рассматривать как способность различать добро и зло, стремление делать добро и препятствовать злу, радоваться добру и печалиться злу. Имеются простые жизненные случаи, когда человек способен понять, какие явления суть зло и какие добро. Прочие случаи сами по себе неопределенны. Со временем люди вырабатывают для некоторой части из них оценочные критерии в терминах добра и зла. Делают они это стихийно, в результате длительного и неустойчивого опыта, фрагментарно, ситуационно. Одна из задач религиозного учения — ввести для этого некоторые правила, систематичность,

определенность. И тем самым помочь людям расширить и уточнить сферу явлений, оцениваемых в терминах добра и зла, т.е. расширить и сделать более четкой сферу религиозного опыта людей.

Вы смешиваете мораль и религию, заметил Инструктор. Нет, сказал Проповедник. Я рассматриваю моральный принцип как один из постулатов религии, и не более того.

Источником страданий и радостей для людей, продолжал Проповедник, могут быть явления природы и люди. В наше время могущество человека в отношении природы достигло таких масштабов, что человек уже не может относиться к природе на религиозном уровне. Сфера понятий добра и зла должна быть поэтому ограничена исключительно отношениями между людьми.

Согласно нашей официальной идеологии имеются некие объективные закономерности общества, снимающие с людей ответственность за определенные последствия их поведения. Религия отвергает это, но не как факт науки, а как установку для поведения. Вес объективные обстоятельства общественной жизни действуют через волю и намерения людей. Человек ответственен за несчастья, которые он причиняет другим. Человек является также и источником добра.

Житейский опыт

В конце рабочего дня к Ученику подошел заместитель Учителя и сказал, что ему надо побеседовать с Учеником. Лучше на улице. Когда вышли за ворота, Зам повел Ученика каким-то странным путем. Так ближе, сказал он. Но у Ученика сложилось впечатление, что Зам это делает для конспирации и чтобы избежать слезки. Зачем это, подумал Ученик. Нас же все равно просматривают и прослушивают насквозь.

Я хочу поговорить с тобой по важному делу, сказал Зам. Одна из задач нашего учреждения, да будет тебе известно, это — подготовка статей, речей и книг для всякого рода руководителей. В тех рукописях, с которыми мы имеем дело, часто встречаются здравые идеи и даже значительные исследования. К нам иногда поступают книги и статьи, которые стоит лишь слегка подправить, как их можно публиковать под именем любого ответственного работника. Это общеизвестно. Но имеется категория влиятельных лиц, которые хотят, чтобы окружающие думали, будто свои сочинения пишут они сами. Сюда относятся чиновники, желающие защитить диссертации, родственники высших руководителей и т.п. Например, зять Идеолога считается крупным ученым. Он — член-кор. Теперь он хочет стать академиком. Значит, ему нужно сделать пару книг и десяток статей. Иногда сами высшие руководители проявляют желание «сочинить» что-нибудь свое, из ряда вон выходящее. Догадываешься, к чему я клоню? Изготовление таких «своих» сочинений — наша работа. Неофициальная, конечно. Но неплохо оплачиваемая. Ты знаешь, что у нас в отделе нет людей со степенями. Понимаешь, почему? Так вот, тебе пора включаться в такую работу. А Учитель знает, спросил Ученик. И да, и нет, ответил Зам. Фактически — да. Юридически — нет. Он хитрый, мерзавец! Знаешь, какая у него дачка?! А на сберкнижках сколько лежит?! Тебе ведь тоже квартира не повредит. А сейчас кооператив дорогой. Так что думай!..

На другой день Ученик сказал Заму, что он согласен. Пока займись сбором материалов по проблемам управления, написал ему Зам на листочке из записной книжки, с которой тут же отправился в туалет.

В столовой Ученик увидел Бородатого и подсел к нему. Вы поосторожнее с Замом, сказал Бородатый. Скользкий тип. Разыгрывает конспирацию. А на самом деле всем известно, чем он занимается. Сейчас он сколачивает группу делать книжку Зятю. Но не советую конфликтовать с ним открыто. Сожрет!

Из «Евангелия от Ивана»

Чтобы хоть чуть было жить интересней,
С градусом жидкость учись лакать,
Слезу выжимать запрещенною песней,
Под носом начальства к девчонкам тикать.
Учись сачковать от нарядов на кухню,
Старшин обходить за версту.
Придется зубрить, — на уроках не пухни.
И само собой, спать учись на посту.
Наплюй на награды. К чему нам медали?!
Поверь мне, не стоят железки возни.
Чины и нашивки в гробу мы видали,
А в гроб, как известно, кладут и без них.
Настанет черед, нам с тобою прикажут
Топать вперед, разумеется, за...
И мы побредем, бормоча: мать вашу!»
И мы упадем, не закрывши глаза.
Ведь мы не в кино. И не в сказке бумажной.
Не будет для нас безопасных атак.
А матерям нашим, знаешь, не важно,
Что мы не отличники были, а так...

Жизнеутверждающие мотивы

Иногда бывают приятные неожиданности. Выдали, например, нам на отдел три талона на покупку ковров /теперь это большой дефицит/. Разыграли. Я вытянул самый хороший ковер три на четыре! Жена чуть не рехнулась от радости. А то моя приятельница из дирекции / когда-то у нас была интимная связь, связь скоро кончилась, но дружеские отношения сохранились/ устроила мне подписку на весь цикл приключенческой литературы! Это, конечно, царский подарок. Дочка подрастает. Я, конечно, за это отблагодарил ее,— жена по благу достала пару заграничных бюстгалтеров / тоже дефицит/.

Из третьей проповеди

Религиозная оценка поступков людей, говорил Проповедник, касается лишь сознательных поступков. Она исходит из таких постулатов. Добро и зло абсолютны. Не может быть одно и то же добром /злом/ в одно время, в одном месте, в одних условиях и злом (добром) — в других. Не путайте только добро и зло с пользой и вредом. Например, клевета на негодяя есть зло, спасение гибнущего негодяя есть добро. Добро и зло не измеряются. Большое добро не лучше малого, большое зло не хуже малого. Добро не компенсирует зло, зло не уничтожает добро. Они независимы. Они только накапливаются. Добро не рождает зло, зло не рождает добро.

Понятия добра и зла суть оценочные понятия. По правилам логики оценок здесь предполагаются критерии оценок и их законодатель. Кто является законодателем /установителем/ этих критериев? Поскольку тут нет природных и социальных причин, поскольку тут имеет место лишь свободное волеизлияние души, тут уместно лишь формальное определение, т.е. лишь обозначение того существа, от имени которого должны быть по идее сформулированы эти критерии. Хотите — называйте это предполагаемое существо Богом. Бог — не создатель религии, а возможный производный продукт.

Человек имеет душу, если и только если он различает добро и зло, страдает из-за причинения людям зла, радуется причинению людям добра, сам стремится к добру и противоборствует злу. И не требует за это вознаграждения. Само по себе сознание, что он делает добро и борется со злом, есть единственное его желанное вознаграждение. В том, что я сказал, нет ничего мистического и иррационального. Мистика и иррационализм суть признаки идеологии, а не религии.

НАЧАЛА ВСЕГО

Вождянк и прочее

Теперь уже никто не помнит, как назывался город Вождянк до революции. И не потому, что память человеческая коротка, а потому что жизнь тех, у кого эта память /пусть короткая/ могла быть, оказалась слишком ненадежной. По данным Центрального Статистического Управления /ЦСУ/ в Вождянке остался всего один житель, родившийся здесь до революции. Да и то, как писали все газеты, он был вывезен из России еще в чреве матери задолго до революции и вернулся сюда на старости лет. Как писали газеты, вернулся с проклятого Запада на горячо любимую Родину, по которой тосковал всю жизнь и успехами которой восторгался. Вернулся, конечно, по глупости, в чем скоро убедился. Но обратно его не пустили, потому как он стал официальным живым свидетельством. Чтобы поднять его настроение, его наградили орденом Революции и дали семидесятирублевую пенсию. Ни за что, можно сказать, дали.

Зато в Вождянке еще много таких, кто хорошо помнит, что еще не так давно город, большинство его площадей, улиц и учреждений носили имя Сталина и его ближайших сподвижников — Буденного, Ворошилова и прочих. Они еще надеются /и не без оснований/ на то, что через некоторое время /вот помрет нынешний Вождь, его, разумеется, разоблачат за перегибы/ городу и его прочим атрибутам вернут их прежние наименования. И в самом деле! Вот прислушайтесь! Улица Буденного. Звучит? А улица имени товарищи Сусликова? Кто такой Сусликов? Небось, и шашку никогда в руках не держал?! Тьфу! Противно! Но надеются эти пережитки давно /и своевременно, конечно/ преодоленного культа напрасно. По мере смены Вождей и их ближайших соратников и обнаружения /и исправления, конечно/ их ошибок город, улицы, площади, заводы и т.п. регулярно переименовывали, называя их именами новых Вождей и их соратников. Это стало традицией, отменить которую не в силах даже яростные сталинисты /впрочем, их по данным ЦСУ не осталось совсем/. Нынешний Вождь, конечно, стар. И здоровышко, говорят, подорвал, фактически командуя вместо Сталина всеми войсками в ту войну. Но это ничего не значит, так как претенденты тоже ненамного моложе и тоже кое-кем покомандовали. И города, улицы, площади и прочее их имени им потребуется до зарезу. Без этого руководить всем нашим народом и всей прогрессивной мировой общественностью /от императора Кусаки Первого до еврокоммунистов/ им никак нельзя. Не положено.

Но оставим все эти тонкости высшей государственной и мировой политики самим руководителям. Им виднее, назвать улицу бывшую имени товарища Ягодицына именем товарища Пупенко или Портянова или даже Шейвыязрве. Нам-то не все ли равно. Лишь бы по этой улице можно было сравнительно безопасно двигаться. А то перерыли ее в десяти местах. И зачем, сами забыли. И лишь бы морду не набили и не раздели. Тут недавно такой кошмарный случай произошел...

Среди бела дня. Куда только милиция смотрит?! Так оставим все эти проблемы высокому руководству и пойдем... Где вы сейчас находитесь? На площади Ленина? Значит, вам надо идти налево, по улице Робеспьера, свернуть в переулок Клары Цыпкиной /второй направо/, потом по Хлюпиковской /не думайте, что это от старого режима осталось; товарищ Хлюпиков был основателем новой власти в городе; до расстрела, конечно; после расстрела его могли только реабилитировать/, сворачиваете на площадь Вождя, широкая улица налево — Вождевая, идите по ней, а тут уж рукой подать до улицы имени товарища Сусликова, которая приведет вас прямо к зданию УППГЧМО. Вы его сразу заметите. Большое желтое здание. На крыше лозунг «Слава КПСС». Такой лозунг есть и на других зданиях. Но этот отличается от других: в нем первая буква С покосилась, вот-вот упадет. За это, конечно, кое-кому нагорит. Но это потом. А пока буква еще держится. И на чем она только держится? Вот мы и пойдем по направлению к УППГЧМО. Нам именно туда и нужно. Тем более туда сейчас направляется сам товарищ Сусликов, именем которого и будет со временем названа бывшая улица имени... как его?..

УППГЧМО

Сотрудники УППГЧМО, склонные к юмору, расшифровывают первую часть названия своего учреждения в шутку как «управление /или учреждение/ по Проектированию и Производству Говна». На самом деле в слове УППГ есть другой более серьезный смысл, но теперь никто не знает, какой именно. Вернее, не хочет знать, ибо это теперь уже никого не интересует. Важно лишь то, что УППГ является в высшей степени важным учреждением в городе. В этом-то никто не сомневается. Не зря же во главе его поставили такого человека... Вторую часть названия /буквы ЧМО/ те же самые остряки расшифровывают как «Чудят, мудрят, объебывают». Но и среди реакционных сил учреждения нашлись свои остряки, которые дали этому выражению иную интерпретацию, а именно — «Чудаки мудаков обслуживают». Сокращенно все в городе называют учреждение просто ЧМО.

В данный момент ЧМО как раз готовится к предстоящему празднику. К какому? До ноябрьских вроде далеко еще. Вы что, газет не читаете? Скоро же новую конституцию принимать будут. Какую? Не так давно уже приняли одну. Так то при старом Вожде. Та устарела. А это новая будет. И день принятия ее будет наверняка объявлен всенародным праздником. Вот к нему-то и готовится вся Страна. И Вождянск в том числе. И ЧМО, само собой разумеется. Сейчас как раз букву С исправляют, заменяют испорченные электрические лампочки, портреты вешают. Слева Маркс, справа Ленин, в середине нынешний Вождь. Размером поменьше/восемь метров на десять/, зато моложе и красивее. Хотя по возрасту наш старше всех. По сему поводу местные остряки шутили, что, мол, Вождю под восемьдесят лет, советской власти под семьдесят, но Вождь сохранился куда лучше. Остряков, конечно, убрали. За спекуляцию и наркотики, как написали в литературной газете «На страже завоеваний». Если вас удивляют такие необычные размеры портрета Вождя /он ширше, чем выше/, так вы не иначе как... Граждане нашей Страны к этому уже привыкли. Они знают, что если портрет слегка сузить, то правительственные и зарубежные награды не поместятся на заведомо зауженной груди Вождя.

Часть сотрудников, не занятых водружением портретов, собирает мусор на территории вокруг здания, — сегодня же суббота в честь предстоящего праздника! Остальные — в помещении. Занимаются кто чем. Наиболее находчивые руководители всякого рода подразделений учреждения проводят совещания, заседания, собрания, многие пьют чай или кофе. Или другие более серьезные напитки. С нетерпением поглядывают на часы: когда же кончится это идиотское времяпровождение?!

— Эй, Сусликов! — крикнул заместитель директора по административно-хозяйственной части отставной полковник Лаптев/Лапоть, как его именовали образованные и прогрессивные молодые сотрудники/ — Опаздываешь! Там ваши уже заседают!

— Автобус долго ждали,— сказал Сусликов, ускоряя шаг. — Влезть невозможно. Битком. Давно такого столпотворения не было. Кстати, на перекрестке Баррикадной и Вождянской крупная авария.

— Эй, погоди,— закричали собиравшие мусор.— Что там произошло? Когда? Сколько убито?..

Но Сусликов махнул рукой: мол, некогда. И бегом ринулся на свой этаж /лифт, конечно, испортился/, где в его секторе уже началось профсоюзное отчетно-перевыборное собрание.

Сусликов

Петька Сусликов, самый глупый аспирант /теперь во всех учреждениях есть аспиранты, так как наука у нас и т.д./ ЧМО, проделал довольно сложный жизненный путь, прежде чем стать хоть и самым глупым, но все же аспирантом. Подавляющее большинство не достигает и этого уровня. В школе Петька был троечником. И если бы не повышенная комсомольская активность, то мог бы оказаться двоечником. Рассчитывать на успешное окончание школы и поступление в институт он никак не мог. Поэтому после девятого класса он поступил /тетка устроила/ в мясо-молочный техникум. В это время как раз было принято постановление о всемерном подъеме сельского хозяйства /в особенности по мясу и молоку/. Было решено догнать и перегнать Америку. Сеть учебных заведений такого рода расширили и повысили их статус. Так что попасть в техникум было не так-то просто. Тетке пришлось подарочек подбросить. А ее муж еще целый год заходил каждую неделю. Петькин отец должен был ставить поллитровку. Надо признать, делал он это не без удовольствия к великому огорчению матери.

В техникуме Петька сделал безуспешную попытку выделиться за счет общественной деятельности. На роль комсомольских вожakov тут нашлись более видные и горластые претенденты. Однажды Петьку выдвинули кандидатом в делегаты на районную конференцию. Но его провалили. Прошел другой, отличник и спортсмен. Петька сильно переживал эту историю. Даже проболел две недели. В это время он подружился с бесцветной девочкой с их курса, которая однажды зашла с другими навестить больного Петьку. Сначала он вообще не обратил внимания /как сказал его отец, у нее, не было ни рожи, ни ж..ы/. Но когда узнал, что ее отца избрали вторым секретарем райкома партии, впился в нее как клещ /это сравнение высказал тоже его отец, но на сей раз одобрительно/. Они поженились на последнем курсе. В результате молодые Сусликовы сразу же по окончании техникума оба были зачислены на историко-литературный факультет Педагогического Института, хотя не имели пятерок даже по физкультуре и по обществоведению.

Тесть возлюбил Петьку с первого же взгляда. Но жить совместно с молодыми не захотел и устроил им отдельную квартиру. Это было выдающееся для Петьки событие, ибо такую квартиру выдавали далеко не всем преподавателям института, да и то за многолетнюю безупречную работу. Хотя тесть просил Петьку не трепаться насчет квартиры, Петька потихоньку выдавал эту «семейную тайну» всем желающим. Он знал, что делал. Благодаря этому учился он легко. К активности он на сей раз не рвался. И его избрали сначала в комсомольское бюро курса, а потом в комитет комсомола института. На последнем курсе его приняли кандидатом в члены партии. Диплом он написал на редкость посредственный даже с точки зрения уныло-серой институтской профессуры. Ему поставили пятерку. Дали

рекомендацию в аспирантуру. На семейном совете пересмотрели все возможные варианты аспирантур. Остановились на ЧМО. Митрофан Лукич /тесть/ тут же снял трубку телефона и позвонил директору.

Профсоюзное собрание

При всей видимой фиктивности профсоюзная организация у нас играет существенную роль в жизни людей. Путевки в дома отдыха и санатории. Особенно — соцстраховские. Стоят они пустяки, а отдохнуть иногда прилично можно. Устройство детей в детские сады и лагеря. Билеты в театры и на выставки. Ссуды. Решение вопросов о премиях сотрудникам и о надбавках к зарплате зависит от профсоюзной организации. Не говоря уж о вопросах распределения жилой площади. Зная эту важную роль профсоюза, многие сотрудники, не имеющие перспектив улучшить свои жизненные условия иными путями, весьма активно включаются в профсоюзную работу. Для многих профсоюзная работа есть одна из сфер общественной работы, которой почти все сотрудники обязаны заниматься. Многие начинают свою партийную и административную карьеру с самых ничтожных должностей в профсоюзах.

Другое дело — профсоюзные собрания. Это, конечно, чистая фикция. Партийные органы заранее решают, кто должен быть избран на руководящие посты в профсоюзах, а более мелкие посты распределяются на более низком уровне или по взаимной договоренности. Так что профсоюзные собрания обычно проходят быстро и без эмоций, в отличие от отчетно-выборных партийных собраний, которые решают судьбу сотрудников на более серьезном уровне.

Когда Петька вошел в кабинет своего сектора, все были уже в сборе. Курили. Говорили о том, о сем. Ждали представителя Профкома института, без которого собрание нельзя проводить. Потому старый профорг Субботин, довольно противный тип с большим самомнением, не сделал Петьке даже замечания за опоздание. Представитель пришел. Выбрали председательствующего и секретаря — вести протокол. Субботин сделал отчетный доклад, который никто не слушал. В общем, за час провернули все формальности. Приступили к избранию профорга, культурга, страхделегата и т.п. И тут произошло непредвиденное. Субботин, которого хотели избрать на новый срок, взял самоотвод. Ему предстояла командировка в Москву. Заведующий сектором предложил кандидатуру Сусликова, охарактеризовав его как способного и перспективного работника. Тем более Сусликову скоро в члены партии надо вступать, так что ему надо показать себя на руководящей работе. К тому же в свете последнего события... Сотрудники единодушно поддержали предложение. Так Сусликов стал профоргом сектора. Как раз к этому времени закончилось время, отведенное на субботник. Сотрудники разошлись по своим делам. Аспирант Стопкин и младший сотрудник Жидов предложили Сусликову отметить радостное событие /имелось в виду не избрание Сусликова, а досрочное окончание субботника/ в кафе «Космос». Сусликов отказался, сославшись на домашние дела. На самом же деле он решил, что в его нынешнем положении руководящего работника водить компанию с такой шантрапой предосудительно. Он догнал парторга сектора старшего сотрудника Убогатова, пригласив его зайти к себе домой обсудить план совместной работы на год. Заодно — распить графинчик водочки, настоенной на лимонной корочке. И обед, надо полагать, будет отмененный. Сусликовы держали домработницу, которую им оплачивал тесть. Правда, не из своего кармана, а из кармана государства: домработница числилась шеф-поваром в столовой. Убогатов сказал, что он бы на месте Сусликова пригласил Ивана Васильевича /это — заведующий сектором/. Сусликов так и поступил, разыскав заведующего в районе дирекции. Добираться решили на такси. Хорошо, что такси подорожало, сказал Убогатов, теперь по

крайней мере можно взять такси. На улице они увидели потрясающее зрелище. Портрет Вождя сорвался и повис поперек. Лапоть на всю улицу орал что-то насчет того, что он не хочет класть партбилет из-за этих идиотов. Стопкин довольно громко сказал Жидову, что он бы оставил портрет так. Так интереснее. На Сусликова они посмотрели с насмешкой.

Событие

Событие, о котором упоминал Иван Васильевич, заключалось в следующем. Обнаружилось, что сотрудник, ведавший финансовыми делами в местном институте, в течение многих лет занимался темными махинациями. Замять дело не удалось, поскольку в разоблачении была заинтересована одна из враждующих групп учреждения. Сотруднику объявили строгий выговор по партийной линии и перевели в другое учреждение. Хотели дело передать в суд. Но райком партии санкцию на это не дал: провинившийся был старым членом партии, преданным и добросовестным работником.

— Ну и подонок же этот Суслик,— сказал Стопкин /они с Жидовым неторопливо двигались по направлению к ближайшему заведению/. — Крыса. Слушай, объясни, пожалуйста, как этот тип из месткома ухитрился... Сколько он хапнул? Три тысячи? Ого!.. Так как он их сумел хапнуть? Там же каждая копейка на учете!

— Пустяки, — сказал Жидов. — Я бы на его месте в два раза больше взял, если бы захотел. Во-первых, они марки со старых билетов и карточек переклеивают. Во-вторых, с ведомостями мажуют. В-третьих, имеют связи с горкомом профсоюзов, оттуда их марками снабжают. Да мало ли путей. Там, где много денег, всегда можно найти способ их взять. А насчет Суслика ты ошибаешься. Это не крыса. Из него вырастет сволочь покрупнее, помяни мое слово. Он способен до самых верхов дойти. Он же на все способен.

— А ну его на...,— сказал Стопкин. — Это уже не наши заботы. Давай подсчитаем наши возможности. А этот хмырь /Стопкин имел в виду Вождя/ ужасно комично выглядит в поперечном положении. Лаптю теперь здорово влетит, как ты думаешь? А жаль, он мужик в принципе неплохой.

Руководящий треугольник

— Можешь меня поздравить,— сказал Сусликов жене. — Я теперь профорг сектора. Это — заведующий сектора... А это — парторг... Руководящий треугольник в полном составе. Надо отметить такое событие. Надеюсь, ты в грязь лицом не ударишь. Отец сейчас дома или в райкоме? Позвоню Митрофану Лукичу /это Сусликов сказал гостям/. Может быть, он по такому случаю сам сюда выберется.

Сусликов знал, что тесть ни под каким видом к ним не «выберется». Знали это и гости. Но услышав имя Митрофана Лукича, они подтянулись, посерьезнели и стали обращаться к Сусликову на «вы». Секретарша сказала Сусликову, что Митрофан Лукич занят, и спросила, кто звонит и по какому делу. Сусликов сказал /так, чтобы слышали гости/, что говорит зять, что у него радостное событие, что если Митрофан Лукич освободится, он будет рад, если Митрофан Лукич позвонит. Вот так такое, как заметил Митрофан Лукич, прирожденное умение вести себя в свое время и оценил он Сусликова.

— Ты настоящий талант,— говорил тогда Митрофан Лукич, осушив графин водочки на лимонной корочке. — Из тебя хороший руководитель вырасти может. Дурак будешь, если свой талант в землю зароешь.

А Сусликов зарывать свой талант и не собирался. Хотя бы потому, что зарывать — значит работать, а работать он не хотел, он хотел руководить теми, кто должен работать. Усадив гостей за аппетитно сервированный стол, он с некоторой долей руководящего юмора /без видимой усмешки; так, где-то за зубами/ предложил обсудить некоторые принципиальные проблемы сектора в предстоящем выборном году.

— Да, между прочим,— сказал он после первой рюмки. — На перекрестке Баррикадной и Вождянской сегодня крупная авария была. Грузавик в автобус врезался. Жуть, что там творилось.

— А у нас,— сказал парторг Убогатов,— мост через железнодорожные пути обвалился. Крупные жертвы были. Человек тридцать погибло.

— А на восьмом этаже,— сказала жена Суслткова,— квартиру ограбили. Много золота унесли. Две шубы. Одних денег наличными больше тысячи. Откуда столько? А он сам в филармонии работает, а жена — зубной врач.

— Ясно,— сказал Убогатов. — Из этих, что ли? Ну тогда так им и надо. А то разжирили на нашей шее.

Классовая борьба

Из кафе Стопкин и Жидов вывалились злые и неудовлетворенные.

— Что за жизнь, только войдешь в настроение, как уж нужно сматываться,— сказал Стопкин.— Слушай, давай дадим по морде этому вышибале!

— Не советую,— сказал Жидов.— У него свисток. Свистнет пару раз, и мы схлопочем по пятнадцать суток. Нет, надо придумать что-нибудь поинтеллигентнее. Идея! Пойдем Сусликову стекла бить!

— Он на восьмом этаже живет. Не докинешь. И промахнешься наверняка.

— Сделаем рогатки. Я в детстве здорово из рогатки стрелял.

— А из чего? И до седьмого этажа приличный камень не дострельнешь. А маленький стекло не вышибет. Тут надо что-то поумнее! Слушай, а почему у тебя такая странная фамилия? Ты еврей что ли?

— Будь я евреем, бы давно на Западе в приличном борделе сидел, а не в этой дыре.

— Теперь, говорят, и русских по еврейской линии выпускают.

— Выпускают, если хотят избавиться. Все равно это пустое дело. Нам, Иванам, Запад противопоказан. Там работать надо. Вот, например, после такого перепоя смог бы ты там, на Западе, работать? Нет. Значит, по шапке, пополнять ряды безработных. А тут красота! Придем на работу, отметимся. И добирай себе на своем рабочем месте или в каком-нибудь закутке. Нет, брат. Я нашу жизнь ни на какую другую не сменяю. Давай лучше просто так зайдем к Суслику. Мол, товарища проведать. Авось, расщедрится на рюмочку-другую.

— Ни под каким видом! От этой твари — ни сигаретки! А что если в нашей конторе вышибить стекло?

— Ты что забыл? Теперь же во всех учреждениях ночные дежурства. После тех взрывов и пожаров в Москве и по всей Стране бдительность проявляют.

— Вот идиоты! А у нас-то зачем? Да пусть наша вшивая контора хоть с потрохами сгорит! Кому она нужна?!

— Никому. Потому и охраняют.

Переговариваясь подобным образом, собутыльники добрались до дома, где жили Сусликовы. Хитроумными математическими методами рассчитали, где должны быть окна Сусликовых. Убедились в том, что те уже спят. Выключили в подлезе свет на всякий случай, поднялись на седьмой этаж и ощупью подкрались к двери Сусликовых. Стопкин шепнул, что они, б...и, уже дрыхнут и что можно начинать. Спустив штаны, собутыльники наложили перед дверью две мощные кучи. Не зря же терпели от самого кафе, несли с собой!

В понедельник Сусликов, слегка усмехаясь, рассказывал в секторе, что неизвестные бандиты наложили две кучи перед дверью их соседей. Сосед, работник Органов Безопасности, покаялся, что не оставит дело без последствий и непременно разыщет этих диссидентов.

Стопкин отозвал Сусликова в сторонку и шепнул ему, что кучи сделали его вчерашние гости, упившись и обожравшись на даровых харчах. И если Органы раскопают, будут неприятности. Сусликов слегка побледнел и пообещал через тестя принять меры, чтобы дело не раздували.

— Эх ты, теоретик,— сказал Стопкин Жидову с обидой,— я же говорил, надо рассчитывать до пятого знака и дифференцировать...

— Ошибка не в этом,— прервал его Жидов,— а в твоём способе интегр...

Мнение тестя

— Главное,— говорил Митрофан Лукич,— держись с достоинством. Нет мелких должностей. Настоящий руководитель может проявить себя на любой должности. И не выпендривайся. Не вылезай. Наберись терпения. Работай добросовестно и скромно, и тебя наверняка оценят. Я поговорю с твоим директором. И с секретарем партбюро. Ну, за твои успехи!

— Главное,— продолжал Митрофан Лукич после повторной стопочки, — не увлекайся этим делом. Опасное это дело, скажу я тебе. Поверь моему опыту. Сколько талантливых русских людей погибло из-за него! Почитай, брат, Чехова. Смешно пишет! И насчет этого дела разбирается. Если бы не это дело, знаешь бы кем я сейчас был? То-то! Ну, будь здоров!

— А у вас, Митрофан Лукич, пост и так дай бог всякому,— возразил Сусликов, подобострастно глядя в краснеющую рожу тестя и подкладывая ему грибочки.

— Так уж и всякому! Нет, брат, такие посты всякому не дают. Это ты загнул. Вы, молодежь, наслушались всяких там рокиролов и вообразили о себе. Такой пост заслужить надо.

— Я не в том смысле, Митрофан Лукич. Я как раз наоборот. Я...

Но тесть уже перестал что-либо соображать, понес несусветную чушь, накинулся на второго секретаря горкома партии, которого по слухам собираются снимать и на место которого собираются назначить Митрофана Лукича, и захрапел, не dokonчив обличительную фразу о тех, кто «там наверху зажралась». Сусликов помог теще перенести тестя в кабинет на широченный кожаный диван — подарок мебельной фабрики ко дню рождения.

Социальная структура ЧМО

По данным отдела кадров в ЧМО числится около шестисот сотрудников. Сообщив эту цифру на закрытом партийном собрании и попросив не разглашать ее посторонним /особенно иностранцам/, директор сказал, что такие учреждения даже в Москве не на каждом углу встретить можно. Предупреждение насчет иностранцев

вызвало в зале смех. Директор истолковал смех превратно и заявил, что мы не против культурных обменов, но чтобы не... и чтобы не..., а что касается..., то... И вообще пора прекратить это вмешательство в наши внутренние дела и т.д. А причина была простая: город за все время его существования посетил лишь один иностранец, да и то из Болгарии. На встречу высокого /кстати, он был маленький и толстенький, вроде нашего директора/ гостя согнали весь город, включая детишек из детских садов и стариков из дома для престарелых. Пригнали даже обитателей пансионата для старых большевиков /есть в городе и такой, хотя большевиков в городе не было даже во время революции/. Но гость почему-то уехал в другой город, тоже Вождянск, но в другой области.

Как и все советские учреждения достаточно большого размера, ЧМО делится на отделы, отделы на секторы, секторы на группы. Кроме того, тут имеются особые группы и секторы, непосредственно подчиняющиеся дирекции, имеется административно-хозяйственный... не то отдел, не то сектор... в общем, нечто. Научный кабинет, исполняющий одновременно функции хранилища, архива, справочного сектора. Так что на шестьсот сотрудников приходится около сотни всякого рода лиц, так или иначе причастных к руководству. Это — по производственной /или деловой/ линии. На каждом уровне дифференциации и организации в деловом аспекте есть свои руководящие лица и целые группы в общественном аспекте, — партийные, комсомольские, профсоюзные и т.п. /в и т.п. входит, например, Общество Содействия Армии/. Хотя это общественная работа, т.е. по идее безвозмездная и добровольная, она играет весьма существенную роль в жизни учреждения и в судьбе людей. А это — еще около сотни лиц, причастных к управлению. Наконец, по меньшей мере еще сотня лиц устраивается хотя и на неруководящих должностях, но так, что не хуже /а часто — и лучше/ руководящих. Это — официально признанные паразиты всех сортов и рангов. В их число входят, например, штатные работники органов; организаторы общественных мероприятий, без которых не может существовать ни одно учреждение /например, участие в избирательной кампании, выезды с лекциями на заводы, поездки в деревню на уборку урожая и т.п./; лица, так или иначе обслуживающие высшее начальство; доставалы, пробивалы и т.п.; просто сплетники. Остальные триста сотрудников из шестисот заняты непосредственно делом. Но как?!

С точки зрения «интересов дела» каждое подразделение учреждения разделяется по меньшей мере на три враждующие группы: 1/ группа, которая играет наиболее активную роль и считает, что она организует дело наилучшим образом; 2/ группа, которая хочет играть более активную роль и считает, что она может лучше наладить дело; 3/ остальные, которые примыкают к тем или другим в зависимости от обстоятельств или остаются нейтральными по тем или иным причинам. Иногда такое «деловое» деление охватывает более крупные подразделения, т.е. происходит консолидация более мелких групп на единой платформе. Редко такая консолидация охватывает все учреждение. Редко, но бывает и такое. Например, в связи с разоблачением жулика из месткома ЧМО раскололось на упомянутые три группы. Третья /нейтральная/ часть сначала поддержала «радикалов», настаивавших на передаче дела в суд, а потом /после разъяснений на уровне райкома партии/ перешла на сторону «миротворцев». Такие объединения и деления на уровне всего учреждения непродолжительны и неустойчивы. Обычно борьба идет на уровне локальных дряг. Враждующие пользуются всеми обычными методами борьбы, выступают в словесном оформлении борьбы «нового» и «старого», «прогрессивного» и «консервативного», «современного» и «отсталого», возвышаясь время от времени до уровня борьбы с идеологическими «искривлениями» и «диверсиями», борьбы за «чистоту» и т.п.

Наконец, в учреждении образуются группировки по линии личных симпатий и антипатий, взаимной выручки и круговой поруки, сродства намерений и убеждений, влияния окружения и внешних связей и т.д. В результате образуется такая путаница и мешанина человеческих отношений и поступков, о которой хочется сказать лишь слова «болото», «трясина», «помойка». Или, что то же, «здоровый коллектив», «сплоченный коллектив», «монолит» и т.п. И все же как сами рядовые члены коллектива, так и руководящие лица всякого рода прекрасно разбираются, что к чему, кто и чего стоит, кого и что ожидает впереди. Судьбы людей тут определены, а потому они известны заранее.

Город

До революции Вождянск /как же он тогда, черт побери, назывался?/ был, как говорил первый секретарь городского комитета партии Фрол Нилыч Дубов, отсталым сельскохозяйственным городом. На том месте, где сейчас раскинулись величественные корпуса завода имени Ворошилова /завод электронно-вычислительных машинок/ и Института Кибернетики, до революции пасли крупный рогатый скот /именно так товарищ Дубов и выразился/. А на месте мясо-молочного техникума, представьте себе /старожилы это должны были бы помнить, если бы сохранились/, было озеро. И в нем даже рыба водилась. Зато теперь Вождянск превратился, как сказал пьяница из ЧМО Стопкин, в отсталую промышленную деревню. На том месте /говорил Стопкин своим собутыльникам/, где сейчас выпускают безнадежно устаревшие и совершенно не пригодные для эксплуатации ЭВМ, когда-то паслись коровы. Да, братцы мои, настоящие коровы. А на месте никому не нужного мясо-молочного техникума, поставляющего выдающихся кретиннов вроде Суслика, можно было купаться и рыбу ловить. Жили же люди!

За годы советской власти в городе построили пять заводов союзного значения, шесть высших учебных заведений, три техникума, более десяти промышленно-технических училищ. Филиал консерватории, три научно-исследовательских института союзного значения, две психиатрические больницы областного значения, тюрьму европейского значения /в ней по слухам, сживали деятели братских стран/ и т.д. А обычных учреждений /школы, больницы, конторы и т.п. / вообще не счесть. По числу докторов и кандидатов наук на душу населения город превзошел Англию и Францию и стремительно настигает теперь даже Грузию, Армению и Бурят-Монголию. К концу века, как пообещал товарищ Дубов, Вождянск будет городом поголовной высшей грамотности, поскольку поголовно все население города будет /это — точные слова товарища Дубова/ охвачено высшим образованием.

Но самым важным достижением Вождянска явилось не производство ЭВМ и заменяющих человека автоматов, разработанных в Институте Кибернетики, но не нашедших пока применения за пределами района, а создание знаменитого Комбината Народного Творчества /КНТ/ и уже известного вам ЧМО. Комбинат знаменит матрешками, расписными ложками и чашками, вышитыми полотенцами и кофточками. Чем знаменито ЧМО, никто не знает, хотя все догадываются. Догадываются, усмеваются или бледнеют, но помалкивают. В последние годы с упомянутыми учреждениями начала конкурировать Психиатрическая больница имени Степана Разина /«Разинка», как ласково называют ее жители города/. «Разинка» расположена в пяти километрах от города. Но город начал стремительно расти в этом направлении, так что теперь «Разинка» оказалась почти в черте города. Как сказал опять-таки сам товарищ Дубов, город теперь имеет тенденцию /слово-то какое, обратите внимание!/ интегрироваться /опять словечко! Не иначе как с Западом контакты налаживать будем!/ с «Разинкой».

Жизнь города в целом, как и всей прочей нашей необъятной Страны, идет планомерно от юбилея к юбилею, от одной исторической речи к другой, от одной кампании к другой. Каждая историческая веха в масштабах Страны отмечается здесь со своей районной исторической вехой. Так, началась всемерная борьба с поголовным пьянством, и в Вождянске отгрохали свой комфортабельный вытрезвитель. Поскольку набрать пьяниц на все койки было невозможно /пьяницы валялись в местах, где их трудно обнаружить и опасно искать, а милиции хронически не хватало, милиционеры пили не меньше светских алкоголиков/, две трети вытрезвителя отдали под гостиницу для командировочных, назвав ее почему-то «Домом Крестьянина» /а ближайшую забегаловку из любви к старине,— в это время как раз началась борьба за сохранение народных русских традиций,— назвали «Чайной»/. Это было удобно, так как командировочные пили с ужасающей силой. Когда местные алкоголики /преимущественно интеллигенты/ попадали в вытрезвитель, они называли это командировкой или «Дом Крестьянина». Или просто: мол, у крестьянина был.

Тюрьма тоже обслуживала главным образом посторонних, так как городских и районных преступников исправляли и перевоспитывали в Сибири, на Урале, в общем — за Полярным кругом. Что же касается «Разинки», то о ней надо говорить особо.

Выдающиеся личности ЧМО

Самой выдающейся личностью ЧМО является вне всякого сомнения Жидов. Он далеко не еврей. Фамилия его произошла вовсе не от слова «жид», а от орфографической ошибки при заполнении свидетельства о рождении. Однако в ЧМО подозревали, что он замаскированный еврей. Слухи об этом распускали и поддерживали, как это ни странно, самые откровенные евреи ЧМО — Ойзерман, Рабинович, Абрамович и Фриш. Постоянный собутыльник и его любимый ученик Стопкин /еще когда Жидов был аспирантом мехмата в Московском Университете, Стопкин делал под его руководством курсовую работу, а потом сделал диплом фактически по идеям Жидова/ говорил, однако, что ничего в этом странного нет, так как если уж еврей решился навеки остаться в Вождянске, ему не остается ничего иного, как быть антисемитом и вести себя хуже самого поганого Ивана. Терпят Жидова в ЧМО /несмотря на все его хулиганские выходки/ только потому, что все серьезные дела ЧМО делаются по идеям Жидова и по его расчетам. Если дело серьезное, Жидова каждый раз «откомандировывают» в распоряжение дирекции, дают ему возможность «сколотить» по своему усмотрению спецгруппу /разумеется, в нее всегда входит Стопкин/ и предоставляют свободу действий. За одно такое дело Жидовской группы директор с холуями отхватили Государственную премию. На радости он пропустил малосенькую статейку Жидова в столичный журнал. Статью сразу перевели в США. На имя «профессора» Жидова посыпались письма с Запада и приглашения на международные встречи. После этого на время Жидова отстранили от дел, имя его запретили упоминать и ни одну «писульку» его /даже пустяшную/ в печать уже не пускали.

Стопкин стал пьяницей из-за фамилии, как он сам признавался. Он мог остаться в аспирантуре в Москве. Но в знак протеста недопуска Жидова к защите /из-за каких-то писем/ уехал на родину в Вождянск. Тем более он рассчитывал вместе с Жидовым создать здесь новую школу в математике, разработать специальный математический аппарат для социальных наук. Тогда на это началась мода, вследствие которой навывдумывали всякой заушной ерунды, утопив в ней здравые идеи. В этой суете и шумихе, решил Стопкин, не сделаешь ничего путного. Нужна тишина, бескорыстие, вдохновение. И потому еще на вокзале надрался до бесчувствия. Очнулся на другой день в вытрезвителе без пальто, пиджака и

документов /деньги пропил сам с какими-то личностями/. Неподалеку от него на пустой койке сидел голый Жидов с номером на левой ноге, написанным химическим карандашом. Привет, сказал Жидов. Пойдешь в мою группу. Мы сейчас такую штуку надумали, пальчики оближешь! Вот, слушай!..

Следующая по значимости выдающаяся личность ЧМО — заведующий сектором Иван Васильевич /или Василий Иванович, точно не известно/. Это — существо настолько ничтожное, что фамилию его вообще не стоит упоминать. Невозможно объяснить, как он стал заведующим, но став таковым, он занимался одним единственным делом: самосохранением. Любой ценой удержаться на этой должности, извлекая из нее все положенные привилегии. Его включали во все комиссии и советы, избирали во все выборные органы, сажали в президиумы, назначали представителем и т.д. и т.п. Избрали в конце концов депутатом Городского Совета, где он возглавил какую-то очень важную комиссию. Он систематически ничего не делал, но регулярно получал премии и благодарности. В связи с пятидесятилетием его наградили орденом. И что любопытнее всего, у него не было никаких семейных связей в вышестоящих инстанциях, не было никакого блата, никаких дружеских отношений с сильными мира сего. Он никому не делал никаких услуг, в благодарность за что он мог бы иметь то, что имел на самом деле. Он публично не хвалил директора и прочих вершителей судеб всякой мелкоты ЧМО. Он имел то, что имел, в награду исключительно за свое полнейшее ничтожество. Он был символом и воплощением ничтожности, никчемности, пустячности, безликости, мелкости и прочих черт, которыми в избытке снабжены среднетипичные люди нашего общества.

Всеми делами в секторе фактически заправлял заместитель заведующего Неупокоев. Этот, напротив, рвал и метал, лез во все дыры, выпендривался, изощрялся. Но /это другая странность нашей жизни/ у него ничего не выходило. Спихнуть Зава ему не позволял здоровый коллектив ЧМО, а обойти его и скакнуть выше не давало бдительное начальство. Неупокоев вполне соответствовал своей фамилии, что давало лишнее подкрепление для теории Стопкина о фатальной роли фамилии в формировании личности.

— Вот возьмите, например, Сусликова,— говорил Стопкин на лестничной площадке в присутствии самого Сусликова, который в это время загадочно усмехался. — Имеет все данные для выдающейся карьеры. Бездарен. Безграмотен. Беспринципен. Скромнен в быту. Выдержан. Предан и т.п. Имеет мощную поддержку в верхах. Что еще нужно? И все же крупную карьеру ему сделать не дадут. Во всяком случае на каком-то этапе ему скажут: «Стоп!» Почему? Фамилия!! Человек с фамилией Сусликов не может быть во главе государства, например. Вы думаете Троцкий в свое время погорел из-за каких-то идейных причин? Чуть собачья! Из-за фамилии! Человек с фамилией Троцкий не мог стать вождем партии. И каким же он был кретином, взав в качестве псевдонима эту фамилию! И Сталин погорел бы, если бы остался Джугашвили, уверю вас.

Заслуживает упоминания еще один персонаж ЧМО — некто Корытов. Лодырь и холуй, Корытов сразу почуял, что от дружбы с Сусликовым ему может кое-что перепасть. Во-первых, пожрать и выпить задарма. Во-вторых, переспать с Суслихой при удобном случае. В-третьих, подъехать к тестю и т.д. Будучи человеком от природы способным и сообразительным, Корытов решил стать своего рода мыслительным органом тупого и вялого Сусликова. Он взял на себя подготовку Сусликову его выступлений на собраниях и докладов. Сотрудники ЧМО, не знавшие подлинного положения дел, единодушно признали, что за эти два года Сусликов здорово продвинулся вперед, стал одним из самых грамотных и творчески мыслящих молодых специалистов.

Великая идея Сусликова

— Знаешь, Петр,— сказал Кобытов, чтобы сгладить неловкость, наступившую из-за того, что Сусликов преждевременно вернулся домой и чуть было не застал свою преданную супругу с Кобытовым за тем самым занятием. — У меня великая идея возникла. А что если тебе выступить с инициативой на завтрашнем расширенном заседании месткома... С какой?.. Ну, скажем, вызвать на соцсоревнование... допустим, КНТ... допустим, в честь предстоящего всенародного праздника... Наверняка сейчас с этим делом нечто подобное начнется везде. Лови миг удачи, будь одним из первых. Понял?..

Сусликов, конечно, понял. Мелькнувшее было подозрение молниеносно улетучилось. Он даже не обратил внимания на валявшиеся на полу трусики супруги.

— А ты, Кобытов, молоток,— сказал он, неторопливо раздеваясь. — Когда я буду секретарем горкома или обкома... или министром, возьму тебя помощником. А теперь, надеюсь, нас покормят чем-нибудь подходящим!.. За обедом мы и обсудим конкретно, по каким пунктам будем их вызывать и в какой форме подводить итоги. Надо будет посоветоваться с Митрофаном Лукичом. Он в этих делах большой специалист. Неплохо бы было потом тиснуть заметочку в газету насчет нашей инициативы. Ты организуй заметку в стенгазету, а я попробую корреспондента вытянуть... Это можно через тестя проверить. Ну, будем! За успех!

СТРАНА МОСКОВИЯ

Ученики

После семинара отправились в кафе на улицу Горького. Уговорили пойти с собой и Учителя, как они в шутку между собою называли своего преподавателя Бородина. Впереди шел Митя Лапин, самый способный в группе, любимый студент Бородина, тоже в шутку прозванный Учеником. Митя этим прозвищем дорожил и старался ему соответствовать. Правда, завистники утверждали, что Митя — отпетый карьерист, что он без мыла лезет в одно место Бородину, поскольку время такое наступает, что Бородин того гляди пройдет в член-коры. Но люди есть люди, они что угодно ополчат. А факт остается фактом: Митя — самый сильный в их группе. Язык иностранный знает. Другой учит. Читает много. Бердяева, Флоренского, Шестова и многих других уже прочитал, хотя мода на них еще только начинается.

— Нельзя нашу страну рассматривать как нечто социально однородное, — говорит Учитель. — Тут объединено множество народов с различной историей, традициями, характером. Разные народы, несмотря ни на что, восстанавливают традиционный образ жизни, отвечающий их природе и исторической судьбе. Коммунистические отношения в более или менее чистом виде охватывают лишь часть страны, которую я назвал бы Московией. Остальные части являются коммунистическими лишь в силу влияния Московии. Границы Московии условны, их нельзя четко провести. Бесспорно тут лишь одно — центром ее и генерирующим ядром является Москва.

— А почему вы не хотите говорить здесь о России, — спросил кое-кто из студентов.

— Россия теперь миф, а не реальность, — сказал Учитель. — Такая история не проходит даром. Сколько русских уничтожено! И каких людей! Цвет нации. Из десятилетия в десятилетие в культуре русских поощряется лишь то, что низводит их до уровня отсталых народов, — матрешки, пляски, частушки, спорт. А то, что могло бы их вывести на уровень ведущих народов мира, преследуется самым педантичным образом. Рассчитывать на второй русский ренессанс не приходится. Теперь можно говорить лишь о доле участия русского населения в Московии.

В дискуссии включается Катюша, будущая жена Мити. Это уже решено, — аргумент против завистников, так как Митя мог бы жениться на другой девочке из их группы, папа которой занимает солидный пост в аппарате ЦК КПСС.

— Вы говорите вроде бы то же самое, что и другие, — говорит Катюша, — а получается совсем другое. Если бы они услышали ваши слова, они бы вас сожрали.

— Не сожрут, — говорит Учитель. — Время не подходящее. Немного раньше сожрали бы. Немного позже сожрут. А сейчас передышка. Так что ловите момент. Другого такого больше не будет.

— И что же из себя представляет эта Московия,— спрашивает мальчик, который про себя обожал Учителя, но виду не подавал.

— Болотная трясина, в которой идет бурная жизнь,— ответил Учитель. — Трясина — сплетение людей, учреждений, событий, поступков, образующее однородный серый монолит. А бурную жизнь задают миллионы тех, кто стремится выбиться на поверхность и забраться на кочку повыше.

Одно кафе было закрыто на ремонт. В другом — санитарный день. В третьем — очередь. Нашли в конце концов грязную столовую в перулке. Пока искали, половина группы отсырелась.

Социально-значимый поступок

В большом обществе люди совершают миллиарды поступков друг по отношению к другу. Среди них имеются такие, которые образуют специфику этого общества, его душу, его подлинную натуру. Они определяют собою все остальные стороны общества, его физиономию. Будем называть их социально-значимыми или характеристическими /х-поступками для краткости/.

Процент х-поступков в общей массе поступков людей ничтожно мал. Возьмите, например, наших писателей и подсчитайте, сколько всяких поступков они совершают. Но лишь немногие из них определяют уровень и тип нашей литературы и морально-психологическую атмосферу в ней. Например, написал А хорошую книгу. Дали на рецензию В. И от В зависит судьба книги. Тот ее раскритиковал. От А потребовали переделать книгу, и она превратилась в барахло. Вышли две книги А и В. Пусть одна хорошая, другая средняя. Автор А — начинающий, а В — признан и в чинах. Пишет С рецензии. О книге А говорит в двух словах, а книгу В превозносит. Такого рода поступков не так уж много, но именно они определяют ситуацию, а не прочие бесчисленные безобидные поступки.

Х-поступки совершаются обычно так, что их невозможно отличить от прочих или они вообще незаметны. Например, сдают экзамен два студента А и В. Первый отвечает как следует, но ничего особенного. Второй говорит не очень гладко, но в его речи чувствуется незаурядность. И преподаватель С это сразу почувствовал. Первому он ставит пять, а второму три. Многие понимают суть дела. И сам С понимает. Но С чувствует в В потенциального врага, ибо С бездарен. Но ни к чему не придерешься. Все помалкивают. Глубокая социальная акция проходит незамеченной.

Х-поступки не наказуемы, а часто поощряемы. Попробуйте, придеритесь к упомянутому рецензенту или экзаменатору! За х-поступками практически невозможно наблюдать. Этот не сказал доброе слово мальчику, принесшему ему первые стихи. Тот чуть-чуть занизил балл девочке, сдающей экзамены в институт. А тот не пошел на заседание, где решалась судьба хорошего человека. Пустяки. Пустяки ли? Нет, не пустяки. Именно такие редкие и малоприметные поступки суть подлинныи властители общества. Именно они суть грозные распоряжения, неукоснительно выполняемые гражданами. А всякие там распоряжения властей, митинги, воззвания, награды и т.п., это суть лишь их следствия и проявления.

В каждом обществе какое-то множество поступков людей выполняет роль х-поступков. Здесь нет строго определенных критериев их отбора. Возможны случаи, когда некоторый поступок человека есть х-поступок, а аналогичный поступок другого или того же человека в другое время — нет. Да такие критерии и не нужны. Важно, что люди осознают социальную значимость своих поступков в конкретных случаях. И имеются правила, по которым совершаются х-поступки. Свод таких правил характеризует тип общества. В нашем обществе х-поступки

совершаются по правилам, суть которых сводится к одному: ослабить позиции сильного, талантливого, делового, продуктивного и т.д., низвести все и вся до среднебездарного уровня, ополщить, заземлить, испаскудить. Поскольку люди скрывают от себя самих и от других эту неявную подоплеку своих х-поступков, а общество не заинтересовано в ее разоблачении, объективная социальная оценка индивида оказывается практически невозможной. Значение сохраняет только социальная оценка, составляемая на основе наблюдения большого числа социально незначимых поступков. Бывают нужны чрезвычайные обстоятельства, чтобы социальная сущность человека обнаружилась явно. Иногда человек проживает целую жизнь с репутацией порядочного человека и лишь в конце жизни на каком-то одном единственном деле разоблачает себя как рядовая сволочь.

Учитель

В сорок первом Бородин окончил школу где-то в Сибири и сразу попал в армию. Ускоренными темпами прошел курс «молодого бойца». Еще более ускоренными темпами проскакал офицерские курсы «Выстрел». Командовал взводом. С ним не происходило ничего такого психологически сложного, что обычно показывают в кино или пишут в книжках о войне по поводу восемнадцатилетних мальчишек, командовавших взрослыми мужчинами. Было не до психологии. И война была такая, что было безразлично, сколько тебе лет. Более того, среднее образование давало неоспоримое преимущество сравнительно с малограмотным комсоставом армии. Впоследствии на вопрос, что определило победу в этой войне, Бородин отвечал: то, что командные посты вплоть до командиров батальонов заняли десятиклассники, а если бы их пустили более широко и выше, то войну бы мы закончили раньше и с меньшими потерями.

Войну Бородин закончил с кучей наград, с чином капитана, в должности командира батальона, членом партии, с женой и ребенком. Женился в сорок четвертом, когда лежал в госпитале в приволжском городке. Он уже привык к военной службе и рассчитывал навсегда остаться в армии. Но что-то произошло в закулисной жизни, и его демобилизовали. И он неожиданно-негаданно оказался в приволжском городке, застал в своей супружеской постели «заместителя по б.....й части», развелся и уехал в сибирский городок. Здесь пропил остатки денег, новое обмундирование и трофейные вещишки. Устроился на работу, потом на другую, на третью. И везде сталкивался с условиями, превращавшими любого честного человека в уголовника. Так пропал год. Как-то встретил фронтового знакомого, который надоумил его податься в Московский Университет на философский факультет.

Поступить с твоими данными, соблазнял знакомый, раз плюнуть. Там анкетные данные ценят превыше всего. Экзамены сдать — пустяки. Ни один хмырь не осмелится тебе даже тройку поставить. Нацепи железки, и дело в шляпе. А учеба там — не бей лежачего. Главное — научиться трепаться без остановки. Материя стояла на голове, Фейербах остановился перед... Вот, кажись, и вся премудрость. Эту галиматью ты за месяц освоишь. И живи себе припеваючи. Не умничай только! Лишнего не болтай.

Бородину такая перспектива понравилась. Поступил он, как и предсказал знакомый, без всяких усилий. Поселился в общежитии. И неожиданно для него самого учеба его захватила. И оказалась она не такой уж легкой. Пришлось компенсировать пробелы прошлого образования /сибирская школа не то что московская; плюс к тому перерыв на войну/, зарабатывать на жизнь /на стипендию не проживешь, к тому же алименты/. После второго курса поехал с факультетской бригадой на работу в колхоз. И насмотрелся тут такого!.. Когда вернулись, на

первом же семинаре не выдержал и сорвался. Обсуждали вопрос о политике партии в отношении крестьян. Выступила маленькая девочка, которая и в колхозе-то ни разу не была. Она хорошим языком изложила официальную точку зрения в духе «Кубанских казаков». Бородин взорвался не столько из-за того, что положение в колхозе ужасное, сколько из-за того, что эта откормленная потаскушка /которой он, кстати сказать, симпатизировал/ из благополучной семьи с чистой совестью лгла и лицемерила. Возмутило его именно такое телесное воплощение лжи, а не ложь как таковая. Ко лжи он сам был приучен с детства. И наговорил он такого, за что в те годы полагался расстрел. Но его спасли прошлые заслуги и искреннее раскаяние. Свидетелем в суде выступал его близкий друг, на что Бородин не обратил особого внимания; не он, так другой,— не все ли равно.

После доклада Хрущева его освободили и реабилитировали. Он за два года окончил факультет, поступил в аспирантуру, восстановился в партии, женился еще раз, защитил кандидатскую диссертацию, остался преподавателем на факультете. Жил эти годы, как все,— сумбурно, суматошно, но успешно. Были пьянки, женщины, статьи, книги, новые степени и звания, собрания... Удивительные это были годы! С едой лучше стало. Вещи приличные появились. Дома строить стали. Сажать почти перестали. Если и сажали, то за дело, не то что раньше. Заграничные фильмы. Книги. Анекдоты. И разговоры, разговоры, разговоры. Наступила новая эпоха. Даже на классиков можно было ссылаться изредка, а то и совсем обходить их молчанием.

Началась оргия защит и публикаций. Бородин напечатал несколько десятков статей и две книги, защитил докторскую. В тот день, когда он со студентами отправился в кафе, его утвердили в звании профессора. Упорно поговаривали о том, что его на ближайших выборах в Академию Наук будут выдвигать в член-коры. Это были вершина либерального периода. И никто еще не знал тогда, что начался новый период,— период стабильного существования советского общества, и что все уже находилось во власти неведомых им сил.

Ученик

Митя /Дмитрий Егорович, как его будут величать потом/ Лапин тоже имел самую безукоризненную анкету. На философский факультет с плохой анкетой в это время идти было бессмысленно. Русский. Родители — крестьяне, потом — рабочие. Отец погиб на фронте. Не судим. За границей не был. Родственников за границей не имеет. На оккупированной территории он и его родственники не находились. Член ВЛКСМ. На втором курсе был принят в члены КПСС и т.д.

Но далеко не все было отражено в безупречной Митиной анкете. Например, то, что его родителями с большим трудом удалось сбежать из колхоза. Помог дальний родственник — председатель сельского совета. За это пришлось оставить ему безвозмездно дом, утварь и скотину. После этого родственник попал в тюрьму, но не как невинная жертва сталинизма, а как заурядный жулик, какими в то время были чуть ли не все должностные лица. Отец устроился в городе сторожем на продовольственном складе, а мать — уборщицей в одно страшное учреждение. Знакомые пришли в ужас, узнав об этом. А мать только посмеивалась. С ее формами и румянцем можно было устраиваться хоть в аду без всякого риска быть зажаренной на сковородке. Так оно и случилось. Мать пришлось по вкусу самому начальнику. Отца перевели в военизированную охрану. Им дали комнату. Потом начальника перевели в область. И они переехали в областной город. Отец дослужился до поста начальника охраны важного Объекта. Начальника скоро арестовали и расстреляли. Но мать успела устроиться в торговую сеть. Оба они дали важные показания против начальника. Вступили оба в партию, ходили на какие-то курсы, потихоньку двинулись вверх по служебной лестнице. Тогда многих

выдвигали,— в бурно разрастающейся системе власти образовывалось много свободных мест, которые не успевали заполнить наспех подготовленными или отобранными лицами. И началась сказочно прекрасная жизнь, о которой Митя не мог вспоминать без слез умиления. Они приобрели дом на окраине города, на берегу реки. В их доме всегда были люди. Было сытно и весело. Всегда слышались слова благодарности партии, тосты за величайшего из величайших... Митя, как говорится, с молоком матери впитал любовь и преданность к существующему строю жизни, к партии, к идеологии, к Сталину. Когда потом по его кумирам был нанесен неожиданный удар, он сильно переживал. Но скоро привык и вошел во вкус. Вместе со всеми стал поругивать перегибы «культы личности». Хотел было спекулировать на том, что его родители подверглись гонениям /пришлось, мол, из деревни уехать/, но на всякий случай поостерегся. Мало ли что еще может произойти!..

Началась война. Отец ушел в армию. Служил в войсках МВД. Казалось — в полной безопасности. Но почему-то погиб. Как сообщили, пал смертью храбрых. Но мать этому /насчет храбрости/ не поверила, она знала, что отец — трус. Это качество отца в полной мере унаследовал и Митя. Мать, любившая его до безумия, с первых же лет жизни звала его трусишкой. И Митя сам уверовал в это. И ни разу в жизни не усомнился в этом. Когда потом пошли слухи, что его Катюша похаживает к Учителю и еще кое-кому, у него не хватило даже духу поговорить с ней на эту тему. А страдал он так же тяжело, как и его отец, когда мать отправлялась к своему халхалю-начальнику.

После войны мать снова вышла замуж. За демобилизованного полковника, у которого семья погибла в оккупации. Полковник устроился на выгодный пост в горсовете. И жизнь вошла снова в колею, только еще с большим размахом. Митя стал обладателем библиотеки, какую можно было увидеть лишь в редком доме, да и то лишь в Москве. Отчим книжек не читал. Но доставал их в любых количествах и вариантах. Книги теперь ценность, говорил он. Скоро они будут на вес золота, помяните мое слово. Собираение книг превратилось у отчима в страсть. Сначала она стоила больших денег, а потом стала приносить немалый доход.

Учился Митя прилежно, особенно — по истории и обществоведению. И был не плохим товарищем. В десятом классе произошел случай, несколько омрачивший солнечно-ясную жизнь Мити. Наши войска разгромили венгерское восстание. Одна девочка в их классе что-то сказала по этому поводу. Девочку прорабатывали на комсомольском собрании. Хотя Митю выступить никто не просил, он выступил и предложил исключить девочку из комсомола. Девочку исключили из комсомола и из школы, и она куда-то исчезла. В кругу Митиных друзей наступило некоторое охлаждение к нему. Но это уже не имело значения: он готовился к отъезду в Москву.

Пути карьеры

Когда Митя поступил на философский факультет, он еще не знал даже азов теории карьеры в советском обществе. Он даже имел некоторые иллюзии насчет своего будущего, и слово «карьер» вызывало у него презрительную усмешку. Не знал он, в частности, того, что попадал в один из каналов карьеры, который способен быстро вознести его на высокий уровень иерархии, но положит при этом предел дальнейшему продвижению как раз в такой момент, когда появляется вкус и непреодолимое желание продвигаться выше. И, разумеется, уверенность в том, что он получил по заслугам и достоин лучшего.

Имеется несколько каналов карьеры. Каждый из них характеризуется возможной высотой подъема, шансами вознестись на ту или иную высоту, выгодами, которые сулит этот путь, и ценой, которую приходится за это платить.

Внутри каждого канала имеются свои подразделения, но это уже тонкости карьерологии, в которые мы тут входить не можем. Между каналами имеются различного рода взаимоотношения. Отметим один из законов для этого, который сыграл существенную роль в судьбе Мити. Пусть имеются три канала А, В и С, такие, что А превосходит В, а В превосходит С по высоте подъема. Пусть вы делали карьеру по каналу В и решили почему-то или вынуждены сменить канал. Если вы переходите в канал А, то независимо от должности в глазах людей, от которых зависит ваше дальнейшее продвижение, вы опускаетесь на ступень карьеры ниже, чем были в канале В, т.е. ваше продвижение относительно задерживается. И наоборот, при переходе в канал С продвижение относительно ускоряется. Сохраняется некоторая константа карьеры: в первом случае вы платите за улучшение перспектив, во втором вам платят за их ухудшение.

Основные каналы карьеры: героический труд, подвиг, область культуры, производственно-хозяйственная деятельность, армия, КГБ, МВД и т.п., идеология, партийная работа. Шансы выбраться вверх за счет героического труда или подвига ничтожны, ибо желающих много, а мест мало. Кроме того, отбор в герои производят многочисленные общественные и специальные организации настолько тщательно, что проскочить туда с дефектами биографии невозможно. Уровень этого канала невысок. Самое большее — член или председатель комитета защиты чего-нибудь от кого-нибудь или общества советско-с-кем-нибудь дружить, генерал /редко — маршал рода войск/, депутат, кандидат в члены ЦК КПСС, профсоюзный босс и т.п. Конечно для героев и это хорошо, и это слишком много, поскольку не их это геройское дело сидеть в президиумах и осуществлять руководство. Для приличного карьериста этот путь не подходит. Ни на какое геройство он не способен. Он готов с детства носить очки, имея отличное зрение, лишь бы его не... А от работы, как он полагает, даже лошади дохнут /теперь уже можно сказать, что сдохли/.

Производственно-хозяйственная деятельность дает больше шансов для карьеры. И отбор тут более свободный. И высоты повыше. Можно в министры выйти. Но тут есть неприятные стороны. Риск, например. Не то, что у космонавтов. Там риска никакого. А тут вдруг скинут?! Между прочим, процент погибших в этом канале /инфаркты, инсульты и т.п./ куда выше, чем у космонавтов. Скидывают тут довольно часто. Дело завалил или оно само завалилось. Или козел отпущения потребовался. Или новые веяния. Или более высокое руководство сменилось. Сын высокого начальства твой пост занять хочет. Потом тут кое-какое образование нужно. И вкалывать приходится. Мотаться туда-сюда. Одних совещаний столько, что если бы справку о них сообщали карьеристам заранее, кое-кто избрал бы иной путь. Провороваться и злоупотребить служебным положением здесь — раз плюнуть. И даже избежать этого порой нельзя. И пить надо. Иначе никак. Непьющий деятель — подозрение для партийных и прочих органов. И изъян в твоей биографии найти легче легкого. И все же карьеристы охотно избирают этот путь, ибо помимо высоких шансов на удачу он создает иллюзию кипучей деятельности, больших способностей и ума, нужности обществу, отсутствия всеми порицаемого карьеризма. И выгоды от него немалые.

Насчет военной карьеры все ясно. Заметим только, что возможности насчет маршалов сильно расширились. Но не в пользу военных. Теперь маршалами будут партийные руководители. Судя по всему, тут установка на полный коммунизм, когда армия отомрет, т.е. вырастет втрое, и кухарки будут не только государством управлять, но и армией командовать. Преимущества этого пути — чин генерала — сулим, но не гарантируем, но зато чин полковника в конце жизненного пути или по крайней мере прапорщика дадим обязательно. Приличный карьерист этого пути избегает, потому как тут культуры мало, пьют много, усрать могут туда, откуда за

сорок лет не выцарапашься. А главное — и тут вкалывать надо. И ответственность нести. Можно, конечно, по политической линии пойти, но это скорее относится к идеологии, партийной работе и даже культуре /газета и т.п./.

Область культуры заслуживает особого внимания. Тут культура, что видно невооруженным глазом. А современному человеку без культуры никак нельзя. Ему культуру подай в первую очередь. А все остальное он добудет сам. Правда, при ближайшем ознакомлении с этой областью оказывается, что тут культурой и не пахнет. Но если человек начал это ближайшее ознакомление, то на культуру ему уже наплевать. Он уже начал понимать, что к чему, и его не проведешь разговорчиками о колорите, сюжете, гипотезе, сумасшедших идеях, хромосомах и меченых атомах. Его уже интересует не культура в нем самом, а он сам в культуре. Достоинства культуры общеизвестны. Необъятное поле деятельности. Боже, сколько у нас ученых, писателей, художников, хоккеистов, футболистов, певцов, плясунов, журналистов... А сколько тут должностей! И какие! И как тут все чистенько, красиво, изящно. И весело. И на людях все время. Среди людей. Для людей. Конечно, многие должности тут достаются партийным карьеристам и лицам из КГБ. Но это другой вопрос. Они — руководящая и направляющая сила. Большинство из них, между прочим, все равно начинает в качестве деятелей культуры и лишь затем переходит на партийную и иную работу. Но опять-таки в области культуры. Кое-кто успешно сочетает и то и другое.

Нет надобности расписывать достоинства этого пути. Здесь и таланты не последнюю роль играют. И образование иногда чего-то стоит. И любимый труд. Редко, но бывает. А главное — на виду и с приятностью. Поездки. Премии. Аплодисменты. Мелькание в печати. Телевидение. Коньячок. Девочки. Мальчики. Гонорарчики. Дачки. И никто не подкапается. Все это за дело, за ум, за талант, за труд. И никакой уголовщины. Бывает, конечно, но редко. Нет надобности. И коллектив в обиду не даст. И высшее начальство заступится. Изнасилывал известный футболист малолетнюю девочку, избил ее /зубы вышиб/, — ничего не значит. Сам Первый Секретарь его обожает. Судить — ни в коем случае. Пусть годик поиграет в заводской команде. Преступления тут совершать не нужно, ибо тут то же самое можно иметь честно и открыто. Если, конечно, не выпендриваешься и не впадаешь в это самое... чтоб оно сдохло!.. инакомыслие. Вот уж чего не нужно тут делать, так это инакомыслить. А еще лучше, если совсем не будешь мыслить. Дерзай, твори! Но мыслить?.. Не советуем!

Молодежь с пеленок знает об этом пути и идет туда в невероятных количествах. Партия и правительство прилагают огромные усилия, чтобы переманить молодежь на производство. Соблазняют всячески, главным образом — рублем, телевизором и первой страницей газет. Но не очень-то успешно. Молодежь предпочитает культуру. А глядя на них, не выдерживают и другие. Партийные руководители и их родичи в писатели, академики и профессора рвутся /не всем же в маршалы идти!/. К телевизору пристрастились. В кино снимаются. Речи шпарят, как чтецы-декламаторы.

Дипломатическая карьера целиком идет по линии партийной работы и КГБ. Как выразился один дипломат во время празднования юбилея нашей дипломатии /и такое бывает!/, «мы все сотрудники ЦК КГБ». А о линии КГБ, МВД и т.п. говорить не стоит, ибо это небезопасно. К тому же эту тему наши диссиденты и беглые полковники КГБ уже осветили с исчерпывающей полнотой.

Самой большой высотой подъема обладает канал партийной работы. Здесь есть свои подразделения. В частности, идеологическая работа есть подканал партийной. Чисто партийная работа разделяется на выборно-представительную и аппаратную. Все эти подразделения взаимно переплетены. Строгие грани тут провести

невозможно. Но все же различия тут имеют место. И весьма существенные с точки зрения участников. Так, идеологическая работа имеет тенденцию образовать самостоятельный канал, отличный от партийно-аппаратного и партийно-представительного по всем основным параметрам. Лишь последний дает возможность вознестись на высочайшие вершины карьеры, т.е. иерархии власти. Здесь уместно сказать «что есть», ибо у нас нет иной карьеры, кроме продвижения по иерархической лестнице системы власти.

ЕВАНГЕЛИЕ ОТ ИВАНА

Обычная жизнь

Мы ходили на лекции, семинары, собрания. Занимались общественной работой. Готовились к экзаменам. Изворачивались с едой и одеждой. Пробивались всеми доступными средствами на поверхность,— завоевывали репутацию способных, активных и надежных, выходили замуж за перспективных, женились на благоустроенных и т.п. Костя женился на дочери какого-то заместителя какого-то министра и вселился в квартиру из четырех огромных комнат с одуряюще вкусной едой. И, естественно, откололся. Степан устроился экспедитором в аппарат ЦК, куда его обещали взять на работу после окончания университета. Еще бы, фронтовик, куча орденов, член партии с войны, язык неплохо подвешен, но не болтлив. Золотой фонд, как говорило о таких университетское начальство. Витя занял первое место на каком-то конкурсе, его имя упомянули в газете, и он где-то бесследно затерялся. Эдик... А стоит ли продолжать?.. И все-таки вся жизнь, казавшаяся тогда важной, существенной, содержательной, теперь /оглядываясь назад/ не дает материала даже на одну-единственную страничку скучного текста. Зато о наших довольно редких побегах с лекций, грошовых попойках и походах через проходные дворы можно говорить без перерыва сутками. В чем дело? Неужели именно они составляли смысл нашей жизни, а не серое и монотонное исполнение рутины жизни? Если так, то мы были жестоко обмануты и наказаны. А за что и ради чего?

Вот, скажем, я сейчас не могу вспомнить в деталях ни одного своего боевого вылета. А ведь их у меня было несколько десятков /сейчас уже не помню, сколько именно/. А случай, когда мы в понедельник после воскресного перепоя летали на полигон /дело было уже после войны/, помню до мельчайших подробностей. Я тогда забыл /еще не успел протрезвиться/ поставить рукоятку предохранителя на положение «ПО» /«Предохранитель открыт»/, так что электросбрасыватель бомб, естественно, не сработал. С земли дали команду продублировать аварийно. Очевидно, посчитали взрывы и двух не досчитали. Аварийный сброс бомб означает, что бомбы не взорвутся. А тебе за это на разборе полетов будет вздрючка и т.д. И я спяну сбросил бомбы электросбрасывателем, т.е. на взрыв. В результате одна бомба рванула недалеко от наблюдательной вышки, на которой в тот момент находилось все дивизионное начальство во главе с генералом, а другую унесло на окраину деревни. Что там творилось, описать невозможно. Потом два месяца шло следствие, но разоблачить меня так и не сумели. Спасло меня главным образом то, что мой стрелок тоже был пьян, и каждый раз, как я выводил машину из пикирования на полигоне, он мне кричал /по переговорному устройству/, что я попал в самый центр круга. Он видел взрывы чужих бомб! Так вот этот полет я могу описать буквально по минутам и даже по секундам. А один нагретый на всю армию полет, когда мы уничтожили на стоянках секретного аэродрома противника около сотни самолетов, совершенно стерся в памяти.

— Очень просто,— сказал мне на это Он. — Ты, правда, в весьма своеобразной негативной форме выходишь на путь переориентации сознания в оценке происходящего. Кто его знает, может быть, наступит время, когда тот случай у продсклада /ты говорил как-то, что ты тогда все сухари отдал ребятишкам/ затмит собою в твоём сознании не только твои боевые подвиги, но и похождения на женском фронте. А их у тебя, кажется, было немало.

— Да, было дело,— признался я. — А что если нам устроить вечер воспоминаний на эту тему /разговор происходил еще до распада нашей питейной группы/.

Откровенность

Мы сидим в закуской в самой глухой части Нескучного Сада. Была там такая когда-то. И в ней, между прочим, можно было превосходную яичницу и сосиски съесть, а не только выпить. Сидим на открытом воздухе, в кустах, на краю крутого обрыва. Погода — лучше не придумаешь. И денег собралось достаточно. И потому настроение... Давно такого не было!

— Нельзя все сводить к патриотизму, к любви к партии и народу, к преданности и т.п.,— говорит Степан. — Есть же и чисто человеческие, общие качества. Когда мы выходили из окружения, нужно было нескольким людям остаться прикрыть. На верную гибель. Командир предложил добровольно. Я вышел. Но честно говорю, без всяких соображений. Просто так. Сработал тот же механизм поведения, который заставлял меня мальчишкой первым прыгать в ледяную воду.

— Ты, Степан, молодец,— говорит Он. — Но вот вам, ребята, задачка. Представьте себе, вы сейчас обнаруживаете, что я — американский шпион. Что вы делаете?

Мы сначала оторопели от такого вопроса, потом попытались обратить дело в шутку, но в конце концов начали спорить серьезно. Но найти какую-то надежную нить для рассуждений так и не смогли.

— Не решите вы эту задачку,— сказал Он. — А она одна из самых примитивных в этом роде. А таких задачек я вам могу сформулировать сотни. И ни одну из них вы не решите. Без религиозной точки зрения. Это я к тому, что имеется огромное множество проблем, которые могут быть решены в плане религии. А мы их «решаем» кто как,— научно, юридически, просто как попало. В частности — путем открытого или тайного доноса. Стоит, например, кому-то из вас шепнуть или пару строчек черкнуть о том, что я такую проблемку поставил. И меня нет. Исчезну. Хотя я никакой не шпион. Шпионы такие не бывают. Вот вам тоже проблемка!

— Что ты все твердишь: религия да религия,— говорит Эдик. — Есть у нас религия. Какая? Марксизм! И иной нам не надо.

— Марксизм,— говорит Он,— претендует на души человеческие. Он хочет быть религией. И одно время он завладел душами людей, ибо очень был похож на религию. Но марксизм, ребята, совсем не религия. Это — антирелигия. Религия есть нечто для души, а марксизм апеллирует к разуму и страсти. Душа — это такая штучка внутри человека. Она или есть или нет. Ее не привнесешь. Ее можно лишь развить и соединить с другими душами в духовном общении. А марксизм привносит в людей нечто извне и возбуждает страсти внешними соблазнами. Марксизм не для души. Он, скорее, бездушен.

— А ты мне покажи эту штучку — душу,— кричит Костя,— тогда, может быть я и поверю тебе.

— И покажу, - спокойно говорит Он. — Вот я сейчас официально заявляю, что я — американский шпион, засланный сюда с целью подрыва советской коммунистической идеологии. Действуй! Как советский человек... Ты, кажется, в партию вступаешь? Так, как коммунист тем более...

— Не морочь ты мне голову этим шпионством, — возмущается Костя. — Что я младенец что ли?! Не понимаю, что к чему?!..

— Ты не младенец, — говорит Он. — Видишь, есть же в тебе что-то такое, что мешает тебе вскочить и звать милиционера или звонить в Органы. Кто знает, может быть, ты потом сообщишь...

— За кого ты меня принимаешь?! В морду захотел?!..

— Но все равно ты сидишь, не зовешь. Ты себя человеком ... Обрати внимание, просто ЧЕЛОВЕКОМ показать хочешь! С чего бы это, а...

— Прекратите этот треп, — категорически заявляет Степан. — Как старший по званию приказываю...

— Пошел ты со своим званием!.. Он дело говорит! Подумайте сами, это же важно! Вот со мной был такой случай...

Ферменты жизни

Если точно описывать реальную жизнь, то нужно исписать сотню страниц на обычные серые житейские пустяки, прежде чем сказать одно необычное слово. Те мудреные мысли, о которых я говорил, приходили в наши головы весьма редко, а разговорчики такого рода мы вели еще реже того. И ко всему прочему они были почти незаметны в общем потоке ничего не значащих фраз. И все же именно они, как теперь оказывается, были своеобразными ферментами или витаминами нашей жизни. И не случайно потому они теперь всплывают в памяти на поверхность, вылезают на первый план. Ибо именно они были активными деятелями нашей житейской драмы, а все остальное было мертвой и косной ее субстанцией. Они определили всю стратегию нашей жизни незаметным для нас образом. Все то, что мы имеем теперь, есть результат их неуловимой работы.

Летом я ездил в колхоз руководителем факультетской бригады. Ничего неожиданного в деревенской жизни для нас не было. Нишета, идиотизм, пьянство и все прочее. И сами мы жили по-свински. И все же было весело. Мы окрепли, загорели, посвежели. И работали хорошо /в отличие от самих местных жителей, которые всячески отлынивали от работы в колхозе, ходили за грибами и ягодами, пьянствовали, ездили в город на базар и т.п./. И нам объявили благодарность в деревенском райкоме комсомола и партии, а потом — в университете. Но произошло событие, которое все свело на нет. Один парень из нашей группы, которого мы почему-то звали Томом, хотя в имени и фамилии его не было ничего такого, от чего могло произойти это прозвище, рассказал на семинаре о реальной жизни в колхозе и высказал предположение, что эта форма организации сельского хозяйства несовременна и бесперспективна. Замять дело не удалось. Парня исключили из комсомола и университета. Потом судили, дали десять лет. Мне как руководителю бригады пришлось выступать свидетелем в суде. В общем, настроение было пасмурное. Я выпил сто грамм в одной забегаловке, потом в другой. И докатился в конце концов до «Грибоедовки». Тут я встретил Его. Рассказал о суде.

— Этот парень Том был прав?— спросил Он.

— Конечно,— сказал я.

— А почему ты не сказал об этом в суде?

— А ты хочешь, чтобы я из-за этого дурака сам отхватил десятку?!

— Разве говорить правду есть признак глупости?

Вот и весь разговор. Меньше минуты. До этого более двух месяцев вполне ортодоксальной жизни. Много тысяч вполне правильных слов. После этого... В общем, какова доля этого мгновения в моей жизни? А в жизни всей страны? Измерить невозможно! Я сразу же забыл этот разговор. А может быть, даже и не вник в его смысл. А вот прошли годы, и теперь я знаю, что самое значительное событие в моей жизни в эти годы было... даже не переживание!.. а просто услышать эти слова, сказанные другим!

А то как-то заспорили мы о соотношении Ленина и Сталина. Ленин для нас был святыней. Насчет Сталина мы позволяли себе туманные намеки, но не больше того. А Он анекдотики нам иногда подкидывал двусмысленные, Например, такой. Пришел Сталин в мавзолей с Лениным побеседовать. Ну как, спрашивает Ленин, идет народ за тобой, Иосиф? Идет, говорит Сталин. Смотри, говорит Ленин, как бы за мной не пошел. Мы похихикивали, оглядываясь по сторонам. Но проходило время, Он появлялся вновь, и было очевидно, что никто на Него не донес. Он потом исчез совсем. Но я не думаю, что из-за доноса. Скорее всего не Он исчез, а мы исчезли сами.

Праздники

Новый год решили встретить все вместе и со своими девчонками. Он сказал, что у него девочек нет, но ради такого случая Он поищет. Но лучше будет, если наши девочки подыщут Ему что-нибудь попроще. Девчата взяли на себя заботу о закусках, мы — о выпивке. Но еще задолго до Нового Года мы пропили все денежки, отпущенные нам. Назревал скандал. Тогда Степан предложил гениальный выход из положения. Мы разыскали бутылки, и Степан начал химичить у себя в подвале. Нас удивило, зачем свекла. Чудаки, сказал Степан, для эстетики! Для цвета и запаха. Через некоторое время мы поинтересовались, как идет его самогонное дело. Блеск, сказал он. Идем сегодня пробовать. Захватив все ту же копченую треску и пару батончиков хлеба, мы направились к Степану. Недурно, сказали мы, распробовав одну бутылку. Ну, раз пошла такая пьянка, режь последний огурец! Давай еще! В общем, через пару часов мы валялись в самых фантастических позах кто где. Среди ночи вдруг стали раздаваться взрывы, очень напоминающие взрывы противотанковых бомб или мин. Мы вскочили. Рвались бутылки, которые Степан для ускорения процесса поставил за печку. Мы кинулись спасать содержимое. Спасти удалось не более трехлитровой кастрюльки, которую мы тут же опорожнили. А где гарантия, что остальные бутылки не лопнут, спросил Он. Никаких, сказал Степан. И мы прикончили остальное. И свалились замертво. Утром вернулась с ночного дежурства мать Степана и пришла в ужас. Изо всех дыр из нас текла усающая вонючая жидкость. Мебель перевернута. Всюду осколки стекол. Мать решила, что тут произошло смертоубийство, и пока она безуспешно пыталась найти неиспорченный автомат, чтобы вызвать скорую помощь, мы очнулись и навели относительный порядок. Вернувшись, мать на радости пролила слезу и... достала нам чекушку на похмелку. О, русская женщина, воскликнул Он, проглотив свою дозу. Преклоняю голову перед тобой и посвящаю тебе следующий стих. Прошу прощения за качество, ибо это экспромт.

Сколько сказано слов в твою честь.

Терпелива, скромна. И отважная.

Разных охов и ахов — не честь.

Но не сказано самое важное.

Вот я лишнюю стопку хвачу

И свалюся под стол без дыхания.
Или даже дебош закачу,
С вышибалой вступив в пререканья.
Коллектив наш, от гнева звеня,
Не решится забрать на поруки.
И не станут врачи на меня
Зря расходовать средства науки.
Только ты вдруг за мною придешь.
Слава богу, забрать не успели!
На себе, подлеца, унесешь.
И омывши, уложишь в постели.
А за что? Я ж по-матерну крыл.
Ты же ныла, что жизнь искалечил.
Что лицо прежде срока морщиной покрыл,
От меня твои сгорбились плечи.
Почему? Я и сам бы не смог
На вопрос этот честно ответить.
Может просто, ребята, живет еще бог
В наших женщинах русских на свете?!

Сейчас-то я понимаю, что эти стишки примитивны. Но тогда они казались нам божественными. И мы плакали от счастья, что остались живы, что мы вместе, что с нами есть самое великое существо на земле — мать. Много лет спустя, став докторами, кандидатами, сотрудниками всякого рода ответственных аппаратов, мы однажды улетели ночью в Новосибирск продолжать пьянку, поскольку там день начинался раньше, и рестораны к нашему прилету уже будут открыты. Но это была уже другая компания. И вообще это было уже не то. Обратное мы возвращались злые. И всю дорогу считали, кто больше и кто меньше вложил средств в это идиотское мероприятие.

Задачи

— Представьте себе,— говорит Он,— что вы влипли в такую историю. Чтобы спасти большую группу людей, поручили одному человеку... Назовем его просто Командиром... особое задание. Выслушав особое задание, Командир... Он еще мальчишка совсем... Командир переполнился великой ответственностью, стиснул челюсти и сказал: «Есть! Будет выполнено!» И начальство увидело и поверило, что будет выполнено. Во что бы то ни стало выполнено! Заметьте, ребята, во что бы то ни стало! Это — не литературное выражение, а формула жизни. Скольких из нас, сопливых и безвольных по существу мальчишек, эта благородная формула превращала в свое время в Железных Феликсов, в твердокаменных Иосифов и т.п.! Командир сказал, будет выполнено, построил людей и сказал, что есть особое задание и что требуется десяток добровольцев. Задание, было ясно всем, верная гибель. И добровольцы находятся не так-то просто, как в кино и книжках. Но тут нашлось девять. Наступила заминка. И вот десятым вышла медицинская сестра, совсем еще девчонка. Вряд ли даже ей было восемнадцать. Командир поиграл желваками, но, воспитанный на киношных и книжных образцах, решил оставить Девочку среди добровольцев.

— Сначала нам повезло, мы незамеченными проскочили через линию фронта /если так можно выразиться/. Только вот шальная пуля зацепила нашу Девочку. И довольно основательно. Это в кино да в книжках легко таскать на себе раненых. А в реальности... Попробуй, например, потаскай меня тут, в безопасности... А ты здоровый сытый парень. А там... Мы же все измотаны были. Голодные. А впереди — особое задание, которое надо выполнить во что бы то ни стало. Положили

Девочку в кустах. А она молчит, смотрит не мигая. Ведь больно, ребята! И другим обуза. И очень не хочется помирить, хотя тебе еще нет восемнадцати и ты еще не постиг цену жизни. Сели подальше от нее, чтобы не слышала ничего. Стали решать как быть. И были высказаны все возможные варианты, кроме одного. О нем скажу потом. Было даже предложение использовать ее как женщину, все равно же пропадет. И многие поддержали это предложение. Ведь многие были мальчишки, еще ни разу не видевшие голую бабу, а не то что... А Командир слушал, стиснув еще ни разу не бритые челюсти. Он думал об особом задании. И о том, что ВО ЧТО БЫ ТО НИ СТАЛО. Он не подумал только об одном — о главном.

— Ни за что не поверю, — сказал Эдик, — что серьезно обсуждали предложение сначала изнасиловать ее, а потом прикончить.

— Не будь наивным, — сказал Степан. — Когда жить в обрез, а человек ни х... не стоит, и не такое случается.

— Ладно, — сказал Костя, — не тяни кота за яйца. Какой вариант не был высказан?

— И что тут оставалось такое главное, о чем стоило подумать? — сказал Витя. — Измена что ли? Немцам слаться?

— Эх вы, — сказал Он, — человеки! А еще новое общество строить собираетесь! Светлое будущее! Царство свободы, любви, справедливости! А такую простую житейскую задачу решить не способны.

— Чем же все-таки кончилась твоя история, — спросил Степан.

— Если вас интересует чисто приключенческий аспект, так эта история не кончилась, — сказал Он. — Они все еще там, решают. Девочка лежит, широко раскрыв глаза от боли и от ужаса смерти. Командир в своих одеревенелых мозгах одну и ту же формулу жует: во что бы то ни стало. Он — перед лицом истории. Он творит историю!! Ребята думают о том, как бы «сравить давление», все равно такое добро пропадает. А то ведь все равно скоро убоют, так и не узнаешь самого главного в жизни человека... А начальство, пославшее их на особое задание, уже изменило свои намерения и забыло про них. Как будто и не было никакого особого задания и никакого ВО ЧТО БЫ ТО НИ СТАЛО. И все те, ради которых было задумано особое задание, преспокойно сдались немцам, ибо иного выхода не было, ибо их предали и продали еще более высокие начальники и еще более высокие соображения. Вот она задача-то. Думайте, мальчишки! Думайте!

Надо было послать на х.. особое задание, забрать девочку и выходить к своим, — сказал Витя.

— Под расстрел, — сказал Степан. — Это не выход. А ты что скажешь /это вопрос ко мне/?

— Мы не учитываем фактор времени, — сказал я. — У нас в авиации такие проблемы не возникали никогда, поскольку у нас не было времени на размышления. Надо было действовать. Надо было действовать, причем — часто в считанные доли секунды. А тут — времени навалом. Сиди, размышляй, взвешивай.

— Не так уж много, — сказал Он. — Мой рассказ был длиннее, чем их реальное совещание; командир сказал, что он расстреляет всякого, кто «тронет» девочку. Потом приказал трои «убрать» ее, но чтобы без шума. И зарыть так, чтобы никаких следов. И приготовиться... Для него игра еще продолжалась...

— Ну, а все-таки, что же тут было главное, о чем они еще не подумали? А тот единственный вариант?

Он пожал плечами. И ушел, как всегда, не попрощавшись.

Намерение Командировочного

Если допустить, что ряды причин в прошлое и ряды следствий в будущее бесконечны, то можно доказать, что следствия становятся причинами своих собственных причин, а причины — следствиями своих собственных следствий. Это — аргумент в пользу утверждения, что упомянутое утверждение логически противоречиво и потому ложно. Так что тот профессор философии, который хотел найти способ, как изменить прошлое путем воздействия на будущее, был не сумасшедший, а обычный наш советский болван. И выпустили его правильно. Там, на вашей свободе, ему самое подходящее место. Но не в этом дело. Надо установить, что возможно в этом мире и что нет, что будет происходить обязательно, какие бы меры против этого ни предпринимало начальство, и что не произойдет ни в коем случае, как бы к этому ни стремились вожди прогрессивного человечества и само идущее за ними прогрессивное человечество. А для этого надо научиться правильно шевелить мозгами. На свободе этому научиться никак нельзя, ибо там тучи ученых, писателей, философов, политиков, журналистов, пропагандистов, учителей и т.п. делают все от них зависящее, чтобы помешать этому и убить в людях прирожденную крупницу здравого смысла. Поскольку мне повезло, т.е. поскольку я избавлен от такого всеобщего мозговредительства и от заботы о завтрашнем дне, я имею шансы разработать здесь особую инструкцию для правильного шевеления мозгами на уровне здравого смысла. Местный персонал добр ко мне. Мне дают бумагу и карандаш. Так что не буду терять времени даром. За дело! Посвящаю этот мой скромный труд выдающемуся теоретику нашей партии лично товарищу Сусликову Петру Степановичу.

В свое время было сказано: вначале было Слово, и Слово было Бог. Сколько смеялись над этой фразой умники всех времен и народов! А между тем в ней заключена мудрая истина. Начинать надо именно со слова, и начав с него, вы скоро сами убедитесь в том, что оно обладает силой и властью Бога и Дьявола /в зависимости от обстоятельств, о которых скажу ниже/. Не случайно же сказано в «Евангелии от Ивана» :

В нас входят истины святые
Одной случайною строкой.
Но лютуют в головы пустые
Помои слов густой рекой.

Мы — языковые существа. Мы образуем общество именно языковых существ. Мы организуемся, управляемся, и угнетаемся через язык. Мы организуем, управляем и угнетаем через язык. В нашем мире все ценности являются таковыми лишь постольку, поскольку могут быть так или иначе выражены в языке, отображены в языке, порождены в языке. Подчеркиваю, мы — цивилизация, т.е. цивилизация языковых существ. А раз так, мы так или иначе находимся во власти слов. Но власть эта двоякая. Во-первых, это — власть Дьявола. Как сказано в том же «Евангелии от Ивана» :

Ответь, откуда завелась
Могучая над нами слова власть?
Ткнул пальцем в черное пятно,
А нам прикажут: белое оно.
Назначат свыше — скажут: выбирай.
Устроят ад, а скажут : сущий рай.
Намылят шею и намнут бока.
Вот вам свобода, скажут, на века.
И верим мы. И видеть все таким
Нам почему-то хочется самим.

Но силе можно противостоять только силой. Власть может победить только другая власть. И потому этой дьявольской власти слов хочу противопоставить другую власть слов — власть слова - Бога.

Возьмем, например, слово «выбор». Положат перед тобой какую-то вещь, скажут — бери, ты схватишь ее, и это тоже называют у нас выбором /за примером далеко ходить не надо: «выборы» депутатов в советы/. Положат перед тобой две одинаковые вещи /обычно — обе одинаково дрянные/, скажут — выбирай любую, ты хватаешь какую-то, и это тоже называют выбором. Такой выбор можно осуществить по принципу «в какой руке?». Или предложат: колхоз или единоличное хозяйство? И это тоже выбор, хотя у предлагающего на столе лежит наган, а пара милиционеров стоит наготове, чтобы забрать выбирающего второе. Это все — от дьявола. Как сказано в «Евангелии» :

И выбираем мы судьбу
Не ту, что любим сами.
И выбираем мы судьбу
С закрытыми глазами.

А что, спросите, от Бога? Отвечу. Мы — люди. Для нас выбирать — значит иметь по крайней мере две возможности, которые существенно различаются в том аспекте, в каком нам важно избрать какую-то одну из них, и выбор должен быть актом доброй воли и не может быть наказуем какой-то социальной силой.

Думаете, все равно, что и как называют? Мол, мы сами знаем, чего стоят наши «выборы», чего стоит наша «подлинная демократия», чего стоят наши «стабильные цены», «устойчивая валюта» и т.п. Не все ли равно, как и что называют! Увы, вы ошибаетесь. Навязывая вам свой язык, Они навязывают вам тот строй думанья, какой Им нужен, Они разворачивают ваши мозги в том направлении, в каком выгодно Им, а не вам. Хотите вы этого или нет, но такова неотвратимая сила слов. Если вас всю жизнь будут учить и заставлять передвигаться только на четвереньках, называя это полетом, и вы поймете, что ползаете, и будете над этим шутить, вы тем самым еще не научитесь ходить и летать. Если вас приучили к такому употреблению языка, то даже в случае критического к нему отношения и даже будучи предоставлены самим себе, вы не сможете изменить ориентацию, строй, способ своего мышления. Вы все равно остаетесь вещью, пригодной лишь для того употребления, для какого вас и создали. А если вы не хотите быть ею, подумайте о слове и о другой его силе и власти.

Замечание Ученика и реплика Однорукого

Вот еще один наставник нашелся, подумал Ученик. Откуда они только берутся? Сколько развелось умников, которые точно знают, что нужно делать в масштабах всего общества или даже всего человечества, но не способны заработать даже на кооперативную квартиру самого низшего разряда. Вот этот Командировочный, кто он? Почему назван Командировочным? Человек, судя по всему, образованный, а пишет чушь, непростительную даже десятикласснику. Дьявол, Бог... Зачем ему эту ветхую старину потребовалось возродить?

Нашел, чему удивляться, сказал Однорукий в ответ на приведенную жалобу Ученика. Дело в том, что такова природа вещей. Наставниками люди рождаются, а паству приходится изобретать. Более того, я позволю себе в связи с этим более смелое утверждение. Начальниками люди рождаются, а руководимых надо делать, воспитывать, изобретать. Твой командировочный — типичный недоносек. А ты, вот, возьми товарища Сусликова, нового заведующего отделом таким-то в ВСП. Какую школу руководства он проходил? Никакую. А ведет себя как выдающийся государственный деятель. В любой ситуации находит «правильный» ход. Почему?

Да потому что «правильное» поведение руководства подсказывается самыми низменными природными качествами людей. С ними с человека искусственные ограничители цивилизации, и любого подонка можно смело назначить на любой пост.

Из четвертой проповеди

Религиозная оценка поведения людей, сказал Проповедник, касается прежде всего поступков отдельного человека к другому отдельному человеку. Назовем их фундаментальными. Что же касается поступков отдельного человека к группе, группы к отдельному человеку и группы к группе, то оценка их должна быть сведена к оценке этих поступков с точки зрения отношения индивидов к индивидам, т.е. эти поступки должны быть расчленены на множество фундаментальных. Например, принцип неучастия во власти есть прямое следствие принципа для фундаментальных поступков видеть во всяком индивиде духовно равноправное существо независимо от его вхождения в те или иные группы.

Критерии религиозной оценки разделяются на основные, принимаемые как самоочевидные аксиомы, и производные, выводимые из основных по особым правилам логики суждений веры. Основные критерии очевидны в ситуации, а будучи сформулированы явно, становятся определениями понятий, характеризующих религиозное поведение. Например, постулат неучастия во власти очевиден хотя бы потому, что власть есть насилие, а насилие по самому определению понятий не есть религиозное поведение.

Все поступки людей согласно религиозным критериям разделяются на положительные, отрицательные и нейтральные. Так что не всегда отрицание положительного /отрицательного/ дает отрицательный /положительный/ поступок. Например, сопротивление насилию есть зло. Но не всегда сопротивление насилию есть добро. Вопрос о взаимоотношениях критериев между собою есть вопрос чисто «технической» обработки учения.

Из дневника Мальчика

Сначала в школе сходили с ума по магнитофонным записям западной музыки. Потом перешли на джинсы. Одному мальчику из параллельного класса отец привез такие из-за границы. Началась джинсовая лихорадка. Я сунулся к маме. И первый раз в жизни имел с ней крупный разговор. Такие траты, сказала она, нам не по карману. А если сам раздобудешь каким-то путем, не приходи домой. Изрежу. А тебя без штанов на улицу выгоню. Я сначала обиделся. Но скоро отошел. И мне стало легко от мысли, что я не поддамся брючному сумасшествию. Друг раздобыл такие джинсы. Заявился к нам похвастаться. Я сказал ему, что он идиот. Мать у него лифтерша. Отец зарабатывает неплохо, но половину пропивает. На «идиота» Друг сказал, что джинсы все равно практичнее. Им износа нет. В них куда угодно пойти можно, другие брюки не нужны. Что же, это резонно. Мы с матерью об этом как-то не подумали.

Первые намеки

После юбилея Вождь решил сделать такой мощный вклад в теорию «научного коммунизма», который уравнил бы его с классиками. Он и раньше в свои доклады приказывал вставлять теоретические куски и читал их с особым удовольствием. Один раз он до того расчувствовался, прочитав фразу о первичности бытия, что расплакался от сожаления: ах, почему он первые сорок лет своей партийной карьеры не занимался вопросами теории?!

Такой теоретический отдел был и в речи Вождя при вручении ордена «Революции» управлению «Вторичного тряпичного сырья». Давая указания в двухнедельный срок устранить продовольственные трудности, вызревавшие в течение последних пятидесяти лет, Вождь потребовал ко всему подходить конкретно-исторически. Что говорит нам история, спросил он затаивших дыхание трудящихся, которые сразу поняли, что мяса им не видать. А то, ответил он сам, не дожидаясь ответа, что сначала были чайния, а лишь потом появились классики, которые превратили их в науку. Но нельзя же все сразу. Мы сначала должны обеспечить наиболее достойных. И лишь затем охватим все общество, за исключением диссидентов, которые все на службе иностранных разведок... Мы не допустим вмешательства в наши внутренние дела... Надо, чтобы все стали высокосоциальными... За сознание пора взяться как следует и кое-кому дать по мозгам. Ныне живущие предки человека доказывают, что решающую роль в естественно-научном превращении обезьяны в человека сыграл труд. Поэтому каждый обязан трудиться, где ему укажут... Молодежь должна устремиться на Великие Стройки... Там их ждет романтика...

Трудящиеся встретили речь бурными аплодисментами. Расходясь, они говорили между собою, что теперь «начнут гайки закручивать», «сажать начнут» /можно подумать, что еще не начали!/ и т.п. Рассказывали анекдот о том, как трудящимся объявили, что их завтра будут вешать, и спросили, какие будут вопросы. На что последовал вопрос, со своей веревкой приходиться или нет. Теоретики углубились в изучение исторической речи Вождя, отыскивая наиболее подходящую демагогическую форму реализации только что упомянутых чайний народа.

Из материалов СОД

— Неужели эта история со шпионами сплошная липа?

— Конечно, там было нечто реальное. Но это нечто ничего общего не имеет с газетными сообщениями. Ты знаешь, как мы воюем с западными идеологами? Мы берем их сочинения. Первым делом ничего не понимаем. Затем искажаем по привычным образцам. И поносим вымышленных идиотов вместо реальных авторов. Так и тут. Им дали установку дискредитировать диссидентов как уголовников, сумасшедших, шпионов. По уголовникам и психам кое-что уже сделали. Теперь шпионов делают.

— Но это же судьбы людей.

— Когда пекутся о судьбах народа и человечества, с судьбами людей не считаются.

Из дневника Мальчика

Наконец-то мы купили телевизор. Состоялось торжественное включение его. Отец нажал клавиш. Через мгновение на нас обрушился опостылевший голос Вождя, а затем на экране распухла обрюзгшая физиономия. Смотрите-ка, сказала мать, какой загорелый. А их специальными лампами поджаривают, сказал отец. И подкрашивают как покойников. Отец переключил на другую программу: заседание комитета в защиту кого-то. Переключил на третью: в сети политпросвещения. На четвертую... Отец выругался, что с ним редко бывает. Я сказал, что лучше было бы заграничный приемник купить, по крайней мере западные «голоса» можно было бы слушать. Понасладжались, сказала мать. Выключай. Погоди, сказал отец, скоро хоккей будет.

Другие источники

В рамках нынешнего «либерального» режима, пришел к заключению Сотрудник, Страна живет ниже предела своих возможностей. Еще несколько лет, и разразится экономический крах. Положение может спасти только система чрезвычайных мер. Каких? Принудительный труд, жесткая дисциплина, принудительное распределение населения по территории Страны, прикрепление населения к производственным ячейкам, снижение жизненного уровня. Просмотрев запросы и предложения партийного руководства с мест, Сотрудник убедился в том, что они бьют в ту же точку. Они даже не просили этих мер, а требовали. Во многих местах эти меры стали вводить явочным порядком. Так, в одной из областей запретили выпускникам школ выезжать за пределы области для поступления в высшие учебные заведения /за исключением детей начальства/. Большинство из них было направлено «добровольно» на строительство химического комбината, объявленного Великой Стройкой.

Через некоторое время Сотрудника включили в группу, обрабатывающую материалы для ВСП. Данные вычислительного центра совпали с его выводами. Потребовалось много лет дорогостоящих исследований, с горечью подумал Сотрудник, чтобы получить выводы, очевидные рядовым руководителям на местах без всяких исследований. Ну и система! Она даже в делании зла медлительна, халтурна, бесхозяйственна. Даже когда встает вопрос о ее существовании, она действует так, будто от нее требуют демократических свобод.

Из материалов СОД

— Дело обстоит вовсе не так, будто наши руководители зажимают наших писателей. Наши руководители, писатели и читатели все вместе суть параллельные и взаимообуславливающие продукты одной и той же системы жизни. Наши писатели таковы, ибо таковы система отбора людей и условия их функционирования. Говорить о свободе творчества или об отсутствии таковой в применении к ним нелепо. Была ли в Древней Греции свобода творчества? Чувствуешь, в чем дело? Понятие «свобода творчества» характеризует определенный тип социальных отношений, а не ситуацию в искусстве. В известном смысле наши писатели куда свободнее, чем на Западе.

— Хочешь хохму? Один старый человек, оставшись одиноким, попросил у Бога, чтобы его направили в дом для престарелых. И он оказался в Кремле.

— Слышал. А вот другая того же рода. Один карьерист пробился в самый верх, удовлетворил все свои желания, захотел благо народу сделать. Попросил Бога помочь ему в этом. На другой день его убрали «на пенсию».

— Что происходит? Мы нагло и цинично складываемся в бездушный, пошлый и тупой механизм, навязывающий всем плоское сознание грошовых частичных тварей. На что еще можно надеяться?

— На нашу лень, безалаберность, халтуру и т.п. Представляешь, что закатят у себя немцы, французы, англичане и прочие, если дорвутся до коммунизма!

О парапсихологии

Приставили ко мне зачем-то стукача, говорит Девица. Он все время задавал мне странные вопросы. Например, где сейчас находится Вождь, что происходит в посольстве США и т.п. Меня это заинтриговало. Подпоила я его, он разоткровенничался. Оказывается, под крылышком ОГБ существует целый институт, который занимается парапсихологией. В центральной печати ее разгромили как лженауку, а тут целый институт! Зачем? Телепатическая связь с

космонавтами, с разведчиками. Представь себе, они даже золото, нефть и урановую руду пытаются искать таким путем. Потом — воздействие на психику западных политических деятелей. А ты тут при чем, спросил Ученик. Кто-то пустил слух, что у меня выдающиеся телепатические способности. А дальше, спросил Ученик. Я решила его разыграть, говорит Девица. Мое окно расположено так, что глядя в зеркало, я могу видеть телевизор в квартире соседней. Сядь сюда! Видишь? Я и сказала этому идиоту, что иногда замечаю за собой странности. Постой, мол. Дай сосредоточиться! Засекай время... Сейчас... Сейчас... Отчетливо вижу... И т.д. И т.д. На другой день, видать, он доложил о моих результатах. И теперь мне прохода не дают. Агитируют к ним переходить. Что делать? Объясни, что пошутила, говорит Ученик. Объяснила, говорит Девица, не верят. Что же, говорит Ученик, другого выхода нет: соглашайся. Только советую специализироваться на диссидентах. Тут любой болван может сойти... Как у них называют таких индивидов?.. Это идея, говорит Девица. Кстати, как твои семейные дела? Налаживаются, говорит Ученик. Кстати, сосредоточься-ка и посмотри, что сейчас делает моя супруга? Минутку, гворит Девица. Смотрит на часы, злое лицо, подходит к телефону, разговаривает, улыбается, одевается, выходит на улицу, машина подъехала, дверца открылась, седой мужчина, садится... Стоп, говорит Ученик. Опять стера за старое взялась! А вчера божилась, что... Ну, мне пора. Пока! Между прочим, эта сексовая рукопись — чушь. Так интереснее.

Из дневника Мальчика

Новый кооперативный дом заселили, и в нашем классе появилась новая девочка. Красивая. Говорят, профессорская дочка. Это не про нас. Но Друг утверждает, что как раз наоборот, девочки из такой среды легче доступны. Друг строит из себя опытного бабника, но я думаю, что все его «приключения» — вранье. Вот кто у нас опытный, так это староста класса. Он с пятого класса с этим делом знаком. Но из него на эту тему слова не выжмешь. Отец говорит, что с этим не надо торопиться. Чем дольше сохранишь невинность, тем здоровее и тем лучше будешь ценить жизнь. Друг считает такую философию устаревшей. Наши ребята много говорят на эту тему, смакуют подробности, рассказывают скабрзные истории. Мне от этого стыдно, я уклоняюсь от участия в таких беседах. У ребят возникла идея создать группу и ловить вечером девочек или даже взрослых женщин. Но, кажется это было на уровне шуток.

Из записок Командировочного

Вот вам простая задачка. Тело А давит на тело В в направлении X, и тело В в результате сдвигается туда, если нет значительных сил, препятствующих этому. А если одновременно с А на В будет давить тело С в направлении Y, отличном от X, то /каждый школьник это знает из механики/ тело В сдвинется в некотором направлении, отличном от X и Y, по правилу «параллелограмма сил». Спрашивается, движется при этом В в направлении X и в направлении Y? Всем известно, что вопрос бессмыслен. Смысл здесь имеют только предложения типа: «Если бы не С, то в результате действия А тело В двигалось бы в направлении X» и относящиеся к ним вопросы.

Возьмем теперь простую систему из трех участников: наши оппозиционеры, наше правительство, Запад. Все они так или иначе «давят» друг на друга. Но тут от школьной ясности не остается и следа. И даже умные взрослые люди начинают высказываться глубокомысленно в таком духе. Мол, если бы Запад не давил на наше правительство, то не было бы никаких репрессий и т.п. А между тем, задачки тут тривиальные, если, конечно, подойти к ним аналогично тому, как это делается в механике. Отличие здесь лишь в том, что, во-первых, здесь пока еще нет первичных

постулатов /аксиом/ вроде законов механики и, во-вторых, здесь в действительности имеет место система из тысяч миллионов элементов. Говоря об аналогии с механикой, я имею в виду некоторые общие методологические принципы рассуждения. Например, в отношении социальных систем также возможны аксиомы такого рода: «Если правительство имеет возможность душить безнаказанно оппозицию, оно душит ее», «Если оппозиция имеет возможность поднять голову, она поднимает ее» и т.д. И тогда на основе таких аксиом упомянутые задачи решаются действительно тривиально. Например, тогда бесспорным кажется утверждение, что если бы не поддержка Запада, нашу оппозицию придушили бы быстрее /в данной форме/.

Мораль? Она проста: чтобы достаточно уверенно ориентироваться в событиях нашей жизни, нужна особая методика такой ориентации. И я постараюсь изложить ее основы. Между прочим, помните, что даже в закрытых продуктовых распределителях есть свои несправедливости, что даже члены ЦК болеют геморроем, что даже оппозиционеры ссорятся между собою порой более жестоко, чем с правительством и КГБ, что даже у стукачей есть свои слабости. Об этом мне сказал лечащий врач. И добавил с грустной улыбкой, что его удивляет, почему о подобных очень важных вещах никто не пишет. Я пообещал ему писать именно об этом. А он пообещал мне подбросить фактического материала.

Из дневника Мальчика

Дай мне, мама, десятку.
В ресторан я иду.
Я с собою девчонку
Угощать поведу.
Закажу нам обоим
По стакану вина.
Чтоб она с непривычки
Стала сразу пьяна.
Закурю сигарету,
Дым пушу в потолок.
И скажу ей с усмешкой,
Что она — молоток.
Что за нею давно я
Потихоньку слежу.
И что, в общем, не против
Поцелуев, скажу.
Ах, какой же ты парень,
Она скажет, чудак!
Кто девчонок теперь
Соблазняет вот так?!
Пьешь портвейн дешевый
От мамы тайком.
Меня взрослые поят
Уж давно коньяком.
А слова, поцелуй...
Первакам по плечу.
Захочу — интересней
Кое-что получу.
Как побитый, уйду я.
Ну и влип, вот так раз!
Суну в рот пару пальцев,
Вырву все в унитаз.

Комитет гласности

Когда именно это произошло, установить не удалось, а руководство, ученые и пресса по привычке и из высших соображений исказили эту дату. Небо было покрыто черными тучами и смрадом, — к этому времени Страна по объему вонючих и вредных выделений опередила передовые страны Запада. Не было никакой надежды вообще ни на что. И вдруг... Теперь в это трудно поверить, но старики уверяют, что это — сухая правда. Вдруг засветило Солнце. Сначала смутно, еле заметно. Потом все отчетливее. Наконец, настолько ярко, что жители Столицы замерли в изумлении. Солнце??!! Неужели в нашей унылой, серой, вонючей, образцово-показательной и счастливой Стране возможно такое... безобразие?! Самые бдительные граждане увидели в этом идеологическую диверсию и побежали писать доносы на своих сослуживцев и соседей по квартире. Другие, более либеральные, сразу поняли, что это — пережитки капитализма и родимые пятна в нашем сознании, и засели писать статьи и диссертации с критикой ревизионизма, еврокоммунизма и других форм антикоммунизма. А уж самые передовые и прогрессивные решили подойти к делу творчески и сконструировать занавес. Но не железный, что уже устарело, а синтетический. Эластичный и чуточку прозрачный в тех местах, где живет само наше любимое руководство. И прикрыть этим занавесом упомянутое так называемое «солнце». Все газеты напечатали о том, что в Западной Европе наступило резкое похолодание, в Канаде жуткая засуха, Америку заливают дожди и засыпает снегом, так что небоскребы придется откапывать лопатами...

Обычные граждане отнеслись к событию практически: кинулись в полупустые /от продуктов/ магазины, битком набитые покупателями, и встали в длинные очереди за водкой, селедкой и недавно выведенной нашими учеными синтетической колбасой «Дружба», намереваясь завтра выехать за город /выходной день!/, закинуть удочки в искусственные водоемы, в которых не водилось ничего, кроме битых бутылок, консервных банок и старых автомобильных покрышек, напиться до одурения и уснуть тут же на замусоренном и заплеванном, сыром берегу. Конечно, было бы лучше поехать к естественным водоемам, — Страна так богата ими! Но они либо находятся в запретных зонах, где расположены секретные учреждения и не менее секретные дачи высокого начальства, либо текут в местах, о которых лучше не вспоминать, либо загажены до такой степени, что подходить к ним опасно для жизни. А что касается рыбы, так ее все равно нигде нет. И настоящий спортсмен-рыболов вовсе не ради рыбы сидит у воды, а ради чисто спортивного интереса и здорового отдыха. Нервы успокаивает, сердечно-сосудистую систему улучшает. Сиди себе тихонько и не думай ни о чем. Жди! И здоровье так и будет вливаться в тебя незримым потоком. В Стране, как известно, такая первозданная природа и такой здоровый климат, каких давно уж нет на Западе. А если тебе на голову наступают пьяные, если всюду грохочет и воем «музыка», если в воздухе висит мат, так стоит ли на это обращать внимание?! Трудящийся /как говорят, трудящийся/ человек отдыхает, ему не грех и душу отвести. И не навечно же выехали в это гнусное место. Отмучаемся еще пару часов, и домой. И отдохнем от этой «природы». Хотя совсем забыли про соседей. О, господи! От этих склочных соседей спасенья нет! Слушайте, братцы, давайте еще на бутылку скинемся! Ты, сын, дуй в очередь в винный ларек! А ты, дочь, встань за бутербродами! Кончились? Ну, бери пеньень, х... с ним!

И только отдельные выродки /в семье не без урода!/ истолковывали событие превратно. Таких оказалось сначала всего трое. Прочих к этому времени выловили и очистили от них наш в основном здоровый коллектив. А новые не народились до такой степени, чтобы их можно было выловить. Конечно, и этих трех тоже выловили бы. Но поступило указание не спешить, так как мы собирались закупить на Западе новейшие компьютеры для... гражданской, конечно,... авиации. Эти трое

все были бывшие. Не бывшие помещики и капиталисты, а бывшие научные работники. Один — бывший крупный математик, другой — бывший крупный физик, третий — бывший крупный социолог. Все они до этого занимали крупные посты и имели награды, степени и звания, но по тем или иным причинам они оказались в рядах оппозиции и лишились всего.

Выродки стояли вместе в очереди в магазине и переговаривались в таком духе. Эта система уже не способна выдвинуть в свою защиту ни крупницы интеллекта и таланта, она теперь использует только насилие, клевету, дезинформацию, сказал Математик. Этих мерзостей и на Западе хватает, сказал Физик. Но там нет претензий на Светлое Будущее, сказал Социолог. Глядите-ка, Солнце! В честь чего это они расщедрились?! Дожили, сказал Физик, мы даже Солнце стали воспринимать как заботу Партии и Правительства о благе народа.

Солнце в этот момент засияло так, будто никакой мерзости вообще нет, а все проблемы суть досужие выдумки бездельников-интеллигентов. Выродки вышли из магазина и направились к Проспекту Героев Революции, который совсем недавно еще назывался улицей жертв Революции. Кто-то усмотрел в прежнем названии двусмысленность, поскольку число жертв вследствие революции во много раз превысило число жертв во имя ее. Проспект был перекрыт в самой середине и огорожен забором. Опять перерыли, идиоты, сказал Физик. Что они теперь затевают? Надо газеты читать, сказал Социолог. Монумент Секретарю по Идеологии, самому товарищу Сусликову. Но он, кажется, никакого отношения к революции не имел, сказал Математик. У него юбилей, сказал Социолог, третьего Героя давать будут. Тщеславные ничтожества, сказал Физик. Скоро они всю землю засорят своими статуями. Не удивлюсь, если скоро романы и стихи будут выходить под их именем. Ты недалек от истины, сказал Социолог. Китайцы давно так делают, а у нас явная тенденция намечается перенимать их опыт. Для начала будет что-нибудь в таком духе: теория элементарных частиц, подготовленная под руководством Секретаря ВСП...; песня, написанная жителем района, руководимого Героем и Лауреатом Секретарем Райкома... Это у нас давно уже есть, сказал Математик. Надоело. Бороться с этим надо. Группу что ли создать. Комитетик какой-нибудь безобидный. Идея, сказал Социолог. Комитет борьбы за право подачи просьб высшим лицам с просьбой выслушивать иногда наши просьбы о том, чтобы мы могли иногда обращаться к ним с просьбой. Недурно, сказал Математик. Итак, Комитет Гласности. Пойдет? По идее — вместо разгромленных Хроник. Но на юридически безупречной основе. Пока ситуация благоприятная. С год протянуть можно. Идет, сказал Физик. Комитет Гласности. Сокращенно — КГ. Или, лучше, КГ без Б. Пошли, отметим это историческое событие и обсудим детали.

Из дневника Мальчика

У нее есть ухажер, студент. Мы его зовем Женихом, а ее — Невестой. У него отец — Народный артист. Правда, я никогда не слышал такого имени. Иногда я иду домой из школы вместе с ней. Однажды я болтнул что-то о профессорах. Профессора разные бывают, сказала Она. У Жмота, например, отец — рабочий, мать — в конторе сидит. Отец имеет около трехсот, мать — сто пятьдесят. У нас семья пять человек, работает один отец. Номинально имеет четыреста. Посчитай, сколько приходится на человека у Жмота и у меня. Мы купили квартиру в кооперативе, в долги залезли. Родителям Жмота дали даром. Жилплощади у них на человека метров двенадцать, у нас — меньше девяти. Теперь и профессора делятся на работяг и на начальство. Мой отец — работяга. Если будем поступать в институт, Жмот будет иметь преимущество передо мной: я — дочь интеллигента. Если поступим оба, по закону Жмоту стипендию нельзя платить, а мне — надо, ибо у нас меньше ста на человека приходится. А будет наоборот. Почему? На данном

этапе решили опять поиграть в заботу о рабочем классе и свалить вину за плохую жизнь на интеллигентов. А если мы живем интереснее, чем в семье Жмота, так это — преимущества культуры. Жмоты и на тысячу будут жить паскудно.

И я был потрясен этим разговором. До сих пор я общался только с себе подобными и не имел представления о том, как живут люди на «профессорском» уровне. Заходи, сказала Она на прощанье. У нас книги хорошие есть, альбомы по живописи, записи музыки. Я сказал, что ее приятель мне не нравится. Пижон. Важничает. Себе на уме. Есть немного, сказала Она. Но он не плохой парень. Я вас познакомлю. Тебе это полезно. Для кругозора. И для тренировок в терпимости.

Сделка

Коридор, по которому шли Бородатый и Ученик, был типичен для официальных учреждений Страны. Одна стена коридора украшена портретами классиков, вождей, ученых, писателей, космонавтов. Другая стена украшена копиями картин величайших мастеров живописи. Среди них — всемирно известные «Богатыри», «Медведи», «Сикстинская Мадонна», «Утро нашей Родины», «Тачанка», «Джиоконда», «Завтрак тракториста» и т.д. В начале коридора — гигантская статуя Вождя-Основателя, заварившего всю эту кашу. Над статуей на белой стене золотыми буквами выложена цитата: «Верной дорогой идете, товарищи!» Вождь-Основатель был в пальто с поднятым воротником, в одной руке он зажал кепочку, другую поднял в приветствии, глаза прищурил. Вид у него в целом был такой, будто он увидел знакомого в другом конце коридора и безмерно этому удивился. И было чему удивиться на самом деле. В другом конце коридора — статуя другого вождя, который доварил эту кашу до логического конца, был за это слегка обруган после смерти, но потом за это же самое опять возвеличен. Вождь-Завершитель в шинели, сапогах и совсем без головного убора. И вид у него такой, будто он хочет сказать: «Да, это я. Ну и что из этого? И вообще пошел ты на...! Мне не до тебя!» Над Вождем-Завершителем на белой стене цитата из его речи: «Коммунизм не за горами!» В свое время жители республики, откуда был родом Вождь-Завершитель и которая находилась за горами, по сему поводу говорили: «И слава богу, что не за горами!»

В середине коридора — гигантский портрет ныне здравствующего Вождя, которому скоро /к восьмидесятилетию/ присвоят титул Окончателя, так как он обещает окончательную победу развитого социализма, который и т.д. К такому выводу он пришел после недавней поездки в США, где его встретили тепло и продали миллион тонн жевательной резинки в обмен на нефть и газ. Поскольку тем самым проблема питания в Стране была блестяще решена, стало очевидно, что полный коммунизм действительно не за горами. И, как острили американцы, не за морями. Вождю под восемьдесят, но, судя по портрету, он выглядит едва на сорок. Одним глазом Вождь косит на Основателя, другим — на Завершителя. И вид от этого у него такой, будто он озабочен судьбами Страны и всего прогрессивного человечества.

Обогнув Завершителя, Бородатый и Ученик вошли в узкий коридорчик и остановились перед дверью с надписью «Посторонним вход воспрещен». Бородатый нажал кнопку, сказал в микрофон пароль. Дверь открылась. Они вошли в лифт. Бородатый произнес слово «ИСИ». Лифт куда-то двинулся. Ученику показалось, вниз. Что такое «ИСИ», спросил он. Бородатый пожал плечами. Затем был другой коридор, еще коридор и еще и еще. Ничего себе, лабиринтик, сказал Ученик. Для чего все это? Бородатый опять не ответил. Наконец, они вошли в небольшой кабинет, разделенный на две части прозрачной перегородкой. В одной части был письменный стол. На нем — бумага, ручка. Перед столом — кресло с многочисленными приспособлениями. В другой части — журнальный столик и два

мягких кресла. Присаживайтесь, сказал Бородатый, я через пять минут вернусь. Вернулся он в сопровождении существа, похожего на того, которого ему показал Лысый. Существо покорно брело за Бородатым. Последний молча усадил его в кресло и прикрепил к рукам, ногам и голове упомянутые приспособления. Затем включил тумблер на щитке прибора, установленного около стола, и присоединился к Ученику. Это — писатель, сказал он. По всей вероятности автор романа, о котором вы рассуждали. «Затея», кажется? Смотрите за ним внимательно. Сейчас он должен на время стать нормальным и начать писать. Что именно, увидим на экране над столом. Итак, он начинает. Смотрите!

О моделях

Еще в либеральное время Идеолог услышал как-то от своего помощника слово «модель», и оно ему пришлось по душе. Сначала он произносил это слово как «мудель», а потом — как «модэль» с ударением на «о». Выступая в Академии Наук, он тогда призвал ученых разрабатывать «модэля» /с ударением на «я»/ нашего общества. Лингвисты обосновали правильность такого словоупотребления, сославшись на принятое в армии «надеть шинеля» и принятое в промышленности «ввести в строй мощностя». После того выступления Идеолога почти половину электронно-вычислительных машин изъяли из учреждений и с предприятий, где они были нужны до зарезу, и сосредоточили в специальных складах ВСП. И, разумеется, забыли о них. Не до того стало: появились диссиденты. Машины, разумеется, пришли в негодность. Специальная комиссия, в которую вошел Сотрудник, обследовала склады ВСП по другому поводу и наткнулась на кладбище дефицитных и ужасно дорогих /в основном — импортных/ устройств. Материалы комиссии сразу же засекретили /потери превышали миллиард!/ и сдали в архивы ОГБ. Но Сотрудник ухитрился сделать копии. Вот бы предать гласности, подумал он. Какой бы был эффект! Но как? Где? Передать иностранным разведкам? Они тоже сдадут в свой архив: они заинтересованы в таком идиотизме у нас. Передать в западную печать? Не напечатают, не поверят. И потом на этих путях пропадешь с первого шага. Нужно что-то иное. Что?

Писатель

Писатель взял ручку, осмотрел ее, как будто увидел ее впервые, погладил листы бумаги и начал писать, аккуратно выводя буквы.

Я давно перестал верить в силу справедливости и нравственных назиданий. Я вообще уже не верю ни во что. У меня остались только кое-какие знания. И обрывки памяти. И непонятное мне принуждение записать это.

При лечении им ослабляют волевые способности, сказал Бородатый. Восстановить их принципиально невозможно. Потом объясню, почему. Так что приходится волевое начало вводить в них извне. Нашему начальству это особенно нравится. Но никаких перспектив тут нет. Об этом тоже потом. А теперь смотрите, что он пишет.

Когда я начинаю думать о том, что произошло со мной и что я видел своими глазами, я начинаю сомневаться в том, что это было на самом деле. Не может быть, чтобы нормальные разумные люди додумались до этого и пошли на это практически. Значит, это — плод моего большого воображения. И как только я начинаю привыкать к этой мысли, новые сомнения зарождаются в моей безжалостно опустошенной душе. Не может быть, чтобы большое воображение породило такую ясную, последовательную картину. Да и как может быть больным то, от чего меня избавили в первый же день пребывания в этом заведении?! Значит, это было? Значит, это есть? Так я и не могу решить определенно, что это — реальность или бред сумасшедшего? Иногда я думаю, что если это и бред, то бред

не больного человека, а очень здоровых людей. Многих нормальных людей. А значит, если даже этого нет, это может быть.

С чего начать? Нас здесь лишили способности самостоятельно принимать решения. Мы не испытываем чувства голода, боли, страха. Мы способны выдержать все, что способно выдержать наше тело чисто физически, и безропотно выполнять любое приказание, которое опять-таки лимитируется исключительно нашими биологическими возможностями. Но те, кто сделал нас такими, допустили ошибку. Они лишь биологически довели до конца свой социальный идеал, т.е. наш привычный образ жизни там, на свободе. Но как там, так и здесь в нас остается какая-то способность к сопротивлению. Она невелика и на свободе. Ученые-социологи доказывают, что из законов нашего общества она вообще не вытекает. И до сих пор никто не знает, откуда она берется. Здесь ученые-биологи, физики, психологи, медики и т.д. доказывают, что ее у нас не должно быть по законам, изучаемым ими. Но она все же есть. И вряд ли кому-либо удастся найти ее основы. Я думаю, что это вообще есть свойство живого. Говорят, что даже растения сопротивляются. Только мертвые покорны до конца. Но мы Им нужны живые, раз мы живы до сих пор. Откуда у меня эта уверенность? Вот вам пример. Наш корпус включился во всенародное движение за звание «Предприятия Коммунистического Труда и Быта». Нас заставили взять повышенные обязательства: увеличить степень доверия и любви к родной Партии, к родному ВСП и лично к Вождю на двести процентов. После этого у нас сломалась автоматика, управлявшая выдвиганием унитазов из стены, и содержимое канализации затопило верхние /здесь почему-то все наоборот/ этажи. Сломалась на третьем этаже, а затопило даже пятый. Не странно ли? Нас погнали на уборку седьмого этажа, поскольку у «комиков» /так нас зовут санитары/ седьмого этажа нарушены двигательные функции, и могут шевелить только мозгами. Мы почему-то это приказание не выполнили. Прибежали санитары и охранники. Нас начали бить. Но из этого ничего не вышло: мы на побои не реагировали. Один из санитаров сказал, что было глупо нас лишать волевых ощущений, ибо нас теперь уже нельзя наказывать. А человек, лишенный возможности быть наказанным, есть начало революции. Когда они ушли, и нас оставили в покое, Попагандист /старший по палате/ сказал, что они теперь будут биться над проблемой, как нам причинять страдания. Им в «новом человеке» /в ноcheке/ обязательно надо сохранить способность к страданию. А это же нечто! Нам, сказал далее Пропагандист, надо развить чисто интеллектуальное любопытство в качестве первичной компенсации за отнятую волю. Я устал...

Бородатый быстро встал, выключил прибор, освободил Писателя из кресла и вывел из кабинета. Разве способность страдания есть проблема, спросил Ученик. Для нас — нет, сказал Бородатый. Мы имеем дело непосредственно с мозгом. Сейчас мы можем имитировать любое страдание. Но это требует сложной аппаратуры и непригодно для массового употребления. У меня есть одна идея...

Из материалов СППС

— Тут есть одна особенность, затрудняющая историческое исследование. У нас по крайней мере многие действительно важные решения и распоряжения не оставляют никаких документальных следов, а ничего не значащие пустяки обрастают горой документов. Например, у нас не велись и не ведутся протоколы заседаний Политбюро ВСП. В конце только пишется на страничку готовое решение. И все. Большинство распоряжений об арестах и расстрелах людей в свое время делалось намеками или косвенно. Никаких формальных документов на этот счет не было. И сейчас самые значительные указания сверху донизу даются устно. Формально, например, мне не было дано распоряжение задержать издание таких-то книг, переделать такой-то фильм, разрешить поездку таких-то лиц на Запад и т.д.

Мне намекнули на это. Если я не сделаю, однако, как того хотят вышестоящие инстанции, я слечу с поста. Тут вся реальная система исполнения и принятия решений основана на личных контактах, на личном доверии. Не поняв этого, не поймешь нашей системы власти. И сам я вынужден по отношению к нижестоящим поступать так же.

Немного истории

В социальной истории Страны имели место четыре периода: 1/ революция, гражданская война, восстановление; 2/ кровавый террор, беспредельная демагогия, неслыханная эксплуатация населения и, вместе с тем иллюзии, реальные успехи; 3/ разоблачение ужасов второго периода, либеральные веяния; 4/ ликвидация недостатков третьего и возрождение достоинств второго периода, стабилизация системы. Совершенно очевидно, что движение протеста против отрицательных проявлений коммунизма не могло зародиться в первую эпоху /коммунизма еще не было/ и во вторую /всякое недовольство нещадно подавлялось/. Оно зародилось лишь на третьем этапе. Напрашивается вывод: лишь наличие некоторого минимума благополучия рождает возможность протеста. Родившись однажды, движение протеста не могло быть уничтожено совсем. Оно перестало быть таким массовым, как на третьем этапе, в смысле участия в нем населения. Зато оно стало более широким в смысле участия в нем людей, посвятивших ему свою жизнь, и углубилось. Раньше борьба шла за мелкие уступки, которые делались почти автоматически самим ходом жизни. Теперь борьба затронула самые основы социального строя, коснувшись «прав человека».

Хотя это движение и не имело поддержки в широких слоях населения, оно напугало власти и привилегированные слои, ибо грозило перерасти в разоблачение сущности и структуры коммунистической формы эксплуатации. Именно этот страх, хотя и не всегда осознанный, лежал в глубине мероприятий властей, вылившихся в описываемую здесь Затею.

В движении протеста этого периода наметились две ветви: персональный бунт видных деятелей культуры и мелкие организации, составленные из представителей интеллигенции среднего и ниже среднего /в профессиональном отношении/ уровня. Обычно эти группы были совершенно беспомощны в организационном отношении, были напичканы осведомителями и провокаторами ОГБ, занимались не столько делом, сколько игрой в дело, стремились не столько к борьбе за некие «права человека», сколько к самоутверждению за счет проблемы «прав человека» и к известности. В какой-то мере они были удобны для ОГБ. Они отвлекали общественное мнение от действительно важных проблем жизни общества на второстепенные. Через них можно было легко выявлять недовольных людей и группы недовольных, возникающие в различных уголках Страны /например, списки таких групп «обнаруживались» при обысках, так как никакие правила конспирации не соблюдались/. И тем не менее, эти группы сыграли значительную роль в истории Страны. Комитет Гласности был характерной организацией такого рода.

Идея

Помнится, вы говорили о какой-то идее, сказал Ученик. Речь идет о восстановлении личностных функций, сказал Бородатый. Мне нужен добросовестный и надежный помощник. Вы бы подошли мне, поскольку вы текстолог. Я бы с удовольствием, сказал Ученик. Но я по распределению. Мы пока можем просто сотрудничать, сказал Бородатый, а со временем я устрою перевод. Я согласен, сказал Ученик. Чем я могу вам помочь? Работать с отдельными больными, например — с Писателем, сказал Бородатый. Познакомить меня с некоторыми текстами, над которыми вы трудитесь.

Случай

Однажды Сотрудник зашел к своему старому приятелю. У того уже были гости. Собравшиеся вели беседу в обычном стиле, т.е. поносили все, происходящее в Стране. А спутники и космические полеты, вступил в спор Сотрудник. Они не заменяют пищу и жилье, сказал Собеседник. И тем более хорошие книги и фильмы. Но нельзя же все чернить, подзадоривал Сотрудник. Есть же и у нас кое-что хорошее. Бесплатная медицина, например. Вот, взгляните, разинул рот Собеседник. Видите? Больше года делали, сволочи! С перерывами на периоды, когда зубных техников гоняли на уборочные работы в деревню. Надо делать все заново. У вас случайно нет знакомого частника? Я бы втридорога заплатил. То-то и оно! О нас через несколько столетий в энциклопедическом справочнике напишут: разводили сначала лен и пеньку, потом стали делать ракеты и продавать лес, нефть, газ; все поголовно плясали, играли в хоккей и сидели на собраниях; вождям при жизни делали памятники, которые ломали после смерти; питались отходами с западного стола; претендовали на ведущую роль в чужой истории, не помня своей.

Потом пошли анекдоты, насмешки над Вождем. Сотрудник рассказал кое-что из того, что ему стало известно. Правда в завуалированной форме. Когда стали расходиться, к Сотруднику подошел один из гостей, представившийся ему как Математик, и предложил пройти вместе немного пешком.

Успех

Идея Сусликова насчет новой формы соцсоревнования /о ней специально ниже/ имела успех. Через несколько дней ЧМО выступило с инициативой, которую подхватили все учреждения города. В газете «Вождянская правда» была опубликована статья на эту тему, в которой среди прочих имен было упомянуто и имя товарища Сусликова. Теперь твое дело в шляпе, сказал Корытов. Теперь тебе местком гарантирован. А там... Молодец, сказал тещь. Из тебя толк выйдет. Меня тоже можешь поздравить, перехожу в горком. Пока на отдел, а там и в секретари. Так что мы, брат, теперь с тобой горы свернем. Ну, будь здоров! Главное — не поддавайся этой гадости. Закусывай! Пить-пей. Но умеючи. И закусывай как следует. И в руках себя держи. Помалкивай, будто ты совсем трезвый. А там, вверху, пьют не то, что мы. Там, брат, такие крепкие головы сидят, нам далеко до них. Ну, будь здоров!!

Превратности судьбы

Когда Командировочного в одном нижнем белье подобрали на перекрестке проспекта Карла Либкнехта и Розы Люксембург и улицы товарища Хлюпикова, его тут же отправили в «Разинку». После первого укола он перестал всхлипывать и мирно уснул. После второго укола он стал улыбаться и назвался товарищем Хлюпиковым. Услышав это, врачи переглянулись и сделали ему третий укол, после которого он четким и ясным голосом сказал, что он готов дать любые показания, подписать любую бумагу и послать письмо лично самому товарищу... как его?.. с предложением ставить к стенке всех, кто... Врачи опять переглянулись, но на сей раз с удовольствием. У Командировочного спросили, чем бы он хотел теперь заниматься. Он бодро заявил, что поскольку он забыл, сколько будет дважды два, а об остальном и говорить нечего, то он теперь способен только на одно дело — двигать дальше вперед марксистско-ленинское учение. Врачи, улыбаясь и кивая в знак одобрения головами, дали Командировочному бумагу и карандаш. И он начал писать сочинение, за которым и был послан в командировку из центра. «Разинка» фигурировала в научных кругах под именем «Института Кибернетики».

Из мыслей Командировочного

Во-первых, Маркс и Энгельс — это одно и то же лицо. Я хорошо помню, как сдавая философию, студент из нашей группы Квачхаракерия на вопрос преподавателя, как звать Карла Маркса, ответил: Фридрих Энгельс. На это преподаватель товарищ доцент Суньхуймулоков сказал: маладэц.

Во-вторых, Ленин и Сталин тоже одно и то же лицо. Могу объяснить, как это получилось. Однажды Ленин устал. А так как говорить тогда он уже не мог, он написал на бумажке: устал. Железный Феликс взял бумажку. Поскольку он очень уважал Ленина, он исправил ее так: устали. Отдал Троцкому. Тот все исказил и переписал так: У. Стали. Отдал Каменеву и Зиновьеву. Те исказили с другой стороны и написали: У. Сталин. Ну а Бухарин довершил дело, исправив У на И. И получилось И. Сталин. А тут Ленин очнулся. И спрашивает: где моя бумажка. На, сказали ему, твою паршивую бумажку и пусти ее по назначению. Ах так, сказал И. Сталин /он же теперь Ленин/. И велел Железному Феликсу их всех убрать.

Врач похвалил Командировочного, но предложил ему лучше перейти в область философии естествознания. Вот, например, у нас тут лечился один профессор философии, который пытался доказать, что следствие может стать причиной своей причины. Но доказать не успел, так как выздоровел и выписался. Командировочный сказал, что он займется этой проблемой. Вы понимаете, сказал Врач, какое огромное народно-хозяйственное значение будет иметь ваше исследование. Тогда, отменяя следствия, мы сможем тем самым отменять породившие их причины. Тот профессор рассчитывал таким путем поднять наше сельское хозяйство. Но ведь таким путем можно и до революции добраться, сказал Командировочный. Давай, дорогой, действуй, сказал Врач. Если тебе потребуется моя помощь, можешь обращаться в любое время. Если какая литература потребуется, не стесняйся... Как знать, может быть этим путем можно будет хоть что-то изменить в этом сволочном обществе.

Местная история

Помимо общегосударственной, общереспубликанской и т.д. истории, в каждом населенном пункте Страны происходит своя, местная история, которая очень похожа на всю нашу великую историю. До такой степени похожа, что местные жители часто их путают. Например, основатель нового строя товарищ Хлюпиков был точной копией Ленина. Бородку отпустил. Лысину выщипал. Даже на работу стал на броневике ездить. И все бумажки писал. Сядет, бывало, где-нибудь в туалете или на лестнице /прост был товарищ Хлюпиков, как сама правда/ и пишет что-нибудь историческое. Например, пишет записочку в райком товарищу Сверчкову. Так мол и так, объявляю вам выговор за то, что повысили мне зарплату на три рубля в такой момент, когда... И тут же блестящий анализ всей международной обстановки от Китая до Алтая, как говорится. И всей внутренней. А в приписочке — грандиозный план электрификации всего города. И личную просьбу покормить писателей. Пописывал товарищ Хлюпиков и бумажечки насчет расстрелять и к стенке поставить. Но то было вынуждено обстоятельствами. Не то что потом у бывшего товарища Пузиков, сменившего товарища Хлюпикова после того, как... А товарищ Пузиков был точной копией Сталина. Тоже трубку курил. Усы носил. И говорил с акцентом. И по меньшей мере треть жителей города велел расстрелять или к стенке поставить. И все остальное тут было и есть, как везде и в целом. Свои великие стройки, мероприятия, юбилеи, культы, разоблачения, достижения, демонстрации и т.д. И конечно же, свои почины, инициативы, трудовые вахты и т.д. Все это вы можете прочитать подробнейшим образом в недавно изданной «Истории Вождянка». Есть там и специальная глава, посвященная жизни и деятельности выдающегося партийного и государственного деятеля товарища Сусликова.

После той знаменитой инициативы / о ней надо будет еще сказать особо/ товарища Сусликова выбрали сначала председателем Месткома ЧМО, а затем — в партийное бюро, где ему поручили самую незатейливую работу — собирать партийные взносы. Хотя и прогремел человек на весь город, и связи есть, но нельзя же такому лаптю и болвану доверить что-то серьезное. Дурак же дураком. Любое серьезное дело завалит. Пока раскочерится и шевельнет извилиной /если таковая у него вообще имеется/, так вся работа прахом пойдет. Не обращай на них внимания, старик, говорил Корытов. Пусть себе бегают, суетятся. А толку-то что из их беготни? Надо держать себя солидно. Не переживай, сказал тесть, все идет как надо. Ты знаешь, с чего я начинал? Я, брат, печки топил в райисполкоме, письма разносил. Даже нужник секретарю чистил. Ну, будь здоров! За твои успехи!

К этому времени супруга Сусликова уже донашивала в чреве второго младенца, который обещал /судя по огромному животу/ быть богатырем, в отличие от их первенца, чахлого, апатичного, белобрысого, как две капли воды похожего на самого Сусликова. Осмотрев однажды /с удовлетворением/ свою раздавленную во всех частях /и в плечах, и в талии, и в бедрах/ супругу, Сусликов признался себе, что значит есть в нем некое незаурядное начало, если такая бабенция /или даже бабища/ полюбила его и навеки связала с ним свою судьбу. А ведь вполне могла тогда выйти за капитана милиции, который скоро наверняка станет начальником отделения. И решил Сусликов, что отныне он уже не будет ходить в Петьках и Сусликах. Отныне и навеки он будет Петр Степанович Сусликов.

Диссертацию Сусликов защитил без особого блеска, но спокойно и солидно. На банкете присутствовали все высшие чины научной интеллигенции города, видные деятели партии и правительства города, сам Митрофан Лукич, ставший, как и следовало ожидать, вторым секретарем горкома партии.

А в следующем году Сусликов был снова единогласно избран в партком ЧМО. На сей раз он стал секретарем. Это была уже весьма серьезная заявка. Заместитель председателя Городского Совета, ведающий жилищными делами, сам подъехал к Сусликову и предложил поменять квартиру на другую, более соответствующую, как он выразился, текущему моменту.

Смутьяны

В ЧМО, как и во всяком другом крупном учреждении Страны этого периода, завелись свои смутьяны. Они основательно портили настроение руководящих и ведущих работников и сплотившихся вокруг них актива и почти всего здорового коллектива учреждения. Со смутьянами боролись. Кое-кого даже убрали. Кое-кого отправили в «Разинку». Но как-то так все складывалось, что совсем справиться с ними не могли. Даже наоборот. Смутьяны нагтели, становились хитрее и изощреннее. Научились ловко ссылаться на цитаты из классиков, наизубок шпарили резолюции последних съездов и речи руководителей. А про Конституцию и говорить нечего. Крутили ею так, что комар носа не подточит. Товарищ Пуговкин, сменивший товарища Пузикова после разоблачения культа последнего /«пузиковщины»/, даже вошел в высшие инстанции с предложением изменить Конституцию или отменить ее совсем, чтобы не мешалась и не вводила в заблуждение. Товарища Пуговкина вызвали в Москву, похвалили, но велели пока помалкивать. Скоро товарища Пуговкина скинули и разоблачили «пуговщину». Назначенный вместо него товарищ Бражников тоже ездил в Москву. Вернулся оттуда он успокоенный и велел всем пока немного подождать, так как перемены будут такие, как нужно. А со смутьянами... Что же, с этими жуликами, психами и диверсантами надо справляться своими силами. У вас же такие возможности, не то что там в Москве. Там куда как труднее.

Первыми смутьянами были, конечно, Стопкин и Жидов. Но не они пугали здоровый коллектив ЧМО в первую очередь. Стопкин и Жидов всегда на виду и вечно пьяные. И болтают они чушь несусветную. И все их болтовню слушают и смеются над ней. Страшны те, кто тихой сапой делают свое черное дело. И разговорчики ведут такие, что ой-ой-ой! За такое не так уж давно без звука к стенке ставили. И пописывают, сволочи! И читать кое-кому дают. И перепечатывают. И бородами обросли, чтобы не видно их было. И джинсы напялили. Музыка закручивают такую, что хоть уши затыкай глушителями. А главное — они всячески подрывают авторитет руководящих товарищей. Глумятся. Но хитро так, не придерешься. Всем ясно. Всем понятно. Все смеются. А не придерешься. Комиссию из райкома партии вызывали. Так и те на первых порах на их удочку попались. И сколько времени прошло, пока разобрались, что к чему.

Став членом парткома, Сусликов решил заняться смутьянами всерьез. Он в этом был лично заинтересован: смутьяны систематически издевались над ним, рисовали на него карикатуры в стенгазете, пели про него сатирические частушки на вечерах самодеятельности. Сусликов терпел и ждал своего часа. И вот час его пришел. Он лучше всех в ЧМО понял две истины. Первая — самые опасные смутьяны суть те, кто смеется над ним, над Сусликовым, ибо он, Сусликов, есть символ, воплощение и опора нашего замечательного социального устройства. Вторая — уничтожение их надо начать с их заводил, и в первую очередь — с демагога Самохвалова и его потаскухи Чижиковой. Хотя Демагог и Потаскуха внешне Сусликова никогда не обижали, но он чувал, что все зло в конечном счете исходит от них. Он же сам все время крутился среди смутьянов и видел, с каким почтением они слушали Демагога и Потаскуху и выполняли все их подрывные советы. В это время как раз вышло постановление ЦК о мерах усиления политиковоспитательной работы среди и т.д. В Столице в каких-то учреждениях молодые смутьяны намудрили, а расплачиваться за это должны все! На заседании парткома по этому поводу и выступил Сусликов. Скромно. После всех. И сказал, что коллектив здоров, и не надо напрасно на себя кликать беду. Есть, конечно, кое-что. Но лучше спокойно, ибо не так уж и опасно... Коллектив, главное, здоровый... Надо повысить трудовую требовательность... Уровень поднять... Вот, например, у нас есть сотрудники, не отвечающие занимаемой должности. Я имею в виду, например, Самохвалова, Чижикову и других. Надо с этого начинать, — с повышения требований к профессиональной подготовке сотрудников...

К словам Сусликова прислушались. Лапоть-то лапоть, а секет, в корень глядит! Секретарь райкома, присутствовавший на заседании, взял Сусликова себе на заметку. Стоящий парень! Демагога и Потаскуху скоро провалили при переаттестации. Смутьяны притихли сначала. Потом снова стали давать знать о себе. Вот стенгазету выпустили, Сусликова обсмеяли. Имя прямо не называли... Речь шла о неких грызунах. И нарисовали совсем непохоже. Но даже ежику было ясно, что к чему. Газету хотели снять, но Сусликов воспротивился /ну, голова!/. Пусть повисит. Скоро же праздники, надо предпраздничный юмор выпустить. Надо обязать редколлегию сделать это быстрее, так как... И при утверждении характеристик для туристической поездки за границу Сусликов был «за». К чему голосовать против? Достаточно снять трубку, звякнуть в райком, намекнуть... Короче говоря, когда вновь избранный партком собрался решать вопрос о секретаре, двух мнений быть уже не могло...

СКАЗКИ О ВОЙНЕ И МИРЕ

Споры

— К моменту смерти Сталина,— говорит Иванов,— в наших лагерях сидело пятнадцать миллионов человек.

— Не преувеличивай,— говорю я.— Всего лишь десять.

— Пусть десять. Это тоже не так уж мало. Там страдали миллионы, а мы спорим о числе : десять или пятнадцать. А сколько было реабилитировано и выпущено? Не больше миллиона. А где остальные? Досиживали сроки, выпускались без реабилитации, умирали... Ладно, сделаем скидку на твои допущения. Все равно остается миллионов пять, в отношении которых неотвратим вопрос: где они?

— Теперь этот вопрос не имеет смысла.

— Имеет, да еще какой! А я тебе скажу, где они, эти миллионы. Их уничтожили. Способов для этого у нас были тысячи. Например, вывозили баржами в северные моря и «выгружали» в воду, выгоняли в тундру в Заполярье... Трупы у нас есть где прятать. А урановые рудники?!

— Откуда это тебе известно?

— Кое-что сам видел. Кое-что самому приходилось «обеспечивать». И здравый смысл подсказывает. То, что стало известно, мелочи. Главное удалось скрыть.

— Это дело прошлое.

— Не такое уж прошлое. Тут выводы кое-какие напрашиваются: если кое-кому ради своей шкуры потребуется сотни миллионов уничтожить, уничтожат, не остановятся. Почему бы нет? И что их... впрочем, нас... может остановить? Никаких внутренних ограничителей в нас перед лицом зла нет.

— Так уж и нет ничего?

— Только извне. Только превосходящая сила. А сами мы остановить себя не способны. Ты знаешь, за озером новую больницу построили? Знаешь, что это за больница? Верно, психиатрическая. Сумасшедший дом, скажем прямо. А зачем? Старого было мало? Там же целый корпус пустовал. Ты там, на новостройке, не был? Стоит посмотреть. Котлованы там были такие, будто они подвалы в три этажа строить собирались. Там штук пять корпусов совсем без окон. Без окон!!

Жена Иванова накрывает стол. Иванов разливает водку. Наши разговоры кажутся нелепыми, не соответствующими аппетитным закускам и прочему. Мы чокаемся. С аппетитом едим. И... продолжаем беседу в том же духе.

— Давай спросим себя по-честному, знали мы о сталинских репрессиях или нет?

— Что знали, а что нет. Кто знал, а кто нет.

— Не финти! Знали. Могли знать. Дело не в этом. Сомневались мы в справедливости их или нет? А!.. Вот то-то и оно! Начали сомневаться, когда это самих коснулось так или иначе. А у меня, честно признаюсь, не было никаких сомнений даже тогда, когда немцы до Сталинграда дошли. А я ведь еще до войны стал кадровым офицером. Чистки комсостава успел увидеть. Я не то чтобы сомневался. Я не хотел сомневаться. Мысли такой не допускал. А что это значит?

— Мы люди маленькие были. Нас не спрашивали.

— Ну нет. Давай уж поставим точки над «и». Это называется соучастием в преступлении. Нам многим это было выгодно. Как? Например, более быстрое продвижение по службе.

— Добраться до полковника — это не так уж быстро.

— Мы немного запоздали к дележу мест. И вообще, мы попали в переходное время. Частью туда, частью сюда. Вот и не получилось. Зато у других получилось.

— Ну, в войну...

— Война была расплатой за наш идиотизм, за бессмысленные преступления... За все... Вот мой парень. Школу кончает. У тебя есть связи в научных кругах...

— Попробуем что-нибудь придумать. Куда он хочет?

— А не все ли равно? Лишь бы поступил. Лишь бы в армию не забрали. Раньше полковник был фигурой. А теперь — шпана. Теперь наша «аристократия» рангом выше стала. Посчитать бы, сколько у нас министров, директоров, секретарей, заведующих, командующих... На целое государство хватит...

— Иди в торговую сеть, становись заведующим кадрами в тресте, и ты будешь иметь все блага. Тогда твоего сына в любой институт примут.

— Не хочу. Что происходит, объясни мне! Все лезут в начальники. Объединяются, заводят связи, образуют банды по совместному ограблению общества. И боже упаси ковырнуть это. И так снизу доверху. И иначе не проживешь. А ведь твердили об идеалах. Неужели нет выхода?

— Для нас с тобой один выход остался: ждать, когда свезут в крематорий... Кстати, начали строить новый мощный крематорий... Пока не поздно, давай блат заведем...

— Твоя шутка не лишена оснований. В нашей поликлинике у меня «обнаружили» опухоль и чуть было не укатали на операцию. Хорошо, мне устроили консультацию у частника... Ну да, у этого самого... Наша бесплатная медицина обходится нам слишком дорого.

Стрельбище

Вот мы и на стрельбище. Тридцать здоровых парней, три винтовки на всех, по три патрона на рыло, одна граната. Граната настоящая. По распоряжению из Округа мы должны посмотреть взрыв настоящей гранаты, мы должны научиться бросать настоящую гранату. И вот мы бросим скоро одну гранату на тридцать человек. Бросать будет по всей вероятности сам Шуст. Хотя, он трус. Дорогой мы запаслись морковкой, прихватили несколько кочанов капусты. И теперь мы развалились на солнышке, грызем овощи, курим и травим баланду. Шуст со своими холуями Руденко, Сидоренко, Хомяком и Прилепиным шебуршится около траншеи. Что-то измеряет, отмечает. А нам на это начхать, нам пятерки не требуются.

— Слушай, Гизат, — говорит Тоня. — Ты стреляешь, как бог. И если ты разок стрельнешь скверно, тебе ничего не будет. А меня Шуст сгноит в нарядах, если я

сегодня опять промажу. Давай договоримся, ты стреляешь в мою мишень, а я в твою. За это отдаю тебе пайку хлеба за обедом. Идет?

Гизат некоторое время колеблется. Но устоять перед пайкой хлеба он не в состоянии и соглашается. От предстоящего удовольствия он улыбается от уха до уха, твердые, как металлические стержни, волосы встают дыбом. Потом он начинает подозревать подвох.

— Опять обманешь?

— Несчастный ты человек, Гизат. Как я тебя обману? Обещание отдать пайку хлеба даю при свидетелях...

— Я не несчастный. Я честный.

— Потому и несчастный, что честный.

В другой группке звеньевой хохмач Мамалыга шпарит анекдоты и шуточки.

— Бросают курсантов с парашютом. Инструктор поясняет: выбрасываетесь из самолета, считаете до десяти, дергаете кольцо главного парашюта. Если не раскрывается главный парашют, дергаете кольцо запасного. А если и запасной не раскроется, спрашивает курсант. Тогда, говорит инструктор, сходите к старшине и поменяйте парашют на исправный.

Ребята гогочут. Шуст орет, чтобы мы прекратили балаган и построились в три шеренги /поскольку винтовок три штуки/. Я, Тоня и Гизат становимся в одну шеренгу. Когда подошла наша очередь, Тоня решил подстраховать Гизата на всякий случай и тоже стрелял в свою мишень, а не в мишень Гизата. И произошло чудо. В мишени Тони оказалось шесть пробоин почти в самом центре, а в мишени Гизата ни одной. Гизат обиделся до слез, а Шуст закатил им обоим по двойке. Расстроенный вконец Гизат совершил вторую ошибку за день: заявил, что он расторгает договор с Тоней как нечестный. Лишь на обратном пути Гизат допер, что тем самым отказался от пайки хлеба, но было уже поздно.

Когда кидали гранату, произошло ЧП /чрезвычайное происшествие/. Шуст кидать сам не решился. Добровольцем вызвался Мамалыга. Мы все спустились в траншею. Мамалыга, как положено, вытащил чеку и размахнулся для броска, но почему-то гранату не бросил, а так и остался стоять с поднятой рукой. Через четыре секунды граната должна взорваться. Мы в ужасе замерли. Шуст, стоявший рядом с Мамалыгой, вдруг завыл тоненьким голоском «ой, мамочка!» и кинулся нам под ноги. Тогда Мамалыга очухался от оцепенения, постучал себе гранатой по лбу и перебросил ее за бруствер метров за пять. Граната, однако, не взорвалась. Мы вздохнули с облегчением. Шуст поднялся и заорал, что отдаст Мамалыгу под трибунал. Кто-то сказал, что граната не настоящая и что Мамалыга специально нас разыграл. Шуст сказал, что тем более Мамалыга пойдет под трибунал, и собрался вылезти из траншеи. В этот момент граната рванула. С Шуста осколком снесло фуражку. Всю дорогу домой мы шли молча. Перед слободой Шуст остановил нас.

— Надеюсь, — сказал он зловещим голосом, — вы не бабы и не будете трепать, что произошло.

И мы сохранили ЧП в тайне. Странно, никто о нем не наступал.

Из «Баллады»

Где-то кровь ручьями льется.
Мне же тут лафа живется.
Не в окопе жду обстрела,
Я на койке дрыхну смело.
Честно Родине служу.
Как? Хотите — расскажу.

Лишь успеешь разоспаться,
Как уж нужно подыматься.
В коридоре свет потух.
И дневальный, как петух,
Прокричал-пропел «подъем».
Начинается содом.
Сна как будто не бывало.
Вверх летят штаны, одьяла.
Суй портянки в сапоги
И на улицу беги.
Здесь, согласно распорядку,
Строят нас на физзарядку.
В дождь и в снег, в жару и в холод,
Боль терзает или голод,
Все равно изволь бежать.
Надо комплекс уважать.
До чего ж паршиво, братцы,
Физкультурой заниматься.
Руки ломит. Шею больно.
Все ворчат: к чертям, довольно!
Старшина в ответ: заткнись!
На носочках подтянись!
Раз! И два! Не гнуть спины!
Наконец, кончаем мы.
Пять минут дано на мойку,
Блеск сапог, заправку койки.
Как помешанный крутись.
На поверку становись.
И начнут тебя шпынять,
А за что — нельзя понять.
Вслед за тем, вертя указку,
Политрук мусолит сказку,
Как враги спешат к нам в плен,
Как обратно взяли ЭН,
Хлеборобы хлеба сдали
Вдвое больше, чем убрали.
Всюду массовый подъем.
Новый денежный заем.
Вождь явил свою заботу...
Сдохнуть можно от зевоты.
Поливать закончив воду,
Политрук призвал опять
Сообща со всем народом
Лучше... койку заправлять.

Сын

Сыном я горжусь. Парень он с головой. И живет правильно, скажем даже — праведно, что теперь редкость. Немного ленив. Так теперь это на пользу идет, выглядит как рассудительность. Когда я еще был в силе, мне специально устроили перевод в этот город, где сын осел. Недавно ему предложили крупную должность в Сибири. Он отказался. Итог — здесь слегка попридержали. Хотя мы живем неподалеку друг от друга, встречаемся редко. А встретимся — выпьем /какая встреча без выпивки?!/ и разговоры заведем /без разговоров «за жизнь» русский человек немислим!.

— Что скажешь об еврокоммунизме, — спрашиваю я.

— Маскировка, — говорит он. — Коммунизм везде одинаков, и пусть они там не выпендриваются.

— Но они же хотят без репрессий, с правами.

— Чушь. Это они сейчас болтают. А как власть возьмут, не хуже Сталина закрутят. А эти «права» — потеха для дилетантов или бизнес для ловкачей.

— Но их же сажают.

— Теперь это почет. Известность. А им это только и нужно.

— Но они реальные требования выдвигают.

— Кому нужны эти «права»? Десятку шизофреников и честолюбцев? Не в этом суть реальных проблем.

— А в чем?

— Надо людей работать заставить. Хозяинничать и руководить научиться разумно. Сибирь осваивать.

— А у тебя работают люди? А как с руководством?

— Как везде. Халтура, идиотизм. Вот я и говорю...

— А как насчет новой конституции?

— Тут все ясно. Конституция закрепляет, что есть. Дело не в конституции. Что это? Бумажка. Можно с хорошей конституцией жить плохо, а с плохой — хорошо. Наша жизнь от конституции не зависит.

— Ладно. Дома мы можем говорить откровенно. Скоро юбилей. Больше тридцати лет мира. А вот иду я по улице. Навстречу — человек. Курицу несет. А курочка-то из Бельгии или Голландии. Ботинки у него — из Италии. Джинсы достал у спекулянтов, — из Уругвая. Где такая страна? А что свое? Очереди? Хамство? Мы вот свои счетно-вычислительные машины сейчас в подвал выкидываем. Будем устанавливать японские, американские, немецкие... Зато наши танки в Африке, ракеты — на Кубе, корабли — у берегов Индии. Говорят, мы можем за восемь часов захватить всю Европу, за десять минут полмира уничтожить... Вот итог! Подумай только: захватить, стереть, уничтожить...

— А я тут при чем? Это тебя надо спросить.

— А я тебя не виню. Я просто думаю.

— Индюк, как говорил Василий Иванович Чапаев, тоже думал. Хочешь, новый анекдот. Плышет Чапаев через Урал, загребает одной рукой. А Петька и говорит ему: брось ты, Василий Иванович, этот чемодан на х.., а то утонешь.

Боевые листки

«Боевые листки» — стенные газеты небольшого формата на стандартных бланках. Выпускают их не так, как обычные стенгазеты /к большим праздникам, для отчетов, большими коллективами — редколлегиями/, а сразу по следам событий части и одним /обычно/ человеком или от силы двумя. Заправил, например, Гизат койку плохо, а Мамалыга не почистил сапоги. Сразу же «Боевой листок» по сему поводу с карикатурами и стихами. Гизат изображен в виде человечка с торчащими ушами и волосами и улыбкой от уха до уха. Ошибиться невозможно: это он. И подпись:

Не стерпела даже койка.
Закричала: эй, постой-ка!
В коммунизм, это учти,
Нерадивым нет пути!

Мамалыга изображен почти так же, как Гизат, только ремень у человечка висит ниже пуза. И опять-таки всем ясно, кто это. Даже из второй эскадрильи сразу узнают: это Мамалыга. И подпись:

Это что за забулдыга?
Это ж, братцы, ...!

Вот в таком духе Тоня иногда в день выпускал по пять листов.

Листки имели колоссальный успех. Сам Чекалов приезжал их смотреть. А потому Тоне прощали многое, в том числе и злоупотребление этими самыми листками. Например, отличника Прилепина /мы его звали Прилипалой/ он нарисовал в виде сапога, перетянутого ремнем, с маленькой ручкой, отдающей проходящей мимо собаке Чекалова честь. Стихи, помещаемые Тоней в «листках», сразу выучивали наизусть, и они становились фольклором школы. Многие куски «Баллады» сначала появились в виде подписей к карикатурам. «Листки» наши /видите — не Тонины, а наши!/ возили даже на выставку в Округ, а наше начальство получило за них благодарность.

Из-за упомянутой карикатуры на Гизата произошел скандал. Гизата обидело то, что его не пустят в коммунизм. На политзанятиях по сему поводу состоялась содержательная дискуссия. Гизат выдвинул убийственные аргументы. Прилепин, например, отлично заправляет койку. Так его в коммунизм пустят, да? А он подлиза. И стреляет плохо. А он, Гизат, стреляет лучше всех. Никита Гваржеладзе /Кит/ сказал, что при коммунизме стрелять не нужно будет. Не в кого. Гизат спросил ехидно, чем же тогда там будут заниматься. Тоня заметил, что будем койки заправлять. Пузиков, известный на всю школу сачок и кухонный шакал, сказал, что койки заправлять не будем, так как круглые сутки будем спать и жрать. Кит добавил, что спать будем с бабами. Политрук дискуссией остался доволен.

Полеты

Прибыло горячее. Мы начали летать. Летало главным образом выпускное звено, а мы — околочиваться на аэродроме, драить дряхлых «нишаков», крутиться в стартовом наряде. Ну и один полетик в два дня. Для поддержания духа и навыков. И само собой, для получения «второго завтрака» — немного каши, кусок хлеба с малюсеньким кусочком масла, кусок сахара, кружка кипятку. Преимущества летающего курсанта, не говоря уж о втором завтраке, ошутимы. Отпадает караул, кухня, ночные погрузки-разгрузки, теория. Мы сразу начинаем себя чувствовать летчиками и с презрением смотрим на Неупокоева, Шуста и прочую наземную шваль. Наконец, сам полет доставляет величайшее наслаждение; хотя большинство из нас попало сюда по доброй воле, в воздухе вступают в силу совсем другие оценки, чем на земле. Довольно растяпистый на земле Тоня теперь царь и бог, а Прилипала

выглядит как мокрая курица. Он трус в небе. Истребитель из него не выйдет. Ясно, оседет где-нибудь в штабе или адъютантом эскадрильи. Или перегонщиком. Мамалыга, Кит, и Гизат тоже здорово летают, но отметки им ставят почему-то ниже, чем отличникам Руденко, Сидоренко и т.п. Начальство заранее решило, что им присвоят звание лейтенантов, а нам — лишь младших лейтенантов или даже старшин. Макарову наверняка больше старшины не дадут.

На третий день полетов у одного парня выпускного звена на взлете обрезал мотор. Самолет врезался в железнодорожную насыпь и сгорел. Вместе с курсантом. Примчался Чекалов. Злой. Орал на всю округу: «Я же говорил им, что это г...о давно пора на свалку! Чем они там думают, му...и, .. их мать!!» Для нас полеты отменили. Летает одно выпускное звено, причем — в две смены. Мы их обслуживаем. Гонят ребят поскорее на тот свет, мерзавцы, сказал Макаров. Им лишь бы поставить новую цифру в отчете!

Разговоры

— Скажите честно,— спрашивает Костя /от него здорово несет перегаром/,
неужели и в войну то же было?

— Ты бы не торчал в таком виде на виду...

— Плевать! Они уже привыкли, что я с утра пьян.

— Войну мы делали, как и всякое дело, которое мы вообще делаем, плохо. С бессмысленными тратами. Не жалея людей и средств. Безудержное вранье и бахвальство. Кучи паразитов везде. В общем, война велась строго по советским правилам жизни. Вернее, смерти. Мы и подыхаем халтурно и с демагогией. Правда, многое удалось скрыть за счет героизма народа, терпения, жертв и выгодных природных условий.

— Героизм был?

— Конечно, как и во всяком деле с участием миллионов людей. У немцев его не меньше было. Но героизм разный бывает. Наш официальный героизм — это особая форма эксплуатации, когда человек эксплуатируется добровольно. И сверх всяких границ.

— Откуда вы такой премудрости набрались?

— Я тоже был молодым. Уйдем-ка отсюда!

Письмо из дома

Гизат получил письмо, которое взбудоражило всю школу. Собственно, не все письмо, а лишь одна фраза. Мать просила Гизата летать потише и пониже. Мы уже чувствовали себя опытными пилотягами и хохотали до слез: в авиации же, глупая баба, залог безопасности — скорость и высота! И совсем не обратили внимания на то, что отца Гизата и двух братьев уже убили, и он остался у нее последний. И на многое другое. Только Тоня стал мрачный. Он обнял Гизата, увел его в спортивный зал. Потом он прочитал нам:

Из деревни мать в письме мне пишет,

Хлеб не убран, на корню гниет.

Нету дров. И протекает крыша.

Чтоб летал пониже и потише.

Я ж один остался у нее.

Прочитал друзьям. Мол, вот житуха!

А они кривят в усмешке рот.

До чего же глупая старуха!

Не секет ни рыла и ни уха!

В авиации же все наоборот.
Чем летаешь выше и быстрее,
Тем сохранней. Знаю, это так.
А что хлеб в полях не убран прееет,
А что мать одна в слезах стареет,
Это все — обыкновенный пустяк.
Я пишу. Пускай народ смеется...
Что одет и сыт, смотрю кино.
А летать нескоро мне придется.
Может быть и вовсе обойдется.
На земле — надежнее оно.

Гизат взял бумажку у Тони. И простил ему его прегрешение на стрельбище. И за ужином незаметно бросил свой кусок сахара в его кружку.

А через полгода Гизат погибнет у меня на глазах. И не будет с ним рядом Тони, чтобы совершить над тем местом, где он взорвется, круг грусти и прощания.

Летай, сынок, пониже и потише.
Ты ж один остался у меня.

Разговоры

Недалеко от нашего учреждения есть приличное кафе. Кстати, там я и встретил Тоню. Днем в нем народу немного. Кафе имеет одно неудобство: путь в него проходит мимо десятка агитационных стендов, восхваляющих гений Брежнева. Костя плюется. Я не обращаю внимания, — если на такие вещи реагировать, с ума сойти можно.

— Как Сталина раздувают, — говорит Костя.

— Сталин был серьезнее, — говорю я. — Умнее. И раздували его меньше.

— Как так?

— А так. Возьми газеты и журналы тех времен. Подсчитай, как часто имя Сталина упоминается. И сравни с нынешней прессой. У Сталина телевизора не было, учти. А ведь Сталин в сравнении с Брежневым — титан.

Мы нашли столик. Сделали заказ, просидели тут не меньше трех часов. Говорили обо всем. Вот в таком духе.

— За что ни возьмешься, к тому же приходишь. Дачная система, образование, распределение по профессиям, квартиры... Во всем — привилегии, иерархия распределения, блат, взаимные услуги... Возьмите теперь Запад...

— Сравнение с Западом интересно. Но при чем тут Запад? И без сравнения с Западом все ясно. Достаточно сравнить внутри газетное вранье и фактическое состояние дел, уровень жизни номенклатурных работников и низших слоев, уровень духовной культуры и реальные условия жизни интеллигенции и т.д. У нас не становится лучше от того, что на Западе возникают какие-то трудности.

— Но становится хуже от того, что на Западе происходит улучшение.

Опять Чепе

Первое звено выпустили поспешно. Оно улетело на фронт на последних пригодных для перелета машинах. Едва они отошли от аэродрома, одна из машин загорелась и отвесно устремилась к земле. В воздухе забелел купол парашюта. Раздался взрыв. Санитарная машина и стартовая дежурная машина устремились к месту падения самолета и приземления летчика. Выяснилось, что это был Костя Антонов. Он основательно обгорел, выпрыгивая из горящей машины методом

катапультирования, т.е. через огонь. Для «ишака» это — исключительный случай. То, что Костя не сгорел, чудо. К счастью, у него не сорвало очки, и глаза уцелели. Костю увезли в гарнизонный госпиталь. Едва успели ему оказать первую помощь, как к нему направился «особняк». Поползли нехорошие слухи. Настроение упало. Мы замерли в ожидании неприятностей. Чекалов, увидев Восьмухина у госпиталя, сказал ему, чтобы катился прочь, не то он пристрелит его под горячую руку.

Через пару дней стало известно, что немцы перехватили группу на подходе к фронтовому аэродрому и спокойно сожгли всех — одного за другим. Ребята не сделали ни одного выстрела, — они летели с незаряженными пулеметами. Чекалов упился до беспамятства. Не успев очухаться, улетел в штаб Округа. Полеты отменили.

Старшина Неупокоев

— Был у нас старшина. По фамилии Неупокоев. Долго я не мог его понять. Умница. Сволочь, конечно, но в людях разбирался с первого взгляда. И дело свое знал. Первоклассный был старшина. Он еще до войны досрочником был. И много лет спустя после войны я его встретил все в том же чине. Я уже майором был. А при встрече по стойке смирно перед ним вытянулся. И он не удивился. Должно быть, люди, став даже академиками, по той же причине робеют перед своими первыми учителями. Но дело не в этом. Неупокоев с его умом мог крупными делами ворочать. А он... Однажды /уже после войны/ довелось мне командовать группой автоматчиков /хотя я был летчик, меня выделили для этой цели от полка/. Мы прочесывали деревни и роши в одной теперь дружеской стране в поисках предполагаемых «повстанцев». И тогда я понял Неупокоева: непосредственная власть над людьми, — вот что его держало тут. Не опосредованная через других власть, а именно непосредственная, на самом низшем уровне, — власть над человеком как таковым, из плоти.

Переходная эпоха

Чекалов из округа не вернулся. Нам не сообщили, что с ним стало. Новым начальником школы стал бывший командир дивизии с фронта. Он был сбит и основательно покалечен, — один глаз не работал и не гнулась рука. Объявили, что будем летать на «штурмовиках» /ИЛ-2/. Городской аэродром для таких машин мал, здесь будут летать на учебных самолетах. Так что нас, летное звено переводят на второй аэродром. Многим это не понравилось, так как здесь уже наладились связи. Кое-кто успел жениться. Здесь иногда перепало кино, иногда танцы, иногда даже пиво в ресторане. Кое-кто пользовался библиотекой. Теплая казарма с спортивным залом. А там — землянки и поля кругом. Ветер. До ближайшей деревни семь километров. В деревнях голод. Бабам не до нас.

Костю Антонова выписали из госпиталя и зачислили в наше звено. Смотреть на него страшно. А он не унывает, рад, что уцелел. Жив буду, говорит, и с такой рожей бабу найду. Мужиков-то мало остается. Макаров заметил, что русский человек даже тогда, когда теряет голову, утешат себя тем, что не нужно будет бриться.

Разговоры

Поднабрались мы с Костей основательно. Когда уходили, Костя помочился под плакатом, призывавшим на «великие стройки».

— Эти «великие стройки» бессмысленны, — сказал Костя. — Стройки радистроек. Одна порождает другую. И так без конца и без края. Никакого выхода к реальным нуждам людей. Для истории! Для величия! Для!.. .. твою мать! Шестьдесят лет прошло, а они все еще хотят, чтобы люди были охвачены

энтузиазмом, чтобы изо всех сил, чтобы жертвы и героизм... А зачем? Реально — чтобы правящим маразматикам жизнь продлевать, их бред печатать где только можно, рожи показывать... Интересы народа, видите ли! А кто решает, что есть вред народу, а что польза? Они справляют свои делишки за наш счет, вот и весь секрет.

— Не так-то тут просто. Они хотят облагодетельствовать народ, промышленность поднять, оборону укрепить.

— Еще бы! Им это удобно. Совмещают. Тщеславие тешат. И получают «по заслугам». Одно другому не мешает. Но главное тут: что тут главное? Руководят на благо и получают по заслугам? Или исполнение функций руководства есть для них личное благо, за которое они готовы на все?

— А если мы сядем на их место, думаешь, лучше будет?

— Хуже, но дело не в этом. Любой на их месте станет таким. Важно тут, почему любой на их месте становится таким? Впрочем, не любой. Любого они туда не пустят.

Я уговорил Костю не идти на работу, пообещав расписаться за него. Проводив его до дому, я стал думать о своем сыне. Он, конечно, не таков. Но если бы мне сейчас пришлось выбирать, какого сына я предпочел бы, я выбрал бы Костю.

Из «Баллады»

Наши штатные дешевки
Втихаря бредут в столовку.
Они знают свое дело.
На таран заходят смело.
Пожирают, как ведется,
Что под руку подвернется.
Я ж, ленивый дурачина,
Жрать в строю шагаю чинно.
Как мужчине то пристало,
Поедаю, что достало.
Кормят нас не так, чтоб очень,
Но не так, что нету мочи.
В общем, завтрак навернем,
И уже обеда ждем.
Проглотив обед, мы тут же
Ждем, когда наступит ужин.
Остальное дребедень.
Так за днем проходит день.
После завтрака за дело.
В класс Учебного Отдела.
Там сидеть одно мученье.
Не идет на ум ученье.
Чтобы в воздухе летать,
Надо все на свете знать.
Что такое элероны,
Назначение также оных.
Что такое флетнер, фриз.
Как он ходит вверх и вниз.
Показать на чертеже
Схему сил на вираже.
В заключенье назову

Вам четвертую главу.
Я не вижу в этом проку
И кимарю на уроках.

В наряде

— Итак,— говорит Макаров,— минимум полгода еще живем. Эти штурмовички жрут горячего в пять раз больше, чем «ишачки». А лимит остается лимитом.

— А ты и рад,— говорит Хижняк.

У Хижняка «враги сожгли родную хату» /врет, конечно/, он рвется на фронт, мстить. Но это — для политрука и начальства. На самом деле он мечтает остаться в школе инструктором. У него есть для этого основания: он женат на дочери директора свиновосхоза. И шансы есть: он неплохо «спивает» украинские песни и участвует в самодеятельности. Так что фронт ему не страшен.

— А кто тебе сказал, что я рад,— говорит Макаров.

— Тон у тебя не наш.

— А ты эти шуточки брось,— говорит Кит,— иначе...

— Что «иначе»,— храбрится Хижняк, но в голосе его не чувствуется уверенности: Кит двухпудовыми гирями играет, как мячиками, ничего не боится и по слухам дальний родственник самого Берии.

Макаров странный парень. Не сачок, не тянется перед начальством, не шакалит в столовой, не ходит в самоволку, ни с кем особенно не дружит. Он уже учился в институте. Мы его недолюбливаем за высокомерие. За исключением Кита, тот относится к Макарову с величайшим уважением. Нас убьют — пустяки, говорил Кит, а убьют Макарова — потеря для общества.

— Кончай болтать,— командует Прилипала /он у нас старшина звена/. — Становись! Гизатулин, тебя это тоже касается. Мамалыга, уברי живот! Слушай наряд!

На сей раз мы идем в караул в штаб. Это — самый приятный наряд. Мы должны охранять не только штаб, но и несколько складов, разбросанных на территории города. Поверяющие на эти посты не ходят. Мы договариваемся «стоять» по восемь часов подряд, т.е. сидеть в теплой сторожке или в доме по соседству, используя прочие шестнадцать по своему усмотрению. На такой пост на сей раз мы попали втроем: я, Тоня и Макаров.

Приняв пост, мы растопили печурку и начали печь картошку. Без соли и без масла. Но мы насобачились так ее печь, что все равно по десятку крупных картофелин уписывали запросто. Наевшись и подобрев, завели разговоры. Вспомнили недавно погибших ребят. Тоня сочинил по этому поводу стихотворение.

Сколько сынов матерям не дожидаться!
Сколько могил не отыщут они!
Сколько, ребята, еще нам взрываться!
Сколько гореть! Сколько в землю врезаться!
Боже, меня ты, молю, сохрани.
Нет, я не трус. Сберегу честь солдата,
Встретивши смерть в настоящем бою.
Я выжить хочу, чтобы людям когда-то
Все рассказать, как бывало, ребята
Жизнь ни за грош отдавали свою.

— Здорово,— сказал Макаров. — Мы, ребята, должны понять, что главные причины наших поражений — в Кремле.

Мы вытаращили глаза. Но Макаров как ни в чем ни бывало стал разжевывать нам то, что мы знали и видели сами.

— Я бы на твоём месте,— продолжал Макаров,— был поосторожнее. Надо затаиться. Тебе надо обязательно уцелеть. Прикинись своим, оставят инструктором. Надо, ребята, не только о себе, но и о России нашей подумать.

— А что делать?

— Смотреть, думать, запоминать, копить ненависть, мстить. И суметь выжить. И рассказать потом. Эти сволочи не должны уйти ненаказанными.

— Мне такая программа не подходит,— говорит Тоня. — Я добрый, я не умею ненавидеть и мстить.

— Копи добро, это и будет твоя месть. И береги себя. И твой талант сам выведет тебя на верную дорогу. Почитай что-нибудь веселое!

Вот дежурный отбой прокричит.

Перестанут ребята возиться.

На доклады уйдут стукачи.

И казарма во тьму погрузится.

Мне сегодня совсем не до сна.

Я горю и дрожу в ожидании.

Наконец-то сегодня Она

Мне назначила ночью свиданье.

Чу! Дневальный у тумбы храпит.

Значит время. Оделся. Обулся.

Пол слегка под ногами скрипит.

Только б этот болван не очнулся.

Ах, какая на небе луна!

Звезды светятся, словно лампы.

В моем сердце навеки одна.

И никакую другую не надо.

Вот в окошко стучусь я твое.

Слышу шепот: кто там ышо прется?

Неужели Она с кем-то дрыхнет вдвоем?!

Значит, мне восвосяи придется.

Я в казарму обратно вернусь,

Бормоча со слезами: вот, гады!

С головой под дырявым одялом свернусь,

Поднатужусь и перну с досады.

Бабы

В течение первого года армейской службы о женщинах мы не думали. Тяжелая служба, плохая еда и медицинские препараты, добавляемые в еду, делали свое дело,— превращали нас в вялые существа, думающие только о том, чтобы поспать да пожрать. На втором году стал пробуждаться интерес к женщинам. Мы окрепли, приспособились к тяготам службы, научились сачковать. Очевидно, и действие лекарств стало ослабевать. Незадолго до войны нас направили на железнодорожный разъезд разгружать эшелон с авиабомбами. Около разъезда строили укрепления. И нагнали туда сотни женщин. Те копали землю, таскали шпалы. Вид у них был жалкий,— черные от загара и пыли, в рваньё. Тут-то мы вдруг почувствовали, что мы — мужчины. Скорее, это бабы почувствовали, что мы

— мужчины. Мы еще некоторое время сопротивлялись. Но не устояли. За неделю мы обрели минимальные познания в делах любви. После этого отбить у нас интерес к женщинам не смогла никакая работа, кормежка и медицина. Куда бы мы после этого ни попадали, мы первым делом обследовали ситуацию с бабами. Не брезговали ничем, руководствуясь принципом: бери, что подвернется, бог увидит, лучше даст.

Но не все были такими. В нашем звене большинство ребят ни разу не имели дела с женщинами, хотя достать бабу — не проблема. Не понимаю, почему так получалось. Может быть, привычка, страх, заторможенность. Некоторые из принципа избегали. Макаров, например. Но он еще до войны женился и заимел ребенка. И хранил верность. Наши же отличники даже тогда, когда на них не смотрит начальство, ведут себя так, как будто они на строевых занятиях или на политподготовке. Прилепин, например, красивый парень, но еще невинен. Мы с Китом предложили ему устроить бабенку. Он покрылся красными пятнами и отказался. Хижняк сначала занимался онанизмом, а потом потихоньку женился. Забавно, что жену Хижняка, явную потаскушку, «потягивали» ребята из нашего звена. Первым затеял это Мамалыга. Она пришла нас навестить, когда у нас была строевая. Мамалыга попросился «отлить» и тут же за кустиками трахнул ее, пока Хижняк отработывал повороты и отдачу чести.

Самый крупный специалист по женской части у нас — Кит. Однажды мы грузили дрова в тридцати километрах от города и договорились там с девчонками о встрече. В первый же караул мы «откупились», т.е. оставили ребятам свою еду за то, что они за нас будут стоять на посту, и отправились на свидание. По дороге туда Кит мимоходом «сделал» трех баб. Потом мы провели бурную ночь со своими «дамами» в копнах сена. Утром я еле на ногах стоял. Наши «дамы» достали самогонки и чуть-чуть закуски. Мы выпили, продолжили ночные упражнения. В полдень двинулись обратно. Я еле волок ноги. А Кит опять «сделал» тех трех баб. «Делал» у меня на виду, а у меня не было сил полюбоваться этим увлекательным зрелищем.

Вокруг школы сложился устойчивый контингент женщин, которые переходят «по наследству» от одного окончившего звена к другому. Однако это обычно некрасивые и неинтересные женщины, одно слово — бабы. На таких клюют только «с голодухи». А если курсант удовлетворил свои насущные потребности, он уже метит выше, выбирает кое-что посвежей и повыгодней. К тому времени, как мы попали в школу, в окрестностях ее все мало-мальски приличные места были «забиты». К ним пристроились инструктора, техники, преподаватели, первые выпускники. Многие из этих девчат теперь вдовы. Кое-кто вышел замуж вторично и имеет шансы повторить это. Женские резервы пополняются за счет подрастающих поколений, но в город перевели танковое училище и училище связи. И наши возможности сократились. И найти в городе незанятую приличную бабу стало трудной проблемой. На этой почве начались столкновения с танкистами и связистами, которые порой кончались перестрелкой.

— Идиотство, — сказал Макаров, когда мы обсуждали эту проблему во время чистки картошки. — Во всех армиях мира испокон веков были солдатские бордели. Три штуки на город, и все проблемы решены.

— Нельзя, — возразил Мамалыга, — безнравственно.

— А блядство, которое творится, нравственно? А онанизм? А гомосексуализм? Бордель куда чище и нравственней.

СТРАНА МОСКОВИЯ

На распустье

Поступив на философский факультет, Митя оказался в сложном положении. Он попал в идеологический канал. Но началась эпоха либерализма, и у него /как и у многих других/ возникла иллюзия, будто он может продвигаться по каналу культуры /науки/. Имелись шансы пойти по линии партийно-представительной работы, ибо уже на втором курсе он стал комсомольским секретарем, а на третьем курсе вступил в партию. Парень он был выдержанный, рассудительный, добросовестный. Это заметило руководство факультета. Фотография его как отличника не слезала с доски почета. В стенгазете о нем напечатали проникновенную заметку.

В это время Митя женился на Катюше. Он мог жениться на той девочке, у которой папа в ЦК. Но помешала репутация честного и благородного человека /будь она проклята!/. У Мити не хватило духу переступить эту черту, из-за чего он долгое время внутренне терзался. Несколько лет спустя он понял, что этот его промах пошел ему на пользу. Парень, женившийся на той девочке, бросив для этого жену с ребенком где-то за Уралом, достиг лишь поста заместителя начальника главка во второстепенном министерстве. И застрял на этом месте, подумывая о переходе на научную работу. А репутация благородного рыцаря позволила потом Мите сделать более серьезный шаг.

В это же самое время у Мити обнаружили способности. Об этом заявил Учитель. Он помог Мите напечатать маленькую статейку в журнале, на две трети написав ее сам. И тщеславие ученого вспыхнуло в Мите. Он даже попросил освободить его от секретарских обязанностей, сославшись на занятость научной работой: он совместно с Учителем готовил большую статью для ответственного журнала.

Жена

С Катюшей Мите повезло. Даже Учитель, поклявшийся больше никогда не жениться, готов был сделать для Катюши единственное исключение. Но конкурировать с Лапиным он не мог. Некоторое время Катюша подумывала выйти замуж за Учителя. Она не сомневалась, что ни один мужчина не откажется жениться на ней, если она захочет выйти за него замуж. Но предпочтение она отдала все же Мите, ибо была от природы мудрой и дальновидной русской женщиной. Старую русскую пословицу насчет синицы и журавля она кокетливо переиначила на свой лад: легче журавль в руки, чем синица в небо.

Катюша принадлежала к числу женщин, которые заставляли мужчин останавливаться, оборачиваться, вздыхать, делать сомнительные предложения, давать волю рукам. Но не это было ее главным достоинством. Это было, скорее, недостатком, ибо вносило в жизнь Катюши, которая была более склонна к ленивому спокойствию, излишние осложнения с мужчинами, от которых не было отбоя, приходилось постоянно лавировать, выкручиваться, попадать впросак,

выслушивать объяснения. Катюшу, как женщину совершенно нетемпераментную, отлавливающую при всяком удобном и, чаще, неудобном случае скорее из любопытства и по доброте душевной, чем из страсти, это несколько нервировало. Например, в тот самый момент, когда Митя солидно беседовал с Учителем об отличии идеологии от науки, Катюша, только что имевшая свидание с Учителем, вынуждена была отлавливать своему научному руководителю, молодому кандидату наук, в ванной. И это было очень неудобно, — ванна была малюсенькая, еле повернуться. И рискованно, так как в любую минуту кто-то мог обнаружить, что ванная заперта на крючок, и выразить по этому поводу недоумение. Но обычно все кончалось более или менее благополучно.

Главное достоинство Катюши состояло в том, что она была покладистой, доброй, нездоровой женой, готовой принять мужа с любыми внешними данными и любым мировоззрением, лишь бы он смог обеспечить ей со временем необходимый минимум комфорта и удовлетворения ее примитивного тщеславия. И лишь бы он не терзал ее дурацкими подозрениями. Митя был именно таким человеком, ниспосланным ей самой судьбой за ее необыкновенные достоинства. Учитель, к которому она однажды заявила сама и осталась у него ночевать, совершенно не отвечал ее здравому идеалу. Хотя он был интересный мужик (не чета хлюпику Мите), веселый остроумный, бесшабашный, талантливый и относительно прeusпевающий, Катюша почуяла в нем некую фундаментальную ненадежность. Митя же был для нее зримым воплощением именно житейской стабильности. Она мало верила в научную карьеру Мити, рассматривая это как некий предварительный шаг. Она знала, что Митя, как человек рассудительный, со временем одумается и примет верное решение.

Лапины сняли однокомнатную квартиру. Денег им хватало. Помимо стипендий, они получали от родителей столько, что имели в целом сумму, равную зарплате кандидата наук. Жили весело. Почти всегда гости. Разговоры. Выпивки. Но не пьянки, а именно выпивки — ужины с несколькими бутылками вина, приносимыми гостями. И пили в основном сами гости. Митя пил мало, а Катюша и того меньше. Хотя о сборищах у Лапиных по факультету ходили всякие слухи, последствий это не имело, так как подобные сборища в то время были обычны. Кроме того, было известно, что добрая половина гостей Лапиных — стукачи.

Каналы карьеры

Подобно тому, как в армии есть общевойсковые командиры и командиры родов войск, так и в деле карьеры есть карьеристы широкого и узкого профиля. Карьеристы широкого профиля идут путем общепартийной или партийно-представительной работы (секретари парторганизаций учреждений, райкомов, горкомов, обкомов и т. п.). Желающих идти этим путем много, но выбиваются на него немногие. Общая цифра таких выбившихся по стране колоссальна. Она невелика сравнительно с числом претендовавших.

Отбор на общепартийную карьеру производится самый тщательный и по многим параметрам, — это святая святых системы воспроизводства власти партии. И именно потому, что отбор производится многими лицами и инстанциями и по многим параметрам, отбирается самый средний и заурядный человек с безупречной анкетой. Здесь происходит нечто подобное тому, как если бы устроили соревнование по ста видам спорта, то чемпионом оказался бы весьма посредственный с точки зрения отдельных видов спорта человек. Когда впоследствии Митя сделал попытку встать на путь общепартийной карьеры, она сорвалась из-за того, что он уже заимел репутацию талантливого ученого.

Идеологический канал по отношению к общепартийному есть канал второго ранга и в известной мере узкопрофессионален. По этому каналу выбиваются в самые верхи, но довольно редко. От силы — в фигуры второго ранга (заведование отделом

в ЦК, секретарь ЦК по идеологии/. Зато этот канал имеет самое малое число ступеней. Зато эти ступени здесь проходят быстро. Здесь через три-четыре ступени можно вознестись довольно высоко. Например, заведующий кафедрой — заведующий отделом в газете — редактор — секретарь ЦК; или старший научный сотрудник — заведующий отделом института при ЦК — директор института — член ЦК и заведующий отделом ЦК. И материальное благополучие здесь приходит сразу. И почет. И ступени. И звания и т.п.

Канал партийного аппарата отличается от общепартийного как штабной путь военной карьеры от командного. Карьеристы общепартийного канала избираются в партийные бюро, на районные, городские и партийные конференции, на партийные съезды, избираются секретарями бюро, райкомов, горкомов и т.п., членами ЦК и Политбюро. Хотя эти выборы суть липа с западной точки зрения, они факт с нашей точки зрения. Формально это — выбор. Члены же партийного аппарата отбираются на обычных основаниях. Строго, по особым признакам. Но формально не выбираются на собраниях. Многие из них также и выбираются. Но не в этом их дифференция специфика. Этот канал карьеры сам по себе тоже редко выводит в самые верхи иерархии власти. Чтобы подняться туда, надо так или иначе перейти в канал представительско-партийный. Но этот канал с первых же шагов дает отобранным лицам материальное благополучие, привилегии, чувство превосходства, власть. Например, выпускник философского факультета, отобранный на самые низшие должности в аппарат ЦК, скоро приобретает такую силу, что даже ректоры университетов и директора институтов с академическими званиями ходят перед ним на цыпочках.

Но работа в аппарате имеет свои недостатки. Это действительно тяжелая работа. Так что не случайно многие работники аппарата уходят на более легкую преподавательскую и научную работу. Здесь все время надо быть начеку и не срываться. Некоторые уверенные в себе карьеристы используют работу в аппарате лишь как удобный переходный этап или трамплин. Отсюда легче попасть в директора и в академики, например.

В аппарат люди уходят тихо и незаметно. Отбор людей туда не афишируется. Отбираются туда люди не то чтобы способные и не то чтобы очень серые, а такие, чтобы могли выполнять чиновничье-бюрократические функции и чтобы были надежными по иным критериям, ибо в аппарате приходится иметь дело с реальной властью и делами важными. Многие /если не все/ работники аппарата ЦК в известной мере суть сотрудники КГБ или в контакте с последними. Так что иногда бывает нельзя узнать, является такой-то твой знакомый сотрудником КГБ или аппарата ЦК. Митя, например, попав впоследствии в аппарат ЦК, занимался делом Учителя по поручению КГБ. И вместе с тем, он тем самым выполнял свои прямые обязанности в своем отделе.

Взлет либерализма

Описываемые события происходили в эпоху, когда началась и крепла либерализация советского общества. Вышла в свет первая /и последняя/ книга Солженицына. По всей стране гремели песни Окуджавы и Галича. Возбуждающие спектакли ставили в Театре на Таганке. В страну устремилась масса иностранных туристов, а советский туризм за границу становился обычным делом. Западные фильмы заполнили экраны советских кинотеатров. Заграничные вещи становились привычными. Международные конгрессы всякого рода происходили чуть ли не каждый месяц. Неизмеримо возросли возможности публикаций. Ослабили цензурные ограничения. Даже в философии публикации без ссылок на классиков марксизма стали обычными. Новые люди вылезли на арену истории и потеснили деятелей сталинского периода. Слушание передач западных радиостанций и чтение «самиздата» стало признаком хорошего тона. Конечно, кое-кого сажали, кое-кого

зажимали, кое-кого убирали бесшумно, но уже далеко не в тех масштабах, как ранее. Причем, о таких случаях говорили.

Так что стоит ли удивляться тому, что и Митя поддался общим либеральным настроениям. Катюша поддакивала этим настроениям. Она чувствовала, что пока это можно и нужно, ибо сейчас без этого даже в аспирантуру не возьмут. Она знала, когда надо будет остановиться. А в том, что остановиться придется, были уверены все. Никто еще не знал, когда именно это следует сделать. Многие пытались начать это с самого начала, и терпели крах. А Катюша знала твердо одно: вся эта либеральная вонь прекратится сама собой или обнаружит подлинное лицо советской жизни замаячат настоящие люди, в сравнении с которыми либералы будут выглядеть в своем натуральном виде. И сейчас такие люди мелькают, но пока они выглядят случайными политическими скандалистами. А главное, знала Катюша, либерализм кончится, как только либералы сами нажрут до отвала и обретут все желанные блага.

Такие мысли Катюше высказывал Учитель еще в то время, когда она похаживала к нему. И во время сборищ у Лапиных. Если хотите точно судить о нашей ситуации, говорил Учитель, глядите за мной. Мое положение — точный барометр социальной погоды. Сейчас я кафедрой заведу. Книжка новая выходит. Но... Когда книжечка Учителя вышла, она разошлась в несколько дней. И сразу насторожила всех. Реакционеры злорадствовали: глядите, мол, до чего докатились! Либералы испугались: из-за него нам худо будет! Пошел слух, что в «Коммунисте» готовят погромную рецензию. Но либерализм еще был силен. В философском журнале дали на книжечку Учителя сдержанную, но в общем положительную рецензию. В «Коммунисте» все-таки вышла погромная рецензия. Учителя освободили от заведования кафедрой. Но это произошло несколько позже, когда Митя уже взял от либерализма и от Учителя все, что ему нужно было. Назначение его исполняющим обязанности заведующего вместо Учителя он воспринял как должное. И как сигнал.

Банкет

Это было время банкетов. Банкеты устраивались по всякому поводу. И стоили не очень дорого. Повышение цен на продукты питания и инфляция начались несколько позднее. Кроме того, люди еще не имели средств на более значительные траты, так что могли потратиться на банкеты. Лапины по поводу окончания факультета устроили градиозный банкет. Митя с блеском защитил диплом и был оставлен в аспирантуру на факультете. Катюша устроилась в аспирантуру в Педагогический институт. Тогда многие поступали в аспирантуру, ибо было принято решение поднять уровень науки на более высокую ступень и увеличить число докторов и кандидатов наук. Так что было ради чего раскошелиться. На банкет приехали все близкие родственники Лапиных и взяли расходы на себя. На банкете присутствовали влиятельные лица факультета, в том числе — сам декан и секретарь партбюро. Тогда это было можно. Антибанкетная кампания началась потом, когда сама банкетная эпоха стала сходить на нет из-за продовольственных затруднений и из-за решения несколько сократить слишком сильные темпы прироста числа кандидатов и докторов наук.

Банкет продемонстрировал полное единство в кругах интеллигенции, терпимость друг к другу, бескорыстное стремление двигаться вперед, творчески развивать и т.п. И это было искренне, ибо пока места хватало всем, жить становилось легче, различия почти не ощущались. Пройдет всего несколько лет, и будет трудно поверить, что за одним столом сидели все эти люди, чокались, подымали друг за друга тосты, обнимались и лобызались.

ЕВАНГЕЛИЕ ОТ ИВАНА

Русский человек

— Вы недооцениваете нашего брата, — говорит Степан. — Вот я вам расскажу три таких случая. Первый. Устроили у нас соревнования с местными жителями по разным видам спорта. Меня выделили бежать на пять километров. Каюсь, в жизни ни разу на такую дистанцию не бегал. Но захотелось мне прогуляться в город Братиславу, и я согласился. Приехали. Первым делом упились со страшной силой. Когда на утро пришли на стадион, руки-ноги тряслись. Выкурил я перед бегом пару папирос. И рванул. Все пять километров тренированные чешские спортсмены только мои пятки и видели. Второй такой забег я, конечно, не смог бы учинить. Но один этот раз сделал дело по высшему разряду. А в это время мой приятель в бассейне рекорд ставил. Вы же знаете, как мы, русские ребята, плавать учились. Смех один. В лужах да прудах, где воды-то по колено. Вершина плавательной техники — саженки. Ну, мой приятель и задал там всем гонку саженками. По пояс из воды выскакивал, махал. И обошел соперников метров на пятьдесят. А те за ним кролем гнались. Третий случай произошел в тот же день, ночью. Там еще бардаки сохранились. Тайные, конечно. Один сапер и нашел такой бардачок напару с приятелем. Захватили с собой бутылку шнапса. Выпили перед заходом для храбрости. Зашли к «девушкам» и начали работать. Представляете, как они работали, если через час эти закаленные шлюхи вылетели на улицу голыми с воплями: «П..да капут!!» Мораль? В нас, в русских, есть еще нерастратенная сила. Мы еще способны явить миру чудеса, помяните мое слово!

— Да, мы удивительный народ, — говорит Он. — Довелось мне не так давно подрабатывать в одном почтенном журнале в отделе писем. Ответ на письмо, и пятерка в кармане. Жить можно. По благу устроили. И вот дали мне для подготовки ответа письмо одного пенсионера, старого члена партии, награжденного многими орденами. Он пишет, что он в последнее время стал изучать московские помойки и был потрясен тем, как много хороших продуктов выбрасывают москвичи. А там, на Западе, безработица, тяжелое положение трудящихся, дискриминация и все такое прочее. Вот он и подумал, а что если предоставить московские помойки голодающим рабочим Запада?! Представляете? Так и написал буквально: предоставить московские помойки голодающим рабочим Запада! Русский человек, между прочим.

— Ну и что же ты ему ответил, — спросили в один голос мы.

— Ответил, что он — кретин и м...к, — сказал Он. — И, разумеется, лишился шикарного приработка.

— А где ты сейчас?

— Устроился в школу. Преподаю астрономию, военное дело и, представьте себе, логику и психологию. Ах, если бы вы знали, какой это редкостный идиотизм. Слава богу, все /и ученики и учителя/ это понимают.

— Логику и психологию ввели в школе по указанию Сталина.

— И раздельное обучение тоже.

— Если бы только это!..

— А у нас в квартире,— говорит Витя,— женщина жила. Средних лет. Одинокая. Когда была денежная реформа, она повесилась. Так у нее весь матрац был набит деньгами. Несколько миллионов. Пропали, конечно, все. Но откуда она их достала? И зачем ей столько? А жила плохо, как и все мы. Вот вам тоже русский человек.

— Когда началась война,— говорит Степан,— к нам в часть заехала машина. Полный кузов мешков с деньгами. Шофер умолял принять деньги и дать ему какую-нибудь расписку, что он сдал. Наш начфин принял деньги. И расписку дал. А потом нам самим драпать пришлось. Так начфин закопал деньги где-то в лесу. И у него сил не хватило оставить их и идти с нами. Так и остался там. Его немцы, как мы узнали потом, приняли за политрука или за шпиона. И повесили недалеко от того места, где он деньги закопал.

— А деньги?

— Кажется, кто-то украл их.

— Да,— говорит Костя,— вот бы нам сейчас сюда мешочек!

И все же

Мы говорили о любви и дружбе, о предательстве, подлости, доносах, изменах и т.п. А Он помалкивал. Потом выдал нам такой экспромт.

Становится страшно, послушаешь вас.

Коль любит — изменит. Коль дружит — продаст.

Увидишь — в улыбке скривились уста,

Запомни: идет за тобой клевета.

Помочь обещают в худую годину,

Запомни: удар приготовили в спину.

И слышу, и слышу, и слышу теперь я;

Не помню! Не вижу! Не знаю! Не верю!

Но стойте! Вокруг оглянитесь, о други!

Шагают влюбленные, взявшись за руки.

Бегут ребяташки, и «зайки», и «лапы».

Восторженно смотрят их мамы и папы.

Вон взрослые люди кружком заседают,

Проблему тревожную вместе решают.

И слышится правда порою, не лезть.

Пусть будет, как было!

Пусть будет, как есть!

Конспирация

— Я достал интересную книжечку,— говорит Витя. — Могу дать почитать. Только чур, хранить конспирацию. А то, сами понимаете...

— Что за книжечка,— спрашивает Степан. — Чушь, небось, какая-нибудь заумная. Ой! Я бы на твоём месте такими штучками не баловался. Лет десять можно отхватить!..

— Вспоминаю один смешной случай,— говорит Он. Еще до войны было. Достали ребята у нас в институте Замятина «Мы». Не читали? Любопытная книга.

Для конспирации условились называть книгу колбасой, а вместо слова «прочитал» говорить «съел». Встречаются на другой день в коридоре. Так при всех и спрашивает один другого: ты, мол, колбасу, которую я тебе дал, съел? Конечно, отвечает другой. Ну, в таком случае передай ее Сидорову, говорит первый. Слушавший разговор стукач заподозрил неладное, донес куда следует. Ребят, конечно, поймали. Дали по десятке.

— У нас в доме, — говорит Витя, — жил старый большевик. Большой любитель книг. Собирать их начал еще с прошлого века. Конечно, он хранил сочинения Троцкого, Бухарина, Зиновьева и прочих врагов народа. Он даже газеты и журналы тех лет хранил. Старуха у него умерла. Он один остался. Однажды он попросил нас помочь ему навести порядок в его библиотеке, — пыль почистить, хлам всякий выкинуть. А человек он был преданный. И решил, что от врагов ему очиститься пора. Вот он и выбросил в хлам все их работы, включая даже Плеханова. Мы все это добро таскали на помойку. А те книжки, что в приличных переплетах, растащили сами к себе домой. Помойкой заинтересовались другие жильцы и тоже кое-что утащили, в основном — печку растапливать и стены оклеивать под обои. Кто-то донес об этом деле. Что творилось, смех! Дом окружили со всех сторон. Перевернули все вверх ногами. Старого большевика забрали. А зачем? Ему же все равно жить осталось немного. Нас потом больше месяца таскали. Мы все-таки кое-какие книжки зажали. Потом почитывали тайком, но ни шута не понимали. Единственный интерес в них был тот, что они запретные. Мы такую конспирацию развели. Явки, пароли. Нашелся, конечно, доносчик. Но ему почему-то никто не поверил. Игра наша заглохла сама собой. Книжки куда-то затерялись.

О любви

Мы часто говорим о женщинах. И почти никогда — о любви. Хватит о б.....е, — сказал Костя. — Давайте поговорим в конце концов о любви. О настоящей любви.

— Идет, — сказал Эдик. — Хотите анекдот? Старики, сами понимаете, в этих вопросах консервативны. Дети вперед уходят. Вот выдали родители дочку замуж за иностранца. В Париж уехала. Через год навестить приехала. Вот мать и просит ее рассказать, как там французы любовью занимаются. Дочка выложила ей кучу полезных сведений. Уехала к себе в Париж. А через месяц телеграмму получает: мол, приезжай немедленно, папа сломал шею, прыгая со шкафа.

— Ты, Эдик, ужасно вульгарный парень, — сказал Витя. — Вот я вам расскажу более изящную шуточку. Ты меня любишь, спрашивает она его. А что я по-твоему делаю, .. твою мать, отвечает он.

Степан хлопает глазами и спрашивает Витю, а что он на самом деле делает. Мы смеемся. Мы вступаем как раз в первую стадию опьянения /«забурения»/. Нам весело и радостно. Анекдоты на любовную тему сыпятся из нас, как из рога изобилия. Особенно силен на этот счет Витя.

— Идет женщина, — выдает Витя очередной «изящный» анекдот. — К ней подходит забулдыга и предлагает за рубль показать член необыкновенной величины. Женщина соглашается. Член действительно огромен. Ого, сказала женщина, представляю, какой же он должен быть в рабочем состоянии! О, мадам, сказал забулдыга, если бы он работал, разве бы я побирался за рубль?!..

А Он сказал:

Мы слишком мало про любовь

Толкуем, это да.

Заговорим, так даже я

Краснею от стыда.
Потребность тела. Как отлить,
Попить, поспать, пожрать.
Ну, в крайнем случае сперва
Могем чуть-чуть пожать.
Вон за границей, ходит слух,
Ушли в любви вперед.
Пускай покажут. Наш народ,
Быть может, переймет.
Так разве это все любовь,
Хотел я закричать.
Заткнись, щенок, сказали мне,
Не суйся поучать!
Видали мы без счета баб,
Чего таить греха.
И в этом деле что к чему
Мы знаем, ха-ха-ха!

Потом мы вступили во вторую стадию, сентиментальную и доверчивую. И стали рассказывать про своих первых женщин.

— Я потерял невинность,— сказал Костя,— представьте себе, в кино. Да, в кино. На дневном сеансе. Зал был почти пустой. Я подсел к какой-то бабе. В темноте даже толком не разглядел, старая или молодая. Начал шарить. Она не сопротивлялась, скорее наоборот. В общем, мы пристроились на полу сбоку. И я был сразу готов. Мне стало стыдно, я в темноте потихоньку смылся от нее. Вот и все.

— А мы с девчонками играли в «папы-мамы»,— сказал Эдик.— Одна девочка постарше, видать, уже была того... Так она нас и обучила всему, что нужно. Причем, довольно толково. Сколько ей было? Не больше четырнадцати...

— Я был вундеркиндом,— сказал Витя.— Однажды после концерта /детский концерт был/ пригласили меня к себе домой очень милые люди, муж и жена, тогда они мне казались пожилыми. А сейчас я, пожалуй, дал бы им не больше сорока. Они меня покормили. Вина дали. Ну, поиграл я им немного. Они еще мне винца дали. И затем взялись за меня напару. Сначала он ей помогал, потом она ему. Противно было, но немножко и приятно. Я потом похаживал к ним не раз, пока они куда-то не уехали. Но я на них не в обиде.

— А у меня,— сказал Степан,— все поизошло прозаично. Познакомились в местном клубе. Я тогда курсантом танкового училища был. Я пошел в атаку. Она ни в какую. Говорит, сначала женись, а потом сама дам. Ну, мы расписались. Потом я на фронт попал. Получил через некоторое время письмо. Написала, что полюбила другого и выходит за него замуж, а меня просит прислать согласие на развод. Я, конечно, послал. Вот и все.

— А ты любил ее?— спросил Он.

— А как же,— сказал Степан.— Я ее измену сильно переживал. Хотел даже, чтобы меня убили в первом же бою. Я ее до сих пор, стерву, люблю.

— А почему же стерву?

— Это так, для красного словца. А ты как расстался со своей невинностью? Если, конечно, она вообще у тебя была, ха-ха-ха!

— Я вам лучше расскажу одну историю...

— Ты вечно со своими историями. Кстати, чем кончилась та история? Помнишь, рассказывал про девчонку-медсестру? Ты тогда зажал...

— Не помню, о какой истории речь идет. И тем более не помню, чем она кончилась. Так будете слушать про мою «первую любовь»? В вашем смысле, конечно.

О первой и последней любви

— Я был тогда в запасной роте в одной авиационной школе. Нам, конечно, обещали, то мы вот-вот летать начнем, а между тем гоняли в наряды, в караул, на всякие работы. Однажды сел на вынужденную посадку самолет километрах в пятидесяти от аэродрома, — по маршруту летали, обрезал мотор. Нас троих послали туда караулить машину. Топали пешком. Места там — жуть. Не то чтобы степь, а так ерунда какая-то. Овраги, кустиков много. Ни леса, ни деревень. Дело к зиме. Грязь по колено. Ветер пронизывающий. И ни одной живой души. Спать и прятаться от непогоды нам предстояло в кабине и в фюзеляже самолета, в хвосте. Питаться — концентратами и сухарями. Хорошего, одним словом, мало. И не верьте тому, кто вам будет рассказывать романтические сказочки на этот счет. Вот Философ может подтвердить, что я прав.

Добрались мы до места. Освоились. В самолет травы натаскали. Источник воды нашли. Нечто вроде печки оборудовали в ямке неподалеку. Решили обследовать окрестности. А вдруг что-нибудь любопытное обнаружится?! И обнаружили! Километрах в трех в низинке за кустиками видим — стройка какая-то. Бараки сколачивают. Проволокой обтягивают вокруг. Мы туда. Что, мол, такое? Солдат, пожилой мужик, указал на толпу полураздетых женщин и сказал, что тут будет лагерь для «венерических потаскух», главным образом, для «сифилитичек». Мы заинтересовались, что это за «сифилитички». Подошли поближе. Ох, братцы, если бы только вы увидели, что тут началось твориться! Брань. Слезы. Проклятия. Мольбы. Угрозы. Скабрезности... Никогда потом я не видел картин человеческих несчастий страшнее этой. И тут я увидел Ее. Понимаете, Ее! И вижу Ее с тех пор всю жизнь. И буду видеть до последней минуты. Ее, только Ее, одну Ее и никакую другую.

Что дальше? А дальше поделили мы с ней мои продукты. Отдал я ей мою самодельную телогрейку. Ребята уступили нам фюзеляж. Я знал, что Она больна. Она знала, чем это для меня кончится. И все же я эти дни и ночи, ребята, не сменяю ни на какие годы любого современного секса. А Ее и память о ней не сменял бы на тысячу лучших красавиц мира. Чем все это кончилось? Мне пришлось стремление уклониться от фронта таким весьма своеобразным способом, хотя фронтом для нас в запасной роте и не пахло.

ЗАТЕЯ

Из дневника Мальчика

Скажи, говорю я, что из себя представляет твой Жених? Умный парень, говорит она. Спортсмен. Свободно владеет английским. Воспитан. В общем, типичный продукт новой наследственной аристократии. А каковы ваши отношения, спрашиваю я. Неужели ты до такой степени наивен, удивляется она. Чудак! Сейчас же двадцатый век на исходе. Молодежь во всем мире... Плевать мне на то, что делает молодежь во всем мире, говорю я, и на то, что двадцатый век кончается. Жизнь-то, она все равно одна. Вот именно, говорит она. А как твои родители смотрят на это, спрашиваю я. Нормально, говорит она. Наши родители друзья. Мои родители рассчитывают на то, что мы поженимся. А его родители, спрашиваю я. Не знаю, говорит она. Думаю, что им это не очень-то нравится. Они рассчитывают на большее. С ним учится дочка какого-то министра... Ничего себе, возмущаюсь я. За что боролись?! А если ты для него лишь времяпровождение. Тренировка на мужчину, так сказать... Дурак, говорит она спокойно. Ну и что? Регистрацией брака теперь никого не удержишь. Я не об этом, говорю я. Странно мне все это.

Этот разговор выбил меня из колеи. Я до позднего вечера проходил по улицам, не находя себе места. Было обидно, грязно, тревожно. Мать набросилась на меня, когда я пришел домой. Я соврал ей что-то насчет собрания. И первый раз не приготовил домашнего задания.

О речи Вождя

Состоялся обычный исторический съезд Партии. Был обычный грандиозный треп до, во время и после съезда. Вождь зачитал обычный гениальный доклад, внеся очередной выдающийся вклад в сокровищницу марксизма-ленинизма. Доклад напечатали во всех газетах и журналах, издали отдельной брошюрой стомиллионным тиражом, десятки раз передавали по радио и телевидению, выпустили в специальной стереофонической грамзаписи, изучали в сети политпросвещения, включили в списки обязательной литературы к любым экзаменам. Ссылки на доклад Вождя стали обязательными во всех публикациях и устных выступлениях. И никого это даже не удивляло. Все воспринимали это как неотвратимое явление природы, подобное наступлению холодной дождливой осени — предвестницы бесконечно длинной зимы с грязным снегом и продовольственными затруднениями. Конечно, большое число людей наживалось на этом. Но и они не испытывали особых эмоций, потому что все равно нажились бы на чем-нибудь другом.

Но одно место в речи Вождя было необычным. Для подавляющего большинства людей оно тоже выглядело как обычная демагогия. Лишь немногие заметили его грозную необычность. Мы уже построили материально-техническую

базу высшей стадии коммунизма, сказал в этом самом месте Вождь. Но общественное сознание отстает от нее. И наша насущная задача теперь — ликвидировать это отставание, привести общественное сознание в полное соответствие с материально-техническими предпосылками коммунизма. Без этого мы не можем установить производственные отношения полного коммунизма. Задача эта не из легких. Решение ее потребует от нас огромных усилий, выдержки и жертв. Да, жертв! /Здесь речь Вождя была прервана бурными аплодисментами/. Мы должны со всей ясностью осознать, продолжал Вождь, что решение этой задачи методом постепенного перевоспитания людей может растянуться на многие десятилетия. Такое положение нас не может устроить. Мы обязаны решить эту задачу в кратчайшие сроки, используя мощные достижения современной науки и техники. Мы не можем ждать милостей от истории. Взять их у нее — вот наш девиз. /Опять бурные аплодисменты, возгласы «Давно пора!», «Наконец-то!» и т.п./.

Вскоре после съезда состоялся закрытый пленум ВСП специально по этому пункту доклада Вождя. На пленуме создали чрезвычайную комиссию по претворению решения съезда о ликвидации упомянутого отставания общественного сознания. Председателем ее назначили Начальника ОГБ.

Разговоры и дела

Ученику нравилось ходить к Бородатому. Там часто собирались разнообразные люди и вели интересные разговоры. Вот и сейчас, например, идет такой разговорчик, что если бы Ученик не слышал его своими ушами, он ни за что не поверил бы, что такое может иметь место безнаказанно. Направленность нашей революции против помещиков и капиталистов — это только маскировка, говорит средних лет красивая полная женщина /теперь такие не в моде, подумал Ученик, а зря/. Много ли их было? Основные жертвы революции — самые деловые, культурные и образованные слои общества. А это десятки миллионов. Вот против них революция и обернулась фактически. Ну и что, говорит Очкарик. Это естественно, ибо они и были фактической опорой строя. Помещики и капиталисты /последних можно было исключить, если строго говорить/ были лишь носителями строя. Вот представь себе, что нужно сейчас свергнуть существующий у нас социальный строй /подчеркиваю, социальный строй, а не просто власть!/. Ты думаешь, для этого достаточно уничтожить партийных, государственных, административных руководителей?! А ведь именно лишь они носители строя. Конечно, нет. Нужно уничтожить еще десятки миллионов всякого рода людишек, на которых все это держится. Что это? Аппарат ВСП, ОГБ, министерств, академий, союзов и т.д. А сколько народу живет у нас припеваючи, не будучи ни в каком аппарате. Вот таковы дела. Так что, уважаемые, массовый террор после революции есть естественное явление, раз речь идет о социальной революции. Должно было произойти полное обновление не только аппарата власти, но и всего социального организма. Выходит, что массовые репрессии были оправданы, сказала Красавица. Не оправданы, сказал Очкарик, а естественны. Это — раз. А что два, спросил Лысый. А два, сказал Очкарик, это — складывание нового общества, которое наложилось на ломку старого и тоже приняло форму массовых насилий, ибо рождающееся общество по натуре было волонтаристским. Надо различать насилие и насилие, — насилие революции и насилие стабильного существования того, что родилось в результате революции.

Из записок Писателя

Я встретился со своим старым другом, профессором Университета. Что новенького, спросил я. Будут, очевидно, сажать, сказал он. Причем, довольно широко. Это ясно, сказал я, если сажать, то широко. У нас если сажают не очень

много, это не считается сажанием. Но почему ты думаешь, что будут? Зачем им массовые репрессии? Они же теперь бессмысленны! Как зачем, удивился Профессор. Обещанный рай никак не получается. Людей кормить, одевать надо. Дома им тоже нужны. А где взять? Провал за провалом. Дорогие международные авантюры. Коррупция. Нелепые привилегии. Недовольство. Диссидентов до сих пор задушить не могут. Рабочие местами что-то вроде забастовок устраивают. А Великие Стройки?! А хозяйство в отдаленных районах?! А сельскохозяйственные работы?! Дорогой мой! А химические и прочие вредные предприятия?! По самым скромным подсчетам нам нужно минимум двадцать миллионов дешевой /если не даровой!/ рабочей силы, покорной к тому же воле нашего склонного к нелепым экспериментам руководства. А как эти миллионы изъять из общества? Как ими управлять? Как их перемещать? Опять новые миллионы. И опять не очень-то добровольные. Какая ужасающая проза, сказал я. А ты хочешь, чтобы у всей этой мрази была глубинная мистическая основа вроде одержимости идеями, сказал Профессор. Так ее и тогда, между прочим, не было. Мы-то об этом знаем достаточно хорошо. Но ты же не будешь отрицать, что в этом есть рациональный расчет, сказал я. Буду, сказал Профессор, замысел есть. Но замысел не есть нечто рациональное. Он идет именно от отсутствия разума. Тут нет ничего, кроме желания удержаться у власти, потешить тщеславие, сохранить и умножить привилегии. Ладно, сказал я. Пусть так. Сажать! Но кого? Это не проблема, сказал Профессор. Хотя бы тебя. Меня. Диссидентов. Остряков. Болтунов. Просто молодых людей, способных работать. В Стране накопилась огромная армия скрытых безработных. Проблема не в том, кого сажать, а в том, как сажать. В какой форме. Нужно, чтобы народ сам это поддержал, проявил заинтересованность и затем сделал бы это своими руками. А наладить такой процесс не так-то просто. Раньше было проще. Была революция, гражданская война, вторая война. Были реальные враги. Были объединяющие формулы. Было много свободных мест в системе нарождающейся власти. Были, наконец, иллюзии. А теперь? Что, например, получают твои братья-писатели, если тебя посадят? Не надо меня сажать, сказал я шутя. Я уже старый. И не выдающийся, а самый серый. Но если уж они начали думать в этом направлении, сказал Профессор, то что-нибудь придумают. Вернее, если дело тронулось в этом направлении, то что-то придумается само собой. Вчитайся, между прочим, в доклад Вождя. Послушай только: наука справляется с космосом, с атомами, с хромосомами, а с человеческим сознанием не сможем, что ли?! Прикажем, и справятся. А ты знаешь, как у нас такие лозунги претворяют в жизнь. Конечно, к науке они относятся с почтением. Но искренне они верят только в одно: в насилие.

От этого разговора мне стало нехорошо. Я срочно отправился домой, собрал все мои заготовки для нового романа /единственного честного романа, который я решил написать не для печати, а для себя/ и упаковал их в один более или менее компактный пакет. Надо немедленно спрятать, решил я. Мысль об уничтожении мелькнула, но я отогнал ее: было жаль многих лет труда и, главное, продуманного. А где спрятать? Мир велик, а спрятать в нем что-либо негде. Трудно найти спрятанное, но спрятать неизмеримо труднее. Я перебрал в памяти всех знакомых и к ужасу своему констатировал, что лишь немногим из них я мог бы доверить рукопись. Но эти немногие попадутся в первую очередь, если волна посадок распространится немного шире. И пока я колебался и ломал голову над вопросом, где спрятать рукопись, ко мне пришли.

Реальное и фиктивное

Ни по радио, ни по телевидению, ни в печати Страны не было, конечно, сообщения о возникновении КГ. Жители Страны узнали о нем только из сообщений враждебных «Голосов». Зато всю неделю средства информации были заполнены сообщениями о создании Комитета защиты прав коренного населения Дрянляндии.

За несколько дней в этот Комитет вступило столько человек, что число его членов втрое превысило число жителей Дряньландии, борющейся за освобождение от мирового империализма. Комитету отвели новое десятиэтажное здание как раз напротив ямы, которую выкопали под фундамент для монумента Идеолога. Комитет немедленно установил международные связи и послал своих представителей в двадцать две уцелевшие страны, в которых раздавались отдельные голоса в защиту коренного населения Дряньландии, вымершего сто лет тому назад. Все знали, что этот новый Комитет есть лишь новый отдел ОГБ и новый способ заслать наших людей на Запад с самыми различными целями, не имеющими никакого отношения к Дряньландии. На Западе иронизировали по поводу этого Комитета, но смотрели на его деятельность сквозь пальцы. Зато когда КГ обратился в правительство с просьбой зарегистрировать его и разрешить его официальное существование, и правительство, конечно, отказало, и на Западе заговорили об этом, то на этом же Западе поднялся невероятный шум против «вмешательства во внутренние дела Страны». Странно, сказал по сему поводу Математик, мне несколько не страшно и не обидно, если нас разгромят и ликвидируют. Но когда я смотрю на поведение Запада по отношению к нашей Стране и ко всему, что с ней связано, мне становится до слез обидно и по-настоящему жутко. Что за идиоты! Они сами лезут в пасть удаву.

Как только КГ обратился в правительство с намерением легализоваться, с его организаторами стали происходить странные неприятности. Математик был трижды в течение месяца доставлен в отделение милиции якобы за хулиганство в нетрезвом виде. Физик был избит неизвестными лицами на глазах соседей в подъезде своего дома. Неизвестные не скрывали, что они из ОГБ, и советовали соседям не лезть в чужие дела. У Философа сначала отключили холодную воду, затем горячую. И вызвали в комиссию по трудоустройству. У всех отключили телефоны. Обо всем сообщали враждебные «Голоса». Однако произошло чудо: членов КГ не посадили и на какое-то время даже оставили в покое. Никакого чуда нет, сказал Философ. Все очень просто: если они нас прихлопнут, на Западе прихлопнут по крайней мере двадцать наших действительно шпионских и подрывных центров.

Вскоре КГ выпустил первый номер Хроник. В нем были изложены цели комитета, помещены материалы, связанные с попыткой легализоваться, вернее — получить официальное признание, описаны все злоключения организаторов Комитета за последнее время. В номере опубликовали также медицинские справки, выданные в свое время организаторам Комитета в поликлиниках учреждений, в которых они работали. Это было весьма своевременно, так как Математика уже собирались поместить в психиатрический диспансер для принудительного лечения. Но главным материалом номера была статья с анализом экономической ситуации в Стране и прогнозами на ближайшее будущее. Статья была подписана именем «Экономист». Она целиком и полностью основывалась на официальных источниках. Номер произвел сильное впечатление. И уже на другой день его содержание передавалось по всем «Голосам». Немедленно вышли переводы. Западные специалисты дали необычайно высокую оценку статье Экономиста.

Из дневника Мальчика

Мы с другом мотались по проспекту Космонавтов и встретили их. Они предложили зайти в кафе. Другом без слов вывернул карманы. Жених сказал, что он угощает. Мы согласились. Сидеть в кафе, пить минеральную воду и даже вино, есть отличное мороженое, вести умную беседу, — занятие, конечно, приятное. Не часто такое перепадает. Но мне было грустно. Как ты попал в Институт Международных Отношений, спросил Друг у Жениха. Там же конкурс жуткий. С медалью, да? Я не

идиот медаль зарабатывать, сказал Жених. У нас в школе медалистов вообще не жаловали. А конкурс — это для отвода глаз. Для дураков. Там отбор идет по другим принципам. Связи, родители, сказал я. И пожалел об этом. Мне стало стыдно. Конечно, не смутился Жених. И связи, и родители. Но этого мало. Нужно многое другое. Что? Ну, например, внешность. Знание языков. Умение держать себя. Умение очаровывать женщин, завоевывать дружбу мужчин. И держать язык за зубами. А как же принципы, сказал Друг, глупо хихикнув. Какие принципы, изумился Жених. Ты что, думаешь, что в дипломатии нужны тригонометрия и неорганическая химия? Нельзя же всем быть дипломатами, балеринами, космонавтами. Такова жизнь!

Мы слегка захмелели. Жених сыпал анекдотами. Я запомнил всего один. У телохранителя американского Президента спросили, отдаст ли он жизнь за Президента, и тот ответил, что нет. Почему, спросили его. У меня семья, ответил он. Спросили и у телохранителя нашего Вождя, отдаст ли он жизнь за Вождя, и тот ответил, что да. Почему, спросили его. У меня семья, ответил он. Из кафе вышли в одиннадцать. Расплачиваясь, Жених дал официанту приличную сумму «на чай». Ого, сказал Друг. Это, между прочим, тоже входит в качество будущего дипломата, сказал Жених. Ну, это ты брось, сказал Друг. Наши дипломаты на Западе жмотничают и по ресторанам не ходят. Дипломаты всякие бывают, сказал Жених многозначительно. Корчит из себя персону, сказал Друг, когда мы расстались с ними. А что же ты перед ним заискивал весь вечер, спросил я. Друг не ответил.

Предварительное совещание

Директор Института проблем личности /ИПЛ/ легко, но сытно поужинал, посмотрел спортивные новости, принял успокаивающий душ с ароматным витаминизирующим экстрактом, надел привезенный недавно из Парижа роскошный халат, взял томик Руссо и направился в спальню. Спальня — предмет особой гордости Директора. Такую спальню имеет не более пятидесяти человек в Стране. Эти пятьдесят спален были изготовлены по специальному правительственному заказу в Финляндии. Президент этой дружественной, но все еще суверенной державы был специально вызван в Столицу Страны, где высокие договаривающиеся стороны и подписали договор на эти спальные гарнитуры, опубликовав совместное коммюнике на другую тему. Несколько гарнитуров досталось по разнарядке Объединенной Академии Наук /ОАН/.

Собственно говоря, Стране требовался всего один гарнитур такого рода. Престарелая супруга одного из влиятельных министров, просматривая запрещенный в Стране /как порнографический/ журнал, увидела в нем великолепную цветную фотографию спальни по последнему слову сексологии. На широкой штуковине, называемой у нас по старинке кроватью, лежала голенькая девица в такой позе, что целомудренный Министр застыл в оцепенении и целый вечер не мог оторвать от нее глаз. Рядом с девицей стоял голый узкоплечий волосатый /ну и вкусы! / молодой человек с великолепными зубами /навверняка искусственные! / и с откровенным намерением насчет девицы /вот идиоты, от жиру бесят!/. Ткнув толстым коротким волосатым пальцем в картинку и ощерив рот, свидетельствующий о том, что проблемы зубологии еще не стали в Стране предметом внимания расширенного Пленума ВСП, супруга сказала Министру, что она хочет такую же. Министр, облизнувшись на девицу, сначала было подумал бог знает что насчет желания своей выжившей из ума на старости лет супруги. Да, слишком поздно у нас приходит признание способностей и заслуг! Слишком поздно назначают на высшие посты! Скинуть бы хотя десяток лет! Мы бы тогда! Когда же до него дошло скромное желание супруги иметь всего-навсего спальный гарнитур, Министр даже пукнул от разочарования: такой пустяк! Но чтобы не было лишних разговоров, заказали на всякий случай полсотни гарнитуров.

В Президиуме ОАН долго решали, кому выдать /именно выдать, ибо плата пустяковая, не в счет/ гарнитуры, выпавшие на долю Академии. И выбор среди прочих пал на Директора. Еще бы: молодой академик, талантливый ученый с мировым именем. О том, что Директор — зять первого заместителя Председателя Кабинета Министров /ПКМ/, умолчали, ибо это обстоятельство никакой роли в решении членов Президиума играть не могло.

Одно омрачало обычно прекрасное расположение духа Директора: мысль о том, что в эту великолепную, по последнему слову сексологии сделанную спальню войдет преждевременно растолстевшая и постаревшая жена, а не молоденькая девочка. Эх, сейчас бы сюда секретаршу! Нет, лучше бы ту молоденькую дипломницу! Надо будет ее взять на работу. А с секретаршей пора кончать. Слишком обнаглела, стерва! Завалившись на широченную и страшно неудобную для нормального сна кроватееобразную штуковину с многочисленными приспособлениями для любовных развлечений, Директор раскрыл томик Руссо. Считая себя крупнейшим теоретиком по проблемам личности, сомасштабным по крайней мере Руссо, Директор давно порывался почитать довольно скучные и давно устаревшие сочинения этого автора, но засыпал на первой же странице. Что поделаешь. За день наматывается до такой степени на разных заседаниях, совещаниях, собраниях и т.д. и т.п., что не до этих /черт бы их побрал!/ дурацких проблем личности. Личность — это я, Директор! И проблемы личности — это мои, директорские проблемы! Ладно, пару лет подожду, а там перейду на заведование Отделением ОАН. А там... И Директор заснул, выронив томик Руссо в ящичек, предназначенный для предметов совсем иного рода.

Но поспать Директору на сей раз не удалось. Раздался звонок, и в квартиру вошел человек с пакетом. Он попросил разбудить Директора, а того — вскрыть пакет, прочитать его содержимое, расписаться в книге, указав точное время прочтения, и вернуть пакет обратно. В пакете было уведомление: предлагается вам немедленно явиться на совещание, которое... Сказав жене, чтобы не беспокоилась и не ждала, Директор быстро оделся. У подъезда их ждала черная «Ласточка». И они помчались в один из закрытых районов около Столицы, в которых размещены секретные службы ВСП и ОГБ. Директор знал о них, но бывать там ему до сих пор еще не приходилось. При входе в здание Директора обыскали, взяли подписку о неразглашении всего, что он здесь увидит и услышит, заставили поставить свою подпись в конце чистых бланков. Директор удивился, зачем это. Ему сказали, что здесь это положено. Войдя в просторное фойе, Директор увидел множество известных ему лиц. Некоторых из них он знал лично. Директор Института Научного коммунизма /ИНК/. Президент ОАН. Директор Института Психиатрии /ИП/. Председатель Союза Писателей. Редактор философского журнала. Ведущий в Стране химик-органик, академик. Вон показался сам начальник ОГБ. Зачем нас собрали, спросил Директор у Редактора. Понятия не имею, ответил тот. Может быть, война!

Рабочие будни

Рабочий день всякого учреждения начинается с трепя, сопровождается трепом, прерывается трепом и завершается трепом. Первым делом сотрудники рассказывают друг другу новости глобального значения, услышанные ими по враждебным «Голосам» или от других, слушавших эти самые «Голоса», слухи и сплетни. Затем /главным образом — в обеденный перерыв и во время перекуров/ выкладывают новые анекдоты. Заканчивают день разговорами на внутриучрежденческие темы. Вот возьмем это день, например, этот типичный день. Ученик за пять минут до начала рабочего дня узнал, что американцы «пошли на уступку нашему руководству» и «продали наших диссидентов за нефть и газ», что

«мы погрязли в Африке» и «влипли в неприятную историю с компьютерами». Во время первого перекура Ученик узнал, что наш писатель-невозвращенец погиб в автомобильной катастрофе /«ОГБ устроили»/, что во Франции поймали трех наших шпионов, а в Западной Германии — пять, что в ответ мы должны у себя кого-то уличить в шпионаже. В обеденный перерыв он услышал такой анекдот. Вождь и Министр Иностранных дел возвращались из Франции. Ты видел бриллиантовое ожерелье жены Президента, спросил Министр у Вождя. Нет, сказал Вождь, а ну покажи! И еще несколько анекдотов такого же рода. В следующий перекур он узнал, что какой-то диссидент угнал самолет за границу, но его выдали обратно. В конце рабочего дня Ученик узнал, что заведующий сектором религиозных сект отдела пережитков капитализма развелся с женой и живет теперь с бывшей женой младшего сотрудника такого-то. В заключение Ученик узнал, что с будущей недели можно будет некоторые продукты, исчезнувшие из магазинов, покупать в буфете по списку.

И так изо дня в день. Разбор скучнейших бумаг и одуряющие разговоры. И никакого просвета впереди. Если даже он накопит материал для диссертации, что от этого изменится? Во-первых, попробуй сначала опубликовать статьи. Хотя все публикации идут в закрытых бюллетенях, протолкнуть первые работы начинающему сотруднику удастся в лучшем случае лишь за два-три года. Потом... Нет, об этом лучше не думать. Надо найти более удобный и эффективный путь. В том, что предлагает Бородатый, есть что-то заманчивое. А что если... Только надо, пожалуй посоветоваться.

И Ученик набрал номер телефона, который он был обязан помнить, но пользоваться которым ему разрешалось лишь в исключительных случаях. Когда он шел домой, к нему бесшумно подъехала машина... На другой день он дал согласие Бородатому начать регулярное сотрудничество.

Судьба

В тот самый момент, когда Писатель ломал голову, где бы спрятать материалы для нового задуманного им романа, маленький серый человек вошел в кабинет начальника ОГБ и положил перед ним список писателей, в той или иной мере отклоняющихся от социально-психологической нормы, установленной Союзом Писателей и утвержденной в целой серии партийных документов. Начальник начал не спеша просматривать список. Некоторые фамилии он вычеркивал. Из-за этого шум поднимают. А этот просто прохвост, в свое время думал нажиться на либеральных веяниях, но одумался. С ним надо поговорить и использовать его на другом участке. Около фамилии Писателя рука Начальника несколько задержалась. Он уже собрался вычеркнуть ее: старый бездарный кретин, чего с его взять! Но передумал. А почему, собственно говоря, старость и бездарность должны давать преимущества?! Вон сколько молодых и талантливых приходится изымать. А этот ускользнуть хочет. Нет, голубчик, не выйдет! И Начальник подчеркнул фамилию Писателя, что означало приказание изолировать немедленно и серьезно. Затем он спросил, утвержден ли список в Союзе Писателей. Получив утвердительный ответ, он поставил свою подпись под списком. Человек положил перед ним другой список: художники.

Мнение Учителя

Я думаю, что Бородатый ошибается, считая автором его подопытного Писателя, сказал Учитель. Он пытается для доказательства своей гипотезы добиться того, чтобы Писатель восстановил достаточно большой отрывок текста из романа. Но, насколько мне известно, пока безуспешно. И вообще из этого ничего не выйдет. Если бы Писатель был автором, он первым делом подтвердил бы

гипотезу Бородатого. Представьте себе, вы сочиняете книгу, вкладываете в нее душу, живете ею. Затем что-то происходит, например, автомобильная авария. Вы теряете память. Вам ее восстанавливают, причем с целью заставить вас что-то сочинять. Прочие участки вашего сознания разрушены или заторможены. Что вы будете писать? Или, другими словами, что вы будете вытаскивать из кладовой своей памяти? Очевидно? Вот я об этом и говорю. Если Писатель и имел тайно написанный роман, то сейчас в вашем /вы же сотрудничаете с Бородатым, не так ли?/ эксперименте он напоминает отрывки из своего сочинения, а не из того романа. Кроме того, сейчас уже никто не знает и никогда не узнает, кто был автором романа на самом деле. Почему? По общим принципам поступления рукописей и их авторов сюда и по принципам их сохранения. При первичной обработке тех и других лишают их индивидуальных черт. К нам рукописи попадают через определенный срок, который вполне достаточен для полного исчезновения авторов их в недрах исправительной медицины. Я сомневаюсь в том, что и недавно предъявленный вам экземпляр автора рукописи «Одиночество» настоящий. Лысый — он шутник. Погодите, он еще с вами такие мистификации проделает, весь институт будет смеяться. Так что будьте осторожны с ним. Да, с Бородатым не советуя особенно тесно сближаться. Сохраняйте со всеми и со всем происходящим определенную дистанцию, и все будет в порядке. Бородатый воображает, что о его замыслах никто ничего не знает. А между тем теперь люди вообще не способны скрыть свои намерения. Несколько наблюдений, и все они становятся явными. Чего он хочет? А вы еще не догадались? Разработать метод восстановления функций личности внутренними силами самой личности. Он дает некоторый первичный толчок, а дальше личность сама занимается реконструкцией своего «я». Интеллекта, воли и т.п. Конечно, кое-что полезное в этом есть. Что? Ну, например, следователь сделал кое-какие упушения, и ему потребовалось получить дополнительные сведения. Если больной — ученый, его можно время от времени использовать, восстанавливая некоторые участки интеллекта. Но в целом намерение Бородатого по меньшей мере несерьезно. Сейчас это модно — рассматривать отдельные учреждения такого рода, как наше, в качестве модели всего нашего общества. Больные, лишенные интеллектуальных и волевых функций, рассматриваются как модель рядовых граждан общества. И изыскиваются средства пробудить в них способность к сопротивлению, к обдуманному волевым действиям. Зачем? Чтобы затем перенести выводы, полученные на этой модели общества, на само общество. Но почему это несерьезно, спросил Ученик. Такие методы широко апробированы в науке. Насколько мне известно, и в области социологии... Несерьезно, сказал Учитель, ибо реальный рядовой гражданин этого общества не есть существо, лишенное личностных функций или даже ограниченное в этом отношении. Скорее наоборот. В обществе в целом нет жертв или, что то же самое, все жертвы. А у нас здесь... В общем, мы суть лишь частичка сложного механизма, выполняющего лишь одну из функций общества, а не некое автономное целое, содержащее в себе все качества целого. Рука, например, не может быть моделью всего организма человека, обладающего рукой. Моделью организма может быть лишь целостная клеточка организма. Моделью нашего общества может служить наше учреждение как совокупность сотрудников. Но наши больные, рукописи, картины, сооружения и т.п. должны быть при этом исключены из внимания, ибо это — наш материал дела, а не наша социальная организация. Не так ли? Когда раздаетесь с «Затеей», я вам дам почитать довольно любопытную книгу на эту тему.

ОГБ и КГ

ОГБ знали о КГ все и не знали о нем ничего. Но не спешите в этом усматривать пример для диалектики. Дело просто в том, что каждый шаг членов КГ так или

иначе отражался в гигантском механизме ОГБ, но в различных ее частях. И сведения о КГ двигались в этом механизме по свойственным ему законам,— петляя, задерживаясь и откладываясь в архивах, уничтожаясь, сталкиваясь с противоположными сведениями, погружаясь в трясину слухов, сплетен, вымыслов, фальшивок, анонимок. Достаточно сказать, например, что магнитофонная запись учредительного заседания КГ так и осталась нерасшифрованной и непроанализированной, а папку с несколькими сотнями сообщений агентов ОГБ обнаружили лишь после того, как дело с КГ вообще закончилось, и все относящиеся к нему документы сдали в архив.

Прежде чем обрести характер единого знания, разрозненные сведения преобразовались до неузнаваемости. Затем им предстояло подняться на оценочный уровень, лишь после которого они приобретали характер информации о событиях, требующих высокой реакции и серьезного решения. А механизм принятия решения — это снова брожение, тление, согласование, утрясание. На все это нужно время. И силы. В недрах ОГБ для этого должна была еще сложиться особая подсистема, в десятки раз превосходящая по численности сам КГ. А это... Короче говоря, члены КГ, чувствуя на себе постоянное внимание ОГБ, догадывались о неких скрытых процессах в механизме ОГБ, благодаря которым они имели запас времени. Плюс международная ситуация. Она, конечно, не могла предотвратить неминуемый разгром КГ, но могла оттянуть момент его приближения. А за это время можно приобрести мировую известность и порядком «наломать дров». А известность была совершенно необходима по самой технике существования оппозиции в условиях Страны. Если та или иная оппозиционная личность или группа не придерживалась правил этой техники, они погибали немедленно. В этот период главной целью всякой оппозиции было не столько осуществление каких-то реформ /на это никто не рассчитывал/, а обозначение себя в качестве оппозиции, обнаружение себя для общества. И потому стремление добиться известности было бы ошибочно относить только за счет тщеславия оппозиционеров. Не исключено, конечно, что многие шли в оппозицию из тщеславия /поскольку оппозиция приносила известность/. Но не в этом ее социальная суть. Суть ее, подчеркиваю, заключалась в обнаружении самого факта своего существования на любом материале. Естественно, выбирался наиболее подходящий материал,— обстоятельство, дававшее трусливому обывателю сознание своего морального превосходства над тщеславными ловкачами, дельцами и т.д.

СКАЗКИ О ВОЙНЕ И МИРЕ

Из «Баллады»

И в неделю пару раз
В караул гоняют нас.
До развода нам морали
Пуда на два начитали.
Старшина потом приходит,
Ту же музыку заводит.
И чего, великий боже,
Часовой ему не должен!
Должен бодрствовать, не спать,
На посту, как член, стоять.
Вот окончился развод.
В караул идет народ.
Карнача карнач сменяет.
Как делишки, вопрошает.
Руки жмут, цыгарки крутят.
Над начальниками шутят.
Один молвит: я тебе,
Братец, верю, как себе.
Где подсумки? Винтари?
Вот они стоят, смотри!
Если хочешь — сам считай.
Да ребят скорей сменяй.
Смена боком, по кустам,
Разбрелася по постам.
Звезды на небе блестят,
В карауле мирно спят.
Вся земля кругом заснула.
Спит начальник караула.
Я же, как солдат примерный,
Добираю под цистерной.
В ней когда-то был бензин.
А теперь тут — пост один.
Огоньки горят вдали.
Где-то воют кобели.
Их с постов мои солдаты
Трехэтажным кроют матом.
Кабыздохи! Хер вам в рот!
Что там смена не идет?!
Небосклон прозрачен, чист.

Вдруг раздался страшный свист.
Часовые все в тревоге.
Кто-то претя по дороге!
Караульный сгоряча
В зад толкает карнача.
Поднимайся, идиот!
Поверяющий идет!
Что потом начнет твориться,
Можно запросто взбеситься.
В суматохе сев на печку,
Карнач жалобно лепечет:
Боже! Боже! Я пропал!
Отдадут под трибунал!
Лишь бывалый разводящий
Потихоньку будит спящих.
Одевай противогаз!
Проведем, не в первый раз!
Поверяющий приходит
И порядочек находит.
Пишет в ведомости: тут
Службу бдительно несут.
Часовые на постах.
В карауле чистота.

Дочь

Приехала погостить дочь. С женихом. Усики, борода, джинсы, замшевая куртка. Все атрибуты современного интеллигента. Но мы к этому скоро привыкли. По вечерам у нас стала собираться молодежь. Это довольно накладисто, ибо гости не прочь выпить и закусить. Зато весело. Забавно смотреть на них. О чем только они не говорят! По всем вопросам все несогласны со всеми. Один хвалит эстраду, а другой поносит ее за убожество содержания, идиотизм музыки и безголовость. Заглатают, мол, микрофоны и шипят кишками или воят, как недорезанные поросята. Один в восторге от Театра на Таганке, другой обзывает труппу театра бездарными ублюдками. Моя дочь придерживается более ортодоксальных взглядов. Я ей сказал между прочим, что она не на семинаре по философии, могла бы и ... Она ответила, что говорит то, что думает и не намерена подделываться под модное критиканство.

— Ты думаешь, они поступают соответственно своим словам? Ошибаешься, когда касается дела, они ведут себя так, что не подкопаешься. А я вот могу поступить так, на что никто из них не решится. Разделение на порядочных и непорядочных теперь происходит не по словам. И даже не по мыслям. А совсем в ином плане. По степени искренности, по нравственности, что ли.

Выпивка

Насчет выпивки больше разговоров, чем дела. Выпивка теперь дорогая. А задарма пить — редкая удача. Бабы кругом — сплошная нищета. Они иногда достают одуряющую дрянь, именуемую спиртом. Но посчитать, так это иногда имеет тенденцию превратиться в ноль. На выпивку нас не тянет совсем, мы не успели привыкнуть к этому. Но выпивки все же бывают. Иногда они кончаются трагически. Так, группа курсантов разгружала баржу с вещами для школы. Нашли бутылку, понюхали — спирт. Напились. И все отправились на тот свет. Это был спирт, но совсем не тот. Иногда они кончаются комически. Вот, к примеру, был

такой случай. Надо было вычистить уборную. Ассенизационная станция дала три клячи с бочками, а людей — нет. Обходитесь, мол, своими силами. Мамалыга с группой ребят вызвались добровольцами за десять пачек махорки на рыло и по три дня увольнения. По пять пачек махорки выдали авансом. Мамалыга на них нанял каких-то забуддыг, которые вылизали нужник до блеска. Ребята получили оставшуюся махорку и увольнительные записки. Махорку сменяли на водку и устроили грандиозный выпивон. Кончилось тем, что всех их забрали в комендатуру. По пьянке они растрепали о Мамалыгиной проделке. За это всем влепили по пять суток губы. Весь гарнизон потешался. Ребятам освободили досрочно.

Жених

И все же я чаще склонялся на сторону Жениха. Дочь, например, заявила, что при коммунизме не будет тюрем. Я сказал, что не знаю, как будет при коммунизме, а пока в городе построили грандиозную «психушку», которая скорее похожа на тюрьму, а лагерь в ... модернизировали и уже «заселили». Жених спросил, куда будут девать преступников. Дочь сказала, что преступников не будет. Я сказал, что они отомрут, как и все прочее, путем усиления. Жених спросил насчет диссидентов. Дочь и их отвергла. Признала лишь мелкие проступки, за которые /по Марксу/ провинившийся будет себя наказывать сам, а другие будут спасать его от этого самонаказания. Жених сказал, что ему такая перспектива нравится. Возьмет, например, он взятку тысяч десять, совратит малолетнюю девочку, изуродует спьяну соседа и т.п., приговорит себя к заключению... допустим, недели на две... Условно, конечно. С вычетом из зарплаты. Хотя денег вроде бы не будет. И окружающие члены общества кинутся его спасать. Зачем, мол, осуждаешь себя так жестоко из-за каких-то пустяков. Подумаешь, девчонку изнасиловал! Не ты, так другой. Может быть, хуже было бы. Не расстраивайся. Хочешь, другую дадим? Еще моложе! Подумаешь, глаз соседу выбил. Пусть скажет спасибо, что кишки не выпустил. Дочь презрительно пожимает плечами и говорит, что Жених вульгаризирует проблему. Я все-таки спрашиваю, будут ли диссиденты при коммунизме. Она в ответ сражает меня одним ударом : конечно, не будут. Ведь при Сталине, как тебе хорошо известно, их не было!

Теория

Пока наши инструктора сами учатся летать на штурмовиках, мы штурмуем теорию. Главным образом, долбим «Краткий Курс». Блистательную лекцию о коммунизме нам прочитал сам начальник политотдела. Прочитав /часа полтора одуряющей дребедени/, приказал нам задавать вопросы. Это — самая противная часть занятий. Спрашивать ни о чем не хочется, а надо, ибо уровень нашей политической активности определяется и тем, какие вопросы мы задаем на политзанятиях. Нам надо проявить зримым образом, что мы не только внимательно слушаем, но еще и творчески подходим к данной теме. Непременно творчески,— этого от нас требуют неуклонно. Творчески, и дело с концом. Вот мы и творим такое, что у самих уши вянут от стыда. Итак, полковник приказал нам задавать ему вопросы. Мы наморщили лбы. Молчание затянулось. Наконец, Гизат не выдержал и спросил, будут ли нужники при коммунизме и кто их будет чистить. Мы захихикали. Полковник сказал, что ничего смешного нет, вопрос серьезный. Может, кто из нас ответит? Руку поднял Мамалыга. Мы приготовились к очередной хохме. Мамалыга сказал, что нужники при коммунизме останутся, их даже больше будет, ибо жратвы будет по потребности и срать будут во много раз больше. Что касается чистки, то будут изобретены особые комбайны. Вроде хлебоуборочных. Работать на них будут бывшие пилоты. Особенно такие асы, как Гизат. Вот штурмовики устареют, и нас будут переучивать на такие машины.

Мы похихикивали. Полковник покровительственно усмехался. Гизат кипел от возмущения. Полковник сказал, что Мамалыга в общих чертах прав, при коммунизме всю черновую работу будут делать машины, а люди будут заниматься творческим трудом. На перемене Макаров издевался над полковником, сказал, что потребуются еще изобретать особые машины для очистки общества от такого г...а, как политподготовка. В другой группке отличники Прилепин, Хижняк и другие всерьез обсуждали лекцию полковника. Из их речей было очевидно, что нам коммунизма не видать. Не доросли. Не пустят. Ну и ... с ним, с коммунизмом, сказал Кит. Тут в любую минуту нас могут в пекло сунуть, а эти недоноски...

И тут теория

— Ладно, — говорит Жених. — Черт с ним, с твоим коммунизмом. Тут я не спец. Может быть, ты и права. Я физик. Твой Ленин говорил, что электрон неисчерпаем вглубь. Что он имел в виду? Что электрон делим, состоит из более мелких частей? Но это же чушь с физической точки зрения. Понятия делимости, части, целого, структуры и т.п. вообще неприменимы к элементарным частицам. Говорить о частях и строении электрона так же нелепо, как спрашивать, сколько весит интеграл, какого цвета тензор.

— Я не знаю твоей физики, — говорит дочь. — Но Ленин, очевидно, имел в виду что-то другое.

— Что? Если выясняется, что ваши классики пороли чушь, вы тут же утверждаете, что мы их неверно поняли. Так что же он все-таки имел в виду?

Дальше я слушать не хочу, — ничего не понимаю. Но Жених, по-моему, более здраво, чем дочь рассуждает.

Выдающиеся события

Странно устроена человеческая память. Мы топали строевой, долбили аэродинамику и марксизм, получали благодарности, обсуждали и переживали полеты, торчали над картой, обозначая флажками линию фронта, и т.д. Но все это исчезло, забылось начисто. Как будто этого и не было совсем. А что навечно вьелось в память? Пустяки. Например, как Мамалыга на пари съел посылку, которую получил Кит, как выкрасили козу штурмана эскадрильи и потом ее же сожрали, свалив на волков, как воровали мыло из технического склада, как Володька Кузнецов спер бархатный занавес из клуба, как наш инструктор на учебном самолете сел на крышу своего же сарая и т.д. и т.п. Лишь такие пустяки всплывают в памяти, оттеснив в забвение то, что составляло основу, суть, цель и смысл нашей жизни. Но пустяки ли это были на самом деле? Может быть, нам задурили голову и повернули наши мозги совсем не в том направлении, в каком им следует быть по извечным законам жизни? Вот я до мельчайших подробностей помню, как мы с Макаровым делили имущество полковника Горбатова, преподавателя тактики ВВС. Он развелся с женой. И они даже огурцы соленые разделили. И даже дочерей, — им повезло в этом случае, у них были две девочки-близняшки. Очаровательные девчонки. Мы с ними тогда хорошо поболтали о Блоке, Есенине, Маяковском... Они издевались над своими родителями. Когда мы кончили дележ, полковничиха налила рюмку водки Макарову из своей половины бутылки и достала огурец из своей бочки, а полковник — то же самое мне из своей половины. Я чувствую все это до сих пор каждой клеточкой тела. А вот первый свой боевой вылет описать не могу. И не чувствую его. Помню только, что получил около двадцати пробоин. И все...

Из «Баллады»

Загадаю вам загадку:
Что похуже дров в лесах,
Чем наука, чем зарядка,
Чем зеванье на часах?
Вот когда-нибудь попухнешь,
Погоришь на чем-нибудь,
Ты узнаешь: это кухня.
Кухня, братец. Не забудь!
Если нет тебе спасенья, и грозит тебе она,
Лучше честно с вдохновеньем
Отдавайся ей сполна.
Первым делом ты «остатки»
Изловчися подлизать.
Проглотил, и взятки гладки.
Ведь не пузо ж разрезать.
За продуктами придется,
Тут уж действуй, не зевай.
В складе что-нибудь найдется,
Только лопать поспевай.
Потерять нетрудно разум.
Я, клянусь, однажды разом
Съел не много и не мало,
Целых двадцать порций сала.
До сих пор плююся и каюся,
Жуткой мерзостью икаю.
Ночь. Картошки чистить ворох.
Шорох в здании затих.
Тут не может быть и спору:
Дуй ведро на двоих.
И положена от века
/В чем причина, не пойму/
На четыре человека
Миска каши одному.
Так и рубишь, что попало.
И жуешь до самых пор,
Пока пища с гнусным салом
Не полезет со всех пор.
Пайку хлеба съев попутно,
В койку валишься пластом,
Представляя очень смутно,
Что последует потом.
Заворот кишок стряется
Или, может, рассосется?
В этом нет большой беды,
Не сдыхают от еды.
Горе тем, кто ляжет рядом
С нашим кухонным нарядом.
С громом пушечным и свистом
Будет заживо обдристан.
Понесет большой урон,
Облюют со всех сторон.
Вот кому надо дрожать.
И не думай избежать.

Макаров

Мы бредем с Макаровым не спеша «домой», в казарму. Спешить нам незачем. Ужин нам обязаны оставить. Отсутствуем мы на законных основаниях,— нас посылал сам старшина на ту дележку. Мы бредем по переулочкам, подальше от патрулей. На всякий случай. Сегодня танкисты патрулируют, а они к летчикам пристают при всех обстоятельствах. Если, конечно, перевес сил на их стороне. Вообще мы ужасно смелы, когда впятером нападаем на одного.

— Представляешь,— говорит Макаров,— немцы уже под Сталинградом. Кто бы мог подумать! Вот тебе и война малой кровью и на чужой территории. А кто виноват? Тут дело не в силе немцев, а в нашей слабости. Это — личная вина Сталина и его ублюдков-соратников. Перестреляли чуть не всех полководцев, понасажали везде кретинов своих. На нашем фронте Буденный был командующим. Да даже лешадь его была бы лучше на этом месте. Судить их надо!..

Потом мы перескакиваем на коммунизм. Я спрашиваю, неужели это — вранье. Он говорит, что насчет «по потребности», это вранье. А все остальное у нас есть. И другого коммунизма не будет. Жрите этот! Они там действуют по принципу: чем меньше можешь дать людям сейчас, тем больше сули им в неопределенном будущем. Я не могу спорить с Макаровым, но мне жаль расставаться с красивой мечтой.

— Неужели так и не будет никогда по потребностям? Ну, хотя бы приблизительно?

— Никогда. Так и будем жить всю дорогу на грани нищеты и голода. Если уцелеем, конечно. Коммунизм, мой мальчик, это вообще есть процветающее общество нищих.

— А уцелеем?

— Уцелеем. Людей положим много. Нам людей не жалко. И уцелеем. Хотел бы и я уцелеть. Хочу посмотреть, насколько я был прав в своих прогнозах.

Наш директор

Нашего директора избрали в член-коры. По сему поводу устроили специальное заседание. Поздравляли, пели дифирамбы. Сам директор скромно оценил свое изобретение как признание заслуг всего учреждения. Выступил и я. Сказал, что теперь легче работать будет. Сможем мебель обновить, дополнительные ставки выбить. А там, глядишь, нас переведут в первую категорию, и зарплата всем повысится. Моя речь внесла оживленные. Все толковали ее по-своему. Директор похвалил меня, с благодарностью пожал руку. Молодежь тоже хвалила, но усмотрела в моей речи издевательство над директором, а то и поглубже.

Что такое наш директор? Кто его знает. Молодежь считает его ничтожеством и карьеристом. Старики считают его либералом и хапугой, но хорошим руководителем. На мой взгляд — это обыкновенный серый и бестолковый человек. Очень похож чем-то на наших престарелых генералов. И как хапуга не больше других. И как работник не хуже других. В общем то, что нужно. Зато пускать пыль в глаза он действительно великий мастер. И это тоже не так уж плохо, так как снабжаемся мы благодаря этому на уровне столичных учреждений того же типа. И еще одно хорошее качество у него есть: не любит раздувать политику из-за пустяков. Отъезжантов /как теперь называют эмигрирующих евреев/ у нас не меньше, чем у других, а шуму особого нет. Директор умеет спускать такие дела на тормозах. Отъезжантов у нас, между прочим, зовут обрезантами. Это выражение придумал хулиган Стопкин или кто-то другой из этой компании.

Директор у нас долго не засидится. Скоро его переведут в Москву. Он чей-то «крупный зять». И к нам он приехал лишь для того, чтобы занять подходящий пост, получить титул и скакнуть обратно в Москву. Хоть он и зять, но там таких пруд пруди. Вот он и сделал маневр через провинцию. Он и квартиру в Москве ухитрился сохранить за собой. И получил. Теперь произведет обмен и будет иметь квартирку на уровне министров. Недавно я к своему величайшему удивлению узнал, что наша правящая верхушка вся повязана родственными отношениями. Иванов считает, что сейчас происходит оформление наших социальных каст в наследственные и замкнутые, и потому так остро переживаются проблемы устройства детей.

У меня с директором хорошие отношения. Он говорил мне не раз, что если поедет в Москву, заберет меня с собой, ибо я — единственный, кому он тут полностью доверяет. Но я в Москву не стремлюсь. Мне и тут неплохо. Карьера моя все равно закончена. Какая карьера? Я же никогда не делал карьеры. Я только служил.

По случаю избрания директор устроил дома банкет. Собралось все высшее начальство города. Директор и меня пригласил. Но чтобы я нацепил все свои награды. Я понимал, что буду там выглядеть в роли расшитого золотом лакея /директору лестно, что у него такой зам/, но отказать не мог просто по доброте душевной. Никакой корысти у меня не было. Повторяю, я доволен тем, что имею, и на большее не рассчитываю. И страха не было. Это самое я всегда могу иметь и с меньшими усилиями. В общем, как и в тот раз, когда меня попросили... Мне неудобно было отказать...

Из «Баллады»

Нет бензина. Нет матчасти.
Чтобы день убить отчасти,
Гонят в поле нас гурьбой
Научить, что значит бой.
Современный бой пехоты!
Обсмеешься до икоты
И написашь в штаны,
Глядя «бой» со стороны.
Учит нас не тыловик,
А бывалый фронтовик.
Чтобы правильно сражаться,
Надо в землю зарываться.
Так как нету автомата,
Крой врага могучим матом.
Палкой делай: та-та-та!
Не война, а красота!
Мы одно должны понять:
Взять, что велено нам взять.
Рота! к бою! Марш вперед
На... колхозный огород.
Получив удар под сраку,
Мы кидаемся в атаку.
И ползем в грязи по брови
Средь капусты и моркови,
Обезвреживая «мины»,
Жрем от пуза витамины.
Но всему придет конец.
Так уж создал мир Творец.

Опустели вокруг поля.
Стала мерзлой земля.
И решил наш командир:
Раз теперь война, не мир,
Все четыре бросить взвода —
Взять склад винного завода.
Вот была тогда потеха!
Протрезвились — не до смеха.
Трибунал решил сурово.
Получил штрафной пятак
Незадачливый «Суворов».
Мы ж отделались за так.

Второй аэродром и женитьба

Время промчалось быстро. И вот мы на втором аэродроме. С «близняшками» у нас ничего не вышло. Зато через них я познакомился с Анечкой. Я влюбился в нее до такой степени, что весь мой прошлый опыт по женской части как рукой сняло. Я превратился опять в неопытного десятиклассника, который боится прикоснуться к своей девочке. Так что с городом мне было трудно расставаться. И в первую же подходящую ночь я протопал в город и обратно только затем, чтобы посмотреть на нее и переброситься парой слов. Впрочем, добираться до города оказалось не так уж сложно: попутных машин было достаточно, а вскочить в кузов проносившей мимо машины для нас пара пустяков.

Анечку я любил и вел с ней возвышенные разговоры. А чтобы не пропадала оставшаяся часть ночи, я стал похаживать к одной девочке на окраине города, как раз по дороге на аэродром. Ума не приложу, как я очутился в ее каморке. В общем, кончилось тем, что с Анечкой мы крутили возвышенную любовь, а досыпал я остаток ночи с Катюшей. Ребята говорили, что Катюша красивее и умнее Анечки. Она уже студентка медицинского института, а Анечка еще в школе. А главное — удобнее. Анечкин дом в центре, где можно напороться на патрулей, а Катюшин на окраине. Анечка живет впроголодь, отец на фронте, мать на заводе по двенадцать часов вкалывает, другие детишки. Даже посидеть вдвоем негде. Катюша — единственная дочь, мать в ателье заколачивает дай бог всякому, отец чин в горьком партии. И поклонников у Катюши полно. Не знаю, почему она на меня клонула.

Жизнь нормализовалась. Иногда Катюша сама приезжая ко мне и кое-что привозила. Попадало это в основном инструктору и командиру звена. Он и предложил легализовать наши отношения, а то ребенок будет и т.д. Ребенок? Тут только я понял, что влип. Пришлось жениться.

Кит мою женитьбу одобрил. Нас все равно убьют, сказал он. Так после тебя хотя бы сын останется. Как грузин он не допускал мысли, что может родиться дочь. Мамалыга по сему поводу рассказал анекдот о грузине, который спросил у жены /та была в родильном доме/: сын родился, да? Нет, ответила жена. Так кто же, удивился грузин. Гизат сказал, что я молодец, хорошо пристроился. Макаров пожал плечами. А Тоня обозвал меня скотиной. Он придумал по этому поводу стихотворение, которое не во всем соответствовало моей действительности. Но ребята смеялись, говорили, что в нем все правильно.

Не светила луна. Соловьи не трещали.
От этой возни мы порядком устали.
Довольно, шепчу я, валять дурака.
Возьмем все от жизни, мол, живы пока.
Про чувства романсы мне некогда петь.
Мне надо в казарму к подъему успеть.

На землю ложися, трусы скидавай.
Что нужно солдату, живей подавай.
Но шепчут, отстань, ее нежные губки.
Мол, руку свою забери из-под юбки.
Не нова такая солдатская штука.
Моргнуть не успеешь, проткнешь до желудка.
Такое валянье в грязи скоротечно.
Любовь мне подай, то есть чтобы навечно.
Ну ладно, шепчу я, пускай твоя воля,
Сейчас согласишься — женюсь тем боле.
Вот дуру нашел, ее губки пропели.
Сначала женись, и получишь в постели.
И так повторив это все многократно,
Я мчусь неженатым в казарму обратно.
Будь прокляты эти весенние ночи.
Но дольше без бабы терпеть нету мочи.
И случай урвав, я до змия упился.
И сгоряча на той стерве женился.

Точное описание женитьбы русского человека, сказал Макаров. Но самое удивительное, именно такие браки наиболее долговечны. Готов пари держать, если Лапоть выживет, он с Катюшей никогда не разведется.

Он оказался прав.

По городу поползли слухи о моей женитьбе. И добрались до Анечки. И она имела глупость — повесилась.

Антон после этого не разговаривал со мной неделю.

Раскол

В связи с предстоящим переводом в Москву наше учреждение раскололось на враждующие группировки. Одна группировка поддерживает одного претендента на пост директора, другая — другого. Чем различаются претенденты, кроме имен и внешности, я понять не могу. Оба посредственны. Оба трепачи. Оба «преданы делу». Оба «настоящие коммунисты» и т.п. Но различия, очевидно, какие-то есть, раз сотрудники переругались и даже перестали здороваться друг с другом. Костя, например, склоняется на сторону Заместителя, так как Зав /он Костин шеф/ его не любит и выживет из учреждения, если станет директором. А уходить в другое место Косте не хочется. Привык. И не так уж плохо здесь. Карпенко же склоняется на сторону Зава, так как назначение Зава гарантирует ему повышение. Вот по такого рода причинам люди и распадается на группы. Прикрывается все это, естественно, «интересами дела» и «принципиальными соображениями». Но мне на все это чихать, хотя усиленно привлекают на свою сторону обе группировки. Меня тянет в прошлое.

Из «Баллады»

Есть заветная забота
У курсанта зап.ав.роты:
Караулить самолет,
Если тот прервал полет
И на пузо сел не дома,
А вдали аэродрома.
Взял продукт на три недели,
Нагрузился так, что еле

По пахоте в грязь бредешь.
Для ночлега дом найдешь.
И сачкуешь день за днем
Тихо-мирно там втроем.
Понемногу обживешься
И бабьем обзаведешься.
Ночь потрудишься слегка —
Выпьешь кринку молока.
Пока бак не пуст досуха,
За бензин глуши сивуху.
Как горючка вся сплыла,
Обдирай металл с крыла.
Он идет на безделушки,—
На кастрюли, ложки, кружки.
Через двадцать дней примерно
Снимут этот пост наверно.
Сдав остатки ероплана,
Мы под вечер вполупьяна
Добираемся домой,
Нагло требуя покой.

Полеты

Наконец, начались полеты. И мы на некоторое время забыли все земные тревоги и хлопоты. Полеты имеют самодовлеющую ценность независимо от того, на чем летаешь и ради чего. Кто вкусил это хотя бы однажды, тот поймет меня. А «штурмовик» оказался отличной машиной, в особенности — для маршрутных полетов, полетов строем, стрельб и бомбежек.

Полеты — это от силы час в воздухе, а чаще — десять или двадцать минут. Остальное — наземная суетня /заправка и чистка машин, наземная подготовка, стартовый наряд/. Но эти минуты окупают все остальное. Они дают сознание исключительности нашего положения. По статистике «штурмовиков» сбивают в среднем на десятом вылете. Немцы летчиков-штурмовиков в плен не берут. Впрочем, и брать некого. Обычно самолеты взрываются в воздухе или при ударе о землю /они начинены снарядами, бомбами, бензином/. Так что нас ждет скорая и верная гибель. И потому нам позволено многое такое, что запрещено простым смертным. Мы быстро обрастаем непокорными кудрями, кое-кто отпускает усики, обзаводится широкими офицерскими ремнями /за сахар, в основном/. Мы почти свободно ходим в самоволку. Когда Володя Кузнецов спер занавес из клуба, его даже не посадили. Велели лишь вернуть. Он так и сделал. Но бабы успели распустить вышитый на занавесе портрет Ленина. Особняк сказал, что если бы это был портрет Сталина, то Володю расстреляли бы. Пришлось портрет вышивать обратно. Получилось ужасно смешно. Особый отдел решил все-таки затеять пакость. Но Володе повезло: у него лопнул маслопровод, маслом залило лицо и фонарь, машину пришлось сажать вслепую со всеми вытекающими последствиями.

Осень

Наступила осень. Начались частые дожди. Полеты приходилось прекращать. В такие минуты мы валяемся под крылом самолета и говорим обо всем на свете. Кит рассказал случай, как в самом начале войны /он служил на границе/ их сменили штрафники. И так получилось, что они провели с ними целую ночь. Сидевший с ним в одном окопчике мужчина жаловался, что он впервые в жизни попал в теплые края. А надолго ли? Кит сказал, что скорей всего навечно. Мужчина родился и вырос где-то в северном поселке. Еще мальчишкой угодил в лагерь за «вредительство». И потом все время в Заполярье. Он такого наговорил Киту про тамошние лагеря...

— Наврал, небось,— сказал кто-то из ребят.

— Нет,— сказал, Кит,— такое соврать нельзя. В таком положении люди не врут.

Разговоры

— Все выглядит хорошо, когда показывают нашу жизнь в целом,— говорит Жених, глядя телевизор и зевая от скуки.— Отличные курорты, пионерские лагеря, жилые корпуса, стадионы. Все это для трудящихся, конечно. Но начнем простой анализ. Как попасть в такой шикарный санаторий? Как устроить ребенка в этот лагерь? Как получить квартиру вот в этом новом жилом районе? Обнаруживается, что для этого нужен определенный образ жизни. А что это такое? Сами знаете. Вот в этом-то и заключена суть дела: какую цену надо заплатить за эти блага, которые заманчивы в целом, но далеко не таковы при ближайшем рассмотрении.

— Это заслужить надо,— говорит дочь.

— Я и говорю, что заслужить. Только я понимаю это заслуживание не как некую абсолютную справедливость, а как драку.

— О чем ты говоришь? С кем, например, дрался отец, чтобы получить эту квартиру? Он просто честно служил.

— Честное служение есть самая сильная форма борьбы за существование. Объясни мне, почему я, проучившись пятнадцать лет, потом еще три года, написав ряд работ, защитив диссертацию и т.п., получаю всего две сотни, а ... скажем, Н... Ты знаешь, о ком я говорю... Он бездарь, лодырь и т.п., а получает более четырехсот, уйдя в «почтовый ящик» КГБ. Почему?

— Политика цен и зарплаты.

— Это ты верно заметила. Политика! А как же ваши « по труду», «равная плата за равный труд»? Значит, привилегии. Какое мне дело, полезно это или нет. Важен сам принцип : привилегии из «политических» соображений, а не «по труду».

— Ты типичный схоласт. Хватит трепаться. Куда ты закинул мои джинсы?

— Возьмем, опять же, джинсы. Вы /это — ко мне/, конечно, помните, какую борьбу вели против них? А теперь даже аспирантка /!/ отделения научного коммунизма /!// философского /!// факультета не вылезает из джинсов. Как это понимать? Уступка западной идеологии?

— Не идеологии, а моде!

— Мода тоже есть элемент идеологии.

ОСЕНЬ

Пузо голод тупо гложет.
Взвод от холода дрожит.
Мой сосед с небритой рожей
Прямо в ухо мне брюзжит.
Говорят, бывает лето.
Для кого? И где? Когда?
Может, было оно где-то
В позапрошлые года.
Светит солнце для кого-то,
Чтоб красиво загорать.
И одна у них забота,
С кем сегодня переспать.

И бубнит сосед зануда:
Я ж щенком туда попал,
Я досыта, курва буду,
Так ни разу не едал.
Нам на пользу слякоть эта,
Политрук сказал вчера.
И за что в стихах воспета
Гнусной осени пора?!
Надоело, вот ей-богу.
Пусть уж лучше наступать.
Хоть согреемся немного
Перед тем, как подыхать.
Затянув потуже ремень,
Я сказал: к чему болтать?
Это ж осень, то есть время,
Что посеял, пожинать.

Разговоры

— Возьмем природу, — не унимался Жених. — Природы у нас полное изобилие. А попробуй получить кусочек этой природы хотя бы на время отпуска. Не так-то просто. Опять все зависит от положения. Опять привилегий — или ничего, или крохи, или кое-что ценой невероятных усилий. В чем дело? В основе высоких идей прошлого лежало простое желание уничтожить голод, нищету, мордобой. Это в общем сделано. Но как? А так, что при этом сделано нечто иное, сводящее на нет те высокие идеи. Все осталось, но в другой форме и на другом уровне. Формула нашей жизни теперь ясна: или пошлая бедность, или богатая пошлость.

— Ну и зануда же ты! Замолчи, или я тебя прогоню.

— А что если наше руководство снюхается завтра с западными коммунистами? Как тогда твоя диссертация?

— И в самом деле, — спрашиваю я.

— Вы оба психи. Тогда я сменю тему, только и всего. Напишу на вашем примере работу о бытовой шизофрении у диссидентов. Тут уж никакой эволюции не предвидится.

— Решите парадокс. Наш Вождь утверждает, что через двадцать лет мы опередим Запад на пятьдесят лет. Как это возможно?

— Я готова, пошли. Кстати, у нас скоро будет новый герб.

— Какой?

— Двубровый орел.

Из «Баллады»

Слышал как-то я, ребята,
Что была любовь когда-то.
Только думаю, что врут.
Баб не любят, а дерут.
Впрочем, разные есть мнения.
Вот одно для равлеченья.
Бабы — что. Кругом взгляни!
Только хлопоты одни.

Коль приспичило вот так,
Делай молча в свой кулак.
Чистоту свою блюди.
Сколько выгод, сам суди.
В грязь шинельку не стели.
Не прилипнут патрули.
Не подпишишь эту штучку.
Избежишь за это вздрючку.
Не наступают враги.
И целее сапоги.
Я на то смотрю иначе.
И веду себя тем паче.
Все обследую кругом.
Чуть чего — за ней бегом.
Не горжусь, коль выпал случай.
Бог увидит — даст получше.

Если ж ты дошел до ручки,
Если ты лишился сна,
Самовольная отлучка,
Лишь одна спасет она.
Ты пойдешь на это дело,
Скажем прямо, напролом.
Будь что будет! Надоело!
И плевать на что потом.

Вот дневальный дал отбой.
Взвыл дежурный: пасть закрой!
По привычке старшина
Грозно рявкнул: тишина!
Прекратился вмиг галдеж.
В сто задов пошел пердеж.
Что вонять со всеми толку?
Лучше смыться в самоволку.
Время движется к полночи.
Не заснуть бы, между прочим.
Спит у тумбочки дневальный.
И, забившись в угол дальний,
Сам дежурный захрапел.
Подымайся. Срок приспел.
Под шинель засунув шмутки,
Не колеблясь ни минутки,
Сапоги на босу ногу
Надеваешь. И в дорогу.
На начальство налетишь,
Делай вид — отлить спешишь.
Топай к дырочке в заборе.
В блин сожмись. И на просторе.
Вон мелькает силуэт.
Это — баба, спору нет.
Ну, теперь не будь балда.
Помни, братец, ты — солдат.
Не гнилой интеллигент.
Не теряйся, лови момент.

И желанная удача
Будет так или иначе.
Сразу пробуй проводить.
Время-час. К чему финтить?
Комплементы излагай.
И упорно вслед шагай.
Пусть битком полна квартира,
Грязь, вониша, как в сортире,
Баба с мордою отвратной,
Делой дело, и обратно.
Все пойдет, как по часам.
Удивишься даже сам.
Но иной бывает раз,
Что, увы, не до проказ.
Патрули хватают сдуру,
Волокут в комендатуру.
И приходится тебе
Чистить нужник на губе.
Вот тогда-то и поймешь:
Жизнь без риска стоит грош.
Будет время — воз историй
Про геройства настрочат.
А про дырочку в заборе,
Надо думать, промолчат.
Промолчат про вздрючку-взбучку.
Ты ж, пускай идут года,
Самовольную отлучку
Не забудешь никогда.

Слухи

Пошел слух, будто у нас в учреждении завелись диссиденты. Этого нам только не хватало! Директора и секретаря парткома вызвали в райком. Я думаю, что это — типичная липа. Просто кто-то хочет раздуть дело на пустяках, чтобы поудить рыбку в мутной воде. Для директора это — большая неприятность. Перевод в Москву может сорваться.

СТРАНА МОСКОВИЯ

Перелом

Никогда нельзя точно установить, когда происходит перелом, ибо мы ощущаем лишь его последствия и не верим в его предчувствия. Может быть, еще на том самом банкете. На нем присутствовал маленький человечек не то из ЦК, не то из КГБ. Он напускал на себя таинственность, делал вид, что при исполнении служебных обязанностей. А скорее всего, хотел задарма напиток и нажраться. И на людях потолкаться. Да и на Катюшу он давно облизывался. Будучи от природы человеком хлипким, он обожал фигуристых баб. И добрых к тому же. А поскольку он выглядел несчастным, одиноким и покинутым, бабы его жалели и давали ему то, что он хотел от них. Потом бабы плевались, говорили, что он — липкая мразь. Но другие этого еще не знали. И Катюша этого еще не знала. Вот тогда на банкете и расписал этот гнусный тип райскую жизнь, которая ожидает их, если Митя... Ну, и она, Катюша, конечно. И мысль эта о райской жизни в хорошей квартире в «Царском селе» и с закрытым распределителем глубоко запала в Катюшину душу.

Но это лишь предположения. А пока Митя поступил в аспирантуру на кафедру Учителя. Катюша поступила в Педагогический, где тот слюнявый человечик имел полставки. Лапины по-прежнему снимали квартиру и все чаще ворчали по поводу несправедливостей жизни. Кругом люди квартиры покупали, а они... Однажды Катюша заметила, что Митя стал поглядывать на миленькую девочку с первого курса, где он вел семинар. И Катюша срочно забеременела. Она сама не знала толком, от кого именно. Но когда на свет появился крепкий малыш, Митя решил, что он весь в него. И полюбил мальчика безмерно. Жить стало труднее. Годы шли. Катюша минимумы не сдала. А об диссертации думать забыла. Митя напечатал несколько неплохих статей. Пока еще со ссылками на Учителя, — теперь это стало /и было/ обычным делом. Общая ситуация труднела и серела на глазах. Все реже можно было посмотреть зарубежный хороший фильм и достать интересные книги. Поток туристов с Запада сократился и изменился по составу. Росли цены. А после того, как наши танки ворвались усмирять Чехословакию, стало сложнее и с разговорами.

Происходило разделение московской интеллигенции на либеральную часть, которая стала стремительно терять все свои либеральные потенции и устремления, и ничтожную диссидентскую, которая становилась все острее и решительнее. Центральными фигурами этого периода стали Солженицын и Сахаров. По отношению к ним во многом определялись позиции людей. В доме Лапиных все реже слышались одобрения в адрес диссидентов и все чаще раздавались критические замечания и порицания.

Первый конфликт Ученика и Учителя произошел из-за пустяка. Я случайно узнал кошмарную вещь, сказал Учителю. Оказывается, московский военный гарнизон состоит из казахов, бурят, грузин и т.п. Им из дому присылают большие

деньги. На территории частей имеются ларьки, где можно купить продукты, о которых мы и думать забыли. Каково? Так что если какие волнения в Москве случатся, войска будут стрелять в народ без колебаний! Правильно делают, вырвалось у Ученика. Он потом долго пояснял, в каком смысле правильно. Но звучало это не убедительно. Второй конфликт был серьезнее. В диссертации Ученик целый параграф посвятил восхвалению «концепции» одного ответственного работника. Учитель настаивал на том, чтобы этот параграф выкинуть, так как этот работник — типичный брачный карьерист, а его «концепция» — безграмотный лепет. Сошлись на том, что Ученик сократил этот параграф. Через липкого человечка, однако, он дал понять тому работнику, что сокращение произошло по вине Учителя.

Но жизнь — запутанная штука. Многое видится, но не принимается в расчет. Многое остается скрытым или обнаруживается много времени спустя. Митя защитил диссертацию. Учитель добился, чтобы его оставили при кафедре. Лапины получили хорошую квартиру. Во всяком случае, для начала неплохую. Учитель такую квартиру получил лишь за сорок. Лапины сначала обрадовались: не надо больше платить бешеные деньги, приноравливаться к хозяевам, каждый год искать новое место. Но вскоре впали в обычное, свойственное русскому человеку ноюще-недовольное состояние, поскольку друг Мити, устроившийся в ответственный журнал, получил квартиру лучше. И без диссертации. К тому же шумиха насчет роли науки начала спадать. От кандидатов тесно стало. Все устремились в доктора. А чтобы пробраться в доктора, нужно еще лет восемь ждать. Статей кучу напечатать. Книжку. А там, глядишь, и эту лавочку прикроют. А ребята в аппарате уже на подходе к докторским и без книг. К тому же, что это дает? Лишние сто рублей? Чтобы квартиру улучшить, надо науку забросить, влезть в факультетские интриги. Угробить жизнь на ничтожные пустышки?! Общаться с этой сворой жадных, тупых, склочных доцентов, профессоров, ассистентов и т.п.?! Избави боже!

Тут произошло событие, в корне изменившее жизнь Лапиных. Такие события всегда происходят, если их ждут. Они обязательно происходят, ибо на роль таких событий выдвигаются ближайшие подходящие события.

Выбор

Это был период, когда многим советским людям были предоставлены значительные свободы выбора пути. Каждый человек, активно участвующий в социальной жизни и имеющий в ней влияние, поступал по своей доброй воле, по велению сердца. И общими усилиями они придушили не только крайне оппозиционные настроения, но и свои собственные либеральные устремления. Власть лишь констатировала волеизъявление народа и придала ему единство. Этот случай убедительным образом показал, что существующий здесь социальный строй и все вырастающие на его основе институты суть продукт воли подавляющей массы населения, а не нечто насильно навязанное извне. Добровольно избрал свой путь Ученик и внес свою лепту в жизнь общества. Добровольно избрал свой дальнейший путь и Учитель. Но внести свой вклад ему не давали его друзья, коллеги, ученики. Вот как это произошло.

Поехал Учитель с лекциями от общества «Знание» на Урал. На первой же лекции рабочие закидали его вопросами. Почему нет мяса и колбасы? Почему цены растут? Почему с жильем плохо? Почему раздувают культ Брежнева? Учитель не мог больше лгать. Выложил им то, что сам думал по этому поводу. Его долго не отпускали, аплодировали, водку пить с собой потащили. Когда вернулся в Москву, получил крупный втык в ЦК. Из университета его убрали. Устроился с большим трудом в захудалый институт старшим преподавателем.

Но он был даже рад тому, что с ним случилось, и выбрал свой путь, — начать писать книгу о культе вождей.

Инерция кретинизма

Несколько лет отдал Учитель своему труду. За это время с него сняли взыскание и забыли о его проступке. Стали печатать его статьи. В общем, жизнь стала налаживаться. А Учитель часами сидел в архивах, просматривая тысячи газет, журналов, книг, отчетов. Он был потрясен открывшейся ему механикой установления культа вождя. Он понял, что напал на один из важнейших рычагов механизма власти общества и что описание его будет сенсацией. В наше время мало обратить внимание на очевидное для всех явление. Надо еще найти средства выразить его грандиозность. И он эти средства нашел: официальные источники, будучи систематизированы и суммированы, дают более ошеломляющий эффект, чем любые измышления врагов. Например, он подсчитал, что одни только потери от упоминания имени Брежнева в прессе составили более миллиарда рублей. А если учесть, что культ Брежнева в массе населения вызывает насмешки, то раздувание его принесит государству все возрастающий убыток.

Наконец, труд был закончен. Учитель отпечатал его в нескольких экземплярах. Печатал сам, так как машинисткам доверять уже было нельзя. Один экземпляр спрятал на всякий случай. Один послал в ЦК КПСС, как подобает коммунисту. Один послал в Президиум Академии Наук. Один представил в свою первичную партийную организацию на обсуждение.

Карьера Лапина

Митя понимал, что до докторской ему далеко. Заведующим кафедрой его вряд ли оставят. Претендентов на это место докторов и профессоров больше чем достаточно. И он принял предложение липкого человечка, уже успевшего переспать с его Катюшей, перейти на работу в аппарат ЦК. Пока на самую маленькую должность, под начало человечка. Приглашая Митю, человечек делал грубую ошибку. Он собирался свалить на Митю всю работу, а самому лишь пожинать плоды. Но в аппарате ЦК сразу замечают, что из себя представляет человек с деловой точки зрения. Умело используя свое положение, Митя опубликовал несколько статей в ответственных журналах. Через год он оттеснил человечка на вторые роли, а затем вообще вытеснил его из аппарата. Он не мог простить ему унижения, пережитого из-за Катюши. Еще через год Митя защитил докторскую, в которой подверг резкой критике концепцию Учителя.

В ЦК была создана специальная комиссия по поводу рукописи Учителя. Заведующий отделом Петр Степанович Сусликов предложил назначить председателем комиссии Дмитрия Егоровича Лапина. Митя понял, что наступил его звездный час. Человек из КГБ напомнил Мите, что много лет назад он стал их осведомителем. Так что... А Митю и не надо было уговаривать. Он сам предложил свой план: изъять все экземпляры рукописи и пресечь слухи о ней.

Так и поступили.

Катюша

Давно ушли в прошлое времена, когда советского человека надо было воспитывать, опекать и заставлять, подсказывать ему правильные решения. Теперь он сам способен воспитать кого угодно и в самых замысловатых ситуациях вести себя так, как это нужно высшему руководству. Рукопись Учителя в первичной организации подвергли такому погрому, какого он не видел со времен Сталина. И в

заклучние исключили из партии. Рукопись отослали в КГБ. Расстроенный Учитель запил. В таком состоянии он однажды встретил Катюшу. Она посочувствовала Учителю, проводила до дома, навела порядок в квартире, сварила вкусный обед и т.д. Она пришла еще через пару дней. Потом опять и опять. Душа Учителя оттаяла. И он рассказал ей все,— что черновик он уничтожил, а четвертый машинописный экземпляр спрятал. Катюша предложила спрятать этот экземпляр до лучших времен в более надежном месте, у нее. Тут наверняка искать не будут. И Учитель отдал ей на хранение последний экземпляр рукописи труда своей жизни. Больше Катюша к нему не приходила. А к Учителю однажды вечером вошли люди в белых халатах.

НАЧАЛА ВСЕГО

Коварные методы

После провала со стенгазетой смутьяны прибегли к новым коварным методам. Однажды ночью Стопкин и Жидов исписали все афиши от ЧМО до дома Сусликова похабными словами и оскорблениями в адрес Сусликова. Преобладали надписи типа «Сусликов дурак» и «Сусликов подонок». На другую ночь они совершили еще более подлый поступок. В ЧМО давно уже заметили, что Сусликов равнодушен к секретарше директора Дусе, обладающей могучими формами превосходящими таковые самой Суслихи. Пустили слух, что Сусликов вступает в связь только с женщинами тяжелее восьмидесяти килограмм. Причем, прежде чем приступить к совокуплению, взвешивает свою партнершу на весах. Так хулиганы на всех афишах от дома Сусликова до дома секретарши написали: «Дуся! Я хочу тебя! Твой Суслик». Эти надписи прочитал ревнивый муж Дуси и вышел по ним к самому дому Сусликова. Подкараулив его вечером, он здорово набил ему морду. Сусликов так перепугался, что стал после этого слегка заикаться. И не смог от этого дефекта избавиться всю жизнь. Наконец, хулиганы из стенгазеты достали из секретного фонда диссертацию Сусликова /она считалась закрытой почему-то/, сделали из нее выписки, размножили их на машинке и раздали всем членам Ученого Совета, где проходила защита, и всякого рода лицам, которым не следовало давать ничего. Послали и в редакции газет. Даже в Москву не поленились послать /в «Литературку», в частности/. Над Сусликовым смеялась вся местная интеллигенция. Появился специальный термин «сусливки» для обозначения языковых нелепостей такого типа, как «марафонская труба», «между Сицилией и карбидом», «педерасты и кастраты» /это — сусликовская интерпретация латинского выражения «Пер аспера ад астра»/ и т.д. Но все это не имело последствий.

— Главное,— говорил тесть,— выдержка. Раньше мы бы их в два счета. Сейчас пока еще рано. Ну, да погоди! Мы их еще скрутим в бараний рог. Ну, будь здоров! Главное — закусывай как следует!..

Утро нашей Родины

Петр Степанович не спеша /теперь в его положении надо все делать солидно, без спешки/проснулся, медленно раскрыл подслеповатые глазки и начал постепенно мыслить. Мыслю, сказал он себе, подражая интонации Самого, следовательно существую. Кто это сказал? Надо узнать у Кориытова. Хотя это и идеализм, но неглупо звучит. Сам Ленин отмечал, что идеалисты не такие уж дураки и что он сменял бы глупого материалиста на умного идеалиста. Стопкин говорит, что все материалисты дураки по определению. Что значит «по определению»? Абракадабра какая-то!

Петр Степанович вспомнил вчерашнее заседание вновь избранного парткома и довольно усмехнулся. Молодец, Петька! Тьфу, Петр Степанович. Хвалю. Ловко ты

уел этого карьериста Сеньковича. Вот болван! С такой фамилией и рожей, в такое время! Зачем это он пустился в эти дурацкие объяснения насчет фамилии? Явно тут что-то неладно. Нет дыма без огня! Все-таки ты, Петр Степанович, не дурак. Один вопросик — и нет Сеньковича. А что это вы, товарищ Сенькович, так пространно распространяетесь насчет вашей фамилии? Если бы у нас были сомнения, то вам не пришлось бы присутствовать здесь, смею вас уверить. И все!!

Размышляя подобным образом, Сусликов спустил коротенькие ножки на ковер, согнул в локтях коротенькие ручки и дважды сделал глубокий вдох-выдох. Потом он долго умывался, гневаясь на неисправные краны. Долго одевался, гневаясь на плохо сшитый костюм. Долго и плотно завтракал, пересказывая жене в деталях и в лицах вчерашнее заседание парткома. Вызвал по телефону машину. Пока еще не персональную. Но скоро будет и персональная, директор обещал. До работы отсюда не так уж далеко. Можно пешком дойти. И для здоровья полезно. Но в его положении теперь это исключено. Не положено. Ожидая машину, он еще раз продумал свое поведение в этот первый день на высоком посту. Главное — не торопиться, обдумывать каждое слово. Лучше помалкивать. А если уж говорить, так чтобы в точку. Вот Сталин, говорят, был великий мастер, как себя держать. Кстати, он тоже был невысокого роста. Так говорил тесть /мудрейший все-таки человек!/, если в чем-то не уверен, предлагай не спешить и обсудить еще раз. Железное правило! Работает безотказно.

В это утро Сусликов еще представлял себе свою будущую карьеру лишь в виде поста инструктора Горкома партии, более смутно — в виде поста заведующего отделом, а о месте секретаря даже и думать не осмеливался. И именно в этом было его великое преимущество перед всеми прочими бесчисленными карьеристами нашей необъятной Родины. Каждый шаг своего славного пути он делал как бы с неохотой, лишь по настоянию товарищей, коллектива, соратников, широких народных масс.

На работе Сусликова ждал сюрприз: немедленно вызывали в райком. Я должен тебя огорчить, Петр, сказал секретарь райкома. Начинать с такого не очень-то приятно. Дело очень шекотливое. Вот товарищ... Он из Органов... Он тебе все объяснит. Потом зайдешь ко мне, посоветуемся.

Трудная задача

— В вашем учреждении, — сказал товарищ из Органов, — имеется нелегальная группа. Вот список членов группы. Это — руководитель. Не ожидали? Для нас это тоже полная неожиданность. Сын такого уважаемого человека!.. Смотрите дальше. Этот и этот — наши осведомители. Этот — сын Народного артиста... Эта — дочь директора... Как видите, ситуация сложная. Вы не видите здесь знакомых вам фамилий? Стопкин, Жидов и тому подобные... Мы за ними следим. Но это пустяки. Это не серьезно. А эти... Чем они занимаются? Литературу Оттуда получают и распространяют. Мы уже установили каналы. Два номера уже подготовили. Ну, конечно, коньячок, мальчики, девочки... Не исключено, что наркотики. От них, знаете ли, все можно ожидать. Мы могли, конечно, вызвать их по одному и побеседовать. Но обстановка... Нельзя без последствий. Надо ударить и воспитательную работу провести. И чтобы тихо. Без огласки особой.

Товарищ из Органов еще долго говорил об обстановке, а в головке Сусликова неторопливо зрел план. Это даже хорошо, что это стряслось. Я за это ответственности не несу, — это до меня было. Зато разделаться с этими маминими сынками я смогу запросто. Не надо торопиться, сказал он товарищу из Органов. Пусть себе собираются. Пусть себе выпивают. Наркотики, говорите?.. Сейчас молодежь, знаете ли, такие штучки вытворяет!... Заграничные вещички...

Мальчики... Девочки... Пусть ваши товарищи в эту сторону... Понимаете? Конечно, сказал товарищ из Органов, конечно. Я доложу... Я с вами, Петр Степанович, согласен... А вы меня, между прочим, не помните?.. Вспомнили?.. Это хорошо. Благодарю вас. Вот мой телефон. Будем совместно... Торопиться, конечно, не следует. Надо дать дозреть. И с личным... И открытым...

— Слушай, Петр,— сказал секретарь райкома.— Что-то мне ваш Сенькович перестал нравиться. Я вот получил насчет него письмо. Анонимка, но нет дыма без огня. А что если покопать, нет ли тут ниточки к... Как ты считаешь?

Рассуждения Стопкина и Жидова

Раньше жизнь какая-то была, говорит Стопкин. Сажали, расстреливали пачками. Но были события, страсти, фигуры. История! А тут? Тьфу! Персонажи — Сусликовы. События — липовые соревнования. Представляешь, на что идут результаты творческой деятельности величайших гениев человечества! Использовать электронно-вычислительные машины для выяснения итогов сосоревнования всех учреждений города со всеми! Поручить Вычислительному Центру ежедневно /!/ отправлять в машины итоги работы учреждений за сутки и к вечернему выпуску «Новостей» выдавать свободную таблицу хода соревнования в честь и т.п.! Каково? Только таким выдающимся дегенератам, как Сусликовы, могла прийти в голову такая эпохальная идея. И люди подхватили идею! Сколько подонков на этом начнет карабкаться вверх! С ума сойти можно. А рядом с «Разинкой» начинается Великая Стройка Коммунизма: завод чемоданов! И строить его будут французские инженеры. Как будто у нас своих нет! А чемоданы будут делать из материала, привозимого из Франции. Что творится?

Ничего особенного, говорит Жидов. Чемоданы — это хорошо. По крайней мере вещь полезная. Тут другое интереснее. Кто на этом заводе работать будет? Надо полагать, психи. А откуда ты психов столько наберешь? Чуть? Значит, не исключено, что нам переквалифицироваться придется на чемоданных мастеров. А наше прошлое ты не приукрашивай. Эти фигуры были такими же ничтожествами, как и Сусликов. Только время для них было немножко другое. У Железного Феликса, между прочим, был скошенный подбородок, и он его маскировал выступающей вперед бородкой. И человек он был безвольный. Потому и изображал «железную волю». Они все переворачивали, переименовывали, перевирали. Это была великая революция, но революция ничтожеств. Кто был ничем, тот стал всем. И вся наша история есть история ничтожеств. И вообще, история человечества вся такова...

Не могу согласиться, говорит Стопкин. А Христос? А Будда? А великое искусство прошлого? А понятие личности? Нет, люди наизображали и много настоящего великого. Все-таки не Сусликовы венец творения. Я бы хотел, чтобы ты был прав, говорит Жидов. Но боюсь, что человечество прошло тернистый путь только для того, чтобы породить Сусликовых и создать благоприятные условия для их процветания. Янисколько не удивлюсь, если нас однажды заставят класть цветы к прижизненному памятнику этой погани. Кстати, ты не знаешь Каплинского из отдела народов Африки? Приглашает зайти. Знаю я эту публику, говорит Стопкин. Выпендриваются. Интеллигенцию из себя корчат. А сами ни одной проблемы всерьез даже поставить не могут.

Крест руководства

Дав согласие быть секретарем парткома ЧМО, Сусликов обрекал себя на тяжкий труд, а отнюдь не на райское времяпровождение,— в этом состоит одна из самых таинственных и парадоксальных черт нашего общества. Быть секретарем

парткома или учреждения, значит большую и лучшую часть своей жизни торчать в учреждениях, вникая в тысячи и тысячи всяких текущих дел, сидеть на бесчисленных совещаниях в райкоме или в горкоме партии, проводить бесчисленные собрания, совещания, заседания, беседы и т.п. и т.д. и т.п. Если сотрудник учреждения идет на это, он должен отказываться от выполнения своих прежних профессиональных обязанностей и сделать своей основной /и обычно — единственной/ профессией на этот срок /а часто — насовсем/ исполнение функций партийного руководителя. И нужно быть человеком особого склада, чтобы не свихнуться от потока поразительно ничтожных, серых и занудных дел, с которыми приходится иметь дело и тратить на них все свои ограниченные силы и способности. Сусликов был рожден для этого.

Когда говорят, что Сусликовы рвутся к власти, вцепляются во власть и не уступают ее добровольно, это не следует понимать, будто Сусликовы делают это в борьбе с умными, талантливыми, работающими и т.д. сотрудниками своих учреждений, откуда они начинают свое продвижение вверх по иерархическим лесенкам и лестницам власти. Суть дела в том, что в учреждениях умные, талантливые работающие люди отдают посты руководителей Сусликовым охотно и добровольно. Сами они идут на такие посты очень неохотно, в крайнем случае на время или обнаружив в себе сусликовские начала. Наши первичные коллективы и условия работы и жизни в них устроены так, что выдвижение Сусликовых во власть происходит как естественный и здоровый процесс вполне добровольно со стороны большинства активных работников. Отбираются люди, наиболее подходящие для отправления функций руководства в этих условиях, и в этом смысле — лучшие люди. Вот в чем одна из основ всей нашей системы власти. Власть — это прежде всего определенный человеческий материал, исполняющий функции власти, воспитанный и отобранный по самым фундаментальным законам жизни этого общества. И этот человеческий материал /скажем, вещество власти/ поступает адекватно своей натуре, какие бы веяния ни будоражили общество и какие бы распоряжения ни спускались свыше. Любые веяния, любые распоряжения и призывы, попадая в данный человеческий материал и трансформируясь в нем, реализуются в нашей жизни только определенным, сусликообразным способом.

Сусликов не стал на первом заседании парткома информировать членов парткома о «группе», хотя в ЧМО уже ползали слухи на этот счет. Первое заседание — распределение обязанностей, утверждение плана работы на год. И на втором заседании было еще рано. Да и вопросы были поважнее: итоги соревнования за месяц, последнее выступление товарища... на..., прием в партию. И только через три месяца Сусликов сообщил членам парткома, что поступили сигналы, что в такой обстановке, что в свете последних указаний и т.д., в общем — что надо создать комиссию и расследовать факты аморального поведения и т.д. Ну и жук, шептались между собой члены парткома. Ну и пройдоха! Вот тебе и самый глупый сотрудник!.. Но все были довольны при этом. Молодец, Суслик /теперь это слово звучало уже почти ласково/. Главное — не допустить, чтобы тут политику раздули. Если этой истории придадут политический характер /а именно к этому стремились недобитые сталинисты/, то житья всем не будет. А так, аморалка... Пусть даже уголовщина... Это пустяки, где этого нет. Лишь бы не политика! Сам директор /теперь он как рядовой член парткома в некотором роде подчинен Сусликову/ долго жал руку Петру Степановичу, приглашал его с супругой посетить... И вообще, ему очень приятно... Он надеется и впредь...

Из коридорных разговоров

Какой кошмар, шептались сотрудники ЧМО. Живем, работаем честно, а тут рядом с тобою, оказывается такое вытворяют! Гомосексуализм. Наркотики.

Спекуляция. И все — сынки и дочки! Зажрались, сволочи! Небось из этих? Ну, мы так и думали! Давно пора! Распустились! Мы тут... А они...

Этот подонок Сусликов, говорит Стопкин, наверняка раздует дело с компанией Каплинского. Политический капитал себе в глазах начальства зарабатывает. Ходит слух, что там наркотики и валюта, говорит Жидов. Вранье, конечно. Для отвода глаз, говорит Стопкин. Наверняка там книжечки и писанина. Теперь на этом вся страна помешалась.

Пока еще трудно сказать что-либо окончательное, говорит член комиссии по расследованию деятельности группы Каплинского, но дело серьезнее, чем мы предполагали. Петр Степанович очень обеспокоены... Делают все возможное... Надеюсь, удастся...

Мнение директора

Я бы предложил им уволиться по собственному желанию, говорит директор. Зачем людей будоражить, от важных дел отрывать?! Коллектив у нас здоровый... Вы правы, если подходить с точки зрения узких интересов ЧМО, говорит Сусликов. Но тут надо смотреть шире, с общепартийной и общегосударственной точки зрения. Ну, уйдут они отсюда. Так ведь группа-то все равно останется. Хорошо, уберем их по одному, тихо. Но останутся другие, а дурной пример заразителен. Нет, тут нужно серьезно ударить. Так, чтобы другим неповадно было. И чтобы резонанс широкий был. Выходит, мы на весь город развоним, что у нас творится, говорит директор. Как же так? Нас же потом на всех уровнях склонять начнут, до Москвы дойдет! Что поделаешь, говорит Сусликов, интересы партии и государства превыше интересов какого-то маленького урежденьца ЧМО.

Ого, как заговорил мерзавец, думает директор. А давно ли еще хвостом крутил, патриотом ЧМО прикидывался. Да, такой негодяй мать родную продаст «ради интересов партии, государства, народа». Уж не под меня ли он копает? Вряд ли. Такой говнюк с сектором не справится, не то что с такой махиной, как наше ЧМО. Нет, для него это дельце — трамплин. В горком метит, подонок! Ему и плевать на нас. Он свое здесь уже взял.

Директор, конечно, толковый руководитель, хороший специалист, думает Сусликов. Но он явно политически слеп. Дальше своего ЧМО он не видит ничего. Нет у него политического кругозора и перспективы. А за то, что он допустил такое у себя под крылышком, по головке его не погладят. Надо будет на парткоме поставить вопрос о взыскании. Конечно, серьезное взыскание райком не пропустит. Но небольшое явно одобрит. Можно подумать и о снятии директора как... Кого можно на его место? Надо своего человека подобрать на всякий случай...

СКАЗКИ О ВОЙНЕ И МИРЕ

Из «Баллады»

Но бывает и про нас
Иногда счастливый час.
Незадолго до отбоя
Притулимся мы гурьбою
На задворках где-нибудь.
Для начала порем муть.
Вдруг минута наступает,
Кто-то тихо запекает.
Все на свете позабыв,
Тянем грустный мы мотив,
Как тетрадки бросив, книжки,
Без усов еще мальчишка
От родителей тайком
Сбег в пилоты босиком.
Как он по небу кружил,
Петли гнул и виражи.
Как случилась беда,
Был отчислен навсегда.
Как в штрафной утопал роте
Погибать зазря в пехоте.
Как за годом год промчался.
Сын бесследно затерялся.
Пусть не ждет напрасно мать...
Эй, вы, бляди, вашу мать!—
Старшина орет,— заткнись!
На поверку становись!

Правило и исключение

Иванов и даже я — редкое исключение в среде отставников. Подавляющее большинство нашего брата становится порядочными сволочами после ухода из армии /а, значит, говорит Иванов, они такими были и в армии/. Они входят во всякого рода комиссии при райкомах партии, в административные комиссии при райисполкомах. В партийных организациях, где они стоят на учете /по месту работы/, они — оплот всего самого махрового. Если персональное дело, во главе комиссии, готовящей его, обычно ставится такой отставник. Доносы, письма в редакции газет, анонимки и подписанные заявления в высшие инстанции и т.п., — во всем этом львиная доля принадлежит отставникам. Конечно, в содружестве со «штатскими» пенсионерами. На нашей же лестничной площадке живет еще один отставной полковник, Филатов. Он — характерный экземпляр такого рода. Он терроризирует весь наш район, читая нотации всем и вся по каждому пустяку. Он

закидал редакцию городской газеты письмами с критикой непорядков и позитивными предложениями. Он до такой степени допек нашего главного городского писателя /лауреата, депутата/, что тот выписал в своем романе о дореволюционной жизни Филатова в образе жандармского полковника Филатова. Филатов подавал на писателя в суд, но суд отклонил его притязания. В нашем околотке Филатов создал по своей инициативе сеть осведомителей. Они регулярно являлись к нему на доклады ночью и порядком нам надоели. Филатов собирал их сведения, обрабатывал и потом посылал длинные доклады в городское отделение ОГБ. Там сначала отнеслись к инициативе Филатова благосклонно, потом — с юмором, наконец взвыли и попробовали от него отделаться. Он пожаловался самому председателю ОГБ. Из Москвы приехал специальный человек выяснить, в чем дело. И когда узнали, какую грандиозную сеть осведомителей сколотил Филатов, схватились за голову. Ситуация сложилась затруднительная. С одной стороны, нельзя глушить инициативу народных масс снизу. А с другой стороны, дело могло получить огласку и стать предметом насмешек в среде диссидентов, а значит, сведения о нем могли просочиться за границу. Решили систему Филатова «временно законсервировать». Работает Филатов в тресте местной промышленности, имеющем дело с оглоблями, дегтем и т.п. устаревшим дерьмом. Он там начальник секретного /!/ отдела. Зачем им секретный отдел?! Но он сумел там раздуть этот отдел до чудовищных размеров. Сам изготовил особую инструкцию о том, как хранить шкафы секретного отдела, как с ними поступать в случае пожара и... войны! В горкоме партии подняли было это на смех. Но слух дошел до высших инстанций. На основе самодельных инструкций Филатова в Москве изготовили законные /секретные!/ инструкции. И Филатов даже получил какую-то награду. И у нас в институте эта «филатовская» инструкция хранится в сейфе среди самых секретных документов. У Филатова сын кончает политехнический институт и хочет, естественно, зацепиться где—нибудь здесь или, лучше того, пристроиться в Москве. Филатов насел на меня, требует /а не просит!/ устроить сына в наш институт или /мой директор переводится в Москву, он откуда-то это узнал/ в тот московский институт, где я буду /он в этом уверен/ скоро работать. В жилищном отделе райисполкома он уже договорился переехать в мою квартиру,— солнечная сторона! Я сказал, что в Москву не собираюсь. Он не поверил. Как это можно не хотеть в Москву?! Да Москва по отношению к нашей провинции — почти заграница. Кстати, сказал он, в газете смешной фельетон напечатали. Не читал? Как же так?! Член партии, высокий пост занимаешь, а газет не читаешь?! Нехорошо!! О чем фельетон? Стервец повар из вагона-ресторана регулярно возил из Москвы антрекоты. Там они по тридцать семь копеек. А тут продавал по рублю! Где доставал? Блат! А возил-то тоннами!!! Последний раз у него конфисковали две тонны!!! Вот куда мясо пропадает. А мы тут поносим политику в сельском хозяйстве! Мясо есть! Его разворовывают жулики всякие. Евреи, конечно, те... Этот повар наверняка еврей!... Я сказал, что евреи поварами не работают. Физиками, скрипачами, шахматистами, кинорежиссерами,— это да. Но поварами... Зарабатывают Филатовы неплохо, больше нас. А живут впроголодь, одеваются отвратно, в квартире — как у младшего лейтенанта кавалерии на Дальнем Востоке до войны, т.е. совершенно пусто.

А теперь Филатов начал сочинять стихи. Это какой-то кошмар. Он врывается к нам и к Ивановым в любое время суток, не считаясь ни с чем и требуя внимания. И мы вынуждены хвалить. Попробуй покритикуй! Мой сын, послушав однажды стихи Филатова, сказал, что это — памятник эпохи, что их надо собирать и обязательно напечатать со временем. Одно стихотворение, основательно отредактированное, напечатали в сборнике самодельных поэтов города. И он после этого буквально осатанел. Я запомнил лишь один такой отрывок из этого стиха /полностью невозможно/. Вот он:

Ночь была. Я уже спал. Но вдруг заболел живот. Лекарство выпил — не помогает. И я вышел на улицу. Решил слегка проветриться. Вздыхнул глубоко. Ах, сколько еще лжи от прошлого осталось! А луна в успешно осваиваемом нами космосе вертится.

В газете потом была рецензия на сборник, в которой Филатова похвалили за новаторскую форму, адекватную правильному содержанию. Иванов, однако, напугал Филатова, — сказал, что так стихи сочиняют теперь все диссидентские поэты. И если теперь Филатов захочет поехать по туристической путевке на Запад /а он действительно собирается/, то его не выпустят, поскольку поэт с такими задатками почти наверняка станет невозвращенцем вроде Барышникова, Максимовой, Нуреева и т.п. У Филатова глаза стали круглыми. Он стал клясться, что талант отдает на благо и на службу трудовому народу и партии и т.п. Иванов сказал, что писатель Кузнецов, который остался в Англии, тоже был предан, верен и все такое прочее, был даже партийным секретарем, а все же не вернулся. Теперь наши внутренние эмигранты хитрыми стали. Прикидываются своими и вдруг откалывают номер. Так что на время лучше совсем стихов не сочинять или сочинять, как все. Филатов сказал, что он не способен сочинять такую халтуру, какую печатают в наших газетах. Как бы то ни было, Филатов перестал нас насиловать. Теперь он пишет стихи тайно, перемежая свою творческую деятельность сочинением обстоятельных докладов для ОГБ. Поскольку большинство жильцов дома /это все офицеры и отставники/ перестало его пускать, он завел близкие знакомства с детишками и старухами и выведывает у них всякого рода криминальные тайны. Да, вспомнил еще один куплет из Филатова. Последний.

И я воскликнул: Партия родная!
Я твой верный сын на века!
Вот в предрассветной дымке тают домов очертания.
Заверяю тебя: наш советский народ
готов трудиться без отдыха и сна,
чтобы выполнить твои гениальные предназначения.

Ловля блох

После разбора полетов до вечерней поверки и отбоя остается еще час свободного времени. Отличники боевой и политической подгс овки в это время ловят блох. У них благодаря этому до невероятной степени развиваются осмотрительность и быстрота реакции. В современном самолете летчик должен одновременно держать в поле внимания десятки приборов, — десятки колеблющихся стрелочек, черточек, шариков и т.д. И к тому же следить за положением самолета в среде, видеть землю, другие самолеты. Все это видимое разнообразие постоянно меняется и требует от летчика действий соответственно новой ситуации. И ловля блох с этой точки зрения есть наилучшая тренировка. Во-первых, увидеть блоху — проблема не менее сложная, чем зафиксировать координаты электрона: самим актом видения ты заставляешь блоху менять положение в пространстве. Блоху можно увидеть лишь при условии, если она сдвинется с места. Во-вторых, увидев блоху, ты не сможешь установить, куда она переместилась. Почему? Да потому, что сама блоха, начиная перемещение, не знает, куда она будет двигаться. И преземлившись на новое место, она не сразу сообщает, где она находится. Так что говорить о рядовом курсанте ИВАШП?! И все же курсанты после непродолжительного периода неудач и отчаяния насобачиваются ловить блох с таким виртуозным совершенством, что даже наш эскадрильский пес Будила смотрит на них с нескрываемой завистью. Прилипала, например, за час «сбивает»

до двухсот блох. О масштабах этой цифры можно судить из такого сравнения: Кит за такое время «сбивает» от силы десяток, а Гизат — не более трех штук, да и то самых старых и неповоротливых.

Макаров наблюдает за ловлей блох и комментирует результаты. Между прочим, говорит он, блохи в некотором роде — символ. Англичане, как известно, сделали искусственную блоху. Прыгала, как настоящая. Ничего не скажешь, цивилизация! А мы? Мы ту блоху подковали. И прыгать она уже не могла. Это — наш ответ на ихнюю цивилизацию. Погодите, мол, допрыгаетесь! Подкуем, как миленьких! Хватит трепаться, говорит Хомяк. Дотреплешься, подкуют, как миленького! Макаров презрительно сплевывает, но на всякий случай уходит к нерадивым.

Нерадивые валяются в лопухах за землянкой и греются в лучах заходящего солнца. На блох им наплевать. Они могут спать в любых условиях. Блохи их почему-то не кусают. Они предпочитают политически грамотных и безошибочно находят их в крошечной тьме землянки. На этой почве между отличниками и нерадивыми назрел серьезный конфликт. Не будучи в состоянии прокусить шкуру нерадивых или установив их несъедобность, озлобившиеся блохи с удвоенной энергией кидаются на отличников. Те, истребив своих собственных блох, засыпают сном младенцев. И только они начинают смотреть райские сны, как на них обрушиваются голодные полчища блох нерадивых. Отличники в ужасе просыпаются и частенько с воплями выбегают из землянки. Измученные бесперспективной борьбой с этим наваждением, они лишь под утро засыпают в самых фантастических позах. Вследствие этого стал снижаться уровень боевой и политической подготовки. Прилипала уснул в самолете в зоне, а Хижняк — в строю во время политинформации. Пришлось устроить специальное комсомольское собрание на эту тему. На собрание приехал сам заместитель начальника школы по политической части полковник Мешков. Но официальную резолюцию принять не решились: испугались того, что история получит огласку в гарнизоне. Макаров предложил простое решение проблемы: полынь! Надо обложить матрац полынью, и дело с концом. Но...

Часть нерадивых во главе с сачком Фомкиным скулят блатные песенки. Временами от этих песенок начинает пахнуть политикой. Чего например, стоит такая песенка про коммунизм.

Вот придет желанная пора.
И завоем дружно мы «ура!».
До усеру наедемся,
До тека отоспимся.
Остальное, всем известно, есть мура.
Да, да.
Наедемся до икоты,
Отоспимся до ломоты.
Остальное же не стоит ни хера.

Хорошо, ребята, жить в раю.
Пусть хотя б на самом на краю.
Будем вволю тринкать водку
И занюхивать селедкой.
Сидя песни петь, а не в строю.
Да, да.
Будем водку пить по-русски,
Жрать селедку для закуски,
Сидя песни петь, а не в строю.

Не будем строевою мы трухать,
Не будем на работе подыхать.
К бабам под вечер сорвемся,
До отвала на.....я.
Ну, а на последствия — начать.
Да, да.
Будем ночью топтать к бабам,
Как давно ведется, дабы
Слаше днем в кровати припухать.

Другая часть нерадивых во главе с Мамалыгой затеяла грязное /в буквальном смысле/ дело: они красят козу штурмана эскадрильи старшего лейтенанта Кондратенко. Красят авиационными красками, предназначенными для самолетов. Краска молниеносно высыхает, отодрать ее потом нет никакой возможности. Коза вертится от возбуждени и мажет художников в самых непотребных местах. Только по непрерывному хототу можно было судить, что там творится в кустах. Наконец, коза вырвалась и вылетела на площадку перед штабной землянкой прямо на командный состав эскадрильи. Рога красные, брови черные, вокруг глаз синие круги, борода красная, на одном боку череп с перекрещенными костями, на другом — угрожающая фраза по адресу волков, содержащая, конечно, любимое русское слово из трех букв /«... возьмешь!»/. Коза ринулась прямо к Кондратенко. Тот сначала хохотал, потом гневно ругался, потом успокоился: ... с ней, лишь бы волки не съели! Будила, состоявший в большой дружбе с козой, погнал ее домой, — в ближайший поселок, где Кондратенко снимал квартиру.

Гизат писал матери. Скоро будем сталинскими соколами, — тшательно выписывал он на клочке бумаги, — а пока ловим блох...

Старшина скомандовал: на вечернюю поверку станови-и-и-и-и-сь!

Бабники готовятся к самоволке, — до блеска надраивают чужие сапоги, которые они выклянчили у отличников за пять порций сахара /тут на все строго установленная такса!/, ищут широкие ремни /две порции сахара!/, договариваются с дежурными и дневальными /порция второго, ужин, компот и т.п.!/. Бабники — народ особый. За одну такую самоволку они теряют больше половины дневного рациона, за ночь ухитряются протопать километров двадцать, сделать свое мужское дело на достойном уровне, ухитриться избежать патрулей или удрать от них, вернуться до подъема в часть и после этого летать как ни в чем не бывало.

Мы с Тоней топаем по шоссе. Нам нужно зацепиться за попутную машину, идущую в город. Мне надо «домой», а Тоня после истории с Анечкой пристроился к подружке. У них, кажется, любовь. Зацепиться за машину — целое искусство. Шофера, заметив издали курсачей, увеличивают скорость до предела. Но нас это не смущает. Нам — лишь бы у машины кузов не был забит до отказа. Еще до того, как машина поравнялась с нами, мы начинаем разбег с таким расчетом, чтобы развить максимальную скорость в момент соприкосновения с машиной, хватаемся за борт сбоку /хотя бы одним мезинцем зацепиться!/, и проблема решена: на любой скорости мы через долю секунды уже в кузове. За все время у нас был лишь один несчастный случай: мы не заметили, что у машины был прицеп, и одному курсанту из второго звена разбило черепушку.

О вере в коммунизм и т.п.

Люблю, когда наша семья бывает в сборе. Все-таки у нас хорошая семья. Дружная и веселая. Главное, веселая. Нытиков я не люблю. Приехал сын с ребятами. И как-то само собой получился настоящий пир. Женщины с вдохновением приготовили отличную закуску. А мы, мужчины, сообразили насчет выпивки.

Жених тоже выпить не дурак. Но пьет умеючи, и это мне нравится. Не люблю трезвенников. И все эти разговоры о болезнях и сокращениях жизни из-за выпивки — это для слабоверных. Не вечно же жить. И какой смысл жить дряхлым и злобным выжившим из ума столетним старцем?! Пусть меньше, да лучше, как нас учил Владимир Ильич. Выпили, закусили и, естественно, разговорились. Конечно, о чем попало. Дочь рассказала о случаях телепатии, которые, якобы, установлены бесспорно. Сын сказал, что это ерунда. Мысль все равно должна быть выражена во фразе, а это — физический объект, а передача физических объектов не может быть осуществлена не физическими средствами. Во всяком случае, она не может быть мгновенной. Так что тут не может быть ничего, кроме обычных средств информации и их усовершенствования. Внук сказал, что Б... опять отказали в разрешении на эмиграцию. Жена сказала, что это глупо. Пусть катится ко всем чертям, зачем держать?! Шуму меньше будет. Жених сказал, что тут действует особый закон максимального зла. Согласно этому закону власти стремятся причинить жертве как можно больше неприятностей, если даже это идет в ущерб государству. Потом внук прочитал эпиграмму на поэта В..., сочиненную кем-то в связи с публикацией поэмы В... о Ленине.

Я Ленина чту, а Сталина — тю.
И вовсе при этом, друзья, не финтю.
И если тем самым для власти удобен,
То, значит, на большее я не способен.

Жених сказал, что В... — карикатура на Маяковского, а его поэма — типичное г...о. Дочь сказала, что Маяковский по крайней мере искренне верил в коммунизм. Тогда вообще верили, не то что сейчас. Я сказал, что, конечно, верили. Но только коммунизм представляли в виде белого хлеба с маслом, отдельной койкой, штанов без заплат. Коммунизм, как мы его представляли, построен. Ясно, сказал Жених, но одновременно построилось что-то другое, что оттеснило наши идеалы на задний план. Во всяком случае, нынешняя молодежь представляет себе коммунизм несколько иначе, а именно: в виде транзисторов, джинсов, машин, замшевых курток, коньяка, ресторанов и т.п. Сын сказал, что не вся молодежь такая. Согласен, сказал Жених, некоторые мыслят в виде кандидатских и докторских степеней, поездок за границу и т.п. Не только, сказала дочь, многие понимают коммунизм правильно...

Потом несли всякую ахию с расчетом не столько на глубокомыслие, сколько на смех. Русский народ вообще склонен к юмору, заметила дочь. Да, сказал я. Юмор — в природе нашего народа. У нас в деревне девчонки и ребята начинали «невеститься» и «женихаться», т.е. ходить на гулянки /«беседы»/ и танцевать, с четырнадцати лет. Ходили босиком или в лаптях, а перед деревней, где была «беседа», надевали ботинки. Потом была одна такая «беседа» у нас в деревне. Была поздняя осень. Снег начал выпадать. Пришли девчонки из одной деревни за десять километров. Лапти спрятали в кустах на окраине. Наши ребята подглядели и украли лапти. В шутку, конечно. Природный юмор! Кончилась «беседа», сунулись девчонки переобуться, а лаптей нет. Так по снегу топтали десять верст. А вся округа хохотала целый год, вот, мол, ребята шутку отмочили. А девчонкам-то по четырнадцать было. И постоянные насмешки над ними... Да, мы юмористы от природы. Народ, сказал Жених. Между прочим, говорят, что в беседе с Президентом США наш премьер будто бы сказал, что нашему народу нельзя давать «права человека», не дорос. Народ, выходит, не дорос, а они, руководители, доросли. Ты опять берешься судить о вешах, в которых не компетентен, сказал дочь.

Из «Баллады»

Приближается к развязке
То, о чем я написал.
Для кого — смешные сказки.
Для меня, увы, скандал.
Голос шепчет мне: Пустое!
Ты другое напиши.
Не про грязь, а про святое.
Спой от сердца, от души.
Голос шепчет мне: Напрасно.
С этим лучше не шути.
Не попало, что прекрасно,
На твоём дурном пути.
Из вагона прошлым летом
Я девчонку увидал.
Слово чести, вот за это
Все на свете я б отдал...
Но такое отступленье
Нарушает мой рассказ.
Я божился приключенье
Описать вам без прикрас.

Если триппер не ловил,
Почитай, что и не жил.
Что такое триппер? Смелость.
Аттестат мужской на зрелость.
Этикетка светская.
Сила молодецкая.
Не замечен он пока
У юнца и старика.
Я за это не боролся,
Я случайно напоролся.
Как и ты. Как он. И он.
Как и прочих легион.
Срок пришел. Иду мочиться.
Вот те раз! Извольте бриться!
Я от боли завопил.
Братцы, триппер подцепил!
Выручайте, говорю,
А иначе погорю.
Ах, напасть. Беда какая!
Эта штучка дорогая.
Коль по-тихому лечить,
Надо уйму заплатить.
Две шинельки. Плюс портянки.
Плюс черняшки две буханки.
В общем, хочешь сделать чисто,
Становись рецидивистом.
Признаюсь, не хочу
Я идти в санчасть к врачу.
Врач не лечит это дело
Без Особого отдела.
Как нарочно, в ту минуту
Стало жалко пропадать.

Потянуло почему-то
Хоть немножко полетать.
Надо мной сгустились тучи,
но нужда всему научит.
Вот как дальше дело было:
Спер я в складе пачку мыла.
Кому следует загнал.
Сульфидинчику достал.
И на радости про это
Другу ляпнул по секрету.
Обошлось без врача,
Да приятель настучал.
Позабыл я, пустомеля,
Что нельзя трепать о деле.
Дружба-дружкой, но молчок,
Врозь держите табачок.
На меня потом свалили,
Как ведется, всех собак.
С головы до ног облили...
Что поделаться?! Сам дурак!

Обратный путь

Обратно мы с Тоней возвращались пешком: попутных машин ночью не было. У нас в полку, рассказывал Тоня дорогой, служил один парень. Математик. Кандидат наук. Доцент. Но совершенно беспомощный. Весь полк над ним смеялся. И была у нас в эскадроне кобыла по имени Осока. Жуткая сволочь. Кусала и лягала всех подряд, кто зазеваётся. Но умная тварь. Она сразу заметила, что над Доцентом все смеются. И сама начала его преследовать с максимальной настойчивостью и с поразительным коварством. Например, дневалит Доцент на конюшне. Осока делает вид, что не замечает его. Оттянет потихоньку чомбур. Выберет момент, когда Доцент не подозревает возможности удара, выдвинется из «станка» и так двинет его копытом под зад, что тот кубарем летит в кучу навоза. Один раз такой случай произошел. Командир эскадрона поругал Доцента за то, что тот плохо заправлен. Осока услышала, вырвалась у своего хозяина /тот стоял неподалеку/, подошла к Доценту и ухватила его за шиворот зубами. Хохотали все мы до упаду. В конце концов Доцент не выдержал и однажды рубанул ее шашкой по крупу. Кобылу вылечили, а Доцента засудили. А ведь он был единственный сын в семье. Он рассказывал мне о себе, мы дружили. В пятнадцать лет школу окончил с медалью, за три года мехмат в Университете окончил, за год сделал диссертацию. В общем, вундеркинд. А почему же его в армию взяли, удивился я. А кто их там разберет. Вроде на кафедре его невзлюбили. Пацан, а уже доцент. И решили, что ему надо жизнь повидать. Обратились в военкомат. Ну, его и забрали. Представляешь, загубили такой талант. И кто? Глупое животное!.. Кобыла!.. Ну, она же только помогала. Оно, конечно, так. Но он-то с кобылой боролся, а не с людьми.

Институтские дела

С некоторых пор меня начинает мутить от созерцания нашей институтской жизни. Вот, например, недавно произошел такой любопытный случай. В научном кабинете около года работает симпатичная девочка. Зовут, кажется, Ниночкой. Работает хорошо, прилежно. Где-то ей представилась возможность поехать по туристической путевке во Францию. За свои денюжки, конечно. Нужна комсомольская характеристика. Собирается комсомольская группа и принимает

решение не рекомендовать ее для поездки во Францию, так как она это еще не заслужила. И райком комсомола характеристику не дал. Я потом разговаривал с девочками из кабинета /там одни девочки работают/. Что, мол, она вам плохого сделала? Почему вы распоряжаетесь чужой судьбой? На каком основании? Они накинулись на меня так, что я вспомнил сталинские времена. Уходя от них, я сказал, чтобы они больше не удивлялись, как это все происходило при Сталине. Вот так именно и происходило. А Ниночке я посоветовал подыскать другое место работы, а то эти сидушки ее сожрут. Так, ни за что сожрут,— надо же им на ком-то точить зубы, срывать зло, вымещать ненависть за свою жалкую участь.

И такого рода «пустяками» наполнена вся жизнь института. А теперь в связи с предстоящей сменой руководства институт буквально кипит от сплетен, слухов, злословия, интриг. Одуреть можно, если всю эту муть принимать всерьез и переживать. А ведь для сотрудников это и есть их реальная жизнь. Они-то переживают, да еще как! И к тому же совершенно напрасно, ибо кандидатура директора уже намечена. Директором будет «молодой и талантливый» ученый из Москвы. Он дал согласие на несколько лет приехать к нам и поднять уровень нашего института с тем условием, что на следующих выборах в Академию его изберут в член-коры. Я об этом знаю, но меня попросили пока помалкивать. А зачем помалкивать? Все равно же скоро весь город об этом будет болтать.

Из «Баллады»

И стою я перед строем,
Скажем прямо, не героем.
Политрук прочесть спешит,
Перепутав падежи,
Все спряженья и склоненья,
Про мои про преступленья.
Плохо койку заправлял,
Хуже всех в мишень стрелял,
И шагал не с той ноги,
И не чистил сапоги,
И газеты не читал,
В самоволку умотал,
В час тяжелый над страной
Нагло спал с чужой женой.
Преступлений всех не счесть.
Опозорил части честь.
Но придет всему финал:
И теперь — под трибунал.
Ну а мне на все плевать,
Будто мне не привыкать.
Больше вышки не дадут,
Дальше фронта не пошлют.
На «обед» — кусок черняшки,
Кружка аш-два-о из фляжки.
Повезет, коль часовой
Даст курнуть «чинарик» свой.
Лишь успел я «пообедать»,
Мне подкинули соседа.
Пригладелся — вот-те на!
Ты ж из летного звена!
И к тому ж в комбинезоне.
Это что — заместо зоны?

Новичок рукой махнул,
На пол сплюнул и вздохнул:
Вылетаем, брат, в трубу,
Летчики-пилоты,
Прямо с зоны на губу.
Что за идиоты!

Костя

Костя говорит, что теперь наш институт - унылая, серая, бездарная, заурядная контора. Раньше, в хрущевские времена и первое время при Брежневе /по инерции, очевидно/ в институте была отличная самодеятельность, постоянно ходили в туристические походы, банкеты каждую неделю кто-нибудь устраивал, за границу частенько ездили, всякого рода симпозиумы, стенная газета выходила веселая и зубастая. Говорят, что несколько номеров сохранилось у ребят. Хохмы веселые отмачивали. В общем, жизнь была. И пьянки были не такие мрачные, как сейчас. А теперь... Что осталось? Нудные собрания. Демонстрации. Избирательный участок. Встречи Вождей. Безобразные скандалы вроде последнего случая, когда у Н... украли дубленку, а З... попался в махинациях со взносами. В общем, муть. И люди стали совсем другими. Нет, не то что постарели, Институт даже помолодел. Молодежи теперь больше... Надлом какой-то странный произошел.

Мы сидим, запершись в моем кабинете. Я достал из сейфа бутылочку коньяка и маленькие стопочки, и мы смакуем великолепный старый коньяк, который мне подарил один аспирант из южной республики /я ему устроил хорошее место в общежитии/.

— Хотите верить, хотите нет, — говорит Костя, — даже этот подонок Барский принимал участие в наших хохмах. Он был довольно остроумный мужик. Юмор его, конечно, был своеобразным, но все-таки... Помните историю с перепечаткой «Демагогической логики»? Так он один из авторов этого памфлета. Ему же принадлежала идея введения единицы измерения степени подлости- «свина». Да, в честь Свинарера. Знаете? Представьте, его тогда убрали из института. После помешения наших хулиганских материалов по «свинологии» в стенгазете. А теперь? Свинарера поставили на учет в нашей партийной организации, хотя он давно на пенсии. А что такое Барский, вы сами знаете. Только эта гадина Стваржинская может его переплюнуть по мерзости. Сейчас он упорно хочет раздуть эту мизерную историю со своими мэнэсами, которые устроили что-то вроде обсуждения «Гулага» в отделе. Даже партбюро вынуждено его сдерживать. Мол, люди говорили на основе слухов и к тому же осуждали Солженицына за оправдание власовцев. Скажите, на кой ему нужно раздуть эту историю? Ведь ему самому же неприятности, в его отделе такое чепе было. Ведь дальше нынешнего поста он все равно не поднимется.

— А кто его знает, — говорю я. — Я по личному опыту знаю, что в большинстве случаев люди, совершая подлости, сами от этого не имели ничего хорошего, имели мало или имели неприятности. Тут какая-то психология странная работает. Скорее всего — болезнь. Или... В общем, я этого объяснить не могу.

— И не надо, — говорит Костя. — Ничего не выйдет. Возьмите, к примеру, Бычкова. Десять лет просидел в сталинских лагерях. Знаете, за что? В разговоре в компании друзей сказал, что он лично Сталина своими бы руками придушил. Кто-то донес. Дали вышку, но «помилвали» за заслуги в войне. После смерти Сталина реабилитировали. И что же? Ближайший помощник Стваржинской во всех ее гнусных делишках. А ребяташки из отдела Барского все из благополучных семей, комсомольцы... Или вы, например, вы же были сталинистом. В армии преуспели. У вас приличный пост. А я с вами могу говорить на любые темы. И уверен, что вы не продадите...

— И не так уж я преуспел,— говорю я.— И сталинистом яростным я никогда не был. И пост мой — одна видимость... А поговорить... Теперь ведь все говорят. Главное — чтобы не официально, не открыто, без групповщины...

Мой сосед, веселый малый,
По всему, видать, бывалый,
Мне ль, себе ли говорит:
Наша жизнь к чертям горит.
Не тревожь себя напрасно.
Что нас ждет — младенцу ясно,
Влепят самый зверский срок,
Чтобы был другим урок.
И отправят на войну
Искупать свою вину.
Сгонят нас со всех сторон
В арестантский эшелон.
На морозе спозаранку
Пальцы смерзнутся с портянкой.
Жди, пока придет черед.
И в вагон запустят взвод.
Под дырявую шинельку
Гладить доски на недельку.
Между прочим, запиши:
Заведутся сразу вши.
Жрать захочется до рвоты,
Спать-дрожать. И ждать чего-то,
Зная твердо: ты теперь
Компенсация потерь.
Повезет, коль нас с тобою
Разнесет снаряд до бою.
На разбитом полустанке
Псы сожрут твои останки.
Нет — так выгрузят с вагона,
Сунут в рыло три патрона.
И пойдет опять мура...
В бой за... Чтоб он сдох!.. Ура!..
Разгуляешься на воле,
Серый труп на мерзлом поле.
Просмердишь там до весны,
Неземные видя сны.
Если ж чудомцелеешь,
Даже толком не успеешь
Концентрат переварить,
Все заставят повторить.
И тогда... Спустивши газы,
Мой сосед забылся сразу,
Беззаботно захрапел,
Будто песенку запел.
Спи, младенец мой прекрасный,
Все пройдет, как день ненастный,
Баю-баюшки-баю...
Оплеушек надаю.
Мне ж по-честному, ребята,

Не дает покоя злость,
Мы-то разве виноваты,
Что такое развелось?

Вызов в Особый отдел

Курсантов нашего звена начали вызывать в Особый отдел. По два-три человека. Мы не придали этому особого значения, так как такого рода вызовы выпускников были обычным делом. Все-таки летчики. В любое время можно улететь к противнику. Так что нужна тщательная проверка. Хотя, насколько нам было известно, случаи добровольного перелета к противнику никогда не происходили, «проверка» все равно производилась. Скоро я убедился в том, что под видом такой «проверки» делалось нечто совсем иное.

Меня вызвали вместе с Гизатом и Прилепиным. Произошло это так. После обеда старшина приказал нам идти в штабную землянку. Там нас ждал политрук. Политрук сказал нам, зачем нас вызывают, и выписал увольнительные записки. Мы сели в кузов машины, которая должна была ехать в город за продуктами. Спешить нам было незачем. И мы сговорились встретиться у штаба в определенное время. Прилепин соскочил в деревушке в трех километрах от города, где у него была баба, а мы с Гизатом заскочили ко мне «домой». Гизата заставили колоть дрова. А я в это время /не снимая сапог, как говорится/ занимался своим мужским делом.

В Особом отделе сидели трое — сам Восьмеркин, его помощник /молодой лейтенантишка из Москвы/ и какой-то незнакомый майор. Гизатом занялся лейтенант, Прилепиным — Восьмеркин, а мной — незнакомый майор. Мы разошлись по разным кабинетам. Мы с майором заперлись в кабинете замполита.

Костя

— Мы все время ищем некое единое, стандартное объяснение,- говорит Костя.— А его на самом деле нет. Можно объяснить каждый случай по отдельности, но нет объяснения для всех случаев такого рода. Вот возьмите, например, историю с выборами нашего шефа в Академию. А и В выступали и хвалили шефа. А хвалил потому, что это улучшает условия работы его лаборатории, а В — потому, что холуй по натуре. Он от этого даже выгоды никакой не имеет. С и Д смолчали. С смолчал потому, что испугался: шеф ему может крупно напакостить. Д смолчал потому, что презирает всю эту житейскую суетню. Так что мы можем лишь одно констатировать: люди либо промолчат, либо будут хвалить. И никто не сомневался в этом. В чем дело? А в том, что у нас у всех выработалось интуитивное понимание природы нашей системы. Мы твердо знаем, что будет то-то. А почему — объяснять это бессмысленно.

— Выходит,- говорю я,— наша система непознаваема?

— Почему же? Как раз наоборот. Мы тоже точно знаем, что в ситуациях, подобных ситуации выборов в Академию, проходят с большей вероятностью люди типа нашего шефа. Вы вот точно знаете, что мне академиком не бывать, не так ли? Вам не скучно? Я хочу изложить вам кое-какие соображения, которые у меня возникли в результате переноса методов исследования сложных природных систем на общество. Вот, скажем, желательны такие-то и такие-то изменения в нашем обществе. Например, ликвидация цензуры, свобода организаций и прессы, свобода передвижения и т.п. Наши оппозиционеры кричат: даешь! И дело с концом. А между тем необходимо установить, имеются ли в данной системе возможности для эволюции такого рода или нет. Что это значит? Общество состоит из людей. Здесь все в конце концов зависит от людей. Чтобы упомянутые изменения произошли, нужно, чтобы в обществе появились и постоянно воспроизводились определенного

типа люди, чтобы прочие были неспособны их истребить, чтобы активная часть общества приняла эти изменения и т.п. Без этого желаемая эволюция невозможна. Значит, надо установить, в какой мере возможно появление людей требуемого типа и каковы их перспективы. Это раз. Затем мы сталкиваемся с другой проблемой. Желаемая эволюция системы — это определенные мероприятия. Последние отражаются во всех прочих важных сторонах жизни общества. Как? Опять-таки нет строго детерминированного решения. Мы должны выделить прочие сферы жизни общества и установить чисто комбинаторные варианты их изменения. Затем надо установить вероятность каждого из них, отсеять заведомо нереализуемые, оставить наиболее отвечающие общей природе системы. Вы понимаете, к чему я клоню? А к тому, что хорошее решение в одном разрезе системы ведет к каким-то изменениям в других, но к каким именно, самим этим решением не предопределено. Тут действует общий принцип эволюции всякой сложной эмпирической системы: она «течет» в направлении самой простой и доступной возможности. У нас это означает: туда, где нужно меньше ума, трудолюбия, терпения и т.п. Чуете? Я берусь показать, что в нашем обществе эти «права человека» ни к чему хорошему привести не могут. И наши власти поступают инстинктивно правильно, сопротивляясь этому и преследуя борцов за «права человека». Это я говорю как ученый. Печально, но факт. Я жажду этих «прав». Но увы, они недостижимы. Система не пойдет из-за них на самоуничтожение.

— Своеобразная концепция! Первый раз слышу подобное. Ты эту свою теорию пошли в ЦК, тебя там с радостью встретят и возвысят.

— Вряд ли. Они же считают, что у нас этих «прав человека» в избытке. А я утверждаю, что их нет, что они вредны, что их никогда здесь не будет. Это же нечто совсем иное. Да ну их, эти «права», в ж..у! Надуманная проблема! Она вырастает не из недр народной жизни, а из субъективного недовольства отдельных людей из образованной части общества своею личною судьбою. Они свою личную неустроенность в этом обществе выдают за недостатки самого общества. Странно это слышать от такого типа, как я, да? Не удивляйтесь. Дело все в том, что у нас вообще нет никакой народной жизни, так или иначе неподконтрольной нашим властям всякого рода. Вернее, то, что неподконтрольно, рождает нечто такое, что и говорить не стоит.

И бубнит сосед-нуда:
Эх, бабенку бы сюда!
Все равно на вид какую,
Лишь бы чуточку живую.
Поллитровку б раздавить,
По душам поговорить,
Закусить хотя б картошкой,
Покуражиться немножко,
И с натурой не греша,
Сделать дело не спеша.
Так, чтоб врезался ты ей.
В память до последних дней.
Как учили в школе мы:
Света луч во царстве тьмы.
Но такое больше мне
Не приснится и во сне.
А за что - курям на смех.
Знаешь, в чем мой тяжкий грех?
Не додумашь, хоть тресни.
Я слова напутал в песне.

Вместо правильных «Вперед»
Рявкнул лихо «Удерет».
Что поделать — сам дурак.
Я теперь — «народа враг».
А ведь мне летать всего-то
Только строим три полета.
Ты кончал бы писанину!
Стенку зря к чему марать?!
Прислони поближе спину,
Все теплее добирать.

Беседа.

Как только я в своих воспоминаниях дохожу до этой беседы, я каждый раз нахожу повод, чтобы ее не вспоминать и, тем более, не анализировать и не оценивать. А между тем, надо однажды сделать это с полной откровенностью и в деталях. Впрочем, детали я уже вспомнить не смогу. Они не существенны. Хотя тогда мне казалось, что именно в них суть дела.

Русский человек так уж устроен от природы /я это наблюдал тысячи раз!/. Терзай его, оскорбляй, обманывай и т.п. И он постепенно накопит огромный заряд обиды, злобы, негодования и т.п. Но стоит ему явить после этого крупницу добра, соучастия, доверия... Чуть-чуть... Хотя бы для видимости... И он молниеносно разряжается. И готов лить слезы от умиления. И лизать своим мучителям все части тела из благодарности. И готов на новые муки. И готов стать соучастником своих мучителей в их подлостях, насилиях, обманах. Я знавал ребят покрепче меня, и они не могли устоять. Даже Макаров! Он сам потом мне об этом рассказывал.

Наши славные войска
Взяли с боем город Ка.
Их при этом возглавлял
Знаменитый генерал.
Взяли в плен... И захватили...
Уничтожили... Подбили...
А сосед ворчит ехидно:
Враг разбит! Одно обидно —
Ни потом и ни теперь.
Не узнать своих потерь.
Ведь у этого урода
Я трубил почти два года.
Он и раньше гоношил
Потянуть побольше жил,
Чтобы было потрудней, —
Им, мол, сверху, там видней.
Лишь одно, болван, вопил:
Не жалеть, мать вашу, сил!
А как первый бой настал,
Он тотчас в штаны наклал
И бежал в великом страхе,
Говорят, в одной рубашке.
Мы ж держали оборону
Без жратвы и без патронов.
Уцелел на пять один...
Ему - орден, новый чин.
Нас потом трясли допросом

В спецотделе по доносам:
Кто, о чем и с кем трепался,
Почему живой остался.
Описать про все про то,
Не поверят ни за что.
Да и кто рискнет-опишет,
Не подохнем мы пока,
Сколько он зазря людишек
Положил под этим Ка.

О том, о сем

Я уже давно наблюдаю появление в нашем обществе особого явления — антипатриотизма. Например, люди радуются, когда наши хоккеисты или футболисты проигрывают, наших бегунов или пловцов обгоняют, певцам не присуждают призы и т.п. Сложилось даже идеологическое оправдание этого явления: чем хуже наши позиции в мировом масштабе, чем больше нас бьют и обставляют, тем лучше для нас с точки зрения нашего внутреннего социального прогресса. Если бы наше положение не было таким скверным, то диссидентов всех давно бы придушили. Именно на такую ситуацию мы напоролись, когда пришли в гости к Ивановым. Наши хоккеисты выиграла у чехов, и Ивановы были от этого мрачными и злыми.

Кроме нас, у Ивановых был его старый друг бывший военный юрист с женой. Естественно разговор зашел о преступности. Я в шутку сказал, что мы скоро догоним Запад и по преступности. Не выйдет, сказал юрист. Почему же, спросил я. Потому что нельзя догнать отстающего, ответил он. Знаете, сколько у нас людей, так или иначе наказуемых судом?! Не менее пяти миллионов. Подавляющее большинство из них отбывает наказание в заключении. Как установили эту цифру? Общие данные, конечно, секретные. Но примерную цифру установить можно. Для современной социологии это — тривиальная задачка. Можно установить число народных судов в стране, число дел, проходящих через суды, число лиц по этим делам и т.д. Ну, и средней силы социолог и математик может без особого труда высчитать. Можно высчитать и социальный состав правонарушителей по всем параметрам, типы преступлений и их количественные соотношения. В общих чертах эта работа проделана, насколько мне известно. Я слышал, что где-то готовится книга такого содержания. Ее цель — привлечь внимание к положению наших «уголовников». Сейчас оно не лучше, чем положение «политических». В чем дело? Дело в том, что со сталинских времен ситуация с нашими заключенными основательно изменилась. Тех уголовников /бандитов и воров/, которые терроризировали политических в солженицынские времена, теперь почти нет. Теперь подавляющее большинство «уголовников» — обычные советские люди, попавшие в заключение случайно или в силу самой системы организации нашей жизни. Сколько у нас таких видов деятельности, когда люди не могут не нарушать законов! И когда требуется найти виновных, найти их труда не представляет. Воровство у нас массовое явление. Но воруют не воры, живущие за счет воровства, а обычные люди, подрабатывающие воровством. И между прочим, у нас существует система служебных преступлений, не имеющая себе равных, но совершенно ненаказуемая, ибо преступники обычно суть должностные лица, обладающие достаточно сильной властью и связями. Без ведома обкомов и райкомов партии против них нельзя возбуждать дело даже в совершенно очевидных случаях. А знаете ли вы, как содержатся и как используются наши правонарушители в заключении? Нужно второй «Гулаг» писать, чтобы дать хотя бы первичное представление об этом...

Потом заговорили о «правах человека». Юрист сказал, что тут имеет место терминологическая неразбериха. Один понимает под правом нечто узаконенное. С этой точки зрения у нас сажают диссидентов по праву, номенклатурные работники имеют закрытые распределители продуктов по праву и т.п. Другие понимают определенный тип социальных отношений, организуемых в соответствии с точно установленными принципами. С этой точки зрения общество не может быть правовым, если интересы коллектива по закону ставятся выше интересов индивида. Третьи понимают определенные разрешения, например,— разрешение ездить за границу, эмигрировать, образовывать партии и т.п. В нашем обществе борьба за «права человека» в третьем смысле обречена на провал, ибо наше общество не является правовым во втором смысле, зато является в высшей степени правовым в первом смысле.

Из «Баллады»

Вот сосед шинель надел,
На топчан слегка присел.
Перед дальнею дорогой
Помолчали мы немного.
Стало грустно. Вот он встал,
Крепко руку мне пожал.
Ни к чему нам сентименты
Мы же не интеллигенты
И не мамины сынки,—
Кандидаты в штрафники.
Ну, пока. Конвой заждался.
Я опять один остался.
Молча лег на правый бок.
Если б был на свете Бог!..

Что ж, пора и закруглиться.
Ведь не вечно песне длиться.
Шепчет в шелку часовой:
Скоро будут за тобой!
Вот лишь подпись подрисую,
Сапоги переобую
И уйду отсюда прочь
Навсегда куда-то в ночь.

ЗАТЕЯ

Вечные проблемы

Есть проблемы вечные, как мир. Их любят ставить перед современниками самые бездарные и глупые писатели. Ставить, но не решать. Их дело — будить мысль, а не питать голодную пробудившуюся мысль готовыми продуктами творчества. Решать должны сами читатели. С помощью литературоведов и философов, которые сами тоже ничего не решают, зато знают, как эти вечные проблемы в свое время решали выдающиеся мыслители прошлого, не подозревавшие, что имели дело с вечностью. Вот, скажем, Ромео и Джульетта, говорит Стопкин. Любовь? Любовь. Проблема? Проблема. Трагедия? Трагедия. А Леночка... Это — дочка соседа по квартире... И Витька — это ее «мальчик»... Это что, не любовь? Не проблема? Не трагедия? Полностью согласен с тобой, говорит Жидов. Но объясни, в чем дело? Ничего особенного, говорит Стопкин. Девчонку после школы для стажа устроили в почтенное учреждение. Там ее совратил почтенный чин. Девчонка забеременела, хотя любила Витьку. И Витька не давала, боялась забеременеть. А Витька ее любил. Обнаружилась беременность. Как быть? Свалила на Витьку. Витька повесился. Обнаружилось, он невинен. А чин ни при чем, не придерешься. Клевета, мол. В суд за клевету! Девчонка что-то выпила. Жива осталась, но глядеть страшно. Одним словом, поехали! Чтобы Они там все сдохли!

Я вывел любопытную формулу, говорит Жидов. Оказывается, есть довольно строгая зависимость степени замкнутости и контрастности слоев от ранга территориальной единицы. Так, на районном уровне в начальство выйти легче, чем на областном. И вообще здесь переход из одного слоя в другой проще, чем на уровне города или области. И разница в уровне жизни между слоями не так велика. Как сказать, говорит Стопкин. Все зависит от способов измерения. Для районного масштаба, может быть, разница в сто рублей и в одну комнату жилья существеннее, чем разница в пятьсот рублей и в пять комнат в столице. И слоев там, в столице, куда больше. Так что есть переходные слои, что соответствует нашей районной размытости. Но в целом ты прав. Чем выше ставки, тем серьезнее игра. Конечно, наше районное начальство живет паскудно с более высокой точки зрения. Но на своем уровне оно правдами и неправдами устраивается куда лучше, чем рядовые граждане. А возьми нашу городскую верхушку. Секретарей горкома, чинов из горсовета, КГБ и т.п. Они живут дай бог всякому. Не хуже столичного начальства, а то и получше. Правда, уже на гангстерской основе. Но все равно безнаказанно, значит, «законно». Мне Каплинский рассказывал, какие они там пиры закатывают. И насчет девочек не теряются. В столице, пожалуй, такое позволить себе они не могут. Там на виду. Хотя... В общем, дай мне твои расчеты, я подумаю.

В пьянстве имеет силу закон, хорошо известный всякому регулярно пьющему: выпить больше всего хочется тогда, когда нет денег на выпивку или негде достать спиртное. Когда кафе «Зори революции» закрылось и Стопкина с Жидовым выбросили на улицу, желание выпить еще достигло у них самой высшей точки: денег

ни копейки не осталось, и податься некуда — все закрыто, поздно. Стопкин приготовился произнести очередную обличительную речь по поводу язв коммунизма, но не успел. К ним подошел человек, представился как Командировочный, сказал, что он готов помочь их несчастью. Дело в том, что он свел знакомство в одном месте, где в любое время дня и ночи... В общем, айда к Дусе! О деньгах не беспокойтесь, на малый запой у него хватит. А там видно будет.

Из хроник КГ

Человека, вовлеченного в жизненный процесс данного общества, интересуют прежде всего следующие вопросы: 1/ что он имеет для личного потребления и какой ценой; 2/ что имеют другие и как это им достается; 3/ является ли данное распределение жизненных благ справедливым или нет. Последний вопрос конкретнее выглядит так: а/ соответствует или нет интеллектуальный, профессиональный, творческий, моральный и т.д. уровень данного индивида уровню его потребления; б/ соответствует или нет разница в уровнях потребления индивидов разных слоев общества разнице в уровне их личностных характеристик. Ответив для себя так или иначе на эти вопросы, человек вырабатывает лишь определенное эмоциональное отношение к обществу и своему положению в нем. Наука идет дальше. Она ставит вопрос, в силу каких внутренних законов данного общества складывается очевидная для всех жизненная ситуация и каковы ее перспективы. Но наука не может игнорировать при этом позицию активно живущего индивида данного общества. Ниже мы дадим краткую справку, полезную для выработки такой позиции.

В Стране триста миллионов человек. Из них лишь половина суть активно действующее население. Другая половина — дети, больные, старики. Шестьдесят миллионов человек образуют господствующий слой общества /вместе с членами семей/. Отличительный признак активного члена господствующего слоя — наличие постоянных подчиненных лиц, причем узаконенных. Господствующий слой не совпадает с множеством членов аппарата управления. Например, шофер и секретарша начальника конторы входят во второй, но не входят в первый. Не всегда лица господствующего слоя имеют больше средств потребления, чем лица, не входящие в него. Например, рядовой преподаватель института, журналист, писатель и т.д. могут иметь больше средств существования, чем начальник милиции, заведующий аптекой, директор школы и т.п. Но в целом / в исчислении на душу населения/ господствующий слой потребляет больше. Не говоря уж о том, что власть как таковая есть удовлетворение определенной потребности. Господствующий слой не следует также смешивать с правящей кастой /кликой, в которую могут входить лица, не имеющие подчиненных, например, советники, референты, любовницы, родственники, блатари, доставалы и т.п./. Подавляющее большинство членов господствующего слоя не входит в правящую клику. Последняя образуется неофициально из конкретных лиц на основе чисто личных отношений. Как сообщалось недавно в газетах, в городе Вождянске, например, такая клика, сложившаяся вокруг первого секретаря горкома партии, включала в себя наряду с должностными лицами /начальник отделения КГБ, директор ресторана, директор завода.../личного шофера, секретаря, любовниц его, отставного полковника, артиста театра и т.п. Наконец, господствующий слой не совпадает с привилегированным слоем. В последний входят далеко не все лица первого. Члены второго не всегда входят в первый. Так что социальную структуру Страны нельзя описать в одном каком-то плане и изобразить схемой на плоскости. Общество структурируется во многих различных разделах, так что социальное положение индивида есть функция от многих параметров, имеющих качественно различную природу.

Официально установлено, что средняя величина потребления у нас ниже прожиточного минимума. Мы допустим, что они совпадают, т.е. примем позицию даже сверхапологеттики. Из данных ЦСУ, по неосторожности опубликованных в начале года, можно установить следующее: пятьдесят миллионов человек имеет величину потребления менее тридцати процентов прожиточного минимума; сто миллионов человек — от тридцати до семидесяти процентов; сто миллионов — от семидесяти до девяноста. Так что остальные пятьдесят миллионов имеют величину потребления по меньшей мере в два с половиной раза выше средней. Попробуйте высчитать сами, во сколько раз их жизненный уровень превосходит первые две группы населения.

Каждый слой в свою очередь разделяется на подгруппы, так что имеет место сложная иерархия распределения. При установлении ее исследователь сталкивается со следующей трудностью: официально фиксируемый показатель потребления часто не совпадает с реальным. Например, чиновник из аппарата ВСП получает сравнительно небольшую зарплату. Но уровень его потребления в несколько раз выше, чем таковой у обычного гражданина с более высокой зарплатой, так как он по мизерным ценам или бесплатно может иметь блага, недоступные простым смертным. Или директор ресторана или универмага имеет зарплату ниже учителя школы, но фактически он живет на несколько порядков выше, чем профессора институтов. Тут — иной способ добывания благ. Третий способ имеет директор мясокомбината, четвертый — парикмахерша или продавщица пива и газированной воды. Так что для более точной характеристики уровней потребления различных слоев населения надо ввести понятие затрат на содержание индивида, — т.е. во что обходится обществу существование данного его члена. Для большинства индивидов величина этих затрат совпадает с величиной потребления, задаваемой реальной зарплатой /с небольшими отклонениями в ту или иную сторону/. Но для привилегированных слоев такого совпадения нет. В Стране имеется около тридцати миллионов граждан, величина трат на которых в три раза превышает среднюю величину, около двадцати миллионов с величиной трат в шесть раз больше средней, около пяти миллионов с величиной трат в пятьдесят раз выше средней. Величина трат для двух миллионов граждан превышает среднюю более чем в сто раз, а для трехсот тысяч — более чем в пятьсот раз. На содержание высших лиц партии и государства тратится в десятки и даже сотни тысяч раз больше средней величины. Например, на содержание Идеолога, который считается скромнейшим аскетом, ежедневно уходит доход крупнейшего предприятия, поскольку доставка свежих плодов для него из Южной Африки, продлевающих жизнь, и изготовление пилюль того же назначения обходятся не дешевле, чем содержание всего царского двора, славившегося своей расточительностью. Ни один король, царь, император, миллионер и т.д. не обходится обществу так дорого, как Вождь в нашей Стране, по идее выражающий интересы трудового народа и ведущий общество к справедливейшему распределению жизненных благ. Мы уж не говорим о бессмысленном разбазаривании общественных средств вследствие глупости, самодурства, тупого тщеславия и т.п. К сожалению, невозможно получить данные о личностных характеристиках представителей различных слоев общества. Но слушая речи наших руководителей и наблюдая их поведение, вы вряд ли сможете поверить в то, что их интеллект и другие качества превосходят ваши в десятки, сотни и тысячи раз. Что касается людей, которые ближе вам по общению, вы сами можете делать все необходимые сравнения постоянно. Впрочем, вы их и делаете. Еще более страшную картину дает сравнение стоимостей имуществ. Например, общая площадь участков земли /а это — лишь участки!/, отведенных для привилегированных лиц /номенклатура всех рангов/, превышает площадь европейского государства среднего размера, а стоимость особняков, квартир, дач и т.д., которые так или иначе находятся в их владении, превосходит стоимость дворцов самых

расточительных владык прошлого. Прибавьте к этому затраты на медицинские учреждения, занятые исключительно здоровьем руководителей, стоимость средств их прославления и т.д. И вы ужаснетесь. История еще не знала таких контрастов для многочисленных слоев в распределении благ и в тратах, какие являет наше справедливое /согласно демагогии/ общество. Конечно, одновременно эта система являет также картину ужасающей серости, бездарности, пошлости. Но от этого суть дела не меняется. Не приняв во внимание эту реальную картину распределения жизненных благ, нельзя понять суть нашего общества.

Дуся

А что такое Дуся, спросил Жидов. И кто ты такой есть, спросил Стопкин. Откуда ты такой добрый взялся? Откуда я взялся, не знаю, сказал Командировочный. Забыл. Может быть вообще ниоткуда. Врачи и персонал «Разинки» звали меня Командировочным. Теперь считается, что я здоров. Работаю в новой больнице за озером. Как она называется? Это трудно произнести. Да это и не важно. А ну ее! А что касается Дуси... Неужели вы не знаете? Это в некотором роде символ нашего общества, его характерный продукт. Работает буфетчицей в кафе «Луч». Зарплата — семьдесят рублей. Пара ребятишек. Муж болван и пьяница. Мать больная. В общем, все хозяйство на ней. А на работе — начальство кафе и милиция на ее шее. Вот она и заколачивает, как может. Продает спиртное из-под прилавка в неположенное время. Конечно, обсчитывает, недоливает, разбавляет. Из бутылок и стаканов сливает, сполоснув водичкой, добавляет водочки и загоняет за портвейн высших марок. В общем, ворует и обманывает на каждой мелочи. Зашибает уйму денег. Но все куда-то утекает. Иногда с ней переспать можно. Не бесплатно, конечно, а за «угощение». Но бывает и бесплатно. Дает в долг за «проценты». Скажем, сейчас она с нас сдерет вдвое, а если вдолг, то втрое. Я лично пью в долг у нее уже третий раз подряд. А если откажет, усомнился Стопкин. Нет, сказал Командировочный. Она умная баба, вдвое, а если в долг, то втрое. Я лично пью в долг у нее уже третий раз подряд. А сюда.

Из материалов СППС

Секретарь по Идеологии столичной организации встретился со столичным Вождем и имел с ним беседу. Чего они там мудрят, сказал столичный Идеолог. У нас же имеется хорошо налаженная сеть политпросвещения. Сеть вечерних Университетов Марксизма-Ленинизма охватывает три миллиона слушателей. Больше миллиона творческих и научных работников охвачено методологическими и пропагандистскими семинарами. Первичные партийные и комсомольские организации занимаются политико-воспитательной работой. Литература, кино, телевидение, радио, газеты. Что еще нужно? Моча в голову ударила на старости лет, сказал столичный Вождь. Пусть потешатся. Все равно их затея лопнет. Нужны самые обычные меры. Слишком много бездельников развелось. Дисциплина нужна. Распустились! Надо действовать, а не болтать.

Борьба

Собутыльники получили у Дуси то, что хотели: поллитра водки, пачку печенья и горсть конфет. Стопкину пришлось оставить в залог паспорт, ибо Дуся почему-то не оценила Стопкина и Жидова с первого взгляда, а Командировочному сказала, что больше ему не даст ничего, пока он не рассчитается за прошлые разы. Пить расположились в первом подвернувшемся подъезде. Выпив водку, разбили бутылку о батарею, пожевали черствое печенье, выкинули конфетки, помочились перед дверью, обитой дерматином /богачи живут, сволочи!/. Но содеянным не удовлетворились. Чтобы зря не пропадали дорого доставшиеся градусы, решили

учинить более значительное. Когда проходили мимо портретов руководителей на площади Хо-Ши-мина, Командировочный предложил пририсовать Вождю сталинские усы и надеть на него ленинскую кепочку с пуговкой. Кепку предложил свою Стопкин. Ее приколотли к портрету в положенном месте острыми щепками, валявшимися за портретом в изобилии. Хуже было с усами. Пробовали их рисовать шариковыми ручками, но это было незаметно. Надо достать уголь, сказал Жидов. Полночи искали кусок угля, обсуждая похода сложнейшие проблемы мироздания. Уголь нашли совершенно неожиданно,— он просто валялся под ногами. Пририсовав Вождю усы, отправились куда глаза глядят, используя остаток угля для неприличных надписей на стенах. По дороге незаметно потеряли Командировочного. На углу Кооперативной и Красноармейской легли на тротуар, сняв ботинки и положив их под голову.

Обеденные разговоры

В нашем кодексе есть статья, осуждающая людей на длительные сроки заключения в лагерях строгого режима «за распространение заведомо ложных измышлений, порочащих наш общественный строй», говорит Однорукий. Вдумайся в эти слова. Общественный строй есть нечто сложившееся естественно-историческим путем. Это есть явление природы. Его в принципе нельзя опорочить. Можно ошибаться в его понимании. Но нельзя, повторяю, опорочить, ибо он не есть гражданин или группа граждан. Так что если даже допустить, что осуждаемые ошибаются в понимании общественного строя, осуждение их есть осуждение за гносеологический акт,— явление беспрецедентное в истории цивилизации. Да и насчет ошибок есть сомнение. Кто решает, что «измышления» ложны, да к тому же еще заведомо?

Отрывок из случайной заметки

Страна располагает всеми возможностями, чтобы не допустить длительного существования сколько-нибудь серьезного оппозиционного движения. И дело тут не только и не столько в специальном аппарате подавления, а в самой организации жизни Страны на всех уровнях и во всех сферах. Сотни миллионов обычных граждан всей своей повседневной жизнью уничтожают всякие зародыши оппозиционности. Самодеятельность населения в этом отношении достойна восхищения. Уничтожаются при этом отнюдь не возможности думать и говорить критически о нашей жизни. На этот счет у нас трудно найти человека, который так или иначе не понюсил бы наши недостатки. Уничтожаются именно такие зародыши оппозиционности в людях, которые представляют реальную угрозу существующим порядкам. Всякий коллектив, к которому прикреплен данный индивид, обладает паразитическим чутьем относительно социальной сущности этого индивида. Ошибка почти не бывает.

Если все же оппозиционное движение возникает, то Страна способна ограничить сферу его влияния и не допустить преемственности. Так что здесь исключена традиция и ее прогресс. Оппозиция в Стране есть ее собственное детище, обладающее всеми признаками ее социальных продуктов вообще. Она не способна к единству в достаточно широких масштабах. Разрозненные бунтующие индивиды и маленькие враждующие группки,— такова ее реальность, очевидная всем заинтересованным лицам. Причина такого положения, в двух словах,— отсутствие общих интересов и принципиальная невозможность таких у различных слоев населения в чисто негативном /критическом/ плане. Если здесь и случаются более или менее широкие оппозиционные объединения, то лишь в качестве побочного следствия каких-то акций властей в масштабах Страны.

Особенность нынешней оппозиции — неблагоприятная ситуация для Страны в отношении с Западом. Недопустимая терпимость власти по отношению к ней есть уступка Западу. Но я думаю, что если мы ликвидируем оппозицию совсем, наши отношения с Западом не изменятся. Пошумят с год, а потом привыкнут.

Самосожженец

Самосожженца перевели к нам, сказал Лысый. Сильно обгорел, спросил Ученик. Нет, сказал Лысый. Его сразу потушили. Но его здорово избили. Кто? Те, кто тушил. Офицеры, потом студенты. Пара пенсионеров. В заключение — милиция. Вряд ли очухается. А как же будете заключение давать, спросил Ученик. Пустяки, сказал Лысый. Свидетельства родственников и сослуживцев. Показания свидетелей. От него записки остались. Кое-что из них мы отобрали для экспертизы. Могу дать посмотреть, если хочешь. К вам они не попадут: подлежат уничтожению. Зачем же его превращать в параноика, если, говоришь, он все равно не очнется, спросил Ученик. У нас нормальный человек не может совершить такой поступок, сказал Лысый. Это — установка. Так объявили бы, что он больной, и все, сказал Ученик. Зачем же все эти процедуры? Чудак, сказал Лысый. У нас же все должно быть честно, по закону. А вдруг что-нибудь случится? Тогда мы и предъявим заключение экспертизы.

Начало

Актовый зал Института Научной Идеологии /ИНИ/ был переполнен сверх всякой меры. Даже в коридорах и на лестничных площадках толпились люди. Дышать буквально было нечем. Время от времени из зала выносили кого-нибудь в обморочном состоянии и волокли в зависимости от ранга кого в дирекцию, кого в партийное бюро, кого в канцелярию, кого просто в коридор или на лестницу. Пришлось даже вызвать «скорую помощь». Это когда проректора Академии Общественных Наук /АОН/, еще не пришедшего в себя после вчерашнего перепоя, вывело прямо на трибуну, с которой он произносил взволнованную речь в защиту не столько диссертанта, сколько того, кому была посвящена эта на редкость вшивая диссертация. Дело в том, что здание ИНИ было построено по последнему слову науки и техники, т.е. без туалетов и форточек. Первые с успехом заменяла скудная еда рядовых сотрудников, считавшаяся официально верхом изобилия /начальство, естественно, питалось дома или в специальных столовых, куда рядовых не пускали/. Что касается форточек, то их должен был заменить кондиционер. Но работу его почему-то связывали со строительством бассейна, который должен вступить в строй лишь в конце следующей пятилетки. А пока на месте бассейна построили статую Вождя на два года раньше намеченного срока, и теперь статуя нуждалась в капитальном ремонте. Ее огородили высоким забором, все подходы к ИНИ перекопали. Строители монумента включились во всенародное соревнование... Одним словом, дышать в актовом зале ИНИ было действительно нечем. Призывы председателя Ученого Совета прекратить курение в зале действия не имели. Но народ все-таки не расходился.

Как утверждают очевидцы, за всю историю марксистской /а значит — домарксистской/ философии такое количество народа не собиралось на защиту докторской диссертации. И какой диссертации! Даже выдавший виды девятистолетний академик, широко известный как выдающийся кретин и мерзавец, не скрывал своего полнейшего презрения к диссертанту и его сочинению. Такое дерьмо, сказал он, не пропускали даже в наше время. Это, однако, не помешало ему дать самую высокую оценку диссертации, выступая в качестве официального оппонента. Именно эта высокая оценка служила собравшимся бесспорным доказательством того, что диссертация на самом деле еще хуже, чем об этом во всеуслышание говорил маразматик-академик в своих неофициальных заявлениях.

Причиной столь необычного интереса к самой бездарной за всю историю марксистской философии диссертации явилась ее тема: «Вклад Вождя-Завершителя в развитие марксистско-ленинской философии в период после победоносного окончания... и т.д.». Хотя время замалчивания имени этого Вождя закончилось, его поклонники не решались открыто заявлять о себе. Защита данной диссертации была первым крупным случаем публичной реабилитации мерзостей периода Вождя-Завершителя. И самая гнусная философская мразь съехалась со всех концов Страны, чтобы на месте своими глазами оценить ситуацию, вовремя сориентироваться в нужном направлении и как-то нажиться на повороте в умонастроениях, который давно уже назрел и вот-вот должен разразиться. Вице-Президент АОН, открывая заседание Ученого Совета, прямо обратил внимание на этот факт, сказав всего несколько фраз, которые вскоре обрели мировую известность: чиновник такого масштаба не мог без санкции самых высших инстанций сказать такое, значит... И всем стало очевидно, что защита этой вшивой диссертации и вступительное слово Вице-Президента суть лишь пробный шаг в осуществлении более глубоких и далеко идущих замыслов высшего руководства.

Система секретности

Система секретности пронизывает всю нашу жизнь, сказал Философ. Мы так к ней привыкли, что не обращаем на нее внимания. А между тем, это весьма существенный элемент нашей социальности. Закрытые учреждения, собрания, распоряжения, советы, совещания... Подписки о неразглашении, пропуска, допуски... Чего только не выдумали на этот счет! Конечно, было бы интересно проследить, как сложилась эта система исторически. Но сложившись, она выполняет уже вполне определенные функции, часто отличные от тех, какие она выполняла при своем возникновении. Эти функции довольно прозрачны. Прежде всего, конечно, скрыть от чужих и от своих, что у нас происходит, ограничить до минимума /а то и ниже/ сферу информированности индивидов. Плохо информированным индивидом легче манипулировать, управлять. Слепому, как известно, легче навязать свою волю. Секретность, далее, делает менее уязвимой демагогию, дезинформацию, пропагандистское вранье. Она придает больше значительности властям в глазах неинформированной массы. Тайные решения сильнее действуют на массы /слухи о них все равно так или иначе распускаются, часто — специально/. В условиях закрытости, секретности, ограниченности, пропусков удобно привлекать к ответственности людей за «разглашение государственной тайны», «клевету», «сбор сведений» и т.п. Люди живут в атмосфере такой угрозы, что действует сильнее, чем сами акции такого рода, ибо они быстро обнаруживают свою нелепость и нелепость всей системы секретности. Так что справляться стремятся также тайно. Известно, какой оболочкой секретности была окутана деятельность ОГБ, когда они фактически властвовали в Стране и справляли свои кровавые оргии. Система всеобщей секретности есть характерный признак того, что вся система власти в Стране имеет гангстерскую природу.

Но она в значительной /если не большей/ части фиктивна, сказал Математик. Я был беспартийным, а знал до мелочей все, что говорилось на закрытых партийных собраниях. Люди обычно разбалтывают то, о чем они давали подписку молчать. Пропуска часто совершенно бессмысленны... Верно, сказал Философ. Это не отвергает, а подтверждает мой тезис о том, что система секретности у нас есть не просто некое чисто техническое средство от врагов, шпионов, жуликов и т.п., а существенное социальное средство организации общества и власти. Это — мощное средство замутнения всей социальной атмосферы и сознания людей. А остальное — побочное. И как таковое, оно столь же социально, как и все другое. И потому действительно. Вот возьмите, например, этот случай с американским журналистом.

Знаете, в чем конкретно его обвинили? Первое обвинение: напечатал статью о заседании Ученого Совета, на котором провалили известного вам лингвиста, а заседание это было закрытым. Второе обвинение : взял у одного психолога, официально работающего в «почтовом ящике», статью о телепатии, которая у нас официально отвергается как эмпирический факт. В целом обвинение выглядит так: сбор секретных сведений. Обвинение смехотворное. Журналиста все-таки выпустили. Но цели-то своей они все-таки добились: запугали большое число наших людей /я могу привести конкретные примеры/ и иностранцев. Усилили изоляцию иностранцев от наших граждан. Взяли журналиста «обоснованно»: статью он получил, признался в этом. Мы, мол, не специалисты, должны разобраться. Отпустили — проявили «гуманизм». И заодно заставили журналиста кое-что сказать по поводу диссидентов, которых будут скоро судить. К тому же вспомните: атмосфера секретности. Знаете, как широкие массы реагируют. Нет дыма без огня, там были серьезные дела, но наши договорились с американцами, и те в обмен выпустили наших разведчиков и т.п.

Странности профессии

В обеденный перерыв, прочитал Ученик в следующем отрывке из романа, Ученик встретился с Бородатым и спросил его о характере его исследования. Что за чертовщина, подумал Ученик. Уж в своем ли я уме? Раз, два, три... .. сто! Дважды два — четыре. Листья дерева зеленые. Волга впадает в Каспийское море. Кажется, в своем. И не пьян. И не сплю. Я хочу, прочитал далее Ученик, найти простой и общедоступный способ восстановления основных личностных функций, утраченных людьми в результате искусственных и насильственных воздействий на их психику, сказал Бородатый. Ну нет, сказал Ученик вслух, тут что-то явно не так. Может быть, это чья-то шутка? Может быть, это одна из мистификаций Лысого? Или запись СППС? Или... Он вспомнил, как однажды Учитель говорил, что через некоторое время у него /Ученика/ наступит состояние, в котором нельзя будет различить реальность и вымысел. Но это состояние пройдет и уступит место полному безразличию к этому аспекту жизни. И он решил немного обождать со своими намерениями посоветоваться с Бородатым по поводу этого странного явления. А может быть, это просто случайное совпадение? Давай-ка подсчитаем, какова вероятность такого совпадения...

Где я, спросил Стопкин, очнувшись на полу в коридоре отделения милиции и дрожа от холода и предчувствия неминуемой расплаты. Очевидно, там же, где и я, сказал Жидов. Кажется, мы вчера начудили с тобой. Теперь не миновать «телеги» на работу, а перед юбилеем... Дернула же нелегкая этого подонка Сусликова включить в договор соцсоревнования пункт о стопроцентном искоренении пьянства!.. Как ученый ты гений, а как мыслитель на бытовые темы — лапоть, сказал Стопкин. Это нас и спасет. Сусликов сам не допустит раздувания нашего дела, ибо иначе мы не получим Переходящее Красное Знамя. Секешь? Ну, орлы, очухались, спросил молодой милиционер, угостив собутыльников сигаретами. Что делать с этими гавриками /вопрос относился к дежурному/? Гони их в шею, сказал дежурный лейтенант /городская милиция включилась в движение за предупреждение преступности, а оформление дела на Стопкина и Жидова грозило снизить показатели отделения/. Скажи им, если в следующий раз выкинут такой же номер, ребра переломаем и устроим как минимум пять лет лагерей строгого режима.

Низко кланяясь дежурному и благодаря за гуманизм постового, довольные, что дешево отделались, Стопкин и Жидов вывалились на улицу. Моросил мелкий холодный дождь. Тошнило. Голова была как чугунная. Было еще рано. На улицах ни души. Только бездомные собаки и кошки, которых в городе развелось в

последнее время великое множество. Откуда их столько, удивился Жидов. Новые условия существования, сказал Стопкин. Люди подкармливают их общими усилиями, а в квартиры не пускают. Многие из них, конечно, гибнут. Но многие и выживают. Системы отопления... Есть где погреться зимой и поспать. Это — в некотором роде характерный продукт нашего общества. Это — коммунистические кошки и собаки. Ничейные. Общегосударственные. Общепородные.

Не сговариваясь, направились в сторону вокзала. Там знакомый швейцар ресторана наверняка устроит похмелиться. А без похмелиться никак нельзя. Слушай, сказал Стопкин, посчитай-ка, какой сегодня день? Нужно нам в ЧМО сегодня или нет? Сегодня суббота, сказал Жидов, внимательно изучив газетный стенд. Но нам все равно надо почему-то быть около ЧМО. Зачем? Сегодня приезжает какой-то хмырь, сказал Стопкин. Кажется из Болгарии. Почему-то решил посетить наш город. Учился вроде тут. Или служил. Так что день пропал, встречать погонят.

На площади Хо-Ши-мина собутыльники убидели портреты руководителей во главе с Вождем. Они только теперь сообразили, в какую историю влипли. Молчи, сказал Жидов. Мы тут не при чем! Кепочку надо бы забрать, сказал Стопкин. Улика же! Поздно, сказал Жидов. Видишь, люди появились. Как непосредственный начальник приказываю: за мной! Они юркнули в подворотню, перелезли через пару заборов, выбрались на Баррикадную и тихонько разошлись по домам.

Начало

А Вице-Президент сказал следующее. Вождем—Завершителем в последние годы были допущены отдельные практические ошибки. Они были в свое время подвергнуты суровой критике и своевременно преодолены. Но при этом, в свою очередь, было сделано серьезное упущение, а именно — из актива марксистско-ленинской идеологии были временно вычеркнуты величайшие теоретические творения Вождя-Завершителя. Долгое время наша пропаганда избегала ссылаться на его сочинения, а работа по дальнейшему развитию его гениальных идей застопорилась. Это отрицательно сказалось на общем состоянии нашей идеологии. Пышным цветом расцвел ревизионизм, буржуазная фразеология заполонила страницы марксистской литературы. Дело дошло до того, что философы марксисты стали бояться произносить фундаментальнейшие положения нашей философии, ибо аудитория часто встречала их смехом /шум в зале, гневные выкрики «Позор!», «До чего докатились!»/. Например, надавно в редакции философского журнала в статье всеми уважаемого заслуженного ученого вычеркнули фразу «материя первична» как примитивную /крики возмущения в зале «Судить мерзавцев!»/. С этим пора кончать /бурные аплодисменты в зале/. Обсуждение данной диссертации и должно послужить...

Защита прошла блестяще. Все выступавшие превозносили диссертацию до небес. Особо отмечали гражданское мужество диссертанта. После защиты, когда закончился поток поздравлений, к диссертанту /теперь уже доктору/ подошел знакомый инструктор отдела науки ВСП с незнакомым человеком. Последний протянул новоиспеченному доктору бумажку с номером телефона и попросил позвонить по этому телефону в ближайшие дни.

На другой день молодой доктор философии очнулся поздно. Настроение было отвратное. Банкет был, конечно, грандиозный. Но какой сброд приперся на него. И жрала, паразиты, как будто их только что из концлагеря выпустили. А высшие лица на банкет не пошли, сволочи! Решили на всякий случай поостеречься. Если что у них там сорвется, на мне отыграются, гады! А сколько денег ушло на этот идиотский банкет!

Потом доктор вспомнил про бумажку с телефоном. Вчера он этому эпизоду значения не придавал. Не до того было. Теперь он почувствовал, что в этом телефоне его судьба. И он тут же позвонил. Его спросили, как он себя чувствует, и не дожидаясь ответа, попросили быть готовым. Через полчаса за ним придёт машина. И ровно через полчаса доктор мчался в черной «Ласточке» по одному из закрытых шоссе. Он ощущал себя важной персоной в механизме власти Страны.

Из материалов СОД

Нашу философию на Западе критикуют довольно много, говорит Философ. Но совершенно напрасно. Ее надо игнорировать. Это было бы самой острой ее критикой. Причем, критикуют ее так, что она от этого только выигрывает. Среди ее критиков-профессионалов считается аксиомой, что для критики надо брать лучшие работы по нашей философии и первоисточники. А первоисточники и «лучшие образцы» появились в определенной культурной среде, заимствовали девяносто девять процентов мысли из нее, отразили в себе ее. Так, Маркс без зазрений совести тянул у Гегеля и Канта, а Энгельс и Ленин — у всех без разбора. Так что рассматриваемый принцип критики ведет к тому, что критикуется не суть марксисткой философии и ее оригинальное содержание, а лишь отражение ее в окружающей среде, которая, естественно, на много порядков выше ее в интеллектуальном отношении. Настоящая суть и оригинальность марксистской философии, однако, выражена не в первоисточниках и классических образцах ее текстов, а в самых популярных учебниках. Тысячи умов в течение столетий поработали над горой текстов, прежде чем вышелушили из нее ее «рациональное» содержание. Учебники по марксистской философии — это есть ее самая глубокая мудрость. Причем, нет никакой разницы между типами учебников, — для университетов, технических вузов, техникумов, домохозяек и т.д. По уровню интеллекта они все одинаковы, — они все суть вершина марксистской мысли. И если уж серьезно критиковать марксистскую философию, то надо критиковать именно последнее ее слово, ее реальные вершины, ее конечные продукты, а не смутные зародыши. Глядя на щенка, еще можно «предсказывать» ему будущее гиганта. Но если взять то, что выросло из этого щенка, то не остается иллюзий: выросла карликовая паршивая собачонка.

Из хроник КГ

Когда мы говорим об отрицательных явлениях в жизни нашей Страны, нам часто возражают: в прошлом и теперь на Западе имели и имеют место аналогичные явления. Но разве мы это отрицаем? Пусть так. Но разве из этого следует, что этих явлений у нас нет? Они — эмпирически данный факт. Чего же от нас в таком случае хотят? Чтобы мы не обращали на них внимания? Такое желание понятно, если оно исходит из среды власть имущих и привилегированных слоев нашего общества. Но оно выглядит по меньшей мере странным, когда исходит из среды «мыслящих» и «передовых» слоев Страны и Запада. Суть дела в данном случае состоит в том, что коммунизм претендует на преодоление всех принципиальных трудностей западной цивилизации.

Он претендует также на сохранение и преумножение всех достоинств западной цивилизации, на то, чтобы стать обществом всеобщего благоденствия и процветания. Вполне законно встает вопрос: а что из себя на деле представляет этот выход из трудностей западной цивилизации? Сохраняет ли он достоинства последней? Является ли он на самом деле таким, как его изображают его идеологи и поклонники? И с этой точки зрения акцентирование внимания на отрицательных явлениях жизни Страны и исследование их есть вполне естественный аспект в стремлении найти ответы на эти вопросы.

Общезвестно, что наши недостатки суть продолжения наших достоинств, а достоинства — продолжения наших недостатков. Это правило применимо и к общественным организациям. Утрата каких-то недостатков западной цивилизации не может обойтись без утраты каких-то координированных с ними достоинств, а приобретение обществом достоинств коммунизма невозможно без приобретения неразрывно связанных с ними недостатков. И нам, надо думать, будет бесполезно узнать имеющиеся здесь необходимые координации, чтобы решить для себя проблему: а стоит ли игра свеч? Кто реально выгадывает и кто проигрывает от такой смены социального строя? Насколько прочны эти выгоды и потери? В общем, пора поставить вопрос о выгодах и потерях происходящей эволюции общества действительно на уровень обобщения социальной практики человечества.

Враг

Ученица старшего класса в одном из отдаленных городов Страны в сочинении на тему «Мое будущее» написала, что она ничего хорошего для себя впереди не видит. В тот институт, в какой ей хотелось бы, она поступить не сможет, так как она не является активисткой Союза Коммунистической Молодежи /СКМ/ и не может рассчитывать на подходящую характеристику, нужного блата ее родители не имеют, а по конкурсу она наверняка не пройдет, так как около ее фамилии будет стоять условный значок, обязывающий экзаменаторов не ставить ей оценку более трех баллов. Девочку долго и тщательно прорабатывали в самых различных местах, вплоть до партийной организации цементного завода, который был шефом школы. На общем собрании СКМ школы, на котором девочку исключали из членов СКМ, предварительно опозорив публично и облив всяческими помоями /причем, заставили это делать друзей девочки, любивших ее и знавших ее как очень хорошего и честного человека/, ее обвинили в том, что она клеветает на наше замечательное общество. Ожидали, что в заключительном слове девочка покается. Но она неожиданно произнесла хотя и сумбурную, но сильную речь. Эффект был такой, что прошло минут двадцать, прежде чем ее стащили с трибуны. А говорила она о том, что живем мы во лжи, насилии и несправедливости, что у нас есть бедные и богатые, взяточничество, блат, привилегии и т.п. Вот, говорила она, есть наша школа и двадцатая. Кто учится у нас и кто там? Попробуйте, поступите в ту школу! Я живу рядом с ней, а хожу сюда, хотя по закону меня должны были взять в ту школу. Или возьмите наш класс и посмотрите, кто как живет дома. Пусть папы и мамы заслужили. Но ведь это же факт. Вот у него своя спальня и кабинет, а мы живем четвером в комнате, которая вдвое меньше его спальни. А дачи? А машины? Прошлым летом наши родственники захватили меня с собой на юг. Дикарями. И мы отъехали раз на теплоходе в море. Я посмотрела на берег и увидела: две трети побережья — прекрасные пляжи, но совершенно пустые, а одна треть — худшие пляжи, на них десятки тысяч людей, ступить ногой некуда. Что это, спросила я. И мне экскурсовод пояснил, как нечто вполне нормальное, что пустые отличные пляжи — это дача Вождя, что иногда он сюда приезжает, что наверху у него бассейн из морской воды, а специальный песок завезен сюда с океанских заграничных островов. Справа от дачи Вождя — дача Начальника ОГБ, а слева — Секретаря по Идеологии.

Потом коллектив учителей и товарищей девочки написали письмо в некую организацию с просьбой ... помочь девочке, поскольку она нездорова. Родителей заставили присоединиться к этой просьбе. В школе объявили, что девочку отправили в специальный санаторий, где ей дадут возможность подготовиться к экзаменам на аттестат зрелости. А к экзаменам она, конечно, вернется. Но ни к экзаменам, ни через год, ни через два девочка не вернулась.

Из хроник КГ

Помимо материальных и духовных ценностей в наше время существенную роль играет один вид ценностей — то, что можно назвать спектаклем жизни. Это — сидение в президиумах собраний всякого рода; выступления с трибун, по телевидению, в печати; встречи, поездки; награды, звания, степени, титулы... По меньшей мере третья часть населения ценит сцену жизни и мечтает стать ее актерами, а не оставаться пассивными зрителями и обслуживающим персоналом. Но кому достаются эти ценности? Откройте любую газету, журнал, включите радио или телевизор, и вы увидите и услышите, что у нас прославляют и выдвигают на вид простого человека. Но не торопитесь соглашаться с этим. Произведите сначала подсчеты. Сравните долю и характер участия «простого трудового народа» в спектакле жизни с долей и характером участия в нем привилегированных слоев населения. Оцените интеллектуальный и профессиональный характер участников спектакля. И вы поймете, что привлечение «простого народа» на сцену театральной истории есть сговор определенных слоев общества с целью спихнуть с этой сцены ее более достойных актеров и замаскировать факт узурпации исторической сцены нравственными и интеллектуальными уродами. Коммунизм с точки зрения есть организация ничтожеств с целью эксплуатации социальной среды в своих корыстных интересах.

Предварительное совещание

Наконец стало известно, что прибывает Секретарь по Идеологии, и собравшихся пригласили пройти в зал и занять места согласно жетонам, которые им были вручены при входе в помещение. Директору место было преудачено в предпоследнем ряду, что несколько разочаровало его. Но он вскоре утешился, так как в его ряду сидело всего несколько человек, а последний ряд был заполнен полностью. Особенно приятно было то, что его приятель-конкурент Редактор и враг-соратник шеф ИП были в последнем ряду. У Редактора при виде этой несправедливости вытянулась рожа. Директор слегка ему кивнул, а Редактор заискивающе улыбнулся. Зато было совершенно непонятно, почему на три ряда впереди сидел один молодой человек, совсем недавно защитивший слабую докторскую диссертацию. Директор и Редактор переглянулись по сему поводу и пожали плечами: вот, мол, проходимец!

Директор надел наушники и услышал предложение ознакомиться с документом, лежащим перед ним. В документе была указана очередность выступления Директора, тема выступления и тезисы. Четкими большими буквами было отпечатано вступление и заключение к его выступлению, — дифирамбы Партии и лично Вождю, клятвы и т.п. Было точно указано место и время, когда выступающий /т.е. он, Директор/ должен высказать свои соображения. К такой форме выступлений на важных совещаниях вынуждены были прибегнуть по той причине, что ораторы много говорили о гениальности Вождя, несли всякую околесицу и общие фразы ни о чем, а на суть дела места не оставалось. Причем, о главном обычно забывали сказать. Исключить совсем славословие было нельзя, потому его слегка ограничили. Специалистам в той области деятельности, к которой принадлежал намеченный и одобренный выступающий, поручали составлять деловые тезисы выступлений и обязывали выступающего зачитывать их вслух как его собственные соображения. И некоторое время оставляли для проявления творческой индивидуальности. Впрочем, выступающие редко укладывались в этот регламент, и их приходилось обрывать, оставляя выступление в письменном виде.

Прочитав свое выступление, Директор остался доволен. Выступление было составлено очень толково, он сам свои мысли изложить так не смог бы. Тем более — чужие. Ему мало что оставалось добавить от себя. Надо будет похвалить вступительную речь Идеолога, подумал он и пришел в восторг от своей оригинальности. Ему и в голову не пришло, что именно так же подумали все прочие участники совещания, начиная с третьего ряда.

Открывая совещание, Идеолог пересказал место из доклада Вождя о задаче ликвидации отставания общественного сознания и призвал собравшихся обсудить меры по скорейшему ее решению. Это совещание, сказал он, является лишь предварительным. Оно должно помочь ВСП вырабатывать конкретные рекомендации к предстоящему пленуму ВСП. Тщательно отработанная машина совещания была пущена в ход. Очередь Директора была во второй половине выступающих, но не в самом конце. Впрочем, порядок выступлений устанавливался не в соответствии с рангами выступающих, а по никому не ведомым и еще совершенно неизученным правилам. Делал это помощник лица, председательствующего на совещании. Председательствующий вносил свои исправления и согласовывал порядок совещания в вышестоящих инстанциях. В данном случае — с другими секретарями ВСП. Так, на этом совещании первое слово предоставили президенту ОАН, а последнее — Начальнику ОГБ. Редактор главного партийного журнала выступал после Директора, и это было показателем того, что он рангом выше Директора. А редактор философского журнала выступал раньше Директора, и именно потому всем было ясно, что Директор ставится выше его. Фактическое место выступающего в социальной иерархии, однако, ощущалось в таких случаях по неумовимым для посторонних штрихам самого выступления, замечать которые чиновники Страны приучаются с детства и в результате длительного жизненного опыта. Так, Президент Медицинской Академии выступал вторым, но присутствующие сразу же заметили, что им недовольны и что дни его сочтены. Это почувствовал и он сам. И в панике начал чрезмерно превозносить гений Вождя, просролил регламент и сошел с трибуны скомкав речь.

Директор репетировал свое выступление и почти не слушал ораторов. Однако три выступления невольно привлекли его внимание. Первое — выступление академика, имя которого Директор слышал впервые. Этот академик, как было объявлено, заведовал лабораторией психотрансформатологии. Директор никогда до этого не слышал о существовании такой науки, хотя сам работал в области, смежной с психологией и психиатрией. Выступавший сначала говорил общеизвестные истины о человеческом сознании. Но то, что он начал говорить после этого, изумило даже привыкшего ко всякого рода шарлатанству Директора. Чуть невероятная, подумал он. Впрочем, кто знает? Может быть, это одно из великих открытий века? Человеческое «я», говорил выступавший психотрансформатолог, комбинируется из отдельных точно фиксируемых элементов самосознания. Имеются закономерные корреляции между этими элементами, благодаря которым образуются их устойчивые ансамбли. Человеческую психику можно очищать от отдельных элементов и их ансамблей, заменять их другими, комбинировать их в желаемых комбинациях и пропорциях и т.д. Можно даже полностью изъять из индивида его «я» и поместить его в психику другого индивида, предварительно очищенную от его старого «я». Перспективы здесь открываются огромные. Методами психотрансформатологии можно будет в массовых масштабах очищать человеческое «я» от неумодных элементов и вживлять в него желаемые элементы, вселять в психику индивидов одобренные образцы «я». Хотя исследования в этом направлении начались совсем недавно, успехи уже неоспоримы. Так, мы начали исследования, имея всего двух докторов наук и пять кандидатов. Теперь у нас работает более ста одних только докторов наук... По

числу публикаций в этой области мы также во много раз опередили американцев. По вполне понятным причинам эти исследования пока секретны. В условиях буржуазного общества открытия психотрансформатологии будут использованы во вред трудящимся. Только в условиях социализма... Ну и ну, думал Директор. Это же шарлатанство чистой воды. Неужели Там не понимают это? Почему Они Там так охотно клюют на такие штучки? Телепатию разгромили официально, а Они устроили для нее секретный институт. Теперь эта психотранс...

Второе выступление было выступлением академика по психохимии. Выступавший говорил об открытиях в этой области, удостоенных Государственной Премии, в особенности — об изобретении лоялина. Этот препарат безвреден для здоровья и весьма благотворно влияет на психику как больных, так и здоровых. Никаких противопоказаний не имеет. Характер воздействия — элиминируется негативизм, устанавливается хорошее расположение духа и доброжелательное отношение к коллективу, повышенная стойкость по отношению к трудным условиям существования. Достаточно одного укола, чтобы... Достаточно двух уколов, чтобы... Достаточно... В ближайшее время возможно наладить массовое производство... Охватить уколами все население в порядке профилактики.

Директор вспомнил чистые бланки, подписанные им, и ему стало не по себе. Впрочем, подумал он, зачем Им это? Я и без этого всегда готов...

Третьим было выступление известного философа, имя которого мелькало в печати уже более сорока лет. Философ предложил покрыть Страну сетью культурных учреждений, осуществляющих идеологическую профилактику населения, — сетью сознаториев. Распределить их так, чтобы из любой точки Страны до ближайшего сознатория было не более десяти часов пешего хода. В результате в случае надобности все население Страны может быть в течение полусуток сосредоточено в сознаториях и подвергнуто идеологической обработке. В обычное же время все граждане будут находиться под неусыпным контролем специалистов-идеологов. В сознаториях можно будет сосредоточить продовольственные и вещевые пункты, а также места выдачи зарплаты и официальной документации.

Самому Директору было предложено сказать, что обсуждаемая задача является комплексной, что тут нужны методы системного исследования, что целесообразно создать координационный совет и т.п. Во время выступления Директора сам Секретарь несколько раз одобрительно кивнул, и у Директора появилось радостное предчувствие большого успеха.

Последним выступил Начальник ОГБ. Он сказал, что ВСП и лично Вождь поручили ОГБ шефство над решением задачи. По всей вероятности будет создан комплексный Институт Системных Исследований /ИСИ/ с широкой экспериментальной и производственной базой. Главное внимание надо будет сосредоточить на разработке не методов исправления /хотя, конечно, это важно/, а методов предупреждения. Далее начальник ОГБ предостерег против одностороннего увлечения каким-либо одним средством. Например, лоялин — прекрасный аппарат. Однако в связи с массовым его использованием возникают сложные и незаметные до этого проблемы отбора лиц для уколов, экспертизы, правового оформления и т.д. К тому же неизвестны последствия его массового применения для последующих поколений. Или взять идею сознаториев. Идея хорошая, спору нет. Но опять-таки возникает целый ряд проблем. Кто будет собирать население в сознатории и охранять? Кто будет осуществлять контроль? Как будет организовано производство? Если охватить системой сознаториев всю Страну, то по крайней мере половину населения так или иначе придется оставить на свободе. А это — опять-таки сотни миллионов людей со всеми теми же проблемами.

И начинай все сначала. Конечно, мы должны создать серию опытных сознаториев. Но в масштабах Страны все же главной является линия поголовного вовлечения населения в решение поставленной задачи в условиях нормального строя жизни.

После окончания совещания /уже рассвело/ Директора попросили зайти в кабинет Идеолога. Похвалив Директора за дельное выступление, Идеолог сказал, что его кандидатура утверждена на Секретариате ВСП в качестве директора вновь создаваемого Института Системных Исследований /ИСИ/. Вот этот товарищ, сказал Идеолог, представляя Директору невзрачного человечка, введет вас в курс дела. Он будет вашим заместителем.

Из дневника Мальчика

Когда мы с другом зашли к Ней, там было много народу. Мы хотели смыться, но нас удержали. Разговор шел о хрониках КГ, о них сейчас везде говорят. Собравшиеся в основном поносили хроники, что меня по крайней мере удивило. Особенно старался один седой тип. Он обвинил авторов хроник в дилетантизме и безответственности. Когда наступило неловкое затишье, я ввернул свое словечко. А почему вы сами не напишете, спросил я, если вы все это понимаете лучше этих людей? Бог мой, что после этого началось! На меня набросились все. Седой джентльмен брызгал слюной и ссылался на иностранные источники. Мы с Другом поспешили ретироваться. Что ты с этими идиотами связался, сказал Друг на улице. Они же трепачи, и только.

Враждебная группа

Студент Лесотехнического института одного областного города отказался ехать на Великую Стройку Коммунизма во время летних каникул на том основании, что это пустая трата времени. Студента исключили из СКМ. Райкомы СКМ и партии обратили на этот факт самое серьезное внимание руководства института, напомнили ему, что в этом году в институте уже была одна неприятная история, и предложили принять меры. Секретарь парткома института и директор поняли это предложение как совет покопать в институте еще что-нибудь в том же духе. А при желании где угодно можно выкопать все, что угодно. Они понимали, что чем основательнее будут копать, тем вернее то, что их снимут. Но чтобы удержаться на своих постах, они должны копать основательно, чтобы их не обвинили в замазывании. И они начали копать. Первым делом вспомнили, что в прошлом году обсуждалось поведение одной студентки во время поездки в деревню на уборку картошки: студентка «гуляла» с местным парнем. Хотя обвинение не подтвердилось, всех возмутило выступление этой студентки, которая обвинила своих товарищей в ханжестве и лицемерии. Скандал тогда замаяли, так как отец девочки оказался заслуженным офицером. Теперь есть смысл к этому делу вернуться: явно проявили недопустимый либерализм. Потом вспомнили о молодом преподавателе, недавно защитившем хорошую диссертацию. В диссертации были сомнительные места насчет хищнической эксплуатации лесных богатств /это у нас-то?!/ и расчеты, по которым бессмысленные /у нас, и бессмысленные?!/ потери леса могут быть восстановлены не раньше, чем через сто лет. Диссертацию хотели отклонить, а преподавателя уволить. Но вмешались столичные организации. Статью преподавателя даже напечатали в столичном журнале. Но теперь время не то, и мнение столичных организаций насчет использования лесных богатств изменилось. Студенты любят этого преподавателя? Еще бы: дешевый авторитет завоевал!

Таким путем актив института накопил достаточно материала. Осенью состоялось общее собрание СКМ, затем — партийной организации. В резолюциях отметили, что в институте ослаблено морально-политическое воспитание молодежи, в результате чего... Резолюции попали в материалы пленума райкома

партии, потом — обкома, потом — в закрытое письмо ВСП. В письме прямо говорилось об антипартийной группе в таком-то институте. По примеру Лесотехнического института подобные группы были вскрыты во многих других учреждениях Страны. Сделано это было в порядке обсуждения письма ВСП. Само собой разумеется, эти обсуждения были тщательно подготовлены, все кандидатуры были согласованы заранее. И вся эта «маленькая» кампания не вызвала никакого протеста и не оставила никакого следа в видимой жизни Страны. Подумешь, какое дело! Да такие кампании проводятся постоянно. И если тут или там несколько человек изымается и исчезает, нас это не касается. Сами виноваты. Зачем выпендриваться?! Нас же не тронули!.. А между тем, от одной такой «маленькой» кампании по Стране набрали более двухсот тысяч почти даровых работников.

Правда, возник небольшой конфликт между высшей и местной властью: первая настаивала на централизованном распределении рабочей силы, вторая хотела оставлять в распоряжении области. Сошлись на том, что стали пятьдесят процентов изъятых оставлять в областях, а остальных передавать в распоряжение Центра.

Из дневника Мальчика

Случайно встретился с Женихом. Говорили сначала о пустяках, потом — о Ней. Отличная девка, сказал он. Умница. И без предрассудков. Сексуальная девочка. Странно, что ты так говоришь о ней, сказал я. Вы же давно дружите. Мало ли с кем мы дружим, сказал он. Прежде чем я с ней... ну, скажем, подружился, у нее уже был... ну, скажем, дружок. Кто? А тот седой джентльмен, представь себе. Пошлости говоришь, сказал я. Если бы это было на самом деле так, о женщине все равно нельзя так не то что говорить, но даже думать. Ты еще младенец, сказал он. Лапоть. Впрочем, ты ей нравишься. Если хочешь, могу уступить. И впридачу дам магнитофон. Заграничный. Соглашайся, пока не передумал. Я сказал ему, что он — законченный подонок. Мы зашли в первый подвернувшийся пустой двор. Он основательно разрисовал мне физиономию. И я в долгу не остался. Вышиби ему зуб. Теперь наша дипломатия будет с изьяном.

Она потом со мной не разговаривала три дня. Но в конце концов не выдержала. Не ожидала я от тебя этого, сказала Она. Что именно, спросил я. Ты откупного предлагал за меня, да, спросила Она. Магнитофон? Это он сказал, спросил я. Что же, из него выйдет отличный дипломат. До министра дойдет. Держись за него! А магнитофона у меня нет и не было. Это нам не по карману. Так вот в чем дело, сказала Она. Теперь мне многое стало понятным. Хватит об этом! Давай о чем-нибудь поинтереснее.

Сознатории

Постановления, принимаемые властями Страны, разделяются на две группы: явные и тайные. Первые принимаются публично, при большом скоплении всякого рода представителей и журналистов, широко рекламируются, считаются величайшей исторической вехой и почти никогда не выполняются или выполняются совсем не так. Вторые принимаются тайно, в узком кругу высших руководителей и причастных лиц, факт их принятия отрицается, они педантично проводятся в жизнь, чего бы это ни стоило. Первые суть вехи иллюзорной истории Страны, вторые же суть рычаги и ступени ее реальной истории. Поэтому подлинный поток жизни Страны остается навсегда скрытым от исторической науки. Те немногие счастливицы, которым удается благодаря силе воображения и случайному стечению обстоятельств коснуться этого потока, погибают, будучи осмеянными учеными коллегами и раздавленными карательными органами Страны. Создается впечатление, что основная /если не единственная/ жизненная цель Страны —

скрыть от всех и от самой себя, что такое она есть на самом деле. В этом, очевидно, и состоит самый глубокий инстинкт всего живого — инстинкт самосохранения. Ибо познать Страна сама себя, она погибнет как таковая от омерзения к себе.

Когда власти убедились в том, что задавить оппозицию обычными методами невозможно, было создано сверхтайное совещание высших лиц наиболее влиятельных организаций и учреждений страны, как-то связанных с проблемой оппозиции. На этом совещании и было принято решение о создании ИСИ /комплексного научно-исследовательского и профилактического центра по проблемам общественного сознания/ и сети экспериментальных /пока/ оздоровительных центров /или Сознаториев/. Деятельность Сознаториев долгое время оставалась действительно тайной. Жители мест, в которых располагались Сознатории, были осведомлены о характере этих учреждений. Но деятельность местного Сознатория их, как правило, не затрагивала, а многие граждане получили выгодную работу в нем. Так что местное население стало относиться к Сознаториям даже с любовью, распуская о них лестные слухи. Поскольку слухи были хорошие, в них не верили. Когда же скрывать факт Сознаториев стало невозможно и даже бессмысленно, власти резко изменили их официальный статус. В печати стали появляться материалы о жизни в Сознаториях и научные работы, обосновывающие их как новый шаг на пути к полному коммунизму.

Идеологическая диверсия

На другой день по городу поползли слухи об идеологической диверсии на площади Хо-Ши-мина и об антисоветских лозунгах на прилегающих к площади улицах. Эту часть города оцепила милиция. В полном составе прибыло городское отделение ОГБ, затем — половина областного отделения ОГБ, затем — специальная группа ОГБ из Москвы. Последняя прилетела на двух сверхзвуковых лайнерах и сразу взяла инициативу в свои руки. Товарищ Сусликов, переведенный несколько дней назад в аппарат областного комитета партии, сразу догадался, что эту хохму устроили хулиганы Стопкин с Жидовым, но вслух высказал убеждение, что это дело рук группы Каплинского-Вайсберга-Воронова. В ЧМО тоже подумали первым делом о Стопкине с Жидовым, тем более кепочка явно стопкинская. Но Стопкин заявил, что кепку он потерял давно, а скорее всего ее у него похитили. И тогда сотрудники ЧМО стали шептаться о диссидентской /а как же иначе?!/ группе Каплинского. Директор ЧМО ринулся в горком партии, но там его не приняли: сейчас, мол, не до тебя. Директор понял, что его отъезд в Москву срывается, и руки у него опустились. Лишь бы сохранили партийный билет, думал он в перерывах между стопками водки, которые он опрокидывал одну за другой в кабинете дома в полном одиночестве. А там мы еще покажем!! Приезд высокого иностранного гостя отменили. Секретарь горкома умчался в обком, а оттуда вместе с секретарем обкома срочно вылетел в Москву. Группу Каплинского арестовали. В городе начались обыски. Милиция начала задерживать всех подозрительных. Каплинского, Вайсберга и Воронова опознали постовой милиционер, дежуривший в районе площади Хо-Ши-мина /иначе, сказали ему, пиши пропало/, и лейтенант, дежуривший в отделении милиции. Сознательные граждане, жившие неподалеку от площади Хо-Ши-мина, дали свидетельские показания, что видели ночью в кромешной тьме /освещение вышло из строя/, как диссиденты Каплинский, Вайсберг и другие писали антисоветские лозунги и совершали богохульство. Один атеистически настроенный гражданин употребил, однако, более подходящее выражение «богохуйство», поскольку лозунги состояли в основном из одного слова из трех букв. Каплинский в ночь преступления был у любовницы. Но та отказалась подтвердить его алиби. И вообще она заявила, что она — честная, и мужу никогда еще не изменяла. Вайсберг спал с женой. Но ее и спрашивать не стали, поскольку она

сама Вайсберг. Что касается Воронова, то он парень вроде свой, но у него жена — Гамбургерович, которая имеет связи и вообще... Воронов был в командировке, но его тоже все опознали. Через несколько дней жизнь вошла в привычную колею. Началась кропотливая работа ОГБ по сбору доказательств преступной деятельности диссидентской группы Каплинского-Вайсберга-Воронова. В ЦК сказали, что теперь не то время, что тесть за зятя отвечает, и директора все-таки отозвали в Москву, но на пост меньше, чем предполагалось: это было наказание за то, что он допустил в руководимом им ЧМО враждебную группу, проявив благодушие и либерализм и т.п. Мы дешево отделались, сказал Стопкин Жидову по дороге к Дусе. Всего лишь старая кепка с пуговкой. Но на будущее надо сделать железный вывод: максимум осторожности, никаких следов! Смотри! Это тот самый хмырь! Действительно, навстречу им, улыбаясь от уха до уха, шел Командировочный.

Из «Евангелия от Ивана»

Нас молиться никто не учил.
Эти штучки смешными казались.
И небесного света лучи
Наших душ никогда не касались.
Но когда мы встречались вдруг,
С убивающей тело силой,
Со слезами молили: друг,
Если можешь, спаси-помилуй!
И как наши отцы испокон,
Бормотали мы скороговоркой...
Словно в школе за Божий Закон
Получали одни пятерки.
А когда проносилась гроза,
Становилось светлей немного,
Мы, стыдливо убрав глаза,
Издевались над сказкой-богом.

К чему все это, сказали мы Ему. А я и сам не знаю, ответил Он. А вы, ребята, не придавайте этому значения. Это же пустяки. В таком случае смени пластинку, сказали мы. Надоело! Мы уже готовили дипломные работы, сдавали последние экзамены, становились образованными и мудрыми. И один за другим вступали в партию /кто не успел до этого/ и избирались в разные ответственные органы. Пока еще маленькие. Но в большие попасть, миновав их, нам было нельзя, поскольку мы начинали свой путь с самого дна жизни. Путь нам предстоял долгий. И не легкий. Но мы были полны сил. Мы даже могли позволить себе не очень спешить и сначала немного позабавиться. В известных пределах, конечно. Выдай что-нибудь всесельское, сказали мы. Не получается, сказал Он. В общем,

Грустно, ребята, у нас получается.
Сказка кончается,
Быль начинается.
Забудем, ребята, мечты-ожидания.
Тшетны старания,
Зряшны страдания.

Он ушел. И мы больше не видели Его. Где ты теперь, смешной и нелепый человек?! Без тебя стало пусто и уныло. Жаль, что обнаружил я это с большим опозданием.

ВОЗЛЮБИ БЛИЖНЕГО

Утренняя молитва

Благодарю Тебя за свет,
За то, что сам восстал с постели,
И что источники монет
Пока еще не оскудели.
Меня устроить не прошу
Жить в однокомнатной квартире.
Зла на соседей не держу.
Хочу с милицией жить в мире.
Прости, что веры нет в душе,
Что не приучен я молиться.
Едва очухавшись — уже
Соображаю похмелиться.
Прошу еще поклон принять
За то, что сил даешь трудиться
И что позволишь мне опять
С спокойной совестью напиться.

Законы оценки, имитации и другие

— Смешно, — говорит Основатель. — Стоило мне обхамить членов Ученого Совета, как меня сочли мужественным борцом за новые идеи в науке, реформатором целой области науки. А ты за то, что поддержал меня, зачислен в мои ученики.

— Я не ученик, — сказал Последователь, — а соратник. В крайнем случае — единомышленник.

— Это ты так считаешь. А для ребят ты — всего лишь ученик и последователь. И никуда ты от этого не денешься. Тут действуют железные законы массовой оценки индивидов. Если бы ты ргнулся матом с кафедры первым, ты был бы основателем, а я был бы твоим последователем. Но ты на это не способен.

— Я вообще не способен ругаться матом.

— Ты первым не способен. А после меня ты тоже кое-что выдал, близкое к мату. Вторым! И лишь близкое к мату! И потому ты отныне и навеки всего лишь последователь. Да ты не обижайся, в этом нет ничего плохого. И хорошего тоже. Все дело в том, на какие социальные роли выталкиваются индивиды. Я всегда выталкивался на роль первого. Первым еще по снегу начинал бегать босиком. Первым ночью шел на подозрительные шорохи. Первым бросался в ледяную воду. Первым бросался в атаку. И в самоволку уходил первым. Мне просто предписана роль инициатора даже тогда, когда я к этому не стремлюсь. А я, между прочим, к этому не стремлюсь и на самом деле. А зачем стремиться, если все равно так

получится?! Когда я говорю, что не стремлюсь, мне почему-то не верят. Скажи, вот ты стремишься жениться на Наташке? Нет! А почему? Ты уже женат на ней, т.е. ты ее уже имеешь. Так и я. Нет, я имею в виду не Наташку, — я таких женщин терпеть не могу. А первенство в скандальных, неприятных и опасных делах. Ты не переживай! Вот создадим группу... Хотя что нам руки марать с группой... Давай школу создадим! Или даже направление! А может, целый этап?! Скажем, эпоху. Одним словом, создадим группку, и я тебе уступлю желанное тобою лидерство. Мне оно ни к чему. А тебе...

— Я к этому не стремлюсь...

— Чудак! Зато оно к тебе стремится. Чтобы такой человек да не руководитель?! Не вождь?! Нет, так не бывает. Человек не может уклониться от той роли, какая изготовлена ему обществом. Кстати, об обществе...

— Извини, перебью. Что будем пить?

— Мне все равно. Главное — побольше и покрепче.

— А есть?

— Тем более все равно. Главное — подешевле. Зачем зря деньги тратить?! Так вот, об обществе. Видишь ли, есть два общества. Одно — явление историческое, согласно гегелевской терминологии. В этой части истории есть Аристотель, Евклид, Наполеон, Достоевский, Гитлер, Сталин, Ленин, Микельанджело, Шекспир и все такое прочее. Ты меня понимаешь? Это — Большая История. Это — реальность человеческой истории. Другое общество — явление иллюзорное, мнимое можно сказать — имитационное. Это — Малая История. Это — отражение Большой Истории в том человеческом скоплении, в рамках которого так или иначе приходится крутиться индивиду. Для нас с тобой это — студенты, аспиранты и преподаватели нашего круга, издательства, где мы будем пытаться печатать свои гениальные открытия, вообще — лица, желающие послушать нас и проявляющие интерес к нашей продукции и трепотне. Ты понимаешь, о чем я говорю? Так вот, Малое Общество стремится имитировать Большое Общество, перенося на себя характеристики и оценки первого. В Малом Обществе появляются свои аристотели, наполеоны, микельанджелы, достоевские, ленины и т.д. Люди начинают в своих малых масштабах всерьез играть в Большое Общество, распределяя друг друга по его категориям и оценивая в этих категориях свое и чужое поведение. Возьми хотя бы нашу сферу культуры. Сунься в любой крупный город страны, и ты найдешь там своих основателей и последователей. Помнишь, я ездил в этот занюханный Буденновск? Представь себе, я и там обнаружил нечто подобное. Я чуть не задохнулся от хохота, когда узнал об этом. Они, участники прогрессивной группы, уже сделавшей /по их мнению/ выдающийся вклад в науку, обиделись на меня за это и сочли меня махровым реакционером и тупицей. Мой-то двойник там выглядел еще терпимо. Но если бы ты взглянул на своего двойника!!.. Одним словом, с некоторых пор пошли парочки типа парочек Маркса и Энгельса, Ленина и Сталина...

— Вторая парочка тут не подходит.

— Почему же? Наши преемники вполне воспроизведут ее. Скажут, мы с тобой заложили фундамент теории, пора создавать глобальную партию и делать эпохальный переворот.

— Хватит шуток! Что ты скажешь, если Борис Зотов будет ученым секретарем нашей группы, а Нелька Подмышкина — техническим.

— Мне на это наплевать. Ты затеваешь это дело, ты и расхлебывай. Только предупреждаю: Зотов стучач.

— Я знаю. Я сам посоветовал ему согласиться. Это выгоднее: будет писать то, что нам нужно.

— Стукач всегда и везде стукач, запомни это. И он никогда не напишет о тебе того, что нужно и выгодно тебе. А Нелька — типичная глупая и слегка ненормальная потаскушка. Пока она не переспит со всеми участниками нашего великого движения, она не успокоится.

— Не надо преувеличивать. Она толковая девка. А насчет переспать, так теперь время не то. Насколько мне известно, ты ведь тоже далеко не святой.

— Но я никогда этим делом не занимался во имя объединения передовых сил и прогресса общества. Меня мутит, когда люди развратничают, обсуждая какую-нибудь дурацкую фразу из Маркса насчет отчуждения или опредмечивания. Или распредмечивания?.. Давай-ка лучше закажем еще бутылку. Так вот, лишь единицам удастся вырваться из Малого Общества в Большое. Остальные же обречены влачить иллюзорную жизнь тварей, имитирующих человека.

— Какой же ты злой!

— Это я-то злой?! Как-нибудь я расскажу тебе одну притчу, может быть, ты поймешь, какой я. Хотя вряд ли. Ну что же, давай выпьем за любовь к ближнему! Если не ошибаюсь, наше движение имеет целью благо человечества?..

Из доносов Борьки Зотова

Борька Зотов писал доносы /отчеты, как их именовал он сам и товарищ из ОГБ/ с большим удовольствием и старанием, вкладывая в них все свои недюжинные способности самого талантливого /после Последователя, конечно/ члена группы. Вдохновлялся он прекрасной патриотической целью: убедить высшее руководство /а он был убежден в том, что не ЦК Партии, а именно ОГБ есть самое высшее руководство/ в том, что их группа стремится преодолеть косность отсталых консерваторов, вывести нашу науку на передний край и завоевать ей мировую славу. И при этом давал подробнейшие описания тех, кому предстояло выполнить эту эпохальную задачу. Описания начинались, естественно, с личности Основателя.

Основателем группы /или кружка/ считается Горев Виктор Сергеевич, ныне кандидат философских наук, преподаватель кафедры марксизма-ленинизма в Строительном Институте, участник войны, офицер, имеет боевые награды. Награды никогда не носит. Где служил и воевал, из его разговоров понять трудно. Судя по его рассказам, был кавалеристом, танкистом, летчиком. Был рядовым и офицером, был в штрафном. Но определенно судить не могу, поскольку все его рассказы /за редким исключением/ относятся к кому-то, но не к нему самому. Был женат. Пьяница. Любитель хохм. Одевается и питается как попало. Для компании готов отдать последнюю рубаху. Это буквально, а не в переносном смысле, ибо были случаи, когда он за поллитра отдавал пиджак, часы и другие вещи. Где живет, никто не знает. Никто не видел, как и когда он занимается. О том, что он много работает, можно судить лишь по тому, что он много знает, свободно владеет немецким языком и терпимо английским. Свои идеи и мысли раздает всем, кто у него попросит об этом /точнее — вызовет на разговор/. Не тщеславен. Но что-то имеет себе на уме, что именно, никто не знает. Смел и находчив. Совершенно бескорыстен. Вместе с тем довольно много зарабатывает всякими путями. Ходит слух, что за деньги пишет кандидатские и докторские диссертации, а также курсовые и дипломные работы для слушателей ВПШ и АОН. Разумеется, член партии. К участникам кружка относится с насмешкой и даже с презрением, но на заседания ходит довольно часто, делает доклады и высказывается по докладам других. Фактическим руководителем кружка является Горбачевский Петр Исаевич,

которого обычно зовут Последователем /что ему не нравится/ или Гепе /что ему тоже не нравится, но в меньшей мере, чем первое прозвище/.

Молитва перед работой

Каюсь, Господи, прости!
Одна томит меня забота:
Быстрее время мчись к шести!
Скорей кончайся моя работа!
Хоть я не верую, молю,
Чтоб день рабочий так промчался,
Как будто он почти к нулю
В своем движеньи приравнялся.
Не потому, что я ленив,
На эту тему я шептался.
А чтоб здоровый коллектив
Меня исправить не пытался.
Пред начальством чтобы дрожь
Не ощущалась в мыслях даже,
Не видеть чтоб их гнусных рож,
Не слышать шелеста бумажек.
И про успехи чтоб не лгать.
Не выть в восторге без причины.
И никогда не пролагать
Дорогу новому почину.
Кретинов не превозносить,
Стоящих у кормила власти.
И сообща не поносить,
Кто тщится отвратить напасти.
На вахту чтобы не вставать
На благо нашего народа.
И обязательств не давать
Прожить пять лет в четыре года.
А для потребности души
Яви, молю, крупицу блату:
Иметь, как прежде, разреши
Мою грошовую зарплату.

О социальной структуре населения

Разделение населения страны, говорит Основатель, на классы рабочих, крестьян, помещиков и т.п. даже во времена Маркса было настолько глупой абстракцией, то многие весьма неглупые современники отказывались его признать. Вовсе не из желания услужить эксплуататорам и не из страха, как принято считать у нас. А именно потому, что видели: такое разделение имеет весьма ограниченное значение, реальная структура населения куда сложнее. А переносить такое разделение на наше общество, отбросив, естественно, помещиков и капиталистов, есть вообще идиотизм высшей степени. Что остается? Рабочие, крестьяне и прослойка из трудовой интеллигенции. И все они друзья, за редким исключением. Вы знаете, сколько у нас министров, генералов, председателей всякого рода Советов, секретарей обкомов и райкомов, директоров заводов и т.д. и т.п.? И что, это все — интеллигенция? Так кто же они? Служащие? Но бухгалтер и завхоз — тоже служащие. Младенцу ясно, что для нас более существенны совсем другие различия между людьми в социальном положении, чем различия между рабочими,

крестьянами и интеллигентами. У младшего научного сотрудника с высшим образованием больше общего с рабочим завода, чем с директором своего учреждения, который мог учиться вместе с ним в институте. А у председателя колхоза больше общего с упомянутым директором, чем со своими колхозниками.

Возьмите любое достаточно крупное учреждение, продолжает Основатель, и вы заметите такие социальные различия между людьми, по сравнению с которыми различия между рабочими, крестьянами и интеллигенцией отступают на задний план. Мы говорим о классе помещиков, хотя помещиков было меньше, чем теперь директоров, заведующих, начальников. И властью эти директора, заведующие, начальники и т.п. обладают немалой, часто — не меньшей, а даже большей, чем помещики. И блага имеют не меньше, а то и побольше, чем помещики. Можно не употреблять слово «класс». Но разве дело в словах? Назовите это категорией, видом, рубрикой... Суть дела от этого не меняется. Сходите на любой достаточно современный завод, и вы увидите такие различия в «рабочем классе», что наши представления о классах, навязанные сочинениями классиков, покажутся чудовищным анахронизмом. Работающие на заводе люди различаются по уровню зарплаты, по условиям работы, по роли в производстве и многим другим признакам, исключающим возможность рассматривать их как однородную массу «рабочих». А сколько у нас министерств, трестов, советов, комитетов партии, комсомола и профсоюза, союзов и прочих учреждений! И они не однородны. Самый маленький чиновник в аппарате ЦК партии может оказаться значительнее в социальном отношении самого крупного лица в нижестоящем учреждении. Короче говоря, как бы вы углубленно и творчески ни изучали марксизм, оставаясь на его позициях, вы обрекаете себя заранее на полное творческое бесплодие. Я затронул только один аспект марксизма. Но так обстоит дело с любым вопросом, который бы вы ни затронули. Или вы остаетесь в рамках марксизма, и тогда вы будете наращивать лишь глупость и невежество. Или вы на самом деле будете стремиться понять, что из себя представляет наше общество, и тогда вам надо первым делом покинуть позиции марксизма. Это условие необходимое. Без выполнения его вы ничего в нашей жизни не поймете. Выбор надо сделать сейчас, не откладывая. Иначе скоро будет поздно.

Из доносов Зотова

Состоялось заседание кружка, на котором сделал доклад Основатель. Он призывал собравшихся порвать с марксизмом и выработать новый способ понимания нашего общества. Но его не поддержал никто. Особенно резко выступил Последователь. Он сказал, что надо различать марксизм подлинный и марксизм вульгаризированный. Марксизм дает научный метод понимания всякого общества, только у нас этот метод применяют лишь к прошлому и к странам Запада, но не к нашей стране. Основатель назвал Последователя му...ом и покинул семинар.

Затруднения Спиридонова

Дмитрий Павлович Спиридонов, сотрудник Отдела Идеологической Контрразведки ОГБ, когда-то учился вместе с Основателем, частенько выпивал с ним и по-человечески относился к нему с большой симпатией. По окончании университета Спиридонов ушел на работу в «почтовый ящик» и исчез из поля зрения однокурсников. Встречаясь с ними, он на вопросы о месте работы отвечал весьма уклончиво. И однокурсники сделали безошибочный вывод о том, что он работает Там /при этом они делают испуганное лицо и указывают пальцем вверх/. Это никого не удивляло, так как с первого же курса всем было известно, что Спира /прозвище Спиридонова/ стукач. Вполне естественно, что Спири поручили наблюдение за подозрительной группкой, возглавляемой его «университетским товарищем». Тем более группка занималась делишками по его специальности.

Получив упомянутый выше донос Зотова, Спирия растерялся. В самом деле, как быть? С одной стороны, Основатель зовет покинуть позиции марксизма, что само по себе есть тяжкое преступление. Кстате, такие разговорчики он заводил еще в студенческие годы. Но тогда в пьяных компаниях им не придавали значения, и разговорчики эти имели скорее форму шутовства за счет острой и опасной темы. А Основатель — парень рискованный. Это о нем тогда кто-то сочинил стихотворение:

Хожу по острию ножа,
Не за себя, а за ножа дрожа.

Последователь зовет остаться на позиции марксизма. Конечно, Последователь — штука. Но в этом он правильное дело делает. Это хорошо. И то, что между Основателем и Последователем произошел раскол, тоже хорошо. Пусть Зотов поддержит Последователя! Но с другой стороны, все дело смотрится иначе. Основатель и Последователь зовут изучать наше общество объективно. К этому, конечно, формально не придерешься. К этому нас всех призывает ЦК и лично товарищ... Это — святой долг... Ибо общество наше наилучшее, пусть все знают, какое оно хорошее. А если не формально? Чего греха таить, мы-то знаем кое-что такое... Значит, если Основатель уведет свою группу с позиций марксизма, они ничего не смогут понять в общественной жизни, ибо марксизм дает единственно верный метод и т.д. Значит, это хорошо. Тогда Последователь, удержав группу на позициях марксизма, начнет копать. А копать у нас есть что. И это плохо. Значит, пусть Зотов поддержит Основателя, так что ли?

Но в глубине душонки Спири копошилась мыслишка, которую он боялся сформулировать даже самому себе. И мыслишка эта заключалась в том, что марксизм — это трепотня и пустозвонство. Эту мыслишку он почерпнул еще в студенческие годы от Основателя и убедился в ее справедливости, с большой неохотой полистав марксистские первоисточники и нынешние учебники и сдав все экзамены на пятерки без всякого усилия, даже не понимая смысла той околесицы, которую он порол на этих экзаменах. О семинарах и вспоминать не стоит. Сплошное водолейство и демагогия. Правда, сам Основатель отыскивал в марксизме какие-то глубины и тонкости. Но это, надо думать, нужно было ему, чтобы получить диплом с отличием и рекомендацию в аспирантуру. Но если марксизм на самом деле есть то, что о нем в глубине души думает Спиридонов, то Основатель — плохо, а Последователь — хорошо. Пусть Зотов поддержит Последователя, это решено!

Но Последователь создает организацию, а Основатель ему мешает в этом! Ну и задачка! Что лучше : организация, занимающаяся темными делишками, прикрываясь пустой болтовней о науке, или разрозненные энтузиасты, думающие о нашей жизни без всякого марксистского демагогического камуфляжа? Без фактических данных, без публикации результатов и т.д. много не надумаешь. Да и много ли таких одиночек найдется? Хотя, тут один думатель вроде Основателя может наворочать столько, что потом все ЦК и ОГБ не расхлебают годами. Организация — сборища, разговорчики, сборнички статей, бюллетенчики. Рано или поздно это приведет к листовочкам и к кое-чему похуже. Но одиночек не уконтролируешь. Поди, узнай, о чем он думает ночью в кровати? А в организации свои люди. Зотов толковый парень. Надо, чтобы он сосредоточил в своих руках всю документацию группы. Подмышкина... Эту пока не будем трогать. Пусть втянется, подымется. Потом она пригодится на более серьезном уровне.

Подготовив материалы по группе Основателя-Последователя и изложив свои соображения, Спиридонов направился на доклад к начальнику Отдела. Любопытно все-таки, думал он, идя по бесконечному коридору Управления, как изменилось время. Во времена Сталина никому в голову не пришла бы самая идея такой группки, а любой намек на нее — расстрел. Десять лет назад за такую группу руководителей

посадили бы, а остальных раздолбали бы местными средствами так, что они никогда уже не поднялись бы. А теперь?! Ведь половина группы — члены партии, а остальные комсомольцы!! Что происходит?!

Молитва после обычного рабочего дня

Таким и будь ты на века,
Занудный, серый день работы.
День раздраженья и зевоты,
День ожидания звонка.
С торчаньем в тесном коридоре,
С куреньем в заданных местах,
С пошлейшей шуткой на устах,
С суждением о всяком вздоре.
С решением пустых задач,
К начальству трепетным походом,
С общением со всяким сбродом,—
День без беды и без удач.

День рождения Основателя

Последователь и Зотов /правая рука Последователя/ решили использовать день рождения Основателя в качестве удобного средства превращения кружка /или семинара/ в организованную группу. Празднество решили устроить на квартире Последователя /у Основателя никакой квартиры не было, он снимал комнатухи подешевле/.хлопоты по собиранию средств возложили на Никиту Садова, студента психологического факультета, чудовишно талантливую /по мнению Последователя/ ученого, а по организации стола — на Наташу, Нелю и ужасно некрасивую старую бабу по имени Татьяна, официальную любовницу Зотова, игравшую в зародившемся движении вторую /после Нели/ скрипку, обладательницу трех старых номеров «Плейбоя» со статьями о новых формах секса и с фотографиями одного. По замыслу Последователя идейное единство участников кружка должно быть усилено единством эмоциональным. На празднество пришло большое количество народа. Основателю подарили портфель. После третьей рюмки позабыли о том, куда и зачем пришли. Распались на группки, пили локальные тосты, болтали всякую ерунду.

— Почему, вы спрашиваете, я возлюбил проходные дворы,- говорил в одной группе странного вида молодой человек, которого никто не знал.— Встретил я однажды прекрасную деву. Встретил, посмотрел на ее чистый лик и ясные очи. И понял, что готов для нее на все. И она поняла, что я готов для нее на все. Что ж, говорит она, раз такое дело, закрутим любовь. Идет, говорю я. Выскребаю все, что было во мне, захожу в гастроном, беру поллитровку, банку консервов «Мелкий частичек в томате» и двести грамм конфет «Чио-Чио-сан». Ничего другого в гастрономе не было. Да и денег больше не осталось. Пришлось к ее дому пешком толпать. Пришли, вошли во двор. Забрала она у меня выпивку и закуску. Подожди, говорит, здесь. Надо проверить насчет родителей. И ушла. Я жду, предвкушая удовольствие. Жду десять минут. Жду полчаса. Жду час. И в конце часа замечаю, что двор — проходной. С тех пор меня неудержимо тянет в проходные дворы. Все еще надеюсь, вдруг она выйдет и скажет : заходи!

— Согласно смыслу самих понятий,— говорил в другой группе лысеющий аспирант—математик,-можно любить или ненавидеть другой народ, но не свой. К своему народу можно испытывать только чувство принадлежности, которое весьма многообразно и изменчиво. Иногда оно бывает похоже на любовь, иногда — на ненависть, но никогда оно не есть ни любовь, ни ненависть. Призывы нашей

пропаганды любить свой народ нелепы, если они направлены на представителей этого народа. Сами эти лозунги свидетельствуют о том, что выдвигающие их в глубине подсознания отделяют себя от народа и противопоставляют себя ему как нечто стоящее над народом. Лозунг любви к своему народу по сути есть выражение презрения к упомянутому народу. Наша пропаганда и идеология просто безграмотны с точки зрения психоанализа и социальной психологии.

— Вы упускаете из виду религиозный аспект,— возразила Неля.— Лозунг любви к народу в качестве постулата религии...

— Он не изменится от того, что переходит из идеологии в религию,— оборвал ее Математик.— Постулатом религии является любовь к ближнему, а не к народу.

— В журнале «Наука сегодня» сообщили, что в Америке вывели лошадок высотой в пятьдесят сантиметров,— сказала Татьяна.

— Мы их все равно заткнем за пояс,— сказал Основатель, кочевавший от одной группы к другой.— Во-первых, мы выведем клопов и тараканов длиной в метр, и они будут подчищать наши помойки. Так что отпадет надобность в мусороуборочных машинах. Во-вторых, мы выведем баб трехметрового роста. Зачем? Ямы копать, шпалы укладывать, с авоськами по магазинам бегать, пьяных мужей на себе домой волоочь. Очень удобно будет.

— Лучше бы вывели мужиков с членом в пятьдесят сантиметров,— сказала Татьяна.

— Молоток, Татьяна,— сказал Последователь, утирая выступившие от смеха слезы.— Предлагаю тост: за женщин!!

— Существующий у нас социальный строй,— сказал парень, окончивший физический факультет и до сих пор не устроившийся на работу /его почему-то звали Придурком/,— никакой не социализм, а лишь государственный капитализм.

— Государственный капитализм,— сказал на это Основатель,— есть такой же нонсенс, как выбор из одного предмета. Государство может выступать в качестве капиталиста, но лишь наряду с другими капиталистами в реальном капиталистическом обществе. Если же государство монополизирует все средства, все предприятия, тем самым капиталистический строй ликвидируется вообще. Понятие собственности в таком обществе теряет смысл. У нас много общего с капиталистическими странами. Но из этого никак не следует, что у нас тот же капитализм, только с одним капиталистом вместо многих. Государственный капитализм есть лишь произвольная абстракция, к тому же — ложная в силу логической противоречивости. Конечно, можно рассматривать наше общество в его чертах, общих с капиталистическими, но мы тем самым заранее обрекаем себя на бесплодие в его понимании. Ибо понять сложное социальное целое — значит понять его внутреннее строение, законы, тенденции и т.д., имеющие силу независимо от его сравнения с другими обществами. Меня поражает во всех наших разговорах то, что совершенно не принимаются во внимание правила социального мышления, получившие такое сильное развитие в прошлом веке. Теперь их вытеснили правила мышления, уместные в современном естествознании, но мало пригодные для понимания общественных явлений.

— А разве в вашей жизни не было случаев, за которые вам мучительно стыдно до сих пор,— говорил кто-то на другом конце стола.— Лично у меня были. И они гнетут меня до сих пор. К сожалению, мы раскаиваемся тогда, когда уже бывает поздно, и ничего уже не исправишь. Правда, мы еще сохраняем способность раскаиваться. В конце войны нам было приказано бомбить мирное население. Женщины, старики, дети. Конечно, мы выполняли приказ. Но я испытывал от

этого удовольствие! И я получил за это более высокую награду, чем за настоящие бои! И не испытал от этого угрызений совести. Знаете, мы расстреливали беженцев из пулеметов с брющего полета. Было очень смешно смотреть, как они бегали по полю и падали. А сами мы были в полной безопасности. Никаких истребителей и зениток. Мне сейчас страшно вспоминать, что я испытывал не просто удовольствие, а сладострастное наслаждение. И после этого мы еще удивляемся, узнавая о мерзких поступках Сталина!

— А я,— перебивает рассказчика кто-то другой,— совратил молоденькую девочку. Правда, она сама ко мне пришла, а ее родители были довольны этим. Но она пришла из страха, от голода, а не из любви. Когда она мне надоела, я ее передал приятелю. А потом устроил сцену ревности, узнав о ее «измене». Потом я для развлечения подстроил одному офицеру из политотдела женщину, большую венерической болезнью. Правда, он был политрук. Но он был семейный человек, к нему приехала жена, и он заразил ее. А я, узнав об этом, весело смеялся.

— У меня,— кается третий,— водились приличные деньжонки. Но я их пропил, а не послал родителям, которые жили в ужасной нищете. А главное — по моей вине погиб человек. Правда, я тогда верил. Но ложная вера тоже есть преступление. Это я знаю тоже. Конечно, мы не святые, а простые смертные.

— Но все-таки жаль,— говорит четвертый,— что мы не святые.

— В США,— старается привлечь к себе внимание Неля,— с наступлением темноты на улицу выходить нельзя: изнасилуют или ограбят. Все-таки социализм имеет то преимущество перед капитализмом, что уничтожает преступность как массовое явление.

— А у кого это сперли чемодан,— ехидничает Садов.— А в чьем доме недавно ограбили квартиру? А в чьем подъезде женщину убили из-за пятидесяти рублей? А сколько человек одновременно находилось в заключении при Сталине?

— Но это же было нарушение законов,— кричит Неля.

— То есть преступления,— говорит Садов.— И к тому же массовые. Социализм сокращает одни виды преступности и даже устраняет их совсем как массовое явление, но увеличивает другие типы и развивает новые. А известно ли тебе, сколько человек у нас сейчас одновременно находится в заключении? По самым скромным подсчетам — раз в десять больше на душу населения, чем в США. А ты не интересовалась, кто и за что сидит? Походи по народным судам, узнаешь. Это, увы, факты. Конечно, у нас не убивают руководящих лиц /поди, доберись до них!/, не грабят банки в таких масштабах, как там, с наркотиками намного слабее, самолеты реже угоняют, реже похищают миллионеров, их детей и т.п. Но ты же прекрасно знаешь, что все наши торговые организации превращаются в шайки преступников. А как обстоит дело со взятками?! А всякие организации, имеющие дело с квартирами?! А где еще ты слышала, чтобы людей судили за заявление, якобы порочащее социальный строй? Если заявления эти суть преступления, они — факт. Если судить за них — преступление, это тоже суть преступления. Наконец, есть еще такое обстоятельство, как статистика преступности и раскрываемость преступлений. Многие ли злоупотребления служебным положением у нас раскрываются? Так что, если уж быть точным, то следует признать нечто противоположное: наш строй превращает все общество в потенциальных преступников, лишь осуществляя отбор и держа на определенном уровне число разоблачаемых и наказуемых.

— Вздор,— кричит Неля.— Пьяный бред!

Вечер удался на славу. Через пару дней Последователь созвал совещание актива группы, на котором обсудили итоги вечера и наметили план работы на ближайшие недели. Решили послать несколько человек на заседание Ученого Совета на философском факультете, на котором защищается дурацкая докторская диссертация. Делегаты должны задать диссертанту каверзные вопросы. Последователь сначала хотел поручить Зотову выступить на защите, но потом решил взять эту функцию на себя, ибо решил диссертацию «раздолбать» и тем самым себя показать.

Молитва перед входом в забегаловку

Стезю свою сам выбирай.
Живи не завтра, а сегодня.
Входи... отнюдь не в преисподню,
Но далеко не в чистый рай.
Мозги напрасно не крути,
Судьбы своей не уклоняйся.
К привычной стойке прислоняйся.
Другого не ищи пути.
Входи! И ощути души
Родство с таким, как сам, народом.
И на алтарь клади природы
Свои последние гроши.

Из доносов Зотова

Горбачевский Петр Исаевич /Последователь/ — сын того самого генерала Горбачевского, расстрелянного в тридцать седьмом году и реабилитированного теперь, вундеркинд-математик в детстве, окончил Физико-технический Институт, защитил кандидатскую диссертацию в ИСАУ, где и работает в настоящее время в качестве младшего научного сотрудника, женат на дочери академика ..., живет в квартире жены /хотя прописан в квартире матери/, имеет сына /два года/, член партии, в институте был секретарем комитета комсомола курса и членом вузкома комсомола, имеет несколько публикаций по специальности, увлекается проблемами философии и социологии, имеет несколько публикаций в этой области, фактически является руководителем кружка /семинара/. Основателя терпит пока для прикрытия и в качестве генератора идей. Он признает, что Основатель способен выдвигать идеи, но не способен их разработать научно, способен увлечь, но не способен их организовать на серьезное дело.

Притча о штрафниках

— В штабе армии, — говорит Основатель, — тепло и чисто. Генералы и офицеры сыты, хорошо одеты. Многие уже вкусили «боевые сто грамм», многие собираются это сделать. И бабы будут. И бабы дай бог какие! Пройдет война, заполучить таких уже не всякому из них удастся. А пока есть, пользуйся. Даром и без последствий. Генералы решают трудную проблему. Велено взять город Н. Если прямо бить — мощная оборона противника. Вряд ли пробьешь, а пробьешь — людей и техники положишь столько, что город Н потом ни за что не возьмешь. Справа — болота и трясына. И что ни шаг, то мина. А слева никого нет, там другая армия, и соваться туда не велено. Враг ждет удара в лоб и готов к этому удару. А со стороны болот враг удара не ждет. Там — трясына, мины, колючая проволока. Разминировать и прорезать проходы в заграждениях практически невозможно. Тут все досконально высчитано. И знает это не только враг. Знают это и наши генералы. Но враг не знает того, что знают наши генералы. Вы видели это в кино? Нет, в кино

вы видели совсем не то. То, что было, в кино не показывают. Разминировать болото, делать проходы в заграждениях и делать настилы, говорит главный генерал, бессмысленно. Да и не успеем. Пока мы с этим чикаемся, нас вы...т в ж..у, обойдя с левого фланга. Но на кой х.., собственно говоря, нам разминировать болото и заниматься прочей х..ней-мушной?! Мы вот тут посчитали возможные потери. Выгоднее всего пустить прямо на минные поля, на заграждения сначала штрафников. Потом... И разминируем, и настилы естественные будут, и через заграждения... Одним словом, мы посчитали. Потери меньше, чем бить в лоб. И удар неожиданный... Кто подсчитал?! Не генерал же ! Боюсь, что он таблицу умножения забыл, если знал ее вообще когда-нибудь. Подсчитывали умные мальчишки вроде нас с вами. С высшим образованием. Способные. А на улице холодно. Поздняя осень. Дождь. Ветер холодный. Ночью уже заморозки бывают. Иногда снежок идет. Мокрый, с дождем и с ветром. А одеты штрафники в драные выношенные шинельки, рваные ботинки с обмотками, заношенные пилотки с заплатками. А еда... Говорить об этом не хочется. За дело? Конечно, за дело. Я разве возражаю? Конечно, за дело. Вот этот мальчишка опоздал на работу на оборонном заводе на десять минут. Он несовершеннолетний. Но что поделаешь?! Время военное. Пять лет. А этот дал прочитать друзьям письмо от матери из деревни. Десять лет. Этот за дело — парашют украл. Так ведь у него украли его парашют. Этот... Все за дело. И спорить тут не о чем. И вот голодных и продрогших штрафников... Зачем их одевать, согревать и кормить? Ведь все равно они скоро пойдут на минные поля, в трясину, на проволочные заграждения! Вот, друзья мои, чего не знал враг. Враг жестокий и коварный. Но даже ему в голову не могла прийти такая простая и гениальная /все гениальное просто!/ идея. Несколько сот человек, и нет минных полей. Несколько тысяч человек, и нет трясины, и нет проволочных заграждений. И можно не одевать, и можно не кормить, и оружие можно не давать,— все равно же пропадет добро. Вот вам проблемы для теоретических рассуждений.

— И чем же эта притча кончилась,— спросил Последователь.

— Как обычно,— сказал Основатель.— Тех генералов и офицеров наградили и повесили в чинах. Из тех, кто пошел на мины, уцелело трое. Двоих тут же расстреляли за то, что они бросили оружие, которого им не давали. А третий...

— А я, — сказал Придурок,— начал службу в кавалерии. О, боже, что это было! Середина двадцатого века, на носу «война моторов», а тут такая дикость, по сравнению с которой гусары времен войны с Наполеоном — верх цивилизации. Посмотрел бы ты на нас тогда! Тощие, обмундирование висит, как на огородных чучелах, шейки тоненькие, глаза сверкают от голода, а морды посинели от холода. А лошади! Маленькие, пузатые, волосатые. И ужасно старые. И нас они глубоко презирали, как старые служаки презирают новобранцев. А командиры! Таких дураков и невежд теперь можно встретить, пожалуй, только в Совете Министров, в Генштабе и Высшем Совете Партии. Объясни, почему в начальство вылезают самые глупые и бездарные люди? Был ли в истории когда-нибудь случай, чтобы большинство населения страны было умнее своих руководителей?! А знаешь, чем мы занимались? Там, где располагалась наша дивизия, жил древний народец. Его целиком объявили японским шпионом и выселили в глубь страны, где они /по слухам/ все как один подошли. Мы окружали поселки, собирали людей и конвоировали их километрами за пятьдесят, где передавали спецчастям ОГБ. Причем, они топали пешком, без еды и барахла: и старики, и дети. Жуть берет, как вспомню. Гуманизм...

— Одним словом,— сказал Основатель,— мы крепко влипли. Истории потребуются несколько сот лет, чтобы... нет, не исправиться, исправляться ей ни к

чему, она и так хороша... а чтобы признать некоторые факты нашей жизни существовавшими на самом деле.

— А третий,— спросил Последователь.

— А третьего не дано,— сказал Основатель.

Молитва по выходе из забеголки

Сей зланный дом благодарю.
И уходя, с ним не прощаюсь.
И ни к кому не обращаясь,
Речь сам с собою говорю.
Глядите, я плетуся еле,
Смиривши страсти, сер и тих.
Хочу лишь на своих двоих
Дойти до собственной постели.
Иду, душою чист и светел.
Молю Его: будь добр, уважь!
Чтобы во мне порядка страж
Интеллигента не приметил.
Что я качаюсь — пусть не в счет.
Ведь пил, бывало, сам Спаситель!
Ужель районный вытрезвитель
Опять мой путь пересечет?!

Прогнозы

— Какой-то классик марксизма говорил, что при коммунизме золото пойдет на унитазы,— сказал Командировочный.— Это весьма символическое заявление. Но не в смысле выражения идеалов коммунизма, а в смысле проявления интеллектуального уровня классиков. Во-первых, делать унитазы из золота весьма неудобно. Во-вторых, золота не так уж много, чтобы делать унитазы. В — третьих, золото имеет ценность как металл: не ржавеет, годится для украшений. Классик ляпнул демагогическую фразу, не подумав об очевидных вещах. Так и со всеми прочими их мыслями о коммунизме. Но черт с ними,— с золотом, классиками и унитазами. Вернемся к реальности. Сейчас мы с вами идем по улице Ульяновых. Параллельная улица — улица Сталина . Первая улица налево — улица Калинина, затем — Дзержинского, затем — Ворошилова, затем — Жданова. Потом — площадь Ильича, за ней — Ленинский проспект. Его пересекает улица видного партийного деятеля товарища Хлыстова, затем — маршала Кулакова, затем... Короче говоря, дело идет к тому, что скоро:

Требованиям времени внемля,
Переименуется Земля.
И будет прозываться до скончанья века
Именем очередного Генсека.
Ближайшая планета будет не Марс,
А, само собой разумеется, Маркс.
И будет для всех последующих поколений
В небе сиять не Солнце, а Ленин.
И даже на вывесках забеголок и вытрезвителей
Появятся имена начальников и руководителей.

— А не все ли равно, что и как называется,— сказали собутыльники.

— Все равно,— сказал Командировочный,— если назвали один раз, и дело с концом. Но ведь это делается систематически. Обставляется спектаклями. Тысячи и

тысячи ничтожеств куражатся и выламываются на наших глазах, чтобы закрепить свое имя хотя бы на короткий срок и хотя бы за маленьким кусочком мира. Разве это не омерзительно?

— Омерзительно,— сказали собутыльники.

— Разве это не вызывает тоску,— спросил Командировочный.

— Вызывает,— сказали собутыльники.

— Названия выражают суть дела,— сказал Командировочный, когда выяснилось, что забегаловка, к которой они стремились, закрыта на учет. — В городе имени серого партийного чиновника, на улице имени бездарного генерала, в забегаловке имени глупейшего академика даже выпить толком невозможно. Верьте мне! Когда Галактику назовут именем товарища Сусликова, в этом мире смогут жить только бактерии.

— Названия — пустяк,— сказал один из собутыльников.— Вы слышали о новой реформе школы? Теперь выпускников школ будут распределять государственным порядком по предприятиям, причем — будут посылать туда, где потребуется рабочая сила, а в высшие учебные заведения будут направлять уже с работы. Представляете, что начнет твориться?

— Ничего особенного,— сказал Командировочный.— Просто эти идиоты в самом деле хотят назвать Галактику именем какого-нибудь партийного руководителя.

Молитва о карьере

Признаюсь честно, я когда-то
Мечтал, бывало, до утра
Попасть в науки кандидаты,
Чем черт не шутит — в доктора.
Но скоро стало мне известно,
Куда фантазия несет:
От кандидатов в мире тесно,
А доктора — ни то, ни се.
И ощутив прилив силенок,
Решил: не та теперь пора!
Стремиться следует с пеленок
Не меньше, чем в директора.
Но путь начав, я убедился:
Тонка на то моя кишка.
Хоть сотню лет в начальство б бился,
Не одолел бы и вершка.
И с этих пор одно и то же
Я наяву шепчу и в сне:
Благодарю, Великий Боже,
Что стать не дал начальством мне.

Документик

— Вот, почитай, — сказал Последователь. — Очень любопытный документик. Это — обращение писателей диссидентов к деятелям русской культуры здесь и на Западе. Это — ответ Правдцеова на обращение. А это — открытое письмо писателей Правдцеову. Мы размножили.

— А как отнесется к этому ОГБ, — спросил Основатель.

— Материалы не наши.

— Но размножили вы.

— Ты же знаешь... Если размножили, значит, предварительно прозондировали почву. Кос-кому, очевидно, это выгодно.

— И вам выгодно. Как-никак — а борцы! А не кажется тебе, что это выглядит как соучастие...

— В политике нет абсолютно чистых линий. Любое серьезное дело обрастает побочными соображениями.

«Документик» заинтересовал Основателя. В обращении писателей содержался призыв к объединению всех оппозиционных сил, к большей терпимости, к взаимному сочувствию и содействию. Правдцов в своем письме по поводу обращения обвинил писателей в беспринципности, в сотрудничестве с властями и даже с ОГБ. Писатели в открытом письме Правдцову выразили недоумение и сожаление по поводу его реакции на их обращение, но вразумительных аргументов в защиту своей позиции выдвинуть не могли.

— Размножение «документика» устроил, конечно, Зотов ? — спросил Основатель. — Полезный человек, ничего не скажешь. Цель этого размножения ясна: показать, что у диссидентов нет единства. Никакой обличительной силы этот «документик» не имеет. Конечно, репутация твоей группы и твоя несколько укрепится в известных кругах...

— Нашей группы...

— Твоей. Что касается позиции писателей, мне их жаль. Позиция интуитивно верная, но не обоснованная. Сейчас главное — завоевать самую возможность обсуждать наши проблемы более или менее свободно, а не то или иное решение этих проблем. И потому всеобщее единство оппозиции естественно. А что касается «сотрудничества» с властями, то нелепо отвергать реформаторские усилия властей. Не имеет значения то, что эта деятельность вынужденная. Реформаторская деятельность властей всегда является вынужденной. А в условиях нашей страны этот путь, пожалуй, более существенен пока, чем другие.

— Ты, надеюсь, не будешь возражать, если я приложу комментарии к этому документу в том духе, как мы сейчас говорили. Без указания автора, конечно. В интересах дела... Сам понимаешь...

Молитва о семье

Закон сей знает всяк дурак —
С шенка до клячи обалделой.
Е..сь, но не вступай во брак.
А если влип, детей не делай.
Чуть что случилось, не трудись,
Не напрягай напрасно разум.
Ни дня не медля, разведись.
И подели жилплощадь сразу.
Увидеть снова не мечтай.
Ходи совсем иной дорогой.
Легко отделался, считай.
И больше тему ту не трогай.

О войнах при коммунизме

— Война в Юго-Восточной Азии между коммунистическими странами ставит под сомнение тезис марксизма о природе войн, — говорит Событьелник. — Значит, коммунизм не устраняет возможности войн.

— Тут надо мыслить диалектически, — говорит Командировочный. — Войны и при коммунизме сохранятся. Но они будут справедливыми для всех участников. Это будут особые войны, дружеские.

Об оппозиции

Во всякой оппозиции, говорит Основатель, бывает нечто подлинное и фиктивное. Известны случаи, когда люди из тщеславия или упрямства готовы отсидеть в тюрьме по десять и более лет. А сколько таких, для кого участие в оппозиции есть бизнес! Но поймите главное: в основе всего этого всегда лежит нечто подлинное. Важно то, что люди говорят вслух и что делают явно. И они же так или иначе страдают. Так что даже худшие из них заслуживают сочувствия. А лучшие достойны поклонения. Вы тут можете годами творить некое Дело. И все же вы останетесь ничем, если не выскажете вслух что-то наказуемое, что знают все, но боятся высказать сами. А какой-нибудь полоумный и недоучившийся мальчишка может вдруг выскочить, крикнуть, наплевав на последствия, и стать исторической личностью.

Молитва в конце дня

Грязь оботри с усталых крыл.
Спусти на землю дух тревожный.
Скользни в каморку осторожно,
Сосед чтоб матом не покрыл.
И дверь закрывши на крючок,
Закончи день на жестком ложе.
Скажи Ему: Спасибо, Боже,
Я всем доволен. И — молчок.

О сталинизме

— Все, пишущие о феномене сталинизма, — говорит Командировочный, — ищут объяснения в личных качествах Сталина и его окружения и во взаимоотношениях между партийными деятелями. А самое главное упускают из виду: естественность происходившего исторического процесса. Не Сталин, так другой выполнил бы ту же роль. Могли то же самое сделать несколько человек в последовательности. Не это, повторяю, главное. Главное — становление существующей системы, в которой обретали власть миллионы сталиных разного калибра. Сталинизм есть результат усилий миллионов людей в сложившихся условиях, а не изобретение одного человека. Наоборот, этот человек был изобретен естественным образом усилиями этих миллионов. И смешно слушать, когда Сталину, Берии, Хрущеву и т.п. приписывают некую гениальность. Ничтожества они, — в этом суть дела. Именно их ничтожность позволила им уцелеть в той кошмарной истории.

О любви к ближнему

Ну, а ты-то сам почему не крикнешь, спросили Основателя. Не хочу, сказал он. Ибо я из другого измерения. Я не обуреваем тщеславием. Меня не тянет в историю. Меня тянет просто к людям. Нет, не в смысле делать людям благо. Желание осчастливить человечество и есть история. Я просто хочу быть среди людей. Просто

любить их хочу. Причем, всяких. Таких, каковы они на самом деле. Поймите самую банальную житейскую истину: других людей нет и вообще не будет. Живите с такими, других не будет. Идея «нового человека» — ложь. Или, скорее, новые массовые убийства и насилия.

Но любовь-то к людям должна в чем-то проявляться, спросили Основателя. В чем? Не знаю, сказал Основатель. Когда любишь, такая проблема не возникает. Если любишь людей на самом деле, они это чувствуют и как-то узнают, если ты даже ничего не делаешь. Любовь к людям есть сначала твое внутреннее состояние. И только потом это что-то замечаемое людьми.

Такая позиция устарела уже в прошлом веке, сказали Основателю. Нам нужно другое: мысль и действие! Уходи от нас, ты нам мешаешь.

Молитва о вере

Мы на земле, в грязи лежали.
В бреду. От холода дрожали.

Хотите — нет, хотите — верьте.
Мне нет расчета путать вас.
Как избавленья ждали смерти
Мы в предрассветный этот час.

Давно ни крошки мы не ели,
Давно зубами лишь скрипели.

Настал, подумал я, конец.
И распадутся жизни звенья.
Спросил бы пусть меня Творец:
Чего б хотел я в то мгновенье?

Нам было, в общем, все равно.
Что наша жизнь?! Одно говно.

Сказал бы я ему: теперь
Я ад любой приму, не охну.
Одно прошу тебя: не верь,
Что будто за вождя подохну!

На сто один мы уцелели.
И вот кончаем жизнь в постели...

Как ни ловчи, придет конец.
И не поможет больше клизма.
Я, как тогда, шепчу: Отец,
Не верь, что жил для коммунизма!

Любую кару выбирай.
Но только не земной их «рай».

КВАРТИРНАЯ СКЛОКА

Смехотворность трагедии

Почему я здесь? Скучная и пустяковая история. Но я все же расскажу ее вам, раз вы этого хотите. Я же не в силах отказаться, вы сами об этом знаете. К тому же я не раз наблюдала в жизни случаи, когда одаренные тратили силы на «ловлю блох», а отважные и сильные погибали, «поскользнувшись на арбузной корке». Я же стала жертвой банальной квартирной склоки.

Всякая жизненная борьба имеет свои непреложные законы. И квартирная борьба тоже. А может быть, тут даже следует сказать: тем более. Имеется некий закон для самих законов жизни: чем мельче жизненная борьба, тем жестче и суровее ее законы. И тот, кто не считается с ними, тот погибает. Борьба времен Сталина особенно страшна была не своей возвышенностью и грандиозностью, а своей приниженностью, пошлостью, никчемностью. Да, никчемностью, хотя цену люди платили огромную. Даже наша квартирная склока была рангом выше той эпохальной борьбы. Она была по крайней мере за реальные, а не воображаемые ценности.

Новая жизнь

Как только мой «молодой» муж прописался в мою однокомнатную квартирку, доставшуюся мне ценой многих лет каторжного труда на благо Родины/точнее — моего шефа/ и унижений, он стал вести себя подчеркнуто грубо и игнорировать свои супружеские обязанности. Однажды он заявился домой пьяный с такой же пьяной девицей. Я сказала ему и себе: хватит с меня этой счастливой семейной жизни. Сделала аборт: не хочу иметь ребенка от такого негодяя! Через полгода мы расторгли брак, разделили жилплощадь и разъехались. Мои знакомые сказали, что они это предвидели, что они меня предупреждали, что глупо в мои годы /какие годы?!/ заводить семью, что у него на морде было написано и т.д. Чудаки! Я сама не надеялась на то, что из этой затеи выйдет что-то путное. Но мне так захотелось иметь свой дом, ребенка и прочее, что я готова была клонуть на любую приманку. Мне захотелось немного старомодного, отжившего. Как говорил мой бывший муж, большой любитель старых анекдотов и каламбуров, мне захотелось быть «закобыленной».

Мой бывший супруг ухитрился выменять себе двухкомнатную /!/ квартиру. Не могу понять, как это ему удалось. У нас же такие строгие нормы на жилплощадь. Впрочем, он парень пробивной, все ходы и выходы в нашей системе знает. Приехал с отдаленной окраины Страны и за три года «сделал» себе степень, квартиру и работу с большими возможностями для безделья, распутства и карьеры. Думаю, что он сотрудничает с КГБ. Любопытное это все-таки явление — завоевание Столицы представителями одуревшей от спекулянтских и взяточных денег провинции. Они абсолютно беспринципны, нахальны, изворотливы, способны на все.

Проникновение их в Столицу позволяет поддерживать моральную атмосферу столичного «светского» общества на некотором низком и пошлом уровне, устраивающем сильных мира сего. А методы их временами просто восхитительны. Мой шеф, например, весь отпуск провел у родителей моего бывшего мужа на полном пансионе. Ему был предоставлен целый дом у моря, машина с шофером и целый гарем женщин. В уплату за это шеф устроил («бывшему» сдачу кандидатских минимумов, компилирование диссертации и рекомендацию на работу в отдел самого Сусликова. Карьере Бывшего благоприятствовала и общая политика, проводившаяся с первых дней после революции, — возвысить окраины за счет основного народа Страны. В результате в республике, откуда появился здесь Бывший, на душу населения кандидатов и докторов наук приходится в три раза больше, чем даже в столичной области. Я не говорю о их качествах, ибо все это — сплошное жульничество.

Мне досталась комнатуха в коммунальной квартире. Десять квадратных метров. Теперь почему-то снова появилась тяга к «коммуналкам». В газетах целая кампания была проведена в их пользу. Лейтмотив: мы должны привыкать жить единой семьей, ибо идем к коммунизму, а отдельные квартиры приучают к разобщенности. Но это, очевидно, демагогия. Просто семьи пошли маленькие / от силы три человека/, и на всех отдельных квартир не напасешься. К тому же в отдельных квартирах за народом следить труднее. Подслушивающие устройства обходятся в копейчку и ненадежны. А сосед надежен /не сломается/ и не стоит ничего.

Жаль, конечно, было терять квартиру. Я уже стала привыкать жить независимо хотя бы от соседей. Я говорила Бывшему, что он мог бы купить квартиру в кооперативе. Но он поступил так, как подобает современному мужчине: лишил меня отдельной квартиры, а деньги, которые мог бы потратить на кооператив, истратил на банкеты и подарки влиятельным лицам. И все-таки, разъехавшись с Бывшим, я вздохнула с облегчением. И приняла твердое решение начать новую жизнь. Ты дура, сказал мне Бывший на прощание. Ты не понимаешь главного и никогда не поймешь: наше общество — общество людей без всяких внутренних ограничений и сдерживающих начал, общество людей, готовых на все, на любую пакость. И чтобы выжить в такой среде, надо быть больше, чем человеком, — надо быть сверхчеловеком, т.е. подонком беспредельным.

Квартира

В нашей квартире пять комнат. В самой большой живет инженер с женой и дочкой. Сам инженер мужик вроде ничего, но тюфяк. Его жена, видать, порядочная стерва /первые впечатления меня никогда не обманывают/, а дочка — что называется «штучка». В этом году школу кончает. Родители по сему поводу загодя закатывают истерику каждый день. В комнате поменьше живет персональный пенсионер с дочерью, которой тоже скоро пора на пенсию. Пенсионер — старый член партии, отсидевший в свое время в сталинских лагерях уйму лет и потом реабилитированный, но отнюдь не поумневший. Когда я въехала сюда, он мне сказал, что Партия и Правительство дали мне прекрасную комнату, и я должна оправдать это высокое доверие... Меня начало от этого мутить, и если бы не Штучка, мне стало бы дурно. Она вежливо затолкала Пенсионера в его собственные восемнадцатиметровые хоромы на двоих, сказав при этом, что ему пора делать клизму. Представляю, сколько народу передумало это чудело, прежде чем само стало «невинной» жертвой такого же чудовища. Штучка сказала, чтобы я не обращала внимания на этого выжившего из ума /еще до революции!/ дегенерата, и начала помогать мне устроиваться с мебелью и тряпьем. Она же мне сообщила, что дочь Пенсионера — искусствовед, знает кучу иностранных языков, работает в музее,

получает /смешно сказать!/ восемьдесят рублей в месяц. Им обещают в следующем году повысить зарплату на пятерку, и она безумно этому рада. Могла бы зарабатывать на уроках. Бойтся, хотя говорит, что это безнравственно. Что, работать безнравственно? А просиживать стулья в музее, ни черта не делая, нравственно? А этот старый идиот /мало ему тогда дали!/ видит в этой обещаемой пятерке следующий шаг на пути к коммунизму. У нее, у Штучки, отец получает около двухсот, мать /она — учительница/ — сто пятьдесят, а они втроем на эти деньги еле концы с концами сводят. В общем, пока мы двигали шкаф из одного угла в другой в поисках наиболее выгодного варианта, я узнала о жильцах квартиры все самое основное.

В комнате напротив Пенсионера живет одинокий молодой мужчина, старший научный сотрудник в каком-то институте Академии Наук, кандидат наук. Эту комнатуху он получил тоже в результате размена, но со своими родителями /господи, с ними-то он что не поделил?!/. У Кандидата приличная зарплата, со временем он рассчитывает вступить в кооператив. Кандидат накатал «левой ногой» /как выразилась Штучка/ халтурную книжонку и надеется отхватить за нее гонорар. Парень он ничего, веселый и остроумный, сказала Штучка, но порядочный жмот. И бабник. Впрочем, теперь все мужчины бабники.

В комнате у входной двери живет Йог. Это — самая плохая комната в квартире. В ней хорошо слышно, как грохочет лифт, а окно выходит на стенку,— тут дом делает архитектурный изгиб /или излом?/. Йогом его Штучка прозвала за худобу и горбатый нос. На самом деле он математик и пьяница. Постоянно меняет работу. Одним словом, йог.

Мы со Штучкой быстро сдружились. Хотя мозги у нее набекрень, девчушка она славная. Очень даже неглупая. Все понимает с полуслова.

О мужчинах и женщинах

Есть у тебя мальчик, спросила я у Штучки. Этого добра навалом, сказала она. Но стоящего — ничего. В книжках и в кино /правда, в старых, а не в новых, новые все — сплошное вранье/ показывают настоящие чувства, ребят настоящих. Вам повезло. Когда я была такая, как ты, сказала я, один мальчик, над которым я тогда смеялась /а зря!/, написал мне любопытное стихотворение. Хочешь, прочитаю? Слушай!

Трудно мальчикам ныне случается, да.
Но за них не впадаю в кручину.
Мальчики вырастают, вот в чем беда,
Рано иль поздно в мужчину.
А нынче мужчина... О чем говорить?!
Тут и без слов очевидно.
Бабами будешь руководить.
Бумажки подпишешь солидно.
А то повезет — и настанет твой час,
Проявишь себя непременно.
Взойдешь на трибуну — воспитывать нас,
В президиум сядешь степенно.
Я собратьям сочувствую жалким своим,
Но много эмоций не трачу.
Я до боли жалею девчонок. Вот им,
Ребята, живется иначе.
Я больше девчонок жалею. За то,
Что пропала, во-первых, основа:

Мужчины остались на свете на том
И навряд ли появятся снова.
Нынче, братцы, мужчина обычно — сопля,
Трус, холуй, карьерист и пройдоха.
В лучшем случае это — постельная тля,
Или в крайнем — пустой выпивоха.
Наш мужчина обычно — ни то и ни се.
Такова, видно, наша эпоха.
И за что ни возьмешься, ты видишь во всем,
Что для женщин с мужчинами — плохо.
Ну а что во-вторых, мне ли вам говорить...
То же самое. Только похуже.
Кроме прочего, женщине надо тащить
Груз, что числится... как его?... мужем.
Я облегчить им участь немного хочу.
Я не сплю бесконечные ночи.
Я за это кому-то проклятья шепчу.
Я мужчинам хриплю что есть мочи:
Эй, собратья-мужчины! Где вы?!
Неужели навеки истлели?!Будем драться для женщин, мужчины, как львы!
Сгинем в драке для них, не в постели!
Я не в силах иначе девчонкам помочь.
И с тоски чтобы не удавиться,
Наступает когда бесконечная ночь,
Начинаю за женщин молиться.
И пока не закончится страшная ночь,
Продолжаю в истерике биться.
Здорово, говорит Штучка. Неужели и тогда уже было то же самое? А где тот человек? А... В общем, она закидала меня вопросами, на которые я не могла ответить. А она и не ждала ответов. Зачем они ей? И так все ясно без слов. Ну, мы сами тоже хороши, сказала она. Сами на шею вешаемся кому попало. Чуть чего, и... прощай девочка. У нас в классе, между прочим, половина девчонок уже попробовала. А ты, спросила я. Я еще нет, сказала она. Но подумываю. Есть тут один вариант. Не надо, говорю я, не торопись. Успеется. Сначала попробуй полюбить...

Я

Я работаю в Институте Народного Творчества. Что это такое? Это — одно из крупнейших научно-исследовательских учреждений Страны, уступающее по числу сотрудников и по материально-технической базе разве что только институтам ядерной физики, космонавтики, кибернетики и марксизма-ленинизма. Возник наш институт по инициативе самого Вождя. На встрече с выдающимися деятелями науки и искусства он сказал, что мы явно недооцениваем народное искусство. Что он имел в виду, трудно сейчас сообразить, ибо за пять минут до этой идеи он обозвал народным все наше искусство вообще. После встречи деятели культуры, надо полагать, провентилировали вопрос в ВСП и пришли к гениальному выводу: надо различать народность искусства как черту всего нашего искусства и народное искусство как творчество непрофессиональных художников, сочинителей, танцоров и т.п., но не любителей, творящих в духе профессионального /народного в первом смысле слова, как и любительское/ искусства, а в духе определенных древних народных традиций. Правда, в понимании того, что такое народ, авторы сочинений на эту тему основательно запутались, но из примеров можно было понять, что они

имели в виду: матрешки, расписные чашки и ложки, вышивки, резные наличники у окон, частушки и т.п. И, конечно, сказы. Конечно, поскольку это и есть моя узкая профессия.

Дело поставили на широкую ногу. Буквально через несколько лет в нашей области появилось с полсотни докторов наук, две сотни кандидатов наук, три членкора и даже один академик /в академики был избран заведующий отделом изобразительного искусства ВСП/. Институт разросся до тысячи человек. Появились филиалы в республиках, лаборатории в областных городах, самостоятельные группы, кружки и т.д. Одних только сказителей стало столько, что пришлось создавать Союз Сказителей с отделениями в областях, городах и районах. Ввели почетные звания Народного и Заслуженного Сказителя. Создали творческий журнал «Былина» /мы в шутку называем его «Ой ты, гой еси»/. Стыдно признаться, что выдумала всю эту мразь я сама. Вот как это произошло.

Послали меня в командировку на север Страны собирать фольклор. Намучилась я с нею, страшно вспомнить. Ни гостиниц, ни еды, ни транспорта. Ночевала, где придется. Даже на вокзалах. Питалась хлебом в основном. Пешком прошла сотни километров. И ничего похожего на фольклор. Да и смешно его теперь искать. Даже в этой глуши большая часть молодежи имеет среднее образование. С высшим образованием людей — пруд пруди. Везде телевизоры, радио, кино. Транзисторы. Зарубежные передачи даже старухи слушают /старикам не до этого, пьянствуют/. А тут — какой-то фольклор выдумывают. Смешно, слово «фольклор» почти никто тут не знает, а диссидентами даже детишки дразнятся.

Чувствую, горит моя командировка. Вернусь — житья не дадут, сожрут. И решила тогда я выдумать сказительницу. Нашла девяностолетнюю слепую и глухую старуху, которая бормотала невразумительную чушь, и «записала» несколько ее сказов. Вот один из них, к примеру:

Ой ты, гой еси, наша Партия!
Ты орлиная, да соколиная!
Что ведешь свой народ да к победушке!
Эх да к победушке да коммунизмушка!
Того самого, что по потребности!
Ах его самого, что по способности!
Ой люли-люли, люли-люлюшки!
Коммунизмушка высшей стадии!

Послала я эти сказы в институт. Написала, что ничего хорошего не нашла. Только, мол, вот эти пустяки. Я, конечно, знала, что делала. Через неделю ко мне целая группа из двенадцати человек нагрянула во главе с моим шефом нынешним (тогда он был молодым начинающим проходимцем, едва успевшим вырвать кандидатскую степень/. На сей раз Краевой Комитет Партии предоставил нам все удобства.

Послушали наши сотрудники полоумную старушеницу и сразу поняли все. Но виду не подали. Похвалили меня. Но сказали, чтобы я от сказительницы не отходила ни на шаг и записывала все ее сказы. И слала их в Столицу. Дали мне примерную тематику на первое время. Обещали выслать более подробные разработки. Попьянствовали еще пару недель /за это время я сочинила им еще с десяток сказов/. И укатили. А я осталась в этой дыре еще чуть не на целый год. Скоро я убедилась, что выдумывать эти сказы не так-то легко. Так что пришлось мне осовательно потрудиться. Когда я вернулась в Столицу, ураган сказительства уже пронесся по всей Стране. Моей полоумной старухе привоили звание Народной Сказительницы, построили ей новый дом, дали приличную пенсию, наградили Государственной Премией и т.п. А я... Я так и не смогла защитить кандидатскую. И

лишь после того, как я сказала шефу /он уже стал член-кором/, что пусть он теперь пишет свои го...ые работы сам, он выхлопотал мне ту злополучную однокомнатную квартиру.

Но я не обижаюсь на судьбу. В общем, я и этим довольна.

Соседи

Мы с Пенсионером выстояли длинную очередь за капустой. Я ругалась. Пенсионер уличал меня в неверии в идеалы, бубнил о решении пленума ВСП увеличить производство овощей, о временных трудностях. Соседи по очереди ворчали по поводу того, что нам полмира кормить приходится, — негров, арабов, поляков, чехов... И американцев, съехидничала я. И всех их понесло. Мол, глядя на Запад, наша молодежь стала с ума сходить. Мол, если бы не Запад, так помалкивали бы. Пожили бы в «наше» время, не то запели бы! Тут подошел Йог, он заскочил захватить /без очереди, конечно/ пару огурцов на закуску, но таковых не оказалось. Это обстоятельство и толкнуло его на полемику со стариками. Если бы собрать все постановления об увеличении производства фруктов и овощей /кстати, огурец — это фрукт или овощ?/ за последние пятьдесят лет, то по идее от персиков и винограда прохода не должно быть, а капусту и картошку пришлось бы вывозить за пределы Галактики, сказал он. Вот и космические исследования пригодились бы.

Дискуссию продолжали уже дома, на кухне. Штучка рассказала последние сплетни о «летающих тарелках». Инженер сказал, что в одной деревне инопланетяне /Искусствовед поправила его: инопланетяне, а иначе — это инакомыслящие/ украли трактор. Очевидно, нашу технику изучали. Потом вернули. И даже отремонтировали. Видать, соображают, сволочи! Порясающе, сказал Кандидат. Лететь за тридевять земель, чтобы изучать допотопный трактор! Идиоты, эти ваши инако... инопланетяне. В это момент вышла Стерва /жена Инженера/ и потребовала очистить ванную. А я только было собралась постирать. Я попросила подождать пару часов. Тем более сегодня моя очередь. Но она ни в какую. Обозвала меня ни за что, ни про что. Спасибо, Искусствовед выручила. Она сказала одно слово : стыдилась! И Инженер увел орущую Стерву в комнату . Как только таким людям доверяют учить детей?!. Впрочем, чего я-то.

Пока я стирала, Инженер изливал мне душу. Дочь школу кончает, а теперь без блага никуда не попадешь. Нет ли у меня знакомых? Я сказала, что таких знакомых у меня не водится. Но я могу помочь устроить Штучку в наш институт техническим сотрудником, и через пару лет она спокойно пройдет на филологический факультет. Инженер сказал, что жаль два года терять. Я сказала, что мы всю жизнь теряем и не жалеем, а из-за каких-то двух лет трясемся. Но он не понял. В общем, уже в первый месяц я убедилась в том, что коммунальная квартира имеет свои преимущества: не соскучишься.

К кандидату пришла смазливая девица. Аспирантка. Стерва по сему поводу заметила, что все б...и аспирантки, а все аспиранки б...и. В комнате Пенсионера грохочет на всю мощность телевизор. Известный философ читает лекцию о бесклассовом обществе. Доразвивались, говорит Йог, даже классов, и то нету, а не то что мяса.

Опять я

Великая сказительница сдохла. И поскольку я была в институте на плохом счету /уклонялась от общественной работы, не вступала в партию/, меня собрались выгонять, отыскивая подходящий предлог. Но я подбросила Шефу идею издания полного собрания сказов моей старушечки с предисловием и большой вводной статьей и комментариями Шефа. И меня оставили. Поскольку полное собрание

будет в трех томах и будет издаваться в течение пяти лет, на пять лет мне гарантирована спокойная работенка. Я перечитываю сейчас свои «гениальные» сказы и веселюсь от души. Неужели никто не видит, какая это жуткая халтура? Или всем плевать на это? Но один сказ мне все-таки жаль отдавать этой дохлой ведьме. Он мне стоил кое-чего. Но что об этом говорить! Я за свое «творчество» получила положенный мне кусок благ. Еще некоторое время продержусь. А там надо подумать о новом месте, где я спокойно смогу дожить оставшуюся жизнь. Свои сто тридцать рублей я как-нибудь заработаю. А к этой сумме я привыкла и не рассчитываю когда-нибудь превысить ее.

Что такое сто тридцать рублей? Во-первых, долой налоги, взносы и всякие мелкие поборы /кому на юбилейный подарок, кому на похороны и т.п./. Остается сто десять. Долой плату за квартирные услуги и транспорт. Остается меньше ста. С едой я укладываюсь в пятьдесят. Хозяйственные и случайные траты /гости, например, а это — бутылка вина, сыр, колбаса, конфеты/ — двадцать пять. «Остается» двадцать пять. В год это триста рублей. Это — на туалеты, культуру /кино, музеи, театры, книги/ и отдых. Сапоги стоят за сто. Колготки рвутся каждую неделю... Приличные духи... Лучше не говорить обо всем этом. В общем, выкручиваюсь. А большинство женщин даже этого не имеет. Мой уровень даже считается выше среднего. Я свою «шубу» седьмой год ношу, а белье... Бывший говорил, что он «охладел» ко мне главным образом из-за моих туалетов. Врет, конечно. Но доля истины в этом есть. Искусствовед, например, могла бы выглядеть интересной женщиной и выйти замуж, но в том виде, как она одевается /а у нее зарплата восемьдесят!/, на нее не обращают внимания даже пьяницы. Когда я сказала Йогу, что у нее прекрасная фигура, он рассмеялся. Я, извиняюсь, сказал он, в баню с ней не ходил, а в этих лапсердаках, извиняюсь, она напоминает мне Бабу Ягу перед выходом на пенсию. Многие молодые и красивые женщины улучшают свой бюджет за счет подачек любовников. Но это тоже не так часто. Любовники сами пошли нищие. Или, чаще, паразиты, лишь бы урвать задарма. В большинстве случаев они «оплачивают» любовниц за счет учреждения. Но и тут на многое рассчитывать не приходится. Повышение зарплаты на пять-десять рублей, премия, выгодная поездка и т.п. Я интересовалась этим /меня считали любовницей Шефа, хотя это была неправда/. В среднем таким путем даже любовница директора «получала» не более двухсот рублей в год. Говорят, на высших уровнях таким путем «зарабатывают» побольше. Но я думаю, сильно преувеличивают. Любовные связи дают возможность предприимчивому человеку пробиться выше и быстрее к более сытной жизни, но сами по себе они такую жизнь еще не гарантируют. Мои друзья, не верившие мне, что я не имею никаких связей такого рода с Шефом, говорили мне, что я дура, что они на моем месте давно защитили бы диссертацию.

Остается замужество. Что это такое, я насмотрелась достаточно. Сама попробовала. Семья Инженера - в некотором роде типична на этот счет. Конечно, семья есть семья. Дом. Ребенок. Но семейная идиллия недолговечна и стоит титанических усилий. Приличные семьи, не оскорбляющие личное достоинство и дающие удовлетворение, можно перечесать на пальцах. Одним словом, куда ни кинь, всюду клин. Выход один: пробиваться в высшие слои общества, а это — определенным образом построенная /и потерянная для таких людей, как я/ жизнь. Или родиться в тех самых высших слоях, что уходит далеко не всякому. Как говорил Кандидат, жизнь надо начинать уже с достаточно высокого уровня. Он начал с достаточно высокого для такой шпаны, как мы, — с генерала. Но теперь генералов развелось много, они сами разделяются на «вшивых» и успевающих. Он, увы, начал со «вшивого». Но это все же терпимо. В двадцать шесть лет он кандидат наук. Эта комната у него — «для работы». Вот получить гонорар, отец подкинет немного, устроят ему хорошую квартиру в кооперативе и т.д. Почему он не живет с родителями? Это банально. Тесно. Сестра вышла замуж.

Ребенок. Зять проходимец. В общем, на семейном совете решили... Как ему устроили эту комнату? Это пустяк. Райком партии, райсовет, жилищный отдел... Это еще что! У них один парень за три года трехкомнатную квартиру урвал, начав с нуля. Но он — гений в этих делах. Этот далеко пойдет!

Разговоры «за жизнь»

Жильцы квартиры все вместе собираются очень редко. Йог где-то пропадает неделями. Стерва утверждает, что в вытрезвителях и в тюрьме /за хулиганство/. И вообще, таких надо выселять, им не место в нашем обществе. Кандидат тоже появляется редко, «для работы». Но у него папа генерал, и сам — «крупный ученый», и Стерва имеет виды на него /Штучка кончает школу, надо пристраивать/. И потому таких выселять не надо, им — место в нашем обществе. Инженер пропадает на работе /он там парторг помимо всего прочего/. Пенсионер редко вылезает из своей «прекрасной и светлой» комнаты, он пишет мемуары. Помню, как сейчас, было это в тысяча девятьсот семнадцатом..., пародирует Йог сочинение Пенсионера, или скорее в восемнадцатом... Дочь, погляди по энциклопедическому справочнику, когда началась Февральская... Нет, Октябрьская... или, скорее, Ноябрьская... революция?! Так вот, как сейчас помню, началась... эта самая... революция. Я пошел в Смольный... Боюсь, что пародии Йога недалеки от истины.

С одной такой пародии начался спор о революции и о сущности нашего общества. Пенсионер поносил молодежь, болтал о светлых идеалах, о героизме, об отклонениях, уклонениях, нарушениях и т.п. Его поддерживали Искусствовед и Стерва. Йог кричал, что их, кто устроил эту заварушку /он имел в виду революцию/, судить надо. Кандидат подливал масла в огонь. Инженер призывал к спокойствию и осторожности в выражениях. Мы со Штучкой стояли, обнявшись и укрывшись шалью /было довольно прохладно/, и симпатизировали явно Йогу и Кандидату. Стерва обвиняла нас в исторической безграмотности, в игнорировании очевидных фактов, пенсионер бормотал, что он все сам видел своими глазами. Йог завел речь о репрессиях. Пенсионер сказал, что сам пережил это, это надо правильно понять. Стерва сказала, что это — выдумки диссидентов. Кандидат спросил, а как в таком случае быть с речью Хрущева. Стерва сказала, что его и скинули за это. И правильно сделали. Кандидат сказал, что одно дело — причины революции, ее ход, движущие силы, а другое дело — что из этого получилось, кто пользуется благами этого общества, кто тут страдает, а кто процветает. Как это ни странно на первый взгляд, но именно исторический подход к нашему обществу исключает возможность его правильного понимания.

Сказ о приезде иностранного президента

Наступил он, долгожданный исторический момент.
Заявился с заграницы иностранный Президент.
Президент сидит в Кремле,—
Правда непреложная,
Потому как на Земле
Обстановка сложная.
Хочет, видно, он с Вождями по душам поговорить:
Что и как и где подстроить, что и как предотвратить.
Водку лопает с Вождем,
Икру лижет ложечкой.
Мол, с делами подождем,
Отдохнем немножечко.
Нам какая установка? Что нам думать по сему?
Это ж он к нам сам притопал, а не мы пошли к нему!

Он успехов наших, гад,
Стал теперь свидетелем.
И знакомству, видно, рад
С выдающим деятелем.
Говорить всегда готовы, если только по душам.
Мы же только ради прочих. Нам не нужно ни шиша.
Вождь намеки Президенту:
Нас за горло не хватай!
Плюнь на этих диссидентов!
Оглянися на Китай!
Вождь спокойно: ты, мол, лучше хлеба нам поболе дай.
А прогресс творить нам дома, миром просим, не мешай.
Коли миром озабочен,
Нашим доводам внемли.
Он и так не очень прочен,
Мир во всех концах Земли.
Дашь нам масла и курей, по плечу похлопаю.
Предоставь самим себе Африку с Явропаю.
У нас тоже есть ракета.
Вашей даже лутчее,
Можем вмиг спалить полсвета,
Если в крайнем случае.
Будем мы с тобой друзья. Хочешь — поцалуемся?!
Президент же, мол, пока! Апосля столкнемся.
Мы ведь просто, от души.
Как без чина-звания.
Телефончик запиши.
И чуть что, позванивай.
Говорит, мол, там у них дома демократица.
Не позволят, стервецы, как хочу потратиться.
Что ж, работай! Не ленися!
И к себе домой катай!
И обратно ж оглянися
По дороге на Китай!
И закончился успешно исторический момент.
И убрался восвоися иностранный Президент.

Лагери

Население нашей квартиры постоянно распадается на два вражующих лагеря. На какие именно, зависит от обстоятельств. Если к Кандидату заходят его шумные подружки или тихие «аспирантки», в один лагерь объединяются семейства Инженера и Пенсионера, в другой — все остальные. Даже Штучка покидает меня, ибо ревнует Кандидата ко всем его «отвратным» /как она считает/ девицам. Если же в квартиру заявляется орава соучеников Штучки, Пенсионер с Искусствоведом сколачивают свой блок, вовлекая в него Йога и временами меня. Мне компания Штучки не нравится. Мальчики довольно глупые и циничные. Поют плохо. Говорят о пустяках /о тряпках, транзисторах, выпивке/. Но потом мне становится почему-то жаль ребят, и в лагере Пенсионера, который хотел бы завлечь молодежь в лоно революционной романтики прошлого, я играю скорее роль соглашателя. Ходила я недавно со Штучкой в кино, смотрели фильм о гражданской войне. Мне было скучно, хотя фильм был сделан на совесть со всех точек зрения. И Штучке тоже было скучно. Вранье все это, сказала она. Не надо так, девочка, сказала я. Тут другое просто то время ушло. Мне стало грустно. И я тут же придумала такой экспромт.

Должно быть, куда интересней
Глядясь бойцы-комиссары,
Когда гремят в зале фанфары,
Звучат современные песни.

Так уж на свете ведется.
Как было на самом то деле,
Когда эти песни не пели,
Нам знать никогда не придется.

А кони те все-таки сдохли.
Клинки те давно поржавели.
И песни, которые пели,
Давно в нашем сердце заглохли.
Бойцы те на вечном покое.
Горящее слово — остыло.
И мы уж не верим, что было
Когда-то на свете такое.

Наши квартирные склоки далеко не всегда поверхностны и безобидны. Стерва убеждена, что Йога надо выселить из квартиры как тунеядца. В жилищном отделе ей намекнули, что если Йога выселят, комната достанется Инженеру. Но для этого нужны достаточно серьезные основания. Вот если Йог связан с предосудительными организациями и занят враждебной деятельностью, тогда... Тогда Стерва мечтает переселить меня в комнату Йога, мою соединить с их комнатой, заделав дверь в коридор, и обменять свои две комнаты на двухкомнатную квартиру. Она уже присматривает подходящий вариант. С этой точки зрения в один лагерь попадает семейство Инженера и Пенсионера, в другой — я и Йог, а Кандидат остается нейтральным.

Кандидат

Искусствовед забыла ночной горшок Пенсионера в ванной. Стерва выбросила его на кухню. Кандидат /он как раз делал кофе для очередной «аспирантки»/ поднял горшок, осмотрел его. Обратите внимание, сказал он, насколько наше общество целомудренно. Этот горшок официально называется «ночная ваза». Сходите ка-нибудь в городской суд, когда там рассматриваются дела об изнасиловании или о половых извращениях. Живот надорвете от хохота. Нет, не от самих фактов. Это - кошмар. А от того, в какой словесной форме это у нас протекает. Пострадавший, спрашивает, судья, например, расскажите, что с вами делал обвиняемый. Как что, говорит пострадавший. Он надругался надо мною. Как именно, настаивает судья. Посредством использования того, на чем мы сидим, говорит пострадавший. Кто это «мы», спрашивает судья. Как кто, говорит пострадавший. Ясно, вы, я и все другие. А я при чем, спрашивает судья. И потом, говорите точнее, на чем мы сидим. Я например, сижу на стуле... И так далее в том же духе, присутствующие хохочут. Судья наслаждается.

Кандидат — любопытный экземпляр человеческой природы. Очень даже неглуп. Знает два иностранных языка. Начитан. Воспитан. Но — абсолютно циничен. То, что он сочиняет, сплошное дерьмо. И он сам это признает со спокойной совестью. Становиться мучеником науки, говорит он, я не хочу. К тому же у нас все равно за счет настоящей науки не пробьешься. А халтура дает мне средства, авторитет в среде коллег /я им не опасен, я — свой/, надежную перспективу. Мне ведь не так уж много нужно. Комфорт. Приятное общество. Хочу по загранице поездить, посмотреть, что к чему. А там видно будет. Может быть, за ум возьмусь. Раньше молодые люди из знатных семей в гусарах служили. Вот считайте, что я пока служу в гусарах.

Йог

Приглядитесь, как мы живем, говорит Йог. Мерзость! Мы привыкли и не замечаем многое. А если подробно описать хотя бы один день нашей жизни и потом беспристрастно оценить это, мы бы сами не поверили, что это было на самом деле. Мне кажется, вы много пьете, говорю я. Вы же способный парень, возьмите себя в руки. Вы еще можете многого добиться. Чего, например, спрашивает он. К тому же пьянство — это не самое плохое, что делают люди. В нашей компании по крайней мере начисто отсутствуют все те проблемы, из-за которых люди бесятся. Хотите, я вас познакомлю с моими собутыльниками? Среди них есть интереснейшие люди. Нет, я не идеализирую. Все мы — дермо, это ясно. Но вам было бы небезынтересно. Зачем? Просто так. Людям, знаете ли, бывает приятно, когда к ним проявляют интерес. Не КГБ и не милиция, конечно, а порядочные люди. А что на вас так взелась Стерва, спрашиваю я. Дура потому что, говорит он. Она надеется мою комнату заполучить. А кто ей даст? У них жилья больше минимальной нормы, таких теперь даже на учет не ставят. А если со мной что случится, в жилотделе найдут, кого сюда пристроить. Они даром такие куски не отпускают. Но все-таки будьте поосторожнее, говорю я. Жаль будет, ни за что пропадете. Кстати, давайте-ка, я постираю вам и комнате помою. Мне все равно делать нечего. Бесконечно вам признателен, говорит он, но не могу позволить себе воспользоваться вашей помощью по очень простой причине: стирать у меня нечего, а в комнату посторонних пускать стыдно. Я сначала сам разгребу грязь, а уж потом...

Искусствовед

Искусствовед выходит на кухню крайне редко. Она устроила в комнате свою отдельную кухню. Пользуется кухней только тогда, когда требуется огонь и вода. Мне ее нестерпимо жалко, хотя она человек не очень приятный. После ареста отца вскоре умерла ее мать. Воспитывали ее дальние родственники, от которых она сбежала, как только кончила школу /поступила чудом в университет/. Отец вышел из заключения больным. С тех пор вся ее жизнь была отдана ему. А он никаких уроков из своего печального опыта не извлек /как он там жил, чем занимался?/. Сразу же засел за написание «подлинной» истории партии. О его затее узнали компетентные органы. Его вызвали, предложили все собранные бумажки слать, сказали, что история партии — не его ума дело, пусть лучше пишет мемуары, они помогут потом напечатать. Спорить он не стал, ибо был напуган насовсем. После этого к служебным обязанностям Искусствоведа прибавилась работа по перепечатке сочинений Пенсионера, по редактированию их, по подбору ему литературы и т.д. Эта работа ее увлекла, судя по всему, и ни о чем другом она уже не помышляла. На нас на всех она смотрела свысока. Особенно она презирала Йога, главным образом за то /как рассказывал мне сам Йог/, что однажды он в нетрезвом виде попытался ее соблазнить, она отвергла его притязания, а он не повторил попытку, на которую она надеялась.

Рассказ о первой любви

Если бы можно было точно установить, как девочки и мальчики теряют невинность, сказкам о первой любви пришел бы конец. Насколько мне известно, среди моих знакомых не было ни одного случая, похожего на литературно известные образцы первой любви. Случаи любви я наблюдала, но скорее у взрослых и даже пожилых, выдавших виды людей, а не у молодежи. Когда-то я сочинила сказ на эту тему, который тогда отказались напечатать, а теперь не включили в собрание сказов моей Сказительницы. Я вспомнила о нем, когда ко мне однажды зашла Штучка, села на кровать и сказала совершенно спокойно, что она беременна, что надо как-то выкручиваться, что надо улечься в один день, в крайнем случае — в

два, а то в школе догадаются, с характеристикой будет скверно. Я сказала, что аборт очень вреден для здоровья, а в таких условиях может иметь тяжелые последствия, что, может быть, лучше выйти замуж и перейти в школу рабочей молодежи. Она сказала, что замуж за виновника не пойдет, так как он — законченный подонок, что он ей гарантировал безопасность и потому обучил ее всяким гадостям /тьфу!/. Она бы пошла замуж за Кандидата, но тот ее не возьмет. Йог не в счет, он вовсе не мужчина. В общем, как быть? Нет ли у меня связей по этой части? Я сказала, что связей такого рода у меня нет, но я попытаюсь разузнать у знакомых. Вроде бы для себя. И все же я посоветовала ей рассказать родителям, ибо дело серьезное, всякое может случиться. Она устроила истерику, сказала, что лучше удавиться. Я сказала, что на это потребуются большие деньги, которых у меня нет, так что без родителей не обойтись. Она пообещала обдумать эту проблему, взяла с меня слово не говорить родителям. Ничего себе история, подумала я, когда Штучка ушла. Не хватает только быть запутанной в чужие сомнительные хлопоты. При чем тут я? Или я действительно в чем-то виновата, дав повод для нашей близости? Жаль, конечно, девчонку. Как-то помочь ей надо. Ребенок — это хорошо для кино и литературы, а не для жизни. В жизни это — слишком дорогое удовольствие. С родителями надо бы поговорить. Но как? Инженер — круглый дурак, к тому же — тряпка. А Стерва угробит девчонку, взбаламутит всю округу. А между тем именно в такую трудную минуту очень нужны понимающие и тактичные родители, чтобы не дать цинизму перейти в устойчивое мировоззрение. А где их взять, таких родителей?

Кандидат

Почему-то я решила осторожно поговорить с Кандидатом. В комнате у него был порядочный беспорядок. На виду торчали огромные гантели, — первое, на что я обратила внимание. Ого, сказала я, да вы никак спортсмен? Ерунда, сказал он. Присаживайтесь вот здесь. Извините за беспорядок, не ожидал гостей. Это вы насчет гантелей? Теперь модно заниматься упражнениями, улучшающими фигуру и развивающими способности к самозащите. А то бандитов много развелось. Но у меня почему-то ничего не получается. Хотел мускулы набить на руках, а вместо этого начал увеличиваться зад. Почему бы это, как вы думаете? Зад у людей увеличивается и без гантелей, сказала я. Очевидно, это — знамение времени. Слишком много люди стали заниматься интеллектуальным трудом. Мой шеф, например, носит брюки пятьдесят шестого размера, а головной убор — пятьдесят четвертого. Интересное наблюдение, сказал он. Так в чем дело? Без дела вы бы не зашли. Дело у меня очень деликатное, сказала я. Среди ваших знакомых много женщин... Меня интересует... Как бы выразиться?... Говорите прямо, сказал он, мы же не младенцы. Аборт? Кому? Штучке, надо полагать? Наверняка ей. Из-за себя вы бы не пришли. А эта Штучка очень скользкая, имейте в виду. Она меня пыталась обработать. Но у меня на этот счет строгие принципы: ни в коем случае не иметь амурных дел по месту работы и жительства. Знаете, я бы на вашем месте не стал ввязываться в эту историю. Запутают. И вас же потом оплюют за вашу доброту. С людьми теперь вообще надо ухо держать востро. Нынешний человек на все способен. И хороший в том числе, между прочим. Извините за нравоучение, это я из величайшего уважения к вам. А что касается... Я дам вам один телефончик. Но прошу вас, никаких ссылок на меня. Сумеете договориться, считайте удачей. Не сумеете /вас могут принять за провокатора из.../, ничем другим помочь не могу. А вообще зря вы хлопочете. Пусть бы сами выкарабкались... Хотите чаю? Или кофе? А может быть, вина?... Что же, рад был вас видеть у себя. Заходите и так, без дела. А то сколько времени живем в одной квартите, а видимся только на кухне да по пути в туалет.

Система пошлости

Во время одного из моих путешествий за памятниками народного творчества познакомилась я с одним парнем, — с математиком по профессии /он преподавал в техникуме/, пьяницей, любителем поговорить «за жизнь». До этого знакомства я не приглядывалась особенно внимательно к местной жизни. Убожество, пьянство, грубость и все такое прочее было очевидно, никто /в том числе и я/ не принимал это близко к сердцу. К этому ко всему привыкли, как к неизбежной унылой осени, грязной весне, холодной зиме и сухому пыльному лету. Местная интеллигенция /правда, это слово потеряло смысл, ибо чуть не половина взрослого населения тут есть интеллигенция в старом смысле этого слова, так что лучше говорить о местных интеллектуалах/ принимала меня приветливо. Во-первых, я хотя и грошовая, но птичка из столицы, и они передо мной старались; во-вторых, встречи со мной давали им повод устроить нечто вроде праздника для себя и поиграть друг перед другом. С другой стороны, я тут сама была временно, как на празднике, и потому стремилась в людях видеть хорошее, — я не вступала с людьми в жизненно важные повседневные отношения. Разговор с Математиком отрезвил меня. Он окончил университет, мог остаться в аспирантуре, но проявил сознательность, согласился поехать сюда. Собирался улучшить систему математического образования. Но все впустую. Все, имеющие дело с преподаванием математики здесь, оказывается, связаны в группу, не допускающую никаких нововведений. У них тесные связи с началом всякого рода. На все его попытки /даже самые невинные/ изменить что-то они ответили такой бешеной травлей, что... В общем, его обвинили в невежестве, в неспособности к преподаванию и в конце концов — в политической неблагонадежности. За каждым его шагом следили, создавали комиссии, настраивали против него студентов. В чем дело? А в том, что они кое-что имеют от своего положения и содружества. Рвут по мелочам, но в целом терпимо устраиваются. Чтобы его реформы приобрели смысл, надо менять многое, — отбор студентов, всю систему образования и т.д. А это — безнадежное дело. Они охотно болтают о новых открытиях и новой методике обучения, но на деле делают все, чтобы сохранить статус-кво. Чтобы тут нормально жить и работать, надо полностью принять их образ жизни и погрузиться в их среду без остатка. А это для него — кошмар. И не столько из-за того, что пришлось бы отказаться от честолюбивых намерений /от них все равно пришлось отказаться и без этого/, сколько из-за атмосферы серости и пошлости, царящей в этой среде. Именно пошлости. Вы, сказал он мне, даже представить себе не можете, как они ведут себя, когда бывают в «домашней» обстановке, среди «своих». Для них тогда нет ничего святого. У них выработана целая система опошления всего и вся. Причем, это — неуловимые с точки зрения посторонних и вроде бы мало значащие пустяки, — особый взгляд, пожимание плечами, словечко, брошенное вскользь, сплетня, слух и т.п. Но в совокупности и в поразительном постоянстве действуют сокрушительно. Смысл всего этого один — унавозить человека, низвести до своего пошлого уровня, адекватного условиям их существования. Основной их принцип — все мы /заметьте, мы/ г...о, и вообще все и всё г...о. Поверьте, если кто-то и вносит в это царство пошлости кусочек возвышенности и просветленности, так это — официальная жизнь. Да, да! Комсомольские и партийные собрания, общественная работа, субботники, коллективные поездки. В Столице все-таки есть отдушины. Люди встречаются интересные. Можно создать микрообщество с системой ценностей, более высокой, чем официальная и пошло-бытовая.

Я встречалась с Математиком несколько раз. После этого я начала понемногу приглядываться к людям именно с этой точки зрения, — с точки зрения действия всеобщей /теперь я убеждена в том, что она всеобща/ системы опошления. И я ни разу не встретила значительного исключения из нее. И я пришла к печальному

выводу. В силу наших условий социального существования в нас развивается особый защитный механизм, механизм самосохранения. Назначение этого механизма — внушить людям, что мы вполне соответствуем тем условиям, в каких мы живем и какие порождаем сами, поскольку все мы г...о. И рыпаться нам бессмысленно. И всякий, кто пытается изобразить у себя крылья, выглядит в нашем обществе смешным, ненавистным, лицемерным, себе на уме и т.п. Представьте себе, говорил мне Математик, они создали обо мне мнение /ко всему прочему/ как о карьеристе!

Я сказала Кандидату, что у нас, помимо официальной системы давления на человека, существует самодетельный механизм опошления, принижающий человека до общего примитивного уровня. Он рассмеялся. Чувствуется, что вы — женщина, сказал он. А разве это и так не заметно, сказала. Я не об этом, сказал он. Вы стали жертвой исторической иллюзии. Растворите все то святое и возвышенное, что нам известно из истории, во всей массе населения и растяните это на много столетий. И вы не уловите там это святое даже с помощью современных приборов. Наше время, должен я вам сказать, еще ничего. Оно, пожалуй, самое возвышенное и святое. И по этой части у нас не хуже, чем на Западе. Вы бывали на Западе? Только рассказы очевидцев и радио? И вы им верите?

Конец истории с Штучкой

С тем телефоном ничего не вышло. Я начала шупать своих знакомых, но без особого успеха. И пока я раскачивалась, Штучка ухитрилась выкрутиться сама. Через несколько дней она как ни в чем не бывало трещала на кухне, попивала вино с мальчиками, когда родителей не было дома, пела песенки. Она сделала попытку заводить со мной доверительные разговоры, как одна опытная женщина с другой. Но я пресекла это. Я ей сказала, что я по этой части — лапоть, а говорить на эти темы мне неприятно. И что я вообще смотрю на это с некоторой долей святости, тайны и целомудрия. Она рассмеялась, рассказала пошлый анекдот о невинной девице, переспавшей до этого /до того, как она стала девицей/ с ротой солдат. Наши отношения охладели. И слава богу.

Конец Йога

За хулиганство в пьяном виде Йога осудили на пятнадцать суток. Какое хулиганство? Я в это не поверила. Йог очень добрый и мягкий человек. На работе его защищать не стали и скоро вообще уволили... за прогул /это там, где подавляющее большинство сотрудников хронически бездельничает!/. Стерва сразу стала носиться с письмом в милицию с требованием выселить Йога из квартиры, поскольку он устраивает систематические пьяные дебоши. Пенсионер и Искусствовед подписали письмо. Кандидат уклонился. Я со своей стороны написала контрписьмо, попросила Кандидата подписаться, но он отказался. С Пенсионером и Искусствоведом я перестала здороваться /не говоря уж о семье Инженера, за исключением Штучки — иногда мы с ней перекидываемся парой слов/. На работу Йогу устроиться на сей раз не удалось. Его вызвали на административную комиссию, которая занимается принудительным трудоустройством. Он напился в тот день и на комиссию не явился. И по суду его выселили из Столицы куда-то очень далеко. Но комнату Инженеру не отдали. Вселили молодого парня, племянника /как выяснилось потом/ начальника милиции. Этот оказался пьянчужой похлеще Йога, но в отличие от Йога хамил всем подряд, кроме Кандидата. Тот дал ему по морде, когда он ругнул его неприлично, и предупредил, что если это повторится, он изорвет его в клочки и спустит в унитаз или мусоропровод. Племянник был напуган не столько пощечиной /он видывал и кое-что похуже/, сколько угрозой унитаза. Кандидат смеялся, говорил, что это доказывает преимущество высокой культуры. Стерва сникла и притихла, начала лебезить передо мной. Но я была неумолима.

Искусствовед переживала историю, пыталась оправдываться, даже признала вину. Вот так, мы сами несчастны и стремимся сделать всех окружающих несчастными, а потом на минутку раскаиваемся, когда обнаруживается бесполезность для нас наших подлостей. Надолго ли?

Предчувствия

Хотя наступило затишье, я постоянно чувствовала, что что-то липкое и паутинное происходит... как бы это выразиться?... за моей спиной, что ли. Или под ногами, вокруг меня... Не пойму, где именно. И что именно. Однажды у меня собралась небольшая компания. Мы мирно беседовали. Вдруг появился милиционер. Потребовал предъявить документы. Переписал фамилии гостей к себе в книжечку. Предупредил, что шуметь и оставаться ночевать нельзя. Я возмутилась: на каком основании? Он сказал, что поступили сигналы. Настроение было испорчено. Знакомые скоро разошлись по домам.

Кандидат сказал, что сейчас надо быть очень осторожным. Обстановка сложная. За диссидентов взялись как следует. Тех, кто на виду, особенно не тронешь. Шум будет. Потому отыгрываются на неизвестных. Вот у них... Но какое мне-то до этого дело, сказала я. Я не диссидент. И никакого отношения ни к какой оппозиции не имею. Я вполне лояльная гражданка. Этого теперь мало, сказал он. Вы пассивны, а это — особая форма поддержки диссидентства. Скрытое и потенциальное диссидентство. Есть решение осуществить профилактические мероприятия. Предупредить возможность появления нового диссидентства. Со старым практически покончено. Так что будет проводиться /уже проводится/ чистка учреждений от сомнительных элементов.

Беседа эта встревожила меня. Я и на работе почувствовала, что отношение ко мне стало настороженным. Шеф предложил мне помощницу и попросил передать все материалы по второму тому ей /первый том я уже подготовила/.

Развязка

Получила повестку к следователю. Показала Кандидату. Он пожал плечами. У меня такое впечатление, кивнул он на комнату Инженера, что она написала на вас крупный донос. Я слышал как-то разговорчики насчет сборищ и антисоветских заявлений... Думаю, что имелись в виду ваши знакомые... Она намекала на письмо совместное... Но я не придал значения. У меня, знаете ли, сейчас свои сложные проблемы. Кооператив. Эту комнату я терять не хочу. Она недешево обошлась. Так что сами понимаете.

Следователь больше часа читал мне мораль о ситуации, о долге и т.п. Потом начал меня потихоньку толкать к признанию моего участия в какой-то группе, занимавшейся распространением антисоветской литературы и клеветнических измышлений. Он сулил мне золотые горы, обещал безнаказанность, угрожал, шантажировал и т.д. Шесть часов длилась эта подлая процедура. В заключение он сказал, что вызовет снова. Я отказалась подписать протокол и заявила, что добровольно на допрос больше не явлюсь, что я протестую против этих методов, осужденных, насколько мне известно, на... не помню точно, на каком именно... съезде партии, что я предаю все это гласности... Еще час меня продержали там. Зачем, не знаю. Наконец, отпустили.

А вечером пришли Они...

Я устала. Я хочу уснуть. Нет, лучше умереть. И прошу вас, не надо меня больше воскрешать.

ЗАТЕЯ

Вопросы Ученика

— Скажите,— спросил Ученик Бородатого,— в какой мере можно доверять тому, что они пишут? Что тут есть правда, что — творческий, если можно так выразиться, вымысел?

— Это установить невозможно до тех пор,— сказал Бородатый,— пока мы не получим базу для проверки, т.е. пока не индивидуализируем больных и не установим точно обстоятельства их прошлой жизни.

— А можно ли получить такую базу?

— Судя по всему — нет. Индивидуальность человека неповторима. Это значит, что, утратив ее, мы уже не сможем ее восстановить. Можно лишь подобрать новую имитацию личности под некоторую данную индивидуальность. Или — найти некоторую известную реальную судьбу, более или менее подходящую под то, что пишут о себе больные в состоянии квазииндивидуализации. Но суть проблемы не в этом...

Художник

Наконец-то я привел в порядок наши склады, говорит Художник. Отличная, можно сказать, выставка получилась. Заходи, кое-что поучительное для себя извлечешь. Что, например? Ну, например, увидишь воочию эволюцию нашего руководства в области искусства. Первоначально у нас лупили за малейшие отклонения от соцреализма как в техническом, так и в содержательном плане. Постепенно ограничения ослабевали. И сейчас мы отстаем от Запада всего на сорок лет. Это уже пустяки. Зато по другой линии у нас имел место явный прогресс. Сначала лупили даже очевидные бездарности, если они отклонялись от установленных норм. Потом стали лупить лишь способных. С годами требования к способностям повышались. Чтобы быть избитым, надо было быть уже не просто способным, но очень способным, талантливым, ярко талантливым, выдающимся талантом. Сейчас к нам стали попадать такие произведения, что пальчики оближешь. Где их творцы? Ну, это не по моей части. Спроси у Лысого. Или у твоего покровителя Бородатого. Откуда мне известно это? А ты думаешь, тут можно что-то сохранить в тайне? Хочешь, я тебе скажу, на кого ты сейчас работаешь? На какую тему материалы собираешь, сколько за это получишь? Не пугайся! Лучший способ сохранить что-то в тайне — разболтать это всем. Не ты первый, не ты последний. В общем, заходи. Пока!

Из дневника Мальчика

Отец Друга лежал одетый на тахте, основательно подвыпивший. Под глазом у него мощный фонарь. Хотя он и пьяница, но не дурак. Говорить с ним интересно.

Этот ваш изм, говорит он, не открывая глаз и не вынимая потухшую сигарету из рта, явное г...о. Почему же наш, возражаю я. Скорее ваш. Это вы его строили, а не мы. А нам расхлебываться за вас приходится. Какая разница, говорит он. Пусть наш. Все равно же г...о. Но мы его не строили. Как так, говорит Друг. Значит, бабушка и бабушка виноваты. И они не строили, говорит Отец. А кто же его строил, спрашиваю я. Никто, говорит он. Сам построился. Такую дрянь и строить не надо, сама вырастет. Этого вам не понять. Не всегда же так было, говорю я. В войну болтают люди, было лучше. Вера, подъем... Вы, ребята, грамотные, говорит он. Возьмите и посчитайте сами... Ну, к примеру, так. Разбейте армию на три уровня: низший, средний и высший. Посчитайте процент убитых, раненых, награжденных. Посмотрите, как это все преподносилось. Полководец А взял город В! Войска С освободили Д! И это, скажу я вам, не просто литературная форма, а суть дела. А теперь? Чьи рожи кажут по телевизору? Включите-ка! Голову даю на отсечение, какая-нибудь высшая дрянь кривляется. Кому памятки при жизни ставят?! Перегибает, говорит Друг. Трудящихся тоже показывают. Показывают, говорит Отец. А кого? Зачем? Хвалить и превозносить наше г...о и наших вождей. «Простой» человек у нас в почете!! Ищите дураков! Холуй у нас в почете. А как же иначе, говорит Друг. Всех вождями не сделаешь. А я разве спорю, говорит Отец. Я и говорю, нельзя иначе. Только все равно г...о! Хочешь человеком быть — лезь в директора, иначе ты — вошь. А полезешь в директора — станешь крысой. Вот вам задачка! Решайте! А где же выход, спрашиваю я. Это что еще за слово такое «выход», спрашивает он. Интеллигентские выдумки. Смешно! А меня милиционер за интеллигента принял. И вlepил, как видите. Ни за что, ни про что. Просто так, для тренировки, надо полагать. На работу напишут, говорю я. Не напишут, говорит он. Раз по морде получил, не напишут. У них, брат, своя этика.

Потом мы выскребли медяки, Друг сбежал за бутылкой самой дешевой бурды, половину выпил Отец, остальное — мы. Потом мы позвонили Ей.

Исповедь Самосожженца

Началось это в конце войны. Я был уже майором и командовал полком. Разумеется, был членом партии. Имел с десяток орденов. Готовился в ближайшее время стать подполковником. Был представлен к званию Героя. Большинство орденов я получил ни за что. К званию Героя был отобран тщательнейшим образом: пролетарское происхождение, прошел путь от командира взвода до командира полка, три ранения, десять орденов, член партии... Но совесть моя была чиста. На войне я с самого начала. Три раза ранен, один раз — тяжело. Дважды выводил людей из окружения. Меня ничуть не беспокоило, что я не получал никаких наград за свои фактические подвиги со смертельным риском, зато получал награды бог знает за что потом. Причем, чем выше я поднимался по служебной лестнице и чем безопаснее становилось мое положение, тем крупнее становились положенные /!!!/ мне награды. И вот теперь мне присвоят Героя, ибо я подхожу для этого по всем показателям.

Жил я тогда — лучше не придумаешь. Отличная еда. Каждый день выпивка. Чистое белье. Почет. Власть. Повседневный спектакль, в котором я играл заметную роль. Молод. Здоров. Самоуверен. Любовницы по выбору и в изобилии. В перспективе блистательное окончание войны, еще куча наград, повышения, академия Генерального Штаба, чин генерала впереди, крупные посты. Я об этом даже не мечтал, ибо это было очевидно всем и не вызывало сомнений. Обо мне писали в газетах. Сейчас мне страшно подумать, как я мог допустить себя до такой жизни.

Однажды я возвращался из штаба дивизии. Около железнодорожной станции пришлось задержаться, — дорогу перегородила странная колонна. Я вылез

посмотреть. Молодые здоровые парни в полушубках и валенках, с автоматами и собаками конвоировали... полураздетых женщин! Среди конвоируемых были совсем молоденькие девушки, дети. Что это такое, спросил я у одного из конвоиров. Немецкие подстилки, ответил он, венерические. Колонну гнали к эшелону из товарных вагонов, опутанных колючей проволокой. Станция была оцеплена солдатами. Больше часу двигалась колонна. А я стоял и стоял, окаменев. Колонна уже прошла. Дорога освободилась. А я все не мог сдвинуться с места. Адъютант несколько раз напоминал мне, что пора. Наконец, я очнулся. Как же так, пробормотал я, ведь они же наши люди, они же не по своей вине. Стоит ли волноваться, сказал адъютант. Потаскухи, туда им и дорога! Шофер пробурчал что-то вроде «мы воюем, а они...». И я вдруг почувствовал себя совершенно одиноким. Не могу объяснить, почему именно ощущение одиночества овладело мною. Но я точно помню, что это было действительно так.

Прибыв в полк, я первым делом написал письмо об увиденном мною Самому, не как Верховному Главнокомандующему, а как Вождю Партии. Замполиту и начальнику Особого отдела стало, конечно, известно об этом. Очевидно, от ординарца, адъютанта или от последней моей наложницы, которые все были /само собой разумеется/ осведомителями. Они пытались отговорить меня от этого шага. Но я стоял на своем. Скоро, придравшись к какому-то пустяку, меня сняли с полка, похерили представление к Герою, задержали присвоение звания полковника. Странно, я ничуть не переживал из-за этого. Наоборот, я почувствовал облегчение. Войну я довоевал командиром батальона. Довольно вяло. Безо всякого энтузиазма. И в первый же демобилизационный поток был уволен из армии. И только тут я вспомнил, что за всю войну почти ничем не помог своим родителям и младшим братьям и сестрам. И мне стало нестерпимо стыдно. Мерзавец, говорил я себе, ты жрал, пьянствовал, валандался с бабами, а самые близкие твои люди голодали и мерзли, и ты не послал им ни копейки. А ведь мог послать, и не мало! И я решил все накопившиеся на полевой книжке деньги отдать матери. Но увы, благими намерениями вымощена дорога в ад. Инерция прошлой жизни еще владела мною. Поворот к моему новому «я» еще только начинался. И почти все эти денежки я потом пропил с такими же демобилизованными горемыками, как я.

Я ждал, что меня посадят. Но меня не посадили. Учли боевые заслуги. Даже из партии не исключили. Да и письмо-то мое было написано в таком холуйском тоне, что... Впрочем, оно было написано. Сам факт его написания неоспоримо свидетельствовал о том, что во мне завелась червоточинка, как тогда выразился мой замполит.

Из материалов СППС

Я наблюдаю нынешнюю молодежь, говорит Философ. Она равнодушна к тому, что интересует нас. Это нормально, говорит Математик. Интересы масс всегда сначала выражают одиночки. Но я думаю, что ты не совсем прав. Молодежь слушает «голоса», посмеивается над нашей идеологией и пропагандой. Создает свои неофициальные группы. Вот, например, что я услышал сегодня в автобусе. Разговаривали мальчишки. Один из них сказал, что в передаче по радио в течение часа упомянули имя Вождя восемьдесят раз, а в церкви за два часа имя Бога упомянули всего десять раз. Парень специально подсчитывал! А такое направление мыслей даром не проходит. И все-таки это не то, о чем говорим мы, сказал Философ. Это — параллельный процесс, исходящий из общего источника, но имеющий иную ориентацию. Но то, что называют выражением интересов масс, сказал Математик, в действительности есть лишь временное совпадение жизненных линий масс и «выразителей» их интересов и неявное соглашение о совместных действиях за свои интересы. Последние же совпадают лишь по видимости. Так,

деятели нашей партии в революции стремились захватить власть лично для себя. Народ стремился к другому. Но по условиям времени революционеры могли добиться своих целей, только делая вид, будто они борются за интересы народа. А народ — только будучи возглавляем какой-то организацией. Тут было совпадение интересов. Например — желание изгнать помещиков и капиталистов. Но у революционеров оно означало желание занять их место, а у народа — желание улучшить свою жизнь. Эта схема слишком обезчеловечена, сказал Философ. Человеческие эмоции, взгляды, иллюзии и т.п. тоже, между прочим, факт истории. Конечно, сказал Математик. Но в нашей ситуации надо прежде всего сбросить всякие романтические, психологические и прочие «человеческие» оболочки, опутывающие суть нашей жизни, и с математической строгостью обнажить социальные механизмы общества, группировки, слои, их позиции и т.д. И возвращаясь к тому, с чего мы начали, я должен сказать, что и на отношения наши к молодежи и молодежи к нам надо посмотреть иначе...

Из дневника Мальчика

В давно прошедшие года,
В седую старину
Мечтали мальчики всегда
Смотаться на войну.
И мчаться в пыли облаках,
В пылающем огне,
Конечно, впереди полка
На вороном коне.
И чтоб всходила за тобой
Грядущего заря.
Пускай тебя вот-вот убьют,
Ты знаешь, что не зря.
А то — в далекий океан
Уплыть в глухую ночь.
Предотвратить врагов обман.
Спасти чужую дочь.
С одною шпагою в руках
Пробиться во дворец.
И положить в Ее ногах
С брильянтами ларец.
И пусть смертельно ранен ты
И упадешь сейчас.
Зато ты — рыцарь, знаешь ты
В последний этот час.
А вот о чем мечтаю я,
Мальчишка наших дней?
Скажи мне, правду не тая! —
Чтоб джинсы помодней.
Конечно, замшевый пиджак.
Транзистор «Маде ин».
Дым сигареты. И коньяк.
И с девочкой один.
Пусть с непривычки тошнота,
И мама дома ждет.
Ведь я не мальчик уж давно.
Дождется, не помрет.
Хочу отметок отхватить

За так, не головой.
Речь на собраньи закатыть,
Чтоб видели, что свой.
Попасть по благу в институт.
В какой? Не все ль равно.
И убедить начальство тут,
Что я, как все, бревно.
Пусть насмеются : каков?!
Не велика беда.
Так было испокон веков.
И будет так всегда.
Для беспокойства нет причин.
Взят правильный прицел.
Квартира. Дача. Степень. Чин.
Посадят тех, ты — цел.
И не такой уж я простак,
Могу и пошутить.
Мол, кое-что у нас не так,
Могли б и лучше жить.
И пусть считают : карьерист!
И в чем другом винят.
А ты-то, братец, ты-то чист?
Чем лучше ты меня?!
И все же, все же не пойму,
Вы растолкуйте мне,
Себя не вижу почему
На вороном коне?
И не могу, хоть тресни лоб,
Вообразить пока
Себя я с саблей наголо
И впереди полка.
Ведь я не трус. Я не шучу.
Готов и жизнь отдать.
Не надо много мне. Хочу
По-старому мечтать.

Я прочитал это стихотворение Другу. Он сказал, что хорошо получилось. Сказал, что я буду поэтом, много денег заколачивать буду, в Америку съезжу, премию получу. А математику посоветовал забросить. Сейчас математиков — пруд пруди. Я попросил его никому не говорить о моем новом увлечении.

Предложение

Вы, конечно, догадываетесь, где вы находитесь, сказал Человек, вручивший накануне доктору философии бумажку с номером телефона. Ваша диссертация произвела на нас впечатление, и потому мы хотим сделать вам предложение. Мы создаем комплексный центр по проблемам коммунистического воспитания. В нем уже создан идеологический отдел. Вам предлагается заведование сектором философии в этом отделе. Вот этот товарищ будет вашим заместителем. Он вас введет в курс дела.

Заместитель, такой же ничем не примечательный человек, повел Доктора в идеологический корпус. Договоримся с самого начала, сказал он по дороге, я являюсь начальником исследовательской группы, и вы подчиняетесь мне. Формально вы — заведующий, а я — заместитель. Это для сотрудников и

возможных посторонних. А на работе вы будете получать от меня инструкции и отчитываться о сделанном. Ясно, вы здесь будете получать зарплату заведующего сектором независимо от вашей теперешней зарплаты. Квартира в городе за вами сохраняется. В вашем распоряжении будет машина, два раза вы будете являться сюда в обязательном порядке. Вы здесь будете получать задания и подписывать документацию сектора. Сейчас я вас познакомлю с сотрудниками. С целями работы сектора вас ознакомит Старший Теоретик. Вы выслушаете его, продумаете свои соображения. И недели через две мы соберем небольшое совещание по поводу плана исследований на ближайший год. Потом вас проводят в отдел кадров, где вы оформите необходимую документацию. Проходите сюда! Вот здесь — рабочие кабинеты сотрудников. Это ваш кабинет. Это — зал заседаний. Это — кабинет заказа литературы. В нашем распоряжении все библиотеки Страны без всякой очереди и без ограничений. Это мой кабинет. Сюда сотрудникам вход воспрещен.

Превратности судьбы

Сегодня я покажу вам нечто из ряда вон выходящее, говорит Бородатый. Фигура третьего ранга. Должен был перейти в фигуры второго ранга, но что-то сорвалось. Помните, может быть, в газетах писали об освобождении в связи с переходом на другую работу? Так это тот самый. Как он сюда попал? Это нам не дано знать. Но мне, кажется, удалось заставить его разговориться. Ну, начнем!

Успех

Всем ясно, что меня сделали козлом отпущения за всю эту глупую историю с мясом и маслом в области. Открыто об этом не объявили, но и без этого ясно, что к чему. Раз нужен виноватый, кто-то должен им быть. Не я, так другой. Когда меня провожали на пенсию, сам Вождь встретился со мной и имел задушевную беседу. Не мне тебя учить, сказал он, ты сам все понимаешь. Но в обиду мы тебя не дадим, не бойся. Пусть они там мелют что угодно, а мы будем хранить спокойствие. Главное — живи себе тихо, будто это совсем и не ты. А там... Как же, сказал я, ведь узнают же, мерзавцы! Не узнают, сказал он. Меня и то не всегда узнают, а уж на что как похож! Как-то раз решил я проверить и пошел просто так по улице. Охрана, конечно, переделалась и замаскировалась. Никагнита это называется. Понял? Иду, значит. Слышу — говорят: гляди, мол, рожа какая! Кого-то она мне напоминает. А другой отвечает: а ну их в п...., они все на одно рыло, не различишь. А тебя и подавно никто не узнает. Кто ты такой, чтобы тебя узнавали?!

Квартиру отобрали. Но дали другую, очень хорошую, из пяти комнат. Нам со старухой на двоих хватит. Зато дачу обещали оставить. И машину. И закрытый распределитель. Орденом наградили. Обидно, конечно, что на меня все свалили, хотя /честно-то говоря/ я был совсем ни при чем. Ну, да я не в претензии. Все равно я достиг потолка. Выше меня все равно не пустили бы. Собирались, это верно. Но для отвода глаз. У нас всегда так делают. А высоты я достиг, надо сказать, такой, о какой и мечтать не смел.

Обидно, конечно. Я еще поработать мог. И не такой уж я старый. Они там постарше меня. И не глупее их. Хорошо, еще ребят успел пристроить. Сын — посол. Конечно, страна вшивая. Но все-таки посол. Послужит — страну поболее дадут. Всему свое время. Зятя успел в Академию пропихнуть. Институт ему выбил. Под самый занавес, как говорится. Он, стервец, теперь скрывает, что мой зять. Ну, да это уж их дело. Что касается внуков, то жена категорически заявила: с ихними сраными пеленками возиться не стану, я им не кто-нибудь. Впрочем, они к нам появляются так редко, что их почти что и нет. Появляются, когда им крупные суммы денег «подзанять» надо или пустить в ход мои старые связи.

Квартиру мы выбрали в «генеральском» доме. Квартира удобная, тогда строили не то, что ныне. Потолки высокие. Ванна во весь рост. И метро рядом. Машиной мы не пользуемся. На шофера теперь тратиться дороговато, а сам я водить боюсь, хотя права имею. Мне их сделали за пару часов еще перед пенсией. Так что метро нам бывает иногда нужно. Дом когда-то строился действительно для генералов. Но потом многие генералы повысились в должностях и съехали, многие разменялись, разъехались с детьми. Так что теперь в доме живет сборная солянка. Подо мной этажом ниже живет академик, тоже уволенный на пенсию за что-то. Первый раз в жизни вижу, чтобы академик был на пенсии. Странно. Ну и времена пошли! Все перед Западом выслуживаемся. Тьфу, противно даже думать об этом!! Прямо надо мною этажом выше генерал живет. Настоящий. Еще с тех пор. Правда, ему две квартиры в одну объединили. Но это ни к чему уж, излишества. На двоих и пяти комнат хватило бы. Тем более он тоже, как и мы, на пенсии. Академик говорит, что Генерала уволили на пенсию за выдающуюся тупость и грубость. Но Академик сам в таких вопросах дурак, хотя и начитан. Генералам положено быть такими. Воля! Жена говорит, что Генерала уволили за беспробудное пьянство. Но жена тоже дура, поскольку непьющих генералов в природе вообще не бывает. Генералам без этого никак нельзя. А я так считаю, что Генерала уволили за то /слух такой был/, что он матом пулънул нового министра вооруженных сил, которого вытащил сам Вождь на этот пост. Ходил и другой слух, будто в свое время Генерал уволил Вождя из армии. Вождь хотел тогда остаться в армии, он тогда стал генерал-майором. А Генерал тогда там округом командовал. И на рапорте Вождя написал «Отказать!». И еще приписал что-то нелестное для Вождя.

С Академиком и Генералом я обычно гуляю по проспекту Вождя-Основателя. Гуляю-то я то с одним, то с другим. Втроем мы собираемся в исключительных случаях, поскольку Академик презирает Генерала и считает, что все наши мерзости идут от таких вот держиморд, а Генерал презирает Академика и считает, что все наши послабления идут от таких вот гнилых интеллигентшишек. Ко мне оба они относятся с почтением, и каждый стремится склонить на свою сторону. А я твердо держу генеральную линию и не впадаю ни в какие уклонь. Все-таки многолетний опыт партийного руководства не прошел даром.

Иногда я люблю гулять один. Иду себе не спеша. Кругом людишки бегут, суетятся. Особенно молодые. В разных заграничных штучках-дрючках. С волосами. В бороде. А я иду себе и посмеиваюсь. Я-то знаю цену всему этому. Меня видом не обманешь. Я думаю, знали бы вы, кто этот тихий, добрый на вид, благообразный старичок! Да, было времечко, было, этого у нас не отнимешь. И плевать нам было на все эти ваши штучки-дрючки. И кому вы этим видом своим мозги заси... Тьфу, прости господи! С кем поведешься, того и наберешься. Чуть было не выразился по-генеральски. В общем, кому вы этим своим видом мозги засоряете?! Нам что ли? Так мы вас всех насквозь видим! Вот ты, с бородой! Ишь, корчит из себя свободололюбивую персону! А ведь холуй-холуем. Ну а ты, что ты-то изображаешь недотрогу?! Видали мы таких десятками. Да и похлеще еще. А как вы, уважаемые новые поколения, одетые и стриженные /или раздетые и нестриженные/ по последней моде, дома живете? Что кушать изволите? Как на хлеб с маслом зарабатываете? Вот то-то и оно! От меня это вы не скроете. Я-то все знаю.

Мне спешить некуда. Я своего достиг. И смешно мне глядеть, как все вокруг бегут куда-то, торопятся, нервничают, взгляды всякие бросают. И выражаются. А я иду себе потихоньку. И мысли журчат в моей голове. Нежатся. Неторопливо переваливаются с боку на бок. Лениво потягиваются. А что им еще остается делать? Заслужили свое, и баста. Эх вы, думаю, модники вы мои, торопыги, попрыгунчики бородатенькие, красоточки вы мои костлявенькие! Знали бы вы, что на одни только денежки, незыблемо лежащие на моих сберкнижечках, я мог бы закупить все

заграничные штучки-дрючки на этом проспекте! А, каково! Но я помалкиваю. Мне вовсе ни к чему, чтобы вы узнали об этом. Не та теперь эпоха.

А они там чудачки все-таки. Думают, наказали меня, убрав на пенсию. А я свое место знаю. И меру свою знаю. Я даже рад, что теперь не у дел. Только теперь я получил возможность по-настоящему оценить то, чего я достиг в жизни, и насладиться этим. Только вот Генерал слишком громко сверху топает. И мебель двигает, грохочет. Зачем ему это? Жена говорит, что он со своей генеральшей собачится. Стульями в нее кидает. Надо будет намекнуть ему еще раз, чтобы чуть-чуть потише. Не один же он в доме живет. Как-никак, а мы ведь тоже люди. И собачка его прямо на лестнице гадит. Это безобразие.

О том, как...

В редакцию главного партийного журнала поступила статья старого члена партии, ныне персонального пенсионера. Статья имела мудреное название «О том, как быть и что делать, чтобы избежать и достичь». Статьи такого рода поступали в редакцию регулярно и в большом количестве. Обычно их сразу же выбрасывали в мусорную корзину, младшие редакторы сочиняли, не читая статей, обтекаемые письма авторам, не оскорбляющие их личного достоинства здоровых пенсионеров-бездельников и, вместе с тем, пересекающие их литературное рвение. Часть авторов на этом не успокаивалась и стращала жалобы в ВСП. Оттуда жалобы спускались в редакцию журнала с предложением разобраться. Младшие редакторы опять писали ответы авторам, которые /ответы/ подписывались уже старшими редакторами, и объяснительные записки в ВСП. Некоторых авторов и это не удовлетворяло, и они снова писали жалобы в ВСП. И так продолжалось до тех пор, пока ответ автору не подписывал сам главный редактор журнала. После этого автор замолкал. Никто не знает, то ли его убивал авторитет редактора, то ли к нему применяли иные меры. Все это было обычным элементом редакционной будничной жизни. Но на сей раз, начав от нечего делать читать статью «О том, как...», редактор был потрясен разумностью соображений автора. На свой страх и риск он написал автору обнадеживающее письмо и доложил начальству, что этот материал заслуживает серьезного внимания. Через несколько дней обрадованный автор сам принес в редакцию объемистый труд того же названия. Заведующий отделом писем обозвал редактора болваном, как того тот и заслуживал, и велел в две недели разделаться с этой вшивой историей и отшить Автора-Члена. Редактор-Болван, захватив рукопись Автора-Члена, уехал на две недели в один из домов отдыха ВСП. Первые три дня Болван беспробудно пьянствовал. На четвертый день завел тяжелый флирт сначала с посудомойкой в местной столовой, затем — с сотрудницей какого-то райкома партии. Удовлетворив полностью свои материальные и духовные запросы, Болван на десятый день вспомнил о рукописи и, запершись в номере, чтобы не мешали собутыльники и обнаглевшие бабы, приступил к ее изучению.

Из дневника Мальчика

Ну вот, сказала Она, я больше не невеста. Но не думай, что из-за тебя. Просто мой жених переориентировался на более выгодную партию. Родители наши перессорились. Тридцатилетняя дружба лопнула, как мыльный пузырь. И мне запрещено встречаться с Женихом. Вот и все.

Весь вечер она говорила странные и жуткие местами вещи. В моей голове образовалась фантастическая путаница, сквозь которую просвечивала черная ясность. Другого выражения для этого состояния я не нашел. У нас, говорила Она, ничто хорошее не имеет глубоких корней. Самые лучшие наши качества, чувства, привязанности вообще не имеют корней. Те, что похуже, цепляются малюсенькими корешками за самую поверхность. Глубокие корни имеет лишь мразь. Вот, смотри!

Он ведь любил меня. И сейчас любит, я знаю. А чуть повсветило что-то более заманчивое, и любви как не бывало. Мы бабушку недавно схоронили. Ты сам знаешь, какие бабушки теперь пошли. Но наша была хорошая. И мы ее в общем и целом любили. Свезли ее в крематорий и на другой же день очистили квартиру от всяческих следов ее пребывания в этой жизни. И почти не вспоминаем ее. А дружба? Ты знаешь, кто настучал в комитет о моих «делишках»? Лучшая подруга, теперь я это точно знаю.

Я признался, что многое из того, о чем она говорила, я слышал впервые. Вернее, кое-что слышал и читал, но не придавал значения. Думал, что люди с жиру бесят. Она сказала, что мне повезло. Или, скорее, не повезло. Я чудом оказался в стороне от современного хода жизни. Меня не совратили образованные гнусные интеллигенты, демонстрируя на мне свою передовитость, раскованность и прочие модные добродетели. У меня случайно оказалась хорошая работящая семья. А официальное общество относилось ко мне хорошо, ибо я был послушный мальчик и отличный ученик. Теперь мне предстоит познать реальную жизнь. И она — первая волна житейской помойки, хлынувшей на меня. Держись!

Что бы ни было в прошлом, сказал я, и что бы ни произошло в будущем, всегда можешь рассчитывать на меня. Это честно. Я тебе верю, сказала Она, именно поэтому я не могу с тобой, как с ним. Мне ничего не надо, сказал я. Просто будь. Мне этого достаточно.

Исповедь Самосожженца

Годы после демобилизации были самыми трудными в моей жизни. Я разгружал вагоны с картошкой и дровами, спекулировал хлебными карточками, копал землю, был инженером в артели инвалидов и даже учителем в школе. Сначала — физкультура и военное дело. Потом обнаглел и взялся за логику и психологию. Впрочем, последнее было легче всего, так как это была сплошная галиматья, которую никто не принимал всерьез. Но мой вклад в семейный бюджет был все равно ничтожен, так как большую часть моих доходов мне приходилось пропивать. Почему? Очень просто. Разгружали мы, например, картошку. Работодатель вместо одного выгона записывал три. Значит, часть денег ему. Потом его надо было поить. Бригадир требовал того же, иначе не попадешь в бригаду. Так что хочешь-не хочешь, а пей. К тому же всеобщее состояние в это время было такое, что пьянство было единственным выходом из положения. В школу я пошел работать отчасти для того, чтобы избавиться от этого кошмара и взяться за ум. Устроил меня старый знакомый, бывший фронтовик, работавший тогда директором школы. Но и тут я попал в болото вранья, подлогов, блата. Только более хитрое и утонченное. Что вытворял мой знакомый, стыдно вспомнить, и меня он взял сначала в помощники, а потом начал дело клонить к тому, чтобы спрятаться за мою спину. Мне случайно повезло. Прибыла какая-то комиссия из министерства, и меня отчислили из школы. Разоблачения, которые произошли там потом, меня уже не коснулись. Наконец, я устроился старшим инженером /!/ в артель, делающую замки для чемоданов и дамских сумочек. Артель мизерная. Но вскоре я убедился, что у нее есть вторая, весьма серьезная жизнь. Некоторое время я сопротивлялся. Но незаметно втянулся. Женился и зажил, как все. Но счастье было недолговечно. Жена уже через несколько месяцев наставила мне рога. Ребенка иметь не захотела. Мы, конечно, развелись. Я опять вернулся к родителям, в тесную комнатку /четырнадцать квадратных метров/, где без меня жило восемь /!/ человек. Из артели я ушел. Руководство артели через полгода засудили. Меня оставили в покое : спас мой иконостас из орденов. В это время я встретил своего бывшего замполита /по батальону/. Он уговорил меня поступить в университет. Поступил без всякого труда, так как отметки мне поставили, даже не спрашивая.

Слухи

По Стране давно уже ходили слухи о странном исчезновении людей. Но власти даже не считали нужным опровергать их. Если западные журналисты упоминали конкретное имя, им предлагали обратиться к родственникам и сослуживцам упомянутых лиц, в МВД, в суд и т.п., в общем — действовать на законных основаниях. И слухи глохли сами собой, как и возникали. Однажды, когда исчез видный ученый, член-корреспондент ОАН, крупный специалист в области социальной психологии, на Западе подняли шум. Но газеты опубликовали протест ученого, а Агентство Печати созвало пресс-конференцию и предъявило заявление ученого на официальном бланке руководимого им института, скрепленное его подписью. Журналистам предложили произвести экспертизу подлинности подписи, что и было сделано. Тогда журналисты потребовали личного свидания с ученым. В ответ газеты опубликовали отказ ученого от встречи. И снова был предъявлен документ с подписью.

Наконец, на Западе наступило охлаждение к слухам о странной изоляции граждан в Стране. Поскольку изоляция такого рода казалась бессмысленной, западные обыватели ударились в другую крайность: сочли слухи такого рода враньем и признали, что у них дела обстоят хуже, чем в Стране. Негров обижают. Арабов обижают. Индейцев обижают. Карапуасы вымирают. Эти умонастроения умело использовало руководство Страны, выпустив за границу с десяток настоящих психов /мол, сами и лечите их, коли заступааетесь!/ и одного нормального видного религиозного деятеля, которому перед отлетом незаметно сделали какой-то укол. Через неделю деятель устроил дебош в Париже в гостинице, так что в результате даже члены комитета, многие годы добивавшиеся освобождения деятеля, вынуждены были ходатайствовать об изоляции его от общества. Известные куплетисты-юмористы, выступая по телевидению в программе «Голубой огонек», спели песенку, в которой предложили во всех случаях, когда на Западе сочтут изоляцию наших психов несправедливой, выдавать этих психов заинтересованным государствам с обязательством оказать нужное лечение. Эффект был потрясающий. Один выдающийся государственный деятель Запада, которого никак нельзя было заподозрить в симпатиях к Стране, потребовал прекратить кампанию клеветы против Страны, утверждая, что эта кампания вредит разрядке напряженности /так стали называть натянутые международные отношения на грани крупных потрясений/, Министр Иностранных Дел Страны внес предложение в Совет Безопасности запретить передачи радиостанций Запада /«голосов»/ на языке Страны. Мировая прогрессивная общественность поддержала справедливое требование Страны. «Голоса», правда запретить не удалось. Но передачи их скоро стало трудно отличить от внутренних передач самой Страны.

А между тем в закрытых учреждениях Страны уже накопился огромный человеческий материал, который нуждался в обработке и употреблении. Обнаружилась возможность увеличить поставки этого материала и сделать их систематическими без всякого ущерба для хозяйственной жизни и престижа Страны.

Сознаторий

Образцовый сознаторий создали в очаровательном месте недалеко от захолустного районного городка. Вскоре это место запакостили так, что оно стало похоже на зону отдыха трудящихся в «Зеленом поясе» вокруг Столицы. Битые бутылки, консервные банки, молочные пакеты, битый кирпич, гнилые доски, кучи строительного мусора стали обычным непреходящим явлением. Канализацию спустили в речку, и в ней стало опасно купаться. Выше по течению построили химическую лабораторию, и речку на несколько километров огородили колючей проволокой, а затем спрятали совсем в подземную бетонную трубу. Живописное

озеро почему-то засыпали. На этом месте устроили сначала футбольное поле, потом вырыли пруд. Но купаться в нем запретили, поскольку дно оказалось настолько вязким, что несколько детей утонуло у самого берега. Наконец воду из пруда откачали и в яме заложили фундамент для нового высотного корпуса сознатория. Лучшие участки с лесом и озерами отделило себе начальство сознатория под свои личные особняки и начальству городка под дачи. Эти участки огородили заборами с колючей проволокой. По проволоке пустили ток. Вдоль заборов пустили злых собак.

Жизнь городка в связи с сознаторием преобразилась. Сначала многие молодые люди нашли там себе интересную работу и времяпровождение. За ними потянулись пожилые. Все учреждения городка переориентировали свою деятельность на интересы сознатория. И последний поглотил городок, сделав его своим подсобным хозяйством и местом жительства своих сотрудников.

Первоначально сознаторий был рассчитан лишь на десять тысяч исправляемых. Но благодаря почину коллектива сотрудников в нем удалось разместить в пять раз больше. Совместно с жителями городка образовался значительный резерв рабочей силы. К счастью, к этому времени закончили строительство комбината по обработке радиоактивных руд неподалеку от городка. Комбинат соединили с сознаторием железнодорожной веткой. Задолго до запланированного срока труженики района рапортовали родному ВСП и лично Вождю о том, что комбинат вступил в строй и выдал первую продукцию в мирных целях. Многих стоителей комбината и сознатория и руководителей района наградили орденами и медалями. Сознаторию присвоили имя Вождя-Основателя, комбинату присвоили имя Вождя-Завершителя, а городок переименовали в Вождград в честь здравствующего Вождя-Окончателя.

О жизни сознатория много писали, показывали по телевидению, выпускали специальные фильмы. И изображали ее так, что... В общем, вот вам почти что коммунизм, если не полный, настоящий коммунизм. А на самом деле прошло не более года со дня пуска комбината, как сознаторий выродился в обычный захолустно-промышленный городишко. Он еще оставался закрытой зоной для посторонних /особенно для иностранцев/. Но не по той причине, что здесь когда-то размещался сознаторий, а из-за секретности комбината. Секретность же его заключалась не в характере выпускаемой продукции /это было уже общеизвестно/, а в степени вредности условий труда и в образе жизни населения. Здесь коммунизм достиг своих вершин, и показывать его посторонним было категорически запрещено. Вовне распространяли слухи об изобилии в Вождграде. Некоторые кретины - добровольцы клевали на эту удочку и исчезали. Большинство же ехидно усмехалось. Прогрессивно настроенным иностранцам показывали под видом Вождграда специально построенный городок, населенный сплошь сотрудниками ОГБ. И эти «наши» иностранцы захлебывались от восторга и в один голос вопили о том, что эксперимент с сознаториями удался. И требовали завести нечто подобное у себя дома.

Успех

Я предпочитаю гулять с Академиком, а не с Генералом. Генерал хам, матерщинник. Ко всем обращается на «ты», хотя не терпит, когда к нему обращаются так же. Он в жизни не прочитал ни одной книжки. Стоит заговорить с ним на какую-нибудь тему, как он обрывает тебя: ты, мол, мне мозги не засирай, говори прямо без этой ..йни-муйни. Конечно, книжки ему ни к чему. У него жизненный опыт. Но иногда хочется поговорить, а с ним это не получается. Далее, у Генерала «собачка». Собачка эта размером с африканского льва. И зачем только таких разводят? Ничего в ней, кроме размеров, нет. Ни ума, ни игривости. Даже на

задних лапах стоять не может. А палку бросишь — даже глазом не поведет. Ленился. Академик говорит, что эту породу у нас специально вывели для престижа. Западу нос утерли. Переплюнули ихних сенбернаров и ньюфаундлендов. А главное — с такой собакой сразу видно, кто ее хозяин. Она — как погоны генеральские и ордена. Сразу видно. Чтобы такую собаку держать, площадь нужна, специальная кормежка, уход как за балериной. Это со всякими волосатыми козьяками пыль в глаза пускать можно. В министерстве стройматериалов, например, вахтер имел точно такого же пуделя, как у министра. А такую псину даже генерал-лейтенант еще не может себе позволить. Выходит наш Генерал со своей такой «собачкой» на проспект, и уж никто ничего не видит, кроме этой тупой твари. «Собачка» спокойно рассекает людской поток. Генерал, занимающий своим мощным пузом три четверти тротуара, прет за ней. А ты вынужден приспособливаться где-то сбоку, как будто ты не тот самый, а просто так, какой-нибудь. И наконец, у Генерала убеждения сохранились нетронутыми еще с тех времен. Убеждения-то, конечно, правильные. Но нельзя же так прямолинейно. Чуть что, Генерал орет на весь проспект: сажать, к стенке ставить, дать по мозгам, заткнуть глотку! Прохожие усмеваются, оглядываются. Того гляди узнают. Неприятности могут быть.

Избежать прогулок с Генералом я не могу, поскольку он живет надо мной и в любое время может устроить такой топот, что с квартиры сбежишь. Он так прямо и сказал мне, когда я однажды возразил ему что-то, что устроит такой топот, что на край света сбежишь. И что ему ничего за это не будет. Я залепетал что-то об обмене, а он только посмеялся. Я, говорит, сделаю так, что никто не поедет сюда ни за какие деньги. Или, говорит, добьюсь, и тебя выселят подальше на окраину. Вождю пожалуешься? Ха-ха! Жалуйся! Я, мол, срать на него хотел! тоже мне маршал нашелся! Маршал, а близко к фронту на тыщу километров не подъезжал! Пулемет от зажигалки отличить не может!! Ха-ха! А не то, говорит, я тебе и кое-что похуже устрою. Кран, к примеру, забуду на кухне или в ванной на ночь закрыть. Мне что, подберут бабы воду с кафельного пола, и все. А у тебя штукатурка с потолков обвалится. Знаешь, во что ремонт обойдется? То-то! За счет жэка? Ха-ха-ха! Да тебе десять лет делать будут. На поллитровки слерут еще больше. А ты скупердяй, я знаю. Вы все там скупердяи!

Вот и толкуй с ним после этого! Выход один: ответить на удар ударом. Ладно, говорю я, в таком случае можете не рассчитывать на строительные материалы для новой дачи. Удар попадает в цель. Генерал начинает заискивающе хихикать: мол, он пошутил. Знаем мы эти солдатские шуточки! С такими самодурами можно иметь дело только с позиции силы.

Зато Академик у меня в руках: я сам могу устроить ему топот и потоп. Академик для меня — мелочь. Хотя тут тоже нужна осторожность. Вдруг донос напишет! Они, ученые, в этих делах мастера.

Из дневника Мальчика

Хотите анекдот, говорит Друг. Наше правительство обратилось к американцам с просьбой дать совет, как быстрее поднять нашу экономику. Те ответили: надо расстрелять всех членов ВСП и выкрасить Дворец Партии в синий цвет. Почему же в синий, спросил я. Друг и Она покатались со смеху. Все удивляются, почему именно в синий цвет, сказал Друг, и никто не удивляется первому совету - расстрелять членов ВСП. Ты достукаешься с такими анекдотами, сказал я. Если не наступают, не достукаюсь, сказал Друг и опять захохотал, довольный своей шуткой.

Мы заговорили об ОГБ. Друг явно выпендривался перед Ней, демонстрируя свою осведомленность и смелость. Впрочем, сказал он, это все не женское дело. Неужели, сказала Она. А по статистике больше половины арестованных-женщины.

А сколько девочек забрали и уничтожили незаметно?! Не горюй, сказал Друг, мы тебя в обиду не дадим.

Идеология

С вами не проделали процедуры, которые здесь проделывают со всеми поступающими, сказал Старший Теоретик. Это по моей просьбе. Я хочу сделать вам предложение о деле, в котором мне нужен здоровый интеллект и общая критическая направленность личности. Делайте, сказал его собеседник, остриженный наголо и одетый в оранжевого цвета балахон. Я буду последовательно излагать вам основные принципы марксистского учения в том виде, как оно принято в Стране, сказал Теоретик. Я буду выступать в роли идеолога, заинтересованного в наиболее разумной форме нашей /марксистской/ идеологии. Вы будете выступать в роли ученого, заинтересованного в беспристрастной истине и ясности суждений. Я знаком с вашими сочинениями, и потому вы здесь. Что поделаешь, не вы, так кто-то другой сидел бы здесь. Мне дано указание на это свыше. Я вас ни в чем не виню, сказал Собеседник. Какова цель такой дискуссии? Моя цель вам останется неизвестной, сказал Теоретик. Ваша цель — критика нашей идеологии. Почему выбрали оппонентом ученого, а не представителя религии или других идеологических учений, спросил Собеседник. Потому что наша идеология претендует на то, чтобы быть наукой, опираться на данные науки, освещать науке путь. Чем вы объясняете эти претензии, спросил Собеседник. Духом времени, сказал Теоретик. Ролью науки и техники в наше время. Высокой образованностью населения. Исторической традицией. На Западе те же обстоятельства имеют место, но это не мешает процветанию религии, сказал Собеседник. Дело не только в этом, сказал Теоретик. Упомянутые обстоятельства дают такой эффект в условиях нашего социального строя. Мы правим не от имени Бога, а от имени законов Науки. Я принимаю ваше предложение, сказал Собеседник. Что будет со мной, когда закончится наш диалог? Не знаю, сказал Теоретик. Мое положение здесь мало чем отличается от вашего. Так почему же вы делаете это дело, спросил Собеседник. Представьте себе, это — мое призвание, сказал Теоретик.

Проблема партийности

Мне с вами надо поговорить по важному вопросу, сказал Учитель. Хотя вы еще в комсомольском возрасте, вам уже сейчас надо подумать о вступлении в партию до истечения комсомольского возраста. Мы обсуждали вашу кандидатуру в парткоме и пришли к выводу, что вы заслуживаете. Так что будем вас готовить. Вам следует начать более активно вести себя на собраниях. В перевыборную кампанию вас надо будет избрать для начала в комитет комсомола отдела. Проявите себя на выборной работе. Рекомендацию я вам дам. Другую, я полагаю, вам может дать Бородатый. Вы же с ним контактируете постоянно. А комсомольская организация вас рекомендует, это вне сомнения. А теперь о деле. Нам поручено подготовить справку для дирекции...

Ученик с тоской слушал разглагольствования Учителя. Надо как-то выкручиваться, думал он. Тут каждый стремится навалить на тебя какую-нибудь скучную трудоемкую работу, привлечь, вовлечь, завлечь, поручить, попросить, заставить... Нет, так не пойдет. Так можно погибнуть под грузом пустяков. Надо научиться каждое дело делать так, чтобы казалось, что ты трудишься в поте лица и преуспеваешь, а чтобы на самом деле ты делал самый примитивный минимум. Когда тут сотрудники отчитываются, то послушать их, они горы ворочают. А в действительности они занимаются чем угодно, только не делом. Надо работать не для дела, а для отчета о деле. А эффект дела и эффект отчета — разные вещи. Надо пробиваться к эффекту отчета! Насчет партийности это неплохо. Потом легче будет

на защиту диссертации выйти. А после защиты... Надо закругляться с халтурой для Зама. Это существенней той дребедени, о которой тут бормочет Учитель. Зачем это им нужно? Все равно наши данные о соотношении тематик текстов не показательны, ибо у нас уже отобранные, а не первичные и случайно собранные материалы.

Кстати, у нас организуется методологический семинар специально по изучению речи Вождя на..., сказал Учитель. Я бы советовал вам посещать его. Для будущего коммуниста... Вы и сейчас коммунист по убеждениям, я имею в виду партийность...

ГНУСНАЯ ИСТОРИЯ

Основные персонажи

Первый из них — ответственный работник аппарата не то ЦК, не то ОГБ, не то Совмина. В общем — аппарата. Однажды я спросил его сына, с которым был некоторое время близко знаком /конечно, не сейчас, когда он сам вылез в фигуры, а еще в аспирантские годы/, чем все-таки занимается его папаша. Он посмотрел на меня в полной растерянности. Он — номенклатура, промышал он в ответ. Ответственный работник, короче — отраб. Ясно, сказал я, хотя лишь много времени спустя стал догадываться о том, что быть ответственным или номенклатурным работником само по себе есть профессия и работа.

Отраб, о котором идет речь, имел сначала хорошую квартиру недалеко от центра Москвы, затем отличную квартиру на Кутузовском проспекте, затем — превосходную в «Царском селе» /в Рублеве/, наконец, — умопомрачительную квартиру опять близко к центру. И конечно, дачу. Сначала — несколько комнат в общем доме, но в закрытом районе. Наконец, — целый двухэтажный дом в сверхзакрытом районе и на полном пансионе. И само собой разумеется — персональную машину. Сначала — серую «Ласточку» с особым номером. Потом — черную «Ласточку» с номером, с которым никакая милиция не имеет права остановить. Наконец, — черную «Чайку», которая может ехать на красный свет и которую все машины и регулировщики должны пропускать без задержки. Правда, пока еще без охраны и без сопровождения.

Я говорил «наконец», поскольку по моим предположениям наш Отраб /или Нораб, но Отраб звучит лучше/ достиг потолка, и ему впереди больше ничего не светит. Впереди его ждет небольшая ниша на Новодевичьем кладбище, где-нибудь в углу, между каким-нибудь народным артистом и никому не ведомым /за исключением разве что кассирш, выплачивавших ему гонорары/ инженером человеческих душ и яростным поборником социалистического реализма. И небольшой некролог во второстепенной газете на третьей странице с подписью «Группа товарищей». Перед этим, разумеется, музыка, цветы и почетный караул в актовом зале закрытого учреждения. Но это — формальные пустяки /похороны согласно инструкции по такому-то разряду/. После этого, разумеется, грандиозный банкет с обжорством и пьянством. Но это — чисто национальный колорит. Мы, русские, неиспорченный, как известно, народ. И веселимся главным образом на похоронах близких нам и дорогих людей. Хотя отрабы обычно к русскому народу имеют весьма сомнительное отношение /походите по кладбищам, почитайте фамилии!/, они с остервенением хранят наши русские традиции.

А не рано ли я заговорил о месте в истории — о некрологе и дырке в стене крайне перегруженного историческими личностями кладбища? Наш отраб еще не достиг пенсионного возраста простых смертных. А у руководящих работников, как теперь установлено, средний возраст только с семидесяти начинается. И все-таки я

заговорил об этом не случайно. Дело в том, что всякий отраб, достигший ранга, в коем пребывает наш Отраб, вынуждается стремиться к следующему рангу. Обстоятельства при этом складываются так, что всем начинает казаться, будто его вот-вот выдвинут и поднимут. И сам он начинает готовиться к этому переходу в новое качество. И от этого находится в постоянном напряжении, трепещет и вибрирует от ожидания и предвкушения. Чаше и больше пьет в одиночку для успокоения. Чаше бегает в туалет и сидит там дольше обычного. И звуки издает более протяжные, высокие и жалобные, прерываемые чем-то напоминающим пулеметные очереди периода гражданской войны /как этот период отображен в кино, конечно/. Так, сидит-сидит в кабинете, потом вылетает стремительно, мчится в сторону туалета с развевающимися подтяжками, запирается и начинает:и-и-и-а-а-а-х, та-та-та-та-та.. Далее у него две возможности: либо он в положенное время действительно переходит в желанный высший ранг, и тогда он становится долговечным /чтобы стать вечным, надо потом еще в более высокий ранг подниматься/, либо не переходит, и тогда его хватает инфаркт, инсульт, рак и прочие модные болезни. Конечно, не исключено, что он дотянет до обычной пенсии. Но для него это хуже, чем упомянутые бичи современного общества. Отраб, увольняемый на пенсию, это почти что диссидент. Хрушев, будучи уволен на пенсию, пожалел, что он не довел дело с разоблачением Сталина «до логического конца» /?/, а другой отраб рангом поменьше, скинутый на пенсию совсем недавно, дошел до того, что обложил родной ЦК и лично товарища ... матом. Впрочем, это слухи. А слухам верить нельзя. Я не в смысле мата сомневаюсь, а в смысле его адресата.

Второй из основных персонажей — самый захудалый забулдыга, растерявший за свою не так уж долгую жизнь все свои таланты, идеи, семью, друзей. Он довольствуется комнатухой в коммунальной квартире в старом доме, предназначенном на слом еще десять лет назад, но сохраненном вследствие свертывания жилищного строительства, которое в свою очередь явилось следствием переброски всех средств на предстоящие олимпийские игры. Слово «дача», «машина», «некролог» звучат кошунственно в ассоциации с этим Забулдыгой. Он тоже скоро загнется, поскольку уже начал жаловаться на печень /как и Отраб/. Чем он занимается, я тоже не знаю. Я спросил было его об этом. Он сказал, что это не играет роли. Он зарабатывает честным трудом, на выпивку хватает, закуска — предрассудок. Остальное — мелочи. Я стал было сочувствовать ему: докатиться до такого состояния! Он сказал, что никуда он не докатился, ибо у него никогда ничего другого и не было. После этого он меня заинтересовал. И я пожертвовал на пропивон последнюю трешку. Это правильно, сказал он. Когда у человека нет ничего, все подлежит пропитию. Хотите, я расскажу вам одну историю?..

История

Вы, конечно, знаете писателя..., начал Забулдыга. Мы с ним в школе вместе учились. Дружили. После школы я в армию попал, в кавалерию. А ему папа бронь устроил. Мы тогда оба стишки пописывали. Пописывал-то я. А он — так, на меня глядя пыжился. Бездарен он был ужасающе. Это сейчас он немного поднаторел. А тогда... Писал я ему из армии письма. Тоска заедала, вот и писал. А письма я в стихах писал. Одно мне самому показалось удачным. Вот кусок из него.

Не спорю, может быть, когда-то так и было.

Конем звалася даже дохлая кобыла.

Копыта кованные искры высекали.

Клинки каленые, как молнии, сверкали.

Была, быть может, эта славная пора.

Лавина конная. Как гром «Даешь! Ура!».
Напели нам на эту тему сказок воз.
А я с утра до вечера ворочаю навоз.
И клячу старую до дыр скребу, скребу.
Тот сабельный поход я вижу лишь в гробу.
Тупую шашку драя, не таю зевоту.
Молю судьбу, чтобы отчислили в пехоту.

Прошло несколько месяцев. В нашей армейской газете перепечатали стихотворение одного молодого поэта, опубликованное в сборнике начинающих поэтов. Вот кусок из него.

Товарищи! Неужто это было?!
Храпя, неслися кони, кони в мыле.
Копыта кованые искры высекали.
Клинки каленые, как молнии, сверкали.
Неужто в прошлое ушла эта пора?!
Лавина конная. Как гром «Даешь! Ура!».
Товарищи! Я тоже на коня хочу!
В атаку вместе с вами поскачу!

Прочитал я это стихотворение молодого дарования. Что-то шелкнуло в моем мозгу. И все. После этого ни строчки не мог написать. Уличить этого подонка в плагиате, говорите? А как? И зачем? Из-за такого пустяка? И что от этого изменилось бы?

Знакомство

Раздался вой сирены. Автомобили, автобусы и троллейбусы немедленно приткнулись к тротуарам и остановились. Замерли прохожие. Послышалось шуршание шин. Тяжелые черные «Соколы» промчались по середине проспекта. Пока это происходило, я слушал разговор. Царь ходил в сопровождении одного жандарма, сказал один из собеседников, ездил в открытой коляске среди толпы зевак, хотя страна кишела революционерами, жаждавшими его убить. А эти — слуги народа, выходцы из народа, живущие на благо народа. У них единство с народом. Считается, что народ их обожает. А ездят они в бронированных машинах с мощной охраной. Кому они нужны? Чего они боятся? Для них бронированные машины и охрана есть явление престижное и символическое, сказал другой человек. Оно есть показатель их социальной значимости. Они могли бы передвигаться так, что их никто не заметил бы. Но они должны передвигаться открыто и с помпой, но вполне безопасно. Во-вторых, эта система, однажды сложившись, поддерживается большим числом влиятельных лиц, которым она дает возможность жить безбедно. В-третьих, в народе немало таких, кто с удовольствием кинул бы в них бомбу или стрельнул. В-четвертых, система власти и карьеры у нас такова, что у них складывается гангстерское подсознание, и потому они ведут себя как главари мафии. Хватит? Кто это проехал, как ты думаешь? Не успел разглядеть, сказал первый собеседник. Похоже, что сам Сусликов. Не пойму все-таки, как такая мразь выбивается на поверхность, сказал второй.

На душе стало пакостно. Я свернул в переулок, где во дворе продовольственного магазина можно было выпить на двоих, троих и т.д. Я недавно облюбовал это местечко. Эй, приятель, услышал я знакомый голос, присоединяйся на троих. Говоривший был один из тех, кто разговаривал рядом со мной на проспекте. Идет, сказал я. И вытащил помятый рубль. Так состоялось мое знакомство с Забудыгой.

Сын

Мой путь к Отрабу был сложнее. Сначала я познакомился с Сыном. Когда мы подружились, я не знал, что он есть сын того самого Отраба. Он делал доклад на семинаре. Доклад получился интересный. Все хвалили. А я раздолбал его из духа противоречия. Эффект получился неожиданный. В заключительном слове он сказал, что моя критика для него более лестна, чем похвалы прочих выступающих. После семинара мы направились в ресторан, основательно набрались и наговорились. Потом мы несколько раз провели время в одной компании. Потом он пригласил меня к себе на день рождения. Когда он продиктовал мне адрес, я сказал «Ого!», спросил, как он попал в такой дом. Зять? Нет, сказал он, сын.

О Москве

Принято ругать Москву как скучный город. Но я не сменяю его ни на какой другой. Мои знакомые думают, что я лицемерю или рехнулся. Но я не рехнулся и говорю чистую правду. Один Забудыга согласился со мной и поверил в мою искренность. Дело в нас самих, а не в Москве, сказал он. Говорят, в Москве с едой плохо. Но меня вполне устраивает то, что можно купить в магазинах. В рестораны меня не тянет, я предпочитаю за углом, в подъезде, в подворотне. Романтичнее. И публика приличнее, чем в ресторанах. Говорят, в Москве с жильем плохо. Это раньше вот было действительно плохо. А теперь благодать. Сколько вам лет? Мальчишка! А уже отдельная квартира. Разврат, молодой человек! Меня моя комнатуха устраивает вполне. И коммуналка мне не мешает. Я даже комнату не запираю, все равно у меня взять нечего. Развлечения? А знаете, сколько в Москве музеев, выставок, театров?! А людей всякого рода! А стадионов! А забегаловок! Зажрались люди, не умеют ценить то, что есть. А главное, за что я ценю Москву, это — неслыханный демократизм населения. Где еще в мире возможно такое, чтобы рядовой забудыга мог вот так запросто беседовать с лучшими писателями, художниками, учеными страны? И вообще, здесь лучшие люди общества лежат на самом его дне и доступны всякому, кто готов проявить хоть какое-то любопытство к ним. А жить в этом слое и есть высшее наслаждение для умного и порядочного человека. Надо лишь отречься от корыстных и тщеславных намерений и научиться отличать подлинные ценности от мнимых. Вот если бы мне, например, предложили на выбор — беседу с Вождем с последующей публикацией ее в газетах и эту встречу с вами, я предпочел бы вторую без всяких колебаний. О чем мне говорить с тем дегенератом?

Я медленно тянул отвратное вино, не замечая его отвратности, слушал добродушную болтовню Забудыги и блаженствовал. В Москве, сказал я, можно создать свою собственную среду обитания и стиль жизни, независимые от официального общества. Последнее вообще можно рассматривать как внешний источник средств существования. Верно, сказал он. Есть много способов добывать деньги, не вступая в тесные контакты с официальным обществом. А милиция, сказал я. Могут посадить или выселить как туineaдца. Если не лезть в политику, не тронут, сказал он. Я плачу участковому десятку в месяц и поллитровку, и он меня даже охраняет. Если человек решит оторваться и обособиться от официального общества, приспособиться жить в таком состоянии можно научиться быстро. Хотите, научу? Спасибо, сказал я. Пока я пытаюсь делать то же самое на более высоком уровне. У нас иногда и в учреждении можно приспособиться жить так, как будто тебя вообще нет.

Друг

Из нашей «конторы» на вечеру у Сына был еще один парень, который сейчас всюю обхаживал Сына и считался его лучшим другом. Друг — парень не без

способностей, но лодырь и ловкач. Большой специалист по женской части и по выступлениям на собраниях. Одержим автомобилем и туристическими походами. Автомобиль, по его мнению, есть не средство передвижения, а средство совращения. А турпоходы — единственное место, где возможны подлинно человеческие отношения. Последние у него сводились опять-таки к песням у костра и ночи с женщинами в палатке. На работе к Другу относятся скорее с юмором. Ловкие речи его на собраниях мало что дают ему, но избавляют других от этой мерзости. Иногда он выступает очень рискованно, но всегда ловко выкручивается в самом конце под дружный смех аудитории и покровительственные улыбки сидящих в президиуме ответственных лиц. Он — самое «левое» крыло нашего учреждения, но такое, что начальство довольно такой «левизной» чрезмерно и поощряет Друга на такие «смелые» шаги. На последнем собрании мы должны были клеймить диссидентов. А Друг вдруг заболел. Температура под сорок. Секретарь партбюро велел доставить его на собрание во что бы то ни стало, обещая за это неделю «отгула». Его привезли. И он выступил так эффектно, что минут пять аплодировали. Особенно эффектно прозвучало у него одно место. Допустим на минуту, сказал он, что «борцы за права человека» действительно те, за кого они себя выдают. Назовите теперь имена тех, в защиту прав которых они выступили. Вот они:… А теперь посмотрим, кто они, эти жертвы нарушения «прав человека». Ба, знакомые все лица! Так это же те же самые члены того же самого комитета борьбы за те же самые «права человека». Так не будет ли справедливым и научно точным считать их лишь борцами за то, чтобы их считали борцами за «права человека», т.е. в некотором роде — метаборцами.

О Друге, как и о всяком другом более или менее заметном сотруднике, у нас распускали самые разнообразные слухи /отец крупный чин, стукач и т.п./ Но Друг никому зла не причинял, умел хранить чужие тайны, сам презирал стукачей, происходил из самой пролетарской семьи, деньги на квартиру в самом грошовом кооперативе ему помогли собрать родственники /еще три года долги отдавать!/, а на машину, подержанную основательно, он копил, питаясь в течение ряда лет хлебом с чаем и нося одно и то же рванье. И подрабатывал он где только мог. Одних рефератов в «Реферативный журнал» написал не меньше сотни.

Она и другие

Самым интересным персонажем из собравшихся была Она. Ей под сорок. Она довольно странная, но в современном стиле. Известная журналистка, специалист по моральным и социально-психологическим проблемам. Несколько раз я ее видел по телевизору. Она постоянно курила и довольно много пила. И напропалую хохмила. Вот, например, одна из ее хохм на этом вечере. Одна крашенная дама сказала, что ее подруге привезли дубленку, дубленка ей тесновата, она может ее продать. Кто-то сказал, что дело идет к лету. Сын сказал, что у нас все наоборот, именно к лету надо покупать шубу, а к зиме — купальный костюм. Верно, сказала Она. В сувенирном ларьке около вашего дома зимой продавали бюсты Ленина без головного убора, а сейчас шла — вижу, продают бюсты Ленина в зимней шапке. Мать Сына /она ненавидит Ее, поскольку Сын собирается на Ней жениться/ заметила, что эта шутка сомнительна. Она сказала, что это не шутка, если хотите, можете сходить и сами убедиться. Сын сказал, что теперь не те времена. Кто-то сказал, что времена снова те самые. Вчера, например, фильм по телевизору показывали. Больше половины — о Сталине. И Сталин в нем красив, добр, мудр, дальновиден. Кто-то сказал, что сажают теперь частенько. Сын заметил, что теперь это делают с умом, не то что раньше. Хотите анекдот? На выставке висит картина. Называется «Ленин в Польше». На картине изображен шалаш, из шалаша торчат голые пятки Крупской и Дзержинского. А где же Ленин, спрашивают посетители. Ленин в Польше, говорит

экскурсовод. Все смеются. Кто бы мог подумать, сказала крашенная особа, что Ленин станет предметом насмешек. Произошла переоценка ценностей, сказал Сын.

Я смотрел на этих сытых, хорошо одетых, образованных, веселых и иногда красивых людей и вспоминал свой последний разговор с Забулдыгой.

Не так-то просто

Правду о жизни и о себе самих мы узнаем иногда самыми неожиданными и странными путями, говорил Забуллага. Я из благополучной семьи. Был рьяным комсомольцем. И в кавалерию попал добровольно. Насмотрелся «Чапаева». Я искренне верил в эти идиотские «Кони сытые бьют копытами, встретим мы по-сталински врага». И встретили! Между прочим, и стукачом я был. Без всякой душевной драмы. Был, и все тут. Потом перестал. И не из принципа, а просто надобность во мне отпала. Как я мог пойти на это? Юноша, не надо преувеличивать важность этого явления. Это сейчас начали драматизировать. А тогда это был самый сущий пустяк, не игравший той зловещей роли, какую ему приписывают сейчас. Мы к стукачам относились даже с долей почтения и страха, а они особенно не скрывались, корчили из себя важных персон. Я по крайней мере этого не делал. Хотите верить, хотите нет, но для меня основная проблема заключалась не в том, чтобы решиться доносить, а в том, чтобы найти, о чем доносить. Не о чем было доносить, не на кого, вот в чем беда. Одни пустяки, не стоящие внимания. Начальник Особого отдела нас прогонял вон с нашими писульками. Приходилось выдумывать всякую чушь. По моим доносам никто не пострадал. Это я не для оправдания, а для объективности. А хотите знать, как я стал стукачом? Нам сообщили, что придет сам Буденный проверить нас. Заставили драть лошадей чуть не круглые сутки без отдыха. У одной лошади нашли вшей. Лошадь поместили в умывальник, и мы перестали вообще умываться. Вот я и ляпнул по глупости, что у нас из-за какой-то вшивой клячи целый эскадрон ходит с немывтыми рожами. Кто-то донес. Меня вызвал начальник Особого отдела. Предложил на выбор: пять лет за антисоветскую агитацию или вот эту бумажку подписать. Конечно, я выбрал второе. Я не испугался пяти лет — я еще не знал, что это такое. Я просто не хотел хуже. Жилось в этой проклятой кавалерии и без того отвратно. А в штрафном, надо думать, и того хуже. Перед войной службу построили по принципу: тяжело в учении, легко в бою. Идиоты! На самом деле в бою никогда легко не бывает. Бой есть то же учение, только в ухудшенных условиях. Тяжело в учении, еще тяжелее будет в бою. Да если бы нас действительно к бою готовили! А то ведь чистая бессмыслица была. Политподготовка на улице на тридцатиградусном морозе. Никакого особого зимнего обмундирования. Для согревания — штурмовая полоса. Что это такое? Бред шизофреника для выматывания сил, больше ничего. Когда началась война, все это пошло прахом. Я не знаю ничего такого, чему нас научили бы до войны и что пригодилось бы в бою. Мы даже из автоматов стрелять не умели, они были засекречены от... нас! А у немцев было полно этих наших секретных автоматов. И бежали мы пехом, а не верхом. Лошадей бросили почему-то в первые же дни. Подняли по тревоге, построили, повернули, скомандовали «шагом марш!». Началась неразбериха. В казармы свои мы так и не вернулись. Тогда я понял, что ноги — самый надежный транспорт. Мы пешком успели выскочить из окружения, а моторизованные части застряли.

Жизнь я начал постигать не через обличение несправедливостей и углубленные размышления о сути бытия, а черт знает через что. Вот послали нас, например, яму копать. Работать бессмысленно. Сачкуем. Только делаем вид, что работаем. Баланду травим. Отгадайте, спрашивает взводный хохмач, что такое наивность? Это когда дочь думает, что мать целка, отвечает сам же он. А что такое сверхнаивность? Это когда мать думает, что дочь целка. Мы хохочем. А душа

начинает покрываться ржавчиной больше, чем от рассказов очевидцев о кошмарах колхозной жизни. А что такое лицемерие, не унимается хохмач. Это когда теща, сожрав мясо из миски зятя, говорит ему: кушай, сынок! А что такое сверхлицемерие? Это когда зять выбросит тещу с седьмого этажа, высунется из окна и спросит ласково: куда же вы, мамочка? И такого рода пошлая и скабрзная «народная мудрость» начинает заполнять все поры твоего сознания, вытесняя из него все чистое и святое. Несколько месяцев такой жизни, и ты уже во всем видишь обман, подвох, издевательство. И не веришь уже ни во что и никому. Жизнь народа в самой его основе есть постоянное обсиране светлых идеалов и чаяний. А уж насчет коммунистических идеалов вообще смешно говорить. В самые страшные годы ничто так педантично не обсиралось, как эти идеалы.

Отраб

Часов в одиннадцать приехал сам Отраб. Его приветствовали стоя, улыбками, возгласами. Усадили на самое почетное место. Разговор принял полусерьезный государственный характер с некоторыми осторожными намеками в адрес руководства. Больше всех усердствовал Сын, демонстрируя свою преданность, и Она, демонстрируя, что ей позволено многое такое, что не позволено другим. В конце концов разговор скатился к основной проблеме нашего времени: как это могло случиться, куда глядели вы, неужели ничего не знали и т.п. Позиция Отраба меня удивила. Теперь храбрецом и умником быть просто, сказал он. А тогда? Попробовали бы вы тогда задать такие вопросы! Да они и не возникали. И дело тут не в страхе. Дух времени — известно вам такое явление? Великая революция, триумфальное шествие нового строя. Цена? А о цене не думали. Любой ценой! А разве вы сейчас сами не поете «Мы за ценой не постоим»? Всякого рода прохвосты наживались. Так их и теперь хватает. И тогда людей, охваченных искренним порывом, было больше, чем прохвостов. А сейчас разве все гладко? Действуйте! Дерзайте! Тут в разговор вмешалась Мать: зачем так шутить, люди могут всякое подумать! Не беспокойся, сказал Отраб. Они умные. Умнее нас, стариков. Вот, скажем, ты /это — к Сыну/. Собрание по поводу диссидентов у вас было? Было. А что же ты не выступил в защиту? Из комсомола выгонят? В партию не пустят? Диссертацию не дадут защитить? Не пугайся, я поддержу. Десять лет еще буду кормить. В тюрьму посадят? Пустяк. Лет пять — отличная школа жизни. Вот в том-то и дело, друзья мои. По сути дела и тогда было так же. Несколько иначе по форме, а по существу так же. Вы же все — наши, советские люди. И нет в вас внутренней уверенности, хотя и говорите вы на эти темы умно и красиво. В целом, повторяю, вы с партией. Иначе вас здесь не было бы. И партия знает это. Многое вам прощается. Партия уверена, что вы еще разберетесь во всем...

Отраб ушел в свой кабинет где-то в глубинах длинного коридора. Наступило неловкое молчание. Мы не смотрели друг другу в глаза. Тишину нарушил Друг. Крепкий мужик твой отец, сказал он Сыну. Не думал, что там могут быть такие люди. Предлагаю тост за хозяина этого дома! И вечер вошел в привычную колею.

О начальниках-бабах

Когда мужики властвуют, это еще терпимо, говорит Забудлыга. Это вроде естественно. Для мужика власть — компенсация за хилые мускулы и природную трусость. И за глупость, конечно. Но ум ведь не есть дифференция специфика мужчины. Но вот когда бабы пробиваются к власти, это, брат, кошмар получается. Свое природное безволие и дурость они скрывают за формой все сокрушающей решительности и безапелляционности. И по виду они сразу становятся похожими на китайских мандаринов и монгольских бонз. Ни крупницы чувства не остается. Одна мертвая безжалостная природа с клопиними... нет, с крысиными мозгами. Слава

богу, что баб у нас пока не пускают в вожди. А то такое закрутили бы, что Сталин показался бы гнилым либералом. Меня подкосила одна такая руководящая стерва. Нет, лучше сказать, сука. Парень я тогда был ничего себе. Вот она и решила использовать меня для известной цели. Вызвала в кабинет. Сидит за письменным столом, как китайский император. А мне даже сесть не предложила. И почти прямо шпарит, что Они, мол, соизволили решить предоставить... точнее, обязать меня в такие-то дни часы удовлетворять Их естественные потребности и т.д. Им, мол, сообщили, что я по этой части парень талантливый, что член у меня превосходит обычные размеры и т.д. Я ей на это сказал вежливо, что, мол, я-то могу стоять перед руководящей потаскухой, но мой ..., прошу прощения за неприличное выражение, стоять перед нею не в состоянии. Что тут было! Я еще дешево отделался. Даже прокурор /а мне вскоре пришли дельце на пустом месте/ говорил, что можно было ограничиться пятью годами.

Вздых души

Стоит кнопку нажать — засветится экран.
И появится снова все то же.
То хоккей. То футбол. То кретин-ветеран.
То вождей надоевшие рожи.
То в сверхмодном костюме безгласый певец.
То награду завод получает.
То известный писатель, великий мудрец
Уму-разуму нас поучает.
Мол, не тратьте напрасно бесценных минут,
Будьте в тратах телесных скупее.
Не заметишь, как в прошлые годы мелькнут,
Что задумал, создать не успеешь.
И журчит, и струится словесный понос.
А в душе закипает неволью
Все тот самый извечный и дерзкий вопрос:
Может, хватит трепаться? Довольно?
И желание крикнуть: да это же бред!
Плюньте в рожу лжецу-лицемеру!
Лучше водку глушите здоровью во вред
И любите девчонок не в меру.
И насрите на ноты, на рифмы стиха,
На картины, скульптуры, поэмы.
Положите с прибором на книг вороха
И на формулы, графики, схемы.
Этим хламом вонючим довольно уж, ей!
Этот мир засорен до отказа.
Да поймите же вы, бесконечно ценней
Беззаботная хохма-проказа.
Это ж вам специально морочат мозги,
Будто мир к совершенству стремится.
Для себя-то они знай гребут пироги
За наш счет втихаря насладиться.
Но не крик, а лишь вздох испускает душа.
К выключателю тянутся руки.
И плюешься в сердцах. И бредешь не спеша
В забегаловку... дохнуть от скуки.

Убийство Кирова

Никаких сомнений в правильности линии партии у нас не было, говорит Забуддыга. К разоблачениям «врагов народа» мы уже привыкли. И все же убийство Кирова нас поразило как гром среди ясного неба. Негодование против коварных «врагов народа» было таким мощным, что мы готовы были расправиться с любимым, на кого нам указали бы. Говорят, что сталинская банда развязала самые темные силы общества и стороны человеческой души. Нет, это неверно. Она пробудила лучшие силы общества и стороны человеческой души, но направила их на осуществление гнусных дел. В этом суть трагедии. Это был створ массы не злодеев, а честных и непорочных людей на грандиозное преступление. После создания аппарата подавления уже не играет роли, есть вера или нет. Место подъема, веры, энтузиазма, фанатизма и т.п. занимают теперь рутинная и скука.

Был у нас в классе мальчишка. Его семья бежала из деревни от голода и как-то ухитрилась зацепиться за Москву. Не помню, как звали парня. Мы его просто звали Ванькой, выражая тем самым свое превосходство над ним. Мы с этим Ванькой сидели за одной партой. Парень он был башковитый. Мы подружились. Когда Кирова убили, этот Ванька сказал мне, что его «Они сами шлепнули», что теперь «начнут гайки закручивать, только держись». Я рассказал об этом разговоре родителям. Вы думаете, по молодости, по глупости? Нет, я же понимаю, что это не так, хотя мог бы этим оправдаться. Рассказал потому, что уже сам тогда становился типичной советской гадиной. А рассказав, я преступил человеческую черту и стал «нашим, своим человеком». Через несколько дней семья Ваньки /вместе с самим Ванькой/ куда-то исчезла. Нам сказали, что якобы переехала в другой город. Но я-то знал, в чем дело. После этого я подружился с тем самым писателем. Я ничего плохого не могу сказать о своих родителях. Они были хорошие и честные люди. Но слишком поздно я понял тривиальную истину: все лучшие чаяния людей реализуются так, что порождают самую гнусную тварь природы — советского человека, «нового человека». Вот в чем загвоздка! Объясните, почему так происходит? Сумеете, ставлю поллитра! А Киров, между прочим, был типичным представителем их банды. Это он предложил создавать культ Сталина. Это он выдал Сталину список тех чланов ЦК, которые хотели его, Кирова, избрать Генсеком. Впрочем, а ну их в...

Область

Никто уже не помнит, как эта область называлась до революции. Никто уже не помнит и того, что в двадцатые годы ее переименовали в честь легендарного полководца Гражданской войны, что в тридцатые годы того полководца расстреляли как японского шпиона, и область назвали именем другого легендарного полководца, возглавлявшего Тройку, приговорившего первого к расстрелу, что после смерти Сталина выяснилась гнусная роль второго полководца во всех прошлых событиях, и область опять переименовали... Сначала хотели назвать именем одного из хрущевских сподвижников, но не успели, а именем сподвижников Брежнева называть еще было рано... И назвали столицу области Вожеградом, а область — Вожегорской, зарезервировав тем самым названия для нынешних выдающихся деятелей, имена и портреты которых стали стремительно заполнять страницы газет и журналов, экраны телевизоров, витрины магазинов, фасады зданий. После того, как уроженцу области товарищу Сусликову присвоили вторично звание Героя Труда и поставили бронзовый бюст в его родном городе Вождянске, пошел слух, будто Вожеград будет скоро переименован в Сусликовград, а область будет, соответственно, называться Сусликовградской. И основания для такого слуха имеются весьма основательные, поскольку товарищ Сусликов не так уж давно был первым секретарем Вожеградского Обкома Партии, и с именем его связана славная

страница в истории этой области. О ней есть смысл рассказать, поскольку наш Отраб оказался причастным к этой истории. Собственно говоря, о ней я узнал частью от самого Отраба, частью от Сына, частью от Нее, поскольку Она обрабатывала тогда для Отраба какие-то материалы.

До революции область производила масло, мясо, мед, картофель, яблоки и многое другое, в общем — была отсталой сельскохозяйственной страной. Теперь же в области — ни масла, ни мяса, ни колбасы, ни селедки. За всеми этими предметами старины жители области ездят в Москву, где эти редкие предметы иногда «выбрасывают» в продажу. Область стала считаться поэтому промышленной. Как говорили руководители — передовой промышленной, как острили местные интеллектуалы — была отсталой сельскохозяйственной, а стала отсталой промышленной. Промышленность тут действительно развилась, так что острота интеллектуалов, как справедливо заметил в свое время еще сам товарищ Сусликов, повисла в воздухе. Первым делом в области вырубали деревья и пустили их на бумагу для сочинений классиков марксизма и руководителей партии и правительства. Отчасти также на спички и водку. Потом лес стали вывозить за границу, где из него для нас стали делать бумагу лучшего качества и в большем количестве, ибо речи руководителей стали чаще и длиннее, а интерес к ним в мире возрос. Потом построили химический гигант, сырья для которого в области не было. Потому пришлось провести несколько железнодорожных линий и шоссе дорог, наладить серию подсобных предприятий. Так одно тянуло за собой другое, и скоро в области появились заводы велосипедов, холодильников, резиновых калош и сапог, стирального порошка, счетно-решающих устройств, авиационных приборов и т.д. Поскольку значительная часть населения области еще до войны разбежалась по городам, вымерла от голода и была посажена в концлагеря, пришлось основательно сократить выезд молодежи на учебу за пределы области и расширить передовые за заключенных, а главное — ускоренными темпами вводить механизацию и автоматизацию производства. За границей закупили несколько поточных линий для химического комбината. И, разумеется, угробили их. Причем, потери оказались настолько ощутимыми, что в центральной прессе даже поместили разоблачительный фельетон по этому поводу. Именно в этот момент товарищ Сусликов и выступил с призывом лучше использовать современную технику, за что и был избран членом обкома партии. Через несколько лет стали ощущаться продовольственные трудности. Их сначала отнесли за счет плохой погоды. Но погода устало оказалась как в насмешку отличная, а с продовольствием стало еще хуже. Тогда-то товарищ Сусликов и напечатал в областной газете статью /согласованную, конечно, с Москвой/, в которой выдвинул идею превратить передовые в промышленном отношении области также и в передовые сельскохозяйственные. Статью перепечатали в центральной прессе. Почин вождьградцев подхватили трудящиеся других областей. А товарищ Сусликов стал первым секретарем обкома.

Но взялся за гуж, не говори, что не дюж. Одно дело — пописывать статейки, будучи сотрудником отдела пропаганды. И другое дело — заставить область, производящую всякого рода промышленное дерьмо и полудерьмо, поставлять государству съедобное масло и мясо. Неизвестно, сам ли Сусликов додумался до этой гениальной идеи или ему подсказал какой-либо местный жулик /скорее всего — последнее/, только решил Сусликов бросить все силы и средства руководимой им области на... закупку мяса и масла в других уголках Страны, по возможности -отдаленных, чтобы затем эти мясо и масло сдать государству как произведенные в области под его мудрым руководством. На этом товарищ Сусликов заработал первое звание Героя Труда и честь быть избранным в кандидаты в члены Политбюро ЦК КПСС. Но прежде чем это произошло, Стране, области и лично товарищу Сусликову пришлось пережить драматическую ситуацию.

Мать, Она, Сын

Сын собирается жениться на Ней. Мать против. У Сына еще все впереди. Она много старше, курит, пьет, пару раз уже была замужем. Сын говорит, что женятся не только для постели. Она умная, небанальная, пишет здорово. Но я не верю в серьезность намерений Сына. И сомневаюсь в том, что Она вообще будет выходить за кого-то замуж. Зачем? Денег Она имеет достаточно. Любовников Ей хватает. Однажды Она позвонила мне и попросила поехать с ней к Матери. Та ее пригласила для серьезного разговора. По дороге Она мне рассказала, что познакомилась сначала с Отрабом, а уж потом с Сыном. Она напечатала в газете довольно острый очерк. На другой день позвонил Отраб, пригласил на дачу. Заехал за ней на машине. Встретили потрясающе. Оказывается, он написал книгу. Нужен редактор, но не официальный. За хорошую плату, конечно. Попросила на пробу кусок. Полистала — чушь, серятина, общий треп. Зачем ему потребовалась эта муть? Впрочем, они все, преодолев некоторый рубеж, становятся весьма тщеславными. И отказать опасно. Может основательно напакостить. Скажет словцо, и пиши пропало. Ничего приличного не напечатаешь.

Мать говорила долго, невнятно и довольно оскорбительно. Она спокойно выслушала. Потом сказала следующее. Сын далеко уже не мальчик. За плечами у него не меньше полсотни женщин, несколько аборт. Он не злодей, но так или иначе мы все жертвы друг друга. Плохо с противозачаточными средствами. Отсутствует сексуальное воспитание молодежи. Цинизм, лицемерие. Но вернемся к Вашему мальчику. Он был болен гонореей, с испугу наделал много глупостей, с трудом удалось замаять эту грязную историю и вытащить его. В этом месте Матери стало дурно. Ваш сын, продолжала Она, когда Мать очухалась, средних способностей, и не надо приносить жертв ради его карьеры. У него поэтому /благодаря посредственности/ все будет благополучно. Наконец, это он хочет жениться на мне, а я не хочу выйти за него замуж. Я еще не решила, как поступить. В деньгах я не нуждаюсь. Я зарабатываю в два раза больше вашего мальчика. Квартира у меня есть, работа меня устраивает. В мужчинах недостатка нет. Ко всему прочему я не настолько его люблю /как вы справедливо заметили, я уже не первой молодости/, чтобы очертя голову бросаться в этот брак. Так что вы напрасно беспокоитесь.

После ее ухода у Матери повторилась истерика. Она обзывала Ее последними словами, требовала, чтобы я как друг Сына заявил на нее в редакцию, а если я это не сделаю, она пойдет туда сама. Я еле отговорил ее от этого шага. Подействовало только то, что Она может фельетон написать и это может повредить Отрабу. Сошлись на том, что ноги Ее в этом доме больше не будет. Сыну я сказал, чтобы он некоторое время не приглашал Ее домой. Кстати, спросил я, а кто ее родители? А разве я не говорил, удивился Сын. Она же дочь... Мне стало весело, когда я услышал эту фамилию. Так вот в чем секрет ее «свободных» суждений! Я сказал Сыну, чтобы он не сообщал об этом своей матери, иначе ее инфаркт хватит.

Отцы и дети

Почему передали строительство нового аэропорта западным фирмам, спрашивает Сын. Неужели у нас нет своих хороших инженеров и архитекторов? Или это высшая политика? Дело не в этом, говорит Отраб. Во-первых, руководство и коллективы ни в коем случае не допустят, чтобы действительно талантливым инженерам и архитекторам поручили это строительство. Тут мы бессильны. Откуда нам знать, кто на самом деле способен. Мы же должны доверять мнению специалистов. А как оно создается, не мне вам об этом говорить. Вы тут целый вечер об этом красноречиво беседовали сами. Во-вторых, если даже допустить, что

делом займутся действительно способные специалисты, которые могли бы сделать его на уровне мировых стандартов, им надо предоставить широкие полномочия и на время на данном участке отменить советскую власть. Без этого, вы сами знаете, бесхозяйственность, показуха, очковитирательство, халтура. А нам тут дело нужно. Мы тут с Западом лицом к лицу сталкиваемся. Поэтому мы и решили передать строительство западным фирмам. Это надежно. И дешевле. И советскую власть никак не ущемляет. А что касается престижа, так многие ли об этом деле знают?! А космос, спрашивает Сын. С космосом нельзя было, говорит Отраб. Секретность. Престиж. Так зачем вам вся эта грандиозная система, говорит Сын. Распустите ее, всем будет легче, выгоднее. Поздно, говорит Отраб. Наша система может распасться только в случае грандиозной катастрофы. Например — разгром в войне. Но мы этому будем сопротивляться. А все прочее — мелочи. И ваша болтовня о «правах человека» тоже. Тогда почему же такая острая реакция на нее, спрашивает Сын. Сила реакции всегда зависит от размеров угрозы, говорит Отраб. Тут политические соображения.

После ухода Отраба мы «распоясываемся». Сначала перемываем косточки диссидентам. Кто они такие? За что на самом деле воюют? Неудачники. Недоучившиеся студенты. Бывшие ученые и писатели с уязвленным тщеславием. Этим обидели, тем недодали. И борются они за себя, а не за других людей. Известности добиваются. Одним словом, делают свой бизнес на оппозиции. Потом говорим о возможностях современной науки и техники манипулировать людьми. Например, уже сейчас в пищевые продукты добавляют «успокаивающие» средства, снижающие жизненную активность населения. Слава богу, говорит Сын, мы кормимся из закрытого распределителя. Так что наваливайся, ребята!

Немного истории

Представьте себе, говорит Забулдыга, еще в тридцать восьмом году мы шутя пели:

Широка страна моя, ребята,
Много в ней лесов, руды, зверей.
Вдоволь места, где легко упрятать
Всех врагов в шеренги лагерей.

А слово ОГПУ мы расшифровывали как «О, Господи, помоги удрать» и в обратную сторону как «Убежишь, поймем, голову оторвем». Так что даже для нас, мальчишек, происходившее не было тайной. А какое это имело значение? Абсолютно никакого. Довлело одно — ощущение неотвратимости происходящего. У всех без исключения. А если исключения и были, они не производили впечатления исключения. Они настолько не соответствовали духу времени, что их вообще не замечали даже. Не видели их особенности, стригли их под одну общую гребенку.

Я и Она

По телевизору выступает известный юрист. Тема лекции — суд при коммунизме. Основной тезис — суд есть функция государства, государство отомрет, а вместе с ним отомрет и суд. Его заменят «суды чести», которые уже и судами-то не будут. Ну и логика, говорит Она. Суд чести все равно суд. И расправится он может не хуже обычного. При Сталине большинство расправ вообще проходило без суда. Сейчас в «психушки» сажают за политику и высылают из больших городов тоже без суда. Насильственное трудоустройство тоже не суд. Сейчас носятся с идеей особых поселений под усиленным надзором. Суд-то, может быть, и отомрет. Скорее всего, действительно отомрет. Но отомрет ли расправа?! А ты хочешь без наказаний, спрашиваю я. Нет, говорит Она. Просто надоела эта

болтовня. Скажи, прошу я, ты не в курсе, что это за история была в Вождеграде? К ней вроде бы Отраб руку приложил? Кое-что знаю, но далеко не все, говорит Она. Там всем делом закручивала жена секретаря. Она наладила там грандиозную гангстерскую шайку. Понимаешь, секретарь сдуру взял на себя /и на область, конечно/ реально невыполнимые обязательства по мясу и молоку. Заметил, что попал в ловушку. Хоть стрелайся. Жена выручила. Завела нужные связи. Частным порядком закупили мясо и масло в других областях. Но потребовались огромные нелегальные средства. Откуда взять? Опять «гениальная» идея: организовать производство вещей, имеющих спрос, и загонять по всей стране. Так постепенно вся область обросла системой шаек жуликов, в которые было вовлечено высшее начальство /включая начальника КГБ, прокурора, начальника милиции/. Главой мафии стала жена секретаря. Лишь с ее ведома назначались на все должности. За все — строгая такса. Власть, ничем и никем не ограниченная. Создали самые большие лагеря для «политических». Сажали молодежь даже за заявления о допуске к вступительным экзаменам в московские институты. Самая большая «психушка» тюремного типа. Долго такое безгласно продолжаться не могло. Столичные ответственные организации и газеты были засыпаны тысячами писем. Создали специальную комиссию во главе с Отрабом. Ну и чем, спрашиваю я, все это кончилось? Мелочь всякую арестовали, говорит Она. Судили. Жену секретаря попросили умерить аппетиты. Область наградили орденом за перевыполнение повышенных обязательств. Секретарю присвоили звание Героя Труда. Ты лучше расскажи о себе.

Я пожал плечами в ответ на ее просьбу. А о чем говорить? Мой отец сбежал от алиментов. Что он и где он, не знаю. Мать умерла. С родственниками контакта не поддерживаю. Институт. В аспирантуру комитет комсомола не пропустил. Сейчас ишачу на шефа. Диссертацию делать уже не хочу. Квартиру /крохотную, однокомнатную/ получили с матерью на двоих в связи со сносом дома, где у нас была комната. Вот и все. Давай поженимся, говорю я вместо рассказов о себе. Поздно, мой мальчик, говорит Она. А кто тебе готовит обед, стирает, убирает квартиру? Дай, я поухаживаю за тобой немного. Если я и выйду замуж, то только за Сына. Зачем? Хотела бы я ему жизнь покалечить основательно. Но, увы, я не умею это делать. Я все-таки слишком добрая для этого.

Манекенщица

У нас тоже начинается сексуальная революция, но, как и все прочее, в уродливой и подражательной форме. Меняют часто любовников и любовниц. Имеют по несколько связей сразу. Супружеская измена стала обычным делом. Повысилась «культура» секса. Но пока эта «революция» охватила в основном мало-мальски обеспеченные и культурные слои. Плюс к тому — непрочность брака. Причин этому много. Главная, на мой взгляд, — отсутствие духовной близости. Сейчас вот у меня есть «девочка». Манекенщица. На вид приличная. Неглупая. Добрая. Но у нас с ней заведомо семья не получится. Она мечтает выйти замуж за иностранца. В крайнем случае — обобрать иностранца за счет «Березки». Ради благополучия она готова на все. Хоть с семидесятилетним маразматиком готова спать. А женщины в сфере науки и искусства мало чем отличаются от моей Манекенщицы. Даже еще глупее, безвкуснее, грубее, тщеславнее. Друг прав: мы почти все делаем плохо, так почему должны хорошо самую тонкую и сложную вещь — человека?! После встречи с Ней я понял, почему Сына потянуло к Ней. Она — редкое исключение. Сын будет круглый болван, если потеряет Ее. Я говорю своей Манекенщице, что ей есть смысл поставить на Сына. Для этого надо сначала завоевать Мамашу. Ее можно взять скромностью, наивностью, целомудрием. До женитьбы Сыну не давай. Забудь свои познания в этой области. При первой же возможности я тебя введу в это семейство. Готовься!

Моя ошибка

Она мне дала почитать рукопись своей книги. А я совершил грубую ошибку, высказав ей, что думаю о ней на самом деле. Впрочем, я все равно не смог бы установить, в каком духе я должен был врать, чтобы сохранить ее расположение. Я сказал, что стиль книги прекрасный. Много журналистских находок. Местами остроумно. Местами умно. Но в целом все же... ложно. Почему такое впечатление? Дело в том, что когда рассматриваешь человека, все поддается объяснению. Но когда дело касается миллионов, объяснение оказывается в принципе невозможным. Тут нужна совсем иная система понятий, иная ориентация внимания. Например, нельзя объяснить, почему произошли массовые репрессии, ибо для этого нет необходимых условий и средств познания; можно лишь более или менее полно описать, как они происходили, а люди сами сделают для себя выводы соответственно своим индивидуальным настроениям, целям, идеям и т.п. Она молча выслушала мои замечания, сухо поблагодарила, сказала, что у нее дела, и ушла. А я отправился в то место...

Кто мы

Почему мы такие, спрашиваю я. Станный вопрос, говорит Забуддыга. На хорошем месте растут стройные, гладкие сосны, а на плохом — хилые, искривленные. Когда это становится наследственным, получаются разные виды. Мы — хилые, искривленные, ползучие. Из поколения в поколение. Можно почву изменить, говорю я. Нет, говорит он, в обществе мы сами создаем собственную почву. Мы сами и есть почва. На века. Других условий не будет, ибо в любой ситуации мы воспроизводим себя как условия своей искривленности и ползучести. Мы и Запад — разные виды цивилизаций, какой бы строй ни был у них и у нас. Дело не в строе, а в человеческом материале.

Мы бредем по Москве. Прекрасная погода. Меня никто и нигде не ждет. Забуддыгу тоже. Раньше, говорит он, в Москве было лучше. Заборы, проходные дворы, забегаловки на каждом шагу. А сейчас квартирами обзавелись, дачами. Мещанский муравейник растет! Но есть и хорошее, говорю я. Вот, например, наше знакомство. Да, говорит он. Но это — на стыке. Я в прошлом. Вы в будущем. Ваша жизнь только начинается. Моя кончается.

ЗАТЕЯ

Праздники

К празднику Ученику выдали премию пятьдесят рублей, а Художнику повысили зарплату на пятерку. Пятью двенадцать, считал Художник, будет шестьдесят. Минус восемь на налоги. Минус на то да на се. В общем остается пятьдесят. Кое-что подкинули и прочим сотрудникам. Кому премию, кому грамоту, кому благодарность. В буфете продавали пакетики с продуктами, которые невозможно достать в магазинах. По списку, конечно. На радости сколотили небольшую компанию и отправились отмечать это событие в кафе «Василек». Оно оказалось на ремонте. Пошли в ресторан «Гавана». По дороге Девица свалилась в яму, пересекавшую тротуар. Отчистить брюки не удалось. Вот сволочи, ворчала со слезами Девица, придется в химчистку отдавать, а это время ходить без штанов. Однорукий сказал, что он приветствует такое начинание. Другая Девица сказала, что слишком много развелось теоретиков по сексу, а работать никто не хочет, обленились и исхалтурились все. Лысый вспомнил старый анекдот об ученике, который пропустил два дня в школе: первый день из-за того, что мать его штаны постирала, а второй день из-за того, что по дороге в школу увидел сохнувшие штаны у дома учительницы и вернулся обратно. Что за жизнь, сказал Художник, учимся десятками лет, а запасные штаны купить не можем. Переходи в ОГБ, там в три раза больше платят. Майора дадут сразу. Лучше в Духовную Академию, сказал Очкарик. Сразу звание протодиакона или протоиерея присвоят. Это больше, чем майор в ОГБ. И никаких профсоюзных, комсомольских и прочих собраний. И матом не ругаются. Нам еще повезло, сказала Девица, денег отвалили. А у нас в прошлом году одну старую заслуженную дуру наградили бюстом Вождя. Тяжеленный, вчетвером несли, когда вручали. Старуха на такси убухала уйму денег и на грузчиков, чтобы отвезти подарок домой. Хотела потихоньку разбить, а черепки выбросить. Не тут-то было! Теперь их льют из какого-то очень прочного материала. Пришлось заказывать постамент. Теперь этот подарочек у нее полкомнаты занимает. Пыль вытирать с него надо. А выкинуть нельзя. Соседи сразу донесут. Дура она, эта ваша партийная старушенция, сказал Художник. На бюст Вождя большого габарита положена дополнительная площадь. Как на служебных собак, шесть метров. Чушь, сказал Очкарик. Теперь даже на докторов наук и профессоров дополнительную площадь отменили. Верно, сказал Художник, на эту шпану отменили и за счет образовавшегося резерва ввели для бюстов. Надо будет сказать этой дуре, сказала Девица, она горы свернет, а эти метры выбьет. У старых большевиков энергия неисчерпаема. Великая энергия рождается для великой цели, сказал Однорукий.

У «Гаваны» стояла длинная очередь. Решили отправиться к Девице. Это рядом. Тем более на закуску пойдут пакеты, полученные по списку в буфете, а выпивон можно закупить в магазине напротив. На сей раз выпивка вышла такая грандиозная, что Ученик первый раз в жизни не смог позвонить домой и сказать, что он уезжает с директором срочно в филиал.

Из «Евангелия от Ивана»

Лил дождь бесперспективно, и мы, конечно, пили.
Проблемки смаковали. О том, о сем шутили.
Мужчинам нынче скверно, сказал один солидно.
Кругом бабья навалом, а женщину не видно.
В России нету женщин. Есть нечто вроде, как бы...
Ну, труженицы, что-ли... Короче, просто бабы.
Иное дело — Запад. Штанишки... Пеньюары...
Раскрой любой журналчик — сплошь их аксессуары.
Для них названий даже не знаем мы доселе.
Не верится, что это там есть на самом деле.
И долго так тянулась беседа-ахинея.
Я пил за стопкой стопку, мрачней, не пьянея.
Потом заметил тихо, что есть тому причины:
Из бабы делать женщин — на то нужны мужчины.

Начальники шутят

Неверно, что наши неменклатурные работники сплошь кретины и мрачные люди. Среди них много умных и веселых. Я занимаюсь сейчас антисоветскими анекдотами. Я уже целый том подготовил на тему о номенклатурном юморе. Вот вам пример. Куда делись мои новые штаны с маршалскими лампасами, спрашивает номенклатурный работник /Нораб/ у жены. Я думала, это мой старый бюстгальтер, говорит жена, и выбросила. Ха-ха-ха! Это добавление «Ха-ха-ха!» обязательно. Оно выражает то, что шутка необычайно остроумная и веселая.

Сказки о войне и мире

Чем ближе к окончанию школы, тем отчетливее обнаруживалось, как говорят теперь знающие пару слов по-английски наши остряки, кто есть ху. С удвоенной силой заплясал в самодетельности один, целую овечку подкинул политруку другой /он втихаря женился на дочери председателя колхоза/, устроился на заготовку дров третий и половину дров распределял по начальству и т.д. В общем, еще задолго до экзаменационных выпускных полетов было известно, кто останется инструктором в школе, кто пойдет в перегонщики /перегонять машины с завода в авиационные школы, запасные полки, на фронт/, кто будет направлен в специальные учебные заведения /политические, инженерные, а то и такие, о коих предпочитают помалкивать/. А среди тех, кто не имел никаких шансов избежать фронта, наметилось расслоение по другой линии. Большинство летало на совесть, рассчитывая все-таки уцелеть, заработать кучу орденов, быстро продвинуться в чинах. Часть же летала спустя рукава, обнаруживала отсутствие способностей к точному бомбометанию и к полетам строем и полную неспособность к ориентировке. Мы уже знали /по рассказам перегонщиков и инструкторов, побывавших на фронте/, что из таких образуются адъютанты эскадрилий, штабные работники, агитаторы политотделов, помощники «особняков» и т.п. А что касается нас, «безнадежников» или «смертников», то нам уже был предопределен средний срок жизни: не более десяти боевых вылетов.

Прошло два дня после той поездки в город. Мы чистили машины после полетов. Прибежал дневальный, сказал Тоне, что его немедленно вызывают «туда». Бегом, а то продуктовая машина скоро отправляется. Тоня спокойно положил тряпку, пошел, но через несколько шагов вернулся. Молча отдал Гизату ножик с наборной рукояткой, отдал Киту широкий офицерский ремень, взяв у него солдатский. И ушел. Просто ушел. И мы его больше не видели. Несколько дней в эскадрилье все молчали. Говорили лишь необходимые служебные слова. Но люди не

способны долго хранить скорбное молчание. Через неделю мы уже жили, как будто ничего не произошло. Только призошла некоторая перегруппировка курсантов. И в самоволки мы ходили уже в иных комбинациях.

Исповедь Самосожженца

Начинались занятия в университете. С меня слетел весь мой прежний житейский опыт. Я снова стал мальчишкой в нелепом помятом костюме довоенного фасона. Мой бывший «комиссар» пришел на занятия в форме, со всеми регалиями. Впрочем так сделали почти все бывшие вояки. Меня приняли за десятиклассника, который «пробился» в университет сразу со школьной скамьи. И я был этому рад. Когда узнали, кто я был, все удивлялись, почему я это скрываю. Я сказал, что я не скрываю, всего лишь не афиширую. Но меня все равно зачислили в чудачки. «Комиссар» стал секретарем бюро курса, затем его выбрали в партбюро факультета. Говорят, что хотели выдвинуть и меня, но комиссар дал кое-какие разъяснения о моем прошлом.

С первой же лекции мне стало скучно. Через месяц я не вытерпел и закатил криминальную речь. Историю хотели замять, но ничего не вышло. Комиссар решил, что время мальчишеских шуток кончилось, и сделал открытый /и, надо полагать, закрытый тоже/ донос. И за этот пустяк я получил десять лет. Как я прожил эти годы, не стоит говорить. Это было подробно описано даже в нашей литературе. Я не могу к ней добавить ни одной новой строчки. Да и дело не в том. Поскольку началась либеральная эпоха, меня без особых затруднений восстановили в университете. Правда, уже на другой факультет, подальше от идеологии, поскольку я не хотел восстанавливаться в партии. Комиссар за это время вырос, защитил диссертацию, стал секретарем парткома университета, а затем скакнул сразу в аппарат ВСП на серьезную должность. Мне передали, что он готов меня принять, побеседовать и даже оказать помощь. Но я на это просто никак не отреагировал. За эти годы я выработал в себе способность относиться к происходящему вокруг меня /в том числе — к людям типа Комиссара/, как к неодушевленной природе.

Пять лет учебы в университете пролетели ужасающе быстро. Любопытно, что я не чувствовал своего возраста и прошлой жизни. Ничего существенного за эти годы в моей жизни не произошло. Потом я устроился в заурядный научно-исследовательский институт младшим научным сотрудником. Твердо сказал себе, что на этом моя научная и всякая иная карьера заканчивается. И решил потихоньку дожить оставшуюся часть жизни, не претендуя ни на что, кроме одного: не делать людям зла. Но реализовать этот замысел мне не удалось даже в течение года. Я, сам того не ведая, оказался причастным к одному из самых гнусных зол нашего времени.

Начальники шутят

Есть другой вариант упомянутой выше шутки. Куда девался мой новый бустгальтер, спрашивает жена у Нораба. Я думал, что это — мои брюки, и велел пришить к ним маршальские лампасы, отвечает Нораб. Ха-ха-ха!

Теоретик

Лицо Старшего Теоретика показалось Доктору знакомым. Поворошив слегка свою незатейливую память, он вспомнил: этот парень посещал когда-то его спецкурс в университете, и Доктор поставил ему за что-то двойку, а вот за что именно, вспомнить уже не мог. У него были сотни студентов, разве всех вспомнишь!

Ну, вспомнили, спросил Теоретик. Ваш спецкурс был на редкость идиотский, между прочим. А двойку вы мне закатили, между прочим, за то, что я назвал работу

«О диалектическом и историческом материализме» непревзойденной вершиной марксизма. Время было еще либеральное, и вы, если мне не изменяет память, всюду носили Вождя-Завершителя. Меня это разозлило, и я попросил вас назвать, что нового внесли наши философы в марксизм сравнительно с этой работой. Времени после «разоблачения» прошло порядочно. Пора бы порадовать мир выдающимися открытиями. Сколько у нас философов? Тысяч двадцать пять есть? И все передовые, творчески мыслящие. Вы это запомнили и срезали меня на экзамене.

Доктор почувствовал себя неуютно и глупо захихикал. Мы же диалектики, сказал он с претензией на шутку. Все течет. В одну и ту же реку... Установки... Вы же член партии, сами понимаете... Я беспартийный, сказал Теоретик. Как, изумился Доктор, в таком учреждении! Более того, сказал Теоретик, я даже не марксист по убеждениям. Не может быть, воскликнул Доктор. Это есть, сказал Теоретик, значит, это возможно. Я уникальный специалист по идеологическим текстам. А это — уникальное учреждение, где такой специалист нужен. Поэтому я здесь. Конечно, помимо воли. А мои убеждения здесь никого не интересуют. Так же, впрочем, как и ваши. Вы знаете, зачем вы здесь? Я надеюсь, вы отдадите себе отчет в своих интеллектуальных возможностях и догадываетесь, что вас пригласили сюда не ради блестящего ума и недюжинного организаторского таланта. А ради чего же, робко спросил Доктор. Ради интресов дела, сказал Теоретик. На всякий случай. Возможно — для маскировки очередной пакости. Слушайте меня внимательно и мотайте себе на ус. Отныне вы будете получать инструкции от Начальника группы. Но составляю эти инструкции в основном я. Итак...

Начальники шутят

Один Нораб пришел к другому в гости, положил шляпу на стул и сел на нее, Послушай, говорит хозяин, головной-то убор надо в помещении снимать. Так я же снял, сказал гость, вот же он. Прости, дорогой, сказал хозяин, я спутал твою жопу и голову. Ха-ха-ха!

Из материалов СППС

Я не склонен рассматривать историю с ИСИ лишь как проявление тщеславия и идиотизма высших властей, говорит Социолог. У нас вздорность и серьезность переплетаются до такой степени, что во всяком вздорном мероприятии можно раскопать серьезную основу, а всякое серьезное дело обрастает вздорной оболочкой. Я согласен, говорит Математик. Рассматривать это дело как реализацию намерения преодолеть некое отставание общественного сознания ни в коем случае нельзя. За этим что-то кроется. Что? Это затея ОГБ, говорит Физик. Затей ОГБ бывают разные, говорит Социолог. Важно узнать, из каких взаимоотношений с прочими звеньями власти она вытекает. Какова там расстановка сил, группировки, взаимоотношения. Одна и та же затея может обернуться липой или бедствием в зависимости от ситуации во власти и в Стране в целом. Они сами там наверняка еще не знают, что именно они затеяли, говорит Сотрудник. И тем более не могут знать, во что это выльется. Так что выяснять тут нечего. Нам самим надо проделать за них работу по обдумыванию и сделать прогнозы, говорит Математик. И потом явный результат представить как их тайную цель. Ну и общество! Вот именно, говорит Философ. Так что вернемся к началу. Я думаю, что эту затею можно рассматривать и как намерение преодолеть отставание общественного сознания. Но не только. Ее можно рассматривать и иначе. Например, как способ разделаться с диссидентами, укрепить трудовую дисциплину, замаскировать кризис, займет рабочую силу для отдаленных и скверных мест и т.д. Тут, очевидно, скрещиваются интересы многих лиц и организаций. И каких! Это лишь для страдающих дело выглядит как единый замысел некоей мрачной силы. В действительности никакого единства там

нет. Есть мешанина целей и действий, совокупный результат которой мы еще должны предугадать. Ты прав, мы представим наш прогноз как замысел этих безмозглых идиотов. Но мы-то для себя должны понимать, что это — только литературный прием. Хорошо, говорит Математик. Так что же еще? Отчет Бородатого интересен, но односторонен. Он, по-моему, увлекается чисто научным аспектом дела. У меня есть некоторые соображения, говорит Сотрудник. Документы достать трудно. В связи с утечкой информации усилили охрану. Но я что-нибудь придумаю. Лагеря, спросил Математик. Нет, ответил Сотрудник. Источник неожиданный. К нам для обработки поступили материалы Социально-психологической Лаборатории при МВД. Кстати, мы все время говорим об ОГБ, оставляя в тени не менее важную систему МВД. Материалы любопытные. С человеческими психическими состояниями дело обстоит так же, как с продуктами питания. Ситуация с продовольствием вам известна. Поднять сельское хозяйство так, чтобы оно полностью обеспечило Страну продуктами питания, невозможно. За счет Запада долго не протянешь. Да это и накладно. Из-за этого приходится за границу выпускать, известных оппозиционеров не сажать и т.п. Выход — искусственные продукты питания. Химия. Вы должны это давно заметить своими желудками, головными болями, общим скверным состоянием. Так и с человеческой психикой. Общество не может уже обеспечить людям в течение всей их жизни нормальное отправление психических функций. Демагогия, дезинформация, обман, запугивание, идиотская пропаганда, бездуховное лживое искусство, очереди, толкучка, дефицит, тревоги за детей и т.п.,- все это не проходит даром. Складывается определенный тип индивида с социально-психологической точкой зрения. Лаборатория МВД провела исследование в этом направлении по всем канонам науки. Исследование грандиозное. Результаты не подлежат сомнению. Мы еще не обработали их полностью. Но предварительные данные уже есть. А какое это отношение имеет к ИСИ, спросил Физик. Мой шеф, сказал Сотрудник, назвал работников этой лаборатории идиотами. Он сказал, что они ломятся в открытую дверь, что в ИСИ уже многое сделали по преодолению дефицита естественных позитивных состояний психики. Он сказал, что препараты, создающие состояние веселости, уверенности, спокойствия и т.д., уже испытываются в массовом порядке. Где? Может быть, и мы уже... Не могу верить, говорит Математик, чтобы они там придавали значение каким-то душевным состояниям людей. Но на людей им наплевать. Но они же затеяли эту ликвидацию отставания, говорит Философ. Это идеология, говорит Математик. А то, о чем я сейчас говорил, экономика, говорит Сотрудник. От стабильного психического состояния людей в колоссальной степени зависит производительность деятельности. Значит, идея преодоления отставания сознания не такая уж дурацкая, говорит Философ. Что же, говорит Математик, это дело, выходит, достаточно серьезное. Нужны цифры, документы, убедительные аргументы. Займись этим!

Начальники шутят

Ты слышал, сказал один Нораб, этот болван будет совмещать два поста. С такой задницей он и на трех стульях не поместится, сказал другой. Ха-ха-ха!

Сказки о войне и мире

А тогда тот человек из Округа долго выпрашивал о наших житейских пустяках, шутил, угощал папиросами. Потом неожиданно положил передо мной листок со стихотворением. Я его сразу узнал. Отрывки из него я помню до сих пор.

Мы страницы листали,
И с шершавых страниц
Слово страшное «Сталин»

Повергало нас ниц.
И от вечного страха
Только гимны о нем,
Встать не смея из праха,
Пели мы день за днем.

Я узнал и почерк, каким оно было написано: это был почерк Кита. Теперь тебе все ясно, спросил Человек из Округа. То-то! От нас ничего не скроешь. Так что давай выкладывай все начистоту. Вот тебе бумага, ручка... Сиди, пиши спокойно. Я через час зайду...

Начальники шутят

Для меня, говорит Нораб, женщина начинается лишь с восьмидесяти килограмм. Причем она должна выглядеть на двадцать килограмм легче, чем весит на самом деле. Ха-ха-ха!

Успех

По праздникам Генерал одевает парадный мундир, увешивается орденами, и его возят в какое-нибудь учреждение /согласно распределению горкома партии/ сидеть в президиуме, приветствовать, поздравлять, вручать, делиться воспоминаниями. Академик, увидев однажды сверкающее орденами необъятное пузо Генерала, сказал, явно сгорая от зависти: и за что только этому чурбану дали столько наград?! Как за что, возмутился я, он же командовал войсками при взятии Н. Как могли этому болвану доверить командование войсками, не унимался Академик. Войсками командовать, сказал я, это не книжки сочинять. Тут образование не нужно. Опыт нужен. Воля. Преданность. Приказано взять — возьми любой ценой. Умри, но возьми. А вот вам, ученым, даже взвод командовать нельзя доверить. У вас кишка тонка для этого. Хлипкость преобладает. Либерализм что ли. Гуманизм там всякий. А тут рука твердая нужна. Почему же нам нельзя доверить командование, обиделся Академик. Я вот институтом руководил, и не маленьким, союзного значения. Подумаешь, институт, сказал я. Институт не больше батальона. А тут, знаете, какой масштаб? Войска! Знаете, сколько тыщ он положил за этот Н.? То-то! Тут масштаб не тот. Академик бормочет о неоправданных потерях. Где он этого начитался? Было, конечно. Но в самом начале. Потом сразу исправили. А где он сам в это время был?

Академик постоянно злоупотребляет научными и иностранными словечками. Когда увлекается, начинает говорить нараспев и слишком громко, намеренно привлекая к себе внимание прохожих. Это тоже действует неприятно. А в остальном он хороший собеседник. Он понимает ход моих мыслей и обычно соглашается. Живет он с дочерью и зятем. Дочь — страшная и неприятная женщина за сорок. С приветом, как говорит моя жена. Зять — молодой парень лет тридцати, с бородой, с гонором и себе на уме. Ядовитый и противный парень. Но его прогрессивность не мешает ему жить за счет тестя, пользоваться его квартирой и дачей. Кстати, о даче...

Сказки о войне и мире

С этой новой /конечно, великой и гениальной/ конституцией Они Там, видать, совсем взбесились, говорит Сын. Каждую неделю нас собирают обсуждать проект. Заставляют поправки и дополнения выдумывать. Один остряк предложил внести в конституцию статью, обязывающую уступать место старшим в общественном транспорте. Тошнит от всего этого. А ты возьми и скажи об этом, говорю я. Ты что, маленький, говорит Сын. К тому же это все спектакль, сплошное

пустозвонство. Мы в свое время тоже думали, что это спектакль, говорю я. И многих тогда тоже поташнивало. Но, между прочим, после принятия той конституции вскоре начался тридцать седьмой год. Тогда была трагедия, а это — фарс, говорит Сын. Трагедия сначала всегда воспринимается как фарс, говорю я, ибо всегда для нее находится предшествующий образец, который кажется подлинной трагедией. Ты становишься философом, говорит Сын. Станешь, говорю я. У нас намечается разоблачение группы, занимавшейся антисоветской пропагандой, а может быть, и того похуже — антисоветской деятельностью. Это как вышестоящие инстанции решат. После принятия новой конституции им за нанесение ущерба авторитету нашего государства могут законно влить большие сроки. Так что у этого фарса есть далеко идущие практические намерения. Ошибка Сталина ведь заключалась не в репрессиях как таковых, а в нарушениях законности. Теперь, если нечто подобное начнется в ощутимо широких масштабах, это будет уже законно. Не преувеличивай, говорит Сын. Теперь не те времена...

Начальники шутят

Сколько раз ты делаешь это дело с бабами за одну ночь, спрашивает один Нораб у другого. За кого ты меня принимаешь, возмущается тот. Спроси у моего помощника. Я даю лишь общие установки, а он занимается разработкой деталей. Ха-ха-ха!

Из сочинений Члена

Общепризнано в среде нашего мудрого и любимого начальства и всего холуйствующего перед ним прогрессивного человечества, что мир строго делится на две части: 1/ мы; 2/ все остальное. Мы являемся средоточием всего наилучшего. По всем добродетелям мы превосходим всех. Во всех выдающихся делах мы опережаем всех. Ничего плохого у нас нет. А если и бывает, то в порядке исключения. Пережитки прошлого в сознании или тлетворное влияние Запада, с которым мы пока вынуждены считаться. До поры до времени, конечно. Из чисто гуманных соображений. Причем, с недостатками мы боремся и преодолеваем их сразу же, как только замечаем. Вот, к примеру, заметили наши высшие руководители... Именно они сами, вот что значит видеть дальше всех, обладая передовой теорией! А они-то на этой теории собаку съели. Как?! Неужели уже и собаку съели?! Тьфу, прости господи,... твою мать! Это я фигурально. Так вот, заметили наши руководители, что мяса нет и не предвидится. И с картошкой худо. И даже с хлебом не очень-то того... И что же вы думаете? Тут же честно признали: успехи с продовольствием у нас грандиозные, но все же не такие, как ожидали, темпы роста на ноль целых и хрен десятых меньше. В общем, намеченное перевыполнение мы перевыполнили, но темпы роста перевыполнения превысили старые не настолько много, как должны были бы... Погода помешала... И пришлось помогать... К тому же клеветники... Признали честно и мужественно. И тут же в две недели преодолели. Собрали пленум. Ударили постановлением: увеличить производство продуктов питания втрое... Нет, в пять раз! И сразу в народе подъем необыкновенный. Поток писем трудящихся. Встречные обязательства. Рапорты. Награды. Одних Героев Труда полторы тысячи. Клеветников и паникеров, конечно, убрали. Народ потребовал. Одним словом, мы!

Все остальное. Тут дифференцированно подходим. Мы их делим пополам: 1/ те, кто с нами, в крайнем случае — не мешает нам делать наше прогрессивное дело; 2/ те, кто против нас, включая тех, кто не помогает нам делать наше прогрессивное дело или помогает, но не очень рьяно или себе на уме. Последних мы особенно не любим, потому как если уж ты взялся помогать нам или хвалить нас, так уж делай это от чистого сердца, чтобы мы довольны были. А мы в меру заслуг твоих перед

нами сами наградим тебя и даже некоторые послабления пообещаем. Свой путь разрешим. Под нашим контролем, конечно. Вот мы какие! А о тех, кто против нас, и говорить не стоит. Откройте любую нашу газету, и вы сами увидите, какие они там все бяки и как там у них плохо. Пока они нам кое в чем нужны, это верно. Хлеб, например, у них купить. Иначе ихний фермер /трудящийся, как-никак!/ разорится. И девать им этот хлеб все равно некуда. Так что поддержка им от нас явная. А главное — мы им путь освещаем. Так что тут с умом подходить надо. Но в общем, мы их скоро того... к ногтю. Давно пора. И так слишком зажились. Мы им времени одуматься достаточно дали. Согласно нашей передовой теории их даже уже не должно было бы быть. И беспокойство от них для нас лишнее. Джинсы всякие, транзисторы, «Голоса». Ну, а с теми, кто с нами, мы расправимся сами. Это для нас не проблема. Тут у нас опыт имеется. И теория здесь развита предостаточно.

Но в одном пункте наша передовая теория до сих пор мало разработана. До сих пор этот пункт оставался на заднем плане. Теперь же наше неудержимое движение вперед к коммунизму выдвигает его на передний план. Этот пункт — заблаговременное распознавание и предупреждение возможных помыслов и действий, направленных против нашей Партии и Государства или даже только отклоняющихся от генеральной линии Партии на данном этапе нашего Победоносного Шествия на пути к окончательной и бесповоротной победе коммунизма.

Замечание на полях рукописи

Этот шизофреник попал в самую точку: с инакомыслием и инакодействием надо бороться не как с готовым и явным явлением, а как с потенциальным и скрытым, а еще не начавшимся. Можно, кстати, ввести особый термин, более точный, чем термин «диссидент», а именно — «инак». Каково?! И вообще пора разработать терминологию и классификацию для всякого рода актуальных и потенциальных явлений недовольства. Без этого невозможно разработать теорию борьбы с инаками. Инакология! Теория борьбы с инакоманией! Новая наука! Но об этом молчок. Вот на этом, пожалуй, можно сделать карьеру.

Сказки о войне и мире

После окончания школы мы сначала попали в запасной полк. Здесь мы получили машины, на которых полетим на фронт, воздушных стрелков, несколько дополнительных полетов на полигон и по маршруту. Затем дали несколько тренировочных полетов примерно в том виде, как нам придется летать на фронте. Так что когда мы разлетелись по фронтовым полкам, мы буквально через два-три дня по прибытии могли лететь на боевое задание. И вообще я должен сказать, что к тому времени, как я сел в самолет для первого боевого вылета, наша авиация уже начинала работать с педантичностью налаженной бюрократической машины. Где-то изготовлялись самолеты, летчики, стрелки, механики. Они растекались ручейками по многочисленным полям боев, где они методично взрывались в воздухе и врзались в землю, предварительно перевезя на линию фронта столько-то тысяч бомб и выпустив там столько-то тысяч снарядов.

От запасного полка в памяти остались опять-таки только выпивки, бабы и хулиганские выходы во время полетов /при индивидуальных полетах на полигон мы считали, например, своим долгом пройтись бредущим над рынком в большом селе неподалеку и пострелять в крест брошенной церкви/. Может быть, еще процедура выбора воздушных стрелков. Она вообще заслуживает внимания сама по себе. Это — выбор человека, с которым приходится связывать судьбу буквально насмерть. И потому тут ошибок почти не бывает. Тут выбор взаимный. Стрелки

сами намечают себе будущих командиров в зависимости от своих характеров и стремлений. И затем они ведут себя так, чтобы их будущие командиры обратили на них внимание. Иногда это делается прямо: подходит стрелок к летчику и просит взять его к себе в экипаж. Но чаще это получается как-то само собой, естественно. У Кита и Гизата вообще проблемы не было: среди стрелков был всего один грузин, а татары /их было пять человек/ поругались между собой и «выделили» Гизату верзилу в два раза больше его. Верзила тут же привел в порядок сапоги Гизата, достал где-то ему широкий ремень и кожаную кобурку для пистолета, пришел целлулоидный белый подворотничок к гимнастерке. Его командир должен выглядеть настоящим офицером! Мамалыга зашел в землянку к стрелкам и завел треп, от которого землянка тряслась от хохта. И, само собой разумеется, первый хохомач среди стрелков ушел вместе с ним к самолету. Макаров безошибочно унюхал такого же, как он сам, ехидного и молчаливого «интеллигента». Не могу до сих пор понять, как Особый отдел проглядел Макарова? Почему они предпочли Тоню? Их критерии отбора и принятия решения для меня остаются неразрешимой загадкой. А может быть, вообще все зависело от того, поступил донос в виде неопровержимой бумажки или нет. Ибо именно наличие такой бумажки тогда было неопровержимым документом. Ибо в таких бумажках, насколько мне стало известно от многих людей потом, почти всегда содержалась правда. Суть того времени состояла не в том, что карали «ни за что», а в том, что карали именно «за что», но это «что» было таким, что теперь без ужаса нельзя думать, как могли за такое вообще карать. Ужас того времени заключался в самом понятии виновности и в самом механизме отбора виновных.

Я своего будущего стрелка узнал с первого взгляда. Это был здоровый, спокойный, шеголевато одетый парень. В хромовых сапогах, синих брюках, фуражке с «кравбом». А главное — со «звездочкой» /орденом «Красная Звезда»/ и медалью «За отвагу». Он летал на «пешке» /тип пикирующего бомбардировщика/, был ранен, попал сюда после госпиталя. Стрелком он оказался классным. Я похвалил его. А я жить хочу, сказал он, и потому мой пулемет не должен иметь задержки, а бить я должен без промаха. На фронте я не раз благодарил судьбу, что она послала мне такого стрелка. Но близкой дружбы, как это бывало обычно в экипажах, у нас не получилось. При первой же возможности он бросил меня — ушел стрелком к командиру полка. Там почетнее и безопаснее. Хотя я не могу сказать, что он был трус. Он был далеко не трус. Был... Погиб он нелепо. В конце войны мы базировались всегда вплотную к линии фронта /чтобы чаще вылеты делать и подальше в тыл к немцам летать/. Однажды, пока мы летали на задание, немцы захватили аэродром, перебили всех, кого поймали. Мой бывший стрелок спрятался в нужник. Там его и пристрелили. И сунули головой вниз в дырку.

Начальники шутят

Что делать с А, спрашивает Нораб. Пошлем его на х..., говорит другой. И они назначили А послом в Китай. Ха-ха-ха!

Исповедь Самосожженца

Наша лаборатория занималась исследованием высшей нервной деятельности животных. Номинально заведовал ею известный старый ученый /Старый/, но фактически руководителем и душой исследований был молодой и чудовищно одаренный /как говорили о нем в кулуарах/ парень лет на двадцать моложе меня /Молодой/. Все понимали, что из себя представляет Старый. Если собрать все его двадцать книжек и двести статей, говорили молодые /и, естественно, талантливые/ сотрудники, и основательно отжать их, то останется на маленькую серенькую статеечку для популярного журнала. Я тоже сначала разделял это мнение. Потом

начал возражать из духа противоречия. Старый был хороший добрый человек, терпимый, заботливый, совсем не тщеславный, работать никому не мешал. Я перечитал все его работы. Однажды, когда возник очередной треп на эту тему, я сказал примерно следующее. Мы несправедливы к Старому. Мы просто не учитываем того поворота в жизни и в мозгах людей, который произошел в последнее время. Старый сложился в ученого и добился крупных результатов /не зря же он имеет мировую известность! / в то минувшее время, когда наша наука имела гуманистическую ориентацию. Или, скажем, психологическую. А кто мы теперь? Боюсь, что мы не столько физиологи /я уже не говорю о психологии/, сколько химики и физики, упражняющиеся на материале физиологии. Но назовите мне хотя бы один общий вывод из наших ультрасовременных экспериментов, который не содержался бы в работах Старого в виде идеи, очевидной истины или гипотезы!

Сослуживцы, пресмыкающиеся перед Молодым /Старого, очевидно, скоро на пенсию выгонят/, возненавидели меня за такие речи. Бог мой, что они только не выдумывали обо мне! Даже провокации и подлоги устраивали, чтобы подвести под увольнение. Странно, Старый меня совсем не защищал, хотя до него доходили слухи о моей позиции, я это знаю. Скорее наоборот. Он боялся, что его обвинят в поддержке «подхалима». А он был довольно трусоват, этого у него не отнимешь. Спасло меня мое «героическое» прошлое и то, что я был добросовестным работником. Сам Молодой не раз признавал, что он полностью доверяет только тому, что делаю я. А прочих он открыто ругал халтурщиками и жуликами. Они в ответ подобострастно хихикали. А между собою говорили, что Молодой — хам, но ученый настоящий. Не то, что Старый. Лишь потом мне стала понятна причина их неприязни к Старому: это была неприязнь ничтожеств к крупной личности. А Молодой был им соразмерен. И раздували его только потому, что он на самом деле был лишь по видимости талантлив. Открылся мне и секрет плохого отношения Старика ко мне: ему внушили, что я — стукач, специально приставленный к нему. Он в это поверил, хотя я не предпринимал никаких шагов, чтобы сблизиться с ним.

Я собрался добровольно уйти из лаборатории и стал приглядывать подходящее место. Но в это время в деятельности нашей лаборатории обнаружился аспект, который меня заинтересовал. Вернее — два. Один — личный, другой — научный.

Начальники шутят

По-моему, говорит один Нораб другому, колхозникам надо увеличить зарплату вдвое. Сколько они получали? Ни х.., говорит другой Нораб. Прекрасно, говорит первый, тогда увеличим в десять раз. Ха-ха-ха!

Первоапрельские шутки

Первого апреля газеты опубликовали сводку Центрального Статистического Управления о том, что годичный план сверхдосрочно перевыполнен уже в первом квартале по всем показателям. Особенно больших успехов Страна добилась в сфере производства продуктов питания, потребление которых возросло сравнительно с прошлым годом вдвое. Первоапрельская шутка, заметил по сему поводу один младший сотрудник в компании сослуживцев. Последние усмехнулись, сплюнули, махнули рукой, пожали плечами. Всем было ясно без слов и не стоило разговора. Но во всякой шутке есть доля истины, не унимался остряк. В одном мы действительно выполнили за квартал: сожрали все продукты, которыми нас собирались кормить целый год. Сослуживцы опять смолчали и на всякий случай разошлись по своим рабочим местам. Они знали, что чем больше у нас трубят об успехах, тем хуже реальное положение. И только идиоты и проходимцы могут рассчитывать на улучшение. А шуточки их коллеги по меньшей мере неуместны. Не то сейчас время, чтобы шутить.

Сводку должны были опубликовать в конце марта, но произошли непредвиденные события в связи с продовольственными затруднениями и повышением расценок /читай: снижением зарплат/. Слухи о событиях попали за границу. Вождю пришлось ехать в родной город, везти с собой вареную колбасу для трудящихся, распоряжение оставить расценки прежними. И, конечно же, произносить речь. Речь напечатали в газетах. На другой, и на третий, и на четвертый день печатали отклики на речь как внутри Страны, так и за рубежом /по принципу: вся мировая печать уделяет огромное внимание речи Вождя; так, из Софии сообщают; газета Монгольской Народной Республики...; газета «Унита»...; газета.../. И как-то незаметно сводка сместилась на первое апреля. Начальник ОГБ сказал, что всякого рода мерзавцы будут острить по этому поводу. Идеолог с удивлением помотрел на него. Вождь сказал, что мерзавцев надо в чувство приводить. И в ночь с первого апреля на второе все «остряки», высказывавшиеся по поводу первоапрельской шутки высшего руководства, были изолированы от остального общества, равнодушного к сводке, острякам и их изоляции. Заодно взяли множество лиц, заранее намеченных к этому, но в свое время оставленных на свободе впредь до подходящего момента. Изолированных оказалось довольно много. На местах не знали, как с ними быть, и запросили инструкции. Инструкции были заготовлены давно, но для введения их в действие требовалось специальное решение верхов. Но никто не хотел брать ответственность на себя. Местные власти сетовали на бюрократическую волокиту верхов, но боялись проявить инициативу. Руководители Великих Строек требовали людей. Наконец, на секретариате ВСП решили эту партию передать в распоряжение ИСИ.

Начальники шутят

Вызвал Нораб одного писателя. Что же ты, сукин сын, написал в своей книге, что трудящиеся не получили ни шиша, сказал он. Надо исправить. Я с удовольствием, сказал писатель. Но как? Ну, напиши, что они получили шиш. Ха-ха-ха!

Идеология

Идеолог: Наша идеология состоит из учения о мире, учения о человеке как познающем существе, учения об обществе и о человеке как социальном существе, учения о будущем.

Ученый: Учение о мире дают опытные науки. Учение о познающей деятельности дают логика, методология и история науки, математика, теоретические разделы ряда наук и т.д.. Учение об обществе дает социология, социальная психология, этика, эстетика и т.д. Проблемами будущего занимаются планирующие и прогнозирующие организации. Чем отличается идеология от этого?

И: Целью, содержанием, способом изложения. Цель идеологии — организация сознания людей во имя самосохранения общества. О содержании мы будем беседовать ниже специально. По способу изложения идеология имеет свой язык, отличный от языка науки. Так, язык науки профессионален, язык идеологии общедоступен. Наконец, способом навязывания людям.

У: Насилие? Вам, конечно, известно, что большинство населения относится к вашей идеологии с презрением. И изучают ее только потому, что заставляют.

И: Все это так. Но мыслите ли вы себе ситуацию, когда такого навязывания идеологии не будет? Нет? Значит, примем это как данный факт. Но дело не в этом. Насмешки и презрение еще не есть признак отсутствия идеологии или ее отрицания. Важно, как люди ведут себя в той или иной ситуации. А при этом обнаруживается

следующее. Даже не обученные насильно нашей идеологии люди почти всегда в идеологических ситуациях поступают так, будто они эту идеологию изучали и приняли ее добровольно. Наша идеология навязывается людям стихийно самим строем жизни. Тут надо различать исторически привнесенную внешнюю фразеологию и имманентную суть дела.

У: Если идеология ваша рождается имманентно, зачем же ломать голову над грандиозной системой идеологического насилия?

И: Стихийно и имманентно рождается только потребность в идеологическом оформлении своей деятельности. Что же касается объединения этого в масштабах общества и профессиональной обработки, то это — исторически данный факт. Это сложилось, повторяю, и есть.

У: Что вы имеете в виду, говоря об имманентном продуцировании идеологических явлений в самом строе жизни?

И: Например, ученый, занимающийся исследованием элементарных частиц, убежден в их реальном существовании. Всякий человек способен заметить, что его жизнь зависит от производительных сил общества, что Партия — руководящая сила общества и т.п. Идеология не есть ложь. Она не есть истина в научном смысле. Но она и не ложь. Она имеет реальные основы.

Начальники шутят

Ты знаешь, чем отличается наш Вождь от осла, спрашивает один Нораб. Как ты можешь такое говорить, возмущается другой. Ну, ладно, говорит первый. Пусть ничем. То-то, говорит второй. Ха-ха-ха!

Жизнь идет

Ранняя осень. Светит солнце. Небо такое, что становится нестерпимо грустно. На центральных улицах потоки машин и людей. Многие хорошо одеты, выглядят сытыми и здоровыми. Много красивых модно одетых молодых женщин. Много сильных молодых мужчин с умными лицами. Жизнь! Здоровье! Довольство! Красота! И чего нам нужно?! И из-за чего мы рыпаемся?! Но одна банальная мысль не выходит из головы: неизбежными спутниками жизни, здоровья, довольства являются смерть, болезни, возмущение. Где они? Их не видно, но они где-то должны быть. Где? Очень просто. Выбери наугад какого-нибудь из этих благополучных людей и посмотри, что из себя представляет его другая, более глубокая, а не та улично-прекрасная жизнь. Узнай, насколько она адекватна этой вот синесолнечной картине этой минуты. Торопись! А то солнце вот-вот скроется за бог весть откуда взявшиеся серые облака, а небо превратится в грязную тряпку с черными дырами. Вот, допустим, выбери этого парня. Ему не больше тридцати. Здоров. Красив. Девчонки на него оглядываются. Какие на нем великопленные брюки! Явно заграничные. Может, сам привез оттуда. А может, из-под полы за бешеные деньги отхватил. Это тоже любопытно выяснить, пригодится на будущее. Вот и топай за ним! Хотя, стоп! А вдруг он иностранец? Теперь многие наши выглядят так, что их от иностранцев не отличишь. Все в порядке. Продолжай наблюдение! Молодой человек попал левой ногой в выбоину тротуара, заполненную жидкой грязью, испачкал свои роскошные брюки и сказал наше традиционное: «... твою мать! На Марс летаем, а тротуар починить не можем!» Значит, наш.

У площади Вождя-Основателя молодой человек спустился в метро, в тесной толпе пробился к эскалатору, втиснулся в битком набитый вагон и помчался в направлении кооперативного района, в котором живет преимущественно интеллигенция. Считай, что тебе повезло. Это — почти что привилегированный

район. Выйдя из метро, молодой человек направился к новому высотному дому. У подъезда он увидел черную «Ласточку», но не придавал этому значения: последнее время их развелось столько, что их даже замечать перестали. Нажал кнопку скоростного лифта и... выругался примерно так же, как тогда, в центре города. Лифт не работал. Из самодельной будки, встроенной между лифтом и мусоропроводом, вылезло существо невообразимого вида. Откуда такие берутся, подумал молодой человек, склонный к юмору. После революции прошло почти сто лет, а такие исчадия все не переводятся. Чо жмешь, сказало /вернее — прохрипело, пролаяло/ существо. Чо, жмешь, те ховорять?! И жметь! И жметь! Интилихенцыя! Не видишь — ремонт. Какой ремонт, изумился молодой человек. Дом только что заселили. Те сказано, ремонт, настаивало на своем существо. Не ламай машину! А ышо абразованье! Ну и народ!

Выдав свою привычную порцию ворчания, существо залезло в свою будку. Молодой человек запрыгал через ступеньки на девятый этаж, понося наши порядки не столько от души, сколько в силу привычки и из чувства юмора. Речь лифтерши напомнила ему последнюю речь Вождя во время его визита в Париж. Ну а эти исчадия откуда берутся, рассмеялся молодой человек. Он вспомнил, что три недели назад выключили горячую воду. Согласно объявлению — на два дня. И не включают до сих пор. Жильцы написали петицию районному начальству, но безрезультатно. Наладили делегацию в горсовет. Ответственное лицо продержало делегатов три часа в коридоре. Вы у меня не одни, брезгливо сказало Лицо, не взглянув на делегатов. Дойдет до вас очередь, разберемся. Примем меры.

Молодой человек прыгает по лестнице, считая этажи /как бы не промазать!/ и похихикивая над нашими порядочками. Любопытно, а при полном коммунизме лифты ломаться будут? А трубы с горячей водой? Может быть, нет. Но наверняка что-то другое будет. Интересно, что? И будет ли интеллект Вождей хоть в чем-то превосходить интеллект лифтерши? Вот молодой человек остановился перед дверью, обитой, как и все прочие двери на площадке, дерматином. Обивка обошлась в полсотни. Это почти треть зарплаты кандидата наук. Хорошо еще гонорар за брошюру заплатили. Брошюрка, конечно, шивая. Стыдно. Но что поделаешь, надо привыкать. Иначе не пробьешься. И гонорар-то грошовый. Только и хватило на обивку двери и вот эти шикарные штаны. Тьфу, ... твою мать! Опять придется в химчистку отдавать. А там или испортят совсем, б...и, или прочистят больше месяца. А в чем это время ходить? Впрочем, почему «или»? И прочистят месяц, и испортят. Брюки приятель купил во Франции /почему все-таки его выпускают?!/. Приятель называется! Там копейки заплатил, а тут содрал больше, чем в комиссионном.

Молодой человек входит в квартиру. Настроение его портится. Жена сейчас устроит сцену. Просто так, без всякого повода. Раз дело пошло к разводу, любой пустяк становится поводом. Даже тараканы. Что я ей, Царь-Бог что ли, с тараканами воевать?! А развод — значит, опять квартирная проблема. Сколько мы угрожали на этот кооператив! И теперь опять! С ума можно сойти. Нет, с разводом надо подождать. Подзатянуть. Сделать вид. Примириться. В общем, сейчас не время. Но на сей раз жена промелькнула на кухню, не сказав ни слова. Молодой человек вошел в комнату. Два незнакомых мужчины поднялись ему навстречу. Один из них /невысокий, коренастый, курчавый и т.п., в общем — как из последнего телефильма о нашей славной разведке и контрразведке/ вынул из кармана маленькую книжечку в темно-красном переплете и молча показал ее молодому человеку. Нам надо побеседовать с вами, сказал он. Докатился, мерзавец, услышал молодой человек голос жены, выходя из квартиры. Хотя бы о дочери подумал!

Начальники шутят

Наш Вождь на фронте был, но воевать ему так и не удалось, говорит один Нораб. Как так, удивляется другой. Когда противник узнавал о его прибытии на данный участок фронта, он думал, что Вождь закатит очередную речь, и в панике отходил на заранее подготовленные позиции, говорит первый. Ха-ха-ха!

Выбор

Пойми же, говорит Она, жизнь-то все равно идет. Не надо сгущать краски. Смотри — дети, родители, мальчики, девочки, любовь, смех, радость, музыка... Это же все есть, остается. Конечно, говорит Он. А ты думаешь, в кибитках чингисхановских орд не было детей? Опричники Ивана Грозного не веселились? В гостиных гитлеровских палачей не слушали Бетховена, не читали Гете? И у Сталина были дети. И Ленин слушал «Аппassionату». А радости и шуток в кругу сталинских подручных было ой-ой сколько! Дело же не в этом. Есть характеристические признаки общества и его членов. Какие? Например, ты не решаешься не то что осудить, но лишь публично не одобрить введение наших войск в дружескую страну и подавление ими справедливых выступлений рабочих этой страны. Что будет? Тебя единогласно осудят за это твои сослуживцы. От тебя отвернутся старые друзья. Они про себя в душе тоже не одобряют эту акцию наших властей, и все-таки... А что поделаешь, говорит Она. Ничего, говорит Он. Я лишь привожу пример. Ты просто делаешь выбор: ты вместе со всеми одобряешь действия властей, зная, что будет, если ты не присоединишься ко всем. Это характеризует тебя и общество по существу. Именно это, а не цветочки, деточки, шуточки и прочее. Выбираем не мы, говорит Она. За нас выбирают, а нас не спрашивают. Чушь, говорит Он. Выбор мы делаем сами, лишь сваливая на что-то иное. Вот отбери некоторую совокупность таких характеристических признаков, посмотри с этой точки зрения на это общество и ты увидишь, что оно преступно. Пусть счастливо, но все равно преступно. Так не бывает, говорит Она. Это есть, говорит Он. Не только страна отдельная в целом, но даже целый отрезок всего человечества может оказаться преступным. Выбирая, мы становимся сами соучастниками преступления. Ну, если встать на такую позицию, говорит Она, то весь процесс выделения человека из животного мира преступен. Но тогда человек выделялся из животного мира и выделялся в человека, говорит Он. А из кого выделяемся мы и во что выделемся мы?

Начальники шутят

Как звали одноглазого русского полководца, который Наполеона разбил, спрашивает один Нораб у другого. Кутузов, отвечает другой. А английского одноглазого адмирала, который тоже Наполеона бил, спрашивает первый. Нельсон, отвечает другой. А одноглазого еврейского полководца, который арабов бил, спрашивает первый. Даян, отвечает второй, но зачем это тебе нужно знать? Я вот думаю, говорит первый, а что если нашему министру вооруженных сил один глаз выбить?! Ха-ха-ха!

Сказки о войне и мере

— Не пойму,— говорит Сын,— почему наши правители берут на себя ответственность за преступления предшественников. Признали бы их, очистились бы и начинали бы с чистыми руками...

— Что начинали,— говорит Жених.— Новые пакости?

— Брось,— говорит Дочь.— Улучшения произошли и происходят.

— И при Сталине были какие-то улучшения,— говорит Жених.

— А что думает наш доморощенный философ,— спрашивает Сын /так он в насмешку теперь именует меня/.

— Когда тебя еще на свете не было,— говорю я,— один хороший человек писал:

Мы незримыми нитями с прошлым повязаны.

Эти нити не рвутся. Им все нипочем.

Одному ими жертвою быть преуказано,

А другому дозволено быть палачом.

И не могу понять их таинственной мощи.

И так будет вовеки, считают подчас.

А ведь тайна-то их репы пареной проше:

Эти нити мы сами сплетаем сейчас.

— Ну и где теперь тот хороший человек?

Начальники шутят

Ну, спрашивает Нораб, чем ты отделался? Намылили шею, отвечает другой Нораб. Легко отделался, говорит первый, а мне вот хуже пришлось: мне дали по шее. Это еще по-божески, говорит второй. А вот А получил в шею, а В — взащей. Ха-ха-ха!

Успех

С дачей меня тогда надули: отобрали. Но в порядке коменсации мне дали отличный участок недалеко от города и безвозмездную ссуду на постройку дома. Если бы я оставался на прежнем посту, на такую ссуду можно было бы два дома построить, так как я все необходимое имел бы по государственным ценам, т.е. за гроши. А теперь пришлось покупать все у леваков, т.е. втиридорога. И тут я пожалел, что своевременно не занялся своей дачей /помимо казенной/, на имя жены. Я не ожидал, что меня отставят. Это моя ошибка. Мой преемник, еще будучи моим помощником, ухитрился отгрохать дачу на имя матери, потратил он на нее тысячу десятых, а сейчас она оценивается в сто пятьдесят.

Однако у меня сохранились некоторые полезные прежние связи. Плюс к тому меня включили в комиссию по оценке иностранных автомашин, сдаваемых на продажу в комиссионные магазины. Включили, конечно, по решению горкома партии. Это партийное поручение открыло мне путь к власти не менее значительной, чем прежний пост, но совершенно не обременительной и безответственной. Уже через пару месяцев трудно было назвать влиятельное лицо в городе, к которому я не имел бы доступа. Номинально /по официальной должности/ это все лица второго и третьего сорта /заместители, помощники, секретари, референты, кладовщики, завхозы и т.п./, а фактически, в чем я убедился, это обладатели реальной несокрушимой власти общества. Только теперь я начал понимать, что ранее я имел все свои жизненные блага исключительно за призрак власти, прикрывающий собою власть в собственном смысле слова. Мне платили за то, что я не мешал властвовать фактическим хозяевам. От меня, можно сказать, откупались. Мне предложили пост председателя оценочной комиссии. Но я отказался. И правильно сделал. В качестве рядового заслуженного члена я значил бы больше. Председатель комиссии /кстати сказать, бывший секретарь обкома партии/ уже через полгода ходил передо мной на задних лапках. Вот тогда-то я и начал строительство своей дачи. Ссуда, конечно, пригодилась. Но она ушла вся на поллитровки шоферам, сторожам, рабочим и прочей мелюзге. Что же касается материалов и самого строительства, на это не пошло ни копейки. Многие даже в долгу у меня остались. При этом я ни на йоту не вышел за рамки законности. И я пришел к выводу, что наши законы суть наилучшие за всю историю человечества,

если, конечно, у тебя есть голова на плечах. Главное — занять такое официальное положение, чтобы каждый твой шаг был оправдан законом и чтобы у тебя просто не было возможности преступить закон.

За полгода я построил самую роскошную дачу в нашем дачном поселке. Я это знаю, ибо был сразу же избран членом правления дачного кооператива и знаю все дачи поселка лучше их владельцев. Начиная строительство, я дал архитектору, инженеру и прорабу особое задание: чтобы дача была просторной внутри и скромной снаружи; чтобы она терялась в глубине участка и не привлекала внимания. Прочие дачевладельцы обвиняли меня потом в безвкусице, в жадности и т.п. Но я не был тщеславен и знал, чего хочу.

После того, как дача была построена, выяснилось одно обстоятельство, о котором я раньше не думал: на даче надо жить, за ней нужен уход. Дети мои на даче жить отказались. Им, видите ли, это неудобно. Они наезжали иногда на несколько часов, в крайнем случае — на день или два, подъедали все запасы, производили разрушения и исчезали на большой срок. А трудиться и обживать дом и участок никто не хотел. Все хотели брать. И никто не хотел отдавать. Я уже в таком возрасте был, что не до работы. Да я и не привык к этому. Сама собой в голову пришла простая идея: сдавать дачу. В поселке все так делали. Сдавали даже те, кто не нуждался в деньгах. Просто установилось неписаное правило: сдавать и в течение нескольких лет оправдать расходы на строительство. Сели мы с женой за стол, взяли лист бумаги и прикинули. Можно комнату с террасой слева сдать одним жильцам, комнату с верандой справа — другим, две комнаты на втором этаже — третьим, комнату во времянке — четвертым. По пятьсот с каждых — выходит две тысячи. За собой оставим две комнаты в центре на первом этаже и комнату на втором. А если в гараже пробить пару окон и поставить перегородку, то... С жильцами договоримся, чтобы помогали обрабатывать участок.

Так и сделали. От желающих снимать отбоя не было. И мы еще немного накинули под тем предлогом, что надо платить за свет и газ, в кооператив, в милицию. Жильцы попались в общем спокойные. За исключением одних, о которых скажу особо. Из-за них-то все и завертелось в нашей жизни не так, как следовало бы.

Начальники шутят

Как ты думаешь, спрашивает Нораб, когда наступит коммунизм? Через сто километров, отвечает другой, если мы будем по-прежнему делать один шаг в десять лет. Ха-ха-ха!

Из дневника Мальчика

Опять появился, спрашиваю я. Появился, говорит Она. А ты, спрашиваю я. Не знаю, говорит Она. Это все не так просто. А родители, спрашиваю. Приглашены в гости, говорит Она, свихнулись от радости. Пошли в кино. Показывали фильм модного и «гонимого» режиссера. Несколько лет назад фильм был запрещен. Тогда на него народ рвался. Теперь он идет свободно, и зал пуст. Она было в восторге, а я плевался. Почему такой фильм запрещали, говорю я. Я бы на месте властей пустил бы во всех кинотеатрах, если бы захотел дискредитировать постановщика. Ты ничего не понимаешь, говорит Она. Возможно, говорю я. Объясни мне, о чем этот фильм? Это не объяснишь, говорит Она. Не верю я, что ты искренне переживала эту муть, говорю я. Я же наблюдал за тобой. Знаешь, что это такое, твое современное искусство? Капля сиропчика на бочку вонючей воды.

Мы крупно поругались. Расстались, не попрощавшись. Дома я, стиснув зубы, читал книгу, которую Она мне дала почитать и по которой все с ума сходят /как сказала Она/. Потом как-то я предпринял попытку обсудить с Ней книгу. Она

уклонилась. У меня появилось сомнение в том, что Она ее читала. Наслушалась, небось, разговоров взрослых.

Начальники шутят

Перегнуть США нам ничего не стоит, сказа Вождь, но мы пока это делать не будем. Почему, спросил Нораб. А потому, сказал Вождь, что если перегоним, то сразу будет видно, что у нас голая жопа. Ха-ха-ха!

Из материалов СППС

Людей, которые являются потенциальными или реальными врагами существующего строя, ничтожно мало, говорит Сотрудник. По расчетам лаборатории МВД /а они хорошо сделаны, между прочим/ на триста миллионов не более шестисот тысяч негативистов. Причем, большинство из них не реализуются или уходят в мелкие правдорбцев и склочников. Фактически остается несколько десятков тысяч на всю Страну. Чем объяснить такой низкий негативизм общества, спрашивает Математик. Ничем, говорит Сотрудник. Это — совокупный продукт всех сторон жизни общества. Но не это тут главное. Важно, что даже МВД констатирует острый дефицит лиц, критически относящихся к существующему строю. Социальная апатия. Это ясно и без расчетов, говорит Математик. Уже сейчас число лиц, подвергнутых изоляции, но не совершивших никаких уголовных преступлений, раз в десять больше числа лиц, на самом деле являющихся инакомыслящими. Интересно, по каким принципам они производят отбор? У меня есть некоторые соображения, говорит Сотрудник. Предлагаю эксперимент. Составим личностную характеристику сотрудников специально выбранных учреждений. Это я беру на себя. И наметим список лиц, которых мы изъяди бы, если бы руководствовались определенными критериями. Я эти критерии берусь сформулировать. И посмотрим, что произойдет на самом деле.

Начальники шутят

Поехал Нораб в командировку. Взял с собой секретаршу. В гостинице спрашивает ее: как будем спать — как с секретаршей или как с женой? Как с женой, сказала секретарша, потупив глазки. Нораб лег, повернулся спиной к секретарше, пернул и захрапел. Ха-ха-ха!

ИСИ

Наш институт отличается от обычных академических институтов, сказал Заместитель. Наши лаборатории разбросаны по всей Стране, могут менять местоположение, уничтожаться, заменяться новыми. Мы имеем право включать в себя на время или насовсем любое исследовательское учреждение Страны. Можем использовать любых специалистов, любое оборудование, любой транспорт. Даже воинские подразделения. Вы же понимаете, у нас без таких исключительных возможностей и полномочий серьезное дело не сделаешь. Человеческий материал нам в неограниченном количестве и в любом ассортименте поставляют ОГБ. В нашем распоряжении вся система сознаториев, исправительно-трудовых лагерей, психиатрических лечебниц, детских колоний и т.д. Цели ИСИ в общих чертах вам известны. Более подробно с ними вас ознакомит Научный Руководитель института. В институте установлена двойная система субординации. Формально — я ваш заместитель. Вы председательствуете на всех заседаниях, совещаниях, советах. Подписываете всю документацию. А по другой линии — я ваш начальник. От меня вы будете получать все необходимые распоряжения и инструкции. И передо мною отчитываться в проделанной работе. За вами сохраняется прежний пост в ОАН. Ваша карьера в ОАН пойдет независимо от деятельности здесь. Но, разумеется, вся

ответственность за работу в ИСИ возлагается на вас. За вами сохраняется все то, что вы имеете — квартира, зарплата, машина, дача. Помимо этого здесь вы будете иметь...

Директор слушал Заместителя. И с каждым словом последнего его настроение падало. Ну и влип же я в гнусную историю, думал он. Теперь не отвертись. И думать нечего: ликвидируют. Он немного приободрился, когда Заместитель заговорил о великой исторической миссии, о грандиозной задаче и т.п. и о роли, каковую предстоит сыграть ему, Директору.

Начальники шутят

Пришел Вождь в мавзолее поговорить с Лениным. Ну как, спрашивает Ленин, верит ли тебе народ? Верит, отвечает вождь. Идет за тобой, спрашивает Ленин. Идет, отвечает Вождь. Смотри, говорит Ленин, как бы за мной не пошел! Ха-ха-ха!

Идеология

Ученый: Я читал многие работы по идеологии. Впечатление ужасное. Они бездарны в литературном отношении и безграмотны в научном. Серые. Скучные. Холуйские. Однообразные. Сплошное жульничество, подтасовки, передержки. Я не знаю иных текстов, которые по уровню безнравственности и интеллектуального маразма могли бы конкурировать с ними. Как можно в таком случае серьезно разговаривать о проблемах нашей идеологии?

Идеолог: Наша идеология есть массовое явление, подверженное действию законов нашего общества. Здесь эти законы дают знать о себе даже острее, чем в других сферах. Картина идеологии, которую вы кратко нарисовали, верна. Но разве лучше обстоит дело с художественной литературой, с живописью, с кино? Это — нормальное состояние нашей идеологии, причем — наилучшее для нашего общества. Вы удивлены? Дело тут не только и не столько в том, что у нас во всех областях настоящим талантам трудно пробиться /а в идеологии труднее всего/. Дело главным образом в том, что наша идеология именно в таком бездарном, маразматическом, жульническом, пустозвонском и т.д. виде служит этому обществу наилучшим образом. Всякое проявление таланта враждебно самой идеологии, разрушает ее и наносит ущерб стабильности общества в целом. Не случайно поэтому перлы болтливости, жульничества, злобности, тупости и бессмысленности, созданные классиками нашей идеологии, стали непревзойденными шедеврами литературы. Эта идеология по самому своему типу и по положению в обществе такова, что ожидать от нее что-либо иное бессмысленно. Что же касается нашего разговора, мы выделим самое существенное ядро идеологии, так или иначе сохраняющееся в ее текстах любого уровня и назначения.

У: Вашу идеологию можно критиковать с различных точек зрения. Было бы целесообразно выбрать одну, но самую главную. Я думаю, что таковой является ее претензия на научность.

И: Согласен. Потому не будем спорить о пустяках. Мне бы хотелось выяснить конкретно, каким образом идеология даже при условии допущения искреннего желания держаться в рамках науки в конце концов превращается в антагониста науки.

У: Зачем это вам нужно?

И: Состояние идеологии есть показатель состояния перспектив общества, ибо наше общество есть общество идеологическое.

Из сочинений Члена

Светлое коммунистическое общество было задумано нашими учителями таким хорошим во всех отношениях, что критиканам и недовольным в нем не должно быть места. Для этого наши учителя и на позиции пролетариата перешли, хотя сами были из буржуев. А наши вожди все в точности в жизнь претворили и еще дальше пошли. И построили мы это светлое завтра так, что не придерешься. По науке. Лучше не бывает. Не зря же мы столько народу угробили ни за что! После нас другие начали то же самое делать, но хуже. Не совсем так, как следует, совсем не так, как следует, или совсем так, как не следует.

И все-таки критиканы и недовольные появились. Откуда? Их быть не должно, потому как хорошо и лучше не бывает. И сколько времени их не было! Сколько людшек погубили, а их все равно не было. Мерзли, голодали, в рванье ходили, а не было. И вот появились. Откуда, спрашиваю? Вот в этом-то и загвоздка: быть их не должно и по теории, и по распоряжению руководства, и по воле народа, а они есть!

Исповедь Самосожженца

По поводу одной круглой даты бывших фронтовиков наградили медалями. После торжественной части я сделал попытку смыться, но меня перехватили. Сначала ветераны: фотографироваться. Потом девчонки: танцевать. Я махнул рукой на свои настроения и «выдал» вальс в том стиле, как мы танцевали в конце войны и первые годы после войны. И имел успех. И кончилось это тем, что я попал «в лапы» к ней. И мы танцевали, как в те далекие годы, и перестали танцевать потом. Ночью я провожал ее домой. Говорили о взаимоотношениях поколений, об отсутствии контактов и взаимопонимания. Она ругала реабилитированных: такая огромная масса несправедливо осужденных вернулась оттуда, и никаких последствий после этого тут! Все реабилитированные, с кем ей приходилось встречаться, махровые реакционеры, невежды, тупицы, злобные завистники. Впрочем, сказала она, не принимайте это на свой счет. Возможно, вы — исключение. Отчего же, сказал я. Я готов принять это на свой счет. Тюрьма не способствует моральному совершенствованию и образованию. Тем более подавляющее большинство репрессированных вовсе не были борцами за справедливость, за новые идеи в науке и искусстве. Это ясно, сказала она. И все же они были несправедливо обижены. Тогда большинство не мыслило в таком разрезе, сказал я. И вы, спросила она. И я считал, что попал за дело, сказал я. Люди прошли через ужасы концлагерей, сказала она. Должны же они как-то прореагировать на это. А как иначе? Скажите мне, как иначе, и я поступлю в соответствии с вашим советом. Я не знаю, сказала она. Я тоже, сказал я.

Оставшуюся часть пути мы прошли молча. На другой день просто кивнули друг другу и разошлись по своим местам.

Начальники шутят

Когда Сталин умер, его на некоторое время положили в мавзолей рядом с Лениным. Ну, как вы относитесь к такому соседству, спросил журналист у Ленина. Никогда не думал, что ЦК подложит мне такую свинью, сказал Ленин. Ха-ха-ха!

Из дневника Мальчика

По телевизору была передача о том, с каким трудом добывается хлеб, и о том, что хлеб надо беречь. Среди выступавших хлеборобов был молодой парень, которого превозносили как замечательного работника и высоко нравственного гражданина. Парень рассказал, как он однажды ударил другого парня, который бросил кусок хлеба. Мать сказала, что он правильно сделал, а то распустились, цену

на хлеб не знают. Почему же правильно, возразил я. Тот, кто бросил, заплатил за хлеб и вправе делать с ним, что ему заблагорассудится. А этого подонка, который ударил, судить надо было, а не по телевизору показывать. Потом я рассказал эту историю Ей. Типичный пример отсутствия правового сознания, сказала Она. Конечно, хлеб бросать нехорошо. Но в принципе человек имеет право распоряжаться продуктами своего труда по своему усмотрению. А этот хлебоборб, который ударил, законченный мерзавец. Ужас состоит в том, что он, возможно, субъективно честен, а окружение его поощряет на мерзости.

Начальники шутят

Хочу мебель обновить, говорит Нораб, заказать новый стол для спальни и кровать для работы. Ха-ха-ха!

Начальники снова шутят

Если вы еще раз запоздаете с печатанием доклада, сказал Нораб своей секретарше, я прикажу убрать этот диван из кабинета. Ха-ха-ха!

Успех

Странно, академиком у нас на пенсию никогда не переводят. Разве что в крайнем случае. Например, если враг. Врагов на пенсию не отправляли, сказал Академик. Их расстреливали. Тех расстреливали ни за что, сказал я. Вы же сами знаете, перегиб был. Я про сейчас говорю. Вот почему вас на пенсию уволили? Потому что я настоящий ученый, сказал Академик, а не карьерист и не холуй, как прочие. И потом, я ведь академик там, а не здесь. Где это «там», спросил я. На Западе, сказал он. Это вы плохо поступили, что вас там выбрали, сказал я. Нехорошо. Надо было отпор дать. Какой отпор, удивился Академик. Я же лингвист. К политике никакого касательства не имею. Как это не имеете, сказал я. У нас все имеют отношение к политике. А кто уклоняется, тот... Теперь мне все ясно. А я-то голову ломал, за что это вас. Не зря, выходит. Я, между прочим, Лауреат, сказал Академик. Лауреат, а в нашу Академию не выбрали, удивился я. Так не бывает. Зачем же тогда премию дали? Тут что-то не так. Разобраться надо. Поздно, сказал он. Да и не в чем разбираться. Все и так ясно. Я же говорю вам, что я — ученый, а не карьерист. Что вы заладили: карьерист, да карьерист, сказал я. А знаете ли вы, что такое карьерист? Имею некоторое представление, сказал он. Например, нынешний директор нашего института молодой, а уже член-корреспондент. А как ученый — абсолютный нуль. Вот то-то и оно, что у вас только некоторое представление, сказал я. А я, по-вашему, карьерист? А Генерал? Генерал без сомнения карьерист, сказал он. Услышал бы Генерал, сказал я, он бы вас со своей собачкой в клочья разорвал. Да он этих карьеристов поносит в таких выражениях... Мало ли что, сказал он. Нет, уважаемый ученый, сказал я, вы заблуждаетесь. Генерал не карьерист. И я не карьерист. Если человек занимает крупный пост, достигает высоких званий, это еще не значит, что он — карьерист. Вы в своей лингвистике собаку съели. А я — в этих делах.

И я впервые с удовлетворением почувствовал свое превосходство над Академиком в этом вопросе. Я похлопал его по плечу и рассказал кое-что..., так, самую малость..., из того, что я знаю на эту тему. А знаю я немало. И такое, что если записать, ни за что не поверят, что это было на самом деле.

Из сочинений Члена

Прежде всего виновато высшее руководство. Слишком молодое оно у нас. Слишком грамотное. Отсюда — веяния разные, стремление к преобразованиям.

Едва им стукнет шестьдесят, как они уже выбираются на вершины власти. И им, конечно, хочется проявить себя. Молодежь! Мо... Прошу прощения, кровь играет. Сразу все Героями становятся. Генералами. Опять Героями. Маршалами. Опять Героями. Речи. Встречи. Проводы. Юбилеи. Из телевизора, бедные, не вылазят. А уж про газеты и говорить не хочется. В каждой строчке им проявить себя надо. А глядя, как на самом верху руководящая молодежь резвится, и пониже то же самое начинают вытворять. А критиканы смотрят, как их руководители на арене истории кривляются, начнут плевать, неприлично выражаться. Вот, мол, старые маразматика! Взбесились от дури и тшеславия! И сами начинают по-своему шебуршиться.

Начальники шутят

Выступая по телевидению, Вождь сказал, что в дружественном нам Ебипте растут бабобебы, среди которых гуляют ебиопота мы. Он все перепутал, сказал по сему поводу Нораб, готовивший речь. Во-первых, не в Ебипте, а в Ебиопии. Во-вторых, не бабобебы, а ебабабы. И в-третьих, не ебиопотамы, а ебимоты. Ха-Ха-Ха!

Путь в никуда

В приемном пункте Остряка раздели и проводили в кабинет Диагностического собеседования. Два здоровенных лаборанта усадили его в специальное кресло и пристегнули многочисленными ремнями так, что он не мог шелохнуться. К рукам, ногам, груди, шее, голове присоединили датчики. Сделали несколько уколов. И оставили одного. Наступило странное состояние умиротворенности и готовности ко всему, чему угодно. Остряк огляделся, насколько это было возможно одними движениями глаз. Кабинет был сплошь заставлен приборами, которых Остряк, привыкший иметь дело с современными приборами и знавший в них толк, до сих пор не видел и назначения которых не мог понять. Стояла такая тишина, что Остряку стало казаться, будто приборы еле слышно шелестят стрелками и перешептываются. Остряк почувствовал, что его наблюдают, и прежнее состояние успокоенности внезапно сменилось звенящим ужасом.

Внимание, внезапно услышал Остряк резкий голос. Приступаем к диагностическому собеседованию. Вам будут задаваться вопросы, на которые вы вольны отвечать или не отвечать. В ваших интересах отвечать, так как приборы все равно регистрируют ваши неосознанные ответные реакции, но с более низким оценочным баллом. Вы вольны отвечать правду или ложь. В ваших интересах отвечать правду... Незаконченный ответ не засчитывается... В ваших интересах... Вы должны... Вы можете... В ваших интересах...

Собеседование длилось шесть часов. Вопросы были самые разнообразные, от банальных /«Сколько будет семью десять?»/ и бессмысленных /«Что предпочтительнее: муха или интеграл?»/ до политических /«Считаете ли вы нашу Страну правовым государством?»/, провокационных /«Что бы вы сделали, оказавшись в США по туристической путевке?»/ и доносных /«Кто из ваших знакомых считает сводку ЦСУ ложной?»/. Вопросы располагались циклами, нарастая по степени важности внутри циклов и от цикла к циклу. Через некоторое время Остряк почувствовал, что его ответы уже неподконтрольны ему. На вопрос, что сделал бы он, если бы в руке у него был заряженный пистолет и перед ним был бы сам Вождь, Остряк ответил автоматически, что он выстрелил бы в Вождя. Этот ответ и решил его судьбу. Был установлен диагноз: антигосударственный терроризм. Последний цикл оказался самым легким. Он касался родственников, друзей, личных склонностей и привязанностей и т.п. Остряк от таких вопросов растаял до слез, отвечал на них искренне, четко и исчерпывающим образом. Он не знал, что бездушные приборы, вычислив характер его заболевания, после таких ответов вычислили и меру излечения: пожизненно, ибо больной неизлечим.

Затем был четырехчасовой медицинский осмотр. Пришлось пройти более двадцати кабинетов. И в каждом из них Остряку делали какой-то укол. Он еще не знал, что в одном из кабинетов ему сделали укол, благодаря которому он больше уже никогда не будет испытывать потребности в женщине. В другом сделали укол, избавляющий его от ногтей, в третьем — от зубов, в четвертом — избавляющий от растительности на теле /вплоть до бровей и ресниц/, в пятом — уничтожающий вкусовые ощущения, в шестом — притупляющий чувство голода, холода, боли. Одним словом, он еще не знал, что через несколько часов он станет беспомощным существом, лишенным всего того, что наполняло его жизнь заботами, тревогами, радостями... Почти чистым лабораторным экспонатом для исследования проблем личности. Идеальным материалом для воспитания «нового человека».

Потом Остряка отвели в дезинфекционный блок, опрыскали какой-то жидкостью и окунули в ванну, из которой его извлекли уже без волос, бровей, ресниц, ногтей. Дали прополоскать рот какой-то жидкостью, и он выплюнул все зубы. Это навечно, сказали ему лаборанты. Гигиенично. И никаких хлопот со стрижкой волос и ногтей, с бритьем и чисткой зубов. Остряку дали поглядеться в зеркало, чтобы он имел адекватное представление о себе. Он увидел необычайно глупую физиономию и чуть было не рассмеялся. Но смех почему-то не вышел. Он вспомнил, что это чувело — он сам, и впал в уныние. Потом ему выдали яркооранжевые штаны и куртку из синтетической ткани без карманов и пуговиц. По дороге они заговорили по-английски. Остряк, свободно владевший английским, прошамкал вопрос, в чем дело и что тут с ним происходит. Заткнись, сказал один из санитаров. Разговаривать с обслуживающим персоналом тебе запрещается. Шли по длинному закрытому и совершенно пустому коридору. Через каждые сто метров автоматически открываемые двери. У двери с номером пять они остановились. Дверь открылась. Они вошли в боковой коридор, здесь они дошли до двери с номером три. Это оказалась дверь лифта. Выйдя из лифта, они по такому же пустому коридору подошли к двери с номером восемь. Дверь открылась. Остряка толкнули в палату.

Начальники шутят

Из речи Вождя: Когда западные политики кричат о нарушении прав человека в нашей Стране, они писают против ветра. Ха-ха-ха!

Идеология

Идеолог: Наша идеология содержит в себе философию в качестве базисной части. А основной вопрос всякой философии есть вопрос об отношении духа и бытия, сознания и материи, мышления и бытия и т.п. С него мы и начнем.

Ученый: Это — основной вопрос философии лишь в вашей идеологии. Для многих других он не основной и даже вообще не вопрос.

И: Пусть так, это — основной вопрос для нас. С чего-то надо начинать. А это начало оправдано историей философии и структурой нашей идеологии.

У: Выбор начала с научной точки зрения принципиален. Вы тут произнесли слова «базис», «сознание», «дух», «материя» и т.п., в отношении которых нет первичной изначальной ясности.

И: Идеология сочиняется для людей с некоторым жизненным опытом и языковыми навыками. Эти слова можно пояснить. А речь идет о вещах всем понятных. Человек что-то наблюдает вокруг себя с помощью глаз, ушей и других органов чувств. И обнаруживает в себе ощущения, восприятия, представления, мысли. Различает эти два ряда явлений для себя, противопоставляет их. Если он это не делает, ему бессмысленно говорить о философии. Это принимается как исходное

данное. Философские словечки «бытие», «сознание», «материя», «дух» и т.п. и фиксируют это общепонятное различие и противопоставление. Когда-то способность к этому была огромным шагом вперед в развитии человечества. Это означало выделение человеком своего «я». Это было начало персонифицированной /индивидуализированной/ цивилизации, остатки которой доживают свой век на Западе.

У: Вы хотите сказать, что не всякая цивилизация предполагает это?

И: Цивилизация может существовать и достигать высокого уровня без упомянутого противопоставления и выделения «я» в качестве фундаментального принципа своей идеологии. Наше общество, принимая такую идеологию, стремится остаться персонифицированной цивилизацией. Это в силу имманентных законов коммунизма наше общество враждебно принципу персонификации /индивидуализации/. Принимая идеологию, которая своими историческими корнями уходит в идеологию персонифицированной /западной/ цивилизации, наше общество с самого начала оказывается зажатым между личным /«я»/ и социальным /«мы»/.

У: Вы имеете в виду христианство, говоря о...

И: Конечно. Наша идеология складывалась прежде всего как антипод христианства. Она также претендовала на души людей. И она унаследовала от христианства само понятие духа, противоположное телесному бытию, материи. Она заимствовала от христианства и самую постановку вопроса о соотношении духа и материи: что было сначала, каково их отношение в плане порождения. Вы знаете, что мы решаем этот вопрос так: материя предшествует духу и порождает его, а не наоборот, как утверждает христианство. Вы же не будете отрицать, что наше решение согласуется с наукой?

У: Буду. Наука не подтверждает и не опровергает этот фундаментальный принцип вашей идеологии. Она идет совсем в ином плане. Лишь историческое и фразеологическое наложение создало видимость того, что наука подтверждает тезис материализма вашей идеологии. Прочно связав себя с наукой, ваша идеология родилась, неся в себе глубинный антагонизм между наукой и идеологией. В чем, коротко говоря, данные науки в применении к данному вопросу? Наука говорит лишь следующее. Существа, обладающие способностью сознания, мышления и т.п. /обладающие духом/, возникли на Земле исторически, т.е. было время, когда их на Земле не было, но была природа, этой способностью не обладавшая. Наука, далее, считает дух способностью определенным образом организованных тел. Так что наука вовсе не выступает как перевертывание тезиса христианства о сотворении материи духом. Она рассматривает проблему совсем в ином плане — в плане эволюции материи, природы и только. Ваша идеология и здесь двойственна: она хочет заимствовать план науки и, вместе с тем, удержаться в плане христианского подхода к проблеме, перевернув христианское решение, сделав тем самым бессмысленным как то, так и другое. Я знаю, вы чувствуете это и обставляете свое учение системой оговорок. Мол, не придирайтесь к словам. Но «неудачные» формулировки и словечки не отбрасываются. Они сохраняются и со временем заявляют свои права на первые роли.

И: А понимание сути духа?

У: Но это уже другой вопрос.

Начальники шутят

Ты что-то совсем позабыл про свои супружеские обязанности, сказала супруга Нораба. А я решил не вмешиваться в твои внутренние дела. Ха-ха-ха!

Из материалов СППС

Дефицит предметов потребления и привилегии суть следствия, а не причина, говорит Бородатый. Причины глубже. Я ведь участвовал в эксперименте на Коммунистическом острове. Там сначала действительно все было по потребности. И первую пару недель мы блаженствовали. Любили друг друга. Работали с энтузиазмом. Но постепенно стало происходить нечто странное. Выработалась новая система оценок. Изменились наши реакции на происходящее. Стала складываться система различия и неравенства. Через месяц на острове при изобилии всего нельзя было без блата и бюрократической волокиты достать даже зубную щетку. Где-то гнили ценные продукты, а мы мотались в поисках картошки и колбасы «собачья радость». Скоро образовалась мощная гангстерская группа, в которую вошла вся партийная и административная верхушка. Она так зажала население острова, что не пикнешь. Попытки побега жестоко подавлялись. Многие просто исчезали бесследно. Никакого суда. Собрания — липа. Комиссии из центра не замечали ничего плохого. Их встречали на высшем уровне, показывали образцовые жилые дома, магазины, предприятия. Одаривали их ценными подарками. Поили. Девочек или мальчиков поставляли по желанию. И комиссии вопили от восторга: коммунизм! Это был действительно коммунизм. Но не райский идеологический, а адский реальный. Лишь после того, как доведенные до отчаяния люди взбунтовались, сожгли райком партии с его штатом, разгромили отделение милиции и разнесли склады, на острове появились войска и следственные органы. Основную массу населения рассортировали по Стране. Я никого из них после этого не встречал. Скорее всего их ликвидировали. С нас, с «исследователей», взяли подписку о неразглашении.

Начальники шутят

Решило высшее руководство даровать трудящимся демократические свободы. Начать решили с самых основ — открыли на улице Горького бордель для трудящихся. Ну, спрашивает Вождь, посещают трудящиеся бордель? Плохо, говорит Нораб. Цены, небось высокие, говорит Вождь, надо снизить. Снизили, говорит Нораб. Не идут, сволочи. Приплачивать надо, говорит Вождь. Приплачиваем, говорит Нораб. Не идут, сволочи. Блядей, небось, плохих подобрали, говорит Вождь. Нет, говорит Нораб, самых что ни есть подходящих подобрали, еще с дореволюционным партийным стажем. Ха-ха-ха!

Из дневника Мальчика

Ого, сказал Дядя, просматривая газету, три четверти населения приняли участие в обсуждении проекта новой конституции. Такого идиотизма не было даже при Сталине. Интересно, сказал я, где они набрали эти три четверти? Это значит, и младенцы принимали участие, и больные, и выжившие из ума старики. Очень приятно, сказал Брат, некоторые люди принимали участие в обсуждении по три, по четыре и даже по пять раз. Вот они и посчитали в среднем. При Сталине, сказал я, вера какая-то была, а теперь — сплошная липа. То же самое было, сказал Дядя. Ничуть не лучше. А что ты имеешь ввиду, говоря о вере, спросил меня Брат. Это весьма растяжимое понятие. Вот, например, я верю, что на смену дня придет ночь, что чашка разобьется, если я ее брошу на пол, что сдам математику минимум на четверку, что на каникулы подамся на юг, что мой друг меня не продаст и т.п. Тут много разнородных явлений, и во всех случаях мы говорим «верю» или «не верю». Надежда, желание, уверенность, доверие и т.п. Одно дело — верить во что-то на основе личного опыта, другое дело — на основе опыта человечества и познания, третье — на основе желания, четвертое — на основе страха и т.д. Подавляющая масса населения относится к новой конституции так же, как в свое время то население к старой, — с полным практическим безразличием, как к явлению в

области начальственного спектакля. В обсуждении люди участвовали, как и раньше, из страха, из шкурнических соображений, в силу холуйской натуры, из желания себя показать и т.п. В общем, тут работали все возможные мотивы и причины. Они и раньше были. А установить долю тех или других сейчас уже невозможно. Но с точки зрения социальной психологии то, что сейчас называют «искренней верой в идеалы коммунизма», на самом деле было лишь заданной формой фразеологии, адаптации и самооправдания. Откуда тебе знать, усомнился я. Наука, сказал он. Если ты мне скажешь, что пятьдесят лет назад сила тяготения была в два раза меньше, я же не поверю тебе.

«Евангелие от Ивана»

Не жаловаться на устройство жизни должен ты, услышал Ученик чистый и возвышенный голос, а на себя оглянуться. Помни, все в тебе, все из тебя, все от тебя. И нет иных причин происходящего. Не жаловаться на обстоятельства, а восстать против зла должен ты, иначе ты не человек. Помни... Помни... Должен...

— Что со мной, где я?! — закричал Ученик, сбросив дырявую дерюжку с голого тела и опустив посиневшие ноги на холодный цементный пол.

— На том свете, молодой человек,— услышал он насмешливый голос обросшего седой щетиной существа на койке рядом.— В вытрезвителе, конечно, где и подобает быть порядочному человеку.

— Как я сюда попал? Что же теперь со мной будет?

— Ничего особенного. Напишут на работу. Сообщат в особую комиссию вашего района. Вызовут, оштрафуют, на первый раз /а вы, судя по всему, начинающий/ предупредят. И все. Министром и партийным секретарем вы, конечно, уже не будете. Жаль, конечно, но что поделаешь. А потом... В общем, как сказано:

Запомни, друг, кто хоть однажды
Преступает сей порог,
Тут будет непременно дважды,
И... одним словом, знает каждый,
Не хватит пальцев рук и ног.

Эти гады, конечно, обчистили наши карманы. Впрочем, там и чистить уже было нечего вроде. Ну, да не беда. Скоро нас выгонят отсюда, и мы сообразим похмелиться. Как сказано в том же первоисточнике:

Ты можешь с голоду подохнуть,
Никто не даст тебе куска.
Но коль возьмет тебя тоска,
Что и ни ахнуть и ни охнуть,
Издревле правило одно
Есть у российского народа:
Для выпивающего сброда
Найдет монету на вино.

— Кто я такой? Я уже представился вам некоторое время назад. Что же, могу напомнить: Командировочный. О себе можете не говорить, я помню все в деталях.

— Мы вчера здорово заложили,— говорил Ученик, когда они с Командировочным незнакомыми переулочками двигались к Дусе.— Премия пропивали. А где мы, собственно говоря, находимся?

— В славном городе Вождянске,— сказал Командировочный.

— Не может быть?! А как я сюда попал?! Мне же на работу надо!..

— Вы прибыли ночным самолетом. Требовали, чтобы вас доставили к самому товарищу Сусликову.

— Кто такой Сусликов? Я не знаю никакого Сусликова!..

— Я тоже не знаю, хотя тут весь народ только и говорит о нем. Что касается работы... Работа не волк, в лес не убежит. А если и убежит, туда ей и дорога. Как сказано все в том же Евангелии:

Я верю, день придет такой,
Свобода снова возродится.
Святое право не трудиться
Добудем собственной рукой.

Начала всего

Секретарь Городского Комитета КПСС перерезал ленточку. Председатель Городского Совета потянул за веревку. Покрывало медленно сползло к основанию, обнажив свеженький бронзовый бюст товарища Сусликова, еще не покрывшийся зелеными подтеками и еще не засранный голубями, которые наводнили город в ужасающих количествах. Военный оркестр грянул торжественный марш, специально сочиненный для этого случая местным композитором и названный в честь товарища Сусликова «Героическая Суслихута». Представители трудящихся, воины, школьники и дети дошкольного возраста усыпали основание монумента и окружающее его пространство в радиусе десяти метров живыми цветами. Начались торжественные речи, приветствия, клятвы, здравицы и т.п. Не дожидаясь конца процедуры, Стопкин, Жидов и Командировочный потихоньку смылись с площади в злачное место, только что открытое Командировочным. Открыл-то это место, собственно говоря, трест столовых и ресторанов Буденновского района города. А Командировочный открыл его совсем в другом смысле, а именно — в том, в каком Колумб открыл Америку.

— Местечко,— говорил Командировочный, предвкушая удовольствие от предстоящего выпивона,— блеск, сами увидите. Только что открыли. Совсем еще не загажено. А у нас, сами знаете, традиция. Когда открывается новая пищоточка, первые два дня в ней можно еще ухватить столик, не заваленный грязной посудой, и взять рагу с картофельным пюре или макаронами. Правда, рагу — сплошные кости и жилы. Но зато они изъятые из настоящего мяса. И запах опять-таки натуральный, мясной. И поварам, официанткам и посудомойкам приказано обращаться к посетителям на «вы». Так что вместо привычного грубого обращения «куды прешь, твою мать?!» мы услышим «куды это вы прете, вашу мать?!». Все-таки приятно, человеком себя чувствуешь. Послушайте, а кто таков этот Сусликов?

— Никто не знает,— говорит Жидов.— Говорят, «Серый Кардинал». Фактическая власть. Манипулирует Вождем по своему усмотрению, находясь за кулисами. Скрытый и таинственный механизм нашей системы власти и т.д. и т.п. Одним словом, вошь. Не стоит забивать голову таким ничтожеством.

— Откуда они живые цветы достали,— удивляется Стопкин.— В наших краях цветы перестали расти на другой же день после октябрьского переворота. Пережитком помещичье-буржуазным считались. А теперь самую никчемную крысу в их бюрократической помойке усыпают живыми цветами! Где они их достали? Надо будет вечером поживиться!

— Не выйдет! Они тут охрану поставят. После того случая они усилили патрулирование.

— Ерунда! Помните мое слово, никого не останется. Милиция понадеется на дружинников. Те из страха перед хулиганами смонются в безопасные места. А военные патрули разбредутся по бабам.

ИЗ РАССКАЗОВ КРЫСЫ

Пролог

Недавно я вышел на пенсию. И нисколько об этом не жалею. Пенсия у меня хорошая, академическая, — спасибо родной Партии и родному Правительству: у нас заслуженные люди получают по заслугам. К тому же я имею право подрабатывать, так что теперь получаю чуть-чуть меньше, чем раньше. Раньше, хотя я имел два библиотечных дня, так что присутственных дней у меня было всего три в неделю, я все равно вынужден был постоянно торчать в институте. Там в оба надо было глядеть. Народ такой пошел, что чуть что — и чепе. Зазеваешься и, глядишь, какой-нибудь горлопан из молодых начинает вопить на лестничных площадках и даже с трибуны, за что, мол, я тут старшим научным сотрудником числюсь, за какие такие заслуги! Знал бы ты, диссидент несчастный, мои заслуги, так сразу бы заткнулся, сволочь недобитая! Ну, погодите, мы вам еще покажем!! В общем, не так-то легко было. Со стороны поглядеть — живут, мол, эти научные работники припеваючи. Живут, да не все. Был у нас один такой, гений. Так он действительно жил припеваючи. Почти каждый год книжку выдавал. И даже гонорары, негодяй эдакий, иногда требовал. Книга, говорил, неплановая. Сверхплановая. Тоже мне, ударник нашелся. А мы ему: если твоя паршивая книжонка неплановая, так и печатай ее где-нибудь в другом месте, где тебе за нее валюту отвалят. И что вы думаете?! Взял, подлец, да и напечатал. Скандал был. Я тогда комиссию по расследованию этого дела возглавлял. Чем кончилось? Ничем! Представьте себе, ничем. Ловкий народ теперь пошел. Крупного ученого из себя изобразил. Организовал всякие там отзывы на свои сочинения. Приглашения даже получил. Тут мы ему, конечно, отказали. Приглашения-то он и раньше получал — за границу, стервец, рвался. Они через меня тогда, эти приглашения, проходили. Я тогда Иностранным Отделом в институте заведовал. Если бы не я, наверняка уехал бы. Но я свое дело знал. За это я не одну благодарность получил. А ты горлопанишь — за какие заслуги?! Молод еще! Поживешь с мое, сам понимать кое-что научишься. Такие вот гении живут себе припеваючи. Они и книжечки печатают. И денежку получают. И гонорарчики требуют. И за границу им подавай. Конечно, не скрою, есть такие, кто и книги печатают, и гонорары получают, и за границу ездют. Но это — наши люди, проверенные, заслуженные, ответственные. Об этих я ничего плохого сказать не могу. Заслуженные!

Времени свободного у меня теперь полно. Не дома, конечно. Дома я занят, дел по горло. Телевизор. По магазинам бегать приходится. Дача к тому же. А вы сами понимаете, дача в наших условиях — верный путь к инфаркту. Содержать дачу — целая профессия и должность особая. Жильцы опять же. За ними глаз да глаз нужен. Вот у соседа по даче такой кошмарный случай произошел. Впрочем, об этом потом, в сводное время на работе. Время сводное есть, привычка писать на прежней работе в печенки въелась. А условия для писания тут совсем не те. О ком писать? О чем писать? Не о ком и не о чем. Никогда раньше не думал, что могут быть

учреждения, в которых не на кого и не на что было написать нужную бумагу. Явно неправильное учреждение, и я об этом написал куда следует. Меня вызвали куда следует, поблагодарили, но попросили больше не писать. Мол, я свой долг перед родиной уже выполнил, вышел на заслуженный отдых. Так что, мол, должен помалкивать или, в крайнем случае, становиться общественником-активистом в пределах своего дома и добровольным помощником милиции. Я переживал это целую неделю. Потом мне пришла в голову идея — описать свою жизнь. Тем более опыт литературный у меня есть богатый.

Мое имя

В институте меня прозвали Крысой. Откуда это прозвище пошло? Теперь все считают, что из-за карикатуры в стенгазете. В период разгула либерализма, когда институтом фактически заправляли всякого рода горлодеры вроде Геня, нарисовали в стенгазете на меня карикатуру: помойка сталинизма /из цитат, обломков бюстов, обрывков портретов и т.п. Сталина/, а наверху — облезлая крыса. Просто крыса. Но в институте все решили, что это — я /газета появилась после заседания дирекции, на котором я выступил против утверждения к печати книги Геня/. Даже директор так подумал, хотя я на крысу совсем не похож. Газету, конечно, сняли за оскорбление личности. А прозвище осталось. Сначала мне было обидно. Но однажды по телевизору была передача о крысах. Показывали, как крыса совала хвост в бутылку с маслом и облизывала его. Из этого ученые сделали совершенно правильный вывод, что крысы имеют высокоразвитый интеллект. После передачи в институте несколько дней смотрели на меня с уважением. Потом, мерзавцы, забыли. Ну, да я им потом за эту крысу показал! Книга-то Геня все-таки слетела!

Впрочем, насчет Геня я тут был не совсем прав. Он не был горлодером. Он был в стороне от всех, и эти левые горлодеры его тоже не любили. И ему от них доставалось даже больше, чем от «правых реакционеров» и «недобитых культистов». И книжку его сначала пропустили, чтобы не выглядеть реакционерами. Но на всякий случай кое-где доложили, что были выступления против /это имелось в виду мое выступление/. Там потребовали стенограмму заседания. Ну и решили с книгой повременить.

Меня в институте, я знаю, не любили, не только левые крикуны, но и свои. За что? Я всегда честно служил им. И не было случая, чтобы мои поступки, за которые меня осуждали и те и другие, так или иначе не оправдывались. И в институте в конце концов поступали так, как я считал нужным. Директор мне однажды сказал, что моя беда — я слишком обнажаю суть событий и опережаю свое время. Так ведь получилось и с Гением. В конце-то концов его разоблачили как врага. А сколько лет его покрывали все! А я это чувствовал с самого начала.

Но прозвище Крыса у меня появилось еще задолго до института. Я думаю, кто-то из молодых крикунов пронюхал это и принес в институт. Еще в детстве сверстники звали меня Крысенком. Но тогда в этом не было ничего обидного, так как другие ребята имели прозвища похуже: Жаба, Вошь, Хряк, Сопля и т.п. Потом в школе я дружил с одной девочкой. Как-то раз она завела нехорошие разговоры о колхозах, и я ее предупредил, что если она не прекратит это, я буду вынужден и т.п. Девочка обозвала меня почему-то Крысой. Разумеется, после этого я поставил вопрос о ее поведении на комсомольском собрании. Ее, конечно, исключили. И правильно сделали. Надо все-таки думать головой, а не... . В армии я дружил с одним парнем. Тяжело было, между прочим. А ты, уважаемый Гений, знаешь, что такое была армия в те годы? То-то! Ты-то, небось, в тепленькой квартирке сидел и пирожные кушал. А мы... В общем делились мы с этим парнем самыми сокровенными мыслями. И однажды он мне сказал, что он не думал, что я такая ... Крыса! А зря! Я же действовал ради его же блага.

Мое происхождение

По происхождению я из крестьян, не то что Гений. Он из буржуйской среды вышел, как теперь выяснилось. Об этом даже в газете напечатали. Наши органы большую работу проделали, чтобы раскопать это. А так этот подлец много лет числился как выходец из трудовой интеллигенции. Когда у нас собрание в институте было с обличением его, представитель Органов даже портрет его прадедушки показывал: генерал с крестами и бородой! Кто-то из крикунов вякнул, что такую форму тогда носили профессора университета, но его одернули, и он смолк. Потом большого труда стоило выявить этого крикуна. А я — из крестьян. Да еще из самых беднейших. И в колхоз мы вошли первыми. Отец председателем сразу стал. Говорили, что он развалил колхоз. Но это чистое вранье. Отец делал так, как велели выше. А то, что жить стало трудно, так это везде. Эпоха такая была. Значит, надо было так. Отец утонул. Мать говорила, что спяну. И мужики тоже так говорили. Но что с них взять? Деревня! Темнота! Следствие точно установило, что его утопили кулаки. На месте гибели отца поставили памятник. После войны он исчез куда-то /я ездил туда в отпуск/. Я написал куда следует. Виновных, конечно, разыскали и наказали. Но памятник восстановить «забыли». Какая бесхозяйственность! После смерти отца мы переехали в город. Не подыхать же в колхозе! Помог начальник из Органов. Он и маму устроил на работу. А я смог окончить среднюю школу — я был очень способный. Когда наши критиканы вопят, что у нас засилие посредственности, они грубо ошибаются. Вот он, мой аттестат за десятилетку, глядите! Ни одной троечки. А вы положите-ка свои!..

Школа

В школе, повторяю, я учился хорошо. Прилежно. Мать мне все время твердила, что я должен стараться, чтобы в люди выйти. Она мечтала, чтобы я инженером стал. Ах, если бы она дожила до тех пор, как я стал старшим научным сотрудником и кандидатом наук! Об этом тогда мы и мечтать не смели. Да мы и не знали даже, что существует такое название «кандидат наук». Я ездил в наши края уже будучи кандидатом. Очень хотелось мне, чтобы узнали там, чего я достиг, но, увы, времена изменились. От наших старых деревень ничего не осталось. Народ разбежался. Теперь там совхоз. Лесозаготовки. Новые люди. Никто нашу семью не знает и не помнит. К тому же из наших мест, оказывается, вышло десять докторов наук, пять генералов, один министр и даже один академик. Мне от этого стало грустно. Я зашел в редакцию местной газеты. Сказал им, что они недооценили идеологических работников. Подействовало. Дали заметку обо мне, но маленькую. Потом крикуны в институте заявили, что я занимаюсь саморекламой. И директор пожурил за нескромность. Но я устроил директору статью в той самой газете, целый подвал! И он сказал, что насчет нескромности он пошутил. А я после этого напечатал в той же газете большую статью о руководящей роли Партии на новом этапе. Статья директору понравилась. Он поручил ее отредактировать в отделе, и статью поместили в юбилейный сборник. За это я премию получил. Сборник выдвигали даже на Государственную Премию. Но провалили. Нашлись, конечно, завистники. А если бы прошел... Лауреат!.. Тогда бы я... Впрочем, с школе.

В школе я вступил в комсомол, стал комсоргом класса, а затем меня избрали в комитет школы, а в десятом классе я стал секретарем комитета. Признаюсь, было очень трудно. Учебу запустил совсем. Но мне помогли старшие партийные товарищи, учителя и комсомольцы-одноклассники. И десятый класс я все-таки закончил. И даже без троек. Райком комсомола дал мне путевку в Столицу, сначала — на идеологический факультет, потом /поскольку там была перегрузка таких студентов с направлениями от партийных и комсомольских органов, а моя провинциальная школа оказалась недостаточной/ — в Институт Международных

Отношений на подготовительное отделение. Будешь дипломатом, сказали мне. Дипломатом!!!! Когда у нас в школе узнали об этом, один парень /отличник, повесился в университете на мехмат/ даже повесился от зависти. А в школе повесили мою фотографию в Ленинской комнате. Вот так я утер им всем нос! Вот вам и бездарность! А где в это время был ты, уважаемый Гений? Ходил пешком под стол в своей буржуйской квартире и не знал еще даже азбуки?! А я уже в это время... Да что там говорить! Нет на земле справедливости. Мы стараемся, добиваемся и все такое прочее, а тут откуда-то появляются всякие Гении и оттирают тебя подальше.

Если бы меня зачислили на первый курс, вся моя жизнь сложилась бы иначе. Тогда я не попал бы в армию. И стал бы... Как знать!.. Вон, заместитель Министра Иностранных дел как раз в то время поступал на первый курс. Но у него связи были. Дядя! А я сам, исключительно своими способностями добивался. Вышел какой-то указ, и меня призвали в армию. На «приготовишек», оказывается, не было брони. Но я не жалею об этом. В армии я приобрел жизненный опыт. К тому же когда началась война, я уже был замполитом /была тогда такая должность и звание; звание соответствовало нынешнему старшине; а должность — помощник политрука/. Поскольку начальство заметило мои способности, меня откомандировали в политотдел дивизии.

Армия

В армию я попал в самый отдаленный район Страны. В это время был введен принцип «Тяжело в учении, легко в бою». И на нашей шкуре этот принцип решительно претворяли в жизнь. Страшно вспомнить, как нам доставалось. Когда началась война, мы вздохнули с облегчением. Потом, после разоблачения «культы», печатались всякие воспоминания о лагерях и художественные произведения на эту тему. Честное слово, у нас в обычной армии было не легче. Но мы выстояли. Мы выдержали это. А где ты в это время был, уважаемый Гений? Машины котлетки лопал в теплой квартире? А мы на морозе топали бегом по двадцать пять километров с полной выкладкой /два пуда!/. С преодолением штурмовой полосы. А в жару еще хуже, чем в мороз. А есть все время хотелось так, что за корку хлеба мы готовы были на все. Это легко теперь говорить, что не становись стукачом, позорно! А ты попробуй вот так, как мы тогда, изо дня в день. Из месяца в месяц. Тут для начальства проблема не в том, чтобы совратить кого-то стать стукачом, а в том, чтобы отобрать самых достойных. Начальник Особого отдела полка так мне и сказал: это — большая честь для тебя!

Признаюсь, я сначала дошел до того, что однажды даже решил глаз себе выколоть или руку изувечить, лишь бы из армии выбраться. Мне крупно повезло. Долбили мы ямы для землянок в мерзлой земле. Один солдат случайно подставил руку под кувалду, а другой раздробил ее ему. Так этого парня /пострадавшего/ осудили за членовредительство на десять лет. Потом на семь лет осудили и того, который ударил. За соучастие. И я после этого понял, что путь выбиться — это честная и добросовестная служба.

Старался я вовсю. Быстрее всех вскакивал по подъему, лучше заправлял койку, тщательно чистил оружие, выше всех поднимал ногу на занятиях по строевой, до блеска драил сапоги. Я ел глазами всяческое начальство. Благодарность стала следовать за благодарностью. Скоро я стал Отличником боевой и политической подготовки. Тогда-то меня и вызвал к себе начальник Особого отдела. А после успешного окончания программы «молодого бойца» меня направили на курсы замполитов. Там, конечно, было куда легче. Кормили лучше. Теории больше /все в тепле, а не на морозе и не под дождем/. Да я уже привык к армейской службе. Так что ужасы первых месяцев армии стали казаться просто смешными. И я уже сам

авторитетно поговаривал, что так и нужно, что все должны пройти через эту суровую школу. Я и сейчас так думаю. Если бы всех этих наших крикунов и гениев пропустили через то, через что прошли мы в свое время, они не то и не так запели бы. Я много раз разговаривал с реабилитированными, которые отсидели в лагерях много лет, и все они в один голос говорили, что нынешнюю молодежь не мешало бы пропустить через эту школу жизни. А то распустились, сволочи. Зажрались!

Методы

В газете напечатали фельетон, разоблачающий гнусный моральный облик нашего Гения. В институте все удивляются /я связей с институтом не теряю/, как могла такая гадина столько лет прикидываться порядочным человеком. Сами виноваты! Проглядели! Прохлопали! А я с самого начала предупреждал, что с этим Гением надо было разделаться по-партийному. Гнать его надо было. А мы с ним либеральничали. Ученый!! Да какой он к черту ученый?! Видимость одна. Моя-то совесть чиста. Я свой долг выполнил. Если бы не я, может быть, этот негодяй в академики пролез или за границу уехал бы.

Честному человеку и патриоту, настоящему коммунисту теперь работать стало куда труднее, чем раньше. Теперь надо делать вид, прикидываться, изображать из себя что-то западнообразное. Тьфу, прости господи! И главное, все же знают, что это вранье, а все ломают комедию. Неужели без этого нельзя?! Раньше было куда честнее. И определеннее. И между прочим, обид таких раньше не было. Все понимали, что за дело. Вот, к примеру, подай Гений раньше на обсуждение такую книжку, как его последняя книжка /ее у нас отклонили, как известно/. И что? Посадили бы в два счета. И никто этому даже не удивился бы. Наоборот, удивились бы, если бы не посадили. А уж о том, чтобы напечатать такую книжку на Западе, и речи быть не могло. Не допустили бы. Расстреляли бы заранее. А теперь? Руководству хорошо известно, что книгу Гения пропускать нельзя. И снизу по этому поводу сигналы были. И сверху указания были. Однако все равно начинают разводиться мороку. Обсуждают на секторе. Критикуют. Но все же рекомендуют к печати. Мол, спорная концепция. Но — наука же. И на Западе хвалят. Затем Ученый Совет. Та же комедия. Опять немножко ругают, немножко хвалят. И опять утверждают. И так далее. Книгу все равно зарубят на каком-то этапе, но так, чтобы никто этого не заметил, чтобы никого в реакционности обвинить нельзя было, чтобы выглядело это как желание прогресса и добра. Боже мой, сколько на все это сил уходит и времени! И нет гарантии, что книжка не пройдет. Иногда проскакивает. Тот же Гений ухитрился все-таки две книги протаскать. До сих пор не могу простить себе, как это я прозевал. С одной книжкой этот мерзавец проделал такой трюк: на обсуждение давал один текст, а когда дело дошло до типографии, ухитрился подменить его и подсунуть другой! Обсуждавшийся текст был типичным бараклом. Со ссылками, цитатами. Отчего не пропустить? Пусть все видят, что этот Гений ничем других не лучше. С другой книжкой чистый случай вышел. Мы подготовили ряд писем в издательство с разоблачением некоторых ошибочных положений автора. Пока мы это делали, в издательстве слетела одна книга. Образовалась «дыра», невыполнение плана. Старший редактор предложил Гению пустить его книгу без литературного редактирования и с одной лишь версткой. Тот, конечно, согласился. Он знал, что письма будут и решил: лучше плохо напечатанная книга, чем совсем без книги. Когда наши письма дошли до руководства издательства, книга уже поступила в продажу. Одного из авторов писем чуть удар не хватил от огорчения. Но после этих казусов мы приняли надлежащие меры. И этому негодяю больше уже не удалось напечатать ни одного своего враждебного нам сочинения.

Впрочем, лично я его сочинения не читал. Во-первых, в них ничего понять нельзя. А во-вторых, не стоит тратить время на всякую ерунду.

Гораздо проще было с заграничными поездками. Там давно смекнули, что Гений не наш человек, и начали его раздувать. Приглашать стали на всякие конгрессы и симпозиумы с лекциями. И просто так, посетить. Когда это все началось, я как раз заведовал Иностраным отделом. Возможности сорвать поездку сотрудника практически неограничены. Например, приглашение пришло, а ты приглашенному о нем не сообщая. Если он пронюхает какими-то иными путями, говоришь, что приглашение получено, будем оформлять. Но обычно приглашенные узнают о приглашении много времени спустя, когда приглашения теряют смысл. Или включили сотрудника в делегацию. Надо оформлять документы обязательно. Ты и оформляешь. Но что тебе стоит оформить так, чтобы их вернули обратно. Задержать на недельку. А если все же какое-то начальство требует оформить в срок, оформляешь в срок и как следует. Но накануне отъезда делегации снимаешь трубку телефона, набираешь хорошо знакомый номер и говоришь, что в институте есть мнение, что такого-то пускать на Запад не целесообразно. И человека в самый последний момент задерживают. Нашему Гению даже в голову не приходило, что по крайней мере в тридцати случаях из пятидесяти за границу ему сорвал я. И я об этом не жалею. Наоборот, горжусь. И время подтвердило мою правоту.

Начало

И какое мне, собственно говоря, дело от этого вшивого Гения?! Я много раз говорил себе: плюнь ты на него, пусть просидит штаны над своими бумажками и приобретает «мировую» известность! Живи себе спокойно! Однако чувство партийного и гражданского долга пересиливало. Если я оставлю его в покое, и другие оставят его в покое, то этот мерзавец натворит таких дел, что... Нет, за такими надо смотреть в оба.

А между прочим, у нас с ним были хорошие отношения. Пришел он к нам в институт сразу после защиты кандидатской. Говорили, что защита была блестящая. И перевозили его до небес. А ведь ему еще и двадцати пяти не было! Я в двадцать пять только из армии демобилизовался и на первый курс поступил. Где справедливость?! Мы воевали, а эти сопляки пришли на готовенькое. И сразу диссертации позащищали. Я диссертацию защитил только через пять лет после этого сопляка. Мне за сорок было.

Так пришел он в институт. Молоденький, ершистый. Отозвал я его как-то в уголок и решил поговорить с ним по-дружески. Вы, говорю, еще молоды, многое не понимаете. Тут, говорю, вам не студенческая компания, а серьезное идеологическое учреждение. Эти ваши анекдотики и шуточки придется оставить. А от какой организации, говорит он, вы изволите со мной беседовать? По доброй воле или по чьему поручению? Пока по доброй воле, говорю. Как старший товарищ, как коммунист. А пошел ты, говорит он, старший товарищ, на ...!

Очень нехорошее впечатление произвела на меня эта беседа. Я, конечно, сообщил о нем /о его разговорчиках/ куда следует. Директору рассказал. В партийное бюро сообщил. Парень молодой, сказали мне, не надо торопиться с выводами. Но этим дело не кончилось. После одной защиты попал я на банкет. Тогда все банкеты устраивали. Прямо-таки банкетная эпидемия была. Это потом ее запретили. Да и с продуктами стало хуже, цены подскочили. А тогда каждую неделю чей-нибудь банкет был. И этот самый наш Гений там оказался. А этот как сюда попал, спросил я у одного из посетителей. Он был оппонентом, говорит гость. А вот как вы сюда попали, между прочим? По долгу службы и совести, говорю. Гость струхнул и испарился. А я прошел на почетные места. Пили, конечно, много. И ели неплохо. Тогда еще было что есть. Это теперь везде пусто. Пили, ели, смеялись, кричали. Анекдоты, конечно. Распустились, сволочи. Я тоже подвыпил. И на мгновение вспыхнули у меня в душе теплые чувства к Гению- он

сидел напротив. Я даже чокнулся с ним. Заговорили о диссертациях, статьях, книгах. Ты, сказал я Гению, скоро академиком будешь. Сколько статей-то напечатал? Ого! И книга выходит. Скоро можно собрание сочинений в пяти томах издавать. Хорошо тебе. А вот мне — работаю, как вол, а плоды труда незаметны. Не горюйте, сказал он, плоды Вашего труда очень даже заметны. А Ваши сочинения, я полагаю, можно уже в десяти томах издавать. Какие, удивился я. Как какие, говорит он. А доносы? Представляете, полное собрание доносов в десяти томах... Кругом засмеялись. А мне-то было какво?! Хотел я вскочить и дать негодню заслуженную пощечину, но упустил время. Про меня сразу же забыли. Тамада призвал к тишине и предоставил слово для очередного тоста... Не помню уж, кому. Я тихонько вышел из-за стола и незаметно ушел. Ну, мерзавец, думал я по дороге домой, теперь я тебе покажу! Теперь-то я тебя раскусил. Я тебя выведу на чистую воду!

Война

В институте крикуны говорят, что я всю войну просидел в штабе. Во-первых, не в штабе, а в политотделе дивизии. Во-вторых, не просидел, а выполнял свой долг там, где мне указала Партия и Командование. Я окончил школу замполитов и прибыл обратно в полк, но меня вскоре откомандировали в распоряжение политотдела дивизии. Когда началась война, мне уже присвоили офицерское звание. И обязанности свои я выполнял добросовестно. Был инструктором, лектором, заместителем редактора дивизионной многотиражки, заместителем начальника политотдела. Начальство меня ценило. Я был награжден орденом и тремя медалями. И это, уважаемые крикуны, вы у меня не отнимите.

Эх, хорошее это было времечко, война! Конечно, трудности, жертвы, испытания. Но героическое было время. Все было ясно и понятно. Никаких колебаний и сомнений. Кормили нас хорошо. И одевали неплохо. И выпивать было вдоволь. Тут я впервые начал выпивать. Что поделаешь, положено было. И женщины. Скрывать не буду, этого тоже было в избытке. Мы же люди все-таки. Даже сам Маркс говорил, что ничто человеческое мне не чуждо. Был у меня серьезный проступок по этой части, сознаюсь. Но я честно признал его и понес заслуженное наказание: мне объявили выговор с занесением в личное дело и задержали присвоение внеочередного звания /я демобилизовался капитаном, а если бы не тот проступок, был бы майором/. Потом я свою вину искупил. Когда встал вопрос о снятии с меня взыскания, сам начальник Особого отдела дивизии сказал, что этот проступок был для меня случайным, и что я осознал свою вину и за прошедший период искупил ее, оказал серьезные услуги нашему государству. Какие услуги, об этом пока нельзя говорить.

Что за проступок я совершил? Сейчас-то я вижу, что я совсем не виноват был. Но тогда у нас в политотделе целая группа тепленькая сложилась нездоровых элементов, которые подняли шум и раздули дело. Так что тогда было правильно признать вину. Потом кое-кого из этой группки взяли. Одного из них много лет спустя реабилитировали даже. А зря, так как он написал враждебную клеветническую книжку и опубликовал ее на Западе. В книжке он упоминает некоего К., который, якобы, написал на него донос. Это — я. Но это неправда, никакого доноса не было. Просто я пришел в Особый отдел и честно рассказал все, что думал об этих людях. Начальник отдела сказал мне, чтобы я сел и записал все это на бумаге. Я так и сделал. Разве это донос? К тому же это было потом, после того, как я совершил мой так называемый проступок.

Прислали к нам в дивизию девчонок на самые разные должности. Естественно, самых лучших разобрало себе высшее начальство, похуже — начальство поменьше, а самых никудышних распределили по разным службам. Попала одна такая

замухрышка в мое распоряжение. Быть чем-то вроде секретарши и машинистки, а заодно выполнять мелкие поручения /чай, стирать и подшивать подворотнички, бегать с пакетами и т.п./. Сначала я на нее внимания не обращал. В это время у меня была подходящая баба. В столовой работала, официантка. Не очень, конечно, молодая. Но крепкая, спокойная и опытная. И заботилась обо мне. И выпить доставала. И поесть кое-что вкусенькое. В общем, баба что надо. Мой непосредственный начальник не раз мне говорил: удивляюсь, мол, как такому серому и унылому хмырю досталась такая аппетитная баба? Может, у тебя член выдающийся? А ну, покажи. Я, конечно, только отшучивался. Но про себя гордился.

Был, правда, у нас один парень /трудно сказать, какая у него была должность/. Красивый, ловкий. Уже капитан. Три ордена. Одно время мы жили с ним в одной комнате. Так он мне говорил, что я типичный лапоть. Прицепился, мол, к одной бабе. Теперь время такое, надо удачу ловить. Вот он, например, уже вторую сотню заказывает. Пока полтысячи не трахнет, не успокоится. Болезни? Ерунда! Сказки. Надо только уметь выбирать. Выбирай невинных девчонок, полная гарантия, что не заразишься.

Слушал я этого капитана, и завидно мне становилось. Конечно, он малость привирал, но не очень. Я сам не раз убеждался в этом. Он водил девчонок в нашу комнату. Меня на это время он выгонял. И по виду уходивших девчонок было видно, что он своего добивался. Как-то я ему сказал, чтобы он устроил мне одну девчонку. Он сильно удивился. Как? Неужели ты сам не можешь?! Это же так просто! Вот они все так, — понимают, что не все то, что доступно им, доступно другим. Этот капитан ужасно в чем-то схож с Гением. Тот тоже однажды сказал директору, когда тот попросил его помочь мне довести до печати одну его статейку, что с такой тривиальной темой может справиться даже ребенок.

Наслушался я разговоров капитана и решил применить его теорию к моей помощнице Замухрышке. Первый раз после этого я осмотрел ее внимательно. И заметил, что она не так уж дурна. И не такая уж тощая. Грудь, зад, ножки, — все в норме. И мордочка премиленькая. А зубы, скажем, прямо заглядение. Скромненькая, тихенькая, — так это же хорошо. В общем, я остался доволен осмотром и принял твердое решение: эта девочка будет моей!

Вечером я взял у своей бабы поллитровку и закуски, сказал, что сегодня занят, встречаюсь с одним важным человеком /баба считала, что я на «секретной работе»/ и угощение для него. Позвал к себе Замухрышку, попросил капитана на время смыться /дал, кстати, ему координаты своей бабы и, судя по всему, он там заночевал, — потом я своей бабе за это сцену закатил дай боже!/. Замухрышка сначала отказалась пить, просила ее отпустить. Но я уговорил ее выпить стопочку, пообещав отпустить потом. Она выпила и захмелела. Потом еще. В общем, так она и осталась у меня. Но хотя она и была пьяна, я с ней ничего не мог сделать. Уперлась, как осел: пока не зарегистрируем брак, она не даст! Всю ночь я с ней промучился. Утром капитан, увидев мой измученный вид, поздравил меня с победой.

Меня история с Замухрышкой, как говорится, заела. Я решил добиться своего, чего бы это мне не стоило. Это качество — железную и непреклонную волю - я в себе ощутил еще в школе. На следующую ночь я ушел к своей бабе. Та все время путала меня с капитаном, и я закатил ей сцену ревости. Все мои попытки в последующие дни заманить Замухрышку к себе в комнату не увенчались успехом. Тогда я пошел на хитрость. Перепечатывала она какие-то секретные бумаги для начальника /а у нас все бумаги были секретные, — война!/. Вышла на минутку/ в туалет, надо полагать/. Я у нее несколько листочков и изъясил незаметно. Так, чтобы она не сразу

хватила. Чтобы хватилась тогда, когда меня в комнате не было. Чтобы меня видели в другом месте. В общем, я все тонко рассчитал. А за потерю таких документов... Сами понимаете! Тем более для глупой девчонки. Документы-то, конечно, ерунда. И ничего бы ей не было. Ну, дали бы суток пять губы, и все. Но она-то не знала, глупая. Она-то думала, что за это полагается трибунал.

Хватила она этих листочков, побледнела, губы трясутся. Мне аж жалко ее стало. Она ко мне, конечно. Я же начальник ей. Дело, говорю, серьезное. Надо подумать, приходи, говорю, ночью ко мне и обдумасм. Придешь — все возьму на себя, найдем эти листочки. Не придешь — пеняй на себя. Трибунал! Вот так-то! Она ничего не сказала. Ушла куда-то. Я про себя усмехаюсь: мол, придешь, голубушка, никуда не денешься! А она, дура, взяла и повесилась! И записку оставила, в которой все рассказала. Честная, мол, она. Вот и раздули из этого пустяка дело целое.

Эх, молодость, молодость! Ушла ты и никогда не вернешься. В трудные годы жизни Страны ты прошла. Тяжкие испытания выпали на твою долю, не то, что у нынешней молодежи. Они без труда и трудностей имеют все то, что мы отстаивали для них такой дорогой ценой!

Институт

После демобилизации из армии я поступил в Институт Международных Отношений. Конечно, пока мы воевали, тут подросли маменькины сыночки со связями и знанием иностранных языков. И нам, ветеранам, нелегко пришлось. Надо было наверстывать упущенное и заниматься общественной работой. Меня сразу избрали в партийное бюро курса, затем — секретарем парторганизации курса, затем — в бюро всего института. Учиться было трудно. К тому же я в это время уже женился. Правда, у жены была хорошая квартира, и отец ее заведовал крупным магазином, так что жили мы сытно. Но все равно семья. Так что пришлось специализироваться по Польше. Кто знал, что эта специализация, казавшаяся тогда самой легкой, окажется скоро довольно коварной и бесперспективной?!

По окончании я хотел было развестись с женой /потаскуха попалась редкостная!/, но ничего не вышло. Жена написала заявление в партбюро, и мне пришлось выбирать: либо в Польшу ехать в посольство, но с женой, либо развод, партвзыскание и работа где-нибудь в провинции /преподавать польский язык!!! каким-нибудь эскимосам или чукчам!!!/. Я, конечно, выбрал первое.

Работа в посольстве

В Польше я проработал около пяти лет. С женой мы помирились. Появились дети. Работа была интересная: следить за поведением наших граждан в Польше, за переводами наших авторов на польский, за высказываниями польских авторов о нас и т.п. Между прочим, я и впоследствии входил в специальный комитет, контролировавший эту сферу деятельности наших граждан в Польше. Когда поляки сделали перевод одной из книжек Гения и собирались уже печатать его, я решительно вмешался в это дело, и издание было запрещено. Никто так и не узнал, почему издание сорвалось. Тогда Гений вроде был в почете, претензий к нему никто не имел. Но я глядел вперед. И кто же оказался прав? То-то!

Жалоб на мою деятельность было много. Но я твердо проводил нашу партийную и государственную установку. И положение мое было прочно. К тому же я одновременно выполнял функции, которые не принято афишировать. Из-за этих-то функций моя дипломатическая карьера и сорвалась. Я не учел того, что началось «либеральное» время, и стал собирать сведения о поступках некоторых важных сотрудников посольства, явно порочащих их. Они объединились и

совершили по отношению ко мне нетоварищеский, подлый поступок: они однажды устроили вечеринку, сильно напоили меня /наверно, что-нибудь подсыпали! / и подсунули женщину дурного поведения, болевшую венерической болезнью. Жена после этого со мной развелась. А эта женщина обвинила меня в том, что ее якобы заразил я. Кончилось дело тем, что судить меня не стали /не за что!/, но дипломатическую работу пришлось оставить и перейти на идеологический фронт. Впрочем, я об этом не жалею, так как вскоре понял, что именно идеология есть мое призвание.

Идеологический фронт

Когда меня переводили в область идеологии, со мной имели беседу в одном ответственном учреждении. Вот смысл этой беседы.

Сейчас начинаются либеральные веяния. Мы вынуждены перед Западом делать вид. Иначе сейчас нельзя. Нам надо преодолеть трудности, для этого нужны связи с Западом, поэтому... И т.д. Это — временно. Поэтому надо суметь провести линию Партии достаточно гибко и умно. Нужно терпение и т.д. Из этого не следует, однако, что мы пошли на уступки. Наоборот, надо помнить и быть готовым. И неуклонно... и т.д. Вам поручается трудный участок. Не ждите указаний. Сами проявляйте должную инициативу. Научитесь распознавать реальных врагов. Главный враг — не эти либеральные болтуны. Они получают свое /степени, звания, квартиры и т.п. / и заткнутся. Главный враг — кого ничем не подкупишь и ничем не испугаешь. Надо умело помешать появлению значительных независимых личностей, которые не подчиняются нашему контролю. Приглядитесь на месте. И действуйте по обстоятельствам.

Так что ошибаются те, которые думают, будто я по своей инициативе избрал Гения в качестве параноидальной жертвы и преследовал его всю жизнь до самого его падения. Ничего подобного. Я лишь обнаружил его и выполнил свой долг. И действовал я не по своей инициативе, а в соответствии с глубокой и дальновидной установкой Партии. И я горжусь тем, что я справился с поручением. Я уверен, что когда-нибудь о таких людях, как я, будут писать книги и фильмы делать! А давно ли слово «разведчик» было синонимом слова «шпион», а последнее звучало предосудительно?!

Трудности

Теперь, когда «либеральный» период окончился /я сравниваю этот период с временным отступлением, какое имело место при НЭПе/, многое кажется уже неправдоподобным. Например, сейчас невозможно понять, как могли печататься книги, имеющие отношение к идеологии, без ссылок на классиков марксизма, на постановления партийных органов, на речи руководителей Партии и т.д. А ведь это было на самом деле. Причем, происходили даже чудовищные по теперешним представлениям сцены. Например, обсуждали одну из книжек Гения. В книге ни малейшего намека на марксизм. Я, конечно, обратил на это внимание. А этот негодяй даже глазом не моргнул. Говорит, классики на эту тему не высказывались, ибо и темы такой не было. Присутствующие одобрительно смеются! Я говорю, что автор должен как-то выразить, что он — марксист. А этот наглец в ответ: мол, он излагает свою концепцию, а не марксистскую. И опять одобрительный смех! Вот до чего докатились! Я после этого, конечно, информировал высшие инстанции о таком, с позволения сказать, обсуждении. Но — никакого эффекта! Книгу, правда, задержали. Но по другой причине. Либеральные друзья постарались: написали «телегу», что, мол, концепция спорная, повременить надо. А что в ней спорного? Все ясно: немарксистская концепция!

Вообще эти стыдливые либеральные марксисты много напортили. Они по сути дела то же самое, что и я. Только изображали из себя передовых и прогрессивных. А на нас сваливали всю черновую работу. Им — звания, премии, почет. Нам — презрение и насмешки. Подумать только, мою честно-марксистскую диссертацию трижды отклоняли, прежде чем выпустили на защиту! Мол, ничего нового. А у вас то много нового?!

Но вот окончился «либеральный» период, кончилось вынужденное отступление. Казалось бы — надо призвать тех, кто все эти годы был тверд и непреклонен. Однако ничего подобного не произошло. Новое начальство первым делом дало понять, что не имеет со мной ничего общего. Неправильно это. И даже не прислушались к моему голосу, не учли мой опыт и многолетнее наблюдение. Неправильно это. И не справедливо. Я еще полон творческих сил и мог бы еще... А меня — на пенсию...

Образ жизни

Со второй женой мне тоже не повезло. После развода с первой женой мне досталась комната в коммунальной квартире /мы разделились и разменяли квартиру/. Жена /первая/ от алиментов отказалась, но поставила условием: отказаться от прав отцовства. Она вышла замуж за какого-то молодого кретина /теперь модно жениться на женщинах с детьми/, и тот усыновил моих ребят. Жалко, конечно, было. Я к ним по-своему привязался. Но что поделаешь. Такова Жизнь! Я назвал этого парня кретином. Это неверно. Он — хитрая бестия. Отец жены — первой — стал первым заместителем министра и был избран в ВСП. Так что сами понимаете. А я вот — действительно кретин. Если бы я знал, разве тогда... Никогда не прощу той минуты себе. А у второй жены тоже была своя комната осталась от ее первого мужа/. Правда, у нее была взрослая дочь. Но зато она была уже кандидатом и писала докторскую. Мы съехались. Дали, конечно, приличную взятку и заимели... Думаете, двухкомнатную? Нет, берите выше: трехкомнатную квартиру! Сначала мы жили хорошо. У дочери комната. У нас с женой комната. И гостиная /она же кабинет/. И зарабатывали мы хорошо. Гонорары шли. Мы стали копить на дачу. Нам повезло: институту выделили садово-огородные участки. Мы, конечно, получили. Поставили домик. Снаружи посмотреть — летняя пустяковая постройка. Но внутри... в общем, хороший дом. И зимой даже жить можно. Поскольку все так делали, к нам никто не придирался. А деньги мы стали копить на машину. Отдыхать ездили в южные санатории /у жены были связи в Президиуме Академии, и путевки для нас не были проблемой/. Несколько раз съездили по туристическим путевкам на Запад. Любопытно, конечно. Но ничего особенного. И дороговато. Правда, мою путевку обычно оплачивали... Это неважно, кто оплачивал. Но все равно, дороговато. И хлопотно. Гораздо выгоднее в делегации ездить. Но это — особый вопрос. Это - работа. Романтика! Жили мы так тихо-мирно, как вдруг моя жена вообразила, будто я совращаю дочь. Это, конечно, наглая ложь. Если что и было похожее /хотя, честно говорю, ничего не было/, так это она сама. Я не раз говорил жене, что она напрасно с детства раскормила девочку, разговоры всякие вольные при ней вела, анекдоты разные непристойные, книжки. И кино разрешала смотреть. Теперь ведь ни с чем не считаются. Даже по телевизору показывают, как люди обнимаются и целуются. И даже как в кровати лежат. Скандал мог получиться нехороший. Удалось замять. Мне пришлось отказаться от доли в даче и от всех сбережений на машину. Жена поступила не по-товарищески. Она уже докторскую защитила, так что могла бы... но мне все же удалось при размене получить однокомнатную квартиру. В институте слухи всякие ходили. Меня после этого дважды проваливали на выборах в партийное бюро. Крикуны требовали судить, во всяком случае — уволить. Но все обошлось.

Зато с третьей женой у меня все в наилучшем виде. Женщина она оказалась скромная, молчаливая, бережливая. Работала в Президиуме Академии, у ... Да, у того самого. Слухи всякие ходили, что она была у него любовницей. Но какие только слухи не бывают! Вон, даже обо мне болтали бог знает что! У жены была однокомнатная квартира в кооперативе. Мы объединились и приобрели трехкомнатную квартиру в хорошем районе и рядом с метро. Так мы и живем с ней до сих пор. Хорошо живем. Только одно у нас разногласие было: она считала, что деньги надо на сберкнижку класть, а я считал, что надо ценные вещи покупать. Вещи теперь все время дорожают, а деньги... Деньги теперь — бумага!.. Я настоял на своем, и жена теперь боготворит меня за это. Правда, говорит, по квартире трудно передвигаться. Это верно. Отчасти это есть. Но вот после Нового года мебель подорожает, один спальный гарнитур и один столовый можно будет продать.

А на пенсию они меня все-таки зря отправили. Обидно. Несправедливо это. Директор сам, говорят, недавно признал, что без меня вся пропагандистская работа в институте развалилась.

Общественная работа

Общественная работа — это работа, выполняемая гражданами сверх своих профессиональных обязанностей. Считается, что она выполняется в сверхурочное время. Фактически же она по крайней мере во многих случаях выполняется в рабочее время. И очень часто — вместо служебных обязанностей. Большое число сотрудников официально числится на каких-то служебных должностях, фактически занимаясь профессионально этой общественной работой. Считается, что это — добровольная безвозмездная деятельность на благо общества, зародыш коммунистического отношения к труду. Конечно, это — коммунистическая форма труда. Но... В общем, я специалист по этой самой общественной работе. Я на ней собаку съел, как говорится. Так что в чем- в чем, а в этом деле я толк знаю. Однажды я написал на эту тему статью для журнала «Коммунист». И написал в ней все то, что сам видел и понял. Меня потом вызывали в ВСП. Похвалили. Но печатать запретили. Потом статья на эту тему вышла за подписью Секретаря ВСП по идеологии. Все мои идеи были использованы. Только жутко искохалбены. Так я и остался ни с чем.

Прежде всего насчет добровольности. Члены партии и комсомола обязаны заниматься общественной работой. Иначе — взыскания, проработки и т.д. Прочие тоже обязаны, поскольку в характеристику сотрудника обязательно включается указание на участие в общественной работе. Конечно, не в такой мере, как члены партии или комсомольцы, но так или иначе. Человека, который уклоняется от общественной работы, берут на заметку и принимают меры. А меры разные. Начиная от надбавки к зарплате, повышения в должности и кончая квартирными делами, поездками за границу, публикацией работ и т.д. Лишь те, кто утратил всякие перспективы роста и улучшения жизни, игнорирует общественную работу. Или еще аристократы, знаменитости, люди с высокими связями. Например, наш Гений уклонялся от общественной работы, и ему это сходило с рук, поскольку считалось, что он — Гений. Я неоднократно обращал внимание общественности на этот недопустимый факт. Но на это не среагировали. А потом хватились — было уже поздно. Однажды я хотел привлечь Гения к работе на избирательном участке. Подежурить хотя бы пару раз. Так он послал меня на... Сказал, что в этой комедии выборов не участвует. Я об этом факте сообщил. И опять без последствий. А потом хватились — было уже поздно.

Затем о безвозмездности. Большинство лиц, занятых общественной работой, получает вознаграждение в форме хорошей характеристики, благодарностей и даже

премий. Очень часто время, потраченное на эту работу, компенсируется: официальные «отгулы», неофициальные «отпуска». Выдаются билеты в зрелищные предприятия, путевки со скидкой и т.п. Многие получают специальную плату /например, преподаватели Вечернего Университета Марксизма-Ленинизма/ и гонорары /например, лекторы различного рода партийных органов и обществ, вроде общества «Знание»/. Во многих случаях занятия общественной работой очень выгодны. Вот два примера. Один наш сотрудник вел пропагандистский семинар в Городском Совете. В семинаре — заместитель заведующего жилищным отделом. И он устроил руководителю семинара трехкомнатную квартиру на двоих! Другой сотрудник вел такой же семинар в оперном театре. Так что он ходил в театр регулярно бесплатно и переспал чуть ли не со всеми балеринами. Конечно, второсортными. Но это даже лучше. Тело у плохих балерин куда лучше, чем у ведущих. Те страшные и тощие. Так что общественная работа — штука сложная и разнообразная. Кому она обуза, а кому забава. Кому ущерб, а кому выгода. Это — работа, и, как всякая работа в нашем обществе, она неоднородна.

Основная форма общественной работы — участие в выборных органах: партийное бюро, профсоюзное бюро, местком, комсомольское бюро и т.д. Обычно за это идет борьба. Иногда — очень острая, ибо это есть борьба за участие во власти, за привилегии. Секретарь партийного бюро учреждения и председатель месткома, например, это очень влиятельные фигуры в учреждении. Лица, входящие в жилищные комиссии, распоряжающиеся распределением путевок в дома отдыха и санатории и т.д., играют весьма заметную роль в жизни коллектива.

От постановки общественной работы в учреждении и от участия учреждения в работе такого рода вовсе зависит оценка деятельности учреждения высшими партийными и административными органами. А это — оценка деятельности руководства. Премии и награды. Или, в противном случае, порицания. Например, я организовал несколько коллективных выездов сотрудников нашего института на заводы с лекциями. В результате директор и секретарь партбюро получили ордена, многие сотрудники — медали и премии. И вплоть до докладов Вождя на всех инстанциях нас приводили в качестве примера.

Формы и функции общественной работы весьма многообразны. Я собираюсь на эту тему книгу писать. Материалы у меня есть. Опыт есть. И время есть. Я уже предварительно договорился с издательством «Мысль». А здесь еще несколько слов в заключение. Общественная работа и есть форма приобщения индивида и коллектива в целом к специфически коммунистическому образу социальной жизни. Общественная работа не вытесняет и не заменяет производственную. Это — иной разрез жизни нашего общества. Он столь же необходим, как и производственный.

В институте длительное время я тащил на себе всю организацию предвыборных кампаний и лекционно-пропагандистской работы. Надо отдать должное Гению, он это понимал. Когда нам назначили нового директора /который изображал из себя либерала/, кое-кого из «сталинистской» гвардии стали увольнять. Решил директор и меня уволить за несоответствие занимаемой должности. И Гений тогда сказал прямо с трибуны, что меня ни в коем случае увольнять нельзя. Общественную работу с нас все равно не снимут. А если меня уволят, то на мое место придется брать десять таких же паразитов. Между прочим, так оно и произошло. Как я ушел на пенсию, так с общественной работой в институте начался развал. И переходящее знамя институту не дали. Общественная работа — дело серьезное. Тут есть свои законы и правила. Обязательно надо книгу написать. Учебник! О! Это идея! Именно учебник.

Грязная история

На нашей лестничной площадке, прямо напротив нашей квартиры жил один инженер. Молодой еще. Сейчас он умер. С перепоя. Говорят, печень. Когда мы тут поселились, он еще в норме был. Но случились какие-то неприятности на работе. То ли он у кого-то что-то позаимствовал, то ли у него позаимствовали. Кто их там разберет?! Мне он говорил, что его изборотение присвоил начальник конструкторского бюро с холуями. Премию отхватили. А его даже из списка вычеркнули. И подтасовали дело так, будто он у них что-то стянул. Может быть и так, кто их знает. У нас это — обычное дело. К этому привыкать пора. Выдержку иметь надо. А он запил. И покатился. Скандалы, вытрезвитель, пятнадцать суток за хулиганство. Уволили. Устроился в какую-то артель. А там — левые заработки. Пьянки. И стал парень хроническим алкоголиком. Лечили — не помогло. Пропивал все, что под руку попадалось. Занимал у всех подряд мелочь. И не отдавал, конечно. Жена у него — женщина в современном стиле. Кажется, художница. Тоже выпить не дура. Один раз я сам видел, как она вдвоем с подругой бутылку коньяка опустошила. Дома всегда посторонние мужчины и женщины. А у них дочка, лет четырнадцати. И все у нее на глазах. Жалко девочку. Мы с женой ее подкармливали. А иногда она и ночевала у нас на диване в гостиной.

Однажды инженер попросил занять ему рубль до получки. Какая там получка?! Знаем мы эту «получку»! Я отказал. Тогда он предложил мне за трешку устроить переспать с его женой. Я, конечно, возмутился. Но он не отставал. Ты, говорит, мужик еще в силе, а баба твоя — старая калоша. Неужели, мол, не надоела? А моя жена, говорит, девочка что надо. Потаскуха, конечно. Но это пустяки. А кто теперь не потаскуха? Ты, говорит, гони мне трешку, а ей купи духи или трусики. А остальное, мол, я устрою. Я некоторое время колебался. А потом подумал: жизнь уходит, все мужики имеют кучу любовниц, а я, как дурак, с одной бабой волюньюсь. Не такая уж она калоша, это он напрасно. Но далеко уже не молодая. И я согласился. И получилось все до ужаса просто. Мы остались вдвоем. Она сказала похабное слово. Мол, будем ..., что ли?! У меня сначала от неожиданности даже аппетит пропал. Но когда она разделась, я пришел в норму. В общем, справился как следует. Она даже похвалила. Сказала, что хотя я на вид дохлая крыса, а в постели вроде бы ничего, терпеть можно.

Инженеру понравилось таким путем выкачивать из меня трешки и пятерки. Но мне уже надоело. Я, говорю, не в том возрасте, чтобы двух баб обслуживать. Хватит. Тогда-то он и предложил мне за приличную сумму /рублей пятьсот запросил, мерзавец/ дочку устроить. Все равно, говорит, девка созрела. Все равно, говорит, ей долго целкой ходить не дадут. Либо ребята из школы изнасилуют. Либо прохода какой из приятелей жены. Там один уже давно на нее прицеливается. Лысый такой, видел, небось? Я, конечно, понимал, чем пахнет такая авантюра. И решительно отказался. Но мысль насчет девочки из головы уже не выходила. Как говорил сам Маркс, ничто человеческое мне не чуждо. Я стал приглядываться к девочке. А инженер не отстает. Как встретимся, опять тот же разговор заводит. И сумму скинул до трехсот. Говорит, задолжал он одному подонку. Если не вернет, тот ему нож в пузо воткнет. Угрожает. До зарезу три сотни нужны!

Вот какая история закрутилась! А девочка, как назло, заходит к нам. Вопросы задает. Когда телевизор смотрим, ногой прижимается. А то и грудью. Я чувствую, ее и даром взять можно. Но страшновато. Случись что — беды не оберешься. Опасно. Несовершеннолетняя. Правда, в уголовном кодексе речь идет о детях, не достигших половой зрелости. А эта девочка явно достигла. Надо, думаю, проверить!

И проверил. Случилось это так. Жена уехала к родственникам. По телевизору фильм интересный передавали. Детектив многосерийный. Я только устроился поудобнее на диване, как звонок. Открываю — она. Сейчас, говорит, детектив будет, а у них гости. Нельзя ли, мол,... Конечно, говорю, можно. Проходи, говорю, садись. Вот сюда! И посадил ее рядом. Начался фильм. И как-то само собой получилось, что обнял я ее. Не сопротивляется. Я дальше. Пошупал грудь. Ого! Ничего себе! Не то что у моей «старой калоши». Потом коленки потрогал. И так дальше. Честно говорю, только руками трогал. Гладил, но не больше. Очень мне хотелось сделать больше, давно я такого состояния не испытывал, но все же я нашел в себе силы удержаться. И предчувствие было нехорошее какое-то.

Кино кончилось. Девчонка ушла. Жена приехала. Мы уж спать приготовились, как на нас и обрушилось это наваждение. Теперь я понимаю, что все было заранее подстроено. Но тогда я растерялся. Оказывается, девчонка пришла домой и сказала матери, глупая, что я ее изнасиловал. Мать сейчас же в милицию. И к врачу. Составили акт: повреждены половые органы! Милиция заявила. Протокол. Свидетели. Боже мой, что тут началось! Жена требует расследования, она, мол, убеждена в том, что я невиновен, что я — честный коммунист. Запахло судом. Тут-то мне и предложили «откупиться» — выплатить компенсацию за моральный ущерб в тысячу рублей! Инженер потом сказал мне, что я болван, мол, за три сотни иметь девочку не согласился, а теперь тыщу придется платить за то, что пальчиком попробовал. И хохотал до слез, мерзавец.

В институте специальную комиссию по этому поводу создали. Выяснилось, что я не виноват. Так и на собрании объявили. Мол, меня шантажировали. Но на пенсию все-таки уволили.

Жена после этого как-то странно стала на меня поглядывать. Спать мы стали в разных комнатах. Даже запирались стали. Последнее время я стал замечать, что...

ЗАТЕЯ

Снометрия

Лишь одна область человеческого бытия упорно не поддавалась контролю и надзору со стороны вездесущих и всеведущих ОГБ, родного коллектива и всего народа,— область снов. Это обстоятельство вызывало раздражение не столько потому, что люди могут во сне вытворять недозволённые поступки и произносить подрывные речи, сколько потому, что оставалось неизвестным поведение людей в их снах, а это — треть времени человечества. В самом деле, что они там себе позволяют, пока валяются в кроватях, на диванах, под заборами, на полках вагонов, в креслах самолетов, на койках вытрезвителей, пока храпят и портят атмосферу запахами плохо переваренной отвратной пищи, хорошо переваренной отвратной пищи, плохо переваренной хорошей пищи и хорошо переваренной хорошей пищи /последнее происходит обычно в районах, где живет высокое начальство/. Треть времени без надзора и контроля!! Так продолжалось до тех пор, пока младший сотрудник одного научного учреждения не сформулировал от нечего делать основы снометрии,— науки об измерении и расшифровывании снов. Он нашел гениально простые исходные постулаты для новой науки, приняв которые уже не стоило большого труда разработать методы измерения сновидений и расшифровки их содержания. Специально созданный для этого институт сконструировал цветной и звуковой сновизор, дающий не менее четкие изображения и звуки, чем привычный телевизор. В системе ОГБ была учреждена специальная служба наблюдения и контроля за сновидениями /СНКС/, снабженная сновизорами новейших конструкций. С помощью таких сновизоров стало возможно смотреть, слушать и снимать на особую пленку сон любого избранного для этой цели гражданина в радиусе десяти километров от наблюдательного пункта.

Вот эти основные постулаты снометрии: 1/ сон индивида вполне адекватен его социальному положению или ниже его; 2/ индивид не может видеть себя рангом выше, чем он мечтает быть в бодрствовании; 3/ индивид не может совершить во сне поступки, которые он не мечтал бы совершить в бодрствовании; 4/ индивид не может обладать во сне материальными ценностями, которые недоступны ему в реальной жизни; 5/ совершаемые во сне поступки заключены в рамки реального и мечтаемого наяву поведения индивида; 6/ каждый индивид имеет свой коэффициент искажения своего реального поведения и мечтаемого поведения во сне, который больше нуля и меньше единицы; 7/ каждый индивид видит во сне других людей в худшем виде, чем они есть на самом деле и т.д. Нет необходимости продолжать, так как сказанного достаточно для понимания сути дела. В основу же сновизора был положен принцип, согласно которому каждому элементу содержания соответствует особое, точно измеримое явление в природе биотоков индивида. Составив таблицы сознания идеально мыслимого индивида, инженеры получили способ переводить биотоки мозга в зримые и слышимые картины процесса сознания. Скоро выяснилось, что идеально мыслимый индивид в данном случае оказался сильно

завышенным, так как реальные индивиды оказались неизмеримо примитивнее. Сновизоры устроили так, что они стали соизмеримыми по цене с обычными телевизорами. На чрезвычайном заседании Политбюро приняли решение продавать сновизоры малого радиуса действия /сто метров, не более/ в обычных магазинах. Это существенно облегчило работу прочих служб ОГБ.

Первое, что установила служба НКС, это следующее. На территории Страны коммунистический рай не снится ни одному нормальному гражданину, а прочим он снится в таких формах, что пришлось издать особое распоряжение, запрещающее смотреть их сны. Эти штучки мы уже видали при Сталине, сказал Начальник ОГБ по поводу этих сновидений, они устарели безнадежно. Затем СНКС установила, что подавляющее большинство граждан видит во сне мясо, отдельные комнаты и квартиры, фрукты, автомашины, джинсы, транзисторы и т.п. Число граждан, которым регулярно снится поллитровка и даже без закуски, превысило почему-то общее число граждан Страны. Получившийся математический парадокс поручили разрешить Академии Наук. Что касается номенклатурных /ответственных/ работников, то материалы СНКС такого рода сначала засекретили, потом передали в еще более секретное учреждение и в конце концов запретили их последующее получение.

К постулатам снометрии был добавлен еще один, самый главный: номенклатурные работники видят только такие сны, которые полностью согласуются с генеральной линией Партии, или спят совсем без сновидений, поскольку совесть их всегда чиста перед Партией, народом, человечеством, историей, космосом и всей материей, которая согласно фундаментальному принципу диалектического материализма первична и т.д. и т.п. Этот постулат получился очень длинный, так как вобрал в себя полностью популярный учебник по философии и все теоретические отделы всех речей Вождя.

Гнусная история

Есть у нас один сотрудник, говорит случайный собутыльник. Способный, добрый, веселый, жуткий пьяница, словом, типичный русский человек. Его терпели, поскольку он никому не мешал и ни на что не претендовал. Но началась кампания по борьбе с пьянством. Ему предъявили ультиматум: либо завязывай, либо уволим. Он дал слово покончить с пьянством. Лег в специальную больницу. Там ему ввели лекарство, действующее по принципу страха смерти: выпьешь хоть каплю — капут. В середине курса лечения ему продемонстрировали, что это не шутки,— устроили имитацию умирания. Выйдя из больницы, парень проявил поразительную силу воли и находчивость, чтобы... Избавиться от этого лекарства. Начав с капли пива, он в конце второй недели уже мог выпивать стопку водки, а в конце месяца пил напропалую. Как раз к этому времени про антиалкогольную кампанию забыли. Способ избавления от этого лекарства парень разболтал всем желающим. В результате теперь алкоголики используют это лекарство вместо закуски. Довольно символическое явление. Мы волевой и изобретательный народ, но только в весьма своеобразном направлении.

Читали статью сегодня в «Социалистической культуре» о любви и демографии, спрашивает другой собутыльник. И что скажете? По-моему, жуткая мразь под видом гражданского мужества. Откуда они взяли эту цифру — две невесты на одного жениха? Наши социологи либо врут по заданию властей, либо не способны решить самые простые задачки. Тут явно ход. Отвлечь внимание от разговоров о «правах человека» за счет «остренькой» темки. Им разрешили эти намеки насчет неизбежности супружеских измен, нескольких любовниц и т.п. Как это современно! Смотрите, мол, и мы на уровне века! Подонки!! И ни слова нигде о фактическом тяжком положении женщин в этом цветущем дерьме!..

Инакология

Приступив к созданию новой отрасли науки — инакологии, Ученик с первых же шагов понял, что это не такое уж простое дело. Прежде всего — само понятие инака. Можно ли определить это понятие так, чтобы в отношении любого индивида можно было установить, является он инакомыслящим /или инакодействующим/ или нет? Вот, например, Очкарик и Лысый. Послушать их, так более страшных врагов этого общества трудно придумать. А они живут себе, и никому не приходит в голову мысль заподозрить их в том, что они — инаки. И они действительно наши люди. Зато он, Ученик, не может поручиться за Учителя, хотя тот всегда выступает как ортодоксальный коммунист. Кто его знает, что у него на уме. К тому же представления властей и общества в целом об инакомыслии /или инакодействии, что одно и то же/ с годами меняется. Давно ли одного желания поехать на Запад посмотреть, как там живут, было достаточно, чтобы попасть во враги. Теперь десятки тысяч людей ездят на Запад, и ничего. А ведь не все они суть агенты ОГБ. Примеров такого рода можно привести много.

Перед Учеником при изучении материалов Затеи прошли десятки персонажей. Например, Жених с его враждебными анекдотами и Невеста, перечитавшая кучу враждебных книжек. Инаки они или нет? Конечно, нет. А Друг? Тоже. А вот Мальчик явно инак. А его дядя? Хотя он и полковник, и член партии, и заслуженный человек, он тоже инак. А Сотрудник, Бородатый, Художник? Об этих трудно сказать что-либо определенное. А сам Ученик? Вопрос этот застаёт Ученика врасплох. Ему становится неуютно. Он вспоминает недавнюю историю с перепоем... И сам собой начинает навязываться вывод: всякий индивид может стать инаком. Кто потенциально или реально есть инак, решают обстоятельства, первичный коллектив, общество. Инак ты или нет — это есть реакция общества на данную ситуацию, в которой оказался ты как индивид, и на твое поведение в этой ситуации. Причем, реакция в значительной мере профилактическая — вот что удивительно. Социально-инстинктивная реакция самосохранения. Значит, надс исходить просто из множества фактов выталкивания людей в инаки. А где их взять? Массовые репрессии прошлого к этому не имеют никакого отношения. Тогда убивали кого попало. Инаки — явление недавнего времени. Они появились в конце либерального периода. Оппозиция начала этого периода была кажущейся, она была на руку властям и привилегированным слоям. Инаки не есть продолжение либерализма. Они выходит совсем из другого раздела бытия. Притом — совершенно неожиданно. Возможно, они и раньше были. Но они тонули в массе уничтожаемых людей, а затем — в массе либералов. Теперь, когда либерализм слых, они остались в одиночестве на арене нашей истории и становятся заметными, несмотря на свои мизерные размеры. Откуда они? Однорукий говорит, от Бога. Но он — шутник.

Сны выдающихся деятелей

Хочешь повеселиться, сказал Зам. Пошли! В отделе нефиксированных помыслов установили новый сновизор. Цветной, широкоформатный. А что это такое, спросил Ученик. Ты что, с Луны свалился, удивился Зам. Это же проявитель снов! Ученик с Замом вошли в аудиторию, когда уже погасили свет, и они с большим трудом нашли свободные места. Впереди они увидели экран, нечто среднее между экраном большого телевизора и кино. На экране крутился голубоватый шар. Приглядевшись, Ученик узнал Землю. Вон видна Америка, Африка, Европа... Шар стремительно увеличивался в размерах, заполнил экран... Стали видны очертания рек, озер, лесов, городов... Вот огромные толпы народа... Миллионы... Сотни миллионов... Двигутся бесконечным потоком куда-то. Люди несут портреты... Да, конечно же, его... Вождя! Миллионы портретов... Идут все на необъятную

площадь... Вот на высокой трибуне, украшенной драгоценными камнями, появляется сам Вождь... Мощные крики «Да здравствует!», «Пусть живет вечно!», «Величайший из величайших!», «Гений из гениев!». Люди падают на колени, протягивают руки к трибуне... Цветы... Голуби белые... Гимны... Мощные репродукторы объявляют о переименовании планеты Земля в планету Вождя, Космоса — в Вождесмос, Вселенной — в Вожделенную, Материи — в Вождерию... Теперь почему-то толстая голая баба... Другая, еще толще... Девочки молоденькие... Бутылка коньяка... Стоп! Что это, спросил кто-то из зрителей. Это — отрывок из снограммы Вождя. А теперь мы покажем отрывок из снограммы товарища Сусликова.

Неужели эта глиста видит какие-то сны, подумал Ученик. Хотя, почему бы нет? Они же там тоже когда-то людьми были. Забавно! То, что увидел Ученик на экране, его сначала рассмешило, а затем ужаснуло. Он увидел, как товарищ Сусликов налил Вождю вместо волки уксусной эссенции. Вот Вождь хватил стакан... Выпучил глаза... Разинул рот... Свалился под стол... Все собравшиеся рады... Тут же происходит заседание Политбюро... Начальник ОГБ и Министр Внутренних Дел вводят войска... Настаивают, чтобы товарищ Сусликов стал Вождем... Вот Сусликов уже в роли Вождя... Толпы народа... Портреты... Огромная площадь... Трибуна... Цветы... Гимны... Репродукторы гремят... Объявляют, что планета Земля переименована в Сусля, а Галактика — в Сусляктика... Теперь толстая голая баба... Еще баба... Опять баба... Много голых баб... Стоп!...

Ну, как впечатление, спросил Зам. Это же гениально! Величайшее изобретение века. Теперь, брат, от Них даже во сне не скроешься. Вот это прогресс!

Из «Евангелия от Ивана»

Но вот настанет тот конец,
И нас подымет всех из тлена,
Всех до последнего колена,
Сочтенный вымыслом Творец.
Прикрывши рот слегка рукой,
Чтоб не воняло перегаром,
Как с собутыльником на пару,
Я выдам разговор такой.
Я прямо так скажу ему,
Мол, тем уж заслужил прощенье,
Что их убогое ученье
В мозги не капал никому.

Теоретическая задача

Ваша задача, сказал Старший Теоретик, — создать курс марксизма-ленинизма на том высочайшем уровне, на каком были написаны сочинения, приписываемые Сталину. Вернее, это предстоит сделать мне. А вы должны организовать всю подсобную работу, т.е. широчайшее воровство идей и фразеологии из сочинений врагов и друзей. Главным образом, врагов, ибо все друзья без исключения суть безграмотные кретины и бездарны даже в качестве болтунов. Потом вы выступите в качестве руководителя коллектива, главного или единственного автора или главного редактора, — это уж будет решать ВСП.

Мы могли бы совместно, заикнулся Доктор. Благодарю за лестное предложение, сказал Теоретик, но я отклоняю его. Дело в том, что если ваш труд понравится Идеологу или самому Вождю /а он наверняка понравится, за что я ручаюсь/, они захотят быть его авторами. Реальных авторов тогда постигнет

участь авторов работ, приписываемых Сталину. Но ведь и вас тогда тоже..., начал было Доктор. Да, сказал Теоретик, но в последнюю очередь. Если им этот труд понравится, они захотят еще. А кто будет делать новый? Не вы же... Так ради чего же..., опять попытался что-то сказать Доктор. Я имею от этого свой кусок хлеба, сказал Теоретик. К тому же я презираю эту галиматью. В качестве автора собственных сочинений я не способен написать ни строчки. Но займемся делом!

Доктор сделал пометки в записной книжке. Спросил, может ли быть свободным. Протянул руку попрощаться, но вовремя остановился, отдернул, виновато захихикал. А если уж быть до конца откровенным, подумал Теоретик, глядя в гнусную спину Доктора, то дело не в этом. Был когда-то один человек, который занимался такой же проблемой, что и я. И, кажется, в таком же положении. Он добился успеха. А я хочу его переплюнуть. Имя же для истории не играет роли. Через две тысячи лет имена Ленин, Сталин, Гитлер, Мао-Цзе-дун и т.п. будут звучать лишь как имена идей. Теоретик вспомнил, как его взяли, пытались узнать, кто он. Ему надоело, и он сказал Им, что он — Спаситель. Он был удивлен тем, какой это имело эффект. Он догадался, что его приняли за кого-то другого, но промолчал. Пусть будет так! Надо только понять, за кого именно его приняли, и сыграть эту роль хорошо. Пока вроде получается не так уж плохо.

Из сочинений Члена

Опять же чрезмерная грамотность. Сам Вождь употребляет такие словечки, что если бы не рожа, вполне за диссидента сошел бы. И речи. Что ни день, то речь. И перед Западом стараемся, к улучшениям зовем, о свободе толкуем. А политически незакаленные молодые люди за чистую монету это принимают. Им невдомек, что никакие улучшения нам не нужны, так как и без них того гляди ноги протянем. А свободы так вообще нам ни к чему, и без них, как говорится, ни вздохнуть, ни пернуть. К чему ведут эти свободы, мы на своей шкуре испытали. Лучше уж без свобод. Без них по крайней мере всех-то не посадят... Или не всех посадят...

Гнусная история

Наступило лето. Манекенщица уехала на юг с прогрессивным, но состоятельным художником. Сыну папаша достал путевку в Италию, а потом — на модный курорт в Болгарию. Друг с Рыжим /и с парой девочек/ уехали на машине в Прибалтику. Она тоже уехала, но не сказала, куда. Меня шеф не отпустил: без меня выдающееся «открытие» довести до конца не могут. Исчез и Забулдыга. Целые дни провожу в лаборатории. Мои побочные наблюдения /я их веду втихомолку/ мне кажутся более важными и перспективными, чем основное направление наших исследований. Если я сообщу о своих наблюдениях, то либо пойду в гору, и тогда прощай покой души от соблазнов, либо ототрут, и тогда прощай покой души от обиды и несправедливости. Скорее всего — последнее. Но остановиться я уже не могу. Ко мне пришло ощущение удачи.

Молодежь организовала поездку на несколько дней по маршруту Владимир—Суздаль—Ростов. Стоит ли говорить, какие это места. Все вернулись с ощущением: какие у нас богатства и как скверно мы с ними обращаемся! Я всю дорогу флиртовал с одной лаборанткой. Девочка очень милая, но слишком серьезно относится к науке и лишена чувства юмора в отношении наших порядочков. Заниматься перевоспитанием бессмысленно. Я избрал среднюю линию заинтересованности, но сдержанной. Поэтому у нас сложились хорошие отношения, каких у меня не было со времен школы.

В наших условиях реализовать результат индивидуального творчества без участия многих людей невозможно. Причем, тебе отводится второстепенная роль.

Львиную долю твоего труда с чистой совестью присваивают ответственные лица, доктора, академики. Без них твое открытие не станет фактом науки. Чтобы ты в полной мере пожал плоды своего открытия, оно должно быть сделано в контексте всей твоей социальной жизни. Делая карьеру, ты теряешь способность делать открытие сам, но обретаешь возможность присваивать сделанное другими. Как быть с моим результатом? Делать обычную карьеру и через десять лет заявить о нем? А если за это время другой мальчик додумается до этого же и за копеечную премию или за упоминание своего имени на закрытом заседании сообщит? В журнал? Но это исключено без визы начальства. Выступить на международном симпозиуме? С докладом не выпустят, а в прениях — не заметят. Или засадят за выдачу секретов. Я был бы рад, если бы мое исследование кончилось провалом. Но увы, сомнений уже нет. Скоро я все закончу. Гулял с Лаборанткой. Предложил зайти ко мне. Отказалась. Говорит, дома скандал устроит. Вот родители уедут в санаторий, тогда быть может... Что тогда? Что-то Шеф стал слишком ласков со мной. Уж не пронюхал ли? Он хитрый, сволочь. Лаборанточка сказала, что скоро... Но мне не хочется, чтобы ее родители уезжали в отпуск.

Сны

Я тут посмотрел сновизор, сказал Ученик. А Вы, кажется, занимаетесь снами? Я в этих делах полный профан. Не могли бы вы просветить меня немного? С удовольствием, сказал Сновидец. Тут так редко интересуются делами друг друга, что для меня ваша просьба — приятная неожиданность. Что такое сон? Всего понемногу, — память о прошлых событиях, желания, мечты, воображение и т.п. Но главное — не в этом. Приходилось вам когда-нибудь слушать оркестр перед началом концерта или оперы, без дирижера, когда один настраивает инструмент, другой исполняет отрывки какой-то мелодии, третий просто так что-то наигрывает. Сознание во сне подобно такому оркестру без дирижера и без объединяющей музыкальной линии, идеи и т.п. А кто же здесь дирижер и единое произведение, спросил Ученик. Это — социальный опыт и социальный строй личности, сказал Сновидец. Пробуждение есть возвращение человека к его социальности. Только и всего. А что касается самих снов, то мы поступили так. Мы выделили все аспекты человеческого опыта в современном обществе и просто перечислили все возможности в каждом из них. Я имею в виду пищу, жилище, вино, женщин, отдых, спорт, собрания, учебу и т.д. и т.п. И представьте себе, мы насчитали всего около пятисот тысяч элементов. Они частично несовместимы. Например, нельзя одновременно повышаться и понижаться в чине. В результате довольно громоздких вычислений мы получили всего около ста типов основных снов. Все сны, которые видят люди, суть лишь вариации этих типов. Вариации несущественные. Они касаются конкретных лиц, имен, видов зданий и природы и т.п. Наши теоретические выкладки блестяще подтвердились затем экспериментально. До сих пор не обнаружено ни одного сна, который выходил бы за рамки основных типов. Если хотите, я могу вам показать справочник по типологии снов.

Дело в том, продолжал Сновидец, когда они с Учеником вышли из столовой, что человек в принципе не способен запомнить сон. То, что люди рассказывают в качестве якобы их снов, на самом деле есть припоминание сна, а это всегда происходит при участии «дирижера». Фактический сон исчезает с появлением «дирижера». Остается смутное ощущение таинственности сна, которое скоро исчезает. Часто люди за сон принимают другое, например, — контролируемые, но частично болезненные мечтания. Отсюда «сны в снах» и другие ранее необъяснимые явления. Но самое поразительное открытие снометрии — это факт зависимости снов от социального положения людей. Причем, речь идет не только о типах снов, но и о числе разных типов, видимых тем или иным индивидом. Вот, например, ... Только это между нами... Вожь видит сны лишь одного типа. Члены Политбюро

— сны двух или от силы трех различных типов. Члены ВСП, не являющиеся членами Политбюро, министры, генералы, академики и т.п. лица высокого ранга — сны пяти или шести типов, не более. Наиболее разнообразен ассортимент снов у школьников старших классов и студентов начальных курсов. Ниже по социальной лестнице опять начинается сокращение. Уборщицы, лифтерши, сторожа, посудомойки и прочие лица на нижней ступени социальной лестницы видят тоже один тип сна, как Вождь, или в редких случаях два. Имеют место возрастные особенности, профессиональные, национальные и т.д. Даже климатические. Картина получается довольно сложная. Существующий математический аппарат непригоден для обработки полученных данных и составления некоей объединяющей системы формул. Если хотите, я могу вас познакомить с любопытными снограммами. Заходите, дорогу вы знаете.

Оставшись один, Ученик попробовал подсчитать число различных снов, какие ему приходилось видеть в жизни. Делал он это, как и советовал Сновидец, не по содержанию снов, а по различию оставляемых ими ощущений, настроений, состояний. Скоро он убедился в том, что таким путем даже содержание снов припоминается, во всяком случае в достаточной мере, чтобы их различить. И он к удивлению своему не смог насчитать даже десятка различных типов. Выходит, подумал он, что наше сознание зависит от социального бытия еще в большей мере, чем это долбили нам идиоты-диалектические материалисты. Но оно зависит совсем не так, как они болтают. Если уж современная математика, созданная усилиями многих тысяч гениев, еще не способна вывести даже первичные формулы этой зависимости, то что можно ожидать от наших всесильных правителей, решивших действовать со своей нелепой формулой отражения, отставания.

Мятущееся общество

Наше общество, сказал Однорукий, есть неразрешимая задача для исследователей. С одной стороны — гармония и закономерность, с другой — хаос и сплошные случайности. Потому мы бросаемся из крайности в крайность. Почему? Отчасти потому, что у нас все награбленное, чужое. Нет ничего своего, органического. Разве что репрессии. Но они не позитивны. Если можно построить научную теорию общества, значит в нем самом есть некая «правильность», регулярность, четкость, стабильность. А раз так, то при желании можно и переустройством заняться. А если такой «правильности» нет и теории нет? Значит, и переустройства невозможны. Чувешь, куда я клоню? Наш «механизм» — брожение, а не винтики и колесики. Участие индивида в его усовершенствовании — несбыточная мечта. «Буржуазная» история подарила нам теорию, будто мы — суверенные личности. Мы, мой мальчик, в качестве чего-то цельного суть всего лишь рабы, а с точки зрения личности — мы лишь ничего не значащие частички. Даже Вождь не личность, а крупница /к тому же не главная/ некоей дутой личности, которую образует банда из сотен и тысяч рабов. И ничего другого не будет. Аминь!

Исповедь Самосожженца

Обсуждали работу одного аспиранта. Хвалили, но не столько автора, сколько его руководителя — Молодого. Делали мелкие критические замечания, давали полезные советы. Я отмалчивался. Молодой упрекал меня в пассивности. Его поддержал Старый. Пришлось выступить. И я раздолбал работу как типичное пустозвонство, прикрытое бесконечными ссылками на новейшие достижения. Но это еще полбеды, сказал я. В работе проступает тенденция распространить некоторые методы воздействия на психику животных и на человека, что явно означает нарушение норм если не права, то во всяком случае морали. Работу аспиранта все равно одобрили. Потом Старый пригласил меня в свой кабинет.

Разговаривали мы долго, но бессистемно. Все вокруг да около. Но подспудно чувствовался один вопрос: что дозволено и что не дозволено в научном исследовании в отношении человека? Абстрактно рассуждая, наука вправе вторгаться в любые области и использовать любые методы, дающие истину. В свое время ученым запрещали препарировать животных и трупы людей. Что было бы, если бы наука остановилась перед такими запретами?! Я возражал на это так. Мы теперь видим лишь одну сторону этих запретов — тормоз развитию науки. А разве наука — самоцель человека? И кто может доказать, что от таких запретов было больше вреда, чем пользы? А может быть, в тех запретах был какой-то рациональный смысл, а не только мракобесие? Тем более теперь. И мощь науки не та. Тогда наука — нечто гонимое. Теперь — нечто чтимое и поощряемое. Наука теперь способна на многое такое, что угрожает существованию человечества вообще. И где оно, то еле уловимое начало преступного направления умов? Адекватны ли наши методы нашим целям? Мне кажется, мы декларируем одни цели, а фактически действуем в пользу других. Мы даже себе боимся сформулировать их явно. Неужели вы думаете, есть проблема средств, благодаря которым можно сделать коров и овец более управляемыми? А обезьян? Много ли у нас обезьян, чтобы думать о том, как их сделать более послушными и дисциплинированными?

В итоге меня отстранили от экспериментальной работы и перевели в теоретическую группу.

Гнусная история

Вернулась Она. Но Ей не до меня. Дела. Появилась неотразимая Манекенщица, которая решила претворить в жизнь свою /!/ программу насчет Сына. С Лаборанточкой ничего не вышло. Она предъявила ультиматум: или я женюсь на ней, или она выйдет замуж за одного парня, с которым она «жила», пока я тут «созревал». Но я не переживал. Скорее — наоборот. Работу свою я закончил. Это — результат! Ради такого стоит жить! Обнаружил вокруг себя ужасающий беспорядок. Два дня приводил себя и квартиру в божеский вид. Теперь — в отпуск. Но куда податься? Санаторий, дом отдыха, туристическая поездка? Все это надумано и противоестественно. Не хочу. Буду болтаться в городе. В институте перемены. Директор ушел в «ящик». На его место идет шеф Сына, а тот, само собой, получает лабораторию. Болтают, что Сыну сразу присудят докторскую степень. Мой шеф, метивший на директорское место, слег от огорчения с инфарктом. Отраба «передвинули» на более секретную работу. Он теперь ездит на «Чайке» с телохранителем. Новый зав. Лабораторией — враг бывшего шефа. Поносит всю прошлые порядочки, перечеркнул все, сделанное ранее. Это неплохо. Обо мне на какое-то время забыли. Началась омерзительная склока. Как-то Забудлыга говорил, что наше общество отличается от буржуазного тем, что в буржуазном действует принцип «Человек человеку волк», а у нас — «Человек человеку товарищ волк». Точно сказано. Куда он запропал? Мои попытки разыскать его не увенчались успехом. Пока я был в отпуске, Сын с блеском защитился. Говорят, был грандиозный банкет.

Инакология

Хочешь идею, говорит Девица. Мы привыкли думать, что источником общественного недовольства является эксплуатация одними классами людей других. Твои же «инаки» не имеют к этому отношения. Это явление касается не самого факта эксплуатации, а лишь организации эксплуатирующей части общества. Ты посмотри, чем они недовольны?! Да ну их! Давай лучше займемся более подходящим делом, а то время идет, и ты, как всегда, скажешь, что тебе пора.

Из сочинений Члена

Зажрались мы, это факт. Раньше хлеба вдоволь не едали, носили рванье, по десять человек в одной комнате ютилось. И вкалывали не то что теперь. А много ли критиковали? Не до этого было. Власти, конечно, свирепствовали. Но не из-за критиканов. Их почти что и не было. Они свирепствовали, во-первых, из желания добро сделать и как можно скорее новое общество воздвигнуть. А во-вторых, силу необъятную почувствовали и пробовали ее на ком попало. Теперь не то, не разгуляешься. Теперь хлебом все помойки забиты. Им, видите ли, мясо и колбасу подавай. А где их взять? Из кого эти мясо и колбасу делать? Не из критиканов же?! Те все тощие. И без мяса проживем. Теперь ни у кого на штанах заплатки не увидишь. Правда, теперь материалы нервущиеся пошли. Комнаты отдельные заимели. Даже квартиры. Телевизоры. Вот и пошли куражиться. За границу их, видите ли, выпусти! Свободу слова подай! Цензуру отмени!.. Да за такое в наше время к стенке...

Идеология

Идеолог: С точки зрения нашей идеологии сознание есть лишь отражение бытия /материи/. Оно идеально, т.е. не материально.

Ученый: А вот что говорит наука о природе сознания. Имеется природный /чувственный/ аппарат отражения. Это - ответные реакции организма на внешние раздражения. Все явления здесь наблюдаемы, т.е. материальны в вашем смысле. Никакого места для некоей идеальной субстанции тут не остается. И есть искусственный /знаковый/ аппарат отражения. Это сопоставление материальных знаков с обозначаемыми явлениями любой природы /в том числе — с несуществующими/. Для идеального в вашем смысле тут тем более места нет. Так что с точки зрения науки ваше противопоставление материального и идеального вообще не требуется. Проблема же сознания — отвлеченно от его механизмов — есть проблема чисто социальная. Это — проблема положения человека в обществе.

И: Это выходит за рамки нашей дискуссии.

У: Но именно в этом суть дела.

Из материалов СППС

В чем суть нашей жизни? Борьба за улучшение социальной позиции. Стремление выбиться в привилегированные слои. Стремление сделать свое положение стабильным и наследственным. Борьба высших слоев за преобладание. Поместите это в условия дефицита пригодной для здоровой жизни земли и пищи. Добавьте возможности науки и техники удовлетворять прихоти избранных. Соблазны для тщеславия. Дешевизну человеческого материала. Средства обольщения. Дегерсонифицированность и привилегии. Для масс — «мы», для привилегированных «я». Плюс медицина, психология и т.д. Со временем это станет традицией, людям с детства будет определено их место, будет привито сознание неотвратимости и справедливости происходящего. А сейчас дело идет к этому на виду у всех. Кажется, что всякий имеет шансы пробиться, закрепиться и обеспечить своему роду вечное пребывание вверху. Говорите, человечество найдет разумный выход? Боюсь, что уже поздно. А все возрастающая степень негодяйства общества может привести к мировой катастрофе. Эксперимент с мыслящей материей идет к концу. Надежды на другие цивилизации бессмысленны. С неграми и то ужиться не могут. Представляет, будет вечно мертвый мир! Вы думаете, привилегированные слои что-то придумают для себя и сохранят цивилизацию? А вы взгляните на них, каковы они, какой ценой они стали привилегированными! Нет, эти тщеславные паразиты не способны ни на что, кроме пакостей. Остается одно утешение: все

равно все слдохнем. И бедные, и богатые, и счастливые, и несчастные, и властители, и подчиненные. И наших вождей ничто не спасет от забвения. Смерть уравнивает всех. Это — подлинный коммунизм. Что делать? Жить! Драться! Просто драться, и все! Любыми средствами.

Успех

Считается, что наше общество заражено карьеризмом. Наивные люди! Наше общество страдает от отсутствия карьеризма. Не знаю, почему это происходит. Я не ученый. Я практик. Но я точно знаю, что это так. У нас смешивают разные вещи: обилие должностных лиц, продвижение по службе, жизненный успех, стремление добиться успеха, занять пост, продвигнуться по службе, с одной стороны, и карьеризм как определенное качество человека, с другой стороны. Генерал, например, был службист, успешно продвигался по службе и стремился к этому. Но он не был карьеристом. Карьеристов он ненавидел от всей души. Я не карьерист. А мой зять карьерист. Сын мой — нет. Да, тут не так-то все просто.

Возьмем Генерала. Как вы думаете, добился бы он большего успеха, если бы был карьеристом? А я? Так вот, будь мы карьеристами, мы бы не поднялись на такую высоту. Сын мой не карьерист, а зять — карьерист, но еще не известно, кто дальше продвинется. Подозреваю, что зять достиг потолка. Почему? Потому что карьерист! Если человек успешно продвигается по службе, это еще ни о чем не говорит. Если человек карьерист, из этого еще не следует, что он преуспеет. У нас миллионы служебных лесенок. Кто-то должен по ним продвигаться. А сколько ступенек в тех лесенках? Порой — десяточки. Если все начнут снизу и полезут с одинаковой скоростью, до верхних ступенек никто не доберется. А если и доберется, то сразу на пенсию или на кладбище. Случайно, думаете, высшие руководители все престарелые? А ведь все ступеньки и вершины лесенок должны быть заполнены. Иначе жизни не будет. Иначе — развал.

Наше общество, смею вас уверить, враждебно карьеризму как качеству личности. Карьеризм у нас не поощряется. Говорите, карьеристы маскируются? Ага, значит не хотят, чтобы их карьеристами считали. Я об этом и говорю. Маскируются, конечно. И не так-то просто их разоблачить. И покровителей они обычно сильных имеют. Без меня мой зять, например, дальше доцента не пошел бы. Но чаще мы карьеристов разоблачаем и говорим им «стоп!». Вот в чем загвоздка. Я лично считаю, что именно от этого у нас неполадки в аппарате управления. Потому что у нас хороший руководитель — редкость. Смеетесь? А у вас ценится настоящий ученый? А художник? А писатель? Не очень? И в нашем деле то же самое.

А что называется карьеристом, спрашиваю я у Академика. Карьерист, говорит он, стремится любой ценой быстрее и выше продвигнуться по служебной лестнице, используя конкретное дело лишь как средство. Такое определение, говорю я, было пригодно раньше, когда должностей было поменьше и лесенки покороче. А теперь чуть ли не все должны как-то продвигаться. И с таким определением не отличишь генералиссимуса от уборщицы. У нас нет генералиссимуса, говорит он. Пока нет, говорю я, но скоро будет. Вот стремление Вождя стать генералиссимусом есть признак карьеризма или нет? Говорите, ему выше двигаться некуда? Ну и что? Трус остается трусом, если ему и не приходится убегать от противника. А карьерист остается карьеристом, если даже достиг вершины или не достиг ничего. Со мной в школе учился парень — прирожденный карьерист. И данные имел. А зачах где-то на пустыках. А я тогда и не думал о руководящей работе. И данных не имел. А результат? Шевелите мозгами, ученый! Сколько вы книжек нацарапали? А ваш директор? И фигура у вас — для президиумов. А директор? Сморчок, говорите? И все-таки его в Академию выбрали, а не вас. Так что же такое карьеризм?

Карьеризм, говорю я, есть способность делать карьеру, а уж потом желание. А так как само дело здесь — делание карьеры, то безразличен материал дела. Карьеризм как способность одинаково проявляется на любом материале, карьеристу безразлично, в какой области преуспевать, ибо законы служебного успеха везде одинаковы. В жизни карьеризм редко бывает в чистом виде. Это чаще бывает у партийных работников. Обычно же тут примешивается склонность к какой-то профессии. Генерал — прирожденный вояка. Мой сын — с детства бредил дипломатией. А зятю плевать на все, кроме карьеры. И потому его дальше не пустят. Мы подошли к главному. Именно среди карьеристов чаще встречаются люди, наиболее пригодные к руководству и управлению людьми в наших условиях. А им-то труднее пробиться к этому делу. Вот в чем суть дела! Вы ругаете вашего директора за карьеризм. А в чем функции директора? Вы согласились бы стать директором? А сколько лет директору? А откуда вам известно, что стало бы в вашей лингвистике, если бы к власти пришли настоящие карьеристы, а не сморчки вроде вашего директора? Ваш директор именно как карьерист дерьмо, иначе он с вами так не поступил бы. Кто я, спрашиваете? Я — честный, добросовестный, аккуратный работник был. На большее я не претендовал. В системе управления и такие нужны. Смотрите, там Генерал с собачкой движется! Свернем в переулок!

Сны

Стопкин видел замечательный сон. Весь город Вождянск покрылся прекрасными забегаловками на все вкусы. При каждой забегаловке — комфортабельный вытрезвитель. С теплыми ваннами и белоснежными простынями. Обслуживают молоденькие симпатичные девушки. На них короткие белые халатики, и больше — ничего. По просьбе вытрезвляющихся девушки ложатся с ними на кровати и выполняют все их желания. Только сами вытрезвляющиеся никак не могут почему-то выполнить свои собственные желания. Утром вежливые и добрые врачи шупают пульс и прослушивают, выписывают рецепты. Вам, молодой человек, говорят они ласково, лучше сначала сто грамм водки, затем сто грамм коньячка, потом пивка можно или портвейна десять тысяч капель, не менее... Красивые и вежливые милиционеры просят извинения за беспокойство и выдают всем покидающим вытрезвитель по десятке на похмелье и приглашают заходить вновь. Над входом в вытрезвитель лозунг: «Добро пожаловать!» А на крыше здания табло из бегущих букв. Да здравствует коммунизм, светлое будущее всех алкоголиков, успел прочитать Стопкин. И начал стремительно падать куда-то. А-а-а, пытался крикнуть он, но не смог издать ни звука. Я те покажу светлое будущее, сволочь, раздался грубый и зловещий шепот у самого его уха, но он уже не слышал ничего. Наступила полная тьма.

А Жидов увидел иное. Вот он с блеском защитил диссертацию. Все его поздравляют. Цветы. Несут газеты. В них — указ о присуждении Жидову Государственной премии. И деньги. Целый мешок. Вот Стопкин и Командировочный обрадуются. Все долги отдадим. И такой грандиозный выпивон устрой, что всем чертям тошно будет. Упою всех пьяниц в городе. Но при условии: чтобы все сделали по-малому и по-большому у памятника подонку Сусликову. Вот будет потеха! Вонь на весь город! Со всей Страны кагебешники сбегутся! А где Стопкин? Стопкин! Сто-о-о-п-п-кин! Сто-о-о-о...

Подготовка кадров

Одновременно с началом строительства ИСИ началась подготовка кадров для него — врачебного, подсобного и излечиваемого персонала. Была создана специальная закрытая школа. В нее отбирали проверенных людей различного возраста с хорошей биографией, членов Партии и Комсомола. На первом курсе

студенты обучались совместно, на втором намечалась некоторая дифференциация, с третьего начиналась узкая специальность. На четвертом курсе присваивали офицерские звания. Особенно тщательно отбирали на факультет больных. Тут требовалось хорошее здоровье и знание иностранных языков. Предпочтение отдавалось спортсменам, выпускникам спецшкол /художникам, музыкантам, математикам/ и театральных училищ.

Обучение медицинского и подсобного персонала особой проблемы не представляло. Главная трудность заключалась в подготовке больных. Тут приходилось начинать с нуля. Студентов надо было обучить способности имитировать нужные психические заболевания так, чтобы никакая медицинская экспертиза не смогла обнаружить имитации. Надо было обучить способности ухудшать свое состояние по заданию врачей и сотрудников ОГБ или выздоравливать по всем правилам медицины. Хотя начали, повторяем, с нуля, успехи были достигнуты колоссальные. Когда специальная международная комиссия, созданная по настоянию правительства Страны в ответ на злобную кампанию на Западе по поводу заключения инакомыслящих в сумасшедшие дома, прибыла в один из психиатрических центров и изучила здесь содержание больных и методы лечения, она была потрясена успехами нашей медицины и гуманностью системы лечения. Она отвергла клеветнические слухи и призвала Запад перенять опыт Страны.

По окончании школы обученные больные распределялись по различным учреждениям. Вечерники, окончившие школу без отрыва от производства, оставались на прежних местах. Выпускникам рекомендовались формы поведения, приносящие им репутацию критически настроенных, ненадежных, инакомыслящих и т.д. Им рекомендовали вступать в связи с иностранцами, распространять запретную литературу, подписывать письма и т.п. Многие из них преуспели в этом деле. О некоторых писали на Западе и передавали «Голоса». Один разошелся до того, что его пришлось пустить на Запад, так как в его защиту создали целый комитет. Пришлось ему автомобильную катастрофу организовать. Когда представлялся подходящий случай, зарекомендовавших себя диссидентами выпускников школы забирали в «психушки» и лечили их там /довольно успешно/ открыто для всех желающих посмотреть. Лечили их тоже выпускники школы. Лечили в больницах, являющихся филиалами ИСИ.

Из сочинений Члена

Кое-кого проглядели. Своевременно не распознали. На сигналы не реагировали. А сигналы наверняка были. Не могли не быть. Народ у нас дотошный, все замечает. Вот, например, пришел А на собрание, отметился и сбежал. В партбюро сигнал: такой-то сбежал. А в бюро дружки сидят, из мухи слона раздувать не хотят. Мол, собрание — чистая формальность, а А нужно ребенка из детского сада брать. Потом А в нетрезвом виде замечен был. Опять сигнал. И опять либерализм. Кто, мол, нынче не пьет?! На свои же пьет, не ворует. А все наглеет. Статейку напечатал без ссылок на классиков. Опять сигнал. И опять без последствий. Классики, мол, тут ни при чем. И вот итог: подписал А клеветническое письмо. Хватились, а уж поздно. Теперь уж не воспитывать, а наказывать надо. И не прояви мы ложного либерализма в свое время, не было бы этого. Был бы А наш человек.

Первичная ячейка

Террориста втолкнули в палату. Отныне и навеки, сказали ему, это будет твой первичный коллектив. Ячейка коммунизма, ха-ха-ха! Террорист огляделся. Большая комната без окон и вообще без всяких предметов. Все белое. Неизвестно, откуда падает свет. Грохочет радио. Передают последние известия многолетней давности.

Присмотревшись внимательнее, Террорист заметил десять коек, убранных в ниши в стенах. Значит, «ячейка» — десять человек. Но в палате было пока только двое. Одно существо похожее на женщину, другое — на мужчину. Познакомившись, Террорист узнал, что было как раз наоборот. Ликвидировали существенные различия между мужчиной и женщиной, сказал мужчина, похожий на женщину. И гуманизм проявили. Общество бесполок существ! Где мы и что происходит, спросил Террорист. Если бы мы знали, сказал мужчина /он представился как Пропагандист/. Не тюрьма, не больница, не лагерь. Скорее — лаборатория, и мы подопытные кролики.

Раздался звонок. Из стены выдвинулся унитаз. Скорее, сказал Пропагандист. Они нам дают по тридцать секунд на душу. Задумано, судя по всему, грандиозно. Один унитаз чего стоит. Чудо техники. Во что все это обошлось! А тут по моим предварительным подсчетам должно быть до пятидесяти тысяч подопытных. Не менее пяти тысяч обслуживающего персонала. Вот сейчас вы познакомитесь еще с одним чудом науки и техники. Пища космонавтов! Целая академия здоровья ее вырабатывала. В этот момент раздался прерывистый звонок. Из стены выдвинулись трубки. Следуя примеру Пропагандиста, Террорист взял в рот трубку, и в него потекла отвратная бурда, именуемая /не в шутку, а всерьез/ пищей космонавтов.

Из сочинений Члена

А кое-кто впадает в критиканство от чрезмерного усердия. Вот, например, выступил высший руководитель и призвал поднять некое дело на новую ступень. Призвал, и дело с концом. Ему это по чину положено. А ты, если ты с понятием и политически зрелый, выслушай, обозначь свою готовность и продолжай делать то, что делал до сих пор: ничего не делай. Ты как бы вытянись по стойке смирно, как бы шелкни каблуками, как бы изобрази на своем лице этакое «слушаюсь!», дернись, что ли слегка, вздрогни от усердия. И иди себе добирать подальше от глаз начальства. Но находятся неопытные, кидаются сломя голову двигать и подымать. А куда и зачем, сами не знают. И получают, естественно, по морде. И недовольство выражать начинают. И еще раз по морде получают, теперь уж — за дело!

О ДУШЕ И О БОГЕ

Комиссия

Члены комиссии вошли в кабинет заведующего диспансером и не спеша расселись за гигантским столом, покрытым зеленым сукном. Расселись в строгом соответствии с должностями, званиями, степенями, известностью, весом в науке, возрастом. Это получилось само собой, в силу многолетнего опыта, приобретаемого гражданами Страны с самого рождения. Для постороннего неискушенного глаза такое рассаживание показалось бы хаотическим. Да и сами члены комиссии вряд ли смогли бы внятно объяснить, почему они расселись так, а не иначе. Но беспристрастный социолог смог бы очень быстро обнаружить тут строгое следование некоей закономерности, выразимой даже на языке математики.

В ожидании председателя комиссии и представителей Органов Государственной Безопасности и Идеологического Отдела Высшего Совета Партии переговаривались на самые разные темы. Молодой человек с бородкой и в огромных заграничных очках, недавно защитивший докторскую диссертацию на очень модную тему, рассказывал новейшие анекдоты своей соседке, мрачной и неопрятной женщине средних лет, только что вернувшейся с международного конгресса, где она сделала успешное выступление. Толстый лысый мужчина, претендующий со временем занять то самое место в науке, которое сейчас занимает председатель комиссии, объяснял высокому пожилому человеку в обычных очках и с брезгливым выражением лица, почему столичная сборная по хоккею проиграла последний матч «этим вшивым полякам». Молодящаяся, когда-то красивая женщина с многочисленными украшениями на руках, на шее и в ушах шептала своей апатичной соседке о том, что скоро увеличат вдвое цены на золото и меха.

Наконец вошел председатель, сопровождаемый двумя мужчинами, которые сначала произвели на собравшихся впечатление сереньких незначительных субъектов, а потом, когда те спокойно приткнулись где-то у краешка стола, показали исполненными силы личностями «оттуда». Председатель комиссии, известный ученый, действительный член Академии Медицинских Наук, член ряда зарубежных академий, Герой Труда, Лауреат премий, Депутат и т.п., постучал карандашом о графин, призывая собравшихся к порядку и тишине, откашлялся и начал вступительную речь. Говорил он долго и нудно, повторяя многократно газетные штампы о сложности переживаемого момента, о воспитании нового человека, об идеологических диверсиях. Часто цитировал классиков и последние речи Вождя. Говорил, любуясь своей собственной значительностью и воображая, что собравшиеся испытывают наслаждение от близкого общения с ним и слушания его содержательной речи. Он знал, что все они потом будут рассказывать друзьям и сослуживцам о том, что лично знакомы с ним. Он знал также, что представитель Органов доложит о его поведении, где следует, и его утвердят главой делегации на предстоящий международный конгресс, а представитель Идеологического Отдела доложит Секретарю, и тот предложит назначить его главой этой самой делегации. Да, чуть было не забыл, — подумал председатель, пока его язык привычно нес чепуху, — надо сослаться на Секретаря.

— Ну и трепач,— шепнул молодой очкарик мрачной соседке.

— Маразматик,— прошипела соседка.

— Простите, что вы сказали? — сбился председатель.

—Ничего,— отчеканила соседка,— продолжайте. То, что вы говорите, в высшей степени ново и интересно.

— Так вот, друзья мои,— наконец закрутился председатель,— сейчас введут сюда человека, который претендует на роль создателя новой религии. Новый Христос, так сказать. Нам предложено побеседовать с ним, дать свое заключение о состоянии его здоровья и установить меру лечения.

— Но это же тривиальный случай, с которым может справиться любой районный психиатр,— сказал лысый толстяк.— Отрывать из-за этого от важного дела большое число специалистов...

— Дело, товарищи, серьезное,— возразил председатель.— Наша комиссия утверждена Высшим Советом Партии. У обвиняемого есть последователи. Его деятельность приняла довольно широкий размах. Вопросов больше нет? Прошу вести обвиняемого в душевном заблуждении!

Санитары ввели в кабинет обвиняемого. Был он одет в серый балахон с завязанными сзади рукавами. Волосы были острижены наголо, обнажая маленький неправильной формы череп со шрамами и торчащими в стороны ушами. Лицо до самых глаз заросло неопрятной щетиной. Глаза тонули где-то в глубоко запавших глазницах под взлохмаченными бровями. Большой нос нависал над плотно сжатыми неопределенными губами. Рядом с рослыми санитарями он казался карликом. Члены комиссии на мгновение замерли в недоумении. Потом они испытали чувство неловкости от вопиющего несоответствия своей высокой комиссии и этого жалкого и комичного червяка. Чувство неловкости скоро сменилось игривым состоянием, какое появляется у членов педагогического совета школы, когда перед ними предстает нашаливший ученик младших классов.

— Вы молодой человек, хотя бы поздоровались,— сказала бывшая красивая женщина с претензией на шутку.— Вы же, кажется, интеллигентный человек. Элементарные нормы поведения...

— Я вас не знаю,— резко оборвал ее вошедший.— И здесь я не по своей воле.

— Ничего, ничего,— засуетился председатель.— Храните спокойствие. Вас тут никто обижать не собирается. Пройдите вот сюда. Присаживайтесь. Чувствуете себя, так сказать, как дома.

— У меня нет дома.

— Я же не в прямом, а в переносном смысле слова. Вы же понимаете.

— Я не обязан понимать всякую чепуху.

— Конечно, конечно. Вот, товарищи, перед вами тот самый создатель новой религии. Христос новый, так сказать. Или Магомет? Будда? Впрочем, вы, надеюсь, сами нам расскажете об этом. А это — члены специальной комиссии, которой поручено дать оценку вашего учения. Для этого мы должны побеседовать с вами. Задать вопросы. Выслушать ответы. Если, конечно, вы не возражаете.

— Спрашивайте.

— Не очень-то вы любезны,— сказал молодой очкарик.

— Я презираю таких, как вы, и не скрываю этого.

— Ого! Это любопытно!

Председатель постучал карандашом по графину и попросил членов комиссии соблюдать некоторый порядок.

— Простите за нескромный вопрос, — сказала неопрятная сердитая женщина, — сколько вам лет? Ведь чтобы создать новое учение, надо накопить жизненный опыт хотя бы. Я уже не говорю об изучении всего того богатства мыслей, которое накопило человечество...

— Спрашивайте по существу, — сказал обвиняемый. — Иначе я отказываюсь от беседы с вами.

Опять началась беспорядочная перепалка. И председателю с большим трудом удалось навести порядок.

Ниже приводится краткое изложение беседы, составленное секретарем комиссии по стенографической записи и по своим заметкам. Беседа велась беспорядочно. Секретарь придал изложению некоторую упорядоченность. Это изложение было приложено к заключению комиссии.

Вопрос: Что побудило вас заняться выдумыванием новой религии?

Ответ: Наше общество рождает зло и не способно официальными средствами бороться с ним. Я хотел научить людей противостоять злу по своему почину и своими силами. Создать религию — значит изобрести определенные образцы поведения/религиозного поведения/, дать им словесное описание, объяснение и оправдание, организовать подражание и обучение им, вести борьбу за возможность такого поведения. Затем постараться сместить систему оценок и ценностей общества таким образом, чтобы спектакли власть имущих стали выглядеть смешными, глупыми и достойными презрения, а образ жизни с религиозным сознанием и поведением стал восприниматься как прекрасный, достойный восхищения.

В: Как вы различаете добро и зло?

О: Общих критериев нет. Это должно быть ясно в каждом конкретном случае.

В: Не означает ли это произвол в оценке действий людей и событий?

О: Религия на то и создается, чтобы такого рода призола не было.

В: Почему бы не использовать для этого старые религии?

О: Старые религии не адекватны нашему обществу в целом, хотя их отдельные элементы сохраняют значение и воспроизводятся в моем учении. Но не как заимствования, а как его имманентные следствия.

В: Что вы называете религией?

О: Я различаю религиозную потребность и религиозную интуицию, встречающуюся в людях, религиозное учение, исходящее из этой интуиции и развивающее ее далее, и религиозное сознание и поведение, основывающееся на принятии и усвоении учения. Вас, очевидно, интересует религия, поскольку она воплощается в определенном учении. Всякое религиозное учение имеет своим ядром и основанием учение о Душе, о Боге и о поведении человека, затрагивающем Душу и Бога.

В: Что такое Душа?

О: Я исхожу из факта существования Души и не ишу ему научного объяснения. Это — некоторая данность, осознаваемая некоторыми людьми и очевидная им самим. Определение Души может быть дано лишь изложением самого учения.

В: Душа бессмертна?

О: Есть научное понимание смерти и бессмертия и религиозное ощущение. Душа не есть нечто переживаемое во времени. Это есть некоторое бескрайнее и нетекущее состояние. Условно это можно представить установкой на бесконечность. Признание бессмертия Души в религиозном смысле есть отрицание ее ориентации на время и на его окончание.

В: А что есть Бог?

О: Бог есть отвлеченная человеческая Душа /духовность/, противопоставленная человеком самому себе. Различны формы этого противопоставления. Например, Бог понимается как некое верховное существо, как особая субстанция, разлитая в мире. В моем учении на этот счет предоставляется свобода выбора. Если хочешь Бога, создай его сам, — вот принцип. Жажда Бога есть также изначальное и спонтанное состояние Души. Такое состояние либо есть, и ему не найдешь объяснения, либо его нет, и его не вызовешь по произволу. Точное определение Бога также дается перечнем правил религиозного поведения, т.е. в самом изложении учения.

В: Каково содержание вашего учения в общих чертах?

О: Это совокупность постулатов, норм, советов, запретов и т.п., определяющих отношение человека к себе, к людям, к власти.

В: Но все эти вопросы рассматриваются в различных науках, касающихся человека: в идеологии, в этике, в законодательстве и т.д. Чем отличается от этого ваше учение?

О: Оно иначе ставит и решает эти вопросы. Оно рассматривает чисто религиозный аспект дела. Иногда он пересекается с другими. Но это пересечение либо случайно, либо иллюзорно. Например, требование выполнять обещание приемлемо в официальной «морали». Но сколько обещаний нам давали наши руководители и не выполняли?! Вы сами отлично знаете, насколько ненадежны наши люди и организации. Так что этот постулат не есть практически действующий в нашем обществе. Более того, нарушение его на деле означает измену обещанию в зависимости от корыстных интересов минуты. Но в подавляющем большинстве случаев принципов, аналогичных принципам религии, вы не найдете нигде в ином контексте. Например, возьмите такой постулат религии: живи так, как будто каждый твой шаг виден некоему абсолютно справедливому существу и не остается без его оценки.

В: А разве это не есть постулат морали?

О: Подлинная мораль есть часть религии. Мораль, лежащая вне религии, не есть мораль. Это обман или нечто иное.

В: В чем состоит ваше учение в той части, которая рассматривает отношение человека к себе?

О: Здесь речь идет прежде всего о том, что есть человек для самого себя с религиозной точки зрения, т.е. что есть Душа. Религиозный человек есть существо, обладающее Душой, знающее об этом /нельзя иметь Душу, не зная об этом/ и заботящееся о Душе /нельзя сохранить Душу, не заботясь об этом постоянно/. Нерелигиозный человек имеет психику, мозг, сознание и т.п. Но что касается Души, то в нем можно признать лишь наличие ее задатков или предрасположенности к ней. У большинства эти задатки ничтожны, а предрасположенность душиется в самой основе. Но многие обладают сильными задатками Души и отчетливой предрасположенностью к их развитию. Многие способны развить в себе Душу под

влиянием подлинно религиозных людей. Многие способны подражать религиозному поведению других, причем — переживать имитацию религиозности как подлинную, свою религиозность. Религиозное общество — это отнюдь не общество, все граждане или большинство граждан которого имеют развитую Душу. Это есть лишь такое общество, в котором лица с развитой Душой встречаются более или менее часто, оказывают влияние на окружающих, на весь строй их жизни. Первая часть моего учения и говорит о том, что значит иметь Душу, как ее развить и хранить. Разумеется, обнаружить в себе возможность Души и развить ее можно только в отношении к другим людям, к внешним событиям, в поведении. Так что начиная свой рассказ с этого раздела учения, я вовсе не считаю, что с этого надо начинать само формирование своей Души. Просто нужен какой-то порядок изложения. Для конкретных людей начало Души и последовательность ее развития зависят от индивидуальных особенностей и обстоятельств. Но во всех вариациях остается нечто устойчивое, что я и выделяю в качестве основы учения и выражаю это явно. Замечу, между прочим, что и система норм и рекомендаций, развиваемая в религиозном учении на основе системы определений /явных или неявных/, также может быть сведена к некоторой системе соглашений. Не случайно поэтому религиозные учения принимают или не принимают на веру, но не доказывают и не опровергают. Всякие попытки доказательств и опровержений терпят крах. Я использую доказательство и опровержение в своем учении /и могу вам проиллюстрировать это/, но совсем в ином плане — в плане развития учения как языковой конструкции, т.е. для выведения следствий из данных постулатов, норм, рекомендаций и т.д., и для установления того, соответствует или нет то или иное утверждение, норма, совет и т.п. основам моего учения.

В: С чего начинается Душа?

О: Каким бы ни был индивидуальный путь человека к своей Душе или, что то же самое, к Богу, начало есть озарение — сознание некоей /сначала — смутной/ высшей тайны бытия и своей сопричастности к ней, состояние страдания как следствие этого и состояние сострадания к тому, на что направлено сознание верховной тайны. Это состояние приобретает для человека высшую ценность жизни, которую он уже не сменяет ни на какие другие блага мира. Если в вас появилось нечто подобное, знайте: это зародилась Душа или, что то же, вас посетил Бог. Если в вас не было ничего подобного, я не способен объяснить вам, что это такое. Как слепому невозможно объяснить световые ощущения, глухому — музыкальные ощущения. Начало Души, выражаясь научно, есть эмпирический данный факт. Затем в силу должен вступить религиозный опыт, тренировки в религиозном поведении, чтобы развить зародыш в зрелую Душу, дать ему вырасти и созреть.

В: Каково конкретно содержание религиозного озарения в вашей религии?

О: Тут могут быть вариации, но в них содержится так или иначе нечто общее. Это — суммарное и нерасчлененное понимание /если хотите — ощущение/ того, что наше общество в целом и во всех его существенных проявлениях и звеньях устроено несправедливо. Оно неоправданно щедро в отношении одних, кто не заслужил награды, жестоко в отношении других, не заслуживших наказания. Здесь много несчастных и несправедливо обиженных и обкраденных людей. И много таких, кто пользуется благами и почестями, не имея к тому достаточных заслуг, ума, таланта, трудолюбия и т.п. Когда человек внезапно осознает это, перед ним открываются три пути: 1/ пробиваться в привилегированные; 2/ оставаться безразличным и идти

сугубо личным путем; 3/ встать на путь сострадания к жертвам общества и служения им. Собственно говоря, только в третьем случае упомянутое понимание выступает как озарение, как зарождение Души. В первых двух оно остается незамеченным и не оставляет следа.

После выбора пути остаются еще две возможности реализовать выбор: светская деятельность /реформы, революционная деятельность/ и религиозная. Первая стремится к преобразованию общественного устройства, вторая — к улучшению жизни людей в данном обществе в той мере, в какой это может зависеть от каждого человека по отдельности. Религиозная деятельность имеет целью сделать жизнь людей мягче, милосерднее, человечнее, делая самих людей менее жестокими и злыми, более добрыми, чуткими и т.д. В общем, сделать людей такими хорошими, как вы отчасти провозглашаете в демагогии, но к чему вы фактически не способны вообще, ибо вы всем строем вашей жизни делаете людей злобными, жестокими, завистливыми, жадными, тщеславными, лживыми, ненадежными, неустойчивыми и т.д. Одним словом, развить в людях некие внутренние ограничители, благодаря которым в конечном счете их жизнь станет ближе к человеческому идеалу.

Из этой фундаментальной установки вытекают методы религиозного воздействия на мир: духовное просвещение и усовершенствование людей, т.е. пробуждение в людях Души, развитие и упрочение ее. Это и есть обращение к Богу, если отбросить все то, что ваша антирелигиозная деятельность приписала религии во имя торжества вашей идеологии. Главное в религии — Душа, а не Бог. Бог есть нечто производное от Души.

В: Но каковы же все-таки ваши правила отношения человека к себе?

О: Самое фундаментальное правило я уже изложил. Вот оно, коротко говоря. Если ты ощутил в себе Душу, т.е. испытал озарение, знай, что тебе судьбою дан высший дар из всех мыслимых даров бытия. Обладание им и есть высшее счастье. Береги этот дар, храни его в чистоте, упрочивай и обогащай своей последующей подвижнической жизнью. Как это сделать, я расскажу тебе дальше, я научу этому тебя. Не меняй этот дар ни на что иное, ибо мена будет неравной для тебя. Ты всегда при этом потеряешь. Все остальное в сравнении с ним есть прах, есть суета сует. Сделай шаг по пути, к которому зовет тебя необыкновенный дар, и ты сам убедишься в этом.

Затем следует совокупность правил, вытекающих из этого фундаментального правила. Я их называю правилами самоотречения. Они определяют отношение к своему телу и телесным потребностям, к материальным благам, к карьере, к почестям, в общем — ко всему мирскому, общественному. Тело есть слуга Души. Тело для Души, а не наоборот. Отсюда — требование содержать тело в таком состоянии, чтобы из-за него было меньше хлопот и чтобы оно максимально хорошо служило Душе: быть чистоплотным, физически закаленным, выносливым, здоровым и т.д. Потому быть умеренным во всем. По возможности обходиться без врачей. Для этого мною разработана система телесных упражнений, включающая в себя упражнения и для психики, которая есть часть телесной жизни. Система проста и общедоступна. Если хотите, я могу ее изложить.

В: Нечто вроде йоги?

О: Нет, нечто принципиально иное. Моя система рассчитана на человека, живущего в нашем обществе, вынужденного ходить на работу, пользоваться транспортом, стоять в очередях и т.д. Основная цель моей системы тренировки тела — чтобы Душа по возможности полно сосредоточилась на своих делах. Тело должно стать хорошо налаженным механизмом для нее.

В: Могут ли этой вашей системой воспользоваться лица, не разделяющие вашу религию?

О: Могут, но с меньшим успехом. Моя система, например, не рекомендует сидение в таких комиссиях, как данная. И вообще она категорически против траты времени и сил на заседания, совещания и всякого рода руководящие пустяки.

В: Значит, руководители не могут исповедовать вашу религию?

О: Это их дело. К тому же к деятельности руководства можно относиться по-разному. То, что у нас считают руководящей деятельностью, в большинстве случаев есть пустая и бессмысленная формальность. Если руководство есть тяжкий труд, то оно нравственно /при условии нравственности цели, конечно/. Ну, а главное в моей системе — состояние веры, делающее всю совокупность правил моей психогимнастики осмысленной.

В: Является ли регулярный режим питания и жизни вообще обязательным по вашей системе?

О: Режим желателен, но не обязателен. Нужна некоторая регулярность и равномерность в течение более или менее длительного периода. Это не обязательно сутки. Это может быть неделя, месяц и даже год. Моя система удобна тем, что упражнения можно делать в любом месте и в любое время, когда о них вспоминают и появляется желание выполнить какое-то упражнение. К тому же можно подобрать систему упражнений по его особенностям и возможностям.

В: Например, какие упражнения можно делать сейчас вот здесь?

О: Не сидите на стуле, например, так, как вы сидите сейчас. На стуле надо сидеть так, как будто вы сейчас собираетесь встать. Во всяком случае, время от времени вспоминайте об этом и принимайте такую позу. А позы, в которых сидите вы, деформируют и размягчают тело, способствуют лени, рожают скуку и раздражение.

В: Очевидно, вы отвергаете и стремление к карьере, материальным благам, почестям и т.д.?

О: Отвергаю стремление, но не настаиваю на отказе. Если блага и должности приходят сами, пусть приходят. Важно, как ты относишься к этому и как при этом поступаешь. Богатство, должности и славу, если они есть, можно использовать на благо людей. Но не следует добиваться их с целью облагодетельствовать людей, ибо сама эта цель есть обман, раз она достигается таким средством. Подлинная цель воплощается в средствах. Например, если человек делает гнусность ради некоей благородной цели, последняя есть обман, а реальная цель и есть эта гнусность.

Современная жизнь в изобилии рождает соблазны. Но она вместе с тем создает удивительные возможности довольствоваться малым. Она производит дешевые средства личного потребления, которые позволяют самому бедному человеку вести образ жизни, мало отличающийся от образа жизни самого расточительного человека. Вот на вас, например, костюм стоимостью в двести рублей, но вы не выглядели бы принципиально иначе, если бы были в костюме, который стоит в три раза дешевле. А ваш образ жизни несколько не изменился бы, если бы на вас не было этих колец, серег, браслетов с драгоценными камнями. А они ведь стоят больших денег. Для такого, как я, одно ваше кольцо — год жизни, а то и более. Наверняка многие из вас потратили тысячи рублей на дорогие мебельные гарнитуры, которые с точки зрения удобств и бытовой эстетики ничуть не лучше дешевых вещей такого же рода. А должности? Пойдемте, я проведу вас по маленькому кусочку реальной жизни, и вы убедитесь, что их не ставят там ни в грош. Аналогично со славой. Возьмите вот это заведение хотя бы. И посчитайте, многие ли находящиеся здесь

люди знают ваше, например, имя. И знают ли они, за что вы получили награды, титулы, звания? А между тем даже ничем не выдающийся рядовой человек может завести широкий круг знакомств и обрести в нем известность, вполне удовлетворяющую его тщеславию. При желании любой ничтожный червяк может занять в нашем обществе положение, удовлетворяющее его властолюбие. Так что презрение к материальным благам, должностям, почестям в нашем обществе есть лишь объективная оценка существа этих факторов нашей жизни. Здесь все, не освещенное духовностью, уродливо, фальшиво, ничтожно. Я уверен, что со временем даже власть имущие поймут простую истину: лишь в религиозном свете мирские блага обретают человеческий высокий смысл. Богатство, власть и слава — одно в обществе, в котором заметную роль играет религия, и совсем другое в обществе с разрушенной религией.

В: Но ведь и в нашей Стране существуют религиозные организации и верующие. И они имеют возможность служить своей вере. Почему вы так настаиваете на своих утверждениях?

О: Я говорю о религии, адекватной данному обществу. То, о чем вы сказали, суть лишь трупы прошлого, поддерживаемые из тех или иных соображений, фактически враждебных религии. Так, православная церковь вам весьма удобна как мощное средство предотвратить вспышку реальной религиозности, порождаемой всем строем нашей современной жизни. Потому-то вы сажаете в тюрьмы и сумасшедшие дома таких, как я, а не православных попов или служителей других форм традиционных старых религий.

В: Как вы решаете вопрос о смерти?

О: Смерть неизбежна. Надо жить так, чтобы в любую минуту быть готовым к ней. И встретить ее человек должен спокойно и достойно, как должное. Страх смерти не должен заполнять Душу и овладевать ею. Имеется система упражнений, благодаря которым достигается такое отношение к смерти. Это главным образом молитвы с благодарностью за дарованную жизнь и о готовности расстаться с нею. Но они дают эффект лишь при том условии, что сама ваша жизнь праведна и отвечает нормам религии. Однако такое отношение к смерти не есть полное отсутствие мысли о смерти и страха смерти. Религиозный человек должен постоянно думать о скоротечности жизни и о предстоящей смерти, ибо только сознание праведно прожитой жизни, которая скоро оборвется, дает подлинно человеческое удовлетворение. О смерти не думает животное.

В: Каковы принципы вашей религии, касающиеся отношения человека к окружающим людям — к коллегам, сослуживцам, знакомым, друзьям, врагам и т.д.?

О: Система правил, определяющих отношение к другим людям, базируется на следующих принципах: сохраняй личное достоинство, держи людей на дистанции, сохраняй независимость поведения, относись ко всем с уважением, будь терпим к чужим убеждениям и слабостям. Не насилуй и не допускай насилия над собой. Сопrotивляйся насилию до последнего вздоха. Никогда и ни перед кем не унижайся, не хохлуйствуй, не подхалимничай, чего бы это тебе ни стоило. Не смотри ни на кого свысока, если даже человек ничтожен и заслужил презрение. Заслуживающему воздай должное. Гения назови гением. Героя назови героем. Если тот, кому воздают почести и награды, не заслужил этого по своим личным качествам и поступкам, презирай его. С плохими людьми /карьеристами, интриганами, донощиками, клеветниками, трусами/ не имей дела. Из общества плохих людей уйди. Обсуждай, но не спорь. Беседуй, но не разглаговльствуй. Разъясняй, но не агитируй. Если нет надобности говорить, молчи. Если не спрашивают, не отвечай. Не привлекай к себе внимания. Если можешь обойтись без чужой помощи, обойдись.

Свою помощь не навязывай. Приди на помощь тогда, когда помощь нужна, и тебе за нее будут благодарны. Не заводи слишком интимных отношений с людьми, оставь кое-что для себя. Не пускай других копать в твоей Душе и ни перед кем не раскрывай Душу. Самая ценная часть Души есть твоя тайна. Не исповедуйся ни перед кем, кроме Бога. Обещай только тогда, когда уверен, что сдержишь обещание. Пообещав, сдержи обещание любой ценой. Не обманывай, не хитри, не интригуй,— в этом нет надобности и это убивает Душу. Обращайся с другом на «вы» и веди себя с ним так, как будто вы суть независимые, равномошные, дружественные державы. Будь терпим к чужим убеждениям и недостаткам. Избегай поучать и делать замечания. Игнорируй врагов. Не злорадствуй. В борьбе предоставь преимущества противнику. И так далее. Продолжать? Я думаю, нет надобности. Суть этого раздела учения должна быть очевидна из приведенных примеров: выработать в себе способность притивостоять давлению и сохранить свое «я».

В: Что ваше учение говорит об отношении к организациям, группам, собраниям и т.д. людей?

О: В нашем обществе хлеб насушный можно иметь только через какое-то учреждение. Будь добросовестным работником — вот наш совет. Это дает какую-то защиту и некоторое внутреннее ощущение правоты. Что касается прочих объединений людей и коллективных действий — уклоняйся. Не вступай ни в какие партии, секты, общества. Не присоединяйся ни к каким коллективным акциям.

В: Значит ли это, что вы против коллективных действий вообще?

О: Нет. Если участие в коллективном действии неизбежно, участвуй в нем как автономная единица в том смысле, что не поддавайся настроениям и идеологии толпы, а действуй лишь в силу личных убеждений. Делай это как свое личное дело, а не как дело других.

В: Что говорит ваше учение об отношении к официальной власти общества и к нашим законам?

О: Насчет законов ответ очевиден — вести себя так, чтобы была всегда уверенность в том, что ты не совершил и не совершаешь ничего противозаконного. Но вы же сами прекрасно знаете, что у нас ничего не стоит обвинить в нарушении законов всякого, если по каким-то причинам считается нужным это сделать. Так что этот вопрос интереса не представляет как чисто софистический. Во всяком случае, он выходит за рамки религии. Вопрос же об отношении к власти интересует религию как часть вопроса об отношении к другим людям и к обществу. В нашем обществе официальная власть в единстве со средой, в которой живет человек, осуществляет ничем не ограниченное насилие над личностью. Уметь противостоять этому насилию — одна из важнейших /если не главная/ задач религиозного развития и воспитания человека. Всякая власть враждебна человеку. Это не есть анархизм. И нелепо бояться, что призыв противостоять власти и относиться к ней враждебно равносителен ликвидации власти. Всякая борьба против засилия власти в нашем обществе может иметь следствием лишь некоторое ограничение ее и рационализацию, очеловечивание ее. Основные принципы отношения к власти таковы. Не участвовать во власти. Не содействовать ей ни в чем. В конфликтах власти и человека быть на стороне человека. Прошу иметь в виду, что из ранее рассмотренных постулатов вытекает наше враждебное отношение к уголовным преступлениям против человека, так что здесь имеется в виду чисто гражданский аспект дела, связанный со стремлением людей отстаивать свои человеческие права и свое достоинство в борьбе с властями.

В: Но разве враждебное отношение к власти не есть нарушение законности?

О: Речь идет об отношении определенного рода, а не о любви. А это отношение вполне в рамках закона. Причем, любого закона. Неучастие в органах официальной власти не есть нарушение закона. Неучастие в выборах представительной /т.е. фиктивной/ власти не есть преступление. Если человек не аплодирует речам вождей и постановлениям разных высших инстанций, он не нарушает законов. И так далее. Имеется много способов выразить свое религиозное отношение к власти, не нарушая законности. Другое дело, в нашем обществе такие люди воспринимаются как враги, и общество /и официальные власти/ обрушивают на них свою карающую мощь. Самим же фактом своего законного, но нежелательного для власти отношения к ней, человек становится врагом власти помимо своей воли и вопреки формальным законам самого этого общества. И основной принцип моего учения для этой ситуации — стой твердо на своем, чего бы это тебе ни стоило. Власти и среда сами выталкивают такого человека в положение мученика и борца против самих себя. Для этого общества самый страшный враг — человек, который решился отстаивать свое человеческое достоинство и свою духовную независимость от насилия со стороны общества. И общество прилагает всяческие усилия, чтобы не допустить появления таких людей или уничтожить их, если они появились. Хотя именно в таких людях, только в них заключена гарантия от превращения общества в бездушный механизм, в нечто муравейникоподобное.

В: Как вы относитесь к коммунистической идеологии?

О: Мое учение призывает игнорировать ее. Всякое внимание к ней укрепляет ее. Особенно — борьба против нее. Самый большой ущерб ей наносит вполне законное безразличие к ней. Не тратить средств на приобретение идеологических книг, журналов, газет. Не читать и не слушать ничего идеологического. Не смотреть по телевизору и в кино ничего связанного с идеологией /и со спектаклем власти вообще/. Не слушать лекций, докладов и т.д. Не посещать идеологических сборищ.

В: Как вы относитесь к науке, образованию, культуре?

О: Мое учение призывает к настоящему, добросовестному, широкому и глубокому образованию. К знакомству с лучшими образцами искусства. К подлинной культуре. В моем учении наиболее детально разработан тот отдел, который касается как раз данного вопроса. Это — программа общего образования и культурного развития. Вплоть до подробного списка литературы, музеев, фильмов, концертов и т.д. В частности, рекомендуется изучение основ логики, математики, теоретических разделов физики, лингвистики, психологии и т.д., которые в совокупности дают действительно научное мировоззрение /в отличие от идеологического/. Рекомендуется регулярное изучение истории общества и истории культуры, этнографии, антропологии, социологии и т.д., дающих научное понимание общественной жизни. Аналогичные рекомендации имеются в отношении других областей культуры и образования. И конечно же рекомендуется изучение истории религии и основ религиозных учений. Причем, можно показать, что средний человек вполне в силах справиться с этой задачей, если он будет заниматься систематически и организованно. Это проверено и на практике. Я знаю многих людей, которые находятся в своем развитии на уровне науки и культуры нашего времени. Причем, я считаю это необходимой частью духовности /Души/ современного религиозного человека. Высокая общая образованность и культурность наряду с высокой профессиональностью и добросовестным исполнением своих рабочих обязанностей и с образцовым поведением в быту есть для религиозного человека средство выжить или хотя бы более или менее длительное время не подвергаться открытым гонениям. Стремление быть лучше других исключительно за счет своих личных способностей, трудолюбия, положительных личностных качеств /честность, надежность и т.д./, разумной организации жизни — это дает удовлетворение и некоторую защиту.

В: Какую роль в вашем учении играет Бог?

О: Я уже говорил, что Бог есть отчужденная душа человека. Могу добавить, что Бог есть также идеальная Душа. Идеал, к которому стремится верующий человек. Поскольку такой человек все силы черпает в самом себе, в своей собственной Душе, он обращается к своей Душе как к чему-то противостоящему ему самому, — обращается к ней как к Богу. Сейчас модно искать или допускать какие-то особые материи, волны, энергии или даже вземные существа, связанные с молитвами, Богом. Это — одно из нелепых влияний раздутой научности нашего века. Все религиозные явления суть реальный факт, но отнюдь не в смысле физики, психологии, космонавтики, а как особые объективные явления, имеющие основания лишь в человеке самом. Религиозная потребность есть такая же естественная потребность, как и прочие — потребность в общении, в существовании другого пола, в искусстве и т.п. Это — потребность в определенном понимании себя и общества, в котором живешь, в определенном образе жизни, в развитии в себе самом особого внутреннего существа и мира, который становится высшим критерием оценки всего происходящего, высшим судьей твоих собственных поступков, источником сил, опорой. И когда человек этого достигает, он сам предстает перед своей Душой как перед существом, принадлежащим ему и подвластным ему, как перед своим «я». А с другой стороны, он предстает перед ней как перед существом, отличным от него и диктующим ему свою волю, — как перед Богом. Происходит внутреннее раздвоение личности. Причем, вторая сторона выступает для человека как наделенная общими и абстрактными атрибутами. В этом — источник для мистификаций и мистики. Мистификации я отклоняю как продукт языковых спекуляций и умствований. Мистику признаю как субъективное переживание реальной ситуации, только что описанной мною. Если вам не нравится слово «Бог», употребляйте любое другое выражение. Например, «абстрагированная Душа», «общая Душа». Это не меняет сути дела. Все равно какие-то общие слова нужны, чтобы религиозные люди могли установить свою общность /средство/ и чтобы верующий мог общаться со своей собственной Душой как со своим вторым отчужденным «я», которое в этом отношении выступает как «Мы», «Он», «Оно» и т.п.

В: В какой форме должно происходить, по-вашему, общение с Богом?

О: Исповедь, покаяние, обещание, благодарность, просьба. Все они возможны без посредника, т.е. перед самим собой, и через посредника /духовника/, которого выбирают добровольно на время или навечно. Возможны также в присутствии других верующих, причем — исключительно добровольно. Все они касаются личного поведения и состояний своей Души, а также других людей, в отношении которых проявляется личное сопереживание. Просьбы относительно лично себя касаются только состояний Души, а не обстоятельств. Например, не надо просить, чтобы Бог избавил тебя от несчастья, надо просить о том, чтобы он помог тебе перенести его достойно. Нет строго определенного времени обращаться к Богу. Обращайся всегда, когда вспомнишь об этом. К Богу не следует обращаться с жалобой на людей и судьбу. Предпочтительнее благодарить его за то, что он дал Жизнь, Душу и все остальное. Благодарите за все то, что имеешь хорошего. И говорите Ему, что готовы встретить трудные испытания и в любую минуту готовы спокойно встретить смерть как неизбежное. Проси силы делать людям добро.

В: Как Вы относитесь к религиозным организациям?

О: Не отвергаю, но не призываю к ним. Если организация и получится, то это должно произойти само собой, исключительно на основе личного общения и признания. И на этом должна держаться. В нашем обществе всякая организация людей в группы дает типичные социальные учреждения со всеми их атрибутами. Наша религиозная общность с этой точки зрения враждебна организованности. Это

— братство рассеянных в обществе одиночек. Наш принцип: я поступаю так-то, ты можешь следовать моему примеру. Кроме того, религиозная община уязвима для репрессий со стороны властей. Рассеянное братство менее уязвимо.

В: Разве с одиночками не легче справиться?

О: С одиночкой легче. С одиночками, если их много, нет.

В: Но вы собираетесь вместе в большом числе для обсуждения каких-то вопросов?

О: У нас нет собраний. Конечно, мы встречаемся и обмениваемся мнениями. Но лишь в ходе обычной жизни.

В: А как распространяется ваше учение?

О: Когда как. Я об этом не забочусь. Оно само растекается по свету. Растекаясь, оно уточняется, обрастает деталями, систематизируется.

Замечание: Но ведь вы теряете авторство!

О: Это не имеет значения. Акт творчества сам по себе награда. Я сказал свое слово и тем самым вознагражден сполна.

Замечание: Вас и ваших последователей все равно уничтожат. И от вашего учения не останется следа.

О: Придут другие и сделают то же.

Вопрос: А если не придут?

О: Тогда участь этого общества не будет стоить даже сочувствия.

После того, как обвиняемого увели, члены комиссии быстро пришли к единому мнению.

— Случай, конечно, тривиальный,— резюмировал председатель комиссии.— Но вы, конечно, сами понимаете... Нас обвиняют... На нас клеветают... Мы должны максимально...

— А вдруг Бог на самом деле есть? — шутливо сказал лысый толстяк.— Вы читали, конечно, о «летающих тарелках»?..

— Существует гипотеза,— сказал очкарик с бородкой,— согласно которой мы есть продукт эксперимента высших существ...

— Отвергать факты передачи мысли на расстояние нелепо...

— Говорят...

— Ходят слухи...

Переговариваясь таким образом, члены комиссии покинули кабинет и разошлись по своим учреждениям и домам с сознанием честно выполненного долга. Совесть их не мучила. Ее у них просто не было.

ГНУСНАЯ ИСТОРИЯ

О диссидентах

В газетах — статьи о диссидентах. Их смысл — диссиденты суть агенты иностранных разведок. Другого объяснения не может быть, пишет автор одной из них. Автор — сам бывший иностранный шпион. Вот это — позиция правительства. Плюнь, говорит мне моя новая знакомая. Но людей же посадят, возмущаюсь я. Они знали, на что шли, говорит знакомая. Ты лучше о себе подумай. Почему ты не защищаешь диссертацию? Все равно в нашем народе нет силы, способной что-то изменить. Мы не евреи. Впрочем, их скоро всех выгонят. Не все диссиденты евреи, говорю я. Есть и русские. Значит, у них жены еврейки, говорит она. Хочешь, я поговорю с директором, и тебя выпустят на зашиту? Как хочешь, говорю я. Мне все равно. Под утро моя знакомая уходит. Эта почтенная дама даст сто очков вперед пресловутым «распущенным девицам». А мировоззрение... Эдакие дамы /а их миллионы/ не допустят никакой демократизации общества. Она им ни к чему. Им так удобнее. В разговоре знакомая упомянула о Спецотделе. Это меня насторожило. Всего пятнадцать страничек формул. Как мало нужно места для дела! А отчеты института займут десятки томов. Где-то я за эти пятнадцать страничек получил бы все. А здесь? Нет, с меня хватит! Я беру спички и поджигаю первый листок, второй, третий... Последний. И спокойно засыпаю. На работу опоздал на два часа. Явился — немедленно в дирекцию вызывают. Пиши объяснительную записку. А я улыбаюсь. Я почти счастлив — я сделал дело!

Плач пенсионера

Светит солнце яркое,
Жаром разливается.
Прохлаждаюсь в парке я.
Отдых полагается.

Мне-то что! Мне осталось недолго тянуть.
Ну, а мертвым не боязно, как говорится.
Вам же в прошлое надо б, ребята, взглянуть.
Есть намеки, оно повторится.

Распевают птички,
Зеленеют веточки.
Делают куличики
Из песочка деточки.

И опять — Воркута. И опять — Колыма.
Обновят лагеря в Магадане.
Ведь на это не нужно большого ума.
За желанием ж дело не станет.

Вон девчонки стайкою,
С голенькими ножками.
Мальчики — утайкою
Нижними дорожками.

Что история скажет? Какой с нее прок?!
Кой-кому пощекочет нервишки.
Но Они-то теперь извлекут свой урок:
Не дадут матерьяла для книжки.

А студентам... Знаем мы!
Как всегда хохочется.
На носу экзамены,
А им другого хочется.

То, что вас уничтожат, не в этом беда—
Рано ль, поздно ли — все мы там будем.
Дело в том, что от вас никакого следа
Не найдут уцелевшие люди.

Отложивши временно
Формулы и графики,
Говорят уверенно
О свободе... Африки.

Я желаю, ребята, вам всяческих благ.
Все возможно в России советской.
Но боюсь, что покажется старый ГУЛАГ
Вам наивной игрушкой детской.

Пары, где приходится,
Заняты... эротикой.
Им плевать, как водится,
На меня, склеротика.

Вижу, скучно вам слушать слова старика.
Не страшит перспектива такая.
Что ж, гуляйте, гуляйте пока.
Что-то холодно мне. Умолкаю.

Наша цель

Обратите внимание, сказал Забуддыга в один из наших походов, когда мы для разнообразия начали с центра, и указал мне на здание Военной Артиллерийской Академии... Через весь центральный корпус Академии тянулся лозунг «Наша цель — коммунизм». Я тупо посмотрел на лозунг. Что особенного? Такими лозунгами украшена вся столица, вся страна. Потом меня вдруг осенило. Я начал хохотать. Как из-под земли выросли дружинники и милиционеры. Поскольку мы еще были в приличном состоянии, а они — почему-то миролюбиво настроены, нас отпустили, проверив на всякий случай документы и осмотрев мой портфель. Во время осмотра портфеля я сказал, что мы рядоове забуддыги, запретной литературы и бомб не держим. Один из дружинников сказал мне, чтобы я заткнулся, если не хочу до утра провести время в другом месте. А ведь он, судя по физиономии и языку, мой собрат — такой же младший сотрудник научного учреждения. Может быть, следит за иностранными журналами, передовые идеи высказывает. Вот сволочи, сказал я, когда мы остались вдвоем и юмористическое настроение пропало. Не судите, сказал Забуддыга, да не судимы будете. Как-нибудь я вам расскажу случай, когда мне пришлось выполнять роль похуже этих ребяташек, а у меня тогда никаких

угрызений совести не шевельнулось. А теперь уже не переиграешь. Как меняются времена! Когда я был в вашем возрасте, милиция с нами на церемонилась. Сначала били, а потом уже разбирались, что к чему. Правда, и мы в долгу не оставались. В одной такой заварушке мы ухитрились откусить им два уха, перекусить одно сухожилие на ноге /сквозь сапог, между прочим!/ и переломить указательный палец. А один парень бульдожьей хваткой вцепился в задницу начальника патруля. Так их обоих и увезли в «Склифасовского», не могли разжать челюсти. Теперь не то. Ну, так какова наша цель? Я предлагаю на ту сторону, в «Галактику». «Юпитер» на ремонте, а в «Витязя» нас уже не пустят.

Она

С ней мы все-таки встретились. Я спросил, почему Она так неожиданно и жестоко бросила меня. Она рассмеялась. Ты думаешь, что если я с тобой переспала пару раз /три, поправил я/... ну, три раза... Какая разница?.. так значит, ты имеешь право претендовать на такие вопросы, сказала Она. Ты ко всему прочему еще и наивен. Счастливый человек! Но если уж начистоту... Видишь ли, в тебе ощущается некая нестабильность. Даже обреченность. С тобой грустно становится. А Сын, спросил я. Он хотя и хам, эгоист и прочее, сказала Она, но в нем есть стержень. Он — живой человек. Он из нашего болота. Но он не для тебя, сказал я. Она пожала плечами и ушла. Женщина средних лет, одетая под иностранку и страшная, как иностранка. И вместе с тем — типичный житель нашего болота. Удастся ли Ей зацепиться за кочку? Навряд ли. Мне кажется, Она допускает какую-то фундаментальную ошибку.

Я думаю так, сидя в дирекции, перед кабинетом директора. Сижу уже полчаса. Меня это не удивляет уже, привык. У нас и более важные срочные дела тянутся годами, откладываются, забрасываются совсем, забываются. Год назад нам спустили сверхсрочное секретное задание, открыли для него новую лабораторию, переключили на нее все основные фонды. Сейчас об этой лаборатории никто не поминает. Кажется, ее ликвидируют за ненадобностью. А тут — полчаса младшего сотрудника без степени...

Из «Евангелия от Ивана»

Время, ребята, промчится.
И многое будет иначе.
Не будут в подъезде мочиться.
И срать перед дверью тем паче.
И сможем порой автоматы
С исправным найти циферблатом.
И сможем за полночь, ребята,
Поллитра надыбать без блата.
В милиции зубы частично
Оставят жевать простоквашу.
И нужник заменит приличный
Известную миру парашу.
На праздник подбросят сосиску.
А может, глядишь, и колбаски.
Сперва — по особому списку.
На первых порах — без огласки.
Те мрачные годы умчатся.
И будем отнюдь не на лоне
С блядьми порою встречаться,
На мягком тахты поролоне.

Все будем анкетую чисты,
Все будем творцы и трудяги.
Глянeshь извне — коммунисты.
Поглубже копнешь — доходяги.

Исповедь Самосожженца

По поручению Старого я занялся проблемой соотношения познавательного, управленческого и нравственно-правового аспектов в изучении психической деятельности животных. Работа захватила меня. Иногда я просиживал по двадцать часов подряд, раздражаясь из-за того, что надо отвлекаться на еду и сон. И я установил следующее. Познание законов явления и отыскание способов управления ими - задачи далеко не всегда совпадающие. В рассматриваемом случае они принципиально не совпадают. Можно путем многочисленных экспериментов найти способы воздействия на психику животного, дающие желаемый эффект, и при этом не знать строения и законов функционирования аппарата психики. В наше время это особенно доступно. Но возникает вопрос: о каком управлении психикой животных может идти речь? Управление поведением? Но тут вообще никакой проблемы нет, если это рассматривать само по себе. Управлять домашними животными люди давно научились. Дрессировщики в цирках тоже вряд ли нуждаются в наших услугах. Для диких животных нужны охранные меры и запovedники. Очевидно, все исследования рассматриваемого типа ориентированы на человека. Практически есть одна проблема: проблема управления людьми. И от нас требуют разработки подходящих средств для этого. Фактически люди уже не верят в светлые идеалы коммунизма. И манипулировать ими, ограничиваясь лишь демагогией, пропагандой и репрессиями, становится все труднее. Мы должны найти «научную» компенсацию утраченной веры. Если конкретно присмотреться к тому, что делается в нашей и других лабораториях, сомнений не остается. Все наши исследования построены так, что даже на морских свинок и мышей мы смотрим как на потенциальных человечков. Суть наших исследований сводится к тому, чтобы найти химико-психо-физические средства воздействия на организм животных, благодаря которым они стали бы более послушными и доброжелательными, менее агрессивными, быстрее запоминали бы примитивные навыки и т.д. И то, что мы экспериментируем на животных, а не на людях /а может быть, кто-то где-то на людях?/, дела не меняет. Сейчас уже точно установлено, что с точки зрения таких воздействий человек мало чем отличается от морских свинок, мышей, собак, кроликов. И что бы там ни говорили о безвредности и даже полезности этих средств для организма /что, однако, есть нонсенс в силу определения самих понятий здоровья и нормы поведения/, остаются неконтролируемые последствия с точки зрения эволюции биологического вида. А главное — возникает иная проблема. Раз эти средства связаны с проблемами взаимоотношения между людьми, они становятся орудием одних против других, и тут мы вступаем в сферу социальности, права, морали и, может быть, религии.

Я привел несокрушимые аргументы в пользу тезиса о принципиальной неконтролируемости эволюционного процесса вида вследствие рассматриваемых воздействий на психику. Я использовал новейшие математические методы, предложив решить на вычислительных машинах самую простую задачу хотя бы с пятью существенными для эволюции признаками. Закончив свой опус, я отдал один экземпляр Старому, один оставил в Научном кабинете, один отдал почитать приятелю, один оставил себе.

Сюрприз

Мои наблюдения за «шевелением» в приемной директора навели меня на мысль, что всего того, что здесь делали десятки людей, едва хватило бы на половину

рабочего дня сотрудника ниже средней квалификации. Я собрался посчитать, как это выглядело бы во всей нашей отрасли науки, а затем — всей страны. Заранее было очевидно, что мы по всем позитивным показателям живем не как трехсот-миллионное государство, а как /самое большое/ двухсотмиллионное. Остальное — балласт, паразитические наросты, недоброкачественные ткани. Но меня пригласили к директору. Я был готов к чему угодно, к самому худшему. Но только не к этому: меня зачислили в отряд, посылаемый на уборочные работы в совхоз. От неожиданности я рассмеялся. В чем дело, спросил меня sereneкий человек /из райкома партии, как я узнал потом/. Я ответил, что ожидал вопросов по поводу эффекта..., обнаруженного нашей лабораторией. И вообще, спросил я, нельзя ли вместо меня послать одного из многочисленных бездельников, околачивающихся в районе дирекции? У меня серьезная работа. И физически я не... И морально-политически тоже не, сказал человек из райкома. Вот вас и посылаем для воспитания. А насчет «бездельников» — это не вашего ума дело. И вообще, добавил директор, вы в последнее время... В последнее время, оборвал я его резко, я получил пять благодарностей от дирекции и две премии. В совхоз я поеду, мне не привыкать. Я, между прочим, пятый раз посылаюсь на это... воспитание. А многие сотрудники моего возраста не были там еще ни разу. И вообще эта система посылки людей в деревню порочна и убыточна, я берусь это доказать неопровержимыми цифрами. Человек сказал, что тут дело не в цифрах, а в политике и т.п. Во время этой беседы в кабинет вошел Сын, но со мной он даже не поздоровался.

В лаборатории спросили, зачем меня вызывали, хотя сами знали об этом отлично еще до моего прихода, ибо они сами решили «выделить» меня для этого дела. Я сказал, что посылают дышать свежим воздухом и питаться витаминами. Этот день я занимался вычислениями, касающимися нашего подшефного колхоза. Выезжает туда на время полевых работ до тысячи горожан. Дорога, питание, зарплата на производстве остается. Работают плохо. Болезни. Антисанитарные условия. Но удивительно, многие едут охотно. Почему? С работы удары, из семьи смыться, по пьянствовать на свободе, с бабами «погулять» и т.п. Найти разумное объяснение в силу массовости явления и разнородности его участников невозможно. Интересно, что перед отправкой нам каждый раз говорят, что поездки из городов на уборку урожая в деревню суть зримые черты коммунистического труда. То же самое говорят перед посылкой на овощные базы и в строительные отряды, перед субботниками. Трудно сказать, чего больше в таких уверениях — наивности, цинизма, идиотизма или презрения к нашим интеллектуальным способностям. И каждый раз нам напоминают о том, что утопические коммунисты прошлого и основатели «научного» коммунизма предсказывали это прекрасное явление будущего /с их точки зрения/ светлого общества. Но почему, если они были такие умные, они не предсказали крыс и клопов, ужасающую bestолокство местного и вышестоящего начальства, идиотскую организацию труда, пьянство, разврат, очковтирательство? Отраб сказал по сему поводу /случайно возник разговор на эту тему на вечере у Сына/, что не следует смешивать глубинную сущность процессов и мелкие, проходящие недостатки. В масштабах страны и истории все это выглядит иначе, чем кажется нам, раздувающим негативные стороны дела. Все зависит от того, откуда смотреть на страну и на историю, заметил я. Но мое замечание утонуло в гуле одобрения по адресу мудрой государственной мысли. Из присутствующих только я один регулярно участвовал в этих коммунистических формах труда. Не считая субботников, относительно которых даже Отраб высказывал скептически — юмористические замечания. В одном учреждении, сказал он, за время субботника собрали пустых бутылок на десять рублей, а на другой день уборщицы сдали пустых бутылок, оставшихся после ухода сотрудников, на двадцать.

Сны

Известно ли вам, говорил Забуддыга, что сонология /или снометрия/ возникла сначала как хохма? В «Евангелии от Ивана», например, четко сформулирован принцип соответствия сновидений социальному статусу человека:

Я знаю, будете смеяться:
Нам даже сны по рангам снятся.
Пока не удостоен ты
Занять высокие посты,
Пока к чинам на приобщился,
То сколько бы во сне не тшился,
Ты не узришь себя царем
И партбюро секретарем.
И потому, упившись в стельку,
Ляг под забором, не в постельку,
Пуская с храпом пузыри,
Сны предугазанные зри
О том, как ты, упившись в стельку,
Слег под забором, не в постельку,
Пуская с храпом пузыри,
Лежишь с зари и до зари.

Согласно теории Великого Сновидца, продолжал Забуддыга, которую он сформулировал, находясь в «психушке», чистейшими и волшебнейшими снами являются сны детства. Конечно, это было эмпирически известно и ранее, но тут это положение доказано как теорема. Но сны детства, увы, нельзя подглядеть, ибо младенцы еще не ведают, что такое ОГБ. Автор «Евангелия» соглашается с этим, но делает все же одно исключение:

Допустим, я в жизни своей не плошал
И стал генерал или даже маршал.
Допустим, я в поте лица потрудила
И высших ступеней подняться добился.
И хоть я не царь, как водилоя встарь,
Но пусть Рай, Обл или Ген-Секретарь.
В искусстве, допустим, процвел благородном.
Артистом заделался Засл.или Народным.
Доктором стал, пусть хотя кандидатом.
Лауреатом. И депутатом.
Пусть мое имя не сходит с страниц.
Пусть даже министры склоняются ниц.
И пусть манекенщицы и балерины
Готовы со мною залечь на перину.
Пусть чудо такое судьба мне устроит,
Чтоб я ежедневно питался икрой,
Чтоб пил, словно воду, старинный коньяк,
Чтоб ехать в Париж было суший пустяк.
И яркую осень. И свежесть весны.
Готов все сменять я на детские сны.
И только одно я меняться отрину:
По улицам пьным мотаться в дымину.
И только одно променять я премину:
Спать в подворотне, надравшись вдрезину.

А почему? А потому, что состояние опьянения есть самое блаженное для мыслящего существа: оно приобщает к Богу. А сам-то Он пил, спросил я. А как же, сказал Забуддыга. Он даже воду превращал в вино перед тем, как пить. Но Он никогда не надирался до такого свинского состояния, как мы порой, сказал я. Ваше утверждение недоказуемо, сказал Забуддыга. И неопровержимо. Впрочем, у меня есть большое подозрение, что «Новый Завет» сочиняли забуддыги вроде нас, а они несколько романтизировали фактический ход жизни. Если хотите, я могу обосновать свое предположение более подробно. Не надо, сказал я. Я готов его принять на веру.

Мы сидим на подоконнике в незнакомом подъезде. Жильцы, проходя мимо, зло смотрят на нас, шипят проклятия, грозятся милицией, но мы их игнорируем. Мы знаем, что они нас боятся, как огня. И молят судьбу, чтобы мы помочились и сделали по-большому не у их двери, а у двери соседей этажом выше или ниже.

Согласно теории Великого Сновидца, сказал Забуддыга, когда мы прикончили трапезу и аккуратно завернули ее неизбежные отходы в газету, только младшие научные сотрудники без степени остаются подобными детям до защиты диссертации. Я еще не кандидат, сказал я. И не будьте им, сказал Забуддыга. Ставим им, вы покинете Бога, а Он покинет вас. Но ведь Его же все равно нет, сказал я. Из того, что Его нет, логически не следует, что Он не покинет вас, сказал Забуддыга. Аминь!

Как давно это было! как жаль, что это прошло! И почему я так и не увидел детских снов?

Праздники, будни, изобилие

Я полный профан в музыке. Никогда не хожу на концерты. И больше десяти минут хорошую музыку вынести не могу. И это вовсе не потому, что у меня отсутствует музыкальный слух. Скорее, наоборот. В детстве у меня обнаружили какие-то незаурядные способности и хотели учить музыке. Но ничего не вышло: я начинал плакать и стремился убежать. Просто убежать куда-нибудь. Так и теперь. Как только я начинаю слушать хорошую музыку, во мне подымается звенящая тревога и тоска, и я убегаю. Музыка есть для меня самое высшее, что создали люди /а люди ли?/, и я считаю для себя кощунством вообще говорить о ней. Если, конечно, это хорошая музыка, а не наша советская дребедень. Эту я могу слушать сколько угодно. Она на меня не действует. Она вообще не есть для меня музыка, и я не обращаю на нее внимания. А заговорил я о музыке потому, что сейчас праздник, юбилей какой-то. Повсюду грохочет... нет, не музыка, а песни советских композиторов. Сочинения, в общем. И я вспомнил Забуддыгу. Тогда тоже был какой-то юбилей. И тоже стоял грохот, ложно именуемый музыкой.

Что такое праздник, говорил Забуддыга. Для большинства населения праздник — это отдохновение от трудов, сытость, нарядность и развлечение. И как следствие — возвышенное состояние духа. Это состояние передается прочей части населения, праздной. Это по идее. А что мы имеем теперь? Работаем мы шалая-валая. Праздничная еда мало отличается от будничной. Одеваемся мы тоже примерно одинаково. Развлечения, как и еда и одежда, тоже дерьмо, но в изобилии. Мы их имеем ежедневно в избытке. Что получается? Ни праздников, ни будней. Сплошная однообразная серость и слякоть. Праздники теперь — лишь повод начальству потешить тщеславие, посидеть в президиумах, речи произнести. Понятие праздника в применении к нам утратило смысл. Так же, как понятие искусства — к этому идиотскому грохоту.

В общем так, сказал я. Но кое-что в праздниках все-таки есть. Например, общепринятая санкция на пьянство. Смотрите, сколько бухих, а в милицию не

забирают. Компании собираются. Это подобие праздника, сказал он. Имитация, подделка. В этом нет возвышенности и одухотворенности, т.е. главного. А теперь спустите на минуту, что на самом деле их принцип «каждому — по потребности» осуществится. Что будет? Кошмар! Серость и уныние возрастут во сто крат. Нет, это хорошо, что их принцип никогда не осуществится. Для человека всегда должно оставаться нечто трудно достижимое и желанное, достижение чего должно создавать праздник, причем, это нечто должно быть общим для большинства населения.

Из сочинений Члена

Ненормальных развелось много. Тут наше бесплатное медицинское обслуживание в большом долгу перед народом. И раньше были люди, критиковавшие существовавший тогда строй. Но ведь строй-то был эксплуататорский. А критиковали-то его лучшие люди. И делали они это ради народа, на благо прогресса. А теперь? Никто никого не эксплуатирует. Чайняна народа сбьлись. Все принадлежит ему. Лучшие люди руководят страной. Значит? Значит, лечить надо. Бесплатно, но как следует. Не в районной больнице, конечно. Там очереди, хамство, проку никакого. И лекарств нужных всегда нет. Тут сам того гляди диссидентом станешь. У гомеопатов лучше, но слишком дорого. Тут особые учреждения нужны. Сознание лечить — дело нешуточное. Мозги — это не кишки, а посерьезнее штукovina. В этом и состоит моя первая главная идея.

Подшефный совхоз

Наш подшефный совхоз возник так. Коллективизация и вообще гениальная политика партии в области сельского хозяйства, неуклонно проводившаяся в течение десятилетий, превратили этот некогда оживленный и зажиточный район в целину и труднопроходимые заросли. Когда еще более гениальная политика целинных земель в Казахстане и Алтайском крае провалилась, вспомнили, что под боком лежат пустые земли, когда-то дававшие Москве в изобилии овощи, фрукты, мясо. Устроили совхоз, согнав уцелевших жителей из уцелевших деревень в одно место. Дали машины, установки, планы. Дали десяток шефов — поставщиков «даровой» рабочей силы. Это — мы. Хотя мы обходимся государству в копейку /нам платят зарплату на работе и здесь кормят/, мы почему-то считаемся дешевой или почти бесплатной рабочей силой. Жизнь совхоза поставляла бы неистощимый материал для юмористов, если бы при этом не вставали волосы дыбом от нелепости и бессмысленности происходящего. Например, дорогие машины пропадают под открытым небом. Сеют и сажают намного больше, чем смогут убрать, и это известно заранее. Убирают намного больше, чем сохраняют, и это тоже знают заранее. И иначе нельзя, ибо план, цифры, показатели, соцобязательства и т.д. и т.п. Автоматические линии и установки работают так, что народу с ними крутится больше, чем нужно было без них. Пьянство ни с чем несравнимое. Встретить трезвого мужчину почти немыслимо. Без выпивки ни одна гайка не отвинчивается и не завинчивается. Вся грязную и трудоемкую работу сваливают на нас, городских. Молодежь любыми путями стремится удрать в город. Тучи бездельников ошиваются возле клуба и магазина. А нас почему-то считают паразитами, хотя мы все-таки как-то работаем. В общем, говорить на эту тему уже не хочется. Тошно. Но самое ужасное во всем этом — то, что местные жители в общем довольны своей жизнью. Старики и пожилые люди помнят, как было раньше, и рассматривают нынешнее положение как рай земной. Они не стремятся к лучшему. Они хотят одного: чтобы не было хуже. И боятся, что будет хуже, если... если диссиденты будут продолжать нападки на наш образ жизни и на власть.

О Западе

Пришлось мне однажды беседовать с группой иностранцев, рассказывал Забулдыга. Кагешники не успели меня убрать и подsunуть своих «произвольно выбранных» граждан, и иностранцы вцепились в меня. Я им кое-что выдал о нашей житухе теперь, кое-что из истории. Ну, обычное - лагеря, репрессии, «психушки» и т.п. Слушали, кивали головами, но явно скучали. Им, очевидно надоело все это добро. Случайно я упомянул об очередях за туалетной бумагой. Бог мой, что тут началось твориться! Загалдели все сразу, руками замахали. И представьте себе, не поверили, сволочи. Решили, что это — явная клевета на наш строй. Потом кагешники даже документы у меня не проверили. Посмеялись только. А один даже по плечу похлопал, сказал, что хотя я и дурак, но молодец.

Что нам Запад, говорил Забулдыга, если мы сами не знаем, чего хотим. Благополучие? Вот вы, например, согласитесь сменять свою теперешнюю тоску на безмятежное существование в качестве академика? Нет? Я вам верю, не согласитесь. Так на кой нам Запад? Сможем мы скинуться на двоих или троих на Западе? Нет. Только у нас от этого можно получить удовлетворение.

Наш совхоз

Поселили нас в развалюхе, похожей на сарай. Сосед, парень из конструкторского бюро, начал заколачивать дыры. От крыс, объяснил он. Крыс тут тьма. Если бы этот совхоз превратили в крысосовхоз, через пару лет он стал бы крупнейшим поставщиком мяса и шкур. Чем кормить крыс? Ерунда! Например, такими специалистами по патентному делу с двумя иностранными языками, как ты /это — другому моему собеседнику/. Или диссидентами. Благо их развелось не меньше, чем крыс. Забавная мы страна, говорит Патентчик. Люди создают комитет с намерением помочь властям выполнить их же собственные намерения, а их сажают в тюрьмы и сумасшедшие дома. Наша жизнь скорее смеха достойна, чем сочувствия, говорит солидный мужчина с завода авиационных приборов. Разберем вот, к примеру, такую историю. В Африке зашибутилось отсталое племя. Почему? А кто его знает? Мы вот тут к концу срока передеремся. И что, из этого мировую политику делать? Вернемся домой, соберемся, выпьем и с великой любовью вспомним эту драку. Это — наша жизнь. Посторонним лучше не соваться, морду набьем. Тем более Африка. Чего мы там не видали? Они там надрались банановой сивухи и начали друг другу морды бить. А морды у них дай боже! В наши морды уже после поллитра попасть невозможно. Я лично каждый раз целюсь в нос, а попадаю в ухо или в стенку. Хватит трепаться, говорит Сосед. Ближе к делу. При чем тут Африка? И я говорю, при чем тут Африка, говорит Приборист. Так нет же, нам до всего есть дело. Мы сразу вой поднимаем: долой империализм! А сами, между прочим, половину Европы захапали. Посылаем мы в Африку своих людей. Танки, самолеты, ракеты. Обращаться с ними туземцы не умеют. Но это не играет роли: техника все равно устаревшая, а людям все равно делать нечего. Техника куда-то исчезает. Куда они ее девают? Пропивают что ли? Прсят еще танки, самолеты, ракеты. Мы им: переходите, мать вашу растак, на позиции коммунизма. Перейдете — мы вам синхро... тьфу!.. в общем, трон построим. А что им этим синхро — фазоциклетатвоуматътроном делать? Орехи расщеплять? Тогда дикари переметнулись к американцам и получили от них, что хотели: штаны и жевательную резинку. И демократию, заметил Патентчик. Это само собой, говорит Приборист, демократия без штанов и резинки немислима. За хорошие штаны и мы бы побунтовали, сказал Сосед. И попросили бы танки и ракеты, добавил Очкарик, наш бригадир. Надев штаны, продолжает Приборист, эти идиоты сразу же переходят на позиции коммунизма. На другой день создают компартию. Пятнадцатилетний Генсек /он же Главком и Премьер/ прибывает к нам с визитом. Нас гонят на

Ленинский проспект изображать энтузиазм и интернационализм. Черножопый Генсек встречается с нашим... А знаете, что общего и в чем разница между гомосексом и генсексом, перебивает Сосед. Погоди, говорит Очкарик. Дай человеку развить мысль до логического конца. Подписывают коммюнике, продолжает Приборист. Клянутся в вечной дружбе. Возлагают венки. Посещают образцовые предприятия. Нас опять гонят на Ленинский проспект, теперь — провожать. На другой день по возвращении домой этот друг советского народа вырезает вечерашних «коммунистов», поносит СССР за то, что мало дали. Что это? Мистика. От таких общений все же польза есть, говорит Очкарик. С Индией примерно то же самое было. Но все же благодаря прошлой дружбе русская культура обогатилась новым ругательством «йог твою мать».

Такого рода разговоры не умолкают целый день. Кончатся они обычно тем, что кто-то высказывает общее неоспоримое мнение: «В нашем бардаке все равно ничего не изменишь» и предлагает завершить трудовой день традиционной выпивкой.

О собаках

Вспоминаю Забудлыгу. Какое это было прекрасное время! Мы купили чекушку водки, пару бутылок вина, двести грамм резиновой колбасы/говорят, из нефти/, пару конфеток. Нашли уютное место между бетонными плитами за забором, огораживающим новое строящееся здание Института Общественного Питания. К нам присоединилась грустная дворняга. Она ничего не просила, не виляла хвостом, а именно присоединилась, как мы присоединились бы к кому-нибудь «на троих». Спокойно, без высокопарных фраз и поз. И я бы не удивился, если бы в зубах у пса оказалась тридцать три копейки. Вот нас и трое, сказал Забудлыга. Интересно, будет она пить, спросил я. Однажды на Севере мы влипли в грязную историю. Ни крошки жратвы и в изобилии спирт. Большинство загнулось с перепоя. Но кое-кто уцелел. Собаки /их две было с нами, сторожевые, конечно/ пить отказались. Так и пришлось их сожрать трезвыми. Во всяком случае точно знаю одно: чокаться их не научишь ни за что. Иностранцы по интеллекту даже превосходят собак, годами живут тут, а чокаться никак не могут научиться. Забудлыга разделил колбасу на три части, одну протянул мне, другую отдал собаке, третью молитвенно приблизил к себе. Мы чокнулись.

Сказки о войне и мире

Раньше в этих делах романтика была, говорит Костя. Перси, ланиты, очи... Слова-то какие! А теперь вместо этого всего одно слово: жопа. Жопа, и все тут. У нас и прогресс в этих делах рассматривается чисто по-советски: в величинах баб на душу населения. Причем, не по числу, а в килограммах. Это впечатлительнее. У нас можно одну бабу иметь, а в килограммах с точки зрения Запада это будет выглядеть так, будто их три или четыре. А лучше — в пудах. Для связи с народными традициями. Представляете, в речи Вождя будет особый раздел... После успехов в промышленности и сельском хозяйстве пойдут успехи в области любви. Именно любви. Это на Западе — сплошное блядство. А у нас любовь! И вот по любви мы даже французов обставили, скажет Вождь. У них всего по десять пудов бабья на душу населения, а у нас — по пятьдесят. Явное преимущество строя. Ты сгущаешь краски, говорю я. Везде одно и то же. И раньше так было. И мы так же ворчали. Правда, в наше время на душу населения бабья меньше приходилось, хотя мужчин в процентном отношении было меньше, чем сейчас. Почему? Кормили хуже. И к бабам удрать было труднее. И патриотический подъем. Ну, это вы шутите, сказал Костя. Патриотизм блядству не помеха. Но я же не об этом. Хочется, понимаете, чего-нибудь чистого, непорочного. Ланиты чтобы, перси, очи. А не жопа,

понимаете? Понимаю, говорю я. Очень даже понимаю. Был у меня такой случай. И очи могли быть, и перси, и ланиты. Кстати, что означают эти слова? Неужели все это лишь другие, поэтические названия жопы? Определенно, говорит Костя. А что это за случай? Случай-то был, говорю я, но ничего так и не было. Не получилось. Почему? Струсил я потому что. Предпочел жопу. Правда, и это сорвалось тоже. Пока я трусил, мое место заняли. Добавим еще?

О карьере

Мы не спеша осушили чекушку, закусили колбаской, закурили. Был за мной такой грех, сказал Забулдыга. Однажды я начал делать карьеру. И довольно успешно. Меня даже представили к званию Заслуженного работника культуры. Когда мне сообщили об этом, я чуть не подох от смеха. Что с вами, спросили меня. Значит, теперь меня будут величать Засракуль, прохрипел я сквозь слезы. Засракуль такой-то! Каково звучит? Мое представление, разумеется, тут же забрали обратно. Использовали первый пустяковый повод, сняли с поста. Сотрудники, сволочи, еще год дразнили меня Засракулем. Пришлось одному типу за это морду набить.

Покурив, мы приступаем к первой бутылке вина. К той, которая послабее. Я никогда не запоминал названий вин. Я вообще все напитки делил на три категории: крепкие /сорок градусов и выше/, крепленые /между девятнадцатью и тридцатью/ и слабые /от девяти до семнадцати/. Пиво так и шло по категории пива. А воду мы напитком не считали. Мы ее не пили, а ели. Конфетку одну отдали псу, оставшуюся разделили на две части.

Эпохальные проблемы

Ты хотя и не еврей, говорит Стопкин, но не очень глупый парень. Скажи мне, есть у Вождя специальный человек, который ему подтирает задницу? Теперь есть технические приспособления для этого, говорит Жидов. Моют специальными ароматическими составами. Ладно, говорит Стопкин. А промокать-то все равно нужно? Нет, говорит Жидов. После обмывания пускают теплый воздух. Он сушит. Это неинтересно, говорит Стопкин. Будь я Генсеком, я бы человека особого на это дело поставил. В чине генерала. У царицы Екатерины, говорят, для этого был особый слуга в чине графа. Сказки, говорит Жидов. Тогда задницу не подтирали, еще не додумались до этого. И вообще, ты вульгаризируешь прошлую вполне приличную историю. А ты, говорит Стопкин, приукрашиваешь нашу вульгарную историю. Ты хочешь, чтобы я поверил, будто эти технические устройства для чистки задницы у нас работают исправно? К тому же это не соответствует духу нашего общества. Будь я, повторяю, на месте Генсека, я бы выделил члена ЦК мой член направлять в соответствующее место. А если он свой направит туда, возражает робко Жидов. Дудки, говорит Стопкин. Я бы приказал предварительно кастрировать его. Это не ново, говорит Жидов. Может ты и гарем завел бы? А что, говорит Стопкин, это было бы недурно. С каждой по рублю в день, мы бы с тобой не просыхали. А вот и Командировочный. Привет, старик! Ну, братцы, куда сегодня направим свои грешные стопы?

О Спасителе

Потом мы приступаем ко второй бутылке. Жаль, говорю я, что Бога нет. Почему же нет, говорит Забулдыга, почесывая псу за ухом. Во всяком случае Он являлся людям. Может быть и являлся, говорю я, но Его почему-то не узнали. Как раз наоборот, говорит он. Узнали. Сразу же узнали. И убили. Он приходил много раз. Его сразу узнавали. И каждый раз убивали. Я встретился с Ним. С кем, удивился я. С ним, конечно, сказал Забулдыга. Хотите, расскажу? Только чтобы вы поверили, надо добавить. У меня где-то в значке бумажка должна быть. Минутку. Ага, вот она, родимая! Пошли!

Из записок Командировочного

Люди! Я обращаюсь к вам, хотя знаю, что мой вопль никогда не будет услышан вами. Чтобы говорить, я должен видеть ваши глаза и слышать ваше дыхание. А я должен говорить, ибо что-то чужеродное мне вынуждает меня делать это. Я хочу научить вас видеть жизнь и думать о ней, научить стратегии думания о жизни. Именно стратегии, а не тактике. Тактику каждый изобретает свою применительно к своим обязанностям, а стратегия едина для всех, от уборщицы и до Вождя.

Поясню популярно различие между стратегией и тактикой размышлений о жизни, а затем обрисую в общих чертах задачи первой. Допустим, вы — уборщица почтенного научно-исследовательского учреждения Академии Наук, и вам известно, что в Центральном Универмаге будут продавать шапки-ушанки из ондатры. Откуда известно? Во-первых, вы не новичок в этом деле, и что и где «выкидывают», «выбрасывают», «подбрасывают» и «забрасывают», вы знаете наперечет. Вторых, вы еще вчера заняли очередь на эти шапки, т.е. вписались в многоотсеченный список в нескольких местах под разными вымышленными фамилиями и трижды за ночь бегали проверяться. Зачем вам пять шапок? Не будем наивными: место в очереди без гарантии купить шапку стоит пятерку, очередь с гарантией — десятку, готовая шапка приносит чистыми двадцать рублей. Это очевидно младенцам, а вы — взрослые люди, а задаете такие глупые вопросы. Стыдитесь! Итак, возникает проблема: сматываться с работы за шапками или нет? Стратегия думания на этот счет говорит: тут и думать нечего! Конечно, сматываться, и как можно быстрее! А вот как конкретно и под каким соусом сматываться, это уже проблемы тактики реализации стратегического принципа. При этом вы стремитесь изловчиться так, чтобы и шапки были целы, и институтские начальники были сыты. Теперь допустим, что вы — нормальный бездарный старший научный сотрудник того же учреждения, которому слава научного открытия не только не светит, но даже не греет. И перед вами встает проблема поддержать вновь назначенного директора, кретина и прохвоста, или нет? Что скажет по сему поводу стратегия размышления о жизни? Верно! Видите, вы сами и без моей помощи начинаете соображать. Тут и думать нечего, не говорит, а вопит стратегия. Конечно, поддержать! А что шепчет тактика? И тут вы правы. Если стратегия — ваш первый полномочный министр, то тактика — всесильный тайный советник. Она шепчет: надо, брат, изловчиться так, чтобы ты при этом выглядел как принципиальный крупный ученый, озабоченный интересами дела. Или вы все тот же /и даже еще более побездарневший/ старший научный сотрудник, впервые удостоенный чести быть избранным в партбюро учреждения. Это после того самого выступления тебя как коллеги, так и начальство оценили и решили избрать. Как себя вести? Опять же, что скажет по сему поводу стратегия? Тут и думать нечего, держи себя так, как будто тебя вообще нет. Тактика же скажет: изловчись так, чтобы тебя сочли толковым работником, скромным, умным, надежным. Как? Не мне тебя учить! Два-три замечания в год. В самом начале, в самой середине и перед перевыборами. Коротко /старшие товарищи не любят начинающих трепачей, хотя сами любят трепаться/, но совершенно невразумительно. Остальное время аккуратно ходи на заседания. Собирай взносы. Следи за исполнением. И результаты не замедлят сказаться. На следующий год ты пройдешь в партбюро первым по списку. Три-четыре голоса всего будет против. Естественно, мысль о том, что ты будешь секретарем, будет носиться в воздухе. И пусть носится. Тут и думать нечего... Ясно? Думаю, что примеров достаточно. Перейдем к обобщениям.

Стратегия размышлений о жизни трактует такого рода проблемы, которые можно обобщить понятием «тут и думать нечего», а тактика — «надо изловчиться так, чтобы». Стратегия, повторяю, есть наука о правилах размышления о проблемах типа «тут и думать нечего». Звучит несколько парадоксально, но что

поделаешь, таков сам мир, в который мы появляемся из небытия, чтобы подтвердить лишний раз правоту доктрины, и из которого исчезаем в небытие, чтобы ее окончательно и бесповоротно отвергнуть. Первый фундаментальный принцип рассматриваемой стратегии звучит совершенно однозначно: не думай! Ибо не стоит. Так как все равно ничего не поделаешь. Поскольку это ничего не даст и т.д. и т.п. Эти детали можно опустить, ибо они ясны уже из самой формулировки принципа. Второй принцип, относящийся к первому аналогично тому, как относится одна сторона основного вопроса марксистской философии к другой, звучит столь же категорично: если нельзя не думать, то думай так, чтобы всем без исключения было ясно, что не думаешь и думать не собираешься.

О пьянстве

Люди, говорил Забуддыга, делятся на трезвенников и выпивающих. Классификация первых есть дело социологии. Ко вторым же нужен диалектический подход. Это, пожалуй, единственный случай, когда без поллитра... прошу прощения, без диалектики никак не разберешься. Здесь имеют место две линии развития. Одна линия: прикладывающиеся — пьющие — гуляки — забуддыги. Упомянутые категории суть ступени развития от низшего к высшему. Эта линия в основном для интеллигенции, для творческих работников. Другая линия: закладывающие — пьяницы — пропойцы — алкаши. Эта линия в основном для трудящихся и руководителей /помните: единство партии и народа?/. Примыкающие к первой линии держатся в тени, их преследует милиция, коллектив их не защищает, при первом же подозрении их волокут в вытрезвитель, сообщают на работу, вызывают на спецкомиссии, сажают в каталажку и в «психушки». Примыкающие же ко второй линии пьют дома /начальники/ или на виду у всех /трудящиеся/. Они шумят, куражатся, валяются на тротуарах, милиция их забирает в крайнем случае. Слегка качающийся интеллигент считается пьяным до бесчувствия, валяющийся пролетарий считается слегка подвыпившим,— в этом прежде всего сказывается народность нашего строя. Странно, почему отказались от формулы «диктатура пролетариата»? В отношении милиции к представителям той и другой линии сказывается /помимо высших идейных соображений/ и чисто экономический фактор. Если представитель второй линии — он пьет дома. К тому же он сам тебя в любое время засадить может. Если он пролетарий, у него в карманах нет ни шиша. А у представителей первой линии даже в самых тяжелых случаях в карманах что-нибудь найдется /сигареты, носовой платок/. И выкуп потом можно будет взять за несообщение на работу.

Сказки о войне и мире

В первый же вечер мой стрелок поволок меня в «Чайный домик» — так называют здесь чуть живую старую избу, в которой живут две страшные-престрашные потаскухи. Они дают почти даром, только за соучастие в выпивке. А без выпивки туда лучше не ходить: вырвет от омерзения. Потом мы узнали, что они получают еще и моральное удовлетворение от количества ребят, которые с ними переспали. На качество они внимания не обращают, так как в доме всегда полумрак, стимулирующий /по мысли поэтов/ любовные настроения, а в головах участников драмы всегда полупьяный или сверхпьяный дурман. Одна из красоток /крысочек, точнее говоря/ спит на печке на вонючей овчине, другая — на некоем подобии кровати рядом, укрываясь лоскутным одеялом, сделанным еще до революции /судя по запаху/. А мы не напоремся, спросил я Стрелка. Нет, сказал он уверенно, я обеих проверил. К бабам мы быстро привыкли. У нас даже некоторая интимность появилась. А они не такие уж страшные, сказал я. Если помыться, причесать и приодеть, даже ничего себе выглядеть будут. Это дерьмо уже не отмоешь, сказал Стрелок. И дальше туалета появляться с ними нельзя. Но по мне - все равно, что они потаскухи, что невинные красотки. Я к ним вообще хожу только из принципа.

Так и тянулся день за днем. Мы долетывали программу. Маршрутные полеты, строй, полигон. Неожиданно произошло чепе /они всегда неожиданны/: один летчик по дороге на полигон «случайно потерял» бомбу. Бомба повредила газопровод. Газ загорелся, потушить местными средствами не могли, а засыпать запретили /надо сначала дырку заделать/. И пока он горел, днем вокруг воронки собирались коровы, задумчиво смотрели на огонь и жевали жвачку так, как /мы сами это увидели потом в конце войны и после войны/ американские солдаты. А по вечерам по краям воронки рассаживались девчонки и парни допризывного возраста, шелкали семечки, хихикали, пели частушки. Заглянули туда и мы любопытства ради. И так там было уютно и весело, что мы позабыли про «Чайный домик». Тут я увидел Ее. Больше тридцати лет прошло с тех пор, а я ее вспоминаю каждый день по многу раз. И так будет до конца, я знаю. Так уж устроена жизнь: мы лишь на мгновение встречаемся с людьми, которые могли бы стать самыми близкими нам, и годами изображаем близость с чужими по духу и натуре существами. Я не жалеюся на судьбу. Я хорошо прожил жизнь с Катюшей. Она была хорошей женой. Но жена — это должность. А то — кусочек небесного света. На другой день я свернул с маршрута и начал вытворять всякие штуки над ее деревенькой, как и обещал ей это накануне. И докрутился. Уцелел чудом. Меня сначала хотели судить, но учли молодость и потребность в штурмовиках на фронте. А к воронке той я больше не пошел. Почему? До сих пор не пойму сам. И терзаюсь из-за этого всю жизнь. Если бы можно было ее переиграть, единственный корректив попросил бы я разрешить мне сделать: я бы пошел к той воронке опять. Хотя бы еще один раз сходить туда. Я никогда никому не рассказывал об этом случае. Да никто и не поверил бы, что педантичный служака и затем, заурядный завхоз способен на такое. Костя, пожалуй, поверил бы. Но даже ему я почему-то не решаюсь рассказать об этом.

С той минуты, как я предал ее и себя — не пошел к ней, в меня вселился страх, он не оставлял меня ни на минуту. Он живет во мне до сих пор. Когда я был маленький, бабушка рассказывала об ангелах-хранителях, которые есть у каждого крещенного человека. Я спросил ее, что бывает с человеком, если ангелы покидают его. Ему становится очень страшно, сказала она. Значит, мои ангелы покинули меня в ту минуту.

О пьянстве

За выпивкой надо идти в магазин за пять километров. Запасы на несколько дней вперед делать нельзя, ибо сколько бы мы ни запасали, все до капли будет выпито в тот же вечер. Мы запасы можем делать только назад, сказал Приборист, но я его не понял. Ходим за выпивкой по очереди. Это небезопасно, так как мы конфликтуем с местными мужиками и ребятами. А если пойдем всей бригадой, неминуема драка. За сезон таких драк бывает несколько. С кровопусканием и увечьями. Партийные органы и милиция ведут воспитательную работу, но в основном — с нами, хотя инициатива конфликтов исходит от местных. Секрет этого прост: за наш счет можно выпить, за счет местных — нет. Местные надираются в одиночку, в лучшем случае — парами, а вместе они собираются, чтобы покуражиться и создать численный перевес. Воспитательную работу ведет один из шефов — гуманитарный институт Академии Наук. Пропагандисты, как правило, молодые ребята, которые сами не прочь выпить. Один такой пропагандист после лекции на тему «Морально-политическое единство советского общества» сам ввязался в драку, заработал ложный фонарь под левым глазом и мертвецки пьяный свалился у свинарника. Бабы перенесли его в пустой отсек, где недавно околела свиноматка, подсыпали свежих опилок и укрыли рваными мешками. На другой день ребяташки по всей округе собирали листочки его лекции, так как содержание лекции он начисто забыл, а ему предстояло еще выступать в пяти других местах.

Пьянство в России, говорил Лектор /он шел с нами по пути/, играет особую роль, принципиально отличную от других стран. Точнее говоря, в других странах пьют и даже впадают в алкоголизм, но пьянство как таковое есть только у нас. Это — не алкоголизм /как у американцев/ и не форма питания /как у французов и итальянцев/, а наша фактическая национальная религия, адекватная нашему духу и образу жизни. Ты прав, говорит Пропагандист, но лишь с оговорками: пока пьянство не переходит в свинство. Ерунда, говорит Лектор. Свинство тоже наша национальная черта. Пьянство и должно перерастать в свинство. Пьянство без свинства — это вовсе не пьянство, а выпивка в западном стиле. Или грузинство. Русский человек пьянствует именно для того, чтобы впасть в свинство и учинить свинство. Я имел в виду выбор компании, душевное состояние, духовное родство, пробует возражать Приборист. Чуть собачья, орет Лектор. Бабы сентименты. Пьянство — это когда где попало, что попало, с кем попало, о чем попало. А если уж говорить о духовной близости, так тот мужик, что подвесил мне фонарь, теперь мой лучший друг. Он в Москве ко мне будет заходить, вскую всячину из деревни будет привозить. И ночевать у меня будет. Это все интеллигентские штучки, ваши «меры». От народа оторвались!

В таком духе мы орали всю дорогу. Около магазина Лектора перехватили местные мужики, облобызали и увели с собой. Больше я этого Лектора не видал. Лишь ветер еще долго после этого гонял по полям и дорогам нашей искохабленной русской земли листочки его лекции, утвержденной в ЦК КПСС и розданной тысячам таких пропагандистов в качестве основы.

Скажи, обратился я к Прибористу, осталось ли в нас что-то действительно русское? И где настоящая Россия,— с ними или с нами? А кто ее знает, сказал Приборист. Только не верю я этому горлопану. Лжет он, сволочь! А может, это тоже наша национальная черта, сказал я. Нет, сказал он. Я не спец по этим проблемам, но думаю все-таки, что дух и тело нации там, где ее интеллект и совесть. А здесь нет ни того, ни другого. Тут — маразм.

Идеолог

Идеолог: Первый раздел нашей идеологии — учение о мире в целом, об общих законах.

Ученый: Опять смешение разных вопросов. Мир в целом — это одно. Это — некий всеобъемлющий индивид, включающий в себя все сущее. А общие законы относятся ко всем явлениям в мире.

И: И то, и другое в единой системе понятий.

У: Но не все они приложимы к миру в целом. Например, бессмысленно говорить о перемещении мира в целом пространстве, о его форме, качестве и количестве. Понятия, имеющие смысл в применении к миру в целом, имеют этот смысл через их применение к отдельным фрагментам мира. Например, мир существует эмпирически, если и только если эмпирически существует хотя бы один предмет, включаемый в него. Утверждения о мире в целом, не сводимые к утверждениям о его частях, нельзя подтвердить и нельзя опровергнуть. Можно лишь говорить о логической противоречивости или непротиворечивости комбинаций из таких утверждений. Таковы, например, утверждения о бесконечности мира в пространстве и времени, о бесконечности причинно-следственных рядов. Вопрос о их приятии или неприятии есть вопрос идеологии, а не науки.

И: Но они удовлетворяют любознательность людей в ином плане.

У: Они противостоят суждениям религии. Например, суждению о сотворении мира Богом. Но отрицания суждений веры сами суть суждения веры.

И: Но вы не будете отрицать общие законы? С этим-то, кажется, никто не спорит.

У: Отсутствие отрицания еще не есть утверждение. Но я их отвергаю. И вот почему. Будем различать опытный и логический аспект. С точки зрения первого ваши «общие законы» не такие уж общие. Всегда ли, например, люди ищут борьбу противоположностей, познавая те или иные явления мира? Они это делают очень редко. Вы даже примеры для общих законов приводите одни и те же, затасканные до тошноты. Ваши классики приводили в качестве примера борьбы противоположностей плюс и минус в математике. Что это за противоречие вещей? Только чудовищным невежеством можно объяснить такие курьезы. Обычно стоит больших фразеологических усилий усмотреть ваши «общие законы» даже в казалось бы бесспорных случаях. Настоящие ученые /а не ваши холуи/ никогда к отысканию таких «законов» не стремятся. А если и натываются иногда /заметьте: иногда!/ на нечто похожее /заметьте: похожее!/, сколько же бывает дикой радости у ваших философов! Новое подтверждение!! В логическом же аспекте ваши «общие законы» просто логически противоречивы. Например, если утверждение «Все изменяется» всеобщо действительно, то оно должно быть верно и в отношении предметов, которые не изменяются. Чтобы спасти положение, надо либо впасть в тавтологию «Все изменяющееся изменяется», либо ограничить сферу действия утверждения, определив круг предметов, которые изменяются. И тогда «общее утверждение» окажется лишь частью определения, т.е. соглашения о смысле слова. Например, мы принимаем соглашения, согласно которым эмпирическим предметом считается предмет, который среди прочих обладает способностью изменяться, и если предмет с такими признаками способен изменяться, он называется эмпирическим. Короче говоря, непротиворечивое общее учение о мире возможно только как система определений языковых выражений «пространство», «время», «причина», «изменение» и т.п., т.е. как учение о языке, на котором мы говорим о мире.

И: Но есть же какой-то рациональный смысл в общем учении о мире? Например, просвещение людей.

У: Когда-то, возможно, тут был элемент просвещения, когда невежественным людям рассказывали о достижениях науки. А теперь, когда большинство имеет среднее образование и постоянно находится в поле пропаганды науки, это стало идеологическим затуманиванием мозгов. Основная цель вашего учения о мире — привить людям сознание закономерности происходящего, сделать «законы мира» сообщниками в господстве одних людей над другими. Вам надо представить созданное вами общество высочайшим и закономерным продуктом развития всей материи. Какова претензия! Впрочем, чем ничтожнее носители идеологии в качестве личностей, тем грандиознее их претензии. И наоборот, сами масштабы претензий красноречиво говорят о том, кому они принадлежат.

Из дневника Мальчика

Вешают нам книги. Вопят нам газеты.
Науки жрецы. И, конечно, поэты.
Пропагандистов-истериков свора.
Вожди в одиночку. Философы хором.
То вкрадчиво шепчут. То требуют строго:
Не верьте, не верьте, товарищи, в бога!
Не будем, решаем мы, коли не надо.
Так значит, не будет за гробом награда.
Так значит, не будет возмездия свыше.
Хоть лоб расшиби, все равно не услышит.

И нету беды, что живет тот несчастно, —
Ты тут ни при чем, не волнуйся напрасно.
Так значит, тем лучше, чем действуешь гаже.
Прячь в воду концы, и никто не накажет.
Нет черта, нет бога, — без них обойдемся.
Поклялись — пустяк, коль припрет — отречемся.
Прикажут — с любым мы расправимся лихо.
Если нужно по-тихому, сделаем тихо.
Но ведь в этом, товарищи, нет исключения.
Точно также поступим мы с вашим учением.
Мы послушаем малость, даваясь от зевоты.
Ну, а искренне веруют пусть идиоты.
И чихать нам на книги, плевать на газеты.
Ведь бога, мы знаем, давно уже нету.
Уж будьте уверены, случай представится,
И с вами мы тоже сумеем расправиться.

Парадоксы жизни

Вот, например, мчится объятая паникой толпа мужчин, говорил Забулдыга, за ними — немецкие танки. На пути — женщина с ребенком. Толпа втаптывает их в грязь. Толпа не должна была это делать? Некоторые так считают. Другие думают иначе: женщина и дитя — единицы, толпа — тысячи. Должное, молодой человек, не обязательно происходит. Недолжное не всегда не происходит. Что делать? Оценить ситуацию с нравственной точки зрения? Пусть толпа поступила безнравственно. Но если бы я был в этой толпе и захотел поступить иначе, я не смог бы этого сделать физически. И никто другой не смог бы. Вот в чем загвоздка! Любой из нас может поговорить красиво на тему о том, что нужно и что нельзя. А оказавшись в реальных ситуациях вроде той, о которой я говорил, мы лишаемся возможности следовать моральным критериям. Я годами думал о морали. Мораль, религия, это хорошо. Но они слишком немощны в наших условиях. Они бессмысленны, как бессмысленны в наш век рыцарские доспехи. Нужно что-то иное, а что именно — не знаю. Наше положение безнадежно. Мы никогда не попадем в прекрасные дворцы, в ярко освещенные залы, к красивым и добрым людям. Таких дворцов вообще нет. И детские сны тоже выдумка. Только пьянство есть объективная реальность. Будущее, юноша, за ними — за теми, кого мы презираем.

Обратный путь

В магазине мы «раздавили» напару чекушку, закусили печеньем. Обратное шли в хорошем настроении. Я ведь диплом так и не получил, сказал Приборист. И знаешь из-за чего? Из-за философии! Единственный случай в истории института, когда человека не выпустили из-за философии. Как это произошло, ребята точно описали в стенгазете.

У заграничных мудрецов
Тонкое познание:
Сперва было бытие, а потом сознание.
У наших дедов и отцов
Иное притязание:
Без закуски питание, а потом терзание.
Вот я вытащил билет:
Кто она, первичная?
Я ж, не будь дурак, в ответ:
Водочка столичная.

И пока он хлопал ртом,
Я сказал с опаскою:
Если деньги есть — потом
Бутерброд с колбаскою.
И с тех самых пор грешу
Этой самой пищей я.
И в анкете так пишу:
Незаконче-вышшея.

Но я не жалею. Я слесарь седьмого разряда в случае чего. А с дипломом — шиш!

По законам негодяйства

Я не против хорошей квартиры, еды, выпивки и прочих житейских благ. Но чтобы это происходило на основе некоторой справедливости. В институте, например, знали прекрасно, что я способнее Сына и сделал много больше, но делали вид, будто ничего подобное им не ведомо. Меня упорно не выпускали на защиту. А Сына раздували. Я досконально изучил состояние своей области науки. Я сделал серьезное открытие. Но мне не дадут это реализовать как МОЕ. Десятки влиятельных и цепких людишек поделили бы его между собой, а меня оттерли бы, упрятали бы в сумасшедший дом или лагерь. А драться за блага жизни по законам мафии я не хочу. Я хочу только некоторых гарантий справедливости. Сын говорил мне на это, что я хочу слишком многого. Чего тебе не хватает? Квартира есть. Заботиться не о ком. Баб в избытке. Денег пока хватает. Защищайся — больше будет. Зажралась вы! Кто «вы», спросил я. Я — рабочий в науке, мастеровой. Из тех, кто может блоху подковать. Помнишь? Но я хочу, чтобы мой труд был обозначен моим именем, а не именем шефа, директора и т.п. Сейчас я — крепостной. Вкальваю за десятерых, ты знаешь. И задачи решаю, какие не под силу нашим академикам. А как мой труд входит в историю? Как достижения шефа, директора, профессора, академика... А кто они? Но в современных условиях нельзя иначе, сказал Сын. Вранье, сказал я. Формула маскировки для бездарей, ловкачей, хапуг. Не смешивай трудовую рутину с творческим элементом труда. Да, современные приборы делают и обслуживают тысячи людей, но основные творческие идеи и решения предлагают мыслящие единицы. Выше ушей не прыгнешь, сказал Сын. К чему рыпаться? Сомнут. Надо извлечь из этой системы максимум возможного. А потом...

Я рассказал Забудлыге об этом разговоре. Ваши проблемы еще как-то разрешимы, сказал он. А вот мои — в принципе нет. В Индии, говорят, стерилизовали миллион человек. А может, у них другого выхода нет, сказал я. Но человек от этого не перестанет быть человеком, а преступление — преступлением, сказал он. Кто-то присваивает ваш труд? Но с точки зрения прогресса науки безразлично, кто сожрал за это вкусный кусок благ жизни. Читая историю древнего Египта, мы лишь констатируем разделение людей на рабов, чиновников, жрецов и т.п. А если выйдет указ кастрировать во имя прогресса мужчин, и вас выделят для этой прогрессивной операции? Вас, а не Сына? Сталинские репрессии тоже «оправдывались» интересами прогресса. Преступления масс людей, партий, классов, правительств, — суть нашей эпохи. Вот от этого я страдаю. Это — моя проблема. Неужели ничего нельзя придумать, сказал я. Придумали уже, сказал он. Истребляют честных. В обществе негодяев им нет места.

Гнусная история

Каждый раз во время нашей работы происходит какая-то безобразная и жуткая история. Например, в соседнем районе местные парни подловили городского,

который соблазнил местную девчонку, сунули его в какую-то машину. Парню оторвало обе руки до плеч. У нас произошел более банальный случай: изнасиловали девчонку. Она сначала показала на местных парней, а потом изменила показания. Милиция арестовала городского парня, который спяну сболтнул, что тут только колючей проволоки не хватает. Нашлись «свидетели», что якобы он изнасиловал. Мы подняли хай. Тогда в райкоме партии нашли компромиссное решение: взяли еще деревенского парня. Для чего? Для единства рабочего класса и крестьянства? А кого в этой паре сочтут гегемоном? Очкарик вернулся из района пьяный и злой. Бессмысленно рыпаться, ребята, сказал он. Там все согласовано. Им нужен пример для назидания. Я написал письмо Ей, прося приехать по этому делу. Она ответила /и на том спасибо/, что у нее дел по горло, не до этого. Я написал Сыну, прося его обратиться к Отрабу и обратить внимание на это вопиющее беззаконие. Но он не ответил. Это было еще до возвращения Очкарика. Ночь я не спал, думал. Утром сказал, что в знак протеста покидаю бригаду и уезжаю в Москву. Они встретили мое заявление мрачным молчанием.

Ближний

Наша жизнь, говорил Забудлыга, не изменится существенным образом до тех пор, пока мы не начнем переживать судьбу ближнего как свою собственную. Причем, без колебаний, не задумываясь над тем, «стоит» ближний этого или нет. Сказал он это после того, как мы вступились за женщину, к которой прицепились пьяные хулиганы, получили от хулиганов по морде, попали за это в милицию, где нам добавили еще, и вышли из милиции опозоренные и оплеванные.

Приехав в Москву, я позвонил Ей. Она сказала, что у нее дела поважнее, и она не будет рисковать ими из-за какого-то пьянчуги, который наверняка не без греха. Я позвонил Сыну. Он сказал, что слух о моих безобразиях дошел до института, что влезать в эту грязную историю он не намерен. Я решил выступить на комсомольском собрании, но меня опередили: райком комсомола исключил меня из комсомола потихоньку. Когда я заявился на работу, меня вызвали в дирекцию, предложили сдать материалы по летним исследованиям и подать заявление об уходе по собственному желанию. Подписывая мое заявление, директор сказал, что я не оправдал их доверия. Оказывается, мы рождаемся и живем лишь постольку, поскольку Они оказывают нам доверие.

В этот день я упился до умопомрачения, подцепил случайно подвернувшуюся бабу на улице. Что было дальше, не помню. Очнулся на другой день довольно поздно.

Женщина

Когда я очухался, рядом со мной сидела незнакомая женщина. Кто ты, спросил я. Твоя мечта, сказала она. Не думал, что моя мечта выглядит так, сказал я. И я до вчерашнего дня не думала, сказала она. Но ты сам мне об этом вчера сказал. И я поверила. Ты лежи. Я сейчас позвоню к себе на работу, придумаю что-нибудь. И домой. Тут труднее. Ну, да как-нибудь выкручусь. Я опять уснул. Проснулся вечером. С трудом сообразил, где я. Квартира моя преобразилась. На столе стояла чекушка и еда. И записка: «Лечись! Целую! Твоя мечта.» Я вскочил, кинулся на кухню, заглянул в ванную и в туалет. Где она? Ушла? Неужели совсем? Неужели не вернется? Я потом исходил всю Москву в поисках ее, но так и не встретил больше нигде. Я внимательно вглядывался в лица женщин, они шарахались от меня. И ни в одних глазах я не увидел своего отражения.

Потом все было просто. Мне выплатили зарплату за две недели вперед. Я ее пропил в два дня. Затем пропил все, что можно было продать. Приемник, например,

мы с одним алкашом продали за два поллитра. Пил я с остервенением, на износ. И ничего не ел. Только пил.

Потом они пришли за мной.

Новая жизнь

В палате у нас десять человек. Не знаю, кто они. Скука. Равнодушие. Вялость. Тупое ожидание неизвестно чего. Весь день грохочет радио. Принята новая конституция. Кто-то сказал, что такого славословия и самодовольства не было даже при Сталине. Кто-то сказал, что в конституции хватило бы двух статей: 1/ гражданин обязан; 2/ гражданин имеет право. Кто-то сказал, что хватило бы одной: гражданин обязан иметь право. Вспоминаю слова Забулдыги: все равно у Них ничего не выйдет, человек все равно выстоит, а если не выстоит, то и Их не будет.

А формул я никаких не знаю. Их не было. Я их выдумал.

И ни о каком Спасителе я ничего не знаю.

Я устал. Я очень устал.

ОДИНОЧЕСТВО

Печальное предисловие

Я прекрасно понимаю, что великая литература рождается лишь тогда, когда в самой действительности зарождается нечто значительное. Если это не происходит, то даже выдающийся гений породить способен лишь пустую высокопарную фразу, находящуюся в вопиющем претиворечии с ничтожной действительностью. И все же я пишу. Пишу, не рассчитывая на вклад в литературу, на славу и даже на личное удовлетворение от самого акта сочинения. Пишу только потому, что так велит мне совесть. Я ничего не выдумываю. Я всего лишь описываю факт.

Значительность событий

Все события, происходящие в нашем мире, характеризуются социальной широтой и глубиной. Социальная широта события определяется числом лиц, вовлеченных в него, социальной значимостью вовлеченных лиц, общественными тратами и т.п. Например, массовые репрессии во времена Вождя-Завершителя с точки зрения широты характеризуются тем, что в них пострадали десятки миллионов людей, что в них было вовлечено почти все население Страны, от вождей партии до дворников и ночных сторожей. С понятием социальной глубины события дело обстоит несколько сложнее. Дело тут не в степени страданий или радости людей. Например, Чингис-хан приказал вырезать все население некоторой области завоеванной страны. Степень широты этого события огромна, но степень глубины малая. Вождю-Окончателю со своей мафией удалось спихнуть Вождя-Путаника и его окружение. Для первых радость огромная. Однако событие это имеет небольшую степень широты и еще меньшую степень глубины. Зато выступление Вождя-Путаника с разоблачением Вождя-Завершителя обладает огромной степенью глубины. Еще большей степенью глубины обладает публикация книги Писателя о концентрационных лагерях в стране во времена Вождя-Завершителя и деятельность Академика по разоблачению фактов бесправия личности в Стране во времена Вождя-Окончателя. Глубина события определяется по некоторой шкале социальной организации общества. Установление такой шкалы — дело социологов. И я об этом говорю только для того, чтобы обратить внимание на следующее обстоятельство: социальная значительность события есть функция величины его социальной широты и глубины. Причем, функция довольно сложная, не так-то просто ее открыть. И еще сложнее рассчитать по полученным формулам величину значительности события. А если учесть, что те, от кого зависит открытие подобных формул и тем более использование их, очень редко бывают заинтересованы в вычислении подлинной социальной значительности событий, предпочитая свои собственные, более приятные оценки, то вывод напрашивается весьма пессимистический: идея измерения социальной значительности заранее обречена на провал. А жаль, так как мне очень хотелось бы измерить с этой точки зрения одно событие, о котором я хочу рассказать.

Замечание Ученика

Из учебника по социальной психиатрии Ученик знал, что если автор говорит, что он не претендует на что-то, то именно на это он и претендует на самом деле. Это приводилось как классический пример к одному из фундаментальных принципов социопсихиатрии — к принципу полного недоверия к словам авторов, подпадающих под действие СК. Этот принцип и в данном случае подтверждается явным образом: первый же раздел рукописи /после предисловия/ выдавал именно претензии автора найти некую формулу,— случай в социопсихиатрии часто встречающийся и хорошо изученный, безошибочно диагностируемый уже первокурсниками. Именно это Ученик записал в разделе «Первое впечатление» карточки, которую ему предстояло заполнить на рукопись.

Чепе

Известно ли вам, сколько в нашей Стране научно-исследовательских институтов? А конструкторских бюро? А лабораторий? А вычислительных и информационных центров? А... Нет? И не пытайтесь узнать. Это - важнейшая государственная тайна. Не от врагов, — враги к этому делу относятся скорее юмористически. А от своих. Если свои это узнают и посчитают, во что это обходится, то могут возникнуть нежелательные настроения. Впрочем, опасения начальства напрасны. Свои по опыту знают, что все равно ничего не получится. К тому же гораздо выгоднее иметь свой кусок /маленький, конечно, но терпимый; другие и этого не имеют!/¹ за дурацкое времяпровождение в этих самых храмах науки, чем получить по шее за совершенно бесперспективные попытки принести благо обществу.

В одном из бесчисленных научно-исследовательских институтов Столицы произошло чрезвычайное происшествие /«чепе»/: стало известно, что младшая научная сотрудница /Мнс/ присутствовала на проводах Диссидента, который после трех лет нелепой борьбы с властями и мытарств добился наконец-то разрешения навсегда покинуть пределы опостылевшей ему Родины. Слово «добился» здесь не совсем уместно, ибо Диссидента сначала выгнали с работы, устроили ему кошмарную жизнь и открыто заявили, чтобы он убирался вон. Но когда измученный Диссидент наконец-то согласился быть изгнанным из Страны, власти приложили титанические усилия, чтобы его не выпустить. Конечно, его следовало бы посадить или пристукнуть под видом нападения хулиганов. Но момент для этого был неподходящий. У Страны были затруднения с продовольствием и с реконструкцией ряда отраслей промышленности, так что приходилось заигрывать с Западом и делать вид, что у нас пышным цветом цветет демократия и свято соблюдаются права человека. Потом стало известно /об этом позаботились добровольцы из сослуживцев/, что все эти годы Мнс дружила с Диссидентом. Знаем мы эту «дружбу», — сказали сослуживцы, — хотя хорошо знали, что у Диссидента семья, и ему вообще не до того, чтобы заводить любовниц. И мнение сослуживцев, что Мнс «спала» с Диссидентом, что она — потаскуха, которую давно пора вывести на чистую воду, обрело достоверность факта.

Директор института немедленно вызвал Мнс и потребовал объяснений. Она подтвердила, что была в дружбе с семьей Диссидента и что присутствовала на проводах, но отвергла сплетни о том, что состояла в аморальной интимной связи с ним. У нее есть знакомый мужчина, с которым она состоит в интимной связи, но в этом нет ничего аморального. И это ее личное дело. Присутствовавший на беседе секретарь партийной организации института вызвал комсорга сектора, в котором работала Мнс, и предложил немедленно завести на нее персональное дело. Мнс была уже на пределе комсомольского возраста. Через несколько недель ее просто можно было бы считать выбывшей из комсомола по возрасту. Но партийная и

комсомольская организации института не могли пройти мимо такого вопиющего нарушения норм поведения гражданина нашего общества и упустить такой удобный случай, на примере которого можно воспитывать прочих, в особенности — молодежь. И перед высшими партийными и прочими инстанциями надо было обозначить здоровую реакцию здорового коллектива, способность принимать самостоятельно правильные решения, пресекать, предупреждать и т.п. Правда, на сей раз коллектив в свое время не обратил внимания на знакомство Мнс с Диссидентом, проглядел, хотя сигналы были. Конечно, тогда и Диссидент еще не был диссидентом, даже премии и ордена получал. Но это все равно не снимает вины с коллектива. Ослабили... Теперь это упущение надо компенсировать тщательным разбором и обсуждением дела и суровым наказанием. Поэтому Мнс обречена была пройти все ступени позора: собрание первичной комсомольской организации сектора, бюро комсомола института, общее комсомольское собрание института, райком комсомола. По другой линии: заседание сектора с обсуждением ее производственной деятельности, аттестационная комиссия, местком, дирекция. И на каждой ступени с ней должна быть проделана воспитательная работа, а также воспитательная работа со всеми прочими сотрудниками института. Потом этот вопрос должен стать предметом рассмотрения в партийной организации института и склоняться во всех инстанциях и органах при всяком удобном случае, кончая Президиумом Академии Наук и заинтересованными отделами ВСП и ВСК.

Присутствовавший на той же беседе у директора сотрудник ОГБ предложил Мнс /далее я буду писать для краткости просто М/ написать объяснительную записку о ее взаимоотношениях с Диссидентом. И дал ей список вопросов, на которые ей при этом следовало ответить. Вопросы касались конкретных лиц, встреч, бесед. М отказалась это сделать. И это усугубило положение. Сотрудник ОГБ сказал, что на эти вопросы ей все равно отвечать придется, но уже в другом месте. Выражение «в другом месте» произвело особо сильное впечатление на сотрудников института. Они пришли в неопишное негодование и единодушно осудили М. Наиболее либеральные из них с горечью отметили, что М нанесла тем самым предательский удар в спину их общему благородному делу, и первыми перестали подавать ей руку.

Обстановка в институте сложилась напряженная. Еще в памяти была история, когда один из сотрудников оказался замешанным в каком-то протесте по поводу несправедливости в отношении какого-то малого народа, допущенной в прошлом. К счастью, сотрудник оказался психически ненормальным и историю замяли. Но нервотрепки было порядочно. Институт лихорадило полгода, пока решался вопрос, посадят сотрудника в тюрьму или в сумасшедший дом. Руководству института пришлось приложить немало усилий, чтобы доказать, что сотрудник был шизофреником, и уговорить родственников пойти на этот выгодный для всех шаг. Совсем недавно институт включился в борьбу за звание учреждения коммунистического труда и взял на себя повышенные обязательства. В том числе — усилить воспитательную работу среди молодежи. И вот вам — сюрприз, усилили! Директора выдвинули в члены-корреспонденты Академии Наук. Шансы у него и так не очень велики, а после этой истории... Да что там говорить, М поступила явно не по-товарищески и подвела весь коллектив.

Заведующий сектором немедленно направился в дирекцию и забрал обратно решение сектора о надбавке к зарплате М за образцовую работу. Хотя надбавка была мизерная, а М была действительно хорошим работником, действие заведующего ни у кого не вызвало порицания. В дирекции заведующему вместо М предложили вписать другую сотрудницу, которую все считали автором доноса на М /и это было действительно так/. В кассе взаимопомощи М предложили вернуть суду, хотя до окончания срока оставалось больше месяца. В жилищной комиссии ее

сразу же исключили из списка членов создаваемого кооператива. Большинство сотрудников перестало с ней здороваться. Представитель отдела кадров по нескольку раз в день стал проверять, находится ли она на своем рабочем месте. А так как по характеру работы ей приходилось часто отлучаться, с нее стали каждый раз требовать объяснительную записку. Заместителю заведующего сектором надоело каждый раз подписывать эти бумажки. Тем более его самого на рабочем месте застать было весьма трудно. Начались многочисленные неприятности, превращающие жизнь ничем не защищенного маленького человечка в ад. И никто не щадил ее. Наоборот: все, что в отношении других выглядело нормой, в отношении к ней расценивалось как нарушение, недостаток, упущение. Один доктор наук, очень порядочный и добрый человек, испортил секторскую рукопись, которую он редактировал, счел возможным обвинить в этом М. И ей пришлось перепечатывать ее за свой счет и приводить в порядок во внеурочное время.

Надо признать, что она переносила это с поразительной выдержкой. Она жила, закусив губы. Даже с некоторым подъемом. Она поняла, чего стоят окружающие ее люди. Но, увы, она была всего лишь маленькая беззащитная женщина. И ее хватило ненадолго.

Замечание на полях рукописи

Наше общество развило до невиданных размеров и сделало официально признанным одно явление, которое я называю социальным преступлением /СП/. Эти СП довольно редки, но характеристичны. Если бы они стали массовыми, они не воспринимались бы как преступления. Заключаются они в том, что человек по каким-то причинам однажды решает отстаивать свою личную независимость, обнаруживает чувство личного достоинства, наличие совести и чести. Обычно такая попытка возвыситься до личности кончается провалом и проходит почти незаметно. Расценивается она как стремление индивида противопоставить себя обществу, как нечто аморальное и /в конце концов/ преступное. Восставший индивид общими усилиями доводится до жалкого состояния, изолируется от общества и так или иначе уничтожается в качестве активного члена общества. Иногда такая попытка бывает удачной в том смысле, что имеет более или менее широкий резонанс. Вообще-то у нас не возбраняется возвышение индивида над коллективом, но — лишь в дозволенных формах и с ведома начальства. Это даже поощряется, ибо это есть признанная форма отчуждения личной свободы, компенсация за отсутствие таковой для большинства. Лишь бы это не было личной инициативой индивида вопреки воле коллектива и начальства, ибо это преступно.

Замечание Ученика

Все это, разумеется, надумано, сделал пометку Ученик. Откуда студенту знать ситуацию в научно-исследовательском институте, да еще в такой острый период? Где он мог наблюдать такой факт? Если даже он слышал рассказы некоей М, эти рассказы, естественно, освещали ситуацию весьма односторонне и тенденциозно. Автор перенес свойственную ему манию преследования на своего литературного героя, — факт точно также хорошо известный в социопсихиатрии.

Тут Ученику стало немного неловко. Он вспомнил аналогичную историю с одним студентом на их курсе и вынужден был признать, что автор точно описал реальную реакцию коллектива на поступок своего члена, отклоняющийся от принятой нормы. Потом Ученик подумал, что его пометки имеют чисто формальное значение, так как автор рукописи /и очевидно, ее героиня/ получил свое сполна.

Что сказали друзья

По замыслу классиков в нашем обществе все должны быть друзьями, так что слово «товарищ», равнозначное слову «друг», стало формой обращения к людям. На практике, однако, получилось нечто такое, что считать всех граждан общества друзьями стало неловко даже начальству.

Слово «друг» употребляется и в более узком смысле — для обозначения круга лиц, с которыми ты встречаешься более или менее часто, до какой-то степени откровенничаешь с ними, которых приглашаешь в гости и к которым сам навещаешься, с которыми обделываешь какие-то интимные делишки и т.п. С этой точки зрения директора института и заведующего сектором друзьями не назовешь. Это — начальство. И девчонок из отдела кадров и ребят из бюро комсомола не назовешь друзьями. Это - сослуживцы. С друзьями /в этом узком смысле/ можно хоть чуточку отвести душу, поделиться анекдотом, выпить чашку чая. И хотя узы дружбы весьма непрочны и обманчивы, они все же существуют хотя бы иллюзорно и слегка скрашивают унылое и серое существование рядового гражданина общества.

Когда по институту распространился слух, будто Мнс засекали на проводах Ддиссидента, друзья немедленно проявили заботу.

— Ты должна все отрицать, — сказали друзья. — Кто тебя там видел? Стукачи из Органов? Пустяки. Теперь не то время. Они на работу не сообщают. Вызовут — покаешься, и дело с концом. Конечно, за границу не выпустят. На защиту тоже не выпустят. А на что тебе заграница и диссертация?! В институте никто ничего не докажет. Дело замнут. Сейчас никто не заинтересован раздувать.

— Почему я должна скрывать?— возразила она. — Разве я сделала что-нибудь преступное?!

— Ты что!— вопили друзья. — Забыла, где ты живешь?! И сама влипнешь. И нас всех подведешь.

После того, как она признала факт своего участия в проводах Ддиссидента, половина друзей от нее отшатнулась. Оставшаяся половина бросилась ее /ее ли?/ спасать /спасать ли?/.

— Ты должна покаяться, — брызгали они слюной. — Должна осудить своего хахалю! Ты с ним не спала? Не засирай нам мозги! На что он тебе сдался?! Пообещай, что такое больше не повторится. Напиши эту бумажку для органов. Никакого доноса тут нет. Ты же правду напишешь!

Она отказалась сделать это. И оставшиеся друзья тоже отшатнулись от нее.

— Ну и дура,— сказали они. — Сама виновата. Эгоистка! Теперь из-за нее нам будет!

О морали

Комсомольская группа исключила ее из комсомола за потерю политической бдительности, выразившуюся в..., и моральное разложение, выразившееся в... И суммировала все ее прошлые прогрешения. Молодые друзья и сослуживцы без всякой подсазки со стороны старших партийных товарищей /друзей в широком смысле слова/ провели собрание по всем правилам погромов такого рода, которым они в совершенстве были обучены в школах, техникумах, институтах. Никто не вступился в ее защиту. И вовсе не потому, что боялись чего-то, как это принято думать. Бояться каких-то высших инстанций было нечего. Ссылка на страх была прикрытием более страшного порока. Страх есть нечто все-таки человеческое

и извинительное. Скрываемый же порок был бесчеловечен в принципе. Они дружно расправились с ней потому, что это отвечало их собственной натуре. Последняя и была тут самой высшей и самой темной инстанцией в этом обществе. Карательные органы вырастали сами из их природы и реализовали ее. Ссылка на них давала им удобное средство снять с себя вину и очистить совесть. Впрочем, о какой совести тут может идти речь?!

Страх тут все же был. Но не страх наказания, а страх появления существа иной природы. Сам факт появления такого существа разоблачал возможность иного строя личности и добровольный характер всей той мерзости, в которой мы живем. Это был страх явного обнаружения в себе мерзавца и уroda.

Потом, когда пройдет немного времени, и все убедается, что происшедшее событие на самом деле ничуть не отразилось на общем ходе и стиле жизни, многие будут испытывать чувство неловкости и сожаления. Мол, погорячились. А пока институт пребывал в состоянии какого-то слепого осатанения. Даже самые трезвые и умные испытывали искренний гнев по поводу ее безрассудного поведения, заботу о судьбах коллектива, болели за интересы дела. Какого коллектива? Такого, о котором каждый из нас в кругу близких говорил как о сборище дерьма. Какого дела? Один из них, ядовитый насмешник над нашими порядками, презиравший это самое «дело», ответил на вопрос, из-за чего он волнуется, лишь ничего не выражающим: «Ну, все-таки... нельзя же так... Надо же считаться...» И никто не сказал то, что следовало сказать порядочному человеку: Люди, опомнитесь! Что вы делаете?! За что с такой ужасающей силой вы бьете своего ни в чем не повинного собрата?!

Думаете, это исключение? Нет, везде так. Я хорошо представляю, что будет в моем окружении, если в нем станет известно о моем сочинении. Каждый наш коллектив состоит из таких людей и живет по таким правилам, что он вырабатывает и сохраняет в себе механизм именно такой реакции на из ряда вон /с его точки зрения/ выходящие поступки своих членов. Вопрос «за что» тут звучит чисто риторически. За то, что когда-то наши предки убивали слишком красивых женщин, имеющих чувство собственного достоинства, как ведьм. Что поделаешь, скажут мне, такова природа этого общества. Именно об этом я и говорю: вот мы каковы по нашей сути, и не ждите от нас ничего иного.

Вот ее обвинили в моральном разложении, выразившемся... в чем? В том, что имела любовника? Но ведь он еще за год до знакомства с нею развелся со своей женой, и она развелась со своим мужем еще за три года до этого. Большинство женатых мужчин института имеют любовниц и регулярно их меняют. Большинство замужних женщин имеет любовников. Все об этом знают. Знают наперечет, кто, с кем, когда и где «живет». И никто не усматривает в этом ничего аморального. Недавно вышла книга /отрывки ее печатали в центральных газетах/, в которой с демографической точки зрения /наука!/ обосновывалась супружеская неверность, — женщины — «невест» чуть ли не в два раза больше, чем мужчины — «женихов». А тут... Не зарегистрирован брак? Но она объяснила вам, что отказалась это сделать сама, и по нашим законам и обычаям в этом нет ничего предосудительного. Так почему же... Впрочем, зачем задавать нелепые вопросы. Именно потому, что ее поведение было подлинно нравственным, вы, живущие по канонам ложной нравственности, осудили ее. После собрания друзья-комсомольцы зашли в кафе и слегка выпили /отметили событие!/. Поболтали о том-о сем. И разошлись с чистой совестью по своим делам. Комсорг группы захватил с собой одну из присутствовавших тут женщин, кстати сказать, чужую жену. Дура, сказала она об М своему случайному любовнику в его грязной кровати. Строит из себя чистенькую. Кстати, мне пора в партию вступать. Нужна характеристика. Займись этим, не затягивай.

Раздумья Ученика

Ну, это уже пахнет доносом, подумал Ученик. Хотя, на кого донос, если все выдуманно. Насчет б.....а, он, пожалуй, недалек от истины. И насчет беля /та блондинка-женщина, а у нее кровать тоже дай боже. Тьфу!/. Моя жена хотя бы чистоплотная. Потом Ученик подумал о том, что стало бы твориться в их заведении, если бы он вдруг начал бороться за правду и разоблачил Зама. Или что-нибудь сказал по поводу использования рукописей для сочинения речей и статей высшим чинам. Но надо быть круглым идиотом, чтобы идти на такое. И коллектив по существу прав, обрушиваясь на М за ее дурацкое поведение. Что ей стоило сказать всего пару фраз? Мол, виновата, не подумала, больше не буду. И вся история кончилась бы мелкими наказаниями. И через год забыли бы об этом. Действительно, дура. Но все же жаль ее. Женщина все-таки. И судя по всему, аппетитная. Интересно, действительно тут описан реальный факт или это плод фантазии студента, вообразившего себя гениальным писателем?

О политической бдительности

На проводах Диссидента был еще один сотрудник института. Член партии. Кандидат наук. И все знали об этом. Но помалкивали, ибо на него никто не донес. Интересно, что даже во времена массовых репрессий так или иначе нужен был формальный /письменный или устный/ донос, чтобы человека взяли. Это общество удивительнейшим образом чтит все формальное, если оно дает ему какой-то камуфляж. Сотрудник этот категорически отвергал, что был на проводах и что вообще был знаком с Диссидентом /хотя двадцать лет был с ним в дружеских отношениях!/. И призывал в свидетели... М! Когда разнесся слух, что она попалась, он помчался к ней и на коленях умолял не выдавать его. Она не выдала его. Она не выдала бы и без этой оскорбительной для нее процедуры ползания на коленях. Он об этом знал, но не удержался. Приехал на всякий случай. Или в панике. Уходя, он занял у нее трешку на такси. Мол, он из-за нее /!/. потратился на такси. И не отдал потом. О Боже! И это — мужчина! И он не исключение тут. Он тут типичен!

Почему же все-таки он остался в тени, а на нее обрушилась вся карающая мощь государства? Никакой загадки в этом нет. Просто он вел себя как наш человек, т.е. отрекся от старого друга, наложил в штаны, отказался признать факт, компрометирующий институт /а это — форма раскаяния/. Он вел себя как типичный средний подонок, убедивший всех в полном отсутствии у себя человеческого достоинства.

Конечно, с ним кое-где поговорили. Слегка пощипали. Отказали в одной командировке /вот реакционеры!/. Но в другую пустили /он же ученый!/. Правда, попросили об услуге /а кто этого не делает?!/.

Разговор начистоту

А вы чем занимаетесь, спросил Ученик. Восстанавливаем интеллектуальных функций и прежде всего памяти, ослабленных или утраченных совсем в результате применения здесь методов принудительного лечения, сказал Бородатый. Странно, сказал Ученик, сначала лишают, а потом восстанавливают. Ничего тут странного нет, сказал Бородатый. Ослабляют или лишают в целом, а восстанавливают частично и временно. По мере надобности и в нужном объеме и направлении. А вы не задумывались над тем, ... начал было Ученик. Конечно, прервал его Бородатый. Вот об этом я и хочу с вами поговорить. Здесь, удивился Ученик. Конечно, сказал Бородатый. Здесь можно говорить все, так сказать, начистоту. Видите ли, прежде чем взять человека сюда, его изучают. Тут различают иллюзии человека о себе и его реальность. Здесь даже поощряют некоторую раскованность мысли и речи. Тем

самым укрепляется сущность человека, а она мало что имеет с его «крамольными» мыслями и речами. Да и крамольные ли они? Я давно к вам приглядываюсь. Здесь вам не место. Тут вас запутают в своих делишках Зам и, надо думать, сам Учитель. Я хочу вас перетянуть к себе, если, конечно, вы сами захотите. У нас настоящая научная работа. И хотя бы какое-то добро людям делаем. А добро ли это, спросил Ученик. Если уж человека убили, так зачем же его оживлять на время и частично? Чтобы дать ему понять, что он убит? Это еще более жестоко, чем само убийство. И какова конечная цель этой «настоящей научной работы»? Если из этого сделать все логические выводы, очень далеко зайти можно. Знаете, это напоминает эксперименты на живых людях, запрещенные всякого рода конвенциями. Мы же их тоже подписывали... Напоминает, сказал Бородатый, но это все-таки нечто иное. У нас людей уничтожили больше, чем немцы. Немцев судили и осудили. А нас? Мы же во имя делали... Да и делали ли? Отдельные ошибки были. Искривления. Перегибы. А в целом у нас ничего плохого не было, наоборот. Вы, конечно, шутите, сказал Ученик. Это на ваше усмотрение, сказал Бородатый. Наша конечная цель... моя, во всяком случае,... научиться полностью восстанавливать ослабленные или даже утраченные интеллектуальные функции. Полностью! Оживлять людей психически. И каковы ваши успехи, спросил Ученик. Пока незначительные, сказал Бородатый. Но кое-что все-таки удастся. Я покажу вам, если хотите. А вы уверены, что ваши исследования не будут использованы не так, как вы предполагаете, т.е. именно лишь частично и на время, спросил Ученик. А что вы можете предложить, спросил в свою очередь Бородатый. На эту тему можно говорить бесконечно. Можно поднять все правовые и моральные проблемы. А толк какой? Мы тут все делаем одно дело. И никто из нас не хуже и не лучше других. Речь может идти только о более или менее разумной организации своей личной судьбы и о реальной помощи несчастным людям в этой независимой от нас ситуации. Несчастных людей я пока тут не видел, сказал Ученик. Я пока имею дело с рукописями. А они обезличены. Я бы не хотел иметь дело с людьми. Честно говоря, я боюсь этого. С бумажками лучше. Спокойнее. А что касается научной работы, то я не честолюбив. Меня сейчас больше волнует квартирная проблема. Кстати, вы не знаете, как тут с кооперативом? На эту тему вам следует поговорить с Замом, он по этой части мастер. Ну, пока! А насчет перехода к нам советую подумать. Потом сами убедитесь, что это разумно. Захотите посмотреть людей, стоящих за вашими бумажками, дайте мне знать. Я вам покажу.

После ухода Бородатого Ученик задумался о состоявшейся беседе. И она показалась ему очень странной, было в ней что-то недоговоренное, несмотря на кажущуюся откровенность, какой-то очень глубоко запрятанный второй смысл. Любопытно, где сейчас находится автор этой вот рукописи? Посмотреть бы на него и поговорить было бы интересно. Кстати, пора с этой рукописью закругляться.

О чем говорили умные либералы

В институте не было недостатка в умных, образованных и весьма либеральных сотрудниках. Это главным образом доктора наук с множеством публикаций. Для них рассматриваемое чепе — пустяк, не стоящий их высокого внимания. Да и что они могли?! Вот разве поговорить на эту тему. Поговорить — это за милую душу. Отчего не поговорить?! Обратите внимание, говорит один такой умный сотрудник. Красивая, молодая, умная, культурная женщина, а не может выйти замуж. За тех, кто мог бы на ней жениться, не хочет выходить, говорит другой умник. А те, за кого хотелось бы, заняты или не хотят жениться. Слишком большие претензии, говорит третий. Им подавай профессоров, докторов, академиков! Детей не хотят, говорит четвертый. Хлопотно с детьми. Домашними делами брезгуют. Она была замужем, говорит пятый. Знаете, кто был ее муж? Да, да! Тот самый. В аппарате ВСП. Что ей не жилось с ним?! Спуталась с этим диссидентом, говорит шестой.

Несколько иной характер принимает обсуждение чепе в другой группе порядочных сотрудников. Такие одинокие женщины теперь типичное явление, говорит один. Но и мужчины тоже, говорит другой. У мужчин другие причины, говорит третий. И мужчин мне не жаль. Наша мерзостная жизнь сложилась от недостатка мужества у мужчин. И от недостатка женственности у женщин, говорит четвертый. Мне, пожалуйста, коньяку! Так что тут все виноваты. Общая тенденция к бесполому обществу, говорит пятый. Мясо, между прочим, недурное. Из закрытого? Попробуйте рыбу, говорит шестой. Превосходная. По особому списку. И все-таки женщинам больше достается. Я бы не сказал, говорит седьмой. Но это не играет роли. Предлагаю тост за женщин! За хозяйку дома! Между прочим, говорит восьмой, она ездила в нашей делегации в ... Переводчицей. Она неплохо разбирается в литературе. Умеет держать себя в обществе. Конечно, ей далеко до присутствующих здесь дам, но все-таки... Не надо преувеличивать, говорит девятый. Я ее знал еще студенткой. Ничего особенного. Не советую, друзья, налегать на закуски, говорит хозяин дома. Нас ожидает еще гусь! Даешь гуся, закричали все.

Отдел изобразительного искусства

Нам придется сходить в отдел изобразительного искусства, сказал Учитель. Дело в том, что автор этих вот записок был одновременно художником. Он делал тексты, снабженные рисунками. Или, скорее, серии рисунков, снабженные текстами. Причем, рисунки — не иллюстрации к текстам, а тексты — не разъяснения рисунков. Они, по мысли автора, суть элементы нового синтетического искусства. Они дополняют друг друга. И в то же время имеют независимый смысл. Как это понять, я не знаю. Вас я попрошу разыскать рисунки, соответствующие этим текстам, и дать им краткое словесное описание. Как разыскать? Очевидно, по линиям отрыва. Когда эти произведения поступили сюда, в приемной пришлось тексты и рисунки разделить.

Посещение отдела изобразительного искусства /ИЗИ/ оказалось не таким уж простым делом. Пришлось взять пропуск на вынос рукописей из хранилища и на внос их в ИЗИ. Пришлось, далее, взять разрешение на осмотр экспонатов, на составление их описи, на обратный вынос рукописей и записей. На это ушло более трех часов. Сотрудники, ведавшие такого рода пропусками, допусками, разрешениями, держали себя так, будто они — таможенники на государственной границе. Лишь после того, как Ученик сказал, что ему все эти «штуки-дрючки» «до лампочки», что он может вообще отлеживаться тут сутками, его быстро оформили. В отделе ИЗИ Ученик первым делом разыскал Художника. Правильно сделал, сказал тот. Без меня ты тут погряз бы минимум на неделю. Тут никто не знает, где и что лежит. Только я тут еще могу кое-как ориентироваться. Покажи-ка текст! А, ясно! Это типичный сюррик. Что это такое? Сюрреалист, значит. Формат тридцать на шестьдесят. Это здесь.

Пока рассматривали рисунки папку за папкой и примеряли к тексту, Художник с увлечением рассказывал Ученику о современной живописи и графике, разъяснял смысл непривычных рисунков. Эта папка моя любимая, говорил он. Гляди! Это же настоящий гений! Если бы этому парню дать развернуться на Западе, все ахнули бы! Совершенно оригинальный рисунок. А колорит! Видел ли ты что-нибудь подобное? То-то! Этакое дело в Париже не увидишь! Мечтаю как-нибудь стянуть эту папочку. Трудно, конечно. Но рискнуть стоит. А вот, кажется, и твои голубчики. Точно! Ну, это не в моем духе. Хотя, должен признать, выполнены с профессиональной точки зрения блестяще. Настоящий мастер, ничего не скажешь. Вот что! Я буду диктовать, а ты пиши. Так мы за час управимся. А потом пойдем... Я тут одно злачное местечко открыл.

После того, как работа была окончена, Художник предложил Ученику заглянуть в подвалы, где сложены картины и скульптуры. Живопись, сказал он, тут — подражание Западу, причем — известному по репродукциям. И весьма отрывочно. Так что сам понимаешь, тут в принципе ничего значительного быть не может. И техника не та. С чисто технической точки зрения мы и то отстали на полсотни лет. Зато скульптура!. Ну, сам увидишь. То, что увидел Ученик, привело его в полное смятение. В помещении в ужасающем беспорядке были свалены скульптуры из самого разного материала /бронза, гипс, дерево, фарфор и даже... хлеб/ разного размера /от нескольких метров до нескольких сантиметров/, стили, техники исполнения, качества... И чего тут только не было! Вот это, между прочим, подлинники того самого..., назвал Художник имя известного скульптора, эмигрировавшего несколько лет назад на Запад. Сначала его хотели сюда забрать. Наши эксперты дали соответствующее заключение. Но, судя по всему, власти испугались шумихи на Западе и выпустили его. Обрати внимание вот на эти работы. Я думаю, что этот парень был на несколько порядков талантливее. Но его мало кто знал. Где он теперь? Где все, т.е. в небытии. Скоро здесь порядок наводить будут. Некуда помещать новые поступления. Эти работы, к сожалению, намечены на уничтожение. Забрать? Ты что, рехнулся?! Да кто разрешит?! Если бы можно было, я бы такую галерею собрал!.. Но увы, это все — патология. К тому же идеологически вредная и опасная. Ну, на первый раз хватит.

Немного истории

Всякий целостный и относительно автономный коллектив /институт, завод, лаборатория и т.п./ распадается на следующие подгруппы: 1/ активную; 2/ пассивную; 3/ выпадающую. Активную образует сравнительно небольшое число сотрудников, которые заправляют всеми делами внутренней жизни коллектива, оказывают давление на дирекцию, партийную организацию и прочие общественные организации. Они образуют своеобразную мафию людей, связанных круговой порукой и взаимной выручкой. Они суть носители, выразители и создатели внутреннего общественного мнения коллектива. Они избираются в местком, в жилищную комиссию, в кассу взаимопомощи и т.п. В их руках распределение путевок, выдача ссуд и премий. Они распускают слухи и сплетни. Они составляют негласные досье на каждого члена коллектива. Конечно, далеко не все подвластно этой мафии. И сама она обычно выполняет волю официально правящей группы коллектива. Но ей многое подвластно, в особенности — в отношении сотрудников низших разрядов и житейских мелочей. Она не всегда однородна и единодушна. Иногда она распадается на враждующие части, меняется по составу. Иногда «поджимает хвост». Но при всем при этом ее роль остается незыблемой, — коллективно урвать для себя все то, что возможно урвать на самом нижнем уровне жизни.

Пассивную часть образует подавляющее большинство сотрудников коллектива. В нее входят и лица более высоких рангов, которые в какой-то мере стоят выше «житейских мелочей» жизни коллектива. Это — покорная и совершенно индифферентная масса. С нею считаются только тогда, когда та или иная группа стремится захватить инициативу и для этого привлечь ее на свою сторону.

Выпадающую часть образует небольшое число лиц, которые по тем или иным причинам стоят вне интимной жизни коллектива. Обычно это — опустившиеся люди или временно работающие в этом учреждении. С ними вообще не считаются. Они как бы не существуют для коллектива. Но иногда в эту часть попадают хорошие работники, сознательно стремящиеся сохранить некоторую независимость и уклоняющиеся от погружения в мелочную интимную жизнь учреждения. Такие вызывают беспокойство и злобу. Их стремятся выжить, скомпрометировать,

уничтожить. Именно к числу таких лиц принадлежала М. Обычно такие люди, если даже их бывает несколько в учреждении, не объединяются в особую группу. Они остаются одиночками. Их обнаруживают и травят поодиночке. И гибнут они также в полном одиночестве.

Интимная жизнь коллектива

Интимная жизнь коллектива не исчерпывается совместной производственной или служебной деятельностью. Она включает в себя также разнообразную совместную общественную деятельность /собрания, вечера, поездки, награды и т.п./, а также личные взаимоотношения, вырастающие на этой основе /сплетни, гостевание, любовные связи, совместные выпивки, локальные группки, мафии, круговая порука, взаимные услуги и т.п./. Последние-то и придают внутриколлективным отношениям характер интимности. Они сплачивают коллектив в единую семью не в фигуральном, а почти в буквальном смысле слова. Они сплачивают коллектив в нечто большее, чем семья, а именно — в своего рода единую личность /суперличность/ нашего общества, в такое «мы», которое имеет право рассматривать себя как «я». Это очень важно для понимания всего происходящего у нас. У нас, подчеркиваю, носителем личностного начала является не отдельный человек, а целостное учреждение. Отдельный человек есть лишь частичная личность, претензия на личность, протест против обезличивания, воспоминание о личности. Так что в применении к нашему обществу полноценным субъектом права и морали является не отдельный человек, но лишь отдельное, целостное и автономное в своей деятельности учреждение /предприятие и т.п./. Когда нормы права и морали, сложившиеся в условиях цивилизации Запада, переносят на нас, получаются те самые курьезы, из-за которых столько десятилетий идет совершенно бесперспективная борьба.

Интимная жизнь коллектива — это огромное число действий и связей, которые в большинстве случаев привычны, автоматичны, неявны, незаметны для посторонних, но существенны для посвященных. Это — все то, что делает человека своим в некоторой части коллектива и через эту часть — своим для коллектива в целом. Благодаря этому в интимной жизни человека не остается ничего такого, что неизвестно коллективу /начиная от состояния кишечника и кончая амурными делами/. Чтобы человек был признан в коллективе своим, он должен обладать некоторым набором пороков, допускаемых коллективом фактически, хотя порицаемых часто официально. Например, пьянство /в меру, конечно, чтобы не было «пятна» на учреждении и чтобы жена не жаловалась/, двуличность, подхалимаж, склочность, бездарность. Человек еще более принимается коллективом, если с ним приключаются неприятности /болезни, раздоры в семье, неудачи с детьми/. Коллектив, например, готов с сочувствием зацеловать человека, у которого ограбили квартиру, сперли шубу. Коллектив по самой сути есть объединение ущербных, серых, несчастных существ в некое целое, компенсирующее их дефекты.

В коллективе выделяются люди, которые становятся профессионалами по его интимной жизни. Они вникают во все детали жизни сотрудников, распространяют новости, слухи и сплетни, мобилизуют сочувствие или осуждение. Одним словом, коллектив учреждения, в котором работает индивид, есть его основная и органическая жизненная среда, без которой он вообще не мыслит себя в качестве личности. И общество не признает в качестве полноценного гражданина такого человека, который сам или через членов своей семьи не приписан /не прикреплен/ к какому-нибудь учреждению, как принято говорить — нигде не работает. И это — объективный факт нашей жизни, а не пропаганда апологетов и не клевета врагов. Это — фундаментальный факт всей социальной структуры общества.

Колебания Ученика

Что-то этот тип с бородой зачастил к нам, сказал Зам. Ты поосторожнее с ним. Он явно обхаживает тебя. Наверняка переманить хочет. Он, конечно, фигура. Его даже гением считают. Но мне лично на это начхать. Знаешь, чем они там занимаются? Это только между нами. За такие дела, если узнают на Западе, знаешь что будет? То-то! Ты, я слышал, в кооператив собираешься? Что же, это дело. Только знаешь, когда твоя очередь подойдет? Я могу тебе помочь. За год все дело провернем. Есть один человек. Ему стоит моргнуть, так тебе не то что в кооперативе квартиру дадут, а бесплатно. Понял? А у этого человека приятель. Так этому приятелю надо подобрать материалы. По религии. Надо, чтобы работа была необычная. Сам знаешь, сколько на эту тему написано. Договорились? А насчет кооператива — мы это дело обмозгуем. Пока!

Конечно, думал Ученик, к Бородатому перейти заманчиво. Сразу же кандидатские минимумы сдам. Через пару лет гарантированная защита диссертации. Моя тема у них с блеском пройдет. Методы текстуальной экстраполяции и интерполяции при восстановлении первичных функций интеллекта. Каково звучит? Неплохо. Бородатый, судя по всему, идеальный руководитель. Все ребята его хвалят. Но в таком случае — прощай квартира. Развод. Жена потребует раздела и оттяпает от квартиры метров десять минимум. Мать этого не переживет, загнется. Да и жену терять жаль. Баба она что надо. Недостатки... А у кого их нет? надо поговорить с ней. Если она устроится в кооператив у себя, тогда надо переходить к Бородатому. Это очевидно. Но если у нее ничего не выйдет и она уйдет, от нее придется откупаться, т.е. надо квартиру раздобыть мне и как-то потом выкручиваться, чтобы оставить ей и вернуться к родителям. Тьфу,... твою мать! От этих мелких расчетов свихнуться можно. Ну, а чем тебе плохо здесь? Работа тут не бей лежачего. Практически делаю, что хочу. Все эти нормы — ерунда. С ними никто не считается. Большую часть рукописей сотрудники вообще не читают. Пишут о них, что в голову придет. И все идет отлично. И Зам /и Сам/ не такой уж плохой парень. С ним можно иметь дело.

В курительной Ученик заметил необычное оживление. Что происходит, спросил он девицу из соседнего кабинета, стрельнув у нее сигарету. А ты разве не в курсе, удивилась Девица. Поймали одного сексуального маньяка. За ним охотились несколько лет. При обыске забрали дневник. Сейчас на этот дневник очередь записалась месяца на три уже. Беги скорей к секретарше Лысого. А то совсем прозеваешь. Ты записалась, спросил Ученик. Конечно, сказала Девица. Я семидесятая. Прекрасно, сказал Ученик. Прими в компанию. Заодно проверим на практике некоторые наблюдения этого маньяка. Я подумаю, сказала Девица. И ушла, бросив окурок мимо урны. Не бог весть что, подумал Ученик. Но что-то в ней есть. Во всяком случае поболтаем. И почитаем этого психа.

Работать в этот день уже стало невозможно. Все словно взбесились из-за этого маньяка. Повсюду собирались группы. Слышались охи и ахи. Кошмар, сказала пожилая сотрудница, фактически исполняющая обязанности секретарши Учителя. Этот негодяй совратил более пяти тысяч женщин. Из них около тысячи — девушки. И больше сотни — малолетние. Ужас! Преувеличивают, наверно, сказал Ученик. Что вы, сказала Пожилая. У него все точно записано. А такой психический тип на ложь не способен. Воображение недоразвито. И самое ужасное — никакой страсти, полное равнодушие. Зачем ему все это?! А может быть, он ученый, сказал Ученик. Сексолог. Изучал дело на собственном опыте. Говорят, мы тут кое-что похуже делаем, а нас вот не забирают. Никто не ужасается. Я бы на вашем месте воздержалась от таких замечаний, сказала Пожилая. Я здесь начала работать, когда вас еще на свете не было. Знаете, сколько таких мальчиков, как вы, за это время

отсюда исчезло? Чему быть, того не миновать, сказал Ученик. По крайней мере из-за квартиры беспокоиться не придется.

Дома Ученика ждала крупная неприятность. Я беременна, сказала Жена. И abort делать не буду. Пусть будет сын. Я лично за дочь, сказал Ученик. Значит, Бородатый отпадает. Остается Зам. Это ты о чем, спросила Жена. Так, о делах, сказал Ученик. Я пойду прошвырнусь на часок. Подумать надо. А ты бы с матерью помягче. Пригодится еще. Ребенок же будет...

Отщепенцы

Отличительная черта выпадающего /отщепенца/ — неучастие в этой самой интимной стороне жизни коллектива, которое членами коллектива расценивается как противопоставление коллективу, зазнайство, отрыв от коллектива. И не спасет то, что такой человек — хороший работник. Если коллектив почувствует, что этот человек — отщепенец, он сделает все, чтобы разрушить представление о нем как о хорошем работнике. Выглядит это как разоблачение, выведение на чистую воду, сдергивание маски. Обычно это потом преподносят так, будто под личиной честного и хорошего работника скрывался чуждый нам враг. У нас на факультете пятнадцать лет работал один профессор, крупный ученый, блестящий лектор и вообще яркий человек. До нас доходили слухи, что ему несладко живется, что чуть ли не каждый курс лекций ему приходится выбивать с боем и читать в урезанном виде, что книги его не печатают. Но он все равно считался одним из лучших профессоров факультета, получал какие-то награды, куда-то выдвигался. Но стоило ему однажды подписать какой-то протест, как в течение года с него «сорвали маску», превратили в представлении всех в никудышнего ученого и педагога и с треском провалили на очередном заседании на новый срок. Этот профессор всегда был отщепенцем, много лет коллеги терпели это. И когда им представился удобный случай дискредитировать его, они немедленно этим воспользовались.

Надо признать, что коллектив не сразу относит сотрудника к категории отщепенцев. Проходят годы, иногда — десятилетия, прежде чем это случается. Да и сам сотрудник не всегда сразу становится отщепенцем, а став — не всегда сразу это осознает. Иногда он этого вообще не осознает и впадает в крайнее недоумение, когда коллектив начинает с ним расправу. Коллектив сначала яростно борется за то, чтобы сотрудник не оторвался от него и не противопоставил себя ему. Применяются всевозможные меры от ласки до угроз и нанесения ущерба. И обычно редко кто не поддается натиску коллектива. Последний в отношении сотрудника, за которого идет борьба, может себе позволить многое такое, что недопустимо в отношении тех, насчет которых нет сомнений. Например, коллектив может скрыть от начальства факт попадания сотрудника в вытрезвитель и тем самым завлечь его в некоторые интимные отношения с доверенными лицами коллектива.

Как правило, сотрудники не стремятся стать отщепенцами, а коллектив искренне стремится приобщить человека к своей жизни. Здесь действует глубинный закон нивелирования индивида и прикрепления его к коллективу, причем — обе стороны естественным образом стремятся к этому. И если происходит выпадение человека в отщепенцы, то это есть уклонение от общей нормы. Это уклонение не есть случайность, — есть другие законы, порождающие его. Но само по себе оно есть уклонение от норм жизни, вырастающих из недр этой формы жизни. В силу тех же законов единства индивида и коллектива последний предпочитает не выбрасывание, а обламывание его и удержание в себе в обработанном виде. Тут имеет силу принцип: стань, как все мы, и мы тебя простим. Отщепенец выбрасывается вовне лишь в крайнем случае, когда не остается надежды обломать его, или по указанию властей. Обычно тут имеет место совпадение.

Борьба за приобщение человека к интимной жизни учреждения есть лишь первый этап борьбы. Когда заведующий одного из секторов института взял М к себе на работу несколько лет назад после того, как ее не допустили к защите диссертации и около года не брали на работу по специальности, сотрудники были в восторге от такого благородного поступка Заведующего. Все знали, что последний согласовал это во всех инстанциях и действовал с их ведома, но делали вид, что Заведующий сделал это на свой страх и риск. Это у нас-то на свой страх и риск! Конечно, сразу же пустили сплетни, будто М переспала для этой цели с Заведующим. Сплетня занижала ее личностный уровень и тем самым несколько усилила ее социальные позиции: такая же дрянь, как и все мы, недурно пристроилась. И сотрудники приняли ее в свои объятия как своего члена. И обласкали ее своим вниманием и дружбой. Профессиональная институтская сплетница навязалась к ней в гости, обследовала ее гардероб и была несколько разочарована. Но в институте она всем шептала на ушко, что видела у М те самые штучки, которые Заведующий покупал в Париже якобы для своей жены.

Когда М отвергла попытки Заведующего склонить ее к сожительству, те же сотрудники сказали о ней, что она «строит из себя», и обозвали ее неблагодарной дурой. Профессиональная сплетница пыталась было намекнуть на некие болезни, но намек успеха не имел, — факт, свидетельствующий о том, что имеются свои объективные законы слухов и сплетен, по которым жизнеспособными оказываются лишь слухи и сплетни определенного типа. Слабости Заведующего насчет женского пола были общеизвестны. Над ними подшучивали. Но никаких морализующих выводов не делали. Отказ же М сожительствовать с Заведующим был воспринят как вызов коллективу. И он тут же дал ей почувствовать свою силу. Заведующий другим сектором, у которого были крайне запущены документация и техническая работа, взял ее к себе, зная ее как добросовестного работника. И на какое-то время ее отпустили вниманием. Изменились методы. Вовлекли в самодеятельность. Включили в чаевую компанию — бегать в обеденный перерыв в магазин за хлебом, сыром и колбасой. Но все равно в бесчисленных пустяках чувствовалось, что она чужая. Например, она выступала против несправедливого решения сектора предоставить место старшего сотрудника молодому бездарному карьеристу, работавшему на важное лицо из Президиума, а не заслуженному старому работнику, которому это место и предназначалось сначала. Убедившись в безнадёжности своего замысла, коллектив постепенно изменил методы борьбы. Начался второй этап.

Клевета

Одно из самых мощных средств воздействия коллектива на человека, который выпадает из него или имеет к этому тенденцию, это — клевета. Клеветали люди и в прошлом. Но только в нашем обществе клевета стала нормальным социальным явлением, не вызывает открытого осуждения и никаких угрызений совести. Только здесь она достигает чудовищной силы и применяется на всех уровнях жизни Страны. Примеры клеветы на крупных оппозиционных деятелей культуры и диссидентов общеизвестны. Конечно, все зависит от того, на кого она направлена. Если она направлена на своего или /боже упаси! /на вышестоящее начальство, она есть уголовное преступление. Она наказуема лишь тогда, когда объект ее вытолкнут коллективом и одобрен начальством в качестве индивида, противопоставляющего себя коллективу и обществу в целом. Такой индивид живет в атмосфере постоянной клеветы. Поскольку у людей нет никаких внутренних ограничителей /вроде страха Бога, совести, моральных принципов, воспитанности/, а внешние ограничители сняты, люди не скупятся на клевету и проявляют при этом бездну изобретательности. Талант народа в огромной степени уходит в клевету на ближнего. Когда-нибудь на это явление обратят внимание и создадут науку

клеветологию. И это будет практически очень важная наука, открытия которой в полном соответствии с партийными установками будут немедленно претворяться в жизнь.

Навыки клеветы в обществе развиты настолько высоко и привычка клеветать выработывается из поколения в поколение настолько последовательно и систематично, что люди даже не отдают себе отчета в том, что они занимаются клеветой. Способность клеветы им органически присуща как одно из величайших исторических достижений народа. Клевета есть фактор нашей повседневной жизни на всех ее уровнях.

Практически клевету невозможно разоблачить, ибо в ней принимают участие все, никогда не обнаруживаются ее источники и инициаторы; посторонние не в состоянии отличить ее от правды, разоблачение ее легко превращается в пустяк, шутку.

В одном из институтов столицы, например, работал ученый Н. Его выжили, и сейчас о нем ничего не слышно. Но когда-то его имя часто мелькало в печати. Он всю жизнь считался пьяницей и бабником, хотя не пил и был сдержан в быту. О нем говорили, что он груб и нетерпим, хотя он был мягок, добр, великодушен. Он всю жизнь бедствовал, а о нем говорили, что у него шикарная квартира, дача, машина. Его работы печатали на Западе, не платя ни копейки, а о нем говорили, что ему валюту некуда девать. И в этой систематической клевете охотно участвовали все близкие знакомые Н без исключения! Они клеветали и друг на друга в силу органически присущей им способности такого рода. Но они были свои, и для них эта клевета не играла роли. Как свон они котировались согласно официальной характеристике. Клевета была существенна только для Н, ибо он был чужой. Его характеристикой была клевета на него его близких и сослуживцев. И с ним разделались согласно этой, а не официально-бумажной оценке.

Но если даже Н не устоял против клеветы, что же говорить о нашей М! Она написала отличную дипломную работу, которую даже хотели напечатать. А окружающие говорили, будто эту работу написал за нее научный руководитель, с которым она якобы «спала». Руководитель был кретин. Работу она сделала вопреки ему, и он сам приложил усилия к тому, чтобы клевета возникла и распространилась. Подумаешь, скажете, какой пустяк! Да мало ли о ком что говорят! Обо всех болтают что попало. Вот именно, обо всех. И что попало, т.е. клевету. Только не на всех это отражается роковым образом. Ее муж совершил подлость по отношению к товарищам, и она порвала с ним. А друзья /в том числе — те, которых предал ее муж/ пустили слух, будто он застукал ее с любовником. Муж обобрал ее до нитки, а болтали, будто она оттяпала у него квартиру. Причем, знали, что ей приходилось снимать комнату. Потом у нее была связь с одним молодым человеком, преуспевающим доктором наук. За все время тот даже в кино не сводил ее за свой счет и не подарил ей даже трусики в день рождения. Когда он появлялся у нее, он жрал и пил, не интересуясь, чего это ей стоило. Знакомые знали это и советовали прогнать его. Заодно они распространяли клевету, будто она тянет из своего любовника кучу денег, разбивает семью /тот давно развелся/ и т.п. И обычное пошлое переглядывание, ухмылочка, «нет дыма без огня», «тут что-то есть».

Стоит ли продолжать? Даже добрые умные люди говорили: не обращайтесь на это внимания, это же обычные пустяки. А пустяки ли? Именно эта клевета привела к срыву публикации ее работы /и потом ее результаты присвоил ее руководитель/, к срыву защиты диссертации, к строгому выговору за аморальное поведение. Именно они, эти милые и добрые друзья-клеветники, поставили ее в такое положение, что ей пришлось околачивать пороги в десятках учреждений, пока не нашелся официально

безупречный подонок, решивший воспользоваться ситуацией и приобрести себе даровую шикарную любовницу, используя свое служебное положение.

Что поделаешь, скажете вы. Мы живем в грязи, и нелепо лезть в эту грязь в белых праздничных одеждах, надо надевать такую же удобную для этой грязи робу, как все. Верно! Именно об этом я все время и говорю. Я только делаю тут небольшое дополнение: эту грязь источаем мы по своей доброй воле. Зачем? Да потому что нет у нас белых праздничных одежд, а есть лишь ужасные роботы, и чтобы они выглядели терпимо, мы создаем соответствующую им грязь. Дело обстоит вовсе не так, будто мы отражаем в себе внешние условия и становимся таковыми, как есть, в силу необходимости. Дело обстоит так, что мы творим нашу общественную жизнь в соответствии с тем, что мы представляем собою как исторически сложившиеся существа. Как мы сложились такими, другой вопрос. Только изменение условий нашей жизни не влечет за собой автоматически изменения типа человека, живущего в этих условиях. Социальная природа человека не менее консервативна, чем биологическая. Не знаю, где этот консерватизм оседает в человеке. Но твердо знаю, что мы любые условия загаживаем в соответствии со своей социальной натурой /пусть даже она сложилась исторически/. И если мы захватим себе Запад /а он нам очень нужен — ликвидировать невыгодный нам материал для сравнения и поживиться даровыми результатами чужого труда и гения/, мы его загадим по образу своему и подобию. Насколько мне известно, орды Чингис-хана, Батыя и т.п., занимая европейские территории и соприкасаясь с европейскими народами, не меняли своего устойчивого образа жизни и своей консервативной социальной природы. Они и в новых для них условиях хранили свой тип социальности. Так почему же мы должны составлять тут некое счастливое исключение? Разве что в угоду ложным тезисам нашей идеологии.

Беседа с Девушкой

Девушка сама зашла к Ученику и сказала, что рукопись сексоманьяка уже у нее, что она полистала, что рукопись любопытная, но совсем не то, что она ожидала. Она думает, что автор вовсе не маньяк, а действительно сексолог. Но — дилетант-любитель. Судя по всему, он владеет несколькими иностранными языками и имеет доступ к западной литературе такого рода. Он действительно выписал около тысячи сексуальных историй из разных западных книжек, но придал им вид дневника, который вел сексуальный маньяк. Это легко доказать. У него, например, фигурируют такие детали дамских туалетов и обстановки квартир, которых и в помине не бывает у нас. И явная языковая неоднородность текста. Но, повторяю, рукопись любопытная. И в некотором роде поучительная. Мы такие дремучие в этом отношении, просто жуть берет. Я бы эту рукопись опубликовала, слегка ее отредактировав и снабдив предисловием грамотного сексолога. Ну, так мы начнем читать? Начнем, сказал Ученик. Вообще-то говоря, можно здесь у меня, я запру дверь. Нет, сказала Девушка, сюда наверняка заглядывают. Пойдем ко мне, это совсем на отшибе. К тому же ко мне посторонним вход строго воспрещен.

Закон выталкивания

Поразительным, однако, является не то, что коллектив расправляется с отщепенцем, а то, что он с необходимостью выталкивает какого-то своего члена на роль отщепенца. Отщепенец чужд обществу, но он чужд ему в такой форме, что он одновременно и необходим ему. Выталкивание подходящего человека в отщепенцы, одновременное стремление сделать его своим, затем — стремление дискредитировать и подавить его, наконец — исключение из общества,— все это суть необходимые элементы тренировки общества на монолитное единство, демонстрация этого единства для себя и для других, средства постоянного

воспитания общества в определенном духе и поддержание этого духа. Врагами общества люди не рождаются. Они ими становятся, причем — по воле и желанию общества. Коллектив намечает человека определенного типа в качестве будущей жертвы, и приобщая его к коллективу, он делает это так, что в качестве неизбежного следствия имеет место выталкивание жертвы на роль врага. Врага обычно фиктивного, иллюзорного. Очень редко — реального. Здесь действует свойство нашего общества, аналогичное изгнанию путем невыпускания и задерживанию путем изгнания, а именно — свойство приобщать путем выталкивания или выталкивать путем приобщения. В этом есть какой-то глубокий смысл, непонятный участникам и аналогичный смыслу ритуальных жертв в обществах прошлого, основанных не на правовых, моральных и христианско-религиозных принципах.

Прежде всего, что из себя представляют кандидаты в отщепенцы по своим личным качествам? Это — люди высокоодаренные, оригинальные, смелые, прямые, независимые в своем мировоззрении, яркие и т.д. и т.п., т.е. самые беззащитные в социальном отношении, самые уязвимые и самые ненавистные для средней серой массы сотрудников коллектива. В отношении таких людей все меры коллектива, имеющие целью приобщить их к своей интимной жизни, вызывают естественным образом лишь усиление сопротивления индивида коллективу и стремление выделиться из него в качестве суверенной личности. И кончается это либо гибелью индивида на уровне коллектива /запой, апатия, авантюризм/, либо фактическим изгнанием его вовне, что также ведет к потере его обществом. Очень часто это — физическая изоляция индивида от общества силами карательных органов.

Когда М начала делать свою дипломную работу, ей советовали сменить тему, сделать нечто заурядное, а свое открытие оставить «на потом». И послушайся она, ее судьба сложилась бы иначе. Но она чувствовала в себе силу и поступила наоборот, вложила в работу душу и добилась серьезного для студента результата. Когда муж ее совершил подлость, ей советовали смириться. Мужа брали на работу в аппарат ВСП, а это в перспективе легкая и сытная жизнь. Согласись она, опять-таки иначе пошла бы ее жизнь. Но... Одним словом, все происходило как в дурном романе подлостей, предательств, изуверств.

Истолкование

Поступки людей, вызывающих повышенное внимание коллектива, не воспринимаются объективно, а подвергаются особому истолкованию — интерпретации. Суть последней состоит в том, что окружающие по своему усмотрению приписывают поступкам таких людей мотивы, цели, причины и последствия, — т.е. определенный смысл. И далее люди имеют дело фактически не с поступками как таковыми, а со своей их интерпретацией. Они при этом не замечают, что им навязывается некоторая наиболее удобная для данной ситуации и для доминирующей части коллектива интерпретация.

Члены коллектива прибегают к этому не потому, что они не знают подлинных причин, мотивов, целей и последствий поступков данного человека, а потому, что это для них удобно. Это дает им психологическое самооправдание, настраивает их определенным образом, дает аргументы для наказания жертвы. Они сами судьи и исполнители решений. Для них не играет роли истина. Им важен лишь факт выпадения человека из коллектива и их реакция на это. Например, добросовестную работу М истолковали как стремление «выслужиться», выступление в защиту старого сотрудника — как стремление посеять склоку, вызов в дирекцию для объяснения — как жалобу в дирекцию на сектор. Инициатива считать ее склочницей принадлежала тому сотруднику, за которого она заступилась.

Оценки

Получив определенное истолкование, поступки отщепенца подвергаются оценке. Таким образом, оцениваются не поступки сами по себе, а их интерпретация в атмосфере клеветы. Оценки поступков людей разделяются на личностные и коллективистские. Первые имеют место в рамках нравственности. При этом отдельный человек и группа людей /или другой человек/, с которой он вступает в отношение, суть равноправные партнеры. И предпочтение отдается более слабому. У нас такие оценки исключены. В случае же коллективистской оценки поступки человека рассматриваются с точки зрения их роли в жизни коллектива. Интересы коллектива здесь выше интересов отдельного человека. Сам коллектив здесь поставлен в такое положение, что он в ответе за поведение своих членов. Это удобно. С одной стороны, с каждого индивида снимается ответственность за коллективное насилие над ближним, а с другой стороны, коллектив вынуждается на злобную реакцию против отклонившегося от него члена и на беспощадную расправу с ним.

Поведение М заставило дирекцию обратить внимание на ситуацию в секторе и посмотреть в ней зародыш склоки. Сектор начинают дергать. После проводов Диссидента руководство института получило нагоняй. Начали работать всякие комиссии. Усилилась воспитательная работа. Начались кое-какие строгости. В общем, коллектив на своей шкуре испытывает последствия поведения М и злобится на нее. И обрушивает свою злобу не на систему и не на начальство, а на самое беззащитное в этой ситуации существо, не сделавшее ничего плохого, — на М. Ее безобидное само по себе поведение воспринимается как ущерб коллективу. И всем ходом дела М превратилась в своего рода ритуальную жертву. Это есть глубочайшее проявление безнравственности общества и его членов. Это — коллективное ритуальное преступление. Преступление тут образует самую суть дела.

Не напоминает ли вам это приращение особого смысла поступкам людей и их оценка с некоторой коллективной позиции нечто, казалось бы, весьма далекое, из давно забытой /а напрасно!/ истории человечества. Что бы ни толковали теоретики о вершинах, прогрессе, о новых этапах и т.д., мы тут имеем совершенно очевидный факт поведения коллектива, роднящий его с примитивными обществами прошлого, с обществами типа империи инков, египтян.

Мысль Ученика

Тоже мне открытие, подумал Ученик с пренебрежением. Это и младенцу ясно. Называется у нас это только иными словами. А так чему удивляться? Люди всегда люди, общество всегда общество. Главное — не будь идиотом и не лезь в жертвы, в отщепенцы, в диссиденты. Разум человеку дан для того, чтобы успешно ориентироваться в обществе. Все-таки СК выдумали не дураки. Сам факт страдания человека за других людей и даже за общество в целом /за человечество!/ есть неоспоримый признак психического заболевания. Но не с медицинской, а с социальной точки зрения. Болезнь духа есть тоже болезнь. Правда, это еще не изучено достаточно глубоко. Между прочим, диссертацию-то я и здесь могу сделать не хуже, чем у Бородатого. Да, но дадут ли тут? Судя по Заму и Учителю, здесь это не поощряется. Интересно, если я предприму попытку сделать тут диссертацию, что будет твориться в отделе? Наверняка сожрут, как эту идиотку М.

Позвонил Бородатый. Вы хотели побеседовать с автором какой-нибудь рукописи, сказал он. Я это могу вам устроить. Причем, считайте, что вам повезло: вы имеете шансы побеседовать с автором «Одиночества». Ученику уже расхотелось встречаться с авторами рукописей, но отступить было поздно, и он согласился. Я

только закончу одно дело, сказал он. Это займет всего полчаса. Прекрасно, сказал Бородатый. Позвоните тогда по этому телефону:... За вами зайдут. До встречи!

Наказание

Само наказание жертвы осуществляется по определенным правилам. Целая система организаций и лиц следит за тем, чтобы эти правила были соблюдены и чтобы наказание было доведено до конца. Все заинтересованные и ответственные лица должны убедиться в том, что коллектив правильно реагировал на «чепе», что коллектив в основе здоровый, а руководство справится с ситуацией и примет меры, предупреждающие повторение случаев такого рода. Иначе этим надсмотрщикам будет в свою очередь указано на их просмотры в этом деле. И так до тех пор, пока волна ответственности не заглохнет в глубинах социальной иерархии.

Основные принципы ритуального наказания таковы: 1/ всячески очернить жертву; 2/ выразить свое возмущение ее поведением; 3/ признать свою вину в том смысле, что проглядели, проявили либерализм, не обратили должного внимания на сигналы; 4/ наказать тех, кто считается виновным в том, что проглядели; 5/ принять профилактические меры.

По делу М создали целую комиссию с целью изучить все ее прошлое и истолковать его в таком духе, чтобы было достаточно ритуальных помоев. В комиссию вошел заместитель заведующего сектором, который ее ненавидел, и ряд сотрудников, с которыми у нее были хорошие отношения. Но работали они все одинаково дружно. Заместителю приходилось даже немного их сдерживать. Например, они обвинили М в плагиате, а Заместитель сказал, что из-за этого могут быть неприятности, так как позаимствовали-то у нее. Затем... Впрочем, скучно и противно об этом писать. А каково ей было все это пережить?!

Порядочные люди института после всяческих собраний, на которых ее носили, говорили, пожимая плечами, что она сама виновата, так как поставила их в такое положение, что ее нельзя было защитить. Она действительно их поставила в трудное положение, но в ином смысле: она предоставила им возможность показать, кто они суть на самом деле. И они себя показали.

Замечания на полях рукописи

Цель наказания за СП — месть преступнику и назидание другим. Наше общество мстительное по существу. Мстят даже без выгоды для себя, даже во вред себе. СП никогда не прощаются. Нет целей для этого. Сама месть есть самоцель. Психологически — на преступнике такого рода вымешают злость, накопившуюся в людях из-за того, что они сами создали и поддерживают ненавистную им систему взаимного рабства. Коллектив сам поставлен в такое положение, что вынужден наказывать преступника самым жестоким образом. Коллектив в ответе за поведение своих членов. И родственники в ответе тоже. Методы расправы стандартны: дискредитация провинившегося во всех отношениях, и в деловом — в первую очередь; «разоблачение» морального облика; желательнее подвести под обычный уголовный кодекс. Наказание — отдельный акт, а постоянное состояние провинившегося на всю оставшуюся жизнь. Жизнь должна выглядеть так, будто этого человека вообще не было. Существенно то, что при этом наказываемый лишается защиты коллектива от хулиганов, воров, бандитов, милиции, соседей. В обществе, в котором индивид не имеет правовой защиты от произвола местных властей, единственной защитой для него в этом плане является коллектив. Без нее человек становится игрушкой в руках случая даже при сравнительно слабых наказаниях.

Автор

Ученик набрал номер телефона, который ему дал Бородатый, и услышал голос Лысого. А, это ты, сказал Лысый. Иди к пятой зоне, к проходной. Там тебя встретят. Захвати удостоверение.

Пятая зона начиналась с леса, и никто из сотрудников других учреждений исследовательского центра туда не допускался без особого разрешения. Те, которые там побывали, не могли сказать о ней ничего вразумительного: кроме того маленького участка в помещении, в которое их допускали, они просто ничего не видели. Будучи пропущены через проходную, они затем двигались по коридорам, поднимались и опускались в лифтах, просто стояли на движущемся полу, пока не оказывались перед нужной дверью. Затем сопровождающий проделывал какие-то манипуляции с кнопками и дисками, и нужная дверь открывалась. Так произошло и с Учеником. Войдя в маленькую проходную, он уже через минуту, как в сказке, оказался в гигантском помещении с бесконечными коридорами, холлами, дверями и т.п. Только почему-то не с окнами. Ученик нигде не заметил ни одного окна. И холл, в котором они оказались в конце концов, был тоже без окон.

Откуда-то появился Лысый. Привет, сказал он. Принято решение, чтобы клинические отделы работали в контакте с теоретиками. Так что ты — первая ласточка в реализации этого решения. Какой гриф рукописи? Ага, это сюда. Случай перспективный, так что твоего подопечного скоро выпишут. Куда? Ну, это уж не наше дело. Хотя Бородатый на что-то надеется, я сомневаюсь, что тут что-то получится. Я давно говорил, что надо дифференцировать людей по психическим типам совсем иначе и к разным типам применять разные средства. Этот парень — предельно слабый тип. Его даже крепким чаем можно лишить разума, а не то что мощной дозой лоялина. Я их предупреждал. Не послушали, идиоты. Вот сюда. Садись сюда. Не пугайся, он совсем безобидный, хотя и смотрится страшновато. На всякий случай вот прими таблетку. Мало ли что. Некоторым с непривычки дурно бывает.

Лысый нажал кнопку и что-то сказал в микрофон в стене. Скоро дверь бесшумно раздвинулась, пропустила странное маленькое серое существо и огромного санитаря и также бесшумно закрылась. Ну, вот тебе твой новый Достоевский или, может быть, Толстой. Посади его сюда /это санитарю/ и можешь быть свободным на полчаса. Ученик пригляделся к серому человеку, и ему стало нехорошо. И он с благодарностью вспомнил о таблетке: если бы не она, могло бы быть куда хуже. Если бы Ученика попросили рассказать, как это произошло, он не смог бы ответить, ибо то, что он увидел, было уродство и страдание не физическое, а духовное. А для выражения этого люди еще не имели достаточно точных и сильных средств. Дело в том, сказал Лысый, осматривая больного и делая непонятные Ученику движения, что теперь уже нет никаких сомнений в существовании биопсихического механизма, соответствующего тому, что вы, теоретики, называете социопсихическими процессами. Но мы до сих пор еще ничего не знаем о том, где они локализованы и каким законом подчиняются. Этот наш писатель, например, утратил речевые функции. Я научился возвращать их ему. Конечно, лишь частично и на время. Но этими же методами вернуть речевые функции никому другому я не могу. И не могу ему же вернуть навыки письма. А вот Бородатый умеет возвращать навыки письма, причем — он имеет уже некоторые приемы, пригодные для разных индивидов, одного социопсихического типа. Ты попроси его, он тебе покажет сочинения нашего писателя, написанные уже здесь. Очень любопытные! Ну вот, готово. Сейчас начнем разговаривать. Обрати внимание, как он будет строить слова и фразы. Блестящее подтверждение теорий стуректуралистов! Зря их раздолбали.

«Разговор» получился, как заметил потом Лысый, очень удачный: пять фраз за полчаса. Ученик этих фраз не понял, хотя Лысый вскрикивал от восторга, хвалил «Писателя», гладил его по голове и просил еще сказать что-нибудь. Ученик не отрываясь смотрел в глубоко запавшие глаза «Писателя». И тот тоже не мигая смотрел на него. И Ученику казалось, что внутри этого уродливого существа находится другое, умное и прекрасное, всепонимающее. И ему стало страшно.

Мужчины

С первой же встречи она поняла, что основной принцип мужчины как явления социального — урвать и избежать ответственности. Первый же ее мужчина так и сказал ей цинично: наше дело не рожать, сунул, вынул и бежать. И затем спросил ее, что такое женщина с точки зрения марксизма. Она пожала плечами. Объективная реальность, данная нам в ощущениях, сказал он. В шутку, конечно. Он был передовой и образованный человек. Но она поняла, что он просто заурядный подлец. И сказала ему об этом. И они расстались.

Чтобы поступить на факультет, на который она хотела, ее для трудового стажа устроили в одно ответственное учреждение. Начальник учреждения склонил ее к сожительству. Но он не сдержал ни одного своего обещания. И даже законную справку о трудовом стаже пришлось добывать чуть ли не через суд. Напомню, что ей в это время еще не было восемнадцати. И она еще верила в «настоящих мужчин», каким ей представился ее преуспевающий высокий начальник. Эта связь пошла ей на пользу. Она увидела, какими убожествами во всех отношениях являются мужчины, которые внешне выглядят как деловые и умные руководители. Ее знакомые завидовали ей, распускали сплетни, строчили анонимки, дружески советовали воспользоваться положением. Ей это было уже смешно: она уже поняла, что современные рыцари содержат своих любовниц за государственный счет. А так как они жадны и трусливы, они вообще стремятся отделаться даром. А так как они убоги интеллектом, воображением и вкусом, с них довольно бывает и уборщиц.

Ее будущий муж ползал перед ней на коленях, умоляя выйти за него замуж. Он ей нравился, и она согласилась. Но он отказался прописать ее в свою квартиру: мол, родители против. Она хотела ребенка, а он настоял на том, чтобы сделать аборт.

Знакомство с Доктором внесло в ее жизнь некоторое просветление. Она вошла в интересный круг людей, событий, книг, идей, разговоров. Убедилась в никчемности научной карьеры, к которой стремилась ранее. Особой близости не вышло и на этот раз. Он думал и говорил всегда только о себе и никогда о ней. Был небрежен и ненадежен. Одновременно встречался с другими женщинами. Она удивлялась этому, а он смеялся, говорил, что она отстала, что теперь это — норма. И не верил, что она ему верна. Однажды по пьянке он предложил ей пожениться. Но вяло, рассчитывая на отказ. Она поняла это и отказалась. Он вздохнул ханжески, допил вино, подъял ее продуктовые запасы и уехал к другой знакомой. Ему это было можно, ибо он — талант. Хотя не стоил как «талант» ее мизинца. Потом он ее бросил под тем предлогом, что она якобы изменила ему с Диссидентом.

Конец

К хозяйке комнаты, которую она снимала, пришли люди и имели с ней беседу. После их ухода хозяйка предложила ей немедленно съехать. И «забыла» вернуть задаток. Она позвонила подруге: нельзя ли временно остановиться у нее. Та отказала. Она позвонила матери. Она долго держала трубку у уха. Молча повесила ее. И стала собирать скудные пожитки. На улице шел мокрый снег. Разбрызгивая грязь, ползли серые машины. Наконец ей удалось остановить такси. Наглый шофер заломил двойную плату. Она махнула рукой. И уехала. Куда?

Рецидив

На сей раз Ученик сам позвонил Бородатому и попросил взять его с собой, если он будет проводить опыты с автором «Одиночества». К сожалению, поздно, сказал Бородатый. Его уже списали. Почему, удивился Ученик. При попытке восстановить интеллектуальные функции имели место рецидивы первичного заболевания. Что это значит? Зайдите, я вам покажу.

Вот, читайте, сказал Бородатый, когда Ученик вошел в его кабинет. И Ученик прочитал следующее:

Коль нету Бога, и нет Суда,
И нету Ада,
Коль за страдания никогда
Не жди награду,
Коль насильники всех сортов,—
Попробуй счесть их! —
В почете властвуют лет по сто,
Избегнув мести,
И им потворствует твой собрат,
Проходит мимо,—
Он ни при чем, он даже рад:
Не он гонимый,
И коль ты это терпеть устал,
Коль гнев в груди,
Знай: это значит ты Богом стал.
Суди!!

Как же вы могли, сказал Ученик. Не я, сказал Бородатый. Это тот, помните? Теперь вы видите, насколько важно, чтобы здесь работали настоящие ученые, а не... Я еще надеюсь, что вы...

Ученик молча вышел. Ему ничего не думалось.

ЗАТЕЯ

Предчувствия

Помяни мое слово, сказал Художник, всю нашу контору скоро аннулируют. Почему я так думаю? Предчувствия, но — научно обоснованные. Во-первых, они уже превысили критические размеры Затеи. И если с нею не остановиться, она пожрет все само общество и самих. Во-вторых, во всех делах ощущается усталость, вялость какая-то. Нет осатанелой настойчивости. Наиболее хитрые проходимцы уходят в другие места под тем или иным предлогом. А крысы, знаешь, зря покидать корабль не будут. В-третьих, есть признаки свертывания дела. Хранилище наше накрылось. Коллекцию скульптур и картин куда-то вывозят. Боюсь, что на уничтожение. Приглядиись к своему отделу. Не исключено, что и у вас начнут подчистку. Мы сдали часть рукописей в архив, сказал Ученик. Но у нас просто уже места не хватает. Не думаю, что такую махину можно ликвидировать. Зачем? Столько средств вложено! И потом мы с тобой без куска хлеба не останемся. По нашей конституции... Заткни ты эту свою конституцию в задницу, сказал Художник. Кому мы нужны будем такие «уникальные» специалисты?! И не кажется ли тебе, что мы слишком много знаем такого, что не положено знать рядовому гражданину? Пусть этот разговор останется между нами. Подумай! Если что придумаешь, поимей меня в виду. Я заранее согласен на любые условия. Хоть маляром. Понял?

После ухода Художника Ученик попробовал продолжить работу, но уснул. И приснился ему сон не такой, какой положен младшему сотруднику. Он увидел себя среди бесконечной серой пустыни. Он видел бесконечность настолько отчетливо, что ему от этого стало нестерпимо тоскливо. Он мог щупать бесконечность руками. Он брал ее, а она улетала от него с монотонным звоном. И снова была в его руках. И грозный голос Судьи заполнял пространство. Помни, гремел голос, что сказано в «Евангелии от Ивана»:

Все станет пустого пустее.
На рыло сменят все лицо.
И сотворите вы затею
Ценою в тухлое яйцо.

Реальность

С утра город наполнился грохотом репродукторов. Передавали торжественное совместное заседание всех высших органов власти по поводу юбилея. Неужели и при Сталине так было, сказал Стопкин. Нет, сказал Командировочный. Тогда радиотехнические средства были слабее. Телевизора не было. Газет не было. С полиграфией было хуже. Такие портреты и плакаты тогда печатать не могли. И средств вообще было меньше. Тогда предпочитали другие методы. Треп все это, сказал Жидов. Они сами не верят в то, что говорят. Не могу с вами согласиться,

сказал Командировочный. Они произносят речи. Потом производят набор людей для той или иной цели, перекачку средств и техники. И всегда находят достаточное количество всего необходимого. Так что создается иллюзия, будто их речи отвечают реальности, а их лозунги претворяются в жизнь. Правда, этого хватает ненадолго. Но для создания иллюзии вполне хватает. Они-то верят. Они научаются и приучаются верить с первой же демагогической фразы. А ну их! Сейчас по случаю заседания все значные места закрыты, сказал Стопкин. И в магазинах не продадут ни ... Как быть? Какие будут предложения? У меня есть идея, сказал Командировочный. У нас в больнице есть отделения для алкоголиков. В одном из них пробуют лечить новым методом — поят алкашей бурдой, от которой их выворачивает наизнанку. Называется «Напиток космонавтов». Противно, конечно. Но разок мы спокойно выдержим. А градусов в этой бурде достаточно. За рубль нам ее дадут хоть бочку.

Из записок Писателя

Распорядок дня был разработан комплексной группой Медицинской Академии, Педагогической Академии, МВД и МВС. В основу были положены следующие принципы: 1/ минимум заботы о здоровье индивидов; 2/ постоянная готовность индивидов к исполнению любых распоряжений; 3/ наиболее эффективное использование времени. Члены группы были удостоены за это Государственной премии. Министр Вооруженных Сил получил звание маршала. Вождь был удостоен шестой медали Героя. По новой конституции за это полагалось поставить памятник Вождю в каждом населенном пункте, население которого превышает десять тысяч человек.

Подъем. Раздается оглушительный звонок. Койки сначала спускаются вниз, чтобы «комики» скатились на пол и проснулись, затем убираются в стены. Одновременно по радио начинают исполнять бодрые, жизнеутверждающие песни. Что-нибудь в таком роде:

И зимой,
И жарким летом,
Нашим лозунгам внемля,
Просыпается с рассветом
Наша славная земля.

Террорист последнюю строчку исправил так:
Обалдевшая земля.

И припев он переделал. Он теперь выглядит так:
Не спи, очнися, лысая!
Звонком звеня,
Страна встает и писает
В начале дня.

Наш врач-надзиратель над этим смеется. А нам совсем не смешно. Мы теперь как англичане, говорит Террорист. Нас теперь никакой шуткой не проймешь.

Как только койки скрываются в стене, нас сразу опрыскивают освежающей жидкостью. Это довольно противно, но мы сразу же привыкли и не обращаем внимания. Выдвигается унитаз. На каждого отводится тридцать секунд унитазного времени, что весьма дисциплинирует организм и продлевает жизнь на десять лет сверх положенного срока. Правда, никто не знает, какой именно срок нам положен.

Зарядка. Десять минут ходьбы, десять минут приседания, десять минут подъем рук вверх, десять минут бег на месте и прыжки. Полная гарантия от ожирения.

Завтрак. Из стены выдвигаются питательные трубки, из которых «комики» втягивают в себя в течение тридцати секунд пищу космонавтов, — полужидкую массу, приготовленную из канализационных отходов партийных и государственных учреждений. По данным Медицинской Академии эти отходы по калорийности, белкам, витаминам и прочим показателям превосходят обычное питание рядовых граждан Страны. Но судя по всему, нам это шикарное питание здесь разбавляют, так как наверняка обслуживающий персонал его разворовывает.

Прогулка. Пение хором патриотических песен в течение получаса. В это время палата продувается воздухом, насыщенным хвойным запахом, который изобретен в Институте Имитационной Химии.

Процедуры: продолжаются шесть часов с минутными перерывами через каждые пятьдесят девять минут. Первые два часа — выслушивание последних новостей. Новости комбинируются из старых газет и радиопередач. Первый час — успехи Страны. Второй час — тяжелое положение в странах капитала. Третий час — общедоступный курс философии. Курс строится так, чтобы нельзя было не понять. И потому он совершенно непонятен. Он построен по образцу Вождя—Завершителя «О диалектическом и историческом материализме». Четвертый час — курс «Научного коммунизма». В курсе каждый рассказывает о том, как было плохо до социализма, как хорошо при социализме и как еще лучше будет при коммунизме. Упор делается на то, что сознание достигнет очень высокого уровня развития, и каждый индивид будет понимать, что именно ему положено по его потребностям. Пятый и шестой часы — физический труд по усмотрению руководства. Если такового нет, его заменяют повторным курсом философии и научного коммунизма.

Туалет. По тридцать секунд на «комика».

Обед. Отличается от завтрака только временем.

Послеобеденный отдых. Час. Пение патриотических песен или скандирование лозунгов.

Послеобеденные процедуры. Четыре часа. Медицинское обслуживание/уколы, осмотры/. Индивидуальная обработка сознания в экспериментальном корпусе.

Туалет.

Ужин отличается от обеда только временем.

Свободное время. Четыре часа. Критика и самокритика своего поведения. Принятие коммунистических обязательств. Вызов на коммунистическое соревнование соседних палат. Подведение итогов соревнования. Самодетельность.

Прогулка. Аналогична утренней.

Отбой. Сон. Сон должен быть крепким, здоровым, полноценным, глубоким, без сновидений, последнее особенно важно, поскольку во сне даже самые преданные Партии и народу индивиды совершают поступки, несовместимые со званием гражданина Страны. По данным нашей самой передовой науки проблема коммунистических сновидений может быть решена лишь после наступления высшей стадии коммунизма. Впрочем, ходит слух, будто наши славные ученые изобрели снао-подглядыватели, так что упомянутая проблема будет решена несколько раньше. Но по другим слухам сам Вождь выступил против этого изобретения. Пусть люди хотя бы во сне увидят, как плохо без полного коммунизма, сказал он.

Реальность и мистика

В битком набитом автобусе доехали до больничного района. Прошли мимо открытой части больницы. На здании кардиологического отделения висели портреты Ленина и нынешнего Вождя. Под ними — цитата из речи Вождя: «Имя Ленина вечно живет в наших сердцах». Корпуса психиатрического отдела больницы

находились в закрытой части, за могучим забором. Прошли мимо главных ворот. Через решетку увидели огромный бассейн перед центральным корпусом. Стенки бассейна уже начали осыпаться. Воды не было. Дно было усеяно консервными банками, битыми бутылками, автомобильными крышками. Напротив главного входа на тумбочке возвышалась облупленная скульптура пловчихи, приготовившейся к прыжку. Мистика, сказал Стопкин. Помните анекдот из серии сумасшедших: нам бассейн построили с вышкой, прыгаем, обещают воду пустить, если будем хорошо себя вести. Жидов неуютно пожегся, ему стало не по себе. Не обращайтесь внимания, сказал Командировочный. На корпусе педерастов в секторе половых извращений висит изречение Ленина «Верной дорогой идете, товарищи!».

На территорию больницы проникли через пролом в заборе. Попробуйте, объясните такое явление, сказал Командировочный. Через нормальный вход нужны пропуска. Строжайшим образом проверяют карманы и сумки. Причем, как при входе, так и при выходе. А тут хоть на грузовике въезжай и выезжай. Мы ходим только через пролом. А нормальным входом пользуется только начальство, — их не обыскивают. А как вы ухитрились проломить такой мощный забор, спросил Жидов. Тут отбойные молотки и то не возьмут, надо думать. Это вторая необъяснимая загадка, сказал Командировочный. Когда меня сочли вылечившимся и предложили работу в штате, тут была маленькая дырка. Еле рука пролезала. Через нее больные общались с родственниками, а персонал выбрасывал за забор добро, которое нельзя было пронести через проходную. Через неделю дырку расширили настолько, что можно было уже пролезать. Попытались заделывать дырку кирпичами. Заливали бетоном. Но все впустую. Через несколько дней она опять сияла как луч света в темном царстве и вселяла надежду. А через месяц тут уже ездили на мотоциклах.

Пожилая уборщица из алкогольного отделения провела собутыльников под лестницу, где у нее были сложены ведра, тряпки, веники, швабры. Вытащила бутылку литра на три с желто-фиолетовой жидкостью, стакан, железную кружку и консервную банку с отбитыми от заусенцев краями. Пока собутыльники рассаживались на перевернутых ведрах и приспособливали под стол картонный ящик из-под туалетной бумаги /откуда тут туалетная бумага?/, уборщица принесла целый ворох засохших кусков хлеба. Сидите тихо, сказала она. Я вас запру. Приду через час или два. Тихо чтобы, поняли?! А то тут по случаю праздника усиленное дежурство.

Ничего себе, жизнь, сказал Стопкин после ухода уборщицы. Кому рассказать, не поверят. И это мы — образованные люди! Мужчины!! Хватит философии, сказал Жидов. Начнем! Начинайте вы /это — Командировочному/, а мы посмотрим, чем это кончится. Командировочный наполнил сосуды, и в камере повисло ужасающее зловоние. Это не самое страшное, сказал Командировочный. Тут все в комплексе: вкус, затем — внутреннее ощущение. Цельный институт изобретал эту гадость в течение пяти лет. Пить ее — вот тут действительно нужно большое мужество. А вы говорите — мужчины. Ну, поехали! Командировочный одним махом опрокинул в себя консервную банку «Напитка космонавтов». Лицо его посинело, глаза разбежались в разные стороны, закатились и буквально на глазах полезли из орбит. Длилось это несколько секунд. Проглотив напиток, он занюхал корочкой черного хлеба, но есть не стал. Главное, сказал он спокойно, это — проглотить. Тут нужна сила воли. И не дышать несколько секунд. Есть сразу нельзя, вырвет. Надо пять минут выждать. Тут алкаши разработали целую систему питья. Как-нибудь на досуге могу рассказать. Ну, как видите, я жив-здоров. Давайте, двигайте! Трудно только по первой, а вторая и третья пойдут, как по маслу.

Забавно, сказал Командировочный после того, как Стопкин и Жидов пришли в себя после первой и самой трудной порции. Перечитал я тут Хемингуэя. Кстати, у нас неплохая библиотека. Разворачивают только, сволочи. Образ настоящего мужчины! Бородка! Свитер! Виски! Охота на львов! Перечитал и подумал: неужели этот дегенерат в самом деле воображал себя мужчиной?! Попробовал бы он сражаться с членами месткома и партбюро! Или с коллегами! Или с продавцами в магазинах! Львы — жалкие щенки в сравнении с активистами и членами комиссии партийцев — пенсионеров. Вы знаете, какая самая страшная казнь? Быть съеденным клопами! Или крысами. Раньше я от ужаса просыпался, когда мне снилась акула, собирающаяся меня сожрать, или крокодил. Но после того, как мне пришлось однажды ночью отбиваться от нападения крыс... И не так уж давно это было, отнюдь не при Сталине... Я мечтаю быть съеденным акулой. По крайней мере океан. Ну, теперь трахнем по второй, и можно будет закусить.

После второй звон в ушах затих, желудок перестал вибрировать, несколько прояснилось зрение. Стало теплее. Расскажите об этом заведении, попросил Стопкин. Извольте, сказал Командировочный. Вообще-то о нем надо рассказать в стихах. Но за неимением оных я иногда буду обращаться к прозе.

Из хроник КГ

Многочисленные случаи изъятия и изоляции граждан наводят на мысль, что борьба с инакомыслящими в этом является делом второстепенным. Точнее говоря, борьба с инакомыслящими дала толчок этому процессу и социальное оформление. Затем процесс вышел за рамки этой первоначальной задачи, став наряду с другими своими сторонами также и удобным средством решения этой задачи. Подавляющее большинство изолированных, относительно которых удалось получить достоверные сведения, абсолютно никакого отношения не имело к инакомыслию и к действиям, которые можно было бы истолковать даже лишь как недружелюбные по отношению к существующему строю. Они были вполне лояльными гражданами. Единственная их «вина» состояла в том, что они не имели ощутимой социальной защиты, — они не имели сильных групповых связей на производстве /за них не вставал горой коллектив/, не имели влиятельных и способных на борьбу за их освобождение родственников и друзей, не имели известности. Их изъятие проходило почти бесследно, лишь нелепая случайность выбирала их из большого числа аналогичных индивидов в качестве жертвы. Но ради чего приносились и приносятся /и, надо полагать, будут приноситься во все более расширяющихся масштабах/ эти жертвы?

Из инструкции ОГБ

Целесообразно производить изъятие лиц, которые не представляют большой ценности с точки зрения производственного коллектива, но которые все же могут быть достаточно долго и достаточно эффективно использованы для трудовой деятельности согласно справочнику номер... При этом отбор изымаемых лиц производить с таким расчетом, чтобы изъятие не вызывало заметного беспокойства в окружении изымаемого, тем более во враждебной прессе. Первоочередному изъятию принадлежат лица, относительно которых имеются данные как о потенциальных или реальных противниках существующего строя, а также коммунистической идеологии. Изъятие производить систематически, но равномерно как территориально, так и по времени. Нежелательно в одном и том же коллективе сразу изымать двух или более членов, а также изымать с малым временным интервалом. По возможности избегать разговоров об изъятых и пресекать слухи. Только в исключительных случаях и с санкции высших партийных инстанций проводить обсуждение и осуждение поведения изымаемых лиц, используя это в целях морально-политического воспитания коллектива.

Из материалов СП

— Ты пессимист.

— Называй, как хочешь. Суть дела от этого не меняется. Я точно знаю, что все наше зло вырастает из того, что наша официальная демагогия называет добром. Именно из тех мер, которые имеют, согласно нашей демагогии, целью создание изобилия продуктов потребления, вырастает острый и постоянный дефицит именно этих продуктов. Из мер, которые считаются развитием демократии, вырастает насилие над личностью и гражданское бесправие. И так во всем.

— Диалектика!

— Никакой диалектики тут нет. Просто наши власти и их прислужники дают своей деятельности названия, противоречащие тем названиям фактических результатов этой деятельности, которые мы употребляем. Диалектика — это лишь словесные фокусы. Я мог бы, например, сказать здесь, что движение к изобилию рождает нищету, полная свобода ведет к закабалению. Звучит красиво. Но это было бы словесным жульничеством.

— Ну и что ты предлагаешь?

— Ничего. Я только констатирую факт. И еще я точно знаю, что основу социального прогресса образует борьба за защиту личности от насилия со стороны сограждан и властей. Звучит несколько парадоксально, но это факт: все наше бесправие и насилие вырастает из того, что у нас подавляющее большинство населения подавляет ничтожное меньшинство. И тем самым оно подавляет самого себя. Это — подлинная самодиктатура. Система власти вполне адекватна этому положению дела, — она его реализует.

Из сочинений Члена

Прежде всего я должен упрекнуть наши власти в том, что мы лупим критиканов неправильно, Слишком сильно мы их лупим. Боже упаси, я не либерал. И прошу меня тут понять правильно. Сила, с которой мы лупим критиканов, слишком велика сравнительно с их проступками. Вследствие этого критиканы о себе воображать начинают невесть что. А на Западе шум поднимают, о наших зверствах кричат. А разве ж это зверства? Что такое зверства, мы им еще покажем. Погодите, придет время. И я не против того, чтобы критиканов лупить. Я за то, чтобы лупить их как следует, чтобы они подняться снова не могли. Лупить их нужно иначе: чтобы со стороны казалось, будто мы их слегка журим или только порицаем отечески, а чтобы изнутри было ясно, что мы из них душу вон и ни одного живого места не оставим. Вот в чем секрет! А это можно устроить. И даже сравнительно просто. Представляете эффект. Осудить такого-то на месяц того-то и того-то, — объявляется решение. Запад в изумлении: всего на месяц! А за этот месяц мы этого «такого-то» в такое состояние вгоним, будто он тридцать лет на каторге трубил! Вот как!!

Идеология. Учение о познании

Идеолог: Основные, узловые пункты нашего учения о познании таковы: 1/ ступени и формы познания /чувственное и рациональное познание; ступени и формы внутри этих градаций; 2/ объективность истины /познаваемость мира/; 3/ абсолютная и относительная истина, процесс познания; 4/ критерии истины. Мы, как и в случае с учением о мире, сначала обсудим некоторые общие принципиальные вопросы, а потом пройдемся по конкретным пунктам самого учения.

Ученый: Прежде всего я должен сказать, что никакого чувственного познания нет. Познавать — значит получать знания, а знание есть суждение /высказывание,

утверждение/ и совокупность суждений. А все то, что связано с чувственностью, рассматривается либо как поведение, либо как функционирование органов чувств и высшей нервной системы. С точки зрения познания чувственный аппарат отражения принимается как данный факт, и только. А все то, что о нем может сказать теория познания, суть примитивная болтовня в сравнении с тем, что на эту тему знают психология и физиология. Теория познания как явление в рамках науки может сказать свое оригинальное слово лишь в отношении того, что философы называют рациональным познанием, т.е. о познании, выражающемся в языке и использующем особые приемы исследования, выражающиеся также в языке /о них говорят такие выражения, как «возьмем», «допустим», «расчленим», «соединим» и т.п./ . А встав на такую позицию и начав систематически исследовать само познание, мы обнаружим бессмысленность, банальность или просто очевидную глупость вашего учения об истине и о ее критериях.

Рассмотрим само понятие истины. Стоит начать рассматривать истинность как свойство определенных продуктов познания, а именно — суждений, как на первый план выступают чисто «технические» проблемы определения термина «истинно» применительно к различным типам суждений. И тогда в качестве очень второстепенных и побочных результатов такой «технической» работы будет дано решение всех ваших грандиозных /на ваш взгляд/ проблем теории познания, начиная с вопроса об объективности, абсолютности и относительности истины и кончая вопросом о критериях истины. Все эти ваши проблемы выглядят грандиозными только потому, что они вырваны из такого «технического» /конкретнее говоря, логического/ контекста и превращены в нечто самодовлеющее. Они мизерны в качестве научных проблем. Но вас такое дело не устраивает. И что же вы предпринимаете? Вы начинаете истину рассматривать как некоего божка, наделенного самостоятельным существованием. Вы говорите об истине вообще, а не об определенном свойстве определенных вещей — суждений. Чтобы как-то прилипнуть к науке, вы прибегаете к примерам и пояснениям, ориентирующим именно на тот логический аспект, о котором я говорил. Но лишь настолько, чтобы создать иллюзию связи с наукой. А связь эта тонка, призрачна. Она постоянно рвется, и причастные к разговору на эту тему возносятся в высокие сферы таинственного существа — ИСТИНЫ.

И: Я с удовольствием отмечаю, что у вас начало вырабатываться ощущение специфики идеологии. Но обратимся к конкретным проблемам теории познания. Что вы, например, имеете против нашего тезиса о познаваемости мира?

У: А что вы имеете при этом в виду? Что мы можем все узнать, если захотим? Так это абсурд, и я вам могу сформулировать сколько угодно задачек на этот счет, которые принципиально неразрешимы. Не это? А! то, что в наших знаниях есть содержание, которое и т.д.? Т.е., что истина объективна, по вашей терминологии? Но выражения «объективная истина» или «истина объективна» равносильны выражениям «истинная истина» и «истина истинна». А что касается содержания, независимого от человека и человечества, то это чушь. «Истина» вообще есть нечто целиком и полностью зависящее от человека и человечества, это — их продукт и их средство. К тому же, для человека двадцатого века все это банально. И ваши разговоры о познании как о движении ко все более полному познанию тоже или чушь, или банальность.

Из материалов СОД

— Пойми, тут все не так-то просто. Людей запугали и задурили. Они же верят в это!

— Верят, значит, хотят верить. Ты сам пойми, согласно самому понятию веры насильно верить нельзя. Вера есть проявление свободной воли. Конечно, людей

запугали, но они из-за этого не стали верить. Из страха они сделали вид, что поверили. К тому же, это удобно, свою подлость скрыть можно. Когда людям выгодно верить, они меньше всего склонны верить. Это — лжевера. Но, увы, она ничуть не слабее подлинной веры, когда счет верующих идет на миллионы. Миллионы лжеверующих — страшная сила. И беспощадная в своей монолитной жестокости.

- Итог-то получается тот же!

— Нет, противоположный. Веру разрушают одними способами, а лжеверие — другими. Веру в коммунизм они разрушают сами. Они укрепляют лжеверие. А это гораздо серьезнее.

Из дневника Мальчика

Весь вечер спорили о счастье. Друг говорил, что счастье — не проблема. Людей можно сделать счастливыми посредством уколов, не улучшая условий их жизни. Человечество стремится не просто к счастью, а к такому счастью, которое является следствием хорошей жизни. Она не согласилась с этим. Результат уколов — состояние тела. А счастье есть состояние духа. Он возразил, что состояние духа есть состояние тела. Я сказал, что утверждение, будто цель человечества — счастье, чушь несусветная. Во-первых, человечество не имеет единых целей. У меня, например, и у Жениха цели различны и даже местами противоположны. Он хочет жить паразитом на шее таких, как я, а я хочу сбросить с шеи таких паразитов, как он. А во-вторых, человечество как целое вообще не имеет никаких целей. Это определенная группа людей хочет выдать свои эгоистические цели или свою демагогию насчет целей всего человечества. Она обвинила меня в чрезмерном рационализме и заявила, что иногда фикции играют в истории более серьезную роль, чем реалии. Друг сказал, что если бы наши родители и учителя услышали нашу беседу, они не поверили бы своим ушам. Мы стали издеваться над глупостью взрослых. И на этой платформе у нас возникло единство.

Мистика

Я слышал, сказал Командировочный, в других местах применяют недозволенные методы «лечения» и держат насильно здоровых людей. Особый термин появился — «карательная медицина». Не буду это оспаривать. Но что касается нашей лечебницы / у нас ее называют здравницей/, то у нас нет абсолютно ничего недозволенного. Тут все дозволено. Это мое утверждение допускает двойную интерпретацию. Выбирайте любую, в этом вас тоже насиловать не будут. И насильно здесь вообще никого не держат. Уходи, если хочешь. Что, дверь заперта? Помочиться хотите? Дуйте в угол, за раскладушку. Подушку только отодвиньте. Мы всегда туда делаем. Вот я и говорю, все равно не выйдешь. А выйдешь, далеко не уйдешь. Куда ты денешься без копейки в кармане, в чужом городе, где все на тебя зверем глядят. А обработают тебя тут так, что на тебя все собаки кидаются, а дети и пенсионеры сразу волокут в милицию. Да и куда ты уйдешь в этом мире? И зачем? Здесь хотя бы койку дают и кормят, внимание оказывают. Большинство больных свободно гуляет по территории, в городе бывают. Правда, не более одного раза. Второй раз их туда ничем не заманишь. Вы сами знаете, что такое наш город. Полное отчуждение всех от всего и вся. Никуда не зайдешь уютно посидеть, выпить чашечку кофе или стаканчик вина. Не говоря уж о прочих причинах, о которых я уже упоминал. А местных психов у нас не держат, их отправляют в другие города. Тут только иногородние. Это — первый принцип укомплектования здравницы: больной должен быть изъят из его родной среды, помещен в чуждой ему среде и обрести такой вид, чтобы местные жители воспринимали его враждебно, а он испытывал страдание от пребывания в этой чуждой среде и избегал ее. Поверьте, эта здравница

для подавляющего большинства больных — дом родной. Мне повезло, что я наткнулся на вас. К тому же я — персонал, а не больной. Среди больных до сих пор не было ни одного контакта с местными жителями. Даже на почве секса: секс здесь почему-то полностью исключен. Даже сексуальные маньяки ограничиваются чисто теоретическими рассуждениями на эту тему. И в основном врут. Вранье здесь процветает. Оно есть в некотором роде компенсация за утраченную реальность и единственно доступная форма творчества. Короче говоря, человек тут должен себя чувствовать «как дома», только дома, а «домом родным» для него должна стать чуждая для него среда, в которой его держат так, что даже сбегать из нее он уже не хочет, а если и захотел бы, то не смог бы. А если бы смог бы, то не обрадовался бы и т.д. В общем, тут хитрая диалектика. Читайте «Капитал» Маркса, особенно первый раздел. Насчет стоимости. С ней тоже нечто подобное происходило на страницах мелким шрифтом...

Первое время здесь развели всякого рода самодеятельность. Кружки. По примеру американцев устроили самодеятельный театр и студию рисования. И тут началось такое! За полгода местные художники обставили даже помоечных художников нонконформистов Москвы, а театральная группа заткнула за пояс знаменитую «Таганку», не говоря уж о такой шпане, как «Малая Бронная» и «Современник». Особым постановлением все это дело прикрыли. Рисовать в духе передвижников и играть по системе Станиславского психи ... нет, не отказались, а просто не умели. Для этого надо было таланты иметь и много трудиться. А современные формы искусства никаких талантов и трудолюбия не требуют. Оставили только вокальную студию. От этих стержней тут временами спасения нет. Поют похлеще Пьехи, Кобзона, Хилия и прочей безголовой швали. Одна потешная девица тут есть. Имма Сумак отечественная. Задирает подол, сует микрофон в задницу и шпарит весь репертуар Сопота. С первой до последней песни. И мужские, и женские. И здорово так, животики надорвете. Пляски еще оставили и футбол. Хоккей нельзя — клюшкиные дерутся, сволочи. Ансамбль песни и пляски даже на областном фестивале выступал, премию получил. А футбольная команда играет в лиге «Д» /по местной шкале/. Это — второй принцип нашей здравницы: пусть дрыгают ногами и дерут глотку, но чтобы никаких проблем, никакого своеобразного видения и понимания.

Есть тут корпуса для «политических». Целых три. Кстати сказать, самые свободные. За исключением одной секции, о которой скажу потом. И что поразительно — свихиваются у нас в полном соответствии с принципами нашего строя, генеральной линией и последними установками. Я уже насобачился сразу определять, сколько человек тут сидит, стоит ему рот раскрыть. Раз говорит об увеличении приусадебных участков и разведении индивидуальных кроликов — два года, столько — то месяцев и столько-то дней. Как раз после апрельского пленума ЦК ВСП. А если поносит Картера за вмешательство в наши внутренние дела — три года, столько-то месяцев... Понятен принцип? Надо только газетную подшивку смотреть, и все. Подавляющее большинство свихивается вполне положительно, т.е. начинают с удесятеренной силой превозносить мудрость Партии, Правительства и руководителей. И помогать им. Эти самые опасные. Их хватают сразу и изолируют. Но они здесь себя чувствуют превосходно, ибо верят в справедливость своего пребывания здесь. К тому же их тут /и только тут/ охотно слушают. Их тут почти не печат, — зачем зря лекарства тратить?! Поскольку они поддерживают Партию и Правительство, любые лекарства их только укрепляют в вере и намерении служить светлым идеалам. Иногда их выписывают. Но внешнее общество принимает их без особого энтузиазма. Все они, как правило, бездарны в творческом отношении, почти ничего, кроме газет, не читают. Разве, что Кочетова, Горького, Евтушенко, Маркова... Чисто эмпирические наблюдения подсказали

третий фундаментальный принцип нашей здравницы: полную свободу бессовестности, беспринципности, безыдейности и т.п. В результате по уровню коммунистической сознательности наша «психушка» не уступит самому ЦК ВСП. Тут есть один тип, бывший профессор философии, который считает Секретаря по Идеологии диссидентом, и один бывший партийный секретарь, считающий диссидентов реакционерами. А вот, кажется, идет и наша уборщица. Ну, дай бог, чтобы не последняя! Я же говорил, что теперь пойдет, как компот.

Успех. Мелкие неприятности

В связи с продовольственными затруднениями у меня отобрали закрытый распределитель. Это существенно ударило не только по нашему бюджету, но и по времяпровождению. Питаться с рынка дорого. Блат в магазинах мы не завели. Да моя жена и не научилась этому — не было необходимости. Так что приходится теперь мотаться по магазинам и стоять в очередях. А это сплошная нервотрепка. И продукты не те. У меня началась изжога. Надо провериться у врачей. Хорошо еще от поликлиники ВСП не открепили, а то пришлось бы торчать в очередях в районной больнице. Да и какое там лечение?! Если от поликлиники ВСП открепят, будет совсем плохо. Надо сказать жене, чтобы запаслась лекарствами. А то в наших обычных аптеках днем с огнем не сыщешь, когда нужны будут. Из-под полы только. И опять же втридорога.

Я гулял как обычно. И думал о превратностях и несправедливостях судьбы. И возмущался безобразиями, которые видел теперь на каждом шагу. И чем больше возмущался, тем больше видел. А чем больше видел, тем больше возмущался. Когда пришел домой, на меня накинулась жена: отключили горячую воду.

— Вот мерзавцы, — кричала она, — только собралась помыться, как отключили.

— Потерпи, — сказал я. — Скоро включат.

— Ты что, ненормальный что ли?! Ты наши порядки не знаешь? Теперь недели две не включат. Им лишь бы отключить! Давай, звони в Горсовет!!

Я позвонил заместителю председателя Горсовета. Он обещал выяснить. Через пару часов он сам позвонил мне и сказал, что он принял меры, что нас пропустят в первую очередь.

— Так что не волнуйтесь, дней через десять вам включат.

Когда я сказал об этом жене, она ошалело поглядела на меня и плюхнулась в кресло.

— О, господи, что происходит на свете?!

Я молча пожал плечами. Включил телевизор. Передавали выступление Вождя по поводу успешного выполнения пятилетнего плана. Вождь как раз читал раздел о росте благосостояния трудящихся.

— Выключи ты этого болтуна ко всем чертям! — звывла жена.

Пришлось вызвать «неотложку». Врач осмотрел жену, сказал что-то о нервном переутомлении, посоветовал санаторий.

— А что, в самом деле, — сказал я жене потом, — не съездить ли нам в хороший санаторий, а? Тем более пока в этом отношении у нас проблемы нет.

На другой день позвонил в санаторно-курортный отдел поликлиники, но безрезультатно. В этом отделе меня с учета уже сняли. Пришлось звонить зятю. Тот обещал помочь, но гарантий не дал.

Ликвидировали комиссию по оценке автомашин.

Кадры

Перед окончанием учебного года в школах стали появляться молодые люди, хорошо /модно/ одетые, с приятной внешностью в духе зарубежных журналов, шеголяющие знанием иностранных языков, джазовой музыки и полузапретной литературы. Им устраивали встречи с выпускниками школ на тему о выборе профессии. Молодые люди смело критиковали устаревшие жизненные пути /школа — институт — и т.д./ и рассказывали о совершенно новых, гораздо более интересных и перспективных.

— Вот я, например, работаю старшим лаборантом в одном «почтовом ящике» /п/я/, — рассказывал один такой молодой человек в одной школе /и это же самое говорили другие молодые люди в других школах/. — Наше учреждение /я не могу его раскрыть по вполне понятным причинам!/ занимается исследованием проблем, связанных с космическими полетами. Вообще говоря, это — цикл проблем, касающихся человека, главным образом — функционирования его психики и форм поведения в необычных условиях. Например, в длительном полете в космосе. У нас прекрасные лаборатории. Великолепный жилой комплекс с первоклассным бытовым обслуживанием. Зарплата младших лаборантов... /и молодой человек назвал сумму, приближающуюся к зарплате обычного кандидата наук в обычном исследовательском институте/. Работа в лабораториях — четыре часа в день. Остальное рабочее время — занятия в институте при п/я. Да, есть такой. И зачисляют в него младших лаборантов без вступительных экзаменов при условии дисциплинированности и добросовестной работы. Разумеется, надо научиться держать язык за зубами. Сами понимаете...

Многоопытные родители сразу смекнули, что тут нечисто, и категорически запретили своим единственным чадам поступать в это райское заведение. Родители с положением не проявили к делу никакого интереса: их дети с пеленок научились понимать, что к чему, — «обычный» жизненный путь /школа — институт — аспирантура — Министерство Иностранных Дел или Внешней торговли и т.п. перспективные места/ им был гарантирован, и он их устраивал. И все же желающих пойти работать в п/я, занятый проблемами космических полетов, было больше чем достаточно. И скоро ИСИ был полностью укомплектован низшим обслуживающим персоналом — молоденькими девочками и мальчиками, желающими сразу иметь жизненные блага и без экзаменов учиться в ультрасовременном институте.

В первые же дни работы мальчиков и девочек, подписавших многочисленные серьезные бумаги, ожидало ужасающее разочарование. Были случаи самоубийства, помешательства и дезертирства. Однако сознание, что подопытные существа /«чучела», «комики» и т.п./ находятся в еще более ужасном положении, сделало свое дело. А некоторые реальные привилегии, а главное — большая, чем обычно, терпимость к современным отношениям в среде молодежи, компенсировали неудобства соблазнительного жизненного пути. Для значительной части младших сотрудников обнаружили возможности, о которых ранее никто не подозревал. Одних секретарш потребовалось более двухсот. Несколько сот мальчиков присосалось к машинам, магнитофонам и начальникам разного рода и ранга. Вскоре табуны бездельников, выглядевших с претензией на новейшие западные моды, можно было видеть во всех коридорах и служебных кабинетах /только не в районе лабораторных корпусов/. Менее удачливые мальчики и девочки устраивались иными методами. Появилась категория «экспедиторов» — девочек, которых старшие сотрудники могли вызвать в любое время и использовать по своему усмотрению. Появились многочисленные «сачки», которые ухитрялись исчезать на идеально просматриваемой территории ИСИ так, что их не могли сыскать даже с собаками. Наконец, в таком сплочении разнородного народа неизбежно должны были появиться мальчики и девочки, способные пойти на более серьезный риск. И

они появились. И когда начальнику ИСИ /т.е. заместителю Директора/ доложили, что замечены случаи наркомании и алкоголизма не только среди персонала /в этом нет ничего особенного/, но и среди «комиков», тот лишь пожал плечами. Он-то хорошо знал, что по крайней мере один из первых каналов связи «комиков» с внешним миром был устроен специально по указанию свыше. Он лишь не понимал, зачем нужна эта идиотская затея. Он лично считал, что самое разумное было бы стереть с лица земли это учреждение со всеми его участниками /за исключением, конечно, его самого/.

Успех

Впереди важно шествует генеральская собачка. За ней, не разбирая дороги, прямо по лужам и грязи шлепает Генерал. Впрочем, под ноги ему смотреть бессмысленно: из-за пуза все равно ничего не увидишь. А глядеть далеко вперед он не привык. И если даже он он замечает впереди лужу, которую следуют обойти, он о ней забывает, пока дойдет до нее, а гонор на позволяет обойти. Чтобы он из-за какой-то паршивой лужи?!... Да кто она такая, чтобы он?!... Боком, аккуратно обходя все, за что можно задеть и испачкаться, крадусь я. Ты мне устрой этот участок на берегу, орет Генерал на весь проспект, а я за ценой не постою. Знаешь, сколько я отхватил за ту свою дачку? Я говорю «ого!», хотя знаю, что Генерал продешевил. За его ту дачку умеючи можно было взять в два раза больше. Но я подозреваю, что тут кроется какая-то военная хитрость. Не может быть, чтобы такой бывалый человек такую оплошность допустил. Хотя, военные хитрости, они все такие: хитрят-хитрят, а потом добиваются победы такой ценой, что лучше бы этой победы и не было. Но хитрость тут все-таки была. И Генерал выдал ее через сотню шагов, не удержался. Тщеславие! Оно и не таких губило. Вон наш Вождь. Над ним все смеются уже, а ему все мало! А знаешь, орет Генерал, какую я хохму отмочил? Ха-ха-ха! Так дачку-то все равно должны были отобрать. Оказывается, мне не положено ее оставлять. Хотя меня перевели с повышением, а по ихним бумажкам на этой должности обеспечение ниже. Неувязка! Как так? Да ты что, с Луны свалился?! У нас же везде неувязки!

Я обещал Генералу содействие. Он расчувствовался. И стал рассказывать, как он брал Н. Думаешь, раз-два, и готово, заорал он опять. Противник? Да чхать мы хотели на противника! Не в нем дело. Ты слушай и мотай на ус!.. Может, поумнеешь на старости... И замелькали имена, звания, полки, населенные пункты, приказы, распоряжения... Как в такой маленькой черепашке уместается все это?! Пока мы шли до дому, Генерал нарисовал мне такую картину, что мне стало страшно, честно говоря. А ты говоришь — Наполеон, сказал напоследок Генерал охрипшим голосом. Да ты дай Наполеону дивизию в наших условиях и посмотри, что с ним будет. А взять Н твой Наполеон вместе с Суворовым и Александром Македонским ни в жизнь не смог бы. Это я тебе точно скажу! Кишка тонка!..

Сознаторий

В центральной партийной газете «Истина» дали подборку материалов о создании системы сознаториев. В передовой статье, озаглавленной «Последний шаг», излагалось содержание доклада Вождя. Говорилось, что сознатории — одно из самых мощных средств поднятия общественного сознания до уровня коммунистического. Что в них будут созданы прекрасные условия, так что лица с отдельными пережитками в сознании, с рудиментами и родимыми пятнами капитализма и с признаками тлетворного влияния Запада смогут в этих благоприятных условиях осознать и исправиться. На второй полосе была помещена статья известного философа, Академика, Героя, Лауреата, депутата, члена ВСП и т.п. Статья называлась «Бытие и сознание». В первой части статьи нудно

пережевывался тезис о первичности материи и вторичности сознания, поносились те, кто думал наоборот, ругались вульгарные материалисты, объективные и субъективные идеалисты, агностики, дуалисты и все прочие, которые не поняли, спутали, не дошли, исказили в угоду, остановились перед, скатились в болото и т.д. Во второй части так же нудно пережевывались цитаты из доклада Вождя. И лишь в самом конце проскользнула суть дела. Сознание, конечно, отражает бытие. Но не сразу, а с некоторым отставанием и искажением. Надо приложить усилия, чтобы бытие отразилось в сознании адекватно. Наше общественное бытие достигло высочайшего уровня. Мы вступили в преддверие коммунизма. Но еще не все это осознали в полную меру и правильно. Еще есть лица, сознание которых еще не отразило наше прекрасное бытие или отразило его искаженно. Ждать пассивно, пока все поймут, в каком прекрасном обществе мы живем, нужно многие годы. Мы не можем себе позволить это. Общество вправе потребовать от всех своих членов, чтобы их сознание было адекватно нашему бытию, не отставало от него и не искажало его. Идея сознаториев тем и замечательна, что...

Из дневника Мальчика

И наяву, и в душном сне
Я мысли ворошу.
Вдруг предоставят волю мне,
А что я совершу?
Добро, конечно, захочу
Несчастливым людям дать.
Но как я им его всучу,
Позвольте-ка узнать?
Старался я и так, и сяк
Улучшить жизнь людей.
Но скоро начисто иссяк
Родник моих идей.
Выходит, этот мир таков:
Ты как с ним ни верти,
А дальше мелких пустяков
С добром в нем не пройти.
И если так не повезло,
Кого за то винить?
Давай, попробую хоть зло
Счастливым учинить.
До звона-грохота в висках
Мозгами шуровал.
И вновь итог — одна тоска.
И вновь постиг провал.
И так во всем. И так везде.
О, Боже! Что за век!
И как герой, и как злодей
Тут жалок человек.

Реальность

Насчет диссидентов я вас должен разочаровать, говорит Командировочный. В секции специально для диссидентов держат настоящих психов, свихнувшихся на почве политики, но в обратную сторону. Это — ненормальные психи. Их строго охраняют, к ним никого не пускают в силу инструкции, а не потому, что общение с ними опасно для посетителей и для общества. Хотя они призывают к крайним

мерам /строить новую революцию, ввести партийный максимум зарплаты, отменить закрытые распределители и персональные машины, выпустить на свободу Ленина, кидать бомбы в руководителей и т.д./, они фактически суть совершенно безобидные существа. И ужасно глупые. Я бывал там много раз и ни разу не встретил существа, разбирающегося в литературе или изобразительном искусстве, знающего иностранный язык, умеющего вообще прилично вести себя с другими людьми. Никто из них понятия не имеет о музыке. Это для них нечто несуществующее или блажь зажавшихся снобов. Единственное, что они признают, это — лагерные песни. В общем, это публика крайне неинтересная. Не понимаю, почему власти боятся их. Они неизбежны во всяком обществе, число их никогда не превышает априорно высчитываемую величину. Но они иногда выкидывают довольно опасные номера, возражает Стопкин. Помните, тот человек, переодетый в милиционера, хотел стрелять именно в Вожда. Помню, говорит Командировочный. Но Вождь почему-то уезжает другой дорогой и подставляет вместо себя другого. Тут пахнет провокацией. Тут скорее не покушение провалилось, а от провокации почему-то решили отказаться. А взрыв у мавзоля Ленина, не унимался Стопкин. Опять-таки не в мавзолее, а снаружи, говорит Командировочный. Взрывы в метро и в гостиницах серьезнее, но все равно это — капля в море сравнительно с Западом. Гораздо интереснее другое, продолжает Командировочный. Сюда поступает довольно большое количество людей, которые не являются диссидентами в установившемся смысле слова. Они проходят специальную обработку в секретных корпусах. В эти корпуса никого не пускают. Мы не знаем, что вообще там творится. Часть этих людей затем поступает в отделения обычных сумасшедших. Но большинство исчезает неизвестно куда. Не надо нас пугать, говорит Жидов, страшными сказками. Мы уже не дети. Я вас не пугаю, говорит Командировочный, ибо тут нет ничего страшного, кроме неизвестности.

Исповедь Самосожженица

Она сказала, что моя работа пользуется большим успехом, что читать ее в кабинете образовалась очередь, а ей хотелось бы посмотреть. И я дал ей мой оставшийся экземпляр. И написал не нем свой телефон: позвонить, как прочтет. К этому времени решила моя квартирная проблема. Решилась сама собой. Братья и сестры разъехались, родители умерли. И я стал обладателем довольно большой комнаты /на одного, конечно, большой/ в коммунальной квартире старого дома. Дом пошел на снос, и мне как ветерану войны с тремя ранениями дали однокомнатную квартирку на окраине города. Хотя квартира обладала всеми дефектами наших новых жилищ /трудность с транспортом, далеко магазины, грязь на подступах к дому, плохая изоляция и т.п./, я был безумно рад. Иногда я часами сидел на пружинном матрасе с ножками /это — самое дешевое ложе, а ножки прибил я сам/, тупо уставившись в косо наклеенные обои идиотской расцветки, или без конца бродил из комнаты в кухню и обратно, твердя про себя только одну фразу: наконец-то ты один, наконец-то ты можешь закрыться от людей и отключить этот сволочный мир от себя.

Как это ни странно, когда на работе пронюхали, что я имею однокомнатную квартиру на одного !!!, я стал завидным женихом. Однажды молоденькие лаборантки прямо сказали мне /хотя они вроде бы шутили/, что если меня слегка подкормить, то я могу иметь успех. Сейчас седые и худые мужчины в моде. К тому же я могу сойти за йога. А это очень выгодно в хозяйстве: йоги, говорят, пьют только воду, все свободное время стоят на голове и едят один кочан капусты в месяц. Короче говоря, вскоре Она позвонила и сказала, что у нее куча вопросов, замечаний и возражений. Потом взяла такси и приехала ко мне. И осталась у меня. Просто так, без всяких предисловий и психологических драм. Это, между прочим, в духе времени. Один мой знакомый, школьный учитель, много лет изучающий эту

проблему, говорил, что из общений полов почти начисто исчез самый чистый, возвышенный, романтический и красивый период, который был одним из самых выдающихся продуктов цивилизации,— период влюбленности. Если он и проявляется, то очень редко и к тому же лишь после того, как мужчина и женщина длительное время состояли в половой связи, т.е. оказывается неестественно сдвинутым в линии человеческих отношений и выглядит как отклонение от нормы. Этот период есть состояние духовности, а в нашем обществе, враждебном всякой духовности, ему вообще нет места. Лишь после нескольких наших встреч Она сказала, что ее почему-то тянет ко мне. А я почувствовал, что у меня появился близкий и дорогой мне человек.

Ближайшие последствия

И далее в трактате Члена были подробнейшим образом изложены идеи, которые легли впоследствии в основу организации ИСИ и сознаториев. Эти идеи были в трактате разработаны с такой тщательностью, что все академические и медицинские учреждения, привлеченные к реализации их, не прибавили к ним фактически ничего нового.

Болван добросовестно составил заключение о рукописи Члена и вручил его заведующему отделом. Тот, прочитав заключение, немедленно отправился к главному редактору. Главный сразу же по специальному телефону позвонил Секретарю по Идеологии и был принят им незамедлительно. На другой день в редакции было объявлено, что Болван с обширным инфарктом положен в больницу ВСП. Автор рукописи в редакции больше не появлялся. Никто из родственников и знакомых никакого интереса к их дальнейшей судьбе не проявил. Один из сотрудников редакции как-то злорадно заметил, что Болван был типичный мерзавец и проходимец, и что это хорошо, когда Они сами друг друга начинают пожирать. Но с ним случилось какое-то несчастье.

Перспективы

— Задумали они грандиозно,— сказал Пропагандист.— Жаль только, не смогут они довести свой замысел до конца.

— Почему жаль,— сказал Террорист.— Пусть их мерзостный замысел провалится. Это же хорошо. И почему, вы думаете, они не доведут до конца?

— Конечно, пусть у них все лопнет. Это хорошо. Жаль в том смысле, что из-за этого я не смогу довести до конца мои исследования. Случай неповторимый. Конечно, я не смогу сообщить о своих результатах на волю. Но кто знает... Да и мне интересно довести свое дело до конца. Короче говоря, скоро у них все пойдет кувырком, и наше пребывание здесь окажется бессмысленным со всех точек зрения. Вот что страшно. А почему они не доведут свой замысел до конца, это тривиально. Наверняка большая часть их аппаратуры иностранная. Значит, в нашей эксплуатации она начнет портиться. И ее заменит обычный «ручной труд». А что это такое у нас — вы знаете. Если аппаратура отечественная, она, возможно, портиться не будет. Но она не будет выполнять и свое предназначение, что для вас тоже должно быть очевидно. Унитазы и питательные трубки перестанут выдвигаться со всеми вытекающими отсюда последствиями: параша, котелки. А это значит какие-то незапланированные передвижения людей /или подопытных особей/ и контакты. Обработать массу наблюдений за нами и записей наших разговоров — дело немислимое даже для идеальной организации. Все эти газетно-журнальные сенсации о машинах, перерабатывающих информацию, в основном сказки. А так как все наблюдения за нами и записи наших речей дадут в основном бессмыслицу /за редким исключением/, то с этим информационным навозом не

справится вся техника мира. Да это и ни к чему, ибо выводы известны заранее. Тут наверняка мистификация типично в нашем духе: создаются фиктивные учреждения с заранее предпрешенным результатом работы. Например, «подтвердить» на уровне науки какую-нибудь идиотскую фразу из речи Вождя, возведенную в ранг гениальной мысли. И в результате доносы и допросы станут единственной формой сбора их «научной» информации. К тому же не забывайте, что обслуживающий персонал образует типичную ячейку нашего общества со всеми прелестями: демагогия, бюрократия, очковтирательство, халтура, безделье, интриги и т.п. Через месяц сотрудники наплюют на великую задачу /а им наверняка ее поставили/ и займутся своими реальными земными делами: степени, звания, должности, квартиры, дачи, гонорары, заграничные командировки, доносы, собрания, заседания. Всем это хорошо известно. Им будет не до нас. И по идее им либо от нас захочется избавиться, либо использовать нас для каких-то других целей. Для каких? Например, на вредных производствах. На урановых рудниках. На очистке атомных реакторов. Да мало ли у нас таких мест?! Достаточно сказать, что по условиям современного производства нужны миллионы людей такого типа, как мы стали теперь. Боюсь, что это — лишь переходная форма к обычной нашей апробированной мерзости: к принудительному рабскому труду. Это общество нуждается в рабах. Так что будем считать, что нам пока повезло, и мы живем почти что в санаторных условиях.

Дверь палаты открылась, и в нее втолкнули еще двоих. Присмотревшись к одному из них, Пропагандист узнал в нем Писателя. Второй оказался тем самым видным ученым, который опровергал в печати злобные слухи о нем и отказался встречаться с журналистами. Отказался как раз в тот момент, когда его втолкнули в палату.

Идеология. Диалектика

Идеолог: Вопрос о диалектике мы выделим особо. Диалектика, как вам известно, есть душа нашей философии.

Ученый: И эта душа, как и все в вашей жизни, по меньшей мере двойственна. С одной стороны, вы трубите, что диалектика есть метод /орудие, способ/ научного исследования. А с другой стороны, когда начинаете излагать этот метод, излагаете все то же учение о мире в целом и об общих законах мира.

И: Это такой метод, который и есть одновременно обобщенная картина мира. Он действует по принципу: Изучай мир таким, какой он есть, а он такой-то и такой-то.

У: Здесь слово «метод» употребляется совсем не в том смысле, в каком принято говорить о методах науки, т.е. опять-таки происходит смешение понятий. Метод исследования — это совокупность стандартных операций /действий/, которые исследователь должен /или может/ осуществить с целью получения нужных знаний об изучаемом предмете. Здесь возможны свои обобщения, но итог их — не картина мира, а описание таких действий, как анализ, синтез, экстраполяция, интерполяция, отвлечение, допущение, выделение в чистом виде и т.п. Эти операции рассматриваются отчасти в логике, отчасти — в гносеологии, но не в вашей, а в западной. Я лично убежден в том, что они могут быть рассмотрены детальнейшим образом в рамках логики. Здесь я должен признать, что и вашей диалектике можно придать вид совокупности методов /приемов/ исследования, применяемых в области сложных предметов, которые представляют собою системы эмпирических связей. И в таком случае учение об этих приемах будет частью логики, и не более того.

И: Мы приписываем диалектике совсем иную роль, а именно — роль способа понимания мира в целом, способа рассмотрения крупных проблем, например — ситуации в целом в тот или иной период в какой-то области науки, имеющей эпохальное значение, и т.п.

У: То есть роль метода создания идеологически мистифицированной картины мира, метода использования для этой цели открытий науки, в особенности — выдающихся, подкрепляющих авторитет идеологии. Причем, вольно или невольно на науку оказывается давление в таком духе, чтобы наука соответствовала идеологическому бреду /или, скажем помягче, идеологическим сказкам/ или по крайней мере делала вид, что она им соответствует. Впрочем, наших ученых уговаривать не надо. Они и сами готовы любое свое исследование изобразить как следование рекомендациям вашей идеологии. Назовите мне хотя бы одного из наших титулованных столпов науки, который не принес бы свою жертву на алтарь идеологии.

И: Но вы все-таки полагаете, что в диалектике как методе исследования есть рациональный смысл?

У: Нет. Дело не в том. Если на минуту допустить, что ваша диалектика есть явление в сфере чистой науки, то можно было бы систематически описать в логической, терминологии совокупность приемов исследования, которую можно было бы представить как диалектический метод, поскольку эти приемы относятся к исследованию эмпирических связей, изменений, эволюции, развития и т.д. /а диалектика именно на это претендует/.

И: Так в чем же дело?

У: В пустяке. При этом диалектика, обретая научное содержание, утрачивает свое мистическое величие. А идеологии нужно лишь последнее. Идеология с большей терпимостью относится к критике диалектики, чем к позитивной попытке придать ей разумный вид. Это я знаю на фактах.

Уроки истории

На другой день после расширенного совещания, на котором обсуждались мероприятия по поднятию общественного сознания на высшую ступень коммунистического сознания, состоялось узкое совещание высших чинов ОГБ. Об этом совещании не сообщили никому из высших лиц Партии, за исключением, конечно, самого Председателя ОГБ, который и проводил это совещание. Конечно, высшие лица Партии прекрасно понимали, что какое-то совещание такого рода должно произойти, если оно не произошло уже ранее. Они, высшие лица Партии, прошли школу коммунистической жизни от рядовых демагогов, доносчиков, холуев, осведомителей до великих теоретиков и практиков, освещающих пути прогресса всему трудовому свободолюбивому прогрессивному человечеству. Они сами не раз бывали в таких ситуациях. И уже в речи Вождя на съезде Партии содержались прямые указания начать мероприятия, которые нельзя толково начать без данного совещания. Надо только уметь слушать и читать наши партийные документы. Это для посторонних они — демагогия. Для нас же — руководство к действию. Но так как руководителям Партии официально не сообщили об этом совещании, так как они не принимали о нем своего решения, не почтили его своим присутствием и не давали никаких конкретных указаний, будет считаться, что они не знали о нем и не несут ответственности за его последствия. Но это уже пустяки. Кто и когда в Стране из высоких лиц был наказан за дела такого рода?! В свое время ликвидировали одного, да и то не как подручного Палача /Вождя-Завершителя/, а как конкурента в борьбе за власть. Когда помощник Председателя на всякий случай спросил, не следует ли об этом совещании информировать Вождя и Секретарей, Председатель презрительно усмехнулся.

— Зачем? Установка дана. Средства отпущены. А техника исполнения — наше чисто профессиональное дело. Эти старые маразматика наверняка разболтают все, если им станет известно о совещании. От них в первую очередь надо держать конкретные результаты совещания в секрете. Вмешаются, набаламутят и испортят все. Пусть они там играют со своей научно обоснованной перестройкой сознания, а мы будем делать свое дело. Они — пена власти, а мы — ее реальное течение. Их идиотская затея все равно скоро лопнет. Она нам на руку: отвлекает внимание. И когда лопнет, мы извлечем свою пользу. Имеются данные, что Комитет Гласности интересуется ИСИ. Надо им кое в чем помочь. Документы. Факты. Лица. Впрочем, вы сами понимаете. Только осторожно. И смотрите за ними в оба. Фиксируйте каждый их шаг. На этом деле мы построим грандиозный процесс. Открытый. С журналистами. И никакой липы. Это будет, пожалуй, первый настоящий процесс в истории Страны. Так что надо постараться.

Председатель прекрасно понимал, что он никогда не будет Вождем Партии, что он достиг максимума возможностей для себя. И все же он начал подготовку грандиозной акции, которая не изменит его социального положения в лучшую сторону, а может лишь сбросить его в небытие и забвение как в случае успеха /и тогда его спихнет более ловкий проходимец/, так в случае провала /и тогда его сделают козлом отпущения/. Зачем же он все это затевает /а он думал, что это исходит из его воли и сознания и создается именно им/? Он не отдавал себе в этом отчета. Во-первых, сам громоздкий механизм власти, начиная с некоторого момента работал так, что много пути не было. Выбора не оставалось, хотя принудительный путь казался делом свободной воли. А во-вторых, действовали незримые уроки истории. Напрасно говорят, что политические деятели никогда не извлекают уроков из прошлого. Именно уроки прошлого незримыми опорами поддерживают здание истории. Не будь их, все рухнуло бы до основания. А уроки прошлого давали великий образец исторических деяний и вселяли надежду избежать его ошибок. Окончится эта Затея успехом или провалом, не имеет значения. Важен замысел, который так или иначе станет достоянием истории. И потомки прекрасно разберутся в том, что не этот косноязычный маразматик /Председатель имел в виду Вождя/, а именно он был подлинным вдохновителем и организатором великих событий этой эпохи.

Лишь об одном Председатель забыл или не хотел вспоминать /а он не мог этого не знать, ибо и он когда-то учился в школе и несколько лет числился студентом исторического факультета/: для реальной истории существенны не подпольные гении, творящие процесс, а видимые ничтожества, дающие имя процессу. И этот новый очередной гнусный период в истории Страны войдет в память человечества под именем Вождя-Маразматика.

На узком совещании высших органов ОГБ Председатель зачитал четырехчасовой доклад. В отличие от докладов Вождя и Секретарей, доклад Председателя не содержал ни одного лишнего слова, был четок, лаконичен и категоричен. Он выглядел как проект системы мероприятий, которые следовало осуществить. Но все собравшиеся /кроме самого докладчика/ понимали, что это был итог того, что уже сделано, оформление того, что они сами уже начали делать. Ибо они сами готовили этот доклад.

Успех. Житейские тревоги

С домработницей пришлось расстаться тогда же, и на нас обрушились житейские заботы: магазины, уборка, приготовление пищи. Жена решила вызвать к нам свою сестру.

— Она все равно на пенсии бездельничает. И здоровая, как лошадь. Что им там делается?! Живут себе без забот, не то что мы. Только ценные вещи надо поубирать. Кто их знает, на что они способны?! И где мы ее поселим?

Я считал, что в нашей гигантской квартире это не проблема. Но ошибся. Оказывается, не так-то просто найти место в пятикомнатной квартире на двух человек еще для одного человека. Наконец, мы решили поселить Сестру в самой маленькой и холодной комнате, которую мы использовали в качестве чулана. Но вспомнили, что скоро у нас будет жить внук, и эта комната будет его. Я предложил поставить койку для Сестры в моем кабинете, — все равно я им не пользуюсь. Но жена категорически отвергла мое предложение.

— Ты забыл, что будешь писать мемуары! Потом тут ценные книги. Еще два книжных шкафа придется ставить. Мы подписались на..., на..., на... . Где ставить?

Кабинет отпал. И нам пришлось поставить для Сестры в холле кровать-диван из гостинной.

— В гостинную надо купить новый гарнитур. А это дерьмо все равно давно пора выбросить.

— Зачем выбрасывать? Отвезем на дачу.

Когда Жена в свое время говорила насчет пеленок, она преувеличивала. Внуки наши давно выросли из пеленок. А старший готовился уже оканчивать школу, так что Сын решил подкинуть его нам. Мы долго обсуждали эту проблему и наконец согласились. Дело решило простое житейское соображение: случись что с нами, кому мы оставим все нажитое? Дети, конечно, не откажутся взять, что дается даром. Но особой радости не проявят, — они устроены, и мозги у них повернуты не в том направлении. Иное дело — Внук! К тому же — любимый.

Внук в «чулане» жить отказался и занял мой кабинет. Кабинет пришлось перебазировать в «чулан». Перетащили столы, шкафы, полки, тахту. Свалили как попало. Закрыли и забыли. И про «мемуары» забыли. Не до этого.

Сестру кровать-диван в холле вполне устроила. Она только тумбочку попросила для всяких там мелочишек /лекарства, расческа и т.п./. Но это даже удобно оказалось: на тумбочку перенесли телефон. И Сестра взяла на себя функции не только домработницы, но и телефонистки. Зато кормилась она у нас бесплатно. И вещи свои ей Жена отдавала.

— А жрет она за двоих, — сказала однажды Жена.

Но проблему эту решить не было никакой возможности. Единственное, что удалось, — питаться раздельно: мы в столовой, Сестра — на кухне. Ну, если иногда удавалось достать икру, ценную рыбку, свежие фрукты, копченую колбаску и другие редкие продукты, Жена убираала это в спальню — пришлось там поставить еще холодильник.

Внук перетащил к нам всю свою грандиозную радио-магнитофонную аппаратуру. И в квартире начался грохот. Академик стал жаловаться и просить потише. Кстати, в последнее время он начал прихварывать, и встречаемся мы все реже и реже. Надо мне будет как следует проверить у врачей. За здоровьем надо следить. Но на жалобы Академика нам наплевать. Вот с Генералом хуже. Грохот стал доходить и до него и беспокоить собачку. Сам Генерал мог спокойно переносить даже артиллерийскую канонаду. На генеральшу ему начхать, лишь бы жрать давала, да поллитра всегда было на столе. А вот собачка оказалась слабонервной. И Генерал пригрозил затопить нас, если мы не прекратим безобразия. Пришлось побеседовать с Внуком. В нашей дружной семье начались первые конфликты.

Проект эпохи

Вы все слышали доклад Вождя на съезде, сказал Председатель ОГБ, и понимаете смысл изложенной в нем установки Партии. В резолюции съезда буквально записано следующее: мы не можем ждать милостей от истории, взять их у нее — вот наша задача. На нас с вами возложена ответственность за выполнение этой задачи.

Наша работа должна протекать по следующим основным направлениям. Первое направление — подготовка материально-технической базы к приему, постоянному содержанию и использованию примерно тридцати миллионов человек. Разумеется, мы должны будем модернизировать и использовать старые законсервированные лагеря. Однако этого совершенно недостаточно. В старых лагерях можно содержать не более пяти миллионов человек одновременно. Кроме того, они расположены в местах, которые неудобны с точки зрения транспорта и использования заключенных. Они предназначались скорее для уничтожения излишнего человеческого материала, чем для его использования. Думается, что эту функцию за ними и надо сохранить. По расчетам Объединенной комиссии, в которую были включены ряд институтов Медицинской Академии и вычислительных центров, в настоящее время избыточное население Страны достигает десяти миллионов взрослых индивидов. В ближайшие годы оно возрастет до пятнадцати миллионов. Учитывая тот факт, что избыточное население играет существенную роль в воспроизводстве населения, а также уровня и строя жизни, мы не намерены уничтожать его полностью. Мы должны иметь постоянный резерв человеческого материала, например, — на случай войны, стихийных бедствий, эпидемий и т.д. Но третью часть мы можем безболезненно изъять из общества. Это и будет составлять цифру в пять миллионов. Эта цифра, как и прочие основные цифры, о которых я буду говорить ниже, уже утверждена на закончившемся вчера особом Пленуме ВСП.

Но основные усилия мы должны сосредоточить на строительстве новых пунктов содержания заключенных /ПСЗ/, отвечающих современным требованиям к учреждениям такого рода и использующих новейшие достижения науки и техники. При этом мы должны руководствоваться следующими принципами. Все ПСЗ должны быть построены по единому стандарту. Вы здесь сможете ознакомиться со стандартным ПСЗ, утвержденным строительным отделом ОГБ. Из таких ПСЗ теоретически исключены побеги и передача информации вовне. Строить ПСЗ следует в местах больших строек, куда добровольно никто не поедет. Причем, размещать их нужно так, чтобы по завершении строительства объекта их можно было демонтировать или уничтожить. Причем, ПСЗ должен образовывать с сооружаемым объектом одно целое, что позволит исключить перемещения заключенных на большие расстояния и за пределы зоны ПСЗ. Целесообразно контингент ПСЗ после завершения строительства передавать в старые /ассенизационные/ лагеря /АЛ/ для последующей ликвидации. За исключением ценных специалистов, которых целесообразно ликвидировать лишь после вторичного использования. Мы считаем, далее, целесообразной систему пунктов предварительного заключения и пересылки. Изолируемый индивид должен сразу направляться в соответствующий ПСЗ и переводиться затем лишь в АЛ. Есть смысл обсудить комбинированные пункты, объединяющие ПСЗ и АЛ. Это сократит передвижения заключенных.

Второе важнейшее направление работы — регистрация лиц, подлежащих изоляции от общества в ПСЗ и АЛ. Списки таких лиц должны составляться в соответствии с инструкцией, с которой вы точно также получите возможность ознакомиться здесь. Списки следует согласовывать с местными партийными и административными органами и постоянно корректировать. Составление таких списков должно стать постоянной обязанностью органов ОГБ, а не временной

компанией. Какими принципами руководствоваться при составлении списков? Тут следует проявить разумную гибкость. Прежде всего следует помнить, что незаменимых индивидов не существует, и списки должны будут составляться в соответствии с запросами, которые будут поступать из специального отдела ОГБ. Такой отдел уже утвержден и скоро приступает к работе. Но при этом следует отдавать должное предпочтение лицам определенных категорий. Например, если требуется включить в список одного слесаря, а имеется два кандидата, то включать следует того из них, кто имеет худшую социальную характеристику /в частности, замечен в критических высказываниях о нашей системе, игнорирует общественные мероприятия и т.д./.

Вообще говоря проблема «кого изымать?» представляется трудной только теоретикам. Мы, практики, прекрасно знаем, что в течение трех-четырёх лет мы без особого труда и без заметного ущерба для общества сможем довести число изолируемых до утверждённой нормы. Проблема не в том, кого изолировать, а в том, как их содержать и использовать и как уничтожить отработанный материал, чтобы общество относилось к этому как к нормальному явлению нашей повседневной жизни. Много ли знакомых у среднего гражданина являются хроническими алкоголиками? А между тем в Стране около пяти миллионов алкоголиков. Часто ли среднему гражданину приходится сталкиваться с проститутками, наркоманами, гомосексуалистами и т.д.? А между тем в Стране более пяти миллионов лиц этих категорий. Аналогично обстоит дело с людьми, которых сами граждане, а не только органы ОГБ, считают враждебно, скептически, иронически, критически настроенными по отношению к нашему обществу и нашему образу жизни. По меньшей мере каждый десятый гражданин таков. Среди этой огромной /примерно/ около тридцати миллионов/ массы людей есть представители всех специальностей, необходимых на отдалённых стройках, на секретных, на вредных для здоровья предприятиях. Как показал опыт прошлого, именно массовая изоляция не вызывает протестов у населения. Протесты возникают лишь тогда, когда изолируются отдельные граждане, имеющие хотя бы некоторую известность. Социальная психология дала научное объяснение этому странному на первый взгляд факту. Чтобы люди почувствовали себя в раю, нужен ад. Рай мы, как известно, построили. Но люди перестали его ощущать, ибо нет ада для сравнения. Так создадим же его, и остающиеся в раю будут курить нам фимиам. По данным наших социологических лабораторий население Страны уже более десяти лет ждёт от нас именно этого.

Коротко о содержании изолированных. Мы не считаем психохимические методы универсальным и надёжным средством воспитания нового человека. Мы не отвергаем их в качестве средств воздействия на отдельных индивидов в отдельных случаях. Но мы против применения их в массовых масштабах. Дело в том, что создаваемая система ПСЗ-АЛ должна будет не только окупать себя, но и приносить обществу прибыль. А для этого заключённые должны работать. А по условиям современного производства они должны быть психически нормальны. Конечно, психохимические методы уместны после истечения установленного срока использования заключённого. Несколько позднее вы сможете ознакомиться с инструкцией по содержанию заключённых в ПСЗ и АЛ. Указанные в ней нормы питания придется, разумеется, пересмотреть в связи с временными продовольственными затруднениями в Стране. «Систему космонавтов» придется тоже отменить, ибо она не оправдала себя даже в идеальных условиях ИСИ.

Следующее направление нашей работы — подготовка общественного мнения. Существует точка зрения, согласно которой общественное мнение внутри Страны не играет заметной роли, так что его вообще можно не принимать во внимание. Это грубая ошибка. Сила общественного мнения у нас не ощущается лишь постольку,

поскольку вся деятельность ВСП осуществляется в полном соответствии с ним. Говоря о подготовке общественного мнения, я имею в виду лишь оформление его с таким расчетом, чтобы население Страны активно одобрило наши мероприятия, выражающие суть фактического общественного мнения Страны, — чтобы население Страны узнало в наших делах свои собственные чаяния и приняло добровольно участие в доведении их до логического завершения, как это уже имело место однажды в нашей славной истории. Подготовка общественного мнения включает в себя: организацию потока писем трудящихся в органы печати и власти; публикацию их и комментарии к ним; выступления деятелей Партии и работников идеологического фронта; создание специальных фильмов и книг; признания и раскаяния специально подготовленных лиц, приобретших известность в качестве врагов, оппозиционеров, диссидентов; организацию серии публикаций в западной прессе и т.д. Это направление работы мы будем осуществлять совместно с отделом идеологии ВСП.

Вам хорошо известно, что мы никогда не прекращали работу по изоляции лиц определенных категорий от общества и постоянно расширяли масштабы ее. Однако если мы будем наращивать ее масштабы прежними темпами, мы и через пятьдесят лет не достигнем запланированного и научно обоснованного уровня. Нужно резко увеличить темпы роста изолируемых. А для этого нужна достаточно уважительная и бесспорная не только для внутреннего, но и для мирового общественного мнения причина. Нужно тщательно подготовить и умело провести серию открытий и показательных процессов против наших диссидентов. Для этого мы считаем целесообразным не принимать никаких карательных мер против них, дать им возможность вырасти численно, осмелеть и утратить осторожность. Надо подключить к диссидентскому движению наших сотрудников. Увеличить число диссидентов, выпускаемых или высылаемых за границу. Внедрять в их среду наших сотрудников. Организовывать на Западе из наших эмигрантов различные враждебные нам группы. Через наших людей наладить связь этих групп с органами разведки западных стран. Наладить через них же связь зарубежных групп с диссидентами — в форме пересылки запрещенной литературы отсюда и информации, порочащей нашу Страну, туда. И тщательнейшим образом собирать свидетельства деятельности диссидентов, неопровержимые даже с точки зрения западного судопроизводства. Особое внимание надо уделить деятельности запрещенного законом, но пока допускаемого фактически Комитета: Гласности. Постепенно ориентировать его деятельность в направлении все более очевидного нарушения законности. И вообще, надо создать для инакомыслящих и оппозиционеров условия, вынуждающие их преступать наши законы.

Коротко о названии репресслируемых. Известно, что эта проблема имеет огромное значение. В некотором роде она сложнее, чем практическая организация репрессий. Если дело репрессий вступило в практическую стадию, оно само собой за кратчайшие сроки воспроизведет все свои наиболее целесообразные формы. История не знает других примеров самоорганизующихся массовых процессов, которые могли бы сравниться с процессами массовых репрессий. И тем, кто усматривает в репрессиях не столь отдаленного прошлого злой умысел отдельных личностей, совершает детски наивную ошибку. Это теперь очевидно всем. И не стоит на этом задерживать внимание. Совсем иначе обстоит дело с названием. Оно должно выражать суть дела, за которое /или под видом которого/ индивид подвергается репрессии, и должно быть при этом настолько гибким и широким, чтобы любого намеченного индивида можно было без всяких интеллектуальных усилий подвести под это название. Кроме того, оно должно выражать суть настроений эпохи, чтобы никому в голову не пришло сомнение в его адекватности ситуации. В свое время таким было выражение «враг народа» Но времена изменились. Название это скомпрометировало себя и не выражает уже духа эпохи.

Конечно, искомое название должно будет родиться в самом ходе массовых репрессий как продукт творчества народных масс. Но пока мы еще не можем похвастаться успехами на этом важнейшем участке дела.

Об историзме

Когда историки объясняют крупные исторические явления крупными причинами, сказал Командировочный, они, разумеется, правы. Здесь действует логический закон соразмерности причин и следствий. В силу этого закона глупо выглядит тот, кто объясняет приход Сталина или Хрущева к единовластию их хитростью, коварством, цинизмом и т.п. И вполне прилично выглядит тот, кто объясняет это выдающееся явление серьезными переменами в жизни страны в целом и во всей системе власти, например, — изменением роли партийного аппарата в том числе. Однако какими бы значительными ни были обстоятельства, обусловившие то или иное значительное явление, эти обстоятельства воплощаются в конкретных людях и их конкретных поступках. А последние всегда при ближайшем рассмотрении оказываются ничтожными в сравнении с грандиозными историческими свершениями. Этот парадокс исторического подхода к пониманию фактов социальной жизни принципиально неразрешим. Он коренится в самом стремлении подойти к проблеме исторически. Вам это может быть покажется странным, но историк, стремящийся подходить к фактам истории исторически, есть просто дурак, обрекающий себя на полное бесплодие. Где-где, а именно в истории-то этот идеологический историзм противопоказан в первую очередь.

Я чту ваши обширные познания в области психологии и пьянологии, сказал на это Стопкин, но это ваше заявление, признаюсь, не понимаю. Боюсь, что оно есть результат чрезмерного увлечения «Напитком космонавтов». Я тоже думаю, сказал Жидов, что вы это загнули для красного словца. Как это можно — в истории, а не исторически? Это все равно, как мыслить нематематически в математике. Ловлю вас на слове, сказал Командировочный. Что значит: мыслить математически? Значит ли это — заниматься исследованиями в области математики? Или использовать средства математики в обдумывании какой-то проблемы? Или думать подобно тому, как думают математики при решении своих проблем? Видите, не так-то уж бессмысленно мое заявление. И «Напиток космонавтов» тут ни при чем. Кстати, к нему пристрастились не только больные, но и весь обслуживающий персонал. И теперь та бутылка будет стоить уже трешку. Если дело так пойдет дальше, «Напиток» будет стоить не меньше, чем коньяки высших марок. Но вернемся к истории. Заниматься историей — значит изучать факты общественной жизни, расположенные во временной последовательности, и ничего более. И вопрос о методах изучения этим самым еще не предопределен. Исторический же подход /историзм/ есть особый метод рассмотрения любых явлений, а не только явлений человеческого общества. Суть этого подхода — раскрыть механизм происхождения, возникновения изучаемого явления, показа, почему оно произошло и почему произошло так, а не иначе. Вот, например, мы с вами только что обоссали, извиняюсь за выражение, замечательный монумент великого деятеля нашей Партии товарища Сусликова. Который, кстати, раз? У меня такое впечатление, что к этому уже все привыкли и будут разочарованы, если однажды не обнаружат следов нашей деятельности... Но дело не в этом. Итак, мы совершили выдающееся историческое действие. Мы можем подробнейшим образом рассказать, как оно произошло. Но это, уважаемые мои оппоненты, не есть еще историзм в подходе к явлениям природы и общества. Мы подойдем к этому событию исторически, если объясним, почему это случилось, какая совокупность обстоятельств обусловила это, в силу каких законов бытия это свершилось. А ну, попробуйте-ка, объясните мне это! Что? Затрудняетесь?

Из дневника Мальчика

Из века в век,
Сказал мудрец,
Движение — жизнь,
Покой — конец.
Ты молод, друг?
Ты полон сил?
Прими совет простой.
И век — момент,
И вечность — миг.
Беги!
Не стой!
Ты зрел?
И силы уж не те?
Трудней тебе дышать?
Что делать,
Спрашиваешь ты?
Одно:
Шагать!
Устал?
Отчаянье в душе?
И тяжело в груди?
Что посоветую тебе?
Не стой!
Бреди!
Упал?
Ни капли нету сил?
Готов покинуть жизнь?
И все же
Я скажу тебе:
Ползи!
Держись!
Зачем?
Куда?
Пустой вопрос.
Запомни, друг: живешь
Ты лишь до тех
До самых пор,
Пока
Идешь!

Исповедь Самосожженца

Знакомый, которому я дал почитать свой доклад, зашел ко мне с маленьким человечком, каких теперь можно часто увидеть на улицах города. Потертые джинсы, толстый драный свитер, нейлоновая куртка, интеллигентская небритость. Знакомый сказал, что дал почитать мой доклад этому человечку, и тот изъявил желание побеседовать со мной.

Человечек стал задавать мне вопросы, которые меня сразу насторожили. Что из себя представляет наша лаборатория? Закрытая или нет? Давали ли мы подписку о неразглашении? В какой стадии находится исследование такого-то препарата? И т.д. Я, естественно, спросил, с какой целью задаются подобные вопросы. Мой знакомый сказал человечку, что я человек надежный, можно говорить прямо. И

тогда человек сказал, что мои материалы представляют интерес для хроник Комитета Гласности. Я об этом Комитете, конечно, слышал. Но представления о характере деятельности не имел. И хроник в руках никогда не держал. Человек предложил мне сотрудничать в хрониках, но я отказался. Я не знаю толком, кто вы, сказал я. Материалами моими я разрешил воспользоваться, поскольку сам я в них ссылался исключительно на опубликованные уже работы, а общие выводы, к которым я пришел, мог сделать всякий человек, решившийся подумать над этими вполне официальными данными. Впрочем, сказал я, готов ознакомиться с деятельностью, целями, программой и т.д. Комитета, но без спешки и особых усилий.

Честно говоря, этот человек и представляемая им организация вызывали у меня необъяснимый протест. Людей такого сорта я встречал. Они всегда производили на меня впечатление чего-то поверхностного, сектантски-стадного, изворотливого. Я отдавал им должное за их протест. Но сам протест этот казался мне идущим не из глубин нашей жизни, а из удобной ситуации и стремления к самоутверждению за счет этой ситуации. Желание этих людей быть во что бы то ни стало на виду, причем — не за счет своих способностей и вкладов в культуру, а за счет легкодоступных и, как правило, слабонаказуемых действий, вызывало отвращение. Причем, даже наказание эти люди ловко использовали в своих интересах. Среди этих людей я ни разу не видел ни одного по-настоящему способного и делового человека. Все они не без способностей, но способности их обычно невелики или не настолько велики, чтобы дать им желаемую известность. И протест их обычно был продиктован неспособностью или невозможностью иметь жизненные блага и привилегии, которые другие на глазах имеют даже с меньшими, чем у них, данными. Мой знакомый уверял меня, что среди них встречаются и крупные личности. Но у меня не было никаких оснований принимать его слова на веру.

— Если даже допустить, — сказал мой знакомый, когда человек ушел, — что они там мелкая шпана и ловкачи, суть дела от этого не меняется. То, что недовольство существующим порядком вещей выражают ущербные индивиды, это естественно. Так было и так будет всегда. Такова природа недовольства вообще.

Я чувствовал, что мой знакомый прав. Но сам я не принадлежал к этой категории индивидов. Я не был недовольным. Я был что-то совсем иное, а что — я еще сам не понимал тогда.

Из записок Писателя

— Я всегда был образцовым гражданином и членом Партии, — сказал Писатель. — Писал то, что нужно. Я ведь даже Лауреатом был. Потом началась эта проклятая либеральная эпоха. Все согрешили. И я согрешил. Я даже меньше других. За это я, наверно, и попал в неблагонадежные.

— А в чем же был ваш грех, — спросил Террорист.

— Пустяки. Малюсенькие шпилечки. В одном рассказике написал, что поросенок был похож на ответственного работника, а пес брел с таким видом, как будто только что разбирали его персональное дело. В другом рассказе написал, что буржуазная культура течет, куда можно течь, а наша — по принципу «повернем вспять». В общем, пустяки. Вспоминать даже не стоит. А так я всегда стремился изображать лучшее, что есть в людях. Человека любить надо. И показывать с хорошей стороны.

— Чуть, — сказал Критик. — Это не любовь, а обман. Если любишь человека, скажи ему: взгляни на себя, человек! И убедись, какая ты есть гнусная тварь!

— Это не человек.

— А что же? Кто придумал это заведение? Человек? Нет? Так кто же?

Идеология. Учение об обществе

Идеолог: Итак, независимо от сознания человека /объективно/ существует материальный мир. Существует по своим собственным объективным законам. Сознание есть отражение его в головах людей. Этот принцип мы распространяем и на общество. И здесь мы различаем и общественное бытие с его объективными законами и отражающее его общественное сознание.

Ученый: Сразу же начинаются несуразности. Распространяете как некий общий принцип на частный случай? В таком случае два вопроса. Первый: что такое общественное сознание? Второй: имеется ли какое-то еще не общественное сознание у людей?

И: Хорошо, я уточню. Распространение принципа материализма на общество мы рассматриваем как признание общественного бытия в качестве частного случая материального бытия, происходящего по своим законам, не зависящим от сознания людей, а под общественным сознанием мы имеем в виду то, что люди знают и думают о своей общественной жизни.

У: Входят ли наука и идеология /философия в том числе/ в общественное сознание? Входят? Но они отражают не только общественное бытие. Пустяки? Словесные придирки? Видите ли, вы все свои промахи и провалы склонны считать пустяками, недостойными упоминания. Но пусть пустяки. Возьмем суть дела. Есть объективное общественное бытие, происходящее по неким законам. Объективность, напоминаю, понимается как существование вне сознания людей и независимо от него. А что по сему поводу скажет наука? А вот что. Человеческое общество есть скопление определенного рода индивидов, так или иначе объединенных в некое целое и воспроизводящихся во времени,— скопление людей. Какие признаки этих индивидов являются специфическими, характеристическими для человеческой социальной /в отличие от муравьев, мышей, волков, обезьян и т.д./ организации? По самому определению понятия социальными поступками людей являются такие, которые в качестве условия предполагают именно наличие сознания и воли у индивидов. Социальные законы по самой природе суть правила поведения людей друг по отношению к другу, зависящие от их воли и сознания. Не надо здесь только смешивать исторический и социологический /теоретический/ подход. Исторически вы можете апеллировать к труду, орудиям и т.д. Но это — лишь условия возникновения сознания /да и то это не доказано!/, а не факторы, действующие в той же роли в ставшем обществе. А идеология — не история, она трактует сущее! С научной точки зрения общественные отношения суть продукт собственной сознательно-волевой деятельности людей, а не продукт божественной воли или неких объективных общественных сил, которые не зависят от воли и сознания людей. Эти силы — лишь вариант «божественной» воли, лишь иная словесная их формулировка.

И: И все же в отношении понимания общества мы сделали очень много. Не случайно же до сих пор вся мировая наука так или иначе ссылается на наших классиков.

У: Ваша апелляция к мировой социальной науке ничего не значит, ибо далеко не все, что говорят на Западе, есть истина, и далеко не все западные теоретики суть настоящие ученые. Давайте уже придерживаться сути дела.

И: Хорошо, тем лучше. Согласитесь, что выделение таких факторов, как производительные силы, производственные отношения, отношения собственности и т.д., есть вклад в науку об обществе.

У: Во-первых, что здесь есть ваше открытие, а что — заимствование у других. Во-вторых, открытое наукой и ставшее элементом идеологии — не одно и то же. А в-третьих, и это — главное, тут надо иметь в виду следующее. Данное общество может фактически обладать некоторыми признаками. Но фиксирование их еще не есть признак научного подхода. При научном исследовании данного общества эти признаки могут не играть роли или даже мешать, и от них следует отвлечься. Причем, соотношение этих признаков может быть различным в различных обществах или в одном обществе в разное время. Например, с понятием собственности или его отрицанием ничего не поймешь в огромном числе обществ, имевших место в прошлом. И, кстати сказать, не поймешь и наше, коммунистическое общество. Оно тут просто неуместно. Вы, например, отдаете примат производительным силам. Ясно, почему: всегда на это можно свалить свою хозяйственную тупость. А между тем, были и есть общества, в понимании которых этот принцип просто ошибочен фактически. В коммунистическом обществе /т.е. в обществе нашего типа/ скорее имеет место принцип зависимости производительных сил от социальных отношений, а не наоборот. Во всяком случае, эмпирические данные таковы, что все существенные признаки коммунистической организации общества воспроизводятся на любой производственной основе, в любой отрасли, в любом районе при наличии условий, ничего общего не имеющих с вашими разговорами о материальном базисе общества. И вообще, я должен сказать, что вы своим учением об обществе настолько сместили ориентацию внимания и исказили все оценочные критерии, что человечество еще долго будет барахтаться в сетях вашей идеологии. Тут все похоже на истину. Многие вроде бы верно. Понятия вроде бы отражают реальность. А между тем тут имеет место мистификация гораздо более глубокая, чем в библейской трактовке общества. Вот, например, возьмем такой вопрос: законы общества. С одной стороны, вы говорите, что нет общества вообще, а есть лишь конкретные общества. С другой стороны, говорите об общих законах. С третьей стороны, говорите о разных законах для разных обществ. Например, вы считаете, что одни экономические законы у капитализма, другие у нас. А между тем законы по самому определению слова «закон» всегда и везде одни и те же. Социальные законы всегда и везде одни и те же, для любых обществ. И экономические. И политические и т.д. Другое дело — при рассмотрении различных обществ они могут привлекаться для объяснения их и для построения прогнозирующих теорий в различно мере, в различных комбинациях. Подобно тому, как физические, биологические и т.п. законы всегда и везде одни и те же, что не мешает разнообразию тел, живых организмов и т.д. Кстати, видов обществ было огромное количество. И загнать их в рамки вашей схемы о формациях просто немислимо.

УСПЕХ

Дачники

Желающих снять дачу оказалось в избытке. И я тщательно отобрал наиболее подходящих. Чтобы не было маленьких детей: они шумят, портят клумбы, рвут ягоды. Тут ягоду, там ягоду, глядишь — накапливается на целую банку варенья. А на базаре ягодки-то по рублю стаканчик. К тому же из-за детишек на участке вечно всякое барахло на веревках болтается. Чтобы не было взрослых детей: эти шумят еще больше, компаниями собираются, вечерами болтаются, музыку и мотоциклы гоняют. А у нас Внук. Нам его воспитывать надо. Он у нас мальчик еще не испорченный. Чтобы не пьяницы. Я и сам выпить не дурак, но это дело другое. Я один, спокойно, без криков. А если лишнего хвачу, тут прием отработанный есть: сердечный приступ, мол. Одним словом, отбирать приходилось по многим показателям или, как теперь любят говорить, параметрам. Хотя чем параметры лучше показателей? А самое главное в моей политике отбора — принцип партийности, т.е. чтобы не проникли подозрительные субъекты. В поселке такие случаи были. На соседней улице /хозяин дачи — бывший ректор крупного института/ даже обыски производили и задержали нескольких молодых людей с бородами. Правда, их потом отпустили. Но все же... Нет дыма без огня. Так что я тщательно проверял документы и наводил справки. Если беспартийные, я даже в переговоры не вступал.

Вообще-то говоря, жильцов пускать по закону запрещается. Но законы те устарели, все владельцы дач спокойно сдают что хотят и на сколько хотят, милиция и правление кооператива смотрят на это сквозь пальцы. Разумеется, за соответствующее вознаграждение. Но за одним смотрят строжайшим образом: кому именно мы сдаем дачи. Поэтому мы перед тем, как дать согласие, выписываем данные /параметры?/ желающих снять дачи и несем их в милицию. Они тоже наводят о них справки по своей линии и потом нам рекомендуют кое-кого отклонить. Так что мы работаем с милицией в контакте. Что касается Органов, то это само собой разумеется. Об этом и говорить не нужно. Мы сами все прошли эту школу с юности, нас учить не надо.

Хотя жильцов мы отобрали таких, как надо, хлопот с ними немало. Во-первых, их надо постепенно привлечь к работе на участке. И смотреть за ними в оба надо. Чужое добро не берегут. То по тропинке не ходят, а норовят напрямик. То ягоду мимоходом сорвут. Им пустяк, а набирается много. На рынке вон рубль стаканчик. Газ жгут без эконоими. Ночи напролет свет не тушат. Надо будет десятку накинуть при расчете. В уборной мимо мочатся. А иногда и по большому делают не так, как велено. Хорошо еще Сестра приглядывает за ними, убирает. А с мусором прямо-таки беда. Я им каждый день говорю, чтобы складывали в пакеты и уносили подальше, а они всю рошу близости засорили. И еще отпираются, говорят, что это не они. А я же досконально изучил, кто из них и как мусорит. Ихний мусор я из тысячи других узнал бы. Во-вторых, с жильцами надо воспитательную работу

вести. На даче люди расслабляются, говорят много лишнего. Надо останавливать, одергивать. Пусть опасаются и тут. Хоть тут и дача, а наша власть и тут имеется. От нее не убежишь. Воспитывать людей надо осторожно, все-таки дачники. Но у меня опыт. Вот, скажем, утром собираются люди на кухне, во времянке. Я сижу в комнате рядом с кухней. Просматриваю газеты. Дверь открыта. И я говорю так, между прочим, что почему-то не вижу радости на их лицах. А по какому поводу, удивляются они. А газеты читать надо, говорю. Новый космический корабль запущены. Особый! Наверняка рекорд продолжительности ставить будет. Как эти американцы не пыжятся, а с нами тягаться у них кишка все равно тонка. Но на Луне они высаживались, говорит Жильчиха. А мы, говорю я, людей бережем, автоматы на Луну посылаем. А на Западе им на людей плевать, им людей не жалко. Вот так ненавязчиво начинается у нас беседа на важные политические темы. К тому же они и себя раскрывают при этом, показывают, кто чем дышит.

О еврокоммунизме

В воскресенье к Жильцу приехали гости. Четверо. С провизией и вином. Я предупредил, чтобы никаких ночевок. На всякий случай решил послушать, о чем они разговаривают. Как слушать, это я придумал здорово, ни за что не догадаетесь. Это мой секрет. Разговор меня насторожил.

— Слышали, один видный деятель итальянской компартии напечатал ответ Социологу по поводу его статьи о еврокоммунизме. Обвинил его в том, что он — дилетант в политике.

— А Социолог что?

— Ерунду какую-то наговорил.

— Жаль. Я бы на его месте вlepил бы этому итальянцу. Что-нибудь в такой манере. Уважаемый господин итальянец! Вы правы, я дилетант в политике. Но у меня есть два преимущества перед вами. Первое — я родился в Советском Союзе и прожил в нем более пятидесяти лет. И что такое коммунизм, я знаю не из книжек столетней давности, не из окон гостиницы «Интурист», не из бесед с руководителями КПСС, не из газет, не из витрин магазинов «Березка», а в самой его глубинной натуре. Второе — я не политик, а ученый. И как ученый я вас уверяю, что построить «коммунизм с человеческим лицом» столь же возможно, как долететь до Луны верхом на самоваре, который продается иностранным туристам за валюту в упоминавшемся магазине «Березка». И уж во всяком случае бесспорно одно. Если «коммунизм с человеческим лицом» действительно возможен, то вы до него не доживете, ибо вы и все подобные вам будут уничтожены при этом именно за болтовню насчет «человеческого лица». Заранее с искренним сочувствием по сему поводу и с пожеланием реабилитации в ближайшие после вашей ликвидации пятьдесят лет, искренне ваш такой-то. Каково?

Послушал я и успокоился. Это хорошо, что они еврокоммунистов ругают. Это по-нашему, по-партийному. Ничего не скажешь, грамотные. И я проникся к Жильцу большим уважением. Но, как говорится, доверять-доверять, а проверять-проверять.

О вождях

Я опять прислушался к разговорам у Жильца.

— Пойми, при оценке исторической личности главным является установление адекватности или неадекватности ее масштабам событий эпохи. А была эта личность лысой, маленькой, пьяницей, коварной, жестокой и т.п., это уже второстепенные мелочи. С этой точки зрения Ленин был великим историческим деятелем. И Сталин тоже. Да, да. Это не означает, что я ему симпатизирую. Я лишь

измеряю. Тебя это удивит, но я скажу нечто вообще возмутительное с точки зрения наших либералов и диссидентов: я считаю Хрущева и Брежнева вполне соизмеримыми со Сталиным. Какими бы они ни были, они — крупные исторические фигуры.

Это меня успокоило окончательно. Сейчас все только и делают, что смеются над нашими руководителями. Анекдоты рассказывают. А это... Надо будет поближе познакомиться с Жильцом, нам есть о чем побеседовать.

— Но возможен и другой подход к оценкам тех же личностей. Возьмем такие фигуры, как Керенский и Гитлер. Оба неудачники. Как их оценивать? По твоим критериям это тоже выдающиеся исторические деятели. Если это сомнительно в отношении Гитлера, то уж в отношении Керенского совсем смешно. Или, скажем, Троцкий, Бухарин...

Правильно, подумал я. Эти — совсем дерьмо, а не деятели. Тоже мне; деятели! Я знал, кого пускать к себе на дачу! Опыт партийной работы, это у меня не отымешь.

— Дерьмо эти твои Троцкий и Бухарин, как и Сталин.

Насчет Троцкого и Бухарина, подумал я, верно. Но насчет Сталина — так нельзя. Были ошибки, перегибы. Партия поправила. И все. А в борьбе против Троцкого и Бухарина у Сталина заслуги несомненные.

— К чему финтить, Сталин был верным учеником Ленина. Когда говорили, что Сталин — это Ленин сегодня, говорили правду. Сталинизм это есть ленинизм, только четко проведенный и сформулированный...

Верно, подумал я. Что верно, то верно. Есть еще настоящие коммунисты! Молодец, Жилец!

О руководстве

— Не спорю, — слышу я голос Жильца, — я мог бы создать хорошо работающее учреждение. По числу сотрудников раз в пятьдесят меньше нашей богалельни, по продуктивности... Тут и сравнивать нечего. Но только не в нашей системе. В нашей системе я на роль руководителя совершенно непригоден. И то, что назначили А, это нормально и справедливо. Каковы у нас функции директора? Мотаться по инстанциям, согласовывать, утрясать, проводить, указывать, вникать... Это — особая профессия, ничего общего не имеющая с делом. Для дела у него есть заместители... А их, между прочим, тоже избирают, назначают, утверждают. Есть заведующие отделами, секторами. И дело его интересует лишь постольку... Ему важно одно: чтобы учреждение выглядело здоровым в морально-политическом и деловом отношении с точки зрения принятых в обществе критериев, в глазах высших инстанций /райком и горком партии, ЦК, министерство, Президиум Академии/, большинства активных сотрудников и т.д. Цель нашего учреждения — не абстрактное служение некоему делу, лишенному временных рамок и государственных границ, а функционирование в конкретном организме нашего общества, в конкретное время, среди конкретных людей. Меня интересует Дело как таковое, отвлеченно от всего прочего. Поэтому я не могу быть нормальным руководителем. По своим установкам и интересам не могу.

— Они же могли бы создать тебе особые условия, — говорит Лысый /это дружок Жильца, он часто тут бывает; думаю, что не из-за умных разговоров, ха-ха-ха, а из-за Жильчихи/, — это же выгодно всем. Создал бы ты свой отдел, работающий на уровне мировых стандартов. Тому же директору было бы выгодно. И государству.

— Опять абстрактные рассуждения. Для одного такого отдела отменять наш строй жизни не будут. Пример дурной не разрешат. К тому же в общей среде такой отдел долго не просуществоует, а коллеги сделают все, чтобы свести его к обычному уровню или разрушить. А они всеильны в массе.

Нет, рано я решил, что Жилец свой человек. Есть в его речах что-то не наше. Не пойму, что именно. Тон, что ли? Нет в нем нашей партийной боевитости.

О мусоре

С этого проклятого мусора и начались все наши неприятности. Прогуливался я под вечер по роше. Гляжу — крапива примята. А там в самой глуши — чудовищные заросли крапивы и всякой ненужной травы. Пошел я по примятой крапиве вглубь. Гляжу — сверток валяется. Я его сразу узнал: сверток Жильца. Жильчиха всегда перевязывает аккуратно бечевочкой, петельку делает, чтобы удобно нести было и чтобы все думали, будто не мусор там, а торт. А в этом «торте», ха-ха-ха, она иногда такие мерзости укладывает, что даже вспомнить противно. Дай, думаю, посмотрю, чем эти паразиты на сей раз засорили окружающую среду. И вещественное доказательство будет. Можно будет серьезно поговорить, замечание сделать. Взял я сверток, перенес поближе к дороге и бросил. Думал позвать Жильца, указать на беспорядок и неопровержимо доказать вину. В случае чего потом легче будет заставить поработать на участке или накинуть еще десятку за уборку территории. Вообще-то говоря, по нынешним ценам можно было с жильцов взять на полсотни больше. С четверых двести получается, а это уже деньги. На гараж пошли бы.

Бросил я сверток и иду домой. Но вдруг меня кольнуло в сердце. Стой, говорю я себе. Если бы это был просто мусор, зачем было его прятать в крапиву. Я же все руки пожег, пока достал. И что это они целыми днями на машинке печатают? А вдруг! Я вернулся, взял сверток, ушел подальше, развернул и среди всякой мерзости обнаружил обрывки записок и копировальной бумаги. Рвут, сволочи, значит, не зря я... Я отобрал обрывки, сложил в карман / в следующий раз надо носить с собой целлофановый пакет!/. Круглым путем потихоньку вернулся домой. Дома заперся у себя в комнате, сложил обрывки, начал читать...

Страшное открытие

На листе, который я собрал из обрывков, я прочитал следующее.

Считается, что история повторяется, но один раз — как трагедия, а второй раз — как фарс. Сейчас многие, глядя телепередачи, слушая радио, просматривая газеты и журналы, со все понимающей насмешкой произносят эту фразу. Вождю присвоили пятое звание Героя? Ха-ха-ха! Тщеславный болван! Маршала присвоили? Ха-ха-ха-ха! Совсем рехнулись, идиоты! На каждой странице его имя по полсотни раз упоминают? Ха-ха-ха! Взбесились совсем! В наших условиях эта «крылатая» фраза на самом деле звучит как цинизм и пошлость, если не хуже. Люди уже позабыли, что в первый раз такие смехотворные штучки /Сталин гений? Ха-ха-ха! / поставили Страну на грань катастрофы. А чем может кончиться этот «фарс»? Возьмите хоя бы листок бумаги и произведите простой подсчет, сколько стоит только одно внешнее оформление культа Вождя /ссылки, речи, бюсты, портреты, плакаты и т.п./. И вы получите ужасающую сумму по Стране в целом за десять только лет. И все это — за ваш счет. За счет того, то вы недоели, недополучили, — недоотдохнули, потеряли зря время, проторчали в очередях, остались без квартиры... Весь этот пошлый спектакль «фарса» производится за ваш счет, запомните это. И стоит он дорого. А кто может подсчитать, к каким последствиям в духовном состоянии общества ведет этот тщеславно-исторический маразм?

Неужели вы думаете, что эта банда липовых генералов, маршалов, академиков, героев и т.д. не занимает мест, которые должны были бы занимать настоящие генералы, маршалы, герои... А ведь именно они, эти липовые и дутые фигуры, решают судьбы Страны, наши судьбы, судьбы наших детей.

Прочитав эту страничку, я не стал собирать остальное, выпил валерианки и побежал скорее на станцию. Прямо с вокзала позвонил в Органы. Все по тому же телефону, номер которого я с юности запомнил навечно. Он так и не изменился с тех пор. Только спереди одну цифру добавили. Поразительно, сколько перемен произошло в мире, а номер телефона отдела ОГБ, по которому я позвонил первый раз сорок с лишним лет назад, остался тот же. Хотя у меня был довольно большой период, когда у меня не было надобности пользоваться этим номером, я набрал его автоматически. Мне даже показалось, что голос, ответивший мне, был тот же самый. Не может быть! Волна воспоминаний юности нахлынула на меня. Стало грустно. Я вышел из автомата и отправился в условленное место. Скоро рядом со мной затормозила черная «Ласточка»...

Внук

Меня попросили, чтобы я виду не подавал, будто узнал, чем занимался Жилец, а последил за ним, — с кем встречается, какие разговоры ведет. А главное — собирать все бумажки, которые он выбрасывает. На свой страх и риск я решил привлечь к этому делу Внука. Пора. Парень он уже большой. Надо подумать и о будущем.

Вообще с молодежью теперь трудно. Вот хотя бы Внук. Человек он наш, это я партийным чутьем чувую. Но и то гоношит, стервец, изобразить что-нибудь критическое. Однажды он принес два стихотворения из школы. Назывались «Исторические параллели». Первое стихотворение — испохабленная песня, которую мы в детстве пели:

Это что за большевик
Лезет там на броневик?
Кепку с пуговкою носит,
Букву «р» не произносит.
Сверху поднятой рукой.
Ну-ка, дети, кто такой?

А второе — с гнусными намеками:

Это что за бармалей
Лезет там на мавзолей?
Шляпу фетровую носит,
Букв совсем не произносит.
Брови черные, густые.
Речи длинные, пустые.
Он и маршал и герой.
Ну-ка, дети, кто такой?

Я провел с ним тогда беседу. Убедил. Он понес стишки куда следует. И фамилии назвал. Он парень толковый. Надо только уменючи с ним, подчеркиваю.

Внук в ответ на мое предложение сначала рыпался, бросал модные словечки, в позу становился. Но в конце концов согласился. Еще бы не согласиться! Я пообещал ему замшевую куртку с десятками карманов на молниях. Согласившись, он признался, что сам давно присматривается к Жильцу. Он частенько заходит к нему, разговорчики заводит. А Жилец говорит такие вещи, за которые по шапке могут дать. Я велел Внуку /как меня просили/, чтобы Жилец отпечатал на машинке какую-нибудь бумагу, допустим — отчет для комитета комсомола о выполнении

поручений. Затем поручил Внуку установить все места, где Жилец разбрасывает мусор. После этого мы разделили зоны осмотра и сбора обрывков. Один раз я поручил Внуку проследить, куда поедет приезжавший к Жильцу молодой человек с бородой. Внуку это все понравилось. Он вошел в роль, делал все с удовольствием. Что поделаешь, юность! Романтика! Временами его приходилось даже одергивать, а то мог бы провалить всю операцию. К счастью, эти наши подпольщики настолько наивны и беспечны, что слежка за ними не представляет особого труда. Она доступна всем гражданам. Если издать инструкции и справочники по этому делу, то работа Органов сильно облегчится. А теперь время наступает такое, что работы будет прибавляться. Я бы со своей стороны мог поделиться опытом.

Разговоры у Жильца

Слушание разговоров у Жильца я никогда не прекращал. Втянулся в это дело. Не только из-за партийного долга, но и из интереса. Разговаривают эти мерзавцы все время на важные темы. И признаюсь, не так уж глупо.

— Ты бы поосторожнее со своим хозяином,— слышу я голос Лысого /вот мерзавец-то!/.— Он же типичный стукач-доброволец. Эта гнида кого угодно предаст и заложит, лишь бы его Там похвалили за это.

— Это ясно,— говорит Жильчиха.— И внук у него тоже из этой крысиной породы. А что с ними поделаешь? Они во все дыры лезут, везде свой нос суют. Сегодня этот соплик весь день проходу не давал, просил отпечатать ему какую-то комсомольскую бумаженцию. Шито все белыми нитками, зачем все это придумали.

— Вот идиоты,— говорит Жилец.— Я же сдаю свои сочинения в отдел отпечатанными на этой машинке мною или женой. Если им нужно иметь «почерк», давно могли на работе узнать. Зачем им пацана в это дело втягивать?

— Натаскивают,— говорит Лысый.— Ты бы поосторожнее с этой... Ты понимаешь, о чем я говорю... Всякое может быть. Не следует их недооценивать. Они свое дело делают все-таки профессионально.

Да-а-а... Я ошибся насчет наивности и беспечности этих мерзавцев. Эти — не то, что раньше. Вот раньше, так... Впрочем, раньше и врагов-то настоящих не было. Они только теперь стали появляться. Наше руководство это явно недооценивает.

Брат

Наша работа с Внуком облегчилась. У нас под видом моего младшего брата, приехавшего с Севера, поселился сотрудник ОГБ. По случаю приезда Брат устроил попойку. Пригласил всех жильцов дачи — широкая натура, денег полно! «Напившись» /а пьет он здорово, там, видно, учат этому специально/, он начал рассказывать всякие ужасы про лагеря на Севере. Жилец слушал внимательно, выпрашивал детальнейшим образом. Судя по всему, клюнул. А я восхищался Братом. Ох, и ловкая же ты бестия, думал я, как несет наши порядочки! Любый диссидент позавидовал бы. Со знанием дела, а не с бухты-баряхты.

— Любопытный человек ваш брат,— сказал Жилец на другой день.— Где он работает?

Я растерялся перед таким вопросом. Но взял себя в руки.

— Это уж Вы у него сами спросите, он на эту тему не распространяется. Думаю, что в «почтовом ящике».

Смерть Академика

Умер Академик. Это подействовало на меня удручающе. Мы с ним как-никак сдружились. А во-вторых, у меня у самого сердце стало давать знать о себе самым ощутимым образом. Хотел лечь в больницу ВСП, но меня там сняли с учета. Зять предложил положить в академическую. Я отказался: об этой больнице дурная слава ходит. А тянуть нельзя, плохо кончиться может. Вчера мне стало плохо, когда я в поисках мусора Жильца отошел от дачи километров на пять.

На похороны Академика собралось много народу. Большинство собравшихся — молодые люди. Жилец потом говорил /он был на похоронах/, что академик — выдающийся ученый. Если бы, мол, не идиотские условия Страны в те годы, он мог бы стать фигурой мирового значения. А тут его низвели до жалкого уровня. Зато теперь после смерти его начнут раздувать официально и со ссылками на его авторитет будут давить талантливую молодежь. У нас официальное признание равносильно превращению в консервативность и реакционность.

Генерал тоже хотел речь сказать, но не смог: упился до полного безобразия. Я таким его видел впервые. И мне показалось, что Генералу тоже недолго осталось устраивать топот у нас над головой. Брат с Жильцом ездил на кладбище. Ловко у него получается. Он в этой компании теперь свой человек.

Академика схоронили на кладбище недалеко от нашего поселка. После похорон у Жильца собралась компания. Пили и разговаривали до утра. Когда все разошлись, я подслушал разговор Брата с Жильцом.

— Вы осторожнее с моим братом,— сказал Брат.— Вы знаете, кем от был?

— Да. Но неужели такой человек опустится до такой низости...

— Прежде чем подняться на высокие посты, такие люди всегда сначала бывают рядовыми стукачами. В войну он служил в войсках МВД, политработником в загранотряде. В общем, биография у него дай боже всякому. А Внука гоните прочь.

— Так он лезет.

— А вы его в шею. С ними вообще нужно понахальнее. Их бить надо, тогда они начинают тябя уважать. Они силу любят и поклоняются ей.

Я слушаю, и глаза мои буквально вылезли на лоб. Но я оправдывал это интересами дела. Значит, так надо, утешал я себя, значит, дело тут нешуточное. Но не перегибает ли палку мой «младший братец»?! Надо на всякий случай проконсультироваться.

Удар

У нас в поселке есть специальное место, куда сносят мусор, поддающийся сжиганию, и жгут. Мой Жилец, негодяй, приспособился носить туда свои бумажки и жечь. Я ему сказал, что напрасно он себя утруждает, что может сгораемый мусор кидать в бочку, а я потом сожгу. Он поблагодарил, но продолжал свое: жег.

Однажды я пошел на станцию — надо было съездить в город по одному делу с участками. Около станции ко мне подошел молодой человек, предъявил удостоверение ОГБ, пригласил в «Ласточку». Мы поехали прямо в Управление. Там меня спросили, почему я перестал поставлять информацию о Жильце. Услышав такой вопрос, я потерял сознание. Очнулся — смотрю, лежу на диване, рукав засучен /очевидно, укол сделали/, врач складывает свои инструменты в сумку.

— Пусть полежит минут десять,— сказал врач.— Ничего особенного. Это скоро пройдет.

Отлежавшись, я рассказал о Брате. Меня попросили подробно описать внешность. Когда я это сделал, беседовавший со мною сотрудник снял телефонную трубку и попросил принести фотографию из личного дела такого-то /он назвал фамилию, которую я не расслышал/. Фотографию сразу принесли, показали мне. Я узнал Брата. Сотрудники начали смеяться. Наконец, старший из них назвал кого-то халтурщиками и паразитами. Мне сказали, что я могу быть спокоен, Брат — наш человек, только из другого отдела. Попросили возобновить работу, которую мы вели с Внуком до появления Брата. На другой день Брат срочно «по семейным обстоятельствам» уехал к себе «на Север».

Проблема поколений

Внука я люблю, он в меня. А джинсы, магнитофоны, мотоциклы, длинные волосы и прочее, — все это наносное, внешнее, проходящее. Сын и дочь мне совсем чужие. Не поймешь, чего они хотят. Устраиваются в жизни поудобнее и повкуснее, а делают вид, будто думают совсем о другом. Изображают из себя передовых и прогрессивных. Прошлого стыдятся. Внука этим не возьмешь. Прошлого его не касается. Он твердо знает, чего хочет. Никакой интеллигентской раздвоенности в нем нет.

— Главное — говорю Внуку, — не поддавайся на модные политические идейки. Штаны, машинки — это пожалуйста. Хочешь, сам тебе подарю. Но идейки — это все дерьмо. Кроме неприятностей, от них никому ничего нет. Поверь мне, у меня за плечами опыт жизни и большой работы. Настоящая история не так делается. И не в этом она состоит. Если хочешь знать, настоящие революционеры — это мы. Пройдут века, потомки это лучше нас поймут. Вот послушай, я тебе расскажу, что значит одно такое пустяковое /на первый взгляд/ мероприятие в масштабах государства.

— Ты мне, дед, мозги не полощи, — морщится Внук. — Я эту политграмоту на пятерки отвечал сам. Ты лучше расскажи мне про Сталина. Ты же встречался с ним лично, правда? Какой он был на самом деле?

Я рассказываю, как все было на самом деле. Я лично с ним встречался два раза, один раз — с группой товарищей /мы входили в комиссию, выполнявшую важное поручение ЦК/, другой — один на одни. Речь шла о «космополитах». Почему он выбрал меня, не знаю. Только привели меня к нему, а он без лишних слов: говори, мол, честно и прямо, враги они или нет, соврешь — проверю и расстрелять велю. Я сказал, что ради и т.д. в любую минуту готов. Делайте что хотите, но говорю честно: да, враги! Внук слушает со вниманием, задает вопросы: во что был одет, как сидел, что курил, кто был еще...

— Ну а репрессии были же?

— Были. А как же без них?! Революция была? Была. Гражданская война была? Была. Ты что думаешь, так сразу все и приняли новый строй? Врагов еще и сейчас полно, а тогда чуть ли не каждый третий был враг. Это тебе история, а не богадельня.

— Дед, а нынешние враги все родились после революции, а большинство — так вообще после второй мировой войны.

— А Запад? И пережитков прошлого еще полно, они живучи.

— А что Запад? Запад нам даже очень полезен. Хлеб, например...

— И идеология...

— Мы все это учили...

— Плохо учили...

— Да нет, не так уж плохо. Мы ведь понимаем, что к чему. Нам могли бы и побольше порцию правды выдать. Любопытно все-таки.

Мне интересно так беседовать. Вспоминается юность. Как все изменилось! Куда девалась революционная боевитость и романтика?! Наконец, я пускаю в ход свой главный педагогический козырь:

— Пойми, не для себя мы боролись, а для вас. Все же достанется тебе. И дача. И машина. И квартира: я договорился, тебя пропишут к нам. Главное — будь достоин всего того, что я добился ценой крови и труда.

Прошлое и настоящее

Оказывается, Академик был верующий. Вот, негодяй, а я еще гулял с ним, разговаривал. Умеют они прикидываться, приспосабливаться! Рано мы стали благодушествовать! Куда девалась старая партийная гвардия, закаленная еще в те годы?! Встретил я сослуживца по особому отделу дивизии. Тоже на пенсии. Что это, сказал я, мы все по нормам позабились? Потерпи, сказал он, наше время еще вернется. Призовут. Держи карман шире, сказал я. Если сами о себе не заявим, не призовут. Там теперь молодежь засела. Молодежь не помеха, сказал он. Основная линия все равно в руках старой гвардии. А что эта гвардия вытворят, сказал я. Речи, заседания, награды, памятники. Показуха. А в это время враждебные силы выросли и распустились. Встань в любую очередь, сядь в любой вагон и послушай, что люди болтают. Вспомни, мы раньше за сотую долю такого к стенке ставили. Слушал, сказал он. А что сделаешь? Теперь иначе нужно это... к стенке ставить. Теперь не скроешь. Запад... С умом надо.

Жилец рассказывал, что хоронили Академика с попом. Поп совершил свой обряд. Потом выступали представители. Первым выступил декан факультета и сказал, что он согласен в оценке творчества покойного с предыдущим оратором /т.е. с попом/. Начался смех. И собравшиеся так и не привели себя в унылый вид до конца процедуры. Я удивился, как мог он, Жилец, позволить себе присутствовать на религиозных похоронах, будучи членом партии. Жилец сказал, что теперь глупо относиться к православной церкви серьезно. Это теперь вполне послушное учреждение. Теперь надо опасаться потребности в новой форме религии. В какой? Он сам не знает. И никто этого пока не знает.

Смерть Генерала

Жена привезла из города ужасную весть: умер Генерал. Упал на улице. К нему долго не могли подойти, боялись собаки. А собака сама его бросила, ушла домой. Тогда его и подняли. Думали пьяный. От него и на самом деле несло. Но он был к тому же еще и мертв. В последнее время он зверски пил. А я уже устроил ему участок. И насчет стройматериалов договорился. Теперь все прахом пойдет. А кто будет расплачиваться? Пушкин, да? Надо будет нажать на Генеральшу. Пусть компенсацию выплатит. А участок и материалы надо переадресовать. Лучше футболисту, он больше даст. Теперь футболисты идут на уровне членов ЦК. Хотя Внук считает, что футболисты подешевле. Теперь хоккеисты на первом месте.

Похороны Генерала были куда более бедными, чем я ожидал. У Академика народу было раз в двадцать больше. Зато тут оркестр, солдаты. Ордена несла целая колонна. Я представил себе, как будут меня хоронить. Народу еще меньше. Солдат никаких. Ордена и у меня есть, но с Генералом не потягаться.

Генерала сожгли в крематории. Собачку Генеральша продала. Квартиру, конечно, отберут. Интересно, кого теперь поселят наверху? Жена говорит, из генеральской квартиры будут делать четыре обычные и раздадут полковникам, профессорам и прочей мелюзге.

О смерти Академика сообщили в городской газете на последней полосе в малюсеньком четырехугольничке. О смерти Генерала дали большой некролог на второй полосе центральных газет. Некролог подписали высшие лица Партии, Правительства и Армии. А где сообщает о моей смерти? Кто подпишет некролог? Отделаются короткой заметкой с подписью «группа товарищей»? Или поступят, как с Академиком? Это несправедливо. Я все силы отдал Партии, Государству, Народу. И вот итог: пара слов в захудалой газетенке. Несправедливо это!

Последний акт

Жилец с женой уехали в город. Я отправил Внука последить, чтобы они не застали врасплох, пока я буду выполнять последнее задание. Я открыл комнату Жильца и произвел доскональный осмотр, как меня об этом просили. Я составил список бумаг и книг, которые обнаружил. Выписал все имена, адреса и телефоны из записной книжки. На столе валялось кольцо. Как можно такие вещи оставлять, подумал я. Я взял кольцо и положил его в карман. Я вправе это сделать. Снимать такую комнату куда дороже стоит. А сколько сил я потратил на них! Сколько нервы трепал! Так что... В чемодане на дне я нашел пачку облигаций трехпроцентного займа. Ничего себе, подумал я. Тут сотни на три будет! Я отобрал несколько штук. Потом увидел, что мало взял. Можно было больше. Ну, да ладно. Так больше шансов, что не сразу заметят. А если заметят, поди докажи!

Конец операции

Меня принял сам заместитель Начальника ОГБ. Пожал руку. Сказал, что я им очень помог. За это я буду представлен к ордену. Мой внук — толковый парень. Я правильно воспитал его. Если надумает поступать в Высшую Школу ОГБ, ему гарантируется прием. Впрочем, целесообразнее будет использовать его на дипломатической работе.

Окрыленный успехом, я поехал на дачу на такси. Всю дорогу я твердил себе, что пока еще нужен Партии и Родине. Размечтался о том, что меня снова призывают... пусть не на тот же пост, пусть пониже... но все-таки на ответственный. Орден — это замечательно. Знакомым скажу, что выполнял особое задание, для этого меня для виду на пенсию отправили.

На даче меня ждал сюрприз. Жена выбежала навстречу с разинутым от ужаса ртом. Жильцы толпились кучкой у террасы. Жена Жильца вытаскивала на улицу вещи. Увидев такси, она попросила его подождать. Со мной не поздоровалась. Не глядя на окружающих, она носила вещи к такси. Шофер не выдержал, стал ей помогать. Наконец, она уехала.

— Что происходит?— спросил я.

— Жильца арестовали,— сказала Жена.— А ведь добрыми прикидывались, мерзавцы. Расстреливать таких надо!

Жильцы разошлись по своим комнатам. Я осмотрел комнату Жильца— не захватила ли эта стерва что-нибудь наше. Потом я написал в нескольких экземплярах объявление, что сдается до конца сезона комната с террасой. Пошел на станцию и наклеил одно объявление около кассы, другое — у буфета, третье — у магазина, несколько штук — на перроне. Не пропадать же деньгам! Впереди еще половина лета.

Когда шел домой, мне в голову пришла замечательная идея. А что, если..., подумал я. Больше я ничего не помню.

ИЗ «ЕВАНГЕЛИЯ ОТ ИВАНА»

Собравшись, они говорят без умолку:
Все наши усилия гибнут без толку!
На Западе пишут... Слыхали? Еще бы!
А мы, как и прежде, ютимся в трущобах!
И пьем мы отраву! И жрем мы говно!
И носим, что там устарело давно!
Я молча гляжу на беседу-попойку.
Ах, если б, ребята, нам вашу помойку!
А в вашем тряпье мы б как шеголи были,
А в ваших трущобах мы б горе забыли.
Мы книжки бы ваши до дыр зачитали,
О девочках ваших в слезах бы мечтали.
Но вслух говорю, как мечталось когда-то:
Ворчите, сердитесь, ругайтесь ребята!
И будьте, ребята, во всем недовольны.
И плюньте, что нам и обидно, и больно.
Да здравствует треп, и да будет попойка,
Чтоб раем опять не приснилась помойка!

Кадры

В то же самое время, когда модные молодые люди рассказывали выпускникам школы о райских условиях работы и жизни в учреждениях, связанных с космическими полетами, более солидные люди с внешностью преуспевающих ученых появились на некоторых факультетах институтов и университетов Страны. Они встречались с дипломниками, подлежащими распределению, и предлагали весьма заманчивые условия работы в одном закрытом учреждении, связанном с космическими полетами, с одновременной сдачей кандидатских минимумов и ускоренной защитой диссертаций. Желающих, разумеется, тоже было достаточно. И разочарование потом тоже было некоторое, но гораздо меньше. А выгоды работы оказались настолько значительными, что от первого разочарования скоро не осталось и следа. Условия работы гигантского исследовательского учреждения явочным порядком породили непредвиденную и незапланированную иерархию и дифференциацию в среде среднего персонала ИСИ, так что многие молодые начинающие ученые быстро начали делать карьеру, становясь руководителями группок, групп, секций, отделений, тем, проблем, проектов, авторских коллективов и т.д. Всего за полгода около трехсот бывших выпускников институтов сдали кандидатские экзамены.

В библиотеках и кабинетах ИСИ можно было получить любую /в том числе и самую запретную/ литературу. Конечно, на многие книги образовывалась очередь, так что порой приходилось ждать по нескольку недель. Но за это время на долю желающего выпадала другая, не менее запретная книга, так что ожидание не

замечалось. В специальных кинозалах можно было посмотреть любые западные фильмы. А что касается научной работы, то в ИСИ дозволялось многое такое, что в обычном внешнем мире публично объявлялось шарлатанством или преступлением против человечности. Так что число срывов в среде среднего научного персонала было так ничтожно, что их считали вообще несуществующими.

Из записок Писателя

Мы делаем грубую методологическую ошибку, ища объяснения нашему заведению в терминах причинного и целевого объяснения, сказал Критик. Это заведение могло возникнуть из самых различных источников. Из бредовых идей. Из злобных замыслов. Из благих намерений. Из каких-нибудь курьезных слов или действий отдельных лиц. Но это не имеет значения. Возникнув, заведение такого рода, как наше /а оно— типичное явление в коммунистической системе жизни!/, обрывает нити, связывающие его с породившими его источниками, и обретают полную независимость от них. Оно начинает жить по социальным законам коммунизма как относительно автономное целое. И если даже его характер совпадает с характером какого-то из упомянутых источников, ни в коем случае нельзя его объяснять именно этим источником. Такие совпадения соблазнительны, но они в большинстве случаев чисто внешни и обманчивы. Обычно более серьезное значение имеет источник, резко отличный от сложившегося целого или даже противоположный ему. Научно правильно одно объяснение: исходящее из сложившегося целого как эмпирически данного факта. Ошибочно также искать и целевые объяснения. Цели были у отдельных лиц, участвовавших в его организации. Цели имеют те лица, которые участвуют в его жизни, образуют его социальное тело. Но последнее как целостное образование цели не имеет. По самому понятию цели, определенному для групп людей и их сложных социальных систем, понятие цели к нему применимо лишь постфактум или ретроспективно. Цель этого заведения — то, что оно делает на самом деле. Его могут использовать для каких-то целей. Но тогда речь пойдет о целях тех, кто использует. Само же это заведение имеет в себе самом «цель» — самосохранение. Огромная масса людей заинтересована в этом и делает для этого все, что в ее силах, раз это заведение существует. Надо познать одно: реальное строение этого заведения и что оно фактически делает. И лишь тогда мы можем высказать некоторые надежные прогнозы. Успеем ли, сказал Террорист. Не кажется ли вам, что мы думаем еще по старой привычке и по инерции. А инерция эта все более ослабевает. Я думаю, вы все это заметили. Да, сказал Пропагандист. Но этому надо противопоставить регулярную тренировку. Что я имею в виду? Надо по очереди говорить. Вспоминать. Выдумывать. Теоретизировать. Слушать. Запоминать. Надо попытаться всем нам стать одной личностью, т.е. сделать интеллектуальный опыт всех достоянием каждого. Мы этим только и занимаемся, сказал Скептик. Верно, сказал Пропагандист. Но мы делаем это хаотически и спорадически. А надо регулярно и упорядоченно. На этом пути мы можем найти компенсацию безволия. Можем выработать привычку, компенсирующую отсутствие целевых установок и способность хотеть. Ваши идеи противоречат данным современной науки, сказал Скептик. Но у нас все равно нет выбора.

Идеология. Базис

Идеолог: Основу /базис/ всякого общества образуют отношения между людьми в процессе производства материальных благ— производственные отношения. Они определяют собою все прочие стороны жизни общества. Таково, конкретнее говоря, применение принципа материализма к пониманию общества.

Ученый: Звучит неплохо. Но вы, насколько мне известно, затем ровным счетом ничего не оставляете от этого принципа. Скажите, отношения между рабочими на

заводе при изготовлении какой-то продукции входят в производственные отношения? Нет. А отношения мастера и рабочего? Тоже нет. Так что же остается? Отношения собственности? В чьих руках находятся средства производства? Ну так бы сразу и говорили. При чем же тут производственные отношения? Отношения собственности /строго говоря, это — не обязательно отношения между людьми/ суть частный случай обладания или владения. Это — совсем иной аспект рассмотрения общества, отличный от аспекта производства материальных благ. Кроме того, известны общества, в применении к которым понятие собственности вообще лишено смысла. Собственность — понятие правовое. Оно имеет смысл лишь в применении к обществам, в которых право играет существенную роль. Оно лишено смысла в применении к нашему обществу. Ибо по самим определениям понятий вещь по праву /а не по обычаю или в силу захвата/ есть собственность индивида А, если и только если имеется другой индивид в рамках некоторой человеческой общности, собственностью которого эта вещь не является. У нас нет частной собственности на средства производства /в масштабах общества, не считая всякие домашние мелочи и кустарные орудия/. Но это не значит, что у нас есть какая-то иная форма собственности, ибо никакой иной собственности, кроме частной, нет. То, что называют коллективной собственностью, есть та же частная собственность, только владеющее лицо здесь образует группа людей, а не отдельное лицо. Если же общество в целом владеет средствами производства /и вообще чем-то/, то исчезают условия употребления понятия собственности. Нужны другие понятия. Например, машины на данном заводе не являются собственностью коллектива этого завода. Отношение коллектива завода к этим машинам описывается в иной системе понятий. Когда в таких случаях используют слово «собственность», осуществляют типичное смещение понятий, без которого ваша идеология не может существовать. Я не хочу больше копаться в том, что вы считаете словесными мелочами. Стоит ли, например, говорить о том, что отношение рабства не всегда есть отношение собственности. Даже феодальные отношения лишь отчасти подпадают под понятие собственности. Реальную историю просто невозможно без жульничества подогнать под вашу схему. В общем, декларировав производственные отношения как базис общества, вы тут же избираете лишь определенный тип общественных отношений, создаете примитивно-ложную схему истории и искажаете историю применительно к ней. Понятно, зачем: уничтожить частную собственность, т.е. отношения собственности вообще. Но это уж из области проекта будущего. Вернемся к производственным отношениям. Применим этот ваш принцип к нашему обществу? А почему бы отношения начальников и подчиненных и соподчиненных сотрудников между собою не рассматривать как производственные отношения нашего общества, как базис нашего общества? Почему бы при этом не фиксировать реальные принципы этих отношений, а не мусолить высосанные из пальца отношения всеобщей любви, заботы, помощи, справедливости и т.д.? Подобно тому, как вы антагонистические противоречия между людьми относите только к прошлым обществам и исключаете их в отношении нашего общества, вы свой материалистический принцип относите также лишь к прошлому, но не к нашему обществу. В отношении к нам вы впадаете в самый безудержный идеализм /в вашем же понимании/, видя основу нашего общества фактически в прекраснородных намерениях ваших сверхгениальных вождей облагодетельствовать народ. Я специально на сей раз принял вашу точку зрения в самой основе, чтобы показать, что вы неспособны следовать даже своим собственным принципам, когда речь заходит о нашем обществе. Ваша теория общества имеет один смысл: обругать «классовые» общества и возвеличить наше общество.

Абстракция и реальность

В основе привлекательности коммунизма для широких слоев населения, говорит Философ, лежит одна абстракция, которая частично реализуется в период становления коммунистического общества и в самых его низах в ставшем обществе. Это — абстракция первичного дружного коллектива, где все заботятся друг о друге, где каждому воздается по заслугам, где более или менее равномерно распределяются всяческие блага, короче говоря — где реализуется самая примитивная житейская справедливость. Повторяю, отчасти этот идеал реализуется. Не будь этого, общество давно рухнуло бы. Но сказанное есть абстракция, не учитывающая факта существования множества таких первичных клеточек, их иерархии, иерархии самих производимых ценностей, иерархии возможностей потребления, разнообразия форм деятельности, типа и способностей людей. А если все это учесть, то мы получим такие возможности: либо примитивное общество из множества примитивных ячеек и с пронизывающей все общество системой репрессий /как было при Сталине/, либо дифференцированное общество из разнообразных, более сложных ячеек и с более гибкой системой подавления /как теперь/. Преобладает вторая возможность. Возврат к прошлой сталинской системе невозможен в силу самой усложняющейся организации жизни. Значит, на повестке дня — создание более тонкой и разветвленной системы контроля и подавления, образно говоря — нервной системы этого общества.

Из записок Писателя

— Тут хитрая диалектика, — сказал Скептик. — Общественное сознание, согласно учению, должно отставать от материального базиса коммунизма, т.е. от производственных отношений полного коммунизма. Вместе с тем эти отношения нельзя вводить, раз сознание не созрело. Так что нашли выход. Сознание отстает от материально-технической базы, которая уже построена. Теперь его подгонят под нее, т.е. сделают общественное сознание коммунистическим. Затем ликвидируют остатки отставания сознания. Об этом говорил Идеолог на том совещании. Что за совещание? Секретное совещание с участием Секретаря по Идеологии, Начальника ОГБ, Министра ВД и других влиятельных и известных лиц. На нем и была выдвинута идея создания этого института. Только я не думал, что он на деле уже существует. И я тоже выступал. Произнес обычную холуйскую речь. Я, как и прочие, думал, что это — очередная трепология, и не придавал совещанию никакого значения. И совершил глупость: решил отличиться, проявить смелость и либерализм. Напомнил об уроках прошлого и призвал к осторожности. Вот кретин! Кого призвал?! И где?! Зачем мне это нужно было?! Блистательная научная карьера. Прекрасная семья. Квартира. Дача. Заграничные командировки. Что еще нужно было?!

И Скептик, схватившись за безволосую голову, на которой так недавно еще красовались начинающие серебриться каштановые кудри, упал на пол и застыл, как мертвый. Сектантка бросилась к двери: Врача! Но Пропагандист махнул рукой: бесполезно, все равно раньше положенного времени не примут никаких мер. Скоро, однако, Скептик отошел и продолжал рассказ.

— Была выдвинута также идея сознаториев. Что это такое? Расширенная опытная база, где вырабатываемые здесь методы будут проверяться в обычных житейских условиях. Надо думать, они уже существуют. Это на первом этапе. А затем через сознатории все население Страны будет подвергнуто действию выработанных здесь и проверенных методов. Что за методы? Это пока не ясно. Какое-то сочетание химии, психологии, педагогики и вообще всего того, что как-то относится к личности.

— Любопытно,— сказал Пропагандист.— Сейчас ужин, потом прогулка. Потом предлагаю не спеша обсудить ситуацию.

— Потом сон,— сказала Сектантка.

— А ну их к ... матери,— сказал Террорист.— Пусть делают, что хотят!

— Ого, — сказал Пропагандист.— Оказывается, человек обладает способностью компенсировать неспособность к протесту. Я думаю, что способность к протесту в принципе устранить нельзя. Посмотрим, подтвердится ли моя гипотеза?!

— Это банально,— сказал Террорист.— Исключение способности к протесту означает безразличие к наказанию, что рождает возможность протеста.

Раздался звонок, и питательные трубки выдвинулись из стены. Но пища из трубок не потекла в раскрытые рты обитателей палаты. Террорист лягнул трубку ногой. Пропагандист, Скептик и Писатель стали стучать в стену кулаками. Трубки убралась обратно и больше не появлялись. Слышно стало, как по коридору забежали люди. Минут через десять дверь открылась, и в палату вошел бородатый санитар.

— Старший по палате,— сказал он, обращаясь к Пропагандисту,— идем со мной, получишь котелки.

— Страна наша мощная,— сказал Скептик после ужина.— И кажется, что любая задача ей под силу. Если, конечно, никаких других задач нет. Но есть другие задачи, и каждая по отдельности кажется разрешимой. Вот назрела задача А. Собирается руководство. Решает считать ее первоочередной. Бросает на ее решение все силы. Но само руководство задачи не решает. Оно только указания дает. Его задача — собираться и принимать решения по поводу задач. И фотографироваться. И сниматься для кино и телевидения. Раз решение принято, для руководства задача уже считается решенной. Решение своей задачи по принятию решения о решении задачи оно воспринимает как решение последней. И оно берется за следующую задачу — за В. И повторяется то же самое. А как с первой? Про нее забывают, и она начинает решаться /или проваливаться/ обычными нашими методами. Так накапливается множество задач А, В, С,..., которые вместе уже не под силу нашей сверхмощной стране. И тогда все задачи не решаются совсем или решаются плохо. Или совсем не так, как предполагали, а каким-то естественным для нашего образа жизни путем. Полный провал расценивается как выдающийся успех. Очковтирательство. Демагогия. В общем, что зря говорить, вам все это хорошо известно. На сто процентов уверен, что так будет и с нашим институтом. И с сознаториями. А скорей всего какой-нибудь вождь скажет однажды: стереть это дерьмо с лица земли, чтобы следов не осталось, и построить на этом месте величественное здание чего-нибудь передового.

— Наше спасение,— сказал Пропагандист,— состоит отчасти в том, что Они не способны даже изуродовать человека как следует. Они и тут халтурят и занимаются обманом и самообманом. Уверен, что их средства не так уж и надежны с их же собственной точки зрения.

Из «Евангелия от Ивана»

На тухлой соломе в дырявом сарае
Мы бредили сказкой о будущем рае.
На мягкой тахте, на блестящем паркете
Поносят они бредни—выдумки эти.
Мы с голоду пухли, мы харкали кровью.
Они ж голодают во имя здоровья.

Мы в мерзлую землю вползали, как в склепы.
Они усмеваются: жертвы нелепы!
Мы ждали, покрывшись от ужаса потом.
Теперь это кажется им анекдотом.
Мы знали, но только зубами скрипели,
Они ж эти темы в романах воспели.
И все ж говорю я, как думал когда-то:
Насмешки своей не таите, ребята!
И будьте, ребята, во всем недовольны.
И плюньте, что нам из-за этого больно.
Пусть будет ваш треп на тахте и паркете!
Чтоб вновь не случились мерзости эти!

О теории, роли личности и другом

— Теория,— говорит Критик,— не есть точное описание действительности. Это есть лишь одно из средств решения отдельных проблем, касающихся действительности, а именно — одно из средств предсказания будущих событий или констатации прошлых и настоящих событий, которые в данный момент нельзя наблюдать. Я не хочу касаться других аспектов теорий как эвристических средств. Так что с помощью теорий далеко не все задачи познания решаются. С помощью теории можно, например, констатировать или предсказать некоторые скрытые тенденции общества, но нельзя предсказать, как они конкретно реализуются в той или иной стране, в тех или иных условиях. Так, в нашем обществе действует как тенденция к закреплению граждан, так и тенденция к представлению им некоторых степеней свободы. А что получается на деле, из теории как таковой не выведешь. Тут нужны дополнительные средства и сведения. Или, скажем, роль личности. При построении теории от индивидуальных особенностей людей приходится отвлекаться, иначе теорию не построишь. Так что теоретически предсказать следствия индивидуальных особенностей вождей для общества невозможно в силу самого этого средства предсказания. А жизнь общества — индивидуальный процесс, здесь даже пустяки могут играть большую роль. Например, будь на месте Сталина другой вождь, допустим — Бухарин, многое могло бы сложиться иначе. Репрессии продолжались бы, но с меньшим размахом и жестокостью. И кто знает, может быть Хрущеву не пришлось бы делать разоблачительный доклад. Могло не быть уничтожения командного состава армии. Вся война могла сложиться иначе. Вообще, Гитлер мог и не напасть, побоялся бы. И вся мировая история могла пойти иначе. Конечно, все эти предположения нельзя подтвердить. Я об этом говорю лишь для того, чтобы вы ощутили разницу в чисто теоретическом анализе действительности и более детальном ее изучении всеми доступными средствами. Во всяком случае, вы не будете спорить с тем, что по меньшей мере десять миллионов человек в этой войне мы потеряли из-за идиотизма сталинского военного руководства. Теоретически же такие факты вообще не могут быть предметом внимания. Теоретически вполне предсказуема общая тенденция прихода к власти лиц с крайне низким интеллектуальным и моральным потенциалом. Но ведь мерзавцы и кретины тоже иногда различаются по степеням мерзости и глупости, что существенно сказывается на судьбе людей.

Идеология. Классы

Ученый: Учение о классах и классовой борьбе образует ядро вашего учения об обществе. Производственные отношения сводятся к отношениям собственности. Собственность бывает частная и общественная. С частной собственностью связаны классы и классовая борьба. Уничтожим частную собственность — уничтожим классы. Построим бесклассовое общество. Просто. Ясно. Но... Но что же такое

классы? Теоретически любые предметы по сходным признакам можно «объединить» в классы. Но вас это, конечно, не устраивает. Если, например, мужчины образуют класс мужчин, а женщины — класс женщин, то построить бесклассовое общество немислимо. А вам нужно именно бесклассовое общество. Чтобы все были одинаковыми. Так что вы в качестве классов признаете только определенные явления, подобно тому как в качестве типов обществ вы признаете только определенные, вами перечисляемые типы. Что же это за явления? Рабы и рабовладельцы. Помещики и крепостные. Буржуи и пролетарии /капиталисты и наемные рабочие/. Исключение делается для крестьян. Они - класс. Для интеллигенции никакой пошлады: прослойка, не более. Конечно, если классы понимать так, то построить общество, в котором не будет классов, возможно. Оно фактически вот-вот будет: крестьян /колхозников/ скоро превратим в рабочих, работающих за зарплату, в совхозах. Или колхозникам будем зарплату выдавать, что то же самое.

Но дайте общее определение класса, без перечисления. И посмотрите, как оно прилагается к вашему «бесклассовому» обществу. Ладно, оставим спор о словах. Поступим иначе. Поставим вопрос так: имеется ли в нашем обществе разделение людей по каким-то рубрикам /категориям, признакам/, имеющее существенное значение для существования общества и образующее нечто аналогичное тому, против чего было направлено ваше учение и что должно быть уничтожено? Что я имею в виду? Разделение на привилегированных и нет, на богатых и бедных, на власть имущих и безвластных, на свободных и несвободных и т.д. Известно ли вам, что наш инженер, учитель, ученый низшего ранга живут в материальном отношении хуже, чем среднеквалифицированный рабочий не Западе, а наши партийные и государственные чиновники, начиная с некоторого уровня, живут куда богаче /в смысле трат/, чем многие миллионеры? Я уж не говорю о помещиках нашей дореволюционной страны, которые смотрятся просто как нищие в сравнении с ними. Известно? Ах, не в этом дело? А в чем же? Вы думаете, суть дела изменится, если в одном случае вы употребите слово «эксплуатор», а в другом — «слуга народа»? Ничуть. А суть дела в том, что уничтожив одни социальные категории /«классы» в вашем понимании/, вы освобождаете арену истории для других. Общество снова с необходимостью раскалывается на какие-то категории людей, между которыми развивается неравенство, вражда, отношения насилия. Если бы ввели общее строгое понятие социального класса /и не в том жульническом виде, как это делается в многочисленных учебниках/, вы увидели бы, что ваше «бесклассовое» общество есть вариант классового /в этом строгом смысле слова/. Причем, классовые контрасты здесь не ослабляются. Они принимают лишь иные формы.

Рассказ одного алкаша

Лично в руки мне курьер бумажку дал:
Вам повесточка, вот тут подпиши!
Не сойдет последний, значит, мне скандал.
Значит амба, Ваня, больше не грехи.
Прямо черные по белому слова:
«В кабинете номер... Вас /заметьте!/ ждем».
Дальше вижу, аж кружится голова:
Мол, не явитесь, так силой приведем.
Мне, конечно, непервой с такой бедой.
Но на сей раз я решил наоборот:
Сполоснул лицо холодной водой
И с утра не взял спиртного капли в рот.
В кабинет вошел смиренно. И молчок.
Председатель рот усмешкою кривит.
/И откуда взялся этакий сморчок?!/

Что, достукался, ехидно говорит.
Опустился ты, товарищ-гражданин.
Но по-дружески, отечески любя,
Мы усматриваем выход лишь один:
На строительство направим мы тебя.
Поработаешь для Родины в глуши.
Там в порядок приведут мозги тебе.
А прописочки столичной вас лишим.
И скажи спасибо, что не в кагебе.
И с тех пор я в коллективе тут родном
Пропиваю пятилетки рубежи.
Водку кушаю ведром, не стаканом,
А работа в лес /не волк/ не убежит.

Руководство и народ едины

— Вот вам задачка,— говорит пропагандист.— Сталин был палач, а на демонстрации ходили все желающие, и охрана не очень мощная была. А теперь? Людей на демонстрацию отбирают, правофланговых и левофланговых утверждают в райкомах партии, кагебешниками забит весь город, везде солдаты, на крышах домов на всякий случай пулеметы. Вот вам и единство. Нет, друзья мои, Они чувят реальное положение в Стране и боятся за свою шкуру. И цинизм идеологический идет не столько снизу /снизу идет насмешка, а не цинизм/, сколько сверху. Помяните мое слово, настанет время, и их на самом деле начнут отправлять на тот свет.

— Надо подумать, как это лучше сделать,— сказал Террорист.— Должен же я оправдать свое имя.

— Говорят, американские студенты изготовили дома атомную бомбу,— говорит Скептик.— Надо думать, скоро и наши додумаются. А лет через двадцать даже школьники сконструируют сверхмощные лазеры, с помощью которых можно будет насквозь проткнуть здания ВСП и ОГБ. Так что не все потеряно. Человечество еще имеет шансы сохранить цивилизацию.

— А как же с принципом «Не убий!»,— спросил Писатель.

— Это касается людей,— сказал Террорист,— а не подонков, придумывающих такие Затеи. Этим надо уничтожать при всякой возможности.

Формула недовольства

Каждая стабильно существующая социальная система порождает определенные типы и число недовольных ею, зависящие прежде всего от самого типа системы и числа людей той страны, в которой эта система является господствующей. Типы и число недовольных зависят от других факторов, в частности — от материального благополучия или неблагополучия, от жестокости или нелиберальности политического режима, от исторических и биологических особенностей населения и т.п. Однако зависимость от этих других факторов не столь значительна, как принято думать. А главное, она не поддается учету. Достаточно длительные наблюдения за жизнью страны показали, что иногда ухудшение материальных условий /при прочих постоянных факторах/ вело к сокращению числа недовольных, а иногда улучшение этих условий — к увеличению числа недовольных. А иногда — наоборот. И так для прочих факторов. Что же касается типологии недовольных, то обнаружить какую-то зависимость ее от этих прочих факторов не удалось вообще. Типы недовольных оказались весьма стабильным отображением типа системы, а число их в каждой категории — более или менее стабильной функцией от числа

населения и коэффициента системности,— некоторой априорной константы, характеризующей коммунистическое общество.

Основная трудность при выведении формулы недовольства /вернее, формул для разных категорий недовольства/ заключалась не в установлении математических соотношений величин, а в определении самого понятия «недовольный» и в установлении критериев различения недовольных и лояльных лиц. К последним относятся довольные и социально безразличные, которых большинство. Слово «социально» здесь мелькнуло не случайно: именно выделение социально недовольных /а не недовольных вообще/ позволило решить рассматриваемую проблему. Человек может быть недоволен тем, что нет мяса, что фальсифицировано молоко и масло, что плохо с жильем и т.п., оставаясь социально лояльным. Человек может быть доволен условиями своей личной жизни или быть равнодушным к ним, будучи социально недовольным /нелояльным/. Социально недовольным индивидом является такой, который недоволен самими существенными явлениями данной социальной системы,— ее неотвратимыми законами или их проявлениями, т.е. закономерными явлениями данного общества.

Не существует общего определения на этот счет. Имеется лишь перечень социальных явлений, найденных чисто эмпирическим путем, отношение к которым и является показателем типа индивида. И установлены реакции индивидов, которые являются критериями знака отношения индивида к этим явлениям /плюс, минус, ноль, т.е. безразличие/. Причем, эти реакции опять-таки выявлены опытным путем. Они могут меняться в зависимости от обстоятельств. Например, отношение к выборам в органы номинальной власти, которые /как выборы, так и официальный статус органов/ фиктивны, одно время и для некоторой категории лиц служило индикатором, а в другое время или для других лиц — нет.

К открытию теории недовольства /нелояльности/ шли совершенно независимо с двух противоположных сторон. С одной стороны, к этому шли органы охраны существующей системы и органы наказания за выступления против нее. Они чисто опытным путем выработали совершенно безошибочные критерии и методы распознавания нелояльных и наладили общеизвестную грандиозную систему практической деятельности в этом направлении. Эта деятельность не прекращалась никогда, даже в самые либеральные годы жизни Страны. В отношении каждого гражданина уже со школьных лет вырабатывалась некоторая ясность в оценке его социального лица. И ошибки почти полностью исключались. На два обстоятельства здесь следует обратить внимание. Рассматриваемая деятельность была отнюдь не отклонением от некоторой нормы и проявлением злых намерений темных сил, а совершенно нормальным проявлением и условием существования коммунистической системы общества, вполне адекватным его светлым идеалам и лучшим сторонам природы коммунистически воспитанного индивида. Коммунистическая система общества не просуществовала бы и пары десятков лет без нее. Когда в свое время /«либеральное»/ говорили, что органы охраны и наказания превратились в самодовлеющую силу, стоящую над обществом, то были глубоко правы, констатируя этот факт, и глубоко ошибались, считая это явление ненормальным и временным. Самосохранение и самоочищение — закономерный результат и основа действия законов коммунизма как таковых, а все остальное идет из других источников. Коротко коммунизм можно охарактеризовать как систему выявления, уничтожения, нейтрализации и т.д. индивидов, нелоя, лых к самой системе выявления, уничтожения, нейтрализации. Так что попытки теоретиков найти какие-то первоосновы, первопричины, первопринципы коммунизма обречены на неудачу уже самой этой установкой. Разумно лишь думать над изобретением удобного метода изучения этой замкнутой на самое себя, самопожирющей и самопорождающей системы. Впрочем, сотрудники органов пресечения никогда над этими

ложными /с их точки зрения/ проблемами не задумывались. Их дело — пресечь. А зачем это и с какими последствиями, их не касается. И одно они постигли на опыте с полной ясностью: дело пресечения никогда не будет закончено, пока стоит сама система, ибо жизнь системы с их точки зрения есть порождение того, что подлежит пресечению.

С другой стороны, к открытию теории недовольства шли очень немногие интеллигенты, по тем или иным причинам заинтересованные в выяснении возможностей сопротивления режиму, заложенных в самом режиме. Когда ОГБ в конце концов заполучили рукопись одного малоизвестного ученого, который в течение нескольких десятков лет тайно занимался научным изучением коммунизма /а не «научным коммунизмом», как называли чисто идеологическую болтовню о коммунизме/, сотрудники ОГБ были потрясены совпадением его теоретических выводов со сверхсекретными инструкциями, созданными на базе опытной деятельности ОГБ за всю историю Страны в качестве коммунистической системы. Однажды, когда ученый ехал домой с работы в тесном автобусе /в часы «пик»/, он почувствовал легкий укол и потерял сознание. Сослуживцам потом сообщили, что он скончался от инфаркта. Поскольку было время отпусков, официальных похорон не было. Ходили слухи, будто ученого убрали. Но так как никто не знал, за что именно /официально он был всегда ортодоксальным марксистом-ленинцем и добросовестным членом Партии/ его убрали, то слухи скорее вызывали усмешку, чем озабоченность. А ученый через некоторое время появился в палате номер восемь под псевдонимом Критик.

Из «Евангелия от Ивана»

Бесконечная та болтовня надоела.
Все слова да слова, и ни капельки дела.
Бред пророков слова. Ложь сужденья науки.
Что ни шаг, то пустяк. Сдохнуть можно со скуки.
Не меняется мир, как хотелось бы, разом
Ни призывом борцов, ни начальства указом.
Все же я вам скажу, как случалось когда-то:
Страдайте, тоскуйте, скучайте, ребята.
В этом мире ничто не проходит напрасно.
Если души в смятении, это прекрасно.
Даже тайные мысли, ребята, цените.
Мир скрепляют сознания вашего нити.

КГ

Согласно теории Критика одной из важнейших форм протеста против отрицательных явлений коммунизма должно стать стремление к широкой гласности официально скрываемых фактов жизни Страны. Возможно образование такого рода групп в рамках легальности или, скорее, псевдолегальности: когда группы существуют открыто, власти их не признают, но по тем или иным причинам не уничтожают. Но сбор сведений о скрываемых фактах жизни Страны есть тяжкое преступление при всех обстоятельствах. А так как без этого открытые группы существовать не могут, то потребуются группы тайные для сбора сведений. И если открытая группа существует и действует, значит, наверняка есть обслуживающая ее тайная группа /или даже группы/. Критик не знал, что к моменту его исчезновения его предсказание осуществилось. Появился Комитет Гласности и подал просьбу в органы власти признать его существование официально. Шутники, считавшие этот комитет чисто кагебевской затеей, прозвали его «КГ бе Б». Власти разрешения не давали, но и не отказывали. А КГ между тем приобрел международную

известность, был включен в качестве филиала в международную организацию того же рода. В прессе последнюю поносили как шпионский и разведывательный центр, начав тем самым подготовку общественного мнения к предстоящей /это лишь вопрос времени/ расправе с КГ.

Группа

А группа, поставлявшая информацию для КГ, действительно существовала. Ее назвали просто Группой. Никто /даже сами члены КГ и даже ОГБ/ не знал толком ничего о составе и характере деятельности Группы. Известен был только главный принцип ее: полное самоотречение и отсутствие тщеславия есть основа основ надежной конспирации.

— В последнее время,— сказал Руководитель Группы на очередном заседании,— резко возросло число лиц, которые просто исчезают бесследно или изымаются под предлогом обычных заболеваний. Мы установили более двадцати случаев только в Столице, когда лица, помещенные якобы в определенные медицинские учреждения, там фактически не содержатся. А между тем родственники и знакомые получают от них письма из этих учреждений и посылают туда же. Пока трудно усмотреть принцип отбора изымаемых лиц, но чувствуется, что он имеется. Так, большая часть из упомянутых мною двадцати лиц так или иначе выражала свою нелояльность по отношению к фактам нашей жизни. В частности — недовольство линией на реабилитацию Вождя-Завершителя, продовольственными затруднениями и т.п. Так что общая тенденция проводимой кампании /а она начала осуществляться, что несомненно/ ясна. Впрочем, она ясна априори. И мы ее предвидели в свое время. Надо теперь во что бы то ни стало высанить конкретно, что она представляет собою, как мыслится и какие имеет перспективы.

— Имеются данные,— продолжал Руководитель,— что некоторые видные специалисты и директоры крупных научных учреждений на длительные сроки исчезают из своих институтов и лабораторий, чего не было ранее. Некоторые из них замечались в черных «Ласточках». У некоторых «Ласточки» постоянно дежурят недалеко от дома. Я предлагаю начать со следующего. Установить наблюдение за научными учреждениями, которые могут иметь какое-то отношение к изучению человека. Составить список лиц, регулярно «исчезающих» из них. Установить наблюдение за передвижением черных «Ласточек». Начать это с центра, постепенно расширяя круг наблюдений с одновременным выделением магистралей, где «Ласточки» стали наблюдаться чаще, чем ранее, и чаще, чем в других местах. Я думаю, где-то недалеко от Столицы должно быть /или будет/ какое-то крупное заведение, имеющее отношение к исчезновению людей. Затем установить наблюдение за «перепиской» изъятых лиц. Желательно доставать их «письма» или снимать копии. Мне кажется, что переписка фиктивна. Но она может пролить некоторый свет на суть дела. Наконец, нам есть смысл пойти на то, чтобы проникнуть в предполагаемое заведение. Для этого...

— К сожалению,— сказал Руководитель Группы,— никого из нас для этой цели нельзя использовать. Вы прекрасно знаете, какими психологическими средствами располагают наши органы пресечения. И хотим мы или нет, попав им в лапы, мы расскажем абсолютно все о Группе и ее участниках, что нам известно. Нам надо найти постороннего человека, который согласился бы выполнить задание Группы, ничего не зная о ней.

Дело

Все события и стороны жизни Страны, которые по мнению начальства могут так или иначе компрометировать существующий в Стране социальный строй,

Партию, руководителей Партии и вообще все то, что есть власть, являются в Стране величайшей тайной. Причем, само начальство не различает явления, которые суть следствия существующей социальной системы, и явления, которые имеют совсем иные причинные источники. Например, в какой-то области имеет место неурожай по вине плохой погоды. Но от населения скрывают сам факт неурожая. В газетах печатают материалы о необыкновенных успехах хлеборобов этой области. Начальство готово примириться что, например, на Западе пронюхали о новых испытаниях ядерного оружия в Стране или о местоположении новых ракетных установок, чем с тем фактом, что наример, стало известно о склонности Вождя к спиртным напиткам. И надо признать, что тайны такого рода тщательно хранятся на самом деле. Но не потому, что очень трудно их раскрыть, а потому, что никто не хочет их раскрывать. Стоит же кому-нибудь захотеть разоблачить какой-то секретный факт жизни Страны, как он к удивлению своему скоро обнаруживает, что сделать это тривиально просто. Был же такой период в истории Страны, когда ухитрились сохранить в тайне арест десятков миллионов ни в чем не повинных граждан. Почему? Очень просто: никто не хотел раскрывать эту «тайну» или никто не хотел ее слушать и верить ей, когда попытки разоблачения предпринимались. С другой стороны, в последующий «либеральный» период, когда появились желающие разоблачать и потребность в таких разоблачениях; никакой пустяк уже нельзя было скрыть от мирового общественного мнения. Например, у одного взбунтовавшегося писателя начали производить обыск, и через пару часов об этом уже передавали враждебные «Голоса», хотя никого к дому не подпускали и никого не выпускали.

Тайная группа Комитета Гласности, приступив всерьез к решению упоминавшейся выше задачи, уже через две недели установила расположения интересующего ее объекта /по движению «Ласточек»; потом «туристическая» группа обогнула всю территорию ИСИ/, примерную численность занятого в нем населения /по числу машин, подвозящих продовольствие, и другим очевидным показателям/ и примерную цель его /по составу специалистов, привлекаемых для работы или консультаций/. Когда задача была решена, обнаружилось, что значительное число сотрудников секретного объекта живет в Столице, приезжая на работу обычным общественным транспортом. Еще через две недели члены Группы, замешиваясь в толпах пассажиров, знали о загадочном учреждении такие детали, о которых не догадывалось само начальство, причастное к его деятельности. Например, они узнали, что девятый корпус построили лишь наполовину, а десятый даже не начинали, хотя в отчетах строителей Начальнику ОГБ они числились принятыми в эксплуатацию с оценкой «отлично»; что питательная система вышла из строя, и ее заменили обычными котелками; что бурда, которую давали больным /«пища космонавтов»/, оказалась негодной, что было несколько сот смертельных случаев /отравление/, что у остальных уцелевших был сильнейший понос, который в сочетании с испортившейся канализацией привел к чудовищному загрязнению палат; что больных пришлось всех вывести на открытую площадку, что противоречило замыслу, и мыть из брандспойтов какой-то дезинфицирующей жидкостью. Одним словом, когда участники Группы собрались на итоговое совещание, они рассказали такие подробности, что поверить в них не было способно ни одно здравомыслящее существо.

— Нужны убедительные, несокрушимые доказательства,— сказал Руководитель.— Нужны показания очевидцев и участников. Не будем торопиться. Дело слишком серьезное. Нам предстоит скрупулезное исследование с документально точным фиксированием всех мелочей. Нужны магнитофонные записи, фотографии, бумаги. Нужно, чтобы наши осведомители появились среди сотрудников и жертв объекта.

И вскоре бывшая аспирантка филологического факультета Университета, разоблаченная как участница запрещенной секты, под именем Сектантки оказалась в палате номер восемь. Тщательно разработанная система уколов и допросов не учла по крайней мере одного случая: когда человек сам добровольно стремится попасть в это заведение. Этот случай для создателей заведения был просто немислим. И Сектантка попала в ИСИ, не причинив ущерба пославшей ее сюда Группе, но получив крайнюю меру излечения: «навечно». Ей поручили молчать, смотреть, слушать, запоминать, ждать побега, который ее товарищи должны были через какое-то время организовать обязательно. Потом она должна будет стать живым свидетелем преступления.

Идеология. Культ вождей

Ученый: Смешно читать в ваших книжках об обожествлении царей, королей, цезарей и т.п. Я уже не говорю о культе Вождя-Завершителя. Считается, его преодолели. Ну, а культ теперешнего Вождя? Обожествление царей — жалкие детские игрушки в сравнении с тем славословием, которое буйствует сейчас по адресу нынешнего Вождя. А кто он такой? Вылез благодаря своему подхалимству, холуйству и удручающей серости. А сейчас? Старый маразматик, с трудом читающий чужие примитивные тексты. Чем же это отличается от аналогичных явлений прошлого, которые /по-вашему же/ имели классовую природу? Это явление тоже имеет здесь глубокую социальную основу. Оно — характерный показатель расслоения общества, о котором мы говорили прошлый раз. И нет у вас иного выхода, как отнести ваше полное коммунистическое общество в неопределенное будущее. А для живущих людей это равносильно раю за гробом.

Из записок Писателя

— Итак,— сказал Пропагандист, когда по радио началась передача очередной лекции по теории «научного коммунизма»,— они хотят насильственным путем, опираясь на всемогущество современной науки, довести сознание людей до нужной кондиции. Как они говорят, сделать его адекватным материальному базису, которого, как они сами признают, еще нет. И затем ввести коммунизм. Что это значит? Ввести в действие принцип: от каждого по способности , каждому по потребности. А сознание нужно, значит, чтобы не разворовали сразу все и не забросили свои служебные обязанности.

— Идиоты,— сказал Террорист.

— Наивные мечтатели,— сказал Клеветник.

— Кошмар,— сказала Сектантка.

— Невежды и шарлатаны,— сказал Писатель.

— О нет,— сказал Пропагандист,— тут дело не в этом. Вот давайте и выясним, в чем тут дело по сути, а не по видимости. Предоставим первое слово Скептику. Он специалист в этой области. Итак, проблема номер один: можно или нет с чисто научной точки зрения насильственным путем перестроить человеческое «я» так, чтобы оно соответствовало заданному образцу?

— Тут, очевидно, надо различать несколько аспектов дела, которые обычно вольно или невольно совмещают. Это — что такое «я», что значит перестроить «я», что из себя представляет установленный идеальный образец, что такое общественная норма «я». В общем, за этой простой формулировкой скрывается масса различных проблем, которые безнадежно запутаны в угоду нашей идеологии. Так что ограничимся чисто интуитивным пониманием этих вещей, которое у нас более или менее одинаково. «Я» — это наш внутренний, духовный мир в отличие от

нашего внешнего, телесного бытия. И с ним дело обстоит также, как с нашим телом. Можно ли переделать наше тело? Можно изуродовать. Подлечить. Вставить искусственные зубы. В общем, вся наша жизнь есть переделывание тела. Но, очевидно, ставя проблему переделки, имеют в виду нечто иное. Несмотря на всякие изменения, происходящие с нашим телом, в нем остается нечто такое, что сохраняет его как мое индивидуальное тело. И проблема, следовательно, стоит так: можно ли изменить это нечто? Но по самому определению это невозможно, ибо это нечто есть остающееся, неизменное или в крайнем случае воспроизводящееся в том же виде. Аналогично с индивидуальным сознанием, с «я». Конечно, можно изменить взгляд человека на те или иные события. Человек что-то новое узнает. Что-то забывает. Но говоря о человеческом «я», имеют в виду нечто такое, что остается неизменным в течение всей сознательной жизни человека. Оно формируется, конечно. Но сложившись, остается. И бессмысленно говорить о его перестройке. Перестроить «я» — значит разрушить его совсем или изуродовать человека, сделать его больным. Так что перестройка общественного сознания, понимаемая как насильственная перестройка индивидуальных «я», не может быть ничем иным, кроме превращения нормальных людей в тот или иной вид психически ненормальных людей, удобных с какой-то точки зрения. Газетно-идеологический образец нового коммунистического человека в реальном исполнении есть лишь вид сумасшествия, если он искренен. А то, что происходит в массе населения, это — массовое жульничество, ложь, лицемерие, в общем — чисто приспособительное поведение.

— Ясно,— сказал Пропагандист.— Они хотят найти средства превращения людей в идиотов, отвечающих заданному образцу «нового человека». И мы — подопытные кролики в этом гнусном деле. Возражения есть? Нет. Теперь встает следующий вопрос: как далеко они могут пойти в этом направлении, каковы реальные возможности на этот счет?

— Я думаю,— сказал Критик,— надо сначала описать их образец «нового человека», но не в тех высокопарных выражениях, какие они употребляют, а в терминах здравого смысла и очевидности.

— Этот образец общеизвестен,— сказал Писатель.— Новый человек должен работать в условиях, в каких ему прикажут, и довольствоваться вознаграждением, какое ему дадут. Восхвалять и любить начальство. Не протестовать. Аплодировать. Восхищаться. Откликаться. В общем — идеал властителей и хозяев всех времен в отношении своих подчиненных. Новый человек должен быть таким, каким хочет его высшее начальство.

— Примерно так,— сказал Пропагандист.— Возражений нет? Продолжим. В какой мере возможен такой индивид как искреннее существо, а не просто социально адаптировавшаяся тварь?

— Вопрос сложный,— сказал Писатель. — Я думаю, нам надо ограничиться рассмотрением лишь некоторых сторон, достаточных для принципиального решения. Прежде всего хочу обратить ваше внимание на фундаментальное притворение такого идеала. Начальству нужно, чтобы подчиненные были именно такими кретинами, как говорилось выше. Но в таком состоянии они подобны скотам или роботам, и тогда теряет свой смысл само положение начальствования. Социальная иерархия имеет психологический смысл лишь постольку, поскольку возвысившийся возвышается над аналогичными ему существами, а не над существами низшей породы. Пастух, пасущий стадо коров, не испытывает наслаждения от своего превосходства над коровами. Начальство стремится унижить своих подчиненных, сохранив, однако, их в качестве потенциально равноправных партнеров, которых оно, начальство, превзошло в человеческом соревновании, а не

иными путями. Это — необходимый элемент начальнического тщеславия. Так что если даже допустить, что идеал начальства реализуется, потом начнутся обратные мероприятия по превращению «нового человека» в нормальное существо, сопоставимое с начальством.

— К тому же,— добавил Критик,— масса населения является поставщиком индивидов в сферу власти. Сколько у нас начальников? А откуда их брать?

— Это не проблема. Масса начальства замыкается в касту, воспроизводящую начальство.

— Значит, будет разделение на господ и рабов на уровне биологии, создание высшей расы господ путем превращения части населения в идиотов и полуидиотов. Недурно задумано. Но не оригинально.

— Как далеко можно зайти в этом направлении— вот в чем вопрос.

— Очевидно, они и хотят это узнать за наш счет. И заодно решить другую задачу: подчистить Страну от явных и возможных недовольных, сделать общество монолитным и единым.

— Эту проблему они не смогут решить по самым методам решения. Дело в том, что они всячески исключают развитие и проявление качеств, проявляющихся у подопытных индивидов в результате их гнусных экспериментов. А мы уже научились скрывать эти последствия от них.

— Но они же подслушивают!

— Ерунда! Всех ученых мира и всех вычислительных устройств не хватит, чтобы обработать болтовню, которую сейчас ведут тысячи и тысячи таких подопытных кроликов, как мы. Сделать нас немыми? А кого тогда слушать? Это не входит в замысел. Пусть слушают!

— О каких последствиях вы говорили?

— Обратите внимание на следующее. Мы не испытываем чувства голода, вернее — оно сильно ослаблено в нас. Так что нас можно кормить любой бурдой, и мы не будем бунтовать. Едим мы по привычке. Заметьте: привычка, некоторый автоматизм поведения. Если нас не кормить, мы умрем. А это, повторяю, не входит в замысел. Во всяком случае, пока не входит. Мы все — лояльные граждане. И отобрали нас сюда по каким-то неведомым нам признакам или случайно для опытов. Нас надо кормить. А нас много. Значит, нужен распорядок. Заметьте: распорядок. А это — нечто проходящее через сознание, осознанная регулярность. Догадываетесь? А испражнения? Ясно? Возьмем другой пример: неспособность к протесту. Мы не возмущаемся, не протестуем. Мы безразличны. А это - форма поведения. И в некоторых случаях безразличие выступает как сильнейшая форма протеста. Я вообще предполагаю, что эмоциональность есть естественное безразличие в изменившихся условиях. И мы уже имели возможность это наблюдать на нашем товарище по несчастью. Значит, есть компенсация. Притом — самая неожиданная. Или возьмите сексуальное чувство. Его уничтожили в нас. Но как это отразилось на отношении полов в нашей палате? Среди нас есть женщины, и мы, мужчины, относимся к ним именно как к женщинам. По моим наблюдениям в психике человека, сохранившего сознание человека, есть нечто компенсирующее утраченную способность.

И все согласились с этим. Ибо все видели зарождение какого-то любви-подобного чувства у Террориста и Сектантки.

— Основа основ личности — в способности понимать и адекватно оценивать свое положение. Все остальное может быть компенсировано. Только это нельзя

нарушить, ибо без этого человека нет. А они это хотят сохранить хотя бы отчасти. «Новый человек» должен работать на них, почитать их, восторгаться их «гением» и все такое прочее. А для этого он должен сохранить способность понимания и самоотчета. Роботы? Тогда зачем вся эта затея? Нет, уважаемые, несколько десятков миллионов роботов— это нам не по карману. «Новый человек» стоит дешевле. Он вообще ничего не стоит. Это — дар природы.

— Позвольте мне сделать маленькое дополнение, — сказал Критик. — Есть еще одно человеческое качество, без которого способность понимания своего положения не имеет ценности. Это — вера в высшее призвание человека. Без этого нет человека, а есть лишь робот. Вера! Прошу понять меня правильно. Люди в свое время не зря изобрели религию. Теперь это общеизвестно. А наше положение таково, что без веры мы не выдержим.

— Аминь! Если бы у нас сохранилось чувство юмора, я бы предложил сейчас обсудить следующий вопрос: какую форму религии нам предпочтительнее выбрать?

— Религию не выбирают. Ее лишь обнаруживают или скрывают.

Лекция кончилась. По радио объявили, что следующие лекции отменяются. Палаты такие-то и такие-то /в том числе — восьмая/ направляются на разгрузку машин с оборудованием для девятого корпуса. После работы дискуссия возобновилась.

— Одна из важнейших тенденций коммунизма, — сказал Критик, — разделение людей на две группы. К одной из них будет относиться часть людей, лишенных потребностей или с минимальными потребностями, удовлетворить которые не представляет трудности. Участь таких людей — выполнение самой неприятной, серой, вредной работы по созданию жизненных благ и удовлетворению сознания лиц другой группы, что они не принадлежат к первой. К другой группе будет относиться часть членов общества, занятая удовлетворением своих растущих потребностей и деятельностью по этому удовлетворению. Она будет жить социальной жизнью. Это и будет «высшая раса» по отношению к лицам первой группы. Так что идея создания «высшей расы» будет реализована путем занижения жизненного уровня и человеческих качеств значительной части общества. Кстати сказать, наша партия фактически есть один из путей реализации этой идеи. Затем это будет закреплено в ряде поколений. Современная наука окажет в этом деле неоценимую помощь. Мы с вами и есть подопытные кролики в эксперименте по созданию «низшей расы», т.е. «нового человека». Создание высокоморальной и гармоничной личности в масштабах общества — задача практически невыполнимая и нелепая, ибо такие личности в таком количестве обществу вообще не нужны. А массовое уродование людей, как показал опыт, вполне достижимо в масштабах общества. И это к тому же полезно с точки зрения уродующих и даже с точки зрения уродуемых. Облик же представителей «высшей расы» вырисовывается с полной ясностью. Это — проходимец, холуй, лодырь, карьерист, хапуга, интриган и т.п. Эти качества порождаются строем их жизни и заражают все общество. Сумеют ли люди изобрести средства противостоять этому и сохранить тоненькую нить цивилизации? В свое время люди изобрели религию, мораль, право и искусство, на основе которых и выросла западная цивилизация. А что изобретем мы?

О типах цивилизаций

— Я вот произвел некоторые расчеты, — сказал Жидов. — Если к «Напитку космонавтов» добавить серной кислоты икс грамм на литр и игрек грамм соляной, то получится отличный напиток вроде «Советского шампанского». Правда, с усиленной шипучестью, так что после его употребления появляться в приличном обществе не рекомендуется. А после литра вообще лучше его будет пить без штанов...

— ... у памятника подонку Сусликову,— сказал Стопкин.— Так этот твой напиток можно будет использовать как космическое топливо. Двух зайцев убьют сразу: и ракета лететь будет, и космонавты навеселе круглые сутки. Нет, друзья мои, это дело надо засекретить. Гони сюда бумажки!

— В принципе это ничего не меняет,— сказал Командировочный.— Все дело, ребята, в закуске, уверяю вас. По моей схеме вообще все типы обществ распадаются в диапазоне между двумя логически мыслимыми крайностями: 1/ пьют и не закусывают; 2/ закусывают и не пьют. Первая крайность дает наше общество — высшую форму демократии. Вторая крайность дает восточные тирании и деспотии. Западная цивилизация расположена где-то посередине. Там и пьют дай боже, но и закусывают тоже как следует. Остальное все мура. «Напиток космонавтов» в его данном естественном виде приближает нас к Западу, ибо он одновременно содержит и закуску, и рвотное, и средство для головной боли, и средство от головной боли, и слабительное. Это все-таки продукт современной науки и техники, а вдохновлялся он идеями гуманизма, т.е. это явление почти в западной культуре. А что останется в нем после предлагаемой тобою очистки? Только градусы и шипучие газы, т.е. явления чисто советские, зовущие вперед и ввысь.

— Вы правы,— сказал Жидов.— На всякую великую идею найдется простая мудрость, низводящая первую до уровня ничтожности. Пошли отсюда, а то дружинники на нас уже глаз положили.

Из материалов СОД

— Насчет ваших «диссидентов»,— говорит Физик,— нам известно. Это, конечно, анекдот. Но этот случай представляет интерес для нас именно в силу его анекдотичности. Теперь, я думаю, по всей Стране начнут разоблачать «диссидентов», которые даже слова такого не слышали. В соседней с вашей области в качестве «диссидентов» разоблачили группу гомосексуалистов. Были даже случаи, когда в «диссиденты» просились записать лица, занимавшие приличные посты в партийном и правительственном аппарате, поскольку, как им стало известно, «диссидентов» выпускают съездить за границу. А как у вас ведут себя друзья-либералы?

— Либералы,— удивился Провинциал.— Вы, очевидно, шутите? Был у нас один случай. Начальник городской милиции призвал подчиненных не оставлять заметных следов на видимых частях тела задерживаемых, за что секретарь Горкома обвинил его в гнилом либерализме. Вы это имеете в виду? Нет? В таком случае я должен признать, что никаких либералов у нас нет вообще. У нас все жители революционеры, как это и должно быть через шестьдесят лет после революции. И даже уголовники, амнистированные по случаю юбилея, тоже революционеры. Между прочим, из-за них стало опасно выходить на улицу с рассвета и до захода солнца. Ночью они, как и прочие граждане, спят, ибо у пьяниц все равно взять нечего, а милиционеры прячутся так, чтобы разыскать их /чтобы набить морду, естественно/ ни пьяницы, ни бывшие уголовники /которые тоже все сплошь пьяницы/ не способны. Так что насчет либералов у нас худо. Придется за ними /как и за колбасой, мясом, маслом, яйцами/ приезжать к вам в Столицу. Мы были бы вам очень признательны, если бы вы дали нам брошюры с разъяснениями самых простых вещей: кто такие либералы и диссиденты, что такое права человека и т.д. Поймите, вы тут в Столице живете сравнительно с нами почти что на Западе, как на Западе. А у нас там такая ужасающая дремучесть. Все ваши усилия фактически не выходят за границы Столицы.

Настоящий коммунист

— У нас,— говорит Критик,— выражение «настоящий коммунист» употребляется в двух смыслах: 1/ в смысле человека, действующего в качестве активного члена партии, в системе партии, через партию и т.д.; 2/ в смысле честного, скромного, мужественного, самоотверженного человека. В нашем народе много «настоящих коммунистов» во втором смысле. Не будь их, не выстояли бы мы в Гражданской и Отечественной войнах, не выдержали бы индустриализации, коллективизации, репрессий, голода. Наша партийная демагогия изображает дело так, будто человек становится «настоящим коммунистом» только благодаря коммунистическому мировоззрению, будто это есть качество «настоящего» члена партии. А между тем это ложь. В свое время партия основательно эксплуатировала эти чисто народные качества в своих сугубо партийных целях. Однако теперь стало очевидно, что именно «настоящие коммунисты» во втором смысле не могут процветать в нашей системе. У нас процветают настоящие коммунисты без кавычек /в первом смысле, т.е. демагоги, лицемеры, карьеристы, хапуги/. Конечно, какой-то элемент «настоящих коммунистов» допускается для маскировки и облагораживания прочего скота. Но процент их ничтожен. Он лишь для показухи достаточен.

Из «Евангелия от Ивана»

Ребята, неужель не жаль
Пороть вам чушь такую сдуру,
Что будто за грошовую медаль
Закрыл я грудью амбразуру?
Вам не приходит в голову мысля,
Что был я просто рядовой мужчина,
Что лишь потом, погибнув, опосля
Я был не против ордена и чина...
Вам не приходит в голову вопрос:
Зачем ему-то эти сказки были?
Ведь он, как мы, в навоз по горло врос,
Ведь он, как лошадь, в пене был и в мыле!
А ведь ответ, ребята, очень прост,
Он репы пареной, как говорится, проще.
Я шел врагу навстречу в полный рост?
Терял я зубы, тощей клячи тоще?
В сырую землю я живьем вмерзал?
Клыкки познал сторожевой овчарки?
И женщин, в общем, толком не видал?
И не испил с друзьями доброй чарки?..
Как говорить теперь привыкли вы,
Ответ банален, нету в нем накала.
Да потому, что есть еще на свете львы,
А не одни трусливые шакалы.

Программа Террориста

— Не могу понять,— сказал Террорист,— почему наши диссиденты грызутся между собою. Тут полное единство нужно.

— Не так-то просто это,— сказал Пропагандист.— Вы попробуйте, придумайте единую программу для всех!

— И придумую. Это — раз плюнуть!

— Ну, плюньте!

— Пожалуйста. Засекайте время. Итак, программа минимум. Пункт первый: гражданин не обязан быть прикрепленным к месту работы и жительства. Пункт второй: гражданин не обязан объяснять кому-либо источники своего существования. Пока не доказано, что способы добывания средств существования незаконны, и суд не вынес решения по сему поводу, гражданин безнаказанно может тратить любые средства, имеющиеся в его распоряжении. Пункт третий: любой гражданин может пустить в свое жилище на любой срок, кого он пожелает. Продолжать?.. Видите, это же так просто.

— Не так-то просто,— сказал Пропагандист.— У меня есть существенные возражения. С такой конституцией от спекулянтов и жуликов житья не будет. Коррупция и так разъедает наше общество во всех звеньях, а так она будет законена.

— У меня тоже есть существенные возражения,— сказал Скептик.— У нас армия людей, уклоняющихся от труда, достигает огромных размеров. Даже при наших строгостях. А представляете, что будет твориться с такой «конституцией»? Целые республики будут околачиваться в районе столичных рынков и магазинов...

— Видите,— сказал Пропагандист,— а что будет, когда вы перейдете к программе максимум?!..

О сознаториях

На третьей полосе газеты была дана подборка фотографий: жилые корпуса сознатория, процедурные корпуса, клуб, стадион, группы веселых и здоровых людей, проходящих курс оздоровления. Даны ответы оздоравливаемых на вопросы корреспондента газеты. Ответы все одинаковые: нам здесь очень хорошо, хотелось бы остаться тут навсегда.

На четвертой полосе была помещена справка о целях сознатория, о распорядке дня, о нормах содержания, о правах и обязанностях оздоравливаемых, о правилах направления в сознатории. Под справкой напечатали очерк всемирно известного писателя, которого на Западе считали чуть ли не диссидентом. Писатель был потрясен увиденным. Раньше таких к стенке ставили,— писал он об оздоравливаемых,— а теперь нянчимся с ними в санаторных условиях.

А вот что рассказал членам Комитета Гласности один из оздоравливаемых, которому удалось убежать из сознатория и некоторое время скрываться. Между прочим, был объявлен общегосударственный розыск сбежавшего. Его фотографию показывали по телевизору. Выдали его друзья, случайно увидевшие его на улице.

— Я был студентом филологического факультета. Мы с группой ребят организовали кружок. Сочиняли стихи, обсуждали. Один подонок как-то пронюхал и рассказал о нас на собрании СКМ. Нас начали прорабатывать. Ребята струхнули и раскаялись. А я уперся. Меня, естественно, исключили из СКМ, а затем и из Университета. Сразу получил повестку из военкомата: призывают в армию. На комиссии признали негодным, хотя я спортсмен. Направили к психиатру. В итоге — белый билет. Я сначала обрадовался, хотел на работу устроиться. Нигде не берут. Через месяц вызвали в административную районную комиссию. Комиссия — пенсионеры, старые коммунисты, один из них доцент. Присутствовал офицер из МВД. Постановили: направить в сознаторий. Что это такое, спрашиваю. Там узнаешь, ответили. На другое утро к нам пришли два здоровых парня. Я собрал вещички, и меня доставили в Вождеград.

Место там отличное. Я даже повеселел. Потом мы подошли к участку, огороженному забором с колючей проволокой. Вышки. Ну, думаю, влип. Это же

обычная каталажка. Прошли через проходную. Внутри корпуса казарменного типа. Правда, без решеток. И народ свободно бродит. Зашли в один из корпусов. На меня заполнили анкету. Проверили вещи. Пропустили через дезинфекционную камеру. Потом отвели в палату /или камеру?/. В палате десять коек впритык. Тумбочки. Портреты вождей. Познакомился с ребятами. Все примерно моего возраста. В основном студенты.

Кормили отвратно. Пичкали политбеседами. Гоняли на подсобные работы. Через несколько дней повели на медицинские процедуры. Я был наслышан об этом. Решил — не дамся. Ребята махнули на это рукой и приняли уколы спокойно. Я отказался. Пытались силой. Я в ответ учинил там полный погром. На меня набросилось человек десять. Ребята из нашей палаты помогали им. Меня запихнули в какую-то темную комнату и заперли там. Кто-то снаружи сказал, что без карцеров все равно не обойтись. И строить их надо было сразу. Мол, все равно на этих дурацких уколах далеко не уедешь. Карцеры надежнее. И охрану надо усилить.

Я обследовал помещение. Оказалось — кладовка. С окном. Но шестой этаж: не выскочишь. Однако я добрался до водосточной трубы и спустился. С территории вышел через проходную. Вахтер, должно быть, за своего принял. Я — на станцию. Повезло: ехала группа студентов со стройки. Я им наплел что-то. Спал на багажной полке. Один из ребят заподозрил, что я не сказал истины. Отозвал меня в тамбур, и мы потолковали по душам. Он мне и дал ваш адрес.

Из «Евангелия от Ивана»

Банальный жизненный урок
Доступен всякому болвану
И даже русскому Ивану:
Придет отмеченный нам срок.
Подохнем, небо откоптив.
И станет, будто мы не жили.
Пятно позора не ложили
На наш здоровый коллектив.
И в протрезвляющих местах
Как будто вовсе не бывали,
В чужих подъездах не блевали,
В ночных не спали поездах.
И все же времени река
Не смоеет нас совсем бесследно.
И мы однажды тенью бледной
Падем на прошлые века.
Родится ловкий прохиндей,
Все подытожит досконально.
И труд напишет эпохальный
Про сущность наших пошлых дней.
И впишет он строкой одной
Нас на истории скрижали.
Мол, мы, как все, в строю шагали,
Ведомы партией родной.

ПУТИ НЕИСПОВЕДИМЫЕ

Тоска о прошлом

Тоска о прошлом есть верный признак реакционности мировоззрения, если она не освещает дорогу в будущее, говорит Автор хорошенькой технической сотруднице редакции, желая компенсировать свою заурядную внешность блестящим умом и эрудицией. А что прикажите делать? Раньше в Москве без особого труда можно было найти уютное местечко, где можно было прилично выпить, закусить и поболтать в хорошей компании. А теперь Москва на глазах превращается в образцовый коммунистический город, и потому вы сутками можете бродить по ее распрекрасным улицам без всякой надежды найти такое уютное местечко или попасть в него. А о компании и говорить нечего. Раньше даже самая скверная компания была хорошей. Теперь же даже самая хорошая никуда не годится. Покопайтесь в своей памяти, и вы сами увидите, что нынешние компании ни в какое сравнение со старыми не идут. Раньше, например, будущий помощник самого высокого лица в стране не гнушался компании бесперспективного младшего научного сотрудника. Вы скажете, что тогда помощник еще не был таким значительным лицом, как сейчас, и сам сшибал трешки и пятерки на выпивку, обычно забывая их возвращать? А какое это имеет значение? Все равно это не мешало ему проводить время в обществе некоего младшего сотрудника. А теперь? Теперь даже паршивый заместитель главного редактора журнала третьего ранга гнушается пойти уже со старшим /!/ сотрудником отметить публикацию его весьма удачной статьи в упомянутом журнале. Говорит, неправильно истолковать могут. А разве существует правильное истолкование?! Теперь вообще все стало не так. Вот раньше!.. Как-нибудь при случае я вам расскажу. Как сказал один мой друг, ныне безвестный поэт,

Какие слышались слова!
Какие всюду мысли спели!
И даже в трезвых головах
Мозги идеями кишели!
Каково? Правда, гениально?

Компания

Отмечать статью пошли ответственный секретарь, один старший редактор, два младших редактора и внештатный консультант с увеличенным самомнением, приложивший немало усилий, чтобы провалить статью. По выходе из редакции к ним присоединились член редколлегии, с мнением которого никто не считался, и человек без имени, который в таких случаях возникал словно из-под земли и прилипал ко всем компаниям. Все знали, что человек — сотрудник КГБ, и он сам этого не скрывал, но принимали его в компанию охотно, поскольку не принять все равно не могли и поскольку считалось, что своих он не закладывает. А своим он

становился уже после третьей рюмки, когда он вытаскивал свое служебное удостоверение и показывал всем желающим. После этой процедуры в компании можно было спокойно говорить что угодно и о чем угодно. Но все равно это уже не меняло положения существенным образом. Раньше, когда удостоверений не предъявляли и каждый подозревал в собеседнике стукача, было куда интереснее. Как сказал друг Автора, ныне безвестный поэт,

Мы не жалели на попойки
Не только дней, но и ночей.
И, словно братья, у помойки
Вникали в души стукачей.

Идея

Устроились, как обычно, в «стекляшке» на перекрестке проспекта Буденного и улицы Сусликовской. Здесь можно было распивать приносимые с собой спиртные напитки при том условии, что пустую посуду оставляете уборщице и на закуску берете безропотно ту дрянь, которую вам предложат, причем — за двойную цену. Пили молча и вяло. Скучно. Консультант учил всех уму-разуму. Все ценности относительны, бубнил он, поедая с жадностью одну порцию фиолетового картофельного пюре с тошнотворным шницелем за другой. Никто не мог объяснить, почему эта жвачка именовалась шницелем. Только сонная, разжиревшая на даровых харчах кассирша твердила одно: это — шницель согласно меню на сегодняшний год. Все ценности, повторяю, относительны, цедил сквозь перепревающий шницель Консультант. Я помню, когда я был мальчишкой, у нас во дворе было одно чахлое деревце, потрескавшийся асфальт, мусорный ящик, какие-то доски и коробки. А между тем мы среди всего этого хлама сооружали себе волшебные дворцы. А теперь? Прекрасные дворы. Детские площадки. Парки. Потрясающие игрушки и книжки. И все равно скучно! Почему? Потому что люди узнали, что есть места, где все это гораздо лучше, сказал Член редколлегии. Дело не в этом, сказал Автор. Ценности относительны лишь в западной цивилизации. У нас же вырабатывается система абсолютных ценностей, и в этом наше преимущество. Что я имею в виду? Поясняю примером. Мы носим вот эти штаны, и мы довольны, что мы не без штанов. Мы не различаем штаны по рангам ценностей. Для нас либо есть штаны, либо их нет. Для нас все штаны суть штаны как таковые. И если мы в каких-то штанах, мы в штанах. И у нас нет никаких проблем штанов. Мы счастливы. Это — абсолютная система ценностей. В ней любое жилье есть жилье, любая еда есть еда. И так во всем. Возьмите теперь Запад. Там дело не просто в том, что ты ходишь в каких-то штанах, живешь в какой-то квартире, жрешь какую-то еду, читаешь какие-то книги. Там дело в том, какого сорта штаны ты носишь, в каком жилье спишь, что именно жрешь и пьешь. Это — система относительных ценностей. Она касается того, что есть, а не того, чего нет и может не быть совсем. Мы были счастливы в своей абсолютной системе ценностей. Потом нам показали Запад и навязали чуждую нам систему относительных ценностей. И мы стали несчастными. Надо возвращаться назад. Секретарь на это сказал, что он не согласен, что он — оптимист — ленинец, что коммунизм мы все равно построим. И в США мы тоже построим коммунизм, а всех черномазых отправим в Сибирь. Консультант сказал, что он полностью согласен с Секретарем, только предложил перед отправкой негров в Сибирь содрать с них джинсы. Старред сказал, что он лично оставил бы в Москве десять тысяч негритянок. Говорят, у них дьявольский темперамент, любопытно было бы попробовать. Один из редакторов сказал, что его проблема коммунизма вообще не волнует. Секретарь безмерно удивился этому. Младред сказал, что его неверно поняли. Он не сомневается в победе коммунизма. Если бы это было не так, то это не было бы записано в программе партии. Его

волнует, что будет потом, после коммунизма. Старред сказал, что коммунизм будет установлен навечно, после него уже ничего не будет, а негров лучше отправить в Африку, пусть с арабами е...я. Уборщица сказала, что пора выметаться. Секретарь сказал Автору, что ему надо с ним потолковать об одном важном деле, а младших редакторов попросил отнести члена редколлегии домой.

У меня идея, сказал Секретарь после того, как им удалось сбегать безмянного человека на растерзание Консультанту, на которого напал зуд поучительства. Надо сделать статью о том, как товарищ Сусликов пришел к открытию стадии высокоразвитого социализма и конкретных путей перехода от него к подлинному коммунизму. Я тебя свяжу с Помощником. Ты его знаешь? Еще бы, сказал Автор, я с ним не одну бочку водки в свое время выпил. Об этом забудь, сказал Секретарь. Водку он больше не пьет совсем, перешел на коньяк. Но будь готов к тому, что у тебя может появиться соавтор или что статью подпишет кто-то другой. Ясно, сказал Автор, не в первый раз. Как говорил в свое время мой друг, ныне безвестный поэт,

И не жалели мы открытий
Кому попало так отдать.
И проявляли больше прыти
По той причине наподдать.

А что, если?! Это — идея, сказал Секретарь. Правда, жена будет скрипеть... А ну их, жен, сказал Автор. Как говорил все тот же мой друг,

И даже жен мы не боялись,
И слали на х... партбюры,
Когда до змия надирались
Какой-то с градусом муры.

О евреях, Западе и диссидентах

Забегаловка была битком набита всяким сбродом, спешащим до закрытия набраться хоть какой-нибудь дряни с градусами. Пришлось дать трешку уборщице. Та принесла пару чуть живых табуреток и втиснула их в интеллигентную компанию. Соседи поворачали немного и вернулись к прерванному разговору, не обращая внимания на вновь прибывших и друг на друга.

— Вчера за грибами ходил, — сказал сосед справа от Секретаря. — Нашел всего десять штук. А после меня по тем же местам еврей пошел. Так он полсотни выкопал. Умеют устраиваться, гады! Не пойму, почему власти удерживают их тут? Будь моя воля, выгнал бы всех до одного.

— Что ты мне бубнишь все про этот Запад, — сказал сосед слева от Автора. — Я ведь там бывал. И не раз. Такое же дерьмо, как у нас, только совсем по-другому. Захотел ты, к примеру, по нашему русскому обычаю посрать. Ищи монету! Пока не сунешь в дырочку полсотни пфенигов или сантимов, унитаз не откроется. Сел — старайся выложиться в тридцать секунд. Не успел — суй новую монету. Нет монеты — получай удар под задницу и доделывай в штаны. Вот как живут, сволочи. Власть чистогана, ничего не поделаешь!

— Их выпустят, — сказал собеседник соседа справа, — а мы останемся тут жить в нашем дерьме?! Нет, брат, их не на Запад, а на Восток надо. В Сибирь! Сталина бы сейчас сюда! Он бы в два дня все обделал. А наши нынешние мудаки церемонятся. Хотя что от них ожидать?! Они же сами сплошь евреи!..

— У меня зять недавно ездил на Запад, — сказал собеседник слева. — Его особенно поразили помойки. Говорит, что помойки там чище, чем наши кухни. Но малокалорийные. Парадоксально? Мы едим всякое дерьмо, а помойки наши самые

калорийные в мире. Почему? Да потому, что то, что мы едим, несъедобно. И половину приходится выкидывать. На Западе еды навалом, а в помойках даже тараканам поживиться нечем. Почему? Да потому, что пища доброкачественная.

— У нас еще терпимо,— сказал Секретарь.— в Африке еще хуже.

— Чушь,— сказал сосед слева.— В Африке отбросы поедают львы и орлы. А у нас даже львов и орлов нету.

— В зоопарке есть,— сказал Автор.

— Вообще-то говоря евреи не все такие, — сказал сосед справа.— У меня есть знакомые евреи. Некоторые из них очень хорошие люди. Выслать их надо, но выборочно. Тех, кто полезен государству и не рыпается, можно оставить.

— Со мной такой случай произошел в Париже,— сказал сосед слева.— Решил купить какую-нибудь вещичку. Подешевле, конечно. Сам знаешь, сколько нам валюты дают. А что может быть дешевле шнурков для ботинок?! Взял шнурки. Стал расплачиваться — чуть в обморок не упал. Оказываетя, шнурки в три раза дороже стоят, чем ботинки! Почему? Да потому, что из натуральных ниток и ручной работы! А ты говоришь — Запад! Дерьмо твой Запад!!

— У нас таких людей, которые понимают недостатки нашего общества, и без диссидентов полно,— говорит Секретарь.— Такие люди есть во всех слоях общества — среди ученых, писателей, работников министерств и даже кагебешников.

— Ну и что,— говорит Автор.— Из того факта, что эти люди понимают наше общество и поносят его недостатки, никак не следует, что они готовы сражаться против существующего строя. Возьми, к примеру, нас с тобой. Разве мы...

— А один парень из нашей группы решил брюки себе купить, — сказал сосед слева.— Кажется, что может быть проще? Этих брюк там — тысячи. На любые вкусы. На любые деньги,— от копеек до тысячи франков. Так он трое суток убил на то, чтобы выбрать. И не смог. Так и уехал обратно в отечественных штанах. Всю дорогу потом плакал. И было отчего. В Москве из-под прилавка, без выбора и втридорога придется купить какую-нибудь дрянь. А ты говоришь — Запад! Дерьмо твой Запад!!

Замыслы и умыслы

Домой автор заявился, окрыленный перспективой. Рассказал жене о разговоре с Секретарем, и она отменила намеченную сцену. Требуя трехкомнатную квартиру, сказала она. Это — единственный шанс. Сейчас или никогда, не будь растяпой. Я сама поговорю с Помощником, напомним ему, как он когда-то сшибал у нас трешки без отдачи. Ни в коем случае, сказал Автор, загубишь все дело. Всю ночь Автор не спал. Статья в его воображении выросла до размеров брошюры, а последняя разрослась в объемистую монографию. Сам товарищ Сусликов встречается с Автором. Его переводят в аппарат ВСП. Он становится помощником товарища Сусликова. Ему доверяют отдел в ВСП. Какой? Допустим, науки. Нет, лучше пропаганды. Затем избирают в члены ВСП. Разумеется, большая квартира в «Царском Селе». Дача. Машина. Поднявшись в воображении на вершины власти, Автор начинает скрупулезно продумывать систему мероприятий, которые должны продвинуть страну далеко вперед и вписать его имя навеки в историю человечества. Лежи спокойно, шипит рядом жена и возвращает Автора на землю. Не ворочайся! Ты можешь дрыхнуть весь день, а мне вставать чуть свет, ребенка в детский сад вести, вам поесть приготовить и на работу бежать! Спи! Но автору не спится. Сознание его начинает крутиться совсем в другую, даже в противоположную сторону. Свою фамилию под этой идиотской статьей ни в коем случае не поставлю.

Иначе ребята засмеют. Какая могла быть творческая эволюция у этого серого и бездарного болвана?! Впрочем, можно делать по-умному, так, что умные люди сразу поймут, что к чему. Роман бы написать на эту тему. Это идея! Через переживания вождя показать суть нашего общества. Здорово! Это — находка! В литературе были уже случаи, когда общественная жизнь изображалась через переживания лошади, волка, собаки. А через переживания вождя — этого еще не было. И задача эта потруднее, чем через эмоции собаки показать общественные коллизии. У этого болвана наверняка и эмоций-то никаких нет. Им эмоции держать не положено. Но тема любопытная. А что если поработать, собрать материальчики, да и напечатать книжонку на Западе. Вот шумиха подымется! Измученный бессонницей, Автор заснул под утро. И ему приснился прекрасный теоретический сон на высоком идеологическом уровне.

И даже сны тогда нам снились
В небесно-голубых тонах.
Мы в бой в тачанках уносились
В тех подзаборных старых снах.

Тоска о прошлом

— Был у меня в юности друг. Очень добрый, нежный. После училища наши дороги разошлись. Потом я всю жизнь мечтал с ним встретиться. Хотел разыскать его, но как-то все не получалось. И вот недавно смотрю по телевизору документальный фильм о крупной банде спекулянтов. Смотрю, показывают старого и довольно гнусного вида мужчину. Ужасное знакомое и вместе с тем чужое лицо. И не успел диктор назвать его фамилию, я узнал его: он!! Очень нехорошо на душе у меня стало. Я почувствовал себя почему-то виноватым за то, что этот человек дошел до такой жизни. Хотя, до какой?! Это я прозябал, а он сотнями тысяч ворочал, жил в свое удовольствие. И все-таки ринулся я в Уголовный Розыск. Оказалось, этот фильм снимали много лет назад. Мой друг получил тогда крупный срок, причем — далеко не первый. Я захотел узнать, где он отбывает срок, чтобы написать ему. Мне отказали. А милиция заинтересовалась мною. И начали копать мою биографию. До сих пор никак не успокоятся. Зачем им это нужно?

— Кто их знает. Может быть, у них, как у тебя, тоже тоска о прошлом работает.

Основной закон коммунизма

Каждый новый вождь в Стране, придя к власти, первым делом делал три основных дела: 1/ начисто забывал о том, что реальный коммунизм в Стране был построен давным-давно, еще при Сталине; 2/ начисто забывал о том, что научный коммунизм, предсказанный классиками, есть бред сивой кобылы, что возможности построить его в действительности не превышают возможностей построения стоэтажного небоскреба на опоре из одной спички, расположенной к тому же сбоку; 3/ начисто забывал о том, что реальный коммунизм при этом был построен в строгом соответствии с научным. И забыв обо всем этом, новый вождь на другое же утро начинал думать о том, как бы все-таки ухитриться поднять общество еще на одну ступень, а то и в коммунизм махнуть. Неудачи предшественников не смущали. Предшественники делали ошибки и ничего не понимали в подлинном коммунизме. В соответствии с только что сформулированным законом действовал и товарищ Сусликов, став Вождем Партии и Главой Государства. Идею высокоразвитого социализма он вынашивал еще с юности и панически боялся, что ее перехватят конкуренты. Ему часто во сне являлся начальник ОГБ, хитро усмехался и грозился,

что сам объявит высокоразвитый социализм. Из-за этого у товарища Сусликова рано развился туберкулез и стали случаться эпилептические припадки.

Высокоразвитый социализм

Заседание ПБ ВСП, на котором обсуждался вопрос о высокоразвитом социализме, было острым и содержательным. После того, как товарищ Сусликов внес предложение объявить всенародно о том, что у нас построен высокоразвитый социализм /а то ведь сами не догадуются, сволочи!/, сразу же слово не взял, а схватил новый Начальник ОГБ, только что назначенный из числа комсомольских руководителей, женатых на родственниках товарища Сусликова. Это гениальное предложение, воскликнул Начальник ОГБ. Давно пора! А то совсем распустились, сволочи! Бараки давно приготовлены. Конгресс США все-таки утвердил решение Президента продать нам сто миллионов тонн колючей проволоки по сниженным ценам. Так что пора! Я всецело и всесторонне за гениальное предложение товарища Сусликова, перебил Начальника ОГБ завидовавший ему /и всем прочим, между прочим/ Главный Идеолог, истекая слюною умиления. Очень современно! Только, может быть, товарищ Сусликов сделает небольшое дополнение, разъясняющее само понятие высокоразвитого социализма, а именно, что это — почти что полный коммунизм, что никаких промежуточных состояний между высокоразвитым социализмом и коммунизмом не будет. А вдруг ежели что, перебил его Начальник ОГБ, заглядывая в глаза товарища Сусликова и всем видом своим изображая готовность /мол, если надо, так он и самого Идеолога, а то разболтался тут, старый болван!/. Товарищ Сусликов, понимая, что еще не время, счел замчанье Идеолога серьезным, но не заслуживающим внимания, потому что всегда может случиться что-нибудь такое, из-за чего. Помните, Хрущев обещал полный коммунизм «нонешнему поколению»? Транспорт бесплатный обещал. Отдельные квартиры всем. А нам пока в интересах и для приходится повысить плату за транспорт. А установку на отдельные квартиры отменить как ошибочную.

Остальные члены ПБ молчали, что означало полную поддержку. Им было наплевать не только на развитый и высокоразвитый социализм, но и на полный коммунизм. Они много десятков лет назад с большим трудом спихнули экзамены по «научному коммунизму» в Заочной ВПШ и думали только об одном, как бы их самих не спихнули с постов, к которым они приросли душою и телом и расставаться с которыми не хотели ни в коем случае. Предложение товарища Сусликова было принято, таким образом, единогласно. Объявить высокоразвитый социализм товарищ Сусликов счел целесообразным на Чрезвычайном Пленуме ВСП. В связи с этим, сказал он Начальнику ОГБ, когда члены ПБ расползлись по своим постам, надо принять профилактические меры, чтобы не было чего-либо такого, что можно было бы истолковать не так, как следует, и очистить Столицу от неустойчивых элементов.

Меры

Каждый раз, когда в Стране собираются устраивать выдающиеся исторические события, а это бывает каждый раз, проводятся грандиозные профилактические мероприятия по очистке и оздоровлению. Из дворов домов, расположенных близко к центру и центральным улицам, начинают вывозить мусор, скопившийся в районе помоек. Сажают в сумасшедшие дома всех лиц, состоящих на учете в психиатрических диспансерах и имеющих хотя бы самое отдаленное отношение к политике и идеологии. Причем, сажают не только лиц с тенденцией к оппозиции режиму, но и с тенденцией к апологетике. Последних в первую очередь, ибо они более склонны к разоблачениям недостатков с целью введения улучшений. Первые же, хотя и разоблачают, улучшений никаких не требуют, ибо не верят в них, причем разоблачают именно лучшие стороны нашей жизни, которые улучшить все равно уже никак невозможно. Одновременно вешают амбарные замки на все

множительные аппараты, в учреждениях начинается круглосуточное дежурство сотрудников, проверяются огнетушители, увеличивается число нарядов дружинников и число дружинников в каждом наряде, милиционерам выдают белые краги и ремни и через одного по пистолету с настоящими патронами. Амнистированных жуликов отправляют обратно в лагеря. Точно так же поступают с теми, кто отбыл срок. Отдают в распоряжение вытрезвителей здания клубов, расположенных поблизости. Сообщения об очередном повышении цен на продукты питания и предметы ширпотреба печатают в провинциальных газетах, преподнося это как свидетельство стабильности политики цен и уверяя, что эта мера временная. Старики смеются: при Хрущеве повысили цены на то-то и на то-то, обещали через три года понизить, прошло... Одним словом, ха-ха-ха! Но все-таки верят. И, главное, понимают, что так нужно во имя и для. В учреждениях отсылают в дальние командировки лиц, относительно которых нет полной уверенности, что они не выкинут номер, но на которых еще нет пока установки сажать. Составляют и утрясают списки лиц, за которыми надо глядеть в оба. И выделяют лиц, которые глядят за ними в оба. Всех низших чинов ОГБ выгоняют на улицы города на оперативную работу для тренировок и впечатления. Их принадлежность к ОГБ видна за версту /что поделаешь, молодежь!показать себя хочется! романтика!/, и это действует на граждан устрашающе и успокаивающе. Захочешь пальнуть в кого-нибудь, пистолет не успеешь вытащить, схватят! Да и в кого палить?! Они же в бронированных машинах ездят, гады! Вот если бы бомбочку! А где ее взять? Кстати, о бомбах. Случаи взрывов в метро и гостиницах основательно напугали граждан и власти. Хотя гипотеза насчет того, что это — дело рук диссидентов, не подтвердилась пока, идея связать случаи такого рода с диссидентами, то есть с иностранными разведками и идеологическими диверсиями /Начальник ОГБ так прямо и сказал о попытке взрыва бомбы на одном из вокзалов Столицы, что это — идеологическая диверсия/ еще не снята с повестки дня. Скорее даже наоборот. А случай на вокзале, о котором только что упоминалось, весьма симптоматичен на этот счет. Откуда-то с юга приехала группа молодых людей с длинными волосами и бородами и оставила чемоданы в камере хранения. Там, где сами опускают монеты, набирают шифр из цифр, захлопывают дверцу и идут спокойно по своим делам со свободными руками. И напрасно, так как очень возможно, что со свободными руками придется убраться восвояси. Именно так произошло на сей раз. Пара столичных жуликов, специализировавшихся на вскрытии таких автоматов-хранителей, сперли чемоданы молодых людей. Отойдя на почтительное расстояние от вокзала, они присели отдохнуть: слишком тяжелы были чемоданы этих пажонов! И тут они услышали... тиканье! В чемоданах явно работали часовые механизмы! А жулики, как известно, тоже суть наши честные советские люди. Услышав тиканье и ассоциировав это с недавними взрывами, жулики сначала кинулись наутек. Но потом чувства ответственности перед народом, долга перед Партией и Правительством, преданности, национальной гордости и т.д. и т.п. взяли свое, и жулики снесли чемоданы в милицию. В милиции тоже сначала среагировали так, как среагировали жулики сначала, а потом среагировали так, как среагировали жулики потом,— еще одно лишнее свидетельство монолитного единства нашего общества. Вызвали специалистов. Не то минеров, не то разминеров. Чемоданы отвезли далеко за город. Вскрыли. Но никаких бомб не обнаружили. Обнаружили лишь обычные будильники, без коих невозможно обойтись студентам /молодые люди оказались студентами/ в общежитиях. Возникло подозрение, что жулики выкинули бомбы по дороге. После третьего допроса жулики чистосердечно признались, что выбросили бомбы в мусорную урну, а в какую именно, не помнят. Началась грандиозная работа милиции, ОГБ и трудящихся по прочесыванию мусорных урн и помоек... Если бы знал, что эти м....и так с нами обойдутся, сказал один из жуликов другому, придерживая разбитую челюсть, сам бы засунул в эти

чемоданы по паре бомб. Я же говорил тебе, что с Ними всякое сотрудничество кончается плохо, сказал другой жулик, придерживая разбитый нос и глаз, а ты... не те, видите ли, времена !! Историю, видите ли, вспять не повернешь!! Тьфу. Теперь если стяну чемоданы даже с атомной бомбой, ни за что не поделюсь с этими подонками.

Речь

Речь товарища Сусликова на Чрезвычайном Пленуме ВСП произвела ошеломляющее впечатление на Западе. В Стране ее восприняли обычно, так как давно к этому привыкли, и все ожидали, что ничего другого ожидать и не следует. И не ошиблись. Зато Запад! Мы-то думали, вопил Запад, что они /это они нас называют «они»/ скоро с голоду загнутся, а они /т.е. мы/ вместо этого еще шаг вперед к полному коммунизму сделали! Парадокс!!

Нас спрашивают, сказал товарищ Сусликов /на самом деле никто его не спрашивал, это выражение на самом деле есть ораторский прием/, чем отличается высокоразвитый социализм от простого развитого и чего ему недостает, чтобы стать полным коммунизмом? В чем дифференция специфика, как говорили древние греки, этой ступени развития общества к полному коммунизму? В чем, можно сказать, специфические отличительные особенности этой высшей на сегодняшний день ступеньки развития низшей ступени коммунизма, т.е. социализма? Развивая далее марксистско-ленинское учение и делая в него новый выдающийся творческий вклад, мы должны со всей откровенностью признать, что никаких специфических особенностей высокоразвитый социализм сравнительно с развитым не имеет, и в этом-то и состоит его специфика, особенность и качественное отличие. Особенность его состоит прежде всего в том, что он гораздо ближе к полному коммунизму, чем развитый социализм, ибо он есть очередной шаг вперед на пути... В частности, на предыдущей ступени мы несколько подраспустили евреев, арабов, америкацев и еврокоммунистов. Теперь этого нет и не будет впредь. Теперь мы будем следить, чтобы...

Речь товарища Сусликова неоднократно прерывалась бурными аплодисментами, переходящими в овации и вставание. Когда товарищ Сусликов сказал, что наконец-то мы покончили с диссидентами... В этом месте надо быть документально точным, поскольку... Сами понимаете, почему. Товарищ Сусликов, заложив правую руку за борт кителя, сказал: У НАС БЫЛИ ДЭСЫДЭНТЫ, У НАС ТЫПЕР ЫХ НЭТ, ТАВАРЫШИ!! И БЫТ ТЫПЕР БОЛШЕ НЭ МОЖЭТ!!! Когда товарищ Сусликов это сказал, весь зал не то что встал или даже вскочил на ноги, а взлетел на ноги. И начались такие аплодисменты... Не овации, а гром, грохот, атомный взрыв аплодисментов! Остановить их так и не удалось. Слышите? Они до сих пор грохочут. И теперь будут грохотать вечно. Наподобие «вечного огня». Так сама жизнь подсказала новый прекрасный обычай — Вечные Аплодисменты.

Истоки

Главная наша задача, сказал Начальник ОГБ в докладе «Диссидентов у нас нет и быть не может», состоит не в том, чтобы выяснить, куда идет диссидентское движение. Куда оно теперь идет, всем известно: никуда. Главная наша задача состоит в том, чтобы выяснить, откуда оно пошло, ибо только закрыв это «откуда», мы сможем понять закон высокоразвитого социализма, согласно которому его не может быть. Самое поразительное в этой проблеме — наличие многочисленных претендентов на роль предшественников, родоначальников и первоисточников диссидентского движения...

И в самом деле, теперь на роль зачинателей дела прогресса в Стране претендуют все, кроме диссидентов. Кто знает, может быть даже и они претендовали бы, если бы были. Но их нет, как сказал товарищ Сусликов, и больше быть не может. Значит, и претендовать они не могут. Прежде всего на роль родоначальника всякой оппозиционной, критической и даже диссидентской струи в Стране претендует один известный художник, эмигрировавший на Запад. Правда, он заявил свои претензии, оказавшись в полной безопасности на Западе. Но кто знает, если бы он знал заранее, что на эту роль будет претендовать кто-то другой, кроме него, он заявил бы свои претензии ранее. Но тогда неизвестно, смог бы он безнаказанно уехать на Запад и заявить там о своей выдающейся роли. Художник заявил свои претензии и на многое другое, в том числе на то, что он на самом деле продиктовал книги многим критическим авторам и сочинил критические песни, которые распевала вся Страна. Это, надо думать, он сделал с целью защиты своих друзей, томящихся в застенках Страны, и отвлечения главного карательного удара ОГБ на себя. Что же касается диссидентства, то тут у него права неоспоримые: это он первым в истории Страны схватил за пуговицу самого Вождя и чуть эту пуговицу не оторвал с мясом. По слухам сейчас эта пуговица хранится в музее «Борцов за права человека» в Париже.

Услышав о том, что Художник претендует, Неличка Подмышкина /нет надобности ее представлять вам, вы и сами прекрасно знаете ее по замечательным сочинениям о подлинном коммунизме/ смеялась до слез. Ха-ха-ха, хихикала она, когда этот хвастун делал вид, что хочет схватить этого болтуна за пуговицу, у нас уже животы болели от анекдотов по поводу кукурузы и «нонешнего поколения». Ха-ха-ха!! Но Неличка молчаливо обошла вниманием тот факт, что сама она и весь ее «салон» /«Нелькин салон», как его именовали завистники-интеллигенты/ вышли из движения методологов, возникшего еще в те далекие годы, когда одни будущие диссиденты сидели в концлагерях, другие укрепляли оборонную мощь Страны, третьи еще не появились на свет, а самой Неличке еще не снилась перспектива стать умнейшей женщиной века. И тут по всей вероятности дело не в простой забывчивости. Это уже серьезно.

Услышав, в свою очередь, о претензиях Нелички, этой /по его мнению/ самодовольной феноменальной дуры, один из основателей движения методологов по имени Гепе, объявивший себя основателем после того, как реальный основатель, основав движение и увидев, какое из него на самом деле дерьмо получается, покинул движение, заявил на постоянно действующем семинаре невыявленных шизофреников и стукачей, что все началось с его идеи исследования мышления как деятельности. О прочих претендентах говорить пока не стоит хотя бы из конспиративных соображений. Разве что намеком. Например, в Москве насчитывается по крайней мере три человека, которые все это высказали и написали задолго до, причем гораздо лучше, чем это сделали другие после них потом. Кто знает, может быть, напечатают они наконец-то свои соображения на Западе, мир содрогнется, и опять все закрутится сначала.

Салон

Большая часть московской интеллигенции встретила разгром диссидентского движения в конце семидесятых годов с удовлетворением. И не потому, что интеллигенция была против соблюдения прав человека. Она была очень даже за эти права, признавая право считаться человеком в первую очередь за собою. А потому, что диссиденты незаконным образом сами узурпировали право считаться лучшими представителями советского общества, каковыми они на самом деле не были. Эту сложную и весьма деликатную ситуацию очень точно сформулировала Неличка Подмышкина. Она сказала, что теперь настоящие люди могут спокойно

продолжать ранее начатое ими серьезное дело прогресса общества. Сказала она это в компании своих близких знакомых и друзей, которую не только завистники в насмешку, но и историки в знак уважения именовали «Нелькиным салоном». Сказала после того, как по телевидению /в программе «Время»/ объявили о приговоре последней группке диссидентов, и перед тем, как на столе появилась жареная телятина. Это дало повод остроумным гостям обыгрывать тему прогресса общества под углом зрения потрясающей телятины, которую теперь даже в «Безде» не всегда достанешь.

Прежде чем Неличка Подмышкина стала крупнейшим представителем передовой московской интеллигенции и выразителем ее самых сокровенных дум и чаяний, утекло немало воды /последнее выражение насчет воды есть дословная цитата из основного труда Нелички «Марксизм и современность»/. Сначала Неличка была просто миловидной, но необычайно посредственной /скорее даже глупенькой/ студенткой университета, приехавшей в Москву из небольшого приволжского городка. На третьем курсе она случайно стала членом комитета комсомола факультета и вышла замуж за человека по фамилии Подмышкин. Вышла по любви, так как человек по фамилии Подмышкин, хотя и жил в двухкомнатной отдельной квартире с родителями, был, однако, довольно красивым и веселым парнем. Брак оказался неудачным. Муж пьянствовал и регулярно изменял ей с кем попало, честно признавшись ей, что она не удовлетворяет его как женщина. Неличка об этом признании растрепала, само собой разумеется, всем своим знакомым, совершенно не подозревая о том, что ее история дала основу для анекдота, молниеносно распространившегося по Москве /«всех удовлетворяет, а его, видите ли, нет!»/. После развода через суд разделили квартиру. Неличке с сыном досталась маленькая комнатка. Квартиру затем удачно разменяли, и Неличка стала обладательницей отдельной хорошей комнаты в малонаселенной квартире /кроме нее в квартире жила еще пожилая бездетная пара/. Сына Неличка отправила к матери, чтобы он не мешал ей всецело предаваться науке, — она в это время уже училась в аспирантуре. Сокурсники, конечно, и по этому поводу много острили, отыскивая объяснения внезапно начавшейся Неличкиной научной карьере в постельных отношениях, в связях с органами и прочих сферах, не имеющих отношения к науке. Но они ошибались. И не столько ошибались, сколько лицемерили, ибо сами не хуже других знали, что упомянутые сферы имеют к науке более тесное отношение, нежели эрудиция и таланты, а с точки зрения познаний и талантов они превосходили Неличку не настолько значительно, чтобы иметь достаточные моральные основания для острот. Кроме того, к этому времени Партия и Правительство приняли решение всемерно поднять уровень науки путем увеличения числа кандидатов и докторов наук. Будучи обладательницей безупречной анкеты и комсомольской активисткой, Неличка просто не могла миновать аспирантуру. Ей не позволили бы это сделать, если бы даже она захотела уклониться от аспирантуры и если бы слухи насчет ее взаимоотношений с научным руководителем, престарелым членом-корреспондентом Академии Наук, оказались ложными. После удачной защиты диссертации Неличка ощутила в себе вкус к науке и некое высшее призвание. Хотя она к этому времени прибавила в весе двадцать килограмм и потеряла половину зубов, зато обрела беспредельное самодовольствие и репутацию умнейшей женщины в научно-исследовательском институте /в отделе было двадцать человек, из коих двенадцать были мужчины/. Через пару лет она женила на себе молодого аспиранта, оставив с собой оригинальную фамилию Подмышкина с целью сохранения творческой индивидуальности. Под этой фамилией она уже опубликовала несколько статей, обесчленивших ей, как она полагала, заметное место в советской науке. Пока в советской, говорила она, вкладывая в слово «пока» тот смысл, что скоро ее претензии будут распространяться на науку в мировом масштабе. И если бы она взяла фамилию мужа, как она потом

неоднократно разъясняла сотрудникам института и студентам университета, это внесло бы серьезную путаницу в оперировании научной литературой.

Молодой муж Нелички, сотрудник КГБ и выпускник Института Международных Отношений /ИМО/, был направлен в аспирантуру в университет с таким расчетом, чтобы со временем его можно было послать за границу с научными делегациями и лекциями и включать во всякие международные организации без риска провала. Он обнаружил незаурядные способности к наукообразной болтовне, с блеском защитил кандидатскую диссертацию, напечатал кучу статей и пару книжонок, почтительно именуемых монографиями, и на полгода раньше самой Нелички защитил докторскую диссертацию. Числясь на постоянной работе в одном закрытом учебном заведении при ЦК /или, что одно и то же, при КГБ/, в котором обучались коммунисты или будущие коммунисты капиталистических стран Запада, муж по четыре-пять раз в год ездил за границу, привозя оттуда разнообразное барахло, книги и рассказы об «их нравах», отличающиеся от официальных. Неличка тоже стала доктором и профессором. Оба супруга устроились на полставки: одна в университет, другой в ИМО. Обоих охотно печатали партийные и общественно-политические журналы и газеты, что давало солидные гонорары. Плюс гонорары за статьи в научных журналах и сборниках, за книги и за переводы на иностранные языки. Плюс специальный распределитель продуктов. Плюс прекрасная квартира, которую выдали супругам, сохранив за ними их старую площадь /Неличка сумела прописать в свою комнату мать/. Все это в совокупности создало необходимые условия для «Нелькиного салона» — самого значительного /по мнению создателей и участников «салона»/ явления в духовной жизни интеллигентного общества этого периода с точки зрения характера обсуждавшихся проблем и глубины их понимания. Среди этих проблем можно назвать такие: фактическое положение населения Страны, природа оппозиции и диссидентства, право на протест, право на выступление от имени народа, цели и средства, оппозиция и Запад, ответственность за последствия протестов и т.д. Проблемы обсуждались в непринужденной светской обстановке, без излишних эмоций, с некоторой долей юмора, перемежаясь беседами о спорте, модах, женщинах, фильмах, винах, а также сопровождаясь вкусными закусками и превосходными винами. Это позволило избежать односторонности, тенденциозности, предвзятости, преувеличений, преуменьшений, искажений и прочих отрицательных явлений, характерных для обсуждения такого рода проблем в диссидентских кругах.

Методологи

Движение методологов /по мнению самих методологов/ представляет гораздо больший интерес для истории, чем диссидентское движение и чем «Нелькин салон» по многим причинам. «Нелькин салон» не есть движение в строгом смысле этого слова. Это — скорее некое стояние, устремленное вперед, динамическое топтание на месте. К тому же после того, как Неличка завела режим экономии /по слухам — дачу новую собирается строить/, кормежки гостей в ее доме прекратились, и салон распался. К тому же и время не то, Неличка собирается быть выдвинутой в членкоры или на премию. Диссидентов же движение методологов превосходит уже тем, что оно выстояло и существует до сих пор. И нет даже намеков на то, что его будет искоренять. А главное — это есть движение как таковое, в чистом виде. Оно не имеет никаких целей и результатов. Оно не имеет никаких причин. Оно движется, и больше ничего. Причем, движение это состоит в том, что в него бог весть откуда приходят новые полоумные участники, посещают семинары и совещания, выступают, сочиняют трактаты, становятся талантами и гениями, грозятся перевернуть и исчезают бог весть куда, став старыми неудачниками, бездельниками,

шизиками, стукачами, пьяницами... Оно движется как будто бы внутри, но на самом деле где-то вне и около. Как будто бы с шумом и грохотом, но так, что никто не знает и не слышит о нем. И потому оно есть квинтэссенция и суть оппозиционности как таковой. И потому оно неуничтожимо, если бы даже Партия и Правительство бросили все силы общества на его уничтожение, ибо оно не существует реально. Оно существует лишь в воображении его участников.

А возникло оно так. Один веселый пьяница-студент университета, которого несколько раз собирались исключить за сомнительные высказывания, но проявили гуманизм, поскольку студент был участником войны и выходцем из крестьян, поклялся на спор, что он прочтет «Капитал» Маркса от корки до корки. Произошло это, естественно, после того, как студент осушил не менее поллитра водки и плохо соображал, где он находится и с кем имеет дело. В трезвом виде он такую глупость не сделал бы ни за что, так как был парень неглупый. Очухавшись на другой день на квартире у Гепе и увидев перед носом три толстенных тома «Капитала» и еще несколько томов сочинений того же автора и его ближайшего друга и соратника Фридриха Энгельса, связанных с «Капиталом» неразрывными узлами, будущий основатель движения методологов впал в такое уныние, что его потом три дня не могли сыскать ни в одном вытрезвителе, отделении милиции, морге. Нашли его случайно в чужой квартире на кухне. Он спал на столе, полураздетый, подложив под голову грязную лохматую дворняжку. Осталось неизвестным, пропил ли он свою одежду сам или был раздет грабителями. Раздобыв Основателю кое-какое тряпье, Гепе и другие ученики Основателя /а он к этому времени уже имел учеников, хотя еще не имел учения/ приволокли его прямо на некое заседание, на котором обсуждалась некая проблема. И с ходу вытолкнули Основателя на трибуну. Выругавшись довольно внятно матом, Основатель закатил совершенно невнятную речь, обнаружив блестящее знание «Капитала» и всех прилегающих к нему сочинений всех авторов. С тех пор Основатель стал считаться самым тонким знатоком «Капитала» в Стране. Пошел слух, что он прочитал «Капитал» от корки до корки по меньшей мере пять раз. Потом молва увеличила число прочтений до двенадцати. Сам же Основатель не раз в пьяном виде признавался своим собутыльникам, что он скорее сдохнет, чем будет тратить время на эту муть, что он сам такую ерунду может выдумать тоннами и километрами. Но ему не верили, ибо никто не был способен сам выдумать даже одной страницы из «Капитала». И Основатель махнул на это дело рукой. Потом он написал о «Капитале» диссертацию, имевшую сенсационный успех, и книгу размером немногим менее самого «Капитала». Но вовремя опомнился и покинул движение, зародившееся в связи с этим. А на том историческом заседании он произнес фразу, положившую начало всему: суть дела в методологии! В философской среде, представляющей помойку идиотизма, невежества, злобности и пошлости, культивируемую в течение десятилетий, слово «методология» произвело впечатление неизмеримо более сильное, чем взрыв атомной бомбы в небе над Хиросимой. Наступило гробовое молчание. Это гениально, сказал Гепе единомышленникам в ближайшем к университету кафе, где отпаивали Основателя. Надо бить в эту точку. Но надо это делать методично и организованно. Совершенно верно, сказал Основатель. Хотите, я расскажу вам по сему поводу одну любопытную историю? Но сначала... Вы меня правильно поняли, что свидетельствует о наличии у вас незаурядных способностей к развитию отечественной методологии в мировом масштабе. За методологию!..

Преимущества системы

— У вас в продаже отсутствуют многие необходимые продукты и вещи, которые у нас продаются свободно и в любом количестве.

— Это верно. Зато у нас то, что есть у вас и отсутствует у нас, стоит гораздо дешевле, чем у вас.

Коварство диссидентов

— Чего эти диссиденты все время подают заявления на поездки за границу? Ведь все равно не выпустят!

— О, они хитрые и коварные! Они это специально делают для того, чтобы потом иметь повод распускать клеветнические слухи, будто их не выпускают за границу.

О чем люди думают

Жизнь уходит, говорит Автор, а я занимаюсь и занимаюсь всяческой ерундой. Что мне этот Сусликов?! Я же мог бы поэмы писать, повести, романы. О настоящих людях, о настоящих думках. А тут... Ерунда, говорит Основатель. То, о чем ты мечтаешь, в действительности не существует. Разве еще в детях кое-что осталось и в тех немногих людях, которые как-то ухитрились сохранить в себе кусочек детскости. Пиши о диссидентах! Сейчас это — единственно стоящие люди. И детскости в них больше, чем в прочих. Не могу согласиться с тобой, говорит Автор. Вокруг десятки и сотни миллионов людей. Ты даже не представляешь, о чем думают эти люди! Представляю, говорит Основатель. Если хочешь, могу тебе даже некоторые обобщения предложить. Чтобы ты иллюзий не строил и понял, что тебе даже чуточку повезло. Этот твой Сусликов все-таки история. Тут некоторая возвышенность есть, облагороженность.

За несколько дней до этого разговора Автор договорился с Основателем встретиться пораньше, допустим — в одиннадцать, и спокойно побеседовать на интересующую Автора тему. Насчет денег не беспокойся, сказал он, я получил приличный гонорар за одну бредовую статейку в одном сволочном журнале. Не читал случаем? Конечно нет, сказал Основатель. Я уже давно не читаю наших газет, журналов и книжек. И представь себе, благодаря этому прошла язва желудка и нормализовалось давление. Сказки, сказал Автор. Почему же сказки, сказал Основатель. Сам посуди. Сначала я думал, что язва и давление у меня — от пьянства, курения, нерегулярного питания, болтания по бабам. Бросил курить. На время бросил пить, пройдя для этого специальный курс лечения по методу нашей медицины. Как-нибудь расскажу, обхохочешься. Вот о чем писать, между прочим, надо! А не про этих кретиннов! Бросил пить. Женился. Жена оказалась на редкость флегматичной в этом деле. Это она пока завлекала, изображала темперамент и все такое прочее. А как только расписались, тут же все свои штучки забросила. Стоит добраться до подушки, никакими силами не разбудишь, пока не отоспит свое. И я, глядя на нее, спать пристрастился. Зато кормить меня начала — диета на диете и диетой погояет. От одной мысли о еде меня в дрожь бросало. И что же? Давление начало скакать, как лошадь, выпившая по меньшей мере три бутылки нашего шампанского. Почему шампанского, спросил грустно Автор. Не знаю, сказал Основатель. Это — образ такой. Специально для тебя. Наверно потому, что шампанское относится к числу игривых вин. Шипучих, сказал грустно Автор. Ладно, сказал Основатель. Не придирайся, я же не писатель. Давление мое запрыгало от полной гипотонии до столь же полной гипертонии. Причем, что самое удивительное, оно вопреки всем законам логики почему-то никогда не проходило через нормальное состояние. А язва... Вспоминать не хочется. Сплошное обострение на грани прободения. И чего только мы с женой не предпринимали! В борьбу за мое здоровье включился весь коллектив. Я к этому времени уже числился трезвенником и семьянином, стал посещать методологический семинар в сети политпросвещения и принимать участие в работе агитбригады на избирательном участке. Секретарь партбюро сам мне сказал, что еще год, и он даст мне рекомендацию в партию.

Местком начал хлопотать мне путевку в санаторий. В Министерство здравоохранения послали письмо за подписью директора, секретаря партбюро и председателя месткома с просьбой предоставить мне какое-то редкое лекарство. И все равно никакого толку. На глазах начал чахнуть. Пошел слух, будто дни мои сочтены...

Верно, сказал Автор. Слух такой был, будто у тебя рак. Мы с женой уже решили было навестить тебя. Жена на базар смотала за фруктами. Спасибо, сказал Основатель. Тронут вниманием. Но я, как видишь, жив, здоров и в строю. И все благодаря тому, что забросил начисто нашу прессу и литературу, отключил радио и телевизор, перестал ходить в кино. Погибать, решил я, так с музыкой. Напился до раздвоения единого, явился в таком виде на семинар и учинил балаган. Путевка, конечно, накрылась. Письмо в Министерство отозвали обратно. Ты понимаешь, что значит «отозвали»? Нет? Я тоже. В общем, отозвали. С женой мы разошлись. И я покотился, как сказал секретарь партбюро, по наклонной плоскости. В итоге у меня установилось идеальное давление. От язвы не осталось и следа. Морду наел. А насчет того, о чем люди думают, поговорим потом.

А печень, спросил грустно Автор. Это где, спросил Основатель. Здесь? Это пустяки. Бросай пить вино и коньяк. Переходи исключительно на водку. И закусьвать тут надо по-особому. Я тебя научу. Пока!

Расставшись с Автором, Основатель направился туда, куда его влекло высшее призвание. Хорошая все-таки штука жизнь, воскликнул он, пересчитав наличные.

Если хочешь дотянуть до преклонных лет,
Сочиненья не учи, не читай газет,
Никогда не изучай длинных их речей,
Мимо уха пропускай сказки трепачей.
По возможности не тщишься в лучшие попасть,
И с трибуны не дерьмо в славословье пасть.
Если хочешь ты при том счастливо прожить,
Никогда не упускай случай заложить,
Час-другой не пожалей с другом поболтать,
На силенки не скупись с бабами устать.
Трудовую вахту брось, плюнь на их почин,
И опять же отправляйся выпить без причин.

Салон

— Вследствие наших ужасных условий существования у нас сложилось общество, более высокое в духовном отношении, чем западное. У нас все-таки нет такого потребительского мешанства, как там.

— Это есть идеология нашего руководства, причем — в самом гнусном положении. Сами-то они живут припеваючи. Тратят безумные средства на свои идиотские спектакли, на вооружение, на великодержавные цели. А народ держат в нищете. А тут еще идеологи вроде тебя оправдывают это как благо, как преимущество.

— Я не оправдываю, а констатирую как факт. Я не против улучшения условий жизни. Но согласись, более аскетические условия жизни и ограниченность потребительской ориентации способствует формированию типа человека, который в каком-то отношении предпочтительнее...

— Чушь! Во-первых, наши условия далеко не аскетические, а потребительская ориентация не ограничена никак. Дело в том, что у нас есть все то, что есть на Западе, но более низкого качества, в уродливых формах, достается уродливыми

путями и т.д. Готов держать пари, что в квартире американского профессора твоего масштаба наверняка в десять раз меньше барахла, чем в твоей.

— Конечно, ему нет надобности держать дома все это. Он может в любое время купить все то, что ему нужно.

— Вот видишь! По крайней мере в отношении вещной ориентации избытие хороших вещей есть более надежное противоядие, чем их дефицит. А во-вторых, само понятие «тип человека» тут лишено смысла. В большом многомиллионном обществе встречаются все возможные типы людей. И когда говорят о типе человека данного общества, то имеют в виду наиболее часто встречающиеся здесь комбинаторные возможности. О каком духовном превосходстве нашего человека над западным можно говорить, когда наше убожество сравнительно с Западом именно в духовном отношении вполне очевидно.

— Ты меня неверно истолковываешь. Возьмем, например, литературу. Это же факт, что именно наша страна поставляет в мировую культуру подлинно духовную литературу. Пусть в форме самиздата и тамиздата. Но все равно это есть продукт нашего народа.

— О чем ты толкуешь! Литература, разоблачающая зверства сталинского периода и нашу теперешнюю жизнь,— духовная?! Ерунда! Абсолютно ничего духовного в ней нет. Это всего лишь критический реализм, т.е. самая примитивная форма искусства.

А в другой группе /на другом конце стола/ идет другая, не менее содержательная беседа.

— Согласно Ленину, коммунизм есть советская власть плюс электрификация всей страны. Советская власть есть. Электрификация есть, а коммунизма все нет и нет.

— Скорее наоборот. Коммунизм без электрификации даже легче построить. Почему? В темноте легче любую мразь за благо выдать.

— Ленинские слова нельзя брать как определение. Это — метафора.

— А что у нас не метафора?!

Методологи

Я опускаю бытовые детали, поскольку нам важен лишь методологический аспект дела, сказал Основатель. Я тогда загорал в запасном батальоне. И случилось так, что мой приятель занял личное знакомство с заместителем начальника Школы по политической части, с Комиссаром, как мы его звали, свято храня традиции Гражданской войны. Знакомство было несколько односторонним, поскольку Комиссар всячески пакостил Приятелю, а тот ничего не мог предпринять в ответ. Приятель регулярно получал наряды вне очереди за всякие пустяки, пару раз отсидел на губе ни за что ни про что, ни разу не был отпущен по увольнительной в город. Поговаривали об его отчислении. И приятель пребывал в унынии. Что делать? Обратите внимание, роковой вопрос для передовой русской интеллигенции. Сам Ленин был в аналогичной ситуации. И даже книжку по этому поводу настроил. Приятелю было, конечно, не до книжек. Не было бумаги, карандаша, стола,— война! Что делать, сказал я ему, это не проблема. Проблема в том, как делать! Догадываетесь? Не что, а как! То есть методология! Ты, сказал я ему, обязан противопоставить этому говнюку Комиссару силу интеллекта. Интеллект — единственное, чем мы располагаем в той тяжелой борьбе за прогресс, которая нам предстоит. Но я, кажется, отвлекаюсь. А что это такое, спросил Приятель,— интеллект? Я постукал ему согнутым указательным пальцем по лбу, вот так, и он

меня сразу понял. Не то, что наши дегенераты-философы. Им хоть молотком бей по черепушке, ничего, кроме четвертой главы, не вышибешь. Ты, сказал я Приятелю, должен этому м...у Комиссару в его кабинете насрать. Понял? Вот такую кучу. Лучше, если на стол. Это, сказал я, дело твоей чести. А что это такое, спросил Приятель, — честь? Это сказал я, пережиток дворянской идеологии в нашем сознании. Но если ты... А я и не спорю, сказал Приятель. Я готов. Знаешь, я дня за три могу накопить столько!.. Но как это сделать? Обратите внимание: опять-таки нет проблемы Что, а есть проблема Как. Благодарю вас, выпьем за методологию! Это — единственное, за что еще стоит выпить!

Так как же это сделать, не унимался мой Приятель. Идея прочно засела в его голове. И его мучила лишь проблема, как ее реализовать. И я ночей не спал, думал: Как?? Причем, думал я не как начинающий или дилетант, а как профессионал: у меня за плечами было два курса МИФЛИ. Проблема оказалась куда потруднее, чем, все то, что мне было известно из всей прошлой и текущей истории. Днем в штабе постоянно люди. Мы топаем строевой, копаем ямы или разгружаем вагоны. Ночью мы в карауле или на кухне. А если в казарме, нас охраняет дневальный, дежурный, пара часовых, патрули. В штабе на улице часовой, внутри — часовой, у знамени Школы, напротив кабинета Комиссара — часовой. Какие будут предложения? Эх вы, мыслители! А еще методологию двигать собираетесь! Итак, за нее, за методологию!

О, Учитель, воскликнули потерявшие терпение ученики, кончай тянуть резину, не тяни кота за хвост! Выкладывай поскорее методологический аспект проблемы! А то, видишь, на нас уже косо смотрят сотрудники этого гнусного заведения. Им уже пора закрываться, а нам пора выметаться!

Запомните, друзья мои, сказал Основатель, слив в свою рюмку остатки спиртного из опустевших бутылок, основной принцип методологии: чем сложнее проблема, тем проще метод ее разрешения! Если проблема пустяковая, метод должен быть грандиозным, иначе эту проблему не решишь. Если проблема сложная, метод должен быть пустяковым, иначе эту проблему не решишь. Ибо сумма величины проблемы и величины метода ее решения есть константа, и равна она единице. Мой приятель нашел-таки гениально простое решение проблемы. И однажды утром Комиссар, войдя в свой кабинет, увидел на столе гигантскую кучу г...а. И по виду кучи он сразу определил, что сотворить мог такое только курсант запасного батальона, по крайней мере три дня не ходивший на двор. Но доказать ничего не мог. Начальник Особого отдела перевернул всю Школу в поисках улики, но ничего не нашел. Он проделал следственный эксперимент — выстроил весь запасной батальон, заставил оправиться по-большому и сравнил полученные кучки с преступной кучей. Но результат получился обескураживающий: преступная куча была похожа на кучки отличников боевой и политической подготовки и стукачей.

Ты не пудри нам мозги, возопили ученики. Как он все-таки это сделал??!! Этого, друзья мои, сказал Основатель, теперь уже никто не узнает, ибо Приятель мой погиб в штрафном, унеся с собой в братскую могилу эту самую сокровенную тайну методологии. Наша с вами задача — подхватить выпавшее из его рук знамя методологии и раскрыть эту тайну. Ну, нам пора. Кажется, они вызвали милицию. А вообще, в истории человечества гораздо большее значение имеет постановка проблем, чем их решение. И учтите к тому же, когда Особняк что-то начал соображать и решил повторить следственный эксперимент, преступная куча исчезла из его сейфа! Но эта проблема нам с вами уже не по зубам. Это — загадка для истории.

О чем думают люди

Вспомни-ка, о чем ты сам думал всю эту неделю, говорит Основатель. Стыдно вспомнить? Я тоже не во всем, что лезет в голову, могу признаться. Так чего же говорить о прочих людях! Вот возьми эту пожилую женщину. Неужели ты думаешь, что то, что шебуршит в ее черепушке, достойно твоего высокого внимания?! Хочешь, я тебе перечислю все, о чем может думать женщина в таком положении? Сам знаешь? Конечно. А вот этот сморчок. Наверняка старый член партии. Этот для разнообразия может вспоминать, как сидел в лагерях в свое время или сжал туда других. Этот тип репетирует речь на собрании или кумекает насчет квартиры. Эта девочка думает о модных сапогах, а этот тип — как бы без особых осложнений трахнуть такую штучку. Эти... Эти... Хватит? Проблема тривиальна: люди в массе думают о том, что они так или иначе делают. Отклонение лишь в деталях и в конкретностях. А какая доля делаемого и думаемого выпадает на долю данного индивида и каково соотношение этих компонентов в нем, это зависит от обстоятельств индивидуальной его судьбы и от его места в социальной иерархии общества. В общих чертах это очевидно, а в конкретных деталях непознаваемо.

Если ты хочешь чего-то достичь в этом интересного, продолжает Основатель, ты должен поступать скорее не как писатель, а как ученый. По крайней мере в тенденции. Люди думают молча и вслух, т.е. высказываясь /в том числе — сочиняя книги и статьи/. Люди думают в одиночку и в группах /в частности — в группе из двух человек/. Думание вслух и в группе /групповое мышление/ есть главное думание, к которому так или иначе тяготеет и думание молча и в одиночку. Я думаю, что не только в структуре думания современного человека, но и в истории становления человека думание вслух, т.е. заметное для других и отчуждаемое другим думание, образует основу и ядро думания вообще. Так что если хочешь знать, о чем думают люди, слушай, о чем они говорят с другими людьми. Это и есть их реальное думание как объективный факт. Остальное суть лишь вздорные домыслы. Вся сумма говоримого населением этой страны и есть сумма думаемого ею, если отвлечься от некоторых второстепенных отклонений. А что это такое, ты сам знаешь достаточно хорошо. Мутный и вонючий словесный поток /я чуть было не сказал: понос/ этого общества и есть его подлинный духовный поток. И выудить в нем нечто достойное литературного внимания — все равно, что выудить в Москва-реке форель, стерлядь или даже что-нибудь попроще. Консервную банку, старый башмак, битую бутылку,— это можно. А форель...

Салон

Еще в самый разгар диссидентского движения во второстепенно-политическом журнале появилась статья-очерк-рассказ с громким названием «Жизнь с кого» и сразу же привлекла к себе внимание московской интеллигенции. Название было взято из хорошо известного стихотворения Маяковского, в котором слова «жизнь с кого» рифмовались со словом «Дзержинского». Название тем самым представляло не только то, о чем пойдет речь в статье-очерке-рассказе, но и то, в каком духе пойдет эта речь. Публикация представляла собою сочетание научного и философского трактата, документального очерка и литературно-критического обзора. Изготовлена она была в содружестве тремя авторами, мало известными в московских интеллигентских кругах,— научным сотрудником одного из гуманитарных институтов Лежебоковым, очеркистом Блудовым и литературоведом Болтаевым. Именно это сочетание фамилий и послужило первым поводом для разговора и насмешек. Само собой разумеется, пошел слух, будто это — псевдонимы, и выбраны они специально для этой цели. Другие говорили, что фамилии настоящие, но авторов специально подобрали для этой цели, чтобы сильнее выразить основную направленность опубликованного материала

/поскольку жанр его определить было невозможно, его так и называли материалом, метериальчиком, публикацией и т.п./. Второй повод для насмешек дало название материала. Сразу в ход пошли старые анекдоты про «Железного Феликса». Каждый раз, когда где-нибудь раздавался неожиданный шум, всегда находился образованный и остроумный интеллигент, который говорил, что это Железный Феликс грохнулся, а высших культурных кругах — что это Железный Феликс еб...я. И третий, совершенно неисчерпаемый повод для насмешек дало само содержание материала, ибо в нем в качестве образца для подражания была воскрешена вся официальная обойма литературных и героических персонажей от Павки Корчагина и Павлика Морозова до Дзержинского и полковника Исаева, который был нашим разведчиком в Германии более двадцати лет и блистательно разоблачал и срывал коварные замыслы гитлеровцев. Особенно острому обсуждению «материал» подвергся, естественно, в «Нелькином салоне».

— А знаете, что сделали с этим Исаевым, когда наши войска взяли Берлин?

— Само собой разумеется, расстреляли свои. На всякий случай.

— Вы знаете, что планируется юбилей Павлика Морозова?

— А в этом есть смысл. В Павлике Морозове воплощена вся глубочайшая диалектическая сложность нашей эпохи. Он предал своего отца, это факт. Он за это понес наказание: его убили. Но он предал во имя коммунизма, т.е. во имя светлого идеала. За это его сделали национальным героем и поставили ему памятники. Шутки шутками, но тут не так-то все просто.

— Его все равно потом расстреляли бы. За что? А чтобы не растрепал, что вся история с кулаками была липой.

— Ходит слух, что Павлик Морозов жив, только под другой фамилией живет.

— Алексей Стаханов.

— Нет, Мария Демченко.

— А мы, между прочим, будем ставить «Как закалялась сталь». Навязали, сволочи. Но мы им выдадим такую «сталь», что за голову схватятся. Эту книжечку можно ведь истолковать очень современно, совсем не так, как эти проходимцы делают.

Потом на столе появилась телятина, и разговор переключился на другие темы, главным образом — на то, как живут люди на Западе. Когда с телятиной было покончено, уговорили своего «домашнего» поэта, опубликовавшего недавно очень неплохую брошюру по критике экзистенциализма, почитать свои сатирические стихи. Потом опять вспомнили о «материале». Признали, что Маяковскому, конечно, далеко до Пастернака и тем более до Мандельштама. Но несмотря на это, он был все же неплохой поэт. Пожалели, что он талант угробил на пустяки. Кто-то заметил, что талант Маяковского в том и заключается, чтобы писать всю эту апологетическую муть и выглядеть так, будто он гробит свой талант. И вообще, проблема Маяковского надумана. На самом деле массы перли куда-то вперед и толкали его перед собою, а у него не было сил вырваться из этого потока. Теперь другое время. Теперь массы никуда не идут. И никакая иллюзия вожжа и трибуна уже невозможна. То, что делают сейчас подражатели Маяковского, смеха достойно. А сейчас вообще для всех склонных к вождизму людей время неподходящее. Раньше было мощное движение масс населения. Вожди всех сортов бежали за массами и вопили «за мной!». Теперь же лишь отдельные кретины время от времени стремятся увлечь за собой массы людей. Но добиваются лишь того, что производят то или иное впечатление на сидящую и жаждущую лишь развлечения сытую публику.

— И все-таки,— резюмировала беседу Неличка,— призывать молодежь подражать Дзержинскому было неприлично уже во время Маяковского. А теперь это звучит как попытка оправдать репрессии сталинских времен.

— И как призыв писать доносы.

— Зачем преувеличивать? Сейчас это неактуально. Я был свидетелем забавной истории сегодня. В автобусе подвыпивший мужичок начал поносить наши порядочки. А молодой парень потребовал, чтобы он это прекратил. А ты кто такой, спросил мужичок. А я из КГБ, сказал парень, предъявив удостоверение, и приказал мужичку следовать за ним. Мужичок струхнул. Но тут в дело вступила старушечка лет восьмидесяти. А вы, молодой человек, проскрипела она, не имели права обнаруживать себя. И потребовала, чтобы кагебешник показал ей удостоверение. Она, мол, о его поведении доложит куда следует. На ближайшей же остановке парень смылся под смех пассажиров. А в автобусе началась такая антисоветчина, что наши диссиденты в сравнении с ней выглядели бы почти как апологеты.

— Да, сейчас не то время. КГБ сейчас совсем не тот. И зря на него всех собак вешают.

— А вы слышали, как теперь поют старинную народную песню «Ах вы сени мои, сени»?

Ах вы цены мои, цены,
Цены новые мои,
Цены новые, стабильные,
Повышенные!

— Первый раз слышу, что была такая народная песня. Кстати, знаете, что такое народ? Это все те, кому в милиции могут дать безнаказанно по морде и кто при этом будет благодарить Партию и Правительство за ласку и заботу.

— Есть более веселый вариант. Армянское радио спросили...

Методологи

Расставшись с единомышленниками-методологами, Основатель зашел домой к своему постоянному собутыльнику, не имевшему никакого отношения к методологии, и совратил его своим видом на продолжение выпивки. На улице встретили знакомого аспиранта-философа. Через час стали лучшими друзьями и пришли к полному согласию по всем вопросам. Еще через час переругались до такой степени, что Аспирант обозвал Основателя и Собутыльника предателями Родины, пообещал сообщить о их поведении в ректорат и свести их на Лубянку. В конце концов он заявил, что еще со школы служит в Органах и является там далеко не последним человеком. В это время они как раз двигались по улице Герцена вниз к Манежу. Когда они поравнялись с дверью черного хода на философский факультет, Аспирант свалился без чувств. Тащить его не было никакой возможности и тем более никакого смысла. Тут Основатель вспомнил, что у него в кармане валяется на всякий случай ключ, который подходит почему-то ко всем дверям в Москве. С помощью этого ключа он попал и в ту квартиру, где его нашел утром Гепа. Ключ, естественно, подошел и к двери факультетского черного хода, и к кабинету декана. Взвалив Аспиранта на стол, покрытый зеленым сукном, Основатель написал на листе бумаги «Я — стукач» и положил его на грудь Аспиранта. Этим самым, сказал он перепуганному Собутыльнику, мы бросаем вызов всему существующему строю. Имей в виду, если выдашь, убью. Заколю вязальной спицей, так что никто не догадается. Будем стоять до конца, пролепетал Собутыльник, слбевав прямо в деканское кресло.

В России, сказал Основатель, когда они выбрались обратно на улицу Герцена, всякое серьезное общественное движение против существующего строя начинается с непристойности. Хочешь знать, когда у нас кончится коммунизм и начнется что-то более или менее терпимое? Когда какой-нибудь забудлыга наложит кучу в Мавзоле. Бежим! Дружинники!!!

О чем думают люди

Один мой знакомый, продолжает Основатель, работает в психиатрической больнице. Они там применяют какие-то препараты, из-за которых люди теряют способность думать молча и обязательно должны проговаривать свои мысли вслух. Сотрудники такие мысли вслух записывают и изучают. Ищут какие-то законы. Между прочим, совершенно безуспешно. Мой знакомый показывал мне некоторые записи. В высшей степени интересно. Во-первых, думают люди круглые сутки непрерывно, хотя с различной интенсивностью. Степень интенсивности определяется словесной плотностью и еще какими-то параметрами. Во-вторых, не весь состав сознания людей выразим словесно, так как подавляющая часть говоримого фрагментарна. Больше половины фраз невозможно реконструировать даже приблизительно. Да и неизвестно пока, являются ли при этом слова элементами потенциальных фраз вообще. В-третьих, человек одновременно думает в нескольких различных планах. Самые примитивные люди думают сразу в двух-трех, часто совершенно несовместимых планах. Например, один математик одновременно решал пустяковую задачку на число возможных перестановок вещей в палате, доказывал очень сложную теорему, насиловал санитарку, разрабатывал проект переустройства общества. Некоторые люди думают сразу в десяти или более планах /как, например, этот математик/. В-четвертых, все равно можно было различить монологическое и диалогическое /и более/ мышление. Причем, в процессе групповой беседы одновременно имели место монологи, не предназначенные для других. Наконец, что самое удивительное, так это сохранение различия интимного монолога, который мы скрываем от других обычно, и монолога, доверяемого в принципе другим, скажем — открытого монолога. Просмотрев эти материалы, я пришел в ужас. Мой знакомый сказал, что за все десять лет работы над такими материалами он не встретил в них ничего особенного, отличающего их от тех, которые просмотрел я. Это были типичные и характерные материалы. А между тем подопытные люди во многом прочем были здоровы и представляли все слои нашего общества. Догадываешься, к чему я клоню?

Все то, что толкуют некоторые досужие люди насчет духовного превосходства нашего населения над населением стран Запада, продолжает Основатель, есть наглая ложь. Наша официальная пресса, наше подцензурное искусство, наши гуманитарные науки в преобладающей части и вообще все сферы нашей дозволенной духовной культуры выражают общее состояние духовности нашего населения очень точно. Если и появляются на всю эту гигантскую страну отдельные исключения, так они не влияют на общую картину. И тебе хорошо известно, как с ними поступают. Бессмысленно, повторяю, в затемненном, пошлом, вульгарном, примитивном и т.д. сознании этого общества искать нечто значительное, скрытое от внимания людей. Если тут появляется нечто значительное, оно рано или поздно само заявляет о себе. Оно тогда само найдет себя.

Методологи

Почему ты такой похабник, спросили ученики у Основателя. Не мог бы ты выражаться поинтеллигентнее? Ведь среди нас есть женщины, а некоторые из них еще девицы. У них уши вянут, слушая твои непристойные речи. Мог бы, сказал Основатель. Но не буду, ибо

Когда помойку гоношится
Превознести подонков рать,
Блажен тот будет, кто решится
На их историю насрать.

После этого одна из девиц попросила Основателя лишить ее невинности во имя прогресса. Я, сказал Основатель на это, соврашаю людей через уши и души, а не... А что касается прогресса, то в том же первоисточнике говорится следующее:

Когда все тянутся к прогрессу
И рвутся в сказки-облака,
Блажен, кто так, для интересу,
Грустит за прошлые века.

Салон

— Эти «борцы за права» далеко не святые. Получали они средства из-за границы? Получали, это факт. Когда еще до погрома было далеко, они сами этим хвастали. И чтобы при этом не нарушали законы?! Не поверю. В какой форме они получали? Подарки. Прекрасно! Но одни джинсы — подарок, а полсотни — валютная махинация. Один магнитофон — подарок, а десяток...

— Они и в рублях получали крупные суммы, я это точно знаю. И в иностранной валюте. Характерный факт: С. четыре года был без работы, а имел сберкнижку, и на ней денег — у меня никогда столько не было. Откуда?

— И насчет «психушек» явное преувеличение. Все диссиденты, с которыми мне приходилось сталкиваться, ненормальные.

— А надо же как-то им жить?! А ты попробуй остаться нормальным, окунувшись в такую жизнь!

— Я их не осуждаю. Я лишь о том, что власти имеют основания сажать их в тюрьмы и «психушки». Я думаю, что власти даже не используют свои законные права в полной мере, побаиваются шумихи.

— Дискредитация человека не опровергает сказанное им. Кто бы ни были диссиденты, важно то, что они говорят и делают. Может быть, они на самом деле преступают закон и ненормальны. Но нам обращать на это внимание и говорить об этом — подло. Мы тем самым становимся на позиции ЦК и КГБ.

— А мы от этих позиций не отрекаемся.

— Ты меня неверно понял. Я сам член партии. И диссидентом быть не собираюсь. Я хочу сказать, что не наше дело говорить о нарушении законов и заболеваниях. Наше дело — содержание их заявлений.

— Отгадайте,— сказала Неличка,— что такое «Пять-четыре-три-два-один»? Это пятилетка в четыре года на трех станках двумя руками за одну зарплату. Хи-хи-хи!

— А вы знаете,— сказал супруг Нелички,— как называется безрукий бюст Маркса? Маркс Милосский! Ха-ха-ха! Ну-с, кажется, нам пора приступить к делу. Сегодня, между прочим, у нас молочный поросенок!

— Хотите хохму? Слушай, Карл, спросил Маркса его друг и соратник Фридрих Энгельс,— а что ты скажешь, если русские первыми построят коммунизм? Твою мать,—ответил Маркс, начавший к тому времени изучать русский язык с намерением прочитать сочинения Ленина в оригинале.

Методологи

Как различно живут люди, говорит Основатель. Встретил я тут одного знакомого. Он только что с курорта приехал. А я только что из вытрезвителя вышел. Я ему говорю, что ни разу не был на курорте, а он говорит, что мне грешно на жизнь жаловаться. Вот он еще ни разу в вытрезвителе не побывал, и то не жалуетса.

О, Учитель, воскликнули ученики, скажи нам, много ли раз ты бывал в вытрезвителе? Не помню, сказал Основатель. А какой случай тебе из них больше всего запомнился, спросили ученики. Разумеется, первый, сказал Основатель. Первое все запоминается. Первая любовь. Первая пятерка. Первый трактор. Первая пьянка. А первый мой вытрезвитель не забуду вовек. Не помню, при каких обстоятельствах я туда попал. Помню только, очнулся утром, дрожа от холода. Вижу — лежу голый на металлической сетке. На ноге — номер химическим карандашом написан. Подумал, что я в морге, и содрогнулся. Сел, огляделся. Вокруг меня на таких же железных койках синие, фиолетовые, серые существа. Где я, спросил я. Никто не ответил, и я понял, где я. После бюрократических формальностей нас отпустили. Вышел я на улицу. И, странно, ощутил в себе необычайную легкость и бодрость. Мимо прошла добренькая старушечка. Я было собрался идти в том же направлении, но старушечка остановила меня. Тебе туды, милоч, сказала она и указала на тропинку, ведущую от вытрезвителя через пустырь к виднеющемуся зданию, в котором я без труда узнал забегаловку. Это было именно то, куда мне было нужно. Я нащупал в загашнике монеты, которые так и не обнаружили служители вытрезвителя, тщательно очищая карманы посетителей, и двинулся туда, куда мне указала сама судьба в образе этой милой и доброй старушечки. Спасибо, мамаша, сказал я. Будете там, молитесь за раба божия... На этом отрезке от вытрезвителя до забегаловки и родилась моя основополагающая идея насчет методологии. И вообще я должен признать, что все свои открытия я сделал в треугольнике Вытрезвитель-Забегаловка-Факультет. Я его называю творческим треугольником. Этот треугольник — одно из самых таинственных явлений природы. Вы можете как угодно расставлять вершины этого треугольника и все равно получите те же самые варианты маршрутов. Какая сторона треугольника и в каком направлении является наиболее творческой, трудно сказать. Ньютон, по слухам, считал таковым вектор «Вытрезвитель-Забегаловка», а Эйнштейн — наоборот: вектор «Забегаловка-Вытрезвитель». Карл Маркс считал их одинаково продуктивными. Но он никогда не ходил на факультет. Между прочим, он был беспартийный. Парадокс?!

Из проповедей Основателя

Я призываю вас прекратить спор о словах, сказал Основатель. Какое нам дело до того, что люди употребляют слова «коммунизм» и «социализм» в разных смыслах?! И кто может установить, какое из этих употреблений «подлинное»? Если даже люди договорятся употреблять эти слова однозначно, ситуация ничуть не изменится. Какое бы общество тут ни построилось, в нем всегда можно будет обнаружить нечто такое, что не соответствует «подлинному социализму» или «подлинному коммунизму», и нечто такое, что свидетельствует о соответствии построенного общества идеалам. Обратитесь к самой реальности! Возьмите в качестве предмета исследования тот тип общества, который уже сложился или складывается в Советском Союзе, Китае, Югославии, Восточной Германии и многих других странах. Если хотите знать, что такое социализм /или коммунизм, что одно и то же/ в реальности, смотрите на Советский Союз и прочие страны социалистического /коммунистического/ лагеря. Другого не будет. Могут быть пустяковые вариации, связанные с особенностями прошлой истории,

географической среды и т.п. Но суть дела везде одна и та же. Не стройте иллюзий! Если вы хотите воплощения в жизнь чаяний коммунизма, будьте готовы к мерзостям, без коих они в принципе невозможны. Добродетели коммунизма приходят в мир не в светлых одеждах ангелов, а в черном облачении дьяволов. Добродетели коммунизма реализуются лишь через его мерзости. Они существуют не рядом, а друг в друге. Их нельзя разъединить, так чтобы можно было отбросить мерзости и сохранить добродетели, ибо они суть одно и то же. Это одно и то же, лишь воспринимаемое одними как благо, а другими как зло. Но это не есть ни добро, ни зло. Это есть лишь факт, переживаемый одними как зло, а другими как добро, подобно тому как рабство переживается рабом как зло, а рабовладельцем — как воплощение справедливости.

Обратитесь, повторяю, к эмпирическим фактам. И тогда вы увидите, что трудность познания состоит не в недостатке фактических данных, а в их изобилии. Их слишком много, потому нам кажется, что их мало или нет совсем. Ибо они стали привычными и не вызывают удивления. Удивитесь им! И тогда вы ощутите потребность понять их. И тогда вам потребуется методология. Именно для понимания, как средство, а не сама по себе, не как самоцель. В качестве самоцели она скучна, как речи руководителей, и банальна, как восточная мудрость. Как сказано в «Евангелии от Ивана»,

Утри слезу и будь мужчиной!
Восточной мудрости внимай!
Без уважительной причины
Штаны загодя не снимай!

О, Учитель, воскликнули ученики, понявшие в речи Основателя только намек на штаны, а по какому поводу возник сей поучительный стих? По очень важному, сказал Основатель. Один курсант долго хранил невинность, опасаясь вылететь из школы за поведение, недостойное сталинского сокола. Наконец, он не вытерпел и решил сорваться в самоволку. А чтобы не терять зря времени, заранее расстегнул штаны, придерживая их через карман шинели, чтобы они не свалились. По выходе на стратегический простор он случайно напоролся на старшину и инстинктивно вытянулся по стойке смирно. Штаны, естественно, свалились, и преступное намерение курсанта раскрылось. На утренней поверке старшина рассказал эту историю. Вся эскадрилья покатывалась от хохота. А когда вернулись из столовой, обнаружили, что курсант повесился в сортире на брючном ремне. Он был отличником боевой и политической подготовки.

Его зарыли на кладбище,
Где днем и ночью баб дерут,
Над голым задом ветер свишет,
Вороны наглые орут.

О чем думают люди

И все же, говорит Автор, я тебе расскажу одну любопытную историю, противоречащую твоим общим выводам. Сейчас работает Особая комиссия по написанию биографии товарища Сусликова. Я не вхожу в эту комиссию, но я вхожу в так называемую рабочую группу при ней, которая и делает всю работу. Так что я был удостоен высочайшей чести несколько раз выслушивать интимные размышления величайшего теоретика коммунизма нашего времени. В книге будет особая глава — «Мечты о будущем». Не наука, не железные законы, не несокрушимые предсказания, не предписания, а именно мечты. Это нечто новое. Прежние вожди такого себе позволить не могли. Прогресс! И товарищ Сусликов набросал нам /разумеется, я был допущен среди прочих/ такую картину будущего

общества, что у меня волосы местами шевелились на голове. И до сих пор не пойму, от чего,— от умиления, от ужаса, от омерзения или восторга.

Проблема создания избытка предметов потребления, по мнению товарища Сусликова, не самая трудная и не самая главная. Это — производная проблема, и мы ее могли бы разрешить в два года, если бы думали только об этом. Более серьезной является проблема возникновения многого такого, что не предусмотрено, не контролируется до конца, является излишним, отвлекает внимание, засоряет перспективы и горизонты. Например, в свое время у нас в год выпускали всего пятьдесят кинофильмов. Выход каждого на экран был выдающимся событием. По каждому из них принимались решения ПБ. Вождь Партии лично просматривал каждый из них, давал советы при их подготовке. А что теперь? Теперь в год выходит на экраны Страны более двухсот художественных фильмов. Более сотни задерживаются по тем или иным причинам. Около пятисот находится в производстве. А сколько детских, научно-фантастических, научных, документальных и прочих! Может ли ПБ и лично Вождь Партии уследить за всем этим? Конечно, нет. Значит, дело так или иначе пускается на самотек. Конечно, есть особый Комитет кинематографии, есть сектор в Отделе культуры в ВСП, есть отдел в Министерстве культуры и т.д. и .п. А что это такое? Это тысячи и тысячи людей. А сколько людей занято в производстве фильмов! И думаете, положение с фильмами лучше, чем раньше? Ничуть! Раньше каждый фильм запоминался, смотрелся миллионами людей, выполнял огромную воспитательную роль. Теперь выходят сотни фильмов, а смотреть нечего. Даже хорошие фильмы забываются сразу же после просмотра. Я думаю, говорил товарищ Сусликов, нам надо вернуться к прежней форме работы в этой области. Нынешняя ситуация есть во многом результат ослабления партийного контроля над искусством и уступок Западу. Каждому здоровому гражданину с выкоразвитым коммунистическим сознанием достаточно и десяти /ну, от силы — двадцати/ высокохудожественных фильмов в год. В результате повысится уровень кинопромышленности, укрепится партийный контроль в этой области, высвободится несколько сот тысяч здоровых и грамотных людей, которых можно будет использовать, допустим, в сельском хозяйстве, в химической промышленности или других отраслях хозяйства Страны.

Или возьмите, например, производство одежды. Здесь избыточность типов тканей, фасонов одежды одного типа, различных видов одежды достигает чудовищных размеров. Экономисты подсчитали, что если свести эти типы и виды к необходимому минимуму, то резко повысится качество продукции, производство ее можно будет сконцентрировать в нескольких строго контролируемых местах, удобных со всех точек зрения /транспорт, хранение, рабочая сила/. И опять-таки высвободится до миллиона человек по всей Стране. В результате такого рода мероприятий мы сможем увеличить вдвое средства на идеологическую работу, на органы безопасности и на оборону. Предполагаемое увеличение армии вдвое /для начала/ вполне можно будет покрыть за счет таких мероприятий, если их осуществить комплексно по всем аспектам жизни Страны.

И в таком духе товарищ Сусликов прошелся по всему, что существенно для нашей жизни. Вплоть до отпусков, поездок на отдых, туристических походов, квартир, туалетов, посуды, мыла... У меня сложилось впечатление, что это — не просто мечты выжившего из ума дегенерата, а реальные планы, вынашиваемые там во многих мудрых головах. Стремление к контролю надо всем неизбежно порождает мечту о предельном упрощении и даже примитивизации всего строя нашей жизни.

Это верно, сказал Основатель. Но ты не забывай о том, что такие «мудрые головы» теперь сами исчисляются миллионами. И они уже вкусили от благ мира

сего. И потребности у них теперь у самих необъятные. Так что твой Сусликов выглядит как наивный утопист.

Салон

— Меня возмущает то, что все, кому не лень, начинают говорить от имени народа, от имени нации, от имени интеллигенции и т.п. Кто их уполномочивает на это? Стоит какому-нибудь недоучившемуся студенту выразить протест, подписать бумажку или прочитать запретную книжонку, отсидеть за это пару лет в лагере или в «психушке» и быть упомянутым в списке невинно осужденных или излечиваемых, как он начинает вешать во имя народа, всех «угнетенных». Откуда это?

— Это, между прочим, чисто советское явление. У нас все действуют во имя и на благо. Это же наша привычная форма демагогии. У нас же и партия действует во имя и на благо народа и всего прогрессивного человечества. Так почему бы недоучившемуся студенту не последовать ее примеру?!

— Партия имеет на это право.

— Не право, а силу. В нашем законодательстве нигде...

— А в новой конституции черным по белому это записано! Так что партия именно по праву выступает от имени народа.

— Это юридический нонсенс. Наша конституция в принципе не есть правовой документ. Это псевдоправовое явление. Тут другое. Партия по своим масштабам соразмерна народу, и когда она заявляет, что выступает от имени и во имя народа, это никого не удивляет. А когда это делает хилый одиночка или небольшая группа, как вы изволили заметить, уголовников и шизофреников, это вызывает чисто психологический протест. Что же касается первого аспекта, то любому человеку и любой группе людей во всяком праве /если это, конечно, есть реальное, а не фиктивное право/ не запрещается никакая мотивация их поведения.

— Но я говорю о моральном праве!

— С моральной точки зрения партия имеет не более прав выступать от имени народа, чем отдельный /пусть — самый ущербный/ индивид.

— О чем спор,— сказала Неличка, и все смолкли.— К чему такие высокие материи? Есть такая простая вещь, как обычная скромность. Мы с вами имеем гораздо больше оснований выступать от имени народа, интеллигенции, мировой культуры. Но мы же воспитанные люди, мы не делаем этого.

— А не пора ли нам приступить к более существенному делу?! Прошу за стол! Сегодня будет сюрприз!

— Опять что-нибудь такое выдумали?!

— Терпение, друзья мои, терпение! Сначала закуски! А уж потом...

— А вы слышали, Славская разошлась с Талановым и вышла замуж за космонавта.

— За Хабибулина! Ха-ха-ха!.. За того самого... Помните, «Я — Сокол!»...?

— Хороший анекдотец мне сегодня рассказали. Армянское радио спросили, можно ли наших руководителей показывать по телевизору. Можно, ответило армянское радио, но по частям. Верхнюю часть в программе «В мире животных», а нижнюю — в программе «Очевидное — невероятное».

— А мне еще одного аспиранта выделили. Забавный тип. Говорит, что он — интеллигент во втором поколении, у него папа был майором в КГБ.

— А в самом деле, куда отнести сотрудников КГБ? К рабочим и крестьянам нельзя. К интеллигенции вроде бы неудобно.

— Вообще классификация населения в современных развитых странах дело довольно сложное. Так что идея бесклассового общества не лишена оснований.

— Очень удобная идея для лодырей.

Методологи

Все дело не в исследовании самого общества как такового, сказал Основатель, — тут делать умно человеку вообще нечего, ибо само по себе общество просто, как картофельное пюре, а в разработке современной методологии его исследования, что требует ума, способностей и титанических усилий. А чтобы разработать упомянутую методологию на уровне современной науки, нужен, в свою очередь, особый подход. И не просто подход, а в некотором роде подходец! Нам нужна не просто методология социальной науки, а метаметодология для построения методологии социальной науки. А с этой точки зрения исходным для нас должно быть понятие деятельности. Деятельность же есть совокупность действий. Наш анализ должен начаться с рассмотрения любого отдельно взятого действия, далее должен перейти к выяснению типов действий и закончиться установлением устойчивых корреляций действий, дающих уже типы деятельности. Без этого приступить к исследованию нашего прекрасного социалистического общества так же бессмысленно, как бессмысленно начинать совращение женщины, не зная конкретно, в чем именно должно состоять совращение и с помощью какого именно орудия это должно быть осуществлено. Я вам расскажу одну забавную историю по сему поводу, которая приключилась с моим приятелем по полку. Дело было в конце войны. Мы вступили в Германию. Баб, конечно, навалом. И почти все с триппером. Но разве нас могло удержать такое препятствие? Тем более попались и здоровые. Мой приятель ужасно боялся подцепить это дело. Его должны были назначить командиром эскадрильи. Ему светила Летная Академия под Москвой. И рисковать такой перспективой из-за минутного удовольствия /почему, кстати, минутного?/ он не хотел. И вместе с тем искушение одолевало его со страшной силой. Он часами ходил мрачный, погруженный в глубокие думы. И представьте себе, надумал. Однажды отозвал меня в сторону. Веселый такой. Пошли, говорит, к бабам. Ты по-немецки калыкаешь, договоришься сможешь. Главное — скажи ей, чтобы не рыпалась, а делала так, как я захочу. Ладно, говорю, пошли. Только за последствия я не отвечаю. А захотел он между прочим, нечто притиворечащее законам природы, так что мое замечание о последствиях было вполне уместно.

Каждое отдельно взятое социальное действие характеризуется целевой установкой и средствами ее достижения. Цель есть содержание действия, средства суть форма его осуществления. Существует закон соответствия цели и средств. Когда говорят в каких-то случаях, что цель не соответствует средствам или наоборот, то смешивают разные вещи. В таких случаях правильнее будет сказать, что если действие совершено, то его фактическая цель иная, нежели считает кто-то. Например, если я сейчас вышибу стекло в этом магазине и скажу, что имел целью благо народа, то я просто-напросто совру. Реальной целью этого моего действия, если я это сделаю как социальное действие, т.е. отдавая себе отчет в последствиях и преднамеренно, будет нечто иное, соответствующее самому же этому действию как средству. Например, причинить зло обществу. Подчеркиваю, цель действия есть само это действие, рассматриваемое с одной точки зрения, а средство — это же действие с другой точки зрения. Тут полное соответствие. Расхождение цели и средства начинается тогда, когда речь заходит о групповых действиях и о действиях как акциях общества в целом. Слушайте меня внимательно и шевелите мозгами! Я вам выдаю идею по крайней мере на десяток кандидатских наук и на пару

докторских диссертаций. Если действие осуществляет группа из двух и более людей, цель действия привносится из одних источников, а средства — из других. Тут несоответствие возможно, а в случае массовости таких действий — неизбежно.

Мой приятель по полку, о котором я вам говорил, был /как и вы все, между прочим/ полным профаном в социологии, и приведенных мной азбучных истин, еще до сих пор не открытых мировой наукой, не знал. В результате он был истолкован превратно. Его изнасиловали прятаящиеся на хуторе дизертиры-гомосексуалисты, пока я трудился в поте лица с хозяйкой и ее тремя аппетитными дочками. Хозяин стоял в это время на шухере.

Салон

— У нас диссидентство стало выгодным бизнесом для особой категории людей.

— Ну, ты тут слегка перегнул.

— Ничего не перегнул. Вот факты. Большинство диссидентов — евреи. Как они попадают в диссиденты? Очень просто: их не выпускают за границу, они начинают скандалить, властям надоедает шумиха, их выпускают постепенно.

— Ну, а Сахаров? А Григоренко?

— Типичные неудачники и честолюбцы.

— Чушь! Какие же они неудачники?! Сахаров — академик, трижды Герой, много раз лауреат. Григоренко — генерал, крупный пост занимал. Сахаров потерял огромные материальные блага. Григоренко потерял все, много лет отсидел в «психушке».

— И все-таки я настаиваю на своем. На этих именах даже еще четче можно проиллюстрировать мою мысль. Возьмем Сахарова, фигуру номер один, так сказать. Великий физик? А кто об этом знает?! И потом вы же знаете наше общество. За одну физику столько наград и таких наград не получишь. Если будет написана история современной физики, имя Сахарова в лучшем случае будет упомянуто лишь в связи с водородной бомбой. А претензия на гениальность и великость есть! А компенсация за ущемленное самолюбие требуется. Известности хочется. Вот и начинается понемногу втягивание в эти диссидентские штучки.

— Ерунда все это. Сахаров крупный физик.

— Крупный, не спорю. Но как общественный деятель он крупнее. Это ему принесло больше славы. А материальные потери... Для таких людей материальные интересы второстепенны.

— Когда он начинал свою диссидентскую карьеру, он не рассчитывал на такой успех.

— Бросьте! Мы же не младенцы! Будь Григоренко лейтенант, а Сахаров — младший научный сотрудник, приобрели бы они такую известность? И начали бы они свою диссидентскую деятельность? Сначала обеспечили себе защиту, а уж потом...

— А что в этом плохого? Значит, они не дураки.

— Я не говорю, что они дураки. Как раз наоборот. Я говорю о том, что тут расчет...

— Что касается меня, — сказала Неличка, приглашая гостей к столу, — то мое мнение было и остается определенным. Я не считаю всю эту публику морально безупречной. Мы с вами делаем для улучшения нашего общества не меньше, чем они. А может быть и побольше. Но мы же не бегаем к иностранным журналистам,

не устраиваем пресс-конференций, не лезем со своими заявлениями и интервью. Есть определенные моральные нормы, которые обязан соблюдать всякий общественный деятель. У меня в «Мысли» книга выходит. Я в ней критикую некоторые отрицательные стороны нашего общества порезче и уж во всяком случае поглубже, чем Сахаров. Так что, мне давать интервью на «Голос Америки» или «Немецкую волну»? А стоило бы мне только намекнуть, как...

— Еще бы! Это была бы сенсация. Один из крупнейших теоретиков марксизма в беседе с иностранными корреспондентами заявил...

— Что по его мнению материя все-таки не совсем первична...

— Тебе бы только позубоскалить! Ты готов любую святыню ополшить!..

— А у нас сосед завел щенка и назвал его Диссидентом. Разумеется, кто-то донес. И теперь власти не знают, как это расценить — как насмешку над диссидентами или как их поддержку.

— Все зависит от того, какой породы пес.

— Он беспородный.

— Тогда это соседу пахнет неприятностями.

Законы цели

Не торопитесь с выводами и не впадайте в крайности, говорит Основатель. Это обычные люди обречены вечно колебаться между сознанием полной ясности и полной необъяснимости происходящего и хвататься за первые подвернувшиеся объяснения. Но мы ведь профессионалы. Вот вы утверждаете, что понятие цели неприменимо к достаточно большим группам людей и к обществу в целом. Но почему? Кто наложил такой запрет? Понятие цели есть понятие, т.е. продукт творчества людей. И к чему его применять, зависит от самих людей. И группы людей бывают разные. К одним понятие цели неприменимо, а другие без этого понятия нельзя понять.

Понятие цели до сих пор рассматривали в основном применительно к отдельному индивиду. Я не буду на этом останавливаться, ибо тут никаких сложностей нет. Во всяком случае, если тут и возникают проблемы, они банальны по сути и сложны из-за внешних приводящих обстоятельств, главным образом — потому что за них берутся табуны умников. Когда понятие цели переносили на группы людей и целые общества, последние рассматривались по аналогии с индивидами. Все формальные тонкости такого переноса игнорировались. А между тем сложности с понятием цели связаны именно с переходами от отдельных целеполагающих индивидов к целостным группам людей.

Вот вы, например, сейчас приехали ко мне. Цель вашего приезда — посоветоваться со мной по данному вопросу. Я согласился вас принять. Моя цель — высказать вам нечто по этому вопросу. Цели, очевидно, разные. Даже противоположные. Вместе с тем нашу группу можно рассматривать и с точки зрения совпадения целей, если придать нашей встрече другую словесную формулировку, а именно — желание побеседовать на тему, допустим, о цели. Видите, как тут все зыбко и неопределенно. А ведь наша встреча — самый примитивный случай группы. А если группы состоят из десятков, сотен, тысяч, миллионов людей?!

Основная тонкость в распространении понятия цели на группы людей состоит не в том, чтобы построить формально строгое определение понятия «цель группы» через понятие целей индивидов, входящих в группу, а в фиксации самого

механизма целеполагания группы. Вы улавливаете разницу? Дело в том, что нет никакого единого и обязательного для всех групп определения понятия «цель группы». А существуют реально группы людей с некоторыми механизмами целеполагания. Эти механизмы суть различные формы принятия и навязывания /как стихийного, так и сознательного/ группе индивидов как целому определенной цели. Другими словами, дело в том, какими путями та или иная группа людей становится обладательницей той или иной цели в качестве сложного индивида, внутренне расчлененного на множество целеполагающих индивидов.

Возьми, например, политическую партию. Исторически могло случиться так, что небольшая группа людей собралась и приняла решение /сознательное соглашение/ образовать партию и считать то-то и то-то /обозначим X/ целью партии. Каждый член этой первичной организации мог прийти сюда со своими целями, например, с желанием прославиться, сделать благо обществу, нанести ущерб официальному обществу и т.п. Собравшись, они образовали группу, приняв решение считать X целью группы как целого. Таков в данном случае был механизм целеполагания. Затем, допустим, партия выросла в мощную организацию. Изменились условия ее существования. Могло случиться так, что ее действия перестали совпадать с X, т.е. выглядеть направленными на достижение X. Однако если X считается целью партии, мы не имеем права оспаривать это. Мы лишь можем описать механизм целеполагания в данном случае, включив в описание его помимо упомянутого исторического эпизода еще и последующую историю партии, сохраняющую X в качестве цели. Мы можем установить, например, что эта партия стала фиктивно, ложно целеполагающей, цинично целеполагающей и т.п. Но это уже конкретность. Суть же дела остается та же: трудность не в определении языкового выражения, а в описании механизма целеполагания.

Не всякая группа людей является целеполагающей. Вон, видите, на поле играют в футбол. Собрались десятки людей. Это скопление людей не есть целеполагающая группа. Весь наш дачный поселок также не есть группа такого рода. Целеполагающие группы людей суть лишь частный случай человеческих групп. Тем более, целые многомиллионные общества. Так что приступая к изучению той или иной группы людей, надо как эмпирический факт установить, является она целеполагающей или нет. А установить это — значит открыть существование или отсутствие механизма целеполагания. В случае с большими объединениями людей этот механизм не обязательно должен охватывать всех членов объединения. Он может быть воплощен в деятельности лишь какой-то части людей, возможно — сравнительно небольшой. Но в силу степени влияния этой части людей на объединение в целом он может быть /достаточно сильное влияние/ или не быть /слишком слабое влияние/ целеполагающим. Это опять-таки зависит не от определений слов, а от результатов эмпирических наблюдений.

Наше общество обладает органической потребностью в целеполагании как локального, так и всеобъемлющего порядка. И постоянно стремится к этому, причем — независимо от исторических традиций партии. Если бы партия таких традиций не имела, ей так или иначе пришлось бы превратиться в аппарат целеполагания данного общества. Так что когда наша партия провозглашает своей целью благо народа и в конечном счете построение коммунизма, т.е. общества всеобщего и постоянного благоденствия, ошибочно это рассматривать всего лишь как демагогию, пропаганду, обман. Не много нужно ума, чтобы обнаружить несоответствие этих идеалов реальной жизни. Труднее увидеть в этом историческую целесообразность. Это все-таки грозная история, а не заговор злоумышленников. Сравнения с мафией тут эффективны, но бессмысленны.

Салон

— Все то, чего добиваются наши диссиденты, у нас будет и без них. Только постепенно, без шума, спокойно. Явочным порядком. Вы же не будете отрицать, что прогресс сравнительно со сталинскими и даже с хрущевскими временами колоссальный. Пастернака травили за книгу, которая даже в рамках советской подцензурной литературы не произвела бы впечатления критической по отношению к нашему обществу. Синявского и Даниэля посадили за публикацию на Западе по нынешним оценкам сравнительно безобидных сочинений. А теперь? Владимов, Войнович, Ерофеев, Копелев и многие другие печатают на Западе книги, резко бичующие наше общество и спокойно гуляют на свободе.

— Не думаю, что это дальнейшая либерализация. Скорее всего это — признак слабости властей. Еще год-два, и всю эту лавочку прикроют. Бессмысленно рассчитывать на то, что время и обычный ход жизни сами по себе внесут улучшения.

— А я тоже считаю,— сказала Неличка,— что если наши власти не провоцировать на ответные репрессивные меры, они будут сами вынуждены допускать какие-то послабления.

Методологи

В забегаловке шум, дым, вонь. И тихо и плавно струится беседа.

— У меня дружка выселили из Москвы. Соседи подстроили, гады. Он парень добрый. Но выпить не прочь. А как выпьет, высказаться любит на политические темы. Соседи уловили это. Как приходил он домой, они ему стакан водки без закуски. Потом другой. Ну, он за свое. А они милицию вызывают. Протокол. Другой. Пятнадцать суток за хулиганство. И вот выселили. И главное — комнату им так и не отдали, нового дворника-татарина вселили. Они теперь, гады, со слезами вспоминают о прежнем жильце. Собираются ему посылочку послать. О, русский народ! Чтоб ты провалился и подавился своей пошлостью и подлостью!

— Русский народ тут ни при чем. Дело все в системе.

— А кто эту систему держит? Разве не народ? А КГБ разве не русский народ? Вот уж где русский-то народ во всей его красе!

— А партия разве не русский народ?

— Между прочим, знаете, каков средний возраст члена партии сейчас? Около пятидесяти лет. Молодежь не очень-то охотно идет. Если можно, уклоняется. Рабочие не очень-то хотят идти в партию, а интеллигенцию придерживают. Партия все больше отождествляется по составу с чиновничье-бюрократическим аппаратом. В нашей отрасли, например, встретить заведующего лабораторией или начальника цеха беспартийного — большая редкость. А ведь у нас политикой и не пахнет.

— Ты слышишь, о чем говорят люди,— обращается Основатель к Гепе. — А мы лучшие силы отдаем какой-то идиотской методологии. Нет, не по мне это переливание из пустого в порожнее. И вообще, какое значение имеет, начнем мы с понятия действия и социальной действительности или с понятия социального отношения и социальной системы? Могу показать, что эти подходы равноценны.

— Пойми простую вещь,— говорит Гепе.— Если мы прямо и открыто выразим наши намерения, то нас сразу же уничтожат. Мы и шага сделать не сможем. А так к нам не придерешься. Мы занимаемся отвлеченной наукой, не имеющей никакого отношения к политике и идеологии. Люди же понимают, что к чему. Зреют постепенно, идеи распространяют...

— Зреют для того, чтобы получше устроиться. А что это за идеи, если к ним не придерешься. Наш семинар все более превращается в замкнутую секту, которая для

видимости занимается наукой. Какая к черту тут может быть наука, если почти все участники группы бездарны, серьезно не учатся, не работают так, как требуется от настоящего ученого. Это, повторяю, определенная форма спектакля. Для нас это — возможность поруководить чужими душами и походить в гениях. Иногда — выпить, переспать с руководимыми душами. Для них — возможность походить в талантах /без реальных способностей/, побыть в безопасной оппозиции, выпить опять же и переспать, поговорить о чем-то туманном и возвышенном. Одним словом, бери бразды правления в свои руки. Тебе этот спектакль нравится. А я больше не играю. Мне жаль сил и времени.

— А на что они тебе? Все равно же пропешь.

— И ты еще собираешься учить людей жить?! Не пропью, а раздам людям.

Жалоба Стукача

Все, что сказано и написано о стукачах, говорит Стукач, есть вздор, ибо делают это обычно люди, не имеющие ни малейшего представления о том, что такое стукачи, каковы их функции и что они имеют от этого. Для них стукач есть абсолютное зло, и только. А между тем стукач есть такая же жертва этого режима, как и все остальные. Во-первых, стукач — это тот, кто разоблачаем в качестве стукача. Если же человек не разоблачен как стукач, он не стукач. А разоблачаются наименее защищенные стукачи и наименее ценные, зачастую — специально запускаемые Органами в ситуации, когда роль стукача не может не быть замеченной. А жизнь таких стукачей — сплошное страдание. Часто все делают вид, будто не замечают, что они — стукачи, но между собою о них говорят только как о стукачах, хотя они могут в данном случае не быть стукачами или даже вообще ими не быть. Бывает и такое — стукачеподобные формы поведения. Это ужасно, когда ты не стукач, но все думают, будто ты стукач. Многие становятся стукачами именно потому, что их до этого принимали за стукачей, и они это почувствовали. А не почувствовать этого нельзя. Считается, что человек стукача может почувствовать сразу. Эту легенду распространили бывшие лагерники, разоблачившие на своем веку пару примитивных стукачей и с десятков ложных, но так и не заметившие десятки нормальных стукачей. Но если человека считают стукачом, он не может этого не почувствовать. И начинает вести себя так, что у окружающих на его счет не остается никаких сомнений, если даже его поведение не причиняет никому вреда. Между прочим, имейте в виду, в Органах используется такой прием: донос делает один настоящий стукач, а они стараются создать ситуацию, в которой подозрение будет падать на другого. И еще имейте в виду, что подавляющее большинство доносов делают люди, никогда не бывавшие ранее стукачами, не дававшие никаких подписок и в будущем обычно не контактирующие с Органами. Многие делают это по неосторожности, многие — по доброте душевной, многие — из страха, многие — с охотой и т.п. Общего правила тут нет. Можете мне поверить. Мы с вами встретились случайно. И больше, надо полагать, никогда не увидимся. А у нас в России испокон веков принято исповедаться у случайных собутельников. Простите, а вы сами случаем не стукач? Нет? Это хорошо. Нет что вы! Я не боюсь. Просто мои рассуждения могли тогда показаться вам несколько бестактными.

Как я стал стукачом? Вы, конечно, слышали о Комитете Гласности? Моя жена дружила с женой одного из членов этого Комитета. Однажды они пришли к нам в гости. Разговорились, естественно, о политике. К этому времени Комитет уже выпустил несколько Хроник, и имя моего гостя уже упоминалось в «Голосах». Все это производило странное впечатление: человек занимается фактически антисоветской деятельностью /чего греха таить, деятельность-то действительно антисоветская!/, а свободно ходит по улицам, пьет вино, телевизор смотрит, уверенно рассуждает обо всем на свете. А я человек мягкий. Он шпарит,

перспективы развивает, а я слушаю, возразить не могу. Да и не хочу, поскольку вроде оно так и есть. В общем, кончилось тем, что и я вступил в этот Комитет. Активно в нем я так никогда не работал. Если бы это было, все равно посадили бы. Но числился. А это в наше время само по себе, оказывается, есть преступление. На работе узнали — скандал! Увольнять уже собрались. И я приготовился к этому. Плохо, конечно. Семья. Дети. И работу свою я люблю. Да что поделаешь, сам виноват. А настроение дрянь. Ночи не сплю. Закладывать начал чаще обычного. Думаю все время, мыслителем стал. И влип же, думаю, я в эту историю, как круглый дурак. Зачем мне это нужно было? Особой внутренней потребности в таком деле не было. Конечно, и я поругивал наши порядки. Но как все, не больше. Не настолько, чтобы идти в диссиденты. Вскоре вызвали меня в дирекцию. Пошел с мыслью об увольнении и о предстоящем существовании без зарплаты. И о судьбе моих детей. Сын у меня в университете. Значит, выгонят. Дочь школу кончает. Значит, не видать ей института. А они у меня оба способные, хорошие ребята. Я их очень люблю. И сил в них вложил... Вхожу в кабинет директора. А там сидит незнакомый мужчина. Директор ласково поздоровался со мной. За ручку. Представил незнакомого мужчину, сказал, что тот хочет со мной побеседовать, и оставил нас вдвоем. Вам не надоело слушать меня? Я сейчас кончу, говорить-то вроде больше не о чем.

Говорили мы с ним обо всем на свете. О детях, о язве, о микрочастицах, об арабах... И незаметно для меня самого обо всем договорились. Никаких бумажек мне подписывать не надо. Это ни к чему. Просто желательно, чтобы я постепенно отошел от Комитета. Я же все равно не был активным участником его. Если бы я был активным, Они со мной не так и не тут разговаривали бы. Как? Для начала, скажем, поезжайте в командировку. Лучше неделки через две. На это время как раз намечаются некоторые мероприятия в Комитете. И я в стороне останусь. А мероприятия эти пахнут крупными сроками. Потом в больницу месяца на два. У меня же обострение язвы, не так ли? Потом отпуск. Поезжайте в санаторий, путевку организуют. Вот в таком духе мы и побеседовали. Через пару дней я встретился с моим знакомым, который ввел меня в Комитет. Поговорили немного, и я почувствовал, что он почувствовал, что со мной произошло нечто и что лучше со мной не откровенничать больше. Хотя, клянусь вам, я даже намеком не выдал никаких секретов Комитета и не выдал бы даже под пыткой. У меня их не спрашивали. Мне была уготована совсем иная роль.

После санатория я снова имел беседу с тем же человеком. Я сказал ему, что хочу официально выйти из Комитета, что мне не доверяют уже, что мое положение двусмысленно. Он сказал, что выходить из Комитета пока не надо. И на заседания я должен ходить. И с участниками Комитета встречаться должен. И кое-какие их поручения выполнять. Но у них ко мне время от времени будут небольшие просьбы. И не столько чтобы я им что-то сообщал, сколько чтобы я от них кое-что слушал и другим сообщал. Например? Ну что у такого-то возможен обыск. Такому-то могут предложить эмигрировать и т.п. Ладно, сказал я. Делать же все равно больше нечего. И началась моя мученическая жизнь. Всех членов Комитета с работы повыгоняли. А я работаю. Естественно, вопрос: в чем дело? Подозрительно! Никто ничего доказать не может. Никто никак из-за меня не страдает. А между тем ситуация недоверия уже разъедает всю организацию. И закладывать начал я. Не иначе как... Но главные мои страдания начались после арестов комитетчиков и процессов над его участниками. Представьте себе, моя фамилия даже не фигурировала в материалах процессов. Обо мне никто ничего не говорил. С одной стороны, ни малейшего намека на какие-то обвинения. С другой стороны, очевиднейший вроде бы факт моего сотрудничества с Органами: меня же не тронули! И никому в голову не приходит мысль о том, что вне сферы внимания ОГБ

осталась вообще секретная часть деятельности Комитета. Ведь их судили-то исключительно за то, что они печатали в Хрониках.

О диалектике

Если под диалектическим мышлением понимать умение манипулировать в мысли со множеством изменчивых и взаимодействующих явлений, говорит Основатель, то я вам сейчас дам пример такого диалектического мышления. Но по целому ряду причин лучше в таких случаях считать, что думающий человек просто не дурак, и не употреблять слово «диалектический», ибо отныне и навеки монополию считаются диалектиками захватили кретины, невежды и подонки. И отстаивать тут некую подлинную диалектику — значит лить воду на мельницу упомянутых кретинов, невежд и подонков.

Наше общество в силу одних внутренних законов /можно подумать, будто есть какие-то невнутренние законы!/ стремится к ужесточению внутреннего режима и замкнутости. А в нынешних условиях оно вынуждено вести себя перед Западом так, будто оно открытое и будто оно обладает всеми достоинствами цивилизации еще в большей мере, чем страны Запада. Наша нынешняя открытая оппозиция есть продукт этой своеобразной ситуации. Не будь этой вынужденности, у нас снова разразились бы массовые репрессии. И даже само ЦК не смогло бы их сдержать. В силу же других законов наше общество стремится к расширению, а именно — к присоединению прилегающих к нему стран и навязыванию им своего строя жизни, к проникновению в отдаленные страны в лице бесчисленных шпионов, советников, деятелей культуры и т.п. В случае достаточно сильных «капиталистических» стран наша экспансия опять-таки приобретает весьма своеобразную форму («открытости»): мы вынуждены пускаться к себе тьму иностранцев и посылать на Запад тьму своих людей определенного культурного уровня, образа жизни, профессиональности. А это неизбежно ведет к смягчению внутреннего режима, ко всякого рода послаблениям, к игре в свободы. Отсюда у нас хроническая раздвоенность: с одной стороны, нам что-то вынуждены даровать, а с другой стороны, это же самое урезать или ликвидировать совсем. Так что если уж вы хотите найти примеры диалектики — ищите их в нашем руководстве. Там творится сплошное раздвоение единого и переходы всего и вся в свою противоположность. Судя по всему, вообще не случайно то, что диалектика образует ядро нашей идеологии. Обратите внимание, каждый раз, договариваясь о каком-то важном деле, мы уже заранее знаем, что дело будет сделано не так или не будет сделано совсем,— мы обретаем уверенность в чем-то, предполагая уверенность в чем-то противоположном или обретая неуверенность именно в этом. Вот, например, вы сегодня собрались затем, чтобы обсудить, как вам укрепить и расширить вашу мощную и перспективную организацию. Но вы все знаете, что организация жалкая, что расширять ее пока нечем и незачем, что среди вас есть борцы за прогресс человечества, которые будут вносить дельные предложения об укреплении организации, одновременно обдумывая желаемые для ОГБ меры по ее развалу...

О, Учитель, воскликнули ученики, какого... ты нас ставишь в неловкое положение, ... твою мать! Теперь же всякий, кто выскажется за укрепление организации, будет подозреваться в том, что он — стукач! Что подделаешь, друзья мои, сказал Основатель, жизнь сложна и противоречива. Что же касается подозрений, то вы не подозревайте, ибо подозрения оскорбляют человека. Вы просто знайте определенно, что это так.

О равенстве

— Вы пьете,— говорит Она,— а почему бы нам не пить? Вы курите, а нам выходит, нельзя? Вы шляетесь по бабам, а нам с мужиками нельзя иметь дело? А где же справедливость? Равноправие?..

— Право, равноправие, равенство, справедливость! Сколько слов,— говорит Он.— И как все это пусто. Когда разлагаются мужчины, это беда, но не более. Но если разложение захватывает женщин, это катастрофа. Женщина, а не мужчина есть основа общества. Почему? Потому что женщина есть мать, реальная или потенциальная. Это — то, что связывает человека с природой. Это же банально. Пей, я тебе не запрещаю. Меняй мужчин, это твое личное дело. А тебе не хочется такой простой здоровости, стабильности семейной?

— Нет. Я не знаю, что это такое. Для меня ребенок — бесконечные болезни, беллютени, дурацкий детский сад, сцены с родителями. Муж блядун и пьяница. И демагог. Как и все вы, между прочим. Домашний уют — беганье по пустым магазинам, стояние в очередях... А выйти замуж за добпорядочного мужчину с бытовыми возможностями не всякой удастся. Пустая болтовня все это насчет «основ», «здоровья», «стабильности». Выгодные мужья с квартирами, машинами и распределителями — это тоска зеленая. И пьют они тоже. И блядуют. Только еще гаже, чем простые смертные. Это не для нас. Так что тот путь, по которому пошли сейчас многие женщины и который ты называешь разложением, есть самое здоровое явление в нашей, бабьей, жизни. Мы это инстинктивно чувствуем, мы же все-таки женщины. К тому же у нас все равно нет выбора. Так что закажи еще бутылку. И сигареты, кстати. А ночевать я сегодня буду у тебя. Хочу посмотреть, на что способны гении в кровати. Вы же все гении, не так ли?

Из проповедей Основателя

Подчеркиваю, говорит Основатель, метод нам нужен для того, чтобы не заблудиться в дебрях разнообразных, взаимосвязанных, изменчивых, противоречивых и т.п. фактов действительности и выйти на светлый путь истины. Да, вы не ослышались: противоречивых фактов. И от этого никуда не денешься. Вот, например, на историческом факультете произошел такой случай. Один студент, между прочим, член КПСС, предпринимал всяческие попытки совратить студентку первого курса, пришедшую на факультет сразу со школьной скамьи. Чего он только не сулил ей! Но безрезультатно. Тогда он пошел на крайнюю меру: пообещал построение полного коммунизма в недалеком будущем. И добился тем самым своего. Потом все вылезло наружу. Затеяли персональное дело. Собрание приняло резолюцию, в коей записали, что студент обманул студентку, пообещав возможность построения коммунизма в близком будущем. Но какой-то дотошный прохвост в райкоме партии обратил внимание на формулировку. И такое закрутилось! До сих пор не знают, как выбраться из затруднения. Или, скажем, сам Ленин говорил в свое время, что достаточно взять самое простое предложение «Лошади кушают овес», чтобы и т.д. Помните, конечно? Подымите руку, кто из вас видел лошадь? А кто видел, как лошади кушают? Ну, а кто знает, что такое овес? Я уж не говорю о такой сюрреалистической картине, как лошадь, кушающая овес. Тот, кто избавит мир от таких парадоксов, пусть первым кинет в меня цитату! Но ближе к делу.

Возьмем проблему общего и особенного. Стоит заговорить о положении в нашей стране, как сразу найдутся оппоненты, которые закричат, что это не ново, что везде и всегда было так, что и на Западе то же самое. Спорить с такими оппонентами на содержательном уровне бессмысленно, ибо тут проблема чисто методологическая. Что в таком случае говорит методология? Во-первых, говорит она, существование данного признака для данного целого не зависит от того, является ли он общим или специфическим для данного целого. Во-вторых, говорит она, особенность сложного целого заключается не только в наличии неповторимых признаков и не обязательно в этом. Она может заключаться в степени вероятности или проценте общего, в комбинации общих признаков, в роли общего в данном

целом и т.д. Например, наличие товарно-денежных отношений есть признак, общий буржуазному обществу со многими другими, но место и роль их в буржуазном обществе иные, чем в других обществах: лишь здесь они определяют собою тип общества. Отношения социального начальствования и подчинения встречаются во многих типах обществ. Но лишь в нашем обществе они становятся всеобъемлющими и определяющими собою все прочие общественные отношения и стороны жизни. В качестве таких базисных отношений они суть специфическое явление нашего общества. Сейчас я вам привел пример того, что раньше считалось диалектическим способом мышления, и что теперь начисто позабыто официальной философией.

О, Учитель, воскликнули ученики, а что все-таки стало с той студенткой и тем студентом? Вопрос явно по существу, сказал Основатель. Студента избрали в партбюро факультета, а студентку исключили за провокацию: она хотела сделать аборт, не будучи беременной или будучи беременной, но от другого студента, не имевшего к этой истории никакого отношения. Как сказано в упомянутом «Евангелии» в связи с проблемой «научного коммунизма»:

Ах, будь я сторож Небесам,
Туда закрыл бы напрочь двери
Не только тем, кто брешет сам,
Но и тому, кто в бред тот верит.
Я б во все Небо начертал
Свое учение простое:
Сюда войти любой достоин,
Кто им не верит ни черта.

Пути

— Я наконец-то закончил книгу. Так что есть за что выпить. Восемь лет каторжного труда!

— Поздравляю! А дальше что?

— А дальше я ее уничтожу.

— Ты свихнулся! Дай нам, мы ее распечатаем и пустим по рукам без твоего имени.

— Нет, книга получилась слишком хорошо, чтобы ее отдать вам, но слишком плохо, чтобы предавать гласности под моим именем. Результат получился чисто негативный к тому же. Так что боюсь, что и вам это не подойдет. Я убедился в том, что «Капитал» — самая глупая и самая бесчестная книга в истории науки, какими бы соображениями ни руководствовался сам Маркс при ее написании. Но глупость и бесчестность тут особого рода. Глупость тут гениальная, а бесчестность благородная. А ситуация общая такова, что любая книга на эту тему /как хвалебная, так и критическая/ лишь будет возвеличивать Маркса и марксизм. А я этого не хочу. Во мне начинает расти презрение к ним. Я хочу покончить с этим раз и навсегда.

— И куда же ты пойдешь?

— Пока не знаю. Догадываюсь лишь, что наступает время говорить все вслух и прямо, без намеков. Говорить о реальности, а не о теоретических сплетнях на ее счет, да еще из десятков рук. И страдать за это.

— Ты жаждешь страдания?

— Нет. Просто я не вижу иного пути.

Обрывки мыслей

— А что ты называешь социализмом и коммунизмом? Есть же четкие определения.

— Определять, что такое социализм и коммунизм так же нелепо, как определять, что такое кролик, корова, капуста и т.п. Их можно лишь предъявить как эмпирический факт, более или менее точно описать и исследовать. Реально существует наша страна и ряд других стран, которые /довольно широко, причем, и мы против этого не возражаем/ принято называть коммунистическими или социалистическими. Плевать на названия. Уже давно существуют общества определенного типа, и вы знаете, о каких именно речь идет. Накоплен опыт их жизни и огромные наблюдения. Что еще? К чему спорить о словах? Изучайте реальность, если вы претендуете быть учеными или общественными деятелями. Исходите из фактов, а не из проектов, программ, лозунгов, обещаний. Только идиоты в наше время могут верить в проекты столетней давности, в лозунги партий, в обещания вождей.

Вклад в сокровищницу

Много всяких выдающихся вкладов внес товарищ Сусликов в сокровищницу марксизма-ленинизма. Но самый значительный из них — это теория всеобщего паскудства, которую товарищ Сусликов вставил в пустое место, образовавшееся в этом месте после изъятия из него безнадежно устаревшей теории диктатуры пролетариата. Жаль было, конечно, классиков марксизма. Они так гордились своей теорией диктатуры пролетариата! Они так надеялись на пролетариат! Они готовы были все свои бессмертные открытия отдать предшественникам, лишь бы за ними /за классиками/ сохранили самое главное: доведение всего и вся именно до диктатуры пролетариата. Кто бы мог подумать, что пролетариат сам окажется доведенным, как говорится, до ручки! Да, трудно было товарищу Сусликову решиться на такой шаг эпохального значения, очень трудно. Полдня он колебался. Пообедал без особого аппетита. Вторую половину дня он опять колебался. И лишь поздно вечером отдал распоряжение подготовить для него к утру подходящую теорию, с помощью которой он решил заполнить пустое место в марксизме, образовавшееся после постепенного и неприметного изъятия из него той самой злополучной теории диктатуры пролетариата.

Тотчас же Помощник позвонил Секретарю и приказал немедленно разыскать Автора и доставить его, живого или трезвого, в ВСП. В одиннадцать ноль-ноль Автора нашли в Опорном пункте милиции, где дружинники били ему морду за неповиновение, и доставили в поликлинику ВСП, где его привели к виду, пригодному к беседе на высоком уровне. В двенадцать ноль-ноль его ввели в кабинет Помощника. Привет, Старик, сказал Помощник. Давненько не выдались. Ты неплохо выглядишь. Экстренное задание: чтобы к утру была теория! Вклад, понимаешь?! Понимаю, сказал Автор. Но у меня условия: трехкомнатная квартира! Будет тебе квартира, сказал Помощник. Дудки, сказал Автор. Сколько раз вы меня надували?! Сначала квартира, потом теория. Пока не въеду, за теорию не сяду. Но сейчас же ночь, сказал Помощник. А мне какое дело, сказал Автор. Они все дрыхнут, а я изволь выдумывать им вклад в сокровищницу их бредовых идей?! Сейчас двенадцать. За четыре часа можно оформить квартиру. Два часа нам на перезд. А за оставшиеся два я продиктую новую теорию. Ладно, сказал Помощник Автору. Иди домой и жди. Послушай, сказал Помощник по телефону Начальнику ОГБ после ухода Автора, прикажи твоим ребятам, пусть они они этому кретину изобразят квартиру. Он просит трехкомнатную. Что? Ха-ха-ха! Валяй пятикомнатную. Вот потеха будет! Что потом? Это очевидно, он может наболтать много лишнего. Спокойной ночи!

Потом бесследно исчезали,
Прекрасно зная почему...
Вранье то, будто мы не знали,
Что всем обязаны Ему.

Закон абстракции

Социальный индивид, говорит Основатель, есть существо не только целополагающее, но и абстрагирующее. Существует закон социальной абстракции: если нечто существенно для индивида в данном контексте /потоке/ бытия, то оно существенно для него независимо от контекста /потока/. Имеется определенный механизм, благодаря которому способность абстрагирования распространяется на группы людей и общество в целом. Этот механизм складывается как индивидуальное историческое явление. Его невозможно объяснить, невозможно изменить. Он сам образует основу для всей системы оценок и ценностей общества. Потому-то трудности реформаторской деятельности нельзя сводить к нежеланию руководителей и костности масс. Любой мало-мальски соображающий руководитель мечтает о великих реформах. А многим ли удаются даже маленькие? По законам социальной абстракции дело обстоит не так, будто существует некое многостороннее целое, в котором мы лишь отвлекаем в своем сознании какие-то отдельные стороны. Это — точка зрения гносеологизма. Она ложна в социологии. Дело же обстоит так, что существует нечто конечное, ограниченное, отрывочное и т.д., а погружение этого конечного в бесконечное целое есть лишь временное забвение социальной абстракции, состояние своеобразной усталости. Вот мы с вами беседуем. Что реально существует для нас с вами в данное время? Эти деревья, брюки, птички, ботинки...? Нет, конечно. Только ход наших мыслей. Есть довольно сложный механизм абстракции, объединяющий нас в группу. Еще более сложен механизм для больших групп. А об обществе в целом и говорить нечего. Никто еще не пытался изучить этот механизм. Между прочим, только на основе познания этого механизма можно будет объяснить незримые нити, объединяющие людей, порой разделенных расстояниями и временем. Это не мистика. Вдумайтесь. И вы сами через некоторое время ощутите себя частичкой некоей абстрактной ткани, сетки, структуры... Слова подходящие подберите тут сами.

О марксизме

— Безусловно, марксизм есть вечно живое творческое учение. Ведь еще сам Ленин говорил, что марксизм — не догма, а лишь руководство к ней.

Всеобщее паскудство

Созданная товарищем Сусликовым научная теория всеобщего паскудства представляет собою конкретный план перехода от высокоразвитого социализма к полному коммунизму в условиях неуклонно ухудшающегося жизненного уровня трудящихся и усиливающихся репрессий в отношении инакомыслящих. Чем хуже мы живем, учит Сусликов, тем стремительнее мы должны двигаться вперед к коммунизму. Когда жить хорошо и с каждым днем жизнь улучшается, коммунизм построить и дурак может. Много ума и сил на это не нужно. Вот когда жить скверно и с каждым днем жизнь ухудшается, вот тогда-то и требуется наше гениальное учение и коллективная мудрость партии.

Мы должны отказаться от мешански-мелкобуржуазного, потребительского понимания коммунизма как некоего рая земного, в котором будут течь винно-молочные реки с огуречно-кисельными берегами, учит товарищ Сусликов. Коммунизм — это прежде всего новые грандиозные трудности, которые трудящиеся будут героически и самоотверженно преодолевать под мудрым

руководством ВСП и лично товарища Сусликова. Эти трудности временные, и в этом состоит их сила. Наша сила именно в тех трудностях, которые нам предстоит преодолеть и с которыми не способно справиться ни одно капиталистическое государство. По трудностям, выпадающим на душу населения, мы уже давно превосходили даже самые отсталые капиталистические страны и вплотную приблизились к недоразвитым странам третьего мира. В этом-то и состоит притягательная сила нашего примера для всего прогрессивного человечества.

Такой правильно понятый коммунизм, учит товарищ Сусликов, уже не за горами. И если мы умножим усилия по бессмысленному разбазариванию средств на идиотскую внешнюю политику и еще более идиотскую внутреннюю политику, то мы можем построить коммунизм еще при жизни нынешнего поколения /если, конечно, оно уцелеет до того времени/. Коммунизм, учит товарищ Сусликов, можно было бы построить и в одной отдельно взятой стране. Но это было бы несправедливо, во-первых, по отношению к трудящимся других стран, поскольку им было бы обидно и завидно, что они еще не достигли и не вошли. Это было бы несправедливо, во-вторых, по отношению к трудящимся страны, построившей у себя коммунизм. Интернациональный долг обязывает трудящихся других стран /желательно — всех/ взять на себя свою долю трудностей, чтобы у трудящихся, построивших в своей стране коммунизм, в свою очередь не осталось чувства обиды и зависти: мы, мол, тут в дерьме живем, а они там от жира бесятся, сволочи. Тут должен быть соблюден принцип подлинного интернационализма: погибать, так всем вместе!

Необходимым условием перехода к правильно понятому коммунизму, учит товарищ Сусликов, является создание обстановки всеобщего паскудства. В этом — ядро учения товарища Сусликова, превосходящее устаревшее учение о диктатуре и гегемонии. Всеобщее паскудство есть такое состояние общества, когда каждый человек может сказать о любом другом следующее: о, Господи, и откуда только такая мразь берется?! Такое состояние нужно для того, чтобы люди могли без всяких угрызений совести /с кристально чистой совестью, что возможно лишь при полном отсутствии совести,— не может быть грязным то, чего нет/ идти в коммунизм, нисколько не стыдясь надвигающегося своего будущего. Чтобы противно не было. Чтобы не тошнило. Чтобы люди при этом могли спокойно сказать себе и друг другу, что таким гнусным тварям ничего другого и не остается, как впасть в полнейший коммунизм. Туда им и дорога! Чтобы людям было просто неловко идти назад или вбок, где их от одного взгляда друг на друга начало бы выворачивать наизнанку, хотя бы у них и не было с утра ни в одном глазу. Одним словом, чтобы мы на своем знамени могли написать прекрасные слова, выражающие вековые чаяния лучших дочерей и сыновей народа; «Все мы — говно!».

Закон социальной дистанции и сомасштабности

Многие по опыту знают, говорит Основатель, что крупные личности и события, если их рассматривать пристально и вблизи, производят впечатление ничтожности, а мелкие, казалось бы, личности и события вырастают в масштабах по мере удаления от них и опускания подробностей. Но в общей форме этот закон еще не описан, его связь с другими законами /например, с законом абстракции/ совсем еще не изучены. Эту задачу, как и многие другие, о которых мы говорили, я оставляю в наследство вам. А пока я хочу обратить ваше внимание на некоторые важные следствия этого закона или, возможно, проявления другого социального закона — закона социальной сомасштабности. Это будет несколько необычным подходом к проблеме средств деятельности.

Рассмотрим такой случай — суд над К. На мой взгляд, случай К не менее интересен, чем все диссидентское движение тех времен, вот с какой точки зрения. Я пока не буду говорить о характере его преступления, о нем скажу немного позже. В деле К принимали участие многие лица. Кто они по отдельности? Соседи по квартире: грузчик из мебельного магазина, жуткий пьяница, законченный подонок; его жена, склочница и интриганка, лживая потаскуха, тоже вечно на взводе; одинокая пенсионерка, бывшая учительница, старый член партии, злобная и доведенная до отчаяния грузчиком, но вымещающая зло на К. Соседи по квартирам на лестничной площадке... Не стоит говорить? Верно, ясно и так. Дворник. Участковый милиционер. Доносчик — сослуживец К, случайно попавший с ним в одну компанию, жалкий человек с ущемленным самолюбием. Сослуживцы. Ясно, опускаем. Агенты ОГБ, осуществлявшие за ним слежку и сбор материалов на него. Что это такое — тоже ясно. Со сталинских времен тут ситуация не улучшилась, а может быть, даже ухудшилась. Следователь ОГБ — маленький лысый человечек с прышавым лицом и в измятом неопрятном костюме, глуп, циничен. И так — за кого ни возьмись. Каждый по отдельности — убожество, ничтожество, убудок. А вместе они — грозная сила, творящая страшное дело. Ощущение такое, будто ты связан по рукам и ногам и зарыт живьем, и тебя заживо едят могильные черви. Создается ощущение неадекватности зла, творимого людьми, масштабам зла, творимого ими. Это касается и не только зла, но на примере зла это ощущается особенно остро и трагично.

Посмотрим теперь на случай К с другой стороны. Он стал замечать несправедливости, творимые вокруг властями, и вопиющие беспорядки, переживать их и думать о них. Потом решил действовать — описывать то, что наблюдал, посылать это в органы власти и редакции газет, распространять в виде листовок. А по роду работы ему приходилось много ездить и видеть. Работал он в закрытом учреждении, где со служащих берут подписки о неразглашении. Выполнить свое намерение он не успел, он только проговорился на вечеринке о нем. Донос. Обыск. Заработал огромный аппарат следствия. Стали копать на него «материалы» везде, где он бывал. Бумажки, которые забрали у него при обыске, ничего криминального не содержали. Наивное возмущение отдельными фактами, и все. У нас в газетах о более страшных фактах иногда пишут. Работу ОГБ проделали колоссальную. Каждое действие и слово К было истолковано в нужном им смысле, искажено, снабжено преступными целями. Мелочность и педантизм, проявленные при этом, ужасающи. Например, в свое время по решению ВСП проводилось укрупнение колхозов. Крестьян из маленьких деревень сселяли в одну крупную. Таким путем выселили и родителей К из маленькой деревни в другую. А следствие представило этот факт так, будто родителям К было тогда выражено недоверие /кем?! за что?!/ и их просто выселили /куда?! зачем?!/. На что я хочу здесь обратить ваше внимание? На то, что могучее государство ведет с отдельным, казалось бы, жалким человечком грандиозную борьбу, впадая в недостойную мелочность, совершая мелкие подлости. И расправляясь с этим червячком-человечком с непомерной, казалось бы, жестокостью. Этот К был приговорен к высшей мере.

Упомянутый мною эффект несоответствия иллюзорен в качестве некоего явления в нравственности. Он сам есть объективное средство воздействия общества на индивида. С социальной точки зрения лишь общество есть законный император всего происходящего. И потому действия общества в отношении индивида сомасштабны не индивиду, на которого направлено действие, а самому обществу. Объективно общество не совершает никаких подлостей, гадостей, жестокостей. Оно делает только крупные... скажем, действия. А теперь подумайте сами, что нужно для того, например, чтобы компенсировать ощущение мелкости каждого отдельного насилия? Их нужно много, очень много!

Всеобщее паскудство

Как это ни парадоксально на первый взгляд, учит товарищ Сусликов, но именно создание всеобщего паскудства является самой трудной проблемой на пути построения правильно понятого коммунизма. В семье, как говорится, не без уroda, а одна паршивая овца может испортить все стадо. Недавно потушенная вспышка диссидентского движения свидетельствует о том, что даже в условиях комплексного коммунистического воспитания людей отдельные индивиды сохраняют некоторые пережитки буржуазного индивидуализма, которые складывались веками, — личное достоинство, совесть, честь, независимость духа, правдивость, озабоченность судьбами людей и т.д. А дурной пример заразителен. Без поголовного же превращения граждан в холуев, пошляков, дураков, подхалимов, трусов, доносчиков, крохоборов, циников, лжецов, хапуг и т.д. ни о каком коммунизме и думать нечего.

Нет покоя и вождям долгими ночами:
Очень трудно всех людей сделать сволочами.
Непреренно хоть один где-то заведется,
Что с насмешкой про дела наши разорется.
Без понятия проблем, без почтенья к чину.
И испортит, негодяй, гладкую картину.
Научились мы вести массы за собою.
От прохвостов-холуев нет у нас отбою.
Нам на новую ступень надобно стремиться,
Чтоб не вылезла нигде эта единица.

Обрывки мыслей

— Все и везде есть, везде одно и то же!

— А что ты этим хочешь сказать? Притом, из того, что везде и все есть, не следует, что везде одно и то же. Например, возьмем две Академии Наук А и В. В первой на сто членов шестьдесят настоящих ученых, тридцать карьеристов от науки, десять откровенных проходимцев. Во второй десять настоящих ученых, сорок карьеристов от науки и пятьдесят откровенных проходимцев /именуемых тут, конечно, иначе/. И в той и в другой есть все три категории людей. А в целом есть какая-то разница? Или, допустим, у нас...

— Хватит, это очевидно.

— А если очевидно, так к чему же твое «везде одно и то же»? Учти, когда имеешь дело со сложными массовыми явлениями, различие даже в нескольких людях в какой-то сфере жизни может сыграть огромную роль. Один крупный деятель культуры выступил или пять, — казалось бы, какая разница? А может случиться так, что первое будет незамечено, а второе войдет в историю как крупное общественное движение. И потом, какое нам дело до того, что где-то тоже имеются политические заключенные, дискриминация, бьют и т.п. Нам надо изучать то, что тут у нас есть на самом деле. Если где-то в Латинской Америке посадили не десять человек, как у нас, а сотню, из этого не следует, что мы живем не в полицейском государстве, а в демократическом раю.

Методологи

Это общество, говорит Основатель, нельзя критиковать всерьез. Его надо, извини за выражение, обсирать, как оно того и заслуживает. Причем, спокойно, методично, как это делает опытная квартирная склочница в отношении нелюбимой соседки. Так, чтобы общество на стенки полезло от злобы и бессилия. Именно от

бессилия. Если критикуешь серьезно, ты — враг, и с тобою легко расправиться. Если же ты умело делаешь то самое, о чем я уже говорил, ты уже не просто враг. Ты тогда — СУДИЯ! Понятно? А твое намерение делать это дело серьезно по меньшей мере несерьезно. Серьезно — это значит уклончиво, намеками, по пустякам, уныло. В общем, это будет тот же беспредметный бюрократизм, только на уровне самостоятельности и завалированного бытового мелкого разврата. Когда люди говорят о пустяках, они говорят долго и скучно. Когда люди боятся дела, они много суетятся. Одним словом, я ухожу. Куда? Да куда. Уходят ОТКУДА, а не КУДА. КУДА приходят. А я приходиться пока никуда не хочу. Хочу погулять неорганизованным. Скорее всего вступлю в КПСС. Это — единственная организация, в которой можно ничего не делать. Я шучу, не пугайся. Впрочем, ты, кажется, уже вступил?

Это индивидуализм, говорит Гепе. Добавь еще — буржуазный, говорит Основатель. Другого не бывает, говорит Гепе. С таким интеллектуальным багажом претендовать на роль вождя движения — большое мужество нужно, говорит Основатель. Слушай, пока я еще трезв. Человеческие объединения можно разделить на две группы: единства /или братства/ и организации /или партии, секты, мафии и т.п./. Они принципиально различны, а временами противоположны. В случае единства людей объединяет ощущение друг в друге родственной души, и только. Здесь нет иерархии, ибо здесь господствует принцип: никто не хуже и не ниже никого другого. Здесь нет разделения функций, ибо здесь господствует принцип: каждый обладает всем тем, чем обладает любой другой и обладают все вместе. Здесь нет господства и подчинения, нет приказов и указаний, нет порицаний и наказаний, нет поучительства и назиданий. Здесь есть лишь духовное общение, причем — в большой мере безмолвное. Здесь возможен лидер, но только как Учитель, т.е. по принципу: я пошел, всякий желающий может идти со мной, за мной, рядом. Я мог бы быть лидером такого братства. И какое-то время такое братство у нас было. Но тебя обуял дух вождизма, а не учительства. У тебя нет данных быть учителем. И потому ты ищешь замену в вождизме, а для вождя нужна организация. Организация начинается с разделения функций и отношений господства и подчинения. Единство есть объединение сильных духом. Организация есть объединение посредственностей, ущербных, нездоровых, неполноценных. В единстве человек полностью сохраняет свою личность, — это есть объединение личностей. В организации человек отчуждает имеющиеся у него крохи личности в личностное начало целого или получает эти крохи от организации как единой личности. Организация в целом есть личность, и представляет это личностное ее начало ее руководитель. Организация есть удовлетворение тщеславия, жажды силы и власти и т.п. Единство не тщеславно, не властолюбиво. Организация цинична и жестока. Единство добро и свято. Нет надобности продолжать, ты, я думаю, сам эту трепотню можешь продолжить с блеском.

Жаль, что ты покидаешь нас, сказал Гепе. Ты мог бы быть очень полезен нам. Организация претендует принести пользу и облагодетельствовать человечество, говорит Основатель, извлекая пользу в конечном счете лишь для себя самой. Единство не стремится приносить пользу человечеству, но лишь оно хранит огонь человеческого бытия. Организации что-то делали для людей лишь постольку, поскольку на первых порах содержали в себе элемент единства. Но учти, организации имеют один крупный недостаток: чтобы существовать нормально, они должны обнаружить себя для окружающих и пройти проверку по социальным критериям объективности. Без этого они вырождаются в коллективную шизофрению. Ну, прощай! После этого стакана я, пожалуй, перестану тебя узнавать.

Всеобщее паскудство

Необходимо ввести, учит товарищ Сусликов, идеологический час в каждый рабочий день, идеологический день в каждую неделю, идеологическую неделю в каждый месяц, идеологический месяц в каждый год и идеологический год в каждую пятилетку. Какой смысл мы вкладываем в понятие идеологического часа, дня, недели, месяца, года? Огромный! В этот отрезок времени трудящиеся обязаны будут работать с удвоенной энергией, отдавая сверхплановую продукцию безвозмездно в фонд строительства коммунизма. Одновременно трудящиеся в это время будут обязаны изучать произведения классиков марксизма и лично товарища Сусликова. Сдавать по ним зачеты и экзамены в сети политпросвещения. Одновременно трудящиеся в это же самое время обязаны будут образцово вести себя в быту, активно участвовать в избирательных кампаниях, субботниках и воскресниках, строительных и уборочных отрядах, народных дружинах и других видах подлинно коммунистического труда и самоуправления. В упомянутые идеологические отрезки времени все газеты, журналы, издательства, радио, кино, телевидение, театры, клубы и прочие средства информации, развлечения, просвещения, пропаганды и т.д. должны быть целиком и полностью нацелены на идеологическое просвещение и убеждение трудящихся. Будут в это время также проводиться практические мероприятия, в которых трудящиеся смогут наглядно наблюдать образцы паскудства, тренироваться в паскудстве и демонстрировать товарищам по паскудству, что они достигли нужного уровня паскудности и могут быть допущены в правильно понятый подлинный коммунизм.

И тот, кто циничней, пошлей и подлей,
Взойдет на истории нашей страницы.
И будут вокруг мириады нолей.
И не встретишь нигде единицы.

Из проповедей Основателя

Отношения социального начальствования и подчинения /НП/ и соподчинения /СП/ образуют базис коммунистического общества, говорит Основатель. Коммунизм с социальной точки зрения есть сложная, расчлененная и иерархизированная система отношений НП и СП. В этих отношениях здесь находятся отдельные люди, множества из двух и более людей, группы людей, организации, множества из групп и организаций, группы из групп и организаций, а также целые слои населения, поставляющие индивидов в те или иные социальные категории. Кроме того, происходит разделение функций начальствования и подчинения и распределение их по разным лицам, группам, организациям. Имеют место опосредованные формы отношений НП и СП, смешанные формы и т.д. Наша задача как исследователей — осуществить последовательный анализ всех этих форм, идя от простого к сложному и многообразному.

Отношение НП есть частный случай отношения господства и подчинения. Особенность его состоит в том, что здесь начальствующие лица назначаются или избираются, а не становятся таковыми по праву рождения, экономического превосходства и т.п. Конечно, эти факторы играют тут какую-то роль, но в исходном пункте их следует исключить, ибо не в них суть дела. Например, дети крупных чинов имеют больше шансов занять крупные посты, но начальниками они становятся все же по законам избрания или назначения. Отношение НП является узаконенным. Подчиненные признают начальство в качестве такового и выполняют его волю, что дает им возможность существования. Начальство здесь зависит от подчиненных в том смысле, что его положение и перспективы зависят от поведения подчиненных. Последние в свою очередь зависят от начальства в получении жизненных благ. В системе общества в целом складываются условия для той или

иной степени и формы независимости начальства и подчиненных друг от друга, но это должно быть понято как производное явление. Исходным должен быть факт взаимной зависимости. Отношение НП есть взаимно-выгодное отношение, что обеспечивает прочность общества, базирующегося на таких отношениях. Это не исключает конфликты, что опять-таки должно быть понято как производное явление. Отношение НП, очевидно, в самом исходном пункте есть неравенство. Вырастающая в обществе система насилия, подавления, репрессий и т.д. есть естественный продукт этого фундаментального и повсеместного отношения НП.

Отношение СП есть отношение между двумя или более индивидами, группами, организациями, находящимися в отношении НП к одному и тому же индивиду, группе, организации и т.д. В исходном пункте для индивидов в отношении СП имеет силу принцип равенства их перед начальством. Равенство всегда есть лишь равенство соподчинения. Отсюда — стремление членов коллектива помешать своим коллегам возвыситься над ними или как-то выделиться, насилие коллектива над индивидом. Официально развиваемые средства выделения и поощрения и неофициальные случаи выделения должны быть поняты как производные. Замечу, между прочим, что отношению СП чужда конкуренция. Конкуренция имеет место, когда конкурирующие независимы в том деле, в котором конкурируют. В отношении СП действует принцип связывания друг друга, стремление помешать другим вырваться вперед.

Короче говоря, опишите подробно систему отношений НП и СП нашего общества и вы получите картину общества в самых существенных чертах. Но не рассчитывайте при этом на чудеса и на некую гениальность, которой ни у кого из вас нет и в помине. Это — тяжкий труд. Но увы! Вы все хотите выглядеть гениями и не хотите трудиться. И потому вы ничего не поймете в том, что я вам наговорил. Я знаю, что я говорил впустую. Но в том же «Евангелии от Ивана» сказаны слова, в которые я верую:

Тебя не слышает? Не беда!
Не порть себе напрасно нервы.
Не понимают? Ерунда!
Ты не последний и не первый.
Есть что сказать — руби сплеча,
Природу наполняй словами.
И в чьих-то душах зазвучат
Они однажды будто сами.

Методологи

Основатель оставил нас, сказал Гепе. Но это к лучшему. Он вносил в наше движение разрезающий элемент непристойности и шутовства. Мы же должны отнестись к делу со всей серьезностью. И первое, на что мы должны обратить внимание, это — организация. При наличии хорошей организации мы можем сделать много даже при отсутствии значительных идей. Тогда как даже гениальные идеи суть ничто при отсутствии хорошей организации. Идей у нас достаточно. Основатель отрекся от них, и теперь они наши. Не имеет значения, кто высказал те или иные идеи. Важно, кто их подхватил, сохранил и развил далее. Я хочу сформулировать наши основные организационные принципы, которым мы будем следовать впредь неукоснительно. Прежде всего следует различать две формы объединения — единства /братства/ и организации. Они принципиально различны, а временами противоположны. В случае единства...

Речь Гепе была записана на магнитофон, затем перепечатана на машинке во многих экземплярах и роздана всем участникам семинара. Это был первый

исторический документ в многотомном архиве движения методологов, которому суждено было через двадцать лет украсить собою многие московские помойки. Движение методологов было настолько хорошо организовано, настолько широко разветвлено, настолько глубоко проникло в бесчисленные учреждения, настолько..., настолько..., что ОГБ даже не заметили его существования, а если и заметили, не обратили на него должного внимания, а если и обратили, то не сочли нужным преследовать его участников.

Всеобщее паскудство

Под водительством товарища Сусликова был создан Воспитальник — сборник поведений, которые должны произносить вслух или про себя воспитуемые и воспитующие в тех или иных случаях жизни. Воспитальник состоит из двух частей. В первую часть /Воспитан/ входят воспиталки, которые воспитующие относят сами к себе. Во вторую часть /Воспитал/ входят воспиталки, которые воспитующие относят к воспитуемым. Пример воспиталки первого рода: «Родная Партия! Благодарю тебя за все те неисчислимые блага, которые ты дала мне. Только благодаря твоему мудрому руководству я имею хлеб насущный, кров, свободу и здоровье. Да святится имя твое в веках! Да будет мудрое руководство твое вечно! Да будет воля твоя как на всей земле, так и в космосе!» Пример воспиталки второго рода: «Наши Партия и Правительство дали тебе всё, что нужно для счастливой жизни, открыли тебе все пути для раскрытия твоих творческих способностей и честного служения Родине, Народу, Партии. А ты, мерзавец,... твою мать, бросил окурок мимо урны! Нагнись, пока я тебя не свел в милицию, где тебе зубы посчитают, подыми и брось как следует! О, Партия родная! Да святится имя твое в веках! Да будет мудрое руководство твое вечно! Да будет воля твоя как на всей земле, так и в космосе!».

В каждой части Воспитальника содержатся воспиталки на все основные случаи жизни людей применительно к их возрасту, положению, полу, образованию и т.д. Оптимальная классификация их была достигнута с помощью электронно-вычислительных машин. Первоначально был составлен беспорядочный перечень всех встречающихся в нашей китайской практике воспиталок из двадцати миллионов штук. С помощью машин их удалось не только упорядочить, но и минимизировать, т.е. выделить такую тысячу основных, из которых логически следуют все остальные, причем — с такой логической очевидностью и неотвратимостью, что спорить с этим бесполезно. Например, из воспиталки «Тебе Партия и Правительство дали всё, а ты!!!...» следует практически бесконечное число конкретных воспиталок вроде «Тебе Партия и Правительство дали ученую степень и звание, квартиру и хороший оклад, а ты отвечаешь на это черной неблагодарностью!». Черная неблагодарность может быть конкретизирована как встречи с иностранцами, пьянство, выражение недовольства по поводу отсутствия продуктов питания или повышения цен на них. Любой гражданин научается легко делать выводы производных воспиталок из основных после окончания двухнедельных общеобязательных Курсов Комплексного воспитания при Районных комитетах партии.

На Чрезвычайной сессии Государственного Совета был принят закон, по которому все граждане обязывались учить Воспитальник с детства наизусть и читать воспиталки вслух в положенное время и в положенных местах. Уклонение от этого расценивалось как преступление, караемое содержанием в специальных лечебно-трудовых лагерях.

И сбылись, наконец, замыслы кретина —
Воплотилась сполна нужная картина.

Снизу — стройные ряды дружного народа,
На трибунах же — вожди всяческого рода.
Массы лозунги несут и вопят: «Да здравствуйте!»
С высоты им верный путь указуют власти.
И шагают день за днем стройными рядами,
А куда они идут, догадайтесь сами.

Тоска о будущем

— Далеко ли собрался?

— В командировку.

— Куда?

— В будущее.

— Шутишь, как всегда?

— Нет, на сей раз серьезно. В город, который занял первое место в соревновании за звание «Города образцового коммунистического быта».

— Ясно. А цель командировки?

— Лично у меня никакой цели нет. Цель, надо думать, имеют ОГБ. На всякий случай на время предстоящего съезда партии они кого сажают в «психушки», кого высылают из столицы «законно», кого отправляют в командировку или на отдых. Я попал в число «командировочных».

— Ну, не беда. Отдохнешь на самом деле, повеселишься.

— Само собой разумеется, если они не задумали какую-нибудь гадость посерьезнее.

— Странно все-таки, почему ты остался в стороне от диссидентства. Ведь ты начал поносить наше общество и коммунизм вообще еще когда одни нынешние диссиденты были верными сталинистами, другие — примерными комсомольцами, третьи еще не родились или ходили под стол пешком. Мы все время ждали, что вот-вот где-то мелькнет твое имя. В составе какого-нибудь комитета, в заявлении, в письмах протеста, в связи с разоблачением нашей «карательной медицины».

— Именно потому я и остался в стороне, что роль была сыграна еще до того, как появилось нынешнее /и, пожалуй, уже минувшее/ диссидентство. Только о таких, как я, стараются умалчивать. Всем ведь хочется считаться главными и первыми.

— И все-таки ты же мог потом принимать активное участие в движении.

— А я и принимал. Я и сейчас принимаю. И буду принимать. Только я это делаю реально, в недрах общества, в тени, не вылезая на вид. Нужно же кому-то кривляться на сцене, а кому-то безвестному и незаметному готовить и обслуживать это представление.

— Ты хочешь сказать, что ты...

— Я хочу сказать совсем о другом. Обрати внимание, у нас почти все так или иначе тоскуют о прошлом. Народ ворчит: при Сталине цены постоянно снижали, а теперь они постоянно растут. Руководители шипят: при Сталине порядок был, а теперь распустились. Молодежь вздыхает: тогда идеалы были, а теперь — нет. И поет с умилением о том, что ей хотелось бы подохнуть на той, на Гражданской войне, и чтобы комиссары и т.п. Целый косяк передовой интеллигенции с апломбом твердит, что надо было остановиться на Феврале. А есть правдоборцы, которые

считают, что и Февраля не надо было. А сколько у нас борцов за прогресс, которые тоскуют по подлинному Марксу, подлинному Ленину, подлинному социализму. Даже неглупые люди полагают, что социализм у нас построен неправильно, что надо вернуться... А ты на себя посмотри! Ты же тоже живешь образцами прошлого. Пример Ленина, Троцкого, Сталина тоже маячит перед твоими глазами. Тебе тоже хочется вести за собой, указывать пути...

— А как же иначе? Есть общие законы и формы социальных движений...

— И есть естественный процесс жизни, отметающий одни надуманные формы и порождающий другие, которые умники и теоретики зачастую не признают в качестве таких «форм». Какие? В наших условиях это — все то, что делает людей так или иначе свободными от официального строя жизни и официальной идеологии. Ты знаешь, сколько сейчас мужчин и женщин уклоняется от создания семей, сколько молодых людей ведет свободный образ жизни с точки зрения сексуальных отношений, сколько людей увлекается религиозными и околорелигиозными идеями, сколько людей жаждет покинуть эту страну?! Я приветствую явления такого рода. И сам вношу в этот естественный жизненный процесс свою лепту. Мы подвергаем осмеянию все официальные святыни этого общества и создаем новое братство людей, основанное просто на взаимном понимании, сочувствии, сострадании. Нас много. И будут миллионы. И это мы определим дальнейший ход истории. Просто фактом своего существования и сознанием того, что мы есть и чувствуем друг в друге собрата. Мы о прошлом не тоскуем и не ищем в нем для себя образцов. Мы тоскуем о будущем, ибо мы несем его в себе. Нас невозможно задавить, ибо мы рождаемся независимо друг от друга. Мы лишь узнаем друг друга. Постулаты нашей общности просты и общедоступны. Каждый может открыть их со временем для себя сам. Для этого достаточно отделить себя от того, что связано с официальным обществом. Как сказано в «Евангелии от Ивана».

Пускай для Них ты ничтожен.

Пускай ты ими теснимый.

Их трусишь пускай. Ну и что же?!

Ты есть, если ты не с Ними.

Тебя мы и так узнаем

Во взгляде, в походке и в жесте.

И станешь с тех пор ты с нами

Думать и чувствовать вместе.

Запомни: человек начинается с единства и кончается с организацией.

Ненаписанный некролог

Он появился еще тогда, когда русские женщины вопили «Извела меня кручина», «Пред иконою святой слезами зальюся»... И казались ему их крики Песней. Еще лучше пели в церкви. Но это было очень редко, когда ребятишек водили на исповедь и причастие. А скоро это и совсем прекратилось. Церковь порушили, попа куда-то увезли. Много лет спустя он познал музыку Бетховена и Чайковского, но она не могла затмить тех стонов и плачей детства. Они непрестанно звучали в нем, эти крики Прекрасной души, навеки закованной в Уродливое тело. Лучшие годы его жизни прошли тогда, когда все русские люди пели «Эх, хорошо в стране советской жить!», «Я другой страны такой не знаю, где так вольно дышит человек»... Пели и миллионами погибали от голода, в концлагерях, на полях войны. Он исчез, когда русские женщины вообще перестали петь. Никто уже не знает, что он сделал в этой жизни, да и был ли он в ней вообще. Мир праху его! Да будет суровая и истерзанная русская земля ему пухом!

ПУТИ ИСПОВЕДИМЫЕ

Из материалов СППС

Наше общество, говорит Однорукий, держится на трех догматах дьявола. Первый догмат: все неопределенно. Обратите внимание: у нас нет четко очерченных форм. Ложь почти ничем не отличается от правды, а правда — ото лжи. Злодей выглядит добряком, добряк — злодеем, дурак — умником, умный — дураком. Это очень удобно: любой индивид и любое явление богут выполнять любую оцениваемую роль или выполнять роль так, что применима любая оценка. Эта тенденция к универсализации индивидов и их действий, делающая бессмысленной прежнюю систему оценок, проявляется в том, что здесь не любят непорочных. Здесь индивид принимается как свой, если только он приобретает некий моральный изъян, низводящий его до общеуродливого уровня. Отсюда второй догмат дьявола: все мы говно. Хотите верьте, хотите нет, но я сам видел, как опытные женщины лишали девочку невинности, поскольку мы, мужчины, были неспособны это сделать, и как взрослые мужчины выбивали красивому мальчику передние зубы /через один!/. Мрачно? Но мы еще не дошли до третьего догмата: предай ближнего. Почему? Потому что предательство есть характерное проявление обрыва всех тех связей между людьми, благодаря которым возникла человечность, но которые оказались здесь чужеродными и ненужными. Само общество рождается как акт предательства по отношению к породившему его прошлому. Но ведь и основатель цивилизации Христос был предан, говорит Ученик. Да, говорит Однорукий. Но Его предал один, и Он был предан один, а мы предаем все и предаем всех. У нас это догмат бытия, а не повод для жертвы. И не занимайтесь софистикой, юноша! Лучше проверьте свои карманы, наверняка где-нибудь в загашнике найдется мятый рубль, а за подкладкой — немного медяков. Ведь не может же быть, чтобы в ваших карманах не было ни одной дырки!

Из материалов СОД

Ты отдал марксистской философии лучшую часть жизни, говорит Физик. Пошел в нее добровольно, работал в ней добросовестно и увлеченно. И не корысти ради. Человек ты неглупый, не мог не понимать, с чем тебе приходилось иметь дело. Значит, есть все-таки в этой марксистской философии какая-то соблазнительность, притягательная сила? Есть, говорит Философ, и немалая. Скорее, даже огромная. Она меня до сих пор держит. Вероятно, я никогда не смогу порвать с ней до конца. В чем тут дело? В двух словах не скажешь, будет наверняка односторонне, всегда можно будет это оспаривать. Марксистская философия удивительным образом соответствует строю жизни нашего общества с самых различных точек зрения: с точки зрения затрагиваемых проблем /она — обо всем на свете/, изучения, сдачи зачетов и экзаменов, сочинения статей и книг, защиты диссертаций, преподавания, удовлетворения тщеславия, удовлетворения шизофренических притязаний и т.д. и т.п. Она глубоко наша со всех точек зрения. Хотя ее и занесли к нам извне, это не

меняет дела. Она здесь обрела себе более адекватную родину, чем на Западе. Картошка, между прочим, к нам тоже завезли из-за границы, а она стала нашей национальной едой. Скажите нашим людям, что не так давно у нас картошка вообще не водилась, не поверят. Если бы марксистскую философию к нам не занесли, мы все равно выдумали бы нечто подобное самостоятельно. Наши дореволюционные мыслители, как известно, к этому «подошли вплотную». Дело в том, что марксистская философия — это есть специфически коммунистический способ обращения с людьми, с природой, с материальными явлениями вообще. Интересно, что коммунисты первоначальную тренировку прошли /и проходят/ именно в области манипулирования с идеями и расправ с неудобными идеями. Посмотри, как Маркс и Энгельс произвольно обращались с идейным материалом и расправлялись со своими противниками. Маркс полистал несколько книжек по математике и уже учит математиков, как нужно понимать дифференцирование. И насочинял такую галиматью, что с ним не сравнится ни один кретин за всю историю науки. Энгельс полистал пару плоских книжек по логике и тоже учит, как нужно понимать логику. А ведь в это время уже была математическая логика. И Ленин туда же. Получив четверку по логике в гимназии и полистав Гегеля, он уже поучает. Возьмите, мол, предложение самое простое /«Листья дерева зеленые», «Лошади кушают овес» и т.п./ и вы найдете в нем диалектику! Такую чудовищную безграмотность можно встретить только в сочинениях классиков марксизма. И наших философов, конечно. Заимствования, фальсификация, мордование, — вот неизменные орудия основателей марксизма и ленинизма. «Анти-Дюринг» Энгельса и «Материализм и эмпириокритицизм» Ленина — вот вам школа будущих концлагерей, пыток, насилиев, лжи, клеветы. Изначальная склонность произвольно манипулировать духовным наследием, подгонять под априорные шаблоны, исказить противника, унижать, оскорблять, преследовать. Это — поразительно злобная философия, лишь маскирующаяся под гуманность. Она плоска, пошла, цинична, а прикидывается глубокой, эрудированной, принципиальной. Это — философия без сдерживающих начал, без угрызений совести, способная на любую пакость, если позволяет обстоятельство. Повторяю, она прекрасно ложится на нашу систему жизни. Имея дело с нею, имеешь дело с материалом, со стороны которого не встречаешь сопротивления, подобно тому, как наши многочисленные руководители манипулируют миллионами людей, практически не встречая с их стороны заметного сопротивления. Только в философии еще удобнее на этот счет. В жизни все-таки приходится что-то строить реальное и считаться с фактами. А тут возможности неограниченные. Ты сам знаешь, как сдают экзамены и зачеты по философии на всех уровнях. Лишь бы был какой-то приблизительный треп. А исследовательская /творческая!/ работа в области философии — любого дегенерата можно обучить делать «открытия» через каждые две строчки. Главное — научиться держаться в таких рамках, чтобы тебя не обвинили в искажении основополагающих принципов. А так города любой вздор, проверить тебя все равно невозможно. Другой дегенерат, вроде тебя, если и будет тебя опровергать, то сам нагородит такой же вздор в порядке творческого развития своей точки зрения. Подобно тому, как наших руководителей затягивает неудержимое движение вперед к коммунизму, решения, планы, отчеты, успехи, триумфы и прочие атрибуты имитации великой исторической драмы, так и в рамках философии даже самые тупые индивиды, решившиеся утверждаться в ней, могут добиться успехов. Успехи кажущиеся, но этого и достаточно. Складывается всеобщая ситуация игры в настоящее, и кажимость успехов никто не разоблачает. Наступает упоение победами. А для бездарей это — величайшее благо. И для потребителей философии имеется много соблазнительного. Быстро удовлетворяется тщеславное стремление «теоретически мыслить», например. Даже крупные ученые иногда клюют на эту удочку. Что

подделаешь, они тоже люди. Хочется сказать нечто эпохальное. Вот и говорят, не подозревая, что говорят чушь и банальности. Вся «творческая» деятельность в рамках марксистской философии есть целиком и полностью имитация творчества, воображение творчества, игра в творчество. Это захватывает, возвышает. И чем ничтожнее человек, тем больше ему хочется открыть новую «катеорию», «черту», «закон», «ступень», «этап» и т.д. И это на самом деле пустяки. Теперь даже трезвекурник, решившийся пойти по этому пути, элементарно может переплунуть классиков марксизма. А что касается лучшей части жизни, то ведь и ты ее отдал деятельности такого же рода, только не в области руководства идеями, а в области руководства людьми, окончившими другие факультеты, чем я. Так что какая разница? К тому же я хотел улучшить эту помойку, придать ей более пристойный вид. Между прочим, уже на первом курсе мы пели песенку, в которой были такие слова:

В объятиях марксизма,
В припадке пароксизма
Все мы пребываем с давних пор.
Бытие первично,
Сознание вторично,
А все остальное — вздор.

Так что презрение и насмешка не мешают людям предаваться страсти к презираемому.

Случайные странички

Я рад, что вы освоились, говорит Учитель. Рефераты вы научились делать вполне квалифицированно, а подготовленные вами материалы являются, пожалуй, лучшими. К празднику я представляю вас на повышение зарплаты. Это, конечно, немного. Но для начала хорошо. Благодарю, сказал Ученик. Это мне очень кстати. Могу я задать вам вопрос чисто личного порядка? Как вы сами избрали эту свою необычайную профессию? Это было очень давно, сказал Учитель. Вас еще на свете не было. Жил один впечатлительный мальчик. И почему-то этот мальчик возненавидел наших руководителей. Он ночами не спал, думая, как бы отомстить Им за все, — он считал Их повинными в зле, которым была залита Страна. В мечтах он изобретал мощные бомбы, взрывающие Их в момент, когда Они все в сборе, смертоносные лучи, пронзающие Их на расстоянии, и многое другое. Потом ему пришла в голову гениальная, как он сам считал, идея: изучить их биографии и написать книгу о Них. Он так и сделал — начал изучать факты Их жизни. И делал он это вполне официально, поскольку получил подходящее для этого образование и поступил работать в учреждение, где как раз этим и занимались. Только параллельно с официальными изысканиями он проводил свое тайное исследование, вернее, — расследование. И к ужасу своему он убедился в том, что ненавистные ему лица... непорочны! Он до деталей изучил жизнь многих из Них и не обнаружил ни одного значительного действия, достойного сильной эмоции. Все поступки Их оказались до такой степени лишены чувства и интеллекта, что он усомнился не только в Их психической полноценности, но даже в самом факте Их реального существования. Они предстали перед ним как пустые формы, которые можно заполнить любым человеческим материалом. И тогда ему в голову пришла действительно гениальная идея: делать описание Их жизни и творимой ими истории именно так, как это хочется Им самим, ибо Их желания вполне адекватны Их сущности. И он сделал попытку сделать такое описание. И с тех пор он здесь. А у вас не сохранилось что-либо из тех описаний, спросил Ученик. Нет, конечно, сказал Учитель. Только несколько страничек случайно уцелело. Хотите посмотреть?

Из материалов СОД

Нельзя во всем винить высшее руководство, говорит Командировочный. Вот вам характерный пример на этот счет. На Политбюро обсуждали вопрос о прогулах на заводах вследствие пьянства. Знаете, каких масштабов они достигли? В одной только Москве за счет таких прогулов впустую работает предприятие масштаба автозавода. Приняли, естественно, решение усилить политико-воспитательную работу среди рабочих. Откуда это известно? Я тогда был лектором в Райкоме партии, нам об этом рассказали на инструктаже. На уровне Министерства Внутренних Дел это решение интерпретировали более конкретно: слишком либеральничаем с ними /с кем именно, не было уточнено/. На уровне городских, областных, районных и т.п. инстанций конкретизировали установку далее: нечего с ними церемониться! С кем именно, опять-таки не уточняли. С одной стороны — на всякий случай, а с другой — вроде бы и уточнять нечего, и так все ясно. На уровне отделений милиции, Народных судов, комиссий Районных Советов и т.п. приступили к практическому исполнению высшей установки. Я тогда также и дружинником был, все это своими глазами видел. В милициях стали бить еще более бесцеремонно, чем ранее, фальсифицировать дела. В судах стали лепить сроки всем, кто не способен дать хорошую взятку и не имеет защиты со стороны коллектива, родственников, знакомых. Комиссии принялись выселять в отдаленные места безобидных непьющих интеллигентов. Число прогулов из-за пьянства возросло. А делалось то, что было нужно: началась «очистка» от людей, которые кому-то в чем-то мешали, и поставка дешевой рабочей силы в отдаленные места, во «вредные» отрасли производства. А что было делать? Выяснять постоянно действующие причины данного отрицательного явления — массовых прогулов из-за пьянства? Принимать меры на уровне этих причин? Увы, пустое занятие. Руководители, принимающие меры, сами порождены этими же причинами. Они не могут подрывать основы своего существования. К тому же, лишая руководимых собратьев удовольствия выпить и прогулять работу — негуманно и непрактично. А кто тогда работать будет?! А меры какие-то принимать нужно. Вот и принимаются абстрактные меры, которые конкретно реализуются естественным для нас образом. И между нами говоря, эти прогулы из-за пьянства в общем-то фикция. Я, например, сейчас числюсь на работе. О вас я не спрашиваю. Судя по глубоким морщинам на ваших лбах, вы еще не остыли от интеллектуального напряжения своего ЧМО.

Из материалов СППС

Западно-европейские коммунистические партии, говорит Математик, уже нельзя считать коммунистическими в собственном смысле слова. Не могу с этим согласиться, говорит Философ. Одно дело — обещания, которые они дают применительно к ситуации, и другое дело — практические действия, которые они будут вынуждены совершать. Если хочешь знать, к какому типу общества будет стремиться та или иная партия, если она придет к власти или будет влиятельной силой во власти, посмотри на нее как на зародыш будущего общества, как на общество в миниатюре. Что бы ни обещали эти партии, они по своей организации и по взаимоотношениям людей внутри ее суть партии «нового типа». Они по самой своей природе будут стремиться к единовластию, не брезгая никакими средствами, и к организации всего общества по принципам, аналогичным нашим, т.е. по принципам мафии.

Случайные странички

В 19.. году Партия направила товарища Сусликова на самый трудный и ответственный участок коммунистического строительства, — в город Вождянк /ныне Сусялянк/. Это был период, когда советский народ, завершив строительство

развитого социализма, приступил под водительством ленинского ЦК к строительству условий непосредственного постепенного перехода к высшей стадии коммунизма — к полному коммунизму. Но наши выдающиеся успехи не давали покоя врагам коммунизма всех сортов. Стали неправильно вести себя некоторые арабские страны. Пришлось их поправить и принять ответные меры. Используя замешательство, империалисты исказили принципы нашей внешней ленинской политики и попытались вбить клин в нашу нерушимую дружбу с народами Центральной Африки, строящими с нашей бескорыстной помощью социализм. Пришлось послать еще один самолет с медикаментами, и контрреволюция была подавлена внутренними силами. В этот момент активизировались изменники коммунизма, так называемые «еврокоммунисты». Но благодаря мудрой политике ленинского ЦК с этим так называемым «коммунизмом» вскоре было покончено. На первом этапе /с января по апрель/ был выдвинут лозунг «С итальянцами на испанцев при нейтрализации французов». На втором этапе /с мая по октябрь/ в связи с изменением конкретной ситуации был выдвинут лозунг «Вместе с итальянцами и частью французов против другой части французов». Наконец, на третьем этапе /с ноября по декабрь/ был выдвинут лозунг «Вместе со всеми против итальянцев». И единство международного коммунистического движения было восстановлено. Одновременно американские реакционеры сенатор Томсон, профсоюзный деятель Макси и миллиардер Абрамович, используя открытый процесс против изменника нашей Родины Исаака Хаймовича, хотели сорвать поставки хлеба в СССР. Но мы заявили, что хлеба у нас своего в избытке, а покупаем мы только для разрядки напряженности и из желания спасти американских фермеров от разорения. И под давлением прогрессивных сил США коварный замысел врагов уморить голодом нашу юную, шестидесятилетнюю развито-социалистическую державу провалился. Наконец, к злобному хору врагов коммунизма присоединили свой голос иностранные разведки, организовав на свои деньги провокационную кампанию за так называемые «права человека».

Экспертиза, сказал Учитель, сразу же обратила внимание на выражение «на свои деньги» и истолковала это место так, как у нас принято толковать ситуацию, когда человек пьет, но пьет на свои.

Языковые тонкости

Наш язык, говорит Однорукий, тоже поразительно приспособлен к нашему образу жизни. Конечно, он приспособлялся к нему за эти шестьдесят лет, фиксируя в себе факты нашей жизни. Но в подавляющей своей части он сложился до революции и в большой мере способствовал укреплению нашего строя, давая колоссальные возможности для демагогии, пропаганды и вообще всей деятельности по оправданию возвеличивания происходящего. Вся наша официальная жизнь делала и делает вклад в наше языковое творчество. Но сама она сначала происходила из этого источника. Безудержное словоблудие есть наша исконная национальная черта. А возьмите всю нашу историю за сто лет до революции. Что это? Прежде всего словоблудие. Вот и наблудили на свою шею. Все языки такие, говорит Старая Девица. И все-таки, говорит Однорукий, в нашем языке есть некая фундаментальная предрасположенность к словоблудию, которая в других языках не столь развита. Возьмите, например, многосмысленность языковых выражений. Это явление повсеместное. Но у нас оно имеет особый вид, отличающий наш язык от прочих. У нас в самых, казалось бы, безобидных случаях многосмысленности заключена некая изначальная социальная тупость с одной стороны, и ехидность, ядовитость, насмешка, с другой. По нашим языковым штучкам можно нашу социологию изучать, не производя никаких наблюдений и вычислений. Вы все, конечно, бывали в нашей поликлинике. А обратили вы внимание, какой лозунг висит в регистратуре? Нет, конечно. Мы к лозунгам привыкли и вообще их не читаем. А там висит

любопытный лозунг: «Ваше здоровье — наше богатство». Аналогичный лозунг в нашей районной поликлинике, говорит Молодая Девица: «Ваше здоровье есть народное достояние». А что тут особенного? А вы вдумайтесь, говорит Однорукий. Конечно, говорит Старая Девица, тут что-то есть. Но ведь так во всем можно найти скрытый смысл. В юности я работала в одной заводской газетенке. Кажется, что особенного в лозунге «С именем Ленина-Сталина мы победим!»? На Политбюро наверняка одобрили. И все же в нашей газетенке ухитрились придать ему иной смысл, напечатав первую часть лозунга на одной странице, а вторую — на другой. И в результате всю редакцию посадили. А вы знаете, кто такая потаскуха, говорит Молодая Девица. Это — женщина, которая потоскует, потоскует и ляжет спать одна. А какая женщина называется порядочной? Которая отдается в парадном. А вы знаете, чем отличается Генсек от гомосека?

Из «Евангелия от Ивана»

Странички эти вы, допустим, пролистали.
И вывод сделали: мы пили лишь да о питье болтали.
И вам ясна тому бесспорная причина:
Нас извела, как пели встарь, тоска-кручина.
И следствия ясны вне всякого сомненья:
Впустую отпило и отболтало поколенья.
Не спорю, было. Мы запоем пили.
Здоровье гробили. Таланты зря губили.
Вздыхали, видя мрачность перспективы
И невозможность сущему иной альтернативы.
И все же дела суть была совсем не в этом.
Мы тем путем влеклись к божественному Свету.
Нам были наши пьяные бессмысленные бредни,
Что праведнику чистые причастья и обедни.
Нам в души мутные пропойцы лишь вникали.
И их грехи мы сами щедро отпускали.
Вам всем казалось, что мы просто встельку пьяны.
Мы ж Небо зрили через дно граненого стакана.
Трубой архангела гремела нам бутылка
И просветляла нас от пяток до затылка.
Жаль, не поймете вы: в конце концов
Исповедали этим мы религию отцов.

Из дневника Мальчика

В школе бродили слухи о группе у десятиклассников. Слухи самые фантастические, в диапазоне от наркомании до политического заговора. Поскольку сборища происходили на квартире у сына директора Универмага, школьное начальство слухи пресекало и на группу смотрело сквозь пальцы. Директор говорил, что пусть собираются, лишь бы в вытрезвитель не попадали и не беременели.

— Циничный подлец,— сказала Она по адресу директора.— Никакой группы нет. Просто ребята и девочки иногда собираются, разговаривают, слушают музыку, танцуют. А директор не раздувает дело потому, что отоваривается в Универмаге, как министр. Там же закрытые склады для избранных.

— Откуда это тебе известно?

— Это всем известно.

— А почему мер не принимают?

— У них своя шайка, они своих в обиду не дадут.

— А если мы что-нибудь не так, они кидаются на нас, как собаки. Но не все же входят в их шайку. А завуч, классные руководители, учителя?

— Боятся. Попробуй, тронь нашего директора! Со свету соживет!

Исповедь Самосожженца

Старый прочитал мою работу. Он восхищен, но умоляет спрятать и не давать на обсуждение. Я сказал, что уже поздно. Он сказал, что ему жаль меня, но помочь он мне не в силах.

Обсуждение с первых же слов превратилось в погром. Особенно старался Молодой. Громя меня, он подкапывался под Старого. В мою защиту никто не сказал ни слова. Даже сам Старый ругал меня. Я слушал его и думал: а ты-то чего боишься. Все равно тебя же уберут! Это же тебя самого бьют! В конце обсуждения выяснилось одно обстоятельство, в свете которого стала понятной ожесточенность критики: нашу лабораторию отделяют от института, расширяют, делают закрытой и передают в ведение очень высокой инстанции. Значит, все предрешено. Молодой будет заведующим, Старого отправят на пенсию. А меня?

Она сказала, что ей выступать было неудобно, тут зубры в бой вступили, а она — мелочь.

Случайные странички

Наши внутренние успехи во всех областях коммунистического строительства были настолько значительными, что стало возможным объявить о построении развитого социализма и принять новую конституцию, самую демократическую за всю прошлую историю человечества. И даже трудные климатические условия и злобные выпады диссидентов, которые руководились агентами иностранных разведок и содержались на их средства, не помешали торжеству развитого социализма. Но Партия не скрывала трудностей, которые неизбежно возникали на пути нашего неудержимого движения вперед, к коммунизму. Помимо упоминавшегося дела изменника Родины Хаймовича, в этот период нам немало хлопот доставили психический больной Сидоров, который слушал передачи враждебных радиостанций с Запада и распространял клеветнические измышления о продовольственных затруднениях, пенсионерка Рабинова, распускавшая клеветнические слухи о том, что Сидоров /бывший Файнберг/ вовсе не был психическим больным, и так называемый «Комитет Гласности», который под видом борьбы за свободу информации занимался валютными спекуляциями и половыми извращениями /члены комитета — Иванович, Петрович, Сидорович и т.д./.

Но Партия и Народ со всей решительностью обрушились на клеветников и изменников Родины. Органы Государственной Безопасности проделали поистине титаническую работу по очистке общества от враждебных элементов. И страна двинулась навстречу новым успехам и новому, очередному юбилею.

Из материалов СППС

История — это события, говорит Командировочный. В истории происходит нечто, решаются важные проблемы. Исторически у нас свергали царя, гнали помещиков и капиталистов, отражали интервенцию, восстанавливали хозяйство, создавали промышленность... Но чтобы решать эти исторические задачи, нужны были миллионы и миллионы незначительных неисторических пустяков, — нужна была мелкая и незаметная с исторической точки зрения социология. Например? Например, размещение людей по домам, расстановка столов в канцеляриях,

выписывание справок, подписи, печати... Получение штанов, пайков, званий... Исторические задачи решались и исчезали. Исторические события происходили и тоже исчезали. Исчезали, оставив после себя миллионы и миллионы тех самых социологических пустяков, которые складывались без поз, без гимнов, без манифестаций, без речей, без которых не были бы возможны сами ушедшие явления истории. Именно они оказались остающимся продуктом великой истории, будучи в принципе неисторичными, а не те выдающиеся события, которые претендовали на смысл истории. И были таковыми на самом деле. Вот в чем дело! История неслась во главе конной лавины с шашкой наголо и в развевающейся бурке, произносила зажигательные речи с броневиков. А в это время незримо делала свое дело социология. Она, повторяю, расставляла столы в канцеляриях, подписывала бумажки, назначала на должности. .. История расчистила арену для чего-то такого, что уже было до этого, рвалось и затем заполонило собою все, но о чем история даже и не помышляла. Проследите лозунги и программы революционеров и реформаторов всех сортов, и вы будете потрясены полным пренебрежением к этому враждебному истории нечто. Это нечто и есть будничная социология. Вот тут и нужно копать, а не историю пережевывать. История отвлекает внимание не в ту сторону. Марксизм не случайно настаивает на историзме. Историзм в принципе антисоциологичен. Марксизм был политичным, потом стал идеологичным. Но он никогда не был социологичным. Он историчен по сути. И потому он не способен познать истину о нашем обществе, если бы даже захотел. Какой из этого напрашивается вывод? А вот какой! Денег у нас кот наплакал. Даже на бутылку самой дешевой дряни не потянем. Видите, цветы бабка продает? Двадцать копеек букетик. Берем, и в ресторан. Там наверняка какой-нибудь банкет есть. В свое время мы частенько так поступали. Вышибалы нас запомнили и пропускали без звука, принимая за стукачей. Но потом настоящие стукачи приняли нас за диссидентов, собирающих сведения для иностранных журналистов. И наша лафа кончилась. Здесь, надеюсь, до этого не дойдет.

Случайные странички

Товарищ Сусликов прибыл в Вождянск в трудный период. Город выполнил план по сдаче государству мяса, масла и хлеба и взял на себя повышенные обязательства к предстоящему юбилею. Однако безответственные элементы, подпавшие под влияние западной антисоветской пропаганды, совершили ряд враждебных вылазок. На стенах некоторых зданий среди хулиганских надписей стали появляться антисоветские лозунги, например — «Ленька дурак!» /намек на первого секретаря Горкома Партии/, «Пососи мой...!» /намек на отсутствие мяса в магазинах/, «А сами-то вы кто?!» /защита диссидентов/ и другие. На площади Хо-Ши-мина произошло надругательство над нашими святынями посредством пририсовывания усов руководителям Партии и Правительства и вставления папиросы в рот портрета самого Генерального Секретаря. Наконец, члены диссидентской группы, окопавшейся в ЧМО, начали систематическое обгаживание памятников выдающимся деятелям нашей Страны путем делания около них помалому и даже по-большому, а также написания на постаментах слова из трех букв углем и мелом. В результате досрочное выполнение и перевыполнение повышенных обязательств оказалось под угрозой срыва. Прибыв в Вождянск, товарищ Сусликов собрал расширенное совещание актива и призвал всех трудящихся города в соответствии с решениями Сентябрьского Пленума ЦК КПСС подойти творчески.

Из дневника Мальчика

Встретил отца Друга. Он попросил занять рубль до полочки, похмелиться надо. У меня денег не было, пришлось позвонить Ей. Потом отец Друга изливал мне душу, говорил о том, что у нас всегда так было и будет.

Когда-то мой дед,
Одурев с перепоя,
Порол всякий бред,
И случалось — такое:
Не смело за дело — не будет удачи.
В дорогу без Бога — не будет тем паче.
Но дни пролетели.
Дед лапти отбросил.
Отец мой с похмелья
Склоняет вопросик:
За дело влетело. Нет духу дать сдачи.
Без Бога убого. А как же иначе?!
Отмеченный роком,
Мой срок наступает.
И та же морока
За душу хватает:
Ни дела. Ни тела. Ни чина. Ни дачи.
Ни бога. Ни черта. Ни рая тем паче.
Отбросив подушку,
Копейки считаю,
Набрать на чекушку
Хотя бы мечтаю.
О Боже! Как видишь, дошел я до ручки.
Будь добр, помоги дотянуть до полочки.

Случайные странички

Согласен, говорит Ученик, все они всплыли главным образом за счет того, что ничего существенного не делали, а только делали вид, что они делают грандиозные дела по претворению в жизнь высоких постановлений. Но были же в их биографии какие-то особенные события, которые оправдывали в глазах окружающих их выдвижение? Когда как, сказал Учитель. Общей закономерности я не заметил. Тужильников, например, сделал головокружительную карьеру так. Он заведовал отделом пропаганды в Горкоме Партии, когда праздновали юбилей Сусликова. Совсем случайно он раскопал /конечно, не сам, а кто-то из его инструкторов/ в районной газетке маленькую статейку о каком-то совещании, на котором выступал молодой Сусликов. Статейку зачитали на торжественном заседании ЦК, и в ближайшее время Тужильников был избран делегатом на съезд Партии, на съезде был избран в ЦК. А дальше от него требовалось одно: сидеть и ждать. И он дождался, как вы знаете. Сам же Сусликов возвышался сравнительно плавно, постепенно. Но у него был один решающий скачок. Заметил он как-то в газете статью директора местного музея о том, что найдены новые документы, согласно которым Вождянок был основан девятьсот лет назад. Потом выяснилось, что документы были липовые, но это уже не играло роли. У Сусликова, естественно, мелькнула мысль торжественно отметить юбилей города. Создали юбилейную комиссию, которую он возглавил сам. И наплевав на все хозяйственные и прочие дела, Сусликов развил бурную деятельность по подготовке юбилея. Тут ему пришла /сама собой или по подсказке, что всего вероятнее /кардинальная идея: 1/ организовать желание трудящихся присвоить городу имя Бражнянк; 2/ пригласить самого товарища Бражника посетить город в день юбилея. Расчет оказался безошибочным. Товарищ Бражник город Бражнянк посетил, произнес речь, городу и всем руководящим лицам дали награды, Сусликову присвоили звание Героя и отозвали в Москву в аппарат ЦК на ответственный пост. Город Сусликов оставил в ужасающем состоянии. За дни юбилея в магазины пустили чуть ли не весь годовой

запас продовольствия, чтобы создать видимость изобилия. После юбилея в город пришлось ввести войска. Вы слышали наверно об этой истории?

Исповедь Самосожженца

Наше объяснение началось издалека.

— Гляди, сказала Она,— еще одному партийному боссу второго Героя дали. Еще один памятник при жизни. Тебя это не удивляет?

— Эта наградная оргия началась с первого дня жизни этой власти. Это в ее природе. Я это на себе испытал. В начале войны я действительно бывал в переделках, за которые должны были бы дать высокие награды. Но мне не дали ничего или ограничились самыми маленькими медальками. И я не испытывал никакой обиды. А когда я вышел в чины, мне пошли награды неизвестно за что, мое отношение к ним изменилось. Чем меньше я мог рассчитывать на заслуженную награду, тем больше мне хотелось получить незаслуженную. И когда однажды командиру соседнего полка дали орден побольше, чем мне, я был смертельно обижен. Я тогда встал на путь власти, и мои реакции стали типичными для людей такого рода. Я благодарю судьбу за то, что однажды остановился.

Я открыл ящик стола и выгреб все свои награды. Она стала их рассматривать, делая ничего не значащие замечания. Потом я достал наградные документы и начал их рвать. Она сказала, что я свихнулся. Я сказал, что это вполне возможно. Если и сошел, то давно, когда ее еще на свете не было. С этим пора кончать. Эта мразь мне давит на душу. Потом я начал кромсать свои «железки». Она смотрела на меня с ужасом. Я собрал образовавшуюся кучу мусора и отнес в помойное ведро.

— Вот и все! Не пойму, почему не сделал этого раньше?

— В таком случае рви заодно и это,— сказала Она, протянув мне мой доклад.—От этого хоть какая-то польза будет.

— Ты так считаешь?

— Написано здорово. Но это — беллетристика, а не наука нашего времени. Ты просто отстал.

— В каком смысле отстал? Кажется, я использовал именно новейшие данные.

— Не в этом дело. Старый тоже все это знает, но он все равно есть прошлое науки. Есть нечто большее, чем эрудиция. Стиль мышления. Дух современности. Ты старомоден.

— Ты дала самую высокую оценку моему сочинению. Я действительно старомоден. Но из принципа, а не от слабости и недомыслия.

— В таком случае вряд ли ты чего-нибудь добьешься.

— А я ничего и не добиваюсь.

— А зачем же это написал?

— Чтобы последовать твоему совету.

Я изорвал доклад и отправил обрывки туда же, куда выбросил свои боевые награды. А что мне оставалось с ними делать? Хранить? Работа по специальности для меня теперь закрыта навсегда. Теперь мне самое время искать заработок подальше от моей академической /как думали до сих пор наивные старомодные люди/ профессии.

Она не сказала больше ничего. Собрала все свои вещички, которые постепенно проникали в мою квартирку и застревали в ней. И ушла, не попрощавшись. И я опять остался один.

Случайные странички

Насчет идеи высокоразвитого социализма одно время были разногласия, говорил Учитель. Сначала ходил слух, будто стадию высокоразвитого социализма придумали в шутку безответственные элементы, которые в те времена развелись в огромных количествах из-за ошибочного либерализма. Но я досконально изучил этот период. И смею вас уверить, что открыл эту стадию сам товарищ Сусликов на том самом совещании. И все, что тут написано, истинная правда.

Среди вопросов, заданных товарищу Сусликову на том историческом совещании, был вопрос: а что будет после того, как кончится развитой социализм, сразу коммунизм или еще что-то? Товарищ Сусликов ответил, что решать такую важную проблему будет высшее руководство Партии коллегиально. И все будет зависеть от конкретной обстановки, как нас учит марксистская диалектика. Не исключено, что будет высокоразвитой социализм, поскольку переход к полному коммунизму будет постепенным. В высокоразвитом социализме уже многие стороны жизни будут протекать как при полном коммунизме, но многие другие еще будут протекать как при развитом социализме. Впоследствии товарищ Сусликов развил это свое гениальное предвидение в докладе на съезде Партии.

Из дневника Мальчика

Нам все уши прожужжали насчет неравенства и несправедливости на Западе и у нас до революции и насчет того царства справедливости, какое процветает у нас. Чего у нас только нет! И поступить-то мы можем в любое учебное заведение. И примерным трудом добиться любой должности. И быть избранным. И... И... Мы эту муть уже и не слушаем совсем. А иногда острым. Чего только у нас нет, хохмит по сему поводу Друг. Мяса нет. И овощей нет. И фруктов тоже нет. Свободы нет. Вы знаете, говорит Она, какой социализм будет после развитого? Высокоразвитой. А знаете, какая будет конституция? Из одной статьи: каждый гражданин имеет право на обязанности. А тут наша классная руководительница распустила слюни насчет нашего депутата. Я разозлился и придумал вот это:

В муках, как положено, мать родила сына.
Вырастила— умный, добрый стал детина.
Честный, работающий, смелый и прямой.
Будет ей опора в старости хромой.
И другая мама сына родила,
Но совсем другое обществу дала:
Не удался парень ни умом, ни в рост —
Лодырь и подлиза, ябедник, прохвост.
А теперь подумай, не жалея лба:
Как сложилась парней личная судьба?
Первый процветает? Радует народ?
Бездарь прозябает? — Все наоборот!
Первый долбит землю мерзлую киркой.
Мать ушла в могилу, извелась тоской.
А у проходимца все пошло на лад.
Слышите — с трибуны делает доклад.

Случайные странички

У нас нет иных критериев различения значительного и ничтожного, кроме величин, относящихся к социальным структурам, говорит Учитель. Например, идея высокоразвитого социализма в качестве хохмы бражнянского забулдыги есть явление ничтожное даже с точки зрения юмора; в качестве предположения секретаря

Горкома Партии — заслуживающая внимания мысль; а в качестве заявления Генерального Секретаря ЦК КПСС — величайший вклад в сокровищницу марксизма-ленинизма. Когда мы рассматриваем поступки людей как таковые, они все нам кажутся ничтожными, поскольку любой из нас способен их совершить не хуже. Но если учесть ступень, на коей стоит человек, число глаз, направленных на него, число лиц, на коих сказывается его само по себе ничтожное действие, отрезок времени, в течение которого сказываются последствия этого действия, силу, распространение и продолжительность отражения этого действия в средствах пропаганды, то картина получается уже иная. И знаете, что любопытно? Начиная с некоторой величины, значительность поступков крупных фигур начинает снижаться, если реакция среды на эти поступки остается однообразной. При этом условием сохранения значительности становится наличие отрицательных реакций, в частности — критики, оппозиции. Поэтому наши руководители, подавляя своих противников и критиков режима, сами занижают свою социальную значимость. А наши оппозиционеры и критиканы, насмехаясь над юбилейными речами вождей, над теоретическими «открытиями», конституциями и прочими акциями, тем самым вносят свой вклад в превращение этих пустяков в великие исторические события. А что нужно, чтобы это не произошло, спросил Ученик. Игнорирование или похвала, сказал Учитель. Всеобщее одобрение возвращает ничтожеству его подлинную ценность такового.

Из материалов СОД

С точки зрения исторического подхода, говорит Командировочный, имеют значение такие факторы, как вера в идеалы, фанатизм, незнание фактов, непонимание происходящего, перегибы, искривления, ошибки, просчеты, злоупотребления и т.д. С научной же точки зрения все эти явления сами суть производный продукт определенной нормальной социальной позиции людей и стремления занять какие-то естественные позиции. От таких явлений надо отвлечься в первую очередь, объяснив их как следствия и приняв их затем во внимание как обстоятельства, затемняющие суть дела. В исходном пункте научного подхода мы должны принять, что люди совершают поступки с пониманием ситуации и ближайших последствий поступков. Между прочим, это имеет силу для подавляющего большинства фактически совершающихся социально значимых поступков людей. Вы меня понимаете, надеюсь, поскольку вы — представители подлинной науки, судя по вашим потертым штанам и пустым карманам. И, конечно, по безумному желанию продолжить начатое нами дело. А наши диссиденты, будучи сами типичными продуктами советского общества, начисто отвергают всякие попытки научного подхода, ибо они на первых порах выглядят как аполлетика.

А вообще, говорит Командировочный некоторое время спустя, никаких теоретических проблем, которые не были бы тривиальными, тут нет. Все очень просто. В любом обществе лишь небольшая часть населения страны может жить социально активной жизнью. В современном обществе эта часть колеблется в пределах от одной десятой до одной пятой. И цель социально активной части — устроить жизнь социально неактивной части так, чтобы последняя не стремилась изменить существующее устройство с ущербом для первой. А вся история затем идет как спектакль социально активной части населения. Эта идеальная схема нарушается только из-за того, что отдельные представители социально активной части выбирают для себя необычные роли и вовлекают в игру представителей неактивной части, т.е. нарушают правила игры. И ничего нет удивительного в том, что от них стараются избавиться.

Исповедь Самосожженца

Из лаборатории меня убрали. Но «из уважения к прошлым заслугам» меня устроили в хорошее место — в музей. Зарплата, правда, меньше. И никакой научной работы. Но я уже не переживал. Я привык терять. Зато работа в музее легкая. В любое время можно уйти «по делам». Два «библиотечных дня» в неделю. Официально считается, что сотрудник в эти дни занимается в библиотеке. А на самом деле имеющие право на такие дни используют их по своему усмотрению. И я, используя предоставившуюся мне свободу, отправился на поиски... Чего? Не знаю. Вернее, тогда не знал. Теперь-то я знаю, куда несла меня спрятанная в глубинах моей души тревога. А тогда я еще не знал.

В один из библиотечных дней я позвонил своему старому приятелю. Приятелями-то мы были давно. Потом остались просто хорошими знакомыми. Встречались редко, но при встрече были рады друг другу. Приятель в жизни преуспел. По слухам приобрел даже мировую известность в своей области науки. Мне было любопытно узнать, что стало с человеком, который в юности покорял всех бесшабашностью, а потом погряз в никому не нужных изысканиях. Неужели он выбрался на поверхность за их счет?

Перед тем, как идти к приятелю, я посмотрел фильм о нашей жизни. Фильм любопытный— был снят группой иностранных киношников совместно с нашими. Из фильма явствовало, что у нас — рай земной. Потрясающие условия жизни и работы для женщин, каких нет на Западе, великолепные санатории, детские учреждения, больницы, школы, исследовательские учреждения, оранжереи, библиотеки... Все, что показывали в кино, было само по себе верно,— все это у нас на самом деле есть. И вместе с тем ощущение какой-то гнусной и подлой лжи не покидало меня с первой до последней минуты. Вроде все так. И в то же время — не так, ибо опущено нечто более важное, чем красивые здания, виды природы, пляжи, приборы, книги... Смещено внимание с главных аспектов нашей жизни на второстепенные и внешние. Вот, например, показали новый многоквартирный дом, счастливых людей, въезжающих в него. Осталось, однако, за экраном то, как люди получили ордера на квартиры в этом доме, как у них дела на работе, как с их детьми, которым не удалось поступить в институты... За экраном осталась разница в уровне жизни нашей номенклатуры и рядовых граждан. Вот показано здание новой столовой. А что едят в таких столовых люди? В общем, попытка моя примириться с существующим строем жизни, признать его и махнуть рукой на все то, что можно отнести за счет мелких отдельных недостатков, не удалась. А такие попытки я предпринимал сотни и тысячи раз. И каждый раз безуспешно.

Языковые тонкости

Эта проблема давно интригует меня, говорит Однорукий. Чем же все-таки они различаются? Думай, говорит Девица. Над ней многие ломают голову, но пока безуспешно. Ты у меня уже пятидесятый, кто не способен решить ее. А кто был первым, спросила Старая Девица. Первым был секретарь комитета комсомола института, сказала Молодая Девица. Меня рекомендовали в аспирантуру, а от него зависело, будет тому на деле или нет. Он и начал на меня давить. Мне надоело, вот я и сказала ему: ответишь правильно, чем отличается Генсек от гомосека, получишь то, чего добиваешься. Ну и..., спросил Ученик. В аспирантуру я не попала, сказала Молодая Девица. А..., спросил Ученик. А совратил меня мой научный руководитель, сказала Молодая Девица. Я ему дала, а он написал за меня мою дипломную работу, за которую меня и рекомендовали в аспирантуру. Выходит..., сказал Ученик. Выходит, все жертвы напрасны, сказала Молодая Девица. Так..., сказал Ученик. Тут принцип, сказала Молодая Девица. В юности я дала себе слово никогда не спать с комсомольскими и партийными руководителями. А мне как раз

везло на партийных деятелей, сказала Старая Девица. Мой второй муж стал секретарем райкома партии, когда я решила расстаться с ним. Он меня умолял подождать до областной партийной конференции, на которой рассчитывал попасть в Обком. Я была неумолима. Тогда он упрятал меня в сумасшедший дом. Но я ему все-таки отплатила: я написала секретарю Обкома о том, что мой бывший супруг — гомосек, И..., спросил Ученик. Генсеком он уже во всяком случае никогда не будет, сказала Старая Девица. Так все-таки..., спросил Ученик.

Исповедь Самосожженца

Когда я нажимал кнопку звонка в кооперативном доме на окраине города, я ожидал увидеть большую, богато обставленную квартиру зажиточного интеллигента с типичными аксессуарами /полированные гарнитуры, книжные шкафы и полки с нечитанными книгами на многих языках, подсвечники, иконы.../. Но то, что я увидел, обескуражило меня. Малюсенькая двухкомнатная квартирка. Не видно никаких книг и икон. Одна комната — для дочери. А другая /«большая»/ — гостиная, спальня и кабинет одновременно. Насчет кабинета я ошибся: работал Приятель в основном ночью и потому в качестве кабинета использовал кухню. Встретила меня жена Приятеля, а сам он ушел в магазин. Я попросил жену Приятеля показать мне его работы. Посмотреть, чем он занимается. Она вытащила из тумбочки под телевизором несколько книг на английский, французском, немецком и еще каких-то языках и тоненькую потрепанную брошюрку на русском. Но толком посмотреть книги не удалось, пришел сам хозяин.

— Идет очередная кампания против пьянства, и во всей округе невозможно водку купить. А за этой вот дрянью пришлось выстоять дикую очередь. Господи, что за идиоты! И чего они этим добиваются?! Водку же все равно продают из-под прилавка и с черного хода. Только на этом наживаются работники магазинов. Скоро на пенсию, а все привыкнуть не могу к нашему идиотизму. Извини, пожалуйста! Сам понимаешь! Рад тебя видеть. Выглядишь ты превосходно. Во всяком случае, очень эффектно. Ты, случаем, не йог? Нет? Странно. Сейчас все увлекаются йогой. Во всяком случае, много говорят на эту тему. Рассказывай, как живешь.

— Живу пока, как видишь. Я же простой смертный. Мне нечего рассказывать. Это ты рассказывай.

— Вот, гляди сам. Только никому это тут не нужно. Есть люди /не здесь, конечно/, которые считают, что я сделал переворот в этой области.

— А ты сам как?

— Я знаю ситуацию, тенденции общие, перспективы. Думаю, что кое-что серьезно я сделал. Только все это впустую. Единственный итог — полная изоляция. Сначала мы сильно переживали. Потом привыкли. А сейчас даже довольны, что нас забросили совсем. По крайней мере не дергают. Свою зарплату старшего сотрудника я имею. Мизер, конечно. Но нам хватает. Перспективы? Умрем. Лет через пятьдесят какой-нибудь подонок раскопает мои работы и сделает на этом карьеру. Докажет, что я опередил свое время. В общем, обычная скучная история. А ну их всех к чертям! Лучше выпьем! Давненько не виделись. Как твои-то дела? Было же у тебя что-нибудь значительное за это время! Ты же человек крупный, не то что мы! Давай, выкладывай. Ни за что не поверю, что ничего особенного не было.

А я не смог ничего рассказать.

Из материалов СОД

Самопознание играет существенную роль в развитии общества, говорит Философ. Но это не значит, что общество всегда благосклонно относится к

познанию его и поощряет это. В нашем обществе предпринимаются титанические усилия, чтобы помешать этому самопознанию. Армия специально обученных и хорошо оплачиваемых людей систематически занимается искажением нашей и вообще мировой истории, фальсификацией нашей текущей жизни, разработкой и распространением ее ложного понимания. Мощнейший аппарат карательных органов бдительно следит за появлением малейших зародышей научного понимания фактов и законов нашей жизни и беспощадно их искореняет. Нет более тяжкого преступления с точки зрения не только властей и привилегированных слоев населения, но и вообще большинства населения, чем высказывание правды о нашем обществе и стремление постичь его закономерности. Наше общество объективно устроено так, что научное понимание его воспринимается как разоблачение его неприглядной, всеми скрываемой преступной природы. Общество имеет неограниченные возможности расправиться со всяким, кто дерзнет сказать о нем правду, затрагивающую самую его суть. У нас скорее примирятся с деятельностью, направленной против общества, чем с научным его пониманием, осуществляемым в его же интересах. Самопознание общества есть /по крайней мере, в наших условиях/ глубокая и ожесточенная борьба внутри этого общества. Так что когда вы требуете «больше дела и меньше слов», вы фактически избираете более легкий путь. Насколько мне известно, наша деятельность вообще резюмируется в двух словах. А если вы словами здесь называете научное /т.е. обобщенное и абстрактное/ описание нашей жизни, так пора бы понять, что без этого вся прочая наша деятельность обречена на ничтожно малые результаты или на полный провал.

Но если мы хотим разобраться в том, что из себя представляет наше общество, научиться правильно оценивать происходящие события, предвидеть последствия тех или иных важных мероприятий, мы должны делать это профессионально, по правилам научной деятельности, а не ограничиваться кустарщиной. Я вас не призываю превращаться в ученых историков, социологов, экономистов, психологов и т.п. Я вас призываю усвоить лишь некоторые важные методологические принципы, дающие возможность правильной методологической ориентации в весьма сложном потоке событий нашей жизни. Что это такое, постараюсь пояснить на таком примере.

Возьмите любое значительное событие нашей истории и вы обнаружите отсутствие единого и бесспорного его причинного объяснения. Причем, это имеет место не только в тех случаях, когда о событиях многое неизвестно, но и в тех случаях, когда о них собрана подробнейшая информация. В этих случаях даже хуже. Здесь предполагается больше вариантов объяснений, и споры между ними острее. И бесспорное объяснение нельзя получить из объединения различных объяснений, ибо само стремление найти объяснение таких событий истории вообще лишено смысла с методологической точки зрения. О них можно более или менее подробно рассказать. Можно описать предшествующую ситуацию и последующие события. Можно сравнить с другими событиями того же рода и т.д. Но нельзя причинно объяснить. Чтобы бесспорно утверждать, что данная совокупность событий А, предшествовавших событию В, породила это событие В, нужно иметь возможность повторить историю в тех же условиях и с А, в тех же условиях, но без А, или иметь некоторую бесспорную теорию, в которой как следствие дедуцируется утверждение «А породили В». Повторить историю, вы знаете, невозможно. Попробуйте, например, повторить период гитлеризма или сталинизма. И потому опытные суждения о причинах, породивших В, нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть. Что же касается теории, то в случае построения теорий для таких сложных, многообразных и изменчивых процессов, как исторический процесс, они имеют совсем иные цели и иную ориентацию внимания. Утверждения таких теорий могут давать возможность предсказания будущих событий, но из них по самому

способу построения теорий не выведешь эмпирических утверждений типа «А породили В». Это исключено логически.

Пути исповедимые

Мы сидим в заурядном московском кафе. Наш столик самый уютный, ибо он стоит в самом дальнем углу. Бухарики от буфета до нас добраться не могут. По двум причинам. Первая — их не пропустят посетители, сидящие спина в спину, колени в колени. Вторая — они сами свалятся по дороге, зацепившись за первое же подвернувшееся под ноги препятствие, скажем — за авоську, интеллигентный портфель, разбитую тарелку. Так что мы можем сидеть почти в полной безопасности. Окурки и объедки до нас не долетают, а бутылками в последнее время /после того случая, когда высадили стекло/ кидаться перестали. Вы спросите, почему бухарики, толпящиеся у буфета /тут можно пить стоя и не раздеваясь/, непременно должны кидать в нас окурками и бутылками и должны стремиться именно к нам? Очень просто. Именно в нас они на расстоянии /как тут не поверить в телепатию!/ чуют родственные души, но видя нас сидящими, решают, что мы возгордились и ставим себя выше их, хотя на самом деле мы такое же дерьмо, как и они. И даже хуже, поскольку мы вообразили о себе, а они нет. Иногда они нас часами ждут на улице, чтобы набить нам за это морду. Но я думаю, что тут больше гонору, чем серьезных намерений. Около кафе постоянно шляются милиционеры и дружинники.

Правда, наш столик имеет недостаток: он насквозь просматривается с улицы. Проходящим отлично видно, что мы пьем и едим. Иногда мимо проходят знакомые и указывают на нас пальцами. Но нам на это наплевать. Пусть указывают. Мы ничего противозаконного не делаем. Бывает, конечно, приносим с собой чекушку или поллитровку. А кто этого теперь не делает? Администрация кафе смотрит на это сквозь пальцы. Главное — бутылки пустые не выноси с собой /вносить — вноси/. Сейчас на улице типичная московская осень. Холодно. Дождик. Унылость и полная бесперспективность. В такую погоду не ждешь ничего, кроме закручивания гаек, повышения цен, усиления репрессий. Я думаю, что историки и социологи делают большую ошибку, отыскивая причины озверения в сталинские времена в каких-то грандиозных событиях и преобразованиях эпохи. Все дело в погоде. Февральская революция — понятно, дело к весне. А в октябре /сейчас как раз октябрь/ ничего другого и не могло получиться, кроме Великой Социалистической. Ибо в октябре, в особенности в конце октября и в начале ноября, ничего и не хочется, как набить кому-нибудь морду. Набить, и все тут. А кому и за что, значения не имеет. Это в феврале или в марте еще имеет. А в апреле уже не имеет, ибо слякоть. Про лето я не говорю, летом не до революций. У нас в России, конечно. За границей там другой климат.

Нас четверо. Почему четверо? Опять-таки проблема решается просто. Три человека нельзя, ибо сразу же четвертый подсядет. Мы сначала сели как раз втроем. А четвертый тут же прилип. Впятером тоже нельзя. Во-первых, приткнуться негде, столик качается и дрожит все время, как карликовый пинчер на морозе. Во-вторых, не на чем приткнуться, стула нет. Стульев в кафе в обрез, точно по числу столиков. А со своим стулом приходиться нельзя, не пустят. Со своей водкой можно, ее можно спрятать в карман, в портфель, в авоську. А стул не спрячешь. Не верите? Попробуйте сами. Мой сосед по квартире сунул было с раскладным стульчиком, с которым на рыбалку ходит. Сразу уличили. Что творилось! Милицию вызывали. Директор кафе орал, что, мол, распустились, мерзавцы. Соседа обозвали диссидентом и чуть не оштрафовали на десятку.

Из дневника Мальчика

— Странные наступили времена, — говорит отец. — Когда мы учились, мы даже в десятом классе не задумывались об институте, а поступив в институт, не думали об аспирантуре. И не думаю, что случайностей в выборе профессии было больше.

— Когда вы учились, — говорит мать, — каждый десятиклассник поступал в институт. Конкурс регулировал, кто в какой институт пойдет. Главное было — дотянуть до десятого класса. А теперь? Чуть ли не все кончают десятилетку. В институт без связей не попадешь.

— К тому же окончание института существенно не меняет положение человека. Зарплата — гроши. Лишь аспирантура немного улучшает условия жизни. Так что нынешняя аспирантура соответствует старому институту с точки зрения уровня жизни.

— А я вот не думаю об институте. И тем более об аспирантуре.

— Ну и дурак. Учитель говорит, с твоими способностями обязательно нужно на мехмат. Говорит, из тебя выйдет новый...

Мать назвала имя одного нашего образцово-показательного академика с мировым именем. Но мне этот академик почему-то антипатичен.

— Я бы предпочел такую судьбу, как Галуа или Ферма.

— Кто такие? Небось, из этих, отъезжантов?

Мы с отцом весело смеемся. Мать сначала дуется на нас, потом тоже смеется.

— Задурили головы! А что их держат?! Пусть себе едут куда хотят!

Исповедь Самосожженца

От Приятеля я ушел с ощущением несправедливости общества по отношению к этому человеку. Скромный, честный, талантливый, трудолюбивый человек больше двадцати лет бился над тем, чтобы передать обществу продукты своего творчества без каких бы то ни было претензий на исключительное вознаграждение. И что же? Общество отказалось принять этот дар!! Почему? Разве то, что стремился отдать обществу этот человек, хуже того, что отдали ему другие деятели того же рода? Ничего подобного, как раз наоборот. Именно потому, что продукты труда этого человека несли на себе печать настоящего таланта и трудолюбия, они оказались неприемлемыми здесь. Это никак не укладывалось в моем сознании. В общей форме это выглядело совершенно бессмысленным и надуманным. Но когда Приятель по каждому пункту, вызывавшему у меня недоумение, до деталей излагал систему его среды, недоумение исчезало. И нелепым уже начинало казаться нечто противоположное тому, что случилось с ним. Когда мы расставались, я сказал ему какую-то банальность вроде «держись», «не сдавайся». Он сказал, что у него другого выхода вообще нет, кроме этого «держись» и «не сдавайся».

— Если бы я даже захотел капитулировать, моя капитуляция не была бы принята. Только одно устраивает Их: полное уничтожение и полное забвение. Спасибо, что зашел. Не забывай. Хотя бы иногда позвони. Мы будем рады.

Я шел к этому человеку с надеждой найти опору в моем смятенном состоянии. А что я увидел? Я увидел состояние, еще более тяжкое, чем мое. И я, безнадежно больной человек, вынужден был выступить в роли лечащего других. Вернее, страдающего за других.

Из записок Писателя

— Надо различать,— говорит Критик,— реальное и фиктивное дело, реальные и фиктивные способности, системы, организации и т.п. Я не настаиваю на терминологии. Не надо с этими словами ассоциировать ничего привычного. Я поясню, что я имею в виду. Исходить надо из различения двух типов дел или действий, ибо способности суть способности к действиям, а системы и организации людей складываются для дел. Реальное действие имеет результатом нечто отчуждаемое вовне, производимое вовне и по идее годное к употреблению. Фиктивное действие имеет результатом присвоение извне, использование для себя. Реальное действие направлено вовне, фиктивное — внутрь. Конечно, сказанное есть абстракция. В действительности осуществление реальных действий не всегда дает внешний продукт, и не всегда даваемый продукт годен к употреблению. Осуществление фиктивных действий иногда дает внешний продукт, годный к употреблению. В действительности нет чистых форм. Но наше различение полезно для рассуждения.

В сложной системе развитой человеческой деятельности возникают образования, по видимости имеющие целью решение реальных внешних задач, т.е. кажущиеся реальными, но фактически занятые преимущественно присвоением извне общественных ценностей и распределением их внутри себя. Эти образования с точки зрения общества в целом заняты фиктивными делами. Наше общество полно таких образований и индивидов. У нас вообще преобладающей является тенденция к фиктивной деятельности. Наши фиктивные организации создаются с целью решения реальных дел, но фактически эту задачу не выполняют или выполняют плохо. Они более приспособлены к выживанию в борьбе с организациями и индивидами, фактически занятыми реальным делом или стремящимися к этому. Фиктивное дело легче наладить и легче придать ему вид реального, чем самому реальному. Потому-то у нас карьеристы, хапуги и бездари процветают, а честные, трудолюбивые, талантливые, как правило, погибают. Потому-то у нас труднее добиться создания, например, маленькой, продуктивно работающей группки из пяти-шести человек, чем гигантского паразитического института из сотен и тысяч бездельников и проходимцев. Этим у нас объясняется и засилие лжи. Это не просто обман. Это — нормальный продукт фиктивности всего происходящего. Отсюда у нас ложные гении, ложные полководцы, ложные достижения. Потому-то рассматривать наше общество как паразитическое в тенденции, а не как производящее будет более правильным. В идеале коммунизм вообще стремится переложить функции создания реальных ценностей на роботов, рабов, кретинков. Это — система власти, занятая присвоением и распределением благ. В этом суть дела.

Теперь о нашем заведении. С одной стороны, это типичное фиктивное дело, дающее какую-то выгоду участникам его /исключая, конечно, жертвы/. А с другой стороны, это — звено в решении проблемы разделения индивидов на две категории: на занятых социальной жизнью /власть, развлечения, наслаждение, тщеславие и т.п./ и дающих возможность первым жить такой жизнью.

Из дневника Мальчика

Странно иногда появляются стихи. В самый неожиданный момент. Украшали мы актовый зал к празднику и грохнули портрет Вождя. Что тут было! Прибежал сам директор и закатил часовую речь. Нам предложили на свои денежки купить аналогичный. А стоит он...

— Это еще что,— сказал Друг.— Раньше за такие штучки расстреливали. Вы еще дешево отделались.

Она заняла мне мою долю. Пока мы мотались туда-сюда, я и сочинил вот это:

Довольно, говорю я, стоп!
Пора кончать бузить!
И без ужимок, прямо в лоб
Суть жизни отразить.
Пора бы, говорю, давно
Нам дать прямой ответ:
Что в жизни — грязное говно,
А что ёсть чистый свет.
Пора, давным-давно пора
Нам перестать вопить «ура!»,
Вопить и в хор, и сольно.
Пора бы, братцы, наконец,
Послушаться своих сердец
И завопить «Довольно!».
Пора бы спину разогнуть
И трехэтажным их пульнуть.
Мол, хватит, мать вашу!
От нас не скроешь: Мир велик.
Мы знаем: в Мире есть шашлык
И мясо вместо каши.
Поймите, братцы, Мир богат
Всем для души и тела.
Довольно пошлостей салат
Жевать нам. Надоело!
Довольно глупеньких играть!
Кормиться ихним вздором,
Что нам всего от пуза жрать
Случится очень скоро.

Я представил себе рожи наших властителей и поэтов, если бы в лапы им попался такой стих. И мне стало страшно. Я сказал Ей об этом. Это значит, сказала Она, что ты становишься мужчиной. Если бы ты еще с девочками был посмелее! Это обязательно, спросил я. Настоящий поэт должен знать все, сказала Она, — женщин, вино, тюрьму... Ну, что же, сказал я, пойдем познавать все /как я осмелился сказать такое, до сих пор не пойму!/. Нет, сказала Она, сейчас не могу. Настроения нет. Как-нибудь потом. Она ушла. А я изорвал стихотворение. И стало грустно и одиноко.

Пути исповедимые

Кто мы? Мелюзга всякая. Я, например, просто язвенник. Почти не пью, сижу на диете. Для меня это кафе — сплошная изжога. Хожу по привычке и из чистого интеллектуального интереса. Другие двое тоже вроде меня, а о четвертом и говорить не стоит.

— Кто ты таков, — спросили мы его, когда он подсел к нам. — Откуда взялся, чем промышляешь?

— Никто, — сказал он. — Человек без имени. Не обращайтесь на меня внимания. Считайте, что меня вообще нет. Мое начальство на работе именно так и поступает. И им это приятно. И мне удобно. Если не возражаете, я присоединю свою скромную долю к вашим обширным запасам.

Он поставил на стол стакан такого же дрянного и безымянного портвейна, как и он сам, как и мы сами, и показал из бокового кармана горлышко чекушки

«Столичной». Это примирило нас с ним. Тем более кто-то четвертый все равно должен быть. Тот четвертый, который бывал здесь с нами раньше, все равно исчез совсем.

— Почему такие унылые лица,— говорит Четвертый.— Погода? А, не придавайте значения. Когда у нас бывает хорошая погода?! И бывает ли она вообще?! И нужна ли она нам?! Заметили ли вы, что когда у нас наступает хорошая погода, мы как-то теряемся с непривычки и не знаем, что с ней делать. И пока расквашиваемся и соображаем, как с ней быть, наступает опять плохая погода. Еще хуже прежней. И мы вздыхаем с облегчением. Когда плохая погода, мы не теряемся. Мы тогда отлично знаем, что делать: а именно — ничего не делать. Какой дурак в плохую погоду будет что-либо делать?!... Итак, выпьем за погоду, чтобы она сохла, эта мерзость!

— Жизнь прекрасна, друзья мои,— говорит Четвертый /мы уже выпили по первой, но не закусили, а так — слегка занюхали, ибо кто же закушивает после первой?!/. — Надо только уметь жить. Как справедливо говорил известный вам пролетарский писатель, жизнь дана человеку один раз, и надо ее прожить так, чтобы в конце не было мучительно больно из-за того, что недоспал с бабой, недопил водки или потерял энное количество часов на заседании, совещании, собрании. В жизни надо во всем видеть хорошую сторону,— вот мое первое житейское правило. Надо уметь радоваться жизни. Я, например, сейчас удрал с партийного собрания...

— А ты разве член партии?— спросил кто-то из нас.

— А как же! А вы разве нет? Если нет, констатирую: первый раз в жизни пью с беспартийными. Все-таки тоже члены? Я так и думал. Я нашего брата, коммуниста, за версту вижу. Если на морде написана некая серость, паскудность, язвенность что-ли, наверняка член.

— Ну ты, потише насчет морды. А сам-то ты...

— А я что? Я и сам, если хотите, язвенник. Мы, настоящие коммунисты, все язвенники, если не по природе, то по натуре. Так вот, удрал я с собрания. Они там от скуки дохнут, черт знает чем дышат, нервы треплют, а я тут. И настроение у меня превосходное, ибо я жизнью наслаждаюсь, а они ... Тьфу!.. Ну, как говорится, вздрогнем по второй!

— А если тебе взыскание влепят?

— За что? За это взыскания у нас не делают. Побеседовать — побеседуют, это да. Парторг спросит: ты, мол, опять сбежал. А я скажу: а кто, мол, это сказал? Мол, ничего подобного. Я в самом углу сидел. Парторг скажет: ладно, мол, не морочь голову, но в следующий раз смотри! А я скажу: мол, само собой! Вот и все. Наша партия, между нами говоря, самая демократическая в мире. Главное — ты ей не мешай, а она тебе тем более мешать не будет. А то и защитит при случае. Был я тут в одном доме отдыха. Подзаложили основательно. На отдыхе это естественно. Пошли в клуб. И прицепился к нам один старпер. Мы его под ручки вывели на улицу и сунули головой в сугроб. Он со страха чуть концы не отдал. Скандал! Милиция приехала, нас забрали. А когда нас уводили, я и попросил соседа по палате позвонить в партбюро: мол, беда, выручайте. И что вы думаете? Приехал сам замсекретаря по оргвопросам. Выцарапали. Итак, за самую передовую партию в мире!

Исповедь Самосожженца

Замечание Приятеля, что я стал похож на йога, навело меня на мысль почитать что-нибудь на эту тему. Мода модой, подумал я, но в этом должно быть что-то и

серьезное. Не может быть, чтобы у такого сильного тяготения людей к определенной системе мировоззрения и поведения не было реальных оснований. А поскольку это тяготение с годами не ослабевает, а крепнет, эти основания должны корениться в самом строе нашей жизни. Я прочитал кучу книг. Познакомился со многими людьми, так или иначе причастными к этому делу. Литература мне сначала показалась многословной и малосодержательной, а люди — убогими или комичными. Но чем больше я читывался и вдумывался в эти книжки и чем больше я приглядывался к этим людям, тем лучше становилось и мое мнение о них. Наконец я понял, что это явления, заслуживающие уважения /за некоторыми исключениями, конечно, ибо и в эту среду проникают неумолимые законы нашего общества/. И вместе с тем я понял, что они глубоко враждебны моей натуре. На этом пути человек должен начисто отречься от забот об окружающем мире и полностью погрузиться в себя. А я всю свою жизнь, начиная с того самого мига, когда я вдруг увидел и ощутил чужое, несправедливое горе, копил и нес в своей душе только боль этого окружающего мира и ничего своего персонально. Мне нужен был иной путь, прямо противоположный погружению в себя и самосовершенствованию в себе независимо от внешнего мира: мне нужен был путь полного отречения от самого себя и полного погружения в страдания окружающего мира. А был ли он вообще, такая путь?

— Твой путь давным-давно открыт, — сказал Знакомый, когда я высказал ему свое отношение к йоге и свое тяготение к противоположному пути. — Добровольная жертва во имя страждущего человечества.

Знакомый последнее время часто бывал у меня. Обычно он использовал мою квартиру для встреч со своей любовницей. Но иногда заходил и просто так, поболтать, выпить кофе или вина. Говорил он с некоторым оттенком юмора. А я не старался показывать ему, что меня эта проблема волнует как проблема реальной жизни.

— Идея жертвенности стара, как мир, — говорил Знакомый, развалившись в моем кресле-инвалиде и потягивая вино, которое он на сей раз принес с собой /в нашем районе продается одна только дрянь/. — Она, должно быть, в самой натуре человека, как биологического существа, заложена. И самая сильная жертва во имя рода человеческого — жертва своей собственной жизни. Жизнь есть самое дорогое достояние человека. Потеря ее всегда есть трагедия, а добровольная потеря — трагедия вдвойне.

Знакомый вошел в роль, прочитал мне популярную лекцию на эту тему. Наконец, он добрался до самосожжения.

— Жертва жизни производит сильное впечатление на свидетелей. В особенности, если это совершается достаточно ярко. Самосожжение с этой точки зрения особенно впечатляюще. Присоединяется общее отношение людей к огню. Обрати внимание, ад у христиан /а мы в глубине души до сих пор еще христиане/ — Геенна Огненная. А самое страшное для современного человечества — атомная война, которая тоже есть всеуничтожающий огонь. Не случайно потому идея жертвы путем самосожжения снова стала популярной в наше время. Самосожжение интересно еще и тем, что оно оставляет людям широкие возможности для интерпретаций. Человек поджигает себя! Значит — худо! И каждый подставляет на место этой переменной «худо» свое близкое понятие худо. Само по себе самосожжение выражает крайнюю степень страдания и протест против того, что порождает страдание. Оно гораздо сильнее воздействует на души людей, чем покушение на чужую жизнь, какой бы мерзкой ни была последняя. Оно очень емко по последствиям в душах людей, хотя видимой реакции может и не быть. В случае покушений на чужую жизнь обычно бывает сенсационный эффект. Но он сродни нездоровому любопытству. Эффект самосожжения уходит вглубь.

Знакомый увлекся темой, рассказал о многих известных случаях и попытках самосожжения. Оказывается, и тут есть целая теория. Например, далеко не безразлично место акции, отношение к свидетелям и т.д. Можно поджечь себя на крыше дома и горящим броситься вниз. Преимущество — наверняка не потушат /теперь, сволочи, обычно успевают потушить!/. Но эффект самосожжения резко снижается: оно воспринимается просто как акт самоубийства, а огонь приобретает смысл лишь средства привлечения внимания. Мистическая или хотя бы иррациональная сторона сжигания живого человека исчезает. А это — главное.

— Особенность нашей Страны,— продолжал Знакомый,— состоит в том, что граждане враждебно относятся к самосожженцам. Свидетели самосожжения, а без них оно лишено смысла, обычно стремятся потушить горящего человека. Но отнюдь не из сострадания. Потушив, они обычно избивают самосожженца до полусмерти, а иногда до смерти. Причем, с невероятной злобой.

— Но почему же? Разве человек не вправе распорядиться своей жизнью?

— Конечно, вправе. Но только если это соответствует официальной идеологии, интересам властей и духу населения. В нашей Стране акт самосожжения выступает как сильнейший акт обличения зла, разлитого во всех обычных людях не в меньшей мере, чем во властителях-насилньниках. У нас обличение язв общества равносильно обличению язв в душе и в поведении ближнего. Народ у нас ненавидит обличителей. А самосожженцев — в первую очередь. Так что лучше шлепнуть пару крупных вождей. Вот за это многие спасибо скажут. Какая тема для разговоров! К тому же кое-кто по службе продвинется.

Идеология.Базис и надстройка

Ученый: Итак, согласно вашему учению,общественные отношения делятся на материальные /производственные отношения, экономическая структура общества/ и идеологические /государство и право, такие формы общественного сознания, как мораль, религия, философия, искусство, а также политическая и правовая форма сознания/. Если мне не изменяет память, сюда когда-то и наука зачислялась. Теперь неудобно это делать стало. Слишком нелепо получается. Науку потихоньку перевели в другой разряд /в производительные силы?/. Ну, да Бог с ней. Идеологические отношения суть лишь надстройка над материальными. Каждому базису соответствует своя надстройка и т.д. и т.п. Не так ли?

Идеолог: Примерно так.

У: Теперь припомним, что нужно для того, чтобы какое-то явление считать материальным. Это — быть вне сознания людей, производить в нас ощущения /материя — объективная реальность, данная нам в ощущениях/. А что такое государство? Тюрьмы, армия, полиция, милиция, чиновничий аппарат,— что это? Только плод воображения или нечто, существующее вовне и производящее весьма заметные ощущения в нас? А отношения людей в этих учреждениях, что это такое? Разве мы их не воспринимаем как нечто, происходящее вне нас? И чем с этой точки зрения ваши производственные отношения материальнее? Если это отношения собственности, то они в области права, т.е. в надстройке. А если это экономические отношения, то они лишь варианты зримых отношений людей наряду с такими же зримыми политическими и прочими. Надо различать деятельность и сознание? Политическую деятельность и политическое сознание? Да. Но надо различать и экономическую деятельность и соответствующее сознание и т.д. Нет, принцип материализма тут совсем ни при чем. Он тут притянут за уши. Остается лишь одно: экономические отношения общества определяют собою все прочие, являются базисом для них. Но что такое экономические отношения? Дайте определение! А то получается типичная тавтология: это такие отношения, которые определяют собою

все отношения данного общества. Но тогда вопрос о том, какие именно отношения играют такую роль, остается открытым. И никакого основополагающего принципа не остается.

И: Но мы настаиваем все-таки на экономических отношениях как на базисных. А что такое экономика — можно договориться с помощью описания, примеров и т.п. Не обязательно давать строгие определения. Это же не математика!

У: Вы можете пояснить, что такое экономика, прибегая к иллюстрациям лишь из одного типа общества, где это действительно играет решающую роль, а именно — из общества, в котором господствуют товарно-денежные отношения, капитал. Но если вы нечто подобное будете выделять в качестве экономики в других обществах, вам без труда можно показать, что такого рода отношения не везде являются определяющими. Так, в нашем обществе фундамент образуют социальные отношения, а не экономические. Конечно, вам ничего не стоит назвать их экономическими. Но это не спасет ваши принципы по существу.

Но обратимся к надстройке. Согласно вашему тезису каждое общество имеет свой тип надстройки, соответствующий своему типу базиса. Например, свое государство, свое право, своя мораль, своя религия и т.п. Здесь смешивается опять-таки целый комплекс проблем. Рассмотрим лишь некоторые из них.

Пути исповедимые

— У меня,— говорит Четвертый,— установлена своя строгая такса. Если с производственного совещания ухожу... Заметьте, ухожу, а не удираю... Удираю я только с партийных собраний... Я даже с заседаний не удираю, а их покидаю. Итак, если я ухожу с производственного совещания, я пью сто грамм водки и три кружки пива, не больше. Если покидаю заседание отдела,— двести водки и пять пива, не больше. А если удираю с партсобрания,— пью водку, вино, пиво в любом количестве и любом сочетании. Тут тоже есть свои различия, но они идут по другой линии. Партийные собрания тоже, как вам известно, разделяются на текущие, одобряющие и обличающие. Текущие я ценю в пятерку, не более. Одобряющие — до десятки. А на обличающие у меня ограничителей нет. Сегодня я удрал с обличающего. Вскрыли у нас какие-то попустительства и шатания. И даже искривления серьезные. Так что сегодня я, как говорится, весь ваш. Ну, за что? Ваш тост, коллега!

Из дневника Мальчика

На уроке по истории Страны произошел крупный скандал. Учитель рассказывал о героическом прошлом. Потом спросил, какие имеются вопросы. И я подкинул ему вопросик.

— Ходят слухи, будто именно в эти годы много миллионов людей было репрессировано ни за что. Правда это или нет?

Класс замер. Учитель начал мямлить что-то об отдельных перегибах и ошибках, которые были своевременно замечены Партией и преодолены. Сослался на материалы съездов Партии. Обрушился на клеветников, которым не дают покоя наши успехи. Заговорил о тлетворном влиянии Запада и идеологических диверсиях. В общем, выдал нам полный набор идеологических помоёв, который мы и сами десятки раз слышали и читали и знали назубок. Прозвенел звонок. Урок кончился. Учитель побежал к директору с докладом о ЧП /чрезвычайном происшествии/ на уроке. Ребята окружили меня и сказали, что я сморозил глупость, и разбежались подальше. Осталась одна Она.

— Не беда. Ничего они тебе не сделают. Сейчас не те времена.

После уроков со мной имел беседу секретарь комитета СКМ. Сказал, что будет персональное дело. И выговора мне не миновать. Потом меня позвали к директору. Там сидели учитель истории, наш классный руководитель, секретарь партбюро и еще какой-то незнакомый тип. Часа два они выматывали мне душу. Добивались, что я хотел сказать своим вопросом, откуда узнал. Я сказал, что об этих репрессиях болтают все. Это общеизвестно. А я просто хотел спросить, насколько эти слухи соответствуют истине. Ответ учителя меня вполне удовлетворил. Если хотите, я могу повторить. Но они не унимались и клонили к тому, что мой вопрос — идеологическая провокация.

Потом вызвали родителей в школу. Мать вернулась в слезах. Отец не сказал ничего, но был мрачен. Друг куда-то испарился. Только Она зашла, пригласила прогуляться.

— Плюй на все, — сказала Она. — Проглотят! Не те времена!

— То, что ты называешь «не те времена», давно прошло, — сказал я. — Сейчас везде ощущается какое-то озверение. Словно ждут все чего-то. И на всякий случай демонстрируют свою готовность на любую пакость.

— Обидно, конечно, срываться на таком пустяке, — сказала Она. — Если уж и бить, так бить. К удару надо готовиться. А для этого надо уметь затаиться. Будем надеяться, что все обойдется.

Исповедь Самосожженца

Но ведь рассуждать можно и иначе, говорил я себе, оставшись один. Почему следует принимать во внимание реакцию очевидцев? И адекватна ли их реакция состоянию их духа? А Христос? Он же принес жертву, и те, ради кого он это сделал, насмеялись над ним. А так ли? Кто насмеялся? Были же такие, кто страдал вместе с ним и за него! К тому же Христос не добровольно полез на крест. На то была не его добрая воля, а воля Божия. И воля властей, к тому же. И воля многих других людей. Нет, ситуация Христа к нам никак не подходит. У нас жертва типа жертвы Христа стала настолько обычным делом, что на нее уже никто не обращает внимания. Она уже не воспринимается как жертва. В нашей ситуации вопреки здравому рассудку жертва должна быть сделана ради всех. И потому она должна быть сделана против всех. Один против всех!

Я почувствовал, что я вышел на путь, ведущий к открытию некоей формулы жизни. И, измученный, заснул под утро. И увидел я светлый радостный сон. Первый светлый сон за все последние тридцать с лишним лет жизни. И последний. Мне приснилось, как мать привела меня в церковь на причастие или исповедь /или то и другое, сейчас я уже не помню, как называются эти процедуры и в чем они конкретно заключаются/. На другой день я отправился в церковь — посмотреть, что это теперь такое.

Пути исповедимые

— Все зло от того, — продолжает заливать наш четвертый собутыльник, — что не соблюдаются правила хорошей жизни. Многие люди живут не адекватно своим возможностям. Скажем, зарабатывает человек пару сотен, а пыжится так, будто все четыре заколачивает. Отсюда гарнитурчики не по силам. Переживания. Такие люди вечно недовольны, вечно страдают. Назначь такого человека даже Генеральным Секретарем, он все равно будет изображать претензию на роль самого Господа Бога. А жить надо ниже своих реальных возможностей, — таково мое второе житейское правило. Допустим, получаешь ты две сотни, а живи так, будто имеешь сотню или от силы полторы. И у тебя в запасе всегда будет сотня или полсотни. Дар божий! Вы представить себе не можете, как это повышает жизненный тонус!

Решился, например, я купить костюм за полторы сотни. Вхожу в магазин. Шупаю костюм стопятидесятирублевый, а сам глазом кошу на семидесятирублевый. И покупаю, само собой разумеется, семидесятирублевый. Восемьдесят рублей чистой прибыли в результате. А семидесятирублевые костюмы выглядят почему-то лучше стопятидесятирублевых. Когда я в своем семидесятирублевом костюме пришел на работу, все сотрудники сбегались. Никто не верил, что такая дешевка. А вот мой шеф купил за сто пятьдесят, так все до сих пор думают, будто за семьдесят. Потом, в семидесятирублевом и в кафе зайти можно. В случае чего /вино прольешь, соусом капнешь/, не жалко. А в стопятидесятирублевом судя появляться боязно. В таком только в театр или на прием в посольство. Но в театрах или дерьмо идет, или билетов не достанешь, а посольства нас не приглашают. Так что правило мое действует железно!...

Из материалов СППС

— Что ты мне все твердишь о науке, — говорит философ. — С точки зрения науки человек есть бесструктурный кирпичик в миллиардном скоплении таких кирпичиков. С точки зрения науки общество борется за свое существование. При этом действуют такие-то законы. Здесь люди исчисляются миллионами и миллиардами, а эпохи — столетиями и тысячелетиями. Наука отвлекается от того, что человек имеет неповторимое индивидуальное «я», личную судьбу, короткую жизнь. Отвлекается от того, что человек нуждается в сочувствии, защите, жалости и т. д. Короче говоря, позиция науки в принципе не человечна. А позиция индивида в принципе антинаучна. Какое дело человеку до того, что понятие смысла жизни бессмысленно с точки зрения науки. Он спрашивает о смысле жизни и ищет его. Какое дело человеку до того, что с точки зрения науки люди обречены лгать, лицемерить, доносить, хापать, ставить подножку и т.п. Он хочет честности, искренности, надежности, отзывчивости, помощи и т.д. По науке тела падают. А человек мечтал не падать. И видишь, он полетел. Я думаю, что прогресс общества зависит от антинаучных мечтаний и стремлений человека не в меньшей мере, чем от достижений науки. И притом, антинаучны ли они на самом деле? Они просто реальный факт жизни людей, как те гнусные качества людей, появление которых имеет научное объяснение.

— Но ты же признаешь, что они не имеют оснований в социальных законах общества, — говорит Математик.

— Но они имеют какие-то другие основания, — говорит Физик. — Почему бы, например, не допустить некий закон негативизма, заложенный в психической природе человека, по которому в определенном проценте случаев люди поступают вопреки здравому смыслу социального бытия? Я не думаю, что прогресс общества благородных поступков людей лежит скрытая корысть. Бывают же бескорыстные импульсивные порывы. Они и случаются по этому закону.

— Возможно, — говорит Математик. — Но вы не постройте на этой чисто негативной гипотезе теорию, дающую подтверждаемые прогнозы.

— А много ли надежных прогнозов дает твоя научная теория? И почему именно теории строить?! Люди просто чего-то хотят и действуют согласно своим хотениям. И из этого что-то получается. Ведь все достижения западной цивилизации достигнуты вопреки законам общественного процесса, благодаря желаниям людей, идущим вразрез с этими законами. Нет, я категорически против того, чтобы вырабатывать нашу программу в соответствии с законами общества. Коммунисты тоже ссылались и ссылаются на законы. На другие, правда. Но чем они хуже тех, на которые собираемся ссылаться мы? Нам лично надо изучать это общество научно, чтобы делать выводы для своей деятельности. Но людям мы должны предлагать не

законы, а нечто понятное им и отвечающее их интересам. Какое удовольствие людям от того, что мы дадим обоснование тенденции к снижению жизненного уровня населения и покажем, что нынешний хронический дефицит продуктов питания есть неизбежное следствие социальной системы, а не плохой погоды? Мы должны дать объективную справку о продовольственном положении в Стране и потребовать мер улучшения. Пусть эти меры противоречат законам нашего общества. Цивилизация вообще есть расстановка перегородок и подпорок, выдумывание противоположных мер.

— Я согласен с этим,— говорит Физик. — Наши Хроники стали смахивать на бюллетени Научного Студенческого Общества. Думаю, что их надо сделать менее академичными, но более мужественными и деловыми. Конечно, материалы теоретического порядка надо давать, но короче и не так часто. Сейчас у нас главная проблема — подготовка материалов по ИСИ. Что они там тянут?

Из дневника Мальчика

В последнее время я стал описывать в стихах события, происходившие вокруг меня. И у меня накопилась целая тетрадка. Вот, например, на уроке физики произошел такой инцидент. Один парень спросил учителя, почему доносчиков называют стукачами, хотя стук есть звук, а доносы делаются бесшумно. Этот парень мог позволить себе безнаказанно задать такой вопрос: его папа работает в КГБ. Ему можно. И учитель не возмутился, а долго плел какую-то безграмотную /это очевидно даже нам/ чепуху. Не успел он закончить свой исторический экскурс, как я написал это :

Даже ребенку ясен вопрос :
Что такое есть звук.
Но вот почему беззвучный донос
У нас именуется: стук?
Возьмем, к примеру, вон тот брюнет
Лишь слушает и молчит.
А шепчутся все, когда его нет:
Имейте в виду, стучит!
Или вот этот, возник в дверях.
Известно, он не трепач.
Но смолк разговорчик о лагерьях,—
Слух ходит: и он стукач.
Учитель задумался, сморщив нос.
Ответил: обычай был.
Если тогда кто делал донос,
Палкой во что-то бил.
Теперь, мол, совсем не те времена,
Теперь, мол, не жизнь, а рай.
Теперь, мол, мы все — семья одна..
К чему подымать хай?!
Но я в одиночку, и меж людей,
И днем, и в тиши ночи
Чувствую каждой клеткой своей:
Стучат втихаря стукачи.

Исповедь Самосожженца

После того, как колонна несчастных женщин пересекла мне дорогу, я все время находился в состоянии оцепенения. Меня всего заполнил один вопрос, одно недоумение: что происходит?! Мне хотелось кричать : люди, опомнитесь, что вы

творите?! Но я не мог. Как во сне, крик не получался. Я немного отошел, оттаял в университете. Но лишь настолько, чтобы на время забыться, и тут я снова погрузился в еще более тяжелое оцепенение. Я получил нескорую убедительные свидетельства того, что к людям взывать бессмысленно. И это убеждение уже не оставляло меня и, я знаю, не оставит до конца жизни. И я вспомнил о Боге.

Как и большинство людей моего поколения, я был крещен. Лет до двенадцати верил в Бога и соблюдал минимальные религиозные обряды: молитва перед едой, молитва после еды, молитва на сон грядущий, причастие, исповедь, религиозные праздники. Потом — школа /образование/ и антирелигиозная пропаганда, проводившаяся с ужасающей методичностью. И верующим быть сначала стало просто нехорошо, потом стыдно, потом опасно, потом привычно. И Бог превратился в нашем сознании в продукт невежества, в поповскую выдумку, в старушечьи сказки. Откуда нам было знать, что вместе с Богом уходит от нас человеческая теплота, доброта, отзывчивость, сочувствие и многое другое, о чем теперь люди не знают даже по наслышке. Например — состояние просветленности, душевного очищения, всепрощения. Но Бог все же был где-то в самых глубинах души. Иначе чем же объяснить тот факт, что я замер тогда при виде той страшной колонны? И я вспомнил о Нем лишь постольку, поскольку Он был там.

И все те десять лет... Как же долго тянулись они! И как быстро промчались! Все те десять лет я помнил о Нем, обращался к Нему, молил Его, благодарил Его. И сопротивлялся Ему всеми силами. Сопротивлялся проникновению Его в мою душу. Что-то мешало мне принятию Его. Что?

Сидел вместе со мной один религиозный деятель. Он вроде бы был даже крупным чином там у них. Вроде бы даже близок к самому Патриарху был. Мы с ним частенько обсуждали проблемы Бога. Но хотя этот человек говорил хорошие слова, сам он в поведении ничем не отличался от нас, и слова звучали холодно и не убедительно.

— Вы смешиваете религиозность и церковь,— говорил он,— веру и способ ее проявления. Мы же живем в коммунистическом обществе. Здесь все несет на себе его печать и испытывает его влияние. И церковь в том числе. И даже люди и организации, которые открыто конфликтуют с коммунизмом или тайно борются с ним. Мы во всем люди этого общества, — и в вере и в неверии. Отсюда и идет ваше неприятие Бога. Но у вас нет иного пути.

— Конечно,— говорил он,— церковь прошлого не надо идеализировать. Но факт остается фактом : это именно она вносила в человечество ту крупицу добра, милосердия, правды и многого другого, на отсутствие чего в нынешних людях вы жалуетесь. И потому тогда человек мог взывать к людям. Пусть эта крупица была ничтожно мала. Но она была заметна. Знаете, мы иногда рассуждаем чисто количественно. Мол, подумаешь, какое дело — было немножко больше добрых людей. Но как знать, может быть именно это немножко и решает дело. Может быть так, что даже наличие всего лишь одного доброго человека делает общество иным. Кто измерил меру доброты? Христос пришел в мир один, а глядите, какой был результат. Ладно, пусть для вас это — сказки. Но отнеситесь к этому хотя бы как к поучительной сказке. А теперь исчезло это «немножко», что прививала людям церковь. Наша церковь в теперешнем ее состоянии уже не способна на это. И что же вам остается? Не надейтесь на людей. Не взывайте к ним — бесполезно. Призыв к людям был призыв к Богу, который был в них. Обращайтесь прямо к Богу. Теперь вы сами себе религия, церковь, человечество. Впрочем, у вас все равно нет иного выхода.

Пути исповедимые

Мы выпили все запасы, принесенные с собою, и уже дважды дозаказали бурду, которая по преysкранту тут числится не то портвейном, не то вермутом, не то мускатом. Потолковали о том, о сем, попросили Четвертого продолжить свою лекцию о правилах счастливой жизни.

— Жить ниже своих возможностей,— правило, пожалуй, одно из самых главных. Я вот по своим интеллектуальным данным доктором наук мог быть или начальником главка. Но я не такой дурак, чтобы клюнуть на это. Глядите, старые дома и мосты ... и вообще любые вещи... делали с избытком прочности. И они до сих пор стоят и живут. А теперь? Теперь впритык, а то и вообще... А результат? Верно, не успели построить, как ремонтировать надо. Или едва вождь вылезет в боги, как ему под зад коленкой давать надо и разоблачать как круглого болвана. Но есть, братцы, еще одно в высшей степени интересное правило. Открыть-то я его открыл, а сам до сих пор удивляюсь ему. Вот это правило: не имей ничего и будешь иметь все! Я например самый низкооплачиваемый сотрудник в нашей конторе. Несколько раз мне хотели повысить зарплату. Но я ни в какую. Что-нибудь придумывал, чтобы не было этого. Один раз заместителю директора бутылку коньяка спил, чтобы он меня из списков на повышение вычеркнул. А почему? А вот почему. Путевка в дом отдыха, например, стоит сотню. А я имею ее за семь рублей, со скидкой, соцстраховскую. Потому что я низкооплачиваемый. Безвозмездная ссуда пару раз в год. Премии за хорошую работу /всем ясно, что работа тут ни при чем/. Одним словом, подсчитать — раз в десять больше повышения получается. И почет сохраняется: низкооплачиваемый! Тут недавно молодежь организовала экскурсию по историческим местам на неделю. На автобусах, с питанием, с гостиницами. Предложили мне присоединиться. Я, говорю, не против, но сами понимаете, я же низкооплачиваемый. Они говорят, пустяк. Местком оплатит вашу долю. Раз так, говорю, пишите. И еду. А экскурсия эта не столько по историческим местам, сколько по значным местам в районе этих исторических мест. А тут ребятам нужен не столько толковый экскурсовод, сколько толковый кабаковод. И в учреждении спокойны: раз я поехал, все будет в порядке. Пить будут, но головы не потеряют, потому как с ними опытный... старый член партии... Понятно? Семь дней сыт, пьян и нос в табаке. И насчет женщин... ну, это вопрос особый. Повторим? После экономии на костюме я спрятал в зачанку двадцать рублей. Минутку... Вот они, миленькие! И так...

Из записок Писателя

— Я согласен, — говорит Скептик, — что наше заведение есть типичная липа. Ликвидация отставания общественного сознания есть целая эпоха. Она предполагает огромные усилия и затраты, кропотливую работу с людьми. А мы на это не способны. Мы даже картошку растить как следует не можем. Вот и выдумываем свою «идеологическую кукурузу». В свое время думали за счет кукурузы построить коммунизм при жизни «нынешнего поколения». Теперь — за счет уловок. Сплошной обман.

— Это действительно липа, — говорит Критик. — Но тут есть нечто большее, чем обман и самообман. Тут вообще нет никакой лжи и самообольщения. Тут другое. Вспомните сельскохозяйственную выставку перед второй мировой войной. Сельское хозяйство в ужасающем состоянии, — ближайшее следствие коллективизации. В Стране голод. Миллионы людей погибли. А они строят колоссальную, неслыханную ранее нигде и никогда сельскохозяйственную выставку, демонстрирующую якобы выдающиеся успехи нашего сельского хозяйства. Знаете, сколько миллиардов ухлопали на эту выставку? Больше, чем вложили во все сельское хозяйство за всю ту пятилетку! В чем дело?

В дискуссию включилась вся палата. Были высказаны всевозможные мнения. Мнение Клеветника: выставка была красивой сказкой, а в то время сказка была важнее реальности. Мнение Скептика: построить выставку было все-таки дешевле, чем поднять сельское хозяйство. Последнее до сих пор поднять не можем, а выставку уже тогда осилили. Мнение Пропагандиста: внешний эффект от выставки был сильнее, чем от улучшения сельского хозяйства. Ничтожное улучшение сельского хозяйства осталось бы незаметным, а выставку заметили все. Как ни улучшай сельское хозяйство, все равно остается заметное отставание и бедность. Если не можешь дать людям добра на копейку, сули на миллион. А выставка и была таким обещанием. К тому же был расчет на то, что достаточно большое число идиотов, холуев и мерзавцев поверит в наш расцвет, посетив именно выставку, а не реальные деревни. Мнение Террориста: вообще не надо упрощать историю. Плохо или хорошо людям, — это не критерии исторических процессов. Иногда чем хуже, тем лучше. И вообще оценки тут ничего не дают. Выставка — ни хорошо, ни плохо, ни лучше, ни хуже, ни то, ни другое, ни третье. Это вообще ничто. Типичная бессмыслица, назначение которой никто разумно объяснить не может. Это иррационально. Они не ведают, что творят.

— Все это так, — говорит Критик. — Теперь обратимся к нашему заведению. Вся эта затея обойдется Стране не меньше, чем выставка. Отличие ее от выставки — она секретна, не предназначена для рекламы, для пропаганды, для обмана Запада и т.д. Выставка до сих пор функционирует. А мы? Как только эта затея обанкротится, нас прикроют и уничтожат. Я имею в виду нас как данную специфическую организацию и людей. Дома, может быть, оставят. Институт какой-нибудь создадут. А скорее отдадут под какой-нибудь отдел КГБ. Что же общего у нашего заведения с выставкой? Возникла грандиозная проблема воспитания «нового человека» в масштабах всего общества, который не халтурит, не ворует, не обманывает; едет, куда прикажут, жрет, что дадут, и не нахвалится; не берет взятку, любит начальство и т.д. А такой «новый человек» никак не получается. Получается ловкач. Получается ловкач, карьерист, пройдоха, хапуга, лодырь, взяточник, развратник и т.п. Преодолеть все это — задача еще более трудная, чем поднять сельское хозяйство. А я полагаю, что вообще в условиях коммунизма эта задача неразрешима. Так вот, вместо реального решения проблемы в том духе, как Они хотели бы, — а это есть квазицель, Они дают ее решение, адекватное самой социальной сущности цели, т.е. квазирешение. И это квазирешение вполне отвечает сущности самой задачи. Оно не есть обман. Оно есть нормальная форма жизнедеятельности этого общества.

Опять начался спор. От критика потребовали объяснения того, что такое квазицель и квазирешение.

— В принципе это очень просто. Нужно только время и терпение, чтобы подойти к этому постепенно. Как-нибудь я вам изложу свою теорию подробнее. А пока достаточно следующего. Обществу нашего типа приписывают цели как некоему единому разумному существу. Вам это известно. Программа партии. Полный коммунизм и т.д. Но реальное общество не есть целелогающее существо. Реально оно состоит из множества людей, имеющих свои цели, потребности, интересы. Как равнодействующая осуществления этих реальных целей образуется некое совокупное общественное явление — продукт их совместной деятельности. Ставя какую-то грандиозную задачу /неважно, кому в голову взбрела первая идея, кто ее оформлял фразеологически/, люди под этим именем обдывают свои конкретные делишки. Они изобретают удобную форму для этого, выдавая ее за средство решения упомянутой задачи. Задача, как правило, неразрешима, если ее понимать буквально, а не как квазицель /ложную, кажущуюся цель/. А усилия, которые считаются направленными на ее решение, фактически лишь усугубляют

положение вещей. У нас это стало типическим. Вспомните, сколько раз в последние годы нам сообщали о блестящем решении каких-то проблем, фактическое положение с которыми кончалось полным провалом. А ведь с их точки зрения провалов не было. Тут постоянно смешиваются два аспекта: фиктивный и фактический. Мы живем во втором. Они же, живя во втором, витают в первом.

Объяснение Критика не внесло ясности в головы обитателей палаты, привыкших к упрощенным категорическим ответам. Но оно дало почувствовать, что все то, что они воспринимают как бессмысленную игру идиотов, на самом деле имеет зловещий исторический смысл.

— Увы,— сказал Критик,— мы являемся лишь жалкими жертвами огромного тупого бесчувственного чудища, объявленного вершиной истории и разума. Но мы Люди, друзья мои. И постараемся быть ими до конца. Мы должны были возненавидеть Их. Нас лишили и этого. Но нас не смогли лишить главного в Человеке: способности к вере. У нас нет другого выхода!

Прозвенел звонок. Из стены выскочил поломанный унитаз и юркнул обратно. В палату вошел лаборант и объявил: в нужник, живо!

Пути исповедимые

— С той экскурсией, правда, вышел казус. Остановились мы в одном местечке на отдых, а столовая закрыта. И никаких намеков на спиртное на всем обозримом пространстве. Молодежь обступила меня, смотря на меня с такой надеждой, с какой, надо полагать, в свое время наши трудящиеся смотрели на товарища Сталина. Ладно, говорю я, ждите меня тут, ребята. Не может быть, чтобы на русской земле да не было чего-нибудь такого, от чего русский человек дуреет до умопомрачения. И пошел. На интуицию пошел. Просто пошел, и все тут. Иду — лесок, полянка, овражек, опять лесок. Вижу — дымок, подхожу — землянка. Вошел — мужики сидят. Рожи — как в кино периода коллективизации у кулаков. Привет, говорю. Привет, говорят. Мне бы, ребята, на десятку зелья какого-нибудь достать. Не поможете? На десятку, говорят, мы тебе этим зельем бензобаки наполним. Неси посуду. В общем, упились мы тем самогоном от шоферов до старых трезвенниц так, что пришлось пару городов пропустить. Отсыпались. А насчет женщин — разговор особый...

Исповедь Самосожженца

Я обошел чуть ли не все действующие церкви города и был крайне разочарован увиденным. Я рассказал о своих впечатлениях Знакомому.

— Наивный человек, — сказал он. — Наша церковь и до революции-то была придатком государственной власти. А теперь это — ублюдочное во всех отношениях явление.

— А секты?

— Лучше и не суйся. Мразь сплошная. Впрочем, я могу свести тебя с одним человеком. Любопытный тип. Но иллюзий на этот счет строить не советую. В наших условиях традиционные формы религии обречены на полное вырождение или в лучшем случае на жалкое существование под контролем наших властей. Подпольные секты? Я же сказал, сплошная ерунда. Патология или жульничество. Откуда я знаю? Видишь ли, подпольной религии не бывает. Религия может быть сначала запретной. Вообще может быть запретной. Но не подпольной. Религия есть нечто просветляющее, возвышающее, очищающее и т.п. А подпольность никакой просветленности и возвышенности не несет в себе. И она принижает, мельчит, заземляет, опошляет.

— Но ты же не отрицаешь того, что религия имеет основания не только во внешних обстоятельствах жизни людей, но и в их душах независимо от этих обстоятельств! Потребность в религии есть естественная потребность людей. Она как-то должна утлаяться.

— Конечно. Но пока еще никто не знает, как именно это осуществится в нашем обществе. Наше общество принципиально антирелигиозно. Так что не исключено, что наша потребность в религии и впредь будет удовлетворяться убудочными продуктами такого рода. Жрем же мы гнилую картошку, фальсифицированную колбасу и прочую дрянь. Почему ты думаешь, что в отношении таких тонких продуктов цивилизации, как религия, нам сделают исключение? Вспомни к тому же о системе привилегий. Так что...

Пути исповедимые

Потом мы опять заговорили о нашей партийности. Один сказал, что теперь осторожно принимать стали. У них в учреждении на этот год всего два места выделили. Другой сказал, что это для интеллигенции и чиновников стало труднее. А рабочих и крестьян заманивают, а те не идут. Зачем им в партию? Карьеру они все равно не делают. А свой кусок хлеба они и без партии заработают. Вспомнили анекдот про Абрамовича, которого исключили из партии и который увидел сон, как американский президент выступил в конгрессе с требованием восстановить Абрамовича в партии, иначе, мол, американцы нам хлеб продавать не будут. Выяснилось, что имеется более десяти вариантов этого анекдота. Четвертый сказал, что отношение русского человека к партии точнее выражает такая хохма. Вышибли Ивана из партии за пьянку. С горя он напился и набил морду постовому милиционеру. Его в суд. Судья спрашивает, как он дошел до этого. А он говорит, что напился с горя, поскольку из партии выгнали, а он ради партии на все готов, он ради партии готов набить морду самому Генсеку, а не то что постовому. Судья Ивана оправдал, а на работе его восстановили в партии, ограничившись выговором.

Идеология. Надстройки

Ученый: Сам факт объединения общим самым понятием «надстройка» таких разнородных явлений, как государство, право, мораль, искусство, политика, причём — как организаций и действий людей, так и идей, учений, теорий, сознания и т.п., — уже достаточно красноречиво говорит о том, что здесь имеет место схематизация квазинаучного сорта. А потом начинается свистопляска с отмиранием и изменением разных элементов надстройки как в бесконечных апологетических текстах на эту тему, так и в самой реальной жизни нашего общества. Вот вам только несколько аспектов дела. Искусство. Хорошо, пусть оно меняет вид и становится адекватным новому базису. Хотя на деле-то происходит тривиально ясный процесс — изменение искусства под влиянием хода жизни. Но вот вам факты. Присвоили все достижения искусства прошлых эксплуататорских эпох. Заимствуем /просто ворует/ достижения искусства враждебного Запада. Сами добываем признания на Западе нашего уворованного у прошлого искусства. Конечно, мы создаем и «новое» искусство — тысячи тонн вранья и славословия. И все же это происходит не по вашей схеме «изменяется базис, сбрасывается и заменяется новой надстройкой». Или возьмем государство. По-вашему, государство вообще возникло вместе с классами и отомрет вместе с ними. А оно вот не отмирает. Учение штопают: отомрет через усиление! Нужно быть полным идиотом, чтобы поверить, будто многомиллионная армия нашей власти, захватив все ключевые позиции и блага жизни, отомрет по доброй воле. А вот с правом как раз наоборот, хотя мы вопим о правах больше всех. Право как социальная форма защиты человека от общества и власти /т.е. право в собственном смысле слова/ у нас действительно отмерло, и мы имеем классический

пример неправового общества. Аналогично обстоит дело с моралью. И религия у нас разрушена, низведена до убожески холуйского уровня. Зато философия обрела функции идеологии. И политика отмерла во внутренней жизни, уступив место неполитическим формам отношений.

Исповедь Самосожженца

— Лично для меня проблема Бога есть проблема божественного в человеке, — сказал мой собеседник. — Нам родители с детства прививали религиозность в таком смысле, какой находится совсем в ином разрезе сравнительно с обычным, вульгарным пониманием религии. В этом обычном смысле я атеист. Я религиозен в том смысле, что чувствую и несу крупицу Бога в себе. И потому он для меня есть. Вопрос о существовании Бога не есть вопрос естественно-научный. Его существование или несуществование не докажешь и не опровергнешь никаким научным наблюдением и экспериментом. Он есть или его нет в каждом данном человеке, для меня, для тебя, для него... Вопрос о Боге есть вопрос о том, кто ты и как ты будешь вести себя в этом мире. Мне трудно это пояснить Вам, ибо это надо почувствовать самому, чтобы сказать себе: мне ясно, я понимаю.

Мы долго беседовали так о самых различных аспектах положения религии в наших условиях, но я остался холоден к словам Собеседника. Я верил в его искренность, я не сомневался в том, что он имеет в себе ту крупицу Бога, о которой говорил. Но что-то оставляло меня в тревоге. Собеседник мой чувствовал это и сам стал заражаться моим беспокойством. Пора кончать, решил я, не надо разрушать то, что человек создал ценой целой жизни.

— Я верю вам, — сказал я. — Я ценю мудрость Ваших слов. Но то, что постигли Вы, есть в некотором роде религия в себе и для себя, выражаясь языком Канта. А я ищу нечто для других. Понимаете, я не ощущаю себя в себе как таковом. Я ощущаю себя только в других и в другом.

— Но это то же самое, — сказал Собеседник. — Всякая религиозность есть религия в себе и для себя, а потому — для другого.

— Возможно, — сказал я. — Значит, мне не дано. Понимаете, то, чего я хочу, есть сияние, свет, пламя, гром небесный. Но не тление, не журчание, не воркование. Рад был побеседовать с Вами. Прощайте.

— Что же, — сказал он, — прощайте. Дай Бог Вам того, что Вы ищете.

Я остался опять один

Из дневника Мальчика

Вроде бы обошлось. На комитете меня обрабатывали четыре часа. Потом обливали помоями на собрании. Потом — в райкоме. Залепили выговор с занесением в учетную карточку. И успокоились. Как будто ничего не бывало. И Друг стал прежним. И разговорчики. И анекдоты. Отец сказал, что я уже большой. Должен понимать, что к чему, и уметь держать язык за зубами.

— Сейчас не то время, чтобы болтать, — сказал он. — Сейчас строго насчет этого. А будет еще строже. Так что ты не подкачай.

На районной математической олимпиаде я занял первое место. И меня было назначили на городскую олимпиаду. Но потом разобрались и отставили. Ребята говорят, кто-то настучал. Намекают на Друга. Но я не верю в это. Зачем ему? Учитель математики огорчился сильно. Он так рассчитывал на меня!

— Ты же взрослый парень, — сказал он. — Зачем тебе дались эти репрессии?! Ты же рожден для математики!

Пути исповедимые

— В молодости я тоже увлекался бабами,— говорит один из нас. — Но потом разочаровался, надоело.

— А для меня,— говорит другой из нас,— все бабы, что китайцы, на одно лицо.

— Возможно вы и правы,— говорит Четвертый. — Возможно, женщины на лицо не различаются или различаются незначительно. Глаза, нос, рот, иногда — зубы... Все это так. Но ведь индивидуальность женщины не в лице, друзья мои, а значительно ниже. Ниже пояса. А ниже пояса все женщины различаются, двух одинаковых не найдете. Поверьте мне, я на этом деле, можно сказать, шишку набил. Женщина вообще представляет интерес только ниже пояса. А там они, повторяю, все различны. Одна плачет, другая смеется. Одна кидается на тебя, как пантера, другая отбивается, как от грабителя. Одна требует штучки разные вытворять, кусается, хрюкает, другая обзывает тебя развратником, стоит тебе чихнуть в этот момент или спросить, не кооперативная ли у нее квартира. Одна вопит от восторга, другая плюется и говорит, что ей это противно. И заранее никогда нельзя угадать, что тебя ждет. Я одну докторшу наук полгода обхаживал, думал, что мощный интеллект, иностранные языки и заграничные поездки дадут в этом отношении эффект необычайный. А она оказалась ужасно скучной и постной старой бабой. А подвернулась мне как-то экспедиторша из соседней конторы, так до сих пор помню. Я потом пытался ее и так и эдак заполучить, ничего не вышло. Говорит, она не какая-нибудь, а эдакая. Женщина ниже пояса, повторяю, это — абсолютное разнообразие, это — тайна из тайн. Это — неповторимая и непредсказуемая индивидуальность. Несколько лет я трудился над первичными обобщениями и классификацией в этой области. Бесполезно. Эта проблема принципиально неразрешима. Пожалуй, это — единственная сфера нашей жизни, которая не поддается контролю со стороны партии, ОГБ и здорового коллектива. Помяните мое слово, ребята, коммунизм проникнет во все уголки мира и пролезет во все закоулки и щели нашей жизни. Но единственное, перед чем он остановится, это — женщина ниже пояса. Там ему делать нечего. Итак, за женщин!

— Сказки все это,— говорит разочаровавшийся. — Все они хороши до первого раза.

— Не могу согласиться,— говорит Четвертый. — Женщина по-настоящему раскрывается только через месяц или даже через два, как раз незадолго до того, как ты собираешься от нее сбежать. Она чувствует это и пускает в ход все свои чары. Стирает тебе носки и кальсоны, кормит курицей и начинает менять постельное белье. А в постели...

— Чушь,— говорит сторонник прокитайской концепции. — Кстати, вы меня неверно истолковали. Говоря о лице женщин, я имел в виду именно нижние части тела. А носы, глаза, губы, зубы, волосы,— этим они как раз различаются. Посмотрите на нашу официантку, на эту вот посудомойку и вон на ту разрисованную кралю. Есть разница? И с кем вы предпочли бы провести ночь? Хотел бы я на вас посмотреть после этого!

— Мы придерживаемся с вами разных доктрин,— говорит Четвертый. — Мои правила на этот счет таковы: 1/ если есть хоть малейший шанс переспать с женщиной, используй его; 2/ имея дело с женщиной, стремись найти в ней качества, каких нет у ее предшественниц. Все зависит от обстановки.

— Когда мы были мальчишками,— говорит разочаровавшийся,— нас просвещал в этом деле один алкаш из соседнего дома. Он нам за мелочишку и барахло, которое мы таскали из дома, сдавал для этого свою бабу. Она тоже закладывала. Иногда она за один раз пропускала нас по пятнадцать человек. Мразь,

конечно. Стыдно вспомнить. Но мужик он был мудрый. У него тоже были свои правила. Например, не с...и, где живешь, не живи, где с...ь.

— За эти годы многое изменилось,— говорит Четвертый,— общество стало более терпимым, более широкие слои населения вовлеклись в блядство. Теперь эти принципы устарели. К тому же поменять жилье и работу теперь не так-то просто. Теперь наметились противоположные тенденции. Я знал одного способного бабника, который менял работу каждый раз, как перепробовал всех баб в своем учреждении.

Из дневника Мальчика

В школе опять скандал: один парень из старшего класса покончил жизнь самоубийством. Выбросился из окна. Дело, однако, замяли. Учителям и ученикам объявили, что выпал по неосторожности. Но на похороны идти запретили. Мы обсуждали этот случай целую неделю. Наговорили всякой чепухи. Но до сути дела так и не добрались. Старшеклассники из группы, где бывал самоубийца, помалкивали.

— Странный случай,— сказал Друг, когда мы бродили по проспекту. — Что-то там было заковыристое, это ясно. А что именно?

— Мерзость какая-нибудь,— сказал я.

— Не какая-нибудь, а еще какая,— сказала Она. — Его склоняли стать осведомителем и доносить на эту самую группку у старшеклассников. Не знаю, согласился ли он, и ребята узнали об этом, или не решился отказаться, но не решился и согласиться. Теперь об этом никто не узнает. А может быть, и такой вариант имел место. Его отец — известный профессор, в либеральный период заработал репутацию порядочного человека. А на самом деле — полнейшее ничтожество. Сын его боготворил как мужественного и честного ученого. Наверняка он рассказал отцу о давлении на него со стороны ОГБ. И я на сто процентов уверена, что порядочный папаша настаивал на том, чтобы сын дал согласие быть осведомителем. Сам-то папаша был всю дорогу стукачом, как пить дать. Парень оставил записку. Родители же первым делом разыскали записку и уничтожили ее, а уж потом бросились на улицу.

— Очень правдоподобно,— сказал Друг.

— Бедный парень,— сказал я. — Что ему пришлось пережить! Не хотел бы я оказаться в его положении.

— Мы все в таком положении,— сказала Она. — Только в немного разжиженном.

Рождение человека

Рождение нового человека есть великое чудо не для самого родившегося, а для тех, кто уже давно родился. Во-первых, давно родившиеся возлагают на вновь родившегося надежды: ну, этот будет не таким, как мы, а лучше, и на долю его выпадет иная, более приятная судьба, чем нам. Во-вторых, давно родившиеся сами преобразуются, им кажется, что наступает новый, принципиально иной период их жизни.

Ученик с ужасом ждал увеличения своего чуть было не развалившегося семейства. Что будет? Решение квартирной проблемы отодвинулось в неопределенное будущее. Зам, конечно, надул. С Бородатым ничего не вышло. Его, кажется, убирают. У жены... А, эти блядуны готовы пообещать бочку арестантов, пока не добьются своего, а когда добьются... Мать настаивала на том, чтобы к

рождению ребенка все было готово, но жена была суеверна, мало ли что может быть. Потом намерение сохранить ребенка пришло в последнюю очередь. Когда Ученику сообщили, что у него родился сын, вполне исправный и довольно крупный, он с головой окунулся в домашние хлопоты, начал мотаться по магазинам, в родильный дом. Жене написал записку, что безумно рад, что безумно любит, что ждет с нетерпением. Но все это пока были слова. Они обрели реальность лишь после того, как похудевшая и счастливая жена вышла к Ученику, неся на руках упакованного в красивые тряпки младенца и торжественно вложила его в протянутые руки Ученика. Родственники с той и другой стороны одарили жену цветами. Все торжественно двинулись домой. Пешком, это совсем рядом. Ученик шел в центре, бережно охраняемый со всех сторон. Сзади вели под руки еще не окрепшую жену. Пропали они пропадом, все эти житейские проблемы, думал Ученик. Вот единственное, что имеет смысл: ребенок!

Пути исповедимые

По дороге в туалет приходится идти мимо буфета. Ко мне все-таки прицепились два забулдыги. Увидев меня, они выразили на мордах удивление и радость /хотя я видел их впервые/, назвали Васей, кинулись обниматься. Когда я сказал им, что я не Вася и что не знаю их, они меня обозвали последними словами, среди которых слова «сука» и «паскуда» были самыми приличными, и потребовали рубль. Хотя на вид я и выгляжу хлипким, но сил у меня на таких хмырей еще достаточно. И я их тут же убедил в этом. Они сразу же завертели хвостами, мол, пошутили. Настроение испортилось. Конечно, это — отходы, мразь. Но сколько такой мрази по стране в целом! И далеко ли мы сами ушли от нее? Однажды милиция и дружинники по просьбе райкома партии устроили нечто вроде облавы на такую публику. Какая-то социологическая лаборатория должна была выяснить социальный и возрастной состав таких сборищ, семейное положение участников, уровень образования и т.д. Эти данные зачем-то потребовались для ЦК. Я тогда торопился, тоже торчал в районе буфета и попал в эту «облаву». Потом я разговаривал с парнем из социологической группы. Тот за голову хватался. Возраст — от шестнадцати до семидесяти, семейное положение от холостяков до «многосемейных» /разводившихся по два-три раза/, образование от восьми классов до докторов наук, профессии — от чернорабочих до музыкантов, ученых, художников... Короче говоря, все основные величины почти точно /с незначительными отклонениями, которые можно отнести за счет несоблюдения правил исследования/ совпали с общими показателями для «нормального» /«трезвого»/ общества данного района. И какой же вывод из этого, спросил я. Социолог махнул рукой: вывод один, больше таких исследований не проводить! Любопытно, что хотя высшие слои общества предпочитают пить дома и в ресторанах, все же отдельные его представители выпадают в эту нашу «помойку» и тут мало отличаются от прочих. Хотя я сам попал в эту «помойку» случайно. Вообще-то говоря, я принадлежу к более высокому уровню: я сидячий пьяница. А есть еще более низкий уровень, чем околобуфетная пьянь. Это около винных магазинов, в районе всякого рода ларьков, содержатели которых фактически промышленляют за счет алкашей низшего сорта, вообще в традиционно сложившихся «питьевых» точках. Имются свои объединения на заводах, часто — прямо в цехах. А деревня! А армия! А турпоходы, экскурсии... Короче говоря, если бы кто написал книгу на эту тему с фактическими данными, с графиками и таблицами, с фотографиями, с мемуарами, то эта книга имела бы успех невиданный. Например, с таким названием: «Россия пьющая». Я высказал эти соображения своим собутыльникам, вернувшись за свой уютный столик в самом углу.

— Э, чего вы захотели, — сказал Четвертый. — Да это же государственная тайна важнее ракетных площадок. У нас трое молодых ребят решили собрать

подробные сведения о нашем учреждении. Семья, жилплощадь, разводы, судьба детей, пьянство, отдых и т.д. Самые, казалось бы, невинные вещи. И меня «опрашивали». Я сначала даже помогать им начал, да вовремя очухался: тут политической пахнет! А у меня на этот счет правило: моя политика — никакой политики! У нас всем известно, что я аполитичен. Да только посмеиваются: мол, что с него взять?!

— И что с этими вашими ребятами?

— Арестовали.

— За что?

— За сбор клеветнических сведений с намерением передать...

— А они передали на самом деле?

— Не успели.

— А откуда известно, что они собирались передавать?

— А зачем тогда они их собирали? Это же дураку ясно!

Рождение человека

На работе сослуживцы, скинувшись по пятерке, подарили Ученику детскую кроватку на колесиках. Поздравляем, сказал профорг, вручая подарок. Надеемся, что вы воспитаете настоящего гражданина нашего замечательного общества, патриота и коммуниста. Сотрудники с работы жены принесли /вернее, прикатили/ в подарок коляску. Комсорг, вручая подарок, сказал, что они поздравляют и желают воспитать настоящего гражданина... В порядке остроумия комсорг добавил, что желает лично им от себя вырастить космонавта. Подарки были заранее согласованы, чтобы не получилось так, как у Художника: ему подарили три коляски и ни одной кроватки.

Идеология. Учение о человеке

Ученый: Обратимся к учению о человеке.

Идеолог: Но в нашей идеологии нет особого учения о человеке, отличного от прочих разделов идеологии. Человек как познающее существо рассматривается в учении о мире и о познании, а как действующее существо — в учении об обществе. Вы же знаете, человек есть совокупность общественных отношений.

У: Я знаю. Но как бы это не было странно вам слышать от ученого, есть смысл выделить некоторые проблемы, касающиеся человека, в особый раздел идеологии или науки, если это не подходит для вашей идеологии. Я имею в виду вопрос о свободе воли человека, о его моральной ответственности за происходящее и о его участии в судьбах человечества.

И: Мы не отвергаем всего этого.

У: Я знаю. Но дело тут в характере признания. В какой мере цивилизацию можно считать продуктом свободной воли и изобретения людей? В какой мере человек может сваливать вину за происходящее на некие объективные законы и обстоятельства? В какой мере судьба человечества в руках самих людей? И вообще, всякое ли существо, относящееся к виду «гомо сапиенс», имеет право считаться Человеком? Вообще, что такое Человек как явление истории?...

Рождение человека

Я надеюсь, сказала Жена, что твои родители отдадут нам свою комнату, а сами переселятся в нашу. Теперь нас трое и по закону... К чему говорить о законах,

сказала Мать. Конечно, занимайте нашу комнату, это само собой разумеется. Я надеюсь, сказала Жена, что твоя мамаша не будет вмешиваться в наше воспитание ребенка со своими дурацкими старушечьими советами. Ради бога, сказала Мать, делайте, как хотите. Я ведь только помочь, если нужно. Она еще не давала нам никаких советов, сказал Ученик. Почему же они дурацкие? И не такая уж она старуха. А отказываться от помощи глупо. Не дергай меня за нервы, сказала Жена, у меня молоко пропадет.

Самосожженец

— Прочитал?— спрашивает Лысый. — Что скажешь?

— Ничего особенного,— говорит Бородатый. — Только подход к сути дела. А главного нет. Самое интересное должно быть в той части записок, которую ты мне не дал. Нельзя ли как-нибудь заполнить их хотя бы на пару часов?

— Никак нельзя. Сразу же после того, как он умер, эту часть его записок уничтожили. Шеф сказал, что их ни в коем случае нельзя никому показывать, иначе нам голову оторвут. Они лишь на первый взгляд свидетельствуют о шизофрении автора. Но стоит над ними задуматься, как начинает проступать фактический шизофренический характер общества, в котором жил этот кажущийся шизофреник.

— Может быть, ты коротко расскажешь содержание этой части записок?

— Это невозможно. Сплошные головоломные рассуждения. Мистика какая-то. Я ни черта не смог понять в его выкладках, а не то что пересказать. Но впечатление такое, что вопрос о самоубийстве приобрел для него самодовлеющее значение как проблема: способен он реально, на самом деле распорядиться своей жизнью по своей воле или нет. Он засомневался в том, что человек действительно обладает свободой воли в этом отношении. И осуществил в некотором роде эксперимент. А самосожжение он предпочел скорее из эстетических, а не из идеологических, религиозных, политических или иных соображений. Он разуверился во всем, судя по тем местам, где он описывал встречи с писателями, художниками, учеными, религиозными деятелями. Все они производили на него впечатление мелких и злобных человекоподобных тварей, одержимых манией самооправдания. И он стал сомневаться в главном,— в своем собственном человеческом ядре. И сознательно пошел на этот ужасный эксперимент. Думаю, что он был в здравом уме в большей мере, чем мы все вместе взятые. Жаль, конечно, записки ликвидировали. А я — идиот! Мог же копию снять! Этому человеку вполне можно было доверять. Такой **уникальный эксперимент и впусую!**

— К этому нам не привыкать. Мы сами суть участники эксперимента, который вот-вот закончится впусую. А что говорили те, кто потушили его и фактически убили?

— Вопросов об избииении им не задавал никто. Молчаливо все считали, что так и следовало сделать. Все в один голос называли его мерзавцем, который позорит нашу Страну, и они как честные граждане и патриоты не могли пройти равнодушно мимо. Ты знаешь, что их всех наградили орденами?

— Бедняга! Он не знал, что у нас человек не имеет права сам лишиться себя жизни по самой сути нашего общества, а не в силу внутренних ограничителей.

Пути исповедимые

— Тьфу,— сказал Один, выплюнув принципиально испереживаемую жилу обратно в тарелку. — Был тут бардак, есть и будет.

— Я против,— сказал Другой. — Должно быть лучше. Человеку свойственно стремление к лучшему.

— Человеку, возможно, свойственно,— говорит Четвертый. — Но русскому Ивану свойственно другое, а именно — стремиться к тому, чтобы хуже не было. Однажды попал я на «митинг». Лектор — интеллигентный на вид человек. Вроде вас, лысый, в очках, с портфелем. Он так и сказал в конце: мол, человеку свойственно стремиться к лучшему. Вот вам, обратился он к моему заросшему и опухшему соседу, разве не хочется лучшего? Нет, сказал сосед. Нам это ни к чему. Нам лишь бы хуже не было. Ишь чего захотели, сказал лектор. Это только на высшей ступени достижимо. А сейчас пока низшая ступень, так что извольте стремиться к лучшему. У нас хотя и развитой социализм, но еще не коммунизм. Во всяком случае, недоразвитый коммунизм. Мы тогда даже песенку пели по этому поводу.

Слижи с досок шершавых крохи,
Стяни живот ремнем потуже.
И как достойный сын эпохи
Моли, чтобы не стало хуже.

— С каким сознанием мы живем,— сказал Один,— то и имеем. Что же, выпьем за то, чтобы не было хуже!

Идеология. Учение о будущем.

Ученый: Суть вашего учения о будущем коммунистическом обществе /«научный коммунизм»/ сейчас очевидна всем, и нет надобности его обсуждать.

Идеолог: Но вы же не отвергаете факт существования такого общества у нас?

У: Не отвергаю, что наше общество можно считать воплощением идей коммунизма. Но я различаю сказку коммунизма и его реальность. Я готов обсудить с вами проблему будущего коммунизма, но исключительно в плане прогнозов следующего порядка: устраняет или нет коммунизм такие язвы классового общества /вернее, то, что вы сами приписываете только классовому обществу/, как экономические кризисы, безработица, войны, нищета, насилие, и т.п., и как с этими язвами будет обстоять дело в будущем? Я утверждаю, что коммунизм воспроизводит все болезни прошлого общества в расширенных масштабах, только в завуалированной и модифицированной форме.

И: Я боюсь, что мы с вами обсудить эти проблемы уже не успеем.

Рождение человека

Счастливый ты человек, говорит Художник. Завидую. Когда у меня дочка родилась, я тоже был на седьмом небе. Даже пить завязал. Стирал пеленки, в поликлинику детскую ходил, за бутылочками бегал. Но ничего у меня не вышло. Теща буквально загрызла нас. И то не так, и это не так. Представить себе не можешь, из-за каких пустяков мы ругались и неделями не разговаривали! Она подгузники не стирала, прямо сушила на батарее отопления. Вонь от них ужасная. Я говорил, надо стирать их и горячим утюгом проглаживать. Куда там! Тебе хорошо, у тебя мать. И образованная к тому же! Ух ты, раскричался, стервец! Качни его как следует пару раз, сразу смолкнет. Ну, давай по последней. Тебе больше нельзя,— ребенок!

Перемены

Высокое начальство решило, что совместное содержание мужчин и женщин безнравственно. Дали указание разделить. Убрали женщин и из восьмой палаты. Террорист сделал попытку помешать, кинулся на санитаров. Те его основательно

избили. Потом с Террористом стали происходить странные вещи,— он стал буйствовать. И его тоже увели. Санитары случайно проговорились: Террорист помешался на самом деле. Случай с Террористом оказался не единственным. Сошел с ума еще один мужчина, из тех, которых привели в палату вместо женщин. Другой сделал попытку покончить с собой.

— Поразительно,— сказал Пропагандист. — Это они тоже не предусмотрели.

Рождение человека

Ребенка, говорит Ученик, надо закалять с первого дня. И гимнастикой с ним заниматься надо. Вот я взял в кабинете «Здорового ребенка» листочки с описанием упражнений. Иди ты со своими упражнениями, знаешь куда, говорит Жена. Я без всяких книжек тебя вырастила, говорит Мать. Слава богу, в полной сохранности. А загубить ребенка... Плюнь на них, говорит Отец. Бабы, они всегда бабы. Иди сюда, садись. Ладно, думает Ученик, подрастет — сказки буду рассказывать, книжки читать, плавать научу, на лыжах кататься. По какому поводу выпивка, спрашивает он у Отца. Ты что, забыл уже, удивляется Отец. Сегодня же день рождения Матери. Ну, поехали!

Пути исповедимые

— Всю жизнь так не проживешь,— говорит Другой. — Надо в конце концов к чему-то приткнуться. Семья, дети... В этом все-таки свой плюс есть. Уход какой-то. Внимание.

— Вот чего не приемлю, так это самое внимание и уход,— говорит Четвертый. — Это значит паразитом становиться. А у меня для этого железное правило: сделай все сам!

— И белье сам стираешь?

— Сам. А много ли его, белья-то? Известно ли вам, что лучшими прачками раньше были мужчины?

— И еду сам готовишь? Не вечно же по забегаловкам бегать, денег не напасешься.

— Сам. А много ли ее, готовки-то? Известно ли вам, что лучшими поварами до сих пор являются мужчины? К тому же уход и внимание — палка о двух концах. Они накладывают ограничения и обязательства. А у меня правило: не связывай себя никакими обязательствами!

— Ну, а дети?

— А что — дети?

Вырастил я одного стервеца, душу в него вложил. А где он ? Спросите его, помнит ли он хотя бы день рождения отца? Ладно, бог с ним, с отцом. Хотя бы матери! Он появляется только тогда, когда его «выручить» требуется, «в долг занять». А ведь больше меня зарабатывает... Ну, за детей!

Рождение человека

Я бы на твоём месте взял год отпуска без оплаты, говорит Ученик. Положено же. Ну да, говорит Жена, а ходить будем без штанов? А жрать что? Нас теперь трое. Родители твои не особенно-то раскошеляются на нас. Да и твои тоже, говорит Ученик. Твоя мамаша могла бы бросить работу, говорит Жена. Ей до пенсии недолго осталось, говорит Ученик. Лучше к твоим родителям пока переехать. Держи карман шире, говорит Жена. Мама сказала: сами рожали — сами растите. Так что придется в ясли отдавать. Нельзя в ясли такого маленького,

говорит Ученик. Загубят там. Они там все время болеют, так что придется постоянно бюллетени брать. Ну, давай я брошу работу на год, нянчиться буду. Не говори глупостей, говорит Жена. Ты лучше жми на них насчет квартиры.

О сознаториях

Вот что рассказал один из членов оперативной группы Комитета Гласности, проработавший в сознатории около года в качестве воспитателя.

Сознаторий есть ублюдочный вариант концлагеря, и не более того. Несколько ослабленный и более «гуманный». Попытка найти такую смягченную форму концлагерей, которая позволила бы впоследствии избежать разоблачений. Значит, побаиваются. Не очень-то они верят в победу в мировом масштабе.

Сначала сознаторию хотели придать вид идеологического оздоровителя. Но от такой видимости отказались даже сами организаторы. Нас, идеологических воспитателей, терпели только потому, что мы были положены по инструкции. Обычно нас использовали совсем для других целей. Я, например, натаскивал сына начальника отделения по английскому языку. Главным средством воспитания «нового человека» сначала были уколы. Что за уколы, не знаю. Да и вообще в лагере никто не знал их состава. Но действие их наблюдал систематически. Уже после трех уколов люди становились покладистыми, миролюбивыми, сонливыми. Между прочим, мамыши в Городе использовали эти уколы для своих детишек и были весьма довольны. Незначительная доза, и ребенок спит двенадцать часов. Можно в гости сходить. В очередях постоять. Главный врач говорил /я услышал это случайно/, что скоро вступит в строй комбинат, и дозу уколов придется уменьшить, а может быть вообще придется от них отказаться. Иначе оздоравливаемые не смогут работать.

В сознатории были и женщины. Их прежде всего использовал обслуживающий персонал и охрана. Вследствие уколов у мужчин, очевидно, наступало ослабление сексуальных потенций. И хотя встречи мужчин и женщин не запрещались, те и другие предпочитали спать, причем — в одиночку.

Еще до того, как вступил в строй комбинат, жизнь в сознатории стабилизировалась. Произошла дифференциация в среде оздоравливаемых, появилась иерархия, обозначились отношения господства-подчинения, сложились группы. Наладилась связь с Городом. Появилась водка и наркотики. Мужчины за деньги стали откупаться от уколов. Причем установилась твердая такса. В общем, стала складываться обычная наша система жизни, правда — с более трудными лагерными условиями и потому более явная.

Когда пустили комбинат, охрану вообще сняли. Корпуса оздоравливаемых превратились в дома с коммунальными квартирами. Уколы сократили, а потом отменили совсем. Люди пережились. Пошли дети.

Побеги? Бывали, но редко. Уколы делали свое дело. Уже после первого укола исчезало желание к перемене места. Хотелось одного: лишь бы не голод, не холод, не побои. К тому же сравнительно с обычными лагерями условия тут более сносные, а все воспринимали свое помещение в сознаторий как тюремное заключение. К тому же пропаганда поставлена так, что большинство было убеждено, что на воле еще хуже.

После пуска комбината все оздоравливаемые стали работать в нем. Работа всякая, но не из приятных. Люди стали поразительно быстро стареть, разрушаться и впадать в мрачную апатию. Участились странные заболевания со смертельным исходом. Ранняя инвалидность. Дети очень часто уроды и слаборазвитые.

Приезжала комиссия из центра. Хватались за голову. Плевались. Но решили, что другого выхода нет. Кому-то тут работать надо. Предложили усилить охрану всего района комбината как сверхсекретного объекта. Постепенно всю идеологическую и медицинскую мерзость, с помощью которой хотели ускоренным порядком воспитать «нового человека», выкинули. Вернулись к старым, надежным методам.

Рождение человека

Ученик берет мокрого и заплаканного мальчика, меняет рубашонку и ползунки на сухие, аккуратно завертывает в одеяла. Измученный за день ребенок засыпает сразу. Ученик бережно несет его на руках через весь город. Мальчик крепко спит, убаюканный мерным покачиванием. А Ученик шепчет ему добрые слова. Потерпи, маленький. Мы как-нибудь выкрутимся, и я заберу тебя отсюда. Я тебе буду рассказывать красивые сказки. Я тебя научу быть сильным и смелым. Спи, малыш. И прости меня за то, что пока я не могу придумать для тебя ничего другого. А холодный ветер уже срывает листья с деревьев. Приближается бесконечная зима.

Пути исповедимые

Самое замечательное время в кафе — незадолго до закрытия. Официантки и уборщицы добреют, ибо они уже выполнили и перевыполнили дневную норму «чаевых» и сами слегка накачались. О посетителях говорить не приходится. Они — в расцвете опьянения, сорят деньгами, жрут любое г...о, какое им подадут, и пьют под видом марочного коньяка невероятные смеси из водки, воды, и коричневатой жидкости, образующейся от мытья винных стаканов и бутылок. В воздухе — полумрак от дыма тысяч выкуренных и недокуренных сигарет. Пьяные крики сливаются в монотонный гул, ощущаемый, как морской прибой в приморском ресторане в душном курортном городе. Женщины начинают казаться волшебными существами, сулящими неземные наслаждения.

— Что вы уставились на этих потаскух, — говорит Четвертый /рядом с нами сидит компания из трех баб и одного мужика, который выпендривается перед ними, как наш Генсек перед руководителями братских компартий/. — Баб не видали, что ли? Конечно, в моем положении есть и неудобства. Меня, например, на все демонстрации гоняют правофланговым /проверенный/, на встречи знатных гостей — водить сотрудников и следить, чтобы не разбежались, на овощные базы и на уборку в деревню регулярно посылают. Но я к этому привык. И в этом тоже свой плюс есть. Могу рассказать, если хотите.

— Не надо. Мы сами в этом деле искушенные.

— Зато иногда командировочки бывают — мечта! Самому не верится порой, что это не во сне, а наяву. Вот... месяц назад было... Включили меня от райкома партии в особую комиссию. Сигналы поступили в ЦК, в «Правду» и в другие инстанции из города Г. Решили проверить. Но не просто, а по-хитрому. Послали нас якобы в командировку в разные учреждения и предприятия города. Мы должны были смотреть, замечать и сообщать руководителям комиссии о всяких безобразиях. Как только я вылез из поезда, меня встретили представители учреждения, куда я был командирован. И я сразу понял, что о комиссии тут знают лучше, чем сами организаторы ее. И я рассудил так. Заинтересованы вверху разоблачить, что тут вытворяют? Нет. А что им нужно? Чтобы недостатки были мелкие, отдельные, а чтобы в целом обстановка была нормальная. Зашли мы со встречающими прямо с перрона в вокзальный ресторан. Сели. Обслуживают нас — по первому классу /наше начальство — по высшему/. Я прямо и говорю ребятам. Так мол и так, какие у вас тут безобразия — пишите мне сами. Что найдете нужным,

конечно. Но чтобы недостатки были, без этого мне нельзя. И две недели, братцы, мы жили в этом Г., как в сказке. И для местного начальства наш приезд был вроде праздника. Приятно было показать широту русской природы. Только тут я познал, что такое наш российский секс... После того, как с пятью молодыми здоровыми девками двенадцать часов на полном пансионе в бане парился. За две недели на десять килограмм похудел, хотя жрал... Один раз целого поросеночка навернул, и ничего...

— И чем кончилась эта комиссия?

— Клеветников наказали, анонимщиков выявили и судили. Сейчас с этими анонимщиками сурово поступают, если клевета. Анонимки пиши, только чтобы они с генеральной линией совпадали, а не против шли.

— Вот так сами же мы и покрываем свою мразь.

— А что сделаешь? Там стройки грандиозные. Начни копать — половину начальства судить надо. А кто работать будет? Вы же туда не поедете? Нет? То-то! Не так-то все это просто. Есть естественный ход жизни, который не исправишь никакими лозунгами. У меня для этого есть свое правило: не пытайся исправлять природу!

Рождение человека

Сейчас во всем мире женщины переходят на искусственное питание, говорит Жена. Молока все равно мало. Пропадает. А так по крайней мере грудь сохранится в приличном виде, висеть не будет, как... Как знаешь, говорит Ученик. В яслях случай свинки. Карантин. Так что придется бюллетень брать.

Пути исповедимые

Потом мы опять заговорили о бабах. Собственно говоря, мы все время говорили о них, отвлекаясь иногда на посторонние темы.

— Изю всех баб, с которыми мне приходилось иметь дело,— говорит Четвертый,— самые кошмарные — это кандидаты философских наук. Именно кандидаты, ибо когда они становятся докторами, то они уже не способны отличить мужской член от изречений классиков марксизма. А кандидаты — это феномен исключительный. Все они, во-первых, ужасающие дуры, а воображают о себе такое, будто они все по меньшей мере Ипатии, Жоржи Санды, Розы Люксембурги, Коллонтай, Жолио-Кюрихи. Одним словом, настоящие вольтирицы. Пока ты не научишься одним махом произносить слово «ЭКЗИСТЕНЦИОНАЛИЗМ», совокупляться с тобой они не будут. И отдаются они не в кровати и даже не под забором, а на умывальнике, на унитазе, на симпозиуме, коллоквиуме. При этом они ни на секунду не перестают терзать тебя преимуществами своего необычайно мощного интеллекта. А между тем, противозачаточными средствами владеют куда слабее младших научно-технических сотрудниц без степени.

— А с кем лучше всего иметь дело?

— Со случайными. Когда не знаешь ни имени, ни профессии, ни возраста. Еще лучше, когда рожу в лицо не видишь. Был у меня такой случай. Дело было в деревне. Попал я на свадьбу. Обычная пьянка, песни во всю глотку, топанье каблуками и все такое прочее. Выскочил я во двор, присел, слышу, кто-то рядом хихикает. Ты кто, спрашиваю, баба или мужик? А ты проверь, хихикает сосед /по голосу — соседка/ и делает то же дело, что и я. Сейчас, говорю, одну минуточку. Сделал я свое дело, оттащил ее чуть-чуть в сторонку и проверил. Божественно! Потом мечтал повторить нечто подобное, но так и не представился случай ни разу. А у меня на

этот счет правило: не насилуй обстоятельства, жди, когда случай сам представится, но если он представился, не упускай его.

— Ты, видать, по этому делу профессором мог бы быть!

— Не думайте, что я бабник и потаскун. К женщинам с чисто сексуальной точки зрения я довольно равнодушен. С нашим нынешними харчами по бабам особенно не разбегашься. Я касаюсь женщин исключительно в связи с житейскими правилами, о которых я уже высказался частично. Так вот, следующее мое правило: не будь женщиной! Безусловно, революция у нас открыла дорогу женщине ко всякого рода деятельности наравне /как считается, хотя это вранье/ с мужчинами. Есть у нас женщины профессора, летчики, капитаны, директора, партийные секретари и даже космонавты. Но я говорю вам как человек, переспавший по меньшей мере с парой сотен существ такого рода, женщины тут не остаются и в помине. Только крайне примитивные во всех отношениях наши руководители могли и могут до сих пор усматривать в этих железобетонных дурах женское начало. Руководящая и творящая женщина — это строитель коммунизма, свидетельство преимущества нашего строя, живой укор Западу и многое другое, но только не женщина в том устаревшем традиционном смысле, о котором мы, остатки разгромленного клана мужчин, мечтаем бессонными ночами. Если же женщина ухитрится все же сохранить в какой-то мере это устаревшее женское начало, жизни ее не позавидуешь. Дом, семья, дети, муж, любовник, престарелые родители, очереди... Запомните, друзья мои: не будьте женщинами! И выпьем за то, чтобы не быть женщинами!

— Скоро нас попрут отсюда,— сказал один из нас троих. — Предлагаю захватить пару бутылок и продолжить беседу... Я знаю тут неподалеку подходящее место. Знакомая одна моя. А закусить она сама сообразит что-нибудь. Она добрая баба. Не руководитель. И не доктор. Стыдно сказать, где она работает. Но баба она отличная...

Мы выскребли последние бумажки и медяки, взяли еще пару бутылок /одну — водку, другую — вермут/, завернули в бумажку недоеденную закуску и вышли на улицу. Холодный ветер и дождь сразу же вернули нас к реальности.

Рождение человека

Как наследник, растет, спрашивают сотрудники. Растет, говорит Ученик. Боевой парень. Весит уже... Рост... Заболел вот только... Ничего, говорят сотрудники. Они всегда болеют. Это пройдет скоро, и не заметишь, как вырастет. Мой в школу в этом году. А я никак в детсад не могу пристроить. Моя в институт в этом году. А у вас нет связей в...? Наслаждайтесь, пока маленький. Маленькие — это наслаждение. А вырастут — хлопоты сплошные, нервы...

Пути исповедимые

Идти оказалось не так уж близко. Но мы торопились. Плохая погода действовала благотворно. Из головы понемногу улетучивался дурман, а кишечник делал свое неотвратимое дело по очистке наших язвенных желудков от той дряни, которую напихали мы в них в кафе. Мы подыскивали подходящий подъезд, и пока трое стояли на шухере, мы по одному выстреливали из заднего прохода непереваренную омерзительную закуску прямо около лифта. При этом нам было ужасно смешно от того, что дом наверняка кооперативный.

— Ну и скоты же мы,— сказал один из нас троих.

— Не беда,— сказал другой. — По крайней мере, будет что вспомнить. Наша жизнь настолько бедна событиями, что этот случай им врежется в память на всю жизнь. Когда мы переехали в новую квартиру, обили дверь дерматином. Так на

другой же день. какая-то сволочь изрезала ее бритвой. Пятнадцать лет прошло с тех пор, а мы до сих пор помним. И каждый раз, когда бывают гости, рассказываем об этом.

— Тут присоединяется еще и чисто национальный элемент,— сказал я, желая показать собеседникам, что и я причастен к высшим проблемам. — Мы, русские, гордимся не только и не столько удачами, которые необычайно редки, сколько несчастьями, которые гораздо чаще бывают. Гордимся тем, что квартиру ограбили, теща под машину попала, зять лежит с инфарктом /хотя молодой!/. В общем, мы настолько обезличены во всем, что используем любую необычность, лишь бы как-то выделиться и привлечь к себе внимание.

Знакомая баба нас встретила далеко не приветливо. Пробурчала что-то насчет того, что ее дружок заявляется только пьяный, а что трезвый и виду не подает, что знаком с ней. Но на стол все же собрала. Обьедки, которые мы принесли с собой, выкинула в помойку. После первой стопки она потеплела, а после второй стала улыбаться.

— Отличная баба,— сказал Четвертый, когда хозяйка вышла на кухню. — Говорю это как специалист. Для кровати лучше не сыщешь. А лучшая часть нашей жизни проходит в кровати. Так что тебе, старик, повезло. Могу в связи с этим сформулировать следующее свое житейское правило: считай, что тебе повезло! Могло быть и хуже. У твоей красотки по крайней мере половина зубов собственная. И понятие «талия» еще не утратило смысл.

— Если кто-то не заткнется,— сказал «старик»,— то у кого-то число собственных зубов уменьшится по крайней мере наполовину.

— Не лезь в бутылку из-за пустяков,— сказал я.— У моей старухи талия в два раза толще того места, где по идее должна быть задница, а я не воспринимаю это как личное оскорбление... Хватит, ребята, за баб пить. Давайте лучше за нас выпьем, за мужиков. Нам тоже нелегко приходится.

— Вы правы,— сказал Четвертый. — И потому я формулирую следующее правило: не будь мужчиной!

— Почему?— воскликнули мы все в один голос.

— Настоящие мужчины у нас уничтожаются в первую очередь,— сказал Четвертый.

Мы допили вино. Один остался тут, он уже храпел на древнем дряхлом старомодном диванчике. Такие диванчики исчезли вскоре после войны. А тут сохранился! Мы втроем вышли на улицу и распрощались. По-прежнему шел дождь. Я медленно побрел к своему дому, игнорируя дождь и трезвея с каждым шагом. Навстречу вышли два парня, попросили закурить. Я сказал, что не курю, и прошел мимо. Услышал, как сзади один из парней предложил врезать мне /«этому м...у»/. Меня взяло зло, я резко повернулся и подошел к ним. А ну, повтори, что ты сказал... И далее я выразился так, как теперь немногие могут ругаться. По этой части произошел явный регресс. Ребята струхнули, стусевались и поспешили смыться. А мне очень захотелось подраться. Эх, кому бы сейчас морду разрисовать?

КОНЕЦ ЗАТЕИ

Из «Евангелия от Ивана»

Один закон для всей Вселенной —
Как ни тужись, как ни потей,
Для эпохальных их затей
Конец наступит непременно.
И мы узрим итог не тот,
Какому нас их свора учит,—
Лишь дряни жиденькие кучи,
Не пики блещущих высот.

Дискуссия об общественном мнении

— Никакого общественного мнения у нас нет,— говорит один интеллигент другому в коридоре одного солидного учреждения.

— Ерунда,— возражает другой. — Оно есть, только никто не знает, что это такое.

— Грубая ошибка,— настаивает на своем первый. — Все знают, что это такое, но не имеют. Могу обосновать свой тезис. Начнем, естественно, с начальства. Начальство отвергает существование общественного мнения по очень простой причине, о которой само оно и не подозревает. Оно боится того, что если оно существует, то оно против него. Кто и что здесь есть «оно» и «него», роли не играет, ибо если одно против другого, то другое тем более против первого. А раз его нет /на сей раз определенно речь идет об общественном мнении, ибо не бывает так, чтобы не было начальства/, то с ним можно и не считаться. Начальство, поголовно сдавшее на пятерку марксистско-ленинскую философию в «Университете Миллионов» /в Вечернем Университете Марксизма-Ленинизма, который по слухам окончили даже Моше Даян, Гольда Мейер, Киссинджер, престарелый маршал Броз Тито вместе с Илонкой, Вилли Брандт и сенатор Джексон/, твердо знает одно: общественное мнение есть /далее идет цитата из классиков/ объективная реальность, пересаженная в руководящую задницу и преобразованная там до такой степени, что... / тут цитата кончается и далее идут нецензурные выражения/. Народные массы знают другое «одно»; но это «одно» совсем не то «одно», что знает начальство, ибо народные массы по определению суть те, кто «Университет Миллионов» не посещал. Массы знают другое «одно», а именно — какое все это сплошное г...о! А глас народа — божий глас. А бога все равно нет, хотя потребность в нем ощущается / а в чем, скажите, мы не ощущаем потребности?!/. Так что с народом никаких теоретических затруднений нет. Что касается практических затруднений, то они вовсе не затруднения, а трудности. Последние же / опять-таки по определению!/ у нас всегда временные. Остаются передовые борцы за. За что именно, вы сами знаете. Так что лучше промолчим,

чтобы не вызывать справедливый гнев начальства. Тем более что это было бы явным вмешательством в наши собственные внутренние дела. Тем более эти самые штучки, за которые передовые борцы борются /боролись, скажем точнее/, у нас есть в изобилии и гарантированы новой конституцией. Мы не просто их имеем, мы обязаны их иметь и отвертеться от них не можем ни в коем случае, хотя они нам совсем ни к чему. Во всяком случае, если бы даже их у нас не было, они были бы у нас все равно лучше, чем на Западе. Так вот, передовые борцы за считают... Прошу прощения, считали. Теперь они уже не считают, ибо считают, сколько лет им остается досиживать. Так они считали, что общественное мнение — это лишь они сами, а поскольку их уже нет /заметили, насколько спокойнее стало без них?!, то и общественного мнения нет.

— Но не надо смешивать факт и мнение о его существовании или несуществовании.

— В данном случае факт есть мнение, а мнение о мнении и есть мнение. Если есть мнение, что нет мнения, то мнения нет. А если есть мнение, что мнение есть, то оно есть.

— А если нет мнения о том, что есть мнение?

— То его, разумеется, нет.

— Есть еще четвертая возможность. Согласно твоей логике, отсутствие мнения...

— Означает все равно отсутствие мнения.

— Я склоняюсь к тому, — говорит третий интеллигент /он как раз выскочил из зала с партийного собрания под тем предлогом, что ему надо помочиться/, - что у нас общественное мнение в самом деле существует. Его лишь невозможно выяснить, ибо оно по самой природе таково, что применение к нему любых средств исследования немедленно уничтожает его. Вот в чем дело! Тут ситуация потруднее, чем в физике. Там если направить луч света познания на частицу, так она от удивления и неожиданности лишь переменит место в пространстве или повернется в вам задом. А как же иначе? Вот вы, допустим, в два часа ночи пристроились выпить из горла на троих в темной подворотне, и на вас вдруг падает луч света от милийского фонарика. Что вы сделаете в первую очередь, автоматически, инстинктивно, рефлекторно? Верно! Так чего же вы хотите от частицы?! Но дело-то в том, что частица / да и вы с вашими собутыльниками/ не перестает от этого существовать! Спросите любого, даже самого глупого профессора философии... А глупее профессора философии может быть только доцент философии, ибо если уж доцент философии не может стать профессором этой самой философии, то по глупости он превосходит даже профессора философии, каковым он стремится стать... И вам он ответит с четкостью и ясностью классиков марксизма: э-э-э-э, видите ли, вопрос... э-э-э-э... как бы точнее... э-э-э-э... Ладно, черт с ним. Пусть себе мямлит. Мы-то с вами точно знаем, что если не частица, то вы с собутыльниками /сможете ли вы немедленно за углом или покорно последуете в участок/ остаетесь существовать /как, другой вопрос, не мешайте закончить мысль!/ объективно. А общественное мнение немедленно исчезает, стоит его коснуться светочем разума хотя бы самым нежнейшим образом. Вот, например, идет по улице человек. Одет вроде прилично, ибо одет по древнегреческому принципу: все мое ношу на себе. Лицо вроде интеллигентное, ибо сейчас у него как раз обострение язвы, а в столовых кормят таким... И в глазах человека невыносимая тоска, ибо ему только сейчас отказали в улучшении жилья, поскольку у него на душу населения приходится три целых и четыре десятых /!// квадратных метра. А вы, допустим, иностранный журналист, приехавший к нам с благим намерением описать объективно, что

думают о своей жизни трудящиеся нашей Страны. Вам, конечно, невдомек, что сотрудники ОГБ волокут спереди вас, сзади, с одного боку и с другого боку по десятку специально подготовленных «случайных» прохожих. Но вот почему-то они заевались, и вы успели сунуть микрофон под нос того самого ошалевшего человека, у которого тоска в глазах. И с места в карьер один вопрос за другим. Как? Что? Почему? Зачем? И что вы думаете, произойдет с этим человеком? Верно, об этом-то мы и говорим. Язвю как рукой снимет. Глаза засветятся верой в наше передовое учение и любовью к Партии и Правительству и лично к товарищу... Вы меня поняли?

— Ладно, — соглашается первый /Скептик/. — Пусть оно существует, это ваше дурацкое общественное мнение, раз вам так хочется. Хотя, честно признаюсь, не могу понять, как оно может существовать, если его познать невозможно.

— Ты что!?! — орут в один голос оппоненты, — забыл о печальной участи Канта, Маха, Авенариуса, наших отечественных эмпириокритиков и наших сокурсников Иванова, Петрова и Сидорова, которых выгнали с первого курса за сомнение в сверхгениальности эпохального труда...

— Ладно, — капитулирует Скептик под мощными ударами ленинской критики субъективного идеализма и агностицизма. — Философию я сам когда-то сдавал на пятерки. Я же не об этом. Ваше общественное мнение, если даже оно существует, все равно не играет никакой роли.

— Посмотрите на этого лаптя, — наслаждаются своим триумфом оппоненты. — Если оно играет роль, оно существует, а если не играет роли — не существует! Оно же существует именно в том, что играет роль!

— Эй вы! — говорит четвертый интеллигент, выходя в коридор из зала /под тем предлогом, чтобы прекратить шум в коридоре/. — Прекратите шум! О чем речь? А!.. Ну, это — задачка для начинающих. Конечно, существует. И роль играет. Но роль про-ти-во-по-лож-ну-ю!! Поняли? Или, как говорил наш преподаватель-кретин... помните... по истории партии: противолопжную или обратнорепендикулярную. Послушайте, братцы, а что, если!..

Мнение Вождя Столицы

— Что Они Там мудрят с этими психо-химо-физическими средствами, — ворчит Вождь столичной партийной организации, претендующий со временем стать Вождем всей Страны. — Стоят эти средства бешеных денег, а толку от них чуть. Раньше жить было куда хуже, а обходилось без них. Голод косил людей. Репрессии бесконечные. Это же факт, между нами говоря. А люди все равно верили. А почему? Да потому, что более надежные средства применяли. Какие? Книжки хорошие печатали: «Как закалялась сталь», «Чапаев», «Железный поток». Кинокартины хорошие делали: «Светлый путь», «Кубанские казаки», «Чапаев» опять же, «Ленин в октябре», «Юность Максима». Песни хорошие пели: «Утро красит», «Широка страна моя родная», «Легко на сердце». Показать такое, спеть такую песню, прочитать такую книжку — все равно что людям десяток улолов сделать. Надежных. И без вредных последствий в виде шумихи на Западе. Сделай пару хороших фильмов с песнями, подкрепи парой процессов над шпионами и идеологическими диверсантами. И руководи спокойно. Нет, вы меня не переубедите. Зря мы тогда пошли на уступки. Запад тоже надо в постоянном страхе держать. А то распустились, сволочи!

Мнение Математика

Не надо думать, что Они там едины, — говорит Математик. — Они сами друг другу готовы глотку перегрызть. Вождь Столицы хочет стать Вождем Страны.

Идеолог Столицы метит тоже в главные идеологи. Поэтому он поддерживает своего непосредственного вождя и копает яму главному. Начальник ОГБ готовит какую-то пакость, благодаря которой он рассчитывает стать фигурой номер один и сделать Вождя своей марионеткой. Главный Идеолог чуёт это и трясется за свою шкуру. Он сам мечтает стать фактическим закулисным заправилкой. Вот я тут набросал примерную схему расстановки сил в правящей верхушке. Видите? Судя по всему, Начальник ОГБ обречен. Они его все боятся. И потому сплотятся против него. А с его падением рухнет вся их эпохальная затея. Одно дело — газетный треп, другое дело — конкретная работа. А Начальник ОГБ — душа этой затеи и вдохновитель. Без него начнется маразм, и нас утопят в навозе, так, между делом. Надо спешить!

Мнение Забуддыги

— Зря вы смеетесь над диалектикой, — говорит неопознанный забуддыга случайным собеседникам. — Диалектика вещь серьезная, если к ней отнестись серьезно. Возьмите, например, учение диалектики о форме и содержании. О чем оно говорит? В двух словах: не верь глазам своим! Скажем, формой существования нашей науки является воровство в самом широком смысле слова /т.е. не только как плагиат, но вообще как законное присвоение продуктов чужого труда/ и пустозвонство. А по содержанию? Величайшие открытия за всю историю, бескорыстное служение истине, героическое служение народу. Правда, нельзя точно установить, что тут форма, а что содержание. Но диалектика — не догма, а руководство к действию. Точно также и в области социальной истории. Формой /или содержанием/ социальной истории у нас является пошлая интрига, а по содержанию /или по форме/ это — вехи, этапы, свершения, поступь. Согласно диалектике происходит отставание формы от содержания /или наоборот/ и сбрасывание старой формы /или наполнение новой формы/. Одним словом, диалектика. История подобна змее, вылезавшей из своей старой шкуры. Процесс долгий и мучительный. Только в отличие от змеи здесь вехи и этапы образуют обрывки старой шкуры. А живая змея истории все время уползает неведомо куда. В общем, как сказано в «Евангелии от Ивана»,

Что будет, знаем мы заранее.

Мы знать не можем лишь одно:

Кто взлезет на вершину здания,

А кто опустится на дно.

Но в этой идиотской их затее уже сейчас совершенно точно можно предсказать следующее: Начальник ОГБ горит, Вождь Столицы оттирается на второй план, сознатории вырождаются в бараки для рабочих...

Мнение Идеолога, Вождя и Начальника ОГБ

Секретарь по Идеологии встретился с Вождем в присутствии Министра Вооруженных Сил и намекнул ему, что Начальник ОГБ намерен убрать Вождя на пенсию и занять его место. Не случайно он через свою агентуру распространяет на Западе слухи о предстоящем омоложении руководства Партии на десять лет. На Западе называют Начальника ОГБ наиболее вероятным преемником Вождя, так как прочим членам ПБ ВСП уже за семьдесят. Вождь сразу смекнул, в чем дело. И зная, что Начальник ОГБ слушает их, сказал миролюбиво, что ему действительно пора на покой, что надо молодежь выдвигать, что Начальник ОГБ талантливый и опытный руководитель, и есть смысл обдумать его кандидатуру, но с поста Начальника ОГБ нельзя сразу переходить на пост Вождя, надо поработать сначала на посту, близком к общеполитическому руководству Страной и т.д. Начальник ОГБ сразу понял, куда гнет Вождь. Но выхода не было. Отказаться — покажется подозрительным. Но

уйти с поста Начальника ОГБ теперь — значит потерять все. Арестовать этих негодяев? Время не то, ничего не выйдет. Дело наверняка кончится провалом, как тогда у Берии. Надо их перехитрить! И он решил дать свое согласие. Но куда они меня переведут? Так я и думал! Вот негодяи! Это пронеслось в его мозгу в тот момент, когда он услышал предложение Идеолога передвинуть его на пост руководителя Профсоюзами. Прекрасно, сказал Вождь. Пусть поруководит Профсоюзами лет пять или десять. Профсоюзы, как говорил Ильич, суть приводные ремни... И Вождь начал мямлить длинную речь с цитатами из классиков о роли профсоюзов как школы коммунизма.

Из дневника Мальчика

Взрослые кичатся своим жизненным опытом. Стоит завести с ними серьезный разговор, как они обрывают тебя: мол, ты еще молод, поживи с наше — поймешь! А между тем, понимать-то нечего. Они привычку, выбор пути и одеревенение смешивают с пониманием. Нам уже в школе абсолютно все ясно. Повзросление, повторяю, есть лишь выбор пути и закрепление его. А выбираем мы вполне сознательно. С людей нельзя снимать ответственность за содеянное, сваливая ее на среду, воспитание, обстоятельства. Мы на самом деле очень рано начинаем понимать все самое главное и сознательно делаем выбор. Воспитание есть не только принуждение, но и добровольный выбор. Большинство выбирает путь приспособления к обстоятельствам в своих интересах и преуспевает на нем в меру своих способностей и удачи. Главная способность при этом — не способность к живописи, музыке, математике и т.п., а способность использовать эти дары природы и образования или отсутствие таковых в своих эгоистических интересах. Лишь очень немногие заболевают пониманием сути дела и чувством несправедливости происходящего перед лицом разума, совести или Бога /что одно и то же/. И они обрекают себя на страдания. Они тоже выбирают. Но ради чего, этого я еще не знаю. Просто выбирают, и все. Наверно, есть какие-то объяснения в каждом частном случае. А в общем это — мутация, отклонение от нормы. Но только благодаря таким отклонениям общество достигло величайших успехов. И судя по всему, эти отклонения имеют устойчивую степень вероятности. Так что и в будущем только из них может вырасти какой-то прогресс. Я чувствую, что и я выбираю этот путь. Почему — не знаю. Просто я не могу иначе. Что ждет меня на этом пути? Когда общество, т.е. мои друзья, воспитатели и родственники, заметят, что я именно таков? Как оно к этому отнесется? Я представляю, чем все это кончится. Но я хотел бы пройти как можно дальше. Я хотел бы сказать свое слово и быть услышанным.

Подвох

Оперативная группа Комитета Гласности накопила достаточно материалов, чтобы сделать бесспорные выводы относительно ИСИ. Но руководитель группы не решился передавать материалы в Комитет Гласности для открытого использования. Ряд обстоятельств его настораживал. Во-первых, необычайная легкость получения некоторых сведений и копий с документов. Впечатление такое, как будто их подсовывали специально. Во-вторых, странная двойственность в организации работы ИСИ и в тематике исследований. С одной стороны, сравнительно легко обнаруживались чудовищно жестокие и нелепые эксперименты на нормальных /при поступлении/ людях, в которые отказывается верить даже разум граждан Страны, привыкших ко всему. А с другой стороны, в ИСИ проводились исследования, о характере которых неизвестно ничего. И хотя группа провела скрупулезную работу буквально с сотнями сотрудников ИСИ, ни один из них не обмолвился об этих исследованиях ни единым словом. И в системе

руководства ИСИ обнаруживалось несоответствие номинальной и фактической субординации. Создавалось впечатление, будто ИСИ есть чудовищная бутафория, скрывающая какие-то реальные и еще более грозные приготовления совершенно иного порядка. Какие именно? Наконец, на территории ИСИ началось строительство каких-то грандиозных корпусов. Что это за строительство, выяснить не удалось, хотя обычно такое узнавалось тривиальным образом. И к тому же, где расположены те многочисленные корпуса ИСИ, о которых говорили как о чем-то бесспорном?

— Не будем спешить,— сказал Руководитель.

— Но мы можем опоздать,— сказал один из членов группы.— А что если они построят тут очередную пропагандистскую липу и пустят туда иностранцев? Смотрите, мол, сами! Как тогда мы будем выглядеть? Нет, я считаю, надо немедленно начинать публикацию материалов и передачу их в западную прессу.

— Если мы опоздаем,— сказал другой член группы,— мы можем вообще отказаться от предания материалов гласности от имени Комитета. Их можно будет напечатать от имени частного лица или анонимно. А если мы поторопимся, мы можем угробить все дело.

Из дневника Мальчика

В этом году у нас в школе ввели новую систему преподавания математики. С первого класса учат теории множеств, алгебре, топологии. В свое время наш математик долго рассказывал нам, какой это великий прогресс. Говорил что-то о состоянии науки, о передовом крае, о математизации опытных наук. Но мне это показалось не очень убедительным. Я хотел было поговорить с ним отдельно, да позабыл. А сегодня он сам заговорил на эту тему. Мы домой шли вместе.

— Честно говоря, для развития творческих способностей старая система лучше. Новая система хороша для развития машинообразных способностей интеллекта. Конечно, она вполне в духе времени. Но мне этот дух не особенно нравится. Помоему, математика из-за него стала развиваться в таком направлении, что талант оказывается все менее необходимым. Среднячки вполне справляются со всеми ее проблемами. Наваливаются скопом,— и готово! Посмотри нынешние книги! Старые математики постеснялись бы вообще заниматься такими проблемами. А нынешние — всякий пустяк в печать. Громоздят горы банальностей. В итоге — иллюзия величайшей сложности. Из математики исчезает догадка, удача, искусство и Бог. Да, представьте себе, Бог. В переносном смысле, конечно.

— Я понимаю. А почему вы нам тогда не сказали об этом?

— Кто я такой? Червяк. А там — академики, доктора, министры, лауреаты. К тому же, мне два года до пенсии осталось. И то, что я тебе сказал, пусть между нами, конечно. Ты парень стоящий, по-моему.

— Не беспокойтесь, я не из тех.

— Мой тебе совет: держись, не поддавайся на удочку этих сверхсовременных идей. Математика всегда была и будет прежде всего мысль, идея. А уж потом — вычисление.

Маневр

Новому Начальнику ОГБ доложили о том, что КГ медлит с заявлением относительно ИСИ. Весьма возможно, что они почуяли что-то. А что если они вообще откажутся от таких заявлений? Тогда работа огромного коллектива в течение многих месяцев и колоссальные затраты пропадут даром. Будет упущено

время. Будет потерян единственный и вполне безупречный процесс. Этого допустить нельзя! Нельзя допустить, чтобы эти проходимцы из КГ вылезли сухими из воды и уклонились от выполнения своих священных обязанностей. Раз призваны разоблачать, так извольте выполнять свой долг! Иначе зачем же мы их держим?! И Начальник дал указание Человечку предложить агентам ОГБ активизироваться и настоять на быстрейшем разоблачении подлинной сущности деятельности ИСИ. В ночь, когда состоялось заседание КГ, на котором было принято решение опубликовать имеющиеся материалы, на всех подъездных путях к территории ИСИ появились огромные щиты с изображением комплекса зданий и надписью «Строительство крупнейшей в Стране психиатрической лечебницы». А Хроники КГ уже расплзались по Стране и Столице. «Голоса» уже начали передачу материалов от имени КГ.

Из дневника Мальчика

Сегодня меня опять прорабатывали на собрании. Говорили, что я уклоняюсь от общественной работы, поручили подготовить политинформацию о текущих событиях в Африке. Кроме того, включили от нашего класса в постоянно действующий отряд по очистке складов на овощной базе, над которой наша школа взяла шефство. А в пример мне, между прочим, привели Ее.

— Как это ты ухитряешься,— спросил я Ее, когда мы шли после собрания домой.— И там ты все знаешь и понимаешь, и тут ты примерная.

— А как же иначе,— сказала Она.— Вступать с этим дерьмом в полемику? Раздавят, и дело с концом. А я в институт хочу. Хочу чему-то научиться и сделать что-нибудь значительное. А для этого надо характеристику иметь. И вообще выглядеть благонадежным. А ты? Что ты думаешь, ты безгрешен? Посмотри на себя внимательнее, и ты уже с двойным дном. Теперь все с двойным дном. Если не идиоты, конечно. Или не отпетые прохвосты. А приличный человек должен выкручиваться, если хочет уцелеть. На базу ты пойдешь? Пойдешь! Политинформацию сделаешь? Сделаешь! Уроки по обществоведению будешь отвечать, да еще на пятерку? Будешь! Не ответишь на пять, опять прорабатывать будут. Так что хошь — не хошь, а крутиться всем приходится. Только одни лицемерят и делают вид, будто они — чистенькие, а другие честно признаются в этом. Кто хуже?

— Ладно,— сказал я.— Хочешь стих?

— Давай!

Скажи мне, друг, в какой момент...

Но честно, между нами!..

Ходил бы наш интеллигент

Не с полными штанами?

Скажи, ты где-нибудь видал,

Чтоб он не ныл, не ахал?

И чтобы мелко не дрожал

И не бледнел от страха?

Ответил друг:

Пустое!

Мозги ломать не стоит.

На то они и созданы —

Трястись самим

И класть в штаны,

А не трясти

Устои!

Психиатрическая больница

Психиатрическую больницу строили ускоренными темпами. Ход строительства систематически освещали в печати. Многим строителям присвоили звание Героев Труда. Группе архитекторов присудили Премию. В журналах и газетах печатали статьи видных ученых о замысле лечебницы и о новых гуманных методах лечения. Иностранные делегации и отдельные видные деятели культуры Запада дневали и ночевали на строительной площадке, мешая работать. Но их терпели. Паломничество прекратилось лишь после того, как подъемный кран, провалившись одним боком в яму, упал на автобус с делегацией освободившихся народов Африки, а в другом месте под землю провалилась группа прогрессивных деятелей Запада. Поскольку в далекой африканской республике произошел коммунистический переворот, делегацию вообще не искали, а прогрессивные силы Запада дело замяли из любви к прогрессу.

Из дневника Мальчика

— Почитай мне что-нибудь!

— Слушай!

Вот были славные слова:

Плащ.

Шпага.

Шпоры.

Конь.

От них кружилась голова,

Пылал в мозгу огонь.

Что хочешь, все за них отдашь,

Покинешь отчий дом.

Бриг.

Парус.

Мачта.

Абордаж.

Пучина за бортом.

Щит.

Меч.

Кольчуга.

Клятва.

Честь.

Готов ты повторять:

Дуэль.

Погоня.

Схватка.

Месть...

И начинать опять.

Но в этом мире все течет,

И жизнь меняет тон.

Ты слышишь:

Стройка.

План.

Отчет.

Экзамен.

Электрон.

И слышишь ты из года в год

Зловещий скрежет слов:

Ученье.
Партия.
Народ.
Вершина всех веков.
Забота.
Благо.
Гуманизм.
Иного нет пути.
Не за горами коммунизм...
Тьфу, Господи, прости!
И нет того в душе огня,
Распался меч в руке,
И бриг уходит без меня
По времени реке.

— Зачем тебе математика? Ты же поэт! Пиши стихи. Стихи теперь важнее теорем.

— Я бы писал, да кому они нужны? Их же все равно не напечатают.

— А ты пиши такие, чтобы напечатали.

— Такие не могу.

Провал КГ

Сразу же после того, как Комитет Гласности опубликовал материалы о деятельности ИСИ, последовало правительственное заявление о том, что эти «материалы» — нелепый вымысел и клевета. Всем желающим было предложено посетить территорию, указанную в «материалах», на которой строится психиатрическая лечебница. И она совсем не такова, как говорится в «материалах». Скоро лечебница вступит частично в строй. Правительство Страны готово допустить любую международную комиссию, желающую ознакомиться с диспансером и методами лечения, которые тут будут применяться. Членам Комитета Гласности было предъявлено обвинение в заведомой клевете на социальный и политический строй Страны, а также на целую группу видных ученых и государственных деятелей. Чтобы облегчить ход следствия и соблюсти строгую законность, все члены Комитета и связанные с ними лица были арестованы. Было объявлено, что процесс будет открытым и даже будет транслироваться по телевидению, что неопровержимо установлены связи Комитета с разведками различных западных государств, которым члены КГ регулярно поставляли секретные сведения. Все понимали, что вся эта история — липа. Но придаться было не к чему. В Стране сообщение об аресте деятелей КГ не произвело почти никакого впечатления, за исключением тех кругов, с которыми члены КГ соприкасались лично. А на Западе стали ждать исхода дела просто с любопытством. Страстей не было. Но история с КГ породила новый, нежелательный и неуправляемый процесс, в котором сосредоточилось все недовольство, накопленное обществом за прошедшие годы. История с КГ давала опору и притяжение, повод для обобщения, все возрастающую пищу для размышлений и глухих разговоров. Основное направление умов выражалось простой формулой: Они там с этими смутьянами е....., а тут бардак везде и жрать нечего!

Из дневника Мальчика

Потом мы заговорили о положении в Стране. В таком стиле. Мол, жрать нечего. Приличные ботинки достать невозможно. Своя отдельная комната —

недостижимая мечта для подавляющего большинства населения. Толкучка. Злоба. Читать нечего. Смотреть нечего. И погода ко всему прочему дрянь. Наверняка из-за этих идиотских космических упражнений и атомных реакторов.

— Вы эти штучки бросьте, — возразил Друг по поводу атомов и космоса. — Это дело полезное. Скоро на Земле жить нельзя будет, и человечество должно будет улететь в Космос. На другие планеты.

— Почему нельзя будет жить? Потому что из-за этих атомных и космических затей загадят Землю?

— Или взорвут.

— И когда это будет — улетят? Кто улетит? Зачем искать новые планеты, если лучше нашей все равно нет? Надо здесь наладить жизнь.

— Население растет. Тесно будет.

— А зачем растет население? И какое население?

— Уровень цивилизации, начиная с некоторого момента, снижается за счет роста населения.

— Счастье человечества не есть сумма счастья отдельных людей.

— Ох, и надоела же эта болтовня, — сказала Она. — У нас каждый вечер идет треп на эту тему. С ума сойти можно.

— Это интересно, — сказал Друг. — Чего же они хотят, ваши гости? Новой революции?

— У них есть какая-то конкретная программа?

— Что ты! У них сколько голов, столько и программ. Один требует права каждому жить по-своему. Другой требует бороться за нужды народа. А что такое народ? Третий говорит, что у нас плохо живут и начальство, и простые смертные. И надо либерализовать общий стиль жизни. Четвертый требует свободы противозачаточных средств и гостиниц, где можно было бы комнаты снимать по сходной цене. Пятый призывает все слои общества бороться за свои частные цели. Мама призывает к тишине. Папа сует карандаш в телефонный диск, чтобы там не могли подслушивать.

— Ну хоть в чем-то у них есть единодушие?

— В одном: жрут, сволочи, так, что за один ужин подчищают все наши недельные запасы. И пьют.

Потом мы пошли к Другу смотреть хоккей. У него цветной телевизор. В перерыве между таймами выступал какой-то важный иностранный гость Столицы. Очень хвалил наш город и наших людей.

— Вот сволочи, — сказал Друг. — Приезжают сюда и уговаривают нас в том, что мы прекрасно живем. А пожили бы тут, гады, на общих условиях хотя бы годик! Знаешь, у меня такое впечатление, будто они делают это специально. Им почему-то выгодно, чтобы мы жили скверно. Как ты думаешь?

Потом мы прошвырнулись слегка. И опять болтали.

— Тебе что, — говорит Друг. — Ты гениальный математик. Тебя все равно возьмут на мехмат. В порядке исключения. А мне? Я серость. И никакого блага.

— На мехмат я не пойду, это я решил твердо. Попытаюсь на социологический.

— С ума сошел! Знаешь, кого туда принимают? Трижды перепроверенных и

надежных идиотов! А кого они выпускают? Знаешь? Идиотов в кубе! Зачем это тебе нужно?

— Математика обойдется без меня. К тому же она не так уж важна, как об этом болтают. А я хочу разобраться в нашей жизни,— кстати, вот где действительно нужны математические способности. А социологический факультет дает все-таки какое-то образование социологическое.

— Да такое образование с твоей башкой за полгода приобрести можно.

— Это не то. Надо повариться в этом профессиональном котле. Поговорить с ребятами. Проблемы-то все равно остаются. И литература. Общий дух. Математика для социологии — это лучше, чем социология для математики. Когда математики берутся за социологию, то они лишь подтверждают нашу пропаганду и демагогию. А если наш социолог тянется к математике, то хотя бы в одном случае из десяти тут есть живой интерес.

— Откуда тебе это известно?

— Послушал я тут одну лекцию. Не пойму, как ее разрешили. Не поняли еще, наверно. Разберутся — запретят.

Комиссия

Международная комиссия, расследовавшая слухи о злоупотреблениях медициной, посетила новую психиатрическую лечебницу, открытую недавно на том самом месте, где по сведениям Комитета Гласности находился ИСИ. Вот что сказал директор лечебницы членам комиссии.

Наша лечебница является пока уникальным заведением такого рода в мировой медицинской практике. Когда станет окончательно ясно, что применяемые здесь методы дают положительный эффект и вполне отвечают принципам коммунистического гуманизма, мы по этому образцу построим все психиатрические учреждения Страны.

Вы, очевидно, заметили полное отсутствие охраны. И это оправдало себя: ни одного случая побега отсюда до сих пор не было. Мы придерживаемся таких принципов. Если родственники или сослуживцы сообщают нам о странностях в поведении индивида, мы предлагаем последнему посетить нашу лечебницу добровольно и предлагаем ему отдельную комнату со всеми удобствами с правом покинуть территорию лечебницы в любое время. Прожив несколько дней, предполагаемый больной выражает согласие подвергнуться курсу лечения. Предварительно мы разъясняем, что психические заболевания суть обычные заболевания, в которых нет ничего позорного. Лишь после этого предполагаемый больной подвергается тщательному обследованию. Если случай несерьезный, мы направляем индивида на консультации и лечение в обычные районные или ведомственные поликлиники. В лечебнице оставляются лишь лица, имеющие серьезные психические заболевания.

подавляющее большинство больных сохраняет здесь возможность продолжать учебу, заниматься научной работой или творческой деятельностью, поддерживать контакты с семьей, друзьями и коллегами. Это благотворно влияет на ход лечения. У нас имеются кружки самодеятельности, устраиваются концерты силами больных, хорошо поставлена спортивная работа. Больные совершенно не чувствуют себя неполноценными. И эффект поразителен. Мы еще не можем говорить о стопроцентном излечении. Но сейчас этот процент приближается уже к восьмидесяти. Многие выздоровевшие просят оставить их на дополнительные сроки. Но пока мы не можем на это пойти, так как число коек у нас всего около десяти тысяч.

О стоимости лечения. У нас, как известно, бесплатное медицинское лечение. Но наша лечебница особого рода. Больной имеет отдельную комнату, санаторное питание и все средства обычной жизни граждан. Так что больные, получающие зарплату по месту работы, стипендию, пенсию, гонорары или имеющие иные источники дохода, вносят на свое содержание определенный процент своих доходов, не превышающий соответствующие траты вне больницы. Но это играет скорее воспитательную роль, поскольку поступления такого рода составляют лишь около десяти процентов средств, отпускаемых государством на содержание лечебницы.

Теперь вам будет предоставлена возможность наблюдать деятельность лечебницы всесторонне. Вы сможете беседовать с любым сотрудником и больным. Сможете наблюдать действие применяемых психохимических препаратов. Хочу обратить ваше внимание на то, что эти препараты дают положительный эффект только тогда, когда строго соблюдается весь комплекс процедур, существенное место среди которых занимает коммунистическое воспитание больных.

Члены комиссии сделали кислые мины при последних словах директора. Они восприняли их как дежурные слова, которые они слышали ото всех, с кем приходилось сталкиваться. И совершенно напрасно. Половина комиссии состояла из шпионов различных разведок и фармацевтических фирм Запада. Когда они познакомились с методами и препаратами, применяемыми в лечебнице, и сообщили о них своим хозяевам, там все эксперименты с этими препаратами кончились полным провалом. И в души западных деятелей и обывателей закрался ужас: неужели коммунизм на самом деле есть знамение времени?!

Из дневника Мальчика

Когда я пришел домой из магазина, у меня сидел Друг и читал мой дневник. Я отобрал у него тетрадку, сказал, что это подло — без разрешения лезть в чужие тайны. Он сказал, что и не собирался читать. Просто тетрадка валялась на столе, и он ее полистал. Я не мог вспомнить, оставил я тетрадь на столе или она была под подушкой, где я ее обычно храню. Друг предложил сходить в кино — отличный зарубежный детектив. Мы позвонили Ей. Фильм действительно был хороший. Потом мы прошвырнулись по улице. Друг распрощался с нами. Я проводил Ее. И мы проторчали у окна в подъезде чуть не до полуночи. Когда я вернулся домой, ко мне вернулось неприятное ощущение от истории с дневником. Надо его спрятать подальше. Впрочем, зачем прятать? Зачем я его пишу? Сам не знаю. Лучше его уничтожить на всякий случай. Жаль, конечно. Но что поделаешь. Все в один голос твердят, что теперь время не то. А когда оно было то?

Это была первая ночь в моей жизни, когда я не смог уснуть. Я потихоньку оделся и вышел на улицу.

Берет за душу тоска,
Мочи нет, ей-Богу.
Выхожу, как было встарь,
Ночью на дорогу.
Электричество зазря
В магазинах светит.
Где-то радио ворчит
О делах на свете.
С крыши лозунги взалхб:
«Будь...», «Вперед...», «Да здравствует...»
Что, мол, Партия дает
Нам земное счастье.
А по стенам ровно в ряд,

Словно братья схожи,
Выдающихся вождей
Розовеют рожи.
И желание одно
Заполняет душу:
Снова в жесткую кровать
Бросить свою тушу.
И немедленно заснуть
Очень постараться.
И не видеть даже снов.
И не просыпаться.

Я убыстряю шаг. Расстегиваю куртку. Мчусь бегом. Прохожие шарахаются. Кто-то пытается задержать меня. На всякий случай. А вдруг я от милиции удираю. Вот сволочь! Ну и народ! Холуи! Рабы, сверху донизу, все рабы! Кто это сказал? Я отскакиваю от добровольных помощников милиции и мчусь дальше. Интересно, если бы я был настоящий хулиган или бандит, никто не тронул бы меня пальцем. У этих добровольных помощников инстинкт: они хватают безобидных и безопасных для них.

Когда я вернулся, Отец ждал меня у подъезда. Отец у меня хороший человек. Таких теперь немного. Честный. Скромный. И даже непьющий. И я его люблю. О матери я уже не говорю. Тут все само собой разумеется. И откровенно говоря, мне ужасно не хочется вырастать из рамок нашей семьи. Я всю жизнь хотел бы оставаться маленьким. Но, увы, мы растем. И становимся умнее своих родителей. Вернее, нам кажется, что умнее. А на самом деле мы просто заявляем свои претензии к жизни. Наша семья немногословна. Мы с полслова понимаем друг друга. Так что если мы с Отцом и говорили на серьезные темы, то обычно в таком духе: что поделаешь; другие хуже живут; на то они и руководители, чтобы врать; хорошо хоть это есть, а то скоро и это исчезнет; хорошо, что не сажают; все равно ничего не сделаешь и т.д.

— Ты неглупый парень,— сказал Отец.— Пойми, с этой мерзостью открыто воевать нельзя. Сомнут. Надо силу набрать. Против силы нужна сила. Набери силу! Становись ученым. У тебя же талант! Учитель математики говорит, что из тебя выйдет великий математик, а физик говорит, что ты рожден для теоретической физики. Вот и расти. И копи свою злость потихоньку, если уж не можешь без нее. А там представится случай — взрываись! Терпение нужно. Надо с умом, понял? А то они привыкли на искренности и непосредственности ловить дураков.

Итоги и перспективы

Состоялся Пленум ВСП. Бывшего Начальника ОГБ сняли с поста Председателя Профсоюзозов и передвинули на мелкий пост в Министерство Культуры, заведовать отделом изобразительного искусства. В этот день столичные либералы рассказали в два раза больше анекдотов и написали в два раза меньше доносов. На Пленуме одобрили идею превращения сознаториев в города-спутники, а помещений концлагерей — в общежития для строительных отрядов.

Доклад о ходе выполнения решения Первоапрельского Пленума ВСП делал Секретарь по Идеологии. Пленум одобрил меры, принятые по преодолению отставания общественного сознания, и постановил торжественно отметить предстоящий годичный юбилей Пленума. Председателем Чрезвычайной Комиссии по проведению юбилея Пленума утвердили самого товарища Суликова.

Закрытая часть постановлений Пленума свелась к следующему: 1/ «инакомыслящих» давить без шума; 2/ не выделять особых мест для концлагерей,

сделать последние более расплывчатыми, трудно отличимыми от обычных учреждений, поселений и районов; 3/ так наладить принудительную работу в местах, в которые пока нельзя организовать мощный поток добровольцев, чтобы это не вызывало никаких отрицательных реакций как внутри Страны, так и вне ее. Что же касается психохимических и психофизических средств воздействия на людей, особенно — средств массового воздействия на расстоянии, то мощная разрушительная сила их уже ни у кого не вызывает сомнений. И вряд ли придется сомневаться в том, что они давно приняты на вооружение в армиях противников в качестве сверхсекретного оружия. Иначе чем же объяснить ту легкость, с которой они соглашаются на резкое сокращение видов оружия, еще недавно считавшихся самыми мощными за всю историю человечества?!

Органы ОГБ истолковали решения Пленума ВСП так, как и следовало это сделать с самого начала: никаких фейерверков, действовать тихо и систематично, не обращать внимания на вопли диссидентов и шумиху на Западе. Среди бела дня на глазах у соседей в подъезде своего дома ударом бутылкой по голове был убит писатель, выразивший протест по поводу запрета властей выехать на Запад на какой-то симпозиум. «Хулиганы» спокойно уехали на ожидавшей их у подъезда машине. За валютные махинации... За половые извращения... За... За... За...

Из дневника Мальчика

У нас в квартире живет женщина. Довольно симпатичная внешне, но, как мне казалось, чопорная и холодная. Однажды мне зачем-то потребовалось зайти к ней. Вошел — она сидит, фотографии рассматривает. Плачет. Я спросил, что случилось. Она сказала, что ничего особенного, пустяки, прошлые воспоминания. Мы разговорились. Она показывала фотографии и объясняла, кто снят, когда, что стало с теми людьми. Никогда не думал, что может быть интересно разглядывать чужие фотографии. Вот эта очаровательная девчушка — это она. А это — отец. Где он? А кто его знает. А это — мать, она умерла. Если бы она немного пожила еще, им бы дали отдельную квартиру. А это — на школьном балу. Это — вручение диплома в университете. Она было именной стипендиаткой. А это... Ну, об этом не стоит говорить... Так, ерунда... Где она сейчас работает? В одной идиотской конторе... Мне после этого разговора стало невыносимо тоскливо, не знаю, почему. Я выбежал на улицу и сразу же придумал следующее.

Территория чинам отведена,
На которой гнить — для всех большая честь.
Для ведущих есть Кремлевская стена,
Рангом ниже — Новодевичие есть.
А для прочих заурядных хиляков
С первых дней эпохи нашей повелось:
Хорошо, коли пробился в Востряков;
Будь доволен, в Долгопрудный удалось.
Но обычно — без названия места,
В чистом поле под репейником-кустом,
Километров от Москвы не меньше ста.
Сперва поездом, автобусом потом.
До рассвета в воскресенье подымусь,
Заморю в дорогу голод чем-нибудь.
Как на праздник напомажусь, наряжусь
И отправлюсь в свой привычный, дальний путь.
Вот могилка, где репейники растут.
Промакну платочком мокрые глаза:
Здравствуй, мамочка, я снова, видишь, тут.

Я хочу тебе всю правду рассказать.
Я живу, как говорится, так и сяк.
Коллектив довольно грамотный у нас.
А заведующий считается добряк,
Даже кое-кто завидует подчас.
Куда делся мой с отличием диплом?
Диссертация, успехи и почет?
Это, мамочка, когда-нибудь потом,
А сейчас у нас ответственный отчет.
Вот друзья дают полезный мне совет:
Тот диплом забросить дальше поскорей.
Все равно, мол, никакой удачи нет,
Если ты не карьерист, не прохиндей.
Ты ж сама внушала нам же на беду,
Чтоб людей, как и зверей, не обижать.
Ну, прощай, родная! Я еще приду.
А сейчас пора к автобусу бежать.

Я хотел подарить это ей, соседке. Но я не знал, как она к этому отнесется. И не сделал этого. И не сделаю никогда. Почему так получается? Почему люди с одинаковой душой могут жить годами рядом, оставаясь чужими друг другу и взаимно равнодушными?

Итоги и перспективы

После Пленума состоялось секретное заседание ПБ ВСП, на котором обсуждали два вопроса. Первый вопрос — о зарождении новых форм религиозных верований. Идеолог сказал, что это явление, хотя оно и опасно и вредно и бороться с ним нужно, однако, оно не столь серьезно, чтобы... Одним словом, надо поручить обществу «Знание» усилить антирелигиозную пропаганду, прочитать цикл лекций... Усилить преподавание марксистско-ленинской философии в учебных заведениях... Начальник ОГБ сказал, что усиливать тут дальше некуда. Еще одно усиление, и число верующих удвоится. Тут нужна кропотливая работа с расчетом на много лет. Надо заслать сотрудников ОГБ в религиозные группы и организации, которые приобретут в них влияние, возможно вообще захватят инициативу и руководство, будут разлагать движение изнутри или направлять в сторону от важных проблем. В какую? Например, в сторону традиционного православия, йоги, нравственного самосовершенствования и т.д. Неожиданно для всех Вождь зачитал бумажку, на коей было написано, что упомянутые религиозные веяния — дело серьезное, ибо они могут вырасти в идеологическое течение, противостоящее марксизму-ленинизму в глобальных масштабах. Второй вопрос, обсуждавшийся на том заседании ПБ, был более важным и насторожил всех членов и кандидатов ПБ. Это — вопрос о надругательстве над нашими святынями, — памятниками и портретами руководителей Партии и Правительства, лозунгами, плакатами. Известны многочисленные факты такого рода. Например, в городе К прокололи портрет Вождя и вставили в дырку бутылку из-под водки; в городе Д таким образом надругались над портретами всех членов и кандидатов ПБ, вставив в отверстия сосиски из синтетического «мяса»; в городе В хулиганы в течение месяца регулярно, извините за выражение, срали около памятника самого товарища Сусликова и писали на нем, извините за выражение, неприличное слово «х.й». Эти факты, товарищи, сказал Министр ВД, дурно пахнут. Еще бы, сострил Министр ИД. Я не в том смысле, обиделся Министр ВД, я хотел сказать, что начав с обсирания, прошу прощения, руководителей нашей Партии и Государства, хулиганы начнут в них стрелять и бросать бомбы. Я думаю, сказал Начальник ОГБ, выход у нас один.

Надо портреты и лозунги вешать и устанавливать так, чтобы хулиганы до них не могли достать. А памятники надо сооружать так, чтобы обсираие их было сопряжено с непреодолимыми трудностями. Поручим это дело Министерству Культуры.

Из дневника Мальчика

Мы были зачаты во лжи и все во лжи умрем.
Путь нашей жизни всей враньем устелен.
Лишь мыслить начинаем еле,
Уж врем.
И врем до тех до самых пор,
Покуда в теле теплится душа,
И говорим, и слушаем мы вздор,
И ша!
Вот детство. Чудная пора.
А нам велят вопить «ура!»,
«Спасибо партии за ласку и заботу!»,
И все такое прочее, что вызывает рвоту.
И топаем гулять мы на площадки-клетки,
И мочимся в из химии порточки,
И лопаем фальшивые котлетки,
И в лозунги слагаем буквы, строчки.
Но вот и в школу мы пошли. За парту сели.
И ту же песенку запели.
Превозносить почли вождей народа,
Борцов, творцов, начальников
И кучу прочего их сброда.
И врать без удержу, что лучше всех живем,
Что слаще пьем, вкусней жуем,
И что свободны в самом высшем смысле.
А сами между тем сомненье глушим даже в мысли.
Малейший проблеск той свободы душим
Под тем предлогом, что народу служим.
О, Боже! Что за жизнь! Опомнитесь, куда идем?!
Взгляните, люди, что мы в самом деле жрем!
И время как свое «свободное» теряем!
Часами на собраниях «загораем»,
В очередях, в дорожной давке,
А не у речки, не на травке.
Взгляните же на их портреты! Что за рожи!
Неужто вам не хочется завить: О, Боже!
А мы? Мы ждем, что нам Они на самом деле рай земной утroat?
Квартиру всем отдельную дадут?
Зарплату жалкую утroat?
И колбасу по праздникам введут?
И знаем мы, что это — ложь.
И все ж
Вопим от глупости, от страха, из корысти, от души веленья,
Холуйскую слезу пустив от умиленья:
«Спасибо партии за ласку и заботу!»
Хоть нас мутит от этого. Хоть еле сдерживаем рвоту.
И потихоньку на друзей доносим,
Тех, кто отважился, открыто вслух поносим.

Посредственность до неба превозносим,
И даже награждения за подлости не просим.
Кипим негодованьем, видя независимость души,
Заметив гения, кидаемся: круши!
Сказал я другу: друг, очнись!
Ведь только раз живем!
А он в ответ: болван, заткнись!
Услышат — пропадем...
Я сердце чистое даю
Любимой. А в ответ
Я с удивленьем узнаю:
Отстал на сотню лет.
Она со смехом мне твердит:
Люби, пока с тобой.
А что там будут впереди,
Пустяк, уйдешь к другой.
И знаю, знаю наперед,
Что нас в грядущей жизни ждет.
Одна надежда — выпадет удача:
Квартира, чин, распределитель, дача.
А счастье — это среди избранных торчать,
В ладоши хлопать,
По пьянке сплетни на ухо ворчать
И вкусно лопать.
Всем, кому надо, изменить
И пакость совершить любую.
И кудри буйные сменить
На лысину тупую.
И все же
Слышу, шепчут тут и там: О, Боже!
Все — от глупца до мудреца,
От старика и до юнца, —
Вздыхают, нету, мол, конца,
Жалеют, нету, мол, Творца.
А я хочу на это им кричать:
Кончай молчать!
Да неужель не ясно вам,
Коль Бога нет, так будь им сам!

Экспертное заключение

К дневнику Мальчика было приложено заключение экспертизы: обычный случай мании величия. Кто знает, вздохнул Человек, уничтоживший эти материалы, может быть, человечество вообще есть продукт мании величия. А поздно ночью после закрытия всех заведений, где можно было хоть что-то выпить, Человек сидел со случайными собутыльниками в песочнице на детской площадке, наливал водку в позабытую каким-то младенцем формочку и произносил речь.

— Что вы тут бормочете мне про науку, истину, профессионализм, специалистов?! Я сам профессионал, дай бог всякому. И чего стоят наши специалисты, когда дело касается судьбы человека, я посмотрелся досыта. Тошнит! Нет, не от водки! От водки меня никогда не тошнит. Меня от науки тошнит. Дайте нашим специалистам всю историю цивилизации на экспертизу. Если они узнают, что это требуется для ВСП или ОГБ... Впрочем, это одно и то же... Они вам без

звуча дадут заключение, что все лучшие люди прошлого были шизофрениками и уголовниками. Уверяю вас, друзья мои, если бы идеи марксизма-ленинизма, партия нового типа, ВСП, ОГБ, МВД и прочие прелести, без коих жить мы не можем, появились бы в первобытном обществе, то мы так и не вышли бы из первобытного состояния. Впрочем, в этом тоже был свой плюс. Тогда не было бы ни марксизма-ленинизма, ни партии нового типа, ни ВСП, ни ОГБ, ни МВД... Итак, выпьем за то, чтобы все они сошли!

Конец «Евангелия от Ивана»

— Никто не знает и никогда уже не узнает, чем и как закончилось «Евангелие от Ивана»,— говорит один интеллигент другому. Остались лишь разрозненные отрывки и сомнительные свидетельства очевидцев. Возьмем, например, такие строки:

Итак, решены все проблемы,

Исчерпаны спорные темы.

И больше не будет причин

Сражаться за следующий чин.

Сомнительно, чтобы их сочинил автор «Евангелия», ибо он как философски грамотный человек знал, что решить все проблемы и исчерпать все темы невозможно. Эти слова можно приписать самому Генеральному Секретарю, поскольку в речи по поводу десятилетнего юбилея Первоапрельского Пленума он так и сказал, что «мы решили по существу все проблемы и исчерпали все спорные вопросы, связанные с переходом от развитого социализма к недоразвитому коммунизму», а выше его чина на Земле уже ничего быть не может. Или, например, вот этот стих:

Природы ход суров и строг.

Один нам всем грядет итог:

И теоретика-лжеца,

И диссидента—правдеса,

Прелюбодеея—гомосека,

И даже самого Генсека,

Шпану у винного ларька

И прохиндея из ЦеКа,

С центральной улицы стилиягу

И заводского работягу,

Энтузиаста-пионера

И без зубов пенсионера,

И мудреца, и дурака,—

Уносит времени река.

Опять-таки никакой дифференции специфики, позволяющей отнести его с полной уверенностью к «Евангелию». Если бы в этом стихе не было слов «диссидент» и «Генсек», его вполне можно было бы отнести к Древней Греции, к эпохе Возрождения или Средневековья. Слово «ЦеКа» пусть вас не смущает, ибо общество без диссидентов и Генсека мыслимо /первое время после смерти Сталина, например/, а без ЦК — нет. Без настоящего ленинского ЦК — нет, ни в коем случае!

— Есть все-таки в мире некая справедливость,— говорит другой интеллигент первому, кивая с усмешкой на портреты вождей.— Помните, как сказано в «Евангелии от Ивана»:

Порой им достается в рыло
От их же собственных детей.
А сколько раз дано им было
Под зад от собственных затей!

Чем больше они раздувают свое ничтожное величие, тем с большим треском лопаются потом. Их статуи, бюсты, портреты, сочинения и прочее дерьмо люди при первом же удобном случае выкидывают на свалку. Они это чувят и потому буйствуют. Их маниакальное стремление навязать себя человечеству в качестве «ума, чести и совести» поразительно. Они думают, что чем больше насрут, тем дольше вонять будет. О, кретины! Мы лишь маленькие кучки оберегаем, а на месте больших расчищаем арену для новых.

Потом дотошные потомки
Начнут с усмешкой говорить,
Что только жалкие подонки
Могли такое сотворить!

И правильно сделают. И наложат свою кучу, еще более грандиозную и вонючую. Ибо в этом и состоит их прогресс.

На месте старой пошлой мрази,
Верша и двигая прогресс,
Они из той же самой грязи
Воздвигнут кучу до небес.

— Итак,— сказал собеседник с грустью,— еще одна историческая эпопея окончилась. И что? Ничего особенного. Пустяки. Как сказано в том же «Евангелии»:

То, что случилось,— ерунда,
Наша привычная нуда.
Вот если выпить не потянет.
И матом крыть твой рот устанет,
И над тобою, как всегда,
Не свистнет за полночь «спаситель»,
И уж не примет вытрезвитель
В свои объятия никогда,
Тогда, считай, пришла беда.
Твоя окончена страница.
И жизнь тебе уж не приснится,
И ты исчезнешь навсегда.

В нормальном индивиде удивительным образом сочетается социальный пессимизм и личный оптимизм. Тут неподалеку есть приличное значное место, где еще верят в человека и отпускают в долг. В пределах рубля, правда. Но все-таки это нечто. Пошли.

Последний сон

Внутренний Голос сказал ему, что он находится в подлинном коммунизме. Не в научном, подчеркнул Голос, а именно в подлинном. Научный был задуман неправильно, а построен был совсем неправильно даже в сравнении с тем, как был задуман. Поэтому пришлось его долго и упорно исправлять. Не веришь? Смотри сам! И Голос предъявил ему справку, в которой было зачеркнуто слово «научный», а над ним вписано слово «подлинный». Рядом было написано «исправленному верить», стояла печать жилищно-эксплуатационной конторы и подпись старшего бухгалтера /подпись неразборчива/. И он поверил, ибо сразу же за этим увидел

перед собою Великое Сияние и испытал Великое Счастье. Он часто видел это Сияние в детстве, реже — в юности, совсем редко — потом. Появлялось оно на мгновение, и он никогда не мог его удержать дольше или вызвать вновь по своей воле. Появление Сияния каждый раз было связано с возникновением состояния огромного Счастья. И потому он страстно мечтал увидеть его хотя бы еще раз и хотя бы на то неуловимо короткое мгновение. И вот он видит Это и испытывает Это.

Но как только он начал испытывать Это, сразу же все исчезло. Осталась только справка с надписью «исправленному верить». Счастье, сказал Голос, по самой своей природе неуловимо, а в больших дозах вредно. Счастливая жизнь — это капля счастья на бочку повседневной серости. Однажды в юности мы с приятелем сперли улей и съели его содержимое за одни присест. Можешь вообразить, что с нами стало после этого? И не надо. Я до сих пор не могу вспоминать об этом без содрогания. А ты вспомни, что произошло в вашем отделе, когда вам выделили на сорок человек два ковра размером три на пять? Испорченное настроение у всех на полгода. А отчего? Слишком великой оказалась доза счастья! Я уж помалкиваю про случай с квартирами. По-моему, ты от него до сих пор не оправился. А что говорит наука по сему поводу? Категория счастья вообще лишена смысла, вот что говорит наука. Имеет смысл лишь категория «не считаться несчастным». Состояние счастья субъективно и неопределенно, для него нет четких и всеобщих критериев. А состояние, когда индивид не считается несчастным, такие критерии имеет, ибо это состояние объективно, а упомянутые критерии лежат вне индивида, т.е. в коллективе. В случае со счастьем индивид сам решает, счастлив он или нет. А является индивид несчастным или нет, решает коллектив. Индивиду здесь остается лишь принять решение коллектива за собственное. Иначе он будет наказан. Как? При Коммунизме признается только одна форма наказания: лечение. Быть больным тут запрещено. Традиционное «Будь здоров!» здесь обрело силу закона. Но лучше смотри!

Он посмотрел и увидел Мир сразу и целиком. Мир предстал перед ним в виде уходящего в бесконечность коридора. Коридор исходил откуда-то изнутри и шел сразу во все стороны, но прямо. Он вспомнил новейшие космологические гипотезы и презрительно усмехнулся: реальность, которую он сам видел своим духовным взором, не имела с ними ничего общего. Пол коридора сделан из разноцветных плиток, точь-в-точь как в туалете Казанского вокзала. Ошибаешься, сказал Голос. Рисунок не тот. Точно такой рисунок в нашем вытрезвителе, и больше нигде. Именно за уникальность ему присудили Ленинскую премию. Вспомнил? По правой стороне коридора сплошной ряд кроватей. Кровати железные и с металлической сеткой, но без постельных принадлежностей. Все-таки не нары, сказал Голос. Мягко, но гигиенично. Это тоже заимствовали в нашем вытрезвителе. Можно мочиться и даже делать по-большому, не вставая. Кровати приподняты под углом в тридцать градусов, словно ракетные установки, показанные на последнем юбилейном параде с целью устрашения Запада, который хотя и увеличил поставки хлеба в Страну и сократил кампанию борьбы за права человека, но не столь решительно и чистосердечно, как это требовалось в соответствии с Великой Целью. Приподняты кровати ровно настолько, чтобы все видели: хотя это не пушки и ракеты, а самые миролюбивые сооружения, но в случае чего они могут пальнуть по любой точке планеты; с другой стороны, хотя это и есть грозное оружие, но служит оно самым мирным целям. Помнишь, сказал Голос, мы певали в романтической юности:

Мы мирные люди, но наши кровати
Стоят на запасном пути.

Приподняты кровати так, чтобы спать на них было невозможно. Эти кровати не для спанья, сказал Голос. Но дело тут не в их положении, а в функции. А спать человек способен в любом положении. Мы однажды выпивали на строительной

площадке. И не заметили, как один забулдыга свалился прямо в какой-то раствор. И проспал там целые сутки. А на другой день был выходной. В понедельник пришли строители. Представляете, какой хай они устроили! У них же план, премиальные. Хотели добавить еще полметра раствора, и дело с концом. Но к счастью, среди них нашлись братья- алкаши, вырубил беднягу. С другой стороны коридора — такой же сплошной ряд унитазов. Какое величественное зрелище, воскликнул Голос. Никогда не думал, что банальные унитазы могут так потрясать воображение и вызывать священный трепет, если их очень много и они выстроены в ряд. Видел ли ты что-нибудь подобное?! Этот ряд унитазов пересекает всю Галактику и уходит в неведомые «черные дыры» на краю Материи. И все время прямо! Только прямо! Никаких отклонений! Это и есть зримое воплощение самой Генеральной Линии. Унитазы все одинаковые, но одновременно каждый пятый унитаз чуть побольше, каждый десятый еще больше, каждый пятнадцатый еще больше и так без конца. И где-то в захватывающей дух бесконечности — бесконечно большой и, вместе с тем, одинаковый со всеми остальными Генеральный Унитаз Вселенной. Вот проблема, на которой споткнулись метафизический материализм и идеалистическая диалектика: соотношение малого и большого. Однажды пришлось мне поехать в скульптурный комбинат на окраине Москвы в качестве эксперта по поводу работ молодого скульптора, претендовавшего на гениальность, но запоздренного в шизофрени. Здания комбината — сараи, больше похожие на дореволюционный кирпичный завод, чем на современные цеха искусства. Зато территория комбината — размером с маленькое европейское государство. И первое, что я увидел, — нижние части статуи Ленина, выстроенные в ровные ряды с одной стороны шоссе, и верхние части статуй, выстроенные в такие же ряды с другой стороны шоссе. И протянулись эти ряды по меньшей мере на три километра. Конец рядов усмотреть было невозможно, и потому казалось, что они уходят за горизонт. Все это присыпано грязным снегом. Представляешь, зрелище! С одной стороны — бесконечный стройный ряд штанов, делающих шаг вперед. А с другой стороны — такой же бесконечный ряд мощных лысин и поднятых в приветствии рук. Рехнуться можно! Комбинат работает более пятидесяти лет. В день выпускает тысячу статуй. Поможь на триста шестьдесят пять, потом — на пятьдесят. И учти, номер комбината — девяносто семь.

Над унитазами на уровне рта среднего человека торчат трубки. По паре перед каждым унитазом. На одной трубке красными буквами написано «Выпивка», на другой голубыми — «Закуска». Не принимай за чистую монету, сказал Голос. Тут никаких намеков на градусы и калории. Это — для традиции и отчетов. В отчете ЦСУ, например, недавно сообщили, что в этом году мы насрали на душу населения на тридцать процентов больше, чем в прошлом году. Можешь не трудиться. Унитазы, как и койки, тут чистый символ и предметы культа. Но откуда же столько пьяных, спросил он, и чем они блюют? Это не проблема, сказал Голос. Русский человек обнаруживает градусы в чем угодно. Перед принятием новой конституции, например, всем трудящимся бесплатно раздали проект, а это — до литра самогонки. А блюют — так это же наша национальная черта.

Стены коридора хаотически исписаны всякого рода надписями. Сначала он подумал, что это — хулиганские надписи наподобие тех, какие в развитом социализме можно было увидеть на стенах общественных уборных и подъездов жилых домов, а иногда — на уличных плакатах и даже на портретах руководителей Партии и Правительства. Приглядевшись внимательнее, он понял, что это — официальные лозунги. К старой форме лозунгов привыкли, сказал Голос, и на них перестали обращать внимание. Тогда решили использовать древнюю народную традицию писать неприличные выражения на стенах. Лозунги помещали сначала среди этих выражений. Постепенно по мере роста общественного сознания лозунги

вытеснили прочие надписи. Но обрати внимание на содержание лозунгов. Тут прогресс бесспорный. «Да здравствует развитой коммунизм — светлое будущее для непьющих и некурящих!», «Посторонним вход воспрещен!», «Своим вход воспрещен!», «Не бросайте окурки на пол!», «Приносить с собой и распивать спиртные напитки воспрещается!», «Беря взятку, помни: здесь взяток не дают!» «Давая взятку, помни: здесь взяток не берут!». Но мне лично больше импонируют другие: «Перед получением по морде требуй объяснения причин!», «Если получил по морде без причины, только чистосердечное раскаяние облегчит твою вину!», «Если осужден невинно, это доказывает твою вину!», «Нет реабилитации без массовых репрессий!». Что скажешь? Все-таки жертвы были не напрасны. Ты не поверишь, но тут получить по морде — большой дефицит. И никаких грабежей квартир. За углом никого не раздевают и не насилюют, — тут вообще углы запрещены. Думаешь, это сон? Нет, такого во сне не увидишь. Сон — не реальность, а только литературный прием.

Коридор вдруг заполнился людьми. Они сплошным потоком двигались в одном направлении в бесконечность, к Великой Цели. Шли, взявшись за руки, стройными рядами. Не могу понять, услышал он знакомый голос в толпе, как это получается. Вы, например, смелый и честный человек, а ведете себя как типичный советский червяк. Я сам не пойму, ответил другой голос. Помнишь, я рассказал тебе про своего друга? Мы с ним попали на фронт в одну эскадрилью. Однажды его подбили зенитки, и он сел на поле. Я не задумываясь сел тоже, хотя риск был смертельный, подобрал его со стрелком и привез домой. А через некоторое время на него кто-то донос настроил. И никто не пикнул в его защиту ни слова. И я в том числе. Что это? Думаешь, страх и вера в идеалы? Нет, это — самооправдание. Или обман. Вот сейчас, например, на тебя нападут бандиты, и я буду знать заранее, что получу нож в спину, если вступлюсь за тебя. Как ты думаешь, испугаюсь я? А если тебя завтра будут выгонять из комсомола за антисоветчину, и я буду присутствовать на собрании от партбюро, заступлюсь я за тебя? И чем ты это объяснишь? Страх? А что мне бояться? Самое большее, что мне угрожает, — выговор без занесения в личное дело. Вера в идеалы? Видишь, даже тебе смешно. Тут не вера и не страх, а хуже: тут соучастие. И что самое поразительное, ты не обидишься на меня. И даже пойдешь со мной с горя напиться. Пойдешь? Вот и я с тем стукачом, который продал моего друга, много лет был в дружеских отношениях. Когда бываю в Москве, всегда захожу к нему. Есть у меня на этот счет своя гипотеза. Как бы мы ни поносили этот социальный строй, мы все равно плоть от плоти его, он все равно наш. Вот, допустим, ты — всеильный Бог. Что бы ты сделал для переустройства жизни в масштабах всего общества? Ничего? И я тоже.

Вдруг наступила мертвая тишина. Все замерли. Загремела музыка. Незримый могучий хор запел, а все дружно подхватили:

Эй, товарищ! Ну-ка разом
Сядем все по унитазам!

Не снимая штанов, все кинулись к унитазам. Партийные активисты и сотрудники ОГБ начали выравнивать носки и колени.

И поднимем дружно вонь!
Приготовились! Огонь!

Это — занятие по гражданской обороне, сказал Голос. Они быстро кончатся. Вот когда политзанятия бывают, так тогда по четыре часа на этих унитазах держат. Столь же внезапно все вернулось в прежнее состояние, людской поток снова двинулся в направлении к Великой Цели. Странно, подумал он. Что же тут все-таки происходит? Опять проблема, сказал с насмешкой Голос. Ты сначала ответь

мне на такой вопрос: сколько должно быть плевательниц в казарме? Найдешь правильный ответ, твоя проблема покажется тебе примитивной. Думай!

А о чем думать, услышал он другой голос. Запретить пить и курить, и все проблемы будут решены автоматически. Как же так, возразил третий голос. Нельзя же допускать такое зверство. А если захочется выпить и покурить?! Чудак, рассмеялся первый голос. Сразу видно, что ты не ученый. Из запрещения действия логически не следует его невозможность. В крайнем случае, если захочешь выпить и закурить — выйди в соседнюю общественно-экономическую формацию. Это — прямо по коридору третья дверь налево. Коммунизм есть общество непьющих и некурящих в принципе! Ты же не младенец, знаешь по опыту: запрети пить, и во всей стране не сыщешь трезвого человека даже утром на отрезке пути от вытрезвителя до ближайшей забегаловки. Представляешь, какой духовный подъем начнется! Помнишь:

Выпьешь бутылку из горла на двух,
Почувствуешь, как возвышается дух.

Но дело не только в этом. Тем самым гениально просто будет решена проблема продовольствия. Сам посуди. Если ты не пьешь /поскольку запрещено!/, закусывать ни к чему, ибо по определению самого понятия закуска есть нечто такое, что съедается во время выпивки или сразу после нее. Это тебе любой марксист-ленинец скажет. А если ты пьешь /вспомни: из запрета пить не следует то, что люди не пьют!/, так тебе закуска тем более не нужна. Из понятия выпивки существование закуски не следует. Понятие выпивки фундаментально, оно не предполагает понятие закуски. Это понятие закуски производно, ибо определяется через понятие выпивки. Это тебе любой алкаш скажет. Что же имеем в итоге? А то, что надобность в закуске вообще отпадает. И сельское хозяйство подымать не надо. Освободившиеся средства можно бросить на решение жилищной проблемы. Построить забегаловки и вытрезвители сначала на каждой улице, затем — в каждом доме, затем — в каждой квартире. И все! Каково? Но есть же другие потребности, возразил другой голос. Есть желания и потребности, сказал первый голос. Желание — это психология, а потребность — социология. Потребность есть постоянно воспроизводящееся и санкционированное в качестве нормы желание людей, исполнение которого необходимо для их нормальной социальной жизнедеятельности. Например, если ты захочешь стать королем этой страны, это желание, очевидно, не будет расцениваться как потребность. Так что построить коммунизм и реализовать его принципы легче легкого. Более трудной является другая проблема: как ухитриться прожить в нем мало-мальски терпимо и сохранить человеческий облик?

А люди шли и шли стройными рядами, неся портреты Маркса, Ленина и Сусликова. Тебя это удивляет, спросил Голос. Странно, пора бы привыкнуть. С Брежневым произошло то же самое, что со Сталиным и Хрущевым, только в несколько иной форме. Сбылось то, что много лет назад предсказал один безвестный школьник:

Переменится обстановка, и станет снова все не так.
Другая выйдет установка на развитой соци-бардак.
Что был он цирка представлень, маниакальный культ вождя,
Прямого курса искривлень и острый дефицит дождя,
К коровам слабое вниманье, в общеньях с Западом грехи,
Марксизма непониманье и диссидентов хи-хи-хи.
Заявит пресса, как обычно, что мол, прошел тот мрачный день.
Из пальца высосут привычно очередную соц-ступень.
Перерисуют все портреты и переплавят все бюсты.
Перестрочат стихи поэты на тех, кто сядет на посты.

Но вот впереди стало мерцать и постепенно разгораться Великое Сияние. Становись в общий строй, сказал Голос. Возьми за руки соседей! Подравняйся! Выше голову! Смотреть бодрее! И он пошел вместе со всеми навстречу Великому Сиянию и стал наполняться Великим Счастьем. И в самый последний момент в его сознании вспыхнул вопрос: а сколько, в самом деле, должно быть плевательниц в казарме? Болван, загремел Голос, хватаешься за мировые проблемы, а не можешь решить самую пустяковую! — Надлежащее количество!!! И все исчезло.

Заключение

По пустынным улицам ночного города идет человек. Он подставляет лицо холодному ветру. Он думает трудную мысль.

Каждая эпоха имеет свой специфический поток жизни. Что это такое? Совокупность происходящего в данном пространственно-временном объеме? Это верно, но пусто. Все дело в том, как это воспринимается и переживается участниками эпохи и что получается из суммирования миллионов ручейков их переживаний. Но дело даже не в общем понятии такого потока, — оно вряд ли возможно. Дело в конкретных типах таких потоков. А еще точнее — в особенностях жизненного потока нашей эпохи. Бесспорно, что вся она окрашена одной главной темой: коммунизм. Ибо это есть главная болезнь времени.

О коммунизме написаны горы книг, статей, фраз, слов. Но во всей прокоммунистической и антикоммунистической литературе не сказано ни одного слова о самой главной черте коммунистического строя жизни, которая сделала его таким привлекательным для миллиардов людей, несмотря на очевидные и общеизвестные ужасы становления и бытия его. Это главное состоит в организационной способности порождать идеи и средства, организующие жизненный поток в единое осмысленное целое. Затея, материалы которой мы зачем-то сначала обрабатывали, а затем уничтожали, и была классическим примером проявления этой способности нашего общества. Пожалуй, в этом суть дела.

Прежде всего нужно понять, что организующая идея не есть нечто реально существующее. Это есть всего лишь воображаемая точка, в которую фокусируют свои цели, желания, усилия, надежды, страхи и т.п. миллионы людей, осуществляющих свой жизненный путь в реальном потоке бытия. Строй нашей жизни порождает такие воображаемые точки постоянно. Почему он порождает — другой вопрос. Здесь важно пока, что такие точки суть факт. Хотя такая точка есть лишь нечто воображаемое, она обладает необычайной прочностью и устойчивостью. Она устойчивее, чем реальные личности, участвующие в процессе жизни. Устойчивее даже правительств и крупных организаций. Дело в том, что она воображаема не в том смысле, что она есть продукт деятельности воображения людей, а в том смысле, что мы как посторонние наблюдатели можем представить ее себе так, будто люди в нее проецируют свои жизненные линии. На самом деле ничего подобного не происходит. На самом деле по законам коммунизма люди живут так, как будто бы они осуществляют упомянутое проецирование. А его на самом деле нет.

Мистика? Подумай! Задача не из легких. Но у нас было достаточно материала, чтобы найти ответ. Из указанной природы организующей идеи вытекают прочие ее свойства. Если взять ее как таковую, как целостное явление, то она не детерминирована в ее возникновении, в ее ходе, в ее исчезновении. Ее невозможно предсказать. Невозможно предсказать ее эволюцию и конец. Невозможно предсказать ее результаты и последствия. Потому она не поддается планированию и контролю. Ее нельзя предотвратить, ограничить, уничтожить. Она не подвластна людям, партиям, правительствам. Те меры, которые можно предпринять с

намерением предотвратить некую предполагаемую идею такого рода, не способны предотвратить другую, которая не предполагается.

Вместе с тем, несмотря на призрачность организующей идеи, на нее накладываются прочие реальные жизненные явления. Просматривая материалы Затеи, мы должны были заметить, какие огромные массы людей и материальные средства были приведены в движение в связи с нею. И должны были заметить, что ее единственный итог — прошлое. Просто прожитый отрезок времени. Значит, в ней бессмысленно искать цели, ибо она сама и есть цель как таковая, если здесь вообще уместно говорить о целях. Скорее тут целеподобие. Даже не целесообразность, а именно целеподобие. Или имитация целесообразности. Игра в жизнь, а не жизнь в собственном смысле слова. Что такое игра в жизнь? Вы бывали, конечно, в театре. как вы думаете, что получится, если актеры отождествят себя с исполняемыми ролями? Верно, сумасшедший дом. Нечто подобное происходит у нас во всем обществе. Но в более сложных формах, более опосредованно, не столь явно. Реальная человеческая жизнь есть деятельность по добыванию средств существования, удовлетворение естественных потребностей, самозащита и т.д. Когда-то в ней зародился игровой или театральный элемент. Он был обусловлен какими-то историческими причинами. Не наше дело искать этому объяснение. Мы должны констатировать как факт, что в наше время театральный элемент жизни достиг гипертрофированных размеров и заслонил собою реальную и фундаментальную человеческую жизнь. Он стал господствовать над вторым. Все или почти все активные члены общества не просто жуют, а разыгрывают определенного типа роли, — роли вождей, полководцев, государственных деятелей, деятелей искусства, ученых и т.п. Именно играют роли по принятым правилам игры. Причем, чем ничтожнее они сами по себе, тем серьезнее и старательнее они исполняют свои роли. Разыгрывается грандиозный спектакль, который навязывается всему обществу как реальная и главная жизнь. Этот спектакль лишь отражается в реальную жизнь, порождая в ней далеко не театральные эффекты. Возьмите, к примеру, закон о трудовой дисциплине. На уровне спектакля вся история с ним разыгрывалась как мудрое историческое решение, имеющее целью поднять производительность труда и сознательность. Сколько было проведено съездов, собраний, совещаний, заседаний! Сколько было сказано слов! Сколько было принято поз! Для участников этого спектакля все эти собрания, позы, слова и были их настоящей жизнью, а значит, и настоящей жизнью для всех. Но в реальной жизни этот спектакль отразился совсем в иных явлениях,— в форме гигантского числа судебных процессов за «прогулы», «опоздания», «пьянки» и т.п., которые поставляли принудительным порядком даровую рабочую силу в отдаленные районы и на трудные производства. Кроме того, в реальности это привело к прочному прикреплению людей к месту жительства и работы, к состоянию перманентного страха в среде интеллигенции. Но не подумайте, что спектакль имел целью причинить такие последствия в реальной жизни. Здесь отчасти произошло совпадение, отчасти случилось непредвиденное, отчасти сработало безразличие к реальности /для участников спектакля ее нет/. А по крайней мере в некоторых случаях творцы и участники спектакля жизни бессознательно стремятся к созданию жизненных кошмаров, ибо последние усиливают эффект театральности и создают ощущение великой исторической драмы. Актеры жизни, уверенные в своей безопасности, стремятся к грандиозным жизненным трагедиям для других. Такое систематическое отождествление ничтожеств с исполняемыми ими ролями значительных личностей не проходит даром. Мания величия становится нормой. Все виды психических заболеваний не паразитической закономерностью распространяются по гигантской массе деятелей общественного муравейника.

Трудовые будни

— Человек есть прежде всего дело. Работай добросовестно, а все остальное приложится.

— Чушь все это. И идеологические сказки. Наука говорит другое. Человек есть прежде всего безделье. Если бы наши предки рассуждали по-марксистски, они никогда не очеловечились бы. Это большая удача, что Маркс родился лишь в девятнадцатом веке, а не в те доисторические времена.

— О чем ты говоришь?! Как мог Маркс родиться в доисторические времена?!

— Ты плохо знаешь евреев! Они и не то могут. Читал «Литературку»? А «Неделю»? А «Советскую Культуру»? Ну так чему удивляешься? Слушай, пока я цел, и мотай на ус! Именно благодаря безделью люди стали тем, что они есть. Именно из бездельников выходили самые рослые, красивые, остроумные, изобретательные индивиды. Вот тебе научная схема истории. Сначала все наши предки были бездельники. Питались, конечно, неважнецки. Орехи, бананы. Но работать — ищи дураков. Ни-ни! И что было? Стремительный прогресс. Огонь, бронза, колесо... Кстати, огонь и колесо придумали исключительно для развлечения. Безделье породило любопытство, созерцание, размышление, разговорчики... Заметь, кто больше всего болтает? Интрижки пошли, вранье. Наконец — творчество. А что потом? Потом усложнились условия жизни. Началась эпоха, когда одни бездельничали за счет других. Отсюда семья, частная собственность, государство, классовая борьба и прочие марксистские штучки. У нас все пошло наоборот. Сначала все трудились. Потом дошли до того, что одни стали трудиться за счет других. А итог? Сам видишь: всеобщее отупение. Даже врать толком разучились. Почему? Да все по той же причине. Когда врут бездельники — это есть творчество, в крайнем случае развлечение. А когда вранье есть труд, то пиши пропало.

— Ну, хватит трепаться. Наш сборник вернули из издательства. Весь тираж пошел под нож. Велено все сноски на этого болвана и цитаты из его мутных речей заменить сносками на нового. Слава богу, он не успел речей наговорить.

— Что?! Да пока мы исправляем, он на собрание сочинений наболтает. Он же трудящийся!

Мелкие радости

— Слыхал, я жену похоронил?

— Нет. Что же, это событие отметить надо.

— Само собой. Представляешь, удалось пристроить на Центральном кладбище. И себе местечко зарезервировал рядышком.

— Поздравляю. Ездить недалеко. И место сухое.

— Сначала они ни в какую. Так я двинул в Горком Партии. Так мол и так, старый член партии, ветеран, награды. А там говорят, что это не их дело. Вот если бы я был в номенклатуре!

— Бюрократы!

— Пришлось кое-кому дать. Пятьсот рубликов!

— Ого! Прошлый год триста брали.

— По нынешним ценам не так уж много.

Нетрудовые будни

Нашей конторе, говорит Экономист, лично товарищем Сусликовым поручено подготовить Документ /подчеркиваю, не документ, а именно Документ/. В нем мы должны всесторонне и исчерпывающим образом охватить жизнь нашего города в прошлом, настоящем и будущем. Причем, мы обязаны вскрыть глубочайшие диалектические законы его развития и наметить мероприятия по скорейшему построению полного коммунизма в нашем городе. У товарища Сусликова возникло намерение опередить всех и привести руководимый им город в полный коммунизм первым. Представляете?! Все еще плетутся где-то в зрелом, развитом, высококоразвитом, перезрелом и т.п. социализме, а Сусликов во главе трудящихся нашего города врывается в полный коммунизм! Жаль, коней отменили и маузер не достанешь нигде. А то очень эффектно можно было бы обставить. Хотя, эта вонючка даже кошек боится, а не то что коня и маузера. Он в коммунизм, скорее всего, прибудет. И первым делом — рапорт и приветственную телеграмму в родной ЦК. Так мол и так, мы достигли конечной цели, прибыли! Ждем дальнейших указаний! Идти дальше неудержимо вперед или ждать остальных?

А в самом деле, что дальше, спрашивает парень из Института Сельскохозяйственной Кибернетики. Фамилию парня сразу же забыли и потому зовут просто Кибернетиком. Насчет Экономиста думают, что это тоже прозвище, так как никто доселе такой фамилии на Руси не слышал, и подозревают, что он замаскировавшийся еврей. Но особого значения этому не придадут. Во-первых, считают, что еврей — тоже человек. А во-вторых, все прекрасно видят, что Экономист пьет как типичный Иван. Все знают, что кроме нашего брата-Ивана так по-свински никто пить не может, и потому никто не верил бы в то, что он еврей, если бы он на самом деле был таковым. И вообще, какое это имеет значение? Вот с Жидовым — другое дело. Тому так часто приходилось пояснять всем, что он не еврей, а потомственный Иван, что его все стали считать отъявленным антисемитом. Поэтому в спецотделе он стоял первым в списке подозреваемых в намерении эмигрировать. И после тех «шпионских» процессов его уволили. Он уехал в Сибирь и затерялся там. А дальше, говорит Экономист, эту вонючку отзовут в аппарат ЦК, а нам подбросят какой-нибудь жратвы, чтобы мы с голоду не подошли, и какой-нибудь уцененный ширпотреб, который в Москве уже никто не покупает десять лет.

А нас, говорит Парикмахер, обязали повышать свой теоретический уровень в методологическом семинаре. Вы можете мне объяснить, что это такое? Наш руководитель, парень в общем неплохой, пьет литр без закуски запросто, говорит, что это — вопрос о познании. Чего, я спрашиваю. А всего, говорит. Согласно марксизму, говорит, все познать можно. Хорошо, говорю я, познай, что у меня в кулаке зажато? А жажал я вот этот трояк, между прочим. Погодите, сейчас мы его реализуем. Ну, спрашиваю я, что? Это, говорит, не проблема. Если уж марксизм глубинные законы всей материи /заметьте, всей!/ познал, то такая задача для него — раз плюнуть. Пятерка, говорит, в твоём кулаке, нажатая незаконным путем. Ну, от силы, трояк. У меня, братцы, глаза на лоб полезли. Верно, говорю. Но познай, что я с ним сделаю. Спроси об этом у студента первого курса, хохочет он. И даже троечник тебе скажет: пропьешь! И ведь верно! Не спешите, сейчас я его реализую. Не в этом дело. Значит, марксизм в самом деле штука серьезная?

Ты дешево отделался, говорит Кибернетик. У меня хуже дело было. Наш руководитель такого же семинара плел нам что-то насчет асимптотического приближения относительной истины к абсолютной. И напирал, сволочь, что истина — это процесс. Наверняка его из КГБ за зверства в свое время выгнали. Мы ему и так и сяк. А он свое: процесс да процесс. И явно с наслаждением это словечко произносит. А я вопрос: к чему, мол, нам следует приближаться асимптотически —

к сегодняшнему состоянию всей материи или к завтрашнему? Допустим, мы решили приблизиться к сегодняшнему. Приблизились. Спокойно спать легли. Пустяки, мол, остались. Завтра допознаем, и дело с концом. А утром встаем, сообщаем насчет похмелиться. Ну-ну, говорит Процесс, продолжайте. Здорово у вас эта мысль движется. Мысль, между прочим, тоже процесс. Выходишь, говорю я, утром на улицу. И что? Начинай все сначала. Забегаловку «Космос» закрыли на учет, — проворовались, сволочи. Верно, говорит Процесс, закрыли. В «Чайке», говорю я, потолок обвалился, ремонт. Строила, между прочим, бригада комтруда. Верно, говорит Процесс, ремонт. А в «Юность», говорю я, лучше не соваться — всю улицу перекопали, после первой бутылки невозможно перейти без помощи участкового. Стоп, говорит Процесс, этого быть не может. Я там был сегодня. Практика, говорю я, взятая во всей ее совокупности и в революционном развитии, есть критерий истины. После семинара во главе с Процессом мы двинулись в «Юность». И я глазам своим не поверил. Утром я сам туда забегал, все было в порядке. А тут, вижу, так все кругом перекопали, что туда пройти стало невозможно, а не то что выйти. Все умолкли. Держась за стенки домов и протягивая друг другу руку братской взаимопомощи, пробрались в забегаловку. Время провели как обычно. Утром я очутился почему-то дома и в полной сохранности. Это и послужило главной уликой против меня. А остальные... Процесс после этого полгода пролежал загипсованный.

А куда девался тот старик из «психушки», спрашивает мужчина в галстуке и с бакенбардами, прозванный Диссидентом, хотя на диссидента он совсем не похож. Любопытный был мужик. Помер, говорит Социолог. Мы хотели его схоронить по-человечески. И на свой счет, конечно. Но нам отказались выдать труп, ибо мы — не ближайшие родственники. Мы сунулись в Горком Партии. В конце концов добились разрешения. А за это время они труп куда-то потеряли. Нам предложили на выбор кучу старух, нескольких молодых парней. Но мы отказались. К чему они нам? Предлагаю выпить в память о... Кстати, как его звали?..

Борение идей

Потом я навещал этого Процесса в городской больнице, сказал Кибернетик. Он оказался не таким уж плохим мужиком. Однажды мне удалось пронести ему чекушку. Посмотрели бы вы на него, как он преобразился! Наш простой человек все-таки отзывчив на добро. И много ли ему надо?! Похвали разок, и он тебе двадцать лет будет вкалывать за так. А если дашь ему чекушку бесплатно — что угодно тебе делает. Я бы лично, если бы был вождем, включил бы в программу партии один единственный пункт: при полном коммунизме каждому гражданину ежедневно бесплатно по чекушке. Уверяю вас, в полгода отгрохали бы такой коммунизм, что никакой колючей проволоки не потребовалось бы. Но, кажется, мы отвлеклись в сторону. Этот Процесс рассказал мне кучу интересных вещей. Мы тут с вами дурака валяли, а в городе, оказывается, шла острая идейная борьба. Существует закон, говорил Процесс, по которому каждая относительно самостоятельная и целостная частица общества обладает всеми существенными чертами общества в целом. В соответствии с этим законом разделение столичной интеллигенции на «западников» и «славянофилов» докатилось и до нас. Партию «западников» здесь основал и возглавил доктор филологических наук Иванов /вероятно, еврей!/, а партию «славянофилов» — доктор исторических наук Иванов /а тут и сомнений быть не может, наверняка еврей!/. Никаких партий тут, конечно, не было. Просто пописывали статейки, а в статейках выдвигали идейки. Собирались вечерами за бутылкой вина /«западники»/ или водки /«славянофилы»/ и обсуждали проблемы. Сначала и вражды-то никакой не было, ибо сначала все были за прогресс. И собирались сначала вместе, и водку чередовали с сухими винами, а сухие вина

запивали водкой. Но однажды Филолог весьма пренебрежительно отозвался о наших достижениях в эпоху товарища Сталина, а о великом полководце Суворове допустил совсем не позволительный выпад: он, якобы, был крепостником, и ничего его возвеличивать. В ответ Историк заявил, что Сталин, конечно, ошибки допускал, но в общем и целом вел народ вперед, а что касается Суворова — он такое оскорбление нашего национального достоинства допустить не может. И пошло! И кончилось полным разрывом и противопоставлением. На работе борющиеся группы, естественно, все были за партийный подход. Но дома среди своих единомышленников и родственников они позволяли себе высказываться более откровенно и смело. «Западники» считали, что надо Вождянк всячески приобщать к достижениям современной культуры, — к джинсам, бородам, колготкам, транзисторам, противозачаточным средствам, Хэмингуею, Бергману, Антониони и всему прочему, что стало неотъемлемым атрибутом жизни культурного человека конца двадцатого века. «Славянофилы» обвиняли Запад в бездуховности и звали к основам народной жизни, восхваляли частушки и вышивки, народные обряды и величие нашей героической истории. Сам товарищ Иванов написал большую статью о возрождении народного обычая мазать ворота дегтем, если невеста потеряла невинность до вступления в брак.

Статья Иванова наделала много шума. Народные массы в лице одной столетней глухонемой старухи с великой охотой встретили предложение возродить народные обычаи. Но претворение предложения в жизнь столкнулось с некоторыми трудностями. Во-первых, выяснилось, что нет ворот и нет дегтя. Но это затруднение оказалось преодолимым. Предложили вместо этого всем коллективом срать перед дверью квартиры, в которой живет невеста. А чтобы не вышло ошибки, уполномоченные лица из коллектива должны лично проверить, соответствует слух насчет невесты действительности или нет. Во-вторых, выяснилось, что нет самого главного — нет народа. «Славянофилы» сунулись было в деревню. Но тут их ожидало полное разочарование. Тут они в каждом доме натолкнулись на холодильник и телевизор, а все девки поголовно даже на работе красовались в колготках и не скрывали этого, а все парни даже спать ложились в джинсах с кожаными нашьепками. Даже старые бабы, как обнаружил один дотошный «славянофил», ходили в колготках. Правда, в драных, донашивали то, что выбрасывали их дочери и внуки. Рвутся штучки эти чуть не через день, а стоят — лучше об этом не думать. Что при этом говорили наши женщины из народа вслух по адресу Партии и Правительства, «славянофил» об этом умолчал. Но окончательно добило его то, что сторож у Сельпо слушал по транзистору «Голос Америки» и «Свободу». В столице глушат, сказал сторож, а у нас отлично слышно. Не хотите послушать, сейчас будут передавать отрывки из книги... После этого движение «славянофилов» сошло на нет. А потому прекратили существование и «западники», поскольку без «славянофилов» им делать было вообще нечего.

Мелкие огорчения

— Смешно получается. Когда был мальчишкой, мечтал: если бы были у меня миллионы сердец, наполненных добротой, раздал бы по кусочку всем людям, и жизнь стала бы для всех более радостной. А итог? С женой мы совсем чужие. Притерлись с годами, привыкли. Но все равно чужие. Сын — одно название. Дочь меня презирает, считает мракобесом, а сама пишет статьи по истории КПСС и моральному облику коммунистов. Можешь себе представить, что это такое! А о других людях уж и говорить нечего! Прочитал я недавно у какого-то древнего поэта как раз о миллионе сердец, преисполненных добротой. Он тоже плохо кончил.

Жизнь отжив, не сумел я понять,
Почему даже в доме родном
Никто не отважился капли занять
Из того, что скопилось в одном.

Это что, общий закон?

Поступь истории

Исторический период, начавшийся на другой день после снятия прежнего Вождя Партии и Главы Государства, разоблачения культа его так называемой «личности» /собственно говоря, тут и разоблачать ничего не надо была, ибо какая уж тут было «личность!»/ и избрания вместо него верного ленинца товарища Сусликова, является самым историческим в истории нашей славной и героической истории. Начался этот период именно на другой день, ибо ночью товарищ Сусликов хотя и не спал, но период еще не начинал, а только еще готовился начать. Ночью он и его ближайшие соратники сидели и мучительно думали, неужели и этот слизняк Сусликов учредит свой культ и все такое прочее. Смешно! Чтобы Сусликов?! Ха-ха-ха! А другого никого нельзя, ибо любой другой еще хуже. Иванов не допустит, чтобы Петров, а Петров не допустит, чтобы Иванов, и оба они не допустят, чтобы Сидоренко, а уж насчет Кирильчука и речи быть не может... И что бы такое учинить, чтобы эта вонючка Сусликов не учредил свой культ и все такое прочее? Товарищ Сусликов настаивал на коллегиальном руководстве и уверял всех, что он — круглый дурак, и что не с его хилыми селенками... И в его годы... И вообще не в его интересах Уроки истории... Пора в конце концов... Не за горами полный коммунизм... На носу высокоразвитый социализм, который почти что... Одним словом, лишь утром товарищ Сусликов был облечен доверием, избран и... лег спать. Так что новый исторический период начался, если быть более точным, во второй половине дня. Восставши ото сна, новый гений всех времен и народов первым делом поинтересовался, надежно ли охраняется его предшественник. А то этот болтун может наговорить глупостей...

Остальное все затем сделалось само собой.

Позиция Горисполкома

Все зло, говорит Председатель Жилищной Комиссии Исполнительного Комитета Городского Совета Депутатов..., в отдельных квартирах. Жили в коммуналках — никаких диссидентов не было. В коммуналках долго не засидишься и не разболтаешься. Детишкам и старикам спать надо ложиться, значит, гостей с дивана сгонять надо. Соседи потребуют шум прекратить, вяскими словами обзовут, настроение испортят. Тут вам не до высоких идей. И Органам облегчение большое. Так что я склоняюсь к тому, чтобы строить дома не с отдельными малогабаритными квартирами, а с большими квартирами на две-три семьи минимум. Конечно, надо строить дома с квартирами на одну семью. Но это не для всех, а только для проверенных и надежных товарищей. Для руководящего состава, для ответственных работников. Можно для спортсменов и артистов. Скажем, если артист играет в театре самого Ленина. Значит, ему положено звание Народного. Не поселишь же его в коммуналку! А раз он Ленина играет, он в своей квартире диссидентов не допустит. Так ведь... А прошлые ошибки надо исправлять. В случае надобности надо из отдельных квартир переселять в коммунальные, под надзор народа. А то отрываться от народа стали, мерзавцы! Поэтому предлагаю утвердить для нового жилого района...

Предложение Председателя Жилищной Комиссии... было принято единогласно.

Поступь истории

За блестящую операцию по введению войск Евразийского Содружества на необитаемый остров в районе Антарктики товарищу Сусликову присвоили очередное воинское звание генералиссимуса. Было переброшено пять тысяч танков, т.е. в два раза больше, чем предшественник генералиссимуса Сусликова ввел в соседнее дружеское государство, относительно которого возникло подозрение, что оно хотело повернуть колесо истории вспять. И тогда правильно сделали, что предшественнику присвоили лишь звание маршала. Масштабы были не те. А главное — тогда шум во всем мире нездоровый поднялся, тогда как на сей раз операцию провели в полной бесшумности, так как танки предназначались для научных исследований и охоты на пингвинов.

Институт Истории Академии Наук совместно с Академией Генерального Штаба выпустил трехтомник, посвященный роли генералиссимуса Сусликова во Второй мировой войне. Была восстановлена историческая правда, искаженная некоторыми ошибками периода преодоленного культа личности генералиссимуса Сталина. Хотя генералиссимус Сусликов во время Второй мировой войны был маленьким мальчиком, он уже тогда понимал, в чем дело. Однажды, когда юный Сусликов какал во дворе в песочнице, к нему подсел незнакомый военный и спросил, что нужно для победы над врагом. Сусликов, размазав соплю по физиономии, потребовал сначала конфету. Получив ее, он сказал знаменитую фразу: «Втолой флот!». Дядя-военный был потрясен /это был командующий фронтом маршал Жучкин/. Он немедленно доложил ответ Сусликова товарищу Сталину, а тот сразу позвонил Черчиллю. Черчилль сказал «Окей». Детский сад товарищ Сусликов окончил в чине генерал-майора. Но кончилась война, товарищ Сусликов демобилизовался и перешел на ответственную партийную работу.

Позиция милиции

Вы ученые, сказал начальник милиции, вам и карты в руки. А у нас другие задачи. Вот вам данные по городу за этот месяц. Подобрано валявшихся в пьяном виде на улицах... Из них днем в рабочее время... Состоялось драк... с увечьями и убийствами... Квартирных краж... Изнасилований... Как видите, цифры впечатляющие. Учтите, поскольку город включился в движение за звание образцового коммунистического города, Горком Партии дал указание... Сами понимаете, если бы мы фиксировали все случаи, цифры пришлось бы увеличить раз в пять. Секретарь Горкома заявил, что у нас теперь нет ни одного случая политических преступлений. Прекрасно! А как нам прикажите быть вот в таком случае: один рабочий завода «Автоприбор», старый член партии, семьянин, отличный производственник и все такое прочее в пьяном виде набил морду бюсту Ленина. Это — на площади перед главным входом на завод. На виду у всех. Многие стояли и смеялись. И даже подзадоривали. Политика или нет? Хорошо, мы его оформим как хулиганство в общественном месте. А этих, которые поощряли, по какой статье брать?

И вообще, продолжал начальник милиции, я не понимаю, в чем проблемы? Дайте мис санкцию, и я в два дня очищу город от всех нежелательных элементов. Мы уже сейчас наметили к изъятию около пяти тысяч человек, без которых город может обойтись без всякого ущерба. Это помимо изъятия людей обычным путем через Народные суды. А вы уверены, что после этого в городе наступит благоденствие, спросил руководитель социологической группы. Я уверен, что оно не наступит, сказал начальник милиции. Но мы и существуем на то, чтобы стоять на страже общественного порядка. По нашим подсчетам в городе ежегодно накапливается до трех тысяч человек, которых можно изымать без ущерба для нормального хода жизни. Этот избыточный человеческий материал можно

использовать там, где в нем ощущается дефицит. Тем самым автоматически решается проблема перевоспитания отсталых элементов. Не мне вас учить. Вы знаете историю Страны. Несколько десятков лет тому назад проблемы такого рода мы прекрасно решали без всякой науки. Я думаю, к прошлому нельзя относиться нигилистически.

Поступь истории

За пять лет руководства товарищем Сусликовым Партией, Государством, Народом и всем Прогрессивным Человечеством в Стране было сооружено и вступило в строй бюстов и статуй товарища Сусликова на пятьдесят процентов больше, чем статуй и бюстов его предшественника за все пятнадцать лет его так называемого «руководства». Институт Маркса-Энгельса-Ленина-Сусликова /ИМЭЛС/ подготовил к трехлетнему юбилею восьмидесятилетнего юбилея товарища Сусликова издание его сочинений в неограниченном количестве томов, сразу на всех языках и с картинками. Издание на английском языке полностью закупили США в обмен на зерно и мясные консервы. Недобитые диссиденты болтали, будто закупили на макулатуру. Но это — явная клевета. Все потребности США в макулатуре мы могли бы покрыть «сочинениями» предшественника генералиссимуса Сусликова, но американцы заявили, что им это г...о даром не нужно. Значит, они собираются сочинения товарища Сусликова читать. К тому же, если бы им была нужна только бумага, они купили бы чистую бумагу. Но чистая бумага, сказал по сему поводу Экономист, стоит в два раза дороже, чем та же бумага с отпечатанными на ней сочинениями классиков и вождей, ибо в последнем случае она идет как безнадежно испорченная. И вообще, добавил он уже без повода, не могу понять, чем думают там вверху. Проблема выеденного яйца не стоит. Пока существует сельское хозяйство, будут трудности с продовольствием. Надо отменить сельское хозяйство вообще, и все трудности, связанные с ним, исчезнут. Логично? То-то! Что же касается еврокоммунистов, сказал Кибернетик, морду им набить, и дело с концом. Если человеку морду набить, сразу станет как шелковый. С нами же иначе нельзя.

Мнение работника

Жил у нас в доме мужик, сказал подвыпивший работник. Тихий, хороший семьянин. Унес как-то пустяковую штуковину с завода, получил три года. Через год выпустили, попал под юбилейную амнистию. Вернулся. Напугался там он основательно, даже пить бросил. Но вот его опять засадили, на сей раз — за воровство в транспорте. Липа, конечно. Он — честный человек. А в автобусе специально подстроили, будто он в карман кому-то залез. «Свидетели», конечно, нашлись. В чем дело? Очень просто. Мастер он отличный. А там, где он отбывал срок, после амнистии нехватка таких мастеров. Вот и дали указание любыми путями тех мастеров вернуть обратно. А у него двое детишек. Вот вам и правосудие. Все мы под богом ходим. Я вот с вами лясы точу, а там может быть уже придумали, под каким соусом меня отправить в нужное место. Я сварщик. Здесь работы для меня в обрез. А в Сибири, говорят, сварщики на вес золота.

Откровение следователя ОГБ

— Вы не хотите говорить? Дело ваше. Только не думайте, что вы нас этим огорчаете. Нас устраивает любая форма вашего поведения. Раз обвиняемый говорит, значит, он в какой-то мере признает вину и раскаивается, о чем бы он ни говорил. Раз обвиняемый отказывается говорить, значит, ему есть что скрыть, и тем самым он в какой-то мере признает вину и боится ее раскрытия. Вы не догадываетесь, к чему я клоню? Нет? Жаль. И все же я прочитаю вам маленькую

лекцию, если вы не возражаете. Не возражаете? Это не входит в мои обязанности. Я это делаю из чисто человеческого чувств. Вы молоды еще, вы еще можете со временем наладить нормальную жизнь и стать полезным обществу. Я буду говорить несколько сумбурно. Но не придавайте этому значения. Мы ведь не в университете, не правда ли?

— Начнем хотя бы с того, что вы считаете нас дураками. Это, молодой человек, ваша первая грубая ошибка. Не спорю, у нас много дураков, как и везде. А где их нет?! Может быть, мы каждый по отдельности дурак. Но как организация, выполняющая определенные функции в обществе, мы воплощаем в себе высшую мудрость этого общества. В качестве членов этой организации мы никогда не совершаем ошибок. Думаете, это — заимствование из принципов работы Органов сталинских времен? Нет, дело не в этом. Я говорю не о принципах, а о сути. Поясню вам примерами, что я имею в виду. Помните, к вам заходил «студент» с бородкой? Верно, это был провокатор КГБ. И вы сразу разоблачили его. И были очень этим горды. Когда он ушел, вы захлебывались от восторга, рассказывая друзьям, как вы ловко его разоблачили. Что за идиоты работают Там, говорили вы. Юноша, откуда вам было знать, зачем к вам был послан тот «студент»? Ну, а если он был послан именно с такой целью, чтобы вы его «разоблачили»? Он назвал вам несколько фамилий, и по вашей реакции нам стало ясно, что вы этих людей не знаете. Именно это нам и нужно было узнать. Откуда мы узнали о том, как вы наслаждались своей «победой» над провокатором? От одного из ваших друзей. Вы так и не поймете, о чем я толкую? Да о том, молодой человек, что вы никогда не знаете и не можете знать, что мы хотим узнать о вас и от вас, ибо любое наше соприкосновение с вами приносит нам ту или иную информацию. Наше преимущество — преимущество ищущих. Мы хотим знать именно то, что находим. А отнюдь не так, будто мы хотим найти нечто заранее определенное и ищем именно это. Бывает, конечно, и так. Но очень редко. И это не есть принцип нашей деятельности.

— Следующее наше преимущество перед вами заключается в праве на интерпретацию. Что это такое? Опять-таки поясню примерами. Я уже говорил, что мы можем истолковать как ваше молчание, так и откровенный разговор, так, как это нам требуется. Причем, нам ничего не нужно искажать, ибо истолкование есть право самой нашей позиции в обществе, не вызывающее сомнения даже у наших врагов. Но вот другой пример. Мы вызвали на допрос в качестве свидетеля одного из ваших друзей. Благородный юноша, ничего не скажешь. Смелый. Презирует КГБ и т.д. И вас он, конечно, всячески выгораживал, доказывал нам, что вы не совершили ничего преступного. И, конечно же, гордился потом, что достойно вел себя на допросе. О, святая простота! Да разве можно достойно вести себя на допросе?! Хотите взглянуть на протокол допроса вашего друга? Нет? Как хотите. Но он, защищая и выгораживая вас, оказал нам большую услугу. Он сказал нам именно то, что нам было нужно. Между прочим, на сей раз нам хотелось, чтобы он высказывался именно в таком духе. Он, конечно, не знал, что именно это нам требовалось. Но можете себе представить, как он будет удивлен, когда мы дадим его показаниям свою интерпретацию! Одно и то же слово, молодой человек, играет различную роль, будучи помещено в различный языковый контекст. От нас зависит, в каком месте и как использовать ваши слова и описания ваших поступков, ибо мы представители целого и потому мы суть истолкователи смысла отдельных слов и поступков происходящего вокруг.

— Как представители целого мы обладаем правом и возможностью отбора материала и комбинирования его, т.е. правом и возможностью создания желаемой картины вашего поведения. Помните тот случай, когда один иностранный журналист попросил вас быть переводчиком в его беседе с одним нашим социологом, скомпрометировавшим себя впоследствии? Какое имеет значение, что

тогда этот социолог был членом партии и был даже на хорошем счету?! К моменту суда и даже начала следствия по вашему делу он уже стал считаться враждебно настроенным к нашему обществу, а затем и эмигрировал. Он — враг. Во время вашей встречи он был хуже, чем враг: он был враг скрытый, замаскировавшийся. И так, журналист встретился с социологом, вы переводили беседу. Потом журналист опубликовал статью, явно враждебную нашему строю. Я знаю, что он не воспользовался в этой статье материалами беседы с социологом. Но какое это имеет значение? Была беседа. Журналист — враг, агент иностранной разведки. Социолог — враг. Социолог инструктирует журналиста, как поносить наш строй. Выходит клеветническая статья журналиста. А вы? Вы же организатор или посредник, что еще хуже, в этой акции,— это не вызовет сомнения ни в одном суде.

— И это еще далеко не все. Это даже не главное. Есть пунктики поважнее. Позволю себе напомнить вам процессы сталинских времен. Думаете, устроители их не знали, что мир им не верит? Мы не такие наивные, молодой человек. Но никто тогда не догадался об одной из важнейших /если не самой важной/ целей этих процессов: моральной дискредитации конкурентов и противников Сталина. На процессах они предстали в таком жалком виде, что всем было очевидно: таким моральным уродам /они же все клеветали друг на друга!/ доверять управление государством нельзя! А возьмите недавний процесс членов Комитета Гласности. Липа? Пусть липа. Но в каком моральном свете предстали они перед лицом общественности?! Так вот, молодой человек, на нашей стороне сила, а сила дает моральное преимущество. Запомните, только сила дает моральное преимущество. Слабый по положению дискредитируем как аморальное явление. Обратите внимание, когда американские политики заговорили о морали в политических отношениях? Силенку некоторую почуяли. Но стоит нам проявить в чем-то свою превосходящую силу, как все эти разговорчики умолкают.

— Это, молодой человек, очень существенно. Слабый может быть дискредитирован сильным морально, сильный — нет. Это по самому их взаимному положению. Мы уже сейчас из сопоставления показаний разных лиц, привлеченных по этому делу в качестве обвиняемых и свидетелей, можем преподнести общественности картину морального разложения всей среды, в которой вы вращались и действовали. Вы знаете, сколько лиц опрошено только по вашему делу? Десятки? Нет, поболее. Думаете, пустая трата сил и средств? Ошибаетесь, молодой человек. Каждый вовлеченный нами в ваше дело, это — определенные показания, поведение, разговоры. Десятки людей обсуждают каждый их шаг. Сотни мнений, допущений, слухов, вымыслов. Если бы сейчас вам показать, что творится с этой точки зрения вокруг вас, вы пришли бы в ужас. Сказано все самое худшее, что вообще могут люди сказать друг о друге в подобной ситуации. Вам приходилось знакомиться с материалами процессов сталинских времен? Хорошо, не будем ворошить прошлое. Представьте себе такой пустяк: на столе стоят бутылки с вином, стаканы, закуски. Помните ту вечеринку у вашей... скажем, приятельницы? Конечно, конечно, это была обычная вечеринка — день рождения. Знаю, молодой человек, продукты на закуски целый месяц доставали с трудом. Но мы же вас об этом и не спрашиваем. Это нам не нужно. Мы спросим вас, какие именно бутылки стояли и закуски, кто где сидел и т.п. Пустяки? Конечно, ничего в этом криминального нет. А вот облик моральный для посторонних будет вырисовываться, какой нужно. Продовольственные затруднения, а они коньяк пьют, икру и севрюгу жрут! Вот куда идут продукты, которые нам теперь и не снятся! Так, молодой человек, народ будет думать. И иностранцы призадумаются, с кем им дело иметь приходится. Кстати, где вы ночевали в ту ночь? Вот ваш друг показал, что вы остались ночевать у своей приятельницы. Еще штришок! Какое это имеет отношение к делу? Прямое. Вспомните, кому вы звонили из этой квартиры?

Знаем, разговор был безобидный. Но ведь был же. И вопросик вам тут же: а не в этот ли раз вы назначили встречу и т.д.? Откуда мы узнали об этом телефонном разговоре? Вот показания вашей приятельницы. Вот показания одного из гостей... Это-то как раз пустяки.

— Вы смотрите на свое дело со своей чисто личной точки зрения. Но личная точка зрения на важность дела не всегда совпадает с государственной. Важность дела зависит от того, какую степень важности придает государство, а не от того, что вы лично думаете о нем. Мы долго обдумывали самые различные варианты, прежде чем остановить свой выбор именно на вас. Согласен, в вашем деле нет ни одного поступка, который был бы преступен сам по себе. Согласен с тем, что простая сумма непроступных действий не дает еще преступления. Но система непроступных по отдельности действий может создать преступление, — вот в чем суть дела. Мы вас, собственно говоря, и предпочли прочим претендентам, если так можно выразиться, на эту роль именно потому, что вы совершили много поступков, каждый по отдельности из которых не преступен, но определенная комбинация которых может создать впечатление тягчайшего преступления, а именно — измены Родине. Да, молодой человек, именно, измены Родине. Очевидно, такое именно обвинение вам и будет предъявлено. Насколько мне известно, такое решение в высших инстанциях уже состоялось. Я это вам говорю неофициально, из чисто человеческих чувств. У вас нет иного выхода, если вы хотите защищаться: говорить! Для первого раза, пожалуй, хватит. Вы не устали? Нет? Вот и прекрасно. Итак, приступим...

Трудовые будни

На фасад здания водружают гигантский портрет нового Вождя Партии и Главы Государства. Руководит работой пожилой мужчина. Молодой мужчина ждет пожилого и тупо смотрит на происходящее.

— Потерпи немного, — говорит Пожилой, — повесим этого красавчика и двинем. Эй, чуть правее!

— Ходит слух, что он неглупый мужик, — говорит Молодой. — Даже образование какое-то имеет.

— Само собой, — говорит Пожилой. — Дурака на такой пост не назначат. Хорош!! Закрепляйте так! Да покрепче! Это надолго.

— А этого куда, — спросил Молодой, кивнув на портрет прежнего Вождя и Главы.

— Само собой, на свалку. Пошли!

— Куда?

— Все равно. Лишь бы подальше отсюда.

Последняя мысль

По ночному городу идет человек. Как тут все нелепо, думает человек. Наблюдение этого спектакля позволяет сделать грандиозные выводы. Но они имеют ничтожно малые приложения. А пустяшные мысли активных участников спектакля имеют эпохальные последствия. Зачем думать?! Гармония тут достигается лишь ценой многих лет дисгармонии. И достигается лишь затем, чтобы дать пищу для очередного спектакля. Какой же спектакль на очереди? А какое это имеет значение? Главное — не надо стремиться проводить четкую грань между

призрачным и реальным. История есть не столько история реальных людей, сколько история шизофренических призраков. Те призраки, с которыми мы имеем дело, гораздо реальнее житейской суеты.

Люди ничтожны и преходящи.

Призраки огромны и вечны.

Призраки правят людьми...

А. Зиновьев

Москва. Декабрь 1977 г.

Achévé d'imprimer
sur les presses
de l'Imprimerie Raymond Fawer S.A.
le 7 août 1979
à Renens/Lausanne (Suisse)

L'illustration de la couverture est d'Alexandre Zinoviev